

С. Г. Боталов

ГУННЫ и ТЮРКИ

Российская академия наук
Уральское отделение
Южно-Уральский филиал Института истории и археологии
Южно-Уральский государственный университет

С. Г. Боталов

ГУННЫ И ТЮРКИ

(историко-археологическая
реконструкция)

Уважаемым
Алексеем
Незвановым
с пригласительным
за совместной работой и
надеюсь о будущем
22.05.10

Челябинск
2009

ББК 63.4

УДК 902

Б.64

ISBN 978-5-88521-167-3

Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. — 672 с.: илл., табл.

В монографическом исследовании обобщены обширные материалы археологических и исторических исследований кочевых и оседлых культур степей и оазисов Азии и Восточной Европы. Прослежены основные этапы культурогенеза двух легендарных кочевых союзов племен хуннов-гуннов и ранних тюрков. Книга предназначена для историков, археологов и широкого круга читателей.

Печатается по решению ученого совета Института истории и археологии УрО РАН.

Отв. редактор: доктор исторических наук А. Д. Таиров

Рецензенты: член-корреспондент, доктор исторических наук А. В. Головнев;
доктор исторических наук Н. Н. Крадин

ISBN 978-5-88521-167-3

© Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН

© С. Г. Боталов

Russian Academy of Sciences
The Ural Branch
South Ural Institute of History
and Archaeology
South Ural State University

S. G. Botalov

HUNS AND TURKS

(the historical-archaeological
reconstruction)

Chelyabinsk
2009

摘要

俄罗斯科学院

乌拉尔分院
历史学与考古学研究所
考古科学中心

博搭洛夫
谢尔盖

匈奴和突厥
(历史考古重构)

车里雅宾斯克
2009

LBC (Library Bibliographical Classification)

UDC (Universal Decimal Classification)

B.64

ISBN 978-5-88521-167-3

Botalov S. G. Huns and Turks (the historical and archaeological reconstruction)

The monograph study deals with a large amount of archaeological and historical research materials of nomadic and settled cultures of Asian and east European oasis and steppes. The main stages of the cultural genesis of two legendary tribal unities of Xiongnu-Hun and early Turks are considered in the present study. The book is meant for archaeologists, historians and generally high readership

Printed with permission from the Scientific Council of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Editor in charge: A. D. Tairov, Doctor of Historical Science

Reviewers: A. V. Golovnev, corresponding member, Doctor of Historical Science;
N. N. Kradin, Doctor of Historical Science.

ISBN 978-5-88521-167-3

© South Ural Branch of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch
of Russian Academy of Sciences

© S. G. Botalov

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	18
Глава 1. История исследований урало-казахстанских степей и некоторые дискуссионные вопросы кочевнической археологии Евразии поздней древности и раннего средневековья	23
Глава 2. Основные этапы сложения и развития хунно-гуннского историко-культурного комплекса	42
§ 1. Эпоха перемен.....	42
§ 2. Рождение империй.....	64
§ 3. Миграционные ареалы и последствия возникновения империи хуннов.....	82
3.1. Срединная Евразия в конце II – первой половине I тыс. до н. э.....	82
3.2. Хуннская империя и Запад.....	100
3.3. Хуннская империя и Север.....	112
§ 4. Средняя Азия и Южный Казахстан во II в. до н. э. – IV в. н. э.....	115
4.1. Памятники лявандакской группы (юэчжийско-сарматский ИКК).....	116
4.2. Памятники тулхарской группы (юэчжийско-кушанский ИКК).....	123
4.3. Чильпекская группа (сако-усуньский ИКК).....	127
4.4. Кенкольская группа (аланско-кангюйский ИКК).....	140
4.5. Джетыасарская группа (гунно-кангюйский ИКК).....	157
Глава 3. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей	171
§ 1. Погребальный обряд.....	172
§ 2. Культово-поминальные традиции.....	178
§ 3. Вещевой инвентарь.....	185
§ 4. Вопросы хронологии и культурной принадлежности отдельных категорий вещевого инвентаря.....	199
§ 5. Этно-историческая реконструкция.....	240
Глава 4. Гунны Срединной Евразии II – VI вв. н. э.	254
§ 1. Гуннские парадоксы.....	254
§ 2. Позднесарматское время в Восточной Европе.....	256
§ 3. «Всадники».....	278
§ 4. Аланы – танаиты – массагеты – гунны (?).....	286
§ 5. Гуннское и постгуннское время (V – VI вв.) в Срединной Евразии.....	308
Глава 5. Ранние тюрки (вопросы культуругенеза)	328
§ 1. Гянгунни и ашины.....	328
§ 2. Алтай в предтюркское время.....	336
§ 3. Минуса в постагарское время.....	348
§ 4. Расширение раннетюркского ареала на запад.....	355
Глава 6. Урало-казахстанские степи в раннетюркский период (V – VIII вв.)	360
§ 1. Курганы с «усами» и памятники селенташского типа.....	362
§ 2. Культово-поминальные традиции раннетюркского (селенташского) населения.....	402
§ 3. Погребальные комплексы раннетюркского периода.....	409

§ 4. Вещевой инвентарь и вопросы хронологии памятников раннетюркского периода.....	416
§ 5. Этноисторическая реконструкция.....	442
Глава 7. Кочевая цивилизация Евразии и раннетюркские ареалы Восточной Европы VI–VIII вв.....	464
Глава 8. Кочевники Азии и древнеугорское урало-сибирское единство.....	519
Заключение.....	569
Литература.....	575
Список сокращений.....	613
Summary.....	614

CONTENTS

Introduction.....	18
Chapter 1. The history of the Ural-Kazakh steppe research and several discussion issues of the Eurasian nomad archaeology of late antiquity and early Middle Age.....	23
Chapter 2. The main formation and development stages of the Xiong-nu-Huns historical-cultural complex.....	42
§ 1. The epoch of changes.....	42
§ 2. The birth of the empires.....	64
§ 3. The migration habitats and consequences of the Xiong-nu Empire's appearance.....	82
3.1 The Middle Eurasia in the end of the II–the first half of the I millennium BC.....	82
3.2 The Xiong-nu Empire and the West.....	100
3.3 The Xiong-nu Empire and the North.....	112
§ 4. The Central Asia and the Southern Kazakhstan in the II century BC–IV-century AD.....	115
4.1 The Lyavandak group sites (Sarmatian-Yuezhi HCC).....	116
4.2 The Tulkhar group sites (Yuezhi-Kushan HCC).....	123
4.3 The Chilpek group (Saka-Wusun HCC).....	127
4.4 The Kenkol group (Alano-Kangui HCC).....	140
4.5 The Dzhetyasar group (Hun-Kangui HCC).....	157
Chapter 3. The Huns-Sarmats of Ural-Kazakh steppes	171
§ 1. The burial ritual.....	172
§ 2. The cult funeral traditions.....	178
§ 3. The inventory.....	185
§ 4. The chronology and cultural origin issues of certain categories of the inventory.....	199
§ 5. The ethnic historical reconstruction.....	240
Chapter 4. The Huns of Middle Eurasia in the II–VI centuries AD.....	254
§ 1. The Hun paradoxes.....	254
§ 2. The late Sarmat period in the Eastern Europe.....	256
§ 3. The «horsemen».....	278
§ 4. The Alans–Tanayts–Massagets–Huns (?).....	286
§ 5. The Hun and post-Hun period in the Middle Eurasia.....	308
Chapter 5. The early Turks (the issues of cultural genesis).....	328
§ 1. The Jiankuns and the Ashins.....	328
§ 2. Altai in the pre-Turkic period.....	336
§ 3. Minusa in the post-Tagar time.....	348
§ 4. The expansion of the early-Turkic habitat to the West.....	355
Chapter 6. The Ural-Kazakh steppes in the early-Turkic period (V–VIII centuries).....	360
§ 1. Barrows with «ridges» and sites of Selentash type.....	362
§ 2. The cult funeral traditions of the early Turkic (Selentash) population.....	402
§ 3. The burial complexes of the early-Turkic period.....	409
§ 4. The inventory and the chronology issues of the early-Turkic period sites.....	416
§ 5. The ethnic historical reconstruction.....	442
Chapter 7. The Nomadic civilization of Eurasia and early Turkic areals Ist Europe.....	464
Chapter 8. The nomads of Asia and the ancient-Ugor unity of Siberia and the Urals.....	519
Conclusion.....	569
References.....	575
List of abbreviations.....	613
Summary.....	614

目录

导言.....	18
第1章。历史上的乌拉尔-哈萨克草原研究和讨论的几个问题的欧亚游牧民族考古晚古风 and 早期中年.....	23
第2章。主体的形成和发展各阶段的熊玉女-匈奴的历史文化情结.....	42
§1.具有划时代意义的变化.....	42
§2.诞生了帝国.....	64
§3.迁徙栖息地和后果的匈奴帝国的外观.....	82
3.1 中欧亚在年底的第二期-上半一千年公元前.....	82
3.2 匈奴帝国和西.....	100
3.3 匈奴帝国和北.....	112
§4.中亚地区和南哈萨克斯坦在公元二世纪前-四世纪.....	115
4.1 廖万达古迹（月支-萨尔马特历史文化情结）.....	116
4.2 图哈古迹（月支-库都历史文化情结）.....	123
4.3 奇利别克古迹（西厄-乌孙历史文化情结）.....	127
4.4 金阔儿古迹（阿拉诺-甘居 历史文化情结）.....	140
4.5 杰德萨古迹（匈奴-甘居 历史文化情结）.....	157
第3章。匈奴-萨尔马特的乌拉尔-哈萨克草原.....	171
§1. 安葬仪式.....	172
§2. 邪教的葬礼传统.....	178
§3. 库存.....	185
§4. 时序和文化起源问题，对某些类别的库存.....	199
§5. 民族历史重构.....	240
第4章。中欧亚的匈奴在公元二-六世纪.....	254
§1.匈奴悖论.....	254
§2.已故萨尔马特时期，在中东欧.....	256
§3."骑手".....	278
§4.阿兰-特纳伊特-马萨杰-匈奴（？）.....	286
§5.匈奴和匈奴后时期，在中欧亚.....	308
第5章。早期突厥（文化成因的问题）.....	328
§1. 干衮和阿史那.....	328
§2. 阿尔泰在前突厥时期.....	336
§3. 米努亲斯在后塔阿尔时间.....	348
§4. 扩大早期突厥人居中心向西方.....	355
第6章。乌拉尔-哈萨克草原，在早期突厥时期（五-八世纪）.....	360
§1.鲍磊与"山脊"和遗址西林达什古迹.....	362
§2.邪教的葬礼传统，早期突厥（西林达什）人口.....	402
§3.埋葬情结的早期突厥时期.....	409
§4.库存和时序的问题，早期突厥时期遗址.....	416
§5.民族历史重构.....	442
第7章。欧亚的游牧文明和东欧洲的早期突厥人居中心 6-8 世纪.....	464
第8章。亚洲的游牧民和西伯利亚-乌拉尔乌的戈团结.....	519
结论.....	569
参考文献.....	575
缩略语表.....	613
摘要.....	614

ОТ РЕДАКТОРА

Перед нами книга, которая посвящена эпохе, являющейся одной из наиболее сложных для изучения в истории степной Евразии, так как насыщена она многочисленными передвижениями и перегруппировками, массовыми миграциями населения как в пределах, так и за пределы региона. В эту эпоху в единый поток сливается история кочевых и полукочевых племен востока и запада, севера и юга, номадов степи и жителей оазисов и городов.

Избирательность, отрывочность, лаконизм большинства сведений, сообщаемых древними авторами, делает невозможным создание объективных исторических построений только на основе письменных источников. То же самое можно сказать и об археологических данных, которые, к тому же, не лишены элемента случайности. Увидеть за калейдоскопом археологических культур, памятников, типов инвентаря основную линию исторического процесса чрезвычайно трудно. В комплексе же с письменными археологические источники позволяют создать схемы, более или менее адекватно отражающие историческую действительность, в том числе и этнокультурную историю тех или иных регионов.

Эта книга является плодом многолетних размышлений автора об основных этапах культурогенеза двух легендарных кочевых союзов племен хуннов-гуннов и ранних тюрков. Основные ее положения неоднократно, порой очень остро, обсуждались в кругу коллег. В результате автору удалось разработать целостную и, в основном, внутренне непротиворечивую концепцию истории кочевников евразийских степей в гунно-сарматское и раннетюркское время. Отдельные ранее опубликованные положения этой концепции, как известно, встретили резкую критику со стороны некоторых исследователей, что еще раз указывает на чрезвычайную остроту поднятых проблем.

Накопленные к настоящему времени данные по кочевникам евразийских степей и их окружению не только позволяет, но и в ряде случаев настоятельно требует пересмотра многих устоявшихся положений. Достаточно часто они вступают в противоречие с новыми археологическими материалами и уже не могут объяснить фиксируемые ими этнокультурные изменения. На наш взгляд, данная монография в определенной мере является ответом на запросы времени. Ее автор не только анализирует уже ставшие привычными представления о протекавших в евразийских степях этнокультурных процессах, многие из которых при ближайшем и внимательном рассмотрении оказываются не такими уж и аргументированными, но и предлагает свою концепцию истории степной Евразии поздней древности и раннего средневековья. Для ее обоснования им привлечен и проанализирован обширный массив археологического материала с огромной территории – от Маньчжурии до Подунавья, от лесостепи Приуралья и Западной Сибири до Ирана и Индии. Особо отметим, что фактически все имеющиеся и опубликованные на сегодняшний день археологические источники гунно-сарматского и раннетюркского времени с этой огромной территории, а также малодоступные отечественным исследователям материалы более ранних эпох из районов Северного и Северо-Западного Китая, собранные и систематизированные автором, представлены в иллюстрациях к этой книге.

Естественно, что многие выдвигаемые в монографии положения являются достаточно спорными. И автор, на наш взгляд, вполне осознает, что его выводы не

являются окончательными. Поэтому выход данной работы это и приглашение-призыв к дальнейшей тщательной разработке и всестороннему обсуждению поднятых проблем, к переосмыслению уже устоявшихся взглядов, их критической ревизии на основе новых археологических материалов, в том числе обработанных и представленных автором.

Вполне очевидно, что эта книга вызовет не только большой интерес у специалистов, но и инициирует достаточно оживленную и острую дискуссию по поднятым в ней проблемам. Ибо в ней дается авторское видение истории кочевников евразийских степей их соседей в широких хронологических рамках от эпохи поздней бронзы до начала II тысячелетия н. э. Слишком многих вопросов автор касается вскользь, не аргументируя свои построения и выводы, часто предлагая совершенно новые и, может быть не до конца выверенные, подходы к давно известным материалам.

В связи с этим отметим, что, разделяя концепцию автора в целом, следует отметить, что многие положения выдвинутые в данном исследовании лишь оконтурены и сегодня требуют своей детальной разработки. В частности, принимая его точку зрения о миграции из районов современного Северо-Западного Китая на запад носителей «бегазинских» или «карасукоидных» традиций, приведшей, в том числе, к сложению в ряде регионов степной Евразии новых синкретических культур, мы считаем, что механизм образования этих культур был гораздо сложнее, чем он представляется автору. То же самое можно сказать и о его схеме развития сакских культур азиатской части Евразии. Принимая принципиальные положения схемы, мы, однако, не можем согласиться с некоторыми ее разделами. Теми, которые касаются, например, происхождения отдельных культур сакского круга и характеристики этапов их развития, причинной обусловленности взаимосвязей кочевников различных регионов, конкретных путей глобальных миграций с Востока на Запад. Но для того, чтобы оспорить или аргументировано критиковать основные положения, выдвинутые и обоснованные автором, необходимо привлечь такой же огромный по своему объему материал, какой поднят в этой книге.

*А. Д. Таиров,
доктор исторических наук*

ОТ АВТОРА

Глубокоуважаемый читатель!

Эта книга создавалась более десяти лет, потому как тема исследования, которую избрал автор, весьма обширна и многогранна. Возможно, у кого-то при знакомстве с этой работой возникнет мысль о неправомерности расширения пространственно-временных рамок предмета исследования до предлагаемых пределов — весь необъятный пояс степей, предгорий, лесостепей и оазисов Евразии; от эпохи поздней бронзы — до развитого средневековья.

К тому же может показаться, правильнее было бы разделить историю и культуру хуннов-гуннов и тюрок-ашинов с тюркскими этносами на два самостоятельных издания. Однако автор счел необходимым соблюсти именно данный масштаб и цельность исследования. При иной постановке и решении вопроса осталось бы непонятным до конца, где, когда, при каких условиях и на каком этнокультурном фоне произошло зарождение и сложение двух великих этносов евразийских степей: гуннов и тюрок.

Думается, уверенность в правомерности построения столь грандиозных реконструкций автору позволило, прежде всего, его археологическое естество и понимание того, что любой зародившийся и существующий этнос имеет свой неповторимый историко-культурный комплекс, который словно геном в материальном облике культуры сохраняет этническую неповторимость.

Поскольку в данном исследовании мы имели дело с кочевыми социумами, то все реконструкции сделаны с опорой на особенности погребальной обрядности. В этой связи чрезвычайно важно было по деталям выяснить, где и в каких историко-культурных условиях произошло сложение наиболее магистральных черт гуннской и тюркской погребальных традиций, которые позволяли разглядеть не только особость этих мегакультур, но и, самое главное, провести между ними некий водораздел, дабы оконтурить рубеж двух эпох: гуннской и тюркской. Читатель, посвященный в суть этой тематики, безусловно, осведомлен о том, что в современных представлениях зачастую происходят подмена либо противоречивая трактовка историко-археологических материалов, в той или иной мере, связанных с этими суперэтносами и культурами других народов, взаимодействующих с ними. Дело зашло столь далеко, что культура гуннского народа в ее археологическом проявлении периода наиболее легендарной истории (европейские гунны Руги и Атилы, азиатские гунны-эфталиты) фактически исчезла из области понимания современников. Это же касается и тюркской-тюркютской культуры времени Великих Тюркских каганатов. Именно тот факт, что генезис данных суперкультур протекал подчас параллельно, а дальнейшее их развитие неизбежно приводило к активному взаимодействию особенно в срединной пространственно-временной позиции (на Евразийском пограничье в эпоху Атилы и в постгуннское время), крайне необходим был предлагаемый масштаб и комплексность данного исследования.

Основная часть работы была написана около пяти лет назад, однако, дабы убедиться в верности своих построений, автором предпринята серия своеобразных ознакомительных экспедиций в различные регионы Евразийского степного коридора: Ордос, Внутренняя Монголия, Синцзян, Монголия, Казахстан, Дагестан, Северный Кавказ, Добруджа, Воеводино, Альфельд. Цель их состояла не только в ознакомлении с памятниками и ландшафтами степных провинций, но и что весьма важно, в получении консультаций специалистов и работе с материалами исследований в научных центрах этих регионов.

Данные поездки принципиально не повлияли на логику работы, однако существенным образом пополнили доказательную базу исследования. Особую роль в получении ранее неизвестной информации и в ознакомлении с материалами Синцзяна, Ордоса и Внутренней Монголии сыграли коллеги — ученые из КНР. Автор выражает особую признательность профессору Чен Синцхану (Пекин), профессору-антропологу Хан Кхансину (Пекин), профессору Жон Синцзиану (Пекин), профессору Ван Цзиенсину (Сиань), профессору Цзяо Нанфену (Сиань), профессору Та Ла (Хух-Хото), доктору Ян Джан Мэнь (Душен), профессору Цхао Вею (Сиань), профессору Идрису Абдулрасулу (Урумчи), профессору Лю Энь Го (Урумчи), Юй Чжи Юн (Урумчи), доктору Тохтасин Тарахун (Урумчи), профессору Мей Цзиенцзюну (Пекин), профессору Лиу Чинчжу (Пекин), профессору Ван Вейкхуну (Сиань), доктору Гуо У (Пекин), доктору Фу Нину (Хух-Хото) и доктору Ван Вею (Пекин).

Учитывая чрезвычайную важность помощи китайских коллег, автор счел необходимым размещение слов благодарности и краткого изложения работы в китайском переводе. Автор также выражает свою глубочайшую признательность коллегам и соратникам своих исследовательских «штудий»: профессорам Такахама Шу (Каназава), Довдой Байар (Улан-Батор), Даниелю Эйлону (Дайтон), К. М. Байпакову (Алматы), доктору А. М. Досымбаевой (Алматы), доктору М. К. Хабдулиной (Астана), доктору А. А. Бисембаеву (Актобе), профессору М. Н. Сдыкову (Уральск), доктору Л. Б. Гмыре, доктору Валерию Йотову (Варна), доктору Ване Павловой (Варна), доктору Ольге Пелевиной (Варна), Бояну Тотеву (Добрич), профессору Людмиле Дончевой-Петковой (София), Вуедину Иванишевичу (Белград), Ивану Бучарскому (Белград), Деяну Радичевичу (Белград), доктору Курти Бела (Сегед), доктору Тругли Шандору (Комаром), доктору Томка Петеру (Дьер), доктору Тивадар Вида (Будапешт), профессору Андреа Вадаи (Будапешт) и доктору Валерии Кульчар (Будапешт).

Особую благодарность выражаю профессору Ердеи Иштвану за неоценимую помощь в изучении кочевниковедения Подунавья, а также моим радушным венгерским друзьям Верче Татьяне и доктору Чаи Ласло Копаню, организовавших мои выезды в Большой и Малый Альфельд, Пусту, Потисье и Западную Венгрию.

Безусловно, эта книга не была бы написана без участия моих уважаемых коллег — сотрудников Института истории и археологии УрО РАН: профессора В. С. Мосина, кандидата исторических наук С. А. Григорьева, профессора Л. Н. Коряковой, А. П. Зыкова, а также коллег-сподвижников — участников многочисленных совместных экспедиций: кандидатов исторических наук С. Ю. Гуцалова, И. Э. Любчанского, фотохудожника С. М. Арканова, Ю. В. Лугавцова, кандидата исторических наук Н. И. Чуева, Д. М. Катрушенко, С. В. Панфилова, Н. М. Меньшенина, М. Е. Бикмухаметова.

Особо благодарю научного редактора этой книги профессора А. Д. Таирова, внесшего существенные и весьма полезные коррективы в текст издания, а также рецензентов члена-корреспондента А. В. Головнева и профессора Н. Н. Крадина, высказавших ценные замечания и советы в процессе подготовки и на окончательном этапе выхода книги. Самые теплые слова благодарности хочется адресовать моим художникам А. М. Федорову, Н. Н. Бойко, М. А. Меньшениной, В. Н. Чеснокову, а также М. Н. Загирной и Н. О. Ивановой неоднократно выполнявшим компьютерный набор и техническую корректуру нескольких редакций настоящего издания.

Безусловно, автор благодарит всех коллег-археологов, предоставивших неопубликованные материалы, а также исследователей, издавших свои результаты, задействованные в данной книге. Особая благодарность моим оппонентам, подвигавшим автора к трудному поиску аргументов и шлифовке исследовательской логики. Огромный поименный список и тех и других привести сложно. В своем абсолютном большинстве они помещены в обширный ряд в разделе «Литература».

Хочется надеяться, что настоящее издание если не сможет ответить на какую-то часть вопросов, связанных с историей и культурой таких легендарных и таких же загадочных народов поздней древности и раннего средневековья, коими являлись гунны и тюрки, то, по крайней мере, поставит новый ряд вопросов для пытливых умов исследователей других поколений.

AUTHOR'S FOREWORD

My dear reader,

It took the author more than ten years to write this book, as the chosen research topic is quite large and multilateral. Someone might think, while reading it, that expanding the territorial and temporal framework to the presumed limits, including the whole huge Eurasian steppe, foothills, forest-steppe and oasis belt, as well as ranging it temporally from the late Bronze epoch until the deliberate Middle Age, wasn't the right thing to do.

It may also seem, that dividing the Xioung-nu-Huns and Turks-Ashins (with the Turkic ethnical groups) history and culture into two separate editions would be a better way to do before publishing. However, it was the author's decision to keep the particular scale and integrity of the topic under research. With the problem being defined and solved differently, such details would have remained non-clarified as where, how, under what circumstances and on which ethnic and cultural background did the two great ethnocultural groups of the Eurasian steppe, the Huns and the Turks, appear and unite.

Each and every existing ethnical group has its own historical cultural complex, which is always unique, like the genome of the culture's material component. The deep understanding of this fact as well as the very archaeological essence has given the author enough confidence about building such large reconstructions.

All these reconstructions were executed basing upon the peculiarities of the funeral rites, since we have dealt in our research with nomadic social groups. In connection to this it was extremely important to define the exact place along with the historical and cultural setting, where the most characteristic features of the Hun and Turkic funeral rite appeared. Such features allowed us not only to distinguish the uniqueness of these cultures, but also to separate them in order to define the border between two epochs – the Hun and the Turkic one. The reader who is well aware of the topic under consideration should know that nowadays there is a lot of substitution and controversy going on about the interpretation of the historical and archaeological evidence connected with these huge ethnical groups and also cultures of other peoples who were interacting with them at the time. So far it reached the point when the culture of the Hun people of its most legendary historical period in the archaeological manifestation (the European Rouran and Attila Huns, the Asian Euphratites-Huns) has practically disappeared from our contemporaries' understanding. The same can be said about the Turkic and Turkutic cultures of the Great Turkic States (or Kaganats) epoch. The fact that the genesis of the two supercultures was often taking place simultaneously, and their further development led to lively interaction especially during their middle historical period and in the middle of the occupied territories (the Eurasian bordering territories during the Attila epoch and the post-Hun time), made it absolutely necessary to choose the suggested scale and complexity of this research.

The main part of the work was written five years ago approximately. However, in order to make sure about the accuracy of his conclusions, the author had to undertake a number of trips and expeditions to various regions of the Eurasian steppe passage, such as Ordos, the Inner Mongolia, Xinjiang, Mongolia, Kazakhstan, Dagestan, the North Caucasus, Dobruja, Voevodino and Alfeld. The aim of such trips was not only to get acquainted with the monuments and landscapes of the steppe provinces, but also, which was truly important,

to have consultations with the specialists and to work with the research materials, sources and evidence in the scientific centers of those regions.

The expeditions mentioned above have not influenced or changed the essence of the work, but the evidence basis of the research has been expanded significantly. The colleagues archaeologists from China helped greatly in getting the previously unknown information and studying the materials of Sinjian, Ordos and the Inner Mongolia. That is why the author wishes to thank Professor Chen Hsingan (Beijing), Professor of Anthropology Han Kigsin (Beijing), Professor Rong Hsinjiang (Beijing), Professor Shugengali (Beijing), Professor Vang Sing (Sian), Professor Iao Nanfeng (Sian), Professor Ta La (Hukh-Khoto), Doctor Ian Jan Men (Dushen), Professor Kao Vey (Sian), Professor Idris Abdulrasul (Urumchi), Professor Liu En Go (Urumchi), Yui Zhi Yun (Urumchi) and Doctor Tokhtasin Tarakhun (Urumchi).

Considering the great importance of the help of Chinese colleagues, the author thought it necessary to include the words of gratitude and the summary of the work in Chinese translation. The author also feels obliged to the colleagues and partners of his research sessions: Professor Takakhama Shu (Kanazawa), Professor Dovdoy Bayar (Ulan Bator), Daniel Aylon (Dayton), Professor K. M. Baypakov (Almaty), Doctor A. M. Dotsymbayeva (Almaty), Doctor M. K. Khabdulina (Astana), Doctor A. A. Bisembayeva (Aktobe), Professor M. N. Sdykov (Uralsk), Doctor K. B. Gmyra, Doctor Valery Yotov (Varna), Doctor Vana Pavlova (Varna), Doctor Olga Pelevina (Varna), Boyan Totew (Dobric), Professor Lyudmila Doncheva-Petkova (Sofia), Vuedin Ivanisevic (Belgrade), Ivan Bucharski (Belgrade) Deyan Radicevic (Belgrade), Doctor Kurti Bela (Seged), Doctor Trugli Shandor (Komarom), Doctor Tomka Peter (Dier), Doctor Tivadar Vida (Budapest), Professor Andrea Vadai (Budapest) and Doctor Valerya Kulcar (Budapest).

I would especially like to thank Professor Erdeyi Istvan for his tremendous help in studying the nomads of the Danube region, as well as my amiable Hungarian friends Tatiana Verce and Doctor Cai Laslo Kopanyu, who organized my trips to Big and Small Alfeld, Pusta, Potisye and West Hungary.

This book wouldn't have been made possible without the participation of my respected colleagues, the officials of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Professor Mosin V. S., Candidate of Historical Science S. A. Grigoryev, Professor L. N. Koryakova, A. P. Zykov, and the colleagues and companions who took part in many joint expeditions: Candidate of Historical Science S. Y. Gutsalov, Candidate of Historical Science I. E. Lyubchanskiy, the photo artist S. M. Arkanov, Y. V. Lugavtsov, Candidate of Historical Science N. I. Chuev, D. M. Katrushenko, S. V. Panfilov, N. M. Menshenin, M. E. Bismoukhametov.

A special thanks goes to the scientific editor of this book, Professor A. D. Tairov, who has made some significant and useful corrections to the text of the edition, and the critics – the Corresponding Member A. V. Golovnev and Professor N. N. Kradin, who made some valuable remarks and gave important advice while the book was being prepared and during the final stage of its publishing. My kindest words I would like to address to my artists A. M. Fyodorov, N. N. Boyko, M. A. Menshenina, V. N. Chesnokov and also M. N. Zagirnaya and N. O. Ivanova, who were responsible for the composition, typing and editing several versions of the present edition.

It goes without saying that the author wishes to thank all the colleagues-archaeologists who provided their non-published materials and researchers who published their results, which were later used in this book. A particular gratitude is dedicated to my opponents who made me search for better arguments and improve my researcher's logic. It would be rather hard to state here the long list of them. However, the majority of them are enlisted in the "References" chapter.

Even if the present edition turns out to be unable to pretend to answer some part of

the questions, connected with history and culture of such mysterious people of late antiquity and early Middle Age as the Huns and Turks, we may hope it will at least raise a set of further questions for the new generation of researchers.

读者自序

尊敬的读者朋友们！

本书从开始创作历十数年之久，终于得以与您见面了。也许捧卷在手，您会对本书跨越时空的描述有些无所适从之感——书中涵盖了整个欧亚大陆森林、草原、丘陵乃至广袤的平原地带从青铜器晚期至发展中的中世纪的发展史。

同时，也许您会觉得是否将匈奴和突厥两个民族的历史及文明分成两部独立的研究课题更为正确，但笔者却认为非维持该规模及研究的整体性不可，否则将无法彻底弄清匈奴和突厥这两个欧亚大陆上伟大的民族是在何时、何地、在何种条件下形成并发展起来的。

我想，任何一个民族的产生及存在都具有其独特的历史文化渊源，这种独特的文化渊源也如基因一样世代存在于这一民族中，并形成民族的特性。作者正是在这一理论及大量考古实例的基础上，对两个民族的形成及发展史进行了修正。

既然我们研究的是游牧民族的这一社会团体，那么，所有的修正都是建立在其殡葬仪式基础上的。在什么地方、在哪种历史文化条件下形成了匈奴及突厥民族的殡葬传统主线，并通过此让我们不仅了解到这种文化的特殊性，同时也可以确定两个时代——匈奴时代及突厥时代的分水岭。

对这一课题颇有研究的读者平时毫无疑问地会常常遇到这样的问题：考古资料与现代著作叙述的这些民族及与之有关的其它民族的文明或多或少地存在着自相矛盾的地方。

更有甚者，考古学中体现出的匈奴人（欧洲匈奴鲁基人和阿吉尔人，亚洲匈奴避忌悒达人）文明中最具传奇的历史在现代人的头脑中已消失殆尽。

伟大的突厥汗国时代文明亦是如此。事实在于，这两个超级文明的形成初期是并行的，而在以后的发展过程就不可避免地相互影响、相互作用。

尤其是两种文明发展中期（在阿吉尔时代的欧亚交界地带及匈奴时期），所以作者选取现有的规模进行综合性研究是势在必行的。

本书的主要部分写就于五年前，但为了证实自己论述的正确性，作者对欧亚草原地带：鄂尔多斯、内蒙古、新疆、蒙古、哈萨克斯坦、达吉斯塔、北高加索、多布罗加、伏伊伏丁那及匈牙利大平原进行了有目的的考察。其目的不仅仅是遍访历史遗迹和欣赏草原美景，最重要的还是研究这些地区科学著作及向当地专家学者咨询。

这次考察原则上不仅没有改变作者的观点，反而大大充实了本书的例证。中国的学者及同事在对新疆、鄂尔多斯及内蒙古的研究中起到了非常重要的作用，提供了很多从前鲜为人知的信息。

作者对陈星灿教授（北京）、人类学教韩康信（北京）、荣新江教授（北京）、王建新教授（西安）、焦南峰教授（西安）、搭拉教授（呼和浩特）、杨展梦博士、曹伟教授（西安）、伊弟利斯 阿不都热苏勤教授（乌鲁木齐）、吕恩国教授（乌鲁木齐）、于志勇（乌鲁木齐）、托何达新 塔拉红博士（乌鲁木齐）、梅建军教授（北京）、刘庆柱教授（北京）、王维坤（西安）、郭物博士（北京）、傅婷博士（呼和浩特）、王巍博士（北京）特别致谢。

因为中国同事对作者提供的帮助有着极其重要的意义，故作者除了在这里表示感谢外，还将自己的著述用中译文简要地予以陈述。

作者对与自己在该课题研究项目中一同奋战的战友也表示同样深深的感谢，他们是：Takahama Shu 教授（卡那扎瓦 日本）、Dovdoi Baiar 教授（乌兰巴托）、Daniel Eilon（代东）、Baipakov K.M.教授（阿拉木图）、Dosymbaeva A.M.博士（阿拉木图）、Habdulina M.K.博士（阿斯坦那）、Bisembaev A.A.博士（阿克图比）、Sdykov M.H.教授（乌拉尔斯克）、Gmyra L.B. 博士、Valerij Iotov 博士（瓦尔纳）、Vana Pavlova 博士（瓦尔纳）、Olga Pelevina 博士（瓦尔纳）、Boian Totev（多布里奇）、Liudmila Donchva-Petkova 教授（索菲亚）、Vuedin Ivanishevich（贝尔格莱德）、

Ivan Bucharskiy (贝尔格莱德)、Deian Radichevich (贝尔格莱德)、Kurti Bela 博士 (塞格德)、Trugli Shandoru 博士 (科马罗姆)、Tomka Peteru 博士 (杰尔)、Tivadar Vida 博士 (布达佩斯)、Andre Vadai 教授 (布达佩斯) 和 Valeriya Kulchar 博士 (布达佩斯)。

对 Erdei Ishtvan 教授在研究多瑙河流域游牧民族提供的巨大帮助表示特别的感谢, 同时也感谢我的热情的匈牙利朋友们 Vercha Tatiana 和 Chai Laslo Kopanyu 教授, 是他们安排了我的大小匈牙利草原、布斯特、巴吉西及匈牙利西部之行。

当然, 如果没有我尊敬的俄罗斯乌拉尔地区社会科学院考古及历史研究院同事 Mosin B.C. 教授、历史学副博士 Grigorev C.A.、Koryakova L.N.、Zykov A.P. 教授和一同与我多次参与考察的历史学副博士 Gucalov S.U.、历史学副博士 Liubchanckiy I.E.、摄影师 Arkanov C.M.、Lugavcov U.V.; 历史学副博士 Chuev N.I.、Katrushenko D.M.、Panfilov C.V.、Menshenin N.M. 及 Bikmuhametov M.E. 的参与本书也无法成书。

还要特别感谢这本书的编辑 Tairov A.D., 正是他对本书进行了很多有益的编辑, 评论家 Golovnev A.B. 和 Kradin N.N. 教授在本书创作及成书阶段也提出了很多极有价值的意见和建议。在这里最温暖的感谢之辞我要送给我的专家 Fedorov A.M.、Boiko N.N.、Menshenina M.A.、Chesnokov B.N.、Zagirina M.N., 和 Ivanova N.O., 是他们完成了本书的电子文本输入及校对。

毫无疑问, 作者对所有的考古学家同行也表示感谢, 本书引用了他们的一些研究成果, 有些甚至是从前未公开过的资料。尤其还要感谢那些评论家们, 是他们令我不辞艰辛寻求理论依据使我的著述更加精确合理。由于人数众多, 很难一一列举, 请读者参看《参考文献》一章。

作者希望, 即使本书无法回答您对古代晚期及中世纪早期具有传奇及神秘色彩的匈奴及突厥人民的历史及文化提出的所有问题, 但至少, 能给渴求知识的后代留下一系列问题以待进一步研究。

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха поздней древности и средневековья евразийских степей необычайно динамична и разнолика. Китайские, арабские, византийские и другие авторы в своих хрониках и историко-географических трактатах зачастую не успевали проследить и объективно интерпретировать сложнейшие этнополитические процессы, происходившие в кочевнических сообществах. Евразийская степь и южная кромка лесостепи стали в эпоху поздней древности и раннего средневековья своеобразной артерией, в недрах которой, непрерывно смешиваясь, пульсировали волны миграций и завоевательных походов. Коммуникационные способности этого ареала были фактически безграничными. Время от времени между областями, отстоящими на тысячи километров друг от друга, возникало довольно зримое культурно-историческое единство. Первопричинами его являлись либо молниеносные рейды вдоль «Великого пояса степей», либо длительные миграции с постепенным оттеснением или захватом и ассимиляцией чужеродного населения в результате сезонных военных кампаний. Чрезвычайная подвижность кочевников в эту эпоху объясняется комплексом объективных причин, основные из которых лежат в области происшедших социально-экономических изменений. Те, в свою очередь, были обусловлены нестабильностью ландшафтно-климатических условий, к воздействию которых наиболее чувствительна зона евразийских степей.

К эпохе раннего средневековья в среде сообществ кочевников уже сформировалась система рационального использования степных и лесостепных природно-климатических ландшафтных зон, возникла пастбищно-кочевая система (ПКС), приведшая к тому, что в степной и отчасти лесостепной зоне окончательно оформились хозяйственно-экономические регионы. Консолидация населения внутри них в рамках единых пастбищно-кочевых провинций (ПКП) происходила как по этнородовому, так и по территориально-политическому принципу. Среди этих ПКП Ордос-Халха, Северо-Монгольские предгорья, пригобийские степи, хакасско-минусинские степи, Алтай (Приобский, Джунгарский, Монгольский), Присаянье, Притяньшанье, Обь-Иртышь, Урало-Аральские степи, Приурало-Каспийский регион, Волго-Донье и др. Как правило, в этих регионах происходило сложение крупных кочевых племенных союзов и раннегосударственных образований. Их географическая локализация делала эти территориально-политические объединения необычайно чувствительными как к разного рода изменениям общеполитической конъюнктуры, так и к ландшафтно-климатическим колебаниям. Так, часто повторяющееся в степи засухи приводили к джутам и вынуждали кочевое население уходить далеко в глубь предгорных, лесостепных, а иногда и таежных территорий. Падение уровня внутренних морей и озер, безусловно, меняло маршруты сезонного кочевания, которые привязывались к источникам воды. Часто междоусобные столкновения вызывались именно изменением мест постоянных пастбищ и маршрутов перекочевок.

Возникновение империи Хунну, многочисленные миграции кочевых и полукочевых народов в ареале обширного пояса Евразийских степей, лесостепей, полупустынь и оазисов, апогеем которых явились переселение и последующие нашествия гуннов на Восточную и Западную Европу, а позже на Центральную Азию и Индию, сыграли решающее значение в формационной трансформации евразийской цивилизации. Хунны-гунны, с одной стороны, приведшие в движение все население степи, и тюрки, с другой, исторически обусловили и реализовали практически некий механизм всеобщей культурной взаимосвязи народов, проживавших в пределах еди-

ного вмещающего ландшафта. Они и заложили, и построили основы гигантской Евразийской трансконтинентальной культурной коммуникации, проявлением которой стал Великий Шелковый Путь.

Длительный процесс перемещений и взаимодействий, который вошел в историю как «эпоха Великого переселения народов», на самом деле ознаменовал собой кульминацию некой макрокультурной интеграции, произошедшей в степи на стыке гуннской и тюркской эпох. Результатом этой интеграции явилось не только создание первых континентальных кочевых империй – Великих тюркских каганатов, но и окончательное сложение особой системы взаимодействия и взаимообусловленности историко-культурного развития степных сообществ, для которой предложено определение «*Кочевая цивилизация*». Ее характерные черты и особенности развития сегодня требуют особой разработки. По мнению автора, важной стороной этого явления является то, что, вероятнее всего, именно после переселения гуннов и их нашествий многочисленные перемещения и перегруппировки кочевых сообществ происходили в некой взаимосвязи и взаимообусловленности. Особенно ярко это проявляется после формирования Тюркских империй. Но это далеко не все проявления особенностей Кочевой цивилизации. Поражает чрезвычайная культурно-политическая мобильность кочевых сообществ, способных не только совершать миграционные рейды или беспрестанные набеги в пределах гигантских территорий степной ойкумены, но и молниеносно, с исторической точки зрения, отстраивать города и ставки в степных оазисах Казахстана, в предгорьях Кавказа, на Балканах, на берегах Волги, Дона и Дуная. И, наконец, еще одним проявлением факта возникновения Кочевой цивилизации явилось всеобщее внедрение рунического письма как в среде кочевой элиты, так и, возможно, среди рядового населения. Вероятно руническая письменность, будучи неким степным эсперанто, довольно четко и лаконично исполняла свои основные информационные функции.

К сожалению, древние авторы, писавшие о диких варварах и бесконечных столкновениях с ними, не дают анализа культурно-исторических изменений в среде кочевников, не показывают их причинно-следственные связи, что не позволяет проследить динамику этих изменений. Их информация сводилась обычно к территориально-политическим изменениям. Избирательность, отрывочность, а подчас и отсутствие тех или иных сведений приводят к невозможности создания объективных исторических построений на основе только письменных источников. Данные кочевнической археологии дискретны, в определенной мере не избавлены от элемента случайности, но их безусловное материализованное множество позволяет, в комплексе с данными письменных источников, построить схемы исторического развития, обобщать хронологию этапов этнокультурной истории.

В целом данное исследование охватывает пояс Евразийских степей и в ряде случаев примыкающие к нему лесостепные, оазисные и предгорные районы. Однако, следуя философской логике познания (от общего к частному), более углубленному исследованию подвергалась область, находящаяся в срединной части степной Евразии.

Западной границей этой области являются восточные отроги Уральских гор и река Урал в ее среднем и нижнем течении. На севере граница области проходит от восточных отрогов Уральских гор по пограничью леса и лесостепи (примерно по границе Свердловской и Челябинской областей) до города Кургана на Тоболе и Петропавловска на Ишиме. Восточная граница изучаемой области проходит по линии Петропавловск – Кокшетау до северной границы кокшетауской возвышенности, огибает ее с востока и по меридиану города Караганды опускается до южной границы Казахского мелкосопочника несколько севернее озера Балкаш. Южная граница может быть проведена по линии озеро Балхаш – северное побережье Аральского моря – устье Эмбы и Урала (цв. вкладка, рис. 1).

В физико-географическом плане исследуемая зона разделена Уральским хребтом и Мугоджарами на зауральскую и приуральскую части (подобласти).

В зауральской подобласти достаточно четко можно выделить несколько районов — собственно Зауралье, Поишимье (Северный Казахстан), Центральный Казахстан, Замугоджарье. Западная, приуральская, подобласть более однородна и включает лишь один район — Приуралье. В аналогичной литературе иногда необоснованно этот район разделяют на Приуралье и Западный Казахстан.

Зауралье и Поишимье — достаточно локализованная зона по общеклиматическим показателям. Почти совпадая с ландшафтными, проходят границы пояса засушливо-умеренной теплой агроклиматической области с единой ежегодной суммой температур (до 2200°) [Атлас КазССР, 1982. С. 49]. Данная область опускается своеобразным языком от Южного Урала на юг, до Караганды [Природа Челябинской области, 1964. С. 244; Атлас КазССР, 1982. С. 49]. Хотя район североказахстанского Поишимья имеет определенное физико-географическое своеобразие, так как он отделен от зауральского района широкой солончаковой полосой Тургайского прогиба, однако в целом данные микрорайоны в контексте предлагаемой работы рассматриваются как единая природно-географическая область.

Приуральская подзона, охватывающая большую часть территории Западного Казахстана (Западно-Казахстанская, Атырауская, западная и южная части Актюбинской областей), входит в ареал распространения глинистой полупустыни Северного Прикаспия. Одной из характернейших черт ее является слабая обеспеченность пресной водой. К особенностям климата приуральской подзоны относятся малое количество осадков, повышенная испаряемость, четко выраженная засушливость лета и суровость зимы, повторяемость средних и сильных морозов с периодичностью раз в три–пять лет. Здесь широко распространены солонцы, занимающие 50–60% всей площади, что предопределило господство пустынной растительности [Железчиков, 1983. С. 49].

Вероятно, природно-климатические особенности обусловили формирование достаточно устойчивых пастбищно-кочевых провинций (ПКП), локализованных в рамках рассматриваемых подзон.

Данные провинции сложились в результате существования пастбищно-кочевой системы, основополагающей чертой которой был замкнутый цикл кочевания по определенным маршрутам в рамках строго регламентированных пастбищных угодий, который был имманентно присущ всем кочевникам Евразии. Незамкнутый цикл кочевания, то есть выпас скота с неурегулированным землепользованием, был практически невозможен в природно-климатических условиях урало-казахстанских степей [Масанов, 1984. С. 45].

К гуннской эпохе в урало-казахстанских степях нами отнесены более 300 памятников, в основном датируемых II–IV вв. н. э. Сложилась определенная традиция называть эти комплексы по аналогии с нижневолжскими и волго-донскими памятниками — позднесарматскими и, соответственно, относить их к позднесарматской культуре. Однако в процессе исследований последнего десятилетия автором и другими исследователями было обращено внимание на определенное своеобразие урало-казахстанских комплексов этого периода, вследствие чего было предложено отнести их к гунно-сарматской культуре [Боталов, 1993; 1994; 1995; Боталов, Гуцалов, 2000; Боталов, Любчанский, 1992; Боталов, Полушкин, 1996].

«Гунно-сарматские памятники» или «гунно-сарматский период» — названия, которые сравнительно давно и прочно укрепились за более ранними или синхронными комплексами Тувы, Алтая и Притяньшанья [Руденко, 1960. С. 335, 336; Кызласов, 1958; Бернштам, 1951. С. 143]. Мы сочли возможным применение данного термина и для урало-казахстанских памятников II–IV вв. н. э. По нашему глубоко-

му убеждению, появление и дальнейшее существование этих комплексов своеобразно отражает процесс генезиса хунно-гуннской культуры в сарматской этнокультурной среде. Главенствующую роль в сармато-гуннском этнополитическом конгломерате играли собственно гунны — недавние потомки центральноазиатских хуннов. Вероятно, именно этим можно объяснить наличие ярких центральноазиатских черт в элитных погребениях (северная ориентировка, наличие гробов, котлов, китайского импорта, наборных поясов — реминисценций поясов «ордосского типа», деформации черепов, большой монголоидности погребенных). Процесс гуннского этногенеза растянулся на два столетия (сер. II — сер. IV вв. н. э.), после чего, во второй половине IV века н. э., они покидают урало-казахстанские степи и вторгаются в пределы Европы.

Автор хорошо осознает, что предложенная интерпретация памятников II–V веков урало-казахстанских степей принимается не всеми коллегами. В определенной мере понятен тот скепсис, который вызывают новые интерпретации устоявшихся представлений о подобных памятниках. Так, многие сарматологи предпочитают гунно-сарматов урало-казахстанских степей объединять с поздними сарматами Нижнего Поволжья и Волго-Донья, а к гуннским относят крайне немногочисленные и разрозненные комплексы IV–VI вв. из восточноевропейских и казахстанских степей — Шипово, Покровка, Ново-Григорьевка, Воскресенка, Канаттас, Боровое, Кара-Агач и др.

Рассматриваемые в данной работе памятники гунно-сарматского круга представляют собой особый историко-культурный феномен для археологии Южного Урала и севера казахстанских степей. Дело в том, что, появившись совершенно неожиданно в середине II века н. э., они исчезают ко второй половине IV века н. э., оставляя свои реминисценции в материалах памятников Приуральской и Зауральской лесостепи и даже леса, в низовьях Сырдарьи (джетыасарские памятники), а также далее на запад — в Поволжье, Волго-Донье и Предкавказье.

В отличие от памятников предшествующего этапа (рубежа эр) они несравнимо многочисленней как по количеству отдельных некрополей, так и по количеству комплексов внутри них. В отличие от поволжских и донских комплексов или памятников лесостепного Приуралья рубежа эр они не имеют непосредственной генетической связи с предшествующим этапом развития.

Памятники последующего переходного, «постгуннского», и раннетюркского периодов также гораздо малочисленней гунно-сарматских. До недавнего времени к периоду V–VII вв. н. э. можно было отнести лишь единичные комплексы в пределах огромного урало-казахстанского региона (Муслюмово, Боровое, Кара-Агач, Канаттас, Шипово, Егиз-Койтас и др.). С накоплением археологического материала в последнее десятилетие стало ясно, что к данному временному отрезку относится подавляющее большинство, так называемых курганов с «усами» или с грядами [Боталов, 1996. С. 203; 1998]. По разведочным и аэрофотодешифрированным данным сегодня в пределах Южного Урала и Казахстана известно более 300 комплексов этого типа. В Казахстане полностью или частично исследовано 56 курганов с «усами» (по данным А. З. Бейсенова) [Бейсенов, 1996а. С. 38], на территории Южного Урала — 10 памятников. В последние 10 лет автором исследовано свыше десятка курганов и оград более позднего времени (VIII–X вв.), которые типологически весьма близки курганам с «усами», отличаясь от них лишь отсутствием гряд. Эти комплексы предложено было отнести к памятникам селенташского типа, разделив их на две хронологические группы: раннюю (VI–VII вв.) и позднюю (VIII–X вв.) [Боталов, 1996а; 2000; Боталов, Гуцалов, 2000; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006].

Специалисты по культурам сакского круга не могут «выпустить из своих объятий» чрезвычайно своеобразные и оригинальные для евразийских степей комп-

лексы курганов с «усами», хотя сегодня трудно привести примеры стопроцентного соответствия этих памятников сакской эпохе. Напротив, в настоящее время известно достаточное число курганов с «усами» разных типов без двойной стратиграфии, которые хорошо датируются ранним средневековьем. Специалисты тюркологии в большинстве своем вовсе отказывают в прописке ранним тюркам (эпоха I и II Тюркских каганатов) в пределах евразийских степей к западу от Иртыша. Хотя на примере южносибирских древностей четко прослеживаются два раннетюркских ареала: Саяно-Алтайский (захоронения с конем, каменные курганы и оградки, ориентировка на восток, частое отсутствие керамической посуды) и Хакасско-Минусинский (прямоугольные и многоугольные ограды, трупосожжения с установкой больших вазообразных сосудов). Обе эти традиции достаточно ярко прослеживаются в тюркокультурных комплексах далеко на западе — в Волго-Уралье и в южнорусских степях [Боталов, 1996а. С. 197–206; 1999. С. 157–158].

Завершая столь обширную преамбулу, заметим, что, на наш взгляд, множество неясностей и путаницы в обозначенных проблемах вытекает прежде всего из того, что не проведено четкой разграничивающей черты между этими двумя глобальными историко-культурными эпохами, так как этот рубеж незримо падет на «смутное время» V–VI вв. До сего дня мы не имеем ясного представления об основных системообразующих чертах хунно-гуннского и тюркского историко-культурных типов. В этой связи в данной работе нами предпринимается попытка выявить основные черты историко-культурного комплекса гуннского и тюркского населения Южного Урала и примыкающих к нему казахстанских степей, а также проследить истоки возникновения тех или иных традиций, которые, собственно, и стали впоследствии слагающими культур отдельных этнополитических объединений.

Наши исторические реконструкции в большей мере основываются на понимании того, что многие степные этнополитические объединения, несмотря на свой синкретический характер, в период наибольшей активности, как правило, существовали в рамках единой идеологии. Доминирующую роль в создании таковой играло основное этнополитическое ядро (его составлял господствующий клан), вокруг которого впоследствии и складывалась конфедерация. Своеобразным кодом этой идеологии являлась погребальная, культовая и поминальная обрядность. Зафиксированные в археологическом материале элементы данных видов социальной деятельности в основных своих составляющих содержат этот код, который мы определяем как *Историко-культурный комплекс (ИКК)*, характеризующий ту или иную культуру или культурно-историческую эпоху. В предложенной работе речь пойдет о погребальных и кульгово-поминальных традициях кочевников гуннского и раннетюркского круга.

Общая логика исследования построена по временному и пространственному принципу. Это обусловило проследить, во-первых, последовательность рассмотрения существования кочевых сообществ Евразии от более древнего к более позднему периоду, и, во-вторых, основной пространственный вектор движения Восток-Запад сообразно основному направлению перемещений и миграций кочевых сообществ, происходивших в рамках степного континента с конца II тыс. до н. э. Однако здесь следует сделать существенную оговорку. В ряде случаев, когда этого требовала логика последовательности и цельности размышлений, автор неоднократно возвращается к одним и тем же историческим фактам, но в разном пространственном и историко-культурном аспекте, придавая ходу мысли спиралевидную направленность. Хочется заверить читателя, что в этом нет назидательного повтора или излишнего напоминания одной и той же фабулы, а есть стремление показать события, разные грани которых ярко и замысловато вписываются в единую систему истории и культуры *Кочевой цивилизации Евразии*.

Глава 1

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ И НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КОЧЕВНИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИИ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Первые коллекции, относящиеся к поздней древности и раннему средневековью урало-казахстанских степей, составили находки полихромных, золотых, серебряных и бронзовых предметов, обнаруженных крестьянами села Брюхово и Муслюмово в Шадринском уезде Пермской губернии в 1895 году [Засецкая, 1994. С. 191]. В начале XX века горным инженером А. Козыревым на левобережье реки Ишим в Актюбинском уезде Тургайской области исследовано женское погребение в урочище Кара-Агач [Козырев, 1905. С. 28–36], в котором обнаружен богатый вещевой материал, представленный золотыми и полихромными изделиями (серьги-лунницы, гривны, диадемы), бусами и стеклянным кубком.

Непосредственное исследование памятников поздней древности и раннего средневековья в Южном Зауралье началось в 40-х годах XX века, когда К. В. Сальникову удалось раскопать несколько курганов могильника у села Агаповка на левом берегу реки Урал [Сальников, 1950]. В конце 50-х годов им же были исследованы первые четыре кургана Салиховского могильника в Южном Приуралье [Сальников, 1950], которые были отнесены к городецкой культуре Поволжья II–IV вв. н. э. Через десять лет этот памятник был доисследован С. М. Васюткиным, который датировал могильник IV–V вв. н. э. и связал их с позднесарматским населением, испытывавшим сильное тюркское влияние в конце IV века н. э. [Васюткин, 1986. С. 196].

В начале 50-х годов прошлого века А. Н. Бернштам ввел в научный оборот коллекцию предметов из разрушенного погребения у озера Боровое, которую составили полихромные изделия, предметы вооружения и конской упряжи [Бернштам, 1951]. В конце 50-х годов В. С. Стоколосом исследован курган на восточном берегу озера Чебаркуль у села Малково, отнесенный им к аланам II–IV вв. н. э. [Стоколос, 1958].

К. А. Акишев в конце 50-х годов прошлого века раскопал первый надежно датируемый курган с «усами» на территории Центрального Казахстана в могильнике Канаттас (курган 19), в котором исследовал коллективное захоронение, относящееся к VI–VII вв. [Акишев, 1959].

Первые курганы с «усами» в Центральном Казахстане были обнаружены еще в 20-х годах. В 1933 году в долине реки Шерубай-Нура экспедицией Государственной академии истории материальной культуры были выявлены несколько курганов с грядами и один из них раскопан археологическим отрядом под руководством М. И. Артамонова [Археологические работы..., 1935. С. 49]. Еще одну группу курганов с «усами» удалось обнаружить в 1937 году отряду Карагандинского областного музея в местности Бесоба.

В послевоенное время в процессе широкомасштабных разведок, проводимых Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР под руководством А. Х. Маргулана, в Центральном Казахстане комплексы этого типа были выявлены во всей своей многочисленности и многообразии [Маргулан, 1948; 1948а; 1951]. Однако до определенного времени культурно-хронологическая интерпретация этих памятников была значительно затруднена в связи с отсутствием датирующего ма-

териала внутри курганов, входивших в комплексы. По мнению М. К. Кадырбаева, впервые надежную датировку комплексов с грядами удалось получить при раскопках кургана у озера Чебачье, которые были проведены еще в 1938 году Б. Н. Ждановым [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966. С. 307–311]. Результаты этих исследований в 1956 году ввел в научный оборот М. П. Грязнов [Грязнов, 1956а. С. 9–10]. Центральная часть этого комплекса состояла из двух слившихся курганов – центрального, под которым были обнаружены уголь, остатки от двух сосудов и кости лошади, и примыкающего к нему с юга каменного кургана с женским полуразрушенным погребением, относящимся к VII–VI вв. до н. э. [Грязнов, 1956а. Рис. 1, 2; 2]. После этого курганы с «усаами» попали в сферу научных интересов М. К. Кадырбаева, которому с конца 50-х и в 60-е годы удалось выявить и исследовать десятки комплексов этой категории [Кадырбаев, 1958; 1959; 1961; 1962; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966. С. 307–362]. М. К. Кадырбаев определил курганы с «усаами» как специфические ритуальные комплексы тасмолинской культуры и сделал их первую планиграфическую типологию [Кадырбаев, 1958. С. 96. Табл. 1]. Датировка курганов с «усаами», предложенная М. К. Кадырбаевым, была основана на материалах из курганов у озера Чебачье, могильников Тасмола (курган 19) и Толагай (оградка 1). Все они имели двойную планиграфию и двойную стратиграфию. Подробнее об этом будет сказано ниже.

В конце 60-х годов Северо-Казахстанской археологической экспедицией начинается систематическое исследование памятников Поишимья. В 1967 году Г. Б. Зданович раскопал курганы могильника Покровка, давшие великолепный материал II–III вв. н. э. [Зданович, 1968]. В следующее десятилетие в этом регионе был исследован ряд погребальных комплексов первых веков нашей эры – могильники Жабай-Покровка, Берлик, Новоникольское (раскопки Г. Б. Здановича, С. Я. Зданович и М. К. Хабдулиной).

В это же время началось исследование памятников этой эпохи на юге Зауральской Башкирии – курганные группы Комсомольский IV и Комсомольский VI; курганы II Сибайские; Темясовские; Альмухаметовские; III Бекешевские; Каратал. Материалы данных исследований были систематизированы и опубликованы А. Х. Пшеничнюком, который интерпретировал их как комплексы позднесарматской культуры II–IV вв. н. э. [Пшеничнюк, 1983; Пшеничнюк, Рязанов, 1976]. В 1971 году Н. А. Мажитовым исследован первый на Южном Урале курган с «усаами» – Нижне-Давлетово, который был отнесен автором к середине I тыс. н. э. Примерно в это же время на территории лесостепного Зауралья археологами Уральской археологической экспедиции Л. М. Тереховой и Ю. П. Чемякиным исследован позднесарматский курган III–IV вв. н. э. у села Шатрово [Терехова, Чемякин, 1983], а сотрудником Миасского краеведческого музея Н. А. Полушкиным раскопан курган № 2 Байрамгуловского II могильника на юго-восточном берегу озера Аргазы.

В 80–90-е годы исследованиями курганов данного круга наиболее активно занимались археологи урало-казахстанской археологической экспедиции: А. Д. Таиров, А. Г. Гаврилюк, И. Э. Любчанский и др. (Друженский и Большекараганский могильники, погребение Аркаим), экспедиции Челябинского педагогического института – В. П. Костюков (могильник Каменный Амбар 5, курганы 5, 6), а также экспедиции Южно-Уральского отдела ИИА УрО РАН – С. Г. Боталов (могильники Малково и Магнитный).

Начало изучения памятников поздней древности и раннего средневековья в Западном Казахстане приходится на середину 20-х годов. В 1925 году в ходе разведки П. С. Рыковым раскопан ряд курганов II–IV вв. н. э. у станций Семиглавый Мар, Шипово и Уральск [Рыков, 1926]. Материалы этих раскопок давно введены в научный оборот. Следующий этап изучения памятников этого времени в Западном Ка-

захстане наступил спустя 30 лет. В 1955 году археологическим отрядом ЛОИА под руководством В. С. Сорокина исследовано несколько погребений позднесарматского времени [Сорокин, 1955]. Чуть позднее, в середине 60-х годов, великолепный материал был получен уральским краеведом Г. И. Багриковым при раскопках богатых курганов II–III вв. н. э. у села Лебедевка в Западноказахстанской области [Багриков, Сенигова, 1968]. В памятниках, отнесенных автором к погребениям позднесарматской знати, найдено большое количество роскошных «импортных» предметов и украшений. В дальнейшем исследования курганов у села Лебедевка были продолжены экспедицией Уральского педагогического института имени Пушкина и ИА АН СССР в 1968–1969 годах, а затем во второй половине 70-х годов [Железчиков, Кригер, 1978; 1979; Мошкова, Железчиков, Кригер, 1978; 1980]. Экспедицией УПИ им. Пушкина в начале 90-х годов также были развернуты широкомасштабные раскопки курганов на левом берегу реки Урал, в частности, могильников на плато у озера Челкар и у села Барбастау.

В 1975 году в верховьях Илека в могильнике Жаксы-Каргала I краеведом В. В. Родионовым раскопан курган № 8, относящийся к II–IV вв. н. э. В 1986 году в среднем течении Уила отрядом под руководством В. А. Иванова и В. А. Кригера вскрыто два погребения позднесарматской культуры II–III вв. н. э. [Иванов, Кригер, 1987]. Дальнейшее изучение культуры кочевников II–IV вв. на Илеке, а также в бассейнах рек Ирғиз и Орь проводилось в 1985–1995 годах археологической экспедицией Актюбинского педагогического института им. Х. Жубанова. Под руководством С. Ю. Гуцалова раскопан ряд позднесарматских некрополей на Илеке – Целинный I, Восточно-Курайлинский I и II, Георгиевский бугор, в среднем течении Ори – Жанабаз (Урбаз), на Ирғизе – Жолуткен, Атпа I, II и III. Всего в этих могильниках вскрыто более 60 погребений интересующего нас времени.

Изучение материалов памятников гунно-сарматского круга, на наш взгляд, невозможно без привлечения основного массива археологического материала из памятников позднесарматской культуры Нижнего Поволжья, благодаря которым, собственно, и были первоначально выделены комплексы II–IV вв. в урало-казахстанских степях. В этой связи считаем необходимым включить в историографический обзор основные этапы и основные проблемы исследования позднесарматских памятников Нижнего Поволжья. Несмотря на то что ареал памятников данной культуры территориально находится за рамками рассматриваемого, в контексте предлагаемого исследования крайне важно проследить, как, собственно, формировалось само понятие «позднесарматская культура» и проанализировать общие представления о ее этнокультурной природе.

Данные вопросы наиболее полно отражены в работах А. С. Скрипкина, основного исследователя позднесарматской культуры [Скрипкин, 1984; 1990]. Коротко остановимся на основных положениях.

Первые раскопки сарматских памятников позднего времени проводились А. А. Спицыным. Краткие публикации исследований памятников близ Новой Норки, Гуселки, Лебяжьей и Машевки стали основой для становления позднесарматской археологии [Скрипкин, 1984. С. 45]. Большое значение для определения культурно-хронологической характеристики позднесарматских памятников Поволжья имели раскопки памятников на Кубани, проведенные Н. И. Веселовским, и труды М. И. Ростовцева, который определил кубанские и нижеволжские материалы как сарматские [Скрипкин, 1984. С. 56].

Систематические широкомасштабные исследования сарматских комплексов начались в 20-е годы прошлого столетия с началом работ экспедиций Саратовского университета и Государственного Исторического музея. В течение десяти лет было исследовано огромное количество сарматских памятников, среди которых значи-

тельное место занимали позднесарматские комплексы. Наиболее яркими являются Сусловский могильник, курганы у сел Визенмиллер, Блюменфельд, Харьковка, Березняки, погребения около станицы Баскунчак, у поселков Абганерово и Кепольты, которые были исследованы П. С. Рыковым, П. Д. Рау, Б. Н. Граковым, В. В. Гольмстен и др. [Скрипкин, 1984. С. 7–10]. Исследования новых памятников в Заволжье, Оренбуржье и Калмыкии продолжались вплоть до военных лет.

Результатом накопления значительного массива археологического материала в течение большого периода стало создание первых хронологических и этнокультурных интерпретаций позднесарматских памятников. Так, в работе «Сусловский курганный могильник» (1925 г.) П. С. Рыковым была предложена четырехчленная схема (А, В, С, D) распределения всего сарматского материала по культурно-хронологическому принципу. За основание он принял форму могильных ям и положение погребенных. К позднесарматскому этапу им были отнесены три группы погребений (2.3.7) культуры В, датируемые II–III вв. н. э. и соотносимые им с аланами [Рыков, 1925. С. 25].

Однако данная схема была значительно изменена спустя два года в работах П. Д. Рау. Он разделил сарматские древности на два этапа — раннесарматский и позднесарматский, передатировал и впервые выделил позднесарматский этап в рамках III–IV вв. н. э. [Скрипкин, 1984. С. 9], а также определил его как генетически преемственный с предшествующим этапом (А), представленным памятниками I–II вв. н. э. [Рау, 1927. Р. 111]. Впрочем, определение позднесарматского этапа как генетически единого в развитии культуры сарматов было характерно и для представлений П. С. Рыкова [Рыков, 1936. С. 93].

Таким образом, П. С. Рыковым и П. Д. Рау погребения II–IV вв. н. э. с северной ориентировкой, в подбойных или в простых ямах, с деформацией черепов впервые были выделены в особый этап сарматской культуры. Данные памятники были соотношены ими с аланами, пришедшими с Северного Кавказа.

Обобщающий характер для довоенного периода носили работы М. И. Ростовцева и П. С. Рыкова, не содержавшие принципиально новых подходов к классификации сарматской культуры, но дающие особую этнокультурную характеристику тем или иным ее этапам. Так, М. И. Ростовцев механизм сложения каждого этапа сарматской культуры связывал с приходом в Поволжье новых волн сарматского населения из Центральной Азии. В частности, последняя волна сарматов в лице алан связана, по его мнению, с продвижением *юэчжей*. Несколько корректируя свои прежние взгляды, П. С. Рыков высказал предположение о том, что некоторые погребения в подбойных ямах могли принадлежать гуннскому населению [Рыков, 1936. С. 46]. Предположение о гуннской принадлежности позднесарматской культуры также было высказано в специальной работе Е. В. Жирова, посвященной анализу антропологического материала из сарматских памятников Поволжья. Он связывал появление искусственной деформации черепов с продвижением в Поволжье и далее на Украину гуннского населения из районов Средней Азии [Жиров, 1940].

Дальнейшее уточнение хронологических позиций и этнокультурной принадлежности позднесарматских памятников было осуществлено в послевоенных работах К. Ф. Смирнова и Б. Н. Гракова.

К. Ф. Смирнов удревнил нижние даты позднесарматской культуры до II века н. э., указывая на ошибочность мнения П. Д. Рау о запаздывании отдельных типов вещей в памятниках кочевников [Скрипкин, 1984. С. 13], хотя в этнической интерпретации он согласен с мнением П. Д. Рау. К. Ф. Смирнов соотносит позднесарматское население с аланами, которые вызревали как самостоятельная политическая и военная сила внутри сарматской конфедерации, возглавляемой аорсами в III–II вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1950. С. 108]. В рамках данного этапа К. Ф. Смирнов

отрицает не только внешнее влияние со стороны гуннов, но и в целом миграционное воздействие на формирование отдельных этапов сарматской культуры [Мошкова, 1989. С. 164].

Основополагающая четырехчленная классификация савромато-сарматских древностей была предложена Б. Н. Граковым. Он называет поздний этап сарматской культуры шиповским по имени наиболее яркого, на его взгляд, памятника — Шиповского могильника и датирует его, так же, как и К. Ф. Смирнов, II–IV вв. н. э. [Граков, 1947]. В этнокультурной интерпретации памятников этого этапа он принципиально не расходится с П. Д. Рау и К. Ф. Смирновым, считая шиповское аланское население прямыми потомками савромато-сарматских племен. Тем самым он определяет четырехэтапное преемственное развитие сарматской культуры на протяжении тысячелетия [Скрипкин, 1984. С. 13–14].

Таким образом, представления о непрерывном эволюционном развитии сарматской культуры на протяжении целого тысячелетия были закреплены в работах Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова [Граков, 1947; Смирнов К. Ф., 1947; 1950; 1953].

Б. Н. Граковым позднесарматский этап определяется как, аланская или шиповская, культура, которую, на его взгляд, маркируют два наиболее ярких погребения из Шиповских курганов (курганы 2 и 3). Но данные комплексы не вписываются в общепринятые хронологические рамки позднесарматской культуры и датируются, скорее всего, VI веком. Однако, наблюдения Б. Н. Гракова [Граков, 1947. С. 120–121] о чрезвычайном сходстве погребальных особенностей этих комплексов с позднесарматскими весьма важны в логике наших рассуждений. К. Ф. Смирнов особо подчеркивает, что в характере перехода от раннесарматской стадии к средней, с одной стороны, и от последней — к позднесарматской — с другой имеется значительная разница. Для второго перехода характерна большая резкость изменений: появляются совершенно новые формы среди предметов погребального инвентаря; наблюдается диаметрально противоположная ориентировка костяков; становится повсеместной деформация черепов; происходит стандартизация типов погребальных сооружений и др. Хотя чуть ниже К. Ф. Смирнов особо подчеркивает, что, несмотря на эти различия, ни о какой решительной смене в прикаспийских степях одного населения другим говорить нельзя [Смирнов К. Ф., 1950. С. 112].

Наиболее масштабные исследования позднесарматских курганов начались в 50-х годах и продолжались в период строительства нижеволжских гидроэлектростанций и проведения целевых археологических исследований в Астраханской, Волгоградской, Куйбышевской и Оренбургской областях. В Калмыкии, а также в районах Волго-Донья были изучены сотни новых комплексов, относящихся в том числе и к позднесарматскому времени. Экспедициями И. В. Спицына, К. Ф. Смирнова, В. П. Шиловой, Ц. Э. Эрдиева были исследованы Бережновский I, Бережновский II, Калиновский и Быковский могильники; курганы Сидоры у поселка Ленинск; курганы у станицы Жутов, у хуторов Кузин, Старица, Капитанский и др.

Приток нового материала, безусловно, отразился на характере его интерпретаций. Различными авторами были предложены новые точки зрения на территориальные рамки и этнокультурные характеристики сарматской культуры, хотя, в целом взгляд на ее хронологию не изменился.

Так, генезис сарматов С. П. Толстов связывал с массагето-хорезмийским населением. Своеобразную миграционную схему возникновения позднесарматских памятников Нижнего Поволжья предложил Л. А. Мацулевич. Он выдвинул предположение о том, что районы Поволжья и Южного Приуралья были заселены автохтонным сарматским населением Северного Кавказа, Придонья и Кубани [Скрипкин, 1984. С. 17].

Бурную дискуссию вызвала работа Л. Г. Нечаевой, посвященная этническим

проблемам Нижнего Поволжья в позднесарматское время. Сопоставив катакомбные погребения алан Северного Кавказа первых веков нашей эры и подбойные погребения поздних сарматов Нижнего Поволжья, она сделала вывод о том, что катакомбный обряд присущ аланам, а подбойные погребения Поволжья принадлежали гуннам [Нечаева, 1961. С. 156]. Вероятнее всего, данные выводы автор сделала под влиянием работ А. Н. Бернштама, который связывал появление деформированных черепов и распространение подбойных и катакомбных погребений в Средней Азии с приходом гуннов [Бернштам, 1940. С. 29–38; 1951а].

Опорным памятником в построениях А. Н. Бернштама был Кенкольский могильник. Однако новые материалы памятников Южного Казахстана и Средней Азии, полученные в результате исследований С. С. Сорокина, О. В. Обельченко, Б. А. Литвинского, И. Кожомбердиева и А. М. Мандельштама, выявили ошибочность точки зрения А. Н. Бернштама на этнокультурную принадлежность и хронологическую позицию этого могильника.

Так, С. С. Сорокин считал, что подбойно-катакомбные погребения принадлежат культуре местного населения предгорий Киргизии [Сорокин, 1956. С. 97–117]. О. В. Обельченко, исследовав курганы Кую-Мазарского и Лявандакского могильников с подбойно-катакомбными захоронениями рубежа веков, пришел к выводу, что данные памятники принадлежат кочевникам, ранее занимавшим районы урало-казахстанских степей [Скрипкин, 1984. С. 92]. За местную принадлежность подбойных и катакомбных погребений Западной Ферганы и Южного Таджикистана высказывались впоследствии Б. А. Литвинский и А. М. Мандельштам [Литвинский, 1972. С. 69; Мандельштам, 1966. С. 158]. На тот момент не вызывала сомнения и автохтонность земледельческого и скотоводческого населения, оставившего катакомбные могильники каунчинской и арысьской культур в бассейне реки Сыр-дарьи в Южном Казахстане [Байпаков, Подушкин, 1989].

Итоговыми исследованиями по позднесарматской культуре стали работы А. С. Скрипкина [1984] и М. Г. Мошковой [1989], в которых был обобщен и систематизирован весь ранее накопленный материал. Анализ вещевого инвентаря позволил А. С. Скрипкину выделить шесть хронологических групп: группа I (рубеж I–II вв. — вторая половина II в. н. э.); группа II (вторая половина II — середина III в. н. э.); группа III (вторая половина III в. н. э.); группа IV (конец III–IV вв. н. э.); группа V (рубеж I–II вв. — середина III в. н. э.); группа VI (рубеж I–II вв. — IV в. н. э.) [Скрипкин, 1984. С. 49–58]. Таким образом, временная граница была им удревнена до рубежа I–II вв. Несколько ранее эта дата была предложена В. П. Шиловым, который на основании датирования вещевого материала из погребений у сел Старица и Альтвеймер отнес начало позднесарматской культуры к рубежу I–II вв. н. э. [Шилов, 1968. С. 310–323].

Определить нижнюю дату позднесарматской культуры А. С. Скрипкину позволили отдельные ранние типы фибул и зеркал, а также цилиндрические курительницы, миски с желобчатыми бортиками и сероглиняные лощенные кувшины, встречающиеся в памятниках Кубани и Нижнего Дона [Скрипкин, 1984. С. 43]. Верхняя хронологическая граница культуры была оставлена им без изменений — IV век н. э. По мнению А. С. Скрипкина, эта дата может быть уточнена как 370-е годы, то есть время разгрома сарматов Нижнего Поволжья гуннами [Скрипкин, 1984. С. 116]. На его взгляд, археологически этот рубеж определяется временем сооружения Шиповских комплексов, которые И. П. Засецкой были отнесены к памятникам гуннов последней четверти IV–V вв. [Засецкая, 1968. С. 52–62]. К этому мнению присоединяется и М. Г. Мошкова [1989]. Однако в этой связи необходимо сделать следующее уточнение. Некоторые материалы, рассматриваемые И. П. Засецкой как памятники гуннской эпохи IV–V вв., в число которых включаются и шиповские комплексы,

были пересмотрены А. К. Амброзом, предложившим другую хронологическую схему (см. ниже).

А. С. Скрипкин, приведя в своей обобщающей работе как минимум восемь культурнозначимых черт в изменении погребального обряда и типов вещевого инвентаря (северная ориентировка, деформация черепов, появление зеркал-подвесок, фибул, длинных мечей без перекрестия и с рукояткой-стержнем, луков «гуннского» типа, крупных железных наконечников и костяных наконечников стрел*), а также проследив их истоки и динамику проникновения из Заволжья в Волго-Донье, показал характер кардинальных инокультурных изменений, произошедших в Поволжье с приходом на рубеже I–II вв. в Заволжье совершенно нового населения [Скрипкин, 1984. С. 82–87]. Хотя стоит отметить, что в этнокультурном смысле пришельцы, в изложении автора, выглядят достаточно аморфно – как некое новое иранское население Средней Азии, поскольку поиски генетических корней вновь обозначившихся инноваций в его работах показаны на фоне материалов весьма широкого ареала – Фергана, Сырдарья, Бактрия, Кангуй и пр. [Скрипкин, 1984. С. 94–101].

Несколько позже им была обоснована более восточная (Синьцзян и Северный Китай) география происхождения отдельных категорий вещей, в том числе позднесарматского вещевого комплекса [Скрипкин, 2000. С. 17–20].

Отвергая аланское происхождение позднесарматской культуры, А. С. Скрипкин, тем не менее, сохраняет представление об ее общесарматской (общеиранской) генетической преемственности.

Раздел М. Г. Мошковой «Позднесарматская культура» в 20-томном издании «Археология СССР» стал своеобразным итогом столетнего периода археологических исследований сарматских памятников. В нем приведены и систематизированы фактически все существовавшие на момент написания точки зрения по памятникам позднесарматской культуры [Археология СССР, 1989. С. 191–202]. Кочевнические комплексы II–IV вв. рассматриваемого круга от Дуная до Урала были объединены ею в единую культуру, в которой были выделены три территориальные группы: Волго-Донская, Приуральская (в которую вошли и западно-казахстанская и зауральская) и Северопричерноморская [Археология СССР, 1989. Карта 14. С. 191].

Обобщение материала на столь широком фоне позволило М. Г. Мошковой выявить качественные различия основных черт погребального обряда между выделенными территориальными группами. Так, известные на момент исследования материалы позволили автору прийти к выводу, что в Приуралье наиболее распространенными (95% от общего числа) являются основные погребения, совершенные под небольшими грунтовыми курганами, в отличие от Волго-Донских памятников, где основные погребения составляют половину. В Северопричерноморской группе большинство погребений являются впускными. В Приуралье наряду с округлыми насыпями в нескольких комплексах известно несколько длинных (гантелевидных) курганов [Мошкова, 1989. С. 191]. Это весьма важное уточнение, так как оно относится именно к западноказахстанским комплексам (Бис-Оба и Лебедевка). Исследования урало-казахстанских памятников позволили установить, что гантелевидные, длинные и склепообразные курганы встречены здесь в значительно большем количестве. Они своеобразно маркируют гунно-сарматские памятники [Боталов,

* К названным чертам, вероятно, следует добавить еще одну важную традицию, которая наиболее ярко фиксируется в заволжских памятниках. На нее особо обратил внимание И. В. Синицын, который после раскопок II Бережновского могильника пришел к выводу, что подавляющее количество позднесарматских погребений располагалось под индивидуальными курганами, в отличие от сарматских погребений предшествующих этапов, которые в большом количестве впусканы в единичные насыпи [Синицын, 1960. С. 162].

Гуцалов, 2000. С. 123–125]. Соотношение типов могильных ям в выделенные М. Г. Мошковой территориальные группы различно. Так, подбойные ямы абсолютно преобладают в Приуральской и Волго-Донской группах (40%), узкие прямоугольные составляют здесь 25%, столько же составляют широкие и средние. В Причерноморской группе преобладают ямы узкие, средние (42%) и широкие (25%), в то время как подбойные составляют 20% [Мошкова, 1989. С. 192]. Последующее накопление материалов принципиально не изменило выявленное М. Г. Мошковой соотношение. Однако анализ выделенных нами более восточных урало-казахстанских памятников позволил прийти к выводу, что преобладание подбойных погребений характерно только для поволжских комплексов позднесарматского времени, в то время как в южноуральских и западноказахстанских их насчитывается менее 20%. Большее количество погребений с подбоем в этой группе дают лишь самые западные памятники Лебедевского комплекса (41,6%). Наиболее часто встречаемыми среди урало-казахстанских комплексов являются простые узкие и средние прямоугольные ямы (73,2%) [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 125, 153]. М. Г. Мошковой установлено и различие в соотношении ориентировок покойников для выделенных его районов: в Южно-Приуральском и Волго-Донском абсолютно преобладает северная ориентировка (75%), в Причерноморье она достигает 70%, кроме того, здесь наблюдается существенный процент (20%) погребений с южной ориентировкой [Мошкова, 1989. С. 192]. Если к этому добавить, что в урало-казахстанских памятниках северная ориентировка (с отклонениями на СЗ и СВ) составляет 95,1%, то станет очевидным, что количество таких ориентировок нарастает по мере продвижения с востока на запад. Добавим, что ранее А.С. Скрипкин указывал на то, что северная ориентировка в западных районах начинает преобладать лишь в более позднее время — с III века н. э. [Скрипкин, 1984. С. 72, 73].

Анализ вещевого инвентаря, приведенный в работе М. Г. Мошковой, носил менее районированный характер. По мнению автора, прослеживается следующая тенденция: в предметах украшений и быта западных комплексов наблюдается сильное влияние со стороны позднеантичных городов Северного Причерноморья и Танаиса, для восточных — заволжских и западноказахстанских — характерны наиболее часто встречаемые наборы оружия (мечи, кинжалы, копья) и конской упряжи особого облика, которые своеобразно маркируют погребения конных дружинников [Мошкова, 1989. С. 197–198].

Таким образом, в своем итоговом исследовании М. Г. Мошкова, с одной стороны, восточноевропейские кочевнические комплексы II–IV вв. традиционно объединила в позднесарматскую культуру единой сарматской общности (хотя элементы преемственности позднесарматских и среднесарматских памятников выявлены не совсем четко), с другой, показанные ею особенности территориальных групп памятников сарматской этнокультурной области имеют весьма существенные различия.

Попытаемся понять, в силу каких причин в литературе столь прочно утвердилось представление о сарматской принадлежности памятников позднесарматского времени Поволжья. На наш взгляд, здесь сыграл роль ряд объективных и субъективных обстоятельств. Во-первых, как известно, базовыми материалами для первой систематизации и типологического разделения памятников позднесарматского времени стали комплексы Сусловского могильника. Однако этот памятник является неоднородным: ранние его комплексы относятся к I–II вв. н. э. (т. е. к самому концу среднесарматского периода), а поздние — к III–IV вв. н. э.* [Скрипкин, 1998. С. 110–111]. То есть на этом памятнике мы фиксируем наложение черт как минимум двух культурных традиций. При ознакомлении с материалами Сусловского мо-

* Хотя не исключена возможность омоложения верхних границ существования могильника до начала V века.

гильника действительно складывается видимость органического перерастания среднесарматской культуры в позднесарматскую. Последующие раскопки заволжских комплексов (Блюменфельд, Боаро, Альт-Веймер, Харьковка и др.) дали материал, в котором ярко оконтурились позднесарматские культурозначимые черты, которые достаточно резко отличают памятники позднесарматского времени от среднесарматских. Однако в исследуемых параллельно памятниках этого времени междуречья Волги и Дона, а также в донских комплексах фиксировалась чрезвычайная пестрота типов погребального обряда – диагональные, подбойные, простые и катакомбные погребения с южной и северной ориентировкой [Скрипкин, 1984. Рис. 6, 2, 6–8, 10–14; 17, 3–6, 9, 10, 13–15; 18]. Очевидно, что процесс этнокультурных трансформаций в этом регионе происходил более плавно на протяжении, по меньшей мере, одного столетия. Суть этого процесса заключалась в ассимиляции пришлого заволжского населения местной сармато-аланской средой [Скрипкин, 1984. С. 101]. При этом историко-культурно доминировало сармато-аланское население; так было, по меньшей мере, до середины III века. Таким образом, Волго-Донский массив археологического материала также сыграл определенную роль в упрочении эволюционных представлений о позднесарматском культурогенезе. Дело зашло столь далеко, что появился ряд работ, в которых авторы были склонны раздвинуть рамки существования сармато-аланской общности вплоть до VIII века, а к позднему этапу были отнесены погребения с восточной ориентировкой и шкурой лошади (могильники Бережновка 1/7, Бережновка II, курган 2/28, Покровский, Авиловский, Бородаевский и др.) [Максимов, 1956. С. 65–85; Сеницын, 1956. С. 55–64; 1960. С. 103–105; Смирнов К. Ф., 1950. С. 114; 1959. С. 222]. К. Ф. Смирнов первоначально присоединился к этим взглядам. Однако позже он пришел к выводу, что погребальный обряд поволжских комплексов начиная с V века несет «чуждые» черты для сарматской культуры. К таким чертам, прежде всего, относится традиция помещения шкуры или макета лошади в могилу. По его мнению, эти традиции скорее характерны для погребений тюркских кочевников [Смирнов К. Ф., 1962. С. 270].

Представления о том, что сарматские культуры могли существовать и позднее IV века н. э., как и наименование «шиповская культура», не получили развития в дальнейшем, однако сам по себе этот факт указывает на то, сколь сильны были эволюционные представления в сарматской археологии Поволжья в предшествующий период. Безусловно, здесь сказались и особенности историографического характера, и засилие эволюционистской социоисторической теории развития в советской исторической науке.

В определении жесткого рубежа между древностью и средневековьем – IV века, вероятнее всего, значительную роль сыграли господствовавшие на тот момент (20–30-е годы) западноевропейские традиции. Не случайно П. Д. Рау первую хронологическую шкалу сарматских древностей выстраивал с учетом римских исторических стадий [Raу, 1927]. Влияние западноевропейских исторических представлений, сложившихся на письменных источниках позднеимперского времени (Аммиан Марцелин, Иордан и Приск Понтийский), сказалось и на первых работах советских гунноведов [Иностранцев, 1926].

С некоторым опережением развивалось европейское археологическое гунноведение. Фактически до середины XX столетия, благодаря работам А. Альфельди, Д. Вернера, М. Пардуза, были введены, систематизированы и интерпретированы материалы кочевнических, в том числе и гуннских, комплексов Восточной и Центральной Европы, большая часть которых также датировалась не ранее IV века [Alfoldi, 1926; 1932; 1934; Werner, 1956; Parducz, 1959].

Думается, это были основные причины, в силу которых термин «позднесарматская культура» в общесарматском ее понимании вошел в отечественную и зару-

бежную литературу. Хотя, если отбросить интерпретационный аспект и оставить лишь формальное определение, то стоит признать, что восточноевропейские памятники II–IV вв. действительно отражают собой самый поздний, финальный период генезиса сарматской культуры, который протекал в различных районах европейской степи под мощным воздействием нового пришлого населения (гунны, готы). При этом деформация исходных культурообразующих черт и сармато-аланской общности, и новых культур столь велика, что на различных этапах и в различных регионах существования они становятся едва уловимыми маркерами нового формирующегося этнополитического единства. В этой связи для восточноевропейских памятников этого периода равносмысловым является определение «позднесарматские» в смысле «раннегуннские», или «раннегуннские» в значении «позднесарматские».

Коротко проследим, как развивались представления о гуннах в контексте интерпретации позднесарматских памятников. Первым, кто предположил, что часть позднесарматских погребений с деформированными черепами могла принадлежать гуннам, был П. С. Рыков [Рыков, 1936. С. 46]. Несколько ранее мысль о возможной гуннской принадлежности позднесарматских памятников была высказана В. В. Гольмстен [Нечаева, 1961. С. 156]. В последующий период на представления исследователей оказали большое влияние работы А. Н. Бернштама по изучению и интерпретации памятников Таласской долины [Бернштам, 1940; 1951]. Анализируя материалы Кенкольского могильника и данные китайских письменных источников, автор пришел к выводу, что первые проникновения хуннов в Среднюю Азию и Южный Казахстан относятся к I веку до н. э., а окончательное их переселение сюда заканчивается во II веке н. э., что и привело к возникновению таких памятников, как Кенкольский могильник [Бернштам, 1940. С. 29–38]. В вопросах раннего (I в. до н. э. – I в. н. э.) проникновения хуннов на запад и интерпретации катакомбных комплексов кенкольского типа представления А. Н. Бернштама оказались спорными [Сорокин, 1956. С. 114–117]. Однако, объективности ради, следует признать, что его работы так или иначе обозначили реальные исторические рамки гуннских миграций и явились первой попыткой археологической атрибуции памятников гуннского этнополитического объединения. Гуннский вопрос, поставленный А. Н. Бернштамом, в том или ином виде стал подниматься исследователями. Так, антропологический анализ позднесарматских черепов из памятников Нижнего Поволжья, проведенный Е. В. Жировым, навел его на мысль о том, что обычай деформации черепов в данный регион был привнесен вместе с гуннским населением [Жиров, 1940. С. 88].

К. Ф. Смирнов, принимая доводы А. Н. Бернштама, основанные на анализе китайских письменных источников (Хоу-Ханьшу), определявших территорию, занимаемую северными хуннами в конце I – начале II века н. э. от Баркуля до Каспийского моря, высказывает весьма прозорливое суждение: «В дальнейшем, может быть, удастся в Северном Прикаспии среди могил аланского населения позднесарматской стадии выделить могилы проникших сюда, возможно уже в значительном количестве, гуннов» [Смирнов К. Ф., 1950. С. 113].

Важнейшим этапом в хунно-гуннском кочевниковедении стали работы М. И. Артамонова и Л. Н. Гумилева, в которых, с одной стороны, была обоснована историческая взаимосвязь между азиатскими хуннами и европейскими гуннами, с другой — непрерывность гуннского культурогенеза [Артамонов, 1962; Гумилев, 1960].

На этом исследовательском фоне, на наш взгляд, вполне своевременно вышла статья Л. Г. Нечаевой, где она, с одной стороны, отрицает преемственность между среднесарматской и позднесарматской культурами, с другой — соотносит подбойные погребения с северной ориентировкой Нижнего Поволжья с гуннами, а катакомбные погребения Северного Кавказа — с аланами, переселившимися из Средней Азии

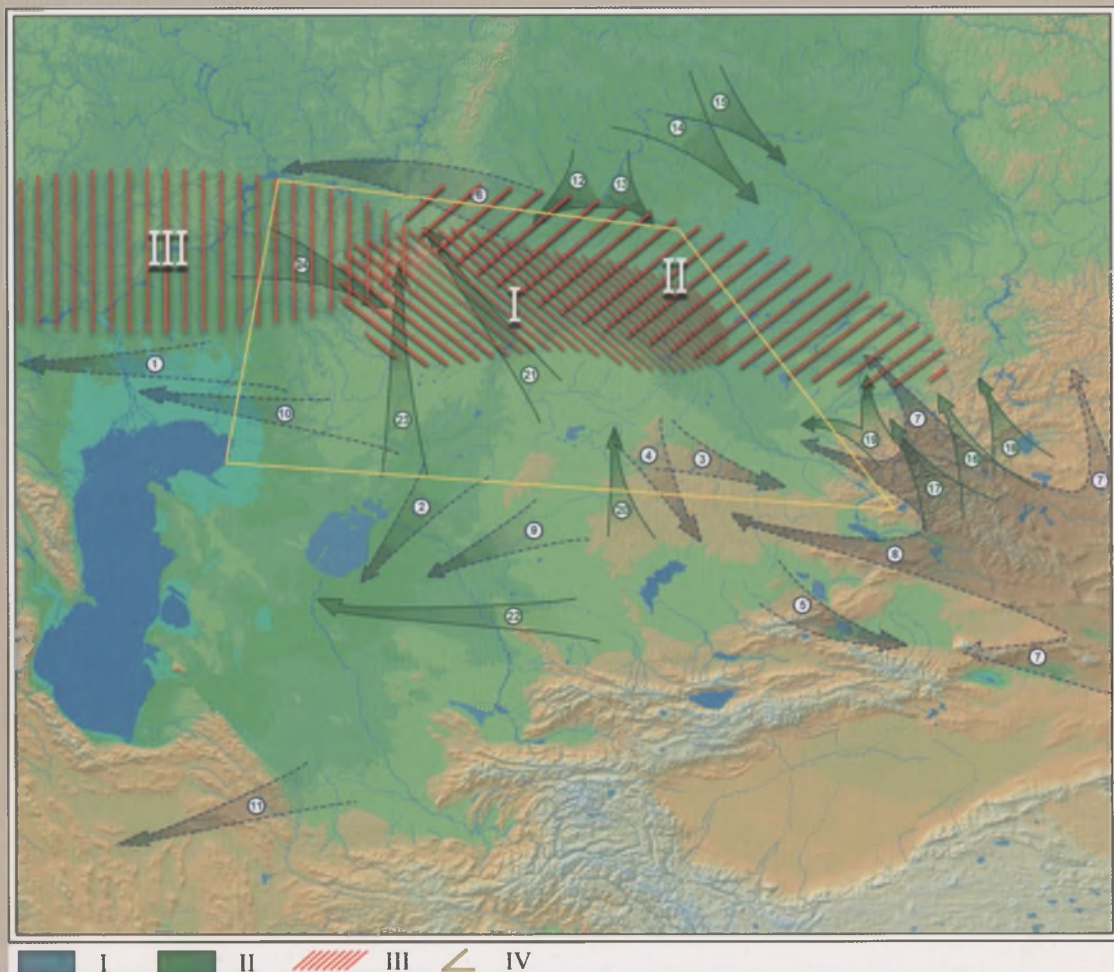

Рис. 1. I. Расселение и миграции населения финальной бронзы в XII–VIII вв. до н. э.:

1 - западные миграции срубно-андроновского населения финальной бронзы (западные памятники культуры валиковой керамики; 2 - южные миграции андроновидного населения культуры финальной бронзы в дельту Амурдарьи; 3,4 - отток саргаринско-алексеевского населения в оазисные зоны Центрального и Восточного Казахстана; 5 - андроновидное население Припамирья (Синьцзян); 6 - приток «карасукоидного населения» в Южный Урал и Западную Сибирь, формирование культур: ирменская, межовская, курмантау, ананьинская; 7 - отток карасукского населения в Западную и Южную Сибирь; 8 - миграции карасукоидного населения в Центральный Казахстан (сложение дандыбай-бегазинской культуры); 9 - Приаралье (Северный Тагискен); 10 - Нижнее Поволжье (по Г. М. Мелентьеву) [1975, с. 40-41]; 11 - на Иранское нагорье (луристанские бронзы VIII в. до н. э., формирование предскифских культур Передней Азии); 12-15 - переселение таежного населения (гамаюнская, красноозёрская, молчановская культуры) в лесостепь Зауралья и Западной Сибири.

II. Расселение и миграции населения в VII–V–IV вв. до н. э.:

16 - сакское участие в формировании культур Алтая (каракобинская культура); 17 - появление комплексов сакского круга (Чесноково, Солонечный Белок и др.); 18 - сакский компонент в скифских культурах Тувы; 19 - сако-скифское влияние в Южной Сибири и Казахстане в V–IV вв. до н. э.; Памятники иссыкского (Локоть IV) и сарматского (диагональные погребения) круга, сакское влияние на формирование большереченской культуры; 20 - сложение тасмолинской культуры; 21 - сако-тасмолинские памятники Северного Казахстана (улубаевские) и Южного Зауралья (бобровские); 22 - формирование культуры приаральских саков; 23 - сако-мессагетский компонент в древнепрохоровской культуре (по А. Д. Таирову) [Таиров, 1995, с. 90-91]; 24 - скифский компонент в древнепрохоровской культуре (по С. Ю. Гуцалову) [Гуцалов, 1998, с. 131].

III. Картографирование ареалов поздней бронзы:

I - Алакульский, II - Федоровский, III - Срубный.

IV. Район основного исследования

Рис. 2. Расположение отдельных групп погребальных памятников раннего железного века

I. Юэчжиско-сарматский ИКК (ляндакский)

○ - погребения в торцовых продольных катакомбах, южная ориентировка (конец III-I вв. до н. э.): 1 - Пархай; 2 - Хас Киряз; 3 - Кызыл Чашма; 4 - Мештерхазинский; 5 - Туз-Тыр; 6 - Тумек-Кичиджик; 7 - Тай-кыр; 8 - Ясы-Тыр; 9 - Шахривайронский; 10 - Ляндакский; 11 - Кую-Мазар; 12 - Аталык; 13 - Кызыл-Тепе; 14 - Шаушукум (катакомбы II типа); 15 - Жаман-Тогай; 16 - Восточно-Курайлинский I; 17 - Солнце; 18 - Жалтыр; 19 - Берлик; 20 - Мечетсай; 21 - Увак; 22-26 - Покровка 1,2,7,8,10.

■ - простые и подбойные погребения с южной ориентировкой (конец III-I вв. до н. э.; I-V вв. н. э.): 1 - Кара-Булак; 2 - Кенсай; 3 - Берккара II; 4 - Агалыксайский; 5 - Кызыл-Кайнар; 6 - Дурмень; 5,8 - Тузгир; 6,9 - Тумек-Кичиджик; 10 - Ясыгыр; 11 - Шахсенем; 12 - Исфаринский; 13 - Кульбулак; 14 - Кувинский; 15 - Катакурганский; 16 - Тамды; 17 - Жаман-Тогай; 18 - Барбастау; 19 - Жорсуат; 20 - Целинный I; 21 - Жаман Каргала; 22 - Кардаиловский; 23 - Граултры; 24 - Стрелецкое; 25 - Лисаковский; 26 - Солнце; 27 - Мечетсай; 28 - Увак; 29-33 - Покровка 1,2,7,8,10; 34 - Саргары; 35 - Бишунгарово; 36 - Ст.Кийишки; 37 - Астана; 38 - Улангом; 39 - Нухтин-Ам.

II. Сако-суныский ИКК (Чильпекский) (III-I вв. до н. э.; I-V вв. н. э.)

■ - простые и подбойные погребения с западной ориентировкой: 1 - Чильпек; 2 - Каргалыское; 3 - Теилжик; 4 - Соколовка; 5 - Джергетал; 6 - Бурана; 7 - Айгырджал; 8 - Тот-Арык; 9 - Тот-Башат; 10 - Джеле-Тобе; 11 - Акташ; 12 - Байталчи; 13 - Кызыл-Кайнар; 14 - Джаныш-Булак; 15 - Текеташ; 16 - Тамды; 17 - Берккара; 18 - Урюк Зорский; 19 - Шошкала I; 20 - Уун-Булак; 21 - Караши I; 22 - Баты; 23 - Турскиан; 24 - Пчела; 25 - Кула-Журга; 26 - Орто-Каирма; 27 - Алымшаки; 28 - Суфанский; 29 - Каралы II; 30-31 - Капгачай II-III; 32-34 - Утеген I-III; 35 - Кызыл-Эспе; 36-38 - Кызылауз I-III; 39-40 - Унгур-Кора I, II; 41 - Бешшатыр II; 42 - Тайгач I; 43, 44 - Калкан I, IV; 45-47 - Алтын-Земель I, III, IV; 48, 49 - Чулак-Джигиде I, II; 50 - Арал-Тобе I.

III. Гунно-сарматские памятники (II-IV вв.)

■ - западная группа: 1 - Барбастау; 2 - Лебедевка II; 3 - Лебедевка IV; 4 - Лебедевка V; 5 - Лебедевка VI; 6 - Саралжин; 7 - Ливневский; 8 - Целинный I; 9 - Георгиевский Бугор; 10 - Восточно-Курайлинский I; 11 - Жаман-Каргала I; 12 - Ульке; 13 - Сары-Тай I; 14 - Жанабаз; 15 - Ата I; 16 - Ата II; 17 - Ата IV; 18 - Жолтукен; 19 - Джанатан; 20 - Красногор. Восточная группа: 21 - Комсомольский IV; 22 - Комсомольский VI; 23 - Красный Яр I; 24 - Кара-Тал;

25 - Альмухаметовский; 26 - Дербеневский; 27 - II Сибайский; 28 - III Бекешевский; 29 - Хворостянский; 30 - Агаловский; 31 - Магнитный; 32 - Темасовский; 33 - Каменный Амбар 5; 34 - II Ахмеровский; 35 - Салиховский; 36 - Чумаровский; 37 - Уязыбашевский; 38 - Лекалды; 39 - Друженский; 40 - Байрамгулово; 41 - Малково; 42 - Шатрово; 43 - Першино; 44 - Новоникольский; 45 - Явленка; 46 - Кенес; 47 - Петровка; 48 - Берлик; 49 - Покровка; 50 - Жабай-Покровка; 51 - Большекараганский; 52 - Башийли.

■ IV. Памятники позднесарматской культуры (по А. С. Скрипкину, В. Е. Максименко, С. И. Безуглову, А. П. Медведеву): 1 - Восточный Маныч (правый берег); 2 - Восточный Маныч (левый берег); 3 - Архара; 4 - Цаган-Эльсин; 5 - Три брата; 6 - Бичкан-Булул; 7 - Элиста; 8 - Кеколты; 9 - Купцын Толга; 10 - Капи-танский; 11 - Сазонкин бугор; 12 - Ордынский бугор; 13 - Солёное займище; 14 - Барановка; 15 - Кузин; 16 - Кривая Лука; 17 - Старица; 18 - Терновский; 19 - Аксеновский; 20 - Жутово; 21 - Абганерово; 22 - Жирноклеевский; 23 - Новый Рогачик; 24 - Красный пахарь; 25 - Котлубань; 26 - Авиловский; 27 - Ютаевка; 28 - Гусевка; 29 - Лебяжье; 30 - Норка; 31 - Каменка; 32 - Сидоры; 33 - Короли; 34 - Новоаннинский; 35 - Нежаевский; 36 - Аткарьск; 37 - Саратов; 38 - Ершовка; 39 - Машевка; 40 - Баскучаик; 41 - Ленинск; 42 - Сайхин; 43 - Верхне-Погромное; 44 - Калиновка; 45 - Верхний Балыклей; 46 - Политотдельское; 47 - Шульц (Красный Октябрь); 48 - Альт-Веймар (Старая Иванцовка); 49 - Гмелинская; 50 - Новая Молчановка; 51 - Бережновка; 52 - Еруслан; 53 - Харьковка; 54 - Белая Куба; 55 - Блюменфельд (Цветочное); 56 - Иловатка; 57 - Старая Полтавка; 58 - Фриндберг (Мирное); 59 - Визенилдер (Луговое); 60 - Ровное; 61 - Скатовка; 62 - Усатово; 63 - Зауморье; 64 - Круторявка; 65 - Суслы; 66 - Покровск (Зигельс); 67 - Тонкошуровка; 68 - Бородаевка; 69 - Успенка; 70 - Макситово; 71 - Андреевка; 72 - Вилотовое; 73 - Березняки; 74 - Калач; 75 - Котово; 76 - Новая Норка; 77 - Нагаевский II; 78 - Веселый III; 79 - Высогино VII; 80 - Романовский II; 81 - Потайный II; 82 - Журавка; 83 - Павлов; 84 - Раздорский; 85 - Новоалександровка I; 86 - Шевченко; 87 - Сладковский; 88 - Кировский; 89 - Грушевский; 90 - Ясырев; 91 - Алитуб; 92 - Центральный IV-VI; 93 - Бузовка; 94 - Соколов; 95 - Спасское; 96 - Ново-Подкряж; 97 - Третьки; 98 - Манино; 99 - Ново-Никольское; 100 - Вязовский; 101 - Жибитинский.

V. Гунно-кангюйский (джетсарский) ИКК (V-VIII вв. н. э.)

■ - простые и подбойные ямы, ямы с нишами, северная ориентировка: 1 - Алтынасар 4а; 2 - Алтынасар 4б; 3 - Алтынасар 4в; 4 - Алтынасар 4г; 5 - Алтынасар 4е; 6 - Алтынасар 4ж; 7 - Алтынасар 4з; 8 - Алтынасар 4и; 9 - Алтынасар 4к; 10 - Алтынасар 4л; 11 - Алтынасар 4м; 12 - Алтынасар 4о; 13 - Алтынасар 4р; 14 - Алтынасар 4т; 15 - Косасар 1; 16 - Косасар 2; 17 - Косасар 3; 18 - Топкасар; 19 - Актобе-2 (погребение).

и поздней древности в Центральной и Средней Азии.

■ - наземные и подземные сырцовые склепы: 1 - Алтынасар 4д; 2 - Алтынасар 4е; 3 - Алтынасар 4е; 4 - Алтынасар 4и; 5 - Алтынасар 4н; 6 - Алтынасар 4о; 7 - Алтынасар 4ж; 8 - Косасар 1.

VI. Юэчжиско-кушанский (тулхарский) ИКК, (II в. до н. э. - I в. н. э.)

■ - небольшие каменные насыпи, простые и подбойные погребения, северная ориентировка: 1 - Джалпактобе; 2 - Маашан; 3 - Кызыл-Тай; 4 - Куль-Ата; 5 - Мираткульский; 6 - Сазаганский; 7 - Ксиров; 8 - III Кафиринганский; 9 - Тулхарский; 10 - Кокумский; 11 - Аруктауский; 12 - Бишкенский IV; 13 - Бишкенский V; 14 - Бишкенский VI; 15 - Бишкенский VII; 16 - Чайнараракский; 17 - Бабашовский; 18 - Тия-Тепе; 19 - Джиламыш; 20 - Курган; 21 - Бор-корбаз; 22 - Хазара; 23 - Шаушукумский (Простые Погребения).

VII. Алано-кангюйский (кенкольский) ИКК, (I-V вв. н. э.)

■ - катакомбы дромосного типа: 1 - Теке-Таш; 2 - Бос-Тектир; 3 - Джал-Арык; 4 - Джал-Арык II; 5 - Джаргата; 6 - Торкен; 7 - Алмалу; 8 - Кызыл-Тай; 9 - Сары-жон; 10 - Джеллап-таш; 11 - Акчий-Карасу; 12 - Акчий-Карасу II; 13 - Джаланыш-Булак; 14 - Кызылкайнар; 15 - Караша; 16 - Кенкол; 17 - Тот-Таш; 18 - Тот-Арык; 19 - Айгырджал; 20 - Чаткал; 21 - Кызарт; 22 - Бурмаган II; 23 - Бурч-Мулла; 24 - Турмирон; 25 - Кайрагач; 26 - Кара-Мунак; 27 - Исфара; 28 - Калатархон; 29 - Сурух; 30 - Чарку; 31 - Ворух; 32 - Шарт; 33 - Ка-раджар; 34 - Джалпактобе; 35 - Маашан; 36 - Хангиз; 37 - Боркорбаз; 38 - Тураташ; 39 - Кызыл-Тай; 40 - Шаушукум (катакомбы 1 типа); 41 - Ак-Тобе I; 42 - Жаман-Тогай; 43 - Вревская; 44 - Ширинсай; 45 - Ореховское; 46 - Янгилы; 47 - Дурмень; 48 - Курганы на Никифоровских землях; 49 - Тузбугуз; 50 - Алтынтобе; 51 - Боржар; 52 - Октобе; 53 - Сазаганский; 54 - Аджар-Тебе; 55 - Кы-зарт; 56 - Аламыш; 57 - Хазара; 58 - Ничке; 59 - Ак-Сенир; 60 - Алтынасар 4к; 61 - Астана.

VIII. Турбаслинский ИКК, (VI-VIII вв.)

■ - земляные курганы, простые ямы с нишами, северная ориентировка: 1 - Кушаренковский; 2 - Ново-Турбаслинский; 3 - Уфимский; 4 - Дежневский; 5 - Шаревский.

■ XIX. Хунны Северного Китая, Монголии и Забайкалья (по В. А. Могилюнскому): 1 - Иволгинский; 2 - Баргай; 3 - Баян-Хара; 4 - Хара-Усу; 5 - Дарестуй; 6 - Худжир-дэби; 7 - Гуджирмыг; 8 - Оргойтон; 9 - Усть-Кяхта; 10 - Ургун-Хундуй; 11 - Царам; 12 - Липовка; 13 - Черемухова Пады;

14 - Ильмовая пады; 15 - Суджи; 16 - Бурдун; 17 - Дурены I, II; 18 - Эдуй; 19 - Хара-Бусун; 20 - Салхит; 21 - Дархан; 22 - Эззугитий; 23 - Худгий-Ула; 24 - Сольбо-уул; 25 - Аршан-ам; 26 - Ноин-Ула; 27 - Хани-Гол; 28 - Наинтэсум; 29 - Наймаа-толгой; 30 - Барун-Хайрхан; 31 - Ондар Дов; 32 - Унгер; 33 - Сэбийн; 34 - Дэлгерууг; 35 - Ундэршил; 36 - Дулат-Уул; 37 - Мунхан-сомон; 38 - Багаулзет; 39 - Улгүт; 40 - Онгон-сомон; 41 - Хар-хорин; 42 - Ху-таг-уул; 43 - Идэр-гол; 44 - Дурбулжин-сомон; 45 - Хот-чинкер-гол; 46 - Дунсухао; 47 - Сигаго; 48 - Калимын-цзун; 49 - Сухой Ручей; 50 - Чинданти; 51 - Кара-Суг.

■ X. Места расположения памятников культуры «ордосских бронз» (по данным китайских исследований): 1 - Гуоянь; 2 - Линтай; 3 - Байцзано; 4 - Чуньхуа; 5 - Цютай-шунь; 6 - Шандунцунь; 7 - Шилоу; 8 - Люлихэ; 9 - Цзензягоу; 10 - Люцзоань; 11 - Цзинцзунь; 12 - Суйдэ; 13 - Цаоцзя-юань; 14 - Гаохун; 15 - Удихэ; 16 - Минджи; 17 - Ушэнь-ци; 18 - Линьхэйцзюй; 19 - Ханзинци (Таохунбала); 20 - Шэньму; 21 - Фугу; 22 - Джунгар (Сигуань); 23 - Тумотэ-Юци; 24 - Хэлиньгар; 25 - Чжун-кайгоу; 26 - Баотоу; 27 - Дуншэн (Будунгоу); 28 - Улатэжунхун; 29 - Хух-Хото; 30 - Хэлиньгар; 31-32 - Лянгэ (Мацингоу); 33 - Люцзяйюань; 34 - Шичжячуань; 35 - Люлихэ; 36 - Хуйлай; 37 - Чжэньцзянькоу; 38 - Чанпин; 39 - Цинлун; 40 - Синчэнь; 41 - Шаогуйцзи; 42 - Лицзянцзи; 43 - Сифэн; 44 - Чахар-Юнхоуци; 45 - Сунид-Цзоци.

■ XI. Памятники тесинского этапа (по М. Н. Пшеничному): 1 - Калы; 2 - Енисейская МТС; 3 - «Маяк»; 4 - Означенное VII; 5 - Б.-Уйбатский; 6 - Уйбат II; 7 - Кызыл-Куль; 8 - Откин-Улус; 9 - Мохов Улус; 10 - Красный Яр; 11 - Большой Тесинский; 12 - Усть-Тесь; 13 - Тенсей I, II, VII, VIII, XVI, XVII; 14 - Черемуховый Лог II; 15, 16 - Каменка III, V; 17 - Знаменка; 18 - Афанасьевская гора; 19, 20 - Карасук V, IX; 21-22 - Барсучина I, IV; 23-25 - Разлив I-III; 26 - Новосарагаевский; 27 - Новая Черная VI; 28 - Туимский; 29 - Береш.

■ XII. Памятники Алтая гунно-сарматского времени: 1 - Пазырик, к-ны 23, 24; 2 - Балактыюль; 3 - Коо I, 4 - Ок-Паш; 5 - Белый Бом II; 6 - Булан-Коба; 7 - Карасу I (курган, погр. I); 8 - Айрыдаш; 9 - Кара-Коба II, 10 - Берель; 11 - Усть-Кокса; 12 - Катанда I, 13 - Яконур; 14 - Иня.

■ XIII. Памятники, предположительно связываемые с западными миграциями гяньзунского населения: 1 - Иссык, к-н 4; 2 - Ташкуртанский; 3 - Куле-Уазы-Каган-Кала.

■ XIV. Известные алтайские скифские комплексы: 1 - Пазырик; 2 - Башадар; 3 - Берель; 4 - Укок; 5 - Сайханыцы (Уккел)

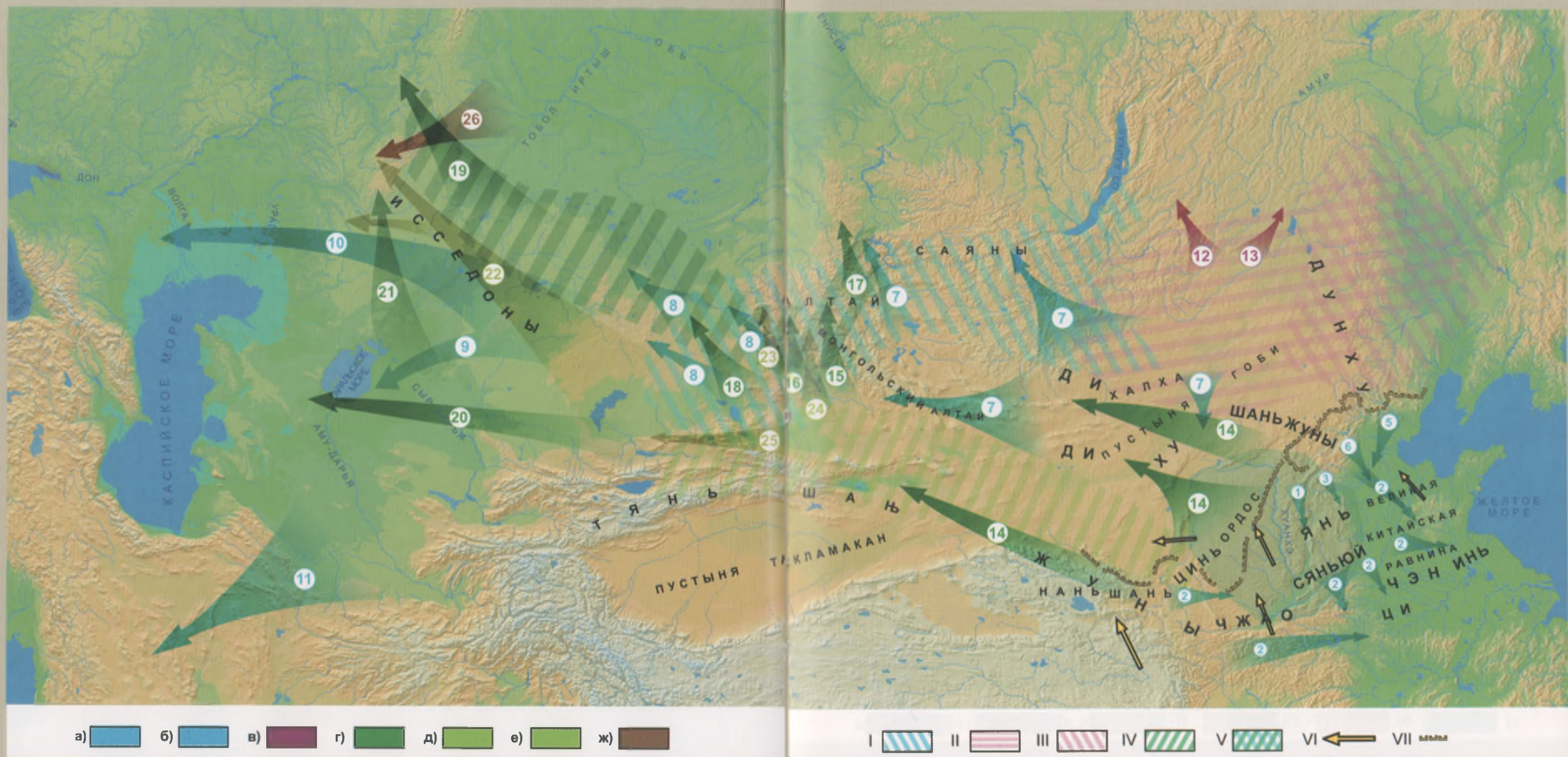

Рис. 3. Этнокультурные процессы (первая половина I тысячелетия до н. э.).

а) Вторжение населения северных варваров (жуны, ди, шаньжуны) в Китайские царства в VIII-VII вв. до н. э.: 1 - 794 г. до н. э.; 2 - 782-771 гг. до н. э.; 3 - 770 г. до н. э.; 4 - 714 г. до н. э.; 5 - 707 г. до н. э.; 6 - 664 г. до н. э. (по В.С. Таскину, А. А. Ковалеву);

б) Распад общности ордосских культур X-VIII вв. до н. э.: 7 - отток карасукского населения в Северный Китай, Восточный Туркестан, Южную Сибирь; 8 - западные миграции карасукоидного (бегазы-дандыбаевского) населения в Центральный Казахстан; 9 - в Приаралье (Северный Тагискен); 10 - в Нижнее Поволжье (Алакуль II, Стаган, Котелок (по Г.М. Мелентьевой)); 11 - Иранское нагорье [Луристанские бронзы VIII в. до н. э. (по Р. Гиршману)].

в) Распад культуры плиточных могил Монголии VIII-VI вв. до н. э.: 12 - отток населения КПМ в Забайкалье; 13 - в лесостепную Маньчжурию (Верхний слой Сяцзядянь).

г) распад ареала культур «северных варваров» (жуны, ди): 14 - отток скифо-сакского населения (жуны?) в Западную Монголию, Алтай, Джунгарию, Синьцзян; 15 - сакское влияние на скифские культуры Алтая V-IV (памятники каракобинской культуры); 16 - сако-тасмолинские комплексы Алтая (Чесноково, Солнечный Белок и др.); 17 - сакский компонент в скифских культурах Тувы (сако-усунское единство (по Л.Р. Кызласову)); 18 - сложение тасмолинской культуры; 19 - сако-тасмолинские памятники Северного Казахстана и Южного Зауралья; 20 - сложение культуры При-

аральских саков; 21 - сако-массагетский компонент в древнепрохоровской культуре (по А. Д. Таирову).

д) 22. Скифский компонент в древнепрохоровской культуре (по С.Ю. Гуцалову).

е) сако-скифское влияние в Сибири и Казахстане в V-IV вв. до н. э.: 23 - памятники иссыкского (Локоть IV) и сарматского круга юго-запада Сибири (по В.А. Могильникову); 24 - сакское влияние в формировании большереченской культуры (Верхнее Приобье); 25 - единство саков Восточного Туркестана и Южного Казахстана (параллель Алагу-Иссык).

ж) 26. Гороховский компонент в прохоровской культуре (по М. Г. Мошковой).

I - памятники карасукской общности (по Н. Л. Членовой);
II - памятники культуры плиточных могил (по Э. А. Новгородовой);
III - культура верхнего слоя Сяцзядянь (по С. А. Комиссарову);
IV - сако-тасмолинские памятники;
V - сако-скифское Туркестано-Сибирское единство;
VI - захват территорий северных варваров династиями Чжао и Цинь в V-III вв. до н. э.;
VII - Великая китайская стена

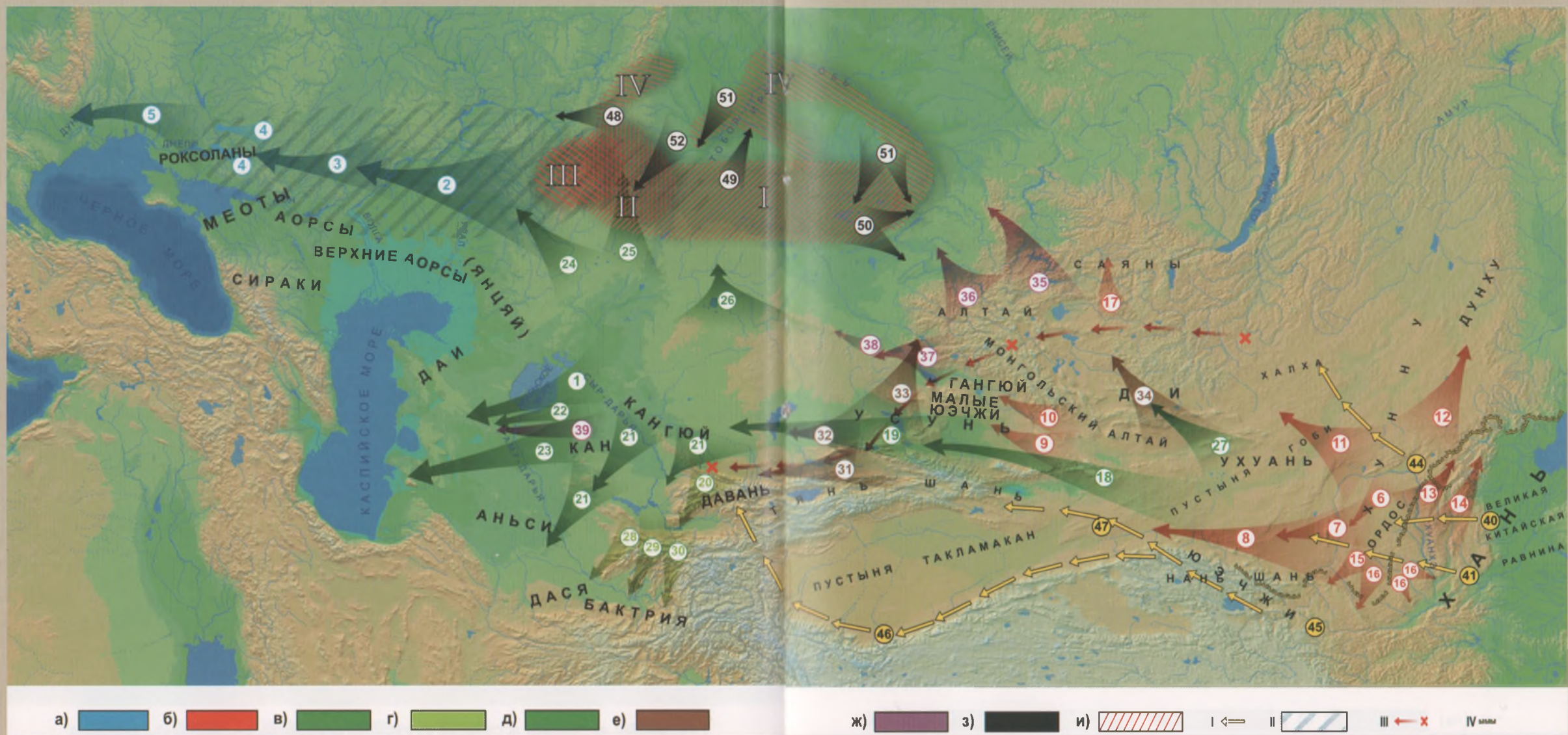

Рис. 4. Этнокультурные процессы во второй половине I тысячелетия до н. э.

а) Продвижение раннесарматского населения (IV-I вв. до н.э.): 2 - исход раннесарматского (прохоровского) населения на запад в IV-III вв. до н.э. (по А.Д. Таирову); 3 - проникновение прохоровского населения на правобережье Дона во II в. до н.э. (по В.Е. Максименко); 4 - переход сатархов и тарогов через Дон во II в. до н.э. (по Ю.М. Десятчикову); 5 - выход аорсов к дельте Дуная в 49 г. до н.э. (по Д.А. Мачинскому).

б) хуннские экспансии: 6 - первый поход юэчжей (Тоумань); 7 - второй поход на юэчжей (Модэ 208 г. до н.э.); 8 - третий поход на юэчжей (205-203 гг. до н.э.); 9-11 - завоевание усунь, гангунь, ханьчюй, цюйше, сюньли, ди (205-203 гг. до н.э.); 12 - завоевания дунху 209 г. до н.э.; 13, 14 - возвращение Ордоса, завоевание лоуфань (208 г. до н.э.); 15, 16 - набеги на Хань: 166 г. до н.э. (уезды Пэньян, Чжана, Юньганьсу, Шэньси), 128-121, 103 гг. до н.э. (округа: Янь-Мынь, Юйянь, Динсян, Юньсян-Шанси; Ляоси, Дай, Хэбэй...); 17 - проникновение хунну в Туву.

в) юэчжийские миграции: 1 - проникновение раннеюэчжийского населения в Приаралье в IV-III вв. до н.э. (Тарымкая I, Тумек-Кичиджик) (по Б. И. Вайберг); 18 - исход юэчжей из Прианьшанья и Гансуйского коридора; 19 - уход юэчжей из Восточного Туркестана после поражения от усуней и ассиан (170-130 гг. до н.э.).

г) вторжение юэчжей в Среднюю Азию (юэчжийско-кушанский ИКК): 20 - Шаушумский могильник (погребения в простых ямах); 28 - памятники Северо-Западной Бактрии (Бабашевский, Тиля-Тепе...); 29 - памятники Северной Бактрии (Тулхарский, Кокумский, Бишкекские...); 30 - памятники Припямья (Джалнак-Тобе; Маашан; Кызыл-Ту...);

д) вторжение юэчжей в Среднюю Азию, Казахстан и Южный Урал (юэчжийско-сарматский ИКК, «юэчжи дома Чжаову»...): 20 - Ташкентский оазис, Шаушукумский могильник катакомбы II-го типа; 21 - Бухарский и Самаркандские оазисы (Лявандак, Куя-Мазар, Аталы...); 22 - Хорезм

(тумек-Кичиджик, Тузгыр, Тайкыр...); 23 - юго-восточный Прикаспий (Пархай, Хаз-Кираз, Кызыл-Чашма); 24 - Южное Приуралье (Покровка 1, 2, 7, 8, 10; Мечетсай, Увак...); 25 - Южное Зауралье (Солнце, Стрелецкое, Граултры...); 26 - Казахстан (Жалтырь, Берлик, Саргары...); 27 - сарматские памятники Западной Монголии;

е) усуньские миграции (сако-усуньский ИКК): 31 - сако-усуньские памятники Притяньшанья III-I вв. до н.э. (Соколовка, Беркара, Чильпек...); 32 - усунь Или (Качачай, Утеген, Кызыл Эспе...); 33 - позднежургинские памятники (Кула-Журга, Пчела, Тускаин...); 34 - возможное сако-усуньское проникновение в Западную Монголию, Туву;

ж) миграции гангунь: 35 - в Минусе (тесинско-шестьковские памятники III-II вв. до н.э.); 36 - Алтай (памятники шибинского и гунно-сарматского круга (булан-кобинский, берельский, раннекатандинский типы); 37 - раннекуларгинские памятники (III-II вв. до н.э.); 38 - памятники каргантасского типа; 39 - хорезмские памятники типа Куна-Уаз, Канга-Кала (по Е. Е. Неразик).

з) Миграции во второй половине I тыс. до н.э.:

48 - проникновение саргатского населения в Месягутовскую лесостепь в IV в. до н.э. (по Савельеву Н.С.); 49 - саргатско-богочановские памятники (по Данченко Е.М.); 50 - проникновение саргатского населения в Приобье III в. до н.э.; 51 - приход кулайского населения в Приобье и Барарабу III-I вв. до н.э.; 52 - проникновение лесного кашинского населения;

и) Картографирование ареалов раннего железа VI-III вв. до н.э.: I - Саргатский; II - Гороховский; III - Иткульский; IV - лесное население;

I - Походы Хань на хунну и западный край II-I вв. до н.э., 40 - 129 гг. до н.э.; 41 - 123 г. до н.э.; 42 - 124-121 гг. до н.э.; 43 - 119 г. до н.э.; 44 - 114 г. до н.э.; 45 - 103 г. до н.э.; 46 - 104-102 гг. до н.э.; 47 - 97 г. до н.э.; II - раннесарматская (прохоровская) общность; III - походы и места ставок шаньюя Чжи-Чжи; IV - Великая китайская стена

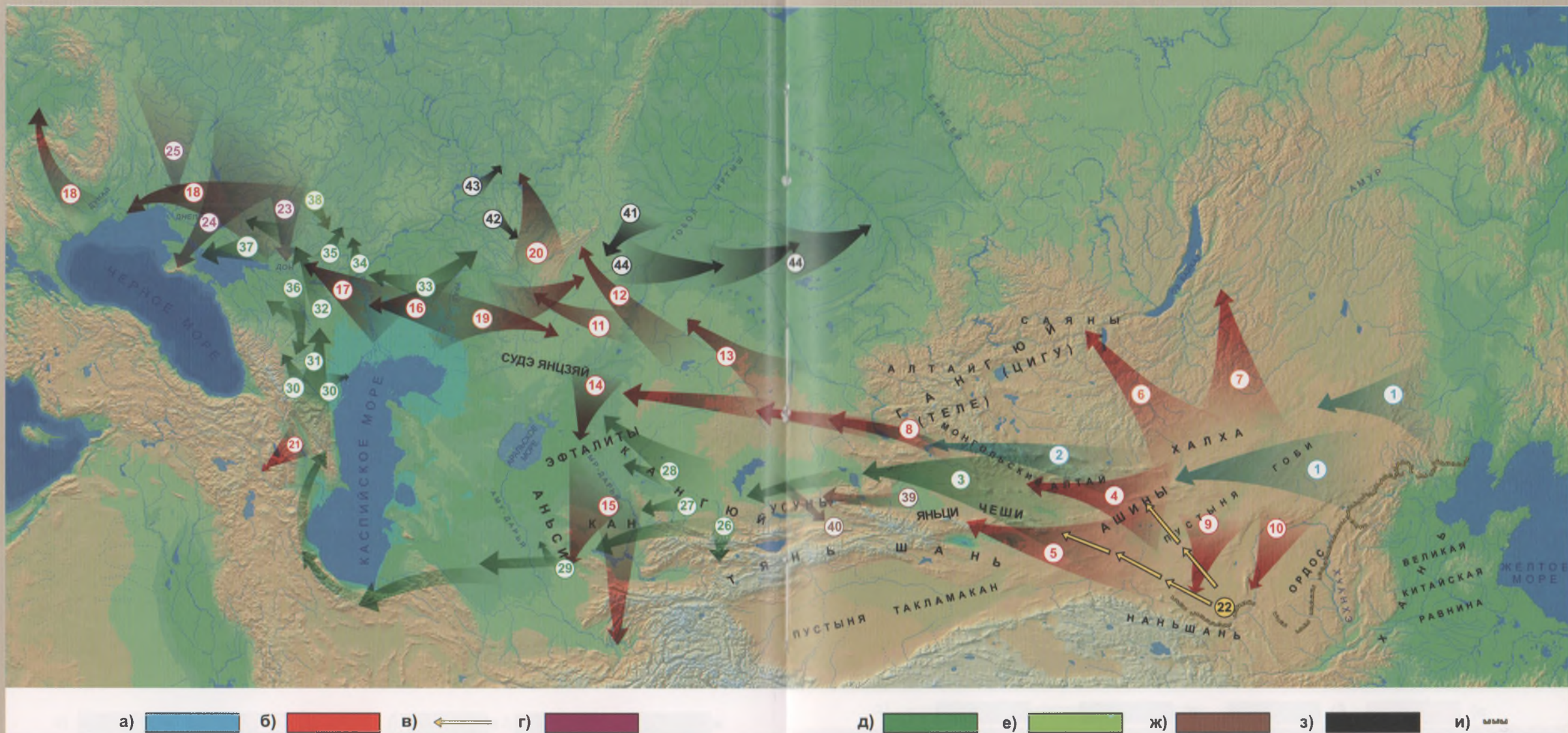

Рис. 5. Этнокультурные процессы в первой половине I тысячелетия н. э.

а) нашествие Сяньби:

1 - вторжение на территорию северных Хунну 87-156 гг. н. э.; 2 - западные походы Таньшиуая;

б) хунно-гуннские миграции:

4 - уход северных хунну в Восточный Туркестан (87 г. н.э.); 5 - уход части южных хунну после поражения от сяньби (117 г. н.э.); 6, 7 - раскол хунну, уход части северных хунну в Туву и Забайкалье (48 г.н.э.); 8 - исход северных хунну из Восточного Туркестана в Кангюй (151 г. н.э.); 9, 10 - участие южных хунну и Хань в борьбе с северными хунну, отток южных хунну в Северный Китай (48-91 гг.н.э.); 11-13 - появление гунно-сарматского населения в урало-казахстанских степях (сер. II в.н. э.); 14 - оседание гунно-сарматов в низовье Сырдарьи (гунно-кангюйский ИКК, 470 г.н.э.); 15 - походы гуннов-эфталитов в Пенджаб, Тохаристан, Уструшану, Самарканд (конец V - начало VI вв.н.э.); 16 - продвижение гунно-сарматов на Нижнюю Волгу в позднесарматское время; 17 - появление гунно-сарматов («всадников») на Нижнем Дону и в Северном Причерноморье (сер. II в.н.э.); 18 - проникновение гунно-сарматов в Низовья Дуная (Буджакская степь) (II-III вв.н.э.), в Панонию (нач. V в. н. э.), центральную Европу (сер., вторая полов. V в. н. э.); 19 - обратный отток гунно-сарматского населения после вторжения готов (середина III в.н.э.); 20 - проникновение гунно-сарматов в лесостепное Приуралье (турбаслинская культура); 21 - походы хуннов в Закавказье в составе алан (нач. IV в. н. э.);

в) походы Хань на северных хунну:
22 - в 91-98 гг. н.э., в 123 г. н.э.;

г) нашествие готов:

23 - на Нижний Дон; 24 - в Крым; 25 - в Северо-Западное Причерноморье;
д) аланские миграции в I в.н.э. (алано-кангюйский ИКК):

3 - окончательный поход аланов (ассов) из восточн. Туркестана (48-91 гг. н. э.); 26 - Кенкольские памятники Таласа и Ферганы; 27 - Ташкентского оазиса (каунгинская культура); 28 - среднее течение Сырдарьи (арысская культура); 29 - Самаркандский и Бухарский оазисы; 30 - проникновение алан в Предкавказье (памятники Терсекско-Дагестанской группы Н. Е. Берлизов, В. Н. Каминский); 31 - появление катакомб Ставрополя (III в.н.э.); 32 - проникновение алан на Нижний Дон (Донская Алания) и Северное Причерноморье (середина I в.н.э.); 33 - среднесарматские (аланские) памятники Нижнего Поволжья и Оренбуржья (1 нач. 2 вв.н.э.); 34 - переселение сармато-аланов (танаиты, асеи) из Заволжья в Подонье и лесостепное Волго-Донье 2 в.н.э.; 35 - переселение части среднесарматского населения в лесостепное Подонье 1-2 вв.н.э. (по А.П. Медведеву); 36 - переселение части алан в Восточное Предкавказье (по

С.А. Яценко) (середина III в.н.э.); 37 - уход сармато-аланов в Крым 1-2 вв.н.э.;

е) 38 - переселение славянского населения в донскую лесостепь (по А.В. Медведеву);

ж) миграции усуней: 39 - исход усуней из Восточного Туркестана (2 в.н.э.); 40 - уход усуней из Семиречья в V в.н.э.;

з) взаимодействие гунно-сарматов с лесостепным населением Урала:

41 - угорское зауральское население кашинско-прыговского типа; 42 - финно-угорское население Южного Приуралья (памятники имендешевского типа) (по В.А. Овсянникову); 43 - взаимодействие с населением именковского типа (памятники типа Коминтерновский II); 44 - инфильтрация приуральского Населения в Приобье в первые века н.э. ;

и) Великая китайская стена

Рис. 6. Этнокультурные процессы во второй половине I тысячелетия н. э.

а) позднегуннские миграции и нашествия эфталитов: 1 - возвращение гуннов из западных походов в Предкавказье (по Л. Н. Гмыре, 1995); 2 - в Волго-Камье (Коминтерновский II); 3 - в Приуралье (Турбаслинская культура); 4 - в низовья Сырдарьи (Джетыясарская культура); походы белых гуннов - эфталитов; 5 - в Самарканд, Тохаристан; 6 - в Педнжаб, Уструшану; 7 - в Кашмир; в Южное Зауралье и Западную Сибирь; 11 - расширение границ Западно-Тюркского Каганата с 555-565 гг. Разгром варов, хионитов, эфталитов (по Гумилёву, 1993, с. 34-36).

б) переселение тюркокультурного населения: 8 - вторжение оногуров 463 г. (По Дмитрову,

1987; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 63); 9 - вторжение савилов на Северный Кавказ в начале VI в. (Гадло, 1979, с. 88-92); 10 - вторжение авар в Восточную Европу 568 г. (Исхаков, Измайлов, 2000); 12 - поход на Иран 569 г.; 13 - вторжение тюрков в Боспор, Крым 576-577 гг. н.э.; 14 - выход кыпчаков в Поиртыше и Сары Арку VII-VIII вв.; 15 - завоевание карлуками Семиречья 772 г.; 16 - захват огузами Семиречья и Сырдарьи IX в.; 17 - исход печенегов (канглов) из Кангюя в Поволжье; 18 - выход кимако-кыпчаков к Южному Уралу VIII-IX вв.; 26 - завоевание Великой Болгарии хазарами в 660-е гг.; 27 - переселение болгар в VIII в.; 28-40 - переселение и нашествие тюрков в период Второго тюркского каганата (по Кляшторному, Савинову, 2005); 41-44 - походы и

переселение уйгуров в VIII в.; 53 - походы кыргызов 840-847 гг.

в) Переселения лесостепного угорского населения: 19 - перемещение угро-самодийского (потчевашского) населения в лесостепи VI-VIII вв. Притоболье, Поиртыше, Бараба; 20 - переселение кушнаренковско-каракуповских племён в Приуралье VI-VIII вв.; 21 - исход мадьярского союза племён в Лебедино, Атадбкху конец IX в.; 22 - отток угорского петротрогрозского-инялинского населения в Приуралье IX-XIII вв.; 24 - переселение мадьяр в Ателькузу; 25 - переселение мадьяр в Альфельд; 23 - переселение угорского промансийского населения в IX-X вв.

г) 45 - переселение татар в VIII-IX вв.; 46-49 - переселение тибетцев в VIII-IX вв.; 51 - переселение тонгра; 52 - переселение киданей, басмалов (по Кляшторному, Савинову, 2005); 58 - переселение табатов (по Кляшторному, Савинову, 2005).

д) 54 - военные походы Танской империи; 56 - военные походы хазар VII-VIII вв.

е) 55 - военные походы арабов.

ж) 57 - походы руссов

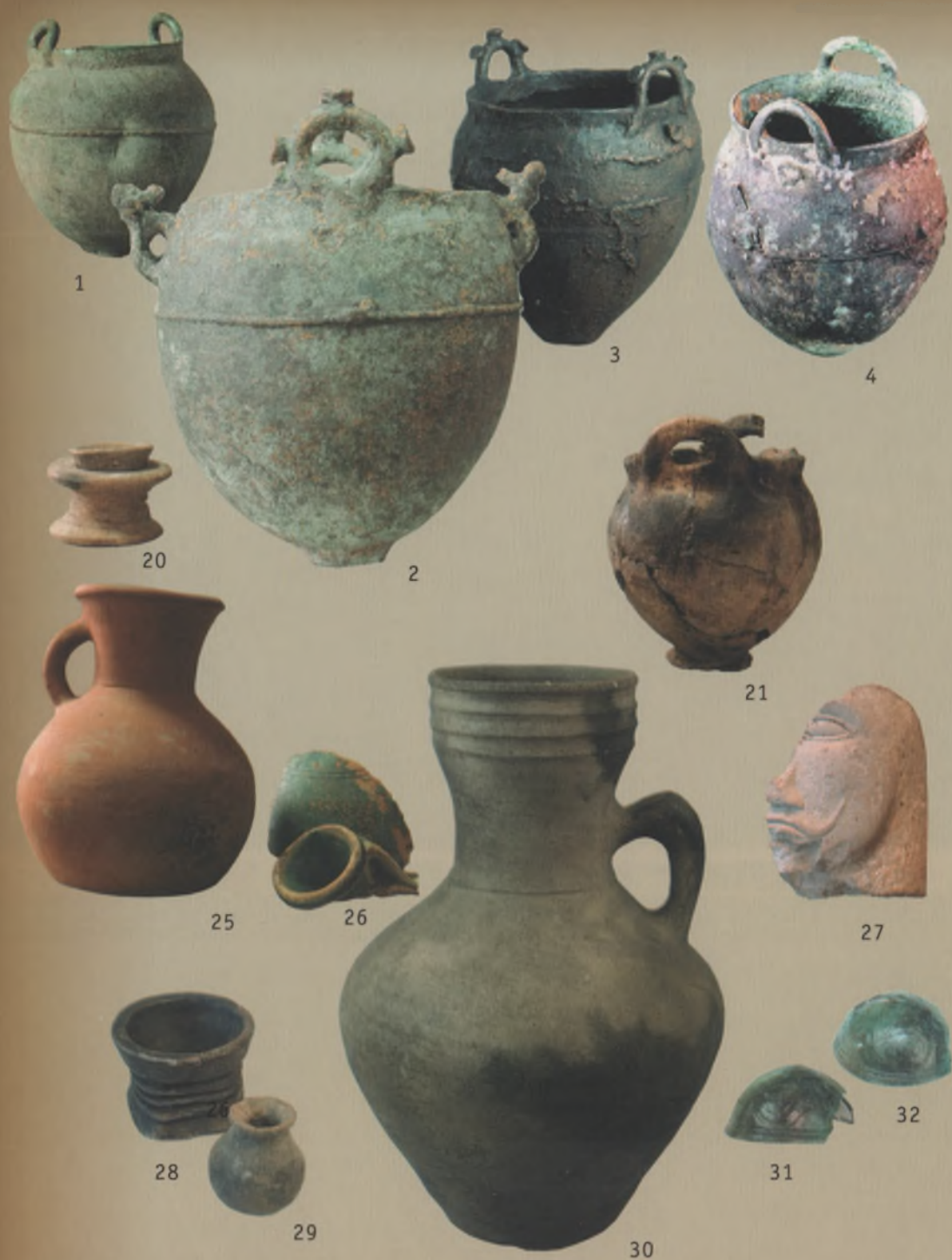

Рис. 7. Гунны: 1–4 – бронзовые котлы из гунно-сарматских памятников; 5–8, 11–13, 32 – Темясово (II–IV вв.); 9, 10 – Бердянский (II–III вв.); 14, 15, 17–19 – Больше Караганский (II–III вв.); 16 – Друженский (II–IV вв.); 20, 21, 25, 26, 28–30 – керамика из гунно-сарматских памятников;

22 – Магнитный (II–IV вв.); 23, 24 – медальерное и монетное изображения Атиллы и Лакханы; 27 – Уфа-2 (Башкорт); 31 – Малково (III–IV вв.); 33–39 – бронзовые ханьские зеркала из гунно-сарматских комплексов. Fig. 7. The Xiongnu-Hunepoch: the face of material culture

Рис. 8. Раннегуннские и раннетюркские памятники Урала. *Fig. 8. The barrows of Hun-Sarmats (aerial photography). Barrows with «ridges» (aerial photography)*

1 – Городищенское IX; 2, 7 – Солёный Дол; 3 – Новоактубинский; 4 – Сарбулат; 5, 6, 9 – Магнитный; 8 – Суходол

Рис. 9. Тюрки: 1–6 – керамическая посуда из курганов с «усами»; 7 – Шадринский краеведческий музей; 8 – Сунчелеево (Татарстан); 9 – Жайсан (Казахстан); 10 – тюркские вожди и подданные Танских императоров. Квинлин (Сиань); 11 – скульптурный портрет кагана Кутлуга (Монголия); 12–14, 16, 18 – Солончанка I; 17 – Городищенское IX

Fig. 9. The early-turkic epoch: the face of material culture

[Нечаева, 1961. С. 156–157]. Л. Г. Нечаева, таким образом, фактически впервые попыталась придать археологический облик историческим реалиям, которые так или иначе были засвидетельствованы письменными источниками.

Несмотря на то что эта работа Л. Г. Нечаевой была весьма скептически воспринята специалистами-сарматоведами, сегодня многие ранее спорные и дискуссионные положения, высказанные ею, звучат весьма убедительно. Так, дальнейшим развитием идей о среднеазиатском происхождении аланских катакомб Северного Кавказа стала специальная работа Н. И. Берлизова и В. Н. Каминского [Берлизов, Каминский, 1993].

Тезис о том, что среднесарматские и позднесарматские комплексы являются памятниками разных культур, так как различие в погребальном обряде весьма значительно, высказанный Л. Г. Нечаевой [Нечаева, 1961. С. 156], сегодня получил подтверждение на примере гунно-сарматских памятников урало-казахстанских степей. В пределах степей Урало-Ишимского междуречья фактически отсутствуют памятники I века до н. э. – I века н. э., а комплексы II–IV вв. появляются неожиданно в массовом количестве и культурном единообразии [Боталов, Гуцалов, 2000]. Причины малочисленности памятников I век до н. э. – I век н. э. в урало-казахстанских степях кроются, с одной стороны, в области экологических процессов (скачок аридизации, приходящийся на конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.) [Крадин, 1995. С. 164; Таиров, 1995. С. 95], с другой — обусловлены особыми историческими событиями, в которые были включены не только урало-казахстанский, но и волго-донской регионы. Как следует из логики одной из недавних работ И. В. Сергацкова, проникновения аланов (маскетов, массагетов) в Восточную Европу шло через Переднюю Азию и Кавказ, далее они расселялись в Подонье и в Поволжье [Сергацков, 1998. С. 44–48]. Вероятнее всего, до конца I или начала II вв. н. э. они достигли лишь районов Заволжья, в связи с чем более восточные районы оказались слабозаселенными.

Анализ письменных упоминаний Птолемея и Дионисия о раннем присутствии хуннов-гуннов в Восточной Европе сегодня убеждает исследователей-гунноведов в подлинности этих сведений [Гмыря, 1995. С. 46–47; Засецкая, 1994. С. 134–138]. Более того, в последние годы в ряде работ появились дополнительные упоминания из позднеримских и армянских источников о присутствии гуннов в Восточной Европе в III – начале IV вв., то есть задолго до нашествия гуннов на донских алан [Гмыря, 1995. С. 46–47; Яценко, 1993. С. 85].

Весьма своеобразную точку зрения о гуннском присутствии в волго-донских степях на основе археологического материала Танаиса высказал Д. Б. Шелов. Отмечая, что следы собственно гуннов в Танаисе, как и на других Боспорских городищах, фиксируются «очень плохо», несмотря на то что этот город почти сто лет находился под их господством, автор приводит ряд гуннских, с его точки зрения, черт. К ним относятся костяные накладки сложносоставного лука, костяные наконечники стрел, бронзовые амулеты в виде человеческих фигурок, а также антропологические особенности (деформация и монголоидность черепов) отдельных скелетов. К гуннским чертам относятся и безынвентарные захоронения шкур лошадей, культурная атрибутика которых остается не совсем понятной [Шелов, 1978. С. 87]. Таким образом, вольно или невольно автор интерпретирует как гуннские признаки, характерные для позднесарматских памятников.

Весьма важную роль гуннов в этнической истории народов Поволжья и Приуралья отмечал А. П. Смирнов. Им было сделано очень важное наблюдение, что сармато-аланский (в контексте – позднесарматский) компонент являлся основным на юго-востоке Европы и после гуннского нашествия [Смирнов А. П., 1984. С. 67].

И, наконец, синтезировав существующие точки зрения по вопросам этнокультурных интерпретаций позднесарматской культуры, Т. Сулимирский разделил по-

зднесарматскую (аланскую) общность на два ареала — восточный и западный [Sulimirski, 1970. С. 142–144]. Аланское население, располагавшееся на восточном крыле сарматского ареала, по его мнению, находилось под большим влиянием и в политической зависимости от гуннов, в результате чего переняло многие их обычаи. Степень гуннского влияния выразилась в основных различиях, которые существовали между среднесарматской и позднесарматской культурами. Эти различия устанавливались постепенно. Первоначально к востоку от Волги исчезли диагональные и катакомбные погребения и на их место пришли курганы с узкими прямоугольными ямами с северной ориентировкой покойников. Одновременно распространился обряд деформации черепов. Погребальный инвентарь представлен особыми, восточными, типами изделий: длинные мечи без перекрестий; луки «гуннского» типа; «гуннские» наконечники стрел; упряжь и удила, характерные для гуннов; особые типы керамики; «курильницы» и маленькие зеркала с боковой ручкой или ушком для привязывания. Позднее, с III века н. э., эти черты распространяются и в Волго-Донском междуречье.

По мнению Т. Сулимирского, все эти изменения были привнесены гуннами и другими азиатскими народами, так как к I веку н. э., по данным античных авторов, гуннские владения простирались до Каспия [Sulimirski, 1970. С. 145–146].

Данная точка зрения, на наш взгляд, весьма точно реконструирует процесс этнокультурных трансформаций, происходивших на восточном крыле сармато-аланского ареала. Т. Сулимирский довольно однозначно связывает с гуннским влиянием наиболее кардинальные изменения, которые, по общепринятому мнению, явились решающими в сложении позднесарматской культуры. При этом он весьма подробно разбирает характер позднесарматских инноваций, которые совершенно по-разному проявлялись в пределах Дона, Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья [Sulimirski, 1970. Р. 146–150].

Таким образом, несмотря на господствующие представления о сармато-аланской природе позднесарматской культуры, «гуннские» параллели и представления занимают весьма серьезное место в историографии.

Тем не менее, И. П. Засецкой к собственно гуннским были отнесены немногочисленные и весьма разнохарактерные (в культурном смысле) комплексы восточно-европейских и урало-казахстанских степей, датируемые IV–началом VI вв. н. э., в том числе и Шиповские курганы. Иная точка зрения, как уже упоминалось, на культурную и хронологическую позицию этих памятников была высказана А. К. Амброзом.

Коротко суть полемики сводилась к тому, что А. К. Амброзом восточно-гуннские степные комплексы были разделены на три хронологические группы памятников: IV–V вв. н. э.; VI–VII вв. н. э.; VII века н. э. [Амброз, 1971; 1971а]; И. П. Засецкая, его основной оппонент, большую часть этих материалов относит к единому периоду IV–V вв. н. э. Разнообразие же типологических особенностей связано, по ее мнению, с половыми или какими-то другими различиями. Все древности делятся И. П. Засецкой на пять единовременных подгрупп от А до Д [Засецкая, 1978. С. 68–69; 1994. С. 111–131]. Хронологические позиции одних и тех же памятников у этих исследователей значительно различаются. Так, для Шиповских и Муслюмовских курганов эта разница составляет один–два века; для Борового и Канаттаса — два–три века. На наш взгляд, собрав и подытожив фактически весь материал по ранне-средневековым древностям Евразии, А. К. Амброз выделил три хронологических пласта, каждый из которых включает ряд ярких эталонных комплексов. Его система типологических привязок с привлечением широчайшего круга аналогий не вызывает сомнений в тщательности и скрупулезности этой методики. Характер же последующей дискуссии был вызван, прежде всего, несогласием некоторых авторов,

попытавшихся приложить локально-хронологические схемы к системе А. К. Амброза. Некоторые из доводов против хронологии А. К. Амброза, строившиеся, как правило, на больших совокупностях материалов, были весьма весомыми и убедительными, что признавалось и самим А. К. Амброзом [Генинг, 1972. С. 228–235; Голдина, 1979; Засецкая, Маршак, Щукин, 1979. С. 124]. Однако, следует подчеркнуть, что по сути все доводы оппонентов носили локальный, частный характер.

При пристальном рассмотрении, спор между И. П. Засецкой и А. К. Амброзом сводится также к удревнению или омоложению поволжско-приуральских и казахстанских материалов, на основании существующей между ними технологической общности и преемственности [Засецкая, 1978. С. 62–63. Рис. 2]. Наиболее дискуссионным оказалось «восточное крыло» схемы А. К. Амброза. Хронологическая интерпретация материалов Западной Европы, Крыма и Кавказа в целом в большинстве своем не приводила к ощутимому разнообразию мнений. Однако локальные корректировки дат целых групп памятников приводили к частичному разрушению многоэтажных хронологических конструкций и, вероятно, поэтому А. К. Амброз не принял большинство этих поправок [Амброз, 1985]. Постепенно спор ушел в мельчайшие типологические особенности, а дискутирующие не меняли своих точек зрения. Первопричина этих разногласий, как нам кажется, была околнута еще самим А. К. Амброзом на страницах фундаментального исследования, где приводилась таблица соотношения типологической периодизации инвентаря и монет [Амброз, 1971. Рис. 1]. Подобно тому как монеты могут попасть в погребение спустя различное, не всегда поддающееся учету время после их выпуска, так и отдельные вещи, особенно ценные, могут быть помещены в погребения спустя разное время после их изготовления. Думается, что не случайно участки хронологической схемы гуннских древностей оказываются более устойчивыми для Центральной Европы, где остановилась миграционная волна гуннского и других кочевнических переселений, а также в Крыму и на Северном Кавказе, в предгорьях которых происходило активное оседание средневековых кочевников. Менее подвижный образ жизни в местах оседания кочевников приводил к образованию крупных стационарных погребальных усыпальниц и к накоплению в них богатого разнородного и одновременного археологического материала. На эту тенденцию и указывал еще А. К. Амброз [Амброз, 1980. С. 3].

В связи с этим такие различные в большинстве своем погребальные памятники, как могильники гепидов в Венгрии, Каравуково (Югославия), Турне (Бельгия), Суук-Су, Дюрсо, Мокрая Балка, Чми и другие (Крым, Кавказ), будут включать «пережиточные» материалы, несущие гуннские, аварские, тюркские и другие традиции, датирующиеся VI–VII вв. и даже VIII веком.

В ходе дискуссии уточнение датировок пошло двумя путями. Первый из них был достаточно традиционен и ранее успешно применялся при датировке кочевнических древностей [Мерперт, 1955] и древностей Руси [Кирпичников, 1966; 1966а; 1971; 1973]. На основании этого метода датировка отдельных категорий вещей устанавливалась благодаря построению их эволюционных рядов. Таковыми стали работы по пряжкам и поясной гарнитуре В. Б. Ковалевской, по кинжалам и конской упряжи V–VI вв. А. К. Амброза [Амброз, 1973; 1986; 1986а; Ковалевская, 1972; 1979]. Однако этот метод оказался весьма уязвимым при переносе его на конкретные комплексы вещевого материала. Логика исследований обусловила другой метод датировок. В его основу были положены конкретные комплексы, их саморазвитие и взаимовстречаемость отдельных категорий и типов вещей внутри них. Ранее этот метод был успешно применен в датировке Прикамских памятников ломоватовской культуры Р. Д. Голдиной [Голдина, 1970; 1979].

Одна из попыток привлечения как можно более полного материала, диффе-

ренцированного по группам, когда каждая остается суммой конкретных погребений, принадлежит И. П. Засецкой [Засецкая, 1978]. Однако сравнительная малочисленность и разнородность гуннских материалов (34 комплекса с обширной территории восточно-европейских степей) и, что особенно важно, слабая документированность и сохранность коллекций не позволили автору при построении хронологической схемы в полной мере применить корреляционный метод. Более эффективно данный метод сработал при датировке могильников Северного Кавказа в последней работе А. К. Амброза «Хронология древностей Северного Кавказа». В ней А. К. Амброз достаточно убедительно оценил взаимовстречаемость и продолжительность существования отдельных вещей. Каждый из выделенных им хронологических периодов для северокавказских древностей, на наш взгляд, более всего можно сравнить «...с неподвижным снимком непрерывно движущегося процесса...» [Амброз, 1980. С. 4]. Однако в последней главе, касаясь вопросов хронологии степных гуннских древностей и отстаивая свои позиции по датировке памятников, А. К. Амброз прибегает к традиционному поиску самого широчайшего круга аналогий и довольно случайному сопоставлению различных категорий вещей. В результате этого комплекс Боровое по аналогиям отдельным предметам датируется VII веком [Амброз, 1989. С. 71]. Дата же Канаттаса опирается на круг аналогий костяным подпружным пряжкам, которые существуют на протяжении более чем одного тысячелетия вплоть до XII–XIII вв.

Таким образом, вопросы датировок единичных степных комплексов, вероятно, будут оставаться спорными вплоть до построения локальных шкал, основанных на достаточном количестве материалов. Касаясь хронологии Шиповских комплексов, следует отметить, что на сегодняшний день имеется две их датировки. И. П. Засецкая датирует их последней четвертью IV–V вв. и соотносит с гуннскими памятниками, а А. К. Амброз – VI–VII вв. и соотносит, по всей видимости, со следующим этнокультурным этапом в Евразийских степях [Амброз, 1989. С. 66, 75].

Итак, вопрос об установлении верхнего хронологического рубежа позднесарматской культуры, как непосредственно предшествующего Шиповским комплексам, остается открытым. Тем более, что сегодня в работах, посвященных хронологии средневековых комплексов второй трети I тыс. н. э., наблюдается явная тенденция к омоложению материалов, подобных шиповским до VI века н. э. [Богачев, 1996; Гавритухин, 1996]. Учитывая это, следует признать, что при наличии временной лагуны не менее чем в 100–200 лет трудно говорить о том, что позднесарматская культура Нижнего Поволжья непосредственно сменяется гуннскими памятниками шиповского облика.

В общем историографическом анализе археологической проблематики, рассматриваемой в нашей работе, необходимо коснуться основных этапов исследования и общей характеристики отдельных культур и типов археологических памятников Приурало-Поволжского региона. Необходимость рассмотрения некоторых историографических аспектов в изучении отдельных групп памятников этого региона вызвана тем обстоятельством, что их появление многими авторами связывается с гуннами и ранними тюрками. Прежде всего, это памятники турбаслинской культуры, которые располагаются в лесостепной зоне среднего течения реки Белой в месте ее слияния с рекой Уфой.

Наиболее крупные памятники культуры – Дежневский и Ново-Турбаслинский могильники. Исследование последнего еще в конце прошлого века было осуществлено Ф. Д. Нефедовым, который раскопал 40 курганов [Нефедов, 1899]. Основным исследователем этого памятника стал Н. А. Мажитов, раскопавший большую часть курганов и выделивший на основе этих материалов вначале отдельный тип, а затем археологическую культуру [Мажитов, 1959. С. 114–142; 1968. С. 65–73; 1981. С. 23–

25]. В 60–70 годы раскопками Дежневского могильника и Уфимских курганов занимались А. Х. Пшеничнюк, С. М. Васюткин, М. Х. Садыкова [Васюткин, 1970. С. 163–181; Пшеничнюк, 1968. С. 105–112]. В это же время Г. И. Матвеевой был исследован Шареевский могильник [Матвеева, 1968. С. 5–20]. В последние годы раскопками турбаслинских памятников активно занимается Ф. А. Сунгатов [Сунгатов, 1995. С. 118–137; 1995а].

Существуют разные точки зрения на хронологические рамки существования турбаслинской культуры. Впервые систематизировав археологический материал Ново-Турбаслинского могильника, Н. А. Мажитов датировал его V–VII вв. [Мажитов, 1968. С. 68–142]. Г. И. Матвеевой были предложены более широкие рамки ее существования – VI–IX вв. [Матвеева, 1968. С. 19, 20]. Согласно хронологической схеме, предложенной А. К. Амброзом, материалы Ново-Турбаслинского могильника датировались VII–VIII вв. [Амброз, 1971а. С. 107]. Чуть позже эту точку зрения принял и Н. А. Мажитов [Мажитов, 1981. С. 23]. В. Ф. Генинг ограничил время существования турбаслинского типа памятников концом V–VI вв. [Генинг, 1972]. С. М. Васюткин датировал эту культуру рубежом IV–V – первой половиной VIII вв. [Васюткин, 1970]. В различных работах В. А. Иванова рамки существования турбаслинских памятников определялись началом VI – серединой VII вв. [Иванов, Кригер, 1987; Кузеев, Иванов, 1983]. Ф. А. Сунгатовым был проведен статистический анализ материалов всех известных памятников данной культуры, в результате чего он пришел к заключению, что время ее существования можно определить V – началом VIII вв. [Сунгатов, 1995а. С. 13, 14].

Дискуссионным сегодня остается вопрос происхождения и этнокультурной принадлежности рассматриваемой культуры. Большая схожесть плоскодонных сосудов из турбаслинских погребений с керамикой именковской культуры позволила ряду авторов высказать предположение о принадлежности Турбаслинского комплекса к именковскому кругу памятников, либо объяснять происхождение турбаслинской культуры переселением части именковских племен из Поволжья в Приуралье [Васюткин, 1986. С. 62–66; Сальников, 1964. С. 13; Смирнов А. П., 1971; Старостин, 1971]. Однако бесспорная схожесть элементов погребального обряда фиксируется в турбаслинских и позднесарматских памятниках (одиночные погребения, совершенные в прямоугольных могильных ямах, ямах с заплечиками или ямах с подбоем; северная ориентировка погребенных; деформация черепов; набор вещевого инвентаря), антропологическая близость и единство керамического комплекса позволили Н. А. Мажитову на самом раннем этапе исследования высказать, на наш взгляд, вполне правомерное мнение об общесарматских истоках культуры турбаслинцев. В более поздних работах он делает весьма существенные дополнения. Так, на раннем этапе исследований Н. А. Мажитов указывает, что турбаслинцы в основе своей сложились из южноуральского гунно-сарматского населения, находящегося, с одной стороны, под сильным тюркским влиянием, с другой – активно смешивающегося с оседлыми бахмутинскими племенами [Мажитов, 1968. С. 70–72]. Несколько позже, развивая тезис о среднеазиатском происхождении плоскодонной керамики и подбойного обряда у турбаслинцев, Н. А. Мажитов рассматривает их как потомков южноуральских кочевников (сарматов), с одной стороны, и выходцев из степей Средней Азии (саков) – с другой [Мажитов, 1981. С. 25]. И, наконец, чуть позже автор говорит о том, что турбаслинская культура возникла в результате переселения большой группы кочевых племен, постепенно оседавших в среднем течении реки Белой. На основании анализа погребального обряда и керамического комплекса Н. А. Мажитов приходит к выводу, что эти кочевые племена являлись потомками населения позднесарматской и саргатской культур Южного Урала, Сибири и Казахстана [Мажитов, 1988. С. 9–11].

Близкую точку зрения по этому вопросу высказывает и А. Х. Пшеничнюк. В работе, которая, правда, не посвящена конкретно данной культуре, он, на наш взгляд, достаточно точно рисует схему формирования турбаслинской культуры: «...предполагается, что большая часть позднесарматского населения была вовлечена в завоевательные походы на запад. Вполне вероятно, что какая-то часть сарматского населения была вынуждена уйти на север от основной магистрали движения гуннских племен. На это указывает появление в конце IV–V веков больших курганных могильников так называемого турбаслинского типа в Центральной Башкирии» [Пшеничнюк, 1983. С. 132]. Фактически смыкается с этой точкой зрения и позиция С. М. Васюткина [Васюткин, 1986. С. 196], хотя он делает существенное дополнение: позднесарматские племена, продвинувшиеся в конце IV века в лесные районы правобережья реки Белой, испытали «сильное тюркское влияние» (подразумевая под этим, вероятно, влияние со стороны гуннов).

Таким образом, основное число исследователей принципиально сходятся во мнении о генетической преемственности позднесарматских и турбаслинских памятников. В последний период, с появлением исследований Ф. А. Сунгатова, данная точка зрения, на первый взгляд, не изменилась. Признавая в целом, что турбаслинцы являются прямыми потомками сарматов, он, тем не менее, подчеркивает, что существовал временной разрыв между поздними позднесарматскими памятниками (II–III вв.) и ранне-турбаслинскими комплексами V века. В число последних он включает и курганы Салиховского могильника, которые ранее автором основных исследований С. М. Васюткиным датированы концом IV – первой половиной VI вв. [Васюткин, 1986. С. 194]. Однако Ф. А. Сунгатовым не были учтены памятники позднесарматского времени III–IV вв. с примыкающих территорий Южного Приуралья и Южного Зауралья.

В III–IV вв. по мнению Ф. А. Сунгатова, прототурбаслинцы (поздние сарматы) в составе гуннского военного союза участвовали в западных походах, а после разгрома гуннов сарагурами в Поволжье часть волго-донского гунно-сарматского населения была вынуждена переселиться в Приуралье [Сунгатов, 1995а. С. 19–22]. Эта точка зрения перекликается с мнением о происхождении других памятников типа «Тураево», ранее высказанным В. Ф. Генингом. Указывая на наличие ярких аналогий в погребальном обряде и вещевом инвентаре Тураевского комплекса с материалами памятников азиатских гуннов, В. Ф. Генинг приходит к выводу, что памятники типа Тураевского могильника в Прикамье оставлены гуннами, возвратившимися из европейских походов [Gening, 1995]. Однако эта точка зрения на возникновение памятников тураевского типа не была поддержана исследователями. Не дискутируя в данном изложении с точкой зрения Ф. А. Сунгатова по вопросу о юго-западном происхождении турбаслинских памятников, отметим как положительный момент то, что в последних целевых исследованиях по вопросу о турбаслинской культуре указанный автор пришел к мнению, что составляющие этой культуры сформировались и просуществовали до VIII века в среде гунно-сарматского населения Южного Урала.

Коротко коснемся историографии вопроса интерпретации немногочисленных письменных источников, позволяющих в той или иной мере картографировать гуннские племена на самой ранней стадии (II в. – вторая половина IV в.) их обитания на азиатско-европейском пограничье. Речь идет, прежде всего, об упоминаниях позднеримского поэта Дионисия Периегета, который в своем стихотворном землеописании в списке прикаспийских народов приводит неких уннов [Известия древних писателей.... С. 185, 186] и античного астронома и географа Птолемея (160–180 гг.), поместившего хуннов в Юго-Восточной Европе между бастартами и роксоланами [Известия древних писателей.... С. 232]. Эти источники впервые были переведены и

прокомментированы В. В. Латышевым, который охарактеризовал их как самые ранние упоминания о гуннах. Данные сведения по-разному интерпретировались исследователями. М. И. Артамонов идентифицировал уннов Дионисия с гуннами и поместил их за прикаспийскими скифами в местности, примыкающей к Аральскому морю, а гуннов Птолемея картографировал где-то в районе Причерноморья [Артамонов, 1962. С. 42, 43]. А. Х. Халиков, ссылаясь на комментарий Ф. Алтейма, помещает гуннов Дионисия в 160 году за прикаспийскими сарматами в степях Южного Урала и Устюрта [Халиков, 1987. С. 90; Altheim, 1960].

Для большинства же исследователей сведения Дионисия являлись спорными [Гмыря, 1980. С. 153, 156; 1995. С. 47; Джафаров, 1986; Засецкая, 1994. С. 132–138]. Тем не менее, это не помешало им прийти к единому мнению, что уннов Дионисия можно размещать в Западном и Северо-Западном Прикаспии. Л. Б. Гмыря очерчивает южные границы их территории Дербентским проходом, а северные, вероятно, северокаспийскими степями [Гмыря, 1995. С. 47]. И. П. Засецкая, в целом сомневаясь в сообщении Дионисия Периегета, провела подробнейший анализ его изложения и соотнесла эти сведения с ранними (Страбон) и более поздними (Иордан) авторами. В результате она пришла к выводу, что этноним «унны», скорее всего, соотносится с гуннами, а не с ранее известными утиями, проживавшими в Южном Прикаспии, тем более что латинская традиция называть хуннов гунно-уннами широко известна у более поздних авторов (Созомен, Приск Понтийский). И. П. Засецкая локализует уннов Дионисия к северо-западу от Прикаспия, между реками Терек и Кума [Засецкая, 1994. С. 134–136].

Сведения Птолемея, по мнению исследователей, носят либо самый общий характер, либо являются эпизодическим упоминанием о незначительном (в общеисторическом смысле) присутствии гуннского компонента в Восточной Европе [Гмыря, 1995. С. 47; Засецкая, 1994. С. 137, 138].

Следующие упоминания относятся к первой половине III века. В сочинениях V века армянского историка Агафангела, которые приводит Л. Б. Гмыря, содержатся более ранние сведения об участии гуннов вместе с армянами и другими кавказскими народами в борьбе против персов в 227 году [Гмыря, 1995. С. 47]. И. П. Засецкая приводит описания земель готов после их прихода в Южную Европу в середине III века н. э., где гунны помещаются также севернее и северо-западнее Каспия [Засецкая, 1994. С. 136]. Еще одно упоминание о гуннах, находившихся в составе аланского войска, относится к началу IV века и содержится в сведениях другого армянского автора IV века Фавстота Бузанда [Яценко, 1993. С. 85].

Таким образом, при всей разрозненности и эпизодичности упоминаний в приведенных письменных памятниках наблюдается известная определенность. В период до Аммиана Марцеллина (до второй половины IV в.) на протяжении двух столетий гунны упоминаются четырежды с интервалом в 50 лет и размещаются на территории, примыкающей к юго-западным границам Европы. С одной стороны, эти сведения весьма скудны, с другой – нельзя не заметить длительную последовательность их упоминания. Это объяснимо, с одной стороны, тем, что в данный период гунны не играли той политической роли, которая была уготована им впоследствии, с другой, очевидно, тем, что это была уже достаточно признанная и мобильная военнополитическая единица на Евразийском пограничье. Лишь постепенно (в течение двух веков), консолидируясь и вживаясь в политическую инфраструктуру региона, гуннское объединение смогло выступить против Великой Алании в 70-х годах IV века. После чего этот этноним долго не сходил со страниц средневековых хронографов.

В заключении историографической части рассмотрим еще один важный аспект, связанный с памятниками раннетюркского периода. Он касается историко-куль-

турной принадлежности интереснейших памятников урало-казахстанских степей, которыми являются курганы с «усами» или курганы с грядями.

При анализе материала упомянутых комплексов выявилась необходимость пересмотра их хронологической и культурной принадлежности. Ранее М. К. Кадырбаевым курганы с грядями были датированы VII–IV вв. до н. э. и отнесены им к тасмолинской культуре Центрального Казахстана [Кадырбаев, 1958; 1962; 1966].

Однако уже в самом начале исследований курганов с «усами» существовала и иная точка зрения на их хронологическую и культурную принадлежность. Так, еще в 1949 году А. Х. Маргулан высказал предположение о возможности датирования курганов с «усами», или, как он их называл, курганов с «лучами», второй половиной I тыс. н. э. Основания для этого ему дала группа памятников с «лучами» и стелами в долине реки Джинишке у восточного склона гор Бегазы. Группа состояла из большого кургана и двух углублений прямоугольной формы, окруженных каменными вымостками в виде дорожек или «лучей». Большой курган занимал западную часть площадки памятника, углубления – восточную. На восточных краях углублений стояли высокие, хорошо обтесанные стелы, «на верхней части которых, имеющих форму головы, заметны грубые черты лица. На стелах имеются также непонятные знаки, напоминающие орхонское письмо. Внешний вид сооружения, окруженного каменными рядами и стелами, дает некоторые основания датировать его эпохой разложения родового общества... Может быть, это был период сложения тюркского каганата. В самом деле, наличие вокруг кургана целого комплекса объектов: стел и «лучей» из массивных каменных гряд, иногда тянущихся на расстояние до 250 м, позволяет более точно определить время сооружения памятников с «лучами» и датировать их эпохой, предшествующей появлению в Центральном Казахстане крупного племенного союза кыпчаков... Высокие, гладко обтесанные стелы, как прототип позднейших балбалов, особенно характерных для периода кыпчаков, создавались не позднее VI в. н. э.» [Маргулан, 1949. С. 21].

Впрочем, по вопросу культурной и хронологической принадлежности курганов с «усами» в археологической науке возобладала точка зрения П. С. Рыкова и М. П. Грязнова. Предложенная ими датировка курганов с «усами» была в дальнейшем поддержана и уточнена М. К. Кадырбаевым в его кандидатской диссертации и ряде опубликованных работ [Кадырбаев, 1958; 1959; 1959а, 1959б; 1961; 1962]. Он, в частности, включил курганы с «усами» в выделенную им тасмолинскую культуру и раздвинул хронологические рамки существования таких комплексов, отметив, что если одни из них датируются VII–VI вв. до н. э., «то другие курганы относятся, очевидно, к более позднему времени (V–IV вв. до н. э.), хотя весь круг этих памятников представляет единую культуру» [Кадырбаев, 1958. С. 104]. В дальнейшем он еще более расширяет рамки их существования, поднимая верхнюю границу до середины I тыс. н. э. «Курганы с каменными грядями бытуют на территории Центрального Казахстана целое тысячелетие – с середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. Наиболее ранний памятник этого типа представлен Боровским погребением. К V–III вв. до н. э. относится большинство курганов Коунрадского, Шетского и других районов. И, наконец, последние курганы с каменными грядями доживают до середины I тыс. н. э.» [Кадырбаев, 1959. С. 14; 1959б. С. 97].

Поднимая верхнюю границу существования курганов с «усами», М. К. Кадырбаев опирался на исследованные им и хорошо датируемые памятники, такие как Канаттас, курган 19 и Коктал. После выхода же в свет в 1966 году коллективной монографии «Древняя культура Центрального Казахстана» датировка комплексов курганов с «усами» и их культурная принадлежность, предложенная М. К. Кадырбаевым, стали на долгое время общепризнанными. Раскопанный С. М. Ахинжаныным в предгорьях Каратау (Южный Казахстан) курган с «усами» Беркуты [Ахин-

жанов, 1977. С. 75–80] заставил исследователей вновь поднять верхнюю границу существования таких комплексов уже до VII–VIII вв. н. э.

Новым этапом в исследовании курганов с «усами» стала работа А. З. Бейсенова, которому удалось собрать и обобщить планиграфические данные 270 (!) курганов, обнаруженных в степях Казахстана, большая часть которых располагалась в районе Сары-Арки. В своей работе он привел данные по 56 комплексам курганов с «усами», полностью или частично раскопанным [Бейсенов, 1996. С. 31–41; 1997. С. 17–19]. Несмотря на всю грандиозность проведенных исследований, вопрос двойной культурной и хронологической стратификации данных комплексов решен не был. Более того, выявились новые парадоксальные обстоятельства. Так, среди актюбинской группы памятников, приводимых А. З. Бейсеновым, два кургана (Усуп I, курган 1; Каргалы II, курган 1) содержали «впускные погребения или клады I тысячелетия н. э.» [Бейсенов, 1996. С. 38–39; 1997. С. 19]. Наличие в различных типах курганов с «усами» инокультурных и иновременных погребений и находок не смутило автора исследования. Эти курганы, по его мнению, являются особыми культоритуальными и погребальными сооружениями тасмолинской культуры. Автор придерживается точки зрения о впускном характере всех инокультурных погребений и предметов [Бейсенов, 1999. С. 114–115]. Убежденность А. З. Бейсенова основывается на том обстоятельстве, что в большинстве исследованных им в районе Сары-Арки курганов с «усами» (24 кургана) содержались захоронения, относящиеся к тасмолинской культуре. Согласно классификации исследователя это — курганы типа 2. По мнению автора, этот тип состоял из большого погребального кургана и «пристроенного» к нему с востока собственно комплекса кургана с «усами». На приводимых им схемах разновидностей данного типа хорошо видно, что большой погребальный (западный) курган планиграфически не вписывается в общую схему комплекса или перекрывается центральным курганом, от которого отходят гряды [Бейсенов, 1996. С. 36. Рис. 1, 4–7, 40]. Как нам представляется, и в этом случае имеет место двойная стратиграфия приводимых комплексов. Именно об этом случае, вероятно, и говорил С. С. Сорокин, когда высказал предположение о одновременности составных элементов некоторых курганов с «усами». По его мнению, погребальный курган был более древним, чем малое сооружение с костями лошади и каменными грядами [Сорокин, 1981. С. 23–39]. Вероятно, существовала устойчивая традиция у населения восточных районов Центрального Казахстана сооружать курганы с «усами» у подножия или непосредственно на насыпи более древнего кургана, что объясняет двойную стратиграфию этих комплексов. Остается лишь сожалеть об отсутствии публикаций раскопок памятников из Сары-Арки.

Тем не менее, в результате исследований А. Х. Маргулана, А. М. Оразбаева, М. К. Кадырбаева, А. Х. Арслановой и А. З. Бейсенова был собран интереснейший материал, позволяющий сегодня систематизировать эти памятники [Арсланова, 1975. С. 116. Рис. 29; Бейсенов, 1996. С. 31–41; Маргулан, 1948; 1948а; Оразбаев, 1969. С. 175–191].

Завершая историографический обзор, заметим следующее: круг памятников, культур и проблем, которые мы должны будем рассмотреть в процессе археолого-исторических реконструкций и поиска истоков появления тех или иных хуннских, гуннских и тюркских культурных традиций, весьма обширен. В этой связи мы вынуждены часть историографических вопросов ввести непосредственно в отдельные тематические главы для того, чтобы не разрывать логику и суть изложения проблематики отдельных вопросов.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СЛОЖЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ХУННО-ГУННСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА

Большинством исследователей признается общеисторическая преемственность монгольских северных хуннов (сюннов) и европейских гуннов [Артамонов, 1962. С. 42–43; Кюнер, 1961. С. 176–179; Гумилев, 1960. С. 220–225; Бернштам, 1951. С. 80–112; Толстов С. П., 1937. С. 100; Мандельштам, 1978. С. 24]. Однако после окончательного исхода хуннов в середине II века н. э. из пределов Восточного Туркестана в результате поражения северных хуннов и Чэши в восстании против Китая и разгрома сяньбийцами [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 139; Бичурин, 1950. С. 169] они в буквальном смысле бесследно исчезают в среднеазиатских степях как минимум на два столетия. Поиски их следов в Средней Азии по сей день не привели к какому-нибудь определенному результату. Как известно, попытка А. Н. Бернштама и И. К. Кожомбердиева связать со среднеазиатскими гуннами катакомбные комплексы кенкольского типа не имела успеха [Бернштам, 1951; Кожомбердиев, 1963; Сорокин, 1956а], хотя и сегодня эта точка зрения имеет своих сторонников [Хабдулина, 1999; Смагулов, Павленко, 1996]. Более того, отсутствие представлений о раннегуннском культурогенезе породили определенный нигилизм — отрицание историко-культурной преемственности между азиатскими хуннами и европейскими гуннами [Миняев, 1990].

Как нам представляется, причиной этого является гигантская пространственно-временная дистанция в истории существования монгольских и ордосских хуннов и евразийских гуннов. Очаги их культурогенеза оказались разведены на много тысяч километров и отступают друг от друга по времени по меньшей мере на половину тысячелетия. В этой связи установление между ними прямых параллелей — дело весьма сложное и малоперспективное. Однако рассмотрение хунно-гуннского культурогенеза в некой ретроспективе или поступательно развивающейся системе, возможно, позволит взглянуть на культурные ареалы генезиса хуннов и гуннов как на составляющие большого, на первых порах азиатского, а после и евразийского кочевого единства. Начало формирования этого единства, с нашей точки зрения, связано с возникновением именно империи хуннов. Поэтому наша реконструкция неизбежно будет сводиться к установлению многочисленных культурных параллелей, возникающих в разных частях степного пространства как результат длительных переселений или быстротечных миграций и нашествий. Их исходными территориями по объективным причинам явились пределы Большой Монголии и Ордоса. Начало трансформаций и передвижений, как нам представляется, падает на период финальной бронзы. Попробуем проследить основные этапы данного процесса, что, возможно, позволит выявить основной очаг возникновения и последующего развития прахуннского этнокультурного ядра.

§ 1. Эпоха перемен. Культурогенез хуннов (сюнну) по сведениям, содержащимся в текстах иньских гадательных костей, а также по полулегендарным упоминаниям, которые приводит в начальном разделе своего исторического повествования Сыма Цянь, представляет некий собирательный образ некитайских народов, проживавших на разном удалении к северу от китайских владений. Поэтому Сыма Цянь, касаясь раннего периода, рассматривает историю сюнну неразрывно с дея-

тельностью не только различных ветвей хунну, но и ди, дунху, ху и др. [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 35–37]. Таким образом, говоря о первых упоминаниях о сюннах, относящихся к легендарной династии Ся (XXII–XVIII или XIX–XVII вв.), отец китайской истории в целом подразумевает «сообщество племен воинствующего по отношению к Китаю» Севера. По его данным, со времени происхождения от рода Шунь-вэя (отпрыска династии Ся) до Тоуманя прошла целая эпоха — более тысячи лет. В это время сюнну то возвышались, то ослабевали и распадались на разрозненные племена [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 34, 39]. Первые попытки китайских ученых классифицировать и территориально распределить северные племена относятся к началу династии Западное Чжоу (1112/1066–771 гг. до н. э.). Наиболее крупным племенным объединением были *жуны*. Они расселялись на западе, на территории провинции Ганьсу и в Тибете. На севере, на территории Монголии обитали *ди*. На юге — *мань* и *и*. При этом уместным будет упомянуть, что собственно возникновение и дальнейшее становление династии Западное Чжоу прямо или косвенно связано с процессом проникновения и последующего оседания северных варваров (жунов и ди) в долине реки Вэй [Крил, 2001. С. 51; Васильев, 1995. С. 211–215]. Несколько позже (к VIII в. до н. э.) в среде жунов появляются отдельные родотерриториальные объединения: маньчжурские жуны, гуньжуны, хуаньские, учжийские, сюйяньские, ицзюйские жуны — провинция Ганьсу, далиские — северо-запад Шеньси. Несколько обособленно упоминаются племена линьху, лоуфань, а также дунху и шаньжуны, проживавшие, вероятно, на территориях Ордоса и Внутренней Монголии. И, наконец, еще несколько позже среди северных народов упоминаются ху и юэцжи [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 36, 37]. Приведенный список можно продолжить и другими этноплеменными образованиями, встречающимися в письменных источниках: гуйфан, хуньи, сюньюй, саньюнь и др. Благодаря Сыма Цяню в китайской историографии вплоть до нашего времени установилась традиция соотносить вышеуказанные племенные названия с единым сюннским этносом, как общесоставляющими его на различных исторических этапах. Объективно данная позиция содержит свое рациональное зерно. Однако в основе своей она отражает общую традицию цивилизованных народов — называть сопредельные варварские племена единым собирательным именем.

Если внимательно взглянуть на повествование Сыма Цяня, касающееся истории до деяний Тоуманя и Маодуня, то условно эту эпоху можно разбить на два этапа: жунский, падающий в основном на время первой половины династии Западное Чжоу, и собственно сюннский, начинающийся с периода Чжань-го.

Попытаемся охарактеризовать племена, упоминаемые на самом раннем этапе, насколько это позволяют имеющиеся на сегодняшний день данные. При этом в нашем анализе мы вынуждены обратиться не только к районам Внутренней Монголии, но и к довольно большому региону провинций Северного Китая, где к XIII веку до н. э. на границах иньского протогосударства располагались упоминаемые «варварские» группы. Их центры были в уездах Шилоу и Баодэ провинции Шанси, в уезде Чуньхуа провинции Шэнси к северу от Пекина (Чанпинская группа) и на стыке провинций Хэбэй и Ляоцин (Циплунская группа) [Варенов, 1996. С. 4]. Данные группы были выявлены А. В. Вареновым в результате сопоставления отдельных типов бронзового оружия (кинжалы, втульчатые топоры, чеканы), которые были найдены на территории Китая в хорошо датированных закрытых комплексах эпохи Шан–Инь и имеют прямые аналогии с изображениями на оленных камнях и среди находок из карасукских памятников Сибири, Забайкалья, Монголии [Варенов, 1996. С. 3–4]. Выделенные районы Китая китайскими археологами традиционно связываются с ареалом культуры ордосских бронз, которая соотносится ими с прасюннским населением [Тянь Гуанцзинь, 1983] (рис. 10). По мнению многих исследователей,

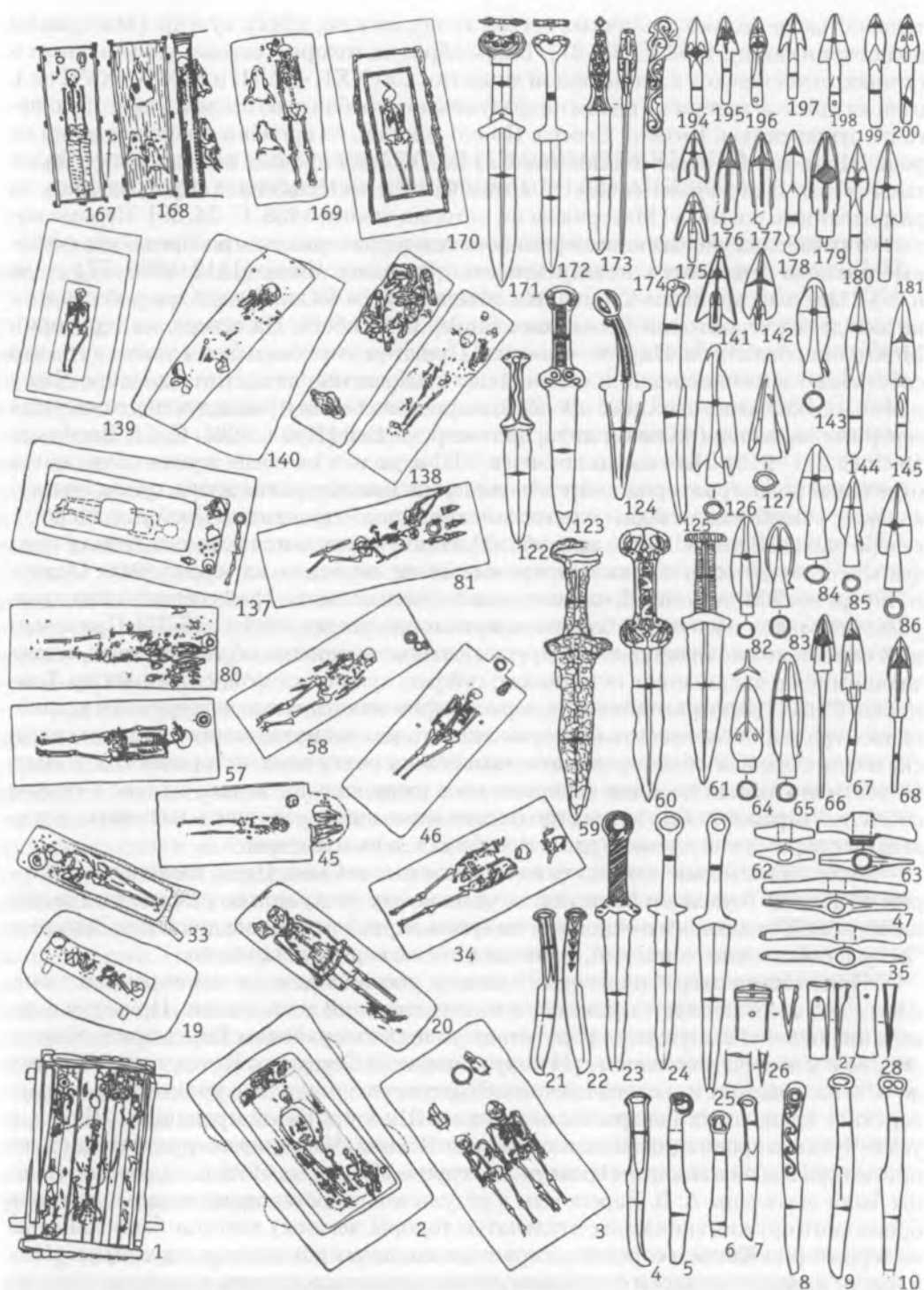
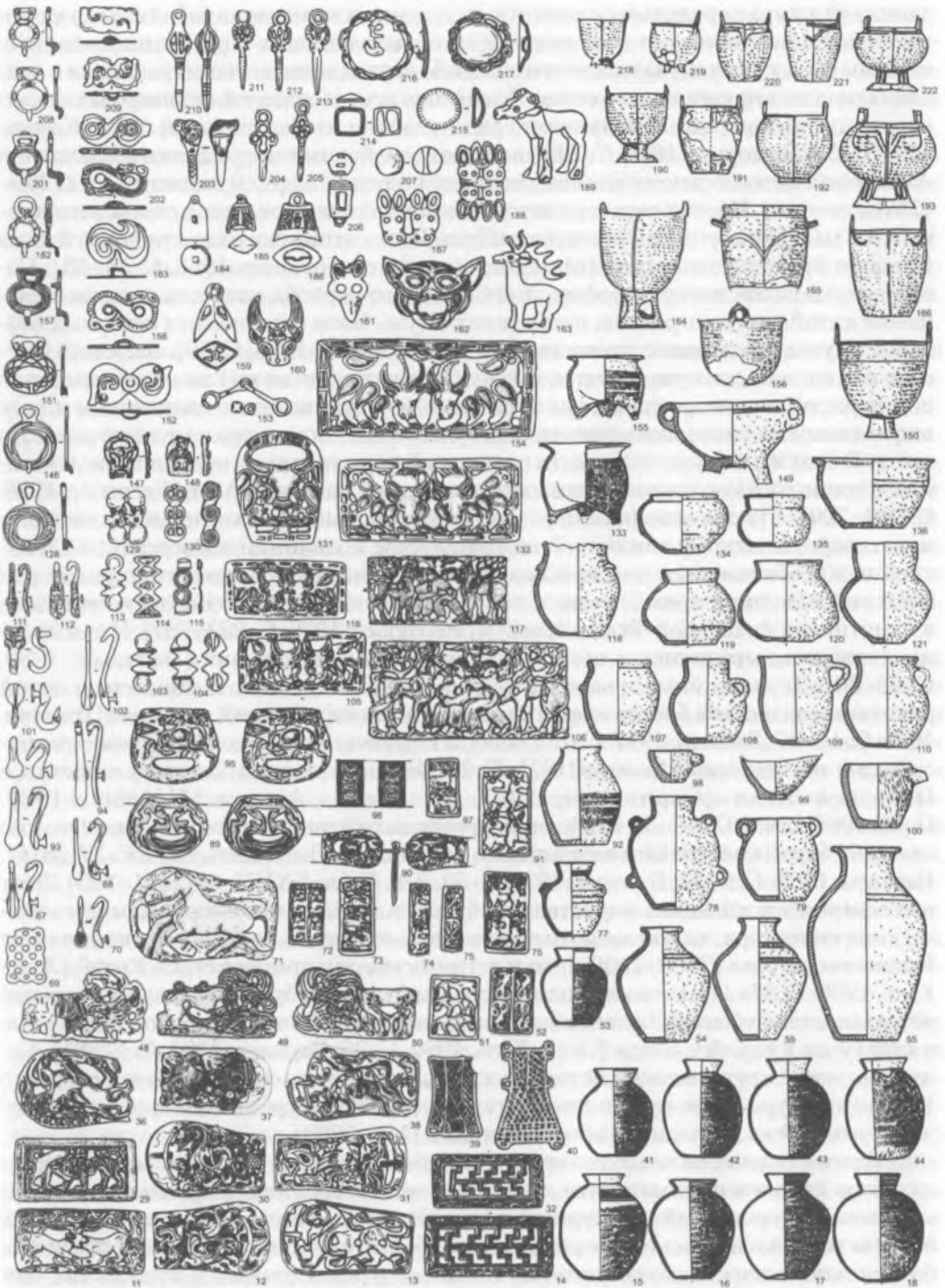

Рис. 10. Общность культуры «ордосских бронз» (по данным китайских исследований).

Fig. 10. The «Ordos Bronze» cultural unity (according to the data of Chinese research)

(по: [Тянь Гуанцзинь, 1983. С. 10–13, 16; Тянь Гуанцзинь, Го Сысинь, Бяньчжун, 1986. С. 5–12, 17–21, 53–59, 69–73, 76–89, 94–96, 105–107, 116, 120, 132, 146, 147, 151, 167, 206–209, 233–236, 241–255, 378; 395–397; Чжао Юе, 1990. С. 891–893; Варенов, 1984. С. 47, 48]). 1 – Байфу, м. 2; 2 – Байцаопо, м. 2; 3 –

Сигупань, м. 1; 19 – Чжауцзяди, м. 19; 20 – Чжауцзяди, м. 45; 45 – Маоцингоу, м. 23; 46 – Маоцингоу, м. 31; 33 – Чжауцзяди, м. 43; 58 – Тиюхунбала, м. 58; 80 – Тиюхунбала, м. 6; 81 – Маоцингоу, м. 43; 137 – Чжанзяпо, м. 19; 138 – Тиюхунбала, м. 2; 167, 168 – Лобудалинь, м. 3; 169 – Лобудалинь, м. 2; 170 – Маоцингоу, м. 25.4–10, 21–28, 35, 47, 60–68, 82–86, 122–127, 141–143, 150, 156, 164–166, 171–180, 190–200, 218–222 – бронза; 11–14, 29–32, 36–40, 48–52, 69–76, 87–91, 93–97, 101–106, 111–117, 128–132, 146–148, 151–154, 157–163, 182–189, 201–217 – бронза, золото; 15–18, 41–44, 53–56, 77–79, 92, 98–100, 107–110, 118–121, 133–136, 149, 155 – керамика; 59 – железо

данная культура определяется достаточно условно и включает в себя самые различные типы памятников, по всей видимости принадлежащих к различным этноплеменным образованиям, названия которых в большом количестве встречаются в надписях на шанских гадальных костях. По мнению исследователей, формирование данного некитайского населения связано с импульсами из Центральной Азии [Кожин, 1990. С. 52; Григорьев, 1999. С. 293], с индоевропейскими миграциями из Западной Азии и относится к самому раннему периоду полуполюгендарной династии Ся (2205–1767 гг. до н. э.). На этот период в определенной мере и указывает в своем повествовании Сыма Цянь, упоминая о некоем Шунь-Вэе — отпрыске рода правителей дома Ся как о прародителе сюнну [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 34–35]. Согласно китайской историографии, именно с этого периода началось активное смешение китайских эмигрантов, пришедших Шунь-Вэем с племенами северных варваров (жуны, ди, хуньюй, жаньюнь и др.) [Коновалов, 1996. С. 59]. Западноазиатское влияние на материальную культуру Северного Китая на самом раннем этапе подтверждается лишь косвенным образом. Оно связывается с появлением новых видов злаковых (пшеницы, ячменя, сорго), а в стаде — крупного и мелкого рогатого скота. В этот же период появляется гончарный круг, традиция чернолощеной керамики, триподы, вазы, имеющие широкое хождение в Западной Азии [Васильев, 1976. С. 203–209], а также основные приемы ткачества. Наиболее же сильному западному и северо-западному влиянию северокитайские провинции подвергаются в шанский и, в особенности, в иньский период. С. А. Григорьев* приводит широкий ряд аналогий изделиям, прежде всего металлическим, из северокитайских комплексов в памятниках индоевропейских культур [Григорьев, 1999. С. 293–297]. Прямые заимствования выразились в некоторых формах иньских копий [Васильев, 1989. С. 23–30]. Двухлезвийные и однолезвийные с горбатой спинкой кинжалы с литой рукоятью «ордосских бронз» аналогичны изделиям карасукской культуры [Гришин, 1971. С. 11–17; Зяблин, 1977. С. 28], топоры с трубчатой втулкой и бойком — минусинским экземплярам [Гришин, 1971. С. 24]. Близкие топоры Бактрии известны в Передней Азии [Сарианиди, 1977. С. 73–75; Авилов, Черных, 1989. С. 48, 49; Техов, 1977. С. 5]. Появление проушных клевцов, вероятно, также можно связать с ближневосточным и сибирским влияниями [Линь Юнь, 1990. С. 37, 38, 41; Варенов, 1989. С. 9–17; Горелик, 1993. С. 53, 270. Табл. XXVII, 112, 101–103]. Этот ряд северных и западных заимствований могут продолжить такие виды металлического инвентаря, как кельты, наиболее ранние формы которых появляются на Иранском нагорье (2300–2100 гг. до н. э.) и откуда они привносятся в Китай [Линь Юнь, 1990. С. 37–41], а также отдельные типы булавок с бубенчиками и маленькой петелькой под бубенчик, золотые височные кольца и серьги с раструбом, известные в культурах Южной Сибири [Линь Юнь, 1990. С. 33; Варенов, 1990. С. 62, 63]. Самый широкий круг аналогий металлическому инвентарю из памятников Северного Китая (культура Квия, провинция Гансю) в сейминско-турбинских бронзах приводится в одной из последних работ Янюн Мей [Mei, 2003].

Здесь следует сделать одно весьма важное уточнение. Говоря о заимствованиях, автор склонен понимать этот процесс не односторонним и прямолинейным, а как равнонаправленный культурный синтез. Вероятнее всего, новации появлялись на этом восточноазиатском пограничье как общие принципы и формы, попадая на более технологически развитую почву китайского ремесленного производства; они в исторически сжатые сроки достигали такого развития, которое впоследствии не было доступно не только евразийской кочевой культуре, но и переднеазиатским, ближневосточным и европейским цивилизациям. Здесь будет уместно привести

* Выражаю глубокую признательность С. А. Григорьеву за консультации по данному разделу исследований.

лишь краткий список китайского переосмысления указанных новаций в бронзолитейной металлургии — изготовление шанско-чжоусского оружия, ритуальных дин и котлов по многосоставным формам, секрет белых бронз, в ткачестве — шелкоткачество, набивные ткани, в металлообработке — ковка многослойных пакетных сталей с последующей наминацией; в гончарстве — фаянс, фарфор и др.

Возвращаясь к древним параллелям, отметим, что они позволили Н. Л. Членовой рассматривать районы Ордоса, Монголии, Забайкалья и Южной Сибири как территории входящие в единый Восточный ареал индоевропейской этнической общности (карасукская и другие родственные культуры) [Членова, 1972. С. 131–135]. Подобная точка зрения о единстве ордосских бронз и карасука Южной Сибири ранее уже высказывалась Д. Андерсоном и М. Лоером [Anderson, 1932; Loehr, 1956. P. 83].

Появление и затем длительное сосуществование индоевропейцев и китайцев в северных районах Китая безусловно привело к встречному взаимовлиянию, которое отразилось не только в материальной, но и в духовной культуре. Так, А. П. Мануйлов приводит перечень индоевропейских заимствований, которые на самом раннем этапе были переняты и переосмыслены китайцами [Мануйлов, 1993. С. 53]. Это, прежде всего, календарь с двенадцатиричным животным циклом [Цибульский, 1989. С. 3], колесница, некоторые мифологические и философские идеи [Васильев, 1989. С. 195–197], в числе которых и доктрина Инь–Янь. К этому стоит прибавить, что различные авторы неоднократно обращали внимание на существование общего слоя лексики в индоевропейских и синотибетских языках [Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 935–936; Крюков и др., 1983. С. 78, 74; Pulleyblank, 1975. P. 503–538].

Думается, что определенные заимствования осуществлялись и варварскими индоевропейскими племенами, которые впоследствии распространяли их далеко на север и запад — в Южной Сибири и на западе Евразии. Так, синтез карасукских и шанско-чжоусских типов вооружения порождал особые типологические вариации форм топоров, копий, ножей, кинжалов как на Великой Равнине, так и в степи [У Энь, 1985]. Можно с определенной долей уверенности сказать, что через скотоводов Монголии и Северного Китая получили распространение китайский тип ярма и отдельные виды защитного доспеха в среде народов Южной Сибири [Варенов, 1984. С. 46–50]. Вероятно, китайское влияние в целом отразилось как на керамическом комплексе протосюннских культур северных провинций Китая, что в особенности проявилось в период существования «классической хуннской культуры» (II в. до н. э. — I в. н. э.), так и на отдельных элементах погребального обряда (раннее появление индивидуальных захоронений, положение покойника вытянуто на спине).

Безусловно, список заимствований между Великой Евразийской степью и Великой Китайской равниной можно значительно расширить, что будет предпринято ниже в разных аспектах последующего изложения. В данном контексте автору важно акцентировать внимание на том обстоятельстве, что приведенные факты культурной интеграции безусловно указывают на то, что здесь, на восточных рубежах евразийской цивилизации в древнейшем периоде ее существования, устанавливается наиболее продуктивный алгоритм взаимодействия протокочевой культуры палеоиранских скотоводов и китайской земледельческой протоимперии Шан и Чжоу. Исторические плоды этого плодотворного двуединства, своеобразной братской любви и ненависти Авеля и Каина привнесли в мировую цивилизацию не только наиболее древнюю перманентно развивающуюся китайскую цивилизацию, дошедшую до сего дня в своей культурной непрерывности из глубины более чем четырех тысячелетий, но и бесконечно пульсирующую и коммуницирующую все мировые пределы, по меньшей мере более двух с половиной тысячелетий, *кочевую евразийскую цивилизацию*.

Однако длительное сосуществование индоевропейского и китайского населения на хуанхэйском пограничье не приводило к его полной взаимной ассимиляции, что, прежде всего, было обусловлено различиями в хозяйственных укладах древних китайцев и северных варваров. В отличие от первых, доминантой в комплексном хозяйстве жунов и дисцев, по всей видимости, было скотоводство, которое впоследствии, с изменением климатических условий станет господствующим хозяйственным укладом — кочевым скотоводством.

Кроме влияния со стороны китайского населения индоевропейские племена были подвержены активной монголоидной метисации со стороны населения, которое расселялось на большой территории Восточной Монголии, Забайкалья и юго-западной Маньчжурии. Ряд китайских и российских исследователей считают, что предками монголов были племена дунху — носители культур плиточных могил (Монголия) и верхнего слоя Сяцзядянь (юго-западная Маньчжурия) [Комиссаров, 1987. С. 42; Новгородова, 1989. С. 233–234]. Хотя А. А. Ковалевым вслед за Чжу Юнганом и Линь Юанем ранние памятники культуры верхнего слоя Сяцзядянь (памятники типа Няньшаньгэнь) относятся к племенам шаньжунов (горных жунов) [Ковалев, 1998]. Трудно сказать, где проходила граница между европеоидным и монголоидным населением в пределах Северного Китая и Внутренней Монголии. Антропологический анализ материалов из памятников карасукской общности и культуры плиточных могил, а также из памятников более раннего периода позволили Н. Н. Мамоновой предположить, что эта граница проходила где-то по Центральной Монголии [Мамонова, 1979. С. 207]. В. П. Алексеев при этом делает предположение, что ареал расселения европеоидного населения охватывал и районы Внутренней Монголии [Алексеев, 1961]. Вероятнее всего, ареал монголоидного населения включал также районы Забайкалья, Восточной и Западной Маньчжурии. Столь близкое и длительное сосуществование европеоидных и монголоидных групп населения в конечном счете привело к формированию на их пограничье смешанного, дисперсного антропотида, имеющего свои особенности в различных группах [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 236–237]. Таким образом, в эпоху бронзы и начальный период раннего железа индоевропейское население занимало значительные территории западной части Монголии, большую часть Внутренней Монголии, север Китая, включая левобережье Хуанхэ и Ордос до Тибета. Основу его составляли, как уже говорилось, племена жунов и ди, хотя из шанских надписей на гадальных костях известна целая серия других этнонимов племен, проживавших по соседству с шанцами, о чем уже говорилось выше.

Несмотря на всю сложность интерпретации археологических и письменных данных и идентификации археологических культур и многочисленных этноплеменных и территориальных групп жунов, упоминаемых Сыма Цянем и другими авторами, можно с уверенностью констатировать, что действительно в самом конце II тыс. до н. э., а в особенности в первых веках I тыс. до н. э. происходят достаточно длительные столкновения Китая с жунами, дисцами и жундями. С начала VIII века северные варвары открыто вторгались в пределы множественных чжоусских царств, захватывая и перекраивая не только владения Инь, Янь, Чжао, Ци, но и другие владения Северного и даже Северо-Восточного Китая [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 14–15, 35–36; Ковалев, 1998. С. 128–129]. При этом речь не идет об отдельных набегах варваров-скотоводов, а о долговременном противостоянии, результатом которого на первом этапе стали множественные мелкие миграции в глубь северных провинций Ганьсу, Хэбэй, Шэньси, Шаньси и др. А. А. Ковалев приводит данные Я. Прушека, основанные на анализе письменных источников, о многочисленных походах северных варваров. Наиболее успешными были походы шаньжунов («бэйжун»), обитавших в это время к северо-востоку от царства Янь. В 794 году

до н. э. согласно «Хоуханьшу» они нападают на царство Цзин в современном Шань-си. Затем вторгаются в пределы княжества Син (юг провинции Хэбэй), где терпят поражение в 769 году. По сведениям «Цзо чжуань» в 714 году шаньжуны нападают на царство Чэн (Хэнань), а в 706 году и на царство Ци (ниже течения Хуанэ). В 664 году, согласно «Чуныцю», шаньжуны нападают на царства Янь (север Хэбэй). «Однако правитель Янь обращается к циньскому хуань-гуну, который летом 663 года до н. э.» побеждает шаньжунов, разбив по пути владения Линчжи и Гучжу (по сообщениям — «Чуныцю», «Ши цзи» и «Гоюй») [Prusek, 1979. Р. 143–144; Ковалев, 1998. С. 128]. Первый победный этап длился до первой половины VII века до н. э. и был более успешным для жунской конфедерации. Переломным моментом, по мнению Сыма Цяня, стал последний наиболее значительный успех жунов в борьбе с чжоуским Сян-Ваном в 632 году до н. э. [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 17–18, 35–36] (цв. вклейка, рис. 3, 1–6). Далее повествование пестрит не только упоминаниями о бесконечных междоусобных столкновениях китайских царств, но и, что весьма важно, о множественных победах циньских, чжоуских, яньских и других ванов над жунами и дисцами и о последующих присоединениях земель и учреждении новых уездов, и о расширении пределов своих царств (ицзюй, дали, цжи, линьху и др.) [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 124]. Таким образом, с VII по IV века мы наблюдаем активнейший процесс завоевания и принудительной ассимиляции части варварских народов (жуны и ди) со стороны чжоуского Китая (цв. вклейка, рис. 3, а). Причины этого лежат в серьезных социально-экономических изменениях, произошедших в период с V по III век до н. э. (эпоха борющихся царств) на севере Китая, где среди периферийных царств особое место начинает играть царство Цинь. Освоение и внедрение чекового рисового земледелия, требовавшего сооружения на протяжении нескольких поколений целого каскада водохранилищ и сети каналов [Кульпин, 1995. С. 11–14], изменило само отношение к земле, которая, с одной стороны, является основным источником богатства, с другой, становится первостепенной ценностью. В этой связи в IV веке до н. э. были проведены реформы землепользования: введен натуральный налог на землю, узаконены закуп и скупка земли, отменены ограничения земельных владений, на льготных условиях разрешалось обрабатывать пустоши. В этот период идет активное наступление Китая на новые земли долины Хуанхэ (западные и северные излучины). Отмечается, что царство Цинь в период с V по IV век до н. э. не принимает участия во внутриусобных войнах, а активно наступает на варварские племена горцев и кочевников [История Древнего Востока, 1979. С. 394], расширяя свои земледельческие владения. Вероятно, это и явилось причиной, которая привела впоследствии к возвышению этого царства и созданию вокруг него первой китайской империи. К III веку до н. э. границы царства Цинь достигли районов Ланьжоу (Ганляня), которые стали западной частью коридора Хеси или Ганьсю. Забегая вперед, заметим, что эта зона была основной родовой территорией «Больших Юэчжей». На тот период это была наиболее могущественная кочевническая конфедерация среди северокитайских варваров. Экспансия Циньского Китая неизбежно приводила к ослаблению юэчжей, что, вероятно, явилось основной внешнеполитической причиной последующего усиления хуннов.

Данный процесс завершился инкорпорированием территорий, ранее занимаемых различными племенными объединениями жунов, в пределах Северного Китая, установлением жесткой границы вдоль реки Хуанхэ с сооружением участков Великой Китайской стены. Жунское и дисское население, судя по всему, частично было вытеснено далеко за пределы Китая, частично окончательно осело и впоследствии было ассимилировано китайцами (цв. вклейка, рис. 3, 7, 14). На процесс оседания населения указывают многие факты. Наиболее яркий из них — упоминание Сыма

Цзяня о том, что расширение владений Чжао (V в. до н. э.) шло за счет земель варваров. Ицзюйские жуны, по мнению А. Ковалева [Ковалев, 2002. С. 997], обитавшие в Нинся (Восточное Ганьсу), стали строить города, укрепленные для защиты внутренними и внешними стенами, которые впоследствии были захвачены царством Цинь [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 37].

Таким образом, к концу V—началу IV века до н. э. жуны и ди сходят с исторической арены. Этнокультурную карту северного варварского пограничья заполняют другие племена. Как нам видится, на смену жунам приходят юэцжи, на смену ди — динлины, а также ху, луньху, луфань, известные ранее дунху, и, наконец, сюнну.

Безусловно, они, так или иначе, имеют этногенетические связи с предшествующими народами, населяющими районы к северу от Хуанхэ и Монголию, но тем не менее появление их на исторической арене ознаменовало новый этап в социокультурном и хозяйственном плане. Чтобы это понять, нам необходимо проанализировать предшествующий хуннский этап с точки зрения археолого-культурной характеристики. Прежде чем приступить к этому, необходимо вспомнить весьма важный аспект, который, с нашей точки зрения, является ключевым в понимании причин и следствий тех изменений, что произошли в начале I тыс. до н. э. в социокультурной среде и жизненном укладе населения азиатских степей и прилегающих территорий. Из многочисленных источников известен факт глобального изменения климата, приведшего практически повсеместно к опустыниванию ландшафтов Центральной и Передней Азии. Оно началось во II тыс. до н. э. и продолжалось в течение I тыс. до н. э., достигнув своего пика где-то в середине I тыс. до н. э. [Демкин, Рысков, 1996. С. 99–100].

При этом следует заметить особо, что в различных регионах степной Евразии изменения климата происходят по-разному. Фазы аридизации и другие климатические и, следовательно, последующие ландшафтные изменения устанавливаются на разных временных этапах. По всей видимости, глобальные неблагоприятные изменения климата и ландшафтов устанавливаются с востока на запад поэтапно вдоль «оси Военкова» (север Монголии–Кызыл–Уральск–Саратов–Кишинев) [Мордкович, 1982. С. 24; Чибилев, 1990. С. 48]. Это подтверждается сводными данными по изменению климата в степях Центральной Евразии, приводимыми в книге А. Д. Таирова (территории Монголии и Северного Китая). Фаза поступательной аридизации — похолодание, отложение эоловой пыли и, как следствие, опустынивание различных территорий — начинается объективно 4000 лет назад и активно продолжается до периода 2000 лет назад [Таиров, 2003. С. 20–21].

Здесь необходимо сделать замечание. Процесс палеоэкологических изменений представляется нам не совсем так, как он отражен в работах основоположника этнологического геодетерминизма Л. Н. Гумилева. На наш взгляд, кардинальная смена периодов глобального увлажнения периодами усыхания не проходила в рамках отдельных, сравнительно узких (100–200 лет), хронологических периодов. Принципиальные экологические изменения могли происходить лишь в эпохальных рамках, когда общая тенденция изменений была таковой, что, несмотря на микроколебания в пределах больших районов, в конечном счете, складывалась новая ландшафтная карта материка. Так, фаза глобального ксеротерма и аридизации, начавшаяся, вероятно, в конце II тыс. до н. э., к середине I тыс. до н. э. достигла своего пика, когда повсеместно в зоне степного пояса Евразии начинают складываться границы новых ландшафтов. Однако, как показывают общеисторические и палеоэкологические данные, тенденция к усиливающейся аридизации на этом не завершилась. Вероятнее всего, ровно через тысячелетие она достигает своего нового предела, когда происходит окончательное опустынивание отдельных районов Азии (Центральная Монголия, Восточный Туркестан, Приаралье, Северный Прикаспий). При этом с установ-

лением к V веку до н. э. ландшафтов с экстремальными условиями для жизнедеятельности человеческого сообщества, обитающего в пределах сухих степей и полупустынь эти районы становятся очень чувствительными к малейшим изменениям природного, климатического, а также социально-политического характера, которые происходят весьма часто. Н. Н. Крадин установил, что примерно каждые 10–15 лет из-за холодов, снежных бурь, засух случался массовый падеж скота. Как правило, гибло до половины всего скота [Крадин, 1996. С. 20; 2001. С. 34–36]. Это, безусловно, приводило к постоянной дестабилизации существования хуннского и других кочевых обществ. В этой связи отметим, что наряду с внешне- и внутривнутриполитическими факторами климатические стрессы 72–68 гг. до н. э. и 46–44 гг. до н. э. привели к распаду единой хуннской державы [Крадин, 1996а. С. 33–38].

Однако достаточно резонно в этой связи звучат доводы некоторых палеоэкологов и историков о том, что в рамках локальных временных периодов не фиксируются существенные палеоландшафтные изменения или же они не коррелируются с конкретными историческими событиями [Крадин, 1995. С. 164–165]. Действительно, процесс климатических изменений не представляется нам как скачкообразный с резкими фазами перепадов. Вероятнее всего, качественные изменения палеоэкологического порядка происходили на протяжении значительных временных периодов. При этом, не стоит забывать, что существуют значительные инерционные фазы не только в формировании нового облика почв, но и растительности. Социально-исторические трансформации происходят лишь на самой финальной стадии ландшафтно-климатических изменений и не всегда являются прямым следствием длительного накопления неблагоприятных воздействий ландшафтно-климатического порядка.

Отрицать же природно-климатический фактор как основополагающий в эпохальных (формационных, стадийных) исторических изменениях, происходящих в зонах подвижных ландшафтов, на наш взгляд, абсолютно неправомерно. В противном случае, совершенно невозможно объяснить исторические процессы, которые являются прямым следствием глобальных ландшафтно-климатических изменений в Средней и Центральной Азии в период поздней древности и раннего средневековья. К таковым относятся: распад всего блока культур степной бронзы в Казахстане, Средней и Центральной Азии в VIII–VI вв. до н. э. и переход населения этих регионов на принципиально новый жизненный уклад. Далее можно перечислить целый ряд исторически обозначенных последствий гибели культур и городов Хорезма и низовой Сырдарьи к середине I тыс. н. э. [Толстов С. П., 1949. С. 27; Левина, Галиева, 1993]. С карт, составленных по китайским хроникам «Синь-Таншу», к VII веку исчезают целые государства — Сутэ-Яньцай и Ужэсте-Концзуй [Боровкова, 1989. С. 115, 116, 120, 121]. А в Центральной Азии примерно к тому же времени исчезают такие большие царства, как Чеши, Гаочан, и стремительно уменьшается количество населения царства Яньци [Боровкова, 1992. С. 116, 129].

Итак, в результате наступившей в конце II тыс. до н. э. фазы глобальной аридизации на большей части территорий Центральной Азии, Казахстана, Средней и Передней Азии к середине I тыс. до н. э. сложились пустынные и полупустынные почвенно-ландшафтные условия [Демкин, Рысков, 1996. С. 100]. В этой связи превращение гигантской территории Восточного Туркестана и Монголии в зону пустынь и сухих степей имело существенные исторические последствия.

Общеисторически, как уже указывалось, это ознаменовалось сменой блока культур бронзового века культурами раннего железа. Однако в различных зонах Монголии (включая и Внутреннюю Монголию) и Северного Китая эти процессы имели свои локальные особенности.

Примерно к VIII–VII вв. до н. э., по мнению С. А. Теплоухова, М. П. Грязнова и

С. В. Киселева, заканчивается карасукская эпоха в Южной Сибири [Грязнов, 1956а; Киселев, 1960]. Н. Л. Членова омолаживает этот рубеж, считая, что карасукская эпоха заканчивается к VI веку до н. э. [Членова, 1972. С. 74]. К этому же времени, по мнению Э. А. Новгородовой, относятся наиболее поздние карасукские бронзовые предметы, найденные в памятниках, и их изображения на оленных камнях Западной Монголии [Новгородова, 1989. С. 201]. Примерно этим же временем большинством исследователей датируется финал культуры плиточных могил (КПМ). Н. П. Диков и В. С. Волков датируют верхнюю границу КПМ в Забайкалье VII века до н. э. [Диков, 1958; Волков, 1967. С. 44]. На основании типологии вещевого инвентаря и по радиоуглеродным данным А. Д. Цыбиктаров устанавливает верхнюю дату КПМ для Забайкалья и Монголии в пределах VI века до н. э., тем самым опровергая идею ряда авторов о прямой преемственности памятников культуры с сюннскими комплексами [Цыбиктаров, 1996. С. 18–20; 1998. С. 114–125, 160]. Несколько более поздним временем — IV веком до н. э. — датируются финальные комплексы культуры «ордосских бронз» Ордоса, Внутренней Монголии и прилегающих районов Китая [Коновалов, 1996. С. 61–62], а также круга культур монголоидного населения Забайкалья, Маньчжурии, Монголии. Это культуры верхнего слоя Сяцзядянь, дубэйская и другие, характерным признаком которых являются сосуды триподы [Комиссаров, 1987. С. 117].

Параллельно распаду культур эпохи бронзы начинают складываться культуры скифо-сакского круга. Предположительная реконструкция процессов, протекавших в первой половине I тыс. до н. э., выглядит следующим образом: образно говоря, население, оказавшееся в это время в пределах Гобийского пояса Большой Монголии, имело дилемму — покинуть экстремальную зону сухих и полупустынных степей и переселиться на территории более умеренного климата и соответствующего ландшафта, либо, оставшись в пределах прежних территорий, адаптировать свой социально-экономический уклад к новым условиям.

В первом случае показательно то, что в VIII–VII вв. до н. э. зоной культурогенеза становятся Саяно-Алтайские предгорья и нагорья. Судя по-всему, значительное уплотнение населения происходит и в пределах северокитайских провинций бассейна Хуанхэ, а также в юго-западной Маньчжурии (цв. вклейка, рис. 3, 7, 12). Вероятнее всего, хозяйственный уклад северокитайских европеоидных и монголоидных племен был комплексным, с преобладанием яллагного скотоводства. У. М. Макговерн в этой связи приводит следующую выдержку из трактата Ли Цзи: «...предки сюнну — ранние кочевники жуну и ди, в конце VIII века до н. э., передвигались по степи и вели войны с Китаем пешими, селились они в пещерах» [Mg. Govern, 1939. P. 99–101]. Соседствующие с ними племена дунху, вероятно, к этому времени вели более оседлый образ жизни, на что указывают долговременные поселения и наличие в стаде носителей культур Верхнего слоя Сяцзядянь, кроме крупного рогатого скота и лошадей, свиньи [Комиссаров, 1987. С. 40].

Ограниченность территорий вынуждала данное население продвигаться в глубь Саяно-Алтайских нагорий и китайских провинций на правобережье Хуанхэ (цв. вклейка, рис. 3, 7). Это привело, с одной стороны, к перегруппировке всего населения юга Сибири и Казахстана, с другой — к длительным жунско-китайским столкновениям, о чем уже говорилось выше. Вероятнее всего, по этой же причине происходят первые западные миграции южносибирских скифов и саков-тасмолинцев. По мнению К. А. Акишева возникновение тасмолинской культуры связано с проникновением в Центральный Казахстан протосюннского населения. На это указывают аналогии в погребальном обряде (индивидуальные захоронения в вытянуто-прямоугольных ямах, северная ориентировка, положение в могилу голов лошади) и вещевом инвентаре (бронзовые колокольчики, отдельные типы вооружения, наборные пояса) [Акишев, 1973. С. 57–58] (цв. вклейка, рис. 3, 14, 15, 16, 18, 19).

Однако мы склонны считать, что западные миграции населения Монголии начались еще раньше (в конце II тыс. до н. э.), когда в пределах Центрального Казахстана возникает, по выражению Р. Исмагила, «Бегазы-дандыбаевский феномен». Он совершенно справедливо связывает появление данной культуры с карасукским культурным влиянием [Исмагил, 1998. С. 6; Итина, Яблонский, 2001. С. 94–113]. Добавим также, несмотря на категорическое утверждение М. П. Грязнова о неприемлемости такого сравнения [Грязнов, 1952], когда отдельные черты погребальной архитектуры (расположение оград длинными широтными или меридиональными цепочками, забутовка верхней части ограды мелким камнем) и некоторые типы металлического инвентаря (ножи с кольцевым навершием, бронзовые листовидные наконечники, бронзовые сферические накладки) бегазы-дандыбаевских памятников и комплексов культуры плиточных могил имеют определенное сходство [Новгородова, 1989. С. 239–244; Маргулан, 1979. Рис. 80; 136, 1, 4; 161, 8–10; 168, 7].

Говоря об этом сходстве, мы ни в коей мере не пытаемся доказать совершенную идентичность бегазинских комплексов с их восточными аналогами. Учитывая различия бегазы-дандыбаевских и карасукских памятников [Маргулан, 1979. С. 65], тем не менее, сегодня совершенно неправомерно, с одной стороны, не видеть многих черт сходства между ними; с другой, рассматривать бегазы-дандыбаевскую культуру как автохтонную, прямое развитие которой идет от постандроновских памятников саргаринско-алексеевского круга. Хотя, по всей видимости, бегазы-дандыбаевские и саргаринско-алексеевские памятники действительно сосуществуют на территории Центрального Казахстана [Варфоломеев, 1987; 1988. С. 81, 88; Арсланова, 1974].

Впрочем, следует заметить, что на культурную интерпретацию памятников бегазы-дандыбаевского круга существует особое мнение основного исследователя комплексов финальной бронзы Центрального Казахстана (Сары-Арки) В. В. Варфоломеева. Анализируя керамический материал наиболее исследованного микро-района — Кента, он приходит к выводу, что собственно «бегазинская» (или карасукоидная) керамика (2-й группы) в общей выборке составляет 6% (99 сосудов). Подавляющая часть относится к образцам алексеевско-саргаринского керамического комплекса [Варфоломеев, 2003. С. 95]. Вероятно, эти наблюдения позволили автору прийти к категорическому отрицанию роли миграционного импульса в бегазы-дандыбаевском культурогенезе. Появление же новой группы керамики весьма туманно объясняется наличием древних транскультурных связей, возникающих в обществе с формированием элиты и возрастанием торгово-обменных связей. Этой новой аристократии, с точки зрения исследователя, и принадлежат наиболее грандиозные погребальные комплексы, коими являются дандыбаевские мавзолеи [Варфоломеев, 2003. С. 97, 98]. Таким образом, бегазы-дандыбаевская культура в этой интерпретации своеобразно растворяется в едином саргаринско-алексеевском (постандроновском) форманте. Этой точки зрения придерживается и В. М. Молодин. Говоря о миграционном импульсе на позднем этапе бытования на Алтае каракольской культуры, исследователь связывает его с проникновением сюда из Центрального Казахстана носителей бегазы-дандыбаевской культуры [Молодин, 2000. С. 135], одновременно с которыми аналогичный импульс был направлен и в южные районы Синьцзяна [Молодин, 1998]. По его мнению, приток нового населения, андроновского в своей культурной подоснове, и явился решающим этапом в формировании пазырыкской культуры [Молодин, 2000. С. 135].

За общим единством точек зрения вышеназванных авторов существует одна весьма важная нестыковка. Если В. В. Варфоломеев, говоря об автохтонной постандроновской бегазы-дандыбаевской культуре, видит под этим сугубо количественное превосходство саргаринско-алексеевской посуды (I группа) в основном в посе-

лениях кенкольской округи, то В. М. Молодин, говоря об инокультурных импульсах, подразумевает керамику «бегазинского» — в смысле карасукоидного облика (группа II по В. В. Варфоломееву). Поэтому реконструкция этой взаимосвязи представляется почти невероятной, ведь образцы «бегазинской» керамики попадают в среду саргаринско-алексеевской элиты в результате транскультурных связей (по В. В. Варфоломееву). Так как количество «бегазинской» керамики крайне мало, возникает вопрос, почему маркером миграции какой-то части центральноказахстанского населения на Алтай и в Синецзян выступает именно эта керамика, а не более многочисленная саргаринская посуда ... (?!).

Очевидно, что исключительно автохтонный механизм происхождения бегазы-дандыбаевской культуры, не позволяет объяснить появление бегазинского (в смысле карасукоидного) феномена фактически одновременно в Синецзяне, на Алтае, в Центральном Казахстане и Приаралье.

Безусловно, мигранты, являющиеся носителями новых бегазинских традиций, появляются и сосуществуют в среде населения автохтонных культур этих регионов (саргаринской в Центральном Казахстане, амирабатской на Сырдарье, каракольской на Алтае), составляя при этом явное меньшинство. Однако результатом их проникновения явилось либо образование новых синкретических культур (по Молодину) [Молодин, 2000. С. 135], либо действительно формирование родовой элиты (по В. В. Варфоломееву), привнесшей новые инокультурные традиции.

Предположение о том, что и на Алтае в среде населения позднего этапа каракольской культуры, и в Южном Синецзяне в среде населения культур типа Чауху-гоукоу I или Янблан аналогично, как и среди саргаринско-алексеевцев на кентском этапе (X–IX вв. до н. э.), сформировался слой элиты, использующей бегазинские (карасукоидные) образцы посуды и вооружения, полученные благодаря «транскультурным связям», выглядит весьма невероятным. В этой связи в развитии культур эпохи бронзы основу наших реконструкций культурных трансформаций положен именно миграционный принцип. По нашему глубокому убеждению, несмотря на то что бегазинский (карасукоидный) импульс в пределах Центрального Казахстана и Приаралья был не столь великим в количественном отношении и сравнительно недолговременным (в пределах кентского этапа X–IX вв. до н. э. — по В. В. Варфоломееву [Варфоломеев, 1987. С. 66]), он связан с приходом нового инокультурного населения. Мигранты действительно становятся элитой нового синкретического сообщества, на что указывает почти обязательное помещение бегазинской посуды в мавзолеях. Это, в конечном счете, приводит не только к деструкции существующей культуры, но и к последующему ее распаду и формированию нового блока культурных образований, что, собственно, и происходит на финальном этапе бронзового века. В этой связи кратковременный последующий донгальский этап VIII–VII вв. до н. э. в развитии культур эпохи бронзы Сары-Арки [Варфоломеев, 1987. С. 66, 67; Ломан, 1987. С. 115–129] рассматривается нами не столько как переходный период от эпохи бронзы к раннему железу, сколько как результат той деструкции саргаринско-алексеевской культуры, которая была вызвана бегазы-дандыбаевским вторжением. Вполне закономерно, что прароснову нового донгальского культурного типа исследователи усматривают в среде памятников саргаринско-алексеевского круга, существовавших в пределах Сары-Арки на 100 лет ранее [Ломан, 1987. С. 128]. Вероятно, на этом этапе в пределах ландшафтной зоны прежний хозяйственный уклад и ранее сформировавшийся культурный тип продолжает сохранять определенная группа населения с синкретическим обликом культуры. Основой этой культуры является саргаринский элемент, а составляющие элементы включают широкий спектр культурных инноваций из Восточного Казахстана и Западной Сибири [Ломан, 1987. С. 125–128], отражающих, вероятно, серьезные культурные инфильтра-

ции, происходившие в данный период и вызванные перемещениями населения бегазы-дандыбаевского круга.

Однако вернемся к начальной логике наших реконструкций. Исходной территорией движения карасукоидного населения в степях Казахстана стали районы Синьцзяна, на что указывают находки здесь ярких образцов карасукской посуды (Куси, Куйжэк-байдэнколас) [Молодин, 1998. С. 286–289], а также бронзовых изделий конца II–начала I тыс. до н. э. [Варенов, 1998. С. 65, 69, 70; Худяков, Комиссаров, 2002. С. 39–41]. По мнению С. А. Комиссарова, образец посуды, найденный у деревни Куси (Алтай), удивительно напоминает керамику из бегазы-дандыбаевского могильника Чемурчек [Худяков, Комиссаров, 2002. С. 39]. Эти факты являются достаточно веским аргументом в доказательстве Западного и, вероятно, северо-западного миграционного импульса населения поздней и финальной бронзы из районов Монголии и Северного Китая. Вероятно, из Синьцзяна идет проникновение карасукоидного населения и на территорию Алтая. Об этом могут свидетельствовать материалы бегазы-дандыбаевского облика, обнаруженные на памятнике Бертек-56 [Молодин, 1998. С. 17–20; 2000. С. 135].

В этой связи совершенно убедительно звучит утверждение Л. Р. Кызласова о том, что в VIII–VII веках до н. э. Восточный и Центральный Казахстан были подвержены сильному восточному воздействию со стороны какой-то группы носителей карасукской культуры (цв. вклейка, рис. 3, 8). Это воздействие прослеживается в появлении карасукских традиций в культурах Хорезма, Нижней Сырдарьи (Северный Тагискен) и Нижнего Поволжья (цв. вклейка, рис. 2, 9, 10). Проникновение карасукского населения далеко на запад маркируется находками ранних форм оленных камней карасукского облика (с кругами-«глазками»), которые широко распространены на территории Монголии, Забайкалья, Тувы, а в начале I тыс. до н. э. появляются в Центральном Казахстане (Домбаул), Оренбуржье и даже на Балканах (в Болгарии и Румынии) [Кызласов, 1977. С. 75].

Представляется также, что Западный импульс включал в себя самый широкий восточный миграционный фон Монголии, Туркестана и Северного Китая, то есть население, материальная культура которого нам сегодня пока еще слабо известна, либо она претерпела существенные трансформации в ходе этого движения. В этой связи мы склонны присоединиться к высказанному ранее С. Г. Кляшторным [1982. С. 172] и А. А. Ковалевым [1987] тезису о возможной связи распространения оленных камней и карасукских кинжалов с деятельностью древних кочевников жунов и ди. Хотя следует признать, что использование термина «карасукский», «карасукоидный» не совсем удачно. Мы всецело разделяем точку зрения С. В. Хаврина, что для монгольских или северокаитайских памятников действительно уместнее было бы употребить определение «ордосские» или «чандманьские» [Хаврин, 1994. С. 105].

Стоит напомнить и еще об одной параллели общекультурного порядка, которая в определенной мере указывает на значительную протяженность вектора западных миграций центральноазиатского карасукского населения. Она была приведена Н. Л. Членовой как возможная гипотеза о происхождении карасукской культуры из круга памятников «луристанских бронз» Западного Ирана [Членова, 1964. С. 7; 1967. С. 124]. Более позднее относительно карасукских существование луристанских памятников, датируемых сегодня большинством авторов в пределах IX–VII вв. до н. э. [Новгородова, 1989. С. 127], не позволяет говорить о них как о генетически предшествующих карасукским. Однако многие параллели в металлическом инвентаре, неожиданное появление в VIII веке до н. э. в Загросе уже сложившихся канонов и форм «звериного стиля» позволяют, вероятно, говорить о влиянии центральноазиатских этнокультурных импульсов на сложение культуры луристанских бронз. Близкие точки зрения высказывались Р. Гиршманом и Э. Террас, связывающих проис-

хождение луристанских бронз с появлением в Западном Иране коневодства и верховой езды в результате северо-восточных миграций из степей Центральной Азии [Грантовский, 1970. С. 40; Teggase, 1962. P. 241, 215] (цв. вклейка, рис. 3, 11).

Трудно представить столь удаленную юго-западную миграцию центральноазиатского населения. Вероятнее всего, маршрут ее прошел, минуя Восточный и Центральный Казахстан, через Низовья Сырдарьи, где были оставлены памятники типа Северного Тагискена, которые, по мнению А. Х. Маргулана, имеют ряд ярких черт схожести с бегазы-дандыбаевскими (архитектура и планиграфия мавзолеев, устройство камер и коридоров, жертвенного стола и алтарного места, чернолощенная керамика, костяные предметы и др.) [Маргулан, 1979. С. 67, 68]. В районе Нижней Сырдарьи миграционный поток, вероятнее всего, раздваивался. Одна часть мигрантов ушла через Южный Прикаспий в Западный Иран. Другая, вероятно, достигает Северного Прикаспия. Здесь в бассейне дельты Волги найдены керамические комплексы, абсолютно схожие с карасукскими образцами (Ала-куль II, Стагап, Котелок) [Мелентьев, 1975. С. 39–42]. Интересно в этой связи отметить, что именно с этого периода среди материалов Тагискена и Уйгарака в Приаралье и в антропологическом облике населения начинают отчетливо просматриваться монголоидные черты центральноазиатского населения [Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 112]. В это же время отмечаются первые контакты населения Нижнего Поволжья и Северного Казахстана с центральноазиатским регионом [Пьянков, 1996. С. 137].

Дальнейшая судьба бегазинского импульса остается не совсем ясной; что же касается приаральских памятников типа Северного Тагискена, то здесь исследователи приходят к единому мнению, что эту линию продолжают ранние саки и носители чирикабатской культуры [Толстов С. П., 1962; Вайнберг, Левина, 1993; Вайнберг, 1999. С. 192]. Впрочем, в чирикабатский период, в связи с активным смешением пришельцев и местного населения, резко уменьшается монголоидная примесь и возрастает значение южного восточносредиземноморского контингента [Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 113].

В ходе данного экскурса мы вплотную подошли к вопросу об этнокультурном соотношении памятников, которые оставило население двух восточных миграционных этапов, условно называемых бегазы-дандыбаевский и сако-тасмолинский. Иными словами, этот вопрос напрямую связан с проблемой генезиса культуры саков Центрального Казахстана. Как известно, до определенного времени преобладала эволюционная точка зрения на происхождение и памятников бегазы-дандыбаевского типа [Маргулан, 1979. С. 65], и тасмолинских памятников [Кадырбаев, 1968], когда их возникновение и развитие напрямую связывалось с андроновским культурным влиянием.

К. А. Акишев впервые указал на пришлый характер тасмолинской культуры и связал ее с протосюньскими (ордосскими) памятниками, о чем уже говорилось выше [Акишев, Кушаев, 1963. С. 118, 134; Акишев, 1973. С. 57–58]. На его взгляд, эта культура не связана ни с андроновской, ни с бегазы-дандыбаевской [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966. С. 303].

В развитии миграционных идей культурогенеза сакских племен Л. Р. Кызласов, с одной стороны, подчеркивал пришлый (карасукский) характер населения бегазы-дандыбаевского круга; с другой — приводит множество параллелей этой культуры не только с тасмолинскими памятникам Центрального Казахстана и Семиречья (Бесшатыр), но и с восточносакскими комплексами типа Чиликтинского кургана. Эти параллели прослеживаются в конструкции погребальных сооружений царских курганов, а также в существовании единых типов инвентаря (трехлопастные черешковые и двухлопастные втульчатые лавролистные с шипом бронзовые наконечники, отдельные типы посуды, оселки, пронизки и др.) [Кызласов, 1977.

С. 72–74]. Проводя параллели между бегазинскими и тасмолинскими памятниками, равно как и между тагискенскими и уйгаракскими комплексами Приаралья, Л. Р. Кызласов подчеркивал тем самым генетическую преемственность памятников начала эпохи железа с предшествующим пластом – бегазы-тагискенским [Кызласов, 1977. С. 73]. Однако в целом, поддерживая эту точку зрения, хотелось бы сделать определенное уточнение. Говоря о том, что тасмолинская культура не связана с бегазы-дандыбаевской, К. А. Акишев в определенном смысле был прав. Имеется ряд существенных отличий между ними, которые выразились в кардинальных различиях погребальной обрядности рядового населения данных культур. В бегазинской культуре – прямоугольные ограды, каменные ящики, скорченная поза погребенных, уложенных на бок. В тасмолинской – округлые каменные насыпи, ограды, грунтовые ямы, положение погребенных вытянуто на спине. Существенным отличием является и отсутствие керамической посуды в тасмолинских погребениях. Не отрицая в целом идею геокультурной близости бегазинско-тагискенских и сакских памятников Казахстана, мы, тем не менее, отчетливо понимаем, что это отличия не только хронологического порядка. Бесспорно, население, оставившее эти памятники, различалось и по своему социально-хозяйственному укладу (бегазинское – полуседлое; тасмолинское – кочевое), и, что очень важно, по территориям их первоначального миграционного исхода.

Вероятнее всего, протосакское население пришло в пределы Казахстана из более восточных (юго-восточных) территорий, которые были ближе к ареалу Ордосских бронз.

Можно предположить, что западные миграции жуно-дисского населения в VII–VI вв. до н. э. из Южной Монголии и Северного Китая стали основной причиной культурно-генетических изменений в пределах Казахстана и Южного Урала. К этому же мнению приходит в одной из своих последних работ А. Д. Таиров. Говоря об исходных районах раннесакских миграций, он убедительно определяет их как Северный и Северо-Западный Китай и Монголия [Таиров, 2003. С. 166–172]. Вероятнее всего, аналогичное воздействие эти импульсы оказали и на регионы Южной Сибири (Саяно-Алтайское нагорье, Минуса, Приобье).

Западный вектор миграций из районов Южной Монголии и Северного Китая на начальном этапе раннего железного века довольно хорошо просматривается на памятниках Синьцзяна. Так, С. А. Комиссаров склонен считать, что возникновение культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железу – яньблак XIII–VI вв. до н. э. (Восточный Синьцзян) – связано с общим перемещением населения с востока на запад, на что указывает массовое проникновение в этот регион носителей монголоидного антропологического типа [Худяков, Комиссаров, 2002. С. 53]. На наш взгляд, дальнейшие судьбы племен носителей культуры яньблак тесным образом связаны с районами Сибирского Алтая, где с конца VI века до н. э. появляются памятники кора-кобинской культуры, удивительно схожие с яньблакскими (погребения в больших ямах с уступами, внутренней обкладкой или перекрытием, полускорченное положение погребенных, близкие формы бронзовых ножей и сосудов: кувшины с высоким горлом, горшки с петлями и ручками, расписанные вертикальными волнистыми и зсовидными линиями). Вероятно, с восточным импульсом протосакского населения связано и возникновение раннекочевнической культуры Чауху (чаухугоукоу) (X–V вв. до н. э.) в Притяньшанье. Хотя, как известно, данная культура многокомпонентна по своему составу. Памятники, ее составляющие (Чаухугоукоу 1, 2, 4, Цюньбакэ 1), наряду с другими раннесакскими комплексами VII – IV вв. до н. э. (Субаши, Шанхусян, Темулткэ, Алагоу и др.) [Синьцзян Хэзуинь сянь., 1990. С. 511–517, Худяков, Комиссаров, 2002. С. 54–63; Синьцзян Синьюань., 1988. С. 59–65; Синьцзян Луньтайсянь., 1991. С. 684–693; Синьцзян

Куэрайши., 1999. С. 32–39; Синьцзян Шаньшань., 1984. С. 41–45], демонстрируют то культурное многообразие саков Синьцзяна, на которое ранее уже указывал К. Дебен-Франкфор [1989]. О сакской принадлежности вышеперечисленных комплексов говорят те многочисленные параллели в погребальном обряде (каменные выкладки, ограды, большие ямы с дромосом и уступом, западная и северо-западная ориентировка погребенных, групповые погребения в могильных ямах с дромосом, наземные погребения, погребения с каменными выкладками и деревянными перекрытиями) и в вещевом инвентаре (ножи с кольцевым навершием, черенковые трехлопастные и трехгранные бронзовые наконечники стрел, чеканы, бронзовые зеркала с ушком для подвешивания, зеркала с валиком по краю диска и длинной боковой рукоятью, конская узда, включающая стремечковидные удила и пронизки для перекрещивания ремней сферической и зооморфной формы, отдельные типы керамического материала – сосуды грушевидной формы, небольшие кувшины с петлевидной ручкой, сосуды с носиком-сливом, кувшины бипризматической формы, миски), которые представлены наиболее ярко в материалах приаральских саков [Вишневская, 1973. Рис. 5, 7, 9, 13–17, 24–26, 31–33. Табл. III, V–VIII, X–XIII, XXII, XXIII; Яблонский, 1996. Рис. 4, 8, 10, 12–15, 18, 22–27, 31–34].

В данном контексте хотелось бы несколько иначе взглянуть на довольно известные параллели, свидетельствующие о сако-пазырыкском и сако-уюкском (раннескифском) единстве, которые хорошо известны исследователям. Наличие множества аналогий в погребальном обряде и вещевом инвентаре позволили Л. Р. Кызласову прийти к выводу о генетической связи раннескифских комплексов типа Аржан с бегазы-дандыбаевскими памятниками. По его мнению, памятники типа кургана Аржан были некрополями сакской аристократии, господствующей над уюкским населением [Кызласов, 1979. С. 35, 39].

Если согласиться с тем, что с конца II тыс. до н. э. в поясе центральноазиатских степей устанавливается вектор западных миграций, результатом чего стало появление памятников бегазы-дандыбаевского, тасмолинского и сако-тасмолинского облика, то вполне очевидно, что формирование сако-пазырыкского или сако-уюкского единства вряд ли могло идти по обратному вектору.

Вероятнее всего, появление сако-тасмолинских черт и на западе, и на севере связано с единым культурно-генетическим центром. Это подтверждает наличие на Северо-Западном Алтае в VII–VI вв. до н. э. таких ярких комплексов, как Чесноково – 1 (курган 2), Машевка – 1 (курган 1), Солонечный Белок (курган 2), а несколько позже в V–III веках – Симбирка (курган 1), отличающихся каменными насыпями, прямоугольными или подбойными могильными ямами, с индивидуальными вытянутыми погребениями с северной ориентировкой [Шульга, Казаков и др., 1997; Шульга, 1998; Полосьмак, 1990. С. 103–105] (цв. вклейка, рис. 3, 16). Следует отметить, что отдельные черты погребального обряда (вытянуто-прямоугольные ямы, северная ориентировка погребальных, помещение черепов крупного рогатого скота и овцы), типы бронзового инвентаря (удила, псалии, зооморфные пряжки и накладки) этих памятников имеют устойчивые аналогии среди северокитайских комплексов VIII–VI вв. до н. э. [Варенов, 1990. С. 63–65].

К этому следует прибавить тот факт, что по определению С. А. Тур, женские черепа из Машевки и Чесноково относятся к метисному монголоидному типу, причем череп из Машевки может быть отнесен к антропологическому типу северных китайцев [Шульга, 1998. С. 49]. С другой стороны, эти погребальные комплексы удивительным образом сходны с раннесакскими комплексами тасмолинской культуры, что отмечает и сам автор исследований [Шульга, 1998. С. 37, 49].

Ярким примером сакских миграций на север в предгорья Алтая является могильник Кайнду, расположенный в нижнем течении Катунь (цв. вклейка, рис. 3, 15).

Из 15 исследованных здесь курганов в 10 погребения совершены под каменными насыпями в вытянуто-прямоугольных ямах, имеющих деревянные рамы и перекрытия из каменных плит. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. Только в четырех из них были обнаружены керамические сосуды, среди которых плавнoproфилированные горшки с узким горлом и отогнутым венчиком и горшок с «ушками». По мнению исследователей, этот могильник значительно отличается от одновременных ему пазырыкских и каракобинских комплексов VI–V вв. до н. э. [Неверов, Степанов, 1990. С. 266–268].

Сакское влияние на южные районы Сибири не ослабевает вплоть до второй половины I тыс. до н. э. Однако в V–III вв., вероятно всего, оно осуществлялось непосредственно из районов Восточного Туркестана (Синьцзяна). Это, скорее всего, связывается с новой волной инфильтрации восточно-сакского населения. На западе результатом ее стало появление таких памятников, как Иссык и Бесшатыр, а также раннеусуньских комплексов Беркара, Соколовка, Чильпек, Бураненские в Казахстане и Киргизии. На севере и северо-западе сакские миграции привели к ярким сако-пазырыкским параллелям, которые позволяют установить изобразительные детали вещевого материала могильников Алагоу (Турфан) и Пазырыкских курганов [Погребова, 1988. С. 184–188]. В IV–III вв. до н. э. в северо-западных районах Алтая и лесостепном Приобье, с одной стороны, появляются памятники, аналогичные иссыкскому «золотому человеку» (могильник Локоть IV), с другой — в керамическом инвентаре каменной и большереченской культур появляются характерные образцы сакской посуды (круглодонные сосуды грушевидной формы, кувшинчики с петлевидной ручкой) [Могильников, 1999. С. 187; Троицкая, Бородавский, 1994. С. 74–76], которые являются частой находкой в сакских памятниках Синьцзяна [Синьцзян Каогу., 1983. Рис. 56, 57, 60, 65] (3, 23–25).

Вероятно, у читателя может создаться впечатление, что автор, невольно увлекшись фабулой транскультурных перемещений, потерял нить, связующую логику исходных и последующих процессов развития. Однако это не так. Ретроспекция этнокультурных изменений, происходивших в конце II–начале I тыс. до н. э. на широком пространстве центральноазиатских и западноазиатских регионов, четко оконтуривает две историко-культурных волны трансформаций и переселений, условно называемых нами карасукско-дандыбаевская и сако-скифская. В этой связи, возвращаясь к исходным позициям размышления на основе имеющегося археологического материала из Северного Китая и Внутренней Монголии, мы обнаруживаем обе составляющие этих азиатских трансформаций в составе единого культурно-исторического явления, за которым закрепилось название «ордосские бронзы». Традиционно говоря о культуре «ордосских бронз», подразумевают памятники и материалы скифо-сакского круга, охватывающие период VIII–V вв. до н. э. (Западное Чжоу, Чунь-Цю). Приведенные нами иллюстрации по «ордосским бронзам» также составлены с учетом этих существующих традиций (рис. 10). Однако мы всецело осознаем, что в процессе роста исследовательской базы понятие «ордосские бронзы» кардинально расширило свои пространственно-временные рамки. Под «ордосскими брендами» теперь понимается общность культур, сложившаяся не только в результате расселения северных варваров (жуны, ди), но и длительного взаимодействия палеоиранского скотоводческого и древнекитайского земледельческого населения. Ареал ее простирается на тысячи километров вдоль левобережной долины Хуанхэ от Ляондунского залива до Хесийского коридора. Период существования культур этой общности достигает фактически тысячу лет: с XIII до IV–III вв. до н. э. (от эпохи Шан-Инь до Джань-го).

Условно эту эпоху можно разделить на два этапа: протохуннский (XIII–VI вв. до н. э.; Инь-гунь Цю) и предхуннский (V–конец III вв. до н. э.; Чжанью). При этом

ранний этап в большей мере представлен значительным числом характерных бронзовых предметов — кинжалы с навершием в виде головы барана, козла или лошади, с бубенчиковидными и кольцевидными навершиями, секиры, копья разных типов, шлемы «кубанского» типа, тесла, кельты, псалии с тремя отверстиями, ложечковидные подвески и сопровождающие их ритуальные бронзовые сосуды: «hu», «ting», «kuei», «yu», которые в целом датируются рамками XIII–VII вв. до н. э. [Чжун Сук-Бэ, 2000; Варенов, 1999б; 2003; Хаврин, 1994].

Археологическое многообразие «ордосских бронз» отразилось в выделении сегодня сравнительно большого числа культурных групп и типов памятников: Шилоу-баодэ (Шанси), Чаньхуа (Шэнси), Чанпинская, Наньшантэнь, Чаодаогоу, Оайфу (к северу от Пекина), циплунская группы (Хэбэй, Ляоцин) [Варенов, 1996. С. 3–4; 1999б; Чжун Сук-Бэ, 2000], Маоцингоу (Ордос), Янлан (Нися), Юйхуанму-Цзунтушан (район Пекина) [Кан Ин Ук, 1999. С. 379]. Несомненно, этот список будет существенно расширяться в процессе дальнейших исследований.

В литературе сегодня известны попытки историко-культурной интерпретации отдельных групп материалов и памятников протохуннского этапа с конкретными народами или этнонаименованиями, известными в письменных источниках. Как уже упоминалось, большинство китайских археологов склонны соотносить памятники Верхнего слоя Сяцзядянь (Сяцзядянь, Наньшаньгэн, Дуинаньгоу и др.) с прамонгольскими племенами дунху. Сю Чэн и Ли Цзиньцзэн могильник Янлан соотносят с жунами, а погребения Маоцингоу с племенами ди. Собственно с протосюнными Тянь Гуанзинь связывает материалы из комплексов Таухунбала, Маоцингоу, Хулусытая, Юйлунтая, а уже — культуры «ордосских бронз», занимающих север Китая (провинция Шанси, Шэнси, Хэбэй) (цв. вклейка, рис. 2, 9).

Интересная попытка картографирования находок кинжалов различных типов и соотнесения их с территориями, занимаемыми конкретными этнополитическими объединениями (Ордос — Суйюани — сюнну; северный Хэбэй — дунху-шаньжуны; к западу от Нинся — Восточного Ганьсу — юэчжи), содержится в одной из работ Чжун Сук-Бэ [Чжун Сук-Бэ, 2000. С. 26]. И, наконец, исследователи, открывшие памятник Линьчжэю к северо-западу от Аньяна, отождествили его с племенами гуйфу [Коновалов, 1996. С. 61].

Думается, что это лишь первые попытки историко-археологических сопоставлений. Малое количество археологических данных позволяет пока говорить об этно-исторических параллелях весьма условно. Тем не менее, традиционная интерпретация археологического материала позволяет сегодня представить в целом материальный комплекс культур Северного Китая и Монголии и в определенной мере проследить динамику изменений внутри него. Так, на основании анализа археологических данных из северокитайских памятников А. В. Варенов пришел к выводу, что в конце II тыс. до н. э. в среде некитайского населения отмечаются множественные перемещения и перегруппировки [Варенов, 1996. С. 5].

Как уже отмечалось, по мнению Тянь Гуанцзиня, археологический комплекс протосюнской культуры составляют погребения из могильников Таухунбала, Маоцингоу, Хулусытая, Юйлунтая, Алугайдэна, Сигоупана и других памятников «ордосских бронз» из районов Внутренней Монголии [Коновалов, 1996. С. 58, 59; Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986. С. 206–241; 394–399]. А. В. Варенов существенно расширяет этот список и прибавляет к нему такие комплексы, как Байцаопо, Люлихэ, Байфу, Хэцзяцунь и другие времени Инь и Западное Чжоу, исследованные на территории северо-китайских провинций [Варенов, 1996. С. 3–6]. В целом эти комплексы характеризуются единством погребального обряда и значительным сходством вещевого инвентаря. В большинстве случаев это бескурганные захоронения, индивидуальные погребения в вытянуто-прямоугольных ямах, которые имеют уступы,

запечки, ниши: погребенные лежат вытянуто на спине, головой на север с жертвоприношениями в виде голов быка и овцы. Вещевой комплекс составляют предметы вооружения (колчан, кинжалы, клевцы, копья), предметы быта, украшения, керамика (сосуды установлены в основном в головах) (рис. 10).

С. С. Миняев склонен считать протосюньнскими комплексы из юго-западной Маньчжурии типа Сяцзядянь (погребения «культуры верхнего слоя»), Наньшаньчэнь, Дуннаньгоу и другие, относящиеся к VIII веку до н. э. Отдельные черты погребального обряда (каменные насыпи, прямоугольные ямы, деревянные гробы) и вещевого инвентаря (бронзовые зооморфные бляшки, пуговицы, колокольчики, поясные пластины с изображением сцен охоты), по его мнению, более всего соответствуют ордосским образцам [Миняев, 1988. С. 123]. Сложилась своеобразная традиция — приводя точку зрения С. С. Миняева, различные авторы, как правило, противопоставляют ее «ордосской». Это связано с тем, что ранее рассматриваемые по С. С. Миняеву памятники китайскими и некоторыми российскими исследователями были отнесены к монголоидным племенам дунху [Постнова, 1996. С. 57; Коновалов, 1996. С. 58–63; Комиссаров, 1987. С. 42; Мануйлов, 1993. С. 49–50]. Парадоксальность данной ситуации заключается в том, что каждая из сторон по-своему права. Действительно, позиция о соотношении дунху с сяцзядяньскими памятниками хорошо аргументирована. С. А. Комиссаров основывался на мнении Цинь Фэнъи, который доказал, что упоминания о дунху, встречающиеся в «Ши-Цзи», относятся не только к периоду Чханью (403–221 гг. до н. э.), но и к Чунью (770–403 гг. до н. э.), а географические ориентиры их точно соотносятся с местоположением Сяцзядянь [Комиссаров, 1987. С. 42]. При этом заметим, что в маньчжурских памятниках из долины рек Ляохэ и Лаохахэ погребенные имеют устойчивую ориентировку головой в восточный сектор, что существенным образом отличает их от северокитайских комплексов, где традиция северных ориентировок устанавливается еще в иньскую эпоху и сохраняется вплоть до позднечуньского времени. Наличие же среди ордосских таких памятников как погребение Ваньгун (IV–III вв. до н. э.), где на деревянное перекрытие ямы с уступами укладывались черепа быка, лошади и собаки, а сопровождающий инвентарь (керамика, бронзовые украшения и роговые изделия) обнаруживает существенное сходство с раннехунскими [Могильников, 1992. С. 273], убеждает нас в том, что основные черты «классических хуннов» действительно закладывались в пределах Ордоса и на прилегающих к нему территориях Северного Китая. Приведенные С. С. Миняевым особенности сяцзядяньских памятников указывают на то, что население юго-западной Маньчжурии, равно как и «северокитайское», также участвовало в хуннском культурогенезе. Тем более что культура верхнего слоя Сяцзядянь представляет собой конгломерат территориально близких поселений и погребальных комплексов, типологически почти не связанных друг с другом [Ковалев, 1998. С. 127; Цзинь Фаньи, 1987; Комиссаров, 1987. С. 83–95]. Думается, что в дальнейшем круг протохуннских и хуннских памятников будет еще более расширен, так как, согласно предлагаемой нами схеме, сложение протохуннского этноплеменного объединения происходило, по всей видимости, при участии довольно значительного числа разнотерриториальных компонентов. Основу его, вероятно, составляло ираноязычное население скифо-сакского круга, которое находилось в длительном и активном этнокультурном взаимодействии, с одной стороны, с монголоидными племенами востока Монголии и Маньчжурии, с другой — с собственно китайским населением.

Однако, как нам представляется, говорить о собственно хуннском, сюнском культурогенезе на данном этапе можно со значительной долей условности. В целом обозреваемые материалы могут являться своеобразным фоном, характеризующим большой культурный массив населения «северных варваров», определяемый в нар-

ративной традиции как жуны и ди. Четко идентифицируемый их общий *карасукоидный облик* задает своеобразную северокитайскую доминанту последующих трансформаций и перемещений в рамках регионов Большой Монголии (культура оленных камней и керексуров), Синьцзяна (бегазинско-карасукский), Западной Сибири (ирменский), Минусы (карасукский), Казахстана (бегазинский) и Передней Азии (луристанская бронза).

Насколько правомерным может быть объединение этого горизонта в единокультурную общность? Безусловно, сегодня слабо представлен и систематизирован материал по поселенческо-погребальным традициям этого населения. Опорой реконструкций и построений являются многочисленные параллели различных категорий и типов металлического инвентаря — так называемые «северные типы». С одной стороны, они демонстрируют достаточно выразительное автохтонное развитие от образцов сейминско-турбинских бронз до характерных степных образцов финальной бронзы. С другой — развитие их происходит в тесном взаимодействии и конвергентном развитии с шанско-иньскими и западножоускими традициями. Тем не менее, некоторые факты позволяют нам говорить о правомерности наших предварительных наблюдений. В результате разведочных исследований в центральной части Внутренней Монголии (уезд Аохань Ци) у поселка Наньтайди в памятнике, который китайскими исследователями отнесен к культуре чжаобаогоу, обнаружен интереснейший керамический комплекс. Это лепные плоскодонные горшки с раздутым туловом, высокой плавнопрофилированной шейкой и отогнутым венчиком, горшки-банки или чашеобразные сосуды. Часть из них орнаментирована богатым «оленным» орнаментом, выполненным мелкой гребенкой, а остальные аналогично орнаментированы композициями из косого зигзага, косых взаимонаползающих зон из параллелограммов и ромбов. Внешняя граница зон обозначена в виде сплошной линией, внутренняя часть заполнена мелкой гребенкой (рис. 11) [Аохань-ци боугуань..., 1991. С. 2–10]. Форма сосудов и орнаментальные композиции указывают на довольно явное сходство с керамическим комплексом азиатских степей поздней и финальной бронзы (позднеандроновский, бегазинский, ирменско-карасукский). Думается, сюжеты «оленной» орнаментации вполне логично вписываются как составной изобразительный компонент культур финальной бронзы Западной Монголии, Синьцзяна и Алтая.

Очевидно, что эти параллели наряду с вышеописанным типологическим единообразием металлического инвентаря позволяют рассматривать северокитайский горизонт как единое историко-культурное пространство.

Несравненная малочисленность материалов и памятников VII–V вв. до н. э., известных в ордосско-северокитайском регионе в период предшествующий хуннскому культурогенезу, указывает на то, что скифо-сакские миграции и культурогенез происходили в рамках последующего этапа на более обширном фоне Евразийских степей, лесостепей и предгорий. Хотя и в это время, безусловно, продолжается отток населения из Ордоса и примыкающих к нему территорий Северного Китая в различные регионы Евразийской ойкумены.

Так, многочисленные параллели в изобразительном стиле различных категорий скифских украшений позволили А. А. Ковалеву прийти к совершенно справедливому заключению о сложении определенного религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-алтая, проявившегося как в передвижениях групп населения из Ордоса на Саяно-алтай и Западную Сибирь, так и в формировании на базе саяно-алтайской традиции особой субкультуры высшего слоя ордосского общества [Ковалев, 1999. С. 81]. Что касается позднескифского периода, то здесь мы имеем больше историко-археологических оснований говорить о непосредственно хуннском культурогенезе.

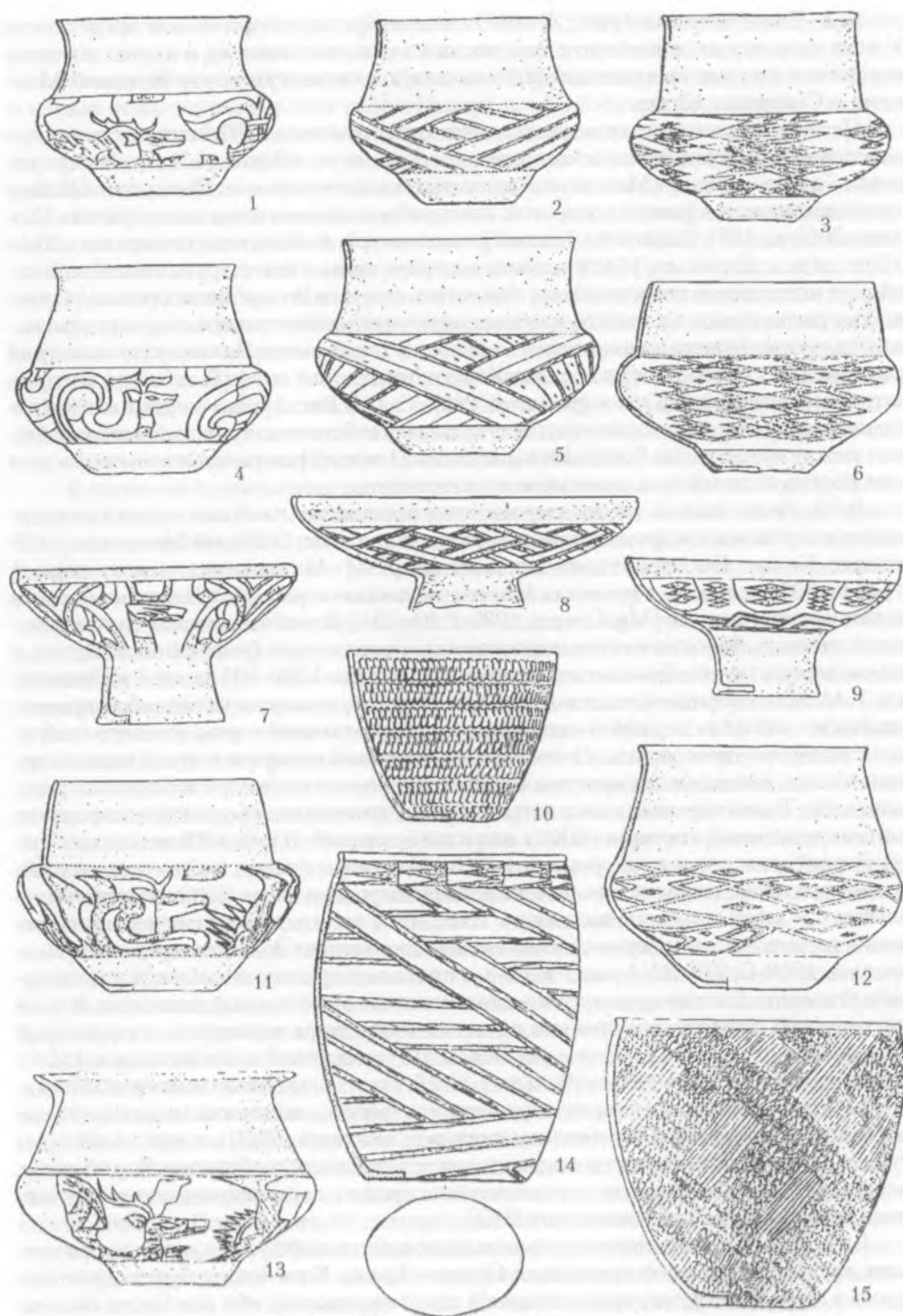

Рис. 11. Наньтайди, культура Чжаожао Гоу. Fig. 11. Nantaidi, the Jaojao Go culture

§ 2. Рождение империй. Хунны появляются на исторической арене после IV века до н. э., одновременно с тем, когда юэцжи, динлины, ху и другие племена составляют к этому времени совершенно новую этническую карту Большой Монголии и Северного Китая.

Первое упоминание о хуннах приводится в сочинении «Шо юань», составленного известным ученым ханьского времени Лю сяном: «Яньский Чжао-Ван, спрашивая Го Вэя, сказал: «Мои земли утеснены, населения мало. Цисцы отобрали и уничтожили восемь [моих] крепостей, сюнну мчатся во весь опор на лоуфаней» [Ковалев, 2002. С. 105]. Данное сообщение, по мнению А. А. Ковалева, относится к 314–312 гг. до н. э. Довольно убедительная интерпретация этих и других сведений китайских источников позволила ему поместить сюнну в это время за пределы Ордоса. Они расселялись на землях, которые подковообразно с севера и запада охватывали излучину Хуанхэ и начинались от Ганьсу (современное Ляньжоу) до западной границы Дай, с северо-востока граничили с дунху, с юга с лоуфань и байян, которые в тот момент занимали Ордос [Ковалев, 2002. С. 118. Рис. 1]. Эти сведения относятся к периоду, непосредственно предшествующему собственно хуннской истории. Однако между ордосскими бронзами карасукско-скифского периода и этим периодом лежал очень важный этап хуннского культурогенеза.

В VI–IV вв. до н. э., по нашему мнению, происходят наиболее серьезные этнические и социально-экономические перемены в пределах Большой Монголии и Северного Китая. По справедливому мнению У. М. Макговерна, в этот период (с 541 по 300 гг. до н. э.) в пределах Монголии начинают распространяться лошадь и всаднические традиции [Mg. Covern, 1939. P. 99–101]. В этой связи требуется небольшое уточнение. Вероятнее всего, верховая езда появляется в более ранний период, о чем свидетельствуют образцы скифской и сакской узды VIII–VII вв. до н. э. Означенный У. М. Макговерном временной отрезок, скорее всего, означивал собой процесс тотального освоения верховой езды, как основополагающей черты кочевого (таборного) хозяйственного уклада. По этой же причине наблюдается и преобладание лошади в стаде, как наиболее приспособленного животного к зимней тебеневке в условиях степи. Таким образом, в означенный период происходил процесс формирования пастбищно-кочевой системы (ПКС) в пределах широкого пояса Монгольских степей. Вероятнее всего, в этом процессе участвовала значительная часть «северокитайского» населения, племена юго-западной Маньчжурии и, безусловно, восточномонгольского и забайкальского населения. Именно на этом этапе с повсеместного внедрения верховой езды и перехода к кочеванию, по мнению Э. А. Новгородовой [Новгородова, 1989. С. 320–321], значительно усиливается процесс этнической и культурной метисации. Данные процессы в целом имеют весьма сложный механизм. В течение, вероятно, длительного времени в рамках конкретных маршрутов и территорий складывался сезонный (наиболее рентабельный) замкнутый цикл жизнедеятельности как отдельно взятых патриархальных семей, так и целых этноплеменных объединений. Таким образом, в это время происходило формирование как малых пастбищных микрорайонов, так и пастбищно-кочевых провинций (ПКП), в рамках которых осуществляется полный цикл жизнедеятельности кочевого сообщества. В этой связи, на наш взгляд, поход Модэ представляется как процесс перераспределения и расширения границ ранее существовавших ПКП.

По всей видимости, первые упоминания о собственно хуннах застают их в пределах пастбищно-кочевой провинции Ордос – Халха. Хотя точнее будет сказать не Ордос, а, вероятнее всего, прилегающие к нему территории, ибо сам Ордос был захвачен к тому времени войсками Цинь Ши Хуанди [Крадин, 1996. С. 24]. Здесь следует внести некоторые уточнения. Л. Н. Гумилев, говоря о хуннском этногенезе, придает району Халха важнейшее значение как территории первоначальной консоли-

дации прохуннского субстрата [Гумилев, 1960. С. 5–20]. Природно-ландшафтные условия данного региона позволяют констатировать, что эти территории вряд ли могли подходить для постоянного обитания. П. К. Козлов, посетивший степи Халхи в начале века, описывает этот район Центрального Гоби как территории, отличающиеся своей «особой дикостью и безводием ...где произрастают только кустарниковые формы растительности, довольствующие лишь “корабля пустыни”, но не лошадей. Последние здесь не встречаются вовсе, чему лучшим доказательством служила сильная боязнь, выказываемая верблюдами местных кочевников по отношению к лошадям при встрече с нашим караваном» [Козлов, 1948. С. 87]. Вероятнее всего, в степях Халхи находились раннехуннские летовки. Г. Е. Грумм-Гржимайло, интерпретируя сведения Сыма Цяня, установил, что наиболее древние родовые территории хуннов (ранее называемые шан-хуннами или горными хуннами) располагались несколько севернее Ордоса. Здесь были известные храмы, один из которых находился в урочище Лун-цы (на левом берегу Хуанхэ), а другой — в месте Юнь-Янь у горы Гань-цюинь-шань (к западу от горы Шо-пин фу). Сюда ежегодно в пятом месяце съезжались хуннские шаньюи и ваны для совершения жертвоприношений, в том числе и человеческих [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 84–85].

В целом же становление пастбищно-кочевой системы в степях Большой Монголии и Ордоса имело ключевое значение в возникновении самой империи хуннов. Как уже отмечалось, ПКС начала складываться еще в эпоху финальной бронзы, когда был накоплен опыт сезонного распределения пастбищ. Достаточно длительный период сложения ПКС связан с тем, что она требовала построения сложнейшей системы регулирования землепользования и сезонных циклов кочевания скотоводческих коллективов. Неурегулированное землепользование, то есть незамкнутый цикл кочевания было почти невозможно. Замкнутый цикл кочевания по строго определенным маршрутам, в рамках регламентированных пастбищных угодий был имманентно присущ всем кочевникам Евразии [Масанов, 1984. С. 45]. Это неизбежно приводило к строгому разделению кочевых путей и пастбищ между родами, в противном случае вся система кочевания была бы нарушена, начался бы хаос в землепользовании, что привело бы к хищническому истреблению пастбищ и гибели скота [Шахматов, 1964. С. 33]. Выстраивать и впоследствии регулировать вопросы землепользования был призван курултай — совет вождей родовых кланов. Таким образом, сложение ПКС неизбежно приводило к консолидации хуннского общества и к сложению потестарно-родового механизма управления.

Непосредственным толчком для сложения военно-административного механизма послужили внешнеполитические события. Завершение междоусобных войн (период «воюющих царств») и сложение единого государства — империи Цинь — привело к усилению военно-политического давления Китая на Ордос [Крадин, 1996. С. 24], к завоеванию военачальником циньской армии Мэн Тянем территории Ордоса [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 127. Прим. 75]. Для хуннов это означало потерю зимних пастбищ, особенно ценных для кочевников [Таиров, 1993. С. 6].

Таким образом, было нарушено самое главное звено ПКС, что поставило под угрозу само существование хуннов. Безусловно, выходом из этого положения было создание института военного вождества и самой военно-административной структуры хуннского общества. Однако следует подчеркнуть, что это было возможно лишь при достаточной зрелости самой ПКС и вытекающей отсюда развитости родоплеменной социальной инфраструктуры. В этой связи интересное наблюдение сделано Н. Н. Крадиным относительно того, что приводимая Сыма Цянем легенда о воцарении Модэ не содержит реальных данных. По всей видимости, Тоумань не является реальным лицом, шаньюем, предшествующим Модэ, а представляет собой некий собирательный образ. Само же имя происходит от слова “тумен” (10000 воинов) [Крадин, 1996; 1996б. С. 44–46].

Исходя из этого, и приход шаньюя Модэ, и введенная им прочная военно-административная система империи, когда держава была разбита на три части: центр, левое и правое крылья [Крадин, 1996. С. 35], были объективными и закономерными явлениями, вытекающими из всего предшествующего развития кочевого общества хуннов. Следовательно, создание централизованной державы с жестким распределением административных рангов могло произойти именно в данный момент: ни раньше, ни позже [Крадин, 1996. С. 69–98; 1996в. С. 35]. К этому следует добавить еще один факт. Процесс окончательного сложения ПКС и хуннской общественной системы, которая на рубеже III–II вв. до н. э. могла быть противопоставлена циньскому Китаю, был обусловлен также тем, что до II века до н. э. продолжался кратковременный период относительного уважения степей Центральной Азии [Крадин, 1995. С. 164], который обеспечивал благоприятные условия для кочевого скотоводства.

Какие процессы происходят на следующем этапе? Попытаемся разобраться — в результате каких причин хуннская империя смогла так молниеносно в историческом смысле раздвинуть свои границы, быстро отвоевав не только Ордос, но и пределы Большой Монголии, Забайкалья и Тувы.

Н. Н. Крадин, исследуя причины гибели и упадка хуннской державы, обнаружил чрезвычайно интересную особенность, связанную с перепроизводством элиты в кочевых обществах. По его мнению, появление периодических кризисов в хуннской державе связано с тем, что в силу традиционной для кочевой аристократии практики полигамии воспроизводство элиты в кочевых империях осуществлялось едва ли не в геометрической прогрессии. Даже если теоретически предположить, что у «среднестатистического» шаньюя было всего пятеро сыновей от главных жен, то через 60–70 лет наследники могли так расплодиться, что на каждого правнука приходилось бы не менее 1% первоначального состояния основателя династической линии [Крадин, 1996в. С. 33–37].

Как ни парадоксально это звучит, но, на наш взгляд, эти же причины лежали в основе развития и расцвета хуннской империи. Если данный механизм экстраполировать на все хуннское общество, то окажется, что та же ситуация происходила внутри каждого родового клана. Как сообщает китайская хроника: «...В поисках воды и травы (хунны) переходят с места на место и хотя у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет постоянного места жительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый имеет *выделенный участок земли*» [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 34, 117].

Приводя данную выдержку, мы не преследуем цель приобщиться к той дискуссии по вопросам собственности и средствам производства в кочевом обществе, которая длится многие десятилетия на страницах печати. Ограничимся лишь общей ссылкой на работы, в которых эти вопросы поднимались должным образом [Владимирцов, 1934; Толстов С.П., 1934; Шахматов, 1964; Зиманов, 1958; Толыбеков, 1959; Хазанов, 1975; Фурсов, 1987; Ильясов, 1963; Златкин, 1964; Марков, 1976; Федоров-Давыдов, 1976; Бунятян, 1985; Крадин, 1992 и др.].

Не вдаваясь во все в основном надуманные методологические дискуссионные дебри вокруг данной проблематики, отметим, что нам более близка точка зрения тех авторов, которые склонны рассматривать землю и скот в непрерывном единстве, ибо скот сам по себе, так же, как и пастбища в отдельности, не образует скотоводческого хозяйства. Оба эти явления плюс приемы переработки продуктов в совокупности, в их нерасчлененном единстве образуют процесс скотоводческого производства [Марков, 1976. С. 288–289].

В соответствии в этом мерилom имущественной дифференциации, бесспорно, являлся скот, который был конечным продуктом общественного производства и находился в частной собственности, что позволяет говорить о кочевническом обще-

стве как о раннеклассовом или раннефеодальном [Толыбеков, 1959; Марков, 1976; Бунятян, 1985]. При этом богатый скотовладелец, кочуя и больше и дальше, соответственно использует большее количество пастбищных угодий, а кочевая аристократия оставляла за собой право пользования лучшими территориями [Хазанов, 1975. С. 254]. Отношение к земле, безусловно, носило коллективный характер, как бы его не назвать: собственность, пользование, владение. Земля, в конечном счете, принадлежала всем — и общиннику, и общине в целом, от имени которой ее распределяет старейшина, и региональному вождю, и, наконец, верховному собственнику. Но она распределяется в строгом соответствии с той долей владения над ней, которой реально располагал каждый из владельцев снизу доверху [Крадин, 1992. С. 97; Васильев, 1982. С. 83].

В этой связи существование ПКС опиралось на институт жесткого землевладения между родовыми кланами и внутри них. Равно тому, как распределялась и перераспределялась наследственная власть внутри аристократической элиты, так же, по всей видимости, наследовалось землевладение, закрепленное за главами родовых кланов. В этом случае естественный демографический прирост населения неизбежно приводил к перепроизводству наследников внутри родовых семейных коллективов. Постоянное дробление и перераспределение участков единой пастбищной провинции приводит к дестабилизации самой ПКС.

Впрочем, как и рациональный размер стада на определенном пастбищном пространстве, количество возможных пастбищных микрорайонов также строго ограничено. Оно связано с системой сложившейся естественным путем сети маршрутов перекочевок, колодцев и водоемов. Относительно благоприятные естественные климатические и социально-экономические условия кочевых коллективов со временем неизбежно приводили к производству избыточного населения. Это усугубляется тем фактом, что, по наблюдениям некоторых исследователей, примерно каждые 10–15 лет в стадах кочевников случался массовый джут. В результате его гибнет, как правило, не менее половины всего поголовья скота. Если учесть, что количество скота, необходимое для поддержания жизнеобеспечения одного человека в кочевом коллективе, было ограниченным (в хуннском обществе, по расчетам В. С. Таскина на обычного человека приходилось 19 голов скота) [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 42–43], то, следовательно, падеж скота, связанный с джутами, эпизоотиями и другими неблагоприятными условиями, приводил к сокращению или к общей регуляции населения внутри конкретного кочевого коллектива. Однако чрезвычайно высокая социально-экономическая рентабельность кочевого сообщества (когда один пастух был способен прокормить до 20–25 человек родового коллектива) [Семенюк, 1958. С. 39] при большом количестве постоянно высвобождаемых свободных рук дееспособного населения давало возможность увеличивать поголовье стада до любого количества. Проблемой оставалась лишь площадь пастбищных угодий. В этом заключаются экстенсивность и тупиковый характер развития кочевых сообществ, когда не только развитие их, но и само существование напрямую зависело от постоянного расширения пастбищных территорий и как следствие — увеличения поголовья стада. Однако господство тенденции к дисперсности в кочевой среде препятствовало, по мнению Н. Э. Масанова, сосредоточению скота в одном месте, ибо в результате выявляется прямо пропорциональная закономерность между ростом количества скота и увеличением падежа [Масанов, 1984. С. 123].

Кроме того, при большой концентрации скота возрастает вытаптываемость земель, что приводит к потерям пастбищных ресурсов [Ямсков, 1986. С. 28; Крадин, 1992. С. 48]. Таким образом, экстенсивный характер кочевого скотоводства направлял развитие вширь, то есть за счет увеличения пастбищных ресурсов [Крадин, 1992. С. 55]. Наличие подобного механизма в определенной мере объясняет динамику, с

которой происходило расширение хуннской державы. На наш взгляд, в течение нескольких десятилетий оконтурились границы новых ПКП: Забайкальско-Керуленский, Орхонско-Селенгинский, Саяно-Туркестанский и др.

Однако ограниченность степных и частично лесостепных пространств в конечном счете так или иначе приводила к переизбытку кочевого населения. Выходом из данного перманентного кризисного состояния могли стать лишь качественные социально-экономические изменения внутри кочевой державы. Так, вслед за победоносными завоеваниями новых степных пределов, принадлежавших дунху, юэчжам, гянгюням, динлинам и др., Модэ не только отвоевал Ордос, но и построил целую внешнеполитическую доктрину набегов, замирений и подарков с ханьским Китаем. Об этом довольно много написано в литературе [Крадин, 1996. С. 34; Гумилев, 1960]. Военные кампании (нашествия, набеги, угон скота, подорожная мзда) превращались в особый вид производства, в котором фактически была задействована наиболее молодая и мобильная часть избыточного населения империи. В случае изменения внешнеполитической конъюнктуры этот незадействованный потенциал кочевого общества, как правило, втягивался во внутренние междоусобицы и гражданские войны.

Другая часть неимущего безземельного населения из родовых кланов, лишенная возможности кочевания, вероятно, активно переходила на иной хозяйственный уклад (яйлажное скотоводство, ремесленничество, земледелие), предусматривающий оседлое существование. Это происходило в относительно благоприятных условиях степи — предгорьях, оазисах, речных долинах. Вблизи зимовок и летовок стали стремительно возникать и разрастаться селища и укрепленные городища. К этому следует заметить, что оседлую, неимущую часть степного населения в значительной доле составляли инородцы, либо попавшие в плен (рабы или данники) [Крадин, 1996. С. 94], либо оставшиеся из-за неблагоприятных внешнеполитических условий без пастбищных территорий. Это подтверждается конструкцией жилищ и особенно деталями погребального обряда Иволгинского комплекса [Крадин, 1996. С. 44, 45; Давыдова, 1985. С. 22]. При знакомстве с данными материалами обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на существование разнородных и различных социальных и половозрастных групп в Иволгинском комплексе, погребальные комплексы и жилые строения в основном принадлежат среднесловному или сравнительно бедному населению.

Постепенно внутри центров оседлости складывалась своя административная инфраструктура с ремесленными очагами и торговыми (как правило, китайскими) факториями и скотоводческо-земледельческой округой [Крадин, 2000. С. 112–115]. Безусловно, эти процессы в определенной мере обеспечивали поддержание некоего баланса внутри кочевой державы. Однако в целом они неизбежно приводили к децентрализации экономической и социально-политической основы кочевой империи.

Вероятнее всего, по мере превращения сезонных стойбищ в селища и городища, последние становились объектами набегов и поборов со стороны крупных кочевых объединений, равно как и ханьские, чешинские, гаочанские, тибетские и другие города, на что указывает довольно мощная фортификация Иволгинского городища.

Таким образом, социально-экономическая ограниченность, связанная с экстенсивным характером кочевого скотоводства, прогрессирующая демографическая избыточность населения приводят к непрерывному расширению пастбищных территорий и росту поголовья скота как основного мерила богатства и власти. Одновременно происходит перепроизводство аристократической элиты хуннского общества. Следствием всего этого являются неизбежный кризис, последующий распад и гибель империи хуннов. Безусловно, мы отдаем себе отчет, что в реальности механизм реконструируемых нами процессов был далеко не так прямолинеен и прост. Стре-

мительное развитие, как и неизбежный кризис хуннской кочевой империи, не происходили так поступательно и равномерно, о чем свидетельствует живой калейдоскоп исторических письменных данных. В кочевом обществе существовали определенные методы регулирования и демографического прироста, и роста поголовья скота. Несмотря на неизбежную переизбыточность кочевого хозяйства, тем не менее в более позднее время в пределах азиатских степей существовали пустующие участки земли, на которых не осуществлялся выпас.

Мы склонны полагать, что механизм социально-экономических последствий функционировал наиболее четко в раннехуннское время. Именно к этому периоду (III–II вв. до н. э.), с одной стороны, сложилась пастбищно-кочевая система в пределах Монгольских степей, с другой — на этот период приходятся наиболее благоприятные последствия фазы кратковременного увлажнения и, наконец, необычайный ресурс экстенсивного расширения хуннской державы был создан в результате распада предшествующих культур финальной бронзы и оттока населения из степных пределов Большой Монголии.

Далее попытаемся коротко охарактеризовать хуннский историко-культурный комплекс в его развитии.

В целом, принимая точку зрения А. А. Ковалева [Ковалев, 2002. С. 118. Рис. 1], следует признать, что первоначальной территорией хуннского культурогенеза являются районы предгорий и сухих степей, примыкающие с севера и запада к Ордосу. Впоследствии эта территория значительно расширилась до пределов Большой Монголии, Ордоса, Тувы и Забайкалья и степной Маньчжурии. К числу наиболее ранних хуннских комплексов относятся поздние памятники «ордосских бронз», а также ряд могильников доциньского времени (IV–III вв. до н. э.), исследованных на территории Внутренней Монголии. Для того, чтобы был понятен принцип проведенного отбора, коротко охарактеризуем хуннский ИКК, известный по памятникам, относящимся к классическому хуннскому (имперскому) периоду (II в. до н. э. – II в. н. э.).

Несмотря на определенные локально-территориальные особенности, в целом хуннский ИКК довольно хорошо идентифицируется в пределах сюнно-хуннской ойкумены для рядовых погребений. Данный комплекс включает следующие черты: наличие круглых каменных насыпей или бескуранных грунтовых могильников с узкими прямоугольными или подбойными ямами, гробы, северная ориентировка. Для погребений аристократии — это сооружение ям с нишами или сложных многокамерных прямоугольных с дромосом, выходящим на юг, склепов ханьского типа, наличие глубоких ям, на дне которых внутри сруба помещался гроб с покойником, уложенным головой на север, с жертвоприношением голов крупного и мелкого рогатого скота в торцовых нишах. Вещевой комплекс представлен обязательным набором следующих категорий инвентаря: лук (цельнодеревянный, составной с «гуннским» набором костяных накладок); колчан (наконечники — в преобладающем количестве черешковые двухлопастные ромбические, трехлопастные асимметрично-ромбические и ярусные) [Худяков, 1986. С. 30–42]; узда, состоящая из кольчатых удиц, железных двухдырчатых псалиев, крупных колец для перекрестных ремней, крупных подпружных пряжек [Коновалов, 1976. Табл. VI, IX, X, XI; Давыдова, 1996. Табл. 40, 10–12, 21–22, 25, 26]; ножи с прямой спинкой с деревянной или костяной рукоятью; керамика, представленная разнообразными формами гончарной посуды (хумы, вазы, горшки и др.). Более богатые усыпальницы отмечены находками поясных наборов (наконечники ремней, ажурные бляхи с зооморфным орнаментом, фигурные накладки), ханьских зеркал, а также бус, подвесок и бубенчиков (Дэрс-туйский, Ноин-Ула, Ильмовая Падь, Иволгинский и др.) [Могильников, 1992. Табл. 105–114] (рис. 12; 13).

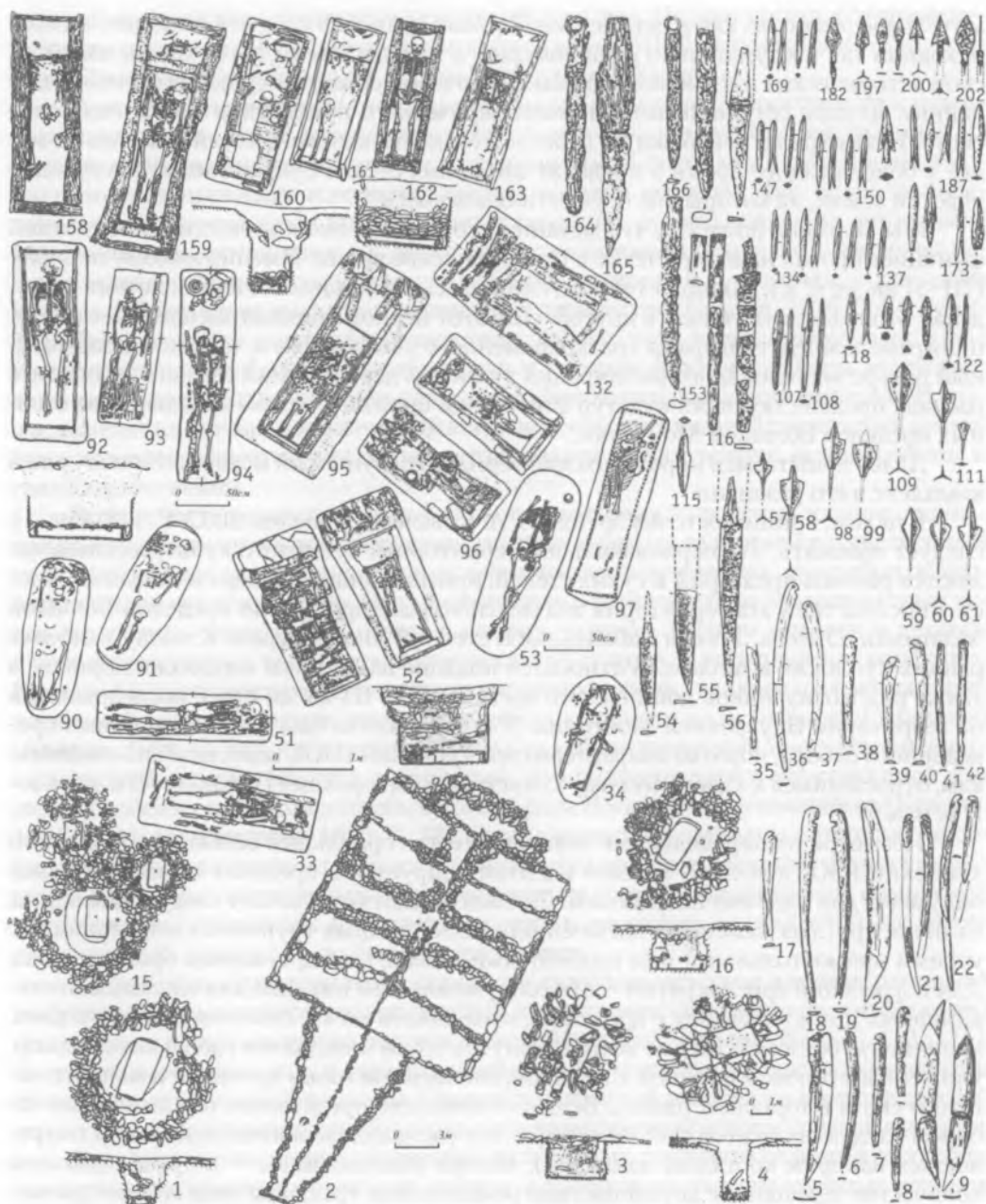
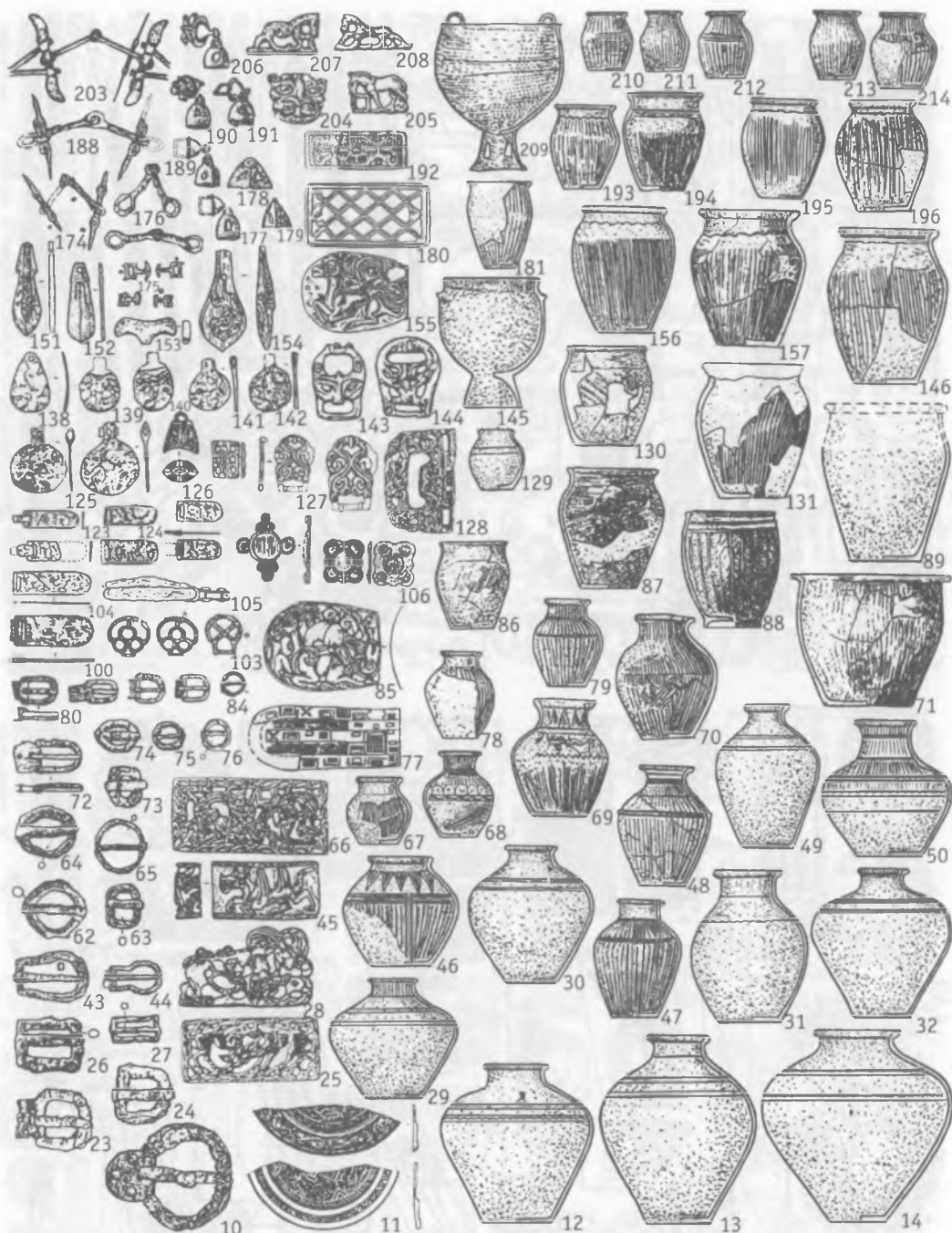

Рис. 12. Хуннский ИКК. Забайкалье. Fig. 12. The Hun HCC (historical-cultural complex). Zabaikalye.

(по: [Коновалов, 1976. Рис. 4, 7, 10, 11, 19, 40, 43, 47, 58, 56, 59, 65, 87, 100, 106. Табл. I–XXIV; Могильников, 1992. С. 455–458]). 1 – Ильмовая падь, м. 46; 2 – Ильмовая падь, м. 544; 3 – Черемуховая падь, м. 38; 4 – Черемуховая падь, м. 58; 5–10, 17–22, 24, 30, 32, 35, 40–44, 49, 57–62, 66, 72–74, 80–83, 100, 104, 105, 107, 112, 113, 115, 123–125, 139–142, 144, 146, 154, 168, 174, 176, 182, 188–191, 208 – Ильмовая падь; 11–13, 29, 54–56, 98, 99, 106, 109–111, 114, 126, 138, 151, 152, 165, 195–199, 207 – Черемуховая падь; 14, 89, 96, 129 – Ильмовая падь, м. 58; 15 – Ильмовая падь, м. 13; 16, 95 – Ильмовая падь, м. 45; 25, 28, 31, 50, 77, 85, 127, 155, 177–179, 200–204, 206 – Дерестуйский; 26, 27, 51, 86, 75, 167 – Иволгинский, м. 98; 33, 67, 69, 194 – Иволгинский, м. 100; 34, 63, 130, 131 – Иволгинский, м. 22; 36, 37, 39 – Иволгинский, м. 31; 38 – Иволгинский, м. 38; 46 – Судженский; 48, 101, 102, 210–216 – Иволгинский, м. 120; 47, 78, 88 – Иволгинский, м. 138; 52 – Ильмовая падь, м. 42; 53 – Иволгинский, м. 3; 64, 70, 87, 94, 119–121 – Иволгинский, м. 88; 65, 103, 108, 122, 175 – Иволгинский, м. 48; 71, 91 – Иволгинский, м. 52; 76, 84 – Иволгинский, м. 180; 79, 145 – Иволгинский, м. 139; 90, 116, 117, 134–137, 147–150, 164, 169–171, 185, 186 – Иволгинский, м. 54; 92 – Дерестуйский, м. 26; 93 – Иволгинский, м. 102; 97 – Иволгинский, м. 97;

116, 157, 166, 172, 173, 183, 184, 187 – Иволгинский, м. 9; 128 – Иволгинский; 132 – Иволгинский, м. 91; 133 – Иволгинский, м. 133; 143, 180, 190 – Иволгинское городище; 158 – Черемуховая падь, м. 15; 159 – Черемуховая падь, м. 5; 160, 161 – Черемуховая падь, м. 49; 162 – Дерестуйский, м. 33; 163 – Ильмовая падь, м. 46; 181 – Иволгинский, м. 141; 205 – Дурены; 209 – Иволгинский, м. 119.

1–4, 15–17, 31, 34, 51–53, 90–97, 192, 158–163 – Планы могил курганов и погребений;
5–9, 17–22, 35–42, 107, 108, 122, 134–137, 147–159, 169–173, 154, 184–187 – кости; 10, 23, 24, 26, 27, 43, 44, 54–65, 72–76, 80–84, 100, 104, 105, 123–125, 138–142, 109–111, 116, 117, 119–122, 133, 164–168, 174, 176, 182, 188, 197–202 – железо; 11, 25, 28, 45, 66, 77, 85, 101–103, 106, 126–128, 143, 144, 151–153, 175, 177, 179, 180, 189–192, 204–209 – бронза; 12–14, 29–32, 46–50, 67–71, 78–79, 86–89, 129–131, 145, 146, 156, 157, 181, 193–196, 210–214 – керамика

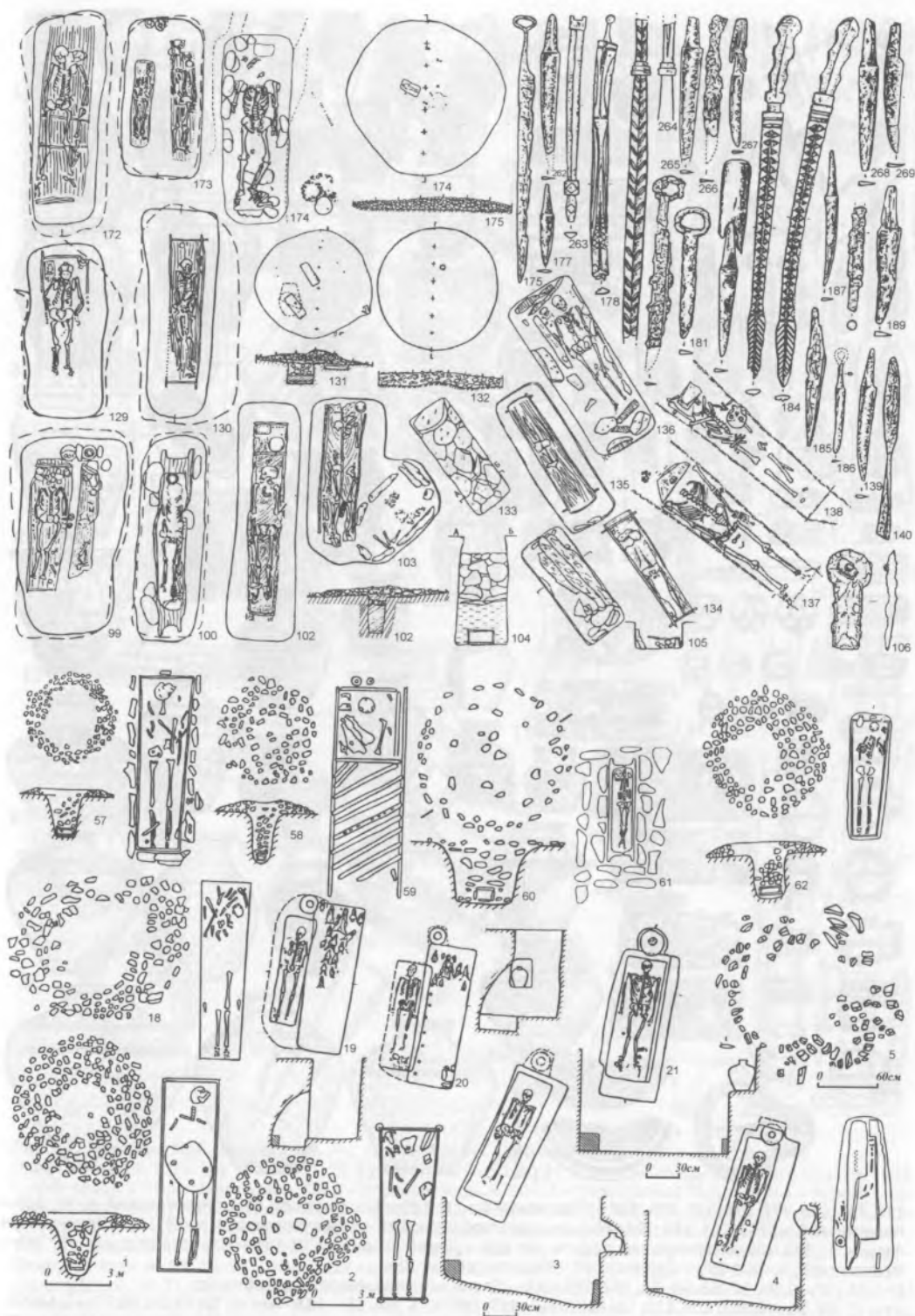
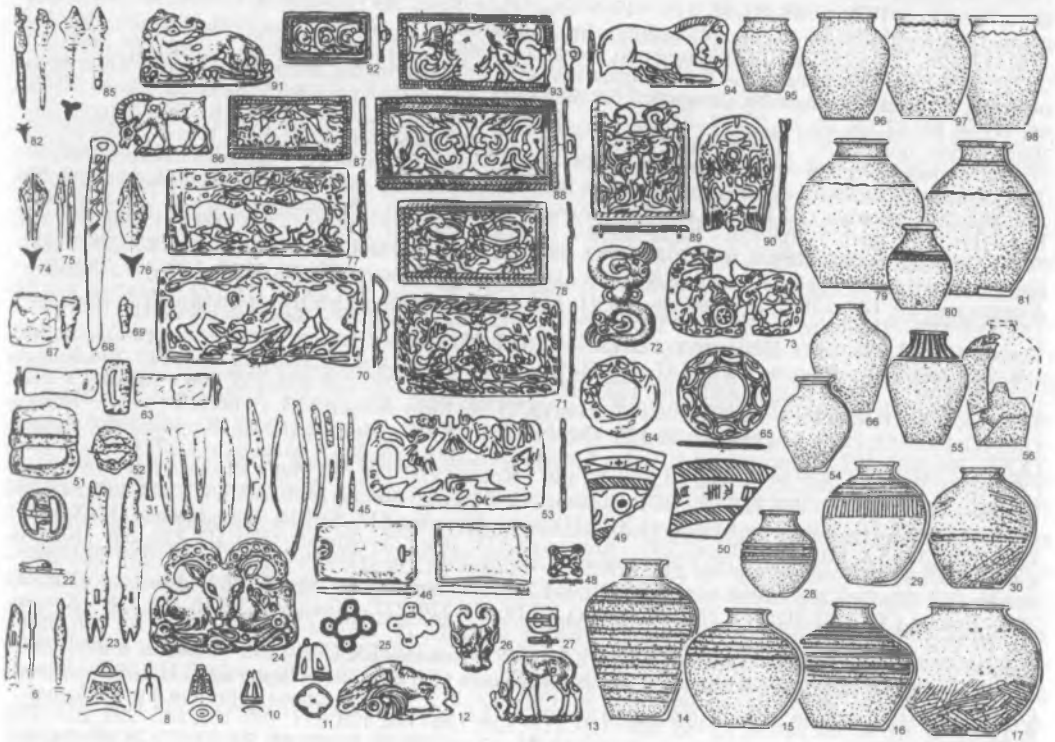
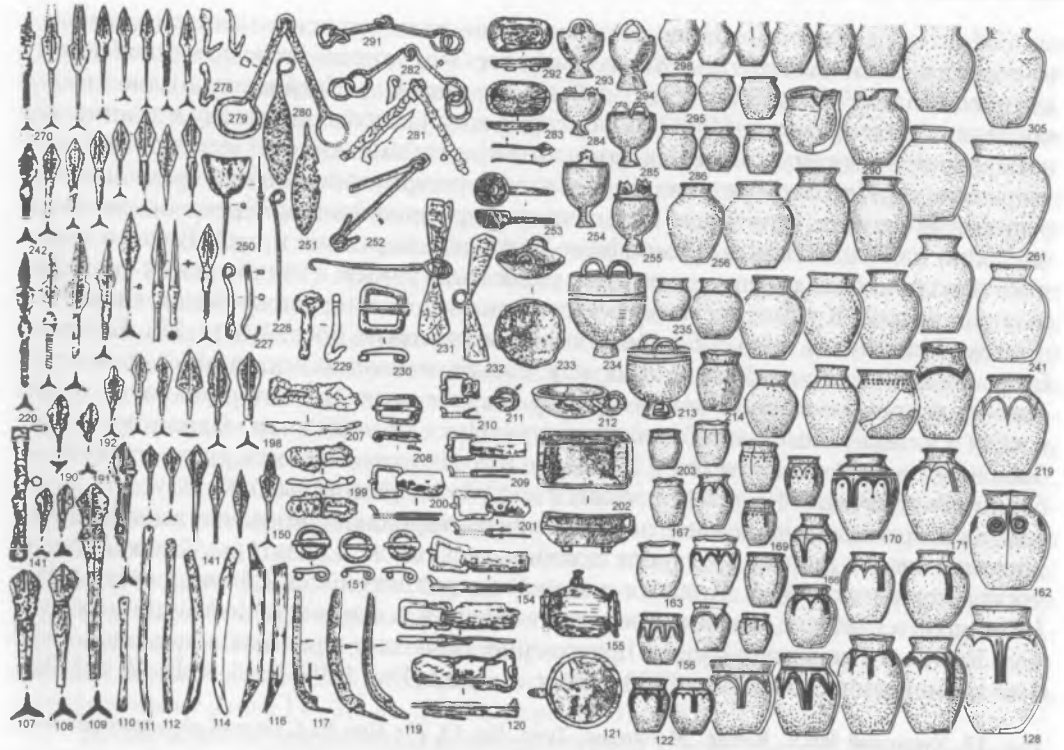

Рис. 13. Хуннский ИКК. Китай, Монголия, Тува
 Fig. 13. The Hun HCC (historical-cultural complex). China, Mongolia, Tuva

Можно ли привести какие-либо памятники раннехуннского или предхуннского периода, основные черты которых наиболее будут соответствовать означенному хуннскому ИКК? Подобная попытка была сделана А. А. Ковалевым в одной из его последних работ [Ковалев, 2002]. Оконтурив ареал расселения сюнну в доциньское время, он привел семь известных археологических памятников с «признаками влияния хунну». При этом основной упор в выборе критериев отбора был сделан на вещевой инвентарь (костяные наконечники с расщепленным черенком, костяные накладки на лук, поясные зооморфные накладки, керамика и пр.). В итоге оказались невольно объединены памятники разнокультурные, с точки зрения формальных оснований. Крайне восточную часть ареала составили погребения типа Маоцингоу (Маоцингоу, погр. 5, 63; Инь нюоу, Госяньяоцзы, погр. 2, 6, 14, 28 и Байсиньбао) — в простых могильных ямах или в ямах, имеющих ниши для керамики, с преобладанием восточной ориентировки погребенных. В восточную часть ареала вошли и катакомбные погребения культуры Нися (Юцзячжуан, Самэнцунь, Дайбэйшань), которая датируется VI–V вв. до н. э. Неправоммерность предлагаемой выборки объясняется тем, что приводятся абсолютно различные с культурной точки зрения памятники, удаленные не только территориально, но и, что весьма важно, хронологически друг от друга и от самой раннехуннской культуры. Так, моуцингоусские комплексы А. А. Ковалев помещает в раннехуннский период (конец IV–III вв. до н. э.), однако эти же погребения в сводной монографии по Мауцингоу Чонг Сун Рхай, на наш взгляд вполне правомерно, помещает в раннюю и позднюю фазы 3-го хронологического этапа (450–350 гг. до н. э.) [Rhi, 1992. P. 45. Abb. 17, 18]. Воз-

Рис. 13. Хуннский ИКК. Китай, Монголия, Тува. Fig. 13. The Hun HCC (historical-cultural complex). China, Mongolia, Tuva.

(по: [Кызласов, 1979. С. 88–93, 95, 115–117; У Энъ, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990. С. 89–98; Цэвэндорж, 1985. С. 55, 56, 58–61, 63–74; Вайнштейн, Дьяконова (Das Graberfeld..., 1984. P. 23, 25, 109–112, 114, 117, 118, 122, 127, 138–142); Данченко, Нестеров, 1989. С. 95–98]). 1, 49, 63 – Тэбт-Уул, погр. 8; 2, 25, 31, 54 – Тэбт-Уул, погр. 1; 3 – Даодуньцзы, погр. 19; 4 – Даодуньцзы, погр. 14; 5, 74, 76 – Нухтин ам, погр. 22; 6, 18, 23, 93 – Тэбт-Уул, погр. 3; 7, 58, 59, 82–85, 95 – Тэбт-Уул, погр. 2; 8–11, 22, 27–30, 52–54, 46, 47, 64, 65, 67, 68, 70, 71, 73, 77–81, 92, 93 – Даодуньцзы; 12, 13, 24, 26, 48, 72, 91, 94 – Ордос; 19 – Даодуньцзы, погр. 6; 20 – Даодуньцзы, погр. 13; 21 – Даодуньцзы, погр. 2; 32–45 – Тэбт-Уул; 55, 66, 96 – Найма Толгой, погр. 5; 6 – Найма Толгой; 57, 59 – Тэбт-Уул, погр. 16; 60, 61 – Чандмань, погр. 30; 62, 80 – Тэбт-Уул, погр. 20; 69, 75 – Чандмань, погр. 29; 98 – Тэбт-Уул, погр. 6; 99, 173 – Кокэль (L, 11); 100, 206, 241, 261, 262 – Кокэль (LXIX, II); 101, 130 – Кокэль (LX, II); 103 – Кокэль, к-н 53; 104, 133, 202, 212 – Кара-Дат, к-н 1, погр. 1; 105, 136 – Кара-Дат, к-н 1, погр. 2; 106, 137, 138, 141–143, 190, 191, 199, 207, 217, 281 – Хара-Даг-Бажи, погр. 1, 2; 107–109, 121, 131, 134, 135, 144, 186, 188, 208, 218, 233, 250, 266, 289 – Хара-Дат, к-н 1; 110–114 – Кокэль (XXV, 26); 115, 116, 189 – Кокэль (III, 26); 117–119, 251, 280, 305 – Атамановка 10; 120, 158, 205 – Кокэль, к-н 41; 122, 179 – Кокэль (LXXXIV, II); 123 – Кокэль, к-н 61; 123, 125, 175 – Шанчиг, к-н 3; 126 – Туран, к-н 117, 124, 127, 128, 159 – Кокэль (LXVI, II); 129, 177 – Кокэль (LXXI, 26); 132 – Шанчиг, к-н 6; 139, 140, 185, 231, 232 – Шурмак Тее (к-н 1, 4); 145, 146, 163, 166, 203, 169, 213 – Кокэль, к-н 7; 147–149, 224 – Уюк-Тарлык, к-н 58; 150, 219, 247, 249, 294 Кокэль (XXXI, II); 151, 156 – Кокэль (XIX, 8); 152, 192–194, 198, 204, 238, 258, 259, 265, 300 – Кокэль, к-н 65; 153, 165, 171 – Кокэль, к-н 59; 154, 236 – Кокэль (XXI, 8); 155 – Кокэль (XL II, погр. 26); 157 – Кокэль (XS, II); 160, 161, 252 – Кокэль, к-н 28; 166 – Кокэль, к-н 33; 167 – Кокэль (LXXI, II); 168, 235 – Кокэль (XXX, 26); 170, 197 – Кокэль, к-н 4; 174 – Кокэль (XX, 39); 178, 263 – Кокэль, к-н 23; 182 – Кокэль (XXIII, 8); 183, 184, 283, 285 – Кокэль, к-н 32; 186 – Кокэль (III, II); 187, 269 – Кокэль (I, II); 189, 268 – Кокэль (XXIV, 8); 195, 196, 214, 240, 256 – Кокэль, к-н 64; 200 – Кокэль (XXXVIII, II); 201, 226, 245, 246 – Кокэль (XVI, II); 210, 234 – Кокэль (LXXI, II); 211 – Кокэль (XIX, 8); 215, 303 – Кокэль (LXXIV, II); 216 – Кокэль (XX, II); 220–223, 242, 255 – Кокэль (XXIV, 26); 225 – Кокэль (XII, II); 230, 298 – Кокэль, к-н 57; 237, 254 – Кокэль, к-н 34; 239, 270–273 – Кокэль (XXII, II); 243 – Кокэль (V, 26); 244, 299 – Кокэль (IV, 26); 248, 267 – Кокэль (LXXXVII, II); 253 – Кокэль (XLII, 26); 257, 264 – Кокэль (XXII, II); 260 – Кокэль (XXXIII, II); 274, 275 – Кокэль (LXXIX, II); 276, 277 – Кокэль (LXXIX, II); 278 – Кокэль, к-н 40; 279 – Курже, к-н 3; 282, 291, 304 – Байдаг, к-ны 69, 71, 77, 284 – Кокэль (XX, 8); 286, 295 – Кокэль (XXXVIII, 8); 287 – Кокэль (XXXVI, II); 288 – Кокэль (LXXXX); 292 – Кокэль, к-н 33; 293 – Кокэль (LXXXI, II); 296 – Кокэль, к-н 41; 297 – Кокэль (XI, 26); 301 – Кокэль (X, II); 302 – Кокэль (LXXXIV, II); 1–5, 18–21, 57–62, 99–105, 129–138, 172–175 – общие планы курганов и погребений; 6, 23, 51, 52, 63, 67, 69, 74–76, 82–85, 106–109, 117–120, 140–154, 176, 177, 180, 181, 185–201, 224–232, 243–252, 265, 266, 268–283, 291 – железо; 8–13, 24–27, 49, 50, 53, 64, 65, 68, 70–73, 77, 78, 87–94, 214, 234, 238 – бронза, серебро, золото; 14–17, 28–30, 54–56, 79–81, 95–98, 122–128, 156–171, 203–206, 214–219, 235–241, 256–261, 284–290, 293–305 – керамика; 46, 447 – камень; 121, 155, 178, 179, 183, 184, 202, 212, 262, 264, 283, 293 – дерево; 31–45, 110–116 – кость; 182, 220–222, 242, 245, 270 – кость, железо

можно ли теоретически предположить участие населения, оставившего памятники типа Маоцингоу, в раннехуннском культурогенезе? Бесспорно, да. Среди маоцингоусских комплексов есть серия погребений (18, 20, 23, 25, 27), которая действительно относится к самому позднему этапу (4-му по С.-S. Rhi) и датируется в пределах IV–III вв. до н. э. В этих комплексах, во-первых, наблюдается существенный разворот ориентировки погребенных в северный сектор, во-вторых, отмечено положение в головах погребенных либо в специальных нишах черепов крупного и мелкого рогатого скота, и, в-третьих, выявлены гробовые конструкции [Rhi, 1992. Tabel. 12–15] (рис. 10, 34, 45, 170). К этим важнейшим чертам раннехуннской культуры стоит прибавить наличие признаков черепной деформации (погр. 25). К раннехуннскому периоду можно отнести и серию погребений, расположенных в Центральной части Внутренней Монголии — это могильники Лабудань линь, Чжауцянд и Сиюань (близ Баотоу), характерной особенностью которых являются простые с уступом, с подбоем или с нишами ямы, северная ориентировка покойников, помещение в могилу или на ее перекрытие черепов крупного и мелкого рогатого скота [Нэймэнгу вэньу..., 1991. С. 13–24; Чжао Юэ, 1990; Нэй Мэнгу Ао-хань, 1984]. Что же касается наиболее западных памятников раннехуннского ареала, то здесь известна серия недавно исследованных в Нинься, Гачьсу памятников, ярко демонстрирующих основные черты хуннского ИКК — Ялун, Сиган, Чайвэньган. Это кладбища с простыми или подбойными могильными ямами (подбой закрыт бревнами), с абсолютно преобладающей северной ориентировкой погребенных. По типу ременных пряжек, медалевидных зеркал с ушком для подвешивания и бубенчиков эти памятники могут быть датированы не ранее IV–III вв. до н. э. (рис. 14, II; 15).

Таким образом, очерченный круг памятников демонстрирует формирование и развитие основных черт хуннского ИКК, которые в собственно хуннский (имперский) период распространились не только в пределах Ордоса и прилегающих территорий (Даодуньцзы), но и на всю Большую Монголию, Туву, Забайкалье (Тэв-Чул; Нухтин ам, Найма Толгой, Кара-Дат; Чам дань, Поинула, Ильмова Падь, Черемухова падь, Дэрестуйский, Иволгинский, Шурмакско-кокэньские памятники) (рис. 12). Традиции хуннского ИКК, заложенные в самое раннее время, сохранились фактически неизменными вплоть до позднехуннского периода (хунно-сяньбийского) I–III вв. до н. э. (Восточная Хань, Вэй). В последние годы в пределах Северо-Восточного Ордоса и Юго-Западной Маньчжурии исследовано довольно большое число позднехуннских комплексов, которые, несмотря на то, что китайскими исследователями относятся к кругу сяньбийских древностей [Вэй Цзиен, 2004], демонстрируют единство многообразия именно хуннской культуры. Речь идет о десяти памятниках, результаты исследований которых опубликованы в сводной монографии Вэй Цзиена: Туанчжуге, Сандаован, Донгданчжинг (Херумути), Янги, Баотоу, Гора Кви-ланг, Хухевусу, Сян би (Баотоу), Эрлибан [Вэй Цзиен, 2004].

В определенной мере они демонстрируют разнообразие типологических особенностей погребальной обрядности в пределах общехуннского единства, известное на более ранних этапах. Наибольшее число погребальных комплексов из числа исследованных составляют простые могильные ямы (162 погребения) из грунтовых могильников (Таунчжуге, Сандаован, Донгданчжинг, Сянби (Херимути), Янчи, Бадои, Хьянбэй (Баотоу), Ярлибан). Ямы имеют ступеньки или ниши, как правило, в головах покойного, для посуды или голов крупного рогатого скота. В восьми случаях обнаружены гроб или остатки гробовых конструкций. Причем в одном из них (Янчи, м. 1) гроб имел характерную для хуннских комплексов дополнительно отгороженную камеру в головах покойника. Преобладающей является северная ориентировка покойного, хотя при этом наблюдаются существенные отклонения в СЗ и СВ секторы. Вещевой комплекс соответствует общехуннскому как по составляю-

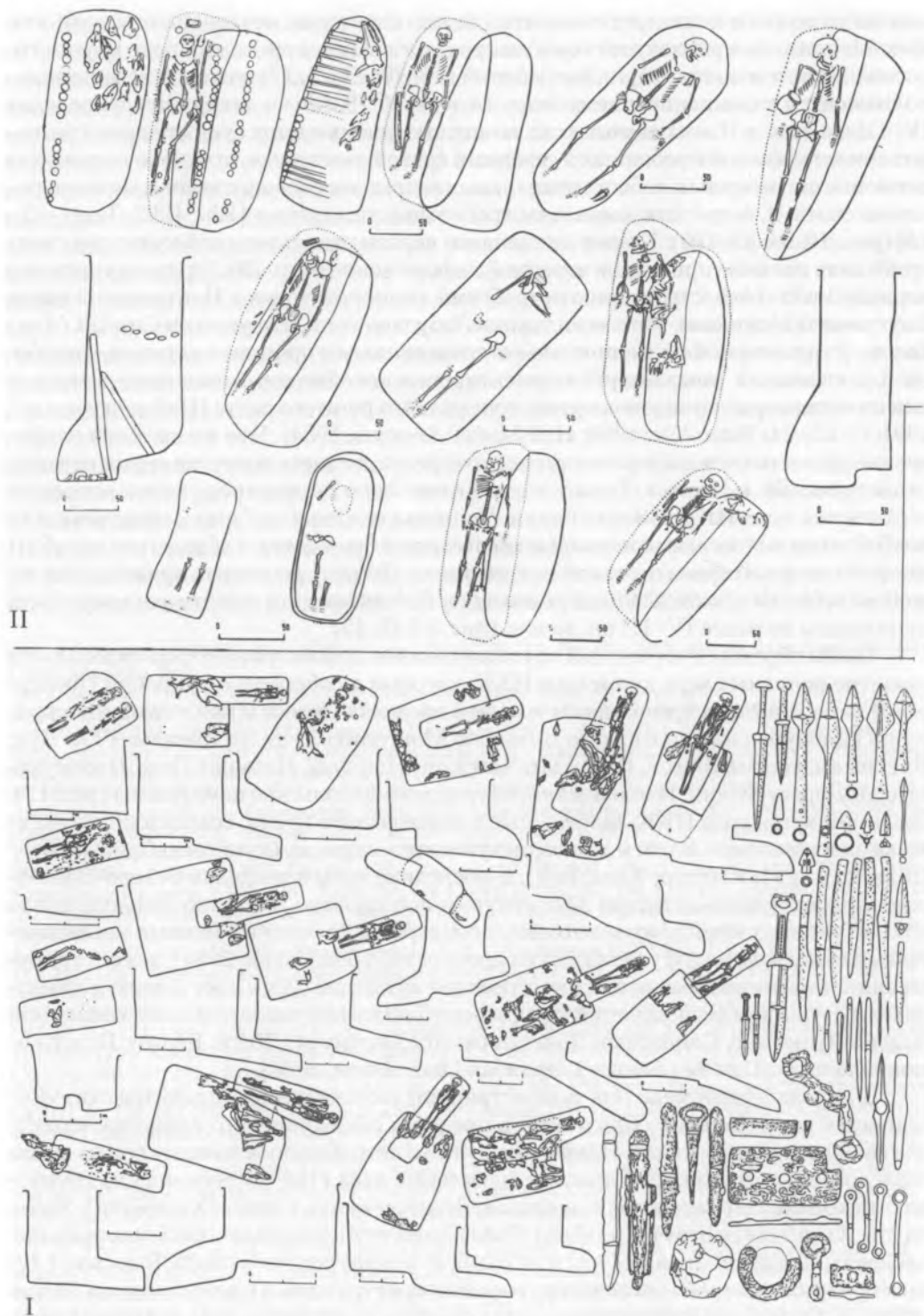
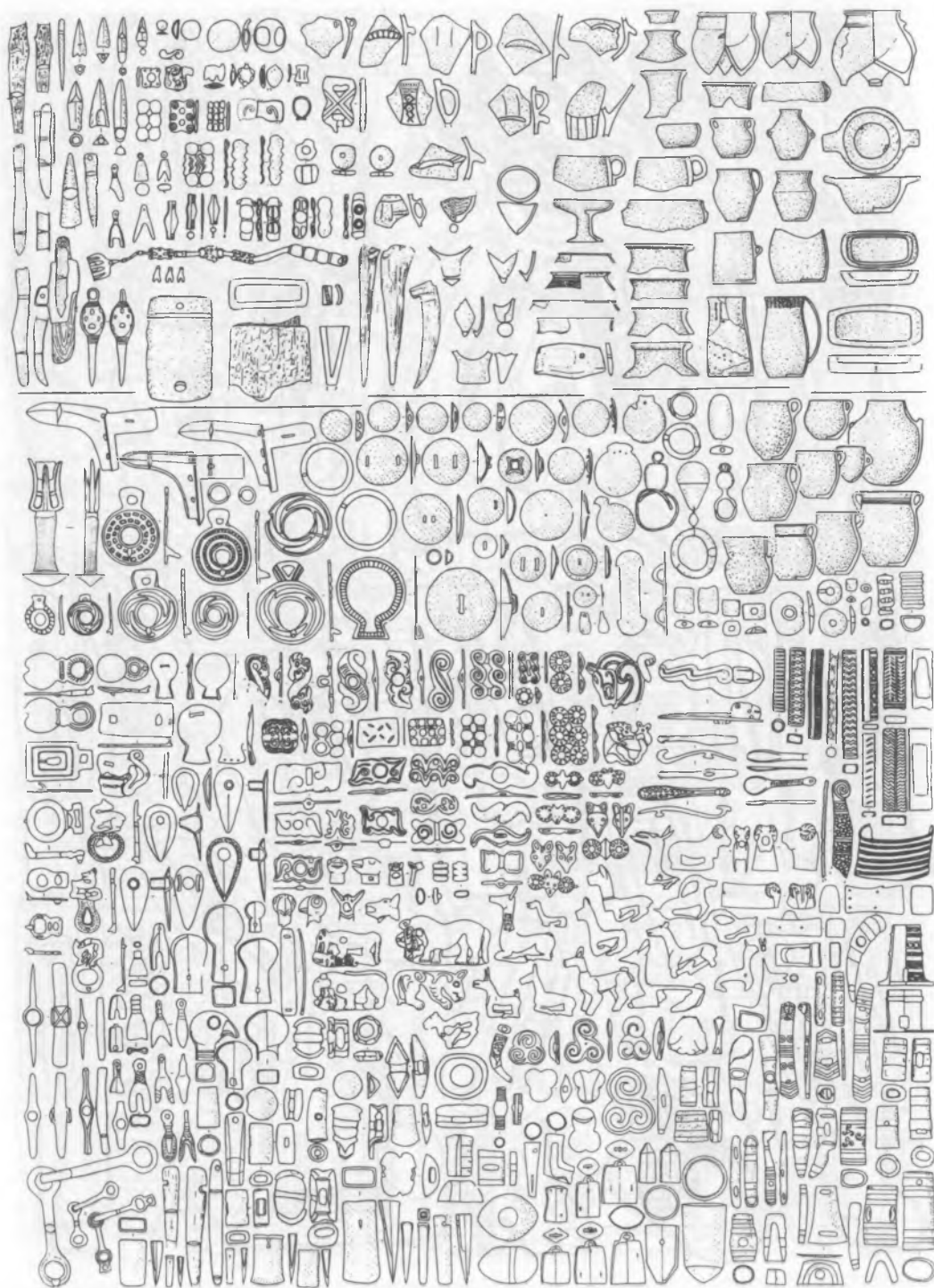

Рис. 14. Подбойно-катакомбные комплексы Северного Китая (Нинся, Ганьсу)

Fig. 14. The catacomb-lined complexes of Northern China (Ninsya, Gansu).

I - Кладбище Юйцзячжуан, II - Кладбище Ялун

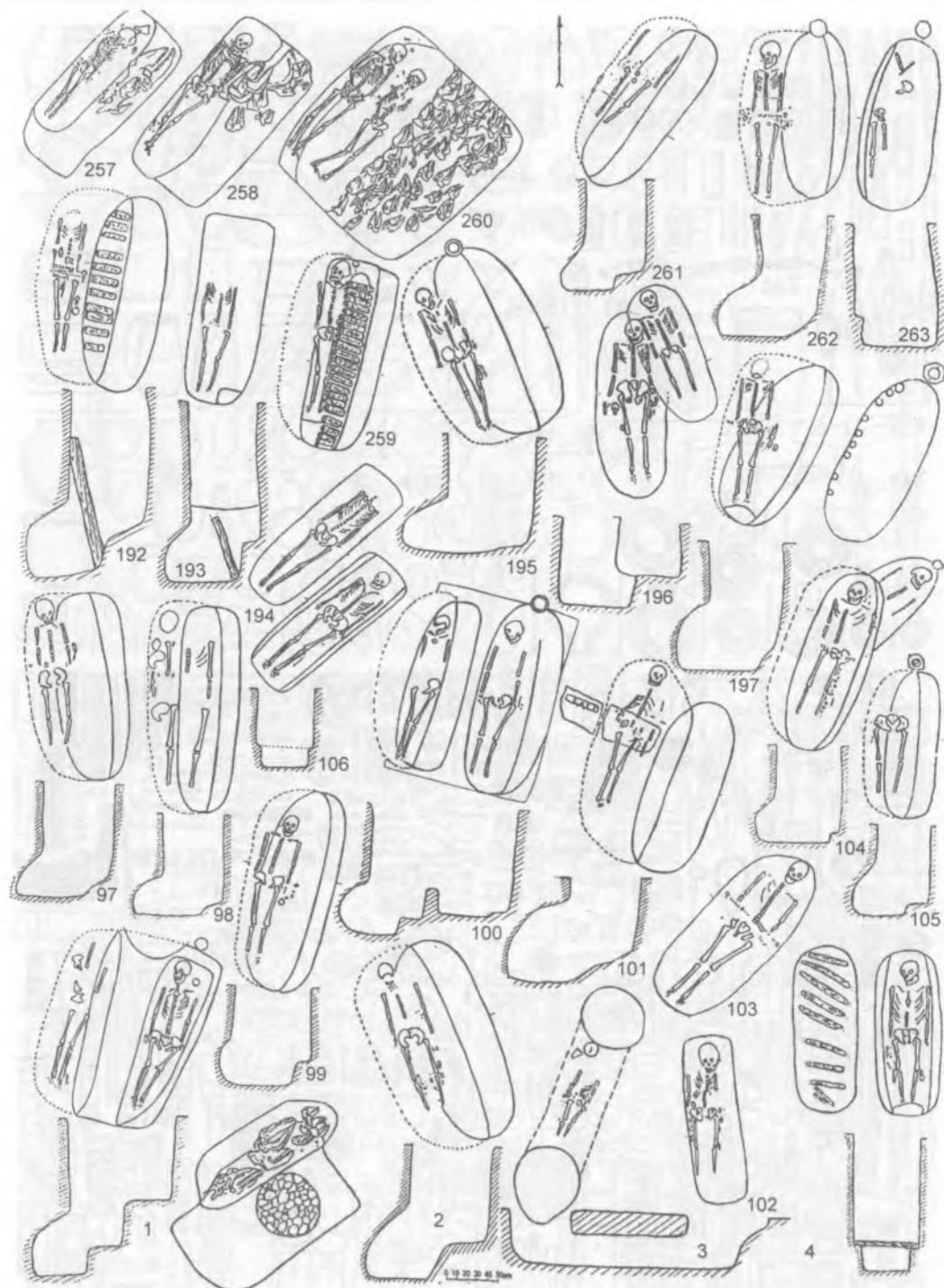
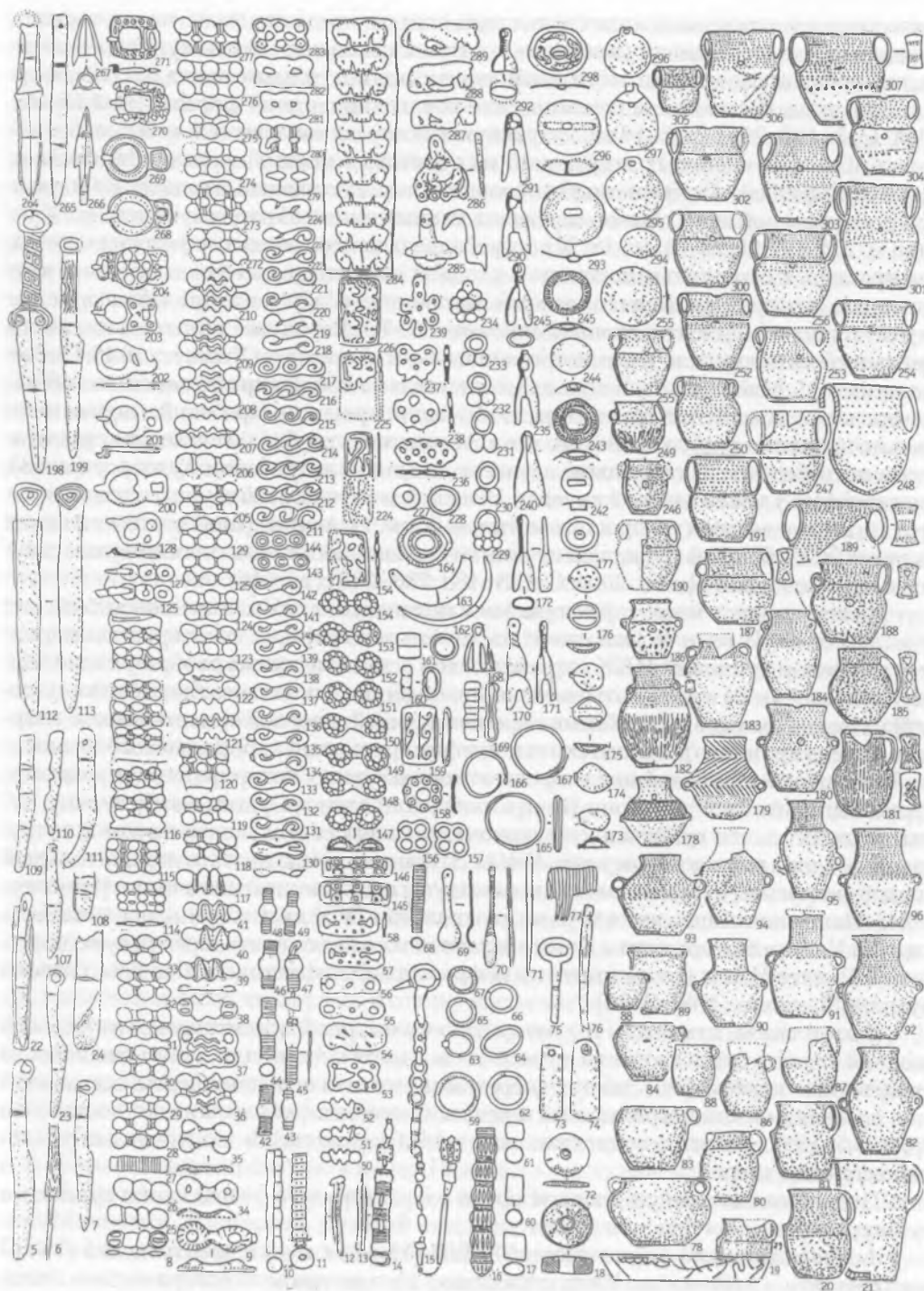

Рис. 15. Предхуннские памятники Северо-Западного Ордоса (могильники Сиган, Чайвэньган и Сиюань). Fig. 15. The pre-Xiongnu monuments of north-western Ordos (Sigan, Chaiwengang and Siuanyan burial sites)

Сиган, Чайвэньган: 1–8, 10–17, 19–23, 25–33, 36–49, 53–61, 63, 65–69, 73–75, 77–79, 80–107, 109–158, 162, 164, 166, 168–200, 202–242, 246–256, 259, 261–265, 268–284, 287–307. Сиюань: 9, 18, 24, 34,

35, 62, 64, 70, 71, 72, 76, 108, 159–161, 163, 165, 167, 201, 243–245, 257, 258, 260, 266, 267, 285, 286.
 Планы погребений: 1–4, 97–106, 192–197, 257–263; 1–17, 22–71, 75, 107–177, 198–245, 255, 264, 265,
 267–299 – металл; 18, 21, 78–96, 178–191, 246–254, 256, 300–307 – керамика; 266, 76 – кость; 77 –
 дерево; 17, 60, 61, 72, 73, 74 – камень

щим его категориям инвентаря (сосуд, лук, стрелы, предметы узды, пояса, зеркала, бубенчики), так и их типам (концевые костяные накладки, сосуды хуннского облика, позднеханьские зеркала, мечи, зооморфные прямоугольные накладки позднеордосского типа, бронзовые и керамические котлы яйцевидной формы) [Вэй Цзиен, 2004. С. 3–122, 205] (рис. 16). Следующую группу составляют около 30 подбойно-катакомбных и склеповых погребений из грунтовых могильников (Гора Квиланг, Хухевусу, Хьянбей). Глубокие подбои, сооруженные, как правило, в западной продольной стене входной ямы, обычно заложены диким камнем. В ряде случаев (Гора Квиланг, м. 2, 3, 8, 9, 11, 13, 14, 16, 18, 20) погребальная камера очень глубокая и смещена, как правило, к северу по отношению к входной яме, что делает эти подбойные ямы близкими к типу продольных катакомб. Катакомбы (7 комплексов) в большинстве случаев торцовые, ориентированные по линии С–Ю. Вероятнее всего они являются имитацией ханьских склеповых погребений, некоторые из них (Хухевусу, м. 18, Сигоуцзычунь, м. 1, Мэйдайцунь, Батувань) представляют собой кирпичные катакомбные сводчатые склепы. В этой группе гораздо больший процент погребений в деревянном сложносоставном гробу китайского типа. Абсолютно преобладает северная ориентировка погребенных, хотя в одном случае, в склепном погребении Хухевусу (м. 18), умерший был уложен головой на запад. Вещевой комплекс этой группы в целом остается схожим с вещами из простых могильных ям. Отличительной чертой является наличие более богатой гончарной керамики (кувшинообразных сероглиняных сосудов и горшков) [Вэй Цзиен, 2004. С. 123–188, 230–233] (рис. 16).

Вышеперечисленные характеристики позднехуннских или хунно-сянбийских комплексов I–III вв. н. э. указывают на то, что, несмотря на некоторую разнородность, в целом хуннский ИКК сохраняет свои основные культурообразующие черты: простые ямы со ступенчатыми нишами, подбойные и катакомбные (по типу позднеханьских склепов) погребения с преобладающей северной ориентировкой умерших, черепа крупного рогатого скота и унифицированный набор вещевого инвентаря. Не вдаваясь в сложнейшие вопросы этнокультурных интерпретаций процессов, происходивших на территории Внутренней Монголии и Ордоса в этот период, отметим лишь то, что хуннская культурно-политическая доминанта в этом и сопредельных с ним районах Северного Китая сохранялась еще достаточно длительный период (вплоть до VI в.), о чем свидетельствуют и письменные источники [Гумилев, 1994]. Напомним лишь, что в первые десятилетия IV века н. э. сунну после захвата царства Цзинь создали, хотя и сравнительно исторически кратковременную, династию — Раннее Чжоу, владения которой простирались фактически на весь бассейн Хуанхэ [Малявин, 2000. С. 80].

В этой связи, думается, что говорить о культурной преемственности в самый поздний период существования хуннов на позднехуннском или хунно-сянбийском этапе вполне правомерно. Забегая вперед, заметим, что основные черты, составляющие позднехуннский погребальный и вещевой комплекс, обнаруживают достаточно яркие параллели с раннегуннскими или гунно-сарматскими памятниками урало-казахстанских степей.

Подытоживая данную главу, коротко охарактеризуем этапы хунно-гуннского культурогенеза:

1. *Протохуннский (жуно-дисский) (XIII–VI вв. до н. э.) и предхуннский (V–конец III вв. до н. э.) (Западное Чжоу и Чжаньго)*. Истоки данного исторического этапа, возможно, находятся в иньской эпохе. В рамках этого этапа закладываются основы хунно-гуннского ИКК. Он формируется на обширной территории севера китайских провинций (Шанси, Шенси, Ганьсу, Хэбэй, включая Ордос, часть Внутренней Монголии и юго-западной Маньчжурии). Такие его черты, как положение погребенных вытянуто на спине головой на север, в удлиненно-прямоугольных могильных ямах

с торцевыми нишами, уступами, жертвенниками из голов домашних животных — начинают формироваться, вероятно, еще в шанско-иньское время в среде культур индоевропейского населения (жуны, ди) севера Китая. Они представлены различными комплексами общности культур «ордосских бронз», расцвет которой падает на эпоху Западное Чжоу. Ключевыми памятниками являются погребальные комплексы Таунхунбала, Маоцингоу, Хухусытая, Юйлунтая, Алучайдэна, Сигоунаня и др. [Коновалов, 1996]. Вещевой комплекс представлен предметами вооружения (короткие мечи, втульчатые и черенковые копья и наконечники стрел, чеканы, секиры, кельты карасукоидного и скифо-сакского облика); конской узды; поясами и украшениями, выполненными в зооморфном ордосском стиле; хумо- и кувшинообразными керамическими сосудами и горшками, бронзовыми и железными котлами с небольшим поддоном (скифо-сарматских типов) или яйцевидными котелками с плоским поддоном или небольшой цепочкой-подвеской. По нашему убеждению, основу населения севера Китая составляли палеоиранские племена, переселившиеся сюда в период индоиранских миграций (эпоха Инь) и впоследствии оставившие памятники карасукоидного и скифского облика. Следуя этим представлениям, мы склонны предполагать, что основная часть наиболее ранних предков населения, создавшего сюнно-хуннскую культуру, имела смешанный антропологический (азиатские европеоиды) и этнолингвистический облик (ирано-тохарский, близкий юэчжийскому). Определения дисперсного антропологического облика мы склонны интерпретировать как наличие значительного европеоидного компонента, метисацию в основной массе монголоидизированного населения. Из общего числа изображений хуннов только два (портрет человека на ковре из кургана 25 могильника Ноин-Ула) [Руденко, 1962. Табл. LX, LXI] исполнены самими хуннами и имеют портретное сходство. В первом случае мужской портрет имеет явные черты ирано-кавказского облика. Во втором, при обладании аналогичных черт, наблюдается небольшой налет монголоидности [Руденко, 1962. Табл. LXI]. Думается, что антропологический облик хунну, как и сама хуннская культура, имели существенные отличия в различных районах Большой Монголии. Кроме того, процесс внутренних диффузий и смешений активно продолжался не только в период хуннского исторического этапа, но и в последующее время. В период Чуньцзо-Инанью (VIII–III вв. до н. э.) жуны и ди подвергаются существенному воздействию со стороны монголоидных дунху (культура верхнего слоя Сяцзядань, Наньшань, Чень, Дуннаньгоу и др.) и северокитайских племен линьху, уфань и др. Эти этнокультурные трансформации, вызванные общей дестабилизацией ландшафтно-климатических условий в центральноазиатских степях, привели, в конечном счете, во-первых, к оттоку части племен жунов и ди на запад (памятники бегазы-дандыбаевской и тасмолинской культур) [Исмагил, 1998; Акишев, 1973], а также вероятно, на север Монголии и в Южную Сибирь (памятники типа Симбирки, ордосско-пазырыкские параллели) [Полосьмак, 1990; 1994. С. 93–96], во-вторых, к ассимиляции собственно китайцами жунского населения в период «борющихся царств» (V–III вв. до н. э.) [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 36–37] и, в-третьих, к формированию к концу IV века до н. э. «хуннской культуры» (рис. 10).

2. *Хуннский (конец III в. до н. э. – I в. н. э.).* Территориально это — Ордос, Большая Монголия, Забайкалье. Данный комплекс включает следующие черты в погребальном обряде: для рядовых погребений — округлые каменные насыпи или грунтовые могильники, узкие прямоугольные могильные ямы или ямы с подбоем, гробы, северная ориентировка; для аристократических усыпальниц — сложные многокамерные прямоугольные склепы с дромосом, идущим на юг, глубокие могильные ямы, на дне которых в сруб помещался гроб с покойником, уложенным головой на север, жертвоприношения голов крупного и мелкого рогатого скота в торцовых нишах. Вещевой комплекс представлен обязательным набором следующих категорий

инвентаря: лук, колчан, предметы конской упряжи, ножи, керамика (хумы, вазы, горшки и др.), поясной набор, ханьские зеркала, а также бусы, подвески и бубенчики (рис. 12, 13).

3. *Позднехуннский или хунно-сяньбийский I–IV вв. н. э.* В соответствии с сегодняшними данными территория его ограничивалась районами Внутренней Монголии, Ордоса и Северного Китая. Хуннский ИКК на этом этапе представлен грунтовыми некрополями с простыми могильными ямами со ступеньками или нишами и могильными ямами с подбоем, северной ориентировкой покойников, черепами крупного рогатого скота, уложенными в их головах. В данный ИКК входят торцовые катакомбы, грунтовые или кирпичные катакомбные склепы ханьского типа. Значительное число погребений совершено в деревянных гробах. Вещевой комплекс характерен для общехуннского. Из особенностей можно отметить появление длинных ханьских мечей и бронзовых, железных и керамических котлов яйцевидной формы с низким поддоном или без него (рис. 16).

Несмотря на значительную территорию и общую синкретичность хуннского культуругенеза в нем можно проследить определенные линии преемственности, которые на различных этапах формировали и сохраняли единство хуннского историко-культурного комплекса.

§ 3. Миграционные ареалы и последствия возникновения империи хуннов

3.1. *Срединная Евразия в конце II–первой половине I тыс. до н. э.* Попробуем реконструировать события, непосредственно связанные с возникновением и развитием империи хуннов в аспекте их дальнейшего культуругенеза. Мы не ставим целью восстановить и проследить всю фабулу исторических событий, связанных с историей хуннской империи, тем более что по этому поводу существует ряд общеизвестных исследований, приведенных выше. Нас в большей степени интересуют те внешние и внутривосточные процессы, которые впоследствии сказались на основных этапах культуругенеза не только хуннского, но и всего центральноазиатского кочевничества.

Наметив основные социально-экономические причины и предпосылки возникновения и быстрого расширения хуннской державы, попытаемся придать им конкретный исторический облик.

Итак, основную доктрину будущей кочевой империи сформулировал сам Маодунь, накануне первого похода на дунху: «Земля — основа государства, разве можно отдавать ее» [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 39]. В этой фразе, на наш взгляд, выразились не только тщеславие и алчность молодого шаньюя, но и основная жизненная потребность окончательно сложившегося и развивающегося кочевого сообщества. Сыма Цянь, китайские хроники Бань Гу и Фань Э, Хань-шу Ши-цзи-иде в силу вполне понятных внешнеполитических интересов ханьской империи уделяли основное внимание южным притязаниям хуннов. Нас в равной степени интересуют взаимоотношения хуннов со всеми оседлыми и кочевыми соседями. Однако, учитывая историческую тенденцию последующих расширений границ империи или хунно-гуннских миграций, основной акцент хотелось бы сделать на западный ареал. В целом он охватывает не только Восточный Туркестан, но и Семиречье, Центральный, Северный, Северо-Западный Казахстан, Южный Урал, Нижнее Поволжье и более западные территории.

На наш взгляд, довольно удачную характеристику очерченного миграционного региона как единого, в широком смысле геокультурного пространства дали Б. И. Вайберг и Э. А. Новгородова [1976]. Опираясь на географические исследования и соотнеся их с общеисторической ситуацией, они объединили названные регионы, примыкающие с запада к Монгольскому Алтаю, по физико-географическим

особенностям. Таким образом, единая Джунгаро-Казахстанская область простирается от Монгольского Алтая до Северного Прикаспия.

Эта физико-географическая область по ряду существенных для хозяйства скотоводов признаков резко отличается от Центральноазиатской пустынной зоны, располагающейся восточнее нее. Большая увлажненность данной территории сказалась на более длительном вегетационном цикле кормовых трав. В этой связи перемещения кочевого населения наиболее вероятны именно в рамках данной территории. На наш взгляд, этот обширный регион и можно именовать термином «Азиатская Сарматия» в самом широком смысле. Сравнение и картографирование находок тамг на указанных выше территориях позволили Б. И. Вайнберг и Э. А. Новгородовой проследить миграционный путь ираноязычного сарматского населения из зоны пустынь Монгольского Алтая до самых западных пределов Северного Прикаспия и далее в степи Восточной Европы и Причерноморья [Вайнберг, Новгородова, 1976. С. 72]. Наиболее заметные миграции в пределах этого ареала начинаются с рубежа II–I тысячелетия до н. э. и продолжаются до первых веков н.э. При этом процесс перманентных разнонаправленных миграций в пределах обозначенного пространства начался постепенно и гораздо раньше, чем западный выплеск юэчжийской волны после первых походов хуннов. Образно говоря, процесс глобальной аридизации степей, идущий с востока на запад вдоль оси Военкова (Север Монголии–Кызыл–Уральск–Саратов–Кишинев) [Чибилев, 1990. С. 48; Мордкович, 1982. С. 24], докатился и до этой территории.

Поскольку имеющиеся материалы позволяют реконструировать миграционные процессы и их последствия, которые имели место в срединной части данного Евразийского ареала, коротко остановимся на основных этапах культурогенеза в урало-казахстанских степях в эпоху поздней древности.

Возможно, читателю будет не совсем понятно, почему мы совершаем столь неожиданные и на первый взгляд нелогичные пространственно-временные рейды в общем ходе своего исследования. Однако неравномерность археологических и исторических исследований в рамках отдельных регионов Евразийской степи вынуждает нас в процессе историко-культурного реконструирования постоянно обращаться к наиболее известным (изученным) фактам и явлениям, дабы подтвердить или опровергнуть существование пространственно-временной взаимосвязи разных этапов и явлений культурогенеза. Возможно, сторонники конвергентного развития выскажут свои сомнения в существовании столь глобальных историко-культурных коммуникаций, возникающих в сравнительно короткий временной период на столь значительных евразийских пространствах. Однако повторяю, что, по нашему мнению, в хунно-гуннской и раннетюркской эпохе происходит окончательное сложение Евразийской кочевой цивилизации, коммуникационные способности которой нами сегодня еще не до конца осознаны. Процесс ее формирования растянулся, по меньшей мере, более чем на тысячелетие. В течение этого времени складывалась и кристаллизовалась система степного единства. Этот процесс был подобен сложению мозаики путем объединения больших системообразующих блоков, в рамках которых уже на самых ранних этапах возникали черты и предпосылки будущего цивилизационного единства.

Итак, чтобы попытаться маркировать и, следовательно, подтвердить раннее переселение и миграции из Монгольского и Ордосского Востока, переместим свои наблюдения далеко на запад — к уральскому пограничью Срединной Евразии.

Уральский хребет разграничивает евразийский континент в северной его части. Ниже это пограничье продолжается вдоль Мугоджарских хребтов — логического продолжения Уральских отрогов. В этой связи регион Южного Урала, северо-запад казахстанской степи являются своеобразной срединной частью евразийского

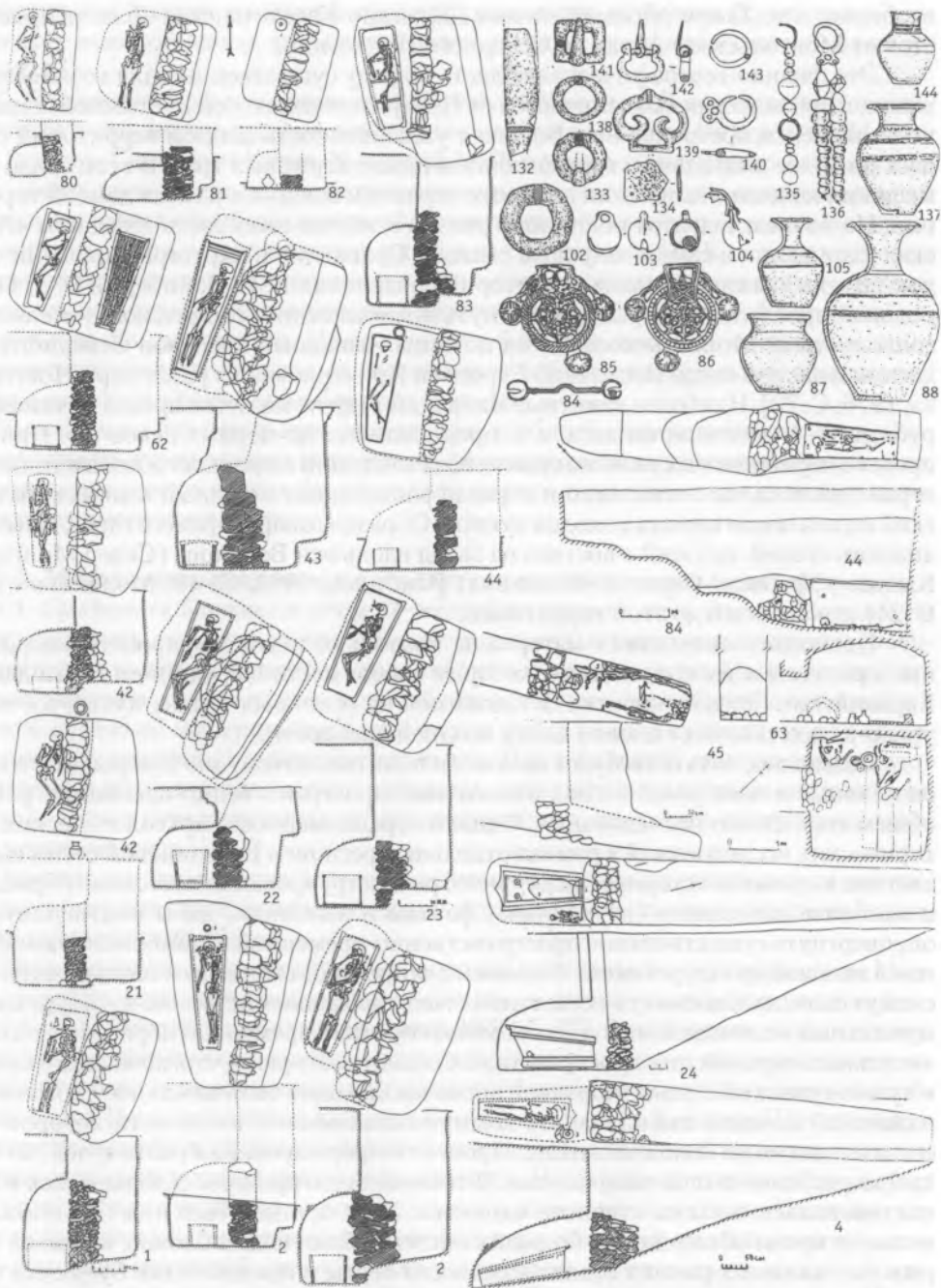
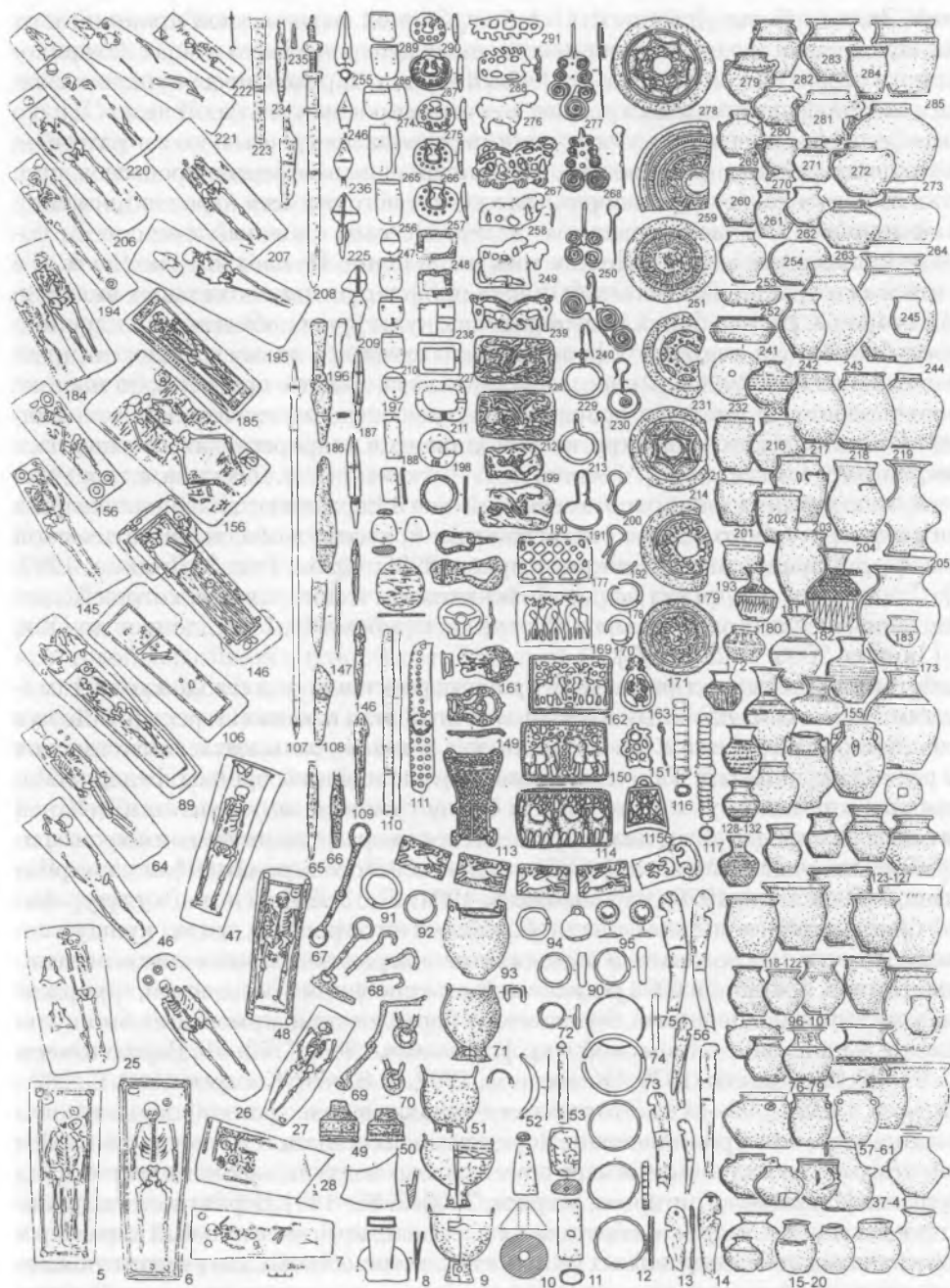

Рис. 16. Памятники хунско-сяньбийского времени (I–III вв. н. э.) Внутренней Монголии (по: Вэй Цзиен, 2004). Fig. 16. The monuments of the Xiong-nu-Sianbi period (I–III centuries AD) of Internal Mongolia (according to: [Wei Jien, 2004]).

195, 206, 220, 221, 282–285 – Туанжуй; 8, 10, 11, 29, 31, 36, 53, 54, 56, 73–75, 91, 92, 94, 107, 111, 115, 116, 150, 151, 156, 163, 168, 174, 177, 178, 181, 184, 191, 198, 201, 205, 207, 208, 211, 213, 214, 219, 222–224, 227, 229–231, 236, 240, 243–246, 249, 250, 253, 257, 260–264, 266, 269–273, 275–277, 279–281, 284, 287–291 – Сандаован; 12–14, 27, 32, 33, 65, 68, 70, 72, 90, 95, 106, 110, 117, 145, 157, 158, 167, 179, 185, 188, 192, 194, 197, 200, 203, 204, 210, 215, 216, 218, 226, 232, 233, 237, 238, 241, 242, 247, 248, 252, 254–256, 258, 259, 265, 268, 274, 278, 286, 289 – Донгдайжинг; 28, 112, 189 – Янчи; 6, 15, 26, 147, 155, 164, 165, 180, 183 – Баою; 1–4, 21–24, 42–44, 62, 80–83, 85–88, 102–105, 127, 132–144 – Гора Квиланг; 9 – Сианвей (Баотоу); 71, 132 – Эрливан; 4–7, 16–20, 25, 28, 30, 34, 35, 37–41, 45–52, 55, 57–61, 63, 64, 66, 67, 69, 76–79, 83–85, 88,

89, 92, 93, 96–102, 108, 109, 113, 114, 118–132, 137, 138, 141, 145, 146, 148–150, 152–154, 159–162, 164–166, 169–173, 175, 176, 180, 182, 184–187, 190, 193, 196, 199, 202, 206, 209, 212, 217, 225, 228, 234, 235, 239, 249, 251, 255, 266, 267 – материалы из памятников сяньбийского времени Внутренней Монголии. 1–7, 21–28, 42–48, 62–64, 80–84, 89, 106, 145, 146, 156, 157, 184, 185, 194, 195, 206, 207, 220–222 – планы погребений; 8, 9, 12, 29, 30, 33, 49–52, 54, 65–74, 85, 86, 91–95, 102–104, 107–111, 112–115, 133, 134, 138–143, 147–151, 158–160, 161–163, 167, 174, 168–171, 175–179, 186, 188–192, 197–200, 208, 210–214, 223, 224, 226–231, 234, 235, 237–240, 247–251, 256–259, 265–268, 274–278, 286–291 – металл; 10, 11, 15–20, 31, 32, 37–41, 53, 57–61, 76–79, 87, 88, 96–101, 105, 118–122, 123–132, 137, 144, 152–155, 164, 165, 172, 173, 180–183, 193, 201–205, 215–219, 232, 233, 241–245, 253, 254, 260–264, 269–273, 279–285 – керамика; 13, 14, 34, 35, 55, 56, 75 – кость; 135, 246, 236, 225, 209, 187, 166 – металло-кость; 135, 136, 116, 117 – стекло-металл

материка. Значительная удаленность этой глубинной материковой провинции от восточных, южных и западных цивилизационных центров на всех этапах историко-культурного развития континента, на первый взгляд, определяет для урало-казахстанских степей сравнительно скромное место в мировом культурогенезе. Однако все то же срединное положение этого степного региона превращает его в стратегическое коммуникационное пространство, а следовательно, понимание процессов, протекавших на нем, и является своеобразным ключом истории всех народов Евразии.

Начало эпохи Поздней древности падает на весьма сложный и не совсем понятный для историков период. Дело в том, что в конце II – начале I тыс. до н. э. в волго-донских и урало-казахстанских степях происходит два эпохальных явления. С одной стороны, распад блока палеоиранских культурных общностей андроновского и срубного круга, с другой — формирование культур и новых комплексов древних кочевников и скотоводов раннего железного века. Данные процессы, по мнению автора и его единомышленников, происходят в связи с серьезными изменениями ландшафтно-климатического характера, происходивших в макрорегионах континента.

Так, по уже упоминаемому мнению Л. Г. Рыскова и В. А. Демкина, с середины II по первую половину I тыс. до н. э. в северной части Евразии устанавливается фаза высокого температурного режима, что неизбежно приводит к общей климатической и ландшафтной аридизации [Демкин, Рысков, 1996; 1996а. Рис. 3; Демкин, 1997. Рис. 9]. Следствием этого стал ландшафтно-климатический кризис, который приходится, вероятнее всего, на временной отрезок с рубежа II – I тыс. до н. э. до IX в. до н. э. [Таиров, 2006. С. 286–287].

Действительно, период финальной бронзы представляется сегодня коллегами-археологами как весьма сложный и неоднозначный этап в развитии региона. Дело в том, что примерно на рубеже XIII–XII вв. до н. э. в волго-уральских и казахстанских степях резко сокращается количество памятников поздней бронзы федоровско-алакульского и позднесрубного круга. На смену гигантским поселениям поздней бронзы с мощным культурным слоем приходят весьма разрозненные комплексы финальной бронзы ивановского, саргаринско-алексеевского или дандыбай-саргаринского типов [Зданович, 1979; Варфоломеев, 1991. С. 13–20]. Генезис культур финальной бронзы происходил на фоне глубочайшей интеграции в недрах культур андроновского круга. Исследователи выделяют целый ряд смешанных типов керамики и памятников, появившихся в результате микширования — луговской, замараевский, межовский, маклашевский, березовский, бархатовский, ирменский, бишкульский, аменгельдинский, донгальский и др. [Зданович, 1983. С. 72–79; Варфоломеев, 2003. С. 89–93; Потемкина, 1979; Обыденнов, 1997. С. 62–70; Косарев, 1981. С. 162–189; Матвеев, 1993. С. 93–112]. Этот процесс начался в более ранний период, когда наблюдается взаимное проникновение двух основных общностей — андроновской и срубной, что хорошо видно на примере ярких срубно-алакульских комплексов Южного Зауралья [Гаврилюк, Григорьев, Марков, 2005. С. 85–149]. Вероятно, интеграционные процессы усиливались и обретали глобальный, континентальный характер в силу нарастающих неблагоприятных (возможно, экстремальных для существующего на тот момент хозяйственного уклада) ландшафтно-климатических условий, которые возникли и накапливались в этот период в восточной зоне Срединной Евразии. С одной стороны, это привело к сложению единого (хотя и синкретического для конкретных территорий) этнокультурного пласта, который получил название Культур валиковой керамики (КВК), с другой — к масштабному оттоку населения аридной зоны рассматриваемого региона в различных направлениях. Наиболее глобальным было переселение или, вернее, смещение всего пласта культур населения североиранской группы на запад в восточноевропейские степи, где климатические условия, в отличие от азиатских степей, на тот момент и длительный период после того остава-

лись более стабильными (цв. вклейка, рис. 1, 1). В степной зоне Румынии, Молдавии и Южной Украины формируются многочисленные комплексы, составляющие большую западную провинцию общности КВК [Черных, 1983. С. 81–86].

В конце II тыс. до н. э. в лесостепной полосе наблюдается длительное взаимодействие, в котором участвовали различные группы позднефедоровского, поздне-сузгунского и позднеирменского населения, а также вновь сформировавшиеся группы саргаринского, межевско-березовского и курмантаутского населения.

С проникновением в конце II тыс. до н. э. на территории лесостепной полосы Урала и Западной Сибири с юга и юго-востока (вдоль бассейна Иртыша) населения ордосско-карасукоидного круга [Членова, 1981. С. 20–36] и с севера лесных таежных групп племен носителей крестовой керамики [Косарев, 1981. С. 181–203] здесь начинает складываться большая полиэтническая общность населения палеоиранского и протоугорского облика (цв. вклейка, рис. 1, 7, 8). Сегодня весьма трудно реконструировать археологические составляющие этой протоугорской многокомпонентности, так как облик лесного и лесостепного населения поздней и финальной бронзы представлен в большей мере в своей андронидной (палеоиранской) составляющей. Непонятно, как в это время материализуется довольно многочисленное население палеоугорской общности, проживавшее на этих территориях в конце энеолитического периода. Есть предположение, что какая-то группа памятников, относимых сегодня к гамаюнской культуре, датируется значительно более ранним временем (ранней и средней бронзой), аналогично таежным памятникам с крестовой керамикой с территории Западной Сибири.

На первый взгляд, менее масштабным был процесс расселения населения финальной бронзы в южном и юго-восточном направлении. Здесь племена степных скотоводов использовали возможность освоения оазисных зон — предгорий Тянь-Шаня и Памира, широких долин больших рек в зоне степей (Тобол, Иртыш, Ишим, Сырдарья, Чу, Талас и др.) (цв. вклейка, рис. 1, 5), следствием чего являются сложившиеся и долгое время существующие комплексы Кента (Сары Арка), Афганистана (Тиля Тепе) и Приаралья [Варфоломеев, 2003; Черных, 1983; Итина, 1977; Сарианиди, 1989]. Однако переизбыток людей в данных ландшафтно-ограниченных нишах вынуждал население уходить далее на юго-восток в пределы Восточного Туркестана, где появляются андронидные памятники типа Санцзы, а также многочисленные образцы металла круга степных культур [Худяков, Комиссаров, 2002. С. 36–38]. Автора этих строк коллеги из Синьцзянского института археологии любезно ознакомили с огромной коллекцией керамики из могильника Ся бань ди конца X–V вв. до н. э., исследованных в Синьцзянском Припамирье (Ташкурганский уезд). В подавляющем большинстве это неорнаментированные сосуды горшечно-баночной формы с характерным ребром в месте перехода от шейки к плечу. Изготовлены они по ленточной технологии и внешне имеют форму весьма близкую горшкам алакульского и федоровского типов, хотя грубее по исполнению. Предположения о продвижении андронидного населения в Восточный Туркестан подтверждаются и определенной схожестью погребального обряда. Погребения в могильнике Ся бань ди совершены в небольших подпрямоугольных и овальных могильных ямах внутри каменных кольцевых выкладок. Стенки ямы имеют деревянные обкладки и каменные перекрытия. Погребенные лежат в сильно скорченном положении головой на восток с отклонением к югу и северу. Металлический инвентарь представлен характерными для памятников андроновского круга бронзовыми желобчатыми браслетами и сергами с раструбообразной застежкой и в полтора оборота, которые позволяют датировать этот памятник в пределах XV–XII вв. до н. э. [Синьцзян Вэньи каогу., 2004] (рис. 17). Это еще раз подтверждает существующее в кругу отечественных и китайских исследователей мнение о массовом заселении районов Синьцзяна палеоиранским населением, возможно

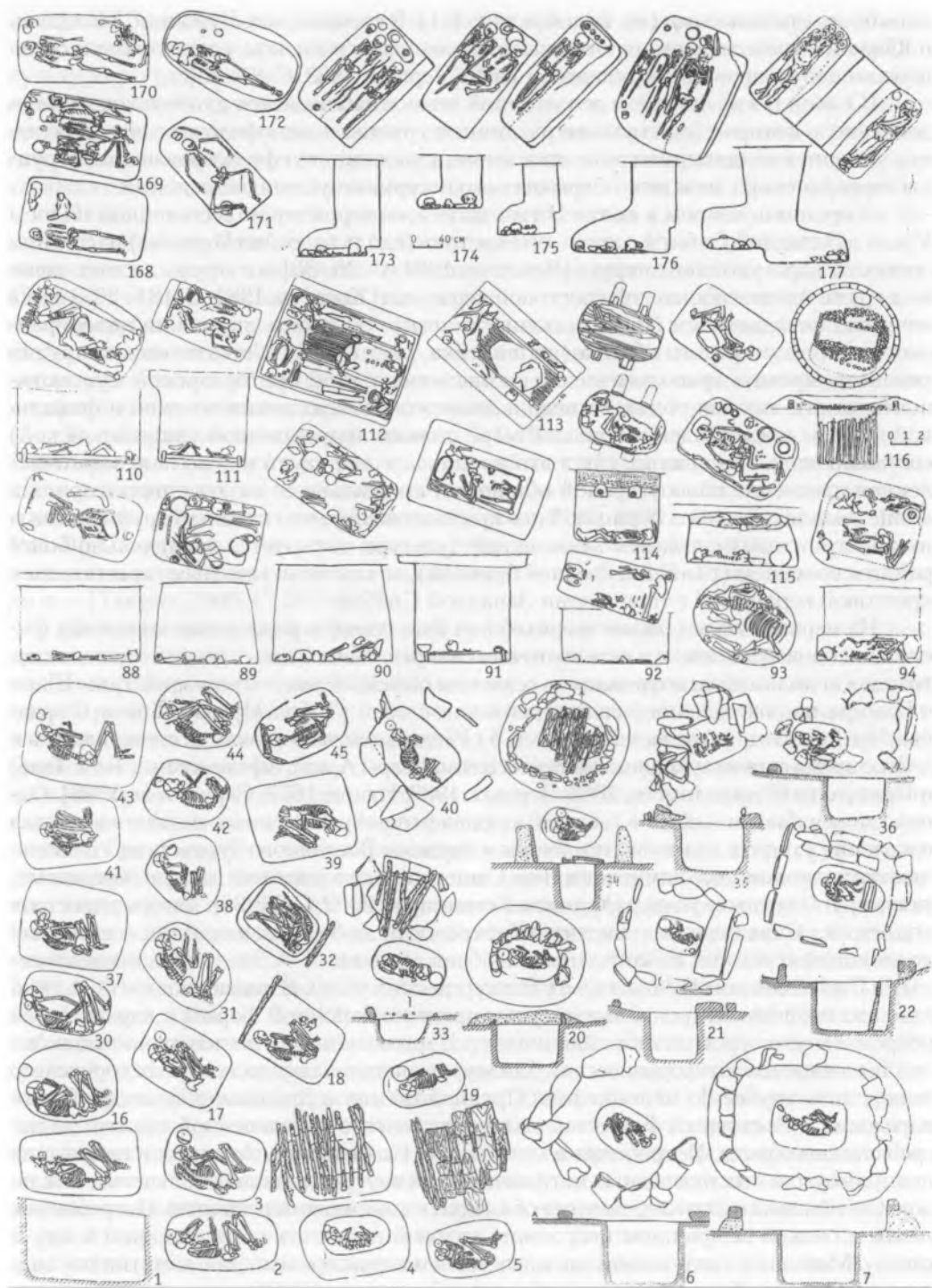
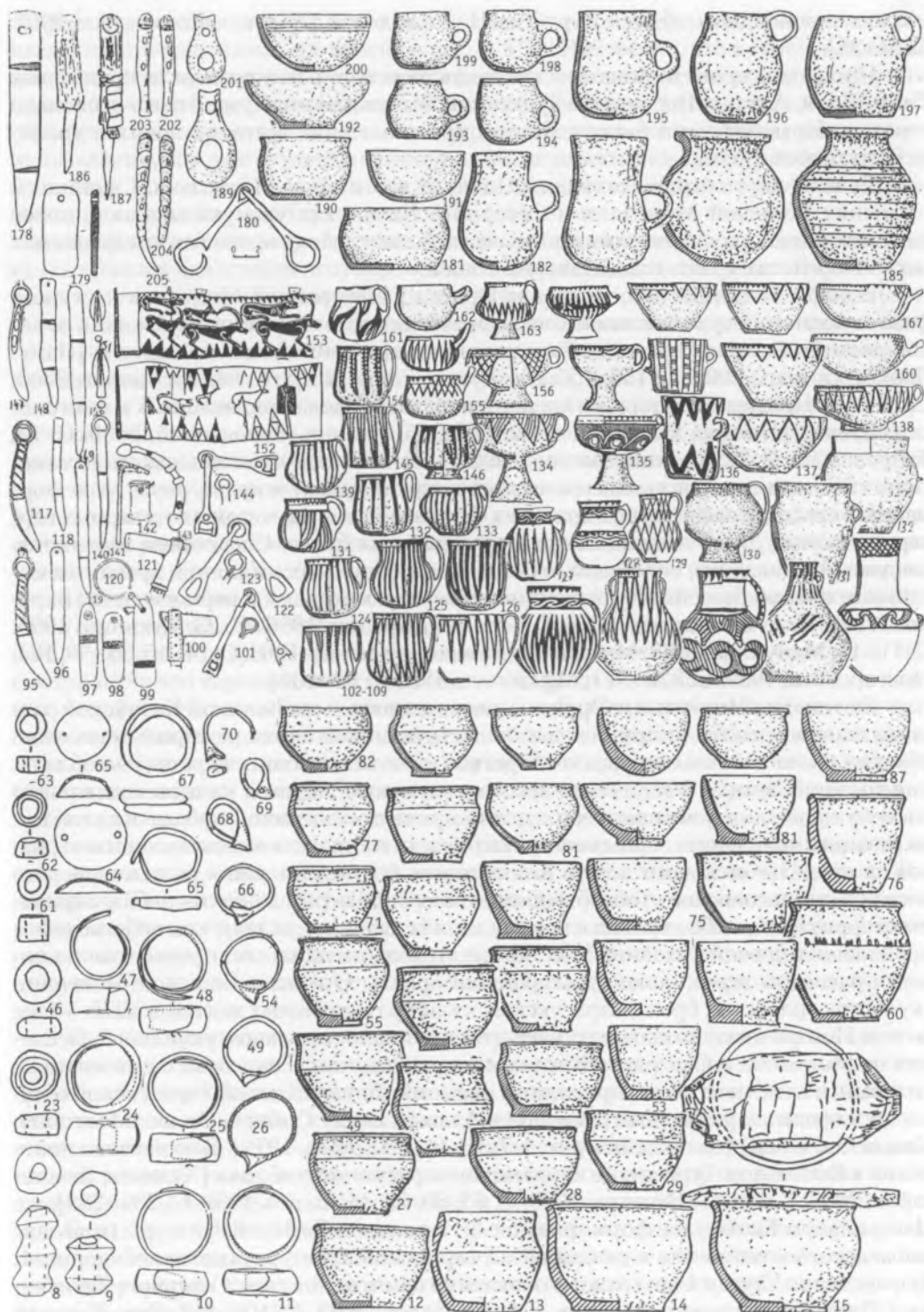

Рис. 17. Эпоха финальной бронзы и раннего железа в Синьцзяне. Fig. 17. The epoch of final Bronze and early Iron in Sin'jian.

1–87 – Сябаньди; 88–201 – Янхай. 1–7, 16–22, 30–45, 88–94, 110–116, 168–177 – планы погребений; 10, 11, 24–26, 47–49, 54, 64–70, 95–101, 117–123, 140–144, 147–151, 178, 180, 189, 201 – металл; 12–

15, 27–29, 50–53, 55–60, 71–87, 102–109, 124–139, 145, 146, 154–167, 181–185, 190–200 – керамика;
202, 203, 204, 205 – кость; 186, 187 – дерево-кость; 152, 153 – дерево; 8, 9, 23, 46, 61, 62, 63, 179 –
камень

позднеандроноидного облика, на рубеже II–I тыс. до н. э. [Худяков, Комиссаров, 2002. С. 34–38].

Процессы, происходившие в последующем периоде в оазисах и предгорьях Тянь-Шаня, Алтая и Восточного Туркестана вынуждают нас уделить им несколько строк, дабы понятными были события, произошедшие в это же время в урало-казахстанских степях.

Дело в том, что вторая половина II тыс. до н. э. и начало I тыс. до н. э. в степях и пустынях Большой Монголии и Северного Китая, как уже указывалось, также ознаменовалась экологическим кризисом, но более глубоким, чем тот, который имел место в пределах урало-казахстанских степей.

В конце II тыс. до н. э. в районах Ордоса и Внутренней Монголии наступает фаза холодного и сухого климата, что выразилось в интенсивном отложении эоловой пыли в лесовых областях Китая и опустынивании степных областей [Пань-Джиангли и др., 2003. С. 155, 156; Лю Дуншен и др., 1984. С. 84–85; Таиров, 2003. С. 20–21]. Примерно с этого же времени наступает эпоха аридизации и в монгольских степях [Иванов, Васильев, 1995. Табл. 25; Иванов, Чернявский, 2000. С. 13; Таиров, 2003. С. 20; Демкин, Рысков, 1996. С. 99–100]. Данные ландшафтно-климатические изменения вызвали серьезную перегруппировку и культурную трансформацию в среде населения палеоиранских скотоводов, так называемых «северных варваров» (жуны, ди) – носителей культур ордосских бронз. Следствием этого стал, как уже упоминалось, сплошной переход к кочеванию, ассимиляция древними китайцами племен бассейна Хуанхэ, множественные миграции и перемещения [Варенов, 1996. С. 4–6; Ковалев, 1998. С. 128–129; Крадин, 1996. С. 23; Кульпин, 1995. С. 11–14; Мануйлов, 1993; Материалы по истории сюнну, 1968. С. 14–15, 35–36, 124; Новгородова, 1989. С. 320–321; Mg.Govern, 1939. P. 99–100].

Скотоводы Монголии и Ордоса, а также земледельцы Великой Китайской равнины вынуждены были принять вызов деструктивной эпохи, который неизбежно обрекал их на длительное противоборство («Эпоха воюющих царств») за обладание долиной Хуанхэ. Увеличение лесового покрова, переход на принудительную систему орошения и чекового земледелия привели к логичной победе оседлой цивилизации, появлению первых северокайских государств и к вытеснению варваров за пределы лесового плато. Альтернативой существования скотоводческого населения монгольского Гоби были либо массовое переселение из неблагоприятных территорий, либо переход к новому хозяйственному укладу, что, собственно, и произошло в первой половине I тыс. до н. э. Археологически этот процесс ознаменовался распадом всего блока культур эпохи бронзы Ордоса и Большой Монголии (культура ордосских бронз, карасукская, культура плиточных могил) в VIII–VI вв. до н. э. Исторически он соответствует длительному оттоку карасукоидного населения из Монголии и Северного Китая в северо-западном и западном направлениях, который, в конечном счете, приводит к формированию большой карасукской общности в пределах различных регионов в Азии (Южная Сибирь, Ордос, Монголия, Казахстан, Иран) (цв. вклейка, рис. 1, 7, 10, 11) [Членова, 1972]. В этой связи появление в Восточном Туркестане памятников карасукского облика [Худяков, Комиссаров, 2002. С. 39–41; Варенов, 1998. С. 65, 69, 70; Молодин, 1998. С. 286–289], а в Центральном Казахстане формирование бегазы-дандыбаевской культуры (или дандыбаевского компонента в дандыбай-саргаринской культуре) (цв. вклейка, рис. 1, 8) в пределах Улутау, Сары Арки и появление памятников типа Северного Тагиско-на в Приаралье (цв. вклейка, рис. 1, 9) [Боталов, 2003. С. 106, 110. Рис. 2] — это звенья глобального процесса расселения восточно-иранского населения ордосско-карасукского облика. Вероятнее всего в этот период в пределах оазисов и предгорий Восточного Туркестана и в лесостепной зоне Западной Сибири происходит

встреча двух миграционных потоков, с запада — позднеандроновского, с востока — карасукского населения (цв. вклейка, рис. 1, 5, 7). Интересно, что в своей праоснове носители этих культурных потоков принадлежали к единой североиранской этнолингвистической группе населения. Процесс их взаимодействия, вероятнее всего, обусловил формирование в Восточном Туркестане огромного массива протосакского населения, которое оставило многочисленные памятники культуры Янблак (Янблак, Упу, Тяньшаньбэйлу, Сябенди, Люйши, Ния, Янхай и др.) и чуть позже комплексы культуры Чауху (Чаухугоукоу, 1, 2, 4, 5).

Процесс этих транскультурных интеграций достаточно ярко просматривается на материалах известного долговременного погребального комплекса Янхай. Наиболее ранние курганы и погребения, относящиеся, вероятно, к эпохе финальной бронзы, имеют характерные постандроновские погребальные традиции: сильно или средне скорченное положение погребенных, ориентированных головой в восточный или юго-восточный сектор, деревянные обкладка (рамы) и перекрытие погребальных камер. Более поздние погребения несут на себе традиции раннесакского и ордосского облика: простые прямоугольные могильные ямы и ямы с подбоем, положение погребенных вытянуто на спине головой на север, северо-запад, черепа крупного и мелкого рогатого скота на перекрытии ям или в головах погребенных. Металлический инвентарь представлен в основном предметами ордосско-карасукоидного и раннесакского облика: ножи с кольцевым навершием, стремечковидные удила, кельты, трехлопастные наконечники стрел, шумящие подвески с цилиндрическими пронизками и бубенчиками на конце. Имеется также ряд предметов западного (саргаринско-алексеевского облика): ножи, серпы с прямой или выгнутой спинкой, втульчатые лавролистные двухлопастные наконечники стрел, браслеты. Несмотря на то что керамический комплекс составляют в большинстве своем гончарные сосуды, изготовленные и сформованные сообразно местным турфанским традициям, в мотивах орнаментации, нанесенной темно-серым ангобом, явно угадываются геометрические мотивы. В одном случае это остроугольные зигзаги и вытянутые треугольники и ромбы с оконтуренным краем, в другом — равнобедренные и прямоугольные треугольники, опускающиеся от венчика книзу и заштрихованные наклонным параллельным линиями или решетками. Аналогичный орнамент присутствует и на деревянных сосудах, встреченных в ряде погребений [Синьцзян Вэньу каогу Янь цзю, 2004. С. 1–66]. Судя по ландшафтному расположению, планиграфии и архитектуре Синьцзянских комплексов, а также археологическому материалу, население, оставившее их, вело комплексное хозяйство с преобладанием пастушеского скотоводства, то есть продолжало традиции скотоводов эпохи бронзы урало-казахстанских степей (рис. 17).

Однако ограниченность и постоянное уменьшение благоприятных зон для пастушеского скотоводства приводило к активному использованию этим населением предгорий Тянь-Шаня, Алтая, Тарбагатая. Вследствие этого неизбежно возникал сезонный цикл кочевания, так как выпас скота в этой ландшафтной системе осуществлялся по схеме: лето — альпийские луга; весна, осень, зима — долины. На наш взгляд, кочевой уклад впервые сформировался не на просторах Гобийских (либо других) пустынь и степей, а в предгорьях и плоскогорьях Няншаня, Алашаня, Алтая, Саян, Тянь-Шаня. Именно здесь, в предгорных и горных районах, формировались первые легендарные кочевые союзы. Так, с распадом культуры «оленных камней» и керексуров западной части Монголии, в пределах очень удобных предгорий Монгольского Алтая к VII веку до н. э. начинает концентрироваться и позднее расселяться в предгорья Сибирского Алтая и Саян большая масса кочевого населения. Как нам сегодня представляется, первоначальное ядро этого раннескифского союза формируется в наиболее благоприятной части Русского и Монгольского Алтая, где

сосредоточены основные и наиболее известные алтайские комплексы: Укок, Башадар, Берель, Пазырык [Молодин, 2000а. Форзац]. Здесь же, только со стороны Синьцзяна, располагается комплекс Саньхайцзы (Учкел). В этой части предгорья Сибирского и Монгольского Алтая выходят в теплые долины, граничащие с Джунгарской и Турфанской впадинами.

Скорее всего, западная миграция предскифского населения картографируется маршрутом распространения карасукских элементов в этом же направлении, о чем вкратце сказано выше. Расселение карасукоидного (предскифского) населения из пределов Монгольского и Синьцзянского Алтая на запад, вероятнее всего, шло по двум направлениям. Первое – по пограничью степи и лесостепи и южной кромке лесостепи, что хорошо иллюстрируется находками многочисленных образцов карасукского металла в памятниках Юго-Западной Сибири, Южного Урала, Волго-Донья и Причерноморья, а также образцами посуды и элементами орнамента карасукского облика, появляющимися в керамических комплексах Урала и Западной Сибири [Членова, 1981. С. 20–36; Мелентьев, 1975. С. 39–42] (цв. вклейка, рис. 1, 6–8, 10). Кроме того, этот маршрут маркируется находками оленных камней на севере степного пояса от Западной Сибири до Подунавья [Кызласов, 1977. С. 75; Членова, 1981. С. 15–16; Ольховский, 2005. С. 167–168. Илл. 16, 17]. Второй, южный маршрут расселения карасукоидного населения опредметили памятники бегазы-дандыбаевской культуры Сары-Арки и Северного Тагискана, а также памятники с артефакты культуры луристанских бронз Загроса (Западный Иран) (цв. вклейка, рис. 1, 7, 9, 11), датируемых сегодня большинством авторов в пределах XII–VII вв. до н. э. [Новгородова, 1989. С. 127].

Проекция обозначенных маршрутов предскифского (карасукоидного) населения совпадает со схемой распространения близких по стилю изображений животных (оленья, лошади) на территории Евразии в конце IX–VII вв. до н. э., предложенной Л. С. Марсадоловым [Марсадолов, 2004. Рис. 1]. Подобная реконструкция позволяет объяснить, с одной стороны, скифское присутствие в Передней Азии на самом раннем этапе, с другой – последующий скифо-кимерийский культурогенез в пределах Кавказа, Северо-Западного и Северного Причерноморья.

В этот же период, вероятнее всего, в зонах северных и южных предгорий Центрального и Восточного Тянь-Шаня складывается массив сакского кочевого населения, которое оставило здесь многочисленные погребальные комплексы с каменными насыпями, оградами и вымостками и материалом раннесакского облика X–VI вв. до н. э. (Белгир, Шидху, Баликун, Алагоу, Субеши, Загуддук и др.). При этом, особенно в металлическом инвентаре (трехлопастные черешковые наконечники стрел, бронзовые ножи с кольцевым навершием, зеркала с бордюром и петлей для привязывания), наблюдается явное карасукское влияние. Вероятнее всего, с VIII века до н. э. начинается активное перемещение сакского населения на север, где происходит смешение его с племенами раннескифского облика, в результате чего на севере Джунгарии появляется скифо-сакский горизонт в известных комплексах типа Чемурчек (Кэрмуци) [Варенов, 1999; 1999а], а в Туве – раннескифские комплексы Аржан, Аржан-2 с отдельными элементами погребального обряда и артефактами сакского облика [Грязнов, 1980; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2002] (цв. вклейка, рис. 1, 12). Кроме того, северное трансалтайское проникновение сакского населения демонстрируют яркие комплексы VIII–VII вв. до н. э. типа Чесноково I, Солонечный Белок, Машевка I [Шульга, 1998. С. 37, 49] (цв. вклейка, рис. 1, 12, 13).

Однако наиболее масштабное переселение раннесакского населения произошло в западном направлении, где первоначально оно оставляет многочисленные комплексы в долине реки Или (Наньвань, Темулик, Хэйшаньтоу, Содуньбулак, Шанхусян, Цзилинтай и др.), которые впоследствии трансформируются в памятники

усуней долины реки Или [Опалев, 2000. С. 201–202; Синьцзян Куэрайши., 1999. С. 32–37; Синьцзян Шаньшань., 1984. С. 41–44; Синьцзян Синьюань., 1988. С. 59–64; Синьцзян Луньтайсянь., 1991. С. 684–693; Синьцзян Хэцзинсянь., 1990. С. 511–517; Синьцзян Шихэцзы., 1999. С. 38–46; Синьцзян Синь Юань., 1985. С. 21–25; Синьцзян Чабучаэрсянь., 1999. С. 17–28; Лю Баошань., 1998. С. 3–11; Шанньшань Субэйша муцуннь ихао муди., 1997. С. 138–149; Шанньшань Субэйша муцуннь саньхао муди, 1997. С. 150–170; Чабуэрсянь Содуньбулаке., 1997. С. 371–385]. Затем это кочевое население осваивает гигантские просторы степей Срединной Евразии, где возникают три культуры сако-тасмолинской общности: тасмолинская в Центральном Казахстане, улубаевско-тасмолинская в Северном Казахстане и бобровско-тасмолинская в Южном Зауралье (цв. вклейка, рис. 1, 15, 16) [Боталов, 2003. Рис. 1; Таиров, 2006. С. 252–265]. Таким образом, спустя более чем два столетия (с IX по VII в. до н. э.) степи Срединной Евразии вновь заселяются населением, генетически и, в определенной степени этнокультурно близким ранее проживавшим здесь племенам позднеандроновской общности. Однако провести прямую линию непосредственного родства и эволюционного непрерывного развития невозможно. С этим сегодня согласно подавляющее число исследователей [Кызласов, 1977. С. 72; Кадырбаев, 1968. С. 32; Акишев, 1973; Итина, Яблонский, 2001. С. 201–203; Таиров, 2006. С. 267–269]. В свете всего вышесказанного следует заметить, что последующее скифо-сакское население Срединной Евразии в общем и целом антропологически было сложено из андроновско-карасукских популяций (по Л. Т. Яблонскому). В этой связи выявить на базе антропологических данных миграционный импульс внутри данного массива, равно как и отвергнуть таковой, дело весьма неперспективное, что делает не совсем состоятельной критику Л. Т. Яблонским высказанного А. Д. Таировым положения об участии среднеазиатского сакского населения в прохоровском культурогенезе во второй половине VI века до н. э. [Сергацков, Клепиков, Мышкин, 2001. С. 168–189]. Пришельцы в самом широком смысле были прямыми потомками, с одной стороны, палеоиранского населения, которое в синташтинско-аркаимский период освоило север степей Срединной Евразии, а в шанско-иньскую эпоху степную зону Восточной Азии (Монголию и Северный Китай) [Григорьев, 1999. С. 293–298], и, с другой, андронидного (западного) и карасукоидного (восточного) населения поздней бронзы, смешавшегося в оазисных зонах Синьцзяна. Однако на момент сложения сакских культур в степях и лесостепях Южного Урала и Северного Казахстана это была абсолютно новая в этнокультурном смысле волна переселения. С этого периода в антропологическом облике населения Синьцзяна, Алтая и Казахстана наблюдается яркая монголоидная примесь и даже элементы, характерные для китайского антропотипа [Худяков, Комиссаров, 2002. С. 52, 57; Гинзбург, Трофимов, 1972. С. 112; Тур, 2004]. Инновации радикально изменили и хозяйственно-культурный уклад этих племен — сакское население было кочевниками-скотоводами, освоившими сравнительно небольшие, но ландшафтно-замкнутые сезонные циклы кочевания.

Таким образом, с VII века до н. э. сако-тасмолинское население заполняет фактически безлюдную (на тот момент) урало-казахстанскую степь и даже лесостепь (наиболее северный курган Иртыш 14 был исследован глубоко в зауральской лесостепи). Однако его проникновение в европейские степи было приостановлено встречным потоком раннескифского населения, освоившего на тот момент Переднюю Азию, Предкавказье и южноевропейскую степь и лесостепь (цв. вклейка, рис. 1, 19).

Если более или менее понятен переходный рубеж от эпохи бронзы к раннему железному веку в степной зоне, где финал саргаринско-дандыбаевской линии развития представлен тонкой прослойкой памятников донгальского типа IX–VIII вв. до н. э., хотя существование его не стало тем самым переходом к системе культур

раннего железа и культурная преемственность прерывается на рубеже VIII–VII вв. до н. э. [Таиров, 2006. С. 273–274], то сложнее дело обстоит в лесостепной зоне, где этот переходный рубеж сдвигается на век. Остается не совсем понятным позднемежовский и позднекурмантаутский период для Зауралья, в отличие от районов Западной Сибири, где результаты комплексных исследований городища Чича позволяют представить довольно подробно финал позднеирменского времени. Однако к концу VII века до н. э. и здесь наблюдается повсеместное пресечение традиций (с распадом маклашеевской общности, межовско-ирменского историко-хронологического пласта культур) [Чича — городище., 2004. С. 264–284; Обыденнов, 1997. С. 66–70; Косарев, 1981. С. 162–180]. Как нам представляется, причиной трансформации в лесостепи, происходившей в течение VI века до н. э., является повсеместное инновационное воздействие кочевых культур. В районах Зауралья и Прииртышья — это воздействие скифо-сарматского населения Южного Урала и Казахстана, в результате которого складывается иткульско-гороховско-саргатская общность. В районах лесостепного Приобья — воздействие скифо-сакского населения степей Синьцзяна и Восточного Казахстана, которое, вероятно, стало причиной становления каменной, большереченской и староалейской культур [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 74; Абдулганеев, Владимиров, 1997. С. 66].

На следующем этапе (конец VI–V вв. до н. э.) южноуральское пограничье становится ареной новых сложнейших этнокультурных трансформаций, в результате которых происходит сложение древнепрохоровской культуры. С одной стороны — это результат встречных потоков населения двух кочевых суперобщностей скифской — с запада и сако-масагетской — с востока и юго-востока. В этом процессе также участвует сако-тасмолинское население, продолжавшее свое существование на территории Южного Зауралья. В этой части для нас весьма важными являются наблюдения Н. С. Савельева о сакском облике памятников, исследуемых в Баишевской долине [Савельев, 2000; Сергацков, Клепиков, Мышкин, 2001. С. 170]. С другой стороны, в сложении древнепрохоровской культуры принимает участие местное смешанное палеоугорско-североиранское население лесостепи, оставшееся в пределах Притоболья и Поиртышья с эпохи финальной бронзы. К этому времени здесь уже сложились или начинали складываться культуры (или типы?) начала раннего железа: воробьевская, баитовская, носиловская, богочановская, завьяловская, большереченская и др.

Что касается западного «скифского» компонента, то это предположение, высказанное довольно давно А. Г. Гаврилюком и А. Д. Таириным [Таиров, Гаврилюк, 1988] и получившее впоследствии развитие в работах С. Ю. Гуцалова [Гуцалов, 1998а; 2000; Гуцалов, Боталов, 2000], сегодня у большинства исследователей не вызывает возражений. В отношении сакского компонента существует особая точка зрения А. Д. Таирова об участии в прохоровском генезисе сакских племен юго-восточного Приаралья, которые переселяются на Южный Урал в результате сложных политических событий в Средней Азии, связанных с политикой Ахеменидов в этом регионе [Таиров, 2005. С. 18]. Не отрицая эту точку зрения, следует заметить, что культура приаральских саков была лишь западной периферией большого мира саков Приитышья, основной культурно-генетический очаг которых был расположен в районах рек Хами и Или. Памятники, составляющие эту общность (Чаухугоукоу 1, 2, 4; Цюньбакэ № 1), наряду с другими раннесакскими комплексами VII–IV вв. до н. э. (Субаши, Шанхусян, Темулткэ, Алагоу и др.) [Синьцзян Хэзунсянь., 1990. С. 511–517; Худяков, Комиссаров, 2002. С. 54–63; Синьцзян Хэцзинсянь., 1990. С. 75–99; Синьцзян Синьюань., 1988. С. 59–65; Синьцзян Луньтайсянь., 1991. С. 684–693; Синьцзян Куэрайши., 1999. С. 32–39; Синьцзян Шаньшань., 1984. С. 41–45] демонстрируют то культурное многообразие саков Синьцзяна, о котором ранее уже

писал К. Дебен-Франкфор [Дебен-Франкфор, 1989]. На сакскую принадлежность вышеперечисленных комплексов указывают те многочисленные параллели в погребальном обряде (каменные выкладки и ограды; большие могильные ямы с дромосом и уступом; западная, северо-западная ориентировка погребенных; коллективные погребения в могильных ямах; наземные погребения) и в вещевом инвентаре (ножи с кольцевым навершием; черенковые трехлопастные и трехгранные бронзовые наконечники стрел; чеканы; бронзовые зеркала-медальоны с ушком для подвешивания; зеркала с валиком по краю диска и длинной боковой рукоятью; конская узда, включающая стремечковидные удила и пронизки для перекрестных ремней сферической и зооморфной формы; отдельные типы керамического инвентаря, такие как сосуды грушевидной формы, небольшие кувшины с петлевидной ручкой, сосуды с носиком сливом, кувшины бипризматической формы, миски), которые представлены наиболее ярко среди материалов Приаральских саков [Вишневская, 1973. Рис. 5, 7, 9, 13–17, 24–26, 31–34. Табл. III, V–VIII, X–XIII, XXII, XXIII; Яблонский, 1996. Рис. 4, 8, 10, 12–15, 18, 22–27, 31–34].

Вероятнее всего, проникновение сакского населения Синьцзяна в конце VI–V вв. до н. э. происходило вначале вдоль Северного Притяньшаня в бассейн Сырдарьи, а затем уже в пределы Южного Урала. Возможно, этот маршрут обусловлен тем, что степи Центрального Казахстана оставались заселенными сако-тасмолинским населением. Параллельно этому продолжается активное влияние саков Синьцзяна на районы Южной Сибири. Археологически это довольно хорошо просматривается во множественных параллелях комплексов саков Казахстанского Алатау (Иссык), с восточно-туркестанскими памятниками типа Алагоу, комплексами Пазырыкских курганов, а также курганами лесостепного Приобья (могильник Локоть IV, памятники Большереченской культуры) [Погребова, 1988. С. 184–188; Могильников, 1999. С. 187; Троицкая, Бородовский, 1994. С. 74–76].

Что касается зауральско-западносибирского лесостепного компонента в прохоровском культурогенезе, то сравнительно давно М. Г. Мошкова высказала мнение о продвижении лесостепного гороховского населения в степное Зауралье, в результате чего в IV веке до н. э. происходит формирование прохоровской культуры [Мошкова, 1974. С. 48]. А. Д. Таиров существенно корректирует эту точку зрения, совершенно правомерно, на наш взгляд, устанавливая обратный вектор влияния для более раннего времени VI–V вв. до н. э., в результате чего формирование гороховской и саргатской культур происходит под воздействием степных кочевников. Это легло в основу тесных культурно-хозяйственных связей племен зауральской, западносибирской и казахстанской степи и лесостепи в последующий период [Таиров, 2002; 2005. С. 22]. К сказанному следует добавить, что, по нашему мнению, изначально гороховский и саргатский культурогенез — это явления единого порядка. Может быть, именно поэтому специалистами и по сей день одни и те же памятники Зауралья и Западной Сибири равным образом относят и к гороховской, и к саргатской культурам. Думаю, что «гороховское» своеобразие лесостепному населению Приобья придала скифо-сарматская приближенность, что сказалось как на вещевом инвентаре, так и на погребальном обряде (дромосные могильные ямы, шатровые подкурганнные конструкции) [Таиров, 2000. С. 72. Рис. 16; С. 78–79. Рис. 17, 18]. Искусственное дробление единой угорско-сарматоидной общности Зауралья и Западной Сибири на культуры и типы памятников не позволяет взглянуть на историю этого региона в целом.

Чтобы представить весь облик транскультурных изменений, необходимо несколько расширить рамки Уральского региона. В этой связи следует заметить, что к весьма важному и, на наш взгляд, перспективному предположению приходит в одной из своих последних работ Б. И. Вайнберг. Анализируя наиболее ранние подбойно-

катакомбные комплексы Приаралья IV–III вв. до н. э. из хорезмийских могильников Тарым-кая I и Тумек-Кичиджик, она приходит к заключению о возможности связать их появление с проникновением населения «юэчжийского» объединения. Этот вывод сделан ею на основе ретроспективной аналогии: если подбойно-катакомбные комплексы с северо-южной ориентировкой, появляющиеся в Средней Азии в последних веках до н. э., связываются с вторжением сюда «Больших Юэчжей» (Да-юэчжи), то можно предположить, что и более ранние погребения этого типа тоже оставлены юэчжейскими племенами [Вайнберг, 1999. С. 242]. Принимая это предположение, мы тем самым можем придать конкретный этноисторический облик той новой кочевой (сарматской) волне, которая, вероятно, и сыграла решающую роль в формировании раннесарматской культуры Южного Урала. На наш взгляд, Южное Зауралье было своеобразной транзитной зоной и в период предшествующих восточных миграций конца VI века до н. э. Вероятнее всего, именно перемещения, происходившие в рамках Туркестанско-Прикаспийского ареала, и устанавливают то самое культурно-историческое единство, которое получило название скифо-сибирский или, впоследствии, сарматский мир. В противном случае, совершенно невозможно объяснить уже приведенные параллели в предметах вооружения и основных орнаментальных элементах звериного стиля [Чжан си Ин, 1984. С. 746–748; Ковалев, 1998; Чжун Сук-Бэ, 2000], которые возникают (а скорее всего, собственно, и формируются) в регионах Южной Монголии и Северного Китая, а впоследствии (с конца VI века до н. э.) достигают Южного Урала и Западного Казахстана, распространяясь затем до Причерноморья и Дуная.

Вероятнее всего, охарактеризованная выше скифо-раннесарматская миграция и явилась завершающим аккордом в сложении в конце VI–V вв. до н. э. «древнепрохоровского населения» Южного Урала. Расцвет раннесарматской культуры, как известно, падает на период IV–III вв. до н. э., когда начинается массовое переселение южнозауральских кочевников на запад и юго-запад, в степные районы Южного Приуралья, а на рубеже IV–III вв. до н. э. и в лесостепь Приуральской Башкирии, где возникают крупные некрополи (Старые Кишиш, Бишунгарово). Одновременно с этим начинается движение кочевников Приуралья далее на запад — в Нижнее Поволжье [Таиров, Любчанский, 1995. С. 69].

Таким образом, раннесарматские «прохоровские» комплексы в Приуралье наиболее ярко характеризуются находками именно с IV века до н. э., что и позволило большинству авторов совершенно справедливо датировать раннепрохоровский этап IV–III вв. до н. э. [Мошкова, 1963. С. 8; Смирнов К.Ф., 1964; Скрипкин, 1997. С. 11 и др.].

Процесс глобального смещения на запад «прохоровского» населения был обусловлен резкими климатическими изменениями, которые привели к значительной аридизации степного региона в IV веке до н. э. [Таиров, 1995. С. 93], что вынудило раннесарматские племена Зауралья покинуть резкоконтинентальные зоны и отходить на запад и юго-запад, где этот процесс протекал более плавно.

К рубежу IV–III вв. до н. э. резко уменьшается число памятников раннесарматского времени в Южном Зауралье и Восточном Оренбуржье, прекращают функционирование известные могильники Юго-Восточной Башкирии. Вероятнее всего, во второй половине III века до н. э. Южное Зауралье было полностью оставлено «прохоровским» населением.

Трудно сказать, какой характер носила западная миграция прохоровцев: как экспансия либо как вынужденное переселение в родственную среду савромато-сарматского населения. Бесспорно, что этот процесс носил постепенный инфильтрационный характер. Только во II веке до н. э. памятники прохоровской культуры появляются на правобережье Дона [Максименко, 1983. С. 128–129] (цв. вклейка, рис. 4, 2).

Попробуем данные процессы перевести в историческую плоскость. По мнению

К. Ф. Смирнова, прохоровские памятники Южного Приуралья IV–III вв. до н. э. принадлежали «верхним аорсам» [Смирнов К. Ф., 1964. С. 286]. Это предположение основывалось на данных Страбона, который сообщал: «...Аорсы и сираки, кажется, беглецы из всех живущих выше народов...и (.....). Они севернее аорсов. Царь сираков Абеак, когда Фарнак владел Боспором, выставил двадцать тысяч всадников, царь аорсов — Спадин — даже двести тысяч, а верхние аорсы еще больше. Так они владели более обширной страной и господствовали, можно сказать над наибольшей частью Каспийского побережья и торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян, и перевозили их на верблюдах. Они были богаты, поэтому носили золотые украшения...» (Страбон, 11, 2, 8) [Латышев, 1993. С. 224–225]. Интерпретация этого отрывка в обязательном порядке приводится в исследованиях сарматоведов при воссоздании этнокультурной карты региона. Однако весьма спорным остается вопрос, к какому периоду сарматской истории относятся эти данные: либо ко времени правления Фарнака (63–47 гг. до н. э.), либо к какому-то другому периоду.

На наш взгляд, весьма убедительное и логичное исследование данного отрывка было проделано С. И. Лукьяшко. Он предложил текст Страбона разделить на две части. Первая, в которой упоминаются события периода правления Фарнака и его похода в Малую Азию и приводятся точные данные о предводителях сираков и аорсах, о численности их войска. Вторая, где говорится о верхних аорсах и их посредничестве в торговле в Передней Азии и на Кавказе. Если первый отрывок мог быть действительно написан на основе данных Гипсикрата Амисского (середина I века до н. э.), современника Фарнака Милетского, принимавшего участие в 67–65 гг. до н.э. в походах Поленея по Албании, Иберии и Колхиде, то данные о верхних аорсах и их торговле, как и вообще сведения о Средней Азии и Каспии, по мнению С. И. Лукьяшко, могли быть почерпнуты лишь из трудов Патрокла — правителя юго-восточной части царства Селивкидов конца IV века до н. э. [Лукьяшко, 1984. С. 161–164].

Как мы видим, эта историческая реконструкция вполне соотносится с точкой зрения К. Ф. Смирнова. Трудно сказать, можно ли проецировать факты, упоминаемые в обеих частях в обратном порядке, то есть, возможно ли удревнить сведения о сираках и аорсах, обитавших между Меотидой и Каспийским морем. По мнению Ю. М. Десятчикова, основанном на описании Диодора, первое упоминание о сираках в Прикубанье связано с борьбой преемников Перисада за власть и относится также к самому концу IV века до н. э. [Десятчиков, 1977. С. 45–48]. Вероятнее всего появление здесь сираков должно было предопределить появление к северу от них, в волго-донских степях и аорсов [Скрипкин, 1997. С. 16].

Таким образом, этнокарта Доно-Прикаспийского региона на рубеже IV–III вв. до н. э. могла выглядеть следующим образом: западную часть занимали сираки, севернее — аорсы, северная граница между ними проходила по Манычу [Смирнов К. Ф., 1974. С. 34–44]. Аорсы находились в подвижном состоянии, так как были беглецами «из среды живущих выше (то есть восточнее — С. Б.) их народов». Восточнее в регионе Волго-Уралья проживают «верхние аорсы», которые на юге граничили с прикаспийскими даями. Последние жили севернее и восточнее залива Кара-Богаз-Гол [Мачинский, 1974. С. 128–129]. В этих данных угадывается определенная перекличка с археологическими материалами. Действительно, к IV–III вв. до н. э. зоной наибольшего скопления прохоровских памятников становятся Южное Приуралье и Нижнее Поволжье, где возникают и существуют именно в этот период крупные некрополи (Покровка, Старые Кишки, Бишунгаров, Филиповские и др.).

Письменные данные не позволяют проследить восточные границы «верхних аорсов». Судя по археологическим материалам, их можно расширить до северо-

казахстанского Поишимья, где исследованы схожие с южноуральскими большие курганы (Кенес, Обалы, Ступинский, Кара-Оба) со сложносоставными насыпями, шатровыми конструкциями и дромосными погребениями, относящиеся к кругу прохоровских памятников Южного Урала [Хабдулина, 1994. С. 24–26]*. Грандиозность сооружений и необычное богатство сопровождающего инвентаря в неограбленных погребениях (Филиповский 1 курган) в определенной мере также подтверждает страбоновскую информацию о богатстве «верхних аорсов».

Аорсы были поистине историческими долгожителями в Восточной Европе. Первые упоминания о «верхних аорсах» в Приуралье относятся к концу IV века до н. э., в III–II вв. до н. э. они обитают в Волго-Донье, а во второй половине I века до н. э. занимают земли к западу от Дона, где обитали вплоть до I века н. э., когда упоминаются Тацитом во время сирако-аорской войны в 49 г. н. э. [Скрипкин, 1997. С. 25]. И, наконец, около третьей четверти I века н. э. аорсы, по мнению Д.А. Мачинского, достигают дельты Дуная [Мачинский, 1974. С. 131–132] (цв. вклейка, рис. 4, 5). Не исключено, что какая-то часть аорсов остается в Восточной Европе и с приходом алан смешивается с ними, после чего складывается новое объединение, которое упоминается у Птолемея, как аланорсы [Латышев, 1993. С. 268].

Таким образом, аорсы пребывают на исторической арене почти 500 лет. Большую часть этого времени они провели в волго-донских степях, что указывает на стабильность этнополитической ситуации в этом регионе [Скрипкин, 1997. С. 25], которая объясняется относительно благоприятной ландшафтно-климатической средой (увлажненность) в период с IV по II век до н. э. [Гаель, Гумилев, 1966. С. 11–20; Демкин, Лукашов, 1993. С. 51].

Таковы основные этапы реконструированной этнокультурной ситуации в пределах западной и северо-западной провинций большого Каспийско-Туркестанского степного региона накануне хуннских завоеваний.

Что же происходит на следующем этапе, который начинается на рубеже III–II веков до н. э? Как уже говорилось, если в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье на это время падает расцвет прохоровской культуры [Мошкова, 1963. С. 8; Скрипкин, 1997. С. 11], то в Южном Зауралье и Северном Казахстане к концу III века до н. э. прохоровское население либо сокращается до минимума, либо полностью покидает эти регионы. Опустевшие территории начинают постепенно заселяться совершенно новым сармато-аланским населением, пришедшим, скорее всего, из далеких пределов Восточного Туркестана. Исход прохоровского населения из заурало-северо-казахстанских степей в определенной мере позволяет в «чистом виде» фиксировать культуру пришельцев, несмотря на чрезвычайную малочисленность памятников III века до н. э.–I века н. э. в огромном регионе степей Урало-Ишимского междуречья [Боталов, Усманова, 1998. С. 151–155]. Тем не менее, этого вполне достаточно, чтобы представить составляющие компоненты культуры нового населения. Наиболее яркую ее часть, на мой взгляд, составляют подбойно-катакомбные погребения, которые появляются уже на рубеже III–II вв. до н. э. (Солнце 3, курган 3, м. я. 2), а возможно, и в предшествующее время. В Северном Казахстане автором и М. К. Хабдулиной был исследован курган 6 могильника Берлик. В насыпи его находилась шатрообразная деревянная конструкция, характерная для прохоровского времени, а погребение было совершено в катакомбе, сооруженной в южной торцевой стене узкой входной ямы. Железный кинжал с дуговидным перекрестием и рожковым навершием из этого погребения позволяет датировать его IV–III вв. до н. э. [Хабдулина, 1994. Табл. 24; 52, 9]. При этом стоит оговориться, что речь идет о катакомбах конкретной конструкции.

* Стоит оговориться, что данная точка зрения признается отдельными авторами как весьма гипотетичная [Шелов-Кобедяев, 1990. С. 16, 17]. Мы приводим ее как возможный вариант реконструкции.

Катакомбные погребения находились в основном под небольшими грунтовыми насыпями, являясь так основными, так и впускными в насыпи предшествующего времени. Входная яма узкая, прямоугольной формы. Погребальная камера сооружалась в южной, реже в северной, торцовой стене (Солнце 3, курган 3, м. я. 2; Жалтырь; Тасмола, курган 36; Саргары, курган 5).

Подбойные погребения (Саргары, курган 4, погр. 2; Конурса, курган 1; Корсак, курган 1) находились под насыпями из земли и камня. Погребальные камеры сооружались в продольной западной стенке.

К этому же кругу памятников (хотя, возможно, и к более позднему времени — I вве до н. э.) относятся погребения под небольшими грунтовыми насыпями в прямоугольных глубоких могильных ямах с заплечиками (Стрелецкое; Саргары, курган 3; Жабай-Покровка, погр. 32; Граултры, курган 2; Лисаковский; Красный Яр 1; Петровка, погр. 8).

Диагональное погребение в степном Зауралье обнаружено лишь в одном случае (Кесене, курган 16). Интересно, что число диагональных погребений резко возрастает к западу. В Западном Казахстане их насчитывается уже 6 (Танаберген 2, курган 10, погр. 2; Целинный 1, курганы 11, 25, 93; Восточно-Курайлинский 1, курган 28; Уметбаево, курган 2)* [Боталов, Усманова, 1998. С. 154]. Хотя в целом общее количество комплексов I века до н. э. здесь так же? как в зауральских и североказахстанских степях невелико — всего 14.

Общей чертой всех описанных типов захоронений является южная ориентировка погребенных.

К сожалению, малочисленность комплексов и сравнительная однородность вещевого инвентаря не позволяет четко расчленить их в рамках временного диапазона II век до н. э. — I век н. э. Кроме того, существует определенный разнобой в датировке отдельных типов вещей, которые получают свое массовое распространение на различных территориях в разное время. Так, например, железные трехлопастные наконечники с небольшой треугольной головкой и срезанной под острым углом нижней частью лопасти, сложносоставной лук с костяными накладками появляются у хуннов в самый ранний период и существуют в III—I вв. до н. э. [Худяков, 1986. С. 47. Рис. 11]. Но в восточноевропейских степях они получают наибольшее распространение лишь на рубеже эр [Скрипкин, 1990. Табл. 42; Хазанов, 1966. С. 41].

Длинные узкие мечи без перекрестия и наверхия, а также короткие клинки с прямым перекрестием без наверхия или с кольцевым наверхием встречаются в Центральной Азии и в Южной Сибири еще со скифского времени [Кубарев, 1980. С. 30; Восточный Туркестан..., 1995. С. 389]. В погребальных комплексах Нижнего Поволжья они появляются не ранее II века до н. э. [Скрипкин, 1997. С. 13]. Это вполне закономерно, так как, по всей видимости, эти типы вещей появляются на северо-западной периферии азиатских степей непосредственно со своими носителями, обитавшими ранее далеко на востоке — в Туркестане или в Западной Монголии. Подтверждением этому могут служить и ажурные прямоугольные пряжки с заключенными в них сценами терзания, фигурками верблюдов, драконов и других животных, ведущие свое происхождение от «ордосских бронз» [Дэвлет, 1980. С. 18–20]. Они встречаются в комплексах Поволжья и Приуралья со II века до н. э. (Белокаменка, Покровка, Доунгумон) и являются своеобразным маркером племен хуннского круга**.

Сюда же относятся небольшие подвески-амулеты в виде моделей козлов, а также зеркала с валиком по краю диска и короткой клиновидной рукоятью [Виноградов, Таиров, 1996. С. 171. Рис. 2, 1, 5–8].

* Выражаю свою признательность С. Ю. Гуцалову, предоставившего информацию об исследованных им комплексах.

** Оговорюсь, что это не обязательно могли быть собственно хунны.

Керамика зауральских и североказахстанских комплексов представлена красноглинянными горшками с плоским дном и венчиками, кувшинами с ручкой и невысоким узким горлом, а также небольшими сосудиками. Она имеет прямые аналогии в посуде памятников района реки Арысь (локальный вариант отаро-каратауской культуры), комплексов Серахского оазиса и Ширинсайского могильника [Байпаков, Подушкин, 1989. Табл. 7, 28; 4, 6, 21, 16, 12; Пилипко, Коваленко, 1985. Табл. 83; Гайдукевич, 1952].

Как уже упоминалось, аналогичные памятники или материалы появляются в Приуралье и в Нижнем Поволжье во II веке до н. э. Причем в Приуралье комплексов, относящихся к этому времени, несколько больше. В Поволжье, поскольку оно продолжает оставаться ареалом прохоровской культуры на позднем этапе ее развития (II–I вв. до н. э., по А. С. Скрипкину), данные памятники или отдельные характерные вещи появляются как новая тенденция, которая, безусловно, отражает новый миграционный импульс.

Однако на данном этапе пришлое население, вероятно, полностью растворяется в местной среде. Так, для памятников III–I вв. до н. э., по данным А. С. Скрипкина, наиболее характерным типом погребений являются погребения в простых прямоугольных могильных ямах, составляющие 13,7% от общего числа захоронений. На втором месте погребения в подбоях — 13–16%. Катакомбные погребения описанного выше типа единичны, диагональные же погребения начинают превалировать лишь с рубежа эр (40,9%) [Скрипкин, 1990. С. 179–185]. По всей видимости, первые два типа погребений отражают чисто прохоровские традиции и преемственность с памятниками предшествующего времени. Таким образом, отчетливо видно, что этнокультурная ситуация в Поволжско-Приуральском и Заурало-Казахстанском регионах со II века до н. э. (а вероятнее всего, с рубежа III–II вв. до н. э.) складывается абсолютно по-разному. Если в первом случае большинство исследователей отмечают изменения в виде наложения новых элементов на существующую единокультурную основу, то во втором — эти, пусть и немногочисленные инокультурные комплексы появляются в опустевших степях на смену прохоровским памятникам.

Для того чтобы ответить на вопрос, что же за население открывает новый этап в развитии сарматской культуры большого Туркестано-Прикаспийского региона, нам необходимо вновь обратиться к пределам Западной Монголии и Восточного Туркестана. По всей видимости, именно отсюда произошел отток населения новой миграционной волны. Исход кочевников из этих районов, вероятно, был обусловлен не только ухудшением общей экологической ситуации в азиатских степях, но и значительным осложнением внешнеполитической обстановки на юге Центральной Азии, на северокитайском пограничье.

С хуннских вторжений начинается целый исторический период, который продолжается до первых веков новой эры. Многие исследователи, говоря об инокультурных вторжениях, видят в них либо непосредственное проникновение хуннов, либо иного кочевого населения, вытолкнутого с прежних территорий. Напомню, что собственно хуннские завоевания заканчиваются в 70-х годах II века до н. э. Они привели, с одной стороны, к переселению юэчжей из Гансуйского коридора в Приняньшань, а затем в Среднюю Азию; с другой — явились, вероятно, лишь исходным толчком для последующего оттока части восточнотуркестанского населения прежде всего на север и на северо-восток. Этот миграционный поток продолжался до рубежа эр (цв. вклейка, рис. 4).

3.2. Хуннская империя и Запад. Как уже указывалось, хунны граничили с юэчжами (тохарами античных источников), самыми мощными их соперниками в монгольских и северокитайских степях. По достаточно скудным сообщениям китайских

источников, внешне юэчжи походили на тибетцев, но по манере одеваться и прическам имели особый, отличный от других варварских народов вид. Их язык был одним из распространенных в Восточном Туркестане ранних тохарских диалектов, отличный от их среднеазиатских диалектов [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 92–93].

Существует точка зрения, что юэчжи представляли собой большую общность единокультурных ирано- или тохароязычных племен, которые накануне хуннской экспансии занимали не только весь монгольский и русский Алтай [Руденко, 1960. С. 176. Рис. 108], но и большую часть Монголии, Джунгарии, Тянь-Шаня и Западную Сибирь, где они соседствовали с усунями, а также Таримский бассейн и верховья Хуанхэ [Еноки, 1959. Р. 227–232; Руденко, 1960. С. 176. Рис. 108; Кляшторный, Савинов, 1998. С. 171–175; Haloun, 1937. Р. 316; Pulleblank, 1966. С. 9–39; 1975. С. 154–160; Иванов В. В., 1967. С. 106–118]. На наш взгляд, подобная историко-культурная интерпретация этнонима «юэчжи» подразумевает его самое широкое трактование для всего гигантского массива некитайского населения, проживавшего к северу и северо-западу от собственно Китая.

Территории северо-запада Гансю, находившиеся между Дуньхуанем и Циляншанем, то есть севернее Нян-шаня, упоминаемые Сыма Цянем, для конца III века до н. э., по мнению Кадзуо Еноки, являлись центральными зонами обитания юэчжей. С. Г. Кляшторный приводит сведения из китайского трактата «Гуаньцзи» (V–IV вв. до н. э.), где в измененной транскрипции юйши и юйчжи упоминаются как северо-западные варварские народы, добывающие в горах нефрит. Весьма сходная информация, связанная с «нефритовой горой», содержится и в древнекитайском «Повествовании о сыне неба Му», где приводится страна Юэчжи, расположенная в пяти днях пути к западу от нынешнего горного прохода Яньмэньгуань, на севере Шанси, восточнее излучины Хуанхэ [Кляшторный, Савинов, 1998. С. 172–173]. Эти упоминания в китайских источниках, по всей видимости, фиксируют лишь какую-то определенную часть (восточную) этого огромного этнополитического объединения. Б. И. Вайнберг приводит довольно точное описание родовых земель юэчжей, которые были приурочены к горам Цинцаньшань (Северный Наньшань), коридору Хеси или Ганьсуйскому. Данная территория является весьма благоприятной зоной как по природно-климатическим, так и по торгово-политическим условиям. Среди пастбищных районов выделяется, прежде всего, восточная часть коридора — юго-восточные округа Наньшаня и районы оазиса Увэй, расположенные ближе всего к реке Хуанхэ в верховьях реки Шуйхе. Долина этой реки, как и Бэйшань, вероятно, входила в зону зимних кочевий юэчжей. На северо-западе коридор переходил в пустыню и ограничивался Лобнором. На юго-востоке коридор Хеси выходит к левобережью Хуанхэ в районе Гайоляна. Здесь горный массив Наньшань переходит в холмистое луговое плато, названное Н. М. Пржевальским Нагрынской степью [Козлов, 1948. Гл. 9, 10. С. 144; Петров, 1966]. В силу своего географического положения Гансуйский коридор (Хеси) известен как место, где сходятся торговые пути в Китай с севера и запада [Погребова, 1988. С. 354–355; Вайнберг, 1999. С. 245–250].

Вероятно, юэчжийский массив племен в этнокультурном смысле был неоднороден. Наиболее представительными являлись два основообразующих объединения. На наш взгляд, южную часть юэчжийской общности составляло тохароязычное кушано-согдийское население, занимавшее территории северо-западного Китая, Гансуйский коридор, юг Восточного Туркестана и бассейн Тарима. Северная часть общности, скорее всего, была представлена ираноязычным скифо-сарматским населением, занимавших изначально основную часть Туркестана, включая Джунгарию, западные предгорья Монгольского Алтая, а примерно с VI века до н. э. — северные предгорья и нагорья Алтая, степи Казахстана и Южного Урала. Однако столь широкая трактовка тохаро-кушанских и ирано-сарматских этносов и культур, как

составляющих юэчжийской или юэчжийско-тохарской общности, представляет собой определенную дань историческим традициям. Китайские источники, упоминая о племенах северо-западных варваров на севере Шаньси и Ганьсу, то есть юго-восточной окраине всего этнокультурного массива, называли их общим этнонимом – юэчжи. Античные авторы также какую-то часть этого же массива, либо крайне северо-западную, либо вновь пришедших в Среднюю Азию называли в целом тохарами. В этой связи, говоря о юэчжах или тохарах в конкретном времени или на конкретной территории (Гансуйский коридор, Синьцзян, Хорезм, Самарканд, Бухар, Северная Бактрия и др.), необходимо учитывать их различие.

Полисоставность юэчжийской общности хорошо просматривается в лингвистическом плане. Так, ряд авторитетных востоковедов Г. Хэлун, К. Еноки и Н. Эгали сходятся во мнении, что юэчжи относятся к ираноязычной скифо-сакской этнокультурной общности [Haloun, 1937. Р. 316; Еноки, 1959. Р. 227–232]. Между тем как В. В. Иванов, а вслед за ним и Э. Пуллибэнк приходят к мнению, что юэчжи, вероятнее всего, в этнолингвистическом плане ведут свое происхождение от тохаров Таримского бассейна, а их потомки кушаны говорили на тохарском диалекте Кучи [Иванов В.В., 1967. С. 106–108; 1992. С. 19–20; Pulleblank, 1966. С. 9–39; 1975. С. 154–166].

Вполне закономерен тот факт, что у Страбона племена, которые вторгаются с востока, из региона юэчжийской этнокультурной области, имеют различные названия, и под ними подразумеваются уже совершенно особые группы и объединения. По мнению Э. А. Грантовского, два первых упоминания Страбоном этнонима асианы (асии) и пасианы наиболее близки этнониму оси(и), известного как одно из старых самоназваний осетин и ранее аланов. Сакараулки же им интерпретируются как Saka-ravaka – «быстрые саки», или, скорее всего, Saka-rarka – «светлые саки» [Грантовский, 1975. С. 77–79]. Можно заметить, что собственно тохары, или в общепринятом восточном синониме юэчжи, занимают лишь одно из четырех позиций в списке племен Страбона.

В этой связи вряд ли исторически корректно на этапе начала становления сюньской империи и исхода юэчжей говорить о единой юэчжийской общности. По всей видимости, племена северо-западного Китая, Восточного Туркестана и Тарима, участвовавшие в юэчжийском исходе, к этому времени имели совершенно разные самоназвания и говорили на различных диалектах когда-то, возможно, общего индоевропейского праязыка.

Трудно сказать, сознавали ли они свое единство. На этот счет интересную информацию, почерпнутую из хотя и поздних хроник Бей-Шу (VII века н. э.), приводит в одной из своих работ В. И. Вайнберг.

1. «Владетельный дом Кан* есть отрасль кангюйского дома».

2. «Со времени династии Хань преемство престола не пресекалось».

3. «Собственно владетель прозывается Вынь, происходит из дома юэчжи, который первоначально обитал по северную сторону хребта Цилян-Шань в городе Чжаову, но после поражения от хуннов перешел через Луковые горы на запад и основал царство. Он разделился на множество владельных домов и утвердился в древнем царстве Кан. Сии роды в память своего первоначального происхождения всех удержали названия Чжаову. Переименования владетеля из рода в род есть Фуби».

4. Дом Кан характеризуется как кочевое владение – «безпрестанно переходя с места на место они не имеют привязанности к оседлой жизни».

Обратив внимание на некоторую путаницу, просматриваемую в тексте источника, Б. И. Вайнберг пришла к выводу, что основные сведения Бей-Шу, вероятно,

* Автор особо подчеркивает, что Кан или Согд следует различать с наименованием Кангюй [Вайнберг, 1972. С. 145].

относятся к очень раннему периоду (не позднее I в. н. э.) и в отличие от общепринятой схемы переселения Больших Юэчжей вначале в район к северу от реки Гуй-Шуй, а затем в земли Дася [Бичурин, 1950. С. 151, 183–184, 227–228], эти сведения повествуют о переселении другой части дома юэчжей Чжаову [Вайнберг, 1972. С. 146]. Интересно, что эта информация подтверждается и дополняется нумизматическими и археологическими данными. Во-первых, с одной стороны, уже довольно давно была установлена типологическая близость тамг, изображенных на монетах Согда, Бухары и Хорезма [Толстов, 1948. С. 184–185; Смирнов А. П., 1957. С. 259]. С другой стороны, Б. И. Вайнберг убедительно доказала, что тамги, о которых идет речь, в частности тамги типа «Гободзико» (...) кардинально отличаются от кушанских тамг северной Бактрии. С третьей — кочевнические комплексы, которые появляются на окраинах оазисов Хорезма, Самарканда и Бухары (типа Тузгыр, Тумек-Кичиджик, Куюмазар, Лявандак и др.) составляют единый археологический комплекс — памятники Лявандакской группы или юэчжийско-сарматского ИКК (о чем подробно будет сказано ниже). В это же время в Северной Бактрии появляются кочевнические комплексы так называемой Тулхарской группы (Кокумский, Тулхарский, Бабашовский и др.), которые образуют единый юэчжийско-кушанский ИКК.

Несмотря на то, что многие группы вещевого материала этих могильников имеют типологическое сходство (мечи с прямым перекрестием и кольцевым или антенновидным навершием, прямоугольные поясные накладки и пряжки, зеркала с валиком по краю, отдельные типы керамической посуды и украшений), погребальный обряд этих памятников демонстрирует кардинальные отличия. Если в первом случае они имеют погребальные традиции общесарматского облика: грунтовые насыпи, простые подбойные ямы, торцовые катакомбы, южную ориентировку, то северо-бактрийские памятники характеризуют основные черты кушанского погребального комплекса: каменные насыпи, подбой, заложенные камнем или сырцовым кирпичом, северная ориентировка.

Таким образом, юэчжийский союз племен накануне своего исхода в Среднюю Азию и далее на запад не представлял собой единого этнокультурного массива. Вероятнее всего, в конце III–II вв. до н. э. его составляли совершенно обособленные ирано-, а возможно, и тохароязычные племена, имеющие свои исторически устоявшиеся этнические наименования и, следовательно, особые последующие исторические судьбы. В этом списке, по всей видимости, вместе с юэчжами-кушанами были сарматы, асы-аланы, восточно-туркестанские саки и другие.

В связи со всем вышесказанным логично, на наш взгляд, привести материалы из района Хэси, которые можно соотнести с юэчжами, обитавшими там до ухода на запад.

В последнее десятилетие в этом регионе исследованы весьма интересные памятники скифского времени. Среди них особо выделяются захоронения в подбоях с северной ориентировкой погребенных и черепами животных на перекрытии входной ямы из могильников Саньцзяочэнь и Хамадунь (Ганосу), датируемые V–III вв. до н. э. Китайские исследователи относят их к культуре Шацзин и совершенно справедливо определяют их как памятники юэчжей [Юнчан Саньцзяочэнь..., 1990. С. 205–237]. В Нинся-Хуэйском автономном районе исследованы уже упоминаемые нами могильники Юйцзячжун и Ялун с погребениями в простых могильных ямах и торцовых катакомбах, сопровождаемые головами животных, которые, судя по инвентарю ордосского облика, могут быть датированы VII–VI и IV–III вв. до н. э. (рис. 14, I).

Перечисленные памятники обнаруживают определенные параллели с комплексами юэчжийско-сарматского круга Средней Азии, Казахстана и Урало-Поволжья. Комплексы Саньцзяочэнь, Хамадунь по погребальному обряду очень схожи с более поздними комплексами тулхарской группы Северной Бактрии (см. юэчжийско-

кушанский ИКК). С определенным допуском можно предположить, что комплексы Юйцзячжун и Ялун демонстрируют единые черты сарматского погребального обряда, фиксируемые позднее в памятниках ляндакской группы (см. сармато-юэчжийский ИКК). Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что эти комплексы датируются значительно более ранним временем и ориентировка покойников в катакомбах в отличие от сарматских погребений не южная, а западная и северо-западная.

Из китайских сообщений явно следует то, что юэчжи находились в непосредственной близости от ставки хуннского шаньюя. Сыма Цянь в легенде о Модэ сообщает, что он, украв коня, ускакал от юэчжей [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 38]. Несмотря на легендарность сведений, тем не менее можно предположить, что территория юэчжийских становищ была относительно недалеко от хуннских и оттуда вполне можно было доскакать на коне до ставки хуннов.

По сведениям «Ши-Цзи», в интерпретации Л. А. Боровской, ханьский чиновник Чжан-Цян, посетивший в 129–128 годах Большие Юэчжи (к западу от Давань [Ферганы]), повстречался с юэчжийским правителем — наследником того, кто был убит хуннами на покинутой ими Родине находившейся в районе нынешнего Ганьсуйского коридора [Боровкова, 1989. С. 19–20].

Вероятнее всего, с V века до н. э. юэчжийская территория, расположенная между Бей-Шанем и нагорьем Наньшань, была в непосредственной близости с Халхой [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 93].

В разделе о деяниях Модэ Сыма Цянь упоминает о трех походах на юэчжей: поход (вероятно, набег) Тоуманя; поход Модэ после возвращения из похода на дунху, датированного 203 г. до н. э. [Крадин, 1996. С. 39; Грумм-Гржимайло, 1926. С. 94–95] и, наконец, поход правого Сянвана в 176 году до н. э. [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 39, 41, 43] (цв. вклейка, рис. 4, 6–8).

Обращает внимание тот факт, что после этих походов юэчжи подверглись наиболее тяжелым репрессиям. Результатом побед хуннов стало уничтожение, истребление, изгнание юэчжей и присоединение их земель, в отличие от других народов — дунху, усуней, лоуфаней и других, где победы ограничивались общим приведением их в покорность, отбиранием имущества и скота.

Таким образом, с конца III века по 60-е годы II века до н. э. юэчжи были изгнаны из Северного Китая и Южной Монголии (цв. вклейка, рис. 4, 18). После чего хунны заняли на юго-западе важнейшие территории от Яньцзе (оз. Лобнор) до северо-западных границ ханьских владений, которые проходили близ округа Луси (к югу от нынешних Синина и Ланьчжоу) [Боровкова, 1989. С. 20]. Этот район Гансуйского коридора позволял контролировать важнейший центральноазиатский участок караванного пути из Туркестана и Средней Азии в Китай.

Возможно, этот факт и объясняет ту жестокость, с которой юэчжи изгонялись с данной территории. Хотя, может быть, здесь имел факт и субъективного порядка. Как следует из легенды — в молодости Модэ чуть было не казнили юэчжи.

Известно, что какое-то время юэчжи находились в Наньшане после того, как потерпели поражение от усуней [Скрипкин, 1997. С. 28–29], а несколько позднее китайские источники Ши Цзы, Хань Шу, Хоу Хань Шу застают их кочевья между Дуньхуаном и горами Цянь Линь (Тянь-Шань или хребет Кансу) [Бернар, Абдулаев, 1997. С. 68; Габуев, 2000. С. 58].

По всей видимости, где-то здесь — в юго-восточном Туркестане, в 70–30-е годы II века до н. э. и находились «Малые юэчжи». После окончательного поражения от усуней они покидают Джунгарию и уходят дальше на запад, пересекают Давань (Фергану) и останавливаются в Бактрах, в стране Дася [Бернар, Абдулаев, 1997. С. 68] (цв. вклейка, рис. 4, 19, 20). Этот эпизод отражен у Помпея Трога, когда он

сообщает о том, что усунь-асианы, победившие юэчжей-тохаров, стали их царями [Скрипкин, 1997. С. 29].

Именно после этих событий Чжан Цянь примерно в 129–128 годах до н. э. застает юэчжей в 3000 ли к западу от Давани, столица которой располагалась на южном берегу реки Чуйшуй (Амударья). Строго на севере от них располагалась страна Канцзюй, которая находилась в 2000 ли (800 км) к северо-западу от Давани [Боровкова, 1989. С. 19. Схема 1].

Однако юэчжи были не единственным кочевым народом, появившимся на пороге Средней Азии в период существования державы хуннов. В литературе известен целый ряд исследований, раскрывающих отдельные этапы этого этнополитического калейдоскопа. На наш взгляд, переселение юэчжей, вызванное завоеваниями Модэ, по принципу «домино», привело к движению целый пласт кочевых племен, проживающих на огромной территории от Северного Китая до Средней Азии (цв. вклейка, рис. 4, 9–14). Вероятно можно определить два основных этапа миграционных импульсов из Центральной в Среднюю Азию и далее на запад*: первый — конец III–середина II века до н. э., второй — I–середина II вв. н. э.

Первый этап ознаменовался приходом в Среднюю Азию целого ряда кочевых племен. По уже приводимым сообщениям Страбона, которые относятся к рубежу III–II вв. до н. э., самые известные кочевники, которые проживали к востоку от Каспийского моря, то есть захватившие Греко-Бактрию, — асии, пасианы, тохары и сакаравлы [Страбон, 1964]. Эта первая миграция, скорее всего, прошла по двум направлениям: юго-западным (условно называемое юэчжийско-кушанскими) и северо-западным (условно называемое юэчжийско-сарматским). Первое направление составили юэчжи, которые после вторжения в Бактрию завоевали вначале правобережье Окса (Амударьи), где Чжан Цзянь и нашел Большие Юэчжи. Впоследствии они расширили свои границы на юг и, вероятнее всего, завоевали северо-запад Афганистана [Боровкова, 1989. С. 82]. В археологическом отношении этому населению, на наш взгляд, принадлежат курганные могильники Бабаховский, Тулхарский, Кокумский и другие в верховьях правобережья Амударьи, которые дают материалы II–I вв. до н. э., в более позднее время (I в. н. э.) этот этнокультурный пласт представляют материалы шести впускных погребений комплекса Тиля-Тепе и могильников Туп-Хонси, Кухна-кала. В северных районах, по мнению П. Бернара и К. Абдулаева, юэчжийский пласт представлен такими некрополями, как Тепа Шах и Орлат. Однако, в связи с передатировкой орлатских комплексов III–V вв. н. э. [Никаноров, Худяков, 1999] вопрос об юэчжейской интерпретации этого памятника остается открытым. Отдельный юэчжийский горизонт выделяется различными авторами на поселенческих комплексах I век до н. э. – II век н. э. таких как Дальверзинтепа (Дт-2, Дт-4, Дт-7, Дт-9), Кобадан II–III, Халчаян, Айртам, Бактры II. Фиксируются он слоем с сероглиняной керамикой [Бернар, Абдулаев, 1997; Тургунов, 1978. С. 47–61; Беляева, 1978. С. 42, 43] (цв. вклейка, рис. 4, 20, 28–30).

Юэчжийско-кушанские могильники содержат черты и общехуннского ИКК. В погребальном обряде это небольшие каменные округлые насыпи или ограды, глубокие прямоугольные могильные ямы с подбоем и заплечиками, северная ориентировка умерших. Особенность их заключается лишь в преобладании подбойных захоронений. Среди вещевого материала часто встречаются поясные накладки, прорезные ажурные пряжки с изображением животных, серьги и бубенчики, практически сходные с хуннскими образцами, а также сосуды-триподы явно восточномонгольского и забайкальского происхождения [Мандельштам, 1975. С. 156. Табл. VII,

* Речь идет о миграциях, происходивших после оттока на запад части жунов и ди (бегазы-дандыбаевская, тасмолинская культуры).

34; С. 163. Табл. XIV, 1–8; С. 181. Табл. XXXIII, 7–9; С. 189. Табл. XLI, 15–17]. Вероятнее всего, схожесть юэчжийских комплексов с общехуннским ИКК связана с длительным обитанием этой части юэчжей в непосредственной близости от хуннского Ордоса (Наньшань, Гансуйский коридор) и едиными истоками культурогенеза. Еще большую схожесть с хуннскими чертами в погребальном обряде обнаруживают более поздние погребения Тилятепинского некрополя — глубокие простые прямоугольные могильные ямы, гробы хуннской конструкции, торцовые и боковые ниши в могильных ямах для размещения сопровождающего инвентаря, жертвоприношения в виде головы быка, северная ориентировка погребенных, деформация черепов [Сарианиди, 1989. С. 47–130]. Трудно определенно сказать, почему хуннские черты погребальной обрядности оказываются преобладающими в среде юэчжийско-кушанской аристократии спустя почти два века после исхода их из Центральной Азии. Однако не стоит забывать, что с начала I века до н. э. наблюдается инфильтрация уже собственно северо-хуннского населения из Монголии в Среднюю Азию, которая, безусловно, захватила с собой и остатки туркестанских юэчжей, сако-уньское и сармато-аланское население Центральной Азии.

Районы Туркестана находились в орбите внешнеполитических интересов не только хуннской державы, но и империи Хань. Активная политика Хань начинается со второй половины II века до н. э. — со вступлением на престол императора У-ди (140–87 годы до н. э.). В 121 году до н. э. его войска выбивают хуннов из Гансуйского коридора и устанавливают контроль над кунылуьнским участком Великого торгового пути. По нему ханьская армия совершает два дальних похода на Давань в 104–102 годах до н. э. (цв. вклейка, рис. 4, 40–46) [Боровкова, 1989. С. 20–22]. Это, несомненно, усиливает влияние Хань на восточнотуркестанские и среднеазиатские территории. А спустя менее шестидесяти лет (60 год до н. э.) Хань сдается правитель западной Хунну. После этого китайская империя стала контролировать участок торгового пути в пределах Восточного Туркестана и северный притяньшаньский [Боровкова, 1989. С. 27]. Эти события вначале не привели к непосредственной оккупации районов Туркестана, хотя после 121 года до н. э. хунны были переселены с земель, примыкающих к северу Ганьсу, которые стало занимать ханьское население. Хань в это время ограничилась династийными браками с усунь и общим надзором над городами Туркестана путем назначения своих военнодипломатических советников «духу» [Боровкова, 1989. С. 27]. Несмотря на то что эти советники время от времени изгонялись из Чеши, тем не менее Турфан, вероятно, с этого периода находился под мощным культурным влиянием со стороны Китая. А в 67 году до н. э., после того как города Западного края (Давань, Усунь, Кангюй и др.) совершили поход на Чеши (Турфан), хуннский правитель До-умо был вынужден с остатками населения покинуть Чеши и уйти на восток. Однако это был кратковременный успех. Вслед за этим император Хань распорядился переселить часть китайского населения в Чеши для обработки пахотных земель [Материалы по истории сюнну, 1973. С. 29–30]. То есть речь идет о непосредственной ханьской оккупации Турфанского оазиса, который был окончательно подчинен китайскому влиянию. На это указывают материалы турфанских некрополей Астана и Караходжо, в которых бесспорно наблюдается сильное Китайское культурное влияние и в погребальном обряде и в вещевом инвентаре [Лубо-Лесниченко, 1984. С. 108–115]. Безусловно, население Восточного Туркестана было втянуто в эти внешнеполитические перипетии.

Трудно сказать, каков был характер зависимости восточнотуркестанских племен вначале от хуннов, а затем от Хань. По всей видимости, и первые, и вторые в большей степени сосредотачивали свою власть в контроле над торговыми путями: северным (Притяньшаньским) и южным (Прикунылуьнским) и, естественно, за Тур-

фаном — главным коммуникационным узлом региона. Джунгарские степи, по всей видимости, были достаточно автономными. На это указывает тот факт, что с приходом сюда в середине II века до н. э. изгнанных из Северного Китая юэчжей, в противоборство с ними (по упоминаниям Помпея Трога) вступают усунь и асианы как самостоятельные племена, и одерживают верх [Скрипкин, 1997. С. 12].

В 70-х годах I века до н. э., в период хуннских междоусобиц и гражданской войны, усунь вместе с ухуанами и ди совершают набеги на хуннов и впоследствии окончательно освобождаются от их зависимости. Однако сложные внешнеполитические условия и ухудшение экологической ситуации — опустынивание джунгарских степей — приводят к постоянному оттоку восточнотуркестанского населения. Как нам представляется, наиболее ранние миграции происходят, вероятнее всего, в северном направлении.

Аналогичные процессы происходят и в *северо-западном направлении*. Хотя здесь прослеживается определенное своеобразие. Приалтайское население Восточного Казахстана, ранее входившее в единый ареал пазырыкской культуры, с III века до н. э. испытывает на себе явное инокультурное воздействие. По мнению С. С. Черникова и Д. Г. Савинова, приалтайское население Восточного Казахстана этого времени также связано с миром кочевников гунно-сарматского круга [Черников, 1975. С. 135–136; Савинов, 1978. С. 54].

На смену пазырыкским приходят комплексы так называемой кулажургинской культуры III–I вв. до н. э. Ранний ее этап (III–II вв. до н. э.) характеризуют захоронения, совершенные в каменных ящиках, где погребенные уложены головой на восток, в сопровождении лошадей (Славянка; Кула-Журга I, II; курганы у поселка Юпитер) [Черников, 1975. С. 136] (цв. вклейка, рис. 4, 37). Отдельные черты погребального обряда носителей этой культуры (индивидуальные захоронения, положение погребенных вытянуто на спине головой в восточный сектор, сопроводительные захоронения лошадей) удивительно схожи с погребальным обрядом южносибирского населения, происходившего в это время в среде пришедшего на смену пазырыкскому и тагарскому и оставившего памятники шибинского и тесинского типа. Учитывая сходные черты ранних кулажургинских памятников с шибинскими и тесинскими, можно допустить, что они также возникли в результате раннетюрко-телесских (гянгуйских) миграций.

Однако уже на следующем этапе — II век до н. э. — I век н. э., памятники Восточного Казахстана претерпевают весьма существенные изменения. Для них характерны западная ориентировка погребенных, преобладание простых грунтовых могильных ям, отсутствие сопроводительных захоронений лошадей, бедный сопроводительный инвентарь (Баты, Тускаин, Пчела, часть курганов Кула-Журга) [Черников, 1975. С. 136]. Особенностью памятников является также наличие небольших каменных насыпей или кольцевых оградок и особого типа круглодонных толстостенных горшков с прямой шейкой и петлеобразной ручкой. Комплексы этого типа имели широкий ареал распространения — от северо-восточных районов Казахстана до Киргизского Алатау [Максимова, 1970; 1972; 1975] (цв. вклейка, рис. 4, 33).

Отмеченные инновации привели, вероятно, к формированию нового культурного типа, который сохранялся на территориях Восточного Казахстана и Семиречья вплоть до IV–V вв. н. э. Как известно, эти территории в указанный период были заселены полукочевым населением страны «усунь».

Усунь, судя по данным китайских источников, какое-то время располагались вблизи озера Баркуль, рядом с юэчжами, откуда они вслед за последними двинулись на запад в долину реки Или [Восточный Туркестан..., 1988. С. 232–236]. Ссылаясь на мнения различных авторов, Г. Е. Грумм-Гржимайло говорит о том, что еще раньше земли усунь лежали где-то к западу от верховий реки Орхон. Так, в «Си-ши-

цзи» говорится о местности к западу от Карокурума как об усуньской земле, а в «Мэ-гу-ю-му-цзи» упоминается город Чи-шань-чэн в Хангае, который когда-то был резиденцией Усунь [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 100]. Н. А. Аристовым несколько раньше высказывалась гипотеза о том, что усунь первоначально рассеялись по обе стороны Монгольского (Гобийского) Алтая [Аристов, 1904. С. 7–8] (цв. вклейка, рис. 4, 34).

Таким образом, очерчивается довольно обширный регион первоначального обитания усуней. Он охватывает западную Монголию на севере и юго-восточный Туркестан на юге. Вряд ли вся эта территория могла являться огромной пастбищно-кочевой провинцией, в рамках которой происходили сезонные перекочевки усуней, тем более, что она разгораживается Монгольским Алтаем.

Следует отметить, что в списке народов, первоначально завоеванных Модэ, усунь не упоминается, из чего следует вывод: либо на данном этапе это было незначительное племенное образование, либо, скорее всего, они находились вне зоны досягаемости хуннов.

Усунь начинают играть активную внешнеполитическую роль по мере того как происходит вытеснение юэчжей из Няншаньского нагорья. Этот процесс растянулся почти на сорок лет до 165 года до н. э., когда сын Модэ Лао-шань шаньюй окончательно разгромил и изгнал юэчжей [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 100]. Вероятнее всего, с этого времени усунь и занимают территорию близ озера Баркуль в непосредственной близости от юэчжей, которые переселились в район между Тарбагатаем и долиной реки Или. С этого времени начинается длительная борьба между усунями-ассианами и юэчжами за господство над южным Туркестаном, о чем сообщал Помпей Трог. Борьба эта заканчивается окончательным вытеснением юэчжей из долины реки Или и переселением усуней в Притяньшанье.

К какому времени можно отнести это событие? По всей видимости, оно произошло в промежутке между 139 и 128 годами до н. э. Такой вывод позволяют сделать сведения, сообщенные китайским советником Чжан-Цяном. Когда в 139 году до н. э. он выступил из Китая, юэчжи еще не владели Илийским краем, но спустя десять лет он нашел эту местность уже занятой усунями, а юэчжей обнаружил дальше на юго-западе между Зеравшаном и Оксом (Аму-Дарья).

Тяньшаньские территории усунь охватывали бассейны рек Нарын, Чу, Или и Бороталы, а на севере упирались в Тарбагатайский хребет. В это время усунь непосредственно граничат с хуннами на востоке. В «Мэн-гу-ю-му-цзи» говорится, что в урочище Хобоксари сходились границы хунну и северных усуней [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 101].

Вероятно, исход усуней захватил и племена ассов и ассианов, которые, по мнению В. И. Абаева, являются аланами [Абаев, 1949. С. 41]. Такой вывод позволяют сделать уже приводимые упоминания Помпея Трога, об усунях-ассианах, победивших юэчжей и тохаров [Скрипкин, 1997. С. 29].

Однако на этот счет существует еще одно предположение. Анализ письменных источников из Восточного Туркестана позволил некоторым исследователям прийти к выводу, что иероглиф слова «юэчжи» в современном китайском произношении в ханьскую эпоху читался как «арси», то есть «народное имя». Интересно, что в этом слове достаточно близко угадывается сарматское название *abiōi* (аорсы) — Страбона и асии — Помпея Трога [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 91].

В этой связи достаточно трудно сказать, были ли асии собственно юэчжами либо какими-то из племен, входившим в ираноязычную юэчжейскую конфедерацию, на определенном этапе присоединившимся к усуням против собственно юэчжей.

На наш взгляд, асии-асианы, вероятнее всего, контактировали как с юэчжами, так и с хуннами, ибо их восточнотуркестанские кочевья находились между усунями

и юэчжами. Причина исхода усуней и асиев из джунгарских степей во второй половине II века до н. э. не совсем понятна. Внешнеполитические условия для них складывались относительно благоприятно: юэчжи были побеждены и изгнаны, хунны — настолько ослаблены, что позже удалось даже предпринять на них серию набегов. Тем не менее, наблюдается общая инфильтрация сармато-аланского населения из восточного крыла большого туркестанско-прикаспийского ареала «Азиатской Сарматии» (цв. вклейка, рис. 4, 18–26). Если в раннесарматское время, в период сложения прохоровского населения, Северо-Западный Казахстан, Южный Урал, Нижнее Поволжье были подвержены сармато-массагетскому воздействию населения западной части этого ареала, то с конца III века до н. э., особенно во II веке до н. э., эти районы испытали на себе прямое воздействие населения восточного крыла ареала «Азиатской Сарматии», что и отразилось в формировании характерных комплексов позднепрохоровского времени.

Судя по всему, инфильтрация кочевников сармато-аланской волны шла постепенно. Вначале, вероятнее всего, на самом раннем этапе — IV–III века до н. э., ими были дисперсно заселены районы Центрального и Северного Казахстана. Затем, по мере исхода прохоровцев (верхних аорсов), сармато-аланы осваивают урало-аральскую пастбищно-кочевую провинцию, после чего в китайских источниках, в частности в Ши-Цзи, появляется упоминание о стране Янцзяй (II век до н. э.) к северо-западу от Арала [Толстов, 1948. С. 24] (цв. вклейка, рис. 4, 24–26).

Поскольку сведения Ши-Цзи достаточно условны и указывают лишь направление и общее расстояние до начала владений Янцзяй, то можно лишь предположительно оконтурить границы этого этноплеменного объединения. Вероятнее всего, на севере они простирались до Южного Урала, на юге — до границ с Хорезмом, где исследованы совершенно идентичные с зауральскими и северо-казахстанскими погребальные комплексы в могильниках Тузгыр и Тумек-Кичиджик [Лоховиц, Хазанов, 1979; Лоховиц, 1979] (цв. вклейка, рис. 4, 22). Правда датируются они немного более поздним периодом — I веком до н. э. — I веком н. э. Однако все основные черты погребального обряда (небольшие курганные насыпи, подбои, торцовые катакомбы, южная ориентировка погребенных) и характерный набор вещевого инвентаря (кинжалы и мечи без перекрестия или с кольцевым навершием, костяные накладки сложносоставного лука, трехлопастные черешковые наконечники стрел, цилиндрические или квадратные курильницы, зеркала с валиком по краю, кувшины с раздутым туловом и отогнутым венчиком и др.) [Лоховиц, Хазанов, 1979. Табл. IV, 1–7, 13–18; VI, 14; VII, 1–16; VIII, 1–3; Лоховиц, 1979. Табл. III, 1–10; IV, 13, 14; V, 1–4; VI, 6–8; VIII, 1] позволяют считать их бесспорно единокультурными с североказахстанскими и южноуральскими, а также некоторыми нижневолжскими комплексами II века до н. э. По всей видимости, южные районы Аму-Дарьинской дельты были освоены или захвачены этим населением на следующем этапе, когда шло его активное давление и в северо-западном направлении на районы Нижнего Поволжья. На этом этапе в Приаралье происходят процессы, вероятно очень схожие с инфильтрацией прохоровского населения из Приуралья в Нижнее Поволжье и Волго-Донье. Территория Янцзяй к середине I века н. э. переименовывается в Аланья [Скрипкин, 1997. С. 31–32].

Исход усуней в Притяньшанье являлся лишь одной из фаз северо-западных миграций населения Восточного Туркестана. Общая дестабилизация хуннской империи на юге Монголии и в Ордосе, вызванная усилением Китая в период правления императора У-ди (140–87 годы до н. э.), привела к тому, что хунны были вытеснены не только из Гансуйского коридора, но и из Ордоса (127 год до н. э.). Империя хунну раскололась на две части: Восточный Шаньюй переносит свою ставку к северу от современного Гуй-хуа-чэна; Западный Шаньюй перемещается в освобожден-

ные от усуней территории Баркульской долины, где его и застает китайский полководец Ли-Гу-ан-Ли в 99 году до н. э. [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 109].

Бесспорно, на общую дестабилизацию обстановки в Восточном Туркестане повлияли походы китайской армии на Давань (104–100 годы до н. э.), в результате которых войсками У-ди были захвачены узловые районы Чеши. Это не могло не сказаться на всей хозяйственно-экономической основе кочевой империи. Изменение территорий пастбищно-кочевых провинций, потеря контроля над торговыми маршрутами, переизбыток родовой элиты неизбежно привели к внутренней междоусобице, к гражданской войне и ослаблению империи. Основной зоной борьбы становятся западные и северо-западные районы империи. Это было связано с тем, что хунны были вынуждены отражать здесь набеги сепаратистки настроенных усуней и динлинов. Вероятно, их сопротивление становилось более упорным в связи с началом продвижения хуннов в юго-восточный Туркестан (на рубеже II–I вв. до н. э.) и Тувы (походы Чжи-чжи в середине I века до н. э.). Кроме того, в первой половине I века до н. э. разгорается война за господство в Турфане, которую вели, с одной стороны, хунны и чешинцы, с другой — Хань. Несмотря на то, что она закончилась в 63 году до н. э. победой хуннов, китайцы, покидая Чеши, «не оставили в нем камня на камне, а население увели с собой в Кюйли» (владения, лежащие по Тариму к западу от Кучи) [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 116].

Данные события в определенной мере подтверждаются археологическими материалами. Так, погребальные комплексы, исследованные в близи Турфанского городища Чжаохэ, относящиеся к самому раннему (позднешаньскому) горизонту существования города, резко отличаются от последующих суньских и танских катакомбно-склеповых гробниц. Они представляют собой некрополи с простыми или подбойными прямоугольными могильными ямами, в которых погребенные уложены в большинстве случаев, головой на запад и северо-запад, хотя встречается и положение погребенных головой на север. Высокие горшки с округлым туловом, высокой шейкой и отогнутым венчиком, имеющим насечки по верху, из этих комплексов также характерны для гунно-сарматских памятников урало-казахстанских степей. Прочий инвентарь (костяные накладки на лук «гуннского» типа, ханьские зеркала, трехлопастные железные наконечники стрел, зооморфные пряжки «ордосского» типа и костяные пряжки) в целом представляют типовой набор комплексов хунно-гуннского и усуньского круга [Ванг Бинхуа, 2001].

Вероятно с этого времени и до полного их исхода после нашествия Таншихая в середине II века н. э. Восточный Туркестан, как и юг Сибири, стал зоной стратегических интересов Северных хуннов. Здесь, на территории Джунгарии и южной Тувы, происходит активная сарматизация хуннского населения. Археологически это выразилось в сложении на территории Тувы и Забайкалья хунно-сарматских памятников шурмакской и кокельской культур (I век до н. э.—V век н. э.) (цв. вклейка, рис. 5, 1–7). Происходит окончательная унификация хуннского (возможно, хунно-сарматского) ИКК, что выразилось в уменьшении размеров курганных насыпей, упрощении погребальной камеры и деревянных конструкций. Набор вещевого инвентаря качественно изменяется лишь в комплексе вооружения, где увеличивается общее количество наконечников стрел и появляется множество их новых типов (боеголовковые, четырехгранные, листовидные), а также растет значение вооружения ближнего боя (палаши, копья) [Худяков, 1986. С. 84].

При этом по мере утверждения северных хуннов, которые составляли, очевидно, западную часть большого хуннского союза племен, в Восточном Туркестане и переноса их кочевий в Джунгарию с I века до н. э., вероятнее всего, идет активная миграция сармато-аланского населения в Центральный Казахстан и далее на Южный Урал и в Нижнее Поволжье. По всей видимости, активный приток этого насе-

ления в I веке до н. э. – I веке н. э. и сыграл основную роль в формировании культуры среднесарматского (сусловского) этапа, в памятниках которого окончательно утвердились восточные черты в погребальном обряде и вещевом инвентаре. В этнополитическом плане произошедшие изменения нашли отражение в переименовании страны Янцзяй в Аланья.

Завершающим аккордом сармато-аланского исхода стали события второй половины I века н. э., когда после вторичного распада хуннской империи на арену выходит новая внешнеполитическая сила — сяньби.

В 87 году н.э. сяньбийцы наносят северным хуннам жестокое поражение в пределах Центральной Монголии. В решающем сражении гибнет шаньюй Юлю. После этого с 91 года н. э. основная зона кочевий хуннов, которая включала в себя и Халху, переходит сяньбийцам (цв. вклейка, рис. 5, 1). Воспользовавшись данной ситуацией, объединенные войска южных хуннов и Китая довели до конца разгром северных хуннов в пределах Монгольских степей. В 91 году н. э. северные хунны были вытеснены в Восточный Туркестан вплоть до предгорий Тарбагатай [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 131]. С этого периода империя монгольских хуннов прекратила свое существование.

Таким образом, трехсотлетняя история хуннов в пределах Центральной Азии всколыхнула весь мир кочевников, обитавших на необъятных просторах монгольских, джунгарских, южносибирских и казахстанских степей. Пришли в движение гигантские степные и предгорные социокультурные ареалы Большой Монголии, Среднеазиатского и Прикаспийско-Туркестанского региона. Своеобразным историческим генератором этого движения выступали именно хунны-сюнны на протяжении всей своей центральноазиатской истории. При этом динамические импульсы возникали до самого конца их деяний: будь то набеги и нашествия первых шаньюев, междоусобицы и гражданские войны или финальный исход вначале в Восточный Туркестан, а после в казахстанско-уральские степи.

Северные хунны после исхода из монгольских степей чуть более чем на полвека задерживаются в джунгарских степях Восточного Туркестана, окончательно вытеснив оттуда усуней, сармато-аланов и, быть может, остатки юэчжей-кушан (цв. вклейка, рис. 4, 28; 5, 26–30, 38). Достаточно сложно говорить о сармато-аланском компоненте в материальной культуре восточно-туркестанского кочевого населения в связи со слабостью археологической источниковедческой базы. Можно выделить лишь единичные комплексы сармато-аланского облика среди памятников притяньшаньских усуней. Так, среди материалов могильника Кызыл-Кайнар (Киргизский Алатау) исследован отличающийся от всех остальных комплекс из кургана 16. Погребение совершено в узкой подпрямоугольной могильной яме под каменной насыпью. Погребенный ориентирован головой на юг. Из этого погребения происходят два больших вытянутых пропорций плоскодонных сосуда горшечной формы с раздутым туловом, которые чрезвычайно сильно отличаются от усуньских [Максимова, 1972. С. 131–133. Рис. 3, 4].

Среди погребений III–VII вв. восточнотуркестанского могильника Астана выделяется немногочисленная группа небогатых захоронений, совершенных в простых прямоугольных или подбойных могильных ямах. Погребенные в них лежали головой на юг [Лубо-Лесниченко, 1984. С. 109. Рис. 20]. Этим комплексам очень близки погребения из могильников карабулакской и ворухской культур (I–IV вв. н. э.) Ферганской долины. Они также совершены в прямоугольных подбойных могильных ямах, а погребенные уложены головой на юг. Характерной деталью сближающих эти погребения с астанинскими являются деревянные столики, маски и шелковые наглазники [Заднепровский, 1992. С. 91. Рис. 16, 18–20, 34].

Таким образом, события, связанные в конечном счете с распадом хуннской

империи в I веке н. э., кардинально перекроили этнокультурную карту не только Средней Азии и Казахстана, но и восточно-европейских степей.

3.3. Хуннская империя и Север. Северные миграции кочевников Монголии и Северо-Западного Китая начинаются с III века до н. э., с оттока в Ачинско-Мариинскую и Минусинскую котловины и на Алтай части смешанного населения, основу которого составили, вероятно, гянгунь (цв. вклейка, рис. 4, 48, 35, 36). Со II века до н. э. в Минусе и на Среднем Енисее прекращает существование тагарская культура и появляются памятники тесинской и шестаковской культур, которые можно связать с этой миграционной волной. Тесинскую культуру характеризуют индивидуальные погребения в срубах, в простых могильных ямах или ямах с подбоем. Погребенные ориентированы головой в восточный сектор. Характерным элементом погребальной обрядности является частое отсутствие в отдельных погребениях керамики. Вещевой инвентарь в целом имеет хунно-сарматский облик (кинжалы с кольцевым навершием, круглые пряжки без язычка, сложносоставной лук, трехлопастные железные и костяные наконечники стрел) [Комплекс археологических памятников..., 1979. С. 79; Худяков, 1986. С. 63; Мартынов, 1996].

Своеобразно данный миграционный ареал очерчивают зооморфные бронзовые накладки и бляхи ордосского типа со сценами терзания из случайных находок шестаковских памятников. Зона их распространения охватывает значительный район бассейна среднего течения Енисея и территорию канско-ачинской лесостепи [Дэвлет, 1980. С. 16. Рис. 8]. Эти оригинальные предметы, вероятно, маркируют расселение племен Северо-Западной Монголии и Восточного Туркестана, находившихся в орбите хуннского культурного влияния. Аналогичная ситуация складывается на Алтае, где хуннское влияние проявляется в появлении деревянных пластинчатых пряжек, копирующих ажурные бронзовые прототипы [Кубарев, 1987. С. 76–77]. Как известно, этот район соотносится с ареалом пазырыкской культуры, но к концу III–II веку до н. э. она либо прекращает, либо приостанавливает свое развитие. Однако сохранение пусть и немногочисленных постпазырыкских переходных комплексов буланкобинского и берельского типов и последующая их трансформация в памятники катандинско-кудергинского типа указывает на то, что данные процессы являются этапами единого возможно тюрко-телеского этногенеза. Пазырыкская, так же, как и тагарская, культура на первоначальном этапе своего развития входила в единый пласт культур европеоидного южносибирского населения, которое, по мнению Д. Г. Савинова, связывается с культурной общностью погребений с каменными конструкциями (в каменных ящиках, склепах и грунтовых могилах с каменными покрытиями) и носит собирательное название «динлин» [Савинов, 1994. С. 9–10]. Изменения, которые начинают происходить в Минусе и на Алтае, и логика последующих культурногенетических преобразований (распространение восточных ориентировок, индивидуальных погребений, захоронений с конем, исключение керамики из погребальной обрядности) указывают на то, что эти районы были подвержены наиболее ранней тюркизации и телесизации со стороны предположительно гянгуней. Одновременно фиксируется процесс интенсивной монголоизации населения [Алексеев, 1975. С. 176–178].

Земли гянгуней или страна Гянгунь большинством авторов соотносятся с территорией древней тюркской прародин, так как и само название «гянь-гунь» есть разновременный фонетический вариант названия кыргыз [Бартольд, 1963. С. 477; Киселев, 1951. С. 560–561; Кызласов, 1979. С. 164–165; Савинов, 1994. С. 10–12; Яхонтов, 1970]. Месторасположение гянгуньского этноплеменного пратюркского ядра выявить сегодня довольно сложно. Наиболее убедительной на данный момент нам кажется точка зрения Л. А. Боровковой, которая помещает легендарных тюрков (род Ашин) в предгорьях Карлыктага к северо-западу от Турфана [Боровкова,

1992. С. 91–93]. Однако, как нам представляется, с установлением восточнотуркестанских пастбищно-кочевых провинций, в пределах которых впоследствии пролегли маршруты миграций, расселение гянгуней охватило значительные районы Джунгарии и Южной Сибири.

В этой связи интересные сведения содержатся в упоминании Бань-Гу о новой ставке Чжичжи, которая располагалась в 49 году до н. э. в 5000 ли (2 тыс. км) к северу от Чеши в стране гянгуней. Существует мнение, что данные сведения неточны и полулегендарны [Савинов, 1994. С. 8]. Однако, учитывая что в этот период Переднее Чеши находилось под полным китайским влиянием и там присутствовали советники «духу», эта информация, безусловно, носила стратегический характер. Бесспорно и то, что в районе Турфана существовало ответвление от основной артерии торгового пути, ведущее на север. Следовательно, расстояние и направление от Чеши до ставки Чжичжи должны были быть указаны точно. С учетом местности, а также разницы ханьского дорожного расстояния с современным*, наиболее вероятным районом ставки Чжичжи является область юго-восточного Алтая и, возможно, юго-западного Саяна (к северу от Передней Чеши). Как известно, данные районы активно осваивались хуннами. С учетом уточненной датировки наибольший расцвет хунно-сарматской шурмакской или кокальской культуры падает именно на I век н. э. – V век н. э. [Николаев, 1996. С. 49–51; Кызласов, 1976. С. 80]. По всей видимости, Южная Тува не просто была завоевана хуннами, а активно осваивалась, с одной стороны, как территория, входящая в зону зимовий тувинско-западномонгольской пастбищно-кочевой провинции, а с другой, как наиболее безопасный район в тех сложнейших внешне- и внутривосточных условиях, в которых находился шаньюй-самозванец Чжичжи и хунны в последующий период.

Если учесть близость Южной Тувы к Русскому Алтаю, окажется, что расселение гянгуней в это время действительно приходится на территорию, ранее занимаемую населением пазырыкской культуры. Вероятнее всего, тюркизация, а точнее телесизация пазырыкских племен начинается на самом позднем этапе их существования — с конца III века до н. э. Именно с этого времени, на шибинском этапе, наибольшее распространение получают погребения с конем, восточная ориентировка покойников, новые формы керамики (сосуды с биконическим туловом и расширенным горлом, горшки с отверстиями для хранения сыпучих продуктов) и металлического инвентаря (ножи с кольцевидной рукоятью или изогнутым серповидным лезвием, медалевидные зеркала, бляшки-зеркала с петелькой в центре и др.) [Кубарев, 1987. С. 134–135]. Наиболее ярко культурные трансформации прослеживаются в памятниках буланкобинского, раннекатандинского и берельского типов.

Активнейшим образом в этот период идет процесс тюркизации и в пределах восточных районов Минусы и Кузнецкого Алатау. По мнению Э. Б. Вадецкой, приток сюда инокультурного населения также идет с юга, с Саян [Вадецкая, 1999. С. 181]. Изменения в Минусе и Кузнецком Алатау не заканчиваются только тесинскими инновациями. В I веке до н. э. складывается таштыкская культура. Археологически это выразилось в появлении традиции создания грандиозных по размерам и сложности многоразовых склепов внутри больших прямоугольных оград и широким распространением обряда трупосожжения, большей монголоизации антропологического облика населения. Эти инновации рядом авторов связываются с миграционным импульсом, вызванным южносибирскими походами Чжичжи в 49 году до н. э. [Киселев, 1951. С. 581; Кызласов, 1960. С. 164–165], результатом которых стало переселение гянгуней в Минусу из районов Верхнего Енисея (цв. вклейка, рис. 4, 8). На наш взгляд, учитывая, что тенденция северных миграций населения турке-

* Ханьское дорожное расстояние длиннее дорожного расстояния конца XIX века на 20%, а по сравнению с современным трактовым расстоянием это расхождение составляет 30% [Боровкова, 1989. С. 23].

станско-западномонгольских степей в Саяно-Алтайские предгорья сложилась гораздо раньше, было бы не совсем правильно считать, что причиной данного миграционного процесса были лишь походы Чжичжи. Тем более, принимая во внимание сложнейшие внешнеполитические условия, в которых находился Чжичжи в этот момент, что походы его, как представляется, больше носили характер единоразовых набегов. Последующее бегство опального шаньюя в южноказахстанские степи сводило результат его северных походов к нулю.

Причин переселения целого этноплеменного гяньгуньского ядра (со значительной долей родовых аристократических кланов), скорее всего, было несколько. Во-первых, на I век до н. э. падает завершающая фаза локального скачка аридизации Евразийских степей [Крадин, 1995. С. 164]. Во-вторых, как уже отмечалось, к этому времени происходят усиление позиций Хань в Восточном Туркестане и последующая оккупация им Переднего Чэши. В-третьих, к 70-м годам I века до н. э. западные народы во главе с усунями (в числе которых, вероятно, были и гяньгуни) наносят хуннам поражение и впоследствии становятся независимыми от них. Разгоревшаяся в это время в хуннской империи гражданская война позволяла ранее зависимым племенам не только беспрепятственно перемещаться в пределах территорий, прилегающих к Монголии, но и перераспределять их.

Таким образом, в I веке до н. э. происходит окончательное сложение хакасо-минусинского тюркокультурного ареала, который получает в китайских хрониках название «страна Хагас». Вероятно, именно к этому периоду и относится упоминание: «хагас есть древнее государство Гяньгунь, жители (которого) перемешались с динлинами» [Бичурин, 1950. С. 350]. Однако из приведенного сюжета отнюдь не следует, что северное миграционное направление было представлено исключительно племенами гяньгуй. По всей видимости, они установили лишь общекультурную доминанту в Южной Сибири. В целом переселенческий пласт представлял собой сложную этнокультурную смесь, в которой определенную долю составлял и сармато-юэчжейский компонент.

При работе с материалами из личного архива Э. А. Новгородовой, ею было обращено мое внимание на интересные комплексы из Северо-Западной Монголии.* Они появляются на смену скифским памятникам Улангомского и других могильников в III веке до н. э. (вероятно, на рубеже III–II вв. до н. э.). Э. А. Новгородова связывала их с миром хуннов Центральной Азии. Однако кроме определенной хронологической нестыковки (конец скифской эпохи в Северо-Западной Монголии происходит на рубеже IV–III вв. до н. э.) данные погребения содержат совершенно особый набор черт. Они совершены в прямоугольных и овально-прямоугольных могильных ямах. Это, как правило, индивидуальные погребения в деревянных гробах или в ямах с деревянными перекрытиями. Скелеты лежат вытянуто на спине (в отличие от скифских — полускорчено на боку) головой на юг. В головах устанавливалась глиняная посуда. К ним относятся 20 из 29 погребений Улангомского могильника, а также 20, 21, 22 курганы из могильника Нухтийн-Ам [Новгородова, 1989. С. 280; Novgorodova, Volkov, Korenevski und Mamonova, 1982. Add 32. P. 74–75]. Кроме всего, керамическая посуда, составлявшая основу небогатого вещевого материала этих погребений, представлена плоскодонными горшками с раздутым туловом и сосудами слабопрофилированной баночной формы. Наличие южных ориентировок погребенных в этих комплексах является весьма существенной чертой, отличающей их от раннехуннских, где северная ориентировка была абсолютно преобладающей уже на самом раннем этапе. Керамика этих погребений более близка среднеазиатским, нежели хуннским образцам. С определенной осторожностью эти комп-

* Выражаю глубокую признательность Элеоноре Афанасьевне Новгородовой и отдаю дань светлой ее памяти.

лексы можно отнести к центральноазиатскому населению сарматского облика, переселившемуся из восточнотуркетанских степей на север и северо-восток. О присутствии сармато-юэчжийского компонента в составе мигрантов свидетельствуют находки многочисленных «сарматских» (их изображения встречаются в Средней Азии и Причерноморье) тамг как в Западной Монголии, так и в поздненасырских памятниках [Вайнберг, Новгородова, 1976; Кубарев, 1987] (цв. вклейка, рис. 4, 27).

§ 4. Средняя Азия и Южный Казахстан во II в. до н. э. – IV в. н. э. Современная необъятная историографическая база, сложившаяся в результате многолетних исследований погребальных памятников последних веков до нашей эры юга Казахстана и Средней Азии, ставит перед исследователями сложнейшую задачу их классификации. Тем более, что отдельные типы памятников сосуществуют не только на сопредельных территориях, но и в единых некрополях. В рамках данного исследования нами предпринята попытка выделения отдельных историко-культурных комплексов (ИКК) и сопоставления групп археологических памятников и конкретных территорий их размещения.

За основу ИКК безусловно брались наиболее значимые, на наш взгляд, особенности погребального обряда и соответствующие им характерные элементы вещевого комплекса.

В определенной степени, данный подход не нов. Опыт региональной классификации погребальных памятников Средней Азии и сопредельных с ней районов уже предпринимался в обобщающих работах Ю. А. Заднепровского, Б. А. Литвинского, Н. Г. Горбуновой и других авторов [Заднепровский, 1975а; 1992; 1992а; 1992б; 1992в; Литвинский, 1967; 1972; 1976; Горбунова, 1984; 1991; Берлизов, Каминский, 1993]. В результате этих исследований к настоящему времени выделено большое количество различных групп и типов погребальных памятников по территориальному, хронологическому и культурному принципам.

Наиболее представленными являются памятники кенкольской группы или культуры (по А. Н. Бернштаму, Ю. А. Заднепровскому), каунчинско-джунской культуры (по Б. А. Литвинскому, М. Л. Левиной), сырдарьинско-ферганской группы (по Н. Е. Берлизову, В. Н. Каминскому), которые расположены на значительной территории: долина реки Талас, Кетмень-Тюбе, Ташкенский оазис, Фергана [Бернштам, 1940; Заднепровский, 1975а. С. 161–163].

Погребальные памятники этих культур и групп представлены катакомбами, у которых погребальная камера перпендикулярна длинному узкому дромосу. Погребенные в них уложены в деревянные гробы головой на ЗСЗ (Кетмень-Тюбе), восток (правобережье Сырдарьи, Ташкенский оазис), либо ориентировка их неустойчива (Таласская долина).

Многочисленны также погребальные памятники кара-булакской (карабулакско-ворухской) (по Ю. А. Заднепровскому) или кугайско-карабулакской (по Н. Г. Горбуновой) группы (Ферганская долина, Исфара) [Заднепровский, 1992. С. 91–93; Горбунова, 1984]. Для них характерны простые грунтовые могильные ямы или ямы с подбоем. Погребенные в них уложены головой на юг.

Особо выделяются памятники джунской (по Ю. А. Заднепровскому) или каунчинской (по Б. А. Литвинскому и Л. М. Левиной) культуры (Ташкенский и Самаркандский оазисы, Чардара) [Литвинский, 1967; Левина, 1971], в рамках которой выделяются и памятники арысьской культуры (правый берег среднего течения Сырдарьи) [Байлаков, Подушкин, 1989]. В эту группу входят разнотипные памятники, среди которых преобладают курганы с катакомбами кенкольского типа (погребальная камера перпендикулярна длинному узкому дромосу). Ориентировка погребенных либо головой в восточный сектор, либо неустойчивая.

Отдельно выделяются памятники лявандакской группы (по Ю. А. Заднепровскому, О. В. Обельченко, Н. Е. Берлизову, В. Н. Каменскому), (Ташкентский [Шаушукумский] могильник, катакомбы 2-го типа) и Бухарский оазисы, Южная Туркмения, Хорезм), которую составляют курганы с торцевыми продольными катакомбами, подбойными и простыми могильными ямами и южной ориентировкой погребенных [Заднепровский, 1975а. С. 161–163; Обельченко, 1961; Берлизов, Каминский, 1993].

Значительно число комплексов тулхарской (по Ю. А. Заднепровскому), юэчжийской (по О. В. Обельченко, А. М. Мандельштаму) групп или кушанских памятников (по Ю. А. Литвинскому, А. В. Седову), исследованных в Бухарском и Самаркандском оазисах, Таджикистане и в Южной Фергане. Их характеризуют каменные курганы с подбойными могильными ямами и ориентировкой погребенных головой в северный сектор [Заднепровский, 1975. С. 163; 1975а. С. 294; Литвинский, Седов, 1989; Мандельштам, 1975; Обельченко, 1974].

Еще одна группа захоронений под каменными и земляными курганами в простых или подбойных могильных ямах и ориентировкой погребенных головой на запад получила название айгырджанская или чильпекская (по Ю. А. Заднепровскому). Памятники этой группы исследованы в пределах Семиречья и Северного Тянь-Шаня [Воеводский, Грязнов, 1938; Заднепровский, 1975а. С. 163–165].

И, наконец, большая, но более локализованная джетыясарская группа (по Ю. А. Заднепровскому) или джетыясарская культура (по Л. И. Левиной) в Восточном Приаралье и долине Кувандарьи, которую составляют в основном сырцовые прямоугольные многоразовые склепы и земляные курганы с простыми либо подбойными могильными ямами с индивидуальными захоронениями, где погребенные ориентированы головой в северный сектор [Заднепровский, 1975а. С. 164; Левина, 1994; 1996].

Не столь многочисленную группу составляют погребальные комплексы, представляющие собой каменные наземные склепы (мухгоны) северо-западной Ферганы, подземные склепы Ангрэн-Ташкенского оазиса и глинобитные склепы типа наус Ташкенского оазиса. В эту же группу включаются и кольцевые каменные насыпи, и каменные ящики (Южбок, Касвир, Даран–Абхарв, Беляш–Киик–Памир) [Литвинский, 1972; Максимова, 1972; Буряков, 1968; Бабаев, 1973]. Однако памятники этой группы территориально не обособлены и, по всей видимости, несут на себе традиции предшествующего населения древнесакского облика.

Попытаемся более подробно рассмотреть обозначенные группы и комплексы, их составляющие. В целом, появление означенных памятников падает на последние века до нашей эры (меньшая часть на более ранний период). Однако, абсолютное большинство комплексов кочевнического облика в Средней Азии и Казахстане появляется в первых веках нашей эры и продолжает существовать до IV–V вв. Сравнительно большее количество памятников II века до н. э. – I века н. э. представлены лявандакской, тулхарской и чильпекской группами.

4.1. Памятники лявандакской группы (юэчжийско-сарматский ИКК). Эти памятники занимают северную и западную периферию среднеазиатских оазисов: Киргизский Алатау и Фергана (Кызыл-Кайнар, Берккара II, Исфаринские, Кувинские, Кенсай, Кара-Булак), Ташкенский оазис (Дурмень, Кульбулак, Шаушукум – катакомбы II типа и погребения в могильных ямах), Самаркандский и Бухарский оазисы (Агалыксайский, Лявандакский, Шахсенем, Куюмазарский), Хорезм (Туз-Гыр, Тумек-Кичиджик, Тайкыр, Ясы-Гыр), Южный Туркменистан (Пархай, Хас-Кяриз, Кызыл-Чашма, Мештерхазинский) (цв. вклейка, рис. 2, 1). Данный историко-культурный комплекс составляют небольшие курганные могильники из земляных курганов, расположенных цепочками. Под насыпями выявлены простые прямоуголь-

ные и подбойные могильные ямы, а также продольные торцовые катакомбы с погребальными камерами, примыкающими к северной или южной стенке входной ямы. Захоронения, как правило, индивидуальные. Объединяющей чертой памятников этой группы является южная ориентировка погребенных (рис. 18, 1, 2, 18, 25, 26, 45–47, 63, 64, 78–80, 101–103, 110), а также хронологически и культурно единый вещевой комплекс, включающий мечи и ножи с прямым перекрестием и кольцевым навершием или без него, трехлопастные наконечники стрел с треугольной головкой и коротким черешком, зеркала с валиком по краю диска, костяные накладки сложносоставного лука, цилиндрические или квадратные курильницы, керамический комплекс, состоящий из узкогорлых кувшинов с шаровидным или раздутым туловом, фляг, горшков с округлым туловом и отогнутым венчиком (рис. 18, 3–17, 19–24, 27–44, 48–62, 65–77, 81–100, 104–109). Вещевой набор в большинстве своем позволяет датировать эти комплексы с конца III века до н. э. до рубежа эр. Целесообразность объединения в единый ИКК погребений в простых, подбойных или катакомбных могильниках объясняется тем, что многие из них встречаются в единых некрополях и сопровождаются сходным вещевым материалом (см., например: Туз-Гыр, Тумек-Кичиджик, Ясыгыр в Хорезме (рис. 18, IV) [Лоховиц, 1979; Лоховиц, Хазанов, 1979; Вайнберг, 1979]; Лявандакский и Аргалаксайский могильники в Самаркандском и Бухарском оазисах [Обельченко, 1961; 1967] (рис. 18, III), Шаушукумский – катакомбы II типа подбойные и простые ямы – в Ташкенском оазисе (рис. 18, I) [Максимова, Мерсчиев, Вайнберг, Левина, 1968. С. 205–250]). По характеру погребальных сооружений (небольшие курганные могильники, индивидуальные захоронения) территориям, которые они занимают (степное пограничье оазисов), и набору вещевого инвентаря (мечи, луки, стрелы, керамика, курильницы) эти памятники бесспорно принадлежат кочевому населению.

По всей видимости, среднеазиатские и южноказахстанские комплексы данного облика своеобразно очерчивают южные границы большого сарматского ареала, который охватывал в конце III–II веке до н. э. Казахстан (от Урала до Иртыша), Южный Урал и Поволжье.

Наибольшая плотность памятников этого ИКК фиксируется в Южном Приуралье и примыкающих к нему районах Западного Казахстана [Скрипкин, 1990. С. 184]. Своеобразный очаг позднепрохоровской культуры образуют здесь многочисленные курганы илекской группы (Покровка 1, 2, 7, 8, 10; Мечетсай; Увак) [Смирнов К. Ф., 1975. С. 65, 71, 87, 89, 101. Рис. 20, 23, 27, 28, 34, 6–9; Веддер и др., 1993; Яблонский и др., 1996] (рис. 19, III). При этом, как уже отмечалось выше, основные черты данного ИКК складываются здесь в конце VI–V вв. до н. э. В V–IV вв. до н. э. подбойные захоронения в вытянутых подпрямоугольных ямах получают наибольшее распространение. По данным С. Ю. Гуцалова*, из 179 погребальных комплексов этого периода, исследованных в пределах Западно-Казахстанского и Южно-Приуральского районов, 69 являются погребениями в могильных ямах с подбоем и южной ориентировкой захороненных.

Формирование этого комплекса на столь раннем этапе и дальнейшее его инновационное развитие при сохранении основных черт объясняется тем, что население, оставившее эти памятники, имело единый ареал существования, охватывающий Восточный Туркестан, Южный Урал, Поволжье и степи Восточной Европы вплоть до Дуная, в рамках которого происходило постоянное перемещение сарматского населения.

Курганы с торцовыми катакомбами появляются на рубеже III–II вв. до н. э. Причем появление их в южноуральских и западноказахстанских степях ознаменовалось внедрением нового вещевого комплекса явно восточного характера.

* Выражаю глубокую благодарность коллеге С. Ю. Гуцалову за предоставленные данные.

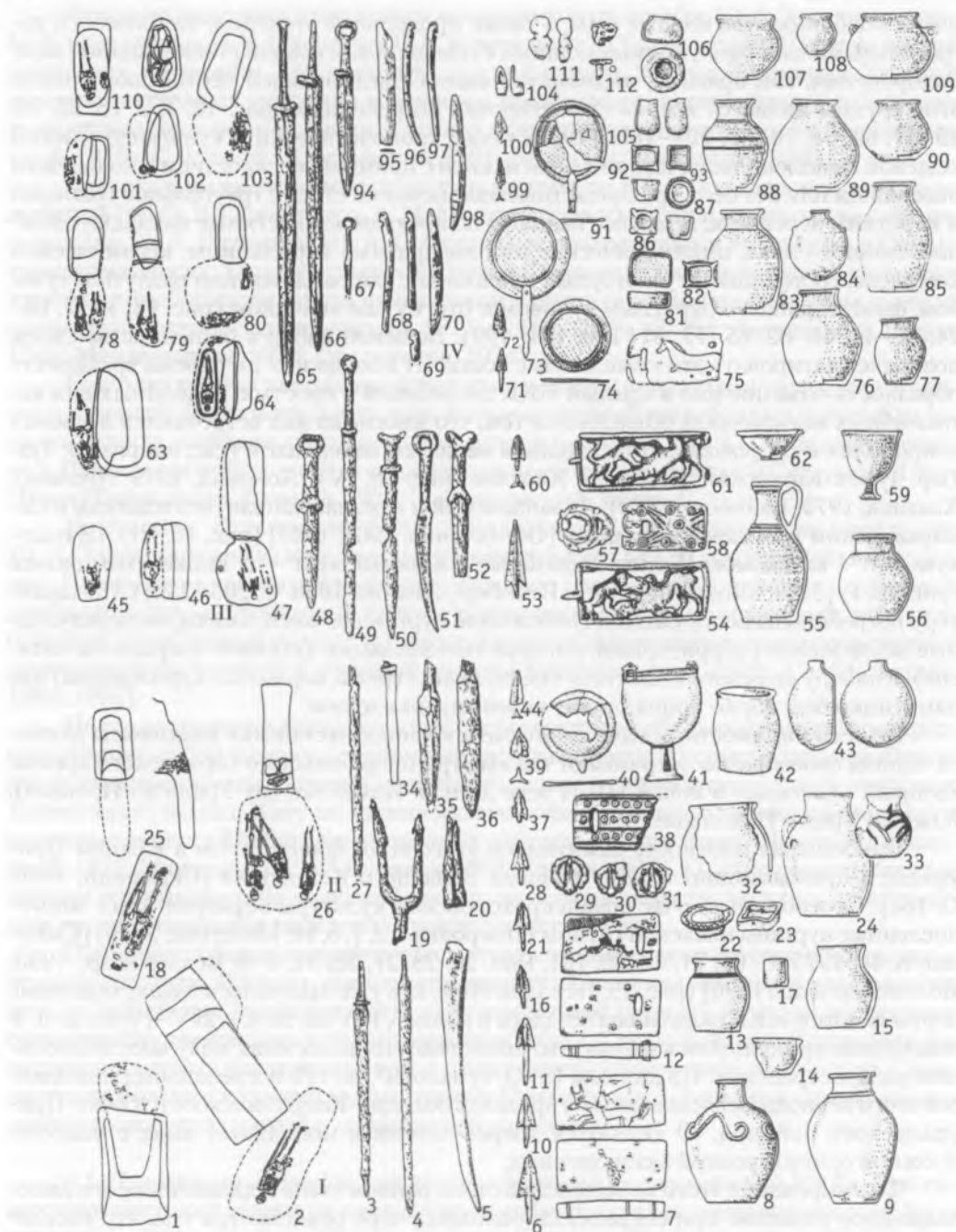

Рис. 18. Сарматско-Юэчжийский ИКК (Лявандакский). Fig. 18. The Sarmatian-Yuezhi HCC (Lyavandak).

I. Ташкентский оазис: 1–3, 18, 21, 28–31, 35, 41, 42 – Жаман-Тогай; 4, 19, 20, 22–25, 32, 33, 36, 38, 40 – Шаушукумский (катакомбы второго типа). II. Северная Парфия: 26, 34, 37, 39, 43, 44 – Мештерхазинский. III. Самаркандский, Бухарский оазисы: 45, 47 – Акжартепе; 46, 48, 51, 53–55, 58–60, 62 – Лявандакский; 49, 50 – Агалыксайский; 52, 56, 57 – Куюмазарский; 61 – Шахриварой. IV. Хорезм: 63, 66, 102; 110 – Гяур-4; 64, 65, 74, 79, 83, 88–90; 91–94 – 100, 104, 110 – Тумек – Кичиджик; 73, 75, 76–78, 80–82, 85–87, 92, 93, 105, 106 – Тузгыр. 1, 2, 18, 25, 26, 45, 46, 47, 63, 64, 78–80, 101–103, 110 – общие планы погребений; 3, 4, 6, 10, 11, 16, 19, 20, 21, 27–31, 34–37, 39, 44, 48–53, 57, 60, 65–72, 94, 99, 100 – железо; 5, 58, 68–70, 75, 92, 95–97, 7, 12 – смола; 8, 9, 13–15, 17, 22–24, 32, 33, 38, 42, 43, 55, 56, 59, 62, 76, 77, 81–90, 92, 93, 105–110 – керамика, 40, 41, 54, 61, 73, 74, 91, 104, 111 – бронза

Особым индикатором рассматриваемого ИКК являются прямоугольные ажурные пряжки ордосского типа и восьмерковидные пряжки с неподвижным язычком-шипом на рамке, характерные для Центральной Азии и Южной Сибири (Покровка 2, курган 17, погр. 2; Белокаменка, Донголюк, Ново-Калкашево, курган 2, погр. 5; Верхне-Погромное I, курган 4, погр. 4; Увак, курган 5; Мечетсай, курган 2, погр. 5; курган 3, погр. 11) (рис. 18, 7, 12, 54, 61, 75; 19, 21, 76, 80, 81, 96) [Акбулатов, 1998. С. 132. Рис. 5, 2, 3; Шилов, 1975. Рис. 396, 10; Скрипкин, 1997. С. 12; Смирнов К. Ф., 1975. Рис. 20, 3, 8; Рис. 34, 9; 28, 4, 5].

В этот период параллельно сосуществуют подбойные, катакомбные и простые могильные ямы с заплечиками. Таким образом, распространение подбойно-катакомбных комплексов за пределами Средней Азии своеобразно очерчивает расширение границ сармато-аланского очага не только на запад (в Поволжье и Подонье), но и на юг и юго-запад. На мой взгляд, с рубежа III–II вв. до н. э. мы имеем конкретные археологические данные, позволяющие говорить о складывании и функционировании в пределах Урало-Аральского региона полного цикла пастбищно-кочевой системы.

Анализ черт погребального обряда этого круга памятников позволяет сделать некоторые предположения, касающиеся развития данного историко-культурного комплекса.

1. Торцовые катакомбы (так называемого 2-го типа) нельзя рассматривать как проявление прямого и непрерывного развития катакомбного обряда погребений среди кочевников раннего железного века урало-поволжских степей в отличие от предшествующих катакомб скифского времени (так называемого 1-го типа). Они имеют несколько иную природу своего возникновения и развития. На их формирование, вероятно всего, большое влияние оказала традиция сооружения дромосных продольных усыпальниц, которая издревле существовала в северокитайских провинциях и Синьцзяне (рис. 25). Катакомбы же 1-го типа являются результатом прямого влияния скифской культуры и отражают то своеобразие форм этого обряда, которые демонстрируют катакомбы Северного Причерноморья [Гуцалов, 1998. С. 131; Ольховский, 1977].

2. Катакомбный обряд погребения, как один из признаков, характеризующих льявандакскую группу памятников, представлен наиболее ранним типом аланских катакомб, который спустя 200–300 лет получает свое развитие в среде полуседлого аланского населения Кангюй и Давань. Бесспорно, мы учитываем существенные конструктивные различия между ранними торцовыми и более поздними дромосными катакомбами, но некоторые факты позволяют сегодня делать такое предположение. Переходную форму между ними демонстрируют погребения из Мештерхазинского могильника в Северной Парфии. Здесь крупные овальные погребальные камеры также сооружались в южной торцовой стенке входной ямы. Дромос отсутствовал, а погребенные были уложены головой на юг. Вещевой инвентарь, обнаруженный в этих погребениях (мечи с прямым перекрестием, трехлопастные наконечники стрел с коротким черешком, гончарные фляги, кувшины) и датирующий комплексы рубежом эр, продолжает нести на себе черты восточносарматского (льявандакского) облика [Мандельштам, 1971. С. 66–72].

3. Дальнейшее развитие восточносарматских погребальных традиций происходит в среде населения Ферганы (Кара-Булак) и Ташкенского оазиса, где до I века н. э. сохраняется и обычай сооружений торцевых катакомб. Здесь они сосуществуют с катакомбами кенкольского типа, а также с подбойными и простыми прямоугольными могильными ямами при устойчивой южной ориентировке погребенных [Заднепровский, 1992. С. 91; 1992а. С. 104]. Вероятно, какая-то часть аланского населения до V–VI века н. э. продолжает оставаться в пределах Восточного Туркестана. Здесь в могильнике Астана наряду с дромосными катакомбами выяв-

лены погребения в подбоях с ориентировкой покойников головой на юг. Отметим также, что в этих комплексах наблюдаются яркие параллели в элементах погребального обряда и типах вещевого инвентаря с карабулакскими погребениями Ферганы. Это — деревянные лежа, гробы, шелковые наглазники, металлические маски, керамический комплекс (блюда, высокие кувшины). Все это указывает на сохраняющийся единокультурный характер населения, оставившего эти могильники [Синьцзян Каогу Саньши нянь, 1983. С. 64–81] (рис. 19, 38, 48–52, 75–79).

И, наконец, еще одно интересное наблюдение: памятники сармато-юэчжийского ИКК на степной периферии Средней Азии характеризуют приток нового в культурном смысле и простого по своему этническому составу юэчжийского населения в юго-западные провинции страны Янцзай. Этот инокультурный импульс усиливает движение большей части племен Сарматии. Приток юэчжийских племен приводит к установлению новой этнокультурной доминанты, которая окончательно оформляется с утверждением аланов в Западной Азии и Восточной Европе. Это отразилось и в переименовании страны Янцзай в середине I века н. э. в Аланья. Хотя, как нам представляется, новое название было с исторической точки зрения также достаточно кратковременным. По всей видимости, через некоторое время (50 лет) оно исчезает с этнополитических карт, что связано с оттоком аланов, «бывших массагетов» (маскутов), в Предкавказье в конце I века н. э. [Берлизов, Каминский, 1993. С. 108; Яценко, 1998. С. 86–95], после чего Приаральский регион вновь возвращает название Янцзай (Сутэ Янцзай).

Что это за население в историческом плане?

Для ответа на этот вопрос хотелось бы обратиться к проблеме месторасположения страны Янцзай. Основываясь на существенном уточнении данных Страбона, которые приводятся в работе С. И. Лукьяшко [Лукьяшко, 1984. С. 161–164], мы считаем, что памятники IV–III вв. до н. э. Западного Казахстана и Южного Урала соотносятся с аорсами или верхними аорсами. По мнению С. П. Толстова, китайские хроники младшего дома Хань помещали страну Янцзай к северо-северо-западу от Аральского моря и она является не чем иным, как страной аорсов античных источников [Толстов С. П., 1948. С. 21]. Б. И. Вайнберг, интерпретируя данные китайских источников, приходит к выводу, что местоположение Янцзай «определяется тем, что: а) оно «лежит» у северного моря, не имеющего берегов; б) к югу от него расположено владение аньси. Если учесть, что, согласно Чжан Цяню, от Юйтяна (Хотан), лежащей к востоку от Давани, реки текут на запад и впадают в западное море, которое он четко отличает от северного и другого западного (Средиземного), то следует сделать вывод, что Аральское море, куда впадают Сырдарья и Амударья, могло быть ему известно». Следовательно, северное море логично отождествлять с Каспием от полуострова Бузачи на востоке до дельты Терека на западе. Из этого очевидно, что Янцзай, согласно Чжан Цяню, логичнее всего располагается к северо-востоку от Каспия [Вайнберг, 1999. С. 267], что вновь соотносится со страной Верхних Аорсов.

Близкая точка зрения ранее была высказана В. Томашеком, А. Гутшмидтом и Ф. Хитром [Gutshmidt, 1888. Р. 69–70; Hirth, 1885. Р. 137; 1909. Р. 11]. Основывалась она на том, что Клавдий Птолемей восточную границу верхних аорсов определял на Нижнем Яксартаре. Однако эта точка зрения не получила поддержки. Более того, В. П. Шилов вообще пришел к достаточно категоричному выводу о невозможности филологического и исторического отождествления алан и аорсов, с одной стороны, и аорсов и янцзай — с другой [Шилов В. П., 1983. С. 40].

Основывался он при этом на мнении ряда европейских авторов [Teggart, 1939. Р. 201; Maench-Helfen, 1945. Р. 227; Enoki, 1959a. Р. 49]. Сегодня мы не можем согласиться с частью этого утверждения.

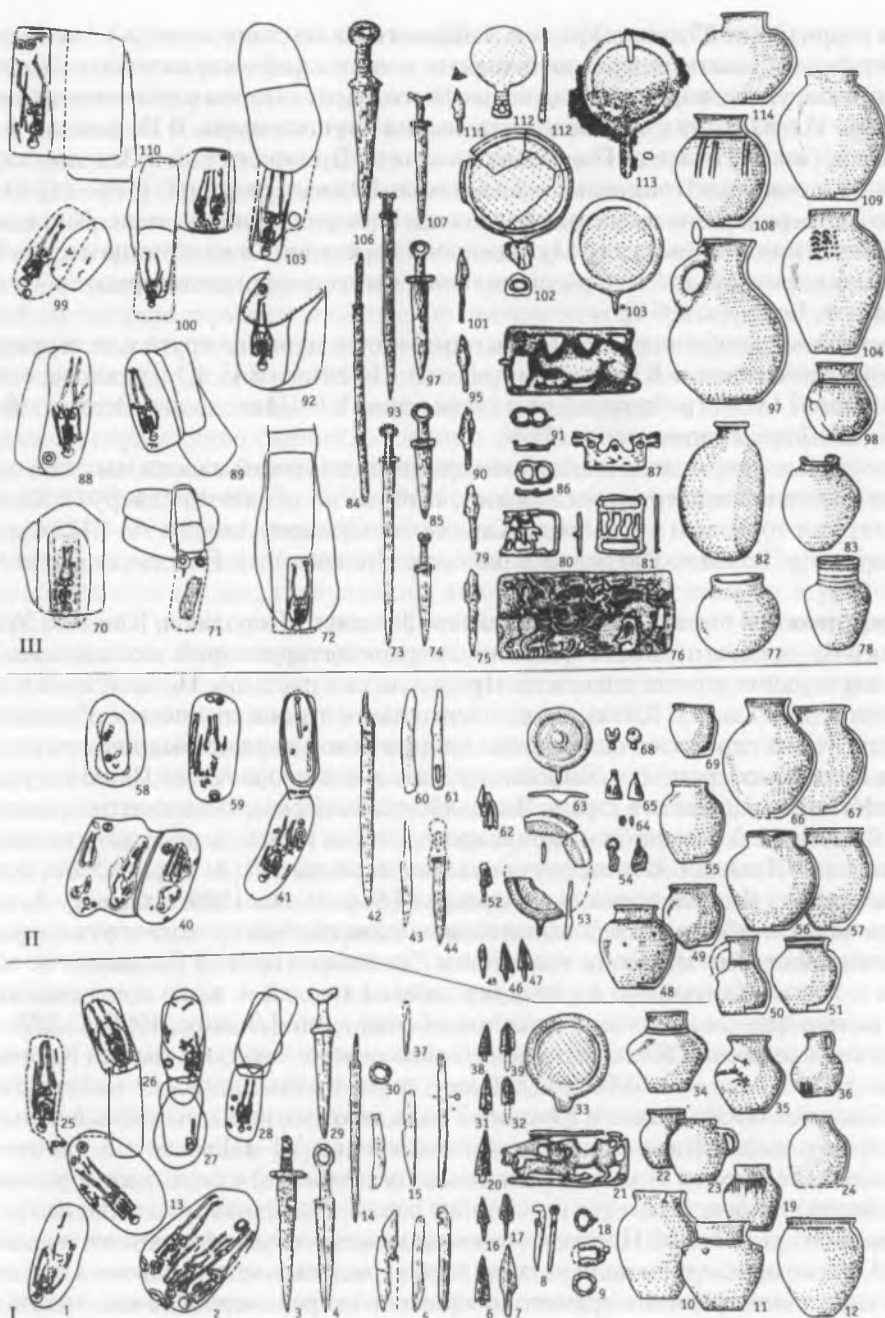

Рис. 19. Сарматско-юэчжийский ИКК (Лявандакский). Fig. 19. The Sarmatian-Yuezhi HCC (Lyavandak).

I. Казахстан: 1, 4, 18, 35 – Конурса; 2, 5, 10, 14, 16, 19, 24, 28 – Жабай-Покровка; 3, 6, 8, 26, 31, 38 – Жалтырь; 10, 11, 33, 37 – Петровка; 15, 22, 23, 25, 36 – Саргары; 12, 27, 29 – Берлик. II. Южное Зауралье: 40, 41, 45, 49, 52, 53, 56, 57, 60–69 – Солнце; 42–44, 46–48, 51–59 – Стрелецкое; 50, 54, 55, 58 – Лисаковский. III. Орь-Илекское междуречье: 70, 71, 78, 86 – Увак; 80–84, 88, 89, 91, 92, 98, 102 – Мечетсай; 76, 90, 97, 99, 107, 110, 113 – Покровка 2; 72–74, 93, 94, 103–106, 108, 109, 114 – Покровка 1; 79, 85, 112 – Покровка 7; 87, 100 – Покровка 8; 91, 96 – Ново-Калкашенский. 1, 2, 13, 25–28, 40, 41, 58, 59, 70–72, 88, 89, 92, 99, 100, 105, 110 – планы погребений; 3, 4, 6, 9, 14, 16, 17, 18, 20–22, 30–32, 37–39, 42–47, 52, 62, 73–75, 79, 84, 85, 90, 93–95, 101, 106, 107, 111 – железо; 5, 7, 8, 15, 60, 61, 87 – кость; 10–12, 19, 22–24, 34–36, 48–51, 55–57, 66, 67, 69, 77, 78, 82, 83, 97, 98, 104, 108, 109, 114 – керамика; 21, 34, 54, 63–65, 68, 78, 80, 81, 86, 91, 96, 102, 103, 112, 113 – бронза; 54 – железо, золото

На территории Южного Урала и Западного Казахстана с конца VI века до н. э. начинается формироваться огромный массив нового скифо-сарматского населения. Центр его, как уже говорилось, вероятнее всего, располагался в долине нижнего течения реки Илек. Границы этого ареала весьма внушительны. В IV веке до н. э. он достигает рубежей Нижнего Поволжья на западе, Приуральской и Зауральской лесостепи — на севере, и Поишимья — на востоке. Южные границы скифо-сарматского союза непосредственно примыкают к зоне Приаральских пустынь. Как показывают исследования, здесь на юге Мугоджарских предгорий и на границе песков Большие Барсуки фиксируются меридиональные цепочки курганов сарматского облика* [Таиров, Боталов, 1996].

Впечатляет необычная плотность памятников данного круга для территорий Западного Казахстана и Южного Приуралья. По данным С. Ю. Гуцалова, сегодня насчитывается 441 погребальный комплекс конца VI—III вв. до н. э. Всех их объединяют схожие черты сарматского ИКК.

Как указывалось выше, данный историко-культурный массив мы склонны соотносить с античными верхними аорсами, которые проживают к северу от Каспия и контролируют торговый путь между Кавказом и Средней Азией в IV—III вв. до н. э., что следует из Перипла Патрокла в районах Прикаспия и Поволжья [Лукьяшко, 1984. С. 164].

Прохоровское этнокультурное единство Нижнего Поволжья, Южного Урала и Западного Казахстана позволяет раздвинуть границы территорий, находившихся под контролем верхних аорсов вплоть до Приаральских пустынь. Несмотря на удаленность этих территорий от Китая, столь значительное этнополитическое объединение, находившееся на стратегически важном направлении, должно было получить отражение в китайских хрониках. Чиновнику Ханьского двора Чжан Цяню не удалось непосредственно побывать в стране Яньцзяй, крайним северо-западным пунктом его миссии был Кангюй, откуда он и зафиксировал, что за Кангюем непосредственно следуют владения Яньцзяй. В этом случае мы не согласны с Л. А. Боровковой, которая помещает страну Яньцзяй в низовья Сырдарьи [Боровкова, 1989. Схема 2]. Длительные широкомасштабные исследования памятников джетыясарского круга позволили Л. М. Левиной прийти к выводу, что районы Средней и Нижней Сырдарьи не только входили в состав Кангюй, но и уже с середины I тыс. до н. э. их население играло особую роль в данном этнически сложном объединении [Левина, 1996. С. 375–376]. Если место нахождения Яньцзяй относительно северо-западных границ Кангюя находилось действительно в 2000 ли (800 км), то этот район попадает на территорию Северо-Западного Казахстана и Южного Урала, то есть в район наибольшей концентрации прохоровских (сарматских) памятников конца VI—III вв. до н. э. Таким образом, соотнесение страны Яньцзяй (китайских источников) с верхними аорсами (античных авторов) представляется нам вполне реальным. Однако эти выводы требуют существенного уточнения. Проводя аналогии между аорсами (верхними аорсами) и Яньцзяй, мы не преследуем цели установления тождества между аорсами и аланами, так как по досадной традиции принято совершенно неправомерно отождествлять страну Яньцзяй со страной Аланья. Начнем с того, что страна Яньцзяй упоминается уже в информации Цжан Цяня и в «Истории» старшего дома Хань во II—I вв. до н. э. и лишь спустя триста лет (во II веке н. э.) в «Истории младшего дома Хань» к этому названию прибавлено Аланья [Бартольд, 1965. С. 32–33]. Следовательно, название Яньцзяй и Аланья не соотносятся во времени. К сказанному надо добавить тот факт, что к концу II века до н. э. кочевнические памятники исчезают с территории урало-казахстанских степей. На территории зауральских и казахстанских степей, которую ранее занимали носители прохоровской культуры, сегодня насчитывают не более десятка разрознен-

* По материалам разведок автора по маршруту Обь — Аральское море.

ных комплексов I века до н. э. – I века н. э. [Боталов, Усманова, 1998]. Однако, в это же время наблюдается распространение прохоровских комплексов в Подонье, чему не противоречат и исторические сведения. По мнению Д. А. Мачинского, во второй половине I века до н. э. аорсы начинают занимать земли к западу от Дона, а около середины – третьей четверти I века до н. э. они уже достигли дельты Дуная [Мачинский, 1974. С. 131–132]. Таким образом, появление аланов как самостоятельной политической силы (вероятнее всего, в конце I в. н. э.) происходит в момент, когда подавляющая часть аорского населения Янцзяй переселилась далеко на запад в восточноевропейские степи, куда впоследствии устремляются и сами аланы. Следовательно, если страну Янцзяй составляло сарматское население прохоровского культурного облика, то на следующем этапе историко-культурного развития эти территории были заняты, вероятно, совершенно новой волной восточноиранского населения, значительно отличающегося от предшественников (аорсов) в этнокультурном плане. Таким образом, совершенно справедливо мнение К. Еноки и, соответственно, отчасти В. П. Шиловой, что нет историко-лингвистических оснований отождествления аланов и аорсов [Шилов В. П., 1975. С. 131; Enoki, 1959a. P. 49], равно как и отождествление, по крайней мере для III–I вв. до н. э., аланов и населения Янцзяй.

Сегодня трудно однозначно сказать, что послужило основной причиной оттока «прохоровцев» на запад: ухудшение экологической обстановки в урало-казахстанских степях, начавшееся с конца IV века до н. э. изменение конъюнктуры в восточноевропейских степях или приток новой волны восточноиранских кочевников в конце III–II вв. до н. э. Самое главное, остается неясным ответ на вопрос: каков этнический состав этого нового населения? В период III–II века до н. э., вероятнее всего, пришельцы были представлены весьма пестрым по этническому составу населением. Напомню, что в Среднюю Азию (по Страбону) вторгаются ассианы (аланы), пасианы, тохары (юэчжи), сакаравлы (возможно, восточные саки). На западе они сдвигают аорсов, которые переправляются через Танаис (по Плинию) [Десятчиков, 1973. С. 142–144]. Из этой среды сегодня невозможно вычленить какой-либо монокультурный компонент. По всей видимости, с появлением этого населения мы фиксируем те новые инокультурные компоненты в археологических комплексах конца III–II вв. до н. э., которые легли в основу юэчжийско-сарматского ИКК. И, наконец, еще одно наблюдение. Как следует из приведенного выше мнения Б.И. Вайнберг, для этого же периода по монетным тамгам (типа «Гободзика») фиксируются, с одной стороны, этнополитическое единство Хорезма и Кана (Самарканда), а с другой – существенные различия между этими областями и кушанской Бактрией. По Б. И. Вайнбергу, различия между Хорезмом и Каном были вызваны тем, что этими областями управляли различные юэчжийские династии. Хорезм, в частности, находился под властью юэчжийской династии «дома Чжаову», отличной от династии, правившей в Кане. На наш взгляд, эти сведения существенно дополняют этническую карту среднеазиатского региона. В этой связи нам представляется, что, несмотря на этнокультурную пестроту, вновь пришедшее в Среднюю Азию население во II веке до н. э. большей частью еще осознавало свое изначальное юэчжийское единство. Поэтому приведенные памятники льяндакской группы в этнополитическом смысле могут быть определены как юэчжийско-сарматские, в отличие от комплексов тулхарской группы, которые рассматриваются нами как юэчжийско-кушанские.

4.2. Памятники тулхарской группы (юэчжийско-кушанский ИКК). Эти памятники встречаются среди кочевнических комплексов Ташкентского (Шаушукумский могильник, погребения в простых ямах), Самаркандского и Бухарского оазисов (Хазара, Куюль Ата, Сазаганский, Мираткульский). Однако наибольшее количество их находится в Северной Бактрии и среднем течении Аму-

дарьи (Бабашовский, Тулхарский, Бишкенские IV–VII и др.) (цв. вклейка, рис. 2, 4)

Представлены они небольшими каменными или грунтовыми курганами, погребения под которыми совершались в простых или подбойных могильных ямах. Подбой закладывались камнем и сырцовым кирпичом. Основная отличительная черта памятников этой группы – северная ориентировка погребенных (рис. 20, 1–3, 42–45, 47–50, 95–97). Вещевой инвентарь, особенно металлический, весьма сходен с инвентарем юэчжийско-сарматского ИКК. Близки типы мечей и кинжалов с прямыми перекрестиями и кольцевыми и антенновидными навершиями, железные трехлопастные наконечники стрел со срезанным под острым углом окончанием лопастей, зеркала с валиком по краю диска и маленькой чуть намеченной ручкой [Мандельштам, 1975. Табл. XXX, XXXI, 1, 2; XXXIV; XXXV; 1992. С. 391–392. Табл. 41–43;] (рис. 20, 4, 5, 7–9, 10–12, 16–19, 20–24, 27–33, 39, 40, 56–59, 63–65, 74, 81–83, 88–94, 98–102). Керамический комплекс представлен разнообразными типами посуды: кубки, фляги, миски. При этом наблюдается определенное сходство в керамике гончарного изготовления могильников Бухарского оазиса и Таджикистана [Заднепровский, 1975. С. 294] (рис. 20, 13–15, 25, 26, 34, 35, 41, 60–62, 66, 71–73, 84–87, 103–108). Среди вещей этой группы памятников выделяются предметы восточного (Монгольского и Забайкальского) происхождения: поясные накладки, прорезные пряжки с изображениями животных (ордосского типа), серьги, бубенчики, сосуды-триподы (рис. 20, 10–12, 31–33, 60, 71, 130, 137) [Мандельштам, 1975. С. 156. Табл. VII, 34; С. 163. Табл. XIV, 1–8; С. 181. Табл. XXXIII, 7–9; Табл. 189; Табл. XVI, 15–27]. В антропологическом облике погребенных фиксируются монголоидные черты. Абсолютное большинство комплексов этой группы памятников датируется в рамках II–I вв. до н. э. По нашему мнению, дальнейшее развитие культурных традиций этой группы происходит на последующем этапе в первых веках н. э.

Однако в комплексах Кушанского времени исчезают курганные насыпи, более частыми становятся закладки подбоя сырцовым кирпичом, однако и в этот период остаются: северная ориентировка, близкий состав вещевого комплекса. В это время продолжают сохраняться восточные параллели погребальному инвентарю. Так, в комплексах Тиля-Тепе обнаружены гробы хуннского типа, боковые и торцовые ниши для размещения в них сопровождающего инвентаря, жертвоприношения в виде головы быка, а также отдельные формы вещевого инвентаря, в частности ножны кинжалов, обнаруживают большую схожесть с предметами пазырыкской культуры [Сарианиди, 1989. С. 47–130, 168] (рис. 20, II, 109–111, 132–134, 142).

Относительно интерпретации памятников данной группы, находящихся в пределах Северной Бактрии, сложилось устойчивое мнение о том, что они соотносятся со среднеазиатскими юэчжами [Мандельштам, 1975. С. 148; Заднепровский, 1975. С. 295; Литвинский, Седов, 1989; Берлизов, Каминский, 1993. С. 107].

Сложнее обстоит вопрос с северными комплексами подобного облика (Шау-шукумский (простые погребения), Джиламыш, Курчак, Боркорбаз и др.). Появление их вначале в долине реки Или, а затем в Ташкенском и Самаркандском оазисах в последних веках до н. э. своеобразно очерчивает миграционный маршрут юэчжей-кушан.

Как известно из китайских хроник Ши Цзы, Хань Шу, Хоу Хань Шу, в 174 году до н. э. после поражения от усуней и ассианов юэчжи покидают Восточный Туркестан (малые юэчжи) и переселяются в область между рекой Или и Тяньшанем, вытеснив обитавших здесь ранее саков. Через некоторое время они пересекают Давань и останавливаются в Бахрах в стране Дася. В 120 году до н. э. Чжан Цзянь находит их на северном берегу Окса [Бернар, Абдулаев, 1997. С. 68]. В это время страна Больших Юэчжи находится к западу от Давани (2000 ли) [Боровкова, 1989. С. 22], что,

Рис. 20. Юэжзийско-кушанский ИКК (Тулхарский). Fig. 20. The Yuezhi-Kushan HCC (Tulkhark).

I. Памятники II в. до н.э. – I в.н.э. 1, 2, 10–11, 16, 20, 22, 28, 40, 46, 49, 50, 52–54, 59, 65, 70, 80–83, 93, 94, 96, 97, 100, 101 – Бабашовский; 12–15, 19, 24–26, 34, 35, 41–45, 60–62, 71–73 – Арактауский; 3–8, 18, 23, 27, 29–33, 36–39, 48, 51, 55–58, 64, 68, 69, 74–79, 84–87, 92, 95, 98, 103–108 – Тулхарский; 8, 9, 88, 89, 91 – Бышкенский V; 90 – Куюмазар. II. Памятники I в.н.э. – III в.н.э. 109–115, 118, 125–129, 136, 137, 147 – Тилия-Тепе; 120, 122–124, 130–135, 139–146, 148–157 – Туи-хона; 116, 117, 119, 121 – Кухна-Кала; 1–3, 20, 42–45, 47–50, 95–97, 109–111, 132–134, 142 – планы курганов и погребений; 4, 5, 7–9, 12, 18–20, 24, 51–54, 57, 64, 67, 74, 88–93, 98, 135, 139, 143–146 – железо; 10, 11, 16, 17, 22, 23, 28, 30–33, 40, 46, 55, 58, 59, 63, 68–70, 78–83, 94, 100–102, 122–124, 137, 138, 148, 149, 152–155, 158, 159 – бронза, латунь; 13–15, 25, 26, 34, 35, 41, 60–62, 66, 71–73, 84–87, 103–108, 116, 117, 119–121, 130, 131, 140, 141, 150, 151, 156, 157 – керамика; 21 – золото, рог; 39, 75–77, 114, 115, 118, 125, 126–129, 136, 137, 147 – золото, камень, стекло; 36–38 – камень, стекло

вероятнее всего, соответствует району Бухары, где и расположена вторая группа памятников. С приходом юэчжей в районы Самаркандского и Бухарского оазисов некоторыми авторами связывается также появление здесь могильников восточно-сарматского облика (ассианы) (Лявандакский, Сазаганский, Кызылтепе и др.) [Обельченко, 1961. С. 173; Бернар, Абдулаев, 1997. С. 75–78]. Вероятно, с этих территорий юэчи–тохары вместе с ассианами–аланами, сакаравсами–саками и пасианами вторгаются в Северную Бактрию, после чего здесь было создано кушанское государство. В связи с вышесказанным памятники этой группы получили название юэчжийско-кушанский ИКК.

Говоря о памятниках тухарской группы, следует отметить, что мы не разделяем точку зрения М. Г. Мошковой об участии северобактрийского кочевого населения тулхарской группы в формировании позднесарматской культуры Южного Приуралья и Заволжья [Мошкова, 1994. С. 22]. С нашей точки зрения, для этого нет никаких культурно-исторических оснований. Во-первых, потому, что появление кочевнических комплексов на границах Северной Бактрии в большей степени носит разовый характер, и абсолютное большинство их датируется в пределах II–I вв. до н. э. Во-вторых, в преобладающем количестве курганы тулхарской группы на этом этапе представляют каменные насыпи, вымостки, ограды. А к рубежу эр курганные могильники заменяют грунтовые. Связующим продолжает оставаться северная ориентировка погребенных и подбои, заложенные сырцово-глиняной плитой. В третьих, тулхарский комплекс имеет конкретный локальный облик своего культурного развития в пределах кушанской Бактрии. А общее количество данных памятников, появившихся во II–I вв. до н. э. на границе Бактрии, абсолютно не соответствует масштабу явления и общей численности гунно-сарматских комплексов, появившихся во второй половине II века н. э. на территории степей Северного и Западного Казахстана, Южного Урала и Заволжья. И, наконец, если принять совершенно справедливое, на наш взгляд, мнение большинства авторов о том, что памятники тулхарской группы оставлены юэчжами, участвовавшими в разгроме Северной Бактрии (II в. до н. э.) и становлении кушанской империи [Мандельштам, 1975. С. 148; Заднепровский, 1975. С. 295; Литвинский, Седов, 1989; Берлизов, Каминский, 1993. С. 107], то фиксируемая археологически смена курганных некрополей грунтовыми могильниками является отражением исторически логичного процесса оседания кочевников. Появление же богатых некрополей типа Тиля-Тепе с яркими признаками кочевой культуры и черепной деформации на чеканных изображениях кушанских царей говорит о том, что, вероятнее всего, кочевая юэчжийская аристократия составили элиту кушанской империи. В этой связи весьма трудно представить, что в период своего наивысшего расцвета в середине II века н. э., когда границы кушанской империи раздвинулись от сырдарьинских оазисов до Центральной Индии [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 38], какая-то группа населения, при этом весьма многочисленная, мигрировала далеко на северо-запад в урало-казахстанские степи и далее в Волго-Донье. При этом она сумела сохранить первозданный облик своей кочевой культуры, подобно той, которая была у северобактрийских юэчжей за 300 лет до этой миграции.

Весьма сложным для понимания остается вопрос развития юэчжийско-кушанского историко-культурного комплекса в кушанскую эпоху. Трудно сказать, каков был механизм расширения юэчжийского ареала в первых веках нашей эры. В Южной Фергане (Алайская долина) памятники этого ИКК сосуществуют с катакомбными могильниками кенкольской группы (алано-кангюйской ИКК) (см. ниже). Наконец, наличие в кушанских памятниках ярких черт восточного происхождения указывает либо на длительное сохранение этих традиций в среде юэчжийского населения, либо на постоянный приток новых единокультурных племен из пределов Восточного Туркестана.

4.3. *Чильпекская группа (сако-усуньский ИКК).* Памятники этой группы делятся на два хронологических этапа: ранний – III–I вв. до н. э. и поздний – I–V вв. н. э. Подавляющее большинство ранних памятников находится в Семиречье. Далее на запад они выявлены вдоль северных склонов Тянь-Шаня в бассейнах рек Чу и Талас, вплоть до хребта Каратау (Тамды, Берккара). На северо-востоке наиболее удаленную от Семиречья группу составляют позднекулажургинские памятники верховий Иртыша (Кула-Журга, Баты, Тускаин). На юге памятники этой группы распространены до долины Нарына (Айгырджая, Аламышик) и Кетмень-Тюбе (Жаныш-Булак, Текеташ), где они вместе с таласскими памятниками (Таши-Арык, Тош-Башат, Желе-Тюбе, Акташ и др.) соседствуют с катакомбными комплексами Ферганы и юга Казахстана. В целом картографирование этих памятников указывает на то, что они относительно равномерно распространены в степях и предгорьях юго-восточного Казахстана и северо-восточного Киргизстана (цв. вклейка, рис. 2, 2).

Могильники этой группы состоят из крупных (диаметр до 80 м, высота 10–12 м) или средних (диаметр до 20 м, высотой до 1 м) курганов, сложенных из земли или земли и камня (Буранинские, Каракольские, Тенлик, Баратума); как правило, эти комплексы относятся к раннему этапу [История Казахской ССР, 1977. С. 391]. К позднему этапу относятся курганы с каменной насыпью, находящейся внутри ограды и кромлеха. Расположены курганы меридиональными цепочками. Под насыпью одна, реже две-три простые прямоугольные могильные ямы (преобладают) или могильные ямы с подбоем. Ямы перекрыты деревянными плахами или каменными плитами (различие носит территориальный характер), погребенные уложены вытянуто на спине, головой на запад (рис. 21, 1–5, 20, 21, 50–54, 82–86, 147–153, 165–169, 182–184, 215–218). Среди сопровождающего инвентаря обязательными являются керамические сосуды (один-два, реже больше), устанавливаемые в головах. Керамика лепная (чаще всего на матерчатом шаблоне), представленная круглодонными полусферическими мисками, пиалами, кубками с петлевидной ручкой, кувшинами грушевидной формы, толстостенными котелками с наклепными ручками, чайникообразными сосудами с носиком-сливом [Заднепровский, 1992. С. 82–83; История Казахской ССР, 1977. С. 313] (рис. 21, 17–19, 26–29, 34–38, 48, 49, 57–59, 65, 66, 68–72, 81, 96–101, 113–117, 121–125, 130–135, 142–146, 157–159, 161–164, 191–196, 202–204, 211–213, 224–226, 230–232, 235–238, 240–251).

Характерной чертой комплексов этой группы является чрезвычайная бедность металлического инвентаря. Он представлен железными ножами с округлой спинкой, бронзовыми подвесками с петлевидной головкой и конусовидным нижним концом, серьгами с завитками на концах, бронзовыми булавами, зеркалами с короткой широкой ручкой и прорезью в ней для подвешивания или без нее [История Казахской ССР, 1977. С. 302–303; Заднепровский, 1992. Табл. 28, 29]. Редкими находками являются предметы вооружения. Чаще всего это железные трехлопастные наконечники стрел с коротким черенком и остросрезанными лопастями [Абетеков, 1967. С. 1–4] (рис. 21, 6–14, 22–25, 39–47, 55, 56, 60–64, 73–80, 87–95, 102–112, 119–120, 125–129, 136–141, 154, 160, 170–175, 189, 190, 193–201, 219–225).

Скудность вещевого материала весьма усложнила вопросы датирования памятников раннего этапа. Как правило, большинство памятников этой группы различными авторами датируется достаточно широко. На сегодняшний день несмотря на то, что время сооружения ряда ранних памятников отдельными авторами было удревнено до IV–III вв. до н. э. [Воеводский, Грязнов, 1938; Бернштам, 1952. С. 38–40; Бабанская, 1956. С. 203–207], наиболее приемлемой нижней их датой является III век до н. э. [Заднепровский, 1992. С. 81]. Ранний, на наш взгляд, период наиболее убедительно маркируется вещевыми материалами, основная часть которых получена при исследовании памятников долины реки Или [Акишев, Кушаев, 1963. Табл.

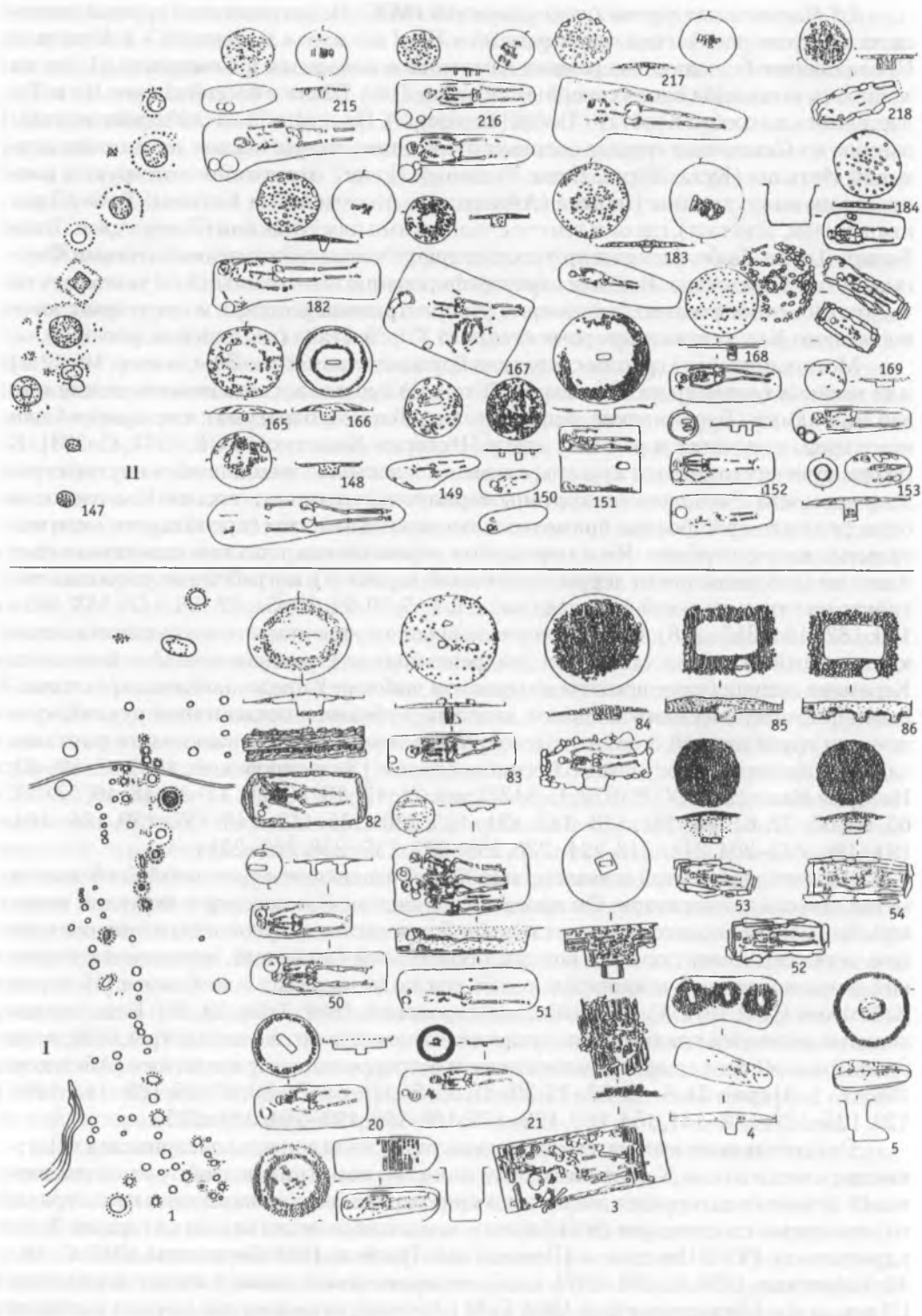
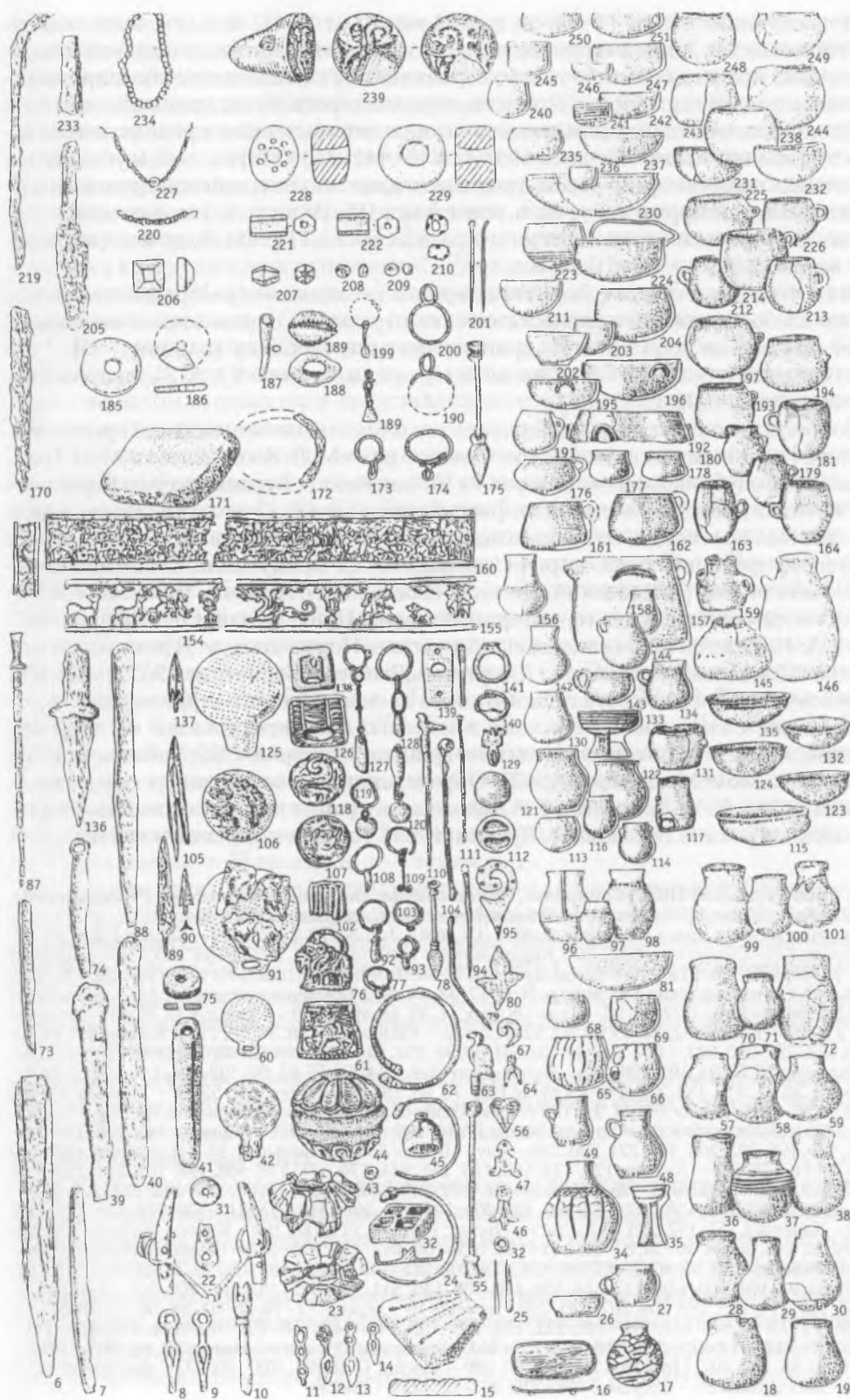

Рис. 21. Сако-усуньский ИКК (Семиречье, Притяньшанье, Восточный Казахстан) (Чильпекский).
 Fig. 21. The Saka-Wusun HCC (Semirechie, Prityanshanye, East Kazakhstan) (Chilpek)

XI]. Последующие этапы (I век до н. э. – I век н. э.; II–III в. н. э.), выделенные Г. А. Кушаевым для данной территории, характеризуют памятники, вещевой инвентарь которых представлен либо только керамическим комплексом, либо широко датируемыми предметами (ножи, браслеты, зеркала, серьги, бусы, пряслица, оселки и др.). Датировка отдельных памятников по планиграфическим признакам или по типам керамики [Акишев, Кушаев, 1963. С. 148–182; 233–256] не совсем убедительна. Учитывая наличие среди рассматриваемых памятников илийской группы вещевых материалов, которые могут быть отнесены к III–IV вв. н. э., сегодня можно датировать их в широких хронологических рамках рубежа IV–III вв. до н. э. (возможно, IV веком до н. э.) – III–IV вв. н. э.

Малочисленность датирующего материала не позволяет распределить эти памятники на более дробные хронологические отрезки. С определенной оговоркой следует принять их двухчленную хронологическую разбивку (ранний – III–I вв. до н. э.; средний и поздний – I–V вв. до н. э.), предложенную Ю. А. Заднепровским [Заднепровский, 1992. С. 81–87].

Вопросы этнокультурной интерпретации памятников чильпекской группы неоднократно поднимались в литературе. С легкой руки М. В. Воеводского и М. П. Грязнова, впервые опубликовавших материалы Чильпекского, Бураинского и Каракольского могильников Прииссыкуля, рассматриваемая группа памятников еще в 30-х годах был соотнесена со среднеазиатскими усунями. Этот вывод основывался на картографировании общеисторических данных, почерпнутых из китайских письменных источников [Воеводский, Грязнов, 1938. С. 162]. Наличие усуньского историко-культурного пласта для территории Памира и Притяньшанья подтвердил чуть позже и А. Н. Бернштам, исследовавший курганы II века до н. э. – II века н. э. в могильниках Соколовка, Аламышик, Джергетал, Джергес [Бернштам, 1952. С. 50–60]. Все последующие исследователи памятников данного облика с территорий Южного Казахстана, Семиречья и Киргизии неизменно интерпретировали их либо как усуньские, либо как памятники усуньского времени [Кибиров, 1959; Бабанская, 1956; Агеева, 1960; 1961; Максимова, 1962]. Определенным итогом данных представлений была работа К. А. Акишева и Г. А. Кушаева, посвященная исследованию памятников долины реки Или [Акишев, Кушаев, 1963]. Казалось бы, введение в научный

Рис. 21. Сако-усуньский ИКК (Семиречье, Притяньшанье, Восточный Казахстан) (Чильпекский).
Fig. 21. *The Saka-Wusun ICC (Semirechie, Prityanshanye, East Kazakhstan) (Chilpek).*

I – памятники III–I вв. до н.э.; II – памятники I–IV вв.н.э. 1, 6, 30, 72, 79, 70, 100 – Калкан I; 2, 5, 23, 87, 137 – Курты; 3, 8 – Соколовка; 4, 85, 86 – Каракольский; 7, 10, 15, 20, 21, 29, 77, 103, 125, 138 – Канчай; III; 8, 9, 28, 59, 152, 181, 214, 216 – Кызылауз III; 11–14, 16, 60, 63, 78, 106, 108, 109, 119, 120, 127, 128, 140, 141, 145, 146 – могильники долины р. Или; 17, 33, 46, 67, 112 – Бураинские; 18, 147 – Калкан IV; 19, 41, 82 – Унгур–Кора I; 22, 31, 96 – Кула–Журга; 34, 35, 48, 49, 89, 90 – Суюндук II; 25, 84 – Коржай-ляу; 26, 27, 139 – Кусши; 32, 24, 45, 51, 62, 92, 111, 159 – Кызылауз I; 36, 38, 58, 116 – Калкан IV; 37, 93, 114, 163, 164, 231, 240, 241, 242 – Унгур–Кора II; 39, 93, 232, 244 – Утеген III; 40, 105, 168 – Утеген I; 42, 107 – Чильпек; 43, 75, 91, 101, 226, 243 – Чулак Джигедей I; 44, 55, 56, 61, 80, 102, 104, 118 – Тенлик; 47, 64 – Талгар; 50, 81, 115, 194, 238, 248 – Тайчак I; 69, 73, 83, 197, 225 – Утеген II; 52, 98 – Тускаин; 53–54, 74, 88, 97, 136, 169 – Пчела; 57, 71, 91, 153 – Кызыл Эспе; 65, 66 – Джарлу–Каида; 68, 69, 134, 170, 174, 185, 201, 220 – Джуантобе I; 99 – Алтын–Эмель IV; 76, 129, 154, 155, 160 – Каргалы; 149, 150, 165, 166, 176, 187, 189, 196, 202, 205, 219, 224, 230, 249 – Узун–Булак; 88 – Бесшатыр II; 95 – Панфиловский; 110 – Чу; 117, 131, 173, 184 – Декан; 123, 124, 132, 133, 135, 144, 170, 177, 178, 188, 198, 203, 211, 213, 236, 245–247, 250, 251 – Карата II; 126 – Каракумыс; 130, 142, 148, 156, 157, 161, 167, 212, 218, 227, 233 – Шошкала; 121, 122, 143, 158, 182, 183, 190, 195, 200, 201, 204, 206–210, 215, 217, 220, 222, 223, 228, 229, 234, 239 – Караша I; 151, 192, 235, 237 – Тасты–Бутах; 171, 172, 175, 186, 199 – Кызыл–Кайнар; 179, 180 – Кызылауз II. 1–5, 20, 21, 50–54, 82–86, 147–153, 165–169, 182–184, 215–218 – общие планы могильников и комплексов; 6, 23, 39, 40, 79, 87–90, 136, 170, 205, 219, 233 – железо; 7–14, 24, 25, 42, 45, 55, 60, 62, 73, 74, 78, 91, 94, 104, 106, 110–112, 125, 126, 129, 138, 140, 141, 173–175, 187, 190, 200, 201 – бронза; 15, 32, 41, 43, 139, 171, 185, 186, 206, 207, 229, 239 – камень; 16 – дерево; 17–19, 26–31, 34–38, 48, 49, 57–59, 65, 66, 68–72, 75, 81, 96–101, 113–115, 121, 124, 130–135, 142–146, 156–159, 161–164, 176–181, 191–197, 202–204, 211–214, 223–226, 230–232, 235–251 – керамика; 22 – кость, железо; 33, 44, 46, 47, 56, 61, 64, 67, 76, 80, 95, 102, 107, 118, 119, 154, 155, 160, 220 – золото; 77, 92, 93, 108, 120, 127 – цветной металл; 105, 137 – кость; 188, 198 – ракушка; 208–210, 221, 222, 228 – стекло

оборот значительного массива компактно расположенных памятников позволяло авторам построить непрерывную шкалу культурного развития ранних кочевников и тем самым окончательно разделить сакские и усуньские комплексы. Однако чрезвычайная бедность погребений датирующими артефактами привела к полному размыванию культурно-хронологических границ между комплексами саков-тиграх-уда и усуней. Более того, в работе наблюдается определенный разноречивый характер мнений авторов на различные группы материала, которые, по злой закономерности, оказались решающими в дифференциации этих блоков. Речь идет о погребальных комплексах могильников Кызылауз I, II, III. По непонятному основанию первый из них был отнесен к кругу сакских и датирован V–IV вв. до н. э., а два последующих — к усуньскому периоду III–II вв. до н. э. Хотя в сводных таблицах Г. А. Кушаев помещает датирующие предметы (браслеты с головками хищников на концах и костяной наконечник) из могильника Кызылауз I в рамки этапа III–II вв. до н. э. [Акишев, Кушаев, 1963. Табл. XI]. Это указывает на то, что при написании работы между соавторами, вероятно, не было единства в представлениях о хронологически-культурных отличиях отдельных памятников.

Что касается датировки могильника Кызылауз I, то в нем наиболее яркими являются браслеты с окончаниями в виде головок кошачьих хищников (Кызылауз I, курганы 14, 12) (рис. 21, 24, 62). Такой тип браслетов встречен среди памятников I века до н. э.–III века н. э. тулхарской группы Бабашовского могильника [Мандельштам, 1975. Табл. XL, 3–5], в погребении могильника Тиля-Тепе [Сарианиди, 1989. С. 129. Рис. 45, 1] и курганах I–IV вв. н. э. джетысарской культуры [Левина, 1994. С. 277. Рис. 159, 12, 19]. Близкая манера оформления браслетов и гривен с весьма сходными по форме головками кошачьих хищников имела весьма широкое распространение среди кочевников от скифо-сакского (V–IV вв. до н. э.) до позднегуннского времени (IV в. н. э.) [Акишев, 1978. С. 108–109. Рис. 28–29; Федоров-Давыдов, 1976. С. 51. Рис. 35; Засецкая, 1994. Табл. 18, 1; Уманский, 1978. Рис. 20, 21]. Из приведенных аналогий следует, что данный тип браслетов и изобразительный элемент в его украшении имеют довольно большое распространение и вряд ли могут помочь установить точную дату кзылаузских комплексов. На наш взгляд, кзылаузские браслеты близки браслетам Бабашовского могильника, что позволяет датировать их в рамках от II века до н. э.–I века н. э.

Сосуды с носиком и петлевыми ручками из могильников Кызылауз, по мнению Г. А. Кушаева, имеют широкое территориальное распространение и встречаются в памятниках Средней Азии (поселение Каунчи, могильник Беркоринский), Ирана и Передней Азии [Акишев, Кушаев, 1963. С. 100]. От себя добавим, что они имеют и широкие хронологические рамки бытования. Однако в целом образцы сосудов из могильников Кызылауз совершенно не выпадают из керамического комплекса усуньских памятников.

Таким образом, основные аргументы в пользу ранней даты могильника Кызылауз I отпадают. Что касается элементов погребального обряда, то они, так же как и керамический комплекс, совершенно не отличаются от таковых памятников, отнесенных к усуньскому кругу.

Могильник Кызылауз I, вероятнее всего, следует рассматривать в единстве с усуньскими памятниками не только Семиречья, но и других регионов. Однако, воспользовавшись указанной выше нестыковкой материалов данного могильника, Ю. А. Заднепровский выстраивает целую систему доказательств об идентичности более ранних сакских памятников Семиречья комплексам усуньского времени этой территории. Для доказательства выдвигаемого положения он выстроил сравнительную таблицу, в которой по восьми признакам историко-культурного комплекса сравнил могильники Кызылауз I и Капчагай III, датируя их соответственно V–IV вв.

до н. э. (по К. А. Акишеву) и III–II вв. н. э. (по Г. А. Кушаеву) [Заднепровский, 1971. С. 29]. Из всего вышесказанного о культурно-хронологической характеристике могильника Кылауз I следует, что подобное сравнение некорректно, ибо между собой сравниваются памятники усуньского времени и, вероятно, усуньской культуры. Совершенно логично, что Ю. А. Заднепровскому удалось получить положительный результат при сравнении этих однокультурных памятников. На основании проведенного сравнения он делает вывод о том, что памятники чильпекского типа не только в Семиречье, но и в прилегающих к нему районах оставлены сакским автохтонным населением, а комплексы собственно усуней, переселившихся сюда в 160 году до н. э., следует искать среди могильников иного этнокультурного облика. Ю. А. Заднепровский высказывает предположение и о том, что усунь, занимавшие главенствующее положение среди местных племен, оставили памятники типа могильника Кенколь [Заднепровский, 1971. С. 31]. К сожалению, эта точка зрения впоследствии утвердилась в литературе [Вайнберг, Горбунова, Мошкова, 1992. С. 26], что, на наш взгляд, завело в тупик решение усуньской проблемы.

Попытаемся разобраться в том, каково в действительности соотношение сакской и усуньской культур в пределах Семиречья, Центрального Казахстана и Приаралья.

С VII века до н. э. основная территория Центрального Казахстана и прилегающие к нему районы Северного Казахстана и Южного Зауралья были заняты сакским населением тасмолинской культурной общности, которая существует вплоть до IV–III вв. до н. э. Именно эти памятники составляют основной массив сакского населения Казахстана, хотя на юге и востоке Казахстана и в Киргизии имеется группа сакских комплексов (Иссык, Берккара, Бесшатыр, курганы 1, 25, Джал-Арык II), основной ареал распространения которых находится значительно восточнее, откуда они и распространяются в V–IV вв. до н. э. на запад. В этой связи вопрос их автохтонности или, по крайней мере, длительного предшествовавшего сосуществования с саками на сопредельных территориях до определенного времени остается открытым. Исходя из этого, в VII–V вв. до н. э. основной массив сакского культурного ареала представлен памятниками тасмолинского круга. Попытаемся провести сравнение составляющих элементов тасмолинской и усуньских культур. Сходной чертой памятников обеих культур является конструкция насыпи, которая может быть сложена из камней, из земли и камня или иметь каменную кольцевую ограду. В усуньских памятниках фиксируется наличие нескольких колец в основании насыпи. Могильные ямы тасмолинской культуры в подавляющем большинстве имеют овальную форму. В усуньских памятниках могильные ямы в основном подпрямоугольной формы. Сако-тасмолинские курганы одномогильные, усуньские иногда имеют две или более могильные ямы под одной насыпью. В сако-тасмолинских памятниках надмогильные и внутримогильные конструкции являются большой редкостью, единичные погребения имели деревянное перекрытие. Гораздо чаще здесь встречаются каменные ящики [Бейсенов, 1997. С. 12]. В усуньских памятниках наблюдается удивительное многообразие надмогильных и внутримогильных конструкций. По данным Е. И. Агеевой, это каменная забутовка могильной ямы, деревянное перекрытие, деревянный накат, опирающийся на приступки, перекрытие каменными плитами, накат, подставленный под углом к яме, ямы с подбоями или каменными ящиками [Агеева, 1960. С. 65–68]. Во многом это разнообразие отражает территориальное своеобразие и в какой-то мере, хронологические и социально маркирующие особенности отдельных групп памятников. В целом небольшая вариабельность и разнообразие конструкций, бесспорно, указывает на существование устойчивой культурной традиции среди усуньского населения.

Общей для тасмолинской культуры абсолютно преобладающей ориентировкой погребенных является СЗ и С, широко распространена и западная ориентировка.

В различных районах тасмолинской общности ориентировка погребенных распределяется следующим образом: Центральный Казахстан (Восточная Сарыарка) – 39% – СЗ; 34% – С; 27% – З [Бейсенов, 1997. С. 12]; Северный Казахстан – 50% – З; 25% – ЮЗ [Хабдулина, 1994. С. 23]; Южное Зауралье – 45% – С; 27,5% – СЗ; 27,55% – З; Приаралье – 51,18% – З; 12,6% – В; 11,81% – ЗЮЗ; 7,87% – ЮЗ [Вишневская, 1973; Яблонский, 1996].

Абсолютно преобладающей ориентировкой усуньских погребений является западная. Несмотря на то что ориентировки погребенных в тасмолинских и усуньских памятниках в целом охватывают единый северо-западный сектор, устойчивое преобладание в сакских комплексах ориентировки погребенных головой на СЗ–С, а в усуньских – головой на З, на наш взгляд, является проявлением разнокультурных традиций.

Кардинальные различия этих культур наблюдаются и в вещевом материале. Конечно, мы не собираемся сравнивать отдельные типы вещей, так как они принадлежат совершенно разным эпохам. Однако состав вещевого комплекса представляет собой определенный код, который характеризует облик культуры. Сразу же бросается в глаза основное отличие: обязательной составляющей тасмолинского ИКК является вооруженческий комплекс, который фактически отсутствует в усуньских материалах. Вторым, на наш взгляд, важнейшим различием является отсутствие, либо крайне малое количество керамической посуды в тасмолинских памятниках. Весьма трудно представить, что население усуньского периода, являющееся по Ю. А. Заднепровскому, в основе своей местным сакским, вдруг неожиданно в III–II вв. до н. э. освоило керамическое производство в том богатом разнообразии форм, которые дают их погребения.

Таким образом, сравнение сако-тасмолинских и усуньских комплексов не дает оснований, за исключением общекочевнических черт (наличие курганов из земли и камня, прямолежание погребенных), для проведения аналогий между этими культурами.

Посмотрим, возможно ли проследить какую-либо историческую преемственность между этими культурами. Памятники тасмолинской культуры, выделенные для Центрального Казахстана М. К. Кадырбаевым, датируются в пределах VII–IV вв. до н. э. [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966]. Однако сегодня наблюдается тенденция удревления верхней хронологической границы культуры. Прежде всего это касается памятников, находящихся на периферии сако-тасмолинского мира. Так, тасмолинские древности Северного Казахстана (Сергеевский микрорайон) М. К. Хабдулина датирует временем не позднее V века до н. э. [Хабдулина, 1994. С. 20–22], а в Южном Зауралье они существуют лишь до конца VI века до н. э. [Боталов, Таиров, 1996. С. 135; Таиров, 1986. С. 25–35]. А. З. Бейсенов ограничивает существование тасмолинской культуры I веком до н. э., однако указывает на то, что в середине I тысячелетия количество памятников этого типа резко уменьшается. Заключительный коргантасский этап тасмолинской культуры (III–I вв. до н. э.) представлен самым минимальным количеством курганов (20) по сравнению с остальными этапами существования тасмолинской культуры в восточной Сары-Арке. Эти памятники существенно отличаются от тасмолинских. [Бейсенов, 1997. С. 10, 16]. Фактически, по единодушному мнению исследователей, в середине I тыс. до н. э. наблюдается отток кочевого тасмолинского населения из степей Казахстана. Так, северо-казахстанские саки к V веку до н. э. отходят в степные районы Западной Сибири, а североказахстанская степь заполняется новыми, менее многочисленными племенами сарматского круга [Хабдулина, 1994. С. 84]. По мнению К. А. Акишева, саки Центрального Казахстана и Семиречья переселяются на юг в предгорья Тянь-Шаня и Памира. Некоторая консолидация степного населения, по предположению А. З. Бейсенова, вероятно, происходит и в предгорьях Восточного Казахстана [Бей-

сенов, 1997. С. 17]. В Южном Зауралье население сако-тасмолинского облика переселяется не только в лесостепь, но и в горно-лесную зону. На это указывают исследованные в последние годы подбойные погребения в районе озера Иртыш Челябинской области, уже рассмотренные выше. Из всего вышесказанного следует, что на территории Казахстана усуньские памятники, по всей видимости, появились спустя какое-то время (через 100 и более лет) после того, как саки-тасмолинцы в преобладающем своем большинстве покидают зону сухих степей. Безусловно, было бы неверно полностью отрицать наличие местного (сакского) компонента в усуньской культуре. Однако сакское население, по всей видимости, было крайне малочисленным. На это указывает соотношение поздне-тасмолинских курганов (V–IV; IV–III вв. до н. э.), которые к этому времени, по образному выражению А. З. Бейсенова, становятся «неуловимыми», и многочисленных усуньских могильников юга Казахстана, Семиречья и Киргизии, которые фактически неожиданно возникают в III–II вв. до н. э.

Здесь мы подошли к одной из важнейших проблем усуньской темы. Сложилось устойчивое мнение, что усуньскими могут быть только памятники, которые датируются не ранее II века до н. э. Оно основывается на данных «Ханьшу» о том, что «государство усуней – это прежние земли сэ. Когда Большие юэцжи на западе разгромили и прогнали правителя сэ, он бежал на юг и перешел через Сяндю. Большие юэцжи захватили его земли. Позднее властитель усуней напал на Больших юэцжей и нанес им поражение, те переселились на запад и подчинили Дася, а властитель усуней обосновался (на этих землях). Поэтому среди усуней есть потомки сэ и потомки больших юэцжей [Восточный Туркестан..., 1988. С. 226]. С племенами сэ большинство исследователей связывает этноним сака ахемедских надписей VI века до н. э. или сасае античных авторов, то есть саков [Сиратори Куратики, 1981. С. 361–480]. Хотя, по мнению В. В. Бартольда, «в пользу такого сближения нельзя привести никаких доказательств, кроме сходства звуков» [Бартольд, 1963. С. 25]. Следует также учитывать, что этноним сэ встречается лишь в сочинении Бань Гу. В аналогичном тексте Сыма Цяня он отсутствует. Разбирая подробно данное обстоятельство, М. В. Крюков приходит к выводу о том, что эта часть текста могла быть утрачена в результате более позднего переписывания. Таким образом, сэ – реально существующие племена и помещаются они на той территории (Семиречья), где ранее проживало сакское население [Восточный Туркестан..., 1988. С. 226–232]. Области, куда переселились притяньшанские саки – Узи бинь, Сюсюнь, Цзюаньду, – обычно интерпретируются исследователями как территория от Пеншавара до Кабула [Бартольд, 1963. С. 26; Сиратори Куратики, 1981. С. 295–308].

Таким образом, не стоит сомневаться в присутствии саков в регионе долины реки Или накануне пришествия туда усуней. Однако необходимо также учитывать и то, что это событие происходит где-то около середины II века до н. э. По версии Сыма Цяня, переселение усуней осуществляется сразу после смерти Лао-Шан-шаньюя (то есть после 166 г. до н. э.) [Восточный Туркестан..., 1988. С. 228]. Таким образом, хотя оснований для утверждения о преемственности тасмолинских саков и усуней нет, так как их разделяет как минимум столетие, тем не менее вопрос о сакской преемственности остается открытым. Если переселение усуней происходит в середине II века до н. э., то почему памятники усуньского облика в Казахстане, Киргизии (Берккара, Соколовка) и особенно в Синьцзяне появляются в более раннее время – в III веке до н. э.) и как следует интерпретировать их с точки зрения культурной принадлежности – как поздне-сакские или как протоусуньские? Думается, что усуньские комплексы в своем большинстве появляются в результате новой миграционной волны.

Решить данную проблему поможет понимание того, что наряду с тасмолинской общностью саков существовал другой ареал распространения сакской культу-

ры, вероятно, предшествующий усуньской. На востоке он охватывал почти всю территорию Восточного Туркестана. К. Дебен-Франкфор выделяет как минимум пять регионов обитания синьцзянских саков (Или, Памир, Баликун, Лобнор, Алагоу) [Дебен-Франкфор, 1989. С. 246–253]. По всей видимости, есть определенные основания говорить о том, что процесс аридизации и установления зон сухих и полупустынных степей к середине I тыс. до н. э. захватил и этот ареал сакской культуры. Аналогично распаду и оттоку тасмолинского населения в разных направлениях (см. выше), происходили и множественные миграции восточно-туркестанских кочевников сакского облика.

М. П. Погребова и Д. С. Раевский, приводя данные по могильнику Алагоу, исследованного в Турфанской впадине китайскими археологами в 1978 году, совершенно справедливо указывают на явную близость этого памятника с курганом Иссык, а также с Пазырыкскими курганами [Восточный Туркестан..., 1988. С. 182–186] (рис. 22). Однако они утверждают, что Алагоу является связующим звеном между саками Южного Казахстана и миром кочевников Алтая. То есть культурные связи, на их взгляд, шли вначале с запада на восток, а затем с юга на север [Погребова, 1988. С. 188–189; Литвинский, Погребова, Раевский, 1985]. С этим утверждением трудно согласиться. Во-первых, сами авторы более предпочтительной для могильника Алагоу считают раннюю радиоуглеродную дату — V–IV вв. до н. э., между тем как для кургана Иссык принимают предложенную К. А. Акишевым — последняя четверть IV века — первая четверть III века до н. э. [Погребова, 1988. С. 188, 226]. Во-вторых, логика наших последующих исследований подсказывает, что, вероятнее всего, в IV–III вв. до н. э. происходили процессы, сходные с теми, что происходили и в позднетасмолинское время. То есть, в период IV–III вв. до н. э. наблюдаются миграции из степной зоны Восточного Туркестана на север — в предгорья Алтая и на запад вдоль Тянь-Шанских предгорий. Первое направление проявилось не только в формировании сходных изобразительных элементов искусства и черт погребальной обрядности в пазырыкской культуре, но и в появлении на Алтае явно южных и юго-восточных степных комплексов, таких как курган 1 из могильника Симбирка.

Уже отмечалось, что фактически идентичный погребальный обряд зафиксирован в погребении М 30 могильника Алагоу и в кургане Иссык. Это — сооружение прямоугольного сруба, помещение за его пределами вещевого материала и жертвенных комплексов. Чрезвычайно близки и изобразительные элементы вещевого инвентаря (рис. 21–22). Вряд ли эти параллели можно объяснить только сакским общекультурным единством. По всей видимости, появления в предгорьях Заилийского Алатау и в Семиречье комплексов типа Иссык, Берккара, Бешатыр связано с общим переселением массива восточно-сакского населения из Восточного Туркестана на запад, происходившим в V–IV вв. до н. э. (цв. вклейка, рис. 4, 25).

Эта реконструкция хорошо подтверждается материалами, полученными из памятников южного и юго-западного Синьцзяна. В настоящее время здесь исследовано более десятка некрополей V–II вв. до н. э., таких как Наньвань (уезд Баркуль), Тэмуликэ, Хэйшаньтоу (уезд Синьвань), Мучан (уезд Токуз), Халатубай (уезд Нилакэ), Цюньбакэ (уезд Луньтай), Айдин (уезд Тулуфан), Субаши (уезд Тяньшань), Содуньбулак, Чауху, Шанхусян и др. [Опалев, 2000. С. 201–202; Синьцзян Куэрайши..., 1999. С. 32–37; Синьцзян Шаньшань..., 1984. С. 41–44; Синьцзян Синьюань..., 1988. С. 59–64; Синьцзян Луньтайсянь..., 1991. С. 684–693; Синьцзян Хэцзинсянь..., 1990. С. 511–517; Синьцзян Шихэцзы..., 1999. С. 38–46; Синьцзян Синь Юань..., 1985. С. 21–25; Синьцзян Чабучаэрсянь..., 1999. С. 17–28; Лю Баошань..., 1998. С. 3–11; Шанньшань Субэйша муцуннь ихао муди..., 1997. С. 138–149; Шанньшань Субэйша муцуннь саньхао муди, 1997. С. 150–170; Чабуэрсянь Содуньбулаке..., 1997.

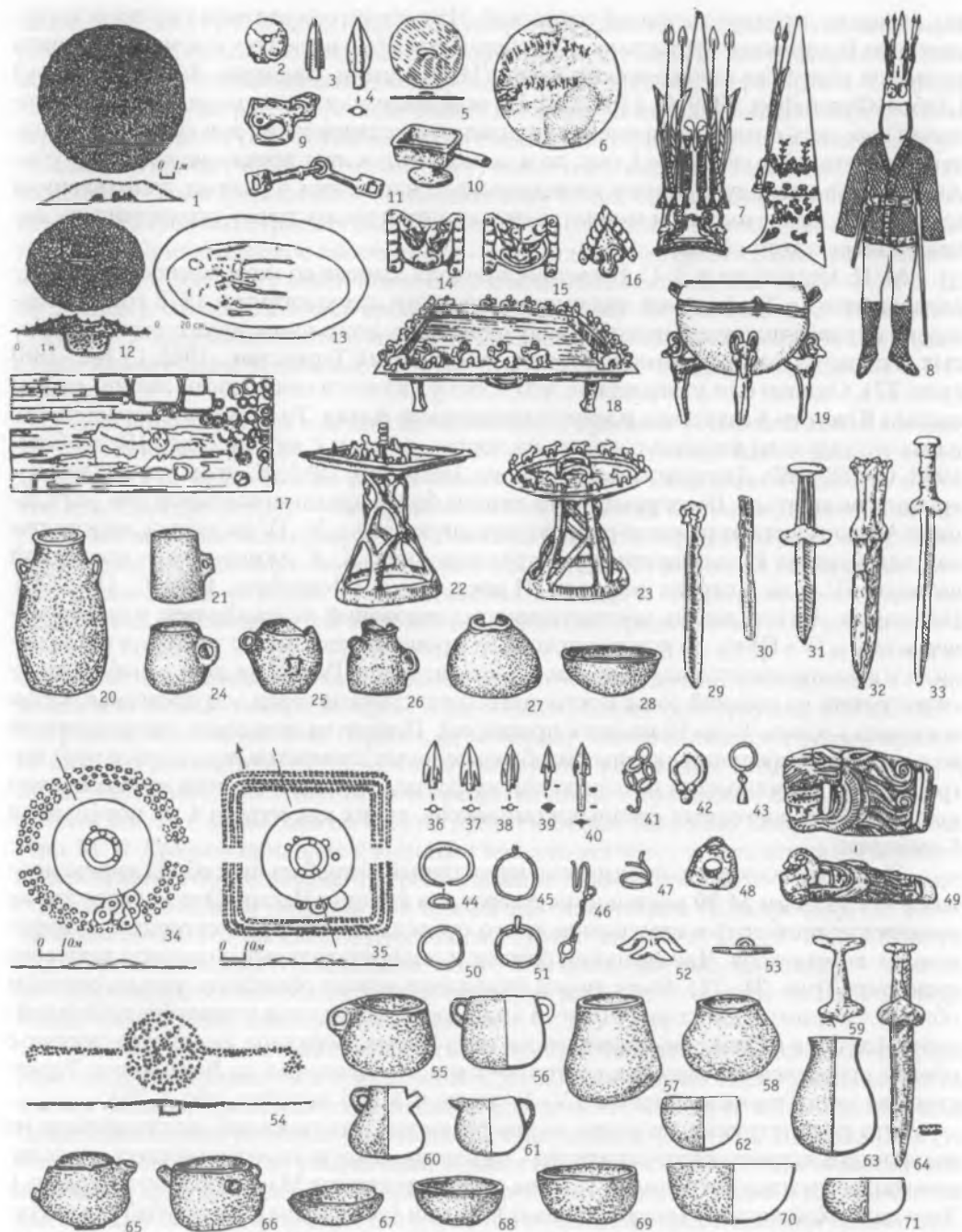

Рис. 22. Саки Южного Казахстана. Fig. 22. The Saks of South Kazakhstan.

1, 6–11, 17, 20, 25, 28 – Иссык; 2, 3, 12, 13, 21, 24, 26, 27, 32 – Бесшатыр, к-н 5; 14–16 – Барскоон; 18 – Нарын; 19 – район Алматы; 22, 23 – Кырчин; 29, 31, 33 – Иссык-Куль; 30 – Караша; 34–53, 59, 63–70 – Берккара; 54, 56, 60 – Тамды; 62, 61, 71 – Кенсай.

1, 12, 13, 34, 35, 54 – общие планы курганов и погребений; 2, 20, 21, 24–28, 55–58, 60–63, 65–71 – керамика; 3–6, 9–11, 18, 19, 22, 23, 29, 30, 36–40, 44, 45 – бронза; 7, 14–16; 41–43, 46, 47, 50–53 – золото; 8 – реконструкция Исык; 31–33, 59, 64 – железо; 48 – стекло; 49 – кость

С. 371–385]. Их раскопки дали богатейший материал не только по усуньскому, но и по сакскому периоду VI–IV вв. до н. э. При этом наблюдается вполне очевидная преемственность этих памятников как в погребальном обряде (каменные курганы, кольцевые ограды, каменная и деревянная облицовка и перекрытия могильных ям, западная ориентировка погребенных), так и в формах керамической посуды (кувшины с носиком-сливом, кружки с петельчатым ушком, сосуды с двумя ушками, миски) (рис. 23, 120–127, 138–149, 175–184, 195–200, 258–261, 280–286, 295–299, 300–311). Как уже отмечалось, широтный маршрут этой миграции, вероятнее всего, проходил вдоль северных предгорий Тянь-Шаня. Восточным окончанием этого географического ареала являются начало Гансуйского коридора и озеро Баркуль. Большинство современных исследователей считают, что эти территории как раз и есть место первоначального расселения усуней [Haloun, 1938. Р. 246; Pulleyblank, 1966. Р. 29; Sinor, 1982. Р. 239]. Вероятно, к III веку до н. э. перемещения населения в рамках очерченного выше ареала охватило и его крайние восточные районы, являвшиеся пограничем восточных саков и усуней. Исходя из данных, приводимых Бань Гу, первоначальным источником этого движения были Большие юэцжи, вытесненные сюннами из своих земель в Гансуйском коридоре. Бань Гу также отмечает близость одежды и обычаев саков – сэ и усуней [Восточный Туркестан., 1992. С. 232]. Думается, эту близость невозможно объяснить единством кочевого образа жизни. По всей видимости, соседство сэ и усуней в пределах юго-востока Восточного Туркестана повлияло на общекультурный облик этого населения.

И, наконец, позволим себе сделать еще одно предположение. Большинство исследователей склоняются к тому, что усунь, как и саки, принадлежали к индоевропейской языковой общности и говорили на языках тохарской группы [Pulleyblank, 1966. Р. 29].* Исходя из этого можно допустить, что усунь, как и сэ, являлись отдельными пазваниями племен внутри большого индоевропейского единства кочевников сакского круга, произошедшими от сакского «асана» (благородный). Их возвышение приходится на III век до н. э., что и было (несколько позже) отражено в китайских исторических хрониках.

В заключении сюжета хотелось бы обратить внимание на одно интересное наблюдение, касающееся территории первоначального проживания усуней. Наиболее убедительной нам представляется точка зрения, определяющая ее районом озера Баркуль. По мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло, основанном на исследованиях различных авторов, первоначальные родовые территории усуней находились к западу от верховий Орхона. В «Си-ши-цзи» говорится о местности к западу от Карокорума как о «усуньской земле». В «Мэн-гу-ю-му-цзи» упоминается о городе Чи-шань-чэн в Хангае как о бывшей резиденции усуней [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 100]. В этой связи Н. А. Аристов высказывал гипотезу о том, что усунь до переселения в долину реки Или перемещались по обе стороны Монгольского Алтая [Аристов, 1904. С. 7–8]. Это в определенной мере противоречит данным об их первоначальном проживании в районе озера Баркуль. Хотя дополнительными и, на наш взгляд, более убедительными аргументами последней точки зрения являются данные из документа, обнаруженного в одной из ханьских крепостей у озера Лобнор. В нем сообщается об ученике, убитом «разбойниками усунями». Событие происходит в I веке до н. э. — I в. н. э. [Восточный Туркестан., 1988. С. 235–236].

Однако, как ни странно, на западномонгольскую теорию раннего расселения усуней работают археологические данные. При внимательном взгляде на немногочисленный, но весьма характерный вещевой материал усуньских могильников, обнаруживается их удивительное сходство с позднескифскими материалами IV–III вв.

* Существует мнение о том, что язык усуней мог относиться к тюркской языковой группе [Радлов, 1893. С. 126; Аристов, 1904. С. 17; Сиратори Куратики, 1981. С. 47–53].

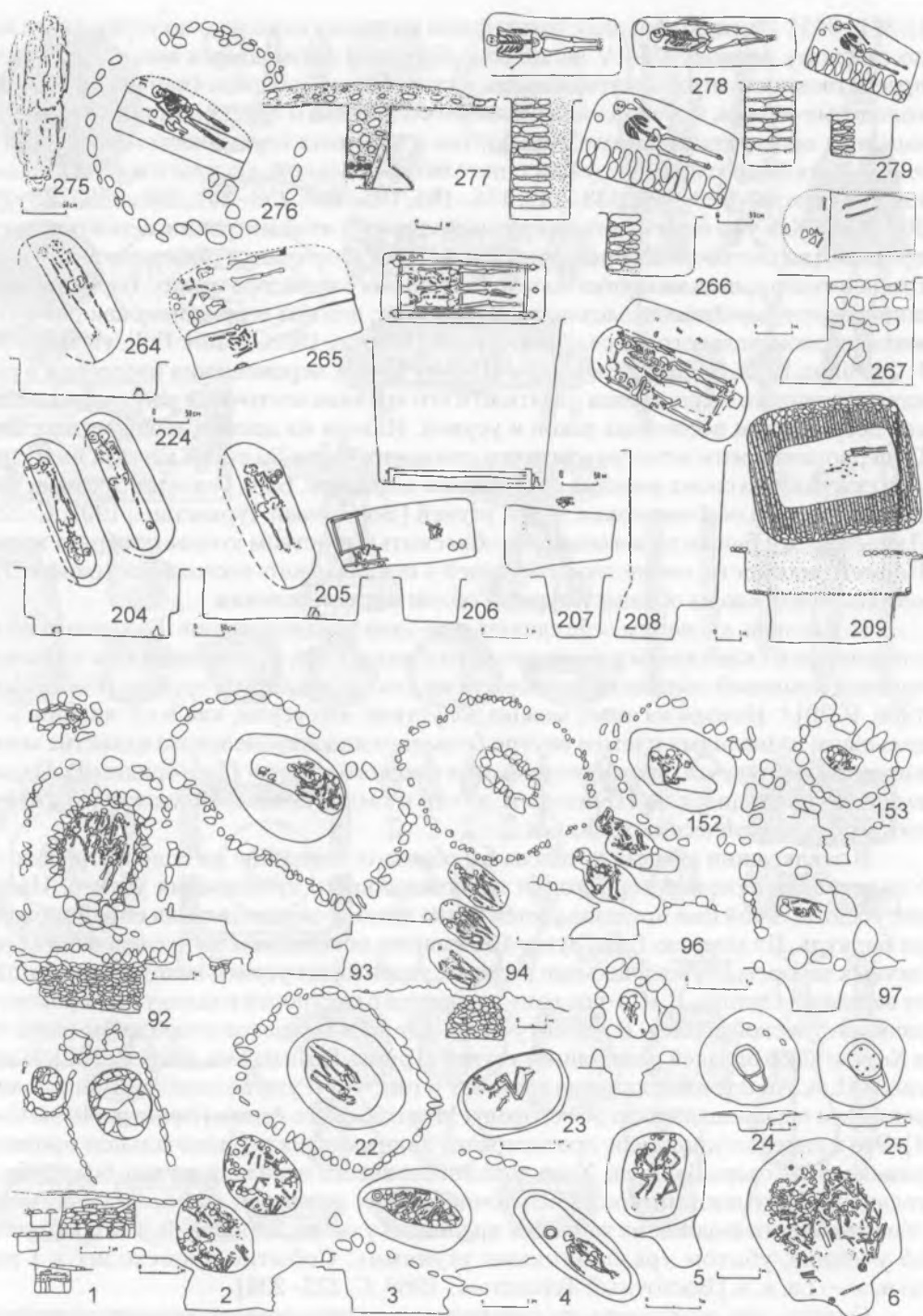
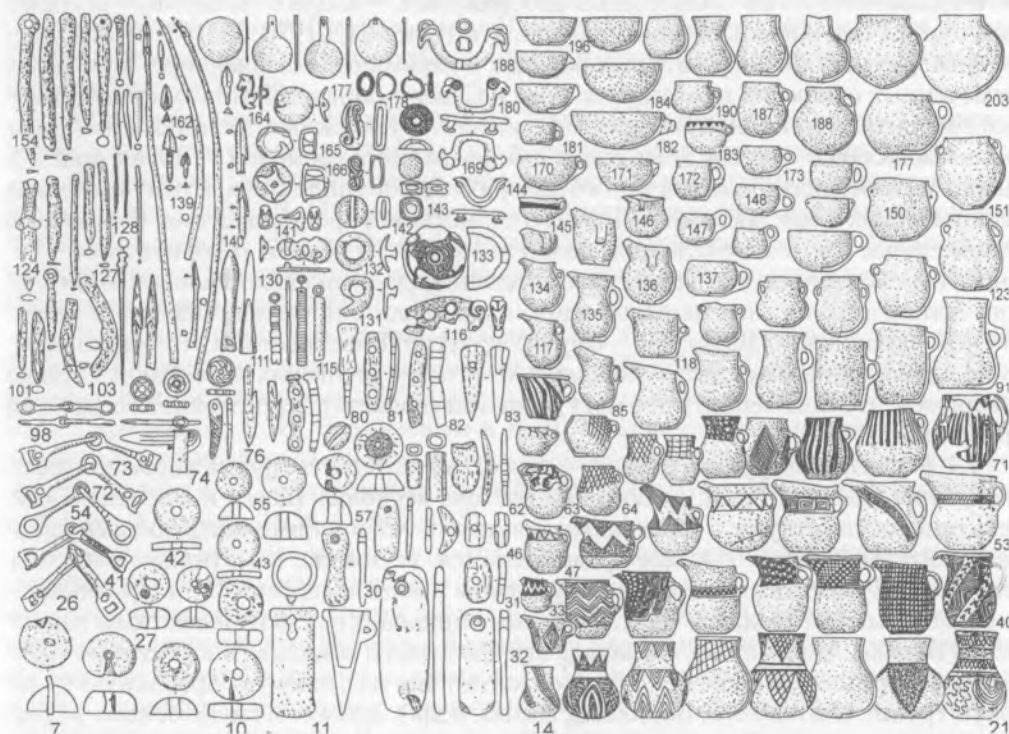
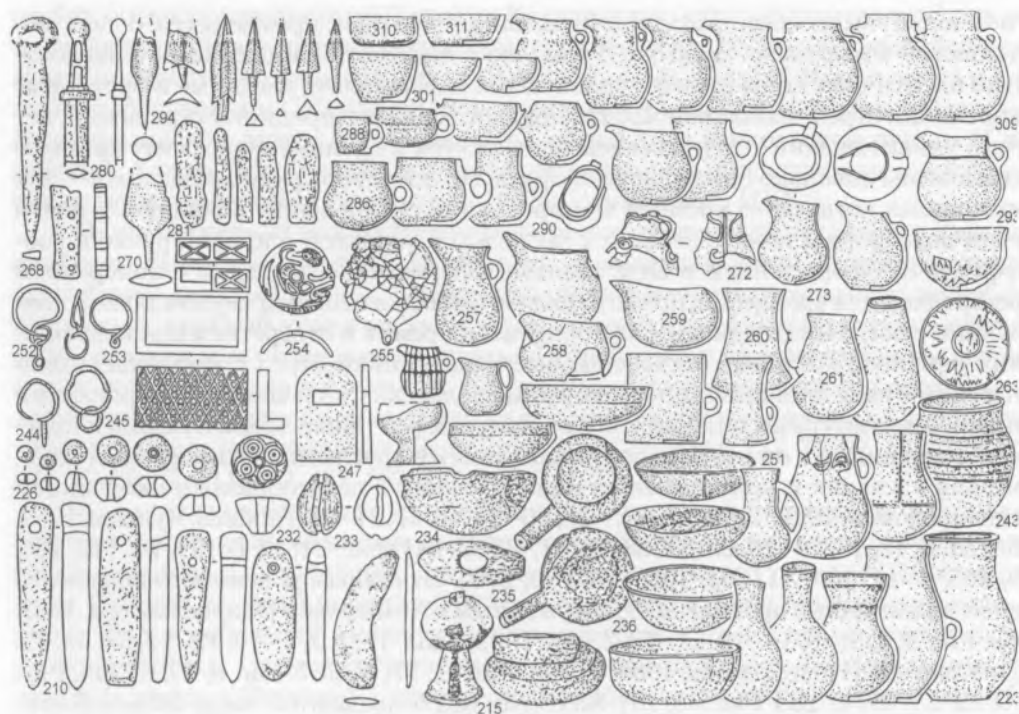

Рис. 23. Сако-усуньский ИКК Восточного Туркестана. Fig. 23. The Saka-Wusun HCC of East Turkestan. 1, 7–9, 11, 15, 17–19, 21, 22, 29, 30, 33, 36, 40, 41, 55, 57, 62, 66, 70, 71, 81, 82, 84–92, 107, 108, 115–118, 129, 135–137, 163, 169–171, 186, 193 – Чауху-4; 2, 3, 10, 12, 13, 16, 20, 23, 24, 31, 34, 35, 37–39, 44, 47, 49, 51, 52, 54, 59–61, 63–65, 67–69, 76, 77, 79, 80, 95, 97, 100–103, 109, 111–114, 123, 127, 133, 134, 142, 144, 145, 147–152, 155–161, 167, 168, 174, 176, 178, 180, 184, 185, 190, 191, 195, 198, 201, 203 – Чауху-1; 4–6, 14, 25–28, 42, 48, 56, 58, 72–75, 83, 93, 96, 104–106, 110, 119, 120, 124, 125, 130, 131, 138, 139, 141, 143, 153, 154, 162, 164, 165, 173, 179, 181, 182, 187–189 – Цюньбаке; 32, 43, 45, 46, 50, 53, 78, 94, 98, 99, 121.

122, 126, 132, 140, 146, 166, 175, 177, 183, 192, 194, 196, 197, 199, 200, 202 – Чауху-2; 205, 206, 211–214, 224, 227–230, 232, 243, 244, 253–255, 258, 260, 271–279, 282–289, 291–294, 298, 299, 303–309 – Шанхусян; 207, 208, 210, 216–220, 222, 223, 233, 234, 236, 238, 239, 242, 268–270, 290 – Тэмүликэ; 209, 226, 251, 252, 259, 261, 280, 281, 295–297, 300–302, 310, 311 – Субаши; 215, 231, 237, 240, 241, 245–250, 256, 257, 262–264 – Кория; 265, 285 – Садонгбулак

до н. э. юга Тувы и северо-западной Монголии. Речь идет, прежде всего, о двух могильниках — ймырлыг и Улангом. В том, что в этих могильниках встречены абсолютно идентичные типы ножей с кольцевыми наконечниками, костяные и бронзовые наконечники стрел, колчаные крюки, пряжки, зеркала и предметы украшений, нет ничего удивительного — эти комплексы относятся к единому скифскому ареалу и расположены довольно близко друг от друга. Но довольно трудно объяснить — как в материалах усуньского времени Семиречья и Притяньшанья появляются почти идентичные формы ножей, зеркала с прорезью в короткой широкой ручке и зооморфным ее оформлением в виде завитка, сферические накладки с поперечной перегородкой для крепления, прямоугольные накладки сложной двухсоставной конструкции с боковым отверстием для продевания ремня и отверстием для подвешивания ремешка, костяные бесчерешковые наконечники стрел с расщепленными лопастями в виде длинных шипов, фигурные подвески с кольцевыми или рогатыми ушками, и вытянутыми или фигурными прорезными привесками, булавки с круглыми наконечниками и оплетками по спинке, серьги с круглыми несомкнутыми кольцами для вдевания и привесками из камней, серьги с петлеобразным окончанием [Заднепровский, 1992. Табл. 29, 4, 21, 28, 36–44, 46, 47, 51–58; Акишев, Кушаев, 1963. Табл. XI, 6, 12, 13, 16–20, 23, 37, 38, 39, 41, 42, 83, 84] (рис. 21, 42, 60, 91, 74, 112, 126, 138, 105, 8–14, 109–111, 93, 103, 174, 190, 200). Эти образцы вещевого комплекса усуней, аналогичные предметам, обнаруженным в Аймырлыге [Мандельштам, 1983. С. 29. Рис. 2, 1, 3, 48, 16–18, 21–23, 25, 26; 1992. Табл. 77, 1, 2, 7–10; 19–22, 64, 65, 72, 73] и Улангоне [Новгородова, 1989. С. 256. Рис. 11, 17; С. 267. Рис. 8, 72; С. 268. Рис. 24, 9, 19, 25–27; С. 285. Рис. 10, 15]. Аналогии подтверждаются также большой стилистической близостью зооморфных изображений — козла с сильно вытянутыми назад округлыми рогами, бегущих оленей, птиц (рис. 21, 61, 76, 54, 155, 110). Существенные различия в погребальных обрядах и керамическом комплексе усуньских и отмеченных скифских памятников Тувы и Северо-Западной Монголии не позволяют говорить об их единокультурном характере. К тому же могильники Аймырлыг и Улангом включают в себя комплексы и более раннего времени (V–IV вв. до н. э.). Однако несомненная схожесть целого набора вещевого инвентаря, к тому же весьма специфических форм, наводит на мысль о единстве его происхождения. Вероятно, в данном случае мы, с определенной долей вероятности, можем говорить либо о северных перемещениях сако-усуньского населения вдоль западных склонов Монгольского Алтая, либо о существовании вдоль этих предгорий меридионального маршрута кочевания: озеро Баракуль — озеро Уве-Нуур. Впоследствии это нашло отражение в появлении в пределах Западной Монголии усуньских этнонимов. Однако оговоримся, что подтвердить это могут лишь материалы с территории юго-востока Туркестана.

4.4. Кенкольская группа (аланско-кангюйский ИКК). Эта группа занимает оазисные центры Средней Азии, включая на востоке верховья Таласа и Кетмень-Тюбе. Здесь они сосуществуют с таласскими и кетмень-тюбинскими памятниками сако-усуньского ИКК. Хотя, как нам представляется, усуньские памятники появились здесь раньше. Памятники кенкольской группы в верховьях реки Чу и Притяньшанье (Кум-Арык, Айгырджал, Чаткал, Кызарт) приходят на смену известным памятникам (Бурана, Аламышик). На западе эти памятники обнаружены в среднем течении правобережья Сырдарьи, где они образуют так называемую Арысьскую культурную группу (Алтынтобе, Бориджар, Актобе и др.). Здесь они сменяют сако-усуньские комплексы типа Берккара I, III и Талды, а также комплексы лявандакского типа (Берккара II и Кенсай) (цв. вклейка, рис. 2, VII).

Со Средней Сырдарьи граница распространения комплексов алано-кангюйского ИКК опускается на юг в Ташкенский оазис и Чардару, где эти памятники об-

разуют большую компактную Джунско-Каунчинскую культурную группу. Здесь они появляются в ареале, ранее занимаемом подобно-катакомбными юэжйско-сарматскими (восточно-сарматскими) (Шаушукумский, Тайкыр, Кызил-тепе) и юэжйско-кушанскими (Шаушукумские грунтовые и подбойные ямы) комплексами. В самаркандском оазисе исследовано три могильника кенкольской группы (Сазаганский, Аджар-Тебе, Хазара), которые располагались в непосредственной близости от могильников II–I вв. до н. э. восточно-сарматского ИКК.

Одним из первых в характеризуемой группе памятников исследован Кенкольский могильник. Катакомбные погребения, выявленные в нем, имели однотипное устройство: длинный дромос, перпендикулярно к нему расположенная погребальная камера, круглый вход в катакомбу закрывается каменными плитами, деревянными плахами или сырцовым кирпичом. Погребальные камеры имели овальную в плане форму и сводчатый потолок. Захоронения одиночные или коллективные на деревянном ложе, в гробу из арчи или на подстилке (кошма-циновка). Ориентировка погребенных неустойчивая [Бернштам, 1940] (рис. 24, 137, 73, 97, 143, 128, 227, 244, 29, 86, 87, 111, 112, 127, 169, 197, 208, 222, 237, 243).

В целом основные черты устройства поперечных дромосных катакомб присутствуют в памятниках различных микрорайонов, сохраняя свои типологические особенности в локальных группах. Так, катакомбы хангизского типа (от Шаххимардана до Ошской долины) имеют небольшую овальную камеру, ориентированную по линии В–З, и небольшой сильно уплощенный дромос. Более прямоугольную форму погребальных камер и укороченный дромос имеют катакомбы могильника Гурмирон (Северная Фергана). Своеобразные подбой-катакомбы исследованы на Памире (Аличир I) и в некоторых курганах Шаушукумского могильника (курган 52). Основная масса катакомб могильников Шаушукум (Ташкентский оазис) и Жамай-Тогай (Чардара) имеет ступенчатые дромосы и овальные вытянутые погребальные камеры (рис. 24, I, III).

Катакомбы могильников Хазара и Сазаган (Самаркандский оазис) имеют каменную закладку входа в погребальную камеру и части дромоса (рис. 24, II).

Территориальное своеобразие наблюдается также в типах вещевого инвентаря. Н. И. Берлизов и В. Н. Каминский на основании анализа вещевых комплексов приходят к выводу, что средне-сырдарьинские памятники отличает большая «милитаризованность» инвентаря, а ферганские — напротив большая «женственность» [Берлизов, Каминский, 1993. С. 103].

Широкий спектр локальных особенностей типов вооружения, украшений и бытового инвентаря приводится в работе Н. Г. Горбуновой [Горбунова, 1991]. Однако, несмотря на локальные особенности, все эти памятники мы склонны, вслед за С. С. Сорокиным, Н. И. Берлизовым и В. Н. Каминским, рассматривать в рамках одного культурного типа как памятники сырдарьинско-ферганской группы I века до н. э. – III века н. э. [Берлизов, Каминский, 1993] или катакомбные погребения Средней Азии [Сорокин, 1956. С. 102–105].

Вещевой комплекс мужских погребений представлен оружием дальнего боя — сложносоставным луком гуннского типа, железными трехлопастными черенковыми наконечниками стрел. Среди последних более ранними (I век до н. э. – I век н. э.) являются наконечники с коротким черенком и удлиненными лопастями, срезанными под острым углом, а более поздними (II–IV вв.) — длинночерешковые наконечники с широкими лопастями, срезанными снизу под прямым или тупым углом, а также с уступом у черенка. В мужских погребениях встречены также длинные мечи без перекрестия, круглорамчатые пряжки с подвижным щитком или пряжки с прямоугольной рамкой. В женских захоронениях частой находкой являются зеркала (китайские восьмиарочные, стососковые, бактрийского типа), керамические пряслица,

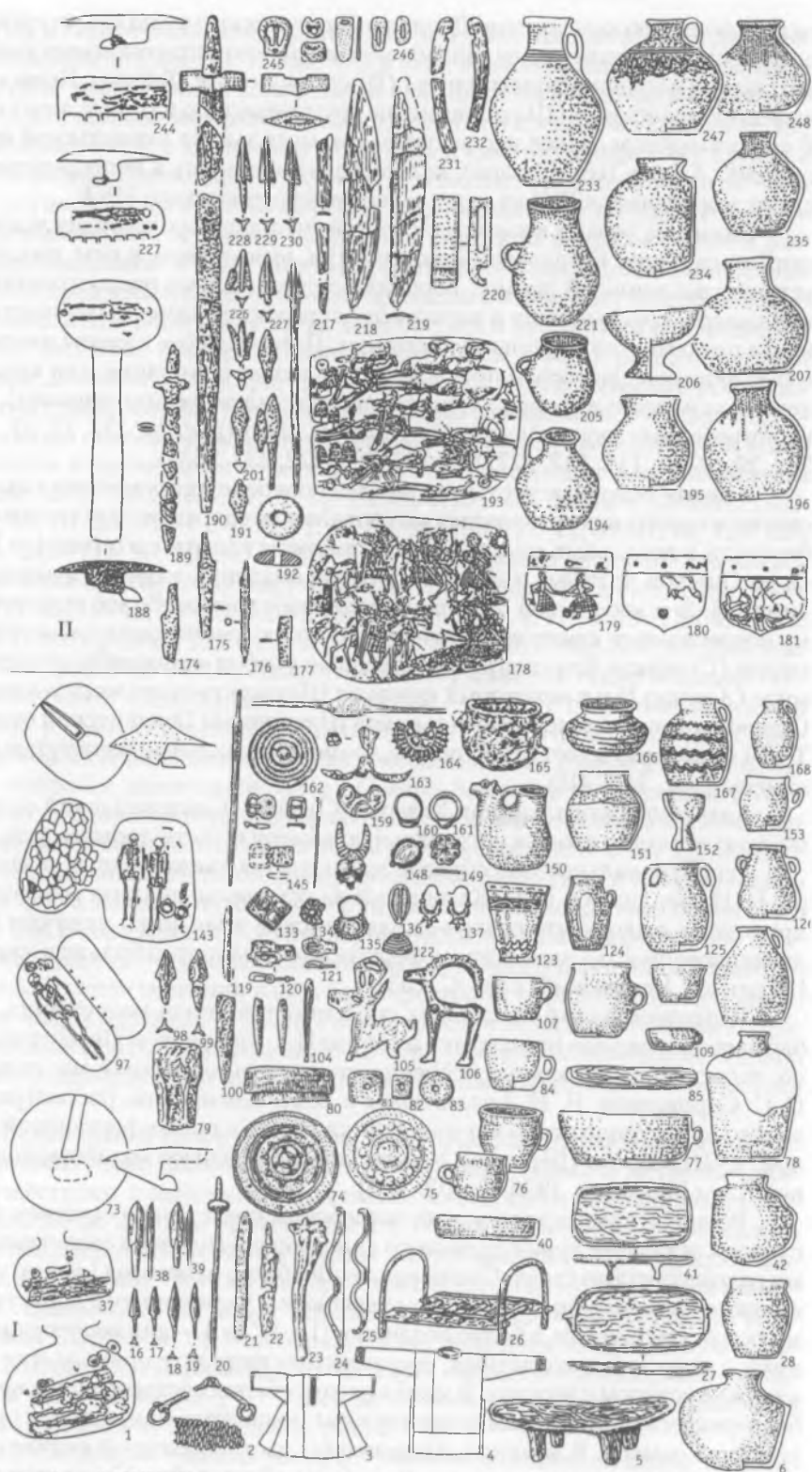
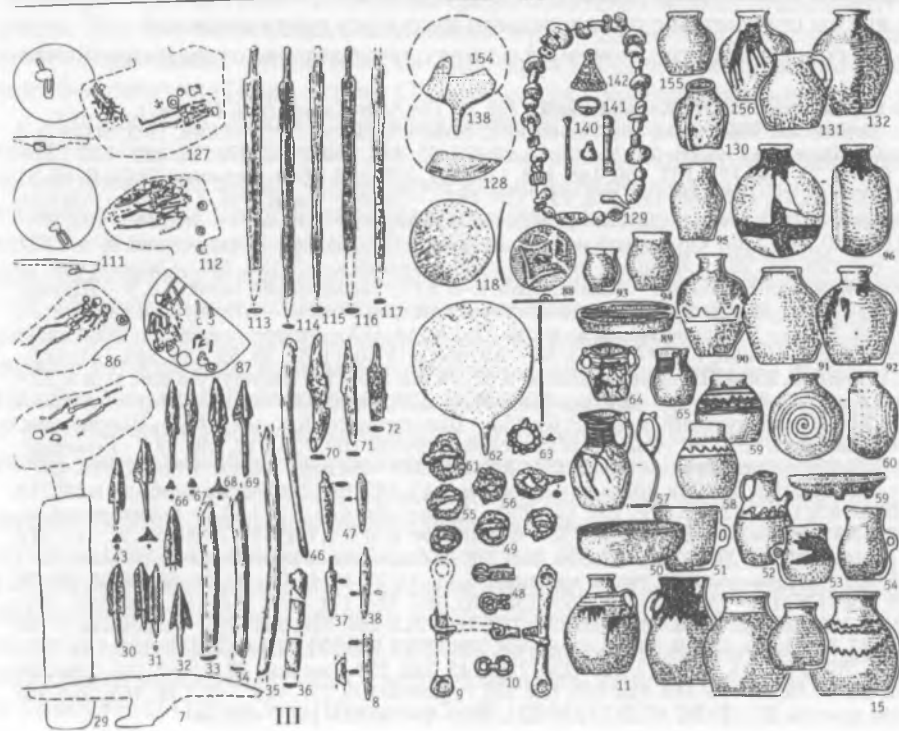
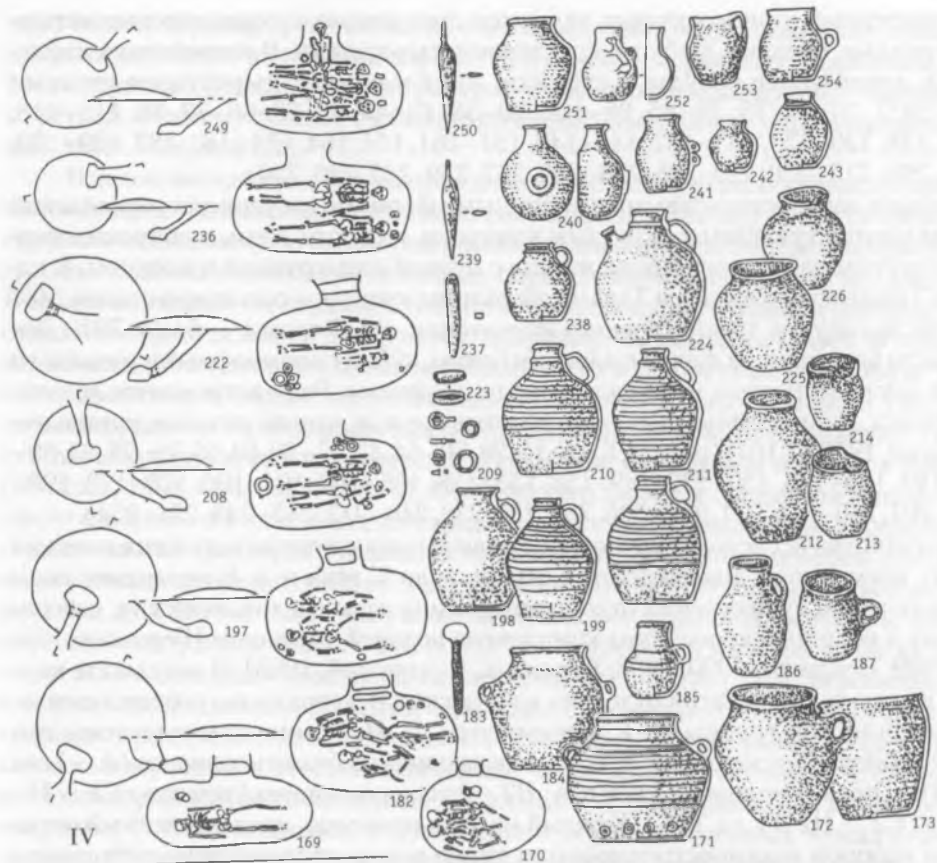

Рис. 24. Алано-Кангуйский ИКК (Кенкольский). Fig. 24. The Alan-Kangui HCC (Kenkol'sky)

бусы, характерным типом которых являются стеклянные и сердоликовые четырёхнадегигранные, булавы, фибулы, круглорамчатые пряжки. В погребениях найдены также деревянные сосуды и столики, курильницы с дырчатыми стенами (рис. 24, 59, 7–27, 74, 75, 79–85, 98–106, 30–38, 43–49, 62, 63, 66–72, 88, 113–118, 128–129, 138, 120–123, 133–137, 145–149, 157–161, 154, 164, 174–181, 183, 189–193, 201–204, 209, 215–220, 223, 226, 228–232, 237, 239, 245, 246, 250).

Наиболее распространенными и типичными формами сосудов для кенкольской группы являются кувшины с округлым корпусом, плоским дном, нешироким горлом и отогнутым наружу венчиком, иногда с ручкой или с ручкой и носиком. В катакомбах Ташкенского оазиса и Таласской долины кувшины составляют около 50% общего числа сосудов хозяйственного назначения, а в Фергане — более 70%. Довольно часто встречаются фляги с плоским боком, кубки с зооморфными ручками и открытые миски с простым или усложненным профилем. Реже встречаются лохани, горшки, банки, миниатюрные сосудики, простые кружки, чашки, котелки, курильницы [Сорокин, 1956. С. 104] (рис. 24, 6, 11–15, 28, 50–54, 42, 57–60, 64, 65, 76–78, 84, 89–96, 107–110, 124–126, 130–132, 149–153, 155, 156, 165–168, 194–196, 170–173, 198–203, 205–207, 210–214, 221, 224–226, 233, 235, 238, 240–243, 247–248, 251–254).

Большинство исследователей относят памятники кенкольского типа к весьма широкому временному диапазону от I века н. э. до V века н. э. В последние годы Н. И. Берлизовым существенно откорректированы даты среднеазиатских, северокавказских и восточноевропейских комплексов поздней древности [Берлизов, Журавлев, 1989; Берлизов, 1990; 1998; Берлизов, Каминский, 1993]. В результате корреляции вещевых комплексов отдельно из мужских и женских погребений сырдарьинско-ферганской группы Н. Е. Берлизовым, В. Н. Каминским выделены три основные хронологические фазы: А, В, С, включающие в себя пять периодов (А — I век до н. э.; В1 — первая половина I век н. э.; В2 — вторая половина I век н. э.; С1 — II–III вв. н. э.; С2 — III–IV вв. н. э.). Каждый из этих периодов, представленный определенным набором взаимодействующих типов вещевого инвентаря, датируются по наиболее ярким предметам с привлечением широкого круга аналогий.

Правда, не совсем понятно, почему в одном случае авторы отдают предпочтение

Рис. 24. Алано-Кангюйский ИКК (Кенкольский). Fig. 24. The Alan-Kangui ICC (Kenkol).

(по: [Байпаков, Бернштам, Горбунова, Заднепровский, Кожомбердиев, Литвинский, Подушкин]). I. Памятники Таласа Ферганы: 1–6, 16–28, 37–39, 42, 73–75, 85, 137, 149, 161, 167, 152, 120–122, 151 – Кенкол; 27, 41, 80, 84, 77, 166, 123, 107, 106, 148, 133, 121, 147, 159, 150, 164 – Кетмень-Тюбе; 6, 78, 81, 110, 119, 98, 99, 100, 105, 79, 157, 158, 145, 173, 134, 136, 161 – Акчий-Карасу; 97, 143, 165 – Айгырджал; 76, 40, 125, 126, 143, 148 – Чаткал. II. Самаркандский и Бухарский оазисы: 174–181, 189–193, 201–204, 226–233, 215–220, 245, 246 – Орлатский могильник, к-н 2; 189, 234, 247 – Сазаганский, к-н 1; 221, 244 – Хазара, к-н 3; 194, 205, 227 – Хазара, к-н 2; 195 – Сазаганский, к-н 5; 196, 206 – Сазаганский, к-н 2; 207 – Сазаганский, к-н 8; 235, 248 – Сазаганский, к-н 3. III. Ташкентский оазис: 7, 8, 9 – Шаушукумский, к-н 56; 8, 117, 48, 49, 130, 95, 96, 44 – Шаушукумский, к-н 80; 9, 46 – Шаушукумский, к-н 50; 10, 70–72, 61, 57, 64, 50, 99 – Шаушукумский, к-н 106; 12, 13, 111, 112 – Актобе, к-н 90; 14, 155, 115, 34, 35, 37 – Шаушукумский, к-н 60; 15, 127, 51, 53, 54 – Актобе, к-н 40; 11, 87, 58, 59, 129, 140, 141, 142 – Ширинсай; 30, 45, 94, 132, 156 – Шаушукумский, к-н 62, 31, 43, 116, 47 – Шаушукумский, к-н 5; 32 – Шаушукумский, к-н 6; 33, 36, 38, 114 – Шаушукумский, к-н 72; 48, 66–68, 56, 138 – Шаушукумский, к-н 110; 52, 88, 118 – Шаушукумский, к-н 109; 63, 154 – Шаушукумский, к-н 71; 113 – Шаушукумский, к-н 107; 86 – Актобе, к-н 43. IV. Арысьская культурная группа: 169, 226, 212, 240, 241 – Борикарский, к-н 9; 170, 253, 254 – Борикарский, к-н 2; 171, 208, 199, 237 – Алтын-Тобе, к-н 8; 172, 186, 187 – Борикарский, к-н 3; 173, 182, 200, 209, 237 – Алтынтобе, к-н 11; 185, 197, 198 – Алтынтобе, к-н 10; 210, 211 – Алтынтобе, к-н 5; 184, 222, 223, 238, 239, 241, 250 – Алтынтобе, к-н 3; 213, 214 – Борикарский, к-н 8; 236, 240, 242 – Алтынтобе, к-н 2; 249, 251, 252 – Алтынтобе, к-н 1. 1, 7, 29, 37, 73, 86, 87, 97, 111, 112, 127, 143, 169, 170, 182, 188, 197, 208, 222, 227, 236, 244, 249 – общие планы курганов и погребений; 2–5, 24–27, 41, 80, 85, 161 – дерево, волокно, ткань, тростник; 6, 11–15, 28, 40, 42, 50–54, 57–60, 64, 65, 76–78, 89–96, 107–110, 124–126, 130–132, 150–153, 155–156, 165, 167, 168, 171–173, 184–187, 194–196, 198–200, 205–207, 210–214, 221, 224–226, 233, 234, 235, 238, 240–243, 247, 248, 251–254 – керамика; 8–10, 16–21, 23, 30–32, 37, 38, 43–45, 47, 49, 55–56, 61, 66–69, 70–72, 79, 98–100, 113–117, 119–121, 144, 174–177, 189–191, 201–203, 215, 216, 226, 227, 228–230, 239, 245, 246, 250 – железо; 22, 81, 82, 192, 220, 223, 237 – камень; 62, 63, 74, 75, 88, 106, 118, 128, 145, 154, 157 – бронза; 105, 137, 145–149, 159–161, 162–164 – золото, серебро, камень; 23, 33–36, 46, 217–219, 231, 232 – кость; 123, 166 – стекло

ние раннему периоду существования отдельных типов вещей (ханьские зеркала восьмиарочного типа с надписями в фазе А), в другом — среднему (корейские аналоги восьмиарочных зеркал, распространение сложносоставных луков — период В-1), а в третьем — самому финалу их бытования (попадание монет у-шу в ожерелья Средней Азии — период С1).

В целом авторам удалось создать довольно стройную шкалу относительной хронологии среднеазиатских комплексов рассматриваемого круга и, что очень важно, сравнить их с единокультурным северокавказским комплексом терекско-дагестанской группы. Однако необходимо отметить определенную уязвимость данного метода. В каком-то смысле он отражает традиционную схему датирования материала, когда отдельные группы вещей датируются, например, по находкам монет. В этом случае неизбежно встает вопрос о времени попадания их в те или иные комплексы. Как правило, происходит определенное их «запаздывание». Между тем нами уже обращалось внимание на то, что, равно как и монеты, отдельные категории вещей также могут значительное время находиться в обращении, прежде чем попадут в погребение [Боталов, 1991. С. 8; 1995. С. 5–9]. Особенно это касается предметов импорта. Появление их среди тех или иных коллекций зависит от сравнительно большого числа весьма важных факторов (удаленность от производственных центров или торгово-коммуникационных артерий, от существующих в обществе социоэкономических традиций и др.). В этой связи мы склонны весьма осторожно относиться к выделенной авторами материалов фазе А, тем более, что погребений этой фазы, по их мнению, «считанные единицы» [Берлизов, Каминский, 1993. С. 106]. Эти погребения датируются ханьскими восьмиарочными зеркалами с надписью типа *pai ji*, существование которых ограничено лишь I веком до н. э. Что касается более ранних образцов обломков восьмиарочных и стососковых зеркал, то, по мнению основных исследователей этой категории вещевого материала А. Буллинга, Л. Вайдермейрса и Б. Келгрена, приводимому Б. А. Литвинским, в целом ранние образцы подобных зеркал относятся к периоду Старшей Хань. Хотя среди среднеазиатских зеркал существуют ранние образцы. Так, три экземпляра беззубцовых зеркал, два из которых слабо документированы (Ташкенский музей, могилы Жал-Арык), а одно представлено невыразительным фрагментом (Горку, курган 1), датируются временными рамками II–I вв. до н. э.

Однако Б. А. Литвинский в заключении раздела о зеркалах делает существенное уточнение, отмечая, что «...приведенные выше данные о датировке тех или иных типов китайских зеркал определяют время фабрикации типов в основных центрах их производства. Сами же зеркала могли существовать (и воспроизводиться) много позже». В подтверждение сказанному Б. А. Литвинский приводит примеры находок таких зеркал в заведомо более поздних памятниках [Литвинский, 1978. С. 101].

Из всего вышесказанного следует, что точная датировка отдельных групп материала по ханьским зеркалам весьма гипотетична. Особенно это касается обломков зеркал, которые использовались вторично как подвески-обереги. В музее шаманизма (г. Улан-Удэ) на костюмах шаманов XIX–XX вв. нам приходилось видеть подобные обереги из зеркал не только суньского и танского, но и ханьского времени. Таким образом, «запаздывание» фрагментов зеркал может быть весьма значительным.

Что касается фибул типа «Алезии» в римской провинции Центральной и Восточной Европы они действительно имеют надежную узкую дату: появились в 52 году до н.э. и просуществовали до 15 года до н. э. По мнению М. В. Щукина, в Среднее Поднепровье фибулы этого типа были занесены с Кавказа и Крыма сарматами, победившими к середине I века н. э. племена зарубинецкой культуры и занявшими часть их земель [Щукин, 1989. С. 65–69]. Отмечены также случаи появления подобных фибул или их имитаций, среди материалов дагестанских могильников Камуте и Камбулте II–III вв. н.э. [Смирнов К.Ф., 1961. С. 171, 214].

На наш взгляд, более дробную хронологическую схему в датировании среднеазиатских материалов поздней древности дает типология железных трехлопастных наконечников стрел, которая приводится Н. Е. Берлизовым и В. Н. Каминским в указанной выше работе [Берлизов, Каминский, 1993. Табл. IV]. Как вытекает из приведенной в их исследовании таблицы, подавляющее большинство наконечников составляют непрерывные типологические ряды в рамках I–III вв. н. э. На наш взгляд, большее количество среднеазиатских материалов действительно относится к этому хронологическому отрезку, хотя отдельные катакомбы могильников Джунский, Шамси, Шаушукумский, Кок-Бель и других дают материалы IV–VI вв. и даже более поздние [Амброз, 1981. С. 21]. В целом, не оспаривая принадлежность единичных комплексов к раннему периоду (конец I века до н. э. — рубеж эр), мы склонны рассматривать все вышеописанные памятники в едином контексте и в рамках основного культурно-генетического этапа I–IV вв. н. э.

Это обусловливается не только археологической близостью подбойно-катакомбных погребальных комплексов первых веков н. э., но и, что весьма важно, историческим единством территорий их расположения. По наиболее распространенному среди исследователей мнению, районы, где встречены подбойно-катакомбные погребения кенкольского типа, соотносятся со страной Кангюй. На востоке граница страны очерчивается в районе между реками Талас и Чу, в ее нижнем течении, на юге — Ташкенским оазисом, на севере и западе — Нижней и Средней Сырдарьей [Кляшторный, 1964. С. 171; Бартольд, 1963. С. 175–176; Markwart, 1938. P. 188, Mg. Govern, 1939. P. 134–135; Бернштам, 1952. С. 211; Литвинский, 1968. С. 14–71; Вайнберг, 1999. С. 268].

Вопросы происхождения историко-культурного комплекса с катакомбным обрядом погребений неоднократно поднимался в литературе. Существует две основные точки зрения об этнокультурном характере населения, оставившего могильники этого типа. Ряд исследователей полагают, что они принадлежат местному, в большей части, оседлому населению [Сорокин, 1956; Кожомбердиев, 1960; Литвинский, 1972; Брыкина, 1982]. Другие считают, что катакомбные погребения принадлежат пришлым племенам, ассимилировавшим местное население [Бернштам, 1951; 1952; Заднепровский, 1960; Берлизов, Каминский, 1993. С. 107–109]. Особую позицию в этом вопросе занимает Н. Г. Горбунова. С одной стороны, формирование культуры кочевого населения, оставившего подбойно-катакомбные погребения, она связывает с постоянным притоком новых племен, с другой — их вторжение и прохождение через территорию исконных среднеазиатских скотоводов вовлекало последних в общее движение, тем более, что среднеазиатское скотоводческое население имело широкие традиционные связи с племенами, обитавшими в различных частях степного пояса [Горбунова, 1991. С. 28]. Таким образом, ее точка зрения, с одной стороны учитывает миграционный, а с другой, автохтонный характер генезиса местных культур с подбойно-катакомбным обрядом погребений (каучжско-джунская и кугайско-карабулакская культуры). Если поэтапно рассматривать отдельные фазы этого процесса, то, несмотря на определенную громоздкость и сложность в его понимании, в выводах Н. Г. Горбуновой выявляется очень важное и рациональное зерно. Однако, прежде чем рассматривать его, сделаем одно существенное отступление.

Как нам представляется, миграционная гипотеза возникновения катакомбно-обрядов погребений в Средней Азии имеет бесспорные аргументы. В этой связи мы полностью согласны с Н. Е. Берлизовым и В. Н. Каминским, утверждающими, что катакомбный обряд получает совершенно внезапное и широкое распространение среди населения этого региона, причем истоки его среди автохтонных культур VII–II вв. до н. э. не прослеживаются [Берлизов, Каминский, 1993. С. 108]. Однако, как нам представляется, время широкого распространения катакомбного обряда по-

гребений в Средней Азии, равно как и в урало-казахстанских степях, скорее всего падает на вторую половину III века до н. э. При этом логика дальнейшего рассуждения требует, на наш взгляд, жесткой дифференциации отдельных определений.

Дело в том, что достаточно давно в исследовательской традиции культурный массив с катакомбными комплексами получил название — памятники с подбойно-катакомбными погребениями. При этом чаще всего в их составе, вместе с подбойными, рассматриваются и разные типы катакомбных могил (торцовые и дромосные катакомбы). Однако, как нам представляется, термин подбойно-катакомбные погребения может быть применен исключительно лишь к более ранним памятникам, которые составляют восточно-сарматский ИКК. Его действительно представляют подбойные и простые грунтовые ямы с южной ориентировкой погребенных, а также торцовые катакомбы с индивидуальными погребениями, имеющими аналогичную ориентировку. Приток этого населения происходит в конце III—II века до н. э. Однако катакомбы дромосного типа с групповыми или индивидуальными погребениями, с устойчивой или неустойчивой ориентировкой в своем абсолютном большинстве появляются многим позже — с I века н. э. Таким образом, катакомбами двух основных типов разделены промежуток в 200–400 лет. Однако, как мы видели из описания месторасположения основных групп этих памятников, они, как правило, занимают одни микрорайоны в пределах границ южноказахстанских и среднеазиатских оазисов. Наиболее наглядно эта картина предстает перед нами в пределах келесских степей Чардары. Остается только сожалеть, что при их публикации не совсем четко прослежены различия сарматских и аланских групп и почти все комплексы из могильников Актобе, Шаушукумский, Жаман-Тогай и других объединены в общий хронологический интервал II–V вв. н. э. [Максимова, Мерсчиев, Вайнберг, Левина, 1968. С. 174–260].

Рассмотрим эту ситуацию подробнее. В могильнике Жаман-Тогай исследовано девять курганов, входящих в три достаточно удаленные друг от друга группы. Первая группа включает курганы 1–3, 5, 9, 12, 14; вторая — курганы 16, 18; третья — курган 21. Авторы публикации датируют эти комплексы тремя хронологическими периодами: эпоха бронзы (X–VIII вв. до н. э.); сакское время (VII–VI вв. до н. э.) и рубежом эр — III–V вв. н. э. [Максимова, Мерсчиев, Вайнберг, Левина, 1968]. Если принадлежность отдельных комплексов и предметов из этого могильника к первым двум периодам не вызывает сомнения, то третий период, к которому отнесены погребения курганов 1, 9, 12, 14, 21, требует своей детализации.

К наиболее раннему из этой группы относится погребение кургана 21, имеющего крайне северное расположение в могильнике. На наш взгляд, оно представляет собой характерный памятник восточно-сарматского ИКК: прямоугольная могильная яма, южная ориентировка погребенного. Вещевой инвентарь включает железные трехлопастные наконечники стрел с широкими лопастями, срезанными под острым углом, и длинными сужающимися книзу черенками; железный меч с прямым перекрестием; короткий железный меч без перекрестия; костяную накладку для сложносоставного лука; нож; каменные прямоугольные пряжки и накладки с зооморфными изображениями на внешней стороне. Накладки, керамическая прямоугольная курильница и плавнопрофилированные плоскостонные горшочки с характерным отогнутым венчиком [Максимова, Мерсчиев, Вайнберг, Левина, 1968. Табл. II, 1–3; III, 1–12, 15–20, 22; IV, 1, 2. Рис. 5] позволяют датировать погребение в кургане 21 II–I вв. до н. э. Этой дате не противоречат типы железных наконечников стрел и меч с прямым перекрестием, характерные для памятников III–I вв. до н. э. волго-уральских и казахстанских степей, а также памятников восточно-сарматского ИКК Средней Азии (могильники Лявндакский, Кую-Мазар, Тузгыр, Орлат и др.) [Синицын, 1960. Рис. 16, 8; 1946. Табл. IV, 3; Скрипкин, 1990. Рис. 20, 6, 7, 24, 35, 39;

Обельченко, 1961. Рис. 10, 14, 17–21; 1978. С. 117–119. Рис. 1, 3, 2; Лоховиц, 1979; Лоховиц, Хазанов, 1979]. Характерны для этих комплексов и прямоугольные пряжки-накладки с отверстиями и зооморфными изображениями на внешней стороне. На наш взгляд, по форме и размерам, они имитируют прямоугольные ажурные металлические пряжки «ордосского типа», которые появляются в волго-уральских и казахстанских степях с волной юэчжийско-сарматского населения в конце III–II века до н. э.

Три погребения (в курганах 9, 12, 14), имеющие датирующий материал, составляют более позднюю группу. Интересно, что они совершены по катакомбному обряду, однако каждое из погребений имеет определенное своеобразие в конструкции. В кургане 9 захоронение совершено в торцовой катакомбе (тип 2), ориентированной по линии С–Ю. В кургане 12 исследована катакомба дромосного типа (тип 1), у которой погребальная камера располагалась перпендикулярно дромосу. Катакомба из кургана 14 представляет собой некую переходную форму – дромос проходит по дну входной прямоугольной ямы и входит в юго-восточный угол прямоугольной погребальной камеры, расположенной наклонно под тупым углом к дромосу [Максимова, Мерщев, Вайнберг, Левина, 1968. Рис. 2, 3, 5–8]. Найденные здесь бронзовый котел с подножкой и ушками в виде домика, а также кувшин с напечным фигурным валиком характерны для памятников хуннского круга рубежа эр Южной Сибири и Центральной Азии [Руденко, 1962. С. 36. Рис. 29б; Давыдова, 1956. С. 287. Рис. 18, 6; Левашова, Рыгдылон, 1952. С. 134. Рис. 45, 3; Доржурэн, 1962. С. 39. Рис. 8, 4; Бокоренко, 1977. С. 231, 233. Рис. 3, II; Гаврилова, 1957. С. 264. Рис. 8] (рис. 18, 41).

По всей видимости, данные комплексы целесообразнее всего датировать в пределах I века до н. э. – I века н. э.

Этому не противоречит датировка меча без перекрестия из кургана 14. Круглодонный горшок из этого же кургана имеет явно не среднеазиатское происхождение. У него прямая отогнутая шейка и округлое тулово, по плечу и шейке которого нанесен резной орнамент в виде елочки, горизонтальных линий и наколов. Сосуды подобной формы и орнаментации характерны для саргатских памятников Юго-Западной Сибири [Полосьмак, 1987. С. 32–33. Рис. 26, 6, 7, 13; 27, 4, 28, 7] и комплексов березовского этапа (I в. до н. э. – I в. н. э.) большебереченской культуры Верхнего Приобья [Грязнов, 1992. Табл. 70, 49, 50].

Аналогична ситуация и с комплексами Шаушукумского могильника, хотя этнокультурная палитра здесь несколько сложнее. В могильнике раскопано в общей сложности 57 курганов. По нашему представлению, наиболее раннюю группу (27 комплексов) составляют погребения с торцовыми катакомбами второго типа (курганы 10, 13, 16, 47, 48, 51, 52, 55, 70, 91, 95, 96) и погребения в простых могильных ямах (курганы 2, 10/2, 13/2, 27, 28, 30, 45).

В целом эта группа планиграфически не выделяется из общей массы курганов могильника, хотя из всех раскопанных курганов с грунтовыми ямами семь входили в достаточно компактную южную группу. Что касается датировки погребений ранней группы, то, на наш взгляд, основная часть материалов достаточно четко определяет ее периодом II (возможно конца III) – I вв. до н. э. Это, прежде всего, крупные зеркала с широким валиком по краю и короткой рукоятью [Максимова, Мерщев, Вайнберг, Левина, 1968. Табл. XXVII, 1; XXXI, 14], которые встречаются в сарматских комплексах IV–II вв. до н. э. [Хазанов, 1963. С. 60–62. Рис. 1; Скрипкин, 1990. Рис. 35, 2, 3, 11–13].

В погребении кургана 24 обнаружен меч с антенновидным навершием и прямым перекрестием, обычно датируемый более ранним временем [Максимов, Мерщев, Вайнберг, Левина, 1968. Табл. XXXIV, 3]. Однако наличие в этом же погребении двух длинных мечей без перекрестия и железных трехлопастных наконечников стрел с широкими лопастями и коротким черенком, аналогичных найденным в ка-

такомбах второго типа и в подбойных погребениях могильника Жаман-Тогай [Максимова, Мерциев, Вайнберг, Левина, 1968. Табл. XXVI 8–14; XXXI 1–5; XXXIII 4–8]), позволяет датировать курган 24 II–I вв. до н. э. Не противоречат этой дате бронзовая подвеска с ушком, золотая серьга с бусиной и бусинками из альмандина, прямоугольная двусоставная накладка с прорезью, хорошо известные по комплексам сако-усуньского ИКК III–I вв. до н. э. (см. выше). Керамические курильницы, железные щипчики, плавнопрофилированные горшки, высокие кувшины с узким горлом, а также и кружки с ручками из погребений этой группы имеют большой круг аналогий в материалах памятников сарматского облика III–I вв. до н. э. [Скрипкин, 1990. Рис. 46, 48; Пшеничнюк, 1983. Табл. II, 1, 12; III, 2, 10; VII, 24; XI, 6, 9; XXXVI, 7; Лоховиц, Хазанов, 1979. Табл. VII; VIII; Лоховиц, 1979. Табл. V, VI, VII].

Таким образом, выделенная группа памятников Шаушукумского могильника может быть достаточно четко датирована в пределах II–I вв. до н. э. или, возможно, конца III в. до н. э. — рубежа эр. По характеру устройства погребальных камер их ориентировки и ориентировки погребенных курганов этой группы несут на себе признаки, по меньшей мере, трех ИКК. Торцовые катакомбы с южной ориентировкой погребальных камер (и, вероятно, погребенных) и вещевой материал, обнаруженный в них, вполне логично соотносить с комплексами восточносарматского ИКК. Подбойные погребения, ориентированные по линии С–Ю и имеющие характерные для тулхарского типа погребений закладки входов сырцовым кирпичом, вероятнее всего, связаны с юэчжийским ИКК. Широкие ориентировки погребенных в грунтовых могильных ямах и, особенно, предметы, найденные в кургане 24 (бронзовая подвеска, двусоставная накладка и серьга с бусинами), сближают эти комплексы с кругом сако-усуньских памятников. На этом фоне погребения с дромосными катакомбами Шаушукумского могильника, как и близкие им катакомбы могильников Актобе и Жаман-Тогай, составляют особую группу памятников, связанную с более поздней волной переселений. Вещевой комплекс погребений позволяет датировать эту группу I–V вв. н. э. Если верхнюю дату подтверждает находка монеты 488–497 годов из кургана 106, то ранний рубеж достаточно определенно датирует весь комплекс вещевого инвентаря, представленный длинными мечами без перекрестья, трехлопастными наконечниками стрел, имеющими удлинённые пропорции и узкие лопасти, срезанные внизу под острым углом (типы Д, Е – по Берлизову-Каминскому), бронзовые плоские зеркала со штыреобразной ручкой или ушком для подвешивания и орнаментом с оборотной стороны, многочисленные кольцевые подвески и подвески-зажимы, круглорамчатые пряжки с подвесным щитком, колокольчики, а также конусовидные керамические пряслица [Максимова, Мерциев, Вайнберг, Левина, 1968. Табл. XVII, 8, 11, 22; XVIII, 1–23; XIX, 1–3, 6, 7; XXI, 8, 30, 3] (рис. 24, III, 30–37, 48, 49, 66, 69, 68, 63, 113–117, 128, 129, 154, 140, 142).

Подобные материалы в большом количестве встречены в хорошо датированных памятниках позднесарматской культуры Урало-Поволжья и в кавказских древностях первых веков нашей эры [Хазанов, 1963. С. 63–65. Рис. 1; Скрипкин, 1984. Рис. 15, 1–16; 13, 1, 2, 5, 7; Абрамова, 1983. С. 66. Рис. 2, 12–15, 42, 41; 1987. С. 130–152. Рис. 59, 60]. Определенное своеобразие наблюдается и в керамическом комплексе дромосных катакомб. Значительный процент здесь составляют большие хумообразные сосуды вытянутых пропорций, а также узкогорлые горшки с носиком или фигурной ручкой, имеющие разнообразный богатый орнамент (горизонтальные линии, зигзаги, волнистые линии, точечные вдавления и др.) [Максимова, Мерциев, Вайнберг, Левина, 1968. Табл. IX, 4, 6; XIV, 1, 2, 4, 6–8; XII, 3, 6, 7; XIII, 5, 8; XV, 13].

На наш взгляд, наблюдаемые различия носят, прежде всего, хронологический характер. На материалах могильников Чардары достаточно хорошо прослеживается, что на протяжении трех-четырех веков (с III–II вв. до н. э. по I–II вв. н. э.) в

Средней Азии устанавливается традиция катакомбных захоронений. Она формируется под воздействием двух миграционных волн: первой — восточно-сарматской (III–II–I вв. до н. э.), которая привела к появлению торцовых катакомб (II тип) с индивидуальными захоронениями в них умерших, ориентированных головой строго на Ю; второй — кангюйско-аланской (I в. н. э.), связанной с миграцией сармато-аланов Восточного Туркестана, которая привела к повсеместному появлению дромосных катакомб (I тип) и распространению, наряду с индивидуальными, групповых захоронений.

Несмотря на то что сармато-аланское население было, скорее всего, в этническом плане очень близко своим предшественникам, что и стало основной причиной сосуществования различных комплексов либо в пределах одного могильника, либо на прилегающих территориях, по отношению к предшествующему населению восточносарматского, юэчжийско-кушанского и сако-усуньского ИКК, вновь прибывшие племена были пришельцами.

Безусловно, наблюдается преемственность в развитии катакомбного обряда в комплексах Средней Азии. Переходная форма погребальной конструкции, как мы уже упоминали, фиксируется в кургане 14 могильника Жаман-Тогай, где погребальная камера сооружена в торцовой стенке прямоугольной входной ямы под углом к ней (тип III, по К. Ф. Смирнову) [Смирнов К. Ф., 1972. С. 35. Рис. 1]. Особенно яркими в этом плане являются погребения Мештерхазинского могильника, где, на наш взгляд, мы имеем дело со своеобразной трансформацией торцовых катакомб в дромосные. К торцовой стенке прямоугольной входной ямы примыкает овальная погребальная камера, в которой совершены групповые захоронения, ориентированные головой строго на Ю. Короткий дромос заложен камнем. Вещевой инвентарь (мечи с прямым перекрестием или без перекрестия, трехлопастные наконечники стрел с неширокими лопастями и коротким черенком, керамическая фляга) позволяет датировать могильник рубежом эр (рис. 18, II) [Мандельштам, 1971. С. 71]. Таким образом, и характер погребальных конструкций, и набор артефактов позволяют хронологически расположить этот могильник между комплексами юэчжийско-сарматского ИКК и группой памятников рассмотренного выше типа.

В связи со всем вышесказанным, мы не можем не коснуться вопроса генезиса сарматского катакомбного погребального обряда, которому были посвящены специальные работы [Нечаева, 1961; Смирнов К. Ф., 1972; Железчиков, Кригер, 1978; Мошкова, 1983; Таиров, Гаврилюк, 1988].

Как известно, количество катакомб среди сарматских погребений V–I вв. до н. э. по отношению к общему количеству крайне мало. По данным М. Г. Мошковой, они составляют 0,7% — 35 погребений [Мошкова, 1983. С. 24]. Сегодня общее количество катакомб, вероятно, несколько возрастет с появлением большого массива исследованных погребений из Покровских могильников.

Общепринятым является деление сарматских катакомб на три типа: I тип — катакомбы, у которых ширина погребальной камеры равна ширине входной ямы или меньше ее, а погребенные лежат перпендикулярно оси входной ямы; II тип — погребальная камера расположена на продольной оси входной ямы (торцовые катакомбы), а погребенные уложены ногами ко входу; III тип — погребальная камера расположена под углом к входной яме. Последний тип, по мнению К. Ф. Смирнова, является производным от типа II [Смирнов К. Ф., 1972. С. 74]. Таким образом, принципиальное различие наблюдается между I и II типами. Весьма странным, на наш взгляд, является то, что, предпринимая попытки поиска истоков III типа катакомб, исследователи не уделяли должного внимания принципиальным историко-культурным различиям между сооружениями, составляющими первый и второй типы. А оснований для этого вполне достаточно.

Во-первых, I тип составляют погребения конца VI–рубежа IV–III вв. до н. э. В общем числе памятников этого времени они составляют крайне малое количество по сравнению с катакомбами последующего периода. По данным К. Ф. Смирнова, к этому периоду относится шесть катакомб савроматского и раннесарматского времени [Смирнов К. Ф., 1972. С. 79–80], М. Г. Мошковой — девять из 35 [Мошкова, 1983. С. 24], Б. Ф. Железчикова, В. А. Кригера — семь из 30 [Железчиков, Кригер, 1978. С. 223].

Во-вторых, территориально абсолютное большинство катакомб типа I сосредоточено в Урало-Илекском междуречье [Железчиков, Кригер, 1978. С. 225]. Здесь наблюдается большая вариабельность в устройстве дромоса и камеры катакомбы (подквадратный дромос, округлая погребальная камера, ступенчатый дромос и др.).

В-третьих, для катакомб типа I характерно большее количество коллективных захоронений, между тем как катакомбы II типа содержат строго индивидуальные захоронения.

В-четвертых, временной рубеж смены типов катакомб падает на IV–III вв. до н. э. или, как нам кажется, скорее на конец III века до н. э. и связанной с новой волной юэчжийско-сарматского населения. Широкая датировка отдельных катакомб (IV–III вв. до н. э. или IV–II вв. до н. э.) связана, по всей видимости, в большей части с различными точками зрения на хронологию отдельных типов вещевого материала [Мошкова, 1983. С. 23–25]. Хотя стоит признать, что единичные катакомбы II и III типов в Урало-Казахстанских степях действительно появляются уже в IV веке до н. э. (Берлик, курган 5, Новопавловка, курган 5, погребение 1) [Хабдулина, 1994. С. 70. Табл. 24, 5, 2, 9; Железчиков, Кригер, 1978. С. 218–219].

В-пятых, в катакомбах I типа наблюдается вариабельность в ориентировке погребенных, с определенным преобладанием ее в западный сектор. Для катакомб типа II и III характерна устойчивая ориентировка погребенных в южный сектор.

Приведенные выше различия наводят на мысль о том, что в развитии сарматского катакомбного погребального обряда существуют два не только типологических, но и культурно-хронологических этапа.

На первом этапе, с конца VI по IV век до н. э. преобладают катакомбы I типа, которые, как нам кажется, произошли от глубоких подбойных могильных ям. В конце IV века до н. э. появляются катакомбы II и III типов, получившие распространение в конце III–II веке до н. э. Вероятнее всего, они имеют принципиальные функциональные отличия от предшествующих катакомб типа I.

Забегая вперед, отметим, что дальнейшее развитие торцовые катакомбы получили в дромосных катакомбах позднесарматского времени Северного Кавказа и Урало-Поволжья.

Нам кажется, что различия между катакомбами типа I, с одной стороны, и типов II и III, с другой, связаны с их разными генетическими корнями.

Несмотря на то что в своей работе Б. Ф. Железчиков и В. А. Кригер довольно категорично исключили скифское влияние на формирование сарматских катакомб [Железчиков, Кригер, 1978. С. 227], исследования последних лет убеждают нас в обратном. Исследователи раннепрохоровских комплексов Урало-Илекского региона и Южного Зауралья пришли к выводу о том, что влияние со стороны скифского мира на формирование сарматской культуры было велико [Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 15; Гуцалов, 1998. С. 130–131; 1998а. С. 141; Гуцалов, Боталов, 1999. С. 111–115]. Наиболее последовательную позицию в данном вопросе занимает С. Ю. Гуцалов, который считает, что территории юга Урала и Зауралья были подвержены непосредственному влиянию скифов, которое выразилось не только в появлении здесь катакомбного обряда погребений, но и в отдельных типах вещевого инвентаря, а также каменных изваяний скифского типа [Гуцалов, 1998. С. 129–131; Таиров,

Гуцалов, 1999. С. 141]. Действительно, ранние южноуральские катакомбы I типа даже в своих вариациях весьма сходны со скифскими катакомбами Северного Причерноморья типов I, III, IV (по В. С. Ольховскому) [Ольховский, 1977. С. 112. Рис. 2].

Торцовые же катакомбы II типа и производные от них III типа приходят в мир урало-поволжских кочевников много позже с востока. На это указывает восточное происхождение характерного для них комплекса предметов — мечи с прямым перекрестием и кольцевым навершием; ажурные зооморфные пряжки ордосского типа; котловидные подвески; костяные гребни и др. [Скрипкин, 1990. С. 205; 1997. С. 12, 79]. Таким образом, несмотря на то, что многие авторы, рассматривая сарматские катакомбные погребения, объединяли их в единый массив своеобразных сооружений, мы склонны считать, что между ранними катакомбами I типа и более поздними II и III типов не существует генетической преемственности. Истоки их происхождения в культурно-хронологическом смысле различны.

По-другому обстоит дело с соотношением торцовых катакомб (II и III типов) III—I веков до н. э. и дромосных катакомб первых веков н. э. в Средней Азии. Сообразно ранее созданной типологии последние также определяются как катакомбы I типа.

На территориях Урало-Поволжья, Северного Кавказа и Подонья для периода I века до н. э.—I века н. э. катакомбные погребения здесь неизвестны, катакомбы I типа появляются в III—IV вв. н. э. Как мы видели, в памятниках Южного Казахстана и Средней Азии прослеживается преемственность в развитии катакомб. Складывается впечатление, что на эти территории более последовательно оказывалось влияние единокультурного населения, выразившееся, в частности, в постепенной трансформации катакомбной традиции.

Попробуем предположить, какие территории были исходными для этого этнокультурного массива, а следовательно, и традиций катакомбных погребений в Средней Азии. Для этого обратимся к параллелям, на которых мы уже останавливались. Еще в 40-х годах прошлого века А. Н. Бернштам высказал предположение о существовании тесных связей населения Туркестана и Средней Азии [Бернштам, 1947]. Подтверждение его предположения было получено позже. Раскопки могильников Караходжо и Астана в Турфанском оазисе дали богатейший материал для изучения культуры жителей государств Чэши и Гаочан. В целом исследованные здесь погребения относятся к довольно длительному периоду — с III по VIII век. С одной стороны, ряд черт погребального обряда могильника Астана указывает на явное влияние со стороны Китая (роспись стен погребальных камер, письменные плиты, таблички, лицевые шелковые покрывала, изображение китайских божеств, лаковая посуда и др.), с другой, в его погребальном обряде мы наблюдаем почти прямые аналогии с комплексами каунчинско-джунской и кугайско-карабулакской культурных групп Средней Азии. Астанинские погребения совершались либо в могильных ямах с подбоем и ориентировкой умерших головой на Ю, либо в катакомбах подквадратной формы с длинным, в том числе ступенчатым, дромосом с индивидуальными или групповыми захоронениями с неустойчивой ориентировкой. Умершие укладывались на деревянное ложе или в деревянный гроб. Наблюдалась традиция класть шелковые и металлические (золотые) маски или наглазники. Аналогии прослеживаются и в других артефактах: деревянные столики, сосуды (сероглинянные с ангобом и геометрическим орнаментом), зооморфные фигурки [Лубо-Лесниченко, 1984. С. 109–112]. При этом многие из перечисленных традиций сохранились в Турфанском оазисе в течение длительного времени среди единого в этнокультурном отношении населения.

Учитывая этот факт, остается лишь сожалеть о том, что сегодня известно лишь незначительное число исследованных катакомбных погребений и дромосных гробниц Синьцзяна, Нинся, Хэбэй, Шэнси и других районов Северного Китая более ран-

него времени, которые позволяют проследить истоки астининских погребальных традиций [Синьцзян Каогу Саньши нянь, 1983. С. 72–111; Хэнань Яньшиюю, 1996. С. 1–36; Шень Си Лон сянь..., 1999; Шеньси Шаосян, 1987; Синьцзян Тулуфань..., 1982; Се Дуань Цзюй, 1987. С. 1097–1102; Нинся Пэнпу..., 1995. С. 79–107; Нинся Гуюань..., 1993. С. 13–52; Гунъиши, Бэйяовань..., 1996. С. 361–397] (рис. 25).

Установленные параллели, как нам представляется, позволяют говорить не только о прямом влиянии населения Восточного Туркестана, но и о непосредственном участии переселенцев из Синьцзяна (и, возможно, северокитайских областей) в формировании культуры памятников кенкольского типа. Наши доводы основываются на том, что памятники этого типа появляются в массовом количестве как своеобразный миграционный взрыв в I веке н. э. и знаменуют собой новую и последнюю волну позднесарматского и аланского населения (цв. вклейка, рис. 5, 3, 26–29). Переселенцы в основном заселили районы Таласа, Ферганы, Ташкента и Средней Сырдарьи, ранее занимаемые близкородственным единокультурным юэчжийско-сарматским населением. В связи с этим мы вынуждены признать диалектическое слияние автохтонной и миграционной теории происхождения комплексов с катакомбным обрядом погребений.

С одной стороны, основоположником автохтонной теории С.С. Сорокиным еще в 50-х годах XX века совершенно справедливо было указано на культурное единство всех подбойно-катакомбных погребений Средней Азии не только в территориальном (долины Таласа, Ферганы, Ташкента и предгорья Тянь-Шаня), но и в культурно-временном плане (общесарматский этап — последние века до н. э.—первые века н. э.). С другой стороны, нельзя не согласиться, что новая сармато-аланская волна принесла целую серию культурных инноваций. Прежде всего, это новый тип катакомбных сооружений, новый набор вещевого инвентаря, в котором наряду с особыми типами предметов вооружения, украшений и бытового инвентаря наблюдается большой процент китайского импорта, что, в конечном счете, может быть объяснено новыми историческими реалиями. Появляются также весьма важные черты, характеризующие серьезные изменения в общем облике ираноязычного кочевого и полукочевого населения. Это, прежде всего, широкое распространение традиции кольцевой деформации черепов, которая в небольшом количестве присутствует в предыдущее время среди погребений восточно-сарматского ИКК (Лявандакский, Куомазарский могильники) [Трофимова, 1968. С. 184–189; Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 331–338]. Характерной чертой антропологического облика населения становится большая монголоидность [Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 152, 189].

Каковы причины этого миграционного выплеска населения Восточного Туркестана в Среднюю Азию?

В литературе, посвященной проблемам хунно-гуннского населения, существует историографическая традиция, в соответствии с которой Кенкольский могильник и близкие ему катакомбные памятники связываются с центральноазиатскими гуннами. Основоположником ее стал А. Н. Бернштам, который в 1939 году высказал мысль о связи Кенкольского могильника с событиями хуннской истории [Бернштам, 1939]. Впоследствии его точка зрения получила свое признание в археологической и особенно в антропологической литературе. Со временем Кенкольский могильник стал рассматриваться как эталонный памятник хуннской культуры в Средней Азии [Жиров, 1940. С. 81–88; Werner, 1956].

Сходство кенкольских комплексов с подбойными и катакомбными погребениями Тянь-Шаня, Ташкента и Исфары позволили позже А. Н. Бернштаму отнести материалы этих погребений к хуннским [Бернштам, 1947. С. 125, 128].

В итоговой обобщающей работе «Очерки истории гуннов» А. Н. Бернштам отнес все памятники с подбойно-катакомбными погребениями к единой кенколь-

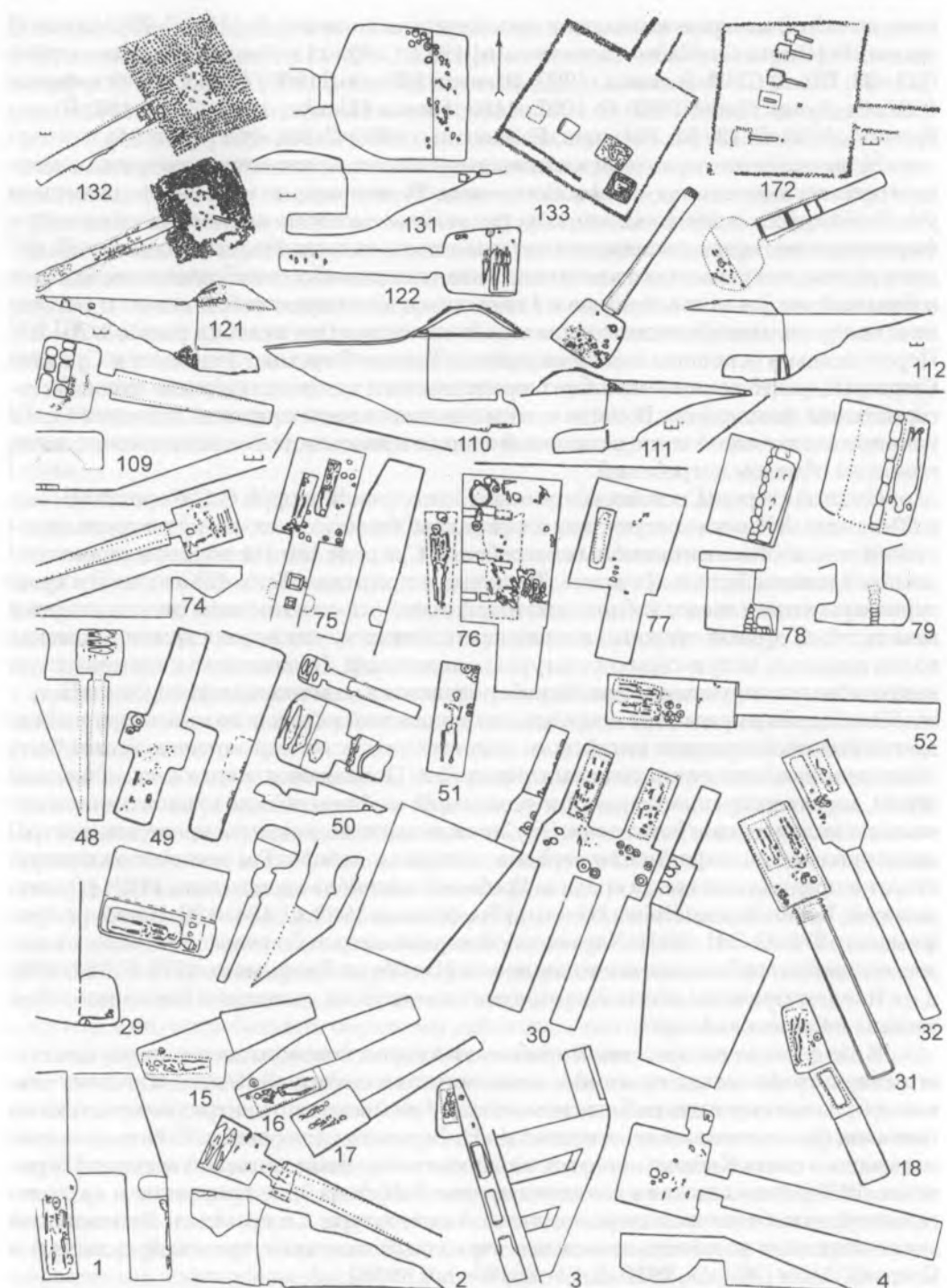
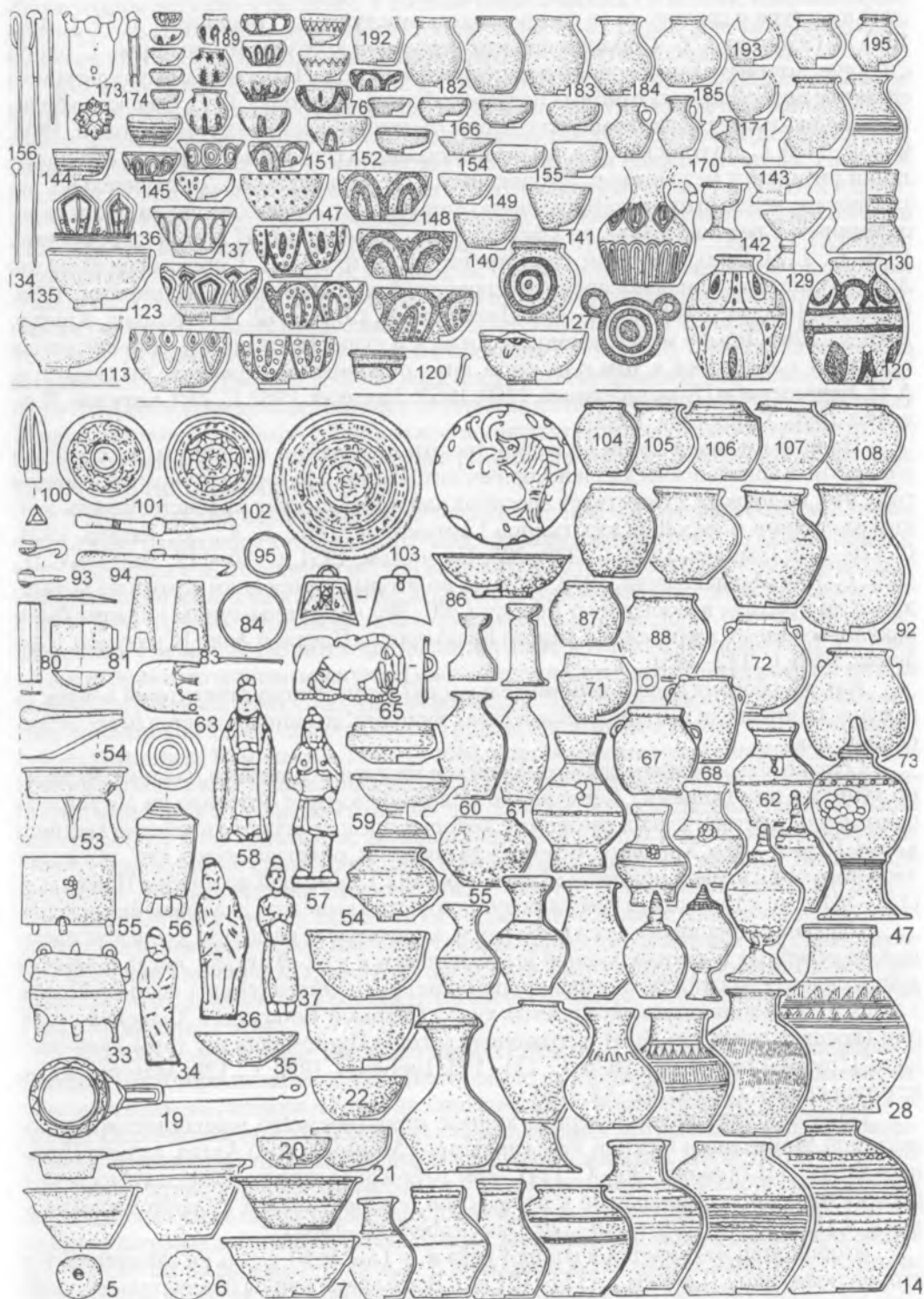

Рис. 25. Подбойно-катакомбные и склепные погребения Северного Китая и Синьцзяна.
 Fig. 25. The catacomb-lined and vault burials of Northern China and Xinjiang.

1, 5-15, 18, 20, 29, 31-33, 38, 41-44, 46, 49, 54-56, 58-65, 67, 69-72, 85, 89, 91, 96-98, 101-103, 104-108 - Шаосян; 2, 4, 19, 21, 22, 24-28, 30, 35, 37, 39, 40, 47, 48, 50, 57, 66, 73, 74, 76-84, 86-88, 90, 92, 95, 99, 108 - Астана (Кара-ходжо); 3, 16, 17, 23, 25, 34, 36, 45, 51-53, 62, 75 - Дяньцзы; 109-195 - Гоуси (Ярхото); 1-4, 15-18, 29-32, 48-52, 74-79, 109-112, 121, 122, 131-133, 172 - планы погребений;

5–14, 20–28, 34–47, 55–62, 66–73, 81–83, 86–92, 96–99, 104–108, 113–120, 123–130, 137–155, 160–171, 174–185, 189–195 – керамика; 19, 33, 53, 54, 63, 65, 80, 84, 85, 93–95, 100–103, 134, 135, 156–159, 173 – металл

ской культуре и соотнес ее со среднеазиатскими гуннами [Бернштам, 1951. С. 102, 103]. В 1956 году С.С. Сорокин подверг серьезной критике эту позицию. С одной стороны, подтверждая основной позитивный вывод А. Н. Бернштама о культурном единстве подбойно-катакомбных погребений типа «кенколь», С.С. Сорокин убедительно показывает общесарматские корни памятников этого круга [Сорокин, 1956. С. 112–113]. С другой стороны, им было указано на серьезные ошибки в интерпретации китайских источников, допущенных А. Н. Бернштамом. Действительно, детальное изучение этих сюжетов не позволяет говорить о «массовом хуннском переселении» в Среднюю Азию, по крайней мере, до середины II века н. э. [Сорокин, 1956. С. 112]. Большинство сарматологов критика С.С. Сорокиным выводов А.Н. Бернштама признана аргументированной и правомерной [Скрипкин, 1984. С. 88–95; Шилов, 1959. С. 492–494; Литвинский, 1972. С. 72; Железчиков, Кригер, 1978. С. 226]. Тем не менее, давно сложилась и существует по сей день негласная традиция поддержки в том или ином виде основных положений, выдвинутых А. Н. Бернштамом [Кожомбердиев, 1960; 1963; Засецкая, 1982. С. 74; Смагулов, Павленко, 1996; Хабдулина, 1999].

На наш взгляд, в своем большинстве эти положения выдвинуты не с учетом конкретных археологических и исторических реалий, а на интуитивном понимании того, что, во-первых, существует неоспоримая генетическая преемственность азиатских хуннов и европейских гуннов [Артамонов, 1962. С. 42–52; Кюннер, 1961. С. 176–179; Гумилев, 1960. С. 220–225; Бернштам, 1951. С. 80–112; Толстов С.П., 1937. С. 100; Мандельштам, 1978. С. 24] и, во-вторых, со времени исхода из Монголии и до прихода в Восточную Европу (200–300 гг.) хунны-гунны должны были находиться где-то в пределах Южного Казахстана и Средней Азии [Смагулов, Павленко, 1996. С. 142–143].

Как же обстоит дело в действительности? Если кратко ответить на вопрос – связана ли эта новая миграционная волна с хуннами, то напрашивается ответ: «Бесспорно, да».

Однако было ли новое сармато-аланское население Кангюя и Давани собственно хуннами или гуннами? Конечно нет. Наше убеждение основано на достаточно однозначных исторических сведениях, которые предоставляют китайские хроники «Хань Шу» и «Хоу Ханьшу». Вся фабула событий, описываемых в них, убеждает нас в том, что с первой половины I века н. э. (48 г.) до второй половины II века н. э. (151–181 гг. н. э.) в истории северных хуннов можно выделить два важнейших этапа.

Первый из них начинается в 48 году н. э. очередным расколом хуннской империи на северных и южных хуннов и заканчивается в 87–91 годах, когда северные хунны сначала терпели тяжелейшее поражение от сяньбийцев (смерть шаньюя Юлю), а затем от объединенных войск южных хунну (шаньюй Туньгухэ) и Ханьской империи (военачальник Гэн Бин) в сражениях у горы Ци-ло-шань и у горы Гинь-вэй-шань [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 131–133; Бичурин, 1950. С. 128; Материалы по истории сюнну, 1973. С. 82–84; 153].

На этом этапе кочевья северных хуннов, вероятнее всего, находились в северо-западной Монголии и Южной Туве (предгорья Монгольского Алтая, долина Верхнего Енисея) [Сорокин, 1956. С. 114]. Этот район довольно надежно соотносится с распространением шурмакской и кокзальской позднихуннских культур первых веков н. э. [Кызласов, 1979. С. 79–120; Das Grdberfeld., 1984].

Второй этап начинается в конце I века н. э. (после 91 г. н. э.) и заканчивается второй половиной II века н. э. (151–181 гг.). В это время хунны окончательно покидают Монголию и переселяются в джунгарские степи Восточного Туркестана. Ставка Северного Шаньюя на этом этапе располагается между озерами Пху-лэй-хай (Баркуль) и Цинь-Хай (Торкуль) [Бичурин, 1950а. Т. II. С. 281; Боровкова, 1989. С. 177].

Здесь хунны активно участвуют в военно-политических событиях, направленных против Хань (восстания пулейских князей Чешпи в 107 г., разгром китайского гарнизона в Иву в 112 г.), а также вступают в противоборство с сяньбийцами.

Во второй половине I века н. э. в Восточный Туркестан прибывает огромное количество нового кочевого населения. Бесспорно, это вторжение по принципу «домино» должно было сдвинуть местные племена. На это указывают китайские источники, сообщающие о том, что, когда хунну овладели Западным краем, Шаньюй выселил пулейских жителей в местность Хаву к северу от Чешпи (вероятно, в долину Черного Иртыша). Кроме того, после поражения южных хуннов от сяньбийцев в 117 году часть их бежит к северным хунну [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 133–134]. Демографический переизбыток I века н. э., скорее всего, и явился тем решающим событием, которое привело к притоку в Среднюю Азию сармато-аланского населения джунгарских степей, предгорий Восточного Тянь-Шаня и Тарбагатай (цв. вклейка, рис. 5, 3). Сами же хунны остаются в пределах Восточного Туркестана вплоть до второй половины II века н. э. С 151 года после окончательного закрепления китайцев в Западном крае хунны исчезают со страниц китайских хроник. В 60–70-х годах II века сяньбийцы во главе с Таншихаем полностью занимают джунгарские степи, выходят в Тарбагатай и покоряют усуней [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 160; Бартольд, 1963. С. 30] (цв. вклейка, рис. 5, 2).

Таким образом, появление населения, оставившего в Средней Азии и Южном Казахстане памятники кенкольского типа, связано с вторжением хуннов в Восточный Туркестан и вытеснением оттуда кочевого и полукочевого восточносарматского и аланского населения. Вероятно, асы-аланы в этом импульсе играли главенствующую роль. Это обстоятельство стало решающим и привело не только к переименованию в I веке н. э. сарматской страны Яньцзяй в Алянью [Кюнер, 1961. С. 180], но и к вторжению аланов-маскутов (массагетов) в Северное Предкавказье в начале II века н. э. [Яценко, 1998. С. 86] (цв. вклейка, рис. 5, 30) и появлению здесь катакомбных памятников терско-дагестанской группы абсолютно схожих со среднеазиатскими [Берлизов, Каминский, 1993. С. 108]. Алано-массагетский миграционный выплеск из Восточного Туркестана был настолько велик, что, вероятно, создал переизбыток населения в пределах оазисных зон Кангюя, Кана и Давани, поэтому часть населения, по всей видимости, не задерживаясь в Средней Азии, мигрировала не только в предгорные степи Дагестана, но и далее на запад — в низовья Танаиса, где возникает Донская Алания [Яценко, 1993. С. 83–85] (цв. вклейка, рис. 5, 31, 32).

К сказанному следует добавить еще одно очень важное соображение. Думается, что хуннское проникновение в Восточный Туркестан, равно как и предшествующая миграция юэчжей-аланов в этот же регион, было неодноразовым. По всей видимости, этот процесс был растянут почти на столетие — с первых десятилетий I века по начало II века.

Именно в этот период Великое степное единство Туркестан–Причерноморье, о котором мы говорили выше, чутко среагировало на вторжение извне и движение, начавшееся в районе Лобнора и Баркуля, прокатилось по всему степному поясу вплоть до Дуная. Окончанием этого переселения стала последняя миграционная волна ираноязычных кочевников в пределах Великой Азиатской Сарматии. Несмотря на то, что последующее хунно-гуннское вторжение в Среднюю Евразию несло в своем составе значительную часть сармато-аланских племен, эту волну определяла уже совершенно новая культурная доминанта. Своеобразный завершающий аккорд сарматских миграций прозвучал на рубеже I–II вв. н. э. В этой связи катакомбные памятники кенкольской группы наиболее целесообразно отнести к аланско-кангюйскому ИКК.

4.5. Джетьясарская группа (гунно-кангюйский ИКК). Памятники этой группы располагаются в нижнем течении Сырдарьи, на обширной равнине, изрезанной

пересохшими руслами Кувандарьи, доходя на юге до русла Жаныдарьи (цв. вклейка, рис. 2, 3). По всей видимости, памятники данного ИКК оставлены населением двух хозяйственно-экономических укладов: оседлого земледельческого и полукочевого (или кочевого) скотоводческого, что отразилось в характере отдельных групп археологического материала. Так, в погребальном обряде существуют две основные традиции. Один тип памятников составляют подземные и наземные склепы, сооруженные из прямоугольного сырцового кирпича. Склепы, как правило, небольших размеров, имеют прямоугольную или подквадратную форму со стенками шириной до пяти метров. Кирпичный свод погребальной камеры часто перекрыт земляной насыпью. Склепы использовались для неоднократных захоронений. В южной их стенке располагался вход. Достаточно часто вдоль стенок сооружались специальные лежанки — суфы, на которых размещались умершие и сопровождающий их инвентарь. В качестве подстилки использовались циновки и камышовые маты (рис. 26, 1, 66, 83, 120).

Второй тип памятников составляют небольшие грунтовые курганы с одиночными захоронениями в простых или подбойных могильных ямах с небольшими нишами для установки сосудов. Тело погребенного, завернутое в циновку, укладывали на подстилку из коры или переплетенного камыша. Абсолютно преобладающей является северная ориентировка погребенных. В жертвенниках представлены кости овцы или коровы [Левина, 1992. С. 61–62]. Отмечены случаи (Алтынасар 4, курган 266, 488), когда в могильную яму над погребенным укладывали черепа коровы [Левина, 1996. С. 186. Рис. 61–62] (рис. 26, 2–4, 23, 37, 38, 67, 68, 84, 121).

Двухкомпонентность джетыясарской группы хорошо прослеживается и по керамическому комплексу, который, по мнению Л. М. Левиной, представлен двумя группами: 1 — сосуды напольного обжига с хорошо промешанным и отмученным тестом; 2 — сосуды горнового обжига [Левина, 1971; 1992. С. 66].

Первую группу составляют плоскодонные горшки различных пропорций. Одна ее часть представлена сосудами со слегка раздутым туловом и короткой отогнутой шейкой [Левина, 1996. Рис. 63, 64]; другую составляют сосуды вытянутой плавной профилировки с раструбообразной шейкой и покатым плечом. Некоторые сосуды орнаментированы по валику рядом насечек. Частыми являются полулунные и сосковидные налепы, расположенные на уровне плеча. Горшки этой группы составляют абсолютное большинство посуды в слоях и комплексах конца I тыс. до н. э. и I века н. э. [Левина, 1992. С. 67. Табл. 19] (рис. 26, 34, 49, 117–119, 132, 143–145, 156–158).

Вторая группа в большинстве своем представлена кувшинами, покрытыми красно-коричневым и темно-серым ангобом. Они имеют раздутое тулово и высокое горло, отделенное от тулова четким уступом или валиками. В месте перехода от горла к тулову — одна или две ручки. На некоторых из них также имеются налепы. Кроме этого, керамический комплекс этой группы представлен крупными хумовидными горшками, а также горшками с невысоким горлом, орнаментированным резными волнистыми или зигзагообразными линиями. В слоях поселений и погребальных комплексах с первого века н. э. частыми находками являются фляги с яйцевидным туловом и плоским боком (рис. 26, 10, 19, 20, 22, 50, 61–64, 80, 82, 104, 167, 168, 182–184). Малые керамические формы гончарной керамики представлены небольшими горшками, похожими по форме на сосуды первой группы, а также на большие горшковидные кружки, миски, чашки (рис. 26, 20, 33, 36). На некоторых кувшинах и кружках ручки выполнены в зооморфологическом стиле [Левина, 1992. С. 67–69. Табл. 20, 21, 25, 1–30].

В джетыясарском керамическом комплексе, вероятно, следует выделить немногочисленную, но весьма характерную группу горшков с округлым или шаровидным

туловом, иногда чуть расширяющимся кверху горлом и округлым дном. Они встречаются в ранних слоях городища Джетыасар I и в могильнике Касасар 2 (рис. 26, 81, 59) [Левина, 1994. Рис. 119; 1996. Рис. 45, 1–5, 13]. Также особую группу керамических изделий составляют котлы или котлообразные сосуды на массивных конических поддонах с петлеобразными или прямоугольными ручками (рис. 26, 35, 60, 79, 142, 154, 155). Они имеют орнамент в виде наlepных полос и шишечек, имитирующих швы и заклепки металлических котлов хуннского типа [Левина, 1966. С. 57; 1996. С. 188. Рис. 65].

Несмотря на богатство и разнообразие керамических форм джетыасарской культуры, сегодня явно просматриваются несколько историко-культурных пластов, которые образуют отдельные группы сосудов. Наиболее ранний пласт составляют плоскдонные горшки кострового обжига со слегка раздутым туловом и короткой отогнутой шейкой, которые Л. М. Левина совершенно справедливо соотносит с керамикой раннесарматского времени Южного Урала [Левина, 1992. С. 67. Табл. 19, 15–20, 29, 31, 32]. К этому же пласту относится группа горшков с округлым днищем, которые Л. М. Левиной соотнесены с керамикой саргатского облика. На основании находок этих сосудов она делает предположение о переселении части зауральского и западносибирского угорского населения в низовья Сырдарьи [Левина, 1996. С. 196]. На наш взгляд, данная группа горшков по своему облику более всего напоминает образцы гороховской керамики. Сегодня существует достаточно устоявшееся мнение об участии зауральского гороховского населения в формировании раннесарматской прохоровской культуры [Мошкова, 1974. С. 48; Таиров, 1998. С. 89–92], поэтому сосуды гороховского облика, на наш взгляд, логично дополняют единый раннесарматский керамический комплекс раннего пласта (середина I в. до н. э.) джетыасарской культуры.

Следующий историко-культурный пласт представлен плавнoproфилированными горшками вытянутых пропорций с раструбообразным широким горлом, украшенными сосцевидными и полулунными налeпками, а также насечками по краю венчика (рис. 26, 34, 132, 143–145, 156). По мнению Л. М. Левиной, этот тип посуды встречается среди материалов кочевнических памятников евразийских степей от Монголии до Кавказа. Однако наиболее массовые параллели этим горшкам обнаруживаются, прежде всего, в Центральной Азии среди хуннской керамики Иволгинского комплекса [Давыдова, 1996. Табл. 3, 2, 19, 5; 5, 23; 7, 13; 15, 12, 14, 16, 11; 21, 3, 23, 1; 24, 3; 25, 4, 9; 34, 12, 13, 42, 12, 19, 16; 44, 7, 9, 51, 12; 53, 4, 54, 3], Ильмовой Пади и Дэрестуйского могильника [Коновалов, 1976. Табл. XXIII, 1, 3; XXV, 1–6; XXVI, 2, 5, 14, 15]. Большое количество аналогий сосудам данного типа содержится также в керамическом комплексе памятников хунно-сарматского времени — шурмакской и кокельской культур. Интересен тот факт, что на сосудах этих культур достаточно часто встречается сосцевидный и полулунный налeпы [Das Grdberfeld..., 1984. Abb. 20, B, 2; 91; K 3; 21, E, 2; 22, D5, 23, D, 1; 25, C, 2; D, 1; 27, C, 1; 28, B, 1; D, 1; F, 1; J, 8; 29, 9, 1, 2; 30 F3, 32, E, 1, 8; 40, D, 7; 42, C, 1, 2; H, J; L, 2; N, 1, 2; 45, L, 1; 47, F, 4; 48, D, 7; H, 2, M; 50 J, 2; 51, M I 53. С. 1, 2; Кызласов, 1979. Табл. III, 1, 6; 33, 34].

Заметим дополнительно, что сероглиняная или сероангобированная керамика — это также один из элементов гуннской гончарной традиции. К этому же пласту можно с уверенностью отнести и керамические котлы, которые имеют фактически прямые аналогии с хуннскими и хунно-сарматскими котлами [Das Grdberfeld..., 1984. Abb. H, 1, 2; 21, B, 8; 22 A; 25, B, 6; 28, E, 1; 33, C, 7; 34, D, 18; 35, A, 7; 36, C, 11; 38, A, 15; 44, A1; 45, G, 3; 46, D, 1, H, 2; 49, C, 4; K, 3; 45; 50, K, 7, g, 5, y, 5; Z, 2].

По мнению Л. М. Левиной, данные типы керамической посуды соотносятся с поселенческими горизонтами городища Алтын-Асар и встречаются в погребальных комплексах этапов 16, 1в, то есть относятся к хронологическому отрезку послед-

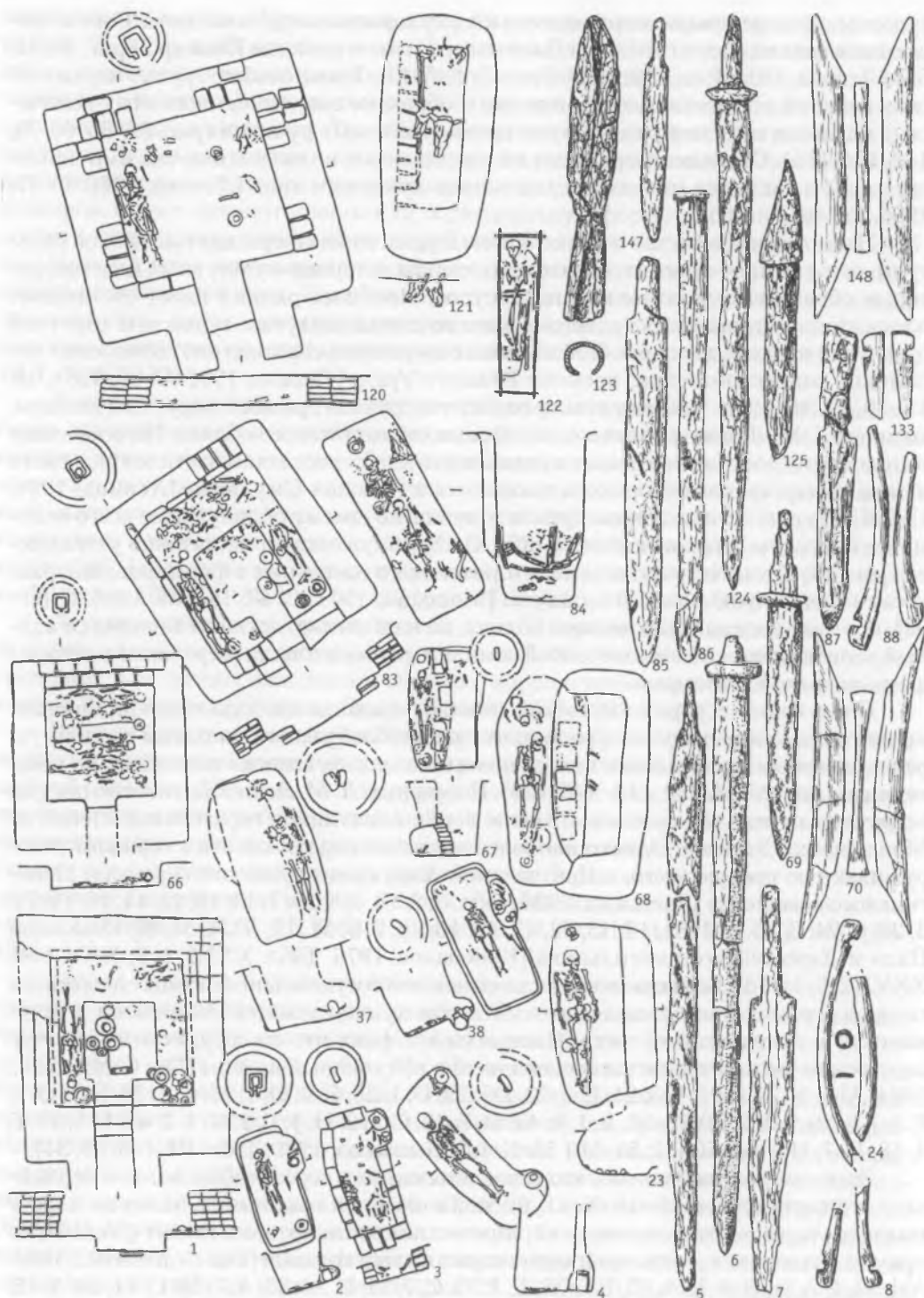
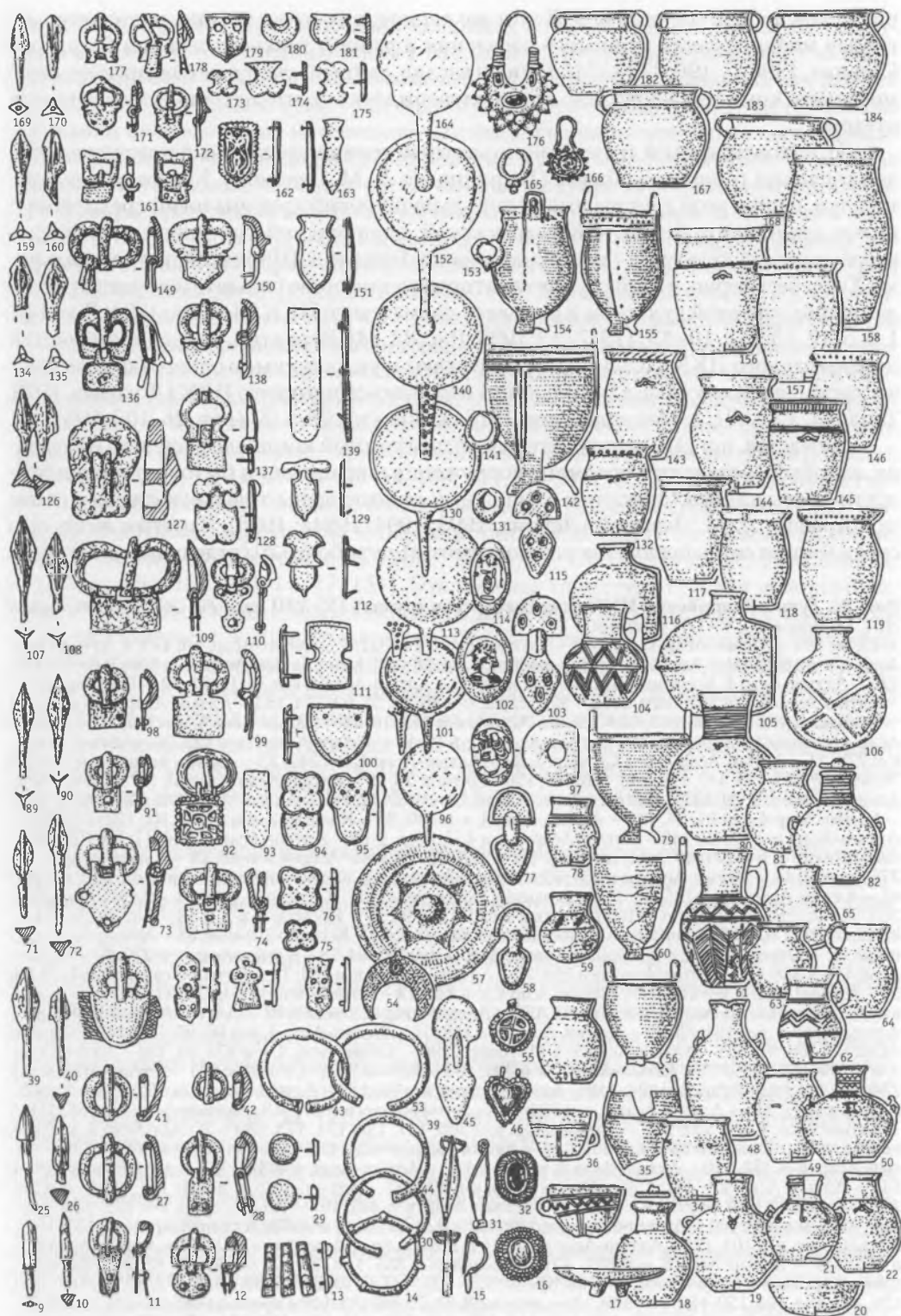

Рис. 26. Гунно-Кангуйский ИКК (джетыясарская группа) (V–VIII вв.). Fig. 26. The Hun-Kangui HCC (Dzhetyasar), V–VIII centuries

них веков до н. э. – IV века н. э. В этот же период, с ее точки зрения, начинается активная инфильтрация гуннского населения в районы нижнего течения Сырдарьи [Левина, 1996. С. 196, 373–374]. На наш взгляд, данный пласт джетыясарского керамического комплекса довольно ярко подтверждает эту этноисторическую реконструкцию.

И, наконец, третий, и наиболее мощный историко-культурный пласт представлен сосудами горнового обжига (II группа, по Л. М. Левиной). Кувшины, кружки, тарелки, чашки этой группы имеют довольно широкий круг аналогий среди памятников алаано-кангюйского ИКК, арысьской, каунчинской, джунской и кугайско-карабулакской культур, а также в материалах I века н. э. Ширинсайского могильника. Хотя, бесспорно, в этой группе есть горшки, имеющие большую схожесть с сосудами прохоровской культуры и восточно-сарматского ИКК [Левина, 1994. Рис. 115, 1, 4, 5, 12, 13; 118, 10–13, 119, 7–13; 1996. Рис. 83, 84]. Вероятно, на традиции восточно-сарматского ИКК в этой группе указывают и уплощенные с одного бока керамические фляги, известные в могильниках восточно-сарматского ИКК [Лоховиц, 1979. Табл. VI, 1, 2; VII, 2; Мандельштам, 1978. С. 70. Рис. 28, 4, 5] (рис. 26, 105, 106).

Думается, нет смысла характеризовать огромный комплекс вещевого инвентаря, который составляют предметы вооружения, украшения и бытовые принадлежности джетыясарцев. Описанию и типологии их посвящены отдельные статьи и главы монографии Л. М. Левиной [Левина, 1993; 1994; 1994а; 1996]. Заметим лишь, что среди многих сотен предметов можно насчитать чуть более 20 (отдельные типы брон-

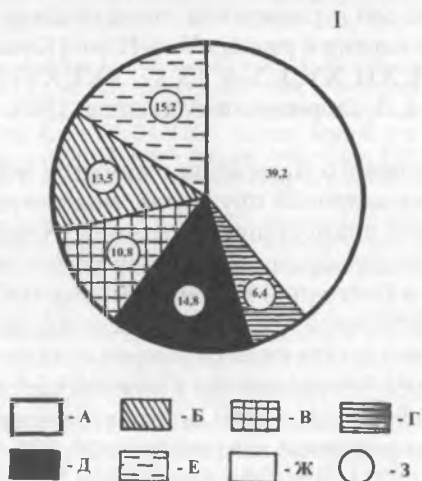
Рис. 26. Гунно-Кангюйский ИКК (джетыясарская группа) (V–VIII вв.). Fig. 26. The Hun-Kangui HCC (Dzhetyasar), V–VIII centuries.

1, 46, 80, 101 – Алтын-Асар, к-н 290; 2 – Алтын-Асар 4, к-н 321; 3 – Алтын-Асар, к-н 473; 4, 30 – Алтын-Асар 4, к-н 163; 5, 41 – Алтын-Асар 4, к-н 408; 6, 8, 24, 28, 120, 148 – Алтын-Асар, к-н 356; 7, 69, 85, 123, 125 – Алтын-Асар 4, Косасар 2, 3, Томпакасар; 9, 52 – Алтын-Асар 4, к-н 34; 10, 71, 72 – Томпакасар; 11 – Алтын-Асар 4, к-н 362, погр. 2; 12 – Косасар 2, к-н 36; 13, 51, 92, 124, 184 – Алтын-Асар 4, к-н 365; 14 – Томпакасар, к-н 27, погр. 3; 15 – Алтын-Асар 4, к-н 143; 16, 33 – Алтын-Асар 4, к-н 147; 17 – Алтын-Асар, керамика 1-ой группы; 18 – Алтын-Асар 4, к-н 19; 19 – Алтын-Асар 4, к-н 425; 20 – Алтын-Асар 4, к-н 278; 21 – Алтын-Асар 4, к-н 43, погр. 1; 22 – Алтын-Асар 4, к-н 242; 23 – Алтын-Асар 4, к-н 210; 25, 70, 88, 122, 133, 134, 147, 159, 160, 166, 169, 170 – Актобе; 26, 49 – Алтын-Асар 4, к-н 64; 27 – Алтын-Асар 4, к-н 286, погр. 1; 29, 137, 175, 181 – Алтын-Асар 4, к-н 369; 31, 168 – Алтын-Асар 4, к-н 247, погр. 2; 32 – Алтын-Асар 4, к-н 21; 34, 126 – Алтын-Асар 4, к-н 480; 35 – Косасар 2, к-н 41; 36, 93, 172, 178, 179 – Алтын-Асар, к-н 83; 37, 146 – Алтын-Асар 4, к-н 454, погр. 2; 38 – Алтын-Асар 4, к-н 417; 39, 107, 108 – Алтын-Асар 4, к-н 224; 40 – Алтын-Асар 4, к-н 158; 42 – Алтын-Асар 4, к-н 86; 43 – Алтын-Асар 4, к-н 276, погр. 3; 44 – Алтын-Асар, к-н 251; 45 – Алтын-Асар 4, к-н 303; 47 – Алтын-Асар 4, к-н 383, погр. 1; 48 – Алтын-Асар 4, к-н 135; 50, 145 – керамика 2-й группы; 53 – Косасар, к-н 48; 54 – Алтын-Асар, к-н 265; 55 – Алтын-Асар 4, к-н 141; 56 – Алтын-Асар 4, к-н 92; 57 – Косасар 3, к-н 1; 58 – Алтын-Асар 4, к-н 302; 59, 105, 106, 116 – керамика из поселенческих слоев; 60 – Косасар 2, к-н 36; 61 – Алтын-Асар 4, к-н 254; 62 – Алтын-Асар 4, к-н 225; 63 – Алтын-Асар 4, к-н 295; 64, 78 – Алтын-Асар, к-н 276; 67 – Алтын-Асар 4, к-н 388; 68 – Алтын-Асар, к-н 266; 73 – Алтын-Асар 4, к-н 184; 74 – Алтын-Асар, к-н 284; 75, 94, 95 – Алтын-Асар 4, к-н 268; 77 – Алтын-Асар 4, к-н 146; 79 – Алтын-Асар 4, к-н 131; 81 – Алтын-Асар 4, к-н 137; 82 – Алтын-Асар 4, к-н 169; 83, 152 – Алтын-Асар 4, к-н 289; 84 – Алтын-Асар, к-н 488; 86 – Алтын-Асар 4, к-н 164; 89, 90 – Алтын-Асар, к-н 240; 91 – Алтын-Асар 4, к-н 60; 96, 109, 149 – Алтын-Асар, к-н 304; 97, 165 – Алтын-Асар, к-н 117, погр. 2; 98 – Алтын-Асар 4, к-н 478; 99, 130 – Алтын-Асар 4, к-н 293; 100, 111, 112 – Алтын-Асар 4, к-н 294; 102 – Алтын-Асар 4, к-н 283; 103 – Алтын-Асар 4, к-н 236; 104 – Алтын-Асар, к-н 104; 110 – Алтын-Асар 4, к-н 68; 113 – Алтын-Асар, к-н 153; 114 – Алтын-Асар 4, к-н 17; 115 – Алтын-Асар 4, к-н 324; 117 – Алтын-Асар, к-н 87; 118 – Алтын-Асар 4, к-н 331; 119 – Алтын-Асар 4, к-н 395; 121 – Алтын-Асар, к-н 366; 127, 136, 151, 173, 180 – Алтын-Асар 4, к-н 454, погр. 1; 128 – Алтын-Асар 4, к-н 381; 131 – Алтын-Асар, к-н 24; 132 – Алтын-Асар, к-н 155; 138 – Алтын-Асар, к-н 352; 140 – Алтын-Асар 4, к-н 201; 142 – Алтын-Асар, к-н 328; 143 – Алтын-Асар, к-н 3; 144 – Алтын-Асар, к-н 451; 150 – Алтын-Асар, к-н 19; 153 – Алтын-Асар, к-н 321; 154, 155 – Алтын-Асар, Большой Дом, верхний слой; 156 – Алтын-Асар, к-н 443; 157 – Алтын-Асар, к-н 121; 158 – Алтын-Асар, к-н 388; 161 – Алтын-Асар, к-н 149; 162 – Алтын-Асар, к-н 476; Алтын-Асар 4, к-н 107; 167 – Алтын-Асар, к-н 401; 171 – Алтын-Асар 4, к-н 101; 176 – Алтын-Асар 4, к-н 332; 177 – Алтын-Асар 4, к-н 177; 182 – Алтын-Асар 4, к-н 385; Алтын-Асар 4, к-н 355. 1–4, 23, 37, 38, 66–68, 83, 84, 120–122 – планы курганов и погребений; 5–7, 69, 85–87, 123–125, 147, 9, 10, 25, 35, 39, 40, 71, 72, 89, 90, 107–109, 126, 127, 134, 135, 159, 160, 149, 169, 170 – железо; 8, 24, 70, 88, 133, 148 – кость; 11–15, 27–31, 41–45, 51–54, 57, 58, 73–76, 91–96, 98–101, 103, 110–113, 128–131, 136–141, 150–153, 171–175, 177–181 – бронза, серебро; 16, 32, 46, 55, 166, 176 – золото, камень; 17–22, 33, 34, 36, 47–50, 56, 59, 61–64, 78–82, 104–106, 116–119, 132, 142–145, 154–158, 167, 168, 182–184 – керамика; 97, 102, 114 – камень

зовых наконечников стрел и несколько зеркал), которые можно с уверенностью отнести к середине и последним векам I тыс. до н. э. Абсолютное большинство предметов датируется V–VIII вв. н. э., возможно, и IX веком н. э. Очевидно, что ранний горизонт джетыасарской культуры сегодня выявлен в большей своей части лишь на основании поселенческих материалов. Систематизация материалов из исследованных погребальных комплексов (569 курганных и склепных погребений) позволила нам прийти к выводам, не совсем согласующимся с существующими представлениями. При распределении материала по закрытым погребальным комплексам выявилось, что количество погребений, которые содержали датирующий материал, достигает почти 40% от общего числа (246 комплексов) (рис. 27). Фактически все они довольно надежно датируются в диапазоне V–VIII вв. (возможно, IX в.). Основанием для такой датировки стали частые находки предметов поясной гарнитуры так называемого предгеральдического и геральдического стиля, которые представлены В-образными бесщитковыми пряжками, пряжками с подвижным массивным прямоугольным или геральдическим щитком, хоботкообразным язычком и расширяющейся спереди массивной В-образной или овальной рамкой, а также цельнолитыми пряжками с геральдическими, прямоугольными или фигурными щитками [Левина, 1994. Рис. 148, 5, 11, 14, 17–21, 31–34; 149; 151, 31–33; 153; 156, 1–10]. В состав гарнитуры входит большое число поясных и концевых накладок (прямоугольные, фигурные, фигурные с перехватом, четырехлистники, накладки с прорезями, ажурные, с растительным орнаментом и др.) (рис. 26, 51, 52, 73–76, 91–95, 98, 99) [Левина, 1994. Рис. 154, 155, 150, 14–17, 151]. Эта поясная гарнитура сегодня довольно надежно датируется комплексами вещевого материала из могильников Северного Кавказа, Поволжья и Приуралья. При этом, благодаря специальным работам по хронологии подобных раннесредневековых материалов В. Б. Ковалевской, Н. О. Гавритухина, А. В. Богачева и др., возможно и более дробное датирование отдельных групп джетыасарских погребений, однако мы ограничимся лишь общими ссылками, позволяющими датировать весь этот массив в рамках V–VII вв. [Ковалевская, 1979. Табл. IV, VII, 6, IX, 8, 9, 17, X, 1–9, 14, XII, XV, 1, 5–8, 15, 17; XVI; XVIII, 18–28; XIX; Гавритухин, 1996. С. 132, 135. Рис. 4, 5; Гавритухин, Малашев, 1998; Богачев, 2000. С. 14–15].

К числу датирующих категорий вещевого материала относятся небольшие сильнопрогнутые пластинчатые фибулы с широкой пружиной, а также двухпластинчатые фибулы, имеющие в ряде случаев инкрустацию из камней [Левина, 1996. Рис. 158] (рис. 26, 45, 58, 77, 103, 115). Данные образцы относятся к числу наиболее поздних фибул, бытовавших в V–VII вв. в Восточной Европе [Амброз, 1966. С. 86–91]. И, наконец, благодаря довольно убедительной хронологии калачиковидных серег, предложенной А. В. Богачевым, хорошо датируются комплексы с калачиковидными округлыми серьгами с утолщениями и без утолщения в нижней части, а также с гроздевидными напайками внизу, серьги лунницы-колты, богато украшенные круглыми и зерновыми напайками и инкрустированные камнем (рис. 26, 131, 153, 165, 176) [Левина, 1993. Рис. 54, 1–21; 1996, 1–31]. Этот тип украшений бытовал в V–VII вв. в Поволжье и Приуралье [Богачев, 1996. Рис. 8]. На отмеченный хронологический диапазон указывают также отдельные типы мечей, наконечники стрел, стремена и большое количество зеркал. Если отобрать из общего числа комплексов те, которые возможно датировать (рис. 27), то окажется, что большая часть всех джетыасарских погребальных комплексов датируется по принципу взаимовстречаемости. Коррелирование вещевых комплексов по этому принципу позволило выявить ряд устойчивых взаимовстречаемостей вышеперечисленных предметов металлического инвентаря и керамических комплексов (рис. 28). Так, наиболее устойчивые связи обнаруживают горшки вытянутых пропорций с плавной профилировкой и оттяну-

2/1	28	53	74	92	118/1	133/2	154	185	204	230	249	268	293/1	317	334/1	347/4	369/2	385/1	405/1	421	437	458	476
2/2	34	54	75	96	118/2	134	158	186	205	231	250	269	285	318	334/2	347/5	370	385/2	405/2	422/1	438	459	478
4/1	37	55	76/1	97	119	135	159/2	187	207	233	251	271	293/2	319	335/1	349	371	386	406	422/2	439	460/1	479/1
4/2	38	57	76/2	98/1	120	136	159/1	188	208	235	252	272	294	320	335/2	350	372	387	407	422/3	440	460/2	479/2
6	39	58	77	98/2	121	137	161	189	209	232	253	274	297/1	321/1	336	348	373	388	408	423	441/1	461	480
7	40	59	78	99	122	138	160	190	210	236	254	278/1	297/2	321/2	337	351	375/1	389	409	424	441/2	461/2	483
9	41	60	79	100	123	142	162/1	191	211	237	255	278/2	299	322	338	352	374	390	410	425	443	464	485/1
10	42	61	80	101	124/1	143	162/2	192	212	238	256	279/1	303	324/1	339	353	375/2	391	411	427	446/2	465	485/2
11	43	63	81	102	124/2	144	163	193	214	239/2	257	275	301	324/2	340	354	376/2	392	412	426	446/1	466	486
12	44/1	64/1	83/1	104	125	145	164	194	216	239/1	258	279/2	303	325/1	341	359	376/1	393	413/1	428/2	444	467/1	487
13	44/2	64/2	83/2	105	126	146	165	199	215	240	260	280	304/1	325/2	342/1	355	376/3	394	413/2	428/1	447	467/2	488
14	44/3	66	83/3	106	128	147	166	193	217	242	261	283	304/2	326/2	342/2	358	377	395	413/3	428/3	448	468/1	490
15	44/4	67	84	108	127	148	169/1	201	218	245	264	284	309	326/1	343	360	380	396	414	429	449	468/2	М.л.
18	44/5	68	85	109	128	149	169/2	195	222	247/1	259	286/1	307	329	345	363	378	397	415	430	450	469	
19	45/1	69	86	111	130	150/1	171	196	220	247/2	262	286/2	311	327	344	361	379	399	416	432	452	470	
23	45/2	70/1	87	113	129	150/2	172	197	223	241	263	287/1	312	330	346	368	381/1	400	417	431	453	471	
24	47	70/2	88/1	115	131	151	183/1	198	224	243	265	287/2	313	332	347/3	365	381/2	401	418	433	454/2	472	
25	48	71/1	88/2	116	132/2	153	183/2	200	225	244	267	288	314	333/1	347/4	366	383/1	402	419/1	434	454/1	473	
26	51	71/2	90	117/1	132/1	155	184/1	202	226	246	266	291	315	333/2	347/1	367	383/2	403	419/2	435	455	474	
27	52	72	91	117/2	133/1	157	184/2	203	229	248	267	292	310	331	347/2	369/1	384	404	420	436	456	475	

1	3	5	8	16	17/1	17/2	20	21	22
30	31	32	33	36	46	49	50	58	62
73	89	93	107	110	112	114	141	147	152
166	167	168	170	173	174	175	176	177	178
179	180	181	182	206	213	219	227	228	234
273	276	270	277	281	289	282	290	295	296
301	302	308	306	308	316	323	328	356	357
356	357	362	382	382	445	461	462	463	477
481	482	А-1 3	А-1 1	А-2 2	Б-А 3	Б-А 2	Б-А 1	Б-А 4	Б-А 5
К-3 9	К-1 1	К-1 2	К-1 3	К-1 4	К-1 5	Т 27	Т 28	Т 50	Т 81

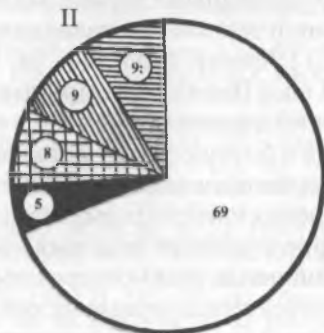

Рис. 27. Наличие датированных дзетыасарских комплексов среди курганов (I) (Алтын-Асар 4) и склепов (II) (Алтын-Асар 1, 4; Тампакасар, Бедиа-Асар, Косасар) и их соотношение. Fig. 27. The presence of the dated Dzhetysay complexes among the barrows (I) (Altyn-Asar 4) and vaults (II) (Altyn-Asar 1, 4; Tampakasars, Bediak-Asars, Kosasars) and their correlation.

а – комплексы, поддающиеся датированию; б – комплексы V–VI вв.; в – комплексы VI в.; г – комплексы VI–VII вв.; д – комплексы VII–VIII (IX) вв.; е – слабо датированные комплексы; ж – комплексы, не поддающиеся датированию; з – доля комплексов в общем объеме (8%)

тым венчиком, орнаментированным насечками или гребенчатым штампом с высокими кувшинами без ручек или с небольшими ушками для подвешивания с невысоким конусовидным горлом, которые, в свою очередь, имеют высокую встречаемость с горшками с сосцевидными или луновидными налечами, с калачиковидными серьгами, имеющими утолщение в нижней части, а также с предметами геральдического стиля. Плавнoproфилированные горшки вытянутых пропорций, в свою очередь, обнаруживают устойчивую связь с зеркалами со штыревидной ручкой, а также с кувшинами с одной ручкой и раструбообразным венчиком, с поясной гарнитурой предгеральдического облика (пряжки с выдвинутым щитком и В-образной рамкой), а также с орнаментированными кувшинами и кружками. Вероятно, эти взаимосвязи объединяют наиболее поздние комплексы VII–VIII вв. Следующая группа: плавнoproфилированные горшки, не имеющие напыла на венчике, с луновидными налечами, а также кувшины и двуручные горшки, которые имеют устойчивую связь с набором поясной гарнитуры с пряжками с подвижным щитком, овальной рамкой и хоботовидным язычком, а также цельнолитые пряжки «шиповского типа» с калачиковидными без утолщения и с утолщением в нижней части серьгами. Вероятно, эти типы вещей характеризуют наиболее ранние погребальные комплексы, которые могут быть отнесены к концу V–VI вв. В целом же корреляционный ряд достаточно ярко и взаимосвязанно иллюстрирует цельность всего джетыясарского комплекса в рамках V–VIII вв.

И еще одно наблюдение – при сравнении вещевого материала и погребального обряда обнаруживается следующая интересная деталь. Курганные погребения содержат большее количество предметов вооружения, а склепы – в основном бытовой инвентарь и предметы украшений. Применяя термины, предложенные Н. Е. Берлизовым и В. Н. Каминским, курганные погребения носят более «милитаризированный», а склепные более «женственный» характер.

Несмотря на то что Л. М. Левина расширяет основные рамки существования джетыясарской культуры вплоть до середины I тыс. до н. э. [Левина, 1996. С. 372–373], нижняя дата возникновения погребальных комплексов остается открытой.

Собственно сарматское (прохоровское) время маркируется лишь в отдельных поселенческих горизонтах. Причиной малочисленности погребальных комплексов сарматского времени, вероятно, является активное разграбление курганов в период поздней древности и раннего средневековья. Однако необходимо отметить, что сарматские традиции довольно ярко прослеживаются в устройстве погребальных камер сырцовых склепов, которое имеет многочисленные параллели с раннепрохоровскими курганами Южного Урала и Северного Казахстана (Темир, Филиповский, Кенес). Дромосные многоактные захоронения в них совершены по тому же принципу, что и в джетыясарских склепах: южное расположение дромоса, наличие своеобразного уступа (суфа) вокруг погребальной камеры, на которой размещен погребальный инвентарь, в том числе и керамика. В джетыясарских склепах поддержка потолка камеры осуществлялась за счет сырцовых стен, а в зауральских курганах вокруг погребальной камеры сооружался глиняный вал (хотя и не исключено, что и здесь применялись глиняные блоки или вальки) [Зданович, Хабдулина, 1986; Гаврилюк, Таиров, 1993; Хабдулина, 1994. С. 20–22]. В целом конструктивные различия склепов и погребальных камер курганов связаны с тем, что при сооружении зауральских курганов-склепов ранние сарматы в изобилии применяли дерево, а джетыясарцы, за неимением его, использовали сырцовый кирпич. Впрочем, опыт использования сырцовых блоков был известен и сарматам урало-казахстанских степей [Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984. С. 36–43. Рис. 4].

Все сказанное позволяет говорить о многокомпонентности джетыясарской культуры. Прежде всего, в культурно-историческом плане в ее развитии можно выде-

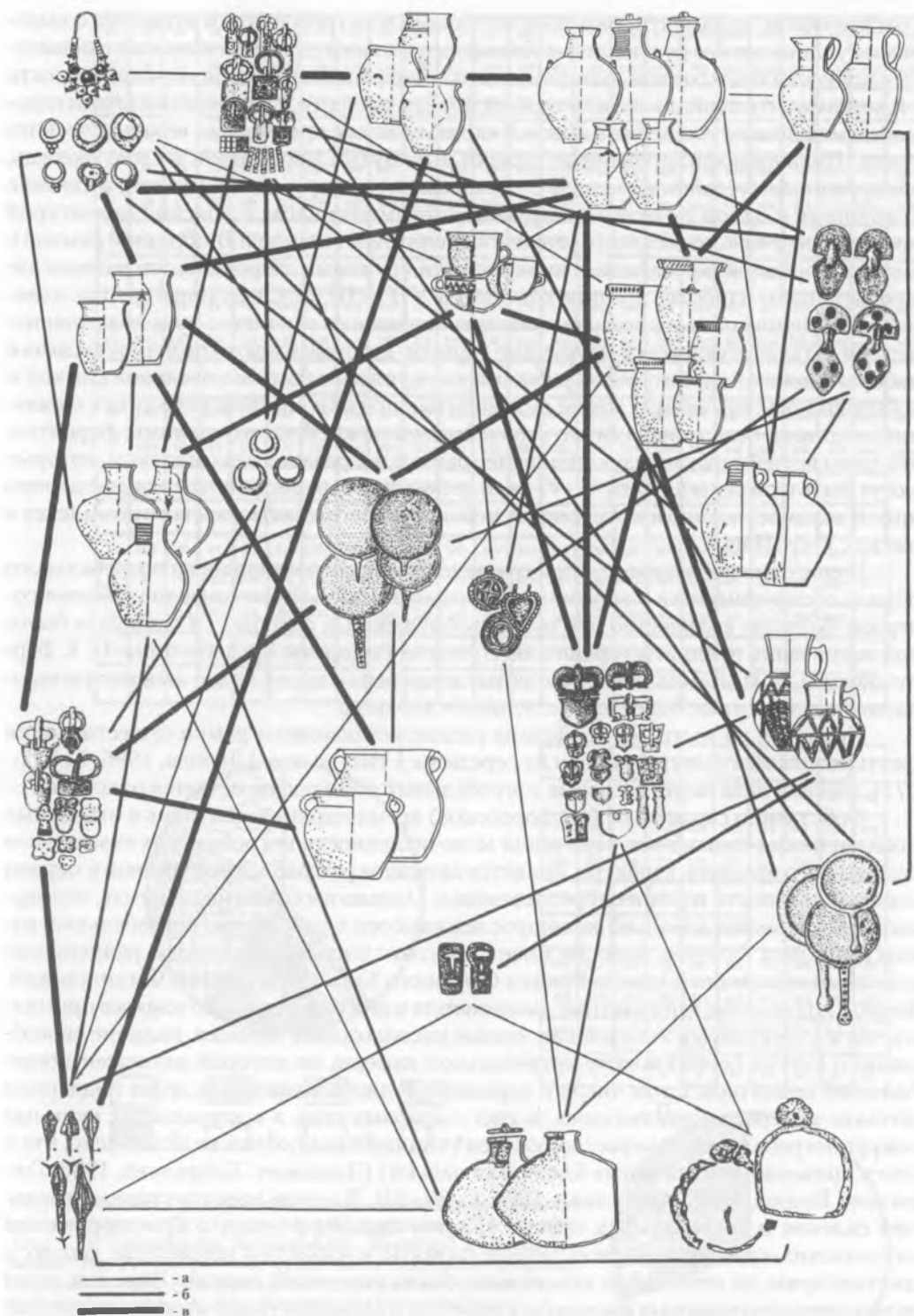

Рис. 28. Взаимовстречаемость отдельных категорий и типов вещевого инвентаря в Джетыясарских комплексах. Fig. 28. The mutual occurrence of separate categories and types of the inventory in the Dzhetysay complexes.

а – 1 случай; б – 2–3 случая; в – 4 и более случаев

лить три периода: древний, включающий памятники и материалы середины – конца I тыс. до н. э.; поздний – I в. до н. э. – IV в. н. э. и раннесредневековый V – VIII вв. н. э.

Попробуем проследить составляющие культурные компоненты погребальных традиций джетыасарской культуры. Ее погребальную обрядность характеризуют, с одной стороны, сырцовые многоразовые склепы, своеобразно продолжающие традиции автохтонного сарматского населения. С другой, огромное число погребальных комплексов оставлено, по нашему мнению, хуннским кочевым населением, впервые появившимся здесь в I веке до н. э.

На наш взгляд, появление яркого керамического комплекса хуннского и хунно-сарматского облика, который представлен сероглиняными горшками вытянутых пропорций с плавной профилировкой, керамическими котлами, способами орнаментации — сосцевидные налепы, волнистые и зигзагообразные резные линии — указывает на непосредственный приток на территории, заселенные джетыасарским (сарматским в основе своей) населением, гуннских и гунно-сарматских племен. Наличие среди алтынасарского комплекса (Алтынасар 4 к) нескольких погребений, совершенных в катакомбах, позволяет говорить об определенном влиянии на джетыасарскую культуру и со стороны алано-кангюйского населения Средней Сырдарьи.

Теперь попытаемся проследить основные этапы джетыасарского культурогенеза. Как нам представляется, формирование джетыасарской культуры начинается в IV веке до н. э. К этому времени фаза глобальной аридизации достигает своего пика [Иванов И.В., 1994; Демкин, Рысков, 1996. С. 99; Таиров, 1995. С. 92–94].

Установление ландшафта сухих степей в Южном Зауралье и Северном Казахстане и полупустынного в Приаралье приводит к оттоку раннесарматского — прохоровского населения на запад в Приуралье, Поволжье, а позже и в волго-донские степи. По всей видимости, часть сарматского населения начинает активно оседать в оазисных зонах дельты Сырдарьи. Позволим себе смелое предположение о том, что прохоровцы, оседая в долине Кувандарьи и Жаныдарьи, отторгают этот ареал у местных племен чирикратской культуры, либо вытесняя, либо бесследно ассимилируя их, что отразилось на почти полном отсутствии чирикратского культурного влияния на джетыасарский материальный комплекс [Левина, 1981. С. 171]. Наибольшему влиянию носители джетыасарской культуры были подвержены со стороны алано-кангюйского населения Средней Сырдарьи (Арысская, Каунчинская, Джунская культуры), что отразилось в освоении джетыасарцами традиций сырцовой фортификационной и жилой архитектуры, а также в создании к концу I тыс. до н. э. ремесленной базы гончарного (горнового) производства. К последним векам до н. э. Алтынасар, по всей видимости, был столицей крайней северо-западной провинции страны Кангюй. Однако, с другой стороны, джетыасарские города и поселки были юго-восточной окраиной большой кочевой области Верхних аорсов — Янцзай, простиравшейся в это время от Приаралья до Нижней Волги. Более того, джетыасарцы в основе своей имели сарматский культурный облик, так как низовья Сырдарьи и Приаралье являлись южной окраиной урало-аральской пастбищной провинции [Таиров, 1993. С. 18–19]. По этой причине, вероятнее всего, здесь, в районах зимовий, происходило активное оседание раннесарматского населения. Таким образом, джетыасарское население испытывало большое влияние со стороны сарматов урало-казахстанских степей.

Нам трудно говорить о характере взаимоотношений сарматов-аорсов (Янцзай) и Кангюй за господство над джетыасарской провинцией. По всей видимости, история их взаимоотношений была полна ярких политических перипетий и различных эпизодов. Однако, как известно, к I веку н. э., вероятнее всего, Кангюй была окончательно покорена не только вся долина Сырдарьи вплоть до Арала, но и янцзайская степь. После чего страна Янцзай была переименована в Аланью [Бичурин, 1950.

С.152]. В этом пограничном положении и двуполярной культурной ориентации и заключается особое положение джетыасарского культурного ареала в составе кангюйского государства [Левина, 1996. С. 376].

Не вызывает сомнения, что джетыасарская культурная автономия неизбежно приводила к формированию сепаратистских тенденций (прежде всего по отношению к Кангюй). В этой связи логичным становится тот факт, что именно здесь на дальних рубежах Кангюй наблюдается появление нового хуннского и хунно-сарматского населения.

Как отмечает А. М. Мандельштам, хунны, покинув Туркестан, по одним данным уходят в страну Усунь, по другим — в Кангюй [Мандельштам, 1978. С. 24]. Нам кажется, что первая часть этого предположения звучит более чем гипотетично.

Во-первых, существовала давняя традиция союзных отношений между Кангюй и Хунну. В соответствии с данными китайских источников, Чжи-Чжи после бегства в Среднюю Азию в 46 году до н. э. останавливаются в долине Дулай (Талас), к востоку от страны Кангюй [Материалы по истории сюнну, 1973. С. 39, 120–124].

Во-вторых, усунь издавна были врагами хуннов, так как неоднократно подвергались со стороны последних агрессии и приведению к покорности, результатом чего стало переселение усуней из своих родовых территорий (оз. Баркуль, Лобнор) на запад — в Семиречье. Поэтому союз их с северными хуннами был невозможен; напротив, отмечены многочисленные набеги усуней на ослабевших хуннов.

В-третьих, Кангюй, вероятно, был всегда заинтересован в союзнике против усуньской опасности. И по принципу «враг моего врага — мой друг» весьма благосклонно была настроена на союз с северным шаньюем.

В-четвертых, даже временный союз между хуннами и усунями был весьма нежелателен с точки зрения хозяйственно-географических условий. И те, и другие в конечном счете нуждались в пастбищных пространствах, что приводило к противоборству за степной ареал. Кангюйское население, в основе своей оседлое и ведущее комплексное хозяйство, не претендовало на значительные пастбищные угодья, испытывая при этом острую необходимость в защите со стороны степи.

И, наконец, в-пятых, возвращаясь к началу наших логических построений, в противостоянии со столичными центрами Кангюй джетыасарская область особо остро нуждалась в третьей силе. Вот почему памятники хуннского облика в массовом количестве появляются именно в приаральских степях. Это небольшие одиночные курганы с простыми подбойными погребениями, характерной черной которых было сооружение специальных ниш для установки в них сосудов и помещения жертвоприношений в виде мяса овцы и коровы, иногда голов крупного рогатого скота. Погребенные ориентированы головой на север. Особая черта на этом этапе — появление черепной деформации. Для вещевого материала этого комплекса характерно появление особой гуннской или гунно-сарматской группы горшков и керамических котлов, луков и накладок «хуннского типа». Насколько мы можем судить, из всех приведенных выше групп материалов Средней Азии и юга Казахстана эта часть комплексов джетыасарской культуры наиболее близка по своим составляющим элементам гуннскому или гунно-сарматскому ИКК.

Исключение составляют единичные курганы и погребения первых веков н. э. на поселениях Актобе 2, Кызыл Кайнар-Тобе, обнаруженные на больших пространствах от Семиречья до Аральского моря. Определенную схожесть имеют ранее рассматриваемые памятники юэчжийско-кушанского ИКК или тулхарской группы. Однако они занимают конкретную географическую и историческую нишу, а также особый облик своего культурно-генетического развития (от юэчжийских к кушанским — в пределах Северной Бактрии). Схожесть с общехуннскими ИКК памятников тулхарской группы, вероятно, объясняется едиными истоками происхождения

и параллельного развития культур юэчжей и сюнну в пределах Ордоса и Ганской-ского коридора (см. выше).

Значимый гунно-сарматский компонент в джетыясарской культуре, бесспорно, повлиял на ее особый культурно-исторический облик. Сегодня можно только недоумевать, что, несмотря на столь яркое гуннское присутствие, которое демонстрируют массовые джетыясарские материалы, многие исследователи поздней древности продолжают тщетно разыскивать хуннов-гуннов, покинувших Синьцзян где-то в абстрактных пределах Юго-Западного Казахстана (Семиречье, Талас, При-тяньшанье), реанимируя тем самым давнюю идею А. Н. Бернштама [Бернштам, 1951; История Казахской ССР, 1977. С. 286; Смагулов, Павленко, 1996; Яценко, 1998. С. 91; Хабдулина, 1999].

Итак, с I века до н. э. на территорию, заселенную джетыясарским сармато-аланским (кангюйским) населением, начинает проникать северо-хуннское население. Этот процесс усиливается к концу I века н. э., достигая своего апогея в середине II века н. э. Причина и характер этих миграций будут рассмотрены несколько ниже. Большая часть хуннов постепенно оседает здесь, и в V веке н. э. они составляют основную группу полуоседлого скотоводческого джетыясарского населения. Процесс оседания гунно-сарматского джетыясарского населения в долине Кувандары после ухода основной части гуннов на запад, а возможно и после возвращения их из западных походов, весьма схож с процессом оседания гунно-сарматов в Приуралье, что отразилось в формировании памятников турбаслинской культуры и комплексов типа Коминтерновский II.

Учитывая рассмотренную выше двукомпонентность джетыясарской культуры, предлагаем эту группу памятников отнести к гунно-кангюйскому ИКК.

В заключение обзора памятников и историко-культурных процессов, протекавших в пределах Средней Азии и юга Казахстана в последних веках I тыс. до н. э. и первых веков н. э. коротко обозначим основные этапы культурных трансформаций.

Предтечей наиболее мощной миграционной волны, которая произошла на рубеже III–II вв. до н. э., стало переселение восточно-сакского населения из центрального Синьцзяна (могильник Алагоу) на запад, где появляются комплексы типа кургана Иссык, северо-запад, где в памятниках большереченской и буланкобинской культур отмечена сакская керамика и погребения типа иссыкского «золотого человека» (Локоть IV), и на север, где сакские культурные инновации отмечены среди материалов верхнеобской культуры V–IV вв. до н. э. (цв. вклейка, рис. 5, 23–25).

Следующей мощной миграционной волной было переселение юэчжей вначале в Восточный Туркестан (Малые Юэчжи), затем в среднеазиатское междуречье и, наконец, в Северную Бактрию, в результате чего здесь возникают памятники юэчжийско-кушанского ИКК (тулхарского типа) (Бабашовский, Тулхарский, Кокумский и отдельные комплексы Шаушукумского могильника) (цв. вклейка, рис. 5, 18–20, 28–30).

Одновременно с этим в Средней Азии появляется юэчжийско-сарматское население (юэчжи дома Чжаову), оставившее подбойно-катакомбные погребения юэчжийско-сарматского ИКК (Лявандакский, Куюмазарский, Тузгыр и др.) на северной окраине Среднеазиатских оазисов и многочисленные комплексы на Южном Урале (Покровка, Увак, Мечетай и др.). Вероятно, эта же волна захватывает усуней, кочевья которых перемещаются из окрестностей озера Баркуль в долину реки Или и в Семиречье, где появляются многочисленные погребальные комплексы сако-усуньского ИКК (чильпекская группа) (Кызлауз I–III; Кадырай III; Сарытагай 1–3; Берккара и др.), существующие на этих территориях вплоть до середины I тыс. н. э. (цв. вклейка, рис. 5, 20–26).

Начало следующей миграционной волны приходится на I век н. э. Ознаменовалось оно массовым переселением аланского населения с юга Восточного Туркестана, вызванным вторжением в пределы этого региона северных хуннов (в 80–90 гг. н.э.), вытесненных из занимаемых ими ранее территорий войсками Хань, южными хуннами и сяньбийцами. Массовое переселение аланов в пределы Средней Азии отмечено появлением здесь огромных подбойно-катакомбных некрополей (арысской, каунчинской, джунской, оттаро-каратаутской, карабулакской, кенкольской культур) и алано-кангюйского ИКК. Приаралье аланами захватывается и переименовывается в Янцзй (цв. вклейка, рис. 6, 28). Далее через юг Прикаспия аланское население проникает в Предкавказье, что приводит к появлению терекско-дагестанских катакомбных памятников («маскуты») на Северном Кавказе и выходу алан на политическую арену Восточной Европы (цв. вклейка, рис. 6, 30–32). Приход аланского населения в Среднюю Азию приводит к значительному усилению государства Кангюй и расширению его границ. Однако преобладание это было недолгим, так как в это же время начинается инфильтрация довольно многочисленного северо-хуннского населения, которое к середине II века н. э. (151 г.) было окончательно изгнано из Джунгарии ханьскими войсками и сяньбийцами Таншихая. Большая часть северных хуннов осваивает более чем на два столетия урало-аральскую пастбищно-кочевую провинцию, изгоняя отсюда аланов.

После прихода гунно-сарматов территориям Приаралья вновь возвращается название Янцзй (Сутэ-Янцзй). Со II по IV век н. э. в урало-казахстанских степях продолжается (после Восточного Туркестана) активная сарматизация хуннского населения и формирование того исторического своеобразия, в котором легендарные гунны предстали перед народами Восточной Европы.

Таким образом, все вышесказанное наводит на мысль, что среди приведенных материалов из Средней Азии и Казахстана наиболее близкими к хунно-сюннскому комплексу являются памятники кочевнического облика джетыасарской культуры.

Итак, в рамках среднеазиатско-казахстанской стадии хунно-гуннский культурогенез вступает в четвертый гунно-сарматский этап, очерчиваемый рамками I–IV вв. н. э. Этнокультурные трансформации на данном этапе происходят вначале в джунгарских степях Восточного Туркестана (конец I–середина II вв.) и продолжают затем в арало-уральских степях. В гунно-сарматской или раннегуннской культуре сегодня можно выделить два ареала ее распространения, которые, в определенной мере, могут представлять два этапа развития: урало-казахстанский — середина II–IV век н. э. и джетыасарский (гунно-кангюйский) V–VIII вв. н. э.

Глава 3

ГУННО-САРМАТЫ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

Памятники гунно-сарматского времени урало-казахстанских степей включают в себя комплексы середины II–V вв. н. э. Они делятся на два хронологических этапа: середина II–III вв. и IV–V вв. Как уже отмечалось ранее, сложилась определенная традиция называть эти комплексы по аналогии с нижневолжскими и волгодонскими памятниками позднесарматскими и соответственно относить их к позднесарматской культуре. Однако в процессе исследований последнего десятилетия нами, как и другими исследователями, было обращено внимание на своеобразие урало-казахстанских комплексов этого периода, вследствие чего было предложено отнести их к гунно-сарматской культуре [Боталов, 1993; 1994; 1995; Боталов, Гуцалов, 2000; Боталов, Любчанский, 1992; Боталов, Полушкин, 1996]. Как известно, это определение встретило категорическое неприятие по стороны М. Г. Мошковой [2007. С 104–105]. Тем не менее, автор остается на прежней позиции. С нашей точки зрения, гунно-сарматские памятники, культура, период, горизонт и другое, более точно отражают характер культурных трансформаций, происходивших в среде кочевого населения на раннегуннском этапе.

«Гунно-сарматские памятники» или «гунно-сарматский период» — названия, которые сравнительно давно и прочно укрепились за более ранними или синхронными комплексами Тувы, Алтая и Притяньшанья [Руденко, 1960. С. 335, 336; Кызласов, 1958; Бернштам, 1951. С. 143]. Мы сочли возможным применение данного термина и для урало-казахстанских памятников II–V вв. н. э. По нашему глубокому убеждению, появление и дальнейшее существование этих комплексов своеобразно отражает процесс эволюции хунно-гуннской культуры в сарматской этнокультурной среде. Главенствующую роль в этом этнополитическом конгломерате играли собственно гунны — прямые потомки центральноазиатских хуннов. Вероятно, именно этим можно объяснить наличие ярких центральноазиатских черт в погребениях знати (северная ориентировка, наличие гробов, котлов, китайского импорта, наборных поясов — реминисценций поясов «ордосского типа», деформация черепов и значительная монголоидность погребенных). Процесс гуннского этногенеза растянулся на два столетия, после чего во второй половине IV века н. э. они покидают урало-казахстанские степи и вторгаются в Европу.

Рассматриваемые в данной работе памятники гунно-сарматского круга представляют собой особый историко-культурный феномен для археологии Южного Урала и севера казахстанских степей. Дело в том, что, появляясь здесь совершенно неожиданно в середине II века н. э., они исчезают к концу IV века. В отличие от поволжских и донских комплексов или памятников лесостепного Приуралья рубежа эр, они не имеют непосредственной генетической связи с предшествующим этапом развития. Следы исчезнувшего населения урало-казахстанских степей проявляются в материалах памятников Приуральской и Зауральской лесостепи и даже леса, в комплексах низовьев Сырдарьи (Джетыясарские памятники), в погребениях Поволжья, Волго-Донья и Предкавказья.

В отличие от предшествующего этапа (рубеж эр) гунно-сарматские памятники несравнимо многочисленней как по количеству отдельных некрополей, так и по количеству комплексов внутри них.

На сегодняшний день исследовано около 350 погребальных и культовых комп

лексов, расположенных как вдоль северной кромки степной зоны Казахстана и Южного Урала в Урало-Ишимском междуречье, так и глубоко в степи. Территориально гунно-сарматская культура урало-казахстанских степей включает в себя четыре микрорайона: Западный Казахстан, Южное Приуралье, Южное Зауралье и североказахстанское Поишимье (цв. вклейка, рис. 2, V). Эти территории неравномерно представлены памятниками на различных хронокультурных этапах.

Вероятно, наиболее плотному гунно-сарматскому заселению подвергались западноказахстанские территории прикаспийской полупустынной степи в бассейнах Эмбы, Кылы и Илека. Исследования последних лет в Лебедевско-Калдыгайтинском микрорайоне позволили выявить новую серию могильников, которые по планиграфическим данным (наличие прямоугольных склепов, длинных и гантелевидных курганов) довольно точно идентифицируются с памятниками данного культурного типа. Количество входящих в них комплексов более 300, что приближается к общему количеству исследованных гунно-сарматских памятников в пределах всего урало-казахстанского региона (!) [Боталов, Бисембаев, 2002. С. 112]. При этом благодаря широкомасштабным разведкам западно-казахстанских исследователей, за последние годы количество схожих памятников в Западном Казахстане увеличилось на порядок.

В целом гунно-сарматские памятники составляют единый ИКК, хотя наблюдаются отдельные региональные особенности. В этой связи рассмотрение региональных особенностей будет осуществляться с учетом двух основных территориальных групп: восточной, включающей памятники Южного Приуралья, Зауралья и Поишимья), и западной, включающей памятники левобережья среднего и нижнего течения Урала.

§ 1. Погребальный обряд. Рассмотрение памятников на столь значительной территории как урало-казахстанские степи связано с тем, что эти комплексы входят в единый круг, представляющий гунно-сарматскую культуру. Отделять друг от друга какие-либо группы памятников внутри нее было бы, на наш взгляд, пока неправомерно.

Каковы же характерные черты данного историко-культурного комплекса? Могильники этой культуры представляют собой цепочки курганов, ориентированных, как правило, в меридиональном направлении, с отклонением к западу или востоку, имеющим чаще всего ландшафтный характер. В подавляющем большинстве это самые крупные некрополи кочевых культур, насчитывающие от двух–пяти до 100 курганов.

Насыпи курганов сложены из земли (рис. 29, I; 34, I; 35, I, II; 36, I). Семнадцать курганов из пяти могильников (Салиховский, Хворостянский, Линеvский, Восточно-Курайлинский, Жолуткен) имели насыпь, сложенную из земли и камня, или каменную кольцевую ограду. В ряде случаев имела место забутовка ямы камнем (Линеvский, курган 10; Салиховский, курганы 8, 35, погребение 2). Земляные насыпи округлой формы составляют до 87% от общего числа казахстанских и южноуральских гунно-сарматских комплексов. Диаметр их не превышает 10–15 м, высота до 0,5 м.

Особую группу надмогильных конструкций составляют сооружения, имитирующие грунтовые склепы и длинные гантелевидные курганы. Несмотря на то, что общее количество исследованных сегодня склепов невелико (6 — в западной и 10 — в восточной группах), они являются обязательным элементом в наиболее представительных могильниках этого времени. Большинство склепов располагается в степной зоне. Количество этих сооружений в могильниках возрастает к востоку. Благодаря своеобразию конструкций, сегодня к общему числу исследованных комплексов этого вида можно прибавить до двух десятков могильников, включающих от 2–3

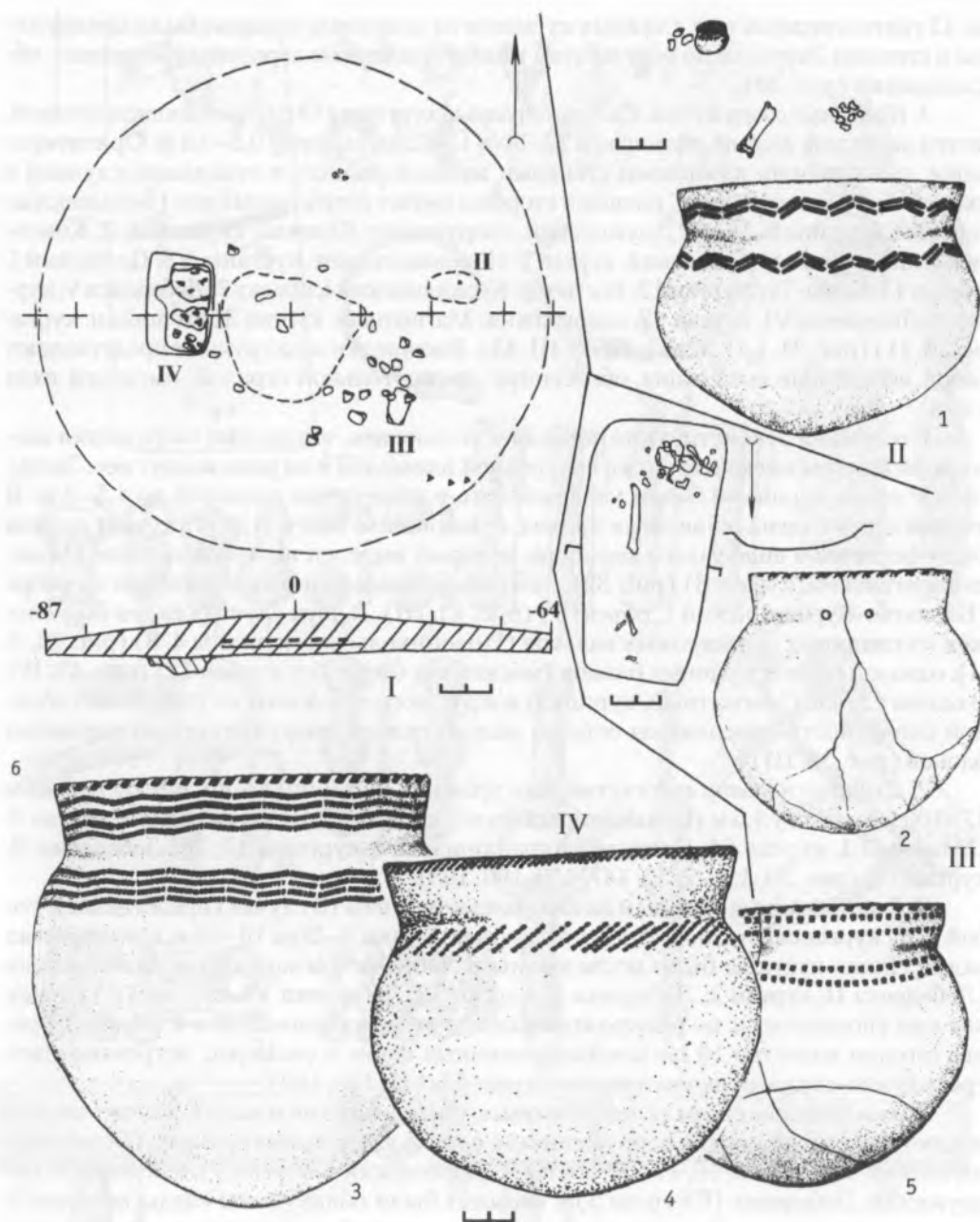

Рис. 29. Могильник Байрамгулово. Курган 2. Fig. 29. The Bairamgulovo burial site. Barrow 2.

I – общий план кургана; II – жертвенный комплекс; III – погребение 1; IV – керамика из погребения 2

до 15 гантелевидных или длинных курганов со склепами, которые были обнаружены в степном Зауралье по результатам инвентаризации и аэродешифровочного обследования (рис. 30).

1. *Наземные сооружения.* Склепообразные курганы (18 случаев) подквадратной, почти округлой, формы, размерами 22–30 × 15–25 м, высотой 0,5–0,8 м. Ориентированы, как правило, длинными стенками меридионально, в отдельных случаях в южной части имеют вход. С внешней стороны имеют углубленный ров (Большекараганский, курганы 8, 16, 17; Друженский, сооружения; Явленка, курганы 1, 2; Комсомольский, курган 8; Сибайский, курган 5; Новоникольское, курганы 4, 8; Целинный I, курган 13; Сары-Тау, курган 12; Восточно-Курайлинский I, объект 7; Лебедевка V, курган 1; Лебедевка VI, курган 12, сооружения; Магнитный, курган 3; Басшийли, курганы 10, 11) (рис. 31, I, II; 32; 33; 37; 38; III; 43). Внешне эти конструкции представляют собой неглубокие котлованы, обнесенные прямоугольной оградой, имеющей вход с юга.

Несложная реконструкция позволяет установить, что данные сооружения возводились путем выемки грунта с внутренней площадки и из рвов вокруг нее. Затем, скорее всего, дерновые блоки укладывались в виде стены шириной до 1,5–2 м. В южной части склепа оставлялся проход, сужающийся к югу. В двух случаях проход был оформлен в виде узкого коридора, который выделен неглубоким ровом (Большекараганский, курган 8) (рис. 32), либо каменными плитами, стоящими на ребре (Восточно-Курайлинский I, объект 7) (рис. 43, III). В двух случаях склеп был сложен из глиняных обожженных вальков (Новоникольское, курганы 4, 8) (рис. 31, I, II), однажды — из сырцовых блоков (могильник Сары-Тау, курган 12) (рис. 43, II). В одном случае (Магнитный, курган 3) вокруг могильной ямы на уровне погребенной поверхности прослежены остатки малого склепа, сооруженного из сырцовых блоков (рис. 38, III).

2. *Длинные насыпи,* вытянутые, как правило, по линии С–Ю, имеют размеры 17–100 м и высоту 1,5 м (Большекараганский, курганы 5, 19; Друженский, курган 5; Целинный I, курган 64; Восточно-Курайлинский I, курганы 17, 26; Лебедевка II, курган 11) (рис. 50, 1, 4–7; 52, 147, 159, 160, 198).

3. *Гантелевидные насыпи* и валообразные курганы (3 случая) представляют собой пару курганов, отстоящих друг от друга по линии З–В на 10–18 м, соединенных валом. Такие курганы были исследованы в Лебедевском комплексе могильников (Лебедевка II, курган 3; Лебедевка V, курган 52; Лебедевка VI, курган 1). Однако, как уже упоминалось, по результатам разведочных исследований в Южном Зауралье сегодня известно 16 насыпей аналогичных форм и размеров, встречающихся среди гунно-сарматских могильников (рис. 52, 147, 159, 160).

В большинстве своем склепообразные, гантелевидные и валообразные насыпи являются надмогильными сооружениями, однако в отдельных случаях, (Большекараганский, курганы 6, 16, 17; Восточно-Курайлинский I, курган 7; Лебедевка V, сооружения; Лебедевка II, курган 3) в насыпях были обнаружены следы кострищ и отдельные предметы. Это позволяет говорить о полифункциональном назначении данных сооружений, а именно как о погребальных комплексах и святилищах. При этом стоит отметить, что погребения в данных сооружениях по набору вещевого инвентаря значительно отличаются от рядовых комплексов данной культуры.

Из общей массы памятников выделяются комплексы лесостепного Поишимья, склепы, насыпи или ограды которых сложены из глиняных блоков-вальков. На надмогильной площадке и в ямах фиксируются следы длительного воздействия огня. Погребение совершалось по обряду трупосожжения над или внутри могильной ямы (Новоникольское, курганы 4, 8; Кенес, курган 11; Берлик, курган 2; Явленка, курган 4) (рис. 31, I–IV).

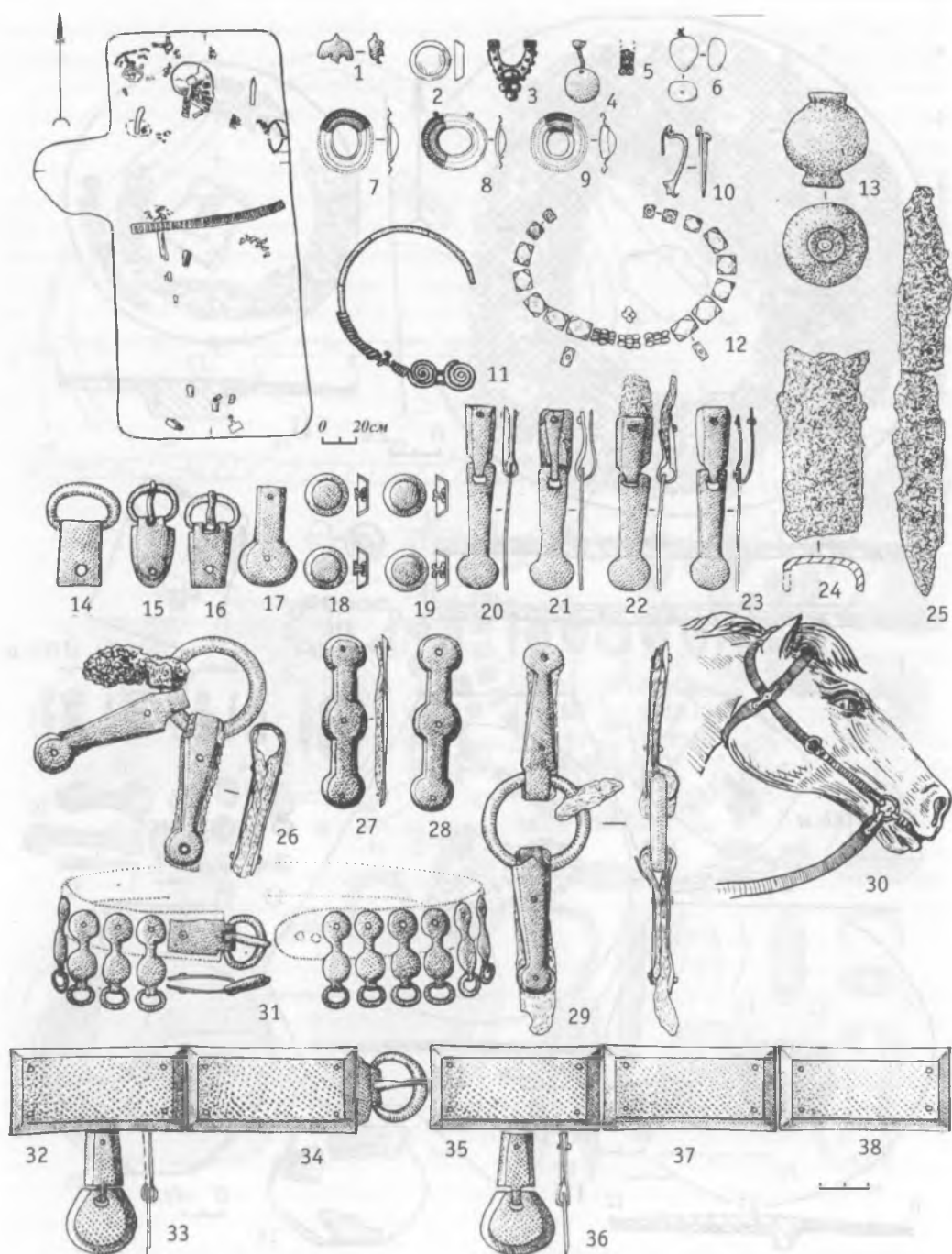

Рис. 30. Могильник Байрамгулово. Курган 2, погребение 2. Fig. 30. The Bairamgulovo burial site. Barrow 2, burial 2.

1, 10, 14–23, 27–29, 31–38 – бронза; 2, 6, 12 – стекло; 3, 4 – золото; 5, 7–9, 11 – серебро; 13 – керамика; 24–25 – железо; 26 – бронза, железо, кожа; 30 – реконструкция конской упряжи

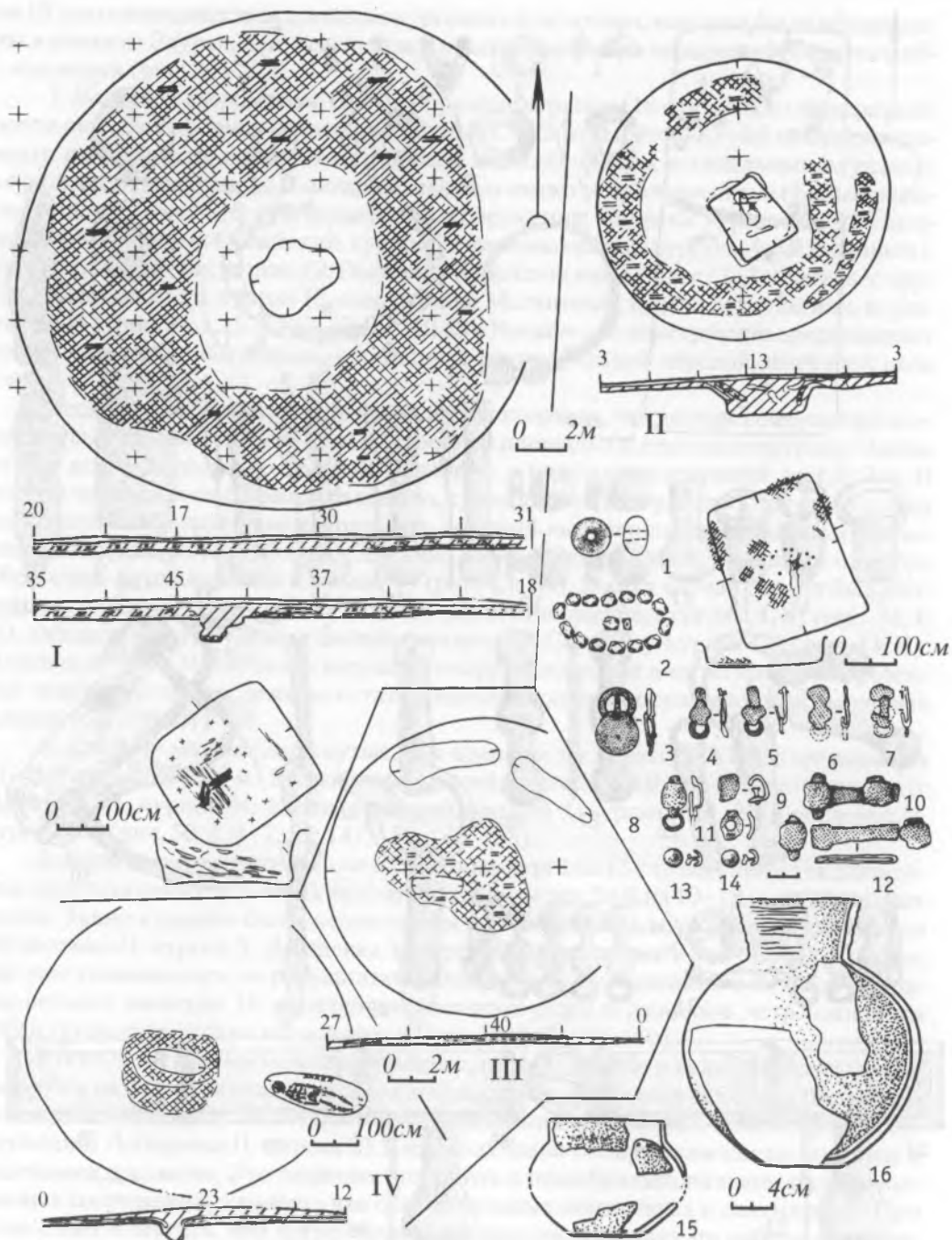

Рис. 31. I – могильник Новоникольское, курган 8; II – курган 4; III – могильник Кенес, курган 11; IV – могильник Берлик, курган 2.

Fig. 31. I – Novonikolskoye burial site, barrow 8; II – barrow 4; III – Kenes burial site, barrow 11; IV – Berlik burial site, barrow 2.

1 – опал; 2 – стекло, сердолик; 3–12 – бронза; 13, 14 – бронза, золото; 15, 16 – керамика

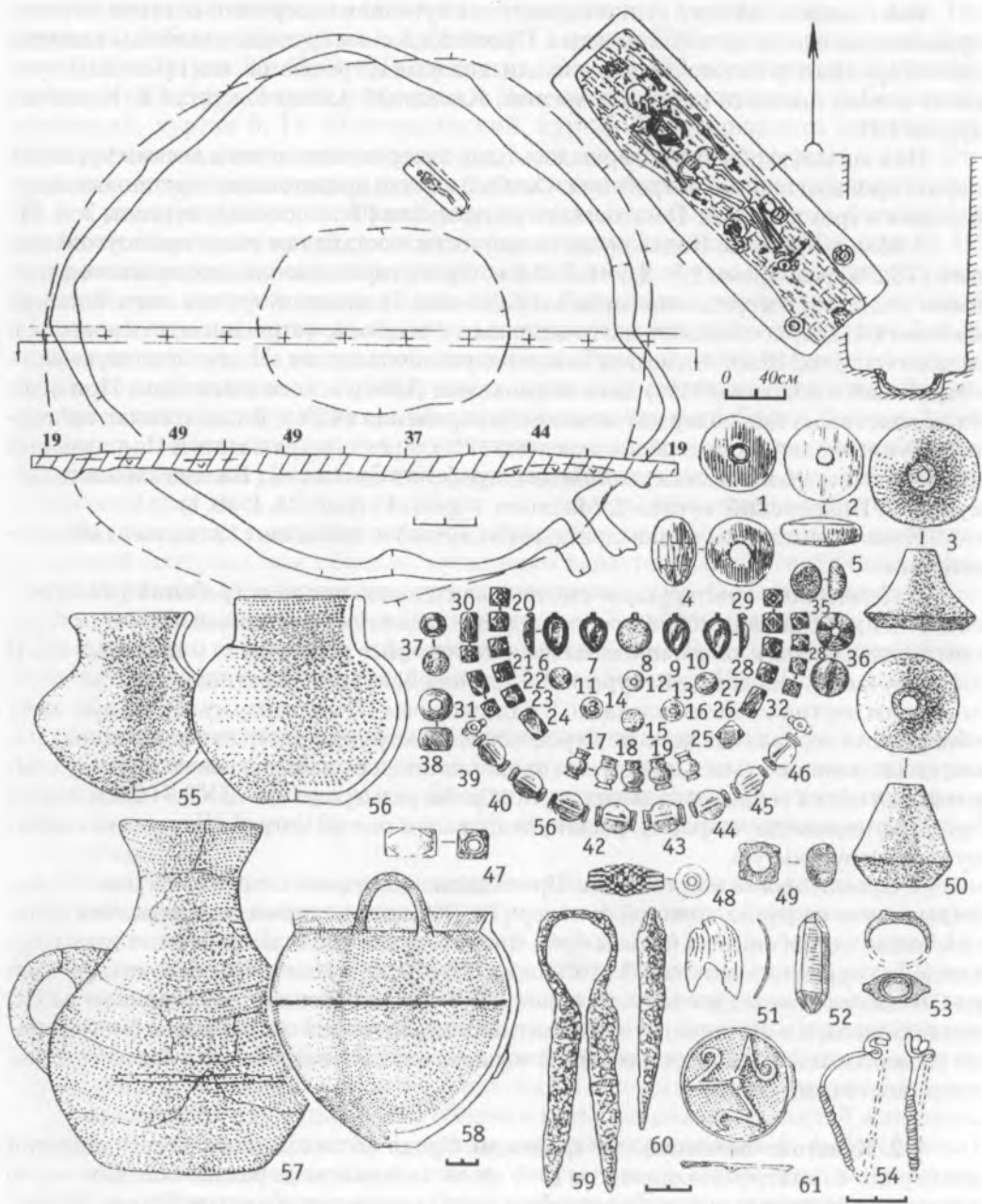

Рис. 32. Могильник Большекараганский. Курган 8. Fig. 32. Bolshekaraganskiy burial site. Barrow 8.

1, 2, 4, 52 – камень; 3, 50, 55–57 – керамика; 6–10 – золото, стекло; 11–49 – стекло; 51 – ракушка; 50, 54, 58, 61 – бронза; 59, 60 – железо

Как правило, насыпи гунно-сарматских курганов содержали остатки жертвоприношений в виде костей животных. Преобладают кости овцы, единичны находки костей крупного рогатого скота и лошади, которые встречаются, как правило, в курганах самого позднего периода (Аркаим; Каменный Амбар 5, курган 5; Канаттас, курган 19).

Под насыпью обычно совершалось одно захоронение, лишь в восьми курганах зафиксированы парные погребения. Особый случай представляют групповые захоронения в трех курганах Темясовского могильника (Темясовский, курганы 3, 4, 5).

1. Могильные ямы. Подавляющее количество составляют узкие прямоугольные ямы (73,2%) размерами 1,8–2,5 × 0,5–0,8 м. Ориентированы они, как правило, длинными стенками в меридиональном направлении. В западной группе значительный процент (41,6%) составляют могильные ямы с подбоем, устроенном, в основном, в западной стенке. Количество подбоев резко увеличивается к западу. Основную часть погребений с подбоем (61%) дали могильники Лебедевского комплекса. При этом большинство из них содержат женские захоронения (65%). В памятниках восточной группы количество подбоев невелико (7%). Среди Зауральских и Поишимских памятников подбойные и катакомбные погребения единичны (Большекараганский, курган 2; Покровский, курган 2; Малково, курган 1) (рис. 35, I; 40, I).

Немногочисленны подквадратные (3 случая) и овальные (13 случаев) могильные ямы.

2. Деревянные конструкции имело значительное число погребений (40 случаев). Они представляли собой продольные обкладки стен могильной ямы, конструкции в виде гробов, а также продольные и поперечные перекрытия могильных ям. В двух случаях (Лебедевский, курган 2; Целинный, курган 38) стенки ямы были облицованы вертикальными плахами. В одном случае (Большекараганский, курган 8) обнаружена деревянная колода. Деревянные конструкции встречены в степных памятниках раннего этапа. Причем они пропорционально распределяются между комплексами обеих территориальных групп. Гробы размерами 1,5–2 × 0,5–0,8 м имеют либо трапециевидную форму, расширяющуюся к голове погребенного, либо вытянуто-прямоугольную.

3. Ориентировка погребенных. Преобладающее количество погребенных лежало вытянуто на спине, головой на север (74,2%), хотя в подбоях наблюдается большое число погребений на правом боку. Значительное число погребенных имело отклонения ориентировки на СЗ (10%) и на СВ (10,9%). Наиболее часто отклонения на СВ наблюдались в восточной группе (15,8%). Погребения с отклонением на СВ представлены и в поздней группе памятников лесостепного Приуралья (могильники Ахмеровский II и Салиховский). В четырех случаях погребенные лежат головой в юго-восточный сектор.

§ 2. Кульгово-поминальные традиции. Среди исследованных на сегодняшний день гунно-сарматских комплексов II–V вв. н. э. выявлено довольно большое число жертвенно-поминальных либо погребально-поминальных объектов. Из них 16 имеют форму наземного грунтового склепа. Это сооружения либо подпрямоугольной (с длиной стен до 40 м и высотой до 1 м), либо округлой (диаметром до 30 м, высотой до 1 м) формы. По всей видимости, они сооружались из дерновых блоков, хотя в двух случаях (Магнитный, курган 3; Сары-Тау, курган 12) среди строительного материала присутствует сырцовый кирпич (рис. 43, II), а в курганах 4 и 8 могильника Новоникольское стенки возводились из прокаленных глиняных блоков (рис. 31, I, II). Вокруг земляных стен проходил неглубокий ров, образовавшийся в результате выемки грунта. Характерной особенностью является наличие прохода с южной стороны. Данный тип сооружений полифункционального назначения, среди них

одни являются святилищами (Восточно-Курайлинский I, сооружение 7; Сары-Тау, курган 12; Лебедевка V, курган 1; Лебедевка VI, курган 12; Большекараганский, курганы 6, 16, 17) (рис. 33; 43, II–III), а в других (Целинный I, сооружение 13; Магнитный, курган 3; Друженский, сооружения; Новоникольское, курганы 1, 4; Большекараганский, курган 8; IV Комсомольский, курган 8) совершались погребения. Могильные ямы, как правило, находились в юго-западном секторе склепа, а его центральная часть использовалась для отправления жертвенно-поминальных ритуалов. На это указывают находки костей (как правило, овцы), уголков и фрагментов керамики. Интересен в этой связи комплекс кургана 3 могильника Магнитный. На внутренней площадке склепа на уровне погребенной почвы обнаружен обломок круглой курильницы-алтарика (рис. 38, 9). Погребение совершено в глубокой могильной яме, над которой, вероятно, сооружался свод диаметром около 6 м из сырцового кирпича. На то, что гроб с погребенной располагался в открытом склепе, указывают наблюдения Л. Л. Гайдученко, сделанные в процессе исследования остатков пищи из бронзового котла, обнаруженного в этом погребении. В них найдено большое количество хитиновых оболочек наземных насекомых, концентрация которых очень высока. Данное обстоятельство наводит на мысль о том, что эти оболочки копились здесь длительное время — до тех пор, пока склеп не обрушился.

На площадках святилищ найдены также угольки, отдельные кости животных и вещевой материал, как правило, культового характера. Так, в святилище Сары-Тау (сооружение 12) обнаружены три колокольчика (рис. 43, 7–9). В кургане-святилище Большекараганского могильника (курган 17) найдены специфические предметы культового назначения — фрагменты жертвенника, бутылочки, керамического котла, курильницы и сероглиняного кувшина [Боталов, 1993. Рис. 4, 1, 2, 9–13] (рис. 33).

Целая серия культово-поминальных сооружений выявлена в Лебедевском комплексе могильников, где обнаружено 28 округлых грунтовых сооружений-оград (Лебедевка IV–VI). Четыре из них были исследованы: два (1, 2) — в группе V, одно (24) — в группе IV; одно (12) — в группе VI. В таблице 1 представлены все данные об этих оградах.

Конструктивно все сооружения-ограды выполнены одинаково: высокие валы насыпаны прямо на дневную поверхность и состоят из твердой коричневатой-серой супеси, не отличающейся от почвенного слоя. Ограды 2 и 12 имели неглубокие (0,12–0,20 м) ровики, окружавшие валы по всему внешнему периметру (ограда 12) или частично (ограда 2). Видимо, из них и брали землю для сооружения валов. Ни под валами, ни под центральными площадками материк не нарушен. За исключением сооружения 2, где на глубине 0,3 м недалеко от центра площадки находился небольшой (диаметр 1 м, толщина 10 см) зольник, нигде никаких следов огня не обнаружено. В двух оградах найдены мелкие обломки кальцинированных костей животных: в ограде 1 — овцы, в ограде 12 — овцы и лошади (определение А. А. Джубанова). Поскольку кальцинированным костям не сопутствовали следы огня, в ограду они попали, вероятно, уже в таком виде. Здесь же были найдены и необожженные кости животных. Лишь в ограде 2 зафиксировано множество мелких обломков костей, в том числе: 17 фрагментов костей овцы и 42 — лошади. В оградах 1 и 24 сохранилось только по одной кости овцы.

На всех обследованных объектах в большем или меньшем количестве найдена керамика. Во всех случаях она, как и кости животных, обнаружена в пределах центральных площадок, иногда сразу под дерновым слоем (ограда 24), но чаще в почвенном слое, вплоть до уровня материка. Валы находок не содержали. Такая ситуация дает возможность утверждать, что какие-то действия совершались только на площадках и только после того, как валы уже были насыпаны.

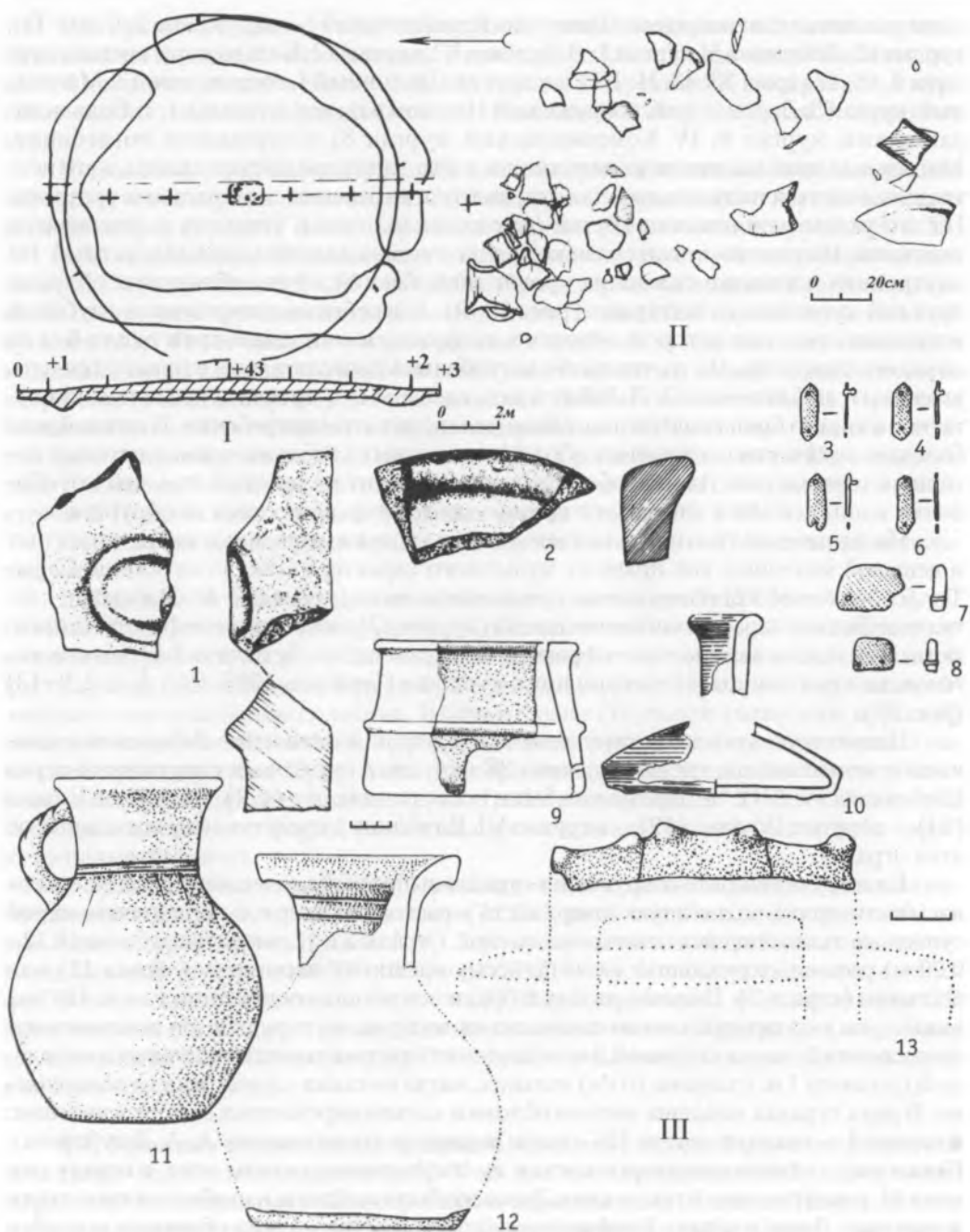

Рис. 33. Могильник Большекараганский. Курган 17. Fig. 33. Bolshekaraganskiy burial site. Barrow 17.

I – общий план кургана; II – план расположения вещевого инвентаря; III – инвентарь. 1, 2 – камень, 3–8 – бронза; 9–13 – керамика

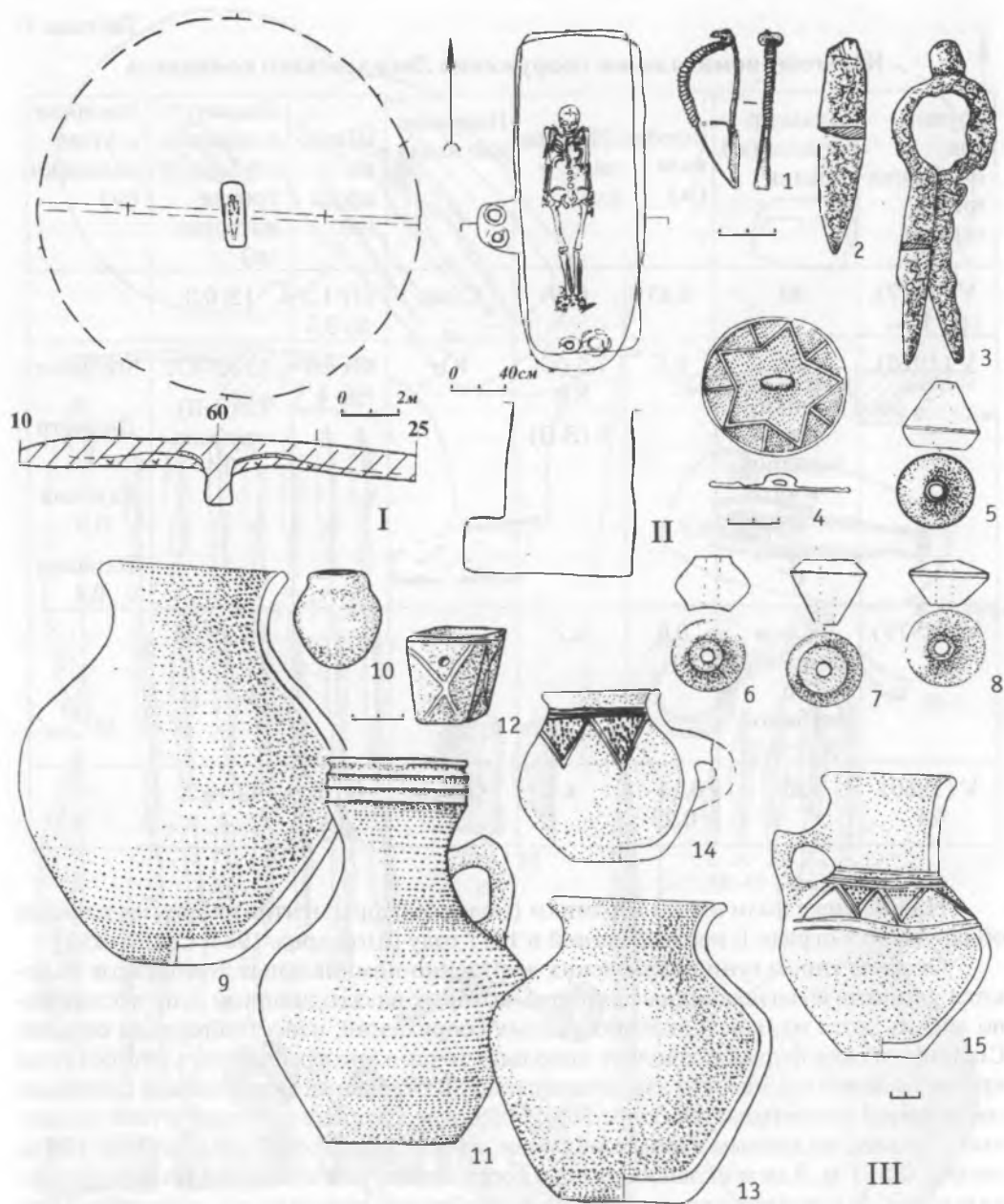

Рис. 34. Могильник Большечкараганский. Курган 18. Fig. 34. Bolshekaraganskiy burial site. Barrow 18.

I – общий план кургана; II – общий план погребения; III – вещевой инвентарь. 1, 4 – бронза; 2, 3 – железо; 5–15 – керамика

Таблица 1

Культово-поминальные сооружения Лебедевского комплекса

Группа, год исследования ограды	Диаметр ограды (м), ровики	Высота вала (м)	Ширина вала (м)	Направление входа	Ширина входа (м)	Диаметр площадки, глубина от уровня материка (м)	Кострище, угли, зольники (м)
V (1977), 1	30	0,35	8–9	Север	От 1,5 до 3,5	12; 0,3	—
V (1978), 2	30, ровики с юго-западной и юго-восточной сторон	0,6	7,5 (С–Ю) 9 (З–В)	Юг	От 2,7 до 4	15 (С–Ю) 12 (З–В) глубина 0,4	Кострище Диаметр 1 Глубина 0,3 Толщина 0,1
VI (1979), 2	24, ров шириной 2,6, глубиной 0,12–0,2	0,6	4,2	—	—	9,7; 0,35	—
V (1980) 24	20	0,14 - 0,23	4	Север	От 1 до 2	12; 0,5	—

Наибольшее количество керамики (более 500 фрагментов) и других находок обнаружено в ограде 1, исследованной в 1977 году [Мошкова, 1984. С. 191–192].

Особым типом гунно-сарматских жертвенно-поминальных комплексов являются длинные и гантелевидные курганы, которых на сегодняшний день исследовано восемь, хотя их, как и склепообразных сооружений, известно гораздо больше. Специфическая форма позволяет довольно точно картографировать эти объекты при визуальной съемке или аэродешифровке. В отдельных могильниках подобных сооружений насчитывается более 50%. Наиболее крупные длинные и гантелевидные курганы, по данным аэродешифровки, имеют длину от 20–40 м до 100–150 м, высоту 0,5–1 м. Как и склепообразные сооружения, они являются полифункциональными. В курганах-святилищах на погребенной поверхности зафиксированы кости животных, уголь, фрагменты керамики, отдельные вещи (Лебедевка V, курган 52). В нескольких случаях под одной из насыпей гантелевидного кургана или у края длинного кургана совершалось погребение или его имитация (Лебедевка VI, курган 1; III Бекешевский, курган 4; Большекараганский, курган 7; Басшийли, курган 26) [Мошкова, 1989. Табл. 73, 13; Пшеничнюк, 1983. С. 69].

Таким образом, гантелевидные и длинные курганы представляют собой одну из оригинальных разновидностей жертвенно-поминальных и погребальных сооружений гунно-сарматов.

Весьма важным аспектом гуннских культово-поминальных традиций являются жертвоприношения. Анализ видового состава животных по костям из 49 погреб-

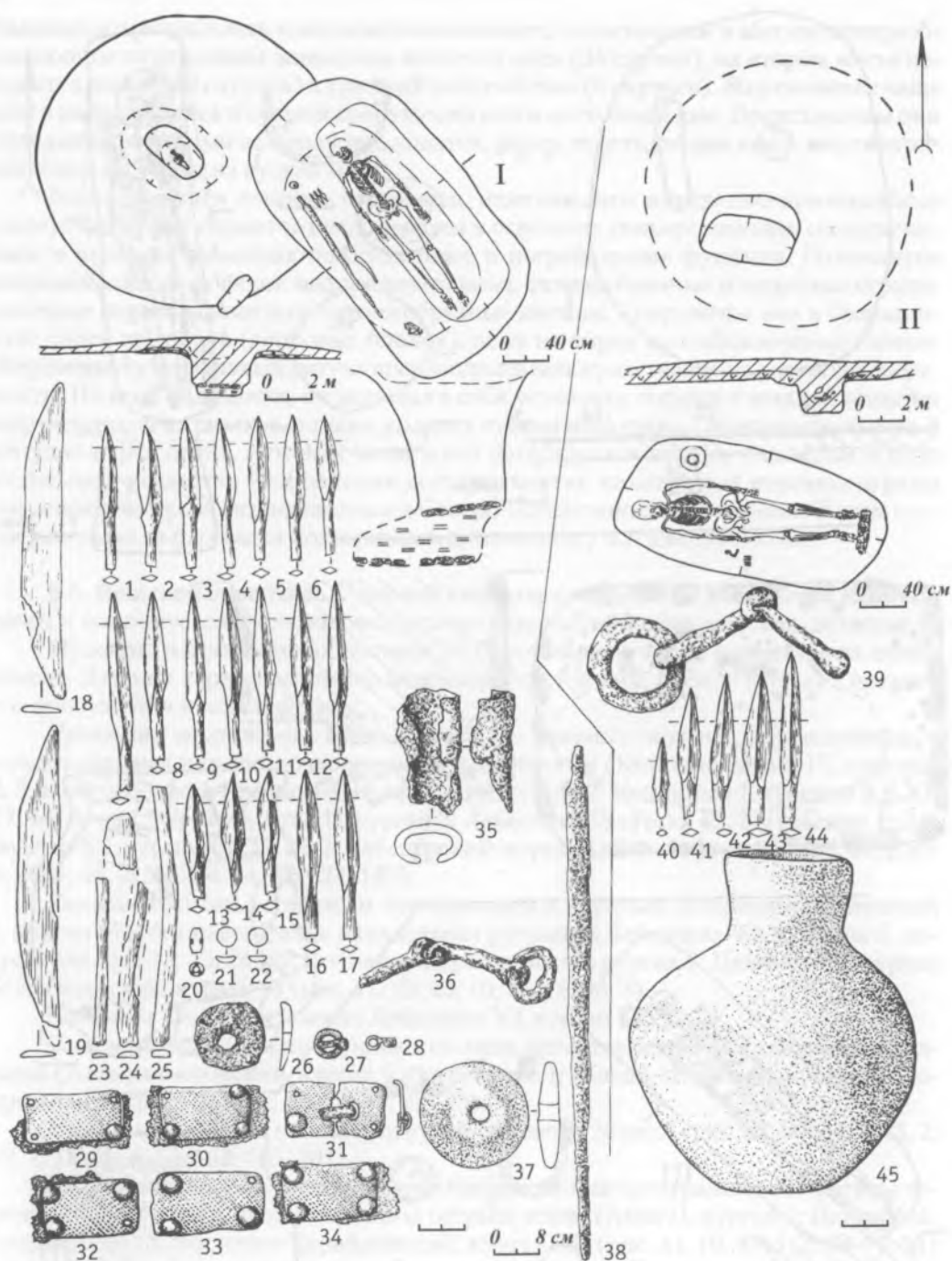

Рис. 35. Могильник Покровка. I – курган 2; II – курган 4.
Fig. 35. I – Pokrovka, barrow 2; II – Pokrovka, barrow 4.

1–25, 40–44 – кость; 26, 27, 35, 36, 38, 39 – железо; 29–34 – бронза, кожа; 37 – халцедон; 45 – керамика

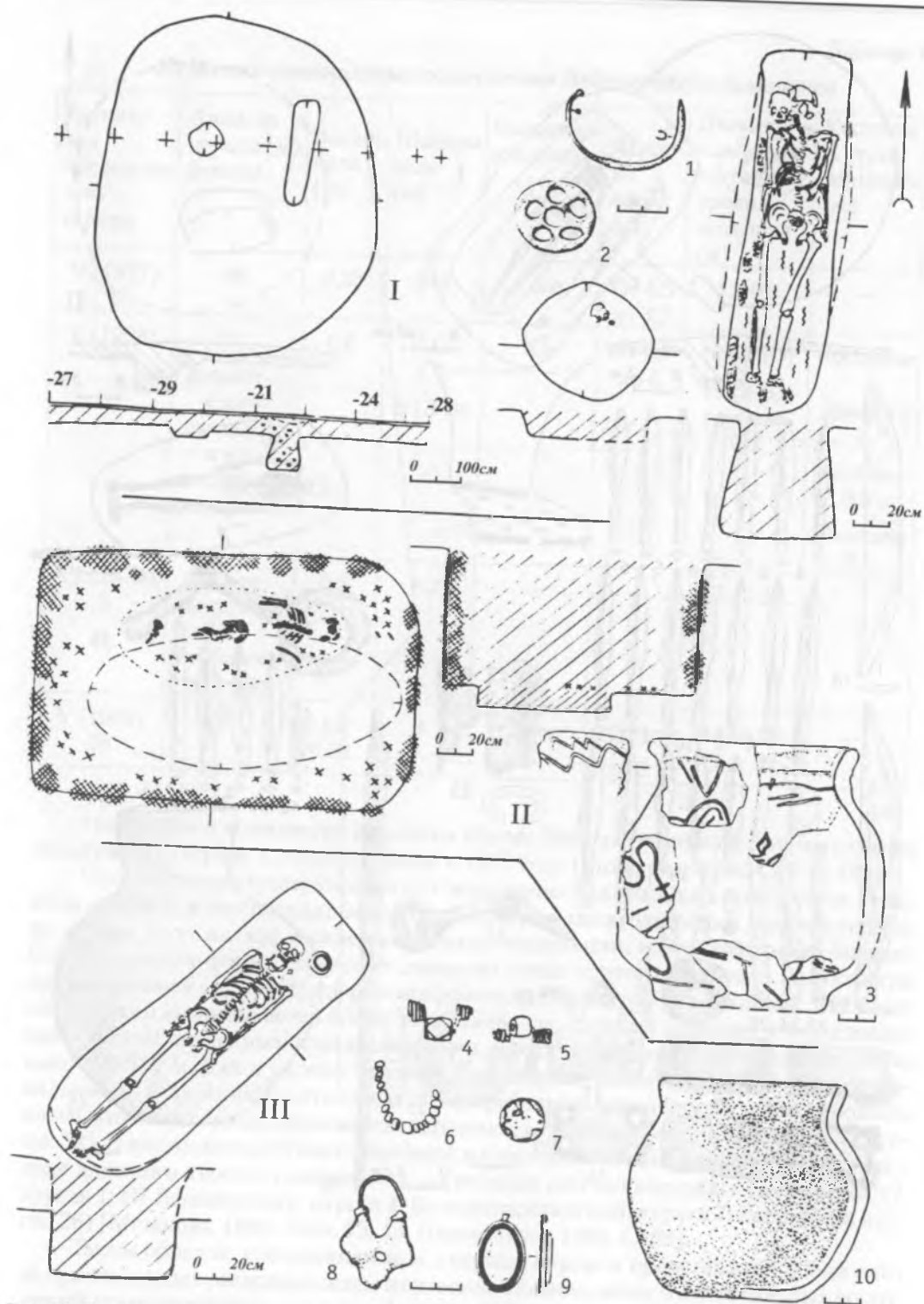

Рис. 36. Друженский могильник. Fig. 36. Druzhenskiy burial site.

I – курган 5; II – курган 4; III – курган 3; 1, 2, 8 – бронза; 3, 10 – керамика; 4, 5, 9 – золото, стекло; 6, 7 – стекло

бальных и поминальных комплексов показывает, что основным и абсолютно преобладающим жертвенным животным является овца (34 случая), на втором месте находятся лошадь (9 случаев) и крупный рогатый скот (8 случаев). Жертвенники чаще всего располагались в насыпи сооружения или в могильной яме. Представлены они отдельными костями конечностей, лопаток, ребер, то есть, скорее всего, жертвоприношения состояли из кусков мяса.

Подводя итоги данного параграфа, отметим, что жертвенно-поминальные памятники гунно-сарматов представлены в основном универсальными сооружениями, в которых совмещаются культовые и погребальные функции. Отмечается широкий спектр их форм: подпрямоугольные, склепообразные и округлые ограды, длинные валообразные или гантелеобразные насыпи. Сооружены они в большинстве своем из грунта (дерновых блоков), реже из сырца или обожженных блоков. Жертвенно-поминальный ритуал производился непосредственно на дневной поверхности. По всей видимости, он включал в себя установку сосудов с жидкой пищей и жертвенников-алтариков, а также укладку кусков мяса овцы. Определенную роль в ритуале играл огонь, который чаще всего фиксируется внутри площадки в виде отдельных угольков. Исключения составляют так называемые курганы-ограды «огнепоклонников», исследованные в Северо-Казахстанском Поишимье. В этом случае ритуальная площадка подвергалась длительному воздействию огня.

§ 3. Вещевой инвентарь. Вещевой инвентарь погребений достаточно разнообразен и komponуется в три половозрастные группы (мужская, женская, детская).

Мужские погребения составляют 36,6% от общего числа инвентарных комплексов. Для них характерен набор инвентаря, состоящий, прежде всего, из предметов вооружения и конской узды.

Предметы вооружения. Мечи (19 экз.) – длинные, прямые, двулезвийные, с халцедоновыми или звездчочковидными навершиями (Комсомольский IV, курганы 2, 5, 8, погребение 2; Красногор; Покровский, курган 2; Целинный I, курганы 3, 6, 47, 57, 64; Атпа I, курган 9; Атпа II, курган 3; Лебедевка V, курган 23, погребение 1; Лебедевка VI, курганы 1, 37, 24, 3; Лебедевский, курган 1; Солнце) (рис. 35, 38; 41, 1; 43, 6; 46, 1; 48, 2; 52, 3, 4, 44, 57, 124, 125).

Кинжалы (10 экз.) с прямыми перекрестием и круглым навершием (Целинный I, курган 57), без навершия, с накладными ручками (Лебедевка VI, курганы 5, погребение 2; 8; 13; 23; 24; 49; Восточно-Курайлинский, курган 3; Целинный I, курган 6; Лебедевский, курган 1) (рис. 41, 23; 45, 10; 46, 18; 48, 3).

Каменная скоба для ножен (Лебедевка VI, курган 37).

Сложносоставные луки «гуннского» типа, представленные костяными накладками (Альмухаметовский, курган 9, погребение 1; Жабай-Покровка, курган 3, Покровский, курган 2) (рис. 35, 18, 19, 23–25).

Ножи с прямой или слегка изогнутой спинкой (28 экз.) (рис. 32, 60; 34, 2; 41, 2; 42, 1, 10; 48, 4; 52, 162, 163, 201).

Наконечники стрел: железные трехлопастные или трехгранные с коротким черенком и лопастями, срезанными под острым углом (Атпа II, курган 4; Целинный, сооружение 13; Восточно-Курайлинский, курган 33) (рис. 41, 10; 43, 1, 2; 52, 76, 91) или костяные четырехгранные, ромбические в сечении (Покровка, курган 2; Явленка, курган 6; Малково, курган 2; Большекараганский, курган 6) (рис. 35, 1–17; 52, 128, 164, 202).

Предметы конской сбруи: Кольчатые двусоставные удила (16 экз.) (рис. 35, 36, 39; 37, 19; 40, 23; 41, 6; 43, 5; 46, 25; 52, 23, 35, 36, 46, 56, 59).

Характерными деталями узды являются прямоугольные, сферические и призматические накладки, листовидные подвески, накладки-зажимы с округлыми окон-

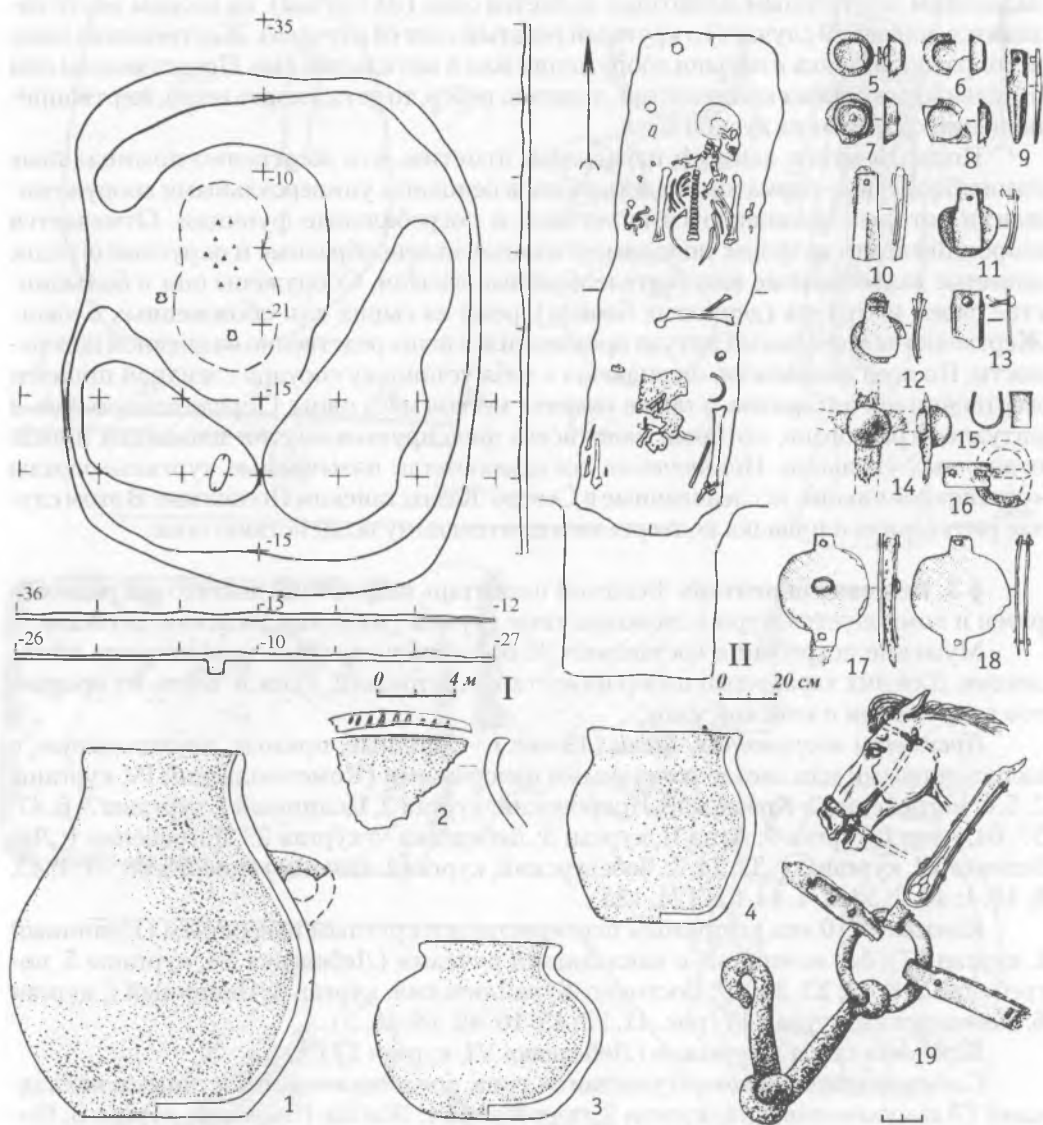

Рис. 37. Могильник Друженский. Сооружение. Fig. 37. Druzheskiy burial site. Construction.

I – общий план; II – план погребения; III – вещевой материал. 1–4 – керамика; 5–16, 18 – бронза; 17 – бронза, камень; 19 – железо, бронза, кожа; 19 – реконструкция конской упряжи

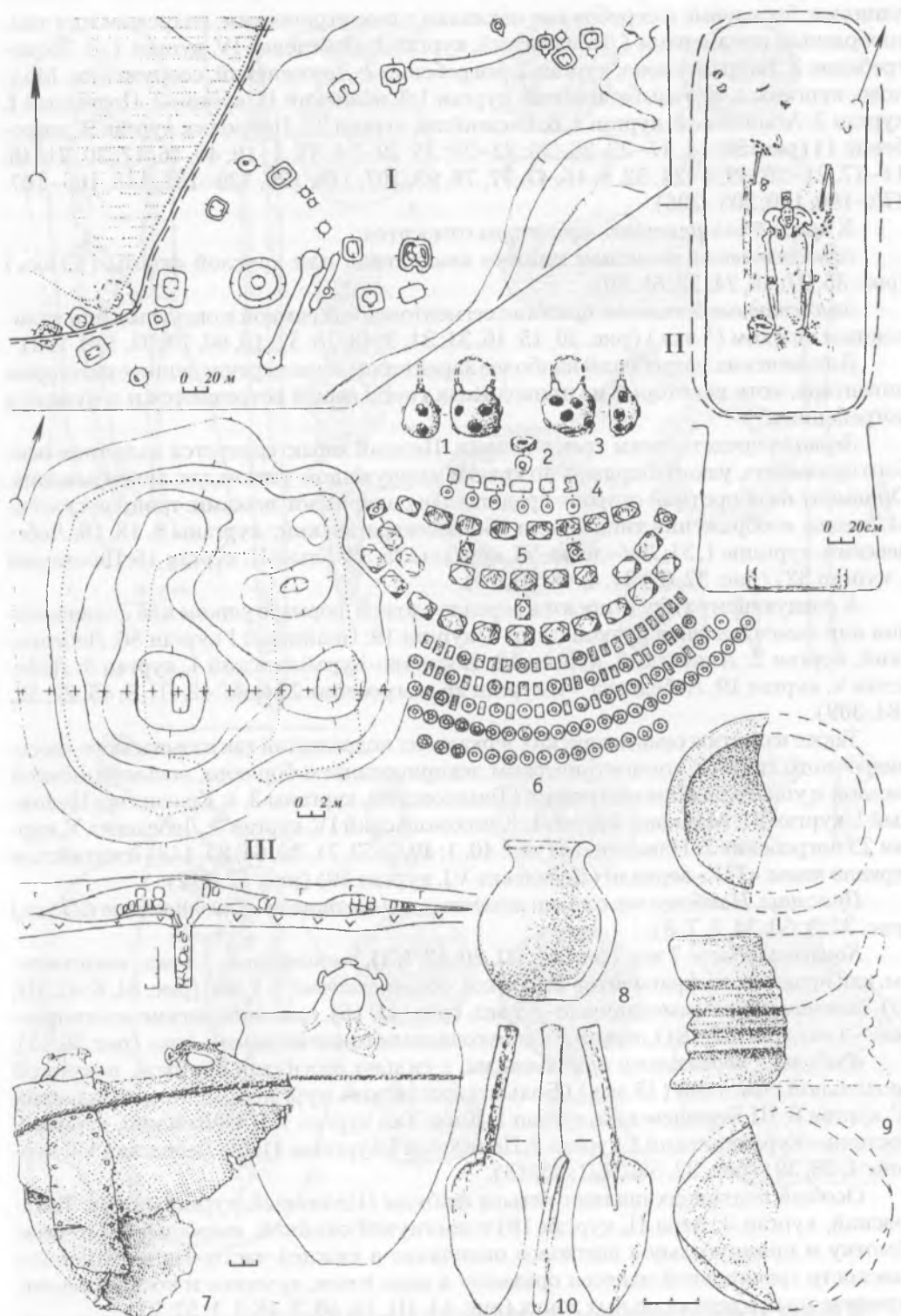

Рис. 38. Могильник Магнитный. Fig. 38. Magnitny burial site.
 I – план могильника; II – курган 3; III – курган 3, план погребения. 1, 3 – золото, стекло; 2, 4 – стекло;
 5 – сердолик; 6 – гагат; 7 – бронза; 8, 9 – керамика; 10 – дерево

чаниями; бронзовые и серебряные накладки с геометрическим, вихревым или там-гообразным орнаментом (Лебедевский, курган 1; Лебедевка IV, курган 1; 3; 26, погребение 2; Байрамгулово, курган 2, погребение 2; Друженский, сооружения; Малково, курганы 1, 8; Уязыбашевский, курган 1; Сибайский II, курган 2; Целинный I, курган 2; Агаповский, курган 1, 6; Басшийлы, курган 25; Покровка, курган 9, погребение 1) (рис. 30, 14, 17–23, 26–30, 32–38; 35, 29–34; 37, 5–19; 40, 16, 17, 20, 21; 46, 11–17, 21–29; 49, 5–24; 52, 6, 16, 47, 77, 78, 93, 107, 118, 120, 129–131, 148, 165–167, 178–180, 190, 203–205).

К предметам ременной гарнитуры относятся:

односоставные железные пряжки квадратной или круглой формы (13 экз.) (рис. 35, 27; 46, 24; 52, 61, 80);

двусоставные бронзовые пряжки с сегментовидной рамкой и округлым или удлинённым щитком (5 экз.) (рис. 30, 15, 16, 31; 31, 3; 40, 18; 52, 15, 60, 79, 92, 119, 123).

Для женских погребений наиболее характерны нижеперечисленные категории инвентаря, хотя некоторые из приводимых типов вещей встречаются и в мужских погребениях.

Зеркала представлены тремя типами. Первый характеризуется наличием особого орнамента, узкого бордюра по краю и жемчужиной-ушком для привязывания. Орнамент на оборотной стороне представлен солярными знаками: тройная свастика, звезда, изображения типа колеса (Большекараганский, курганы 8, 18, 10; Лебедевский, курганы 1, 31; Лебедевка VI, курганы 35, 39; Ульке II, курган 16; Целинный I, курган 32) (рис. 32, 61; 34, 4; 48, III, 20).

К следующему типу относятся зеркала схожей формы с ушком для подвязывания или намечающейся ручкой (Атпа I, курган 19; Целинный I курган 86; Лебедевский, курган 2; Линевский, курган 12; Восточно-Курайлинский I, курган 3; Лебедевка V, курган 19; Лебедевка VI, курган 26, погребение 2) (рис. 42, III, 9; 45, 22; 52, 184, 309).

Также известны семь китайских зеркал и их подражаний так называемого «восьмиарочного типа», с концентрическим декорированием бордюра, восьмиконечной звездой и ушком для привязывания (Темясовский, курганы 3, 4; Красногор; Целинный I, курган 81; Малково, курган 1; Комсомольский IV, курган 3; Лебедевка V, курган 23 погребение 2; Наваринка) (рис. 40, 1; 49, 3; 52, 21, 39, 64, 85, 143) и китайское зеркало типа «TLV» зеркало (Лебедевка VI, курган 39) (рис. 52, 112).

Пряслица. Наиболее массовыми являются асимметричные биконические (23 экз.) (рис. 32, 3, 50; 34, 5, 7, 8).

Конусовидные — 7 экз. (рис. 41, III, 20; 47, I, 3), *дисковидные* — 4 экз., изготовлены, как правило, из фрагментов керамики, *боченовидные* — 7 экз. (рис. 34, 6; 42, III, 16), *биконические* симметричные — 5 экз. (рис. 45, 16), *призматические* многоярусные — 1 экз. (рис. 52, 181), *округлые* с конусовидными окончаниями — 1 экз. (рис. 30, 13).

Фибулы с подвязными приемниками, с сильно изогнутой спинкой, покрытой продольной обмоткой (15 экз.) (Большекараганский, курган 8, 18; Комсомольский IV, курган 6; III Бекешевский, курган 1; Кара-Тал, курган 1; II Сибайский, курган 5; Восточно-Курайлинский I, курган 3; Целинный I, курганы 41, 87, Лебедевка VI, курганы 4, 28, 39) (рис. 32, 54; 34, 1; 45, 13).

Особый подтип составляют четыре фибулы (Целинный, курганы 6, 64; Темясовский, курган 3; Атпа II, курган 19) с изогнутой спинкой, имеющей частичную обмотку и прямоугольное щитковое окончание в нижней части. На внешней его плоскости гравировкой нанесен орнамент в виде точек, кружков и косых крестов, ограниченных в вертикальных зонах (рис. 41, III, 19; 46, 3; 48, I, 1; 52, 27).

Фибулы со сплошным пластинчатым приемником, ромбовидным, овальным или асимметричным щитком и завитком на конце (35 экз.) (Агаповский, курган 1;

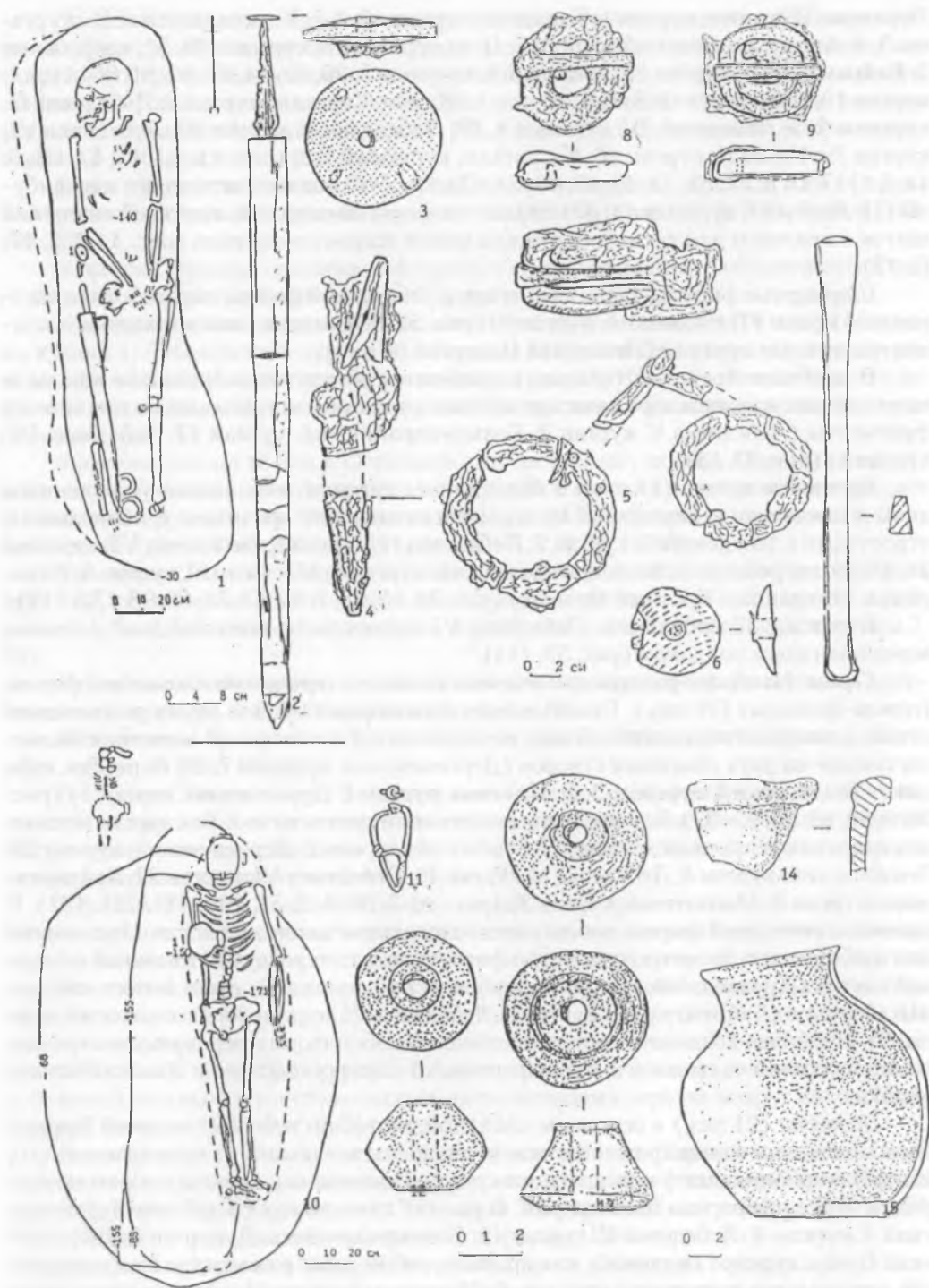

Рис. 39. 1–9 – одиночный курган у поселка Солнце; 10–15 – могильник Солнце II, курган 20.

Fig. 39. 1–9 single barrow near Solntse village; 10–15 – Solntse burial ground II, barrow 20.

1, 10 – планы могильных ям; 2 – железо, камень; 3 – халцедон; 4, 5, 8, 9 – железо; 6 – дерево, кожа; 7 – камень; 11 – бронза; 12–15 – керамика

Першино; Шатрово, курган 1; Темясово, курганы 3, 4, 7; Комсомольский IV, курганы 5, 8; Альмухаметовский, курган 7; II Ахмеровский, курганы 28, 31, погребение 2; Байрамгулово, курган 2; Целинный I, курганы 3, 20, 32, 44, 47, 49, 81, 86; Ата I, курган 19; Георгиевский Бугор, курган 1; Жаман-Каргалы, курган 8; Лебедевка II, курганы 2, 5; Лебедевка IV, курганы 1, 19; Лебедевка V, курган 49; Лебедевка VI, курган 39; Ульке II, курган 16; Басшийли, курган 10, 42) (рис. 41, III, 14; 42, III, 6; 44, I, 1; 47, II, 9, IV, 32; 52, 48, 49, 62, 63, 67). Особый подтип составляют две фибулы (Целинный I, курганы 44, 87) с плавно изогнутой спинкой, имеющей овальный щиток с крючком для тетивы. Пружина имеет широкую спираль (рис. 44, I, 2; 47, II, 12).

Шарнирные фибулы. Одна со щитком ромбической формы с круглыми отростками по краям (Темясовский, курган 3) (рис. 52, 38), вторая сегментовидная с концентрическими кругами (Лебедевка II, курган 80).

В наиболее представительных погребениях обнаружены *бронзовые котлы*, в пяти случаях найдены *керамические котлы* с ручками и шишечками на них или их фрагменты (Лебедевка V, курган 2; Большекараганский, курган 17; Лебедевка VI, курган 4) (рис. 33, 13).

Бронзовые котлы (17 экз.) с яйцевидным туловом, небольшим уплощенным дном и швом в виде веревочки. Ручки петлевидные или арочные с грибовидными отростками (Лебедевский, курган 2; Лебедевка II, курган 1; Лебедевка VI, курганы 24, 36, 39, погребение 1; Большекараганский, курган 8; Магнитный, курган 3; Наваринка, Мухраново, Красный Яр и др.) (рис. 32, 58; 38, 7; 49; 52, 51, 68, 98, 152, 212).

В кургане 37 могильника Лебедевка VI найден котел конусовидной формы с воронковидным поддоном (рис. 52, 114).

Серьги. Наиболее распространенными являются *серьги калачиковидной формы (серьги-лунницы)* (20 экз.). Простые бронзовые представлены двумя разновидностями: цельнолитые, изготовленные методом литья по восковой модели, и полые, состоящие из двух спаянных створок (Дербеневский, курганы 7, 20; Кара-Тал, курган 1; Темясовский, курганы 3, 5; Малково, курган 1; Друженский, курган 3) (рис. 36, 8; 40, 12; 52, 95–97). Более сложные изготавливались из золота и имели вставки из сердолика и красного стекла (Лебедевский, курган 2; Дербеневский, курган 20; Темясовский, курган 4; Лебедевка V, курган 49; Лебедевка VI, курган 22; Байрамгулово, курган 2; Магнитный, курган 3) (рис. 30, 3; 38, 1, 3; 52, 109–111, 121, 121). В развитии серег этой формы наблюдается следующая закономерность. Постепенно они приобретают более гроздевидную форму как за счет раздутий в нижней и боковой частях (Друженский, курган 3; Дербеневский, курган 7), так и за счет напаянных шариков (Байрамгулово, курган 2; Лебедевка VI, курган 28; Темясовский, курган 3). Наиболее поздние из них представляют собой форму переходную к гроздевидным серьгам салтовского, кушнаренковско-караякуповского и ломоватовского облика.

Подвески (21 экз.) в основном овальной, округлой или листовидной формы. Выполнены они в полихромном стиле и украшены вставками из полудрагоценных камней (сердолик, агат) или красного стекла. Вставки, как правило, обрамляются рядом зерни, скани или псевдозерни. В ранних памятниках (Восточно-Курайлинский I, курган 3; Лебедевка V, курган 49; Большекараганский, курган 8; Георгиевский Бугор, курган 1) подвески, как правило, небольшого размера (до 1 см в диаметре) и украшены камнями и стеклом прозрачного или зеленовато-желтого цвета (рис. 32, 6–10; 44, II, 27, 28; 45, 1). В более поздних комплексах (IV–V вв.) (Лебедевский, курган 1; Байрамгулово, курган 2; Друженский, курган 3; Салиховский, курган 32) они имеют более крупные размеры и вставки из багряно-красного сердолика или красного стекла (рис. 30, 7–9; 36, 9).

На наш взгляд, полихромные калачиковидные серьги и подвески, обнаруженные в гунно-сарматских памятниках урало-казахстанских степей, представляют начальный этап развития гуннского полихромного стиля. В этой связи особо отметим зажимную бронзовую накладку из сооружения Друженского могильника, которая украшена стеклянной вставкой (рис. 37, 17), и перстень с рубиновыми вставками из кургана 1 Лебедевского могильника.

Характерным типом являются провололочные подвески с круглой или 14-гранной бусиной и спиралевидными окончаниями (10 экз.) (рис. 30, 6; 36, 4, 5; 48, 11; 52, 206–208).

Накладки. Круглые, золотые с фигурным тиснением (7 экз.) обнаружены в могильниках Лебедевский и Лебедевка V (курган 50).

Угловые нашивные накладки из золота, серебра или бронзы (206 экз.) (Малково, курган 1; Лебедевский, курган 1; Лебедевка V, курган 49) использовались, вероятно, для обшивки ворота и рукавов одежды (рис. 40, III, 7–9). Возможно, эту же функцию выполняли бронзовые накладки из кургана 17 Большекараганского могильника (рис. 33, 3–6).

Височные кольца (6 экз.). Основной тип составляют кольца с одним спиралевидным окончанием, изготовленные из круглой в сечении серебряной проволоки (Целинный I, курганы 44, 86; Темясовский, курган 3; Лебедевка IV, курган 19; Дербеневский, курган 2, погребение 1) (рис. 42, III, 2, 3; 47, II, 10).

Браслеты (14 экз.). Спиралевидные со слегка расплюснутыми, заходящими друг на друга концами, изготовленные из круглого в сечении бронзового или серебряного дрота (Лебедевка V, курганы 25, погребение 2, 34; Дербеневский, курганы 7, 20).

Кольцевые не сомкнутые, круглые в сечении с расплюснутыми концами (Дербеневский, курганы 2, 5, 7; Салиховский, курган 29).

Желобчатые бронзовые (Друженский, курган 5; Темясовский, курган 3; Шатрово, курган 1) (рис. 36, 1).

В кургане 2 могильника Байрамгулово найден серебряный браслет, изготовленный из круглой в сечении проволоки, имеющий на конце две концентрически закрученные розетки, спаянные между собой. Один из концов браслета имел дополнительную проволочную обмотку (рис. 30, 11).

Перстни (9 экз.). Большинство из них найдено в сравнительно богатых погребениях кургана 3 Темясовского могильника, что в определенной мере указывает на особую значимость этой категории украшений в среде гунно-сарматов. Перстни имеют плоский округлый, овальный или подпрямоугольный щиток. В одном случае щиток имел восьмерковидную форму (Целинный I, курган 87) (рис. 44, I, 4). На темясовских перстнях выгравированы изображения животных [Пшеничнюк, Рязанов, 1976. С. 137. Рис. 4]. В кургане 1 Лебедевского могильника найден перстень с рубиновой вставкой и треугольниками, выполненными зернью, вокруг щитка [Багrikov, Сенигова, 1968. Рис. 2, 2] (рис. 52, 141).

Колокольчики (11 экз.) делятся на два основных типа. Первый составляют массивные толстостенные призматической формы с крупными петлями (Темясовский, курган 3; Сары-Тау, сооружение 2; Лебедевка VI, курган 39, погребение 2) (рис. 43, 7–9). Второй – тонкостенные сферической формы. Некоторые из них имеют концентрический орнамент в верхней и нижней части (Малково, курган 1; Георгиевский Бугор, курган 1; Целинный, курган 32; Большекараганский, курган 8) (рис. 40, 2; 44, II, 26; 48, III, 5). Рукоятка одного колокольчика из кургана 3 Темясовского могильника выполнена в виде двуликой женской головки. Стенки его украшены опускающимися треугольниками, заполненными мелкими кружочками [Пшеничнюк, Рязанов, 1976. С. 36. Рис. 3, 2].

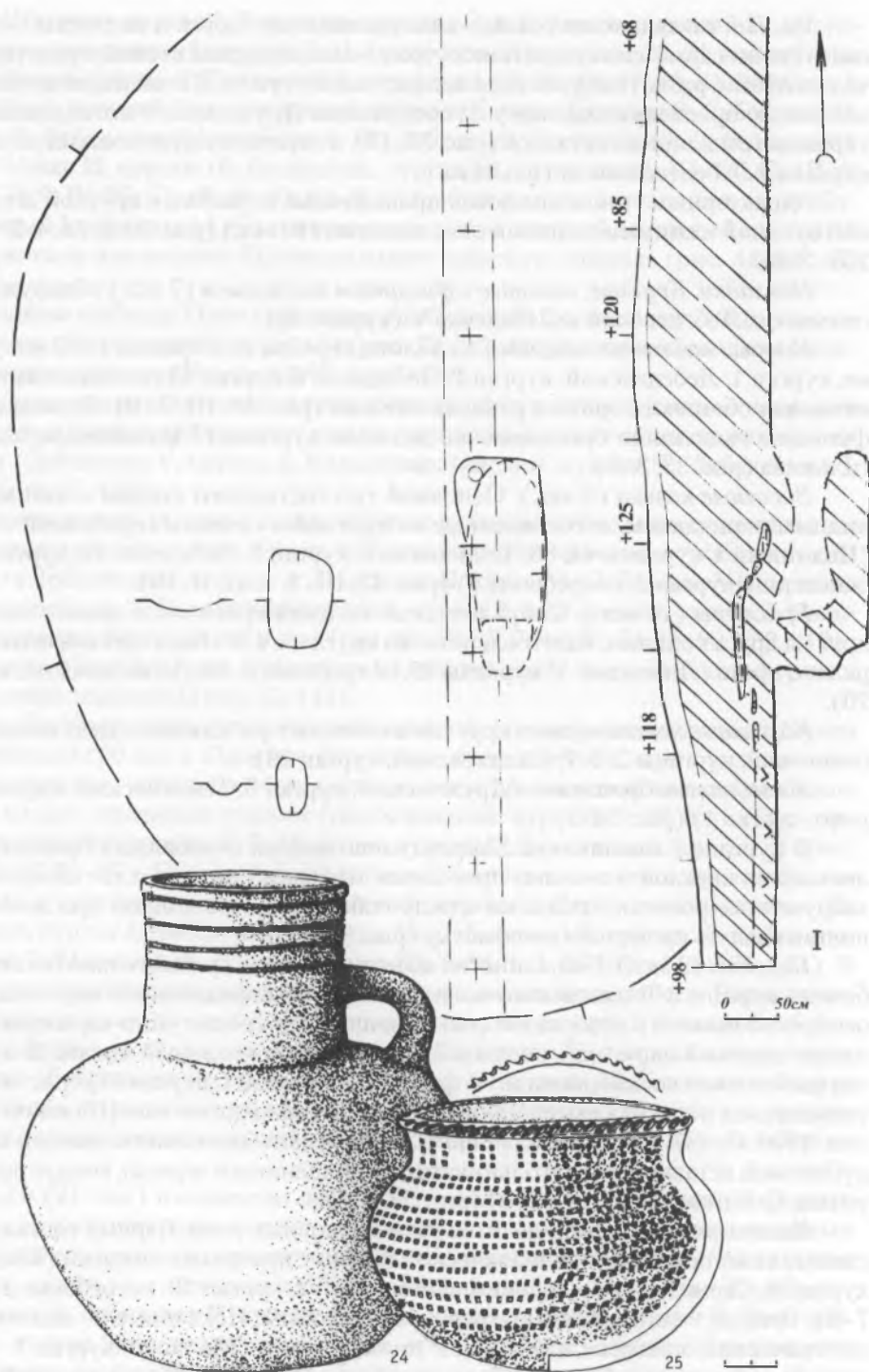
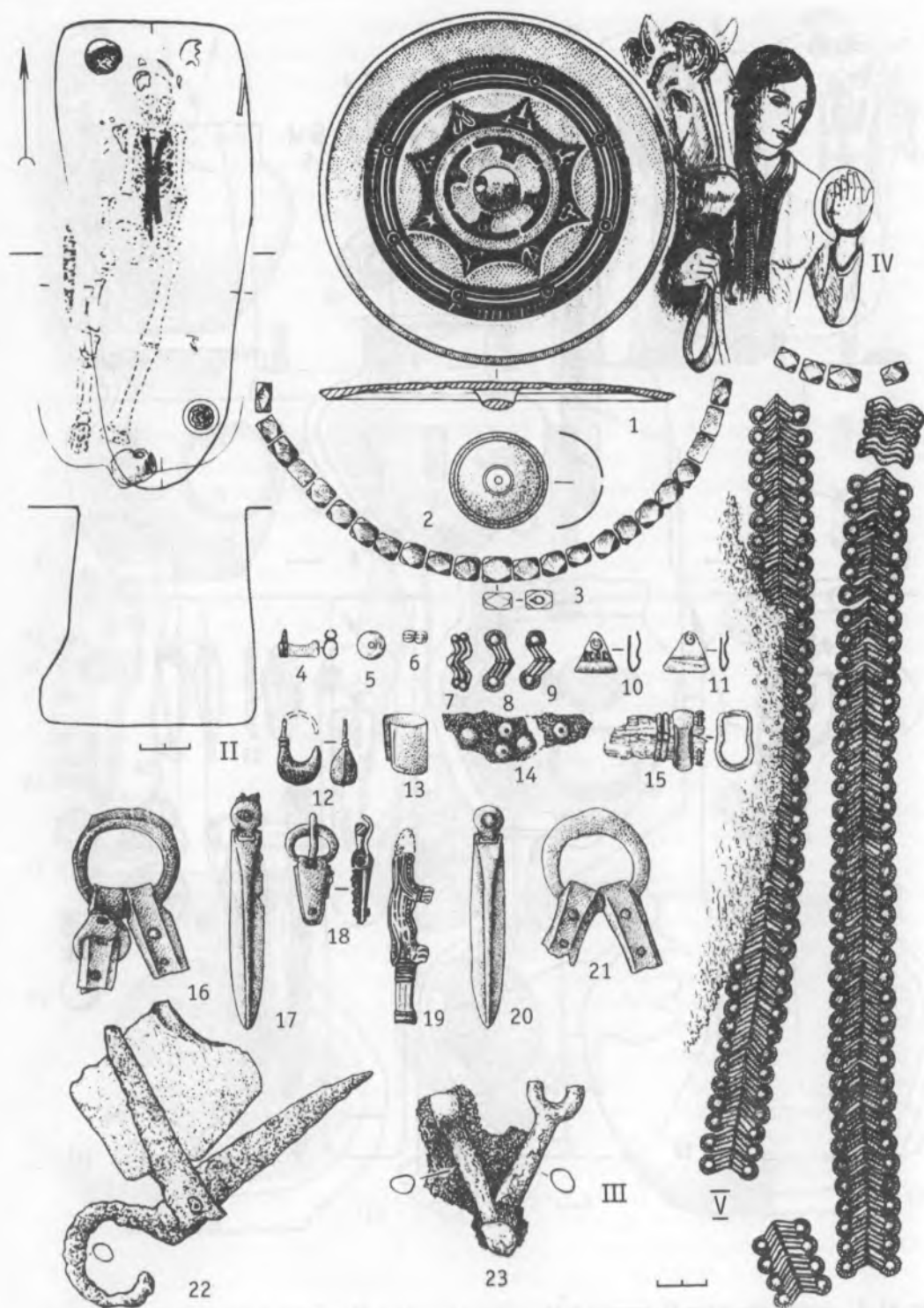

Рис. 40. Могильник Малковский. Курган 1. Fig. 40. Malkovskiy burial ground. Barrow 1.

1 – общий план; II – план погребения; III – вещевой инвентарь; IV – реконструкция женской одежды и конской упряжи; V – реконструкция украшений отворота женского костюма. 1, 2, 19, 20 – бронза;

3, 5, 6 – стекло; 4 – стекло, серебро; 7–13 – серебро; 14 – серебро, кожа; 15 – бронза, дерево; 16–18, 21 – бронза, кожа; 22 – железо, камень; 23 – железо; 24, 25 – керамика

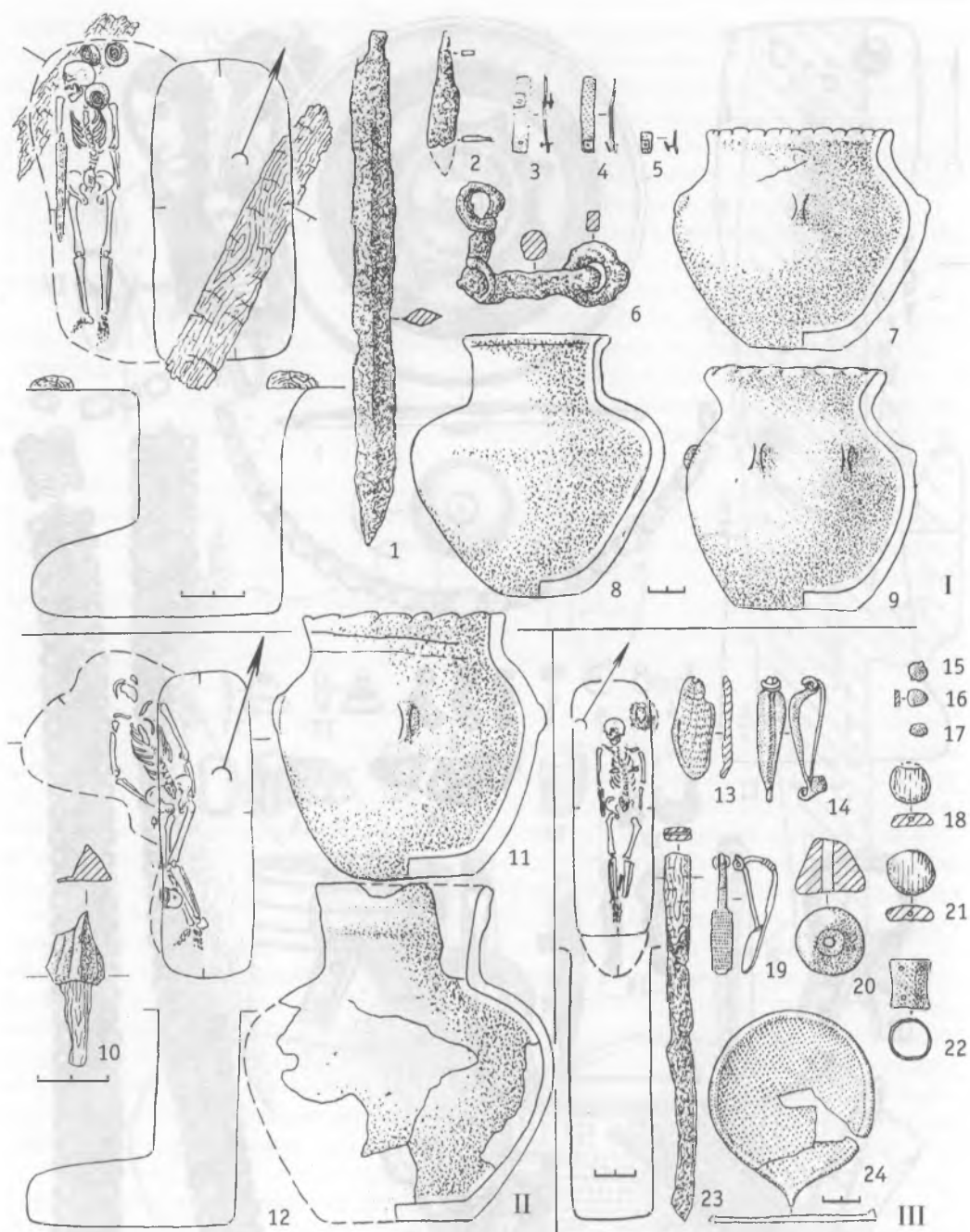

Рис. 41. I – могильник Аtpa II, курган 3; II – могильник Аtpa II, курган 4; III – могильник Аtpa I, курган 19. Fig. 41. I – Atpa II burial ground, barrow 3; II – Atpa II burial ground, barrow 4; III Atpa I burial ground, barrow 19.
1, 2, 6, 10, 23 – железо; 3–5, 14–17, 19, 24 – бронза; 7–9, 11, 12 – керамика; 13 – раковина; 18, 19, 21 – кость; 20 – гипс

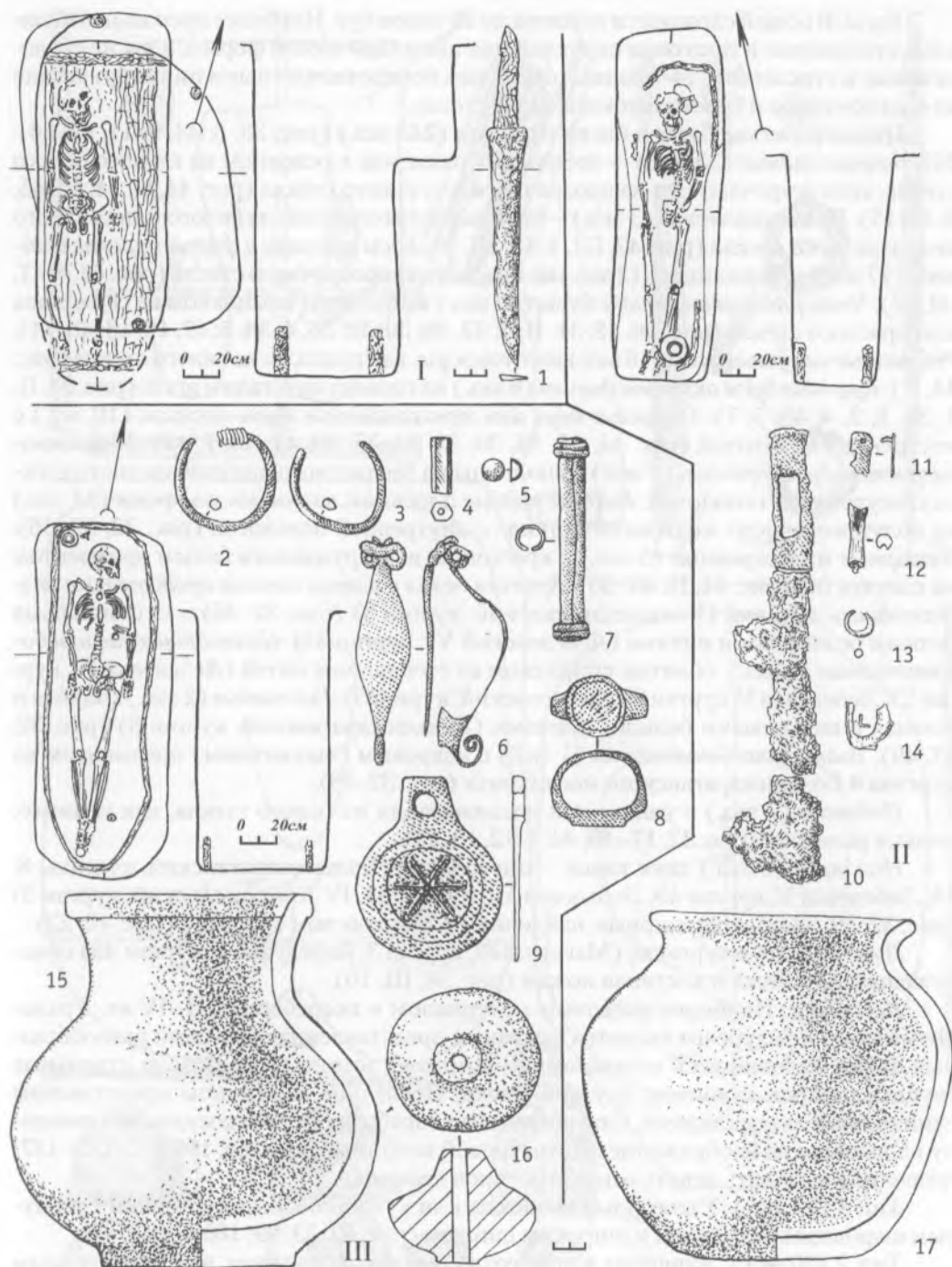

Рис. 42. I – могильник Атва II, курган 6; II – могильник Восточно-Курайлинский, курган 4; III – могильник Целинный I, курган 86. Fig. 42. I – Atpa II burial ground, barrow 6; II – East Kuraylinskiy burial ground, barrow 4; III – Tselinniy I burial ground, barrow 86.
1, 10 – железо; 2, 3, 5, 6–9, 11–14 – бронза; 4 – стекло; 15–17 – керамика

Бусы. В общей сложности найдено до 20 типов бус. Наиболее массовыми являются стеклянные и гагатовые округлой или цилиндрической формы, а также сердоликовые и стеклянные 14-гранные, округлые, поперечночастные и цилиндрические из светло-серого и белого непрозрачного стекла.

Цилиндрические бусы и бисер из гагата (243 экз.) (рис. 38, 6; 44, 9, 11; 47, 20–26). *Бочонковидные* (33 экз.) – небольших размеров, в основном из глухого белого стекла, хотя встречаются и из прозрачного или синего стекла (рис. 44, II, 14, 45; 45, 6; 47, 15). *Призматические* (3 экз.) – крупные бусы-пронизи из белого или голубого непрозрачного стекла (рис. 42, III, 4; 48, III, 9). *Бусы-пронизи в форме параллелепипеда* (17 экз.) или цилиндра (2 экз.) из красного непрозрачного стекла (рис. 44, 8; 47, III, 17). *Четырнадцатигранные* бусы (89 экз.) выполнены в основном из сердолика или красного стекла (рис. 30, 12; 31, II, 2; 32, 20, 30, 32; 36, 4; 38, 5; 47, 16, 18; 48, 11). *Ребристые округлые* бусы (16 экз.) изготовлены, как правило, из синего стекла (рис. 44, II). *Крупные бусы округлой формы* (8 экз.) из горного хрусталя и агата (рис. 31, II, 1; 32, 1, 2, 4; 45, 5, 7). *Округлые двух или трехсоставные бусы-пронизи* (10 экз.) с внутренней позолотой (рис. 44, 15, 16, 30, 32, 33, 35, 40, 41; 48, 7, 14). *Удлиненно-бугристые бусы-пронизи* (9 экз.) выполнены из бесцветного полупрозрачного стекла с внутренней позолотой. *Бочонковидные* плоские с валиками по краям (14 экз.) из полупрозрачного желтоватого стекла с внутренней позолотой (рис. 32, 39–46). *Янтарные* многогранные (5 экз.) с крестовым или кружковым белым орнаментом на плоскостях (рис. 44, II, 46–50). *Круглая белая с пятью синими продольными разделяющими линиями* (Большекараганский, курган 8) (рис. 32, 36) или с четырьмя белыми рельефными нитями (Лебедевский VI, курган 34). *Цилиндрические или бочонковидные* (5 экз.), обвитые спиралями из стеклянных нитей (Лебедевка IV, курган 23; Лебедевка V, курган 39; Темясовский, курган 5). *Глазчатые* (2 экз.) голубая и зеленая с кольцевыми белыми глазками (Большекараганский, курган 8) (рис. 32, 37, 49). *Вытянуто-бочонковидная* (1 экз.) с ковровым (шахматным) орнаментом из кургана 8 Большекараганского могильника (рис. 32, 48).

Подвески (7 экз.) с ушком для подвешивания из белого стекла, как правило, мелких размеров (рис. 32, 17–19; 44, I, 12, 13, 18).

Ножницы (6 экз.) двух типов – пружинные (Большекараганский, курганы 8, 18; Лебедевка V, курган 49; Лебедевка VI, курган 34, IV Комсомольский, курган 8) (рис. 32, 59; 34, 3) и шарнирные, найденные в Малковском кургане I (рис. 40, 22).

Ложки. В двух курганах (Магнитный, курган 3; Лебедевка V, курган 49) обнаружены деревянная и костяная ложки (рис. 38, III, 10).

Керамика. Наиболее массовым материалом в погребениях II–IV вв. Урало-Ишимского междуречья является керамика, представленная сосудами разнообразных форм. Условно весь керамический комплекс можно разделить на отдельные группы: горшки, кувшины, кружки, миски. Последние две группы представлены единичными экземплярами. Статистическая обработка формы сосудов по принципу наложения на изображение дециметровой матрицы [Боталов, 1993. С. 135–137] позволила выделить девять основных типов керамики.

Тип 1 (21 экз.). Узкогорлые кувшины или кувшинообразные горшки с раздутым шаровидным туловом и широким днищем (рис. 52, 33, 99, 100).

Тип 2 (20 экз.). Кувшины с невысоким раздутым туловом, высоким прямым расширяющимся кверху или раструбообразным горлом (рис. 52, 69–71, 87, 101, 115).

Тип 3 (25 экз.). Кувшины или кувшинообразные горшки с бомбовидным или раздутым в средней части туловом, низким горлом и слегка отогнутым венчиком (рис. 52, 40, 102).

Тип 4 (17 экз.). Горшки с раздутым в средней части туловом и плоским нешироким днищем. Можно выделить два условных варианта: I – с конусовидной при-

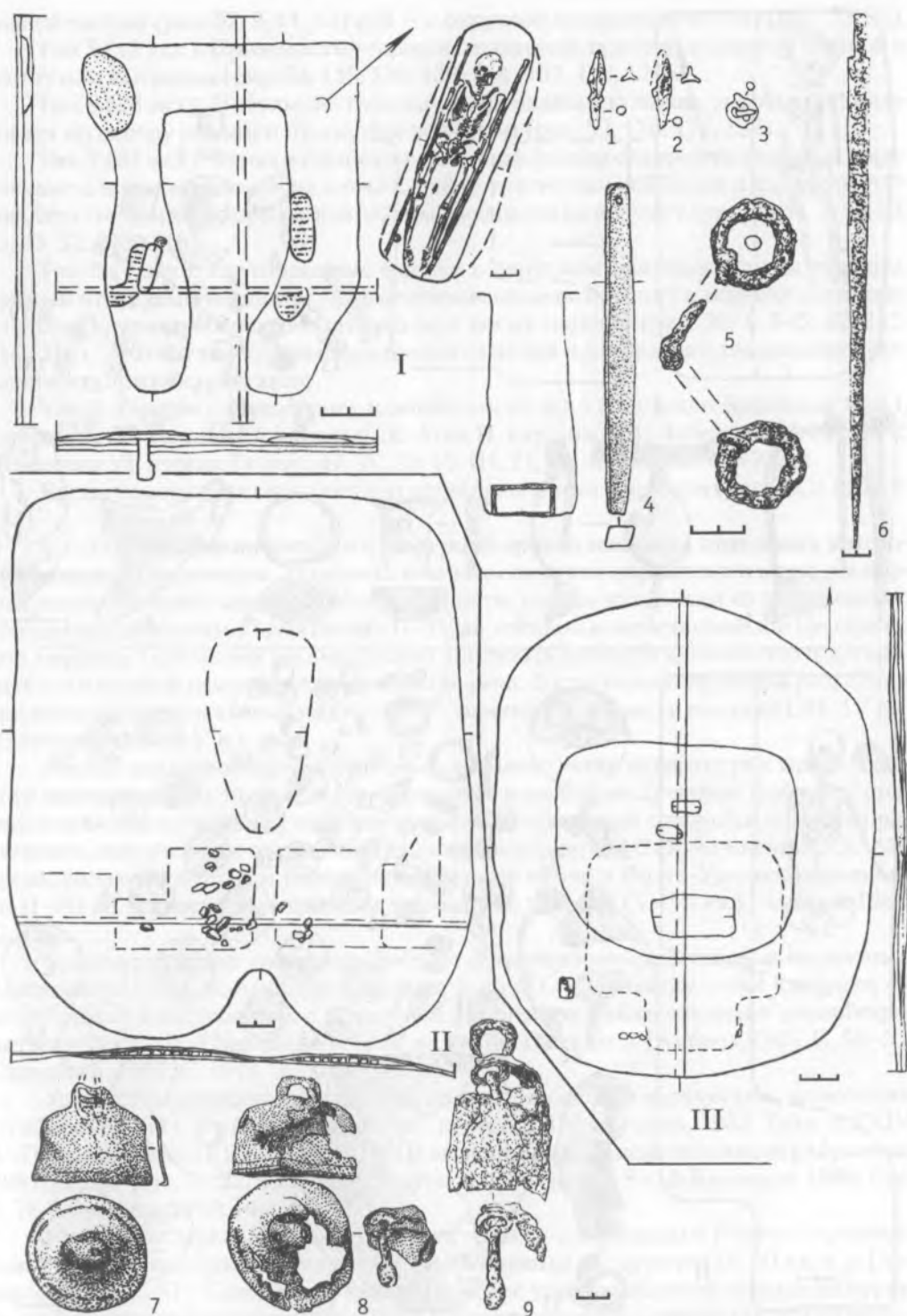

Рис. 43. I – могильник Целинный I, сооружение 13; II – могильник Сарытау, сооружение 12; III – могильник Восточно-Курайлинский I, объект № 7 (святилище). Fig. 43. I – Tselinnyy I burial ground, construction 13; II – Sarytau burial ground, construction 12; III – East Kurayli I burial ground, object №7 (sanctuary).

1-3, 5, 6 – железо; 4 – камень; 7-9 – бронза, железо

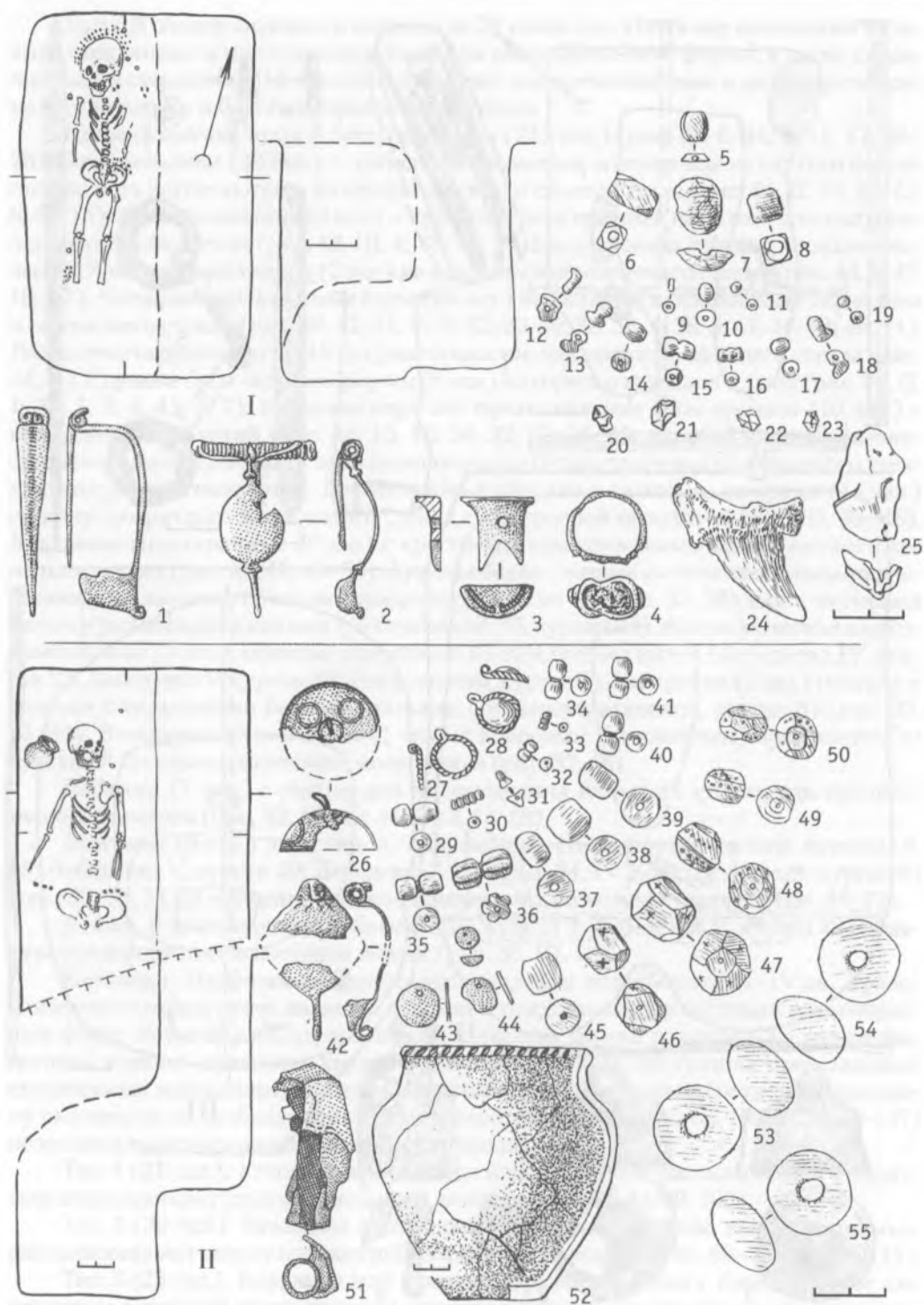

Рис. 44. I – могильник Целинный I, курган 87; II – могильник Георгиевский Бугор, курган 1. Fig. 44. I – Tselinnyy I burial ground, barrow 87; II – Georgievskiy Bugor burial site, barrow 1. 1–4, 26, 42–44, 51 – бронза; 5–23, 45–50, 53–55 – стекло, камень; 24, 25 – кость; 27, 28 – стекло, бронза; 52 – керамика

донной частью (рис. 52, 9, 11, 12) и II — с округлой придонной частью (рис. 52, 34).

Тип 5 (12 экз.). Приземистые горшки с раздутым туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком (рис. 52, 116, 136, 139, 154–157, 173, 174).

Тип 6 (28 экз.). Небольшие горшки с шаровидным туловом, коротким сужающимся по центру горлом и отогнутым венчиком (рис. 52, 176, 177, 197).

Тип 7 (31 экз.). Горшки горшечно-баночной формы с широким туловом, хорошо намеченным переходом от плеча к шейке, отогнутым венчиком и широким горлом. Эти сосуды часто орнаментированы насечками по венчику (рис. 29, II, 2; 44, 52; 45, 23; 52, 214–216).

Тип 8 (7 экз.). Круглодонные горшки с округлым или яйцевидным туловом, прямым отогнутым венчиком, орнаментированные по плечу и венчику зигзагами из рядов крупногребенчатого штампа или косых нарезок (рис. 29, 1, 3–5; 52, 175, 214–216). Это сосуды зауральского происхождения и относятся к так называемому кашинско-прыговскому типу.

Тип 9. Горшки с шишечками и зацепами (8 экз.) (Восточно-Курайлинский I, курганы 3, 33; Целинный I, курган 20; Ата II, курганы 3, 4; Лебедевка II, курган 2; Лебедевка VI, курган 7) (рис. 47, IV, 33; 48, III, 21; 52, 30–32, 54, 55, 72, 73).

Единичные экземпляры посуды составляют миски и кружки (рис. 33, 2, 9; 52, 8, 213).

§ 4. Вопросы хронологии и культурной принадлежности отдельных категорий вещевого инвентаря. Датировка комплексов гунно-сарматского круга, на первый взгляд, не представляет особой сложности, так как материалы из них довольно хорошо представлены в памятниках II–IV вв. степной и лесостепной зон Центральной Евразии. Но сегодня весьма сложно построить детальную хронологию и датировать тот или иной памятник с точностью до века. Достаточно условно мы разделили представленные памятники на два этапа — ранний (II–III вв.) и поздний (III–IV вв., возможно, начало V в.).

Ранний или большекараганский этап довольно четко датирует ряд типов вещевого инвентаря. Это, прежде всего, бронзовые и железные лучковые фибулы с прямой или слегка прогнутой узкой или широкой ромбической спинкой и плоским приемником, закрученным со стороны спинки в виде завитка. Они, по мнению А.К. Амброза, являются местным типом, появившимся где-то в Волго-Уральском регионе во II–III вв. и просуществовавшим до позднего периода (V–VI вв.) [Амброз, 1966. С. 95].

Среднеизогнутые лучковые фибулы с проволоочной обмоткой и подвижным приемником (по А. К. Амброзу — вариант 4; по А. С. Скрипкину — тип I, вариант 4), встреченные в погребениях с керамикой 2 и 6 типов, также начинают распространяться в Восточной Европе во второй половине II века н. э. [Амброз, 1966. С. 50–51; Скрипкин, 1977. С. 107].

Удила с бронзовыми зажимами на кольцах, подобные малковским, агаповским и сибайским (II Сибайский могильник, курган 2 [Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXIV, 4–7]), встречаются в комплексах II–III вв. восточноевропейских степей [Абрамова, 1987. С. 144. Рис. 59, 22, 33; Гугуев, Безуглов, 1990. Рис. 3, 8–10; Кузнецов, 1990. Рис. 1, 78; Мошкова, 1989. Рис. 81, 49].

Бронзовые зеркала с центральной петелькой или боковым ушком с орнаментом и без него на обратной стороне А. М. Хазановым датируются II–III вв. н. э. [Хазанов, 1963. С. 57]. Слабо выступающее боковое ушко на обломке зеркала из кургана 19 Большекараганского могильника и рудиментарный боковой выступ на зеркале из кургана 8 того же могильника указывают на то, что мы имеем дело с каким-то переходным типом зеркал. Аналогией зеркалу из кургана 8 Большекараганского могильника является экземпляр из могильника Корца на Северном Кавказе [Абра-

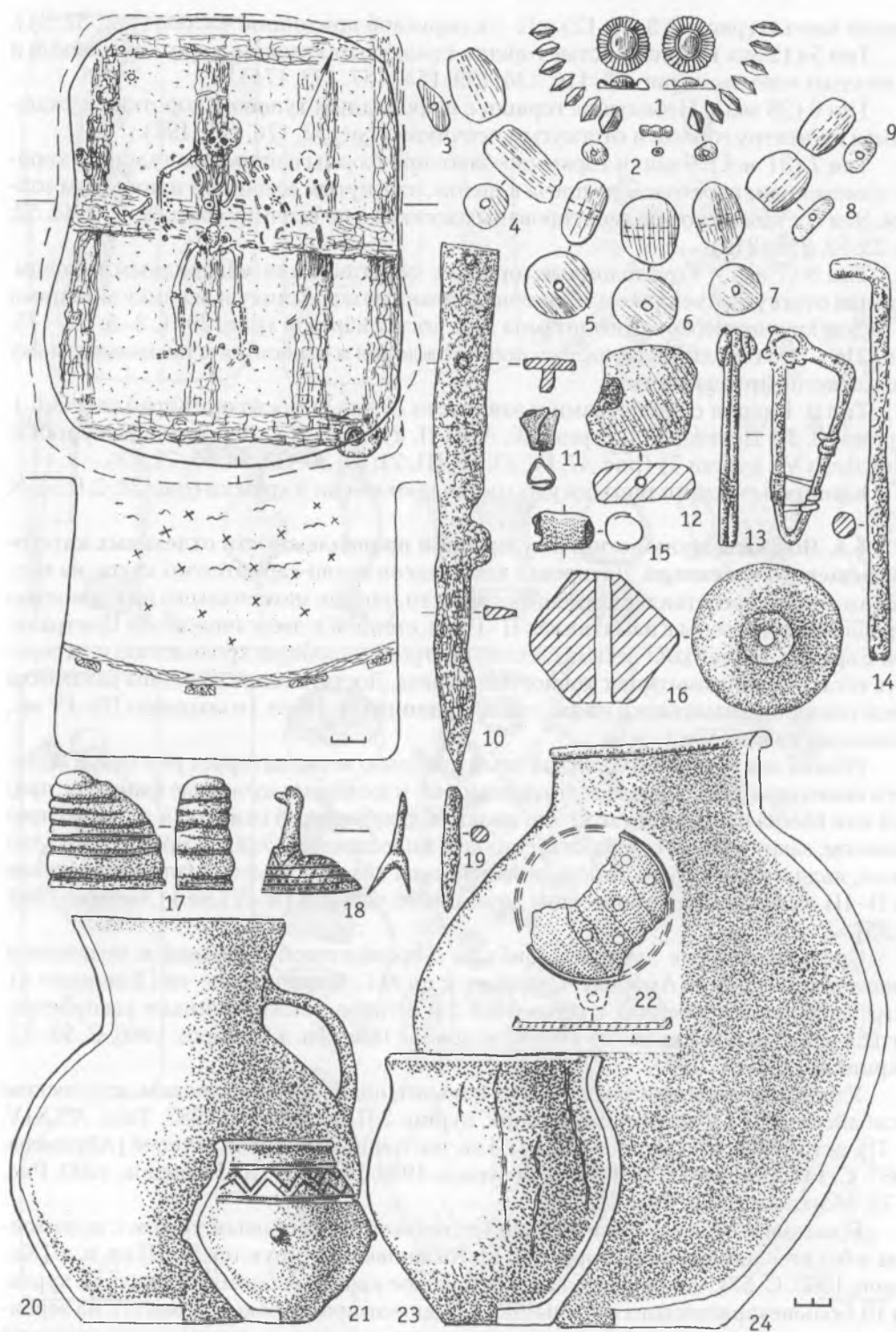

Рис. 45. Могильник Восточно-Курайлинский. Курган 3. Fig. 45. East Kuraylinskii burial ground. Barrow 3.
1 – золото, стекло; 2–9, 12 – стекло, камень; 10, 14, 19 – железо; 11, 13, 22 – бронза; 16–18, 20, 21, 23,
24 – керамика

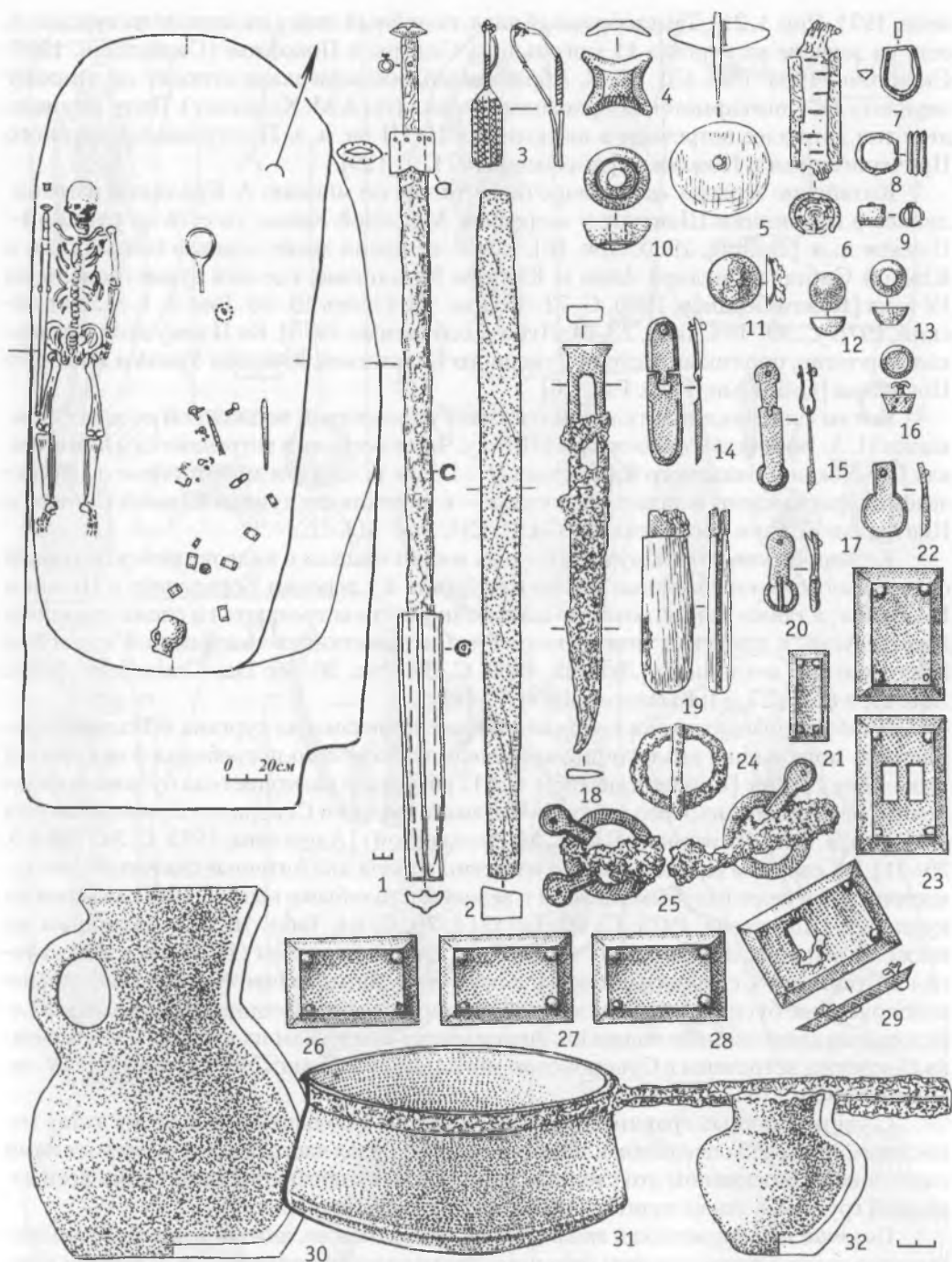

Рис. 46. Могильник Целинный I. Курган 6. Fig. 46. Tselinnyy I burial ground. Barrow 6.

1 – железо, бронза, дерево; 2–4, 5, 7–9, 12–17, 20–23, 26, 27 – бронза и халцедон; 6, 11 – дерево, бронза; 10 – кость; 18, 25, 28, 29, 31 – железо, бронза; 19 – бронза, кость; 24 – железо; 30, 32 – керамика

мова, 1971. Рис. 1, 21]. Тамгаобразный знак, подобный знаку на зеркале из кургана 8, есть на зеркале из кургана 11 могильника Сидоры в Поволжье [Сарианиди, 1989; Скрипкин, 1984. Рис. 13]. М. П. Абрамова подобные зеркала относит ко второму варианту IX типа сарматских бронзовых зеркал (по А.М. Хазанову). По ее мнению, этот тип наиболее встречаем в памятниках II–III вв. н. э. Прикубанья, Северного Причерноморья и Поволжья [Абрамова, 1971. С. 129].

Китайские зеркала «восьмиарочного типа», по мнению А. Буллинга, изготовлялись в провинции Шантунг в «середине Младшей Хань», то есть на рубеже I–II веков н. э. [Bulling, 1960. Abb. 16]. В это же время такие зеркала появляются в Южной Сибири, Средней Азии и Южном Казахстане, где они существовали до IV века [Кожомбердиев, 1960. С. 72–73. Рис. 14. Описание 19–63. Рис. 6, 1, 3; Литвинский, 1978. С. 99–104. Табл. 23, 24; Лубо-Лесниченко, 1975]. Ко II веку этот тип зеркал, вероятно, проникает в степи Северного Казахстана, Южного Урала и Нижнего Поволжья [Синицын, 1946. Рис. 26].

Котлы с яйцевидным туловом и низкой уплощенной подножкой по классификации Н. А. Боковенко относятся к III типу. Чаще всего они встречаются в памятниках Поволжья и Западного Казахстана (II–III вв. н. э.), хотя аналогичные по форме экземпляры найдены и далеко на востоке — в памятниках хуннов Южной Сибири и Центральной Азии [Боковенко, 1974. С. 234. Рис. 31].

Керамические котлы, ручки которых имеют налепы в виде шишечек, по своей форме напоминают глиняные котлы из кургана 4 у деревни Бородаевка в Нижнем Поволжье, а также котлы, которые достаточно часто встречаются в слоях городища Джеты-Асар, в хуннских комплексах Тувы и памятниках таштыкской культуры Минусинской котловины [Левина, 1966. С. 55. Рис. 36–39; Das Graberfeld., 1984. Abb. 21, в 8, 23, 27, а I; Кызласов, 1960. С. 41].

Листовидные подвески со стеклянными вставками из кургана 8 Большекараганского могильника аналогичны привескам из женского погребения 5 некрополя Тиля-Тепе I–II вв. [Сарианиди, 1989. С. 112]. Круглая разноцветная бусина, составленная из 12 долек, из этого же кургана близка бусинам Северного Причерноморья I–II вв. н. э. (тип 16, вариант Г по Е. М. Алексеевой) [Алексеева, 1975. С. 34. Табл. 5, 29–31]. В Северном Причерноморье известны и бусы, аналогичные глазчатой светло-коричневой с бело-голубым глазком и зеленой с голубыми выпуклыми глазками из кургана 8 [Алексеева, 1975. С. 60. Табл. 14, 70; С. 64. Табл. 16, 76]. Датировка их также не выходит за рамки I–II вв. Более поздним временем (IV–V вв.), по аналогии с бусинами Северного Кавказа, могут быть датированы «катушкообразные» позолоченные бусины с приплюснутой средней частью [Деопик, 1959. С. 56]. Халцедоновые дисковидные подвески, аналогичные подвескам из кургана 2 могильника Покровка, встречены в Суворовском могильнике азелинской культуры III–IV вв. [Генинг, 1959. Табл. XIII, 7].

С учетом данных сравнительной хронологии к большекараганскому этапу относятся 220 погребальных комплексов, то есть большая часть рассматриваемых нами памятников. В основном это степные комплексы, включающие памятники всей западной группы, а также курганы степного Южного Зауралья.

Поздний или друженский этап (III–IV вв., возможно, начало V века). Комплексы этого этапа в подавляющем большинстве находятся севернее — в основном в лесостепной зоне Южного Урала. Среди хорошо датирующих изделий отметим, прежде всего, сферические и восьмерковидные накладки с кольцевой привеской, аналогии которым встречаются в памятниках IV–V вв. азелинской культуры [Васюткин, 1986. Рис. 6, 22; Генинг, 1979. С. 99–100; 1983]. Модификацией данного типа накладок являются круглые или прямоугольные зажимные накладки с привеской-кольцом, которые также датируются IV–V вв. [Амброз, 1989. Рис. 11, 6, 7; Мажитов, 1968.

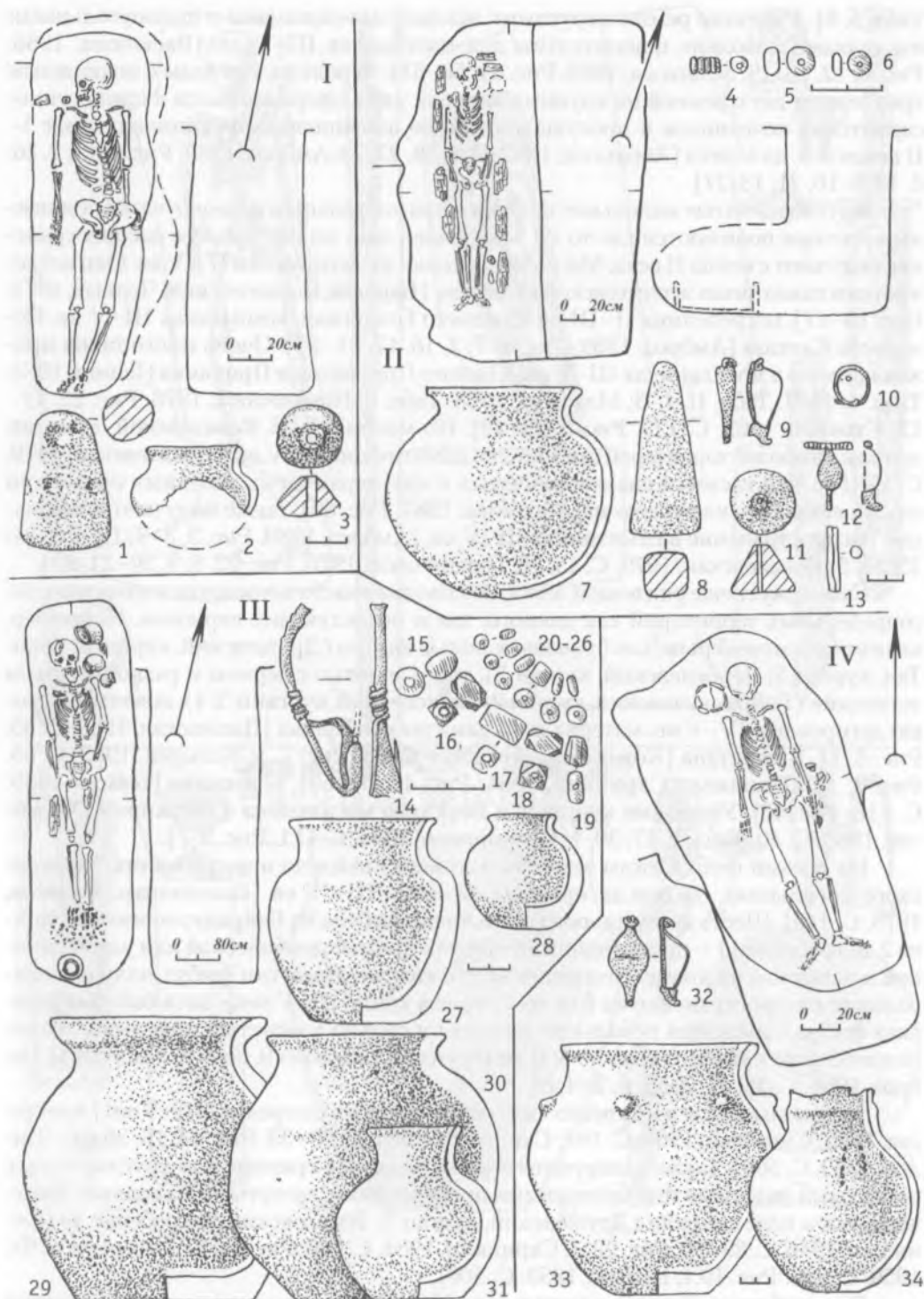

Рис. 47. Могильник Целинный I. Fig. 47. Tselinniy I burial ground.

I – курган 82; II – курган 44; III – курган 41; IV – курган 20.1, 4–6, 8, 15–26 – камень, стекло; 2, 3, 7, 11, 27–31, 33, 34 – керамика; 9, 10, 12, 13, 14, 32 – бронза

Табл. 5, 6]. Уздечные ремни с круглыми накладками-зажимами и прямоугольными накладками довольно показательны для материалов III–V вв. [Васюткин, 1986. Рис. 6, 12, 18, 19; Мошкова, 1989. Рис. 81, 50–51]. Вероятно, тип узды с подвижным креплением двух ремней на крупных кольцах удила сформировался в среде гунно-сарматских кочевников и просуществовал, не изменившись функционально, с I–II веков н. э. до V века [Абрамова, 1987. Рис. 59, 22, 23; Амброз, 1989. Рис. 1, 17; 2, 20; 6, 13; 8, 10, 21; 13, 27].

Круглорамчатые маленькие пряжки с прямоугольным или округлым подвижным щитком появляются где-то в I веке нашей эры, но наибольшее распространение получают с конца II века. Массовые находки их датируются II–IV вв. Они встречаются в памятниках черняховской культуры [Барцева, Вознесенский, Черных, 1972. Рис. 16–17], погребениях II–III вв. Среднего Поволжья, комплексах III–V вв. Северного Кавказа [Амброз, 1989. Рис. 4–7; 3, 16, 17, 21–23]. Очень много таких пряжек найдено в могильниках III–V вв. Южного Приуралья и Прикамья [Генинг, 1963. Табл. 4; 1967. Табл. II, 1–5; Мажитов, 1968. Табл. 5; Пшеничнюк, 1976. Рис. 22, 11–12; Стоянов, 1962. С. 129. Рис. 51, 9–10]. По мнению В. Б. Ковалевской, этот тип пряжек наиболее характерен именно для памятников III–V вв. [Ковалевская, 1979. С. 15–17]. Что касается овалнорамчатых и круглорамчатых железных пряжек, то они, появившись на рубеже эр [Абрамова, 1987. Рис. 60], также получают наибольшее распространение в памятниках III–V вв. [Амброз, 1989. Рис. 5, 3–7; 13, 5, 6, 24, 25; 14, 5; Ковалевская, 1979. С. 15, 18; Пшеничнюк, 1976. Рис. 22, 8, 9, 20–21, 23].

Существует еще ряд вещей, которые довольно часто встречаются в комплексах сопредельных территорий как данного, так и последующих периодов. Например, калачиковидные серьги, как бронзовые полые внутри (Друженский, курган 3; Кара-Тал, курган 5; Дербеневский, курган 2), так и золотые с зернью и разноцветными вставками (Байрамгуловский, курган 2; Темясовский, курганы 3, 4), довольно хорошо датированы IV–V вв. материалами памятников Крыма [Дашевская, 1969. С. 55. Рис. 3, 1], Казахстана [Кожомбердиев, 1963. С. 68. Рис. 7, 5; Козырев, 1905. С. 55. Рис. 3, 1], Поволжья [Скрипкин, 1984. Рис. 14, 58, 59], Прикамья [Генинг, 1955. С. 116. Рис. 43], Уфимских курганов и Бирского могильника в Башкирии [Мажитов, 1968. С. 40. Табл. 2, 17; 30, 1; Пшеничнюк, 1968. С. 111. Рис. 3, 7].

Из восьми фибул этого этапа большинство найдено в погребениях Темясовского могильника, где они датированы авторами III–IV вв. [Пшеничнюк, Рязанов, 1976. С. 145]. Шесть экземпляров (в том числе фибула из Байрамгуловского кургана 2, погребение 1) — прикрученные фибулы с прямой ромбической или узкой спинкой и завитком на конце. Вероятнее всего, этот местный тип фибул получил наибольшее распространение на Южном Урале в конце III–V веке, хотя байрамгуловская фибула, имеющая небольшие размеры и сильно изогнутый приемник, значительно ближе к экземплярам V–VII вв. (группа 13, вариант 9, по А.К. Амброзу) [Амброз, 1966. С. 46, 47. Табл. 6, 2–4, 8].

14-гранные бусы достаточно часто встречаются в ожерельях III–V вв. [Алексеева, 1975; Сеницын, 1960. С. 164; Скрипкин, 1984. С. 50–53. Рис. 14, 15, 30, 36; Шилов, 1959. С. 500]. Также датируются сердоликовые 14-гранные или круглые бусы с продетыми золотыми или бронзовыми проволочками, загнутыми на краях и закрученными в виде спирали (Друженский, курган 3; Темясовский, погребение 4) [Сеницын, 1946. С. 89–90. Рис. 20, 3; Скрипкин, 1984. С. 148. Рис. 14, 31; Смирнов К. Ф., 1959. С. 256. Рис. 19.1; Шилов, 1959. С. 500].

В погребениях Бирского могильника V–VII вв. достаточно часто встречаются подвески в виде медведя, подобные обнаруженной в погребении кургана 2 Байрамгуловского могильника (рис. 30, 1), что в определенной мере позволяет считать его наиболее поздним среди комплексов этого периода.

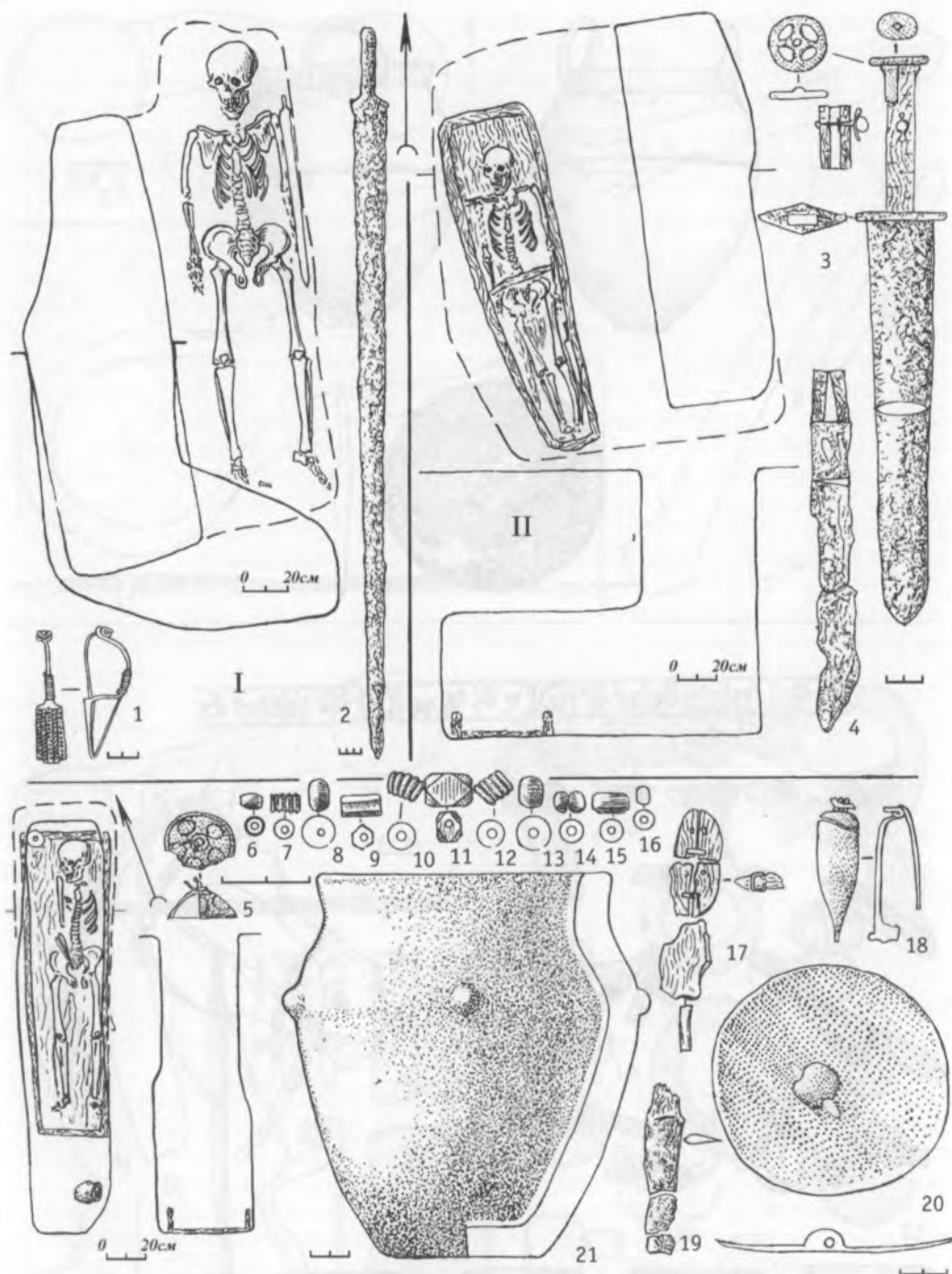

Рис. 48. Могильник Целинный I. Fig. 48. Tselinnyy I burial ground.

I – курган 64; II – курган 57; III – курган 32. 1, 5, 18, 20 – бронза; 2, 4, 19 – железо; 3 – железо, бронза, дерево; 6–9, 12–16 – стекло, гагат; 11 – гагат, бронза; 17 – дерево, бронза

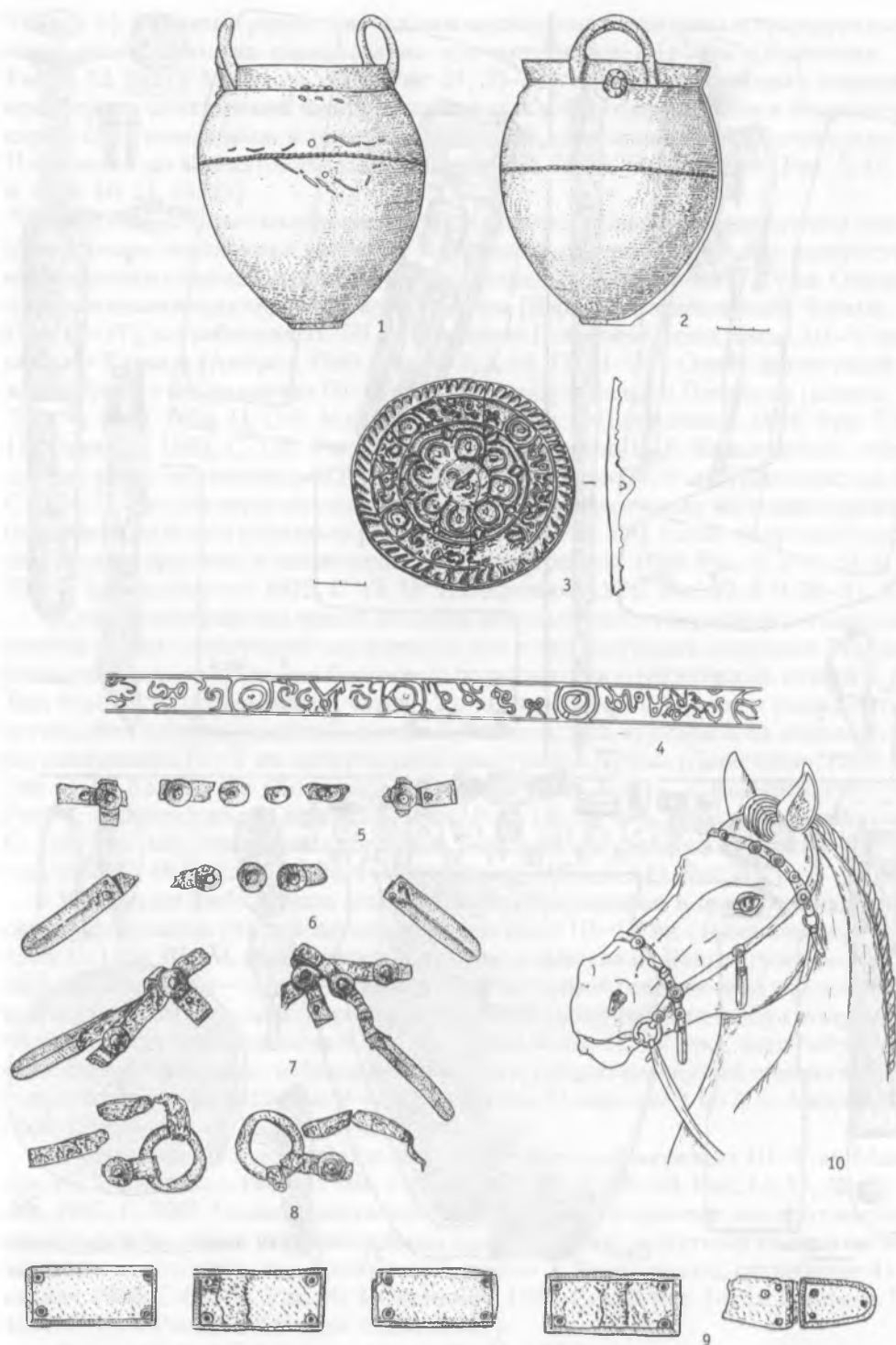

Рис. 49. Материалы из гунно-сарматских памятников. Fig. 49. The materials from the Hun-Sarmatian monuments.

1-3 – курган у села Наваринка; 4, 10 – реконструкции; 5-9 – могильник Агаловский, курган 6 (раскопки К. В. Сальникова); курган у села Малково (раскопки В.С. Стоколоса). 1-3, 9 – бронза; 5-8 – бронза, серебро, кожа

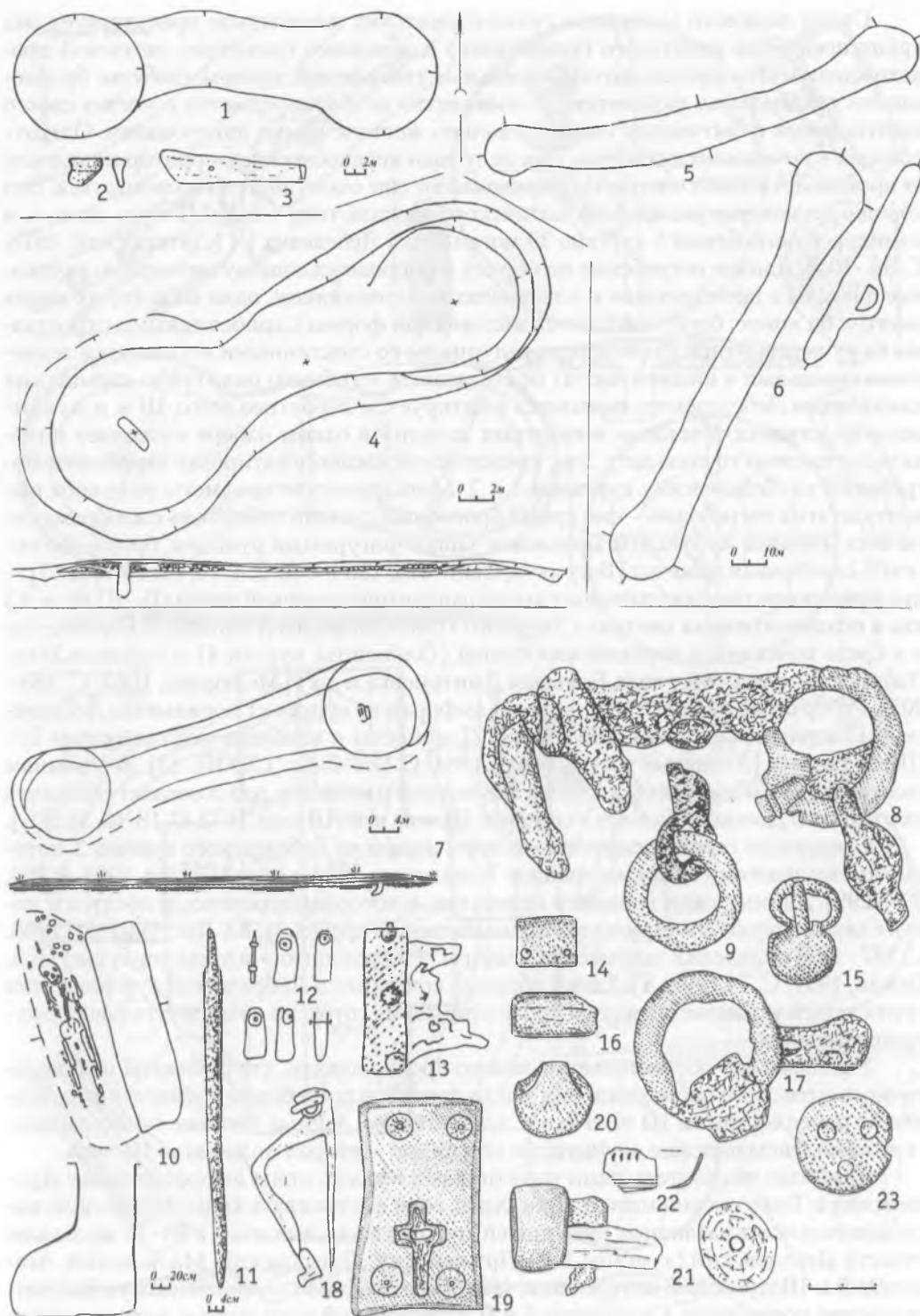

Рис. 50. Гантелевидные культовые комплексы. Fig. 50. The dumbbell-shaped cult complexes.
 1-3 – Лебедевка V, курган 52; 4 – Басшийли, сооружения; 5, 6 – Магнитный; 7-23 – Лебедевка IV, курган 1. 1, 4-7, 10 – общие планы курганов и погребений; 2 – керамика; 3 – камень; 8, 9, 17, 19 – бронза, железо; 11, 12, 14, 16, 20, 23 – бронза; 13 – бронза, кожа; 21 – бронза, дерево; 22 – стекло

Среди вещевого материала гунно-сарматских памятников присутствует ряд ярких предметов восточного (китайского) и западного (римского, готского) происхождения. Это зеркала, котлы, отдельные типы мечей, топоры, фибулы, бронзовая посуда, амфоры, украшения. Большинство из этих предметов в местах своего изготовления и бытования имеют довольно жесткие рамки датирования. Однако, попадая в кочевническую среду, они не только переносятся на территории далекие от производственных очагов, но и продолжают еще очень долго использоваться. Это хорошо иллюстрирует находка китайского зеркала типа «TLV» II–I вв. до н. э. в комплексе погребения 1 кургана 39 могильника Лебедевка VI [Литвинский, 1978. С. 98–105]. Данное погребение по обряду и сопровождающему инвентарю (лучковые фибулы с проволочным и пластинчатым приемником, одна из которых имеет завиток на конце; бронзовый котел яйцевидной формы с грибовидными отростками на ручках арочной формы; серьги-лунницы со стеклянными вставками и зерновыми гроздьями в нижней части) не выбивается из общего ряда гунно-сарматских памятников Лебедевского комплекса и датируется, вероятнее всего, III в. н. э.; в отдельных случаях сочетание импортных изделий в одном наборе позволяет получить достаточно точную дату. Это, прежде всего, касается датировки княжеских погребений из Лебедевских курганов 1 и 2. Металлические предметы римского импорта из этих погребений – фигурный бронзовый кувшин «ойнохоя» с изображением бога Диониса на рукояти, бронзовая чаша с фигурными ручками, бронзовое ситечко, серебряная ложечка [Багриков, Сенигова, 1968. Рис. 2, 4; 10, 21; 14, 5, 9; 15] – имели широкое распространение в конце раннеимператорской эпохи (II–III вв. н. э.) как в позднеантичных центрах Северного Причерноморья и Западной Европы, так и в среде кочевников европейских степей (Олонешты, курган 41 у станицы Усть-Лабинская, курган 96 у села Большая Дмитриевка и др.) [Мелюкова, 1962. С. 198–202]. Реберчатые амфоры, аналогичные амфорам из кургана 1 могильника Лебедевский [Багриков, Сенигова, 1968. Рис. 12], найдены в наиболее поздних слоях II–III вв. Танаиса [Античные государства..., 1984. С. 260. Табл. LXXIII, 13]. В огромном количестве они обнаружены в завалах помещений и колодцев, что позволяет связывать их с гибелью Донского Танаиса в середине III века н. э. [Шелов, 1972. С. 18, 19, 38, 301].

Следующая серия предметов – топоры и косы из Лебедевского кургана 2, которые имеют аналогии среди материалов Тураевского могильника [Gening, 1995. Р. 295, 297–299]. Данные типы вещевого инвентаря, к которым, вероятно, относятся и копья с характерной геометрической орнаментацией древка, И. Ю. Пастушенко [1998. С. 187–189] определил как готские (топоры – «франциски» и косы-горбуши) [Гей, Бажан, 1997. С. 74. Табл. I]. Таким образом, сочетание в Лебедевских курганах этих групп вещей указывает на время после вторжения готов, но до окончательно разрушения Танаиса.

Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что предметы позднеантичного и готского происхождения могли попасть в погребения Лебедевских курганов не ранее середины III века н. э. Следовательно, данные степные гунно-сарматские комплексы надежно датируются серединой – второй половиной III века.

Наиболее выразительными памятниками второго этапа являются также Друженский и Темясовский могильники. Хотя, если выстраивать хронологическую последовательность различных некрополей этого этапа, то, вероятно, к III–IV вв. можно отнести Лебедевский (курганы 1, 2), Друженский, Темясовский, Малковский, Агаповский и Шатровский могильники. Наиболее позднюю позицию займут Байрамгуловские погребения, Салиховский и II Ахмеровский могильники, которые, вероятно, следует датировать концом IV–V вв.

В рамках этого раздела попытаемся проследить происхождение отдельных типов вещевого инвентаря из гунно-сарматских комплексов.

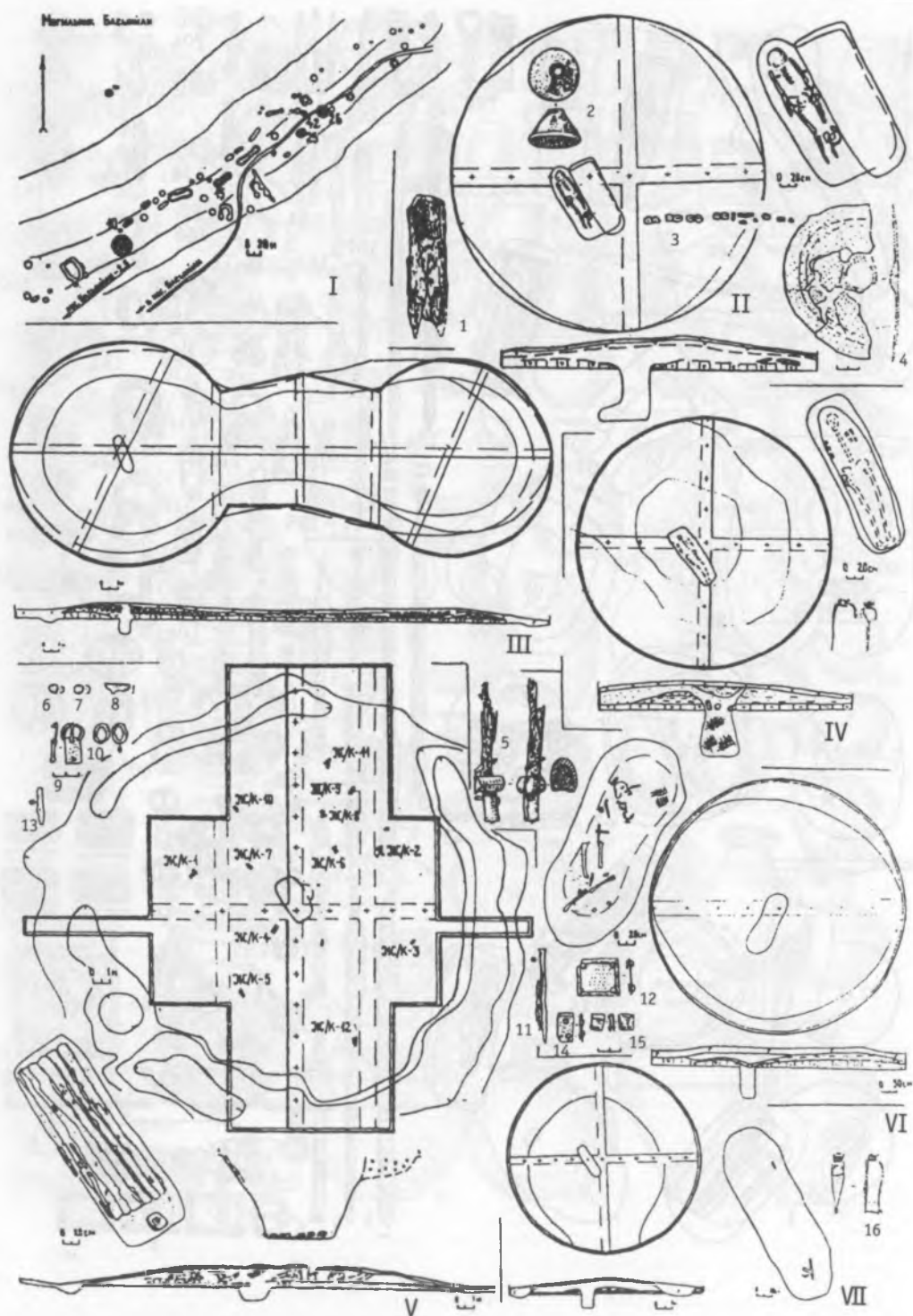
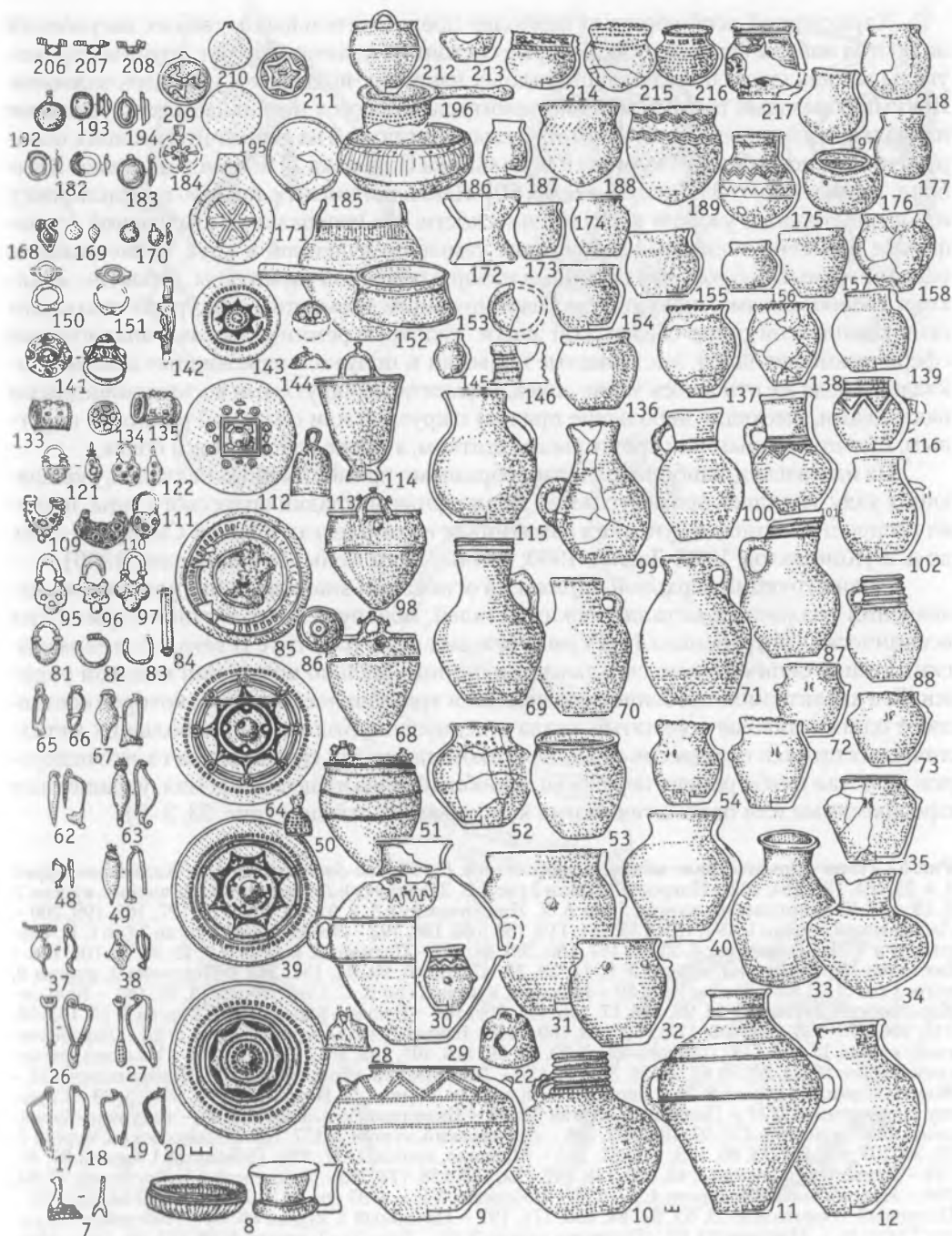

Рис. 51. Могильник Басшийли. Fig. 51. Basshiyli burial ground.

I – общий план; II – курган 25; III – курган 15; IV – курган 10; V – курган 11; VI – курган 26; VII – курган 42. 1 – железо; 2 – керамика; 3 – стекло; 4, 5, 10–12, 14–16 – бронза; 6–8 – золото; 9 – серебро

Характерной особенностью наиболее представительных мужских погребений являются *наборы конской узды*, которые состоят из кольчатых удила, крупных прямоугольных накладок, пряжек, листовидных накладок-подвесок и накладок-зажимов. Яркими образцами такой ременной гарнитуры являются массивные прямоугольные накладки, изготовленные из золотой фольги, натянутой на деревянную основу, обнаруженные в погребении 1 кургана 9 могильника Покровка 2 [Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, 1995. Рис. 64–66, 68, 69]. Накладки имеют сложную профилировку и подтреугольный узор на передней плоскости. На центральной квадратной бляхе-фаларе нанесено тисненное изображение тамги, помещенной в круг. Такие находки наводят на мысль о том, что подобные наборы ременной гарнитуры, вероятно, являются своеобразным этнокультурно маркирующим элементом для урало-казахстанских комплексов гунно-сарматской эпохи. Уздечные ремни украшают аналогичные сферические накладки, листовидные подвески и полувосьмерковидные зажимы накладок. Сюда же относятся узкие пояса, украшенные округлыми восьмерковидными накладками, имеющие небольшие пряжки с круглой или овальной рамкой и округлым, прямоугольным или треугольным щитком, а также наконечники пояса.

На наш взгляд, наиболее ранними образцами прямоугольных накладок, украшающих узду, являлись прямоугольные зооморфные накладки ордосского типа, широко распространенные в хуннских памятниках и комплексах Южной Сибири II–I вв. до н. э. [Коновалов, 1996; Дэвлет, 1980; У Энх, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990].

Реконструкция верховой упряжи на основании анализа функционального назначения различных металлических деталей, обнаруженных в гунно-сарматских всаднических погребениях II–IV вв., убеждает нас в том, что с II века н. э. в евразийских степях окончательно складывается принципиально новый тип конской упряжи. Его характерной особенностью является трензельное оголовье, которое составляют односоставные кольчатые удила и недоуздок. Количество небольших металлических пряжек и подвесок с наконечником на ремнях указывает на то, что недоуздок включал в себя ремень переносья, налобный и два нащечных ремня, украшенные сферическими или призматическими круглыми накладками (рис. 53, 3–5).

Рис. 52. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Fig. 52. Hun-Sarmats of the Ural-Kazakhstan steppes. 1, 4, 23, 181, 128, 164, 202 – Покровка, курган 2 (по Г.Б. Здановичу); 2 – Больше-Караганский, курган 7; 3, 19 – IV Комсомольский, курган 5 (по А. Х. Пшеничнюку); 5, 8, 51, 75, 105, 110, 127, 163, 199, 200 – Лебедевский, курган 1; 192, 132, 135, 141, 110, 168, 186, 196, 192 – Лебедевский, курган 2 (по Г. И. Багрикову и Т. Н. Сениговой); 6, 35, 46, 167, 180, 205, 44, 157 – Целинный, курган 6; 7, 12, 30, 70, 108, 115 – Восточно-Курайлинский, курган 3; 9, 11, 29, 25, 47, 61, 80, 93, 94, 131, 213 – Покровка 2, курган 9, погр. 1 (по Л. Т. Яблонскому); 10, 59 – Малково, курган 3 (по В. С. Стоколосу); 13, 88, 184 – Больше-Караганский, курган 19; 14, 99, 212, 17, 156, 151, 209, 169 – Больше-Караганский, курган 8; 15, 16, 106, 118, 166, 179, 190, 204, 109, 172, 182, 188, 189, 215 – Байрамгулово, курган 2, погр. 2; 18 – Дербеневский, курган 17 (по А. Х. Пшеничнюку); 20, 40, 69, 116, 101, 149, 191, 132, 162, 211 – Большекараганский, курган 18; 21, 22, 50, 67, 27, 38, 33, 111, 176 – Темясовский, курган 3 (по А. Х. Пшеничнюку); 24 – Жаман-Каргала I, курган 8; 26 – Дербеневский, курган 20 (по А. Х. Пшеничнюку); 28, 113, 89 – Сарытау, сооружение 12; 31 – Целинный, курган 32; 32 – Целинный, курган 20; 34, 87 – Восточно-Курайлинский I, курган 33; 155, 97, 194, 207, 208 – Друженский, курган 3; 157, 158 – Темясовский, курган 7; 39, 36, 107, 120, 77, 78, 86, 123, 142, 81, 216 – Малково, курган 1; 37, 62 – Целинный I, курган 87; 41, 134 – Друженский, курган 5; 42, 130, 148, 102, 112, 173, 156, 178, 203 – Друженский, сооружение; 43, 60, 206 – Новоникольское, курган 4; 57, 114 – Лебедевка VI, к-н 37 (по М. Г. Мошковой); 58, 103, 76 – Целинный, сооружение 13; 63, 82–84, 150, 171, 197 – Целинный I, курган 86; 64 – Лебедевка V, курган 23 (по М. Г. Мошковой); 65 – Шатрово, курган 2; 66 – Кара-Тал I, курган 6; 68, 122, 90, 146 – Магнитный, курган 3; 70, 71, 143 – IV Комсомольский, курган 3 (по А. Х. Пшеничнюку); 54, 72, 73, 104 – Атапа II, курган 3; 74 – Целинный I, курган 57; 79 – IV Комсомольский, курган 4 (по А. Х. Пшеничнюку); 85, 172, 187 – Целинный I, курган 81; 55, 91 – Атапа II, курган 4; 92, 129, 165 – II Сибайские, курган 2 (по А. Х. Пшеничнюку); 95–96 – Дербеневский (по А. Х. Пшеничнюку); 98, 112 – Лебедевка VI, курган 39 (по М. Г. Мошковой); 100 – Большекараганский, курган 20; 147 – Лебедевка VI, курган 1 (по М. Г. Мошковой); 152 – Лебедевка V, курган 49. 8 – дерево; 15–22, 26–28, 37–39, 48–51, 60, 62–64, 68, 77–79, 81–86, 92, 95–98, 106, 107, 112, 114, 118, 123, 129–131, 142–144, 165–167, 171, 185, 186, 178–180, 184–186, 190, 195, 196, 204–205, 209–212 – бронза; 24, 128, 164, 202 – кость; 25, 47, 94 – золото, бронза, дерево; 109, 111, 121, 122, 132, 135, 141, 168–171, 182, 183, 192, 194, 206–208 – золото, камень; 110, 193, 203 – бронза, камень

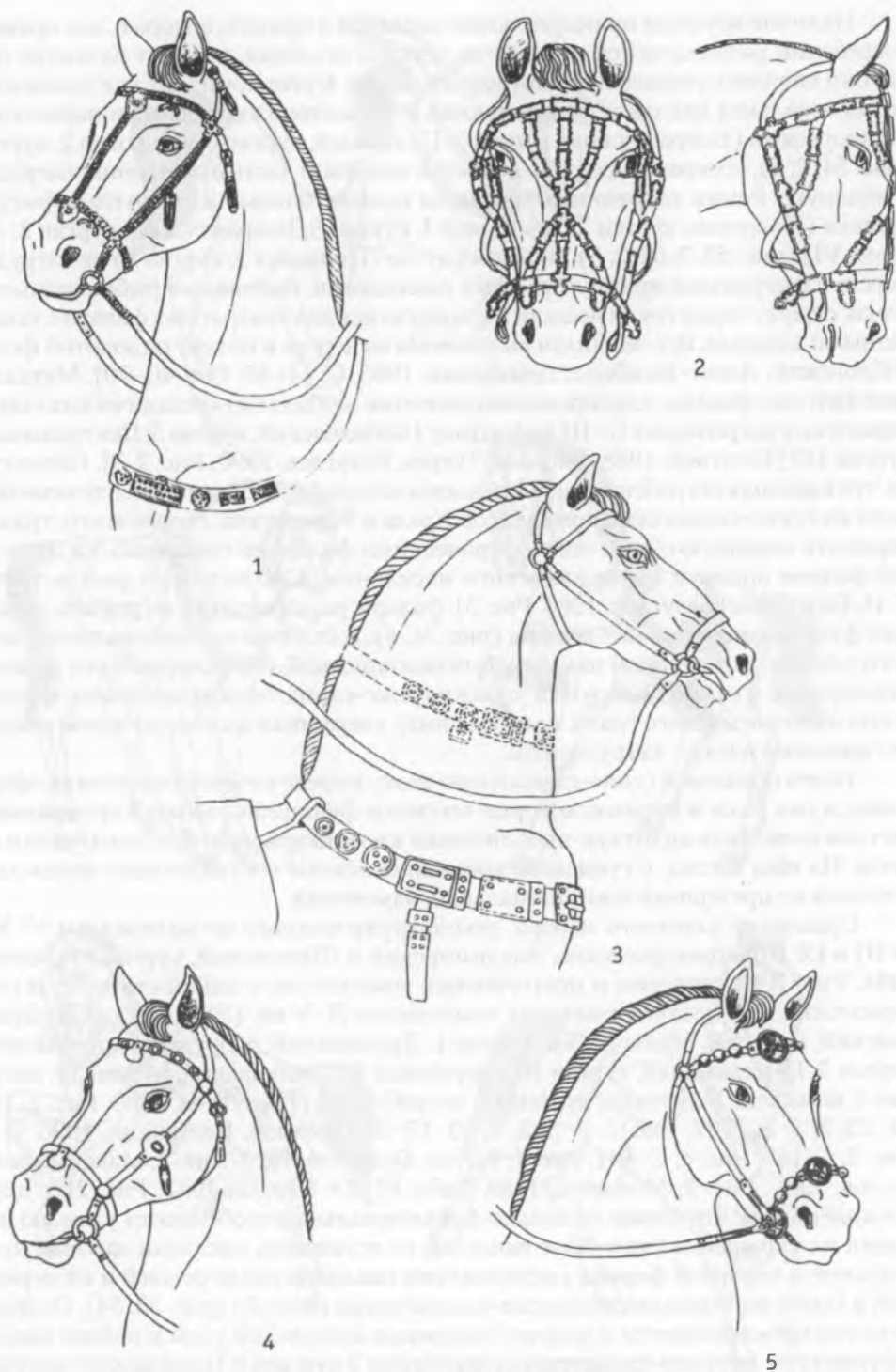

Рис. 53. Реконструкция элементов конской узда гунно-сарматского и тюркского населения. Fig. 53. The reconstruction of bridle elements of the Hun-Sarmatian and Turk population. По материалам: 1 – Новогригорьевка VII–IX, конец V–VI вв. (реконструкция И.П. Засецкой с дополнением автора); 2 – Чатырское погребение (реконструкция Ю. С. Худякова, В. А. Кочеева) VI–VII вв.; 3, 5 – Лебедевка (реконструкция М. Г. Мошковой); 4 – Друженский, сооружение

Наличие крупных прямоугольных накладок и пряжек, которые, как правило, в погребении располагаются поодаль от деталей оголовья, наводит на мысль о том, что они являлись украшением нагрудного ремня. В этот комплект, как правило, входит центральная накладка-псевдопряжка с двумя горизонтальными параллельными прорезями (Байрамгулово, курган 2; Целинный, курган 6, Покровка 2, курган 9) (рис. 54, 2, 5), которая, вероятно, является концевой частью крепления нагрудника к подпруге. Ремни нагрудника украшали прямоугольные или круглые фигурные пряжки (Покровка, курган 2, Целинный I, курган 6; Байрамгулово, курган 2; Лебедевка VI) (рис. 53, 3; 54, 2, 5). В одном случае (Покровка 2, курган 9) на нагруднике вместе с фигурными прямоугольными накладками, имеющими рыбковидные привески, с двух сторон груди лошади располагались два квадратных фалара с тамгообразными знаками. Все они были выполнены из дерева и обтянуты золотой фольгой [Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, 1995. С. 44–45. Рис. 40–70]. Металлические круглые фалары, плакированные золотом, найдены во «всаднических» позднесарматских погребениях II–III вв. на Дону (Кобяковский, курган 5; Центральный VI, курган 16) [Безуглов, 1988. Рис. 2–5; Гугуев, Безуглов, 1990. Рис. 2, 3]. Несмотря на то, что в данных погребениях представлены оголовья абсолютно идентичные оголовьям из гунно-сарматских комплексов Урала и Казахстана, скорее всего, традиция украшать парадную сбрую коня сферическими фаларами сложилась на Дону в более раннее время в среде аланского населения. Как видно на реконструкции С. И. Безуглова [Безуглов, 1988. Рис. 5], фалары располагались на ремнях, не имеющих функционального назначения (рис. 54, 4). В отличие от этого, наличие нагрудного ремня с характерной накладкой-псевдопряжкой, скрепляющей его ремешком с подпругой, и самой подпруги в упряжи гунно-сарматов подразумевает, вероятнее всего, наличие мягкого седла, которое снизу удерживалось подпружным ремнем, а от сползания назад – нагрудником.

Таким образом, в гунно-сарматскую эпоху в среде кочевого населения сформировался тип узды и упряжи, которые по своим функциональным и крепежным качествам позволили вплотную приблизиться к возникновению жесткого седла и стремени. На наш взгляд, с гуннского времени основные составляющие трензельного оголовья не претерпели принципиальных изменений.

Сравнение уздечного набора, реконструированного по материалам V–VI вв. (VIII и IX Новогригорьевские, Владимирский и Шиповский, курган 3) [Засецкая, 1994. Рис. 7, 8] гуннских и постгуннских комплексов, с одной стороны, и гунно-сарматских или позднесарматских памятников II–V вв. (Лебедевский, Байрамгуловский, курган 2, Малковский, курган 1, Друженский, сооружение, Кобяковский, курган 5, Центральный, курган 16, погребение 8, Сладковский, курган 19, погребение 1, комплекс Высочино, курган 12, погребение 1) [Безуглов, 1988. Рис. 2, 16, 19, 20–25; 3; 4; 5; 1997. Рис. 1, 2–5; 2, 9–12, 15–21; Боталов, Полушкин, 1996. С. 182. Рис. 2; С. 187. Рис. 4; С. 191. Рис. 7; Гугуев, Безуглов, 1990. Рис. 2; Максименко, Безуглов, 1987. Рис. 2; Мошкова, 1989. Табл. 81, 43; Шепко, 1987. Рис. 2], с другой, убеждает в том, что схожи не только функциональные особенности узды, но и традиции их украшения (налобные накладки со вставками, накладки-зажимы прямоугольной и округлой формы, расположение накладок вдоль ремней и их перекрестий, а также листовидные привески-наконечники ремней) (рис. 53, 54). Особенное сходство прослеживается в манере украшения шиповской узды и наборе накладок и фурнитуры из гунно-сарматского погребения 2 кургана 9 Покровского могильника (рис. 54, 1, 2) [Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, 1995. С. 44–45. Рис. 64–70]. В обоих случаях фиксируется сочетание прямоугольных и крупных квадратных накладок с тисненым узором, выполненных из бронзы и обтянутых «золотом». В этом ряду стоит привести еще три богато украшенные конские узды с полихром-

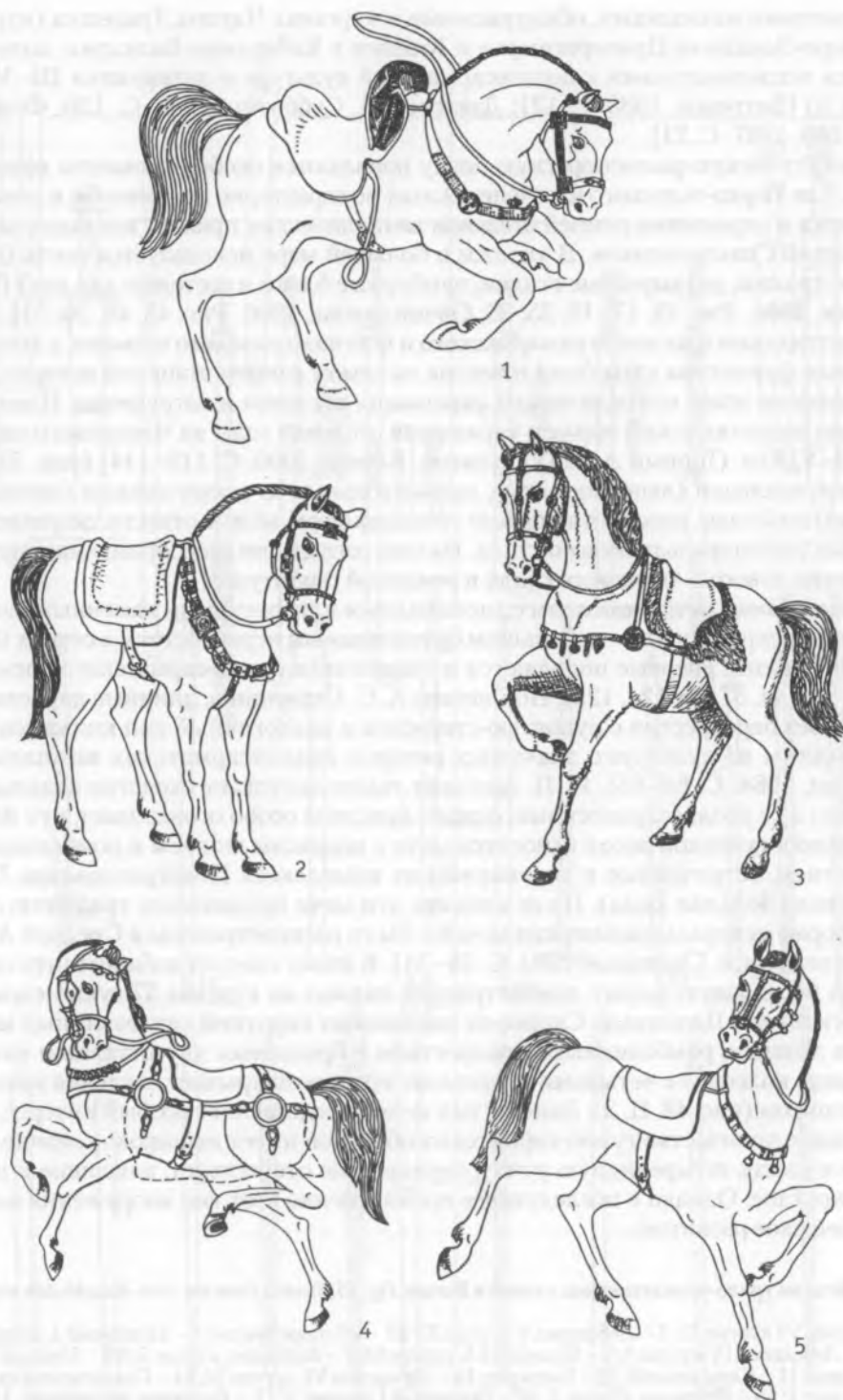

Рис. 54. Реконструкции конской узды гунно-сарматского и тюркского населения. Fig. 54. The reconstruction of bridle of Hun-Sarmatian and Turk population.

По материалам: 1 – Шипово, Владимировка; 2 – Покровка 2, курган 9; 3 – Чауши (реконструкция А.В. Симоненко); 4 – Центральный, курган 16, погребение 8 (реконструкция С. И. Безуглова); 5 – Байрамгулово, курган 2

ными золотыми накладками, обнаруженные в курганах Чаушы, Градешка (курган 9) в Северо-Западном Причерноморье и Кишпек в Кабардино-Балкарии, которые относятся исследователями к позднесарматской культуре и датируются III–V вв. (рис. 53, 3) [Бетрозов, 1980. С. 121; Дзиговский, Субботин, 1986. С. 156; Фокеев, 1986. С. 160; 1987. С. 21].

В постгуннскую-раннетюркскую эпоху появляются особые элементы конской упряжи. Для тюрко-телеского населения Алтая не характерно применение в элементах крепежа и украшения ремней оголовья металлических пряжек, накладок-зажимов, ременных наконечников. В упряжи в большей мере используется кость (подпружные пряжки, двудырчатые псалии, чумбурные блоки и застёжки для пут) [Могильников, 1981. Рис. 19, 17–19, 25, 26; Овчинникова, 1990. Рис. 43, 48, 50, 51]. Это отражает традиции населения пазырыкского и постпазырыкского времени, у которого костяная фурнитура узды была известна на самом раннем этапе его истории. На раннетюркском этапе почти исчезают украшения оголовья и нагрудника. Известен лишь один раннетюркский образец украшения оголовья узды из Чатырского погребения VI–VII вв. (Горный Алтай) [Худяков, Кочеев, 2000. С. 113–114] (рис. 53, 2). Бронзовые накладки (якорьковидные, прямоугольные со сферическими боковыми выемками) этой узды, весьма отличные от гуннских форм, можно отнести, скорее всего, к образцам раннегеральдического стиля. На наш взгляд, они своеобразно маркируют наступление нового – тюркского стиля в ременной гарнитуре.

Двулезвийные мечи и кинжалы с дисковидным или фигурным каменным навершием, без перекрестия или с небольшим брусковидным перекрестием в степях Центральной Евразии впервые появляются в памятниках гунно-сарматского времени (рис. 55, 3, 4, 44, 57, 74, 124, 125). По мнению А. С. Скрипкина, длинные двулезвийные мечи без перекрестия с рукоятью-стержнем и аналогичный тип кинжалов являются одним из культурно значимых реперов позднесарматских комплексов [Скрипкин, 1984. С. 84–85]. И. П. Засецкая также допускает сходство отдельных мечей (тип 3) с позднесарматскими, однако при этом особо оговаривает, что непосредственно к гуннской эпохе относятся мечи с широким лезвием и ромбовидным перекрестием, встреченные в кочевнических комплексах Новоигорьевка IX и Дмитриевка (Вольная Вода). По ее мнению, эти мечи продолжили традицию схожих по форме центральноазиатских мечей и были распространены в Средней Азии в первых веках н. э. [Засецкая, 1994. С. 28–31]. К этому следует добавить, что своеобразную переходную форму демонстрирует кинжал из кургана 57 гунно-сарматского могильника Целинный. Скорее он напоминает короткий двулезвийный меч с широким лезвием, ромбовидным перекрестием и бронзовым двусоставным навершием в виде колесика с четырьмя прорезями, которое накрывает овальная накладка со шпеньком (рис. 48, II, 3). Данный тип мечей представляет особый интерес, так как основное количество гунно-сарматских образцов имеет неширокое лезвие, сужающееся книзу, штыревидную ручку, перекрестие отсутствует, навершие в ряде случаев круглое. Однако в последующее время именно этот тип вооружения получает логическое развитие.

Рис. 55. Мечи из урало-казахстанских степей и Китая. Fig. 55. Swords from the Ural-Kazakhstan steppes and China.

1 – Лебедевка, VI курган 22; 2 – Лебедевка, V курган 23; 33 – «Четыре брата»; 4 – Целинный I, сооружение 13; 5 – Лебедевка, IV курган 1; 6 – Целинный I, курган 64; 7 – Кобяково, курган 5; 8, 9 – Цысин; 10 – Инъюэ шань; 11 – Сяньцзяовэй; 12 – Гаочжуан; 13 – Лебедевка VI, курган 24; 14 – Сладковский курган 20, погребение 1; 15 – Покровка курган 2; 16 – Целинный I, курган 3; 17 – Весняное, погребение. 1; 18 – Хэшаньмяо; 19 – Лаохэшэнь; 20, 21, 29, 30 – Инъюэшэнь (по Сунь Цзину); 22, 36 – Юнань; 23 – Яньсяду; 24 – Цзяньпин; 25 – Лебедевка VI, курган 37; 26 – Целинный I, курган 6; 27 – Лебедевка VI, курган 37; 28 – Сладковский, курган 19, погребение 1; 31 – Сяньцзяовэй; 32 – Жамантаг; 33 – Целинный, курган 9; 34, 35 – Чжансин; 37 – Ата II, курган 3; 38 – Кара Тюбе, курган 4; 39 – случайная находка близ села Малково

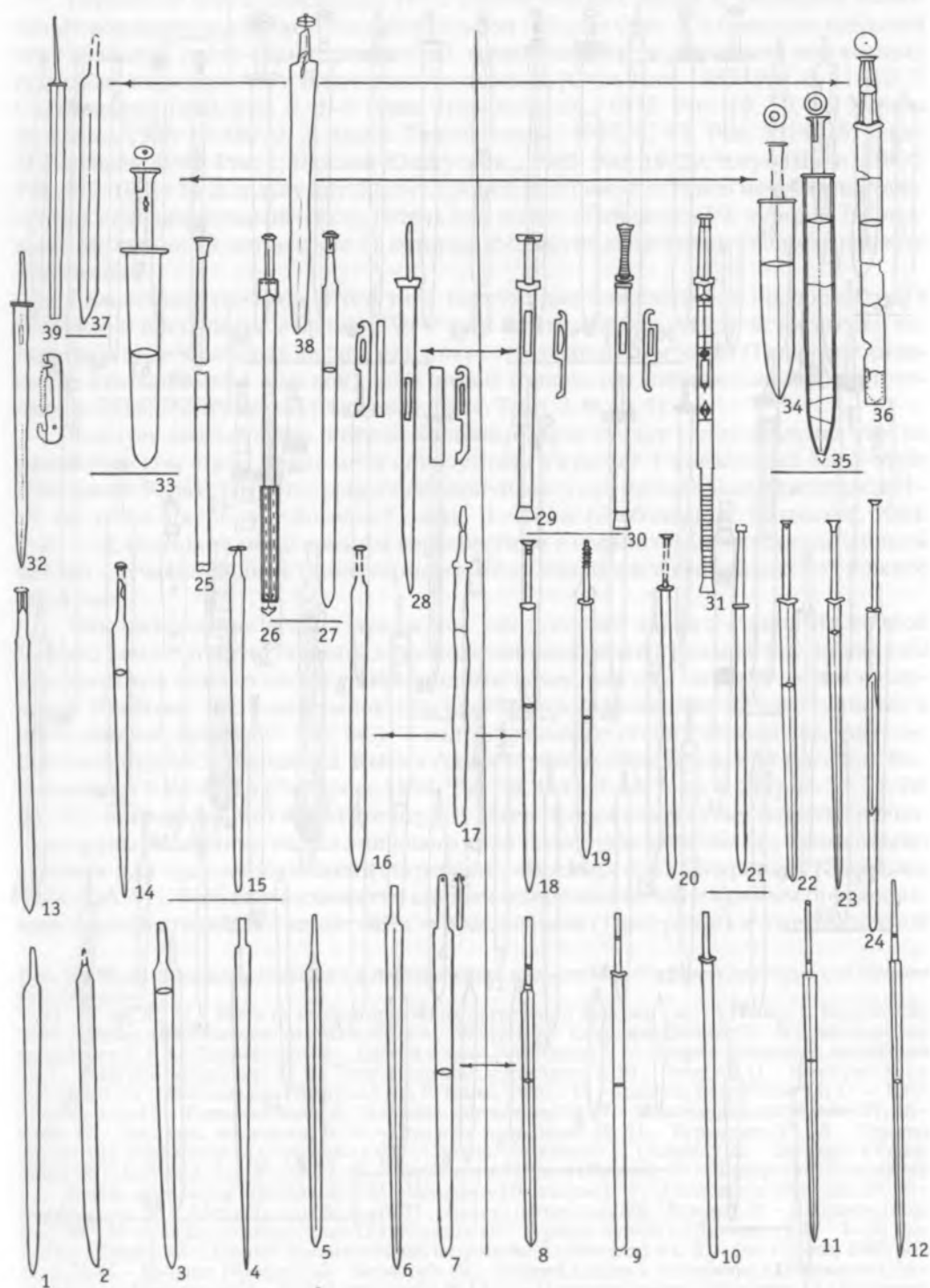

Рис. 55. Мечи из урало-казахстанских степей и Китая. Fig. 55. Swords from the Ural-Kazakhstan steppes and China

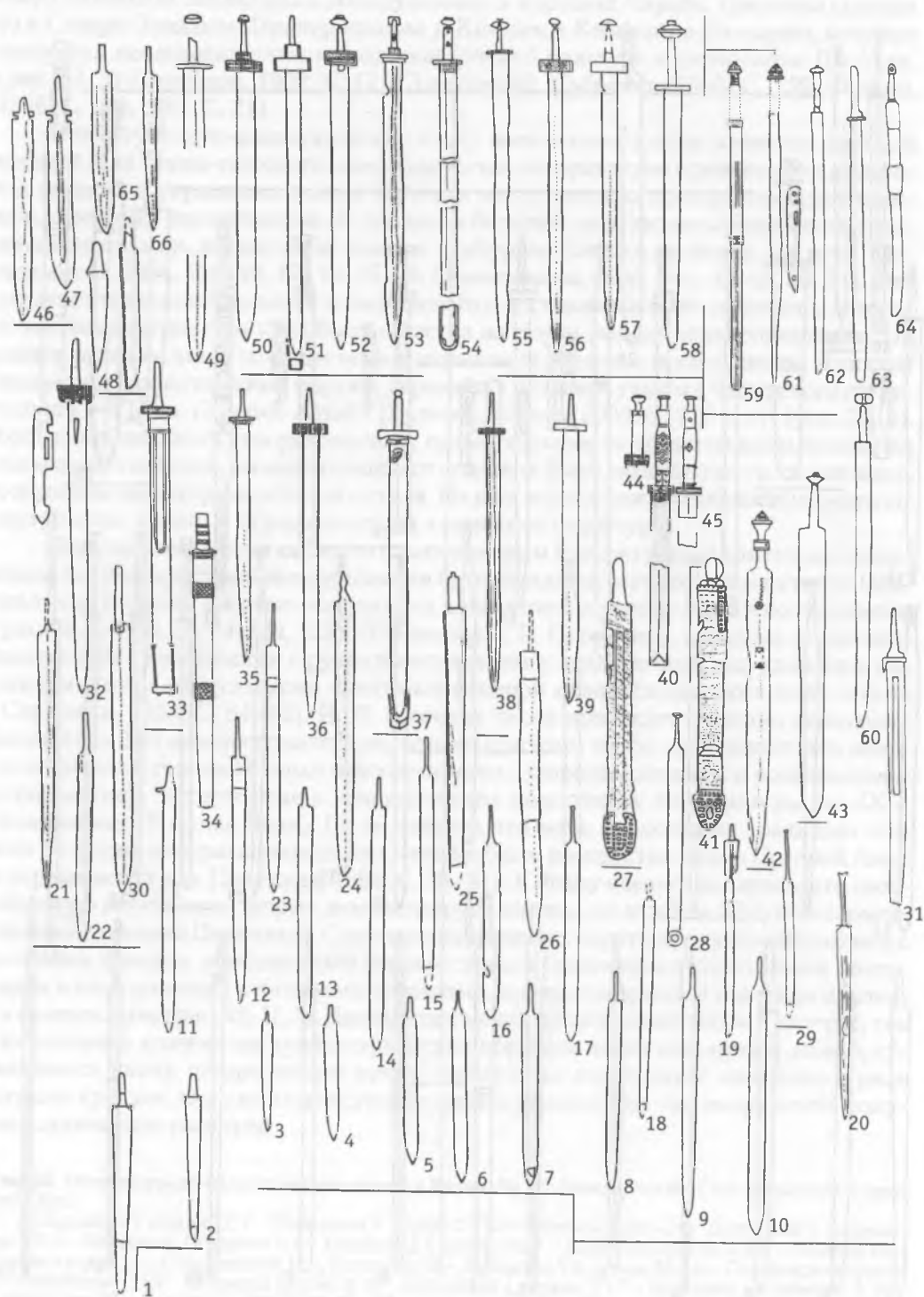

Рис. 56. Мечи и кинжалы гуннского и постгуннского времени. Fig. 56. Swords and daggers of Hun and post-Hun time

Вероятнее всего, описанные типы раннегуннских мечей и кинжалов имеют китайское происхождение. На сравнительной таблице (рис. 55) приведен широкий круг аналогий гунно-сарматским мечам, происходящим из китайских памятниках не только ханьского, но и более раннего периода [Сунь Цзи, 1985. Рис. 8, 11–13; 5; Ся Синнань, 1989. Рис. 5, 3–5; Линь Инъюэшань..., 1975. Рис. 10, 10, 11; Хунань Цзысин..., 1995. С. 492, 2, 3; Ахунь Тяньчансянь..., 1993. С. 13. Рис. 5, 14, 15; Чжоу Наньюань, 1982. Рис. 1; Цзилин Юйшусянь..., 1985. Рис. 10, 20; Чжун Шаоин., 1992. Рис. 9, 2; 10, 1–3]. В пользу китайского происхождения этих типов мечей свидетельствуют находки специфических петель для ножен (Лебедевка VI, курган 37; Сладковский, курган 19, погребение 1), которые абсолютно аналогичны своим китайским прототипам.

Дальнейшее развитие этого типа вооружения ближнего боя продолжается в гуннское и постгуннское время (IV–V вв.). В этих образцах часто встречаются напершия в виде каменных дисков или инкрустированных умбонов (Новогригорьевка IX, Брюхановский выселок), хотя лезвие становится значительно шире (Новогригорьевка, Дмитриевка) [Засецкая, 1994. Табл. 3, 8; 45, 5].

Следует заметить, что широколезвийные мечи входят в употребление уже на раннегуннском этапе. Такие мечи обнаружены в кургане 4 могильника Кара-Тюбе (Западный Казахстан) в погребении с типичным гунно-сарматским инвентарем II–IV вв. н. э. и в кургане у поселка Солнце II–III вв. [Любчанский, Ешимахов, 1994. Рис. 3, 1]. Еще один меч с прямым перекрестием и сравнительно широким лезвием найден случайно вблизи гунно-сарматского могильника у села Малково (Южное Зауралье).

Эти наблюдения весьма важны, так как гуннская эпоха в степях Восточной Европы демонстрирует образцы широколезвийных мечей с прямым брусковидным перекрестием или без него и с дисковидным каменным или металлическим напершием. Наиболее восточные районы распространения этого типа мечей в гуннское и постгуннское время (V–VII вв.) – волго-уральские степи (Федоровка, Актюбе, Шипово, курган 2, Курнаевка, Кызыл Адыр, Муслово, Брюхановский выселок, Кызылкайнар Тобе и др.) [Засецкая, 1994. Таб. 36, 1; 42, 9; 44, 7; 45, 1, 2] (рис. 56, 21, 26, 30, 50). Интересно, что в этот же период здесь продолжают существовать сравнительно узколезвийные мечи клинкового типа раннегуннского облика с каменными скобами для крепления ножен (погребение «Восход» близ Покровки) [Засецкая, 1994. Таб. 32]. Большое количество широколезвийных мечей с прямым брусковидным перекрестием дают памятники турбаслинской (Приуралье) и джетыясарской

Рис. 56. Мечи и кинжалы гуннского и постгуннского времени. Fig. 56. *Swords and daggers of Hun and post-Hun time.*

1–11, 13–20, 28, 29 – Мечи из позднесарматских погребений Венгрии (по: [A. Vaday, L. Dombroczi, 2001; A. Vaday, 1985; Kazanski M., Mastykova A., 1999]): 1, 2 – Кишмари-Феникс; 3 – Кишкиндорозма, погребение 1; 4, 5 – Пюшпеклете; 6 – Тапе-Млаядок, погребение 5; 7 – Ендрёд-Козорхети, погребение 20; 8 – Алаттан, погребение 13; 9 – Тапе-Малоядок, погребение 5; 10 – Гестерд; 11 – Ксонград-Хатагунт; 12, 23, 34 – Панонхалма (Венгрия) (по Р. Томка, 1986); 13 – Грвенка, погребение 11; 14 – Тапе-Малоядок А; 15 – Тапе-Малоядок А; 16 – Ватин, погребение 10; 17 – Тисатёлдвар, погребение 77; 18 – Сада; 19 – Тисавалк, погребение 6; 20 – Фундорт, погребение 59; 21 – Курнаевка; 22, 48 – Тураево, курган VII, погребение 1а (Прикамье); 24 – Соино, погребение 11 (Кавказ); 25 – Зевакино (Казахстан); 26 – Кызыл Адыр (Урал); 27, 41 – Кутул, погребение 4 (Кавказ); 30 – Федоровка (Поволжье); 31 – Дюрсо, погребение 479 (Кавказ); 32 – Покровск (Поволжье); 33 – Кисловодск (Кавказ); 35, 66 – Камфшессер; 36 – Абрау Дюрсо (Кавказ); 37 – Дюрсо, погребение 500 (Кавказ); 38 – Шапкино (Кавказ); 39 – Мокрая Балка, погребение 123 (Кавказ); 40 – Тураево, курган 5 (Прикамье); 42 – Керч Глинистое (Крым); 43 – Тузалок Разомпустарол, погребение 5 (Венгрия); 44, 45 – (по D. Bona, 1999, abb. 12, 3, 5); 46 – Кышпек (Кавказ); 47 – Ксонграб; 49 – Тураево, курган I, погребение 1 (Прикамье); 50 – Дмитровка (Поволжье); 51 – Дюрсо, катакомбы № 13; 52 – Новогригорьевка, погребение IX (Поднепрорье); 53 – Баташек; 54 – Кочер; 55 – Якушовичи (Польша); 56 – Лермонтовская Скала, погребение 10 (Кавказ); 57 – Кутул, погребение 4; 58 – Дюрсо, погребение 291; 59 – Тугозновово (Алтай); 60 – Старо-Муштинский, курган 17 (Башкортостан); 61 – Сопка 2, погребение 688 (Западная Сибирь); 62, 64 – Татарские могилки (Алтай); 63 – Ераска (Алтай); 65 – Актюбе (Киргизстан)

(низовья Сырдарьи) культур [Сунгатов, 1998. С. 74. Рис. 12, 9, 10; Левина, 1996. Рис. 85], которые своим происхождением связаны с гуннским и постгуннским (V–VII вв.) населением урало-казахстанских степей [Боталов, 2003. С. 113]. На западе, в пределах степной Европы, данный вид мечей, по мнению специалистов, достаточно прочно ассоциируется с памятниками гуннского круга. Впрочем, следует особо отметить, что здесь существенно изменяются пропорции этого вида оружия — лезвие становится более массивным, удлиняется рукоять. Изменяется также форма и отделка перекрестия и ножен. Вероятнее всего, эти инновации отражают влияние со стороны германской, фракийской и римской технологической и декоративной культур [Bona Ishtvan, 1999].

По всей видимости, распространение широколезвийных гуннских мечей с прямым перекрестием и дисковидным навершием (либо без таковых) на Востоке проходит по широте уральских и центрально-казахстанских степей. На это указывает тот факт, что в гуннское и постгуннское время в восточной части Евразийской степи продолжают бытовать узколезвийные мечи-клинки, которые в данный период трансформируются в однолезвийные палаши. Это хорошо видно на примере памятников V–VI вв. Алтая (Тугозвоново; Сопка 2, погребение 688; Ераска; Татарские могилки) [Уманский, 1974. С. 144. Рис. 5, 1, 2; 1978. С. 138. Рис. 9; Molodin, 1995. Abb. 4, 2; Егоров, 1993. Рис. 2, 1], Тувы (Кокельский могильник) [Das Graberfeld..., 1984. Abb. 24, A1; B 1, 2; 25, A 7, 8; 37, A 1; 44, 91; 46, D2, 53, A1; 53, A1-3] (рис. 56, 59, 61–64), а также на изображениях данного периода, обнаруженных на территории Восточного Туркестана [Восточный Туркестан..., 1995. С. 391. Табл. 49, 1–20] (рис. 57). Бесспорно, на сохранение и дальнейшее развитие узкоклинкового оружия в этих регионах повлияла китайская вооруженческая традиция, установившаяся здесь с Циньского времени. Узкие дулезвийные китайские мечи с периода Хань и до конца Танской династии (начало X в.) постепенно преобразуются вначале в однолезвийные палаши, а затем в слабоизогнутые сабли.

Возвращаясь к предмету нашего исследования, попробуем выяснить причины изменения форм данного типа гуннского вооружения. Вероятнее всего, их нельзя однозначно объяснить каким-либо одним обстоятельством — будь то появление новой тактики боя или изменение качества защитного доспеха, либо утеря доступа к условиям технологии одного вида и сближение с другими технологическими приемами. Скорее всего, одновременно сказались и первые, и вторые, и третьи обстоятельства.

Так, в раннегуннских (гунно-сарматских) погребениях II–IV вв. урало-казахстанских и поволжских степей крайне мало наконечников стрел по сравнению с погребениями раннехуннского периода II–I вв. до н. э. Отличен и типологический их состав. Если в первом случае мы можем констатировать значительную унификацию колчана, который, как правило, составляют трехлопастные железные наконечники подтреугольной формы, то в хуннских погребениях (могильники Ильмовая Падь, Дерестуйский, Иволгинский, Черемуховая Падь и др.) наряду с этим типом распространены ромбовидные трехлопастные, плоские листовидные и ассиметричные ромбические двулопастные, а также трехлопастные наконечники с уступами [Коновалов, 1976. Таб. I, II; Давыдова, 1996. Табл. 11, 90; 17, 6; 22, 5, 6; 23, 33, 34; 26, 7; 46, 6, 7; 59, 35–38; Данченко, Нестеров, 1989. Рис. 2, 2–17, 12]. Единая тенденция прослеживается, пожалуй, в частом сочетании железных и костяных наконечников стрел. Хотя и здесь налицо явная унифицированность раннегуннского костяного состава колчана: в него входят, как правило, наконечники одного вида (ассиметрично-ромбические с четырехгранным сечением), в отличие от раннехуннских, где наблюдается явное разнообразие типов и форм. Создается впечатление, что гунно-сарматские колчаны, скорее всего, функционально связаны с охотой, а не с военным делом. Между тем, в раннегуннских погребениях налицо явное преобладание во-

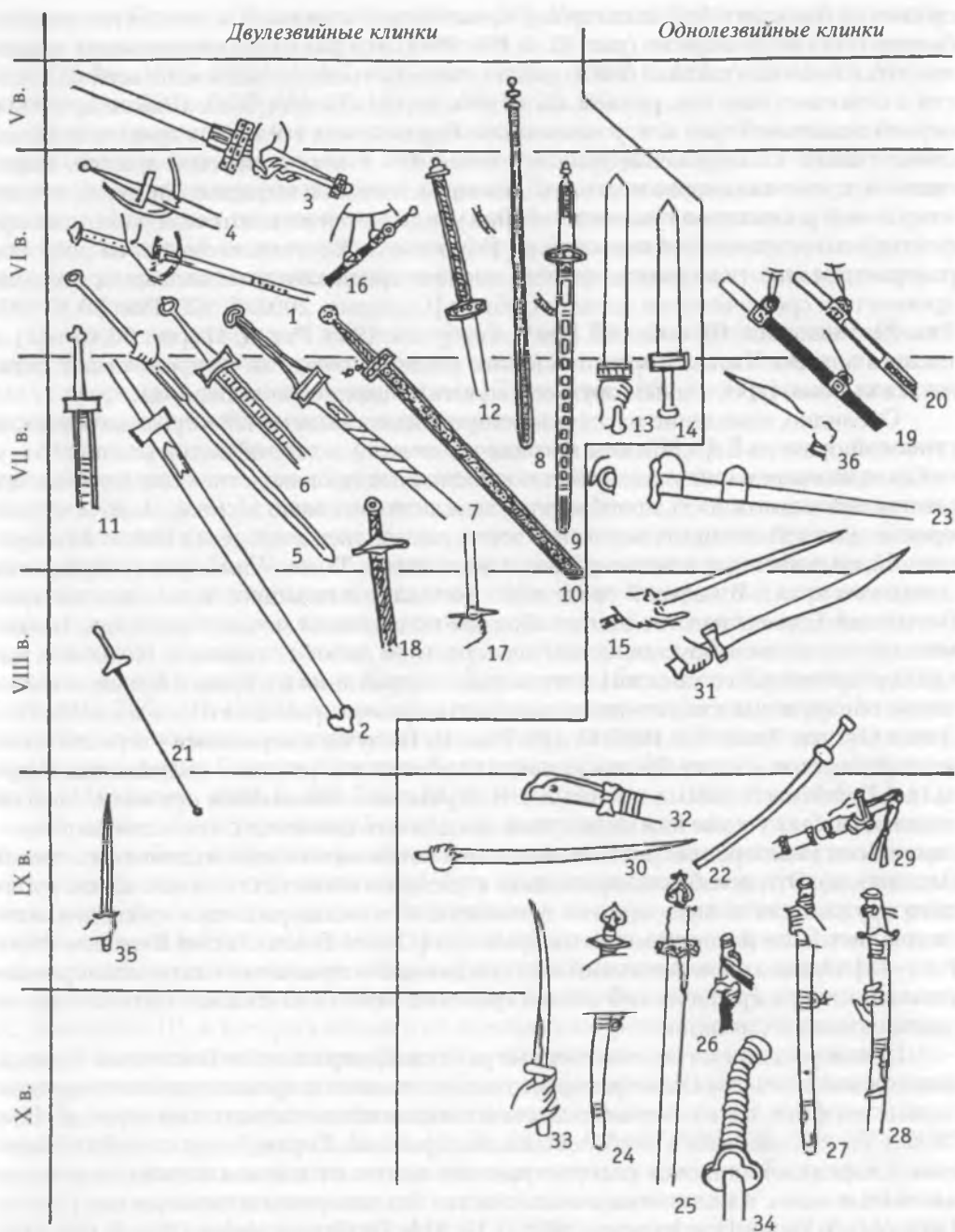

Рис. 57. Мечи, протосабли и сабли Восточного Туркестана (по: [Горелик, 1993]). Fig. 57. Swords, proto-sabers, sabers of East Turkistan (according to: [Gorelik, 1993]).

1, 19, 20 – Кызыл, Минг-уй, «Пещера художников»; 2 – Кызыл, «Пещера Майн»; 3 – Кызыл, «Пещера сокровищ»; 4 – Кызыл, «Высоколежащая пещера»; 5, 6 – Кызыл, «Пещера с камином»; 7 – Кызыл, пещера № 19; 8, 9 – Кум-тура, Минг-уй, пещера № 15; 10 – Кумтура, пещера № 19; 11 – Кызыл, комплекс № 2; 12 – Кызыл, «Пещера меченосцев»; 18 – Кызыл, «Пещера павлинов»; 14 – Кызыл; 15, 35 – Безеклык, святилище № 5; 16 – Кызыл, пещера № 22; 17 – Шорчук, пещера № 5; 18 – Кириш, пещера № 12; 21 – Шорчук, «Пещера осады города»; 22 – Иоткан, изображение на печати; 23 – Арыксай, каменная баба; 24 – Ярхото, живопись на шелке; 25–28, 32 – Безеклык, храм № 9; 29 – Безеклык, святилище № 140; 30 – Кочо, руина А; 31 – Кочо, живопись на шелке; 33 – Безеклык (Муртук), живопись на шелке; 34 – Тур-фан, рисунок на бумаге; 36 – Кумтура, пещера № 33

оружия ближнего боя, к которому, кроме мечей и кинжалов, относятся копыя и боевые топоры-франциски (рис. 52, 5, 199, 200). Эти факты, вероятнее всего, указывают на изменение тактики боя на раннегуннском этапе, связанное, по всей видимости, с повсеместным внедрением защитного доспеха (кольчужного, ламинарного) в первой половине I тыс. н. э. у кочевников Евразийских степей и в армиях оседлых цивилизаций. Столкновение гуннов в конце IV–V веке с римской армией, защищенной, кроме ламинарного доспеха, касками, латами и кирасами, привело к тому, что у мечей и кинжалов гуннского облика усиливается их клинковая часть, для эффективного усиления рубящего удара. Впрочем, на Востоке, несмотря на широкое распространение тяжелого защитного доспеха среди кочевого населения поздней древности и средневековья Алтая и Сибири [Соловьев, 2003. С. 123. Рис. 50; С. 135. Рис. 20; Уманский, 1974. С. 143. Рис. 4; Горбунов, 1993. Рис. 5, 4] (рис. 56, 61–64), а также в армиях Китая, Кореи и Японии, узкоклинковые мечи продолжают оставаться высокоэффективным оружием вплоть до позднейшего периода.

Очевидно, появление массивных широколезвийных мечей в среде кочевников гуннской орды на Евразийском пограничье отчасти может объясняться тем, что, в связи со значительной удаленностью от основных производственных центров, ограничилась возможность приобретать узкоклинковые мечи и кинжалы из центров-производителей, которые, вероятнее всего, находились в пределах Китая или провинций, подчиненных позднему Хань, Сунской или Танской империи (государства Западного края). В кочевой среде либо по заказу кочевников в оседлых центрах Восточной Европы изготавливаются образцы-подражания мечам с дисковидным каменным навершием, брусковидным перекрестием либо без такового. Подобное, например, происходит с ханьскими зеркалами, подражания которым в большом количестве обнаружены в памятниках аланского и гунно-сарматского населения Волго-Донья [Гугуев, Трейстер, 1995. С. 149. Рис. 4]. В случае с зеркалами утеря либо незнание секретов «белых бронз» приводили к тому, что реплики-подражания получались более массивными и грубыми. В случае же с клинковым оружием, по всей видимости, был утерян или недоступен как для кочевнических, так и для восточно-европейских мастеров секрет выплавления иковки многослойных пакетных сталей (lamination). Это неизбежно приводило к увеличению металлической массы рубящего оружия для повышения его прочности, что подтверждается наблюдениями специалистов по истории металлообработки [Daniel Eylon, Rachel Ben-Dov, 2006. P. 13–14]. Однако окончательный ответ на данный вопрос может дать лишь сравнительный металлографический анализ гуннских мечей и кинжалов, бытовавших на разных этапах их истории.

Подтверждением того, что степные районы Центральной и Восточной Европы издавна являлись ареалами распространения именно широколезвийного оружия служит тот факт, что в кочевнических комплексах позднесарматского периода (III–IV вв.), расположенных в наиболее западных районах Евразийских степей (в Большом Альфельде), широкое распространение получают именно широколезвийные массивные мечи, в подавляющем количестве без навершия и перекрестия [Vaday, 1985. Abb. 5; Vaday, Domboroczri, 2001. P. 19. Abb. 76; Garam, Vaday, 1990. P. 183. Abb. 11] (рис. 56, 1–11, 13–20, 28, 29]. Очевидно, на заключительном этапе, который, вероятнее всего, падает на конец IV века, здесь появляются погребальные комплексы, имеющие прямые параллели среди позднесарматских памятников Буджакской степи Северо-Западного Причерноморья [Гудкова, Фокеев, 1984; Фокеев, 1987]. От общей массы сарматских погребений Венгрии их отличает северная ориентировка погребенного и особый комплекс вещевого инвентаря (четырнадцатигранные бусы, массивные пряжки с прямоугольной рамкой и щитком, ременные накладки-зажимы). Здесь же найден узкоклинковый двуручный меч с дисковидным навершием

(могильник Терексен Тмиклош, погребение 50). Узколезвийные мечи обнаружены также в могильниках Тисавалк (погребение 6) и других, которые тоже датируются IV в. [Vaday, 1985. P.354. Abb.7, 6; Garam, Vagay, 1990. P. 183. Abb. 11, 12; Vaday, Domboroczri, 2001. P. 55. Abb. 29, 1] (рис. 56, 19, 20, 29).

Однако повторяюсь, что находок узколезвийных мечей в крайне западных областях стенового пояса очень мало. Здесь явно превалируют технологические традиции изготовления широколезвийных клинков. Вероятнее всего, гуннская орда, оказавшись в Подунавье, перенимает данную особенность в изготовлении оружия ближнего боя, придав ей свою оригинальную форму (дисковидное навершие и брусковидное перекрестие), которая сегодня негласно среди специалистов связывается с мечами «гуннского типа».

Аналогично этому идет развитие лука и стрел. Появившийся к позднесарматскому времени новый тип *лука* с набором костяных накладок, состоящих из концевых (с прорезью для тетивы) и срединных [Скрипкин, 1984. С. 87], продолжает существовать в гуннский и постгуннский периоды.

Одним из маркирующих предметов гуннской эпохи И. П. Засецкая называет крупные *трехлопастные ромбовидные железные черешковые наконечники стрел* [Засецкая, 1986. С. 106]. Однако, как показывают материалы, этот тип наконечников стрел, так же как и лук «гуннского типа», появился в позднесарматское время. Впрочем, в памятниках II–IV вв. этот тип наконечников менее представлен. В это время наряду с ромбовидными в комплексах присутствуют крупные железные трехлопастные наконечники с длинным пером, опущенным вниз окончанием и коротким черешком, а также костяные, которые в этот же период в большом количестве появляются в Средней Азии и Южном Казахстане [Берлизов, Каминский, 1993. С. 99–100. Табл. III, IV]. В позднесарматское время перечисленные типы наконечников стрел в основном входят в колчаны, обнаруженные в Заволжских памятниках (Блюменфельд, Сидоры, Старица, Калиновка, Боаро, Успенка, Сусловский, курган 51) [Мошкова, 1989. С. 386. Табл. 81, 32–41; Скрипкин, 1998. Рис. 10, 9–14; 11].

По всей видимости, к концу V века н. э. происходит окончательная унификация колчанного набора и крупные ромбические трехлопастные наконечники полностью вытесняют все предшествующие типы. Чуть позже появляются новые типы — трапециевидные, ярусные, трехгранные, боеголовые и плоские двухлопастные, которые встречаются в памятниках гуннской эпохи в единичных экземплярах. В этой связи весьма показательны колчаные наборы, обнаруженные в комплексах курганов с «усами» раннеселенташского типа (Султантимировский, Солончанка I, Городищенское IX, Ижевский II), в которых абсолютно преобладают ромбические, трехлопастные. Однако эти памятники, по нашему мнению, открывают новую раннетюркскую традицию в урало-казахстанских степях, о чем будет сказано ниже. В казахстанских степях самое большое число наконечников данного типа дают погребальные комплексы джетысарской культуры (рис. 26, II, 39, 40, 71, 72, 89, 90, 107, 108, 126, 159, 160). Как показала корреляция вещевого материала курганов и склепов, — абсолютное большинство этих наконечников встречено в комплексах самого конца V — начала VI века. Наиболее частая их встречаемость с предметами поясной гарнитуры, в которую входят V-образные пряжки и пряжки «шиповского» типа, а также с сосудами, сопровождающими погребения этого времени (рис. 28).

Попытаемся проследить истоки еще одной яркой категории вещевого инвентаря — гунно-сарматских *котлов*.

С этой целью мы приведем таблицу, которая представляет собой общую схему эволюционных рядов отдельных типов котлов (рис. 58). Данная таблица показывает, прежде всего, типологическое членение (по вертикали), которое лишь в определенном смысле отражает хронологию бытования различных форм. Это связано с

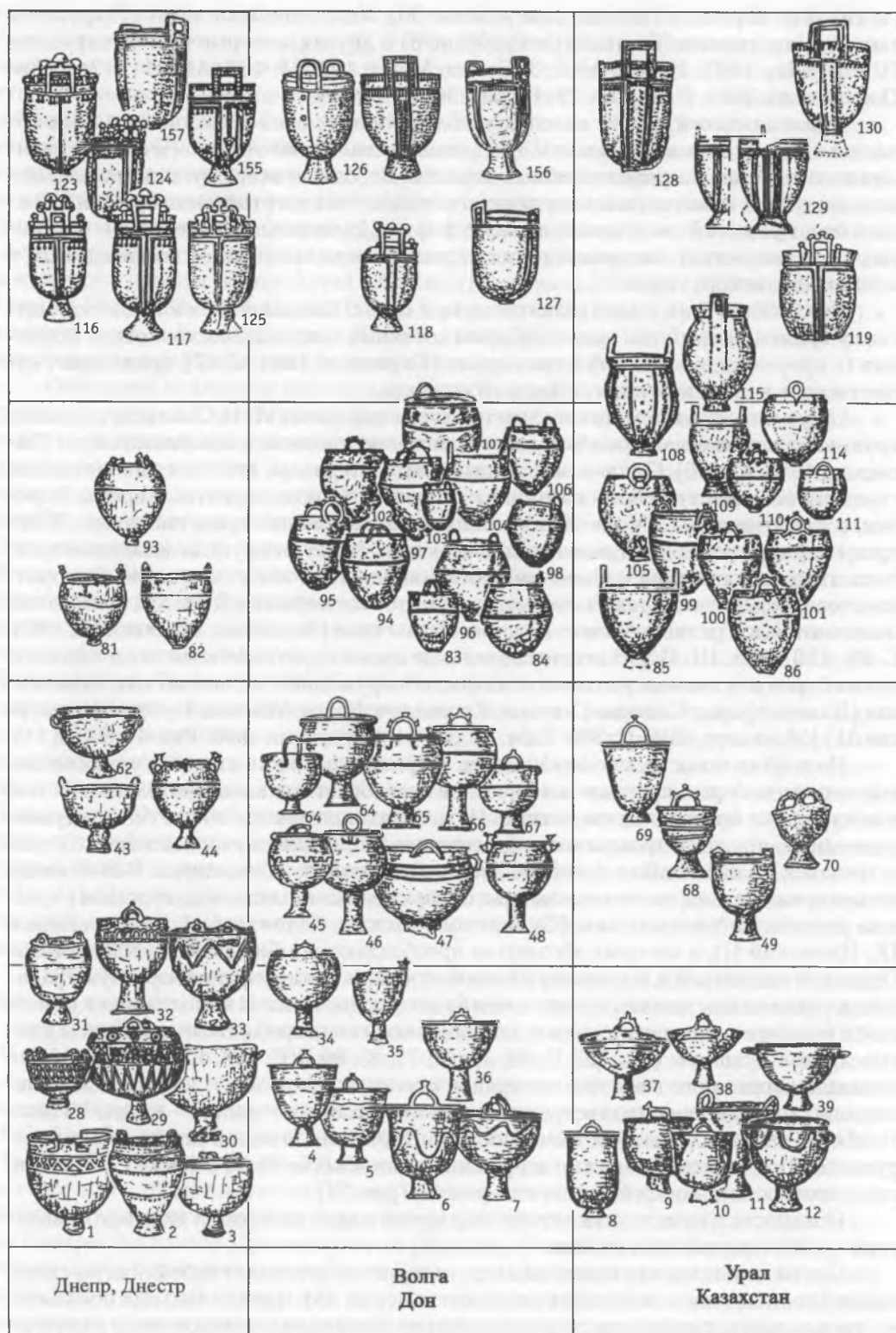
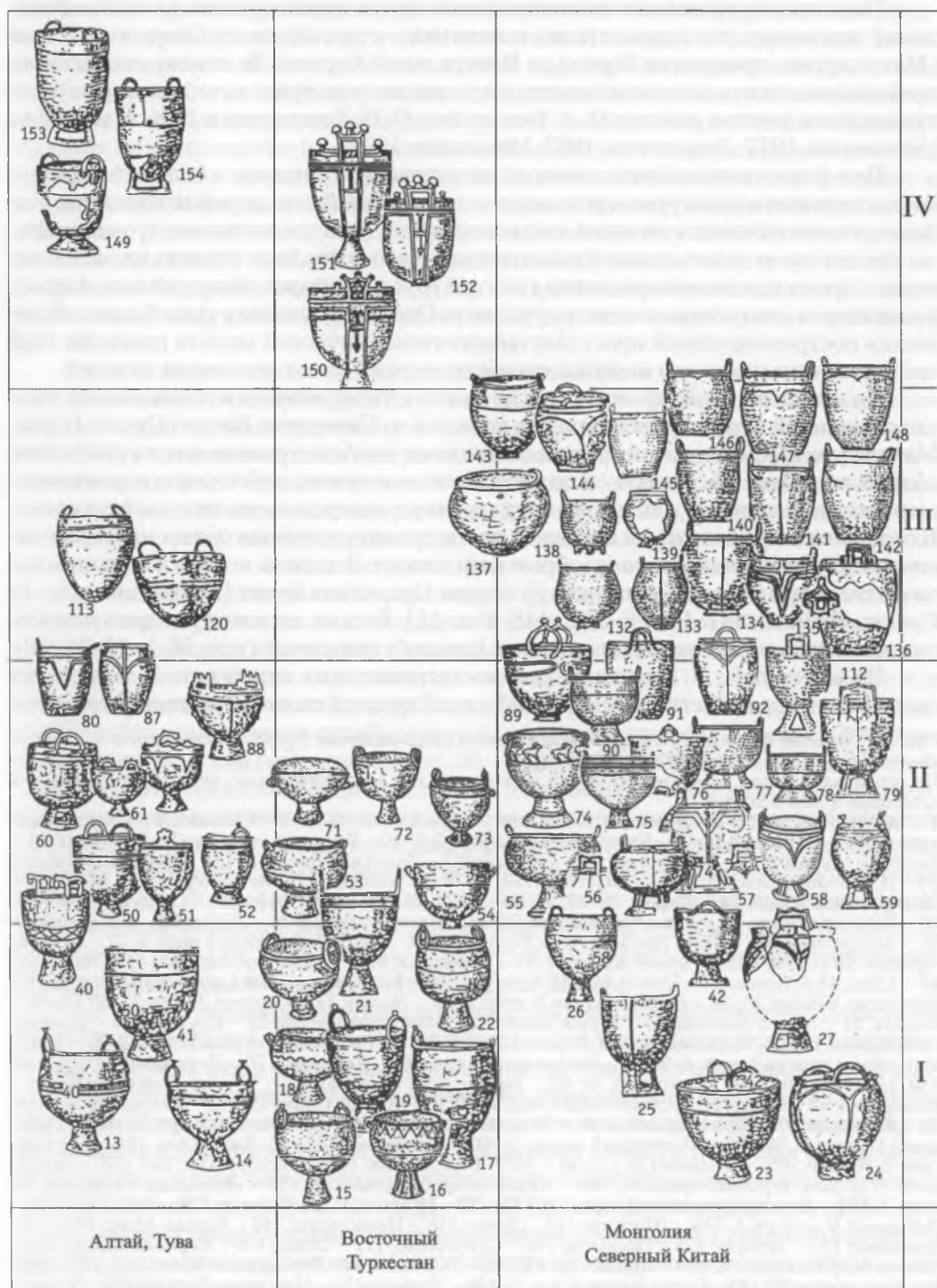

Рис. 58. Развитие форм котлов в древности и раннем средневековье. Fig. 58. The development of cauldron shapes during the Antiquity and early Middle Ages

тем, что, во-первых, многие типы котлов сосуществуют в один и тот же период и, во-вторых, среди них достаточно большое количество случайных находок, датировка которых определяется лишь по общим типологическим особенностям.

Размещение отдельных типологических групп производилось по географическому принципу (по горизонтали) и охватило территорию от Северного Китая (Маньчжурия, провинция Гири́н) до Центральной Европы. За основу типологической разбивки взяты основные принципы распределения форм котлов, которые были предложены ранее в работах Н. А. Боковенко, С. В. Демиденко и Е. К. Максимова [Боковенко, 1977; Демиденко, 1997; Максимов, 1966].

При формировании отдельных типологических групп мы в большей мере руководствовались культурно-хронологической близостью отдельных образцов, а не формальным разделением их на типы и подтипы. Вполне очевидно, что специфические детали отдельных типов и подтипов котлов позволяют строить их эволюционные линии локального развития (внутри групп), а также обнаруживать формы, являющиеся связующими между группами. Однако, поскольку нашей задачей является построение общей пространственно-типологической модели развития этой категории инвентаря, мы вынуждены абстрагироваться от некоторых деталей.

На предложенной таблице (рис. 58) видно, что крайняя восточная и довольно многочисленная группа представлена котлами из Северного Китая (Ордос, Гири́н, Маньчжурия). Основу этой группы составляют наиболее ранние котлы скифского облика, имеющие сферическое или параболическое тулово, небольшую воронковидную ножку, кольцевую или петлевидную ручку с навершием-шпеньком в середине. В отдельных случаях котлы в верхней части тулова украшены одним или несколькими горизонтальными и волнообразными швами. Эти типы котлов в большом количестве встречены в памятниках культуры Ордосских бронз [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986. С. 147. Рис. 6–7; С. 148. Рис. 11]. Весьма широкое распространение они получили и у населения всего пояса Евразийских степей (рис. 58, 1–15, 24–28).

По мнению Н. Л. Членовой, распространение этих типов котлов в пределах скифского мира является своеобразной иллюстрацией сходства компонентов куль-

Рис. 58. Развитие форм котлов в древности и раннем средневековье. Fig. 58. *The development of cauldron shapes during the Antiquity and early Middle Ages.*

По вертикали: линии развития категорий и типов котлов; По горизонтали: территории бытования категорий и типов котлов.

1 – Мазурки, курган 6; 2 – Домашки; 3, 4 – Алигуб, курган 3, погр. 20; 5 – Овсянка; 6 – Сладковский курган 25; 7 – Нижний Дон; 8 – Каргажинская, курган 2; 9–10 – Темир; 11 – Кызыл-Ту; 12 – Исык; 13 – Тагар; 14 – Барлык; 15 – Музей Аксу; 16 – Гончнай; 17 – Лянчжоу Ваньцзы; 18 – Могильник Нанван; 19 – Илийский музей; 20, 53, 57 – Музей Алтай; 21, 54 – Синьцзян; 22 – Хсиканерзи; 23 – Монголия, Центральный музей; 24 – Кирон; 25–27, 42, 55–59, 74, 76–79, 89–92, 134–137 – Ордосские бронзы; 28 – Толстая могила; 29 – Раскопана могила; 30 – Стеблев, курган 12; 31 – Лапас; 32 – Соболевский; 33 – Андрусовка; 34 – «Пять братьев»; 35 – Колузаево; 36 – Вертячий, курган 6 погр. 4; 37 – Красногорский; 38 – Тянь Шань (музей Алматы); 39 – Березовка; 40 – Семинский перевал; 41 – Чаа Холь; 43 – Сёнь; 44 – Терны; 45 – Чиков, курган 8, погр. 1; 46 – Криволиманский I, курган 16, погр. 9; 47 – Высочино VII, к-н 28; 48 – Бердия курган 8, погр. 4; 49 – Жаман Тагай, курган 28; 50–52, 60, 61, 88 – Кокэль; 54 – Музей Шихежи; 55 – Музей Каши; 62 – Мюстермайфельд; 63 – Круглый; 64 – Крепинский курган 11; 65 – Первомайский X, курган 10, погр. 5; 66 – Селимовка, курган 2, погр. 2; 67 – Новокорсунское, курган 3, погр. 6; 68, 86 – Бешагарский клад; 69 – Лебедевка; 70 – Дуванское; 75, 131, 138, 139, 145 – Сяньби (Вн. Монголия); 80–87 – Байдаг; 81 – Богуслав; 82 – Чугуно-Крепинка; 83, 94 – Комаровка; 84 – Норка; 85 – Алтын-Асар 4, курган 92; 93 – Пиатра Соймулуй; 95 – Старая Иванцовка; 96 – Еланская; 97 – Красноармейск; 98 – Чечено-Ингушетия; 99 – Лебедевский курган; 100 – Лебедевка IV, курган 36; 101 – Магнитный курган 3; 102 – Еремеевка; 103 – Б. Дмитровка; 104 – Саратовское Заволжье; 105 – Лебедевка II, курган 1; 106 – Березовская; 107 – Октябрьский; 108, 115 – Джеты-Асар 3. Б. Дом, верхний горизонт; 109 – Алтын-Асар 4, курган 131; 110 – Лебедевка VI, курган 39, погр. 1; 111 – Большекараганский курган 8; 112, 132 – Шиягоу; 113 – Чушкун; 120 – Чао Золь; 114 – Лебедевка V, курган; 1; 116 – Шестоги; 117 – Дееса; 118 – Ивановское; 119 – Кызыл-Адыр; 123 – Капошвельд; 124 – Тертель; 125 – Ионешти; 126 – Сунчелеево; 127 – Осока; 128 – Верхний Конец; 129 – Алтын-Асар 4, склеп 316; 130 – Липнягова; 133, 140–142, 146–148 – Внутренняя Монголия; 143–144 – Гол Мод, курган 20; 149 – Саглы Балжи V к-н 25; 150 – Урумчи; 151 – Наньшань Линьян; 152 – Урумчи (музей); 153 – Даг-Аразы V, курган 1; 154 – Курай IV, курган 1, погр. 2; 155, 157 – Хехрит; 156 – Сока (Среднее Поволжье)

тур, составляющих единый ареал от Северного Китая до Украины [Членова, 1993. С. 49, 63. Рис. 10]. Это единство мы условно назвали первой линией развития. Однако, несмотря на столь широкое территориальное распространение этих типов котлов, наиболее разнохарактерное развитие и видоизменение их форм, как нам представляется, происходит именно в пределах монгольско-ордосского региона. Здесь, насколько видно по таблице, развитие данной «праформы» пошло по линии уменьшения общего объема сосудов, сужения устья, удлинения или приземления пропорций, изменения конструктивных деталей ручек (полукруглые, петлевидные, рамкообразные) и превращения их наверху в концевые отростки, расширения подножек и появления в них прорезей. Существенное поэтапное изменение претерпевают и элементы шовной орнаментации: наряду с горизонталями появляются вертикальные линии, разделяющие тулово на доли, в верхней части тулова начинает использоваться одинарный, двойной или тройной волнообразный или остроугольный горизонтальный украшающий элемент. Все эти инновации происходят, вероятно, в самом конце скифского и в хуннский периоды (последние века до н. э. — рубеж эр) (рис. 58, I).

В это же время отчетливо намечаются две тенденции формообразования. Первая прослеживается на примере небольших котелков со сферическим приземистым или слегка удлиненным туловом, с высокой прорезной подножкой. Именно на основе этих типов северокитайских котлов намечается линия пропорционального увеличения подножки относительно высоты тулова. В таблице эти котлы занимают горизонтальную плоскость линии развития (рис. 58, II). Вторая тенденция, которая также формируется как функциональная особенность в позднескифское время, заключается в том, что на каком-то этапе (вероятнее всего, в раннехуннское время) появляются небольшие котлы без подножки. При этом данная линия развития как экспериментальная пошла по двум направлениям. Скорее всего, вначале появились небольшие котелки удлиненных, сужающихся к низу пропорций и плоским дном. Они известны в хуннских и хунно-сарматских памятниках II в. до н. э. — II в. н. э. как Северного Китая и Монголии, так и Тувы (рис. 58, 61, 62, 68). Наряду с ними существуют небольшие котелки параболоидной или яйцевидной формы с широкой придонной пяткой или без таковой (рис. 58, 113, 120, 131–133, 137, 143).

В том, что эти особые формы котловой посуды происходят из той же монголо-ордосской среды, нет никакого сомнения, так как у них, несмотря на кардинальное изменение формы, продолжается общее развитие не только формы ручек, но и, что очень показательно, сюжетов волнообразной или остроугольной горизонтальной орнаментации. Заметим, что именно этот тип котлов рядом исследователей был определен как хуннский [Egami, Misuno, 1935. Fig. XXIV, XXVII, XXXII, XXXIII; Takats, 1955. Fig. 113, 11; Боковенко, 1977. С. 234]. Данная линия развития заняла третью горизонтальную колонку таблицы (рис. 58, III).

Какова география развития этих двух (2-й и 3-й) линий развития? Если трудно, по причине слабой изученности региона, сказать что-либо конкретно о характере развития этих форм в пределах Синьцзяна, то тувинские образцы, как уже упоминалось, отражают очень схожие изменения форм котлов (рис. 58, 50–52, 60, 61, 88). Особый эволюционный ряд здесь составляют глиняные и бронзовые котлы из шурмакских и кокальских комплексов. Небольшая их часть, имеющая большое параболоидное тулово, короткую воронковидную подножку и орнаментацию в виде горизонтальных линий (рис. 58, 40, 41, 50, 52, 60), обнаруживает явную связь с исходными скифскими формами. Большинство же составляют глиняные котелки с небольшим туловом, сравнительно высокой тонкой подножкой и округлой или подпрямоугольной ручкой с концевыми отростками-навершиями. При этом, наряду с горизонтальными, эти котелки имеют вертикальные линии деления долей туло-

ва, а также налпки-шишечки на ручках. В целом данные котелки, с учетом специфики их изготовления (керамика), отражают локальный (саянский) вариант развития форм 2-й типологической линии. Учитывая существующую сегодня тенденцию значительного омоложения кокзельских комплексов вплоть до середины I тысячелетия н. э., а также наличие аналогичных по форме и изготовлению керамических котелков в синхронных таштыкских комплексах Минусы [Вадецкая, 1999. С. 127; Кызласов, 1960. Рис. 10], необходимо признать, что, вероятнее всего, в пределах Тувы и Минусы котлы типологической линии 2 получили особое культурно-территориальное развитие.

Типологическая линия 3 в Туве, как уже указывалось, весьма сходна с монгольско-ордосской. Стоит особо отметить, что котлы без поддона из Тувы (Чоа-Золь, Чушкунт) (рис. 58, 113, 120) [Кызласов, 1979. Рис. 5, 45] фактически идентичны отдельным вариантам котлов (тип VII, вариант 2; тип VIII, вариант 4, по С. В. Демиденко), в большом количестве найденных в гунно-сарматских и позднесарматских комплексах урало-казахстанских степей и Нижнего Поволжья [Демиденко, 1997. С. 128, 129] (рис. 58, 84, 94, 96, 105, 111).

Таким образом, тувинский регион явился связующим в транзите этих форм котлов из Ордоса и Монголии через урало-казахстанские степи в Заволжье, а оттуда в Волго-Донье, где они в сравнительно небольшом количестве найдены в погребениях II–III вв.

В урало-казахстанских степях эта группа сосудов претерпевает особое автономное развитие. Территория их распространения идет непрерывной полосой вплоть до Приаралья (рис. 59). Котлы без поддонов на этих территориях, в отличие от Волго-Донья, не имеют никакой линии преемственности с котлами типов линии 2, так как таковые фактически отсутствуют в этом регионе. Исключение составляют два случая взаимовстречаемости котлов более архаических форм (с поддонами, петлевидными ручками и навершием в виде шпеньков). Первый из них в Бесагашском кладе (Семиречье) и второй – в кургане 37 Лебедевки VI [Байпаков, Исмагил, 1996] (рис. 58, 68, 69). Однако и в первом (в состав клада входит и котел без поддона с яйцевидным туловом и петлевидной ручкой с тремя навершиями-шпеньками II–III вв.), и во втором случае (захоронение в гробу с северной ориентировкой погребенного, в сопровождающий инвентарь которого входит меч без перекрестия с круглым навершием и нефритовой скобой для ножен II–III вв.) эти сосуды датированы гунно-сарматским временем.

Особый эволюционный ряд представляют девять керамических котлов из джетысарских памятников. Шесть из них, обнаруженных в курганах 92 и 131 могильника Алтын-Асар 4, имеют яйцевидное тулово, петлевидные ручки и широкую пятую-поддон (хотя в одном случае нет никаких видимых оснований для реконструкции такого поддона) [Левина, 1994. Рис. 117, 1, 9]. К сожалению, эти погребения были ограблены и не имели датирующего инвентаря. По общему облику имеются все основания для включения их в единую типологическую группу (рис. 58, 109). Три других котла имели особую форму и орнаментацию. Два из них, вытянутой яйцевидной формы с широкой пятую-поддоном и прямоугольными ручками, орнаментированные вертикальными и горизонтальными налпными швами и сосцевидными выступами, обнаружены в самом верхнем горизонте «Большого дома» городища Джеты-Асар 3 (рис. 58, 108, 115). Вместе с ними в этом же слое найдены характерные горшки с раструбообразным горлом и венчиком, имеющим наплыв на внешней части, орнаментированные наколами или наклонными резными линиями, а также кувшины с раздутым в верхней части туловом, конусовидным горлом и слегка отогнутым округлым венчиком. Кроме того, в этом же горизонте обнаружены металлические накладки и псевдопряжка геральдического стиля [Левина, 1966. С. 55.

Рис. 7, 12, 13, 12–29]. Данные горшки и кувшины являются специфическими находками в склепах и курганах (№ 17, 49, 101, 107, 276, 352, 395, 454/1 и др.), в которых обнаружены также образцы поясной гарнитуры геральдического стиля и калачиковидные полые серьги с выпуклостью посередине, надежно датирующие эти комплексы второй половиной VI–VII вв. [Богачев, 1996. Рис. 8, 19–21; Гавритухин, 1996. Рис. 4, 5; Гавритухин, Малашев, 1998. С. 67–68. Рис. 5, 6].

И, наконец, девятый котел – вытянутой формы с невысоким поддоном и орнаментацией в виде горизонтальных линий, оконтуренных цепочками кружков и вертикального тройного разделения тулова параллельными линиями с цепочками кружков между ними (рис. 58, 129). Он обнаружен в склепе № 316 могильника Алтын-Асар 4, вместе с кувшином, уже описанным выше. Это дает основание полагать, что этот котел, как и два предыдущих, относится к периоду гораздо более позднему, чем гунно-сарматский и даже собственно гуннский. Если в рамках локального джетыясарского развития и возможно проследить некоторое сходство в оформлении поддонов и крепежа ручек, а также определенную преемственность форм этих девяти керамических котлов, то три наиболее поздних экземпляра орнаментированных котлов не могут представлять собой некое связующее звено между хуннскими и гуннскими образцами по вполне понятной хронологической неувязке.

Большую группу в таблице составляют типы котлов линии 2, обнаруженных в комплексах рубежа эр – I–II вв. н. э. в пределах Волго-Донья. Причем, как уже упоминалось, подавляющая их часть происходит из бассейна Дона, сравнительно меньше их в Поволжье. Отметим, что котлы этого времени фактически отсутствуют на Урале и в Казахстане (рис. 58, 45–48, 63–67). По нашему убеждению, эти типы котлов со сферическим или яйцевидным туловом, высоким воронковидным поддоном и петлевидными, кольцевыми или зооморфными ручками, разными вариантами горизонтальной орнаментации своеобразно картографирует ареал расселения сармато-алан в первых веках н. э. В пределах Волго-Донья эти формы котлов обнаруживают устойчивые типологические связи с котлами предшествующего скифо-сарматского периода. Корреляция этих форм показала, что взаимосвязи их признаков значительно выше, нежели связи признаков, характеризующих котлы последующего позднесарматского периода [Боковенко, 1977. Рис. 2; Демиденко, 1997. Рис. 2–5]. На наш взгляд, это вполне закономерно. Некоторая схожесть форм тулова и ручек, которая и дает определенный процент близости и взаимосвязи, на наш взгляд, могла возникнуть в результате сосуществования этих форм на позднем этапе бытования котлов 2-й линии развития.

Насколько явствует из логики данного рассуждения, скифо-сарматские и хунно-гуннские формы котлов обнаруживают в основе своей некое типологическое единство, которое обуславливается, вероятно, едиными истоками возникновения и схожими последующими этапами развития.

Самую верхнюю и последнюю графу IV линии развития составляют экземпляры котлов так называемого «гуннского типа». В нее входят котлы крупных размеров (и объемов), вытянутых пропорций с небольшим воронковидным поддоном и ручками в виде прямоугольной рамки с верхними и боковыми концами, имеющими грибовидные навершия. Орнаментация их имеет также весьма сложный, законченный композиционный облик: П-образные фигуры, делящие тулово на четыре плоскости, оконтуренные по горизонтали выпуклыми кружками, которые соединены с ребром небольшими ножками. В ряде случаев в разделительной зоне изображена тамга в виде опущенной вниз стрелки, имеющей на верхнем конце два загнутых в разные стороны завитка (рис. 58, 116–119, 123–128, 130, 150–152, 155–157).

При всей многочисленности и многообразии коллекции этих котлов из степной Евразии, на наш взгляд, сегодня довольно сложно представить общую линию

развития их форм и элементов орнаментации. Можно лишь констатировать, что на определенном этапе развития северокайские и монгольские образцы котлов демонстрируют некоторую тенденцию удлинения пропорций тулова, прямоугольности ручек и заострения концов их верхней части, в орнаментации — вертикального членения тулова. Однако появление котлов «гуннского типа» представляется как весьма неожиданное (с точки зрения типологического развития) и сравнительно позднее явление.

В связи с этим возникает целый ряд трудноразрешимых вопросов. Во-первых, для гунно-сарматского времени в центральноазиатском регионе отчетливо намечается тенденция уменьшения объемов и унификации форм котловой посуды. Результатом чего стало появление небольших котлов яйцевидной формы без поддона в гунно-сарматских и позднесарматских памятниках, а также небольших керамических котелков в материалах памятников шурмакского, кокальского и таптыкского круга. При этом почти невозможно провести прямую параллель между наиболее поздними их образцами, имеющими небольшие размеры, конусовидное или полусферическое невысокое тулово. И это несмотря на то, что они имеют трехзубчатые навершия ручек и украшены горизонтальными и вертикальными, делящими тулово на доли, швами, а также сосцевидными ножками. В целом они представляют собой образцы локального развития и не могут являться прототипами «гуннских котлов» или неким связующим звеном на пути их следования на запад. Определенное сходство в элементах может быть объяснено наличием культурного влияния со стороны ареала бытования «гуннских котлов». Наиболее восточные образцы котлов четвертой типологической линии в их сложившейся форме обнаружены на территории Синьцзяна (рис. 58, 150–152) (Урумчи, Нань-Шань-Линьян) [Чэнь-Гэ, 1987. Рис. 5; *The ancient art...*, 1994. Рис. 79].

Некоторые северокайские и хуннские образцы, на первый взгляд, демонстрируют определенное сходство формы тулова, прямоугольных ручек с тремя заостряющимися и намечающимися боковыми выступами (рис. 58, 27, 57, 79), однако предположить, что в какой-то момент резко увеличились их размеры и пропорции, а также появились новые весьма специфические элементы украшения, очень трудно. В этой связи, думается, не лишним будет напомнить, что длительное сохранение отдельных форм котлов, передача их на значительное расстояние было обусловлено необычностью для того времени технологической сложностью производства и воспроизводства этого вида металлического инвентаря. Длительное сохранение некоторых декорирующих элементов или медленное постепенное их видоизменение указывает на чрезвычайную важность их, как на составляющих единый культовый облик этого ритуального сосуда.

Следует отметить, что в хуннских памятниках, как, впрочем, и среди случайных находок Большой Монголии и Северного Китая на сегодняшний день мы не можем привести ни одного образца котлов «гуннского облика». Однако в сопредельных регионах Восточного Туркестана они появляются в сложившейся форме, которая в несколько видоизмененном, но весьма близком облике впоследствии представлена коваными котлами тюрок Тувы (Курай IV, курган 1, погребение 2; Саглы Бажи V, курган 25; Даг-Аразы V, курган 1) (рис. 58, 149, 153, 154).

Трудно предположить, что какая-то часть хунно-гуннского населения на каком-то этапе существования империи (вероятно, на кратковременном финальном — конец I—начало II вв. н. э.), переселившись в Туркестан, стала изготавливать совершенно новые образцы ритуальных котлов и впоследствии пронесла их через степи Западной Азии и Восточной Европы как свои особые этнокультурные фетиши. Ситуация осложняется тем, что подавляющая часть котлов этой типологической группы является случайными находками и точная их датировка весьма затруднена. Лишь

некоторые из них имеют более или менее точные хронологические привязки. К таковым, прежде всего, относится котел из погребения Кызыл-Адыр, картографически расположенный фактически посередине ареала бытования котлов этой группы. Он датируется по колчану с трехлопастными и ярусными наконечниками стрел IV–V вв. [Засецкая, 1994. Рис. 6]. Определенное хронологическое уточнение могут внести котлы из Кокэля, где они встречены в погребениях с аналогичными наконечниками стрел [Das Graberfeld., 1984. Abb. 38, 1–6, 15; 50, 1, 2, 4, 5], датировка которых сегодня возможна вплоть до V–VII вв. [Вадецкая, 1999. С. 127], а также котлы из поздних погребений Алтын-Асар 4 и верхних слоев Джеты-Асар 3, датируемые VI–VII вв. Несмотря на то что, как уже отмечалось, эти формы котлов несут на себе черты локального развития местных типов, однако, появление особых декоративных элементов в определенной степени фиксирует период культурного воздействия новых традиций на эти срединные территории Евразийских степей.

Металлические кованые котлы Тувы, продолжающие сохранять облик сосудов рассматриваемой группы, обнаруженные в памятниках саяно-алтайских тюрков, также относятся к позднему периоду VI–VIII вв. [Овчинникова, 1990. Рис. 32, 7–9].

Таким образом, по всей видимости, на крайнем востоке и в средней части ареала распространения котлов «гуннского типа» их образцы датируются, вероятнее всего, серединой – второй половиной I тысячелетия, то есть относятся к тому периоду, когда гунны либо господствовали в Восточной и Центральной Европе, либо сошли с политической арены. Здесь, на востоке, на смену им пришли другие союзы племен и сложились новые кочевые империи. Следовательно, на сегодня, при современной источниковой базе вопрос этнокультурной атрибуции котлов «гуннского типа» остается открытым. Более или менее определенно можно сказать, что этот тип котлов вряд ли может быть соотнесен с азиатскими хуннами-гуннами из-за явных типологических и хронологических нестыковок.

В связи со всем вышесказанным вызывает недоумение претендующая уже на хрестоматийную карта «Распространения хунно-гуннских котлов», неоднократно приводимая в работах И. П. Засецкой [Засецкая, 1994. Рис. 24; 2002. С. 151. Рис. 2]. Вероятно, изначально некорректная типология и объединение разных типов котлов скифского и последующих периодов с территории всей Евразии в рамках хунно-гуннского единства позволили построить довольно замысловатые маршруты продвижения хунно-гуннского населения на протяжении многим более полутысячелетней истории его существования [Боковенко Н. А., Засецкая, 1993; Засецкая, 1994. С. 104–110. Рис. 20–23; 2002. С. 151. Рис. 2]. Интересно, что средняя часть картографированных находок наиболее поздних котлов (IV типологическая линия) проходит по лесостепным и даже лесным территориям Западной Сибири и Волго-Уралья: Савиновка, Черная Курья, Пермь, Верхний конец, Осока, к которым следует прибавить ранее не учтенные экземпляры – Липнягово (Шадринск), Сунчелеево (Татарстан), Самара (рис. 58, 118, 126–128, 130). С нашей точки зрения это весьма важный факт. Особый интерес вызывает то, что среди котлов отмеченного региона большую группу составляют образцы с рамчатой ручкой (без грибовидных наверший) и специфическим орнаментом в виде рядов сосульковидных налечей. Впервые этот вариант (или тип) котлов появляется именно в пределах этого региона (Липнягово, Верхний конец, Осока, Сунчелеево). Создается впечатление, что здесь котлы эти отливались либо с единых форм, либо по одним технологическим приемам. В дальнейшем именно этот тип котлов или его вариации с грибовидным навершием встречается далеко на западе (Хекрихт в Силезии; Десса в Румынии; Копошвельд и Тертель в Венгрии; Шестовичи в Молдове; Якушевичи в Польше) (рис. 58, 116, 117, 123–125, 155, 157). Таким образом, вслед за Восточно-Туркестанским (Синьцзянским) Урало-Сибирский регион, вероятнее всего может являться

зоной сложения и последующего распространения на запад двух наиболее массовых форм бронзовых котлов IV типологической линии (рис. 59).

Весьма интересную картину дает картография находок *ханьских зеркал* (рис. 59). Правоммерно, что наиболее ранние зеркала встречены в хуннских или синхронных им памятниках Северного Китая, Монголии и Южной Сибири [Коновалов, 1976. Табл. XXII; Лубо-Лесниченко, 1975; Руденко, 1962; Цэвэндорж, 1985. Рис. 4, 17, 18; Das Graberfeld., 1984. Abb. 26, 3; Улан чха бумен., 2003; Джуан лан сиен., 2002; Хухэ хао тхэ., 1995]. Следующий очаг их распространения — районы

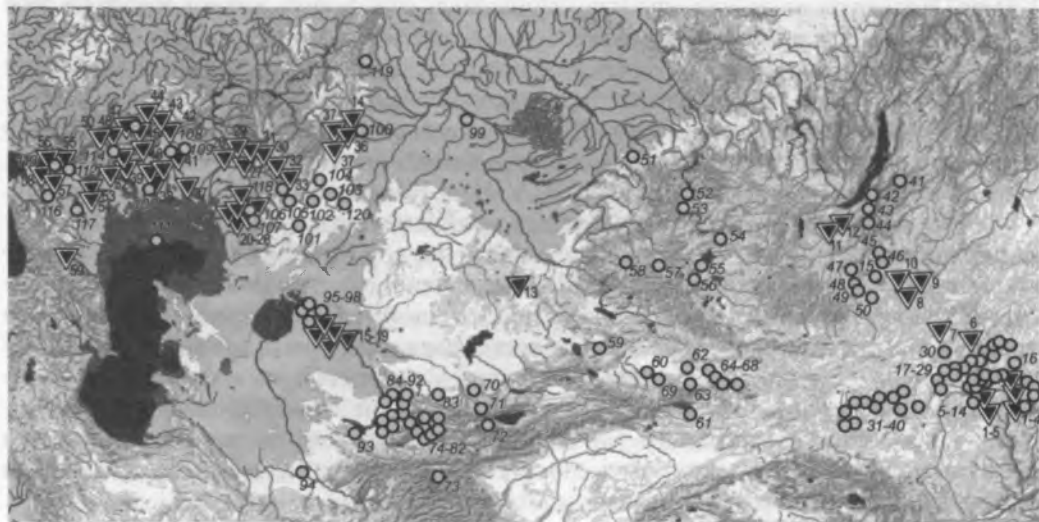

Рис. 59. Карта распространения котлов яйцевидной формы без поддона, ханьских зеркал и их подражаний в Евразии. Fig. 59. The map of egg-shaped cauldrons and Han mirrors without tray spreading in Eurasia.

▼ — **распространение котлов**. 1–5 — Ордос; 6, 7 — Внутренняя Монголия; 8–10 — Монголия; 11 — Чао Золь; 12 — Чушкун; 13 — Бешпагарский клад; 14 — Наваринка; 15–19 — Алтын-Асар; 20 — Лебедевский, курган 2; 21 — Лебедевка II, курган 1; 22 — Лебедевка VI, курган 24; 23 — Лебедевка VI, курган 36; 24 — Лебедевка VI, курган 39, погр. 1; 25 — Лебедевка VI, курган 49; 26 — Лебедевка V, курган 1; 27 — находка у пос. Гильял; 28 — находка в Сакмарском р-не; 29 — находка у пос. Мухраново; 30 — Красный Яр, курган 20, (керамика); 31 — Красный Яр, курган 20; 32 — Красногор, курган; 33 — Джанатан, курган; 34 — Большакараганский, курган 8; 35 — Магнитный, курган 3; 36 — Новоузенский уезд, случайная находка; 37 — Шульц, курган В4, погр. 2; 38 — Альт-Веймар, курган 16; 39 — Лебедевка; 40 — Еремеевка, случайная находка; 41 — Целинный, курган 81; 42 — Б. Дмитриевка, случайная находка; 43 — Комаровка, случайная находка; 44 — Комаровка (2), случайная находка; 45 — Норка (2), случайная находка; 46 — Сидоры, случайная находка; 47 — Березовский, случайная находка; 48 — Сарента, случайная находка; 49 — Еланская, случайная находка; 50 — Желтухин, курган 2; 51 — Сарента (2), случайная находка; 52 — Ногайская, курган 11; 53 — Криволиманский I, курган 19; 54 — Октябрьский, случайная находка; 55 — Кобяково, курган 5; 56 — Азов, случайная находка; 57 — Высочино V, курган 18; 58 — Высочино V, курган 27, погр. 2; 59 — Чечено-Ингушетия, случайная находка.

○ — **распространение зеркал**. 1–4 — Донгдальжинг; 5–14 — Сандаован; 15 — Найма; 16 — Гулянг; 17–29 — находки ханьских зеркал из Внутренней Монголии (по: [Хухэ хао тхэ., 1995. С. 33; Улан чха бумен., 2003. С. 31]); 30 — Лабудалино; 31–40 — Находки зеркал ханьского времени на территории Ганьсу и Нисе (по: [Джуан лан сиен., 2002]); 41 — Бурятский музей; 42 — Иволгинское городище; 43, 44 — Ильмовая падь; 45 — Ноин-Ула; 46 — находки на реке Тола; 47, 48 — Каракорум; 49, 50 — Тэбт-Уул; 51 — Екатериновка; 52 — Минусинский музей; 53 — Изыхский чаатас; 54 — Аймырлыг; 55, 56 — Кокел; 57 — Пазырык; 58 — находка из Западного Алтая; 59 — Лоу Лани; 60 — Урумчи, национальный музей; 61 — Шампула; 62 — Чаухуго; 63 — Янгпан; 64–68 — находки ханьских зеркал в уезде Хами; 69 — Цзяохе; 70 — Петровка-Калининское; 71, 72 — Кенколь; 73 — Аджин-Тепе; 74 — Сурух; 75 — Ворух; 76 — Усто-Муло; 77–79 — Чорку; 80 — Карабаг; 81, 82 — Карабулак; 83 — Кызыл-Сай; 84, 85 — Ташкентский музей; 86 — Джунский; 87, 88 — Фархадский; 89, 90 — Псхетский; 91 — Вревский; 92 — Кайрагач; 93 — Саназар; 94 — Телятепе; 95, 96 — Косасар; 97, 98 — Алтын-Асар 4л, 4г; 99 — Истяцкий клад; 100 — Малково; 101 — Целинный I; 102 — IV Комсомольское; 103, 104 — Темясовский; 105 — Красногор; 106, 107 — Лебедевка; 108 — ст. Полтавка; 109 — Еруслан; 110 — Ленинск; 111 — находка в Астраханской обл.; 112 — Кобяковский; 113 — Танаис; 114 — Виноградный; 115 — Чугунно-Крепичий; 116 — ст. Казанская; 117 — Минеральные воды; 118 — Чкаловский; 119 — Верхотурье; 120 — Наваринка

Средней Азии, где в массовом количестве встречены зеркала «восьмиарочного», «стососкового» типов и так называемого типа «TLV». Они найдены в памятниках Западной Ферганы [Литвинский, 1978. С. 98–105. Табл. 23–25], Ташкентского оазиса [Воронец, 1940. С. 52–55. Рис. 5], джунской культуры [Тереножкин, 1940. С. 159] и Таласской долины (Кенкольский и др. могильники) [Кожомбердиев, 1960. С. 72–74. Рис. 14; 1963. Рис. 6, 3]. Третьим районом относительно частой встречаемости ханьских зеркал всех вышеуказанных типов является нижнее течение Сырдарьи, где они были найдены в памятниках джетыясарской культуры [Левина, 1996. С. 355. Рис. 160]. Урало-казахстанские степи в этом списке являются последним районом относительно массового бытования «восьмиарочного» типа зеркал. Западнее они известны лишь в единичных экземплярах в погребениях Нижнего Поволжья и Дона, а также Северного Кавказа. При этом два поволжских зеркала происходят из поздних погребений (XII в.), а зеркала или их фрагменты, обнаруженные на Нижнем Дону и Северном Кавказе, в большинстве своем более ранние (тип ssu₁ или восьмиарочные с иероглифическими надписями) и происходят из погребений I–II вв. н. э. [Гугуев, Трейстер, 1995; Литвинский, 1978. С. 103; Сеницын, 1946. Рис. 22]. Многие исследователи, касающиеся вопроса распространения ханьских зеркал справедливо, на первый взгляд, указывают на то, что их местонахождение очерчивают маршруты торговых путей в Евразии [Берлизов, 1992. С. 33–34; Лубо-Лесниченко, 1985. С. 90, 233–259; Прокопенко, 1996. С. 122–132]. Не оспаривая в целом данную точку зрения, наметим некоторые возникающие в этой связи вопросы. Почему именно в ханьский период китайский импорт так массово был представлен именно зеркалами? Нельзя не согласиться с Б. А. Литвинским, указавшим на то, что различные типы китайских зеркал ханьского времени были весьма малочисленны в сравнении с общим количеством зеркал местного происхождения и не могли играть принципиального значения для экспортной торговли Китая [Литвинский, 1978. С. 105].

Во-вторых, почему китайские зеркала последующих эпох фактически отсутствуют в памятниках, расположенных вдоль маршрута «шелкового пути» — Туркестан, Южный Казахстан и Урало-Поволжье, хотя традиция изготовления и сбыта бронзовых зеркал как одного из видов китайского экспортного товара продолжает существовать и активно развиваться и в танскую, и в суньскую эпохи? Если в конце I в. до н. э. — второй половине I в. н. э. импорт зеркал осуществлялся алао-кангюйским населением Ферганы и Средней Сырдарьи [Берлизов, Каминский, 1993. С. 106–108], то, на наш взгляд, в позднеханьское время, со II века н. э., на северо-запад этот вид зеркал переносился гунно-сарматскими кочевниками, вышедшими из районов Монголии и Восточного Туркестана. В этой связи факт массовой встречаемости «восьмиарочных» зеркал, как наиболее позднего типа ханьских зеркал (I–II вв. н. э.), в гунно-сарматских памятниках урало-казахстанских степей неслучаен.

Отметим еще один интересный факт. В костюмах бурятских шаманов в качестве подвесок часто используются бубенчики и фрагменты китайских зеркал. Причем среди них присутствуют экземпляры не только сунского, но и ханьского (!) времени, что указывает на их длительное существование как весьма важного элемента культового значения. Все это позволяет, в определенной степени, утверждать, что данный вид инвентаря мог быть своеобразным этномаркирующим знаком гунно-сарматского населения урало-казахстанских степей.

Предметы полихромного стиля. Попытаемся проследить истоки и этапы развития отдельных типов украшений. К наиболее распространенным для гунно-сарматских памятников относятся *серьги-лунницы*.

В работе И. П. Засецкой одна из таблиц иллюстрирует эволюцию золотых серег-лунниц от простых со вставками к сложным колтам [Засецкая, 1994. Рис. 11]. В отличие от круглых калачиковидных серег, которые появляются в памятниках

VI–VII вв. [Богачев, 1996. Рис. 8, 13–21], тип серег-лунниц со вставками хорошо известен в гунно-сарматских и позднесарматских памятниках II–IV вв. н. э. (Большаекараганский, курган 2; Друженский, курган 3; Малковский; Байрамгуловский; Лебедевка V, курган 49 и др.). При этом в раннее время встречаются как золотые серьги со вставками, так и бронзовые или серебряные без вставок [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 38, 114–116, 180, 181, 186; Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 2, 3, 4, 12; 6, 8; Пшеничнюк, Рязанов, 1976. С. 140. Рис. 7, 10–13; Скрипкин, 1984. Рис. 14, 58, 59].

В данной категории вещевого инвентаря наблюдается определенная линия непрерывного развития. Это особенно ярко демонстрируют образцы, найденные в склепных и простых курганах джетыасарской культуры. Здесь отчетливо видно, что отдельные колты являются в основе своей крупными лунницами, но более роскошной модификации за счет напаянных на фигурные пронизки полых шариков с гроздевидными зерновыми окончаниями [Левина, 1996. Рис. 3–7]. При этом схожесть хорошо заметна в зональности и характере нанесения и оформления вставок на поверхности самой лунницы. Вообще схожесть формы центрального щитка с лунницами сохраняется почти на всех азиатских образцах колтов [Засецкая, 1999. С. 164. Рис. 2, 1, 2, 4, 6–8]. В восточноевропейских степях колты приобретают паукообразную форму. Центральный щиток у них становится овальным, над ним располагается сегментовидное навершие, увеличивается количество цветных вставок и изменяется их форма. Связующим стилистическим звеном на этом эволюционном этапе являются лучеобразные окончания из пронизок, полых шариков и грушевидных зерновых напаек (рис. 60, 1–18).

Вероятно на каком-то этапе развития данных форм украшений произошло их разделение на западную и восточную эволюционные линии. Восточные образцы отличаются оригинальной формой, меньшей стандартизацией и ярко выраженной индивидуальностью, что свидетельствует, вероятнее всего, об их местном изготовлении [Бородовский, 1999. С. 286; Засецкая, 1994. С. 59]. На востоке ареал распространения этих форм достигает Верхней Оби (Ближние Елбаны-3, Тугозново, Ивановка-6) (рис. 61, III), на западе — Центральной Европы (Нове [Бородовский, 1999] (рис. 61, I). С определенной осторожностью можно предположить, что исходной точкой расхождения этих форм были районы Казахстана и Средней Азии. Как нам представляется, существовала и северная линия развития серег-лунниц. Формы полых серег, имеющей несколько сферических гроздевидных выпуклостей, типа обнаруженных в гунно-сарматских комплексах Южного Урала (Дербеневский, Друженский) [Боталов, Полушкин, 1996. С. 189. Рис. 6, 8; Пшеничнюк, 1992], а также серьги, украшенной зернью и имеющей в нижней части гроздевидную напайку (Южное Зауралье, Байрамгулово, курган 2), впоследствии развивались в лесостепном и лесном Приуралье (Бирский могильник) [Мажитов, 1968. С. 121. Табл. 2, 17]. В Прикамье серьги этих форм получили особое развитие как характерный тип украшений ломоватовской культуры [Голдина, 1985. Табл. II, 1–18; III, 30–33] (рис. 33, II). Это еще раз подтверждает предположение В. Ф. Генинга о проникновении в лесное и лесостепное Приуралье части зауральского населения в IV–V вв. н. э., что привело к появлению ломоватовских памятников харинского этапа [Генинг, 1959. С. 22].

Возвращаясь к колтам, заметим, что, вероятно, формой переходной к восточноевропейским образцам является небольшой колт из позднегуннского погребения на городище Актобе [Максимова, Мерциев, Вайнберг, Левина, 1968. С. 71–79] (рис. 60, 30). У него центральный щиток имеет овальную форму, хотя украшен он более скромно, нежели восточноевропейские образцы. Таким образом, линия развития этого типа украшений идет от простых полых серег без вставок к лунницам со вставками, с зернью или без нее. От них к лунницам-колтам с лучевыми отрост-

ками и далее — к одностворчатым колтам с многочисленными вставками во внутреннем поле, украшенными по периметру зернью. Как мы видим, ранние образцы этого типа украшений происходят из позднесарматских и гунно-сарматских памятников II–IV вв., а наиболее поздние — из памятников гуннского круга V–VI вв. И. П. Засецкая не отрицает влияния сармато-аланских (в понимании позднесарматских) традиций на развитие данного типа украшений, и это влияние усматривается ею в наличии на обратной стороне колта из Верхне-Яблочного изображения в виде мирового дерева и животных, стоящих по обе стороны от него [Засецкая, 1999. С. 168].

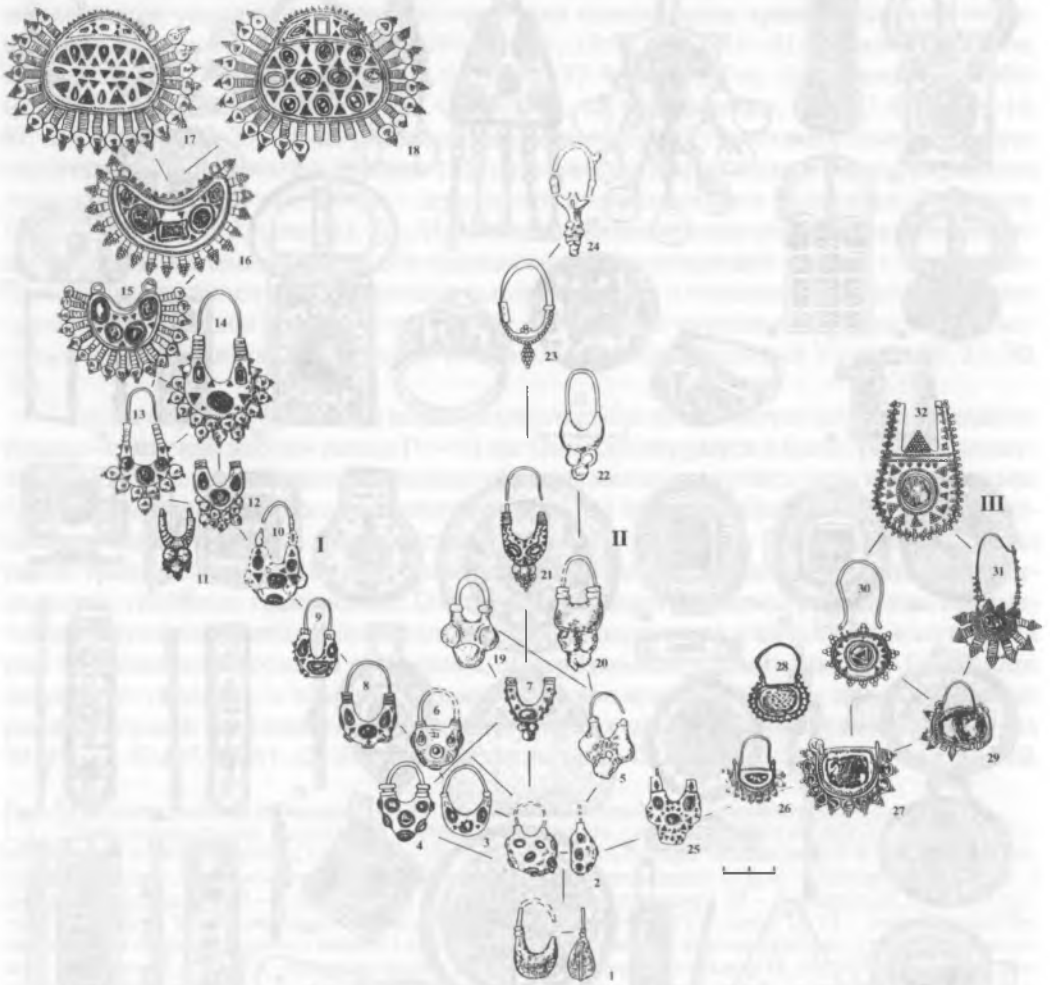

Рис. 60. Развитие форм серег-лунниц и колтов. *Fig. 60. The development of shapes of moonlike earrings and embellishments.*

I – Западная линия развития; II – северная линия развития; III – восточная линия развития. 1 – Малково, курган 1; 2 – Магнитный, курган 3; 3 – Котово; 4 – Лебедевка V, курган 49; 5 – Друженский, курган 3; 6 – Темясово, курган 4; 7 – Байрамгулово, курган 2; 8 – Алтын-Асар, курган 26; 9 – Беляус; 10 – Маклошевское городище; 11 – Кетмень-Тобе; 12 – Сибирская коллекция; 13 – Алтынасар, склеп 27; 14 – Алтын-Асар, курган 332; 15 – Акчий-Карасу; 16 – Акташь; 17 – Феодосия; 18 – Алешки; 19 – Дербеневский; 20 – Бирский, погребение 78; 21 – Харинский, курган 17, погребение 5; 22 – Харинский, курган 33, погребение 1; 23 – Плесинский, погребение 30; 24 – Аверинский, погребение 103; 25 – Кара-Агач; 26 – Джалпак-Добе, курган 8; 27 – Тулюк; 28 – Кетмень-Тюбе; 29 – Тугозвоново; 30 – Актобе; 31 – Ивановка-6; 32 – Боровое

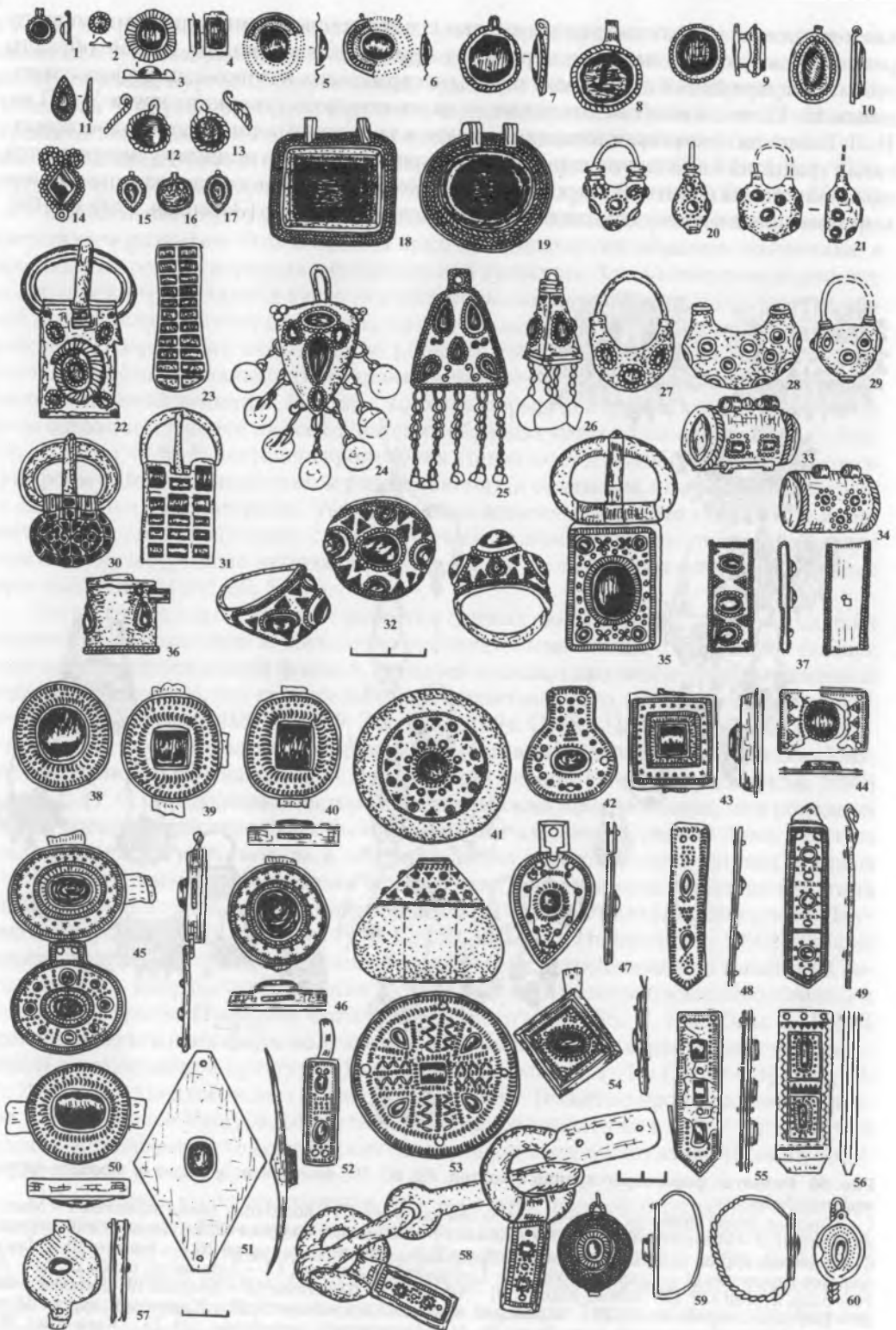

Рис. 61. Раннегуннский полихром (II–IV вв.). Fig. 61. The early Hun polychrome (II–IV centuries)

Однако, по ее мнению, среди украшений позднесарматского времени нет форм, которые могли бы быть исходными для возникновения колтов.

В определенной мере эволюция серег-лунниц характеризует процесс зарождения в гунно-сарматское время элементов полихромного стиля и в других категориях вещей и дальнейшее его развитие в гуннскую и постгуннскую эпоху. К таким предметам относятся кулоны, подвески, перстни, пряжки и наконечники ремней со вставками из камней и стекла. При этом украшение гнезд и околоснездового пространства на этих предметах сочетало техники, которые получили яркое развитие впоследствии. Так, золотые и серебряные кулоны из Виноградного, Высочино VII, Котовского, Байрамгуловского, Друженского, Большекараганского и Лебедевского могильников украшены в технике зерни или псевдозерни, гравировки или тиснения в виде косичек [Беспалый, 1990. Рис. 1, 19; 3, 15; 5, 19–21; Боталов, Гуцалов, 2000; Боталов, Полушкин, 1996. С. 182. Рис. 27, 8. С. 189. Рис. 6, 9; Васюткин, 1986. С. 189. Рис. 7, 9; Максименко, 1998. С. 250. Рис. 67, 8; Скрипкин, 1984. С. 148. Рис. 14, 67, 68] (рис. 61, 2, 21, 24–29). Совершенную полихромную технику демонстрирует перстень из Лебедевского кургана 1. У него внешний край поля и гнезда украшены зернью, а свободная часть поля – зерновыми треугольниками [Багриков, Сенигова, 1968. С. 73. Рис. 2, 2] (рис. 61, 32). И, наконец, великолепные образцы раннего полихрома, представленные золотыми пряжками и наконечниками ремней с халцедоновыми и алмазными вставками, выполненными в технике перегородчатой инкрустации, найдены в гунно-сарматском погребении курганов Бердянского V могильника III–IV века* и в кургане 14 могильника Центральный VI (рис. 61, 23, 30, 31).

Таким образом, предметы полихромного стиля не являются вещами исключительно «гуннской эпохи» конца IV–VI вв. Они фиксируются в более ранних памятниках II–IV вв. Безусловно, эти ранние образцы менее многочисленны и значительно беднее, чем предметы последующего периода, но они своеобразно маркируют происхождение со II века н. э. в казахстанские, волго-уральские степи и далее на запад новой традиции гуннского полихромного стиля (золото, красный камень или стекло, зернь, тиснение, гравировка). Основные традиции и приемы украшения предметов полихромного стиля окончательно складываются уже к началу IV века н. э. На рис. 61 приведены образцы полихрома, обнаруженные в памятниках II–IV вв. Они позволяют говорить о том, что в раннегуннское время возник и продолжил свое развитие самый широкий спектр технологических приемов: зернь (рис. 61, 1, 4, 8–10, 20, 21, 27, 32, 36, 37, 41, 42, 54) и псевдозернь (рис. 61, 2, 11, 33, 34, 38–40, 44, 47–49,

Рис. 61. Раннегуннский полихром (II–IV вв.). *Fig. 61. The early Hun polychrome (II–IV centuries).*

1, 2 – Новоалександровка I, курган 28, погребение 1 (золото, синее, красное стекло); 3 – Восточно-Курайлинский, курган 3 (бронза, стекло); 4 – Журавка, курган 16 (золото, алмаз); 5, 6 – Байрамгулово, курган 2 (золото, красное стекло); 7, 20 – Лебедевка V (золото, стекло (?)); 8 – Лебедевский, курган 3 (золото, сердолик (?)); 9 – Салиховский, курган 32 (бронза, сердолик); 10 – Друженский, курган 3 (золото, сердолик); 11 – Новоалександровка I, курган 17, погребение 2 (золото); 12, 13 – Георгиевский бугор, курган 1 (золото, красное стекло); 14, 28, 32–34 – Лебедевский, курган 2 (золото, стекло, алмаз и халцедон (?)); 15–17 – Большекараганский (золото, изумруд, стекло); 18, 19, 27, 36 – Котово (Мажары) (золото, сердолик); 21 – Магнитный, курган 3 (золото, красное стекло, гранат); 23, 31 – Бердянский V, курган 6 (золото, алмаз); 24 – Гусевка (золото, сердолик); 25 – Новоалександровка I, курган 20, погребение 2 (золото, сердолик, стекло); 26 – Норка (золото, стекло, гранат); 29 – Темясово, курган 4 (бронза, красное стекло); 30 – Центральный VI, курган 14 (золото, алмаз); 35 – Тимошевская (бронза, золото, стекло, сердолик (?)); 37, 43, 45, 46, 49, 54, 58 – Киштек (золото, серебро, бронза, железо, сердолик, синее стекло); 38–40, 42, 47, 48, 50, 52, 53 – Чауши (золото, стекло, сердолик (?)); 41, 44, 55, 56 – Градешка, курган 9 (золото, серебро, бронза, горный хрусталь, красный турмалин, сердолик, синее и зеленое стекло); 51 – Центральный VI, курган 16, погребение 8 (серебро, золото, сердолик); 57 – Друженский, сооружение (бронза-серебро (?), стекло); 59 – Градешка, курган 26 (золото, топаз); 60 – Богодар (бронза, стекло)

* Выражаю глубокую признательность Д. В. Мещерякову за предоставленную возможность ознакомиться с этим материалом.

58), витая проволока (рис. 61, 7, 12, 13, 33, 34) и косичка (рис. 61, 18, 19, 25, 36, 37, 59), тиснение (рис. 61, 3, 5, 6, 14, 22, 35, 38–40, 42–44, 45–46, 47–49, 50, 52, 54, 58) и гравировка (рис. 61, 35, 38–40, 45, 46, 47–49, 50, 54, 55, 56, 60), а также инкрустация и многослойная штамповка разнометаллических основ (бронза и золото, бронза и серебро, серебро и золото) (рис. 61, 22, 35, 38–40, 42–44, 45–46, 47–49, 50–59).

Весьма показателен набор материалов, применяемых для вставок и инкрустации. В основном это камни и стекло темных тонов: красный, алый, желто-коричневый, рубиновый, реже синий и зеленый. Вероятнее всего, эта палитра сама по себе является культурнозначимым элементом нового полихрома. Впечатляет и широта использования драгоценных и полудрагоценных камней: альмандин, гранат, топаз, сердолик, изумруд, халцедон, горный хрусталь, турмалин. Все это разнообразие методов и материалов наводит на мысль, что данный тип полихрома сложился именно в среде гунно-сарматских кочевников как культурнозначимая традиция (мода) на самом раннем этапе проникновения их в восточноевропейские степи. Последующее взаимодействие кочевников с населением ремесленных центров Причерноморья стало решающим фактором в появлении наиболее роскошных образцов гуннского полихрома.

Статистическая обработка форм керамики позволила уже на первой стадии выделить семь основных типов сосудов, встречающихся в урало-казахстанских памятниках. В дальнейшем, благодаря привлечению близких типов керамики со значительной территории Нижнего Поволжья, Центрального и Южного Казахстана, удалось выделить три основные ее территориальные группы: 1) керамика Нижнего Поволжья и Приуралья; 2) керамика Зауралья и Северного Казахстана (урало-казахстанская группа); 3) керамика Южного Казахстана. Определение удельного веса отдельных типов сосудов по регионам проходило в четыре этапа. В результате выявились взаимосвязи между типами сосудов и территориальными группами [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 137–139, 165–168]. Соотношения типов в рамках территорий было следующим:

Типы 1, 2, 3 (узкогорлые кувшины и кувшинообразные горшки) наибольшую встречаемость обнаружили в южноказахстанских памятниках. В количественном соотношении меньше всего сосудов подобных форм в Нижнем Поволжье, причем наиболее устойчивая их взаимосвязь наблюдается именно с южноказахстанскими керамическими комплексами этих типов. Это, в определенной мере, позволяет определить маршруты проникновения данных типов керамики. Однако устойчивая и достаточно высокая доля кувшинов типов 1, 2, 3 в памятниках Зауралья и Северного Казахстана (до 30,4%) при равно невеликой доле схожести и взаимосвязи этой выборки с нижеволжской и южноказахстанской группами наводит на мысль о существовании в определенной мере автономного очага распространения данных форм.

Тип 4 (круглодонные горшки с раздутым туловом), вероятнее всего, происходит с территории Нижнего Поволжья. В урало-казахстанских комплексах их довольно мало. При этом степень взаимосвязи поволжских и урало-казахстанских групп керамики невелика (70–81 ед.).

Типы 5, 6. Лепные горшки этих типов в подавляющем количестве происходят из урало-казахстанских комплексов, при этом они обнаруживают довольно высокую взаимосвязь с подобными типами керамики из Нижнего Поволжья.

Сосуды горшечно-баночной формы типа 7 происходят исключительно из памятников лесостепного Приуралья и Нижнего Поволжья.

Представленная картина указывает на определенную автономность урало-казахстанских керамических комплексов от нижеволжских. При этом стоит заметить, что данное статистическое наблюдение было проведено с опорой на урало-казахстанский комплекс встречаемых типов. В памятниках Нижнего Поволжья

керамический комплекс значительно отличается от урало-казахстанского. Так, существует серия специфических типов, которые не имеют аналогий в восточных комплексах (двуручные и трехручные кувшины, высокие хумовидные кувшины, кружки, миски и пр.).

Попытаемся проследить параллели, которые возникают при рассмотрении отдельных типов керамики. Сравнительная выборка сероглиняных и красноглиняных кувшинов с раздутым в средней части туловом, узким горлом и небольшой шейкой (типы 1, 2, 3) из памятников Нижнего Поволжья, Зауралья, Северного и Южного Казахстана (Арал-Сырдарьинский район) показала высокую степень интеграции этих типов между собой [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 43]. Наибольший удельный вес сосудов этой формы имеют памятники Зауралья и Южного Казахстана. Привлечение более широких аналогий подтверждает этот факт. Обращает на себя внимание то, что среди сосудов из гигантских по представительности керамических комплексов оазисно-земледельческих памятников юга Казахстана (отраро-каратауской и арысьской культур и усуньских памятников Семиречья) почти не встречаются аналогичные формы [Байпаков, Подушкин, 1989; Вайнберг, Левина, 1968; Левина, 1996; Максимова, 1970. Рис. 4; 1975. Рис. 1, 7, 10; 2, 4, 6, 9; Нурмухамбетов, 1970. Табл. I; 1975. Табл. III]. Исключение составляют несколько горшков кувшинообразной формы из усуньских памятников [Максимова, 1970. С. 179] и некоторые кувшины из богатых погребений IV–V вв. Джетыасарского могильника. Между тем значительное число аналогий керамическим комплексам урало-казахстанских степей имеется среди сосудов каунчинской культуры (Средняя Сырдарья) [Гайдукевич, 1952; Максимова, 1962; Максимова, Мершиев, Вайнберг, Левина, 1968; Сорокин, 1954] и хуннских памятников Западной Монголии, Тувы и Забайкалья [Коновалов, 1976; Novgorodova, Volkov, Korenevski und Mamonova, 1982]. Небольшие горшки с раздутым или шаровидным туловом, отогнутой или прямой шейкой, с плоским и круглым дном (типы 5, 6) в большом количестве встречаются в комплексах Зауралья и Нижнего Поволжья.

На наш взгляд, сосуды горшечно-баночных форм складываются на основе саргатско-гороховской керамики и своими корнями уходят в постандроновский культурный пласт. В последующий период (IV–V вв. н. э.) сосуды данного облика распространяются в памятниках турбаслинского круга Южного Приуралья.

По предварительным данным, в основе близости керамических комплексов урало-казахстанского и южноказахстанского регионов лежат более ранние формы кувшинов и кувшиноподобных горшков Западной Монголии, Тувы и Алтая [Давыдова, 1960. С. 66–70; Руденко, 1962. С. 144–164; Сосновский, 1935. С. 168–177]. Так, совершенно идентичные формы горшков с шишечками мы находим в памятниках джетыасарской культуры (I тип). Эти сосуды Л.М. Левиной справедливо соотнесены с горшками из памятников Западной Монголии и Алтая, где они встречаются с ханьской эпохи [Левина, 1996. С. 188. Рис. 63, 64]. Отметим также сходство форм сосудов с шишечками и технологии их изготовления из гунно-сарматских памятников, хуннских памятников Тувы и таштыкских комплексов I в. до н. э. – II в. н. э. [Das Graberfeld., 1984. Abb 31, 04; 35, E, 4; 39, A, 1; 50, E, 1; Кызласов, 1960. Табл. 4, 41, 87, 145].

Керамика могильников Урало-Ишимского междуречья, благодаря разнотерриториальным влияниям, носит чрезвычайно синкретический характер. Однако возникновение данного комплекса наводит на мысль о существовании единого культурного пласта, который образовался на рубеже II–III вв. н. э.

Все вышесказанное в основном касается керамического комплекса памятников раннего большекараганского этапа. На следующем этапе в IV–V вв. в керамике наблюдаются тенденции внутрирегиональных этнокультурных взаимопроникнове-

ний. Так, керамический материал зауральских лесостепных комплексов Байрамгулово (курган 2) и Малково (курганы 1, 2) указывает на значительное влияние местного угорского населения кашинско-прыговского круга [Викторова, Морозов, 1993. С. 174–177; Ковригин, Шарапова, 1998. С. 68], на гунно-сарматские племена. Близость отдельных типов вещевого материала и сосудов из жертвенного комплекса Байрамгуловского кургана [Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 1, 1] позволяет по-новому рассматривать проблему возникновения харинских памятников ломоватовской культуры. Напомним, что появление в Верхнем Прикамье харинских памятников В. Ф. Генинг связывал с проникновением в этот регион через Средний Урал части зауральского угорского лесостепного населения, оставившего курганы Аятского могильника, Калмацкого Брода и др. [Генинг, 1959. С. 184–185]. Эта мысль ярко подтверждается материалами вышеназванных комплексов.

С другой стороны, данный керамический комплекс сложился под воздействием традиций позднесаргатского времени и, вероятно, под влиянием со стороны культур лесостепного Поишимья логиновско-лихачевского круга (зональность и традиции орнаментации) [Генинг, Евдокимов, 1969. Табл. 55, 56; Генинг, Зданович, 1987. Рис. 2, 8, 22; Корякова, 1988. Рис. 25, 26]. Саргатские традиции усматриваются также в керамике могильников Новоникольское (курган 4), Явленка (курган 5), Большекараганский (курган 8) (рис. 52, 9, 101, 116, 175). Горшки с раздутым туловом, плоским и круглым дном, коротким прямым или отогнутым венчиком характерны для позднего этапа саргатской культуры [Корякова, 1988. Рис. 26, 1–7].

§ 5. Этно-историческая реконструкция. Как указывалось выше, памятники кочевников II–IV вв. н. э. Нижнего Поволжья и Приуралья получили название позднесарматских. В большинстве случаев исследователи комплексов, приводимых в настоящей работе, также относят их к кругу памятников позднесарматской культуры [Васюткин, 1977; Мошкова, 1989; Пшеничнюк, Рязанов, 1976]. Как известно, позднесарматская культура была выделена П. С. Рыковым и П. Д. Рау для кочевнических памятников II–IV вв. Нижнего Поволжья [Рыков, 1925; Рау, 1927]. В настоящее время, благодаря работам А. С. Скрипкина, Д. Б. Шелова, А. П. Медведева и других, мы можем достаточно полно определить основные черты комплексов позднесарматской эпохи Поволжья, Подонья и Волго-Донского междуречья [Медведев, 1990; Скрипкин, 1984; Шелов, 1972].

Попытаемся сравнить основные культуuroобразующие параметры поволжских и рассматриваемых нами комплексов II–IV вв. н. э. Первое и, на наш взгляд, наиболее существенное отличие этих комплексов заключается в том, что позднесарматские памятники Нижнего Поволжья имели определенную преемственность с памятниками среднесарматской культуры. Представительность суловских (среднесарматских) комплексов позволяет достаточно полно проследить этапы культурной трансформации даже в рамках одних некрополей. Об этом довольно справедливо говорилось в работах А. С. Скрипкина [Скрипкин, 1984. С. 80–86]. В отличие от этого памятники II–IV вв. Южного Урала и Северного Казахстана не имеют, в пределах данного региона, предшествующих комплексов, генетически связанных с ними. В этой связи вкратце охарактеризуем те немногочисленные памятники конца III века до н. э. – I века н. э. с этих территорий, для того чтобы показать их своеобразие и отличие от комплексов последующего этапа.

Как уже упоминалось, непосредственно предшествующее время представлено в материалах степей Южного Урала и Северного Казахстана крайне скудно. Сегодня можно насчитать чуть более ста погребальных комплексов, относящихся к временному отрезку конца III века до н. э. – I века н. э., причем наибольшее их число (81 комплекс) приходится на лесостепные памятники Приуральской зоны конца III–I вв.

до н. э. (цв. вклейка, рис. 2, 5), и лишь единицы относятся к I веку до н. э. – I веку н. э. Причины этого лежат не только в слабой изученности региона. На наш взгляд, они связаны с изменениями природно-экологических условий и наступлением фазы аридизации урало-казахстанских степей в IV веке до н. э. [Таиров, 1995. С. 95]. Имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют нам лишь в общих чертах охарактеризовать данную эпоху и произвести хронокультурную маркировку памятников урало-казахстанских степей.

Рассмотрим наиболее поздние комплексы раннего железного века, которые предшествовали гунно-сарматским. В большинстве своем они представляют собой одиночные грунтовые курганы диаметром 8–15 м и высотой до 0,5 м. В двух случаях грунтовая насыпь имела каменный панцирь, а могильная яма была забутована камнем (Конурса, курган 1; Саргары, курган 4) (рис. 19, I) [Хабдулина, 1994. Табл. 37–43]. Погребения совершались в глубоких овальных или подпрямоугольных ямах с меридиональной ориентировкой длинных стенок. В большинстве своем ямы имели заплечики в середине нижней части (Граултры, курган 2; Лисаковское; Стрелецкое; Саргары, курган 3; Солнце III, курган 3, могильная яма 1). Встречены подбойные (Саргары, курган 4; Конурса, курган 1; Акчийат, курган 2) и катакомбные погребения, совершенные в южной узкой стенке входной ямы (Жалтырь; Саргары, курган 5; Солнце III, курган 3, могильная яма 2). Погребенные лежат вытянуто на спине головой на юг с отклонением на восток (два случая) или на запад (три случая) (рис. 19, I, II, III).

Вещевой комплекс представлен, прежде всего, предметами вооружения: железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, луки «гуннского» типа, длинные мечи без перекрестия, а также короткие мечи с прямым брусковидным перекрестием и кольцевым или кольцеобразным навершием, керамикой — красноглиняными горшками с плоским дном, раздутым туловом, узким горлом и отогнутым наружу венчиком, кувшинами с ручкой и невысоким узким горлом, а также маленькими сосудиками и горшками. В коллекциях также имеются ножи с прямой или выгнутой спинкой, круглые пряжки, а также костяные накладки с циркульным орнаментом. В погребении Лисаковского кургана найдены также остатки железной серьги с золотым колечком и золотая нашивная бляшка. Предметы украшений представлены бусами, серьгами в 1,5 оборота, подвесками-бубенчиками и котелками из погребения 1 кургана 3 могильника Солнце III, где также найдены характерные для этого времени зеркала с утолщенным краем и ручкой штырем (рис. 19, 3–12, 14–24, 29–36, 42–51, 52–57, 60–67).

В целом представленный материал позволяет довольно надежно поместить данные комплексы в хронологический диапазон конца III–II вв. до н. э. – I в. до н. э. Железные трехлопастные наконечники стрел с небольшой треугольной головкой и срезанной под острым углом нижней частью лопасти получили распространение с I в. до н. э. и просуществовали до первых веков нашей эры [Скрипкин, 1990. Табл. 42]. Короткие мечи с брусковидным перекрестием и кольцевым навершием, характерные для сарматских комплексов, массовое распространение получают на рубеже эр, так же, как и длинные мечи без перекрестия и навершия [Скрипкин, 1990. С. 178. Рис. 49]. Керамический комплекс имеет прямые аналогии в посуде арысьских памятников и комплексов Серахского оазиса и Ширинсайского могильника рубежа эр и первых веков н.э. [Байпаков, Подушкин, 1989. Табл. VII, 28. Табл. IV, 6, 21, 16, 12; Гайдукевич, 1952; Древнейшие государства, 1985. Табл. LXXXIII]. Луки «гуннского» типа, по мнению А. М. Хазанова, также появляются на рубеже эр [Хазанов, 1966. С. 41]. Весьма сходная картина погребального обряда и вещевого инвентаря прослеживается в одновременных памятниках Южного Приуралья [Пшеничнюк, 1983. С. 117–120] и Северо-Западного Казахстана. Хотя здесь наблюдается увеличение количества погребений под одной насыпью (Чумаровский, курган 5; Уязыба-

шевский, курган 5; Кашкара, курган 3; Танаберген II, курганы 10, 11; Покровка 2, курганы 7, 8, 10), а также увеличение числа диагональных погребений (Танаберген II, курган 10, погребение 2; Целинный I, курганы 11, 22, 93; Восточно-Курайлинский I, курган 28; Уметбаевский, курган 2). Подбой зафиксирован в одном случае (Танаберген II, курган 11, погребение 3). Набор вещевого инвентаря приуральских и западноказахстанских комплексов фактически идентичен (кинжалы с кольцевым навершием, трехлопастные железные черешковые наконечники стрел, плоскодонные горшки с раздутым туловом, узким горлом и отогнутым венчиком, кувшины с узкой и прямой горловиной).

В целом памятники урало-казахстанских степей характеризуют позднепроходовский и среднесарматский периоды в рамках указанного региона и ранее уже были отнесены нами к сарматско-юэчжийскому ИКК. При этом комплексы западной части региона подверглись явному воздействию со стороны нижневолжского ареала, что выразилось в появлении диагональных погребений и близости керамического комплекса. Зауральские и североказахстанские комплексы испытывали влияние со стороны присырдарьинских культур Южного Казахстана, что проявилось в преобладании погребений в могильных ямах с заплечиками, подбойно-катакомбной традиции, близости керамического комплекса.

Крайняя малочисленность зауральских памятников и их разнохарактерность не позволяют говорить о данном археологическом материале как о единокультурном. Это указывает на слабую заселенность столь значительного региона на рубеже веков, а появление различных памятников в лесостепи и на северной кромке степей лишь подтверждает исход населения из степной зоны. Вместе с тем четкая хронологическая позиция этих комплексов в рамках III–I вв. до н. э. позволяет говорить о том, что между ними и гунно-сарматскими памятниками существует временная лагуна минимум в два века.

Неожиданное появление с конца II века огромного для данного региона числа некрополей указывает на не просто трансформацию в рамках единокультурного массива, а на совершенно новое эпохальное явление.

Насыпи курганов поздних сарматов сложены из земли и в подавляющем большинстве, имели округлую форму, за исключением немногих слабо вытянутых насыпей [Скрипкин, 1984. С. 59]. Насыпи курганов гунно-сарматов имеют большую конструктивную вариабельность. Существенный процент их составляют насыпи из камня (5,5%). Почти в каждом некрополе наблюдается обязательное присутствие длинных и гантелевидных курганов и так называемых «скленообразных насыпей».

Ведущим типом позднесарматских могильных ям являются ямы с подбоем, которые составляют почти 50%. Прямоугольноудлиненных или узких ям — 27%. Квадратные или подквадратные могильные ямы с диагональными или осевыми погребениями — 19,5%, хотя они часто включают погребения I–II вв. н. э. При этом наблюдается следующая закономерность — количество подбойных могильных ям, оставаясь преобладающим, уменьшается к востоку, где увеличивается количество прямоугольноудлиненных. Так, в междуречье Волги и Дона во II–III веках н. э. — 54%, а в Заволжье — 59% подбойных ям и 24% — прямоугольноудлиненных. Данная картина сохраняется здесь и на следующем этапе — в III–IV веках. Процент прямоугольноудлиненных (узких) ям в целом увеличивается, но не превышает количества подбойных. Совершенно иная картина в памятниках гунно-сарматского круга. Ведущим типом могильных ям здесь являются прямоугольноудлиненные, узкие (73,2%), а подбойные составляют 19,2%. Другие виды ям — квадратные и овальные — составляют мизерный процент. Количество подбойных ям резко возрастает к западу. В южноуральской группе они составляют 7%. В основном это приуральские комплексы. Фактически отсутствуют подбой в Южном Зауралье. В западноказахстан-

ской группе их 41,6%. Однако и здесь, как мы видим, они не составляют и половины всех погребений. Большую часть подбойных могильных ям (33 из 51) составляют ямы Лебедевского комплекса могильников, занимающего крайне западное (контактное) положение во всей группе памятников. На следующем этапе (III–IV вв. н. э.) погребения в подбоях на территории рассматриваемого региона фактически отсутствуют.

В относительно равном соотношении в позднесарматских и гунно-сарматских комплексах встречается перекрытие могильных ям и подбоев деревом, ветками и корой. Однако резко различается в них доля гробовищ. Так, в Заволжье только в четырех курганах поздних сарматов (Боаро, курган 24; Блюменфельд, курганы А5, Б7, В2) были обнаружены деревянные гробы (в одном случае колода). В междуречье Волги и Дона их вообще нет. В погребениях же гунно-сарматского круга встречено 26 гробов и гробовидных конструкций в виде обкладки стен, дна и перекрытия тонкими досками (в одном случае колода). Причем гробы встречены как в длинных прямоугольных ямах, так и в подбоях. Они соотносятся, как правило, с более богатыми по вещевому инвентарю погребениями.

Северная ориентировка погребенных — определяющая черта погребального обряда позднесарматских племен. В Нижнем Поволжье она вытесняет южную к концу II века. В междуречье Волги и Дона эта ориентировка погребенных начинает господствовать лишь с конца III века н.э. [Скрипкин, 1984. С. 72, 73]. В поволжских памятниках северную ориентировку имеют 75% захороненных, а в гунно-сарматских (со всеми отклонениями на СЗ и СВ) — 95% [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 241. Табл. 6].

Аналогичная ситуация отмечена и для комплексов Урало-Ишимского междуречья. Северная ориентировка погребенных является абсолютно преобладающей (74,2%) сразу с середины II века н. э., вместе с тем значительное число погребенных в обеих группах памятников имеют СЗ ориентировку (27 погребений — 10%). В курганах позднего этапа II Ахмеровского и Салиховского могильников значительное число погребенных (38 случаев) ориентировано головой на В–СВ. Исследователи усматривают в этом влияние финно-угорского населения лесостепного Приуралья на племена, оставившие названные некрополи [Васюткин, 1986. С. 194, 195; Генинг, 1972. С. 256].

Попробуем соотнести вещевые комплексы позднесарматских и гунно-сарматских погребальных памятников. Здесь, в отличие от черт погребального обряда, различия более сглажены, так как сходные типы вещевого инвентаря имели, как правило, широкое хождение в пределах самых больших регионов. Набор вещевого комплекса рассматриваемых групп довольно схож и несет на себе общие эпохальные традиции, принятые в среде населения Евразийских степей и лесостепей. Однако при пристальном рассмотрении выявляются особенности отдельных групп материалов.

Различно соотношение отдельных типов вещевого инвентаря. Так, наиболее встречаемые из металлических предметов украшений одежды, бронзовые фибулы имеют следующее соотношение: в гунно-сарматских комплексах количество фибул с пластинчатым приемником и завитком на конце в два раза превышает количество фибул двух других основных типов (лучковые с подвязным приемником и сильно профилированные). В позднесарматских памятниках этот тип фибул самый малочисленный из массовых типов.

В коллекции гунно-сарматских зеркал почти одну треть составляют китайские зеркала, между тем как в Нижнем Поволжье известно только два случая находок ханьских зеркал в памятниках, относящихся к более раннему периоду (курган F25, могильник Ст. Полтавка, могильник Еруслан). Неравноценно и соотношение находок бронзовых и керамических котлов к общему числу исследованных погребений.

В гунно-сарматских комплексах частота этих находок составляет 1 на 48 погребений, а в позднесарматских могильниках — 1 на 123 погребения.

Особенностью памятников урало-казахстанского региона является также наличие в наиболее представительных погребениях поясов и уздечек, богато украшенных ременной гарнитурой. Широкие ремни конской упряжи декорированы крупными прямоугольными бронзовыми накладками и массивными пряжками, имеющими аналогичные накладкам щитки. Яркими образцами такой ременной гарнитуры являются предметы, обнаруженные в погребении 1 кургана 9 могильника Покровка 2 [Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, 1975. Рис. 64–66, 68, 69], где массивные прямоугольные накладки были изготовлены из золотой фольги, натянутой на деревянную основу. Они имели сложную профилировку и подтреугольный узор на передней плоскости. Центральная квадратная бляха-фалар имеет тисненое изображение тамги, помещенное в круг. Такие находки наводят на мысль о том, что, по всей видимости, подобные наборы ременной гарнитуры являются своеобразным этнокультурномаркирующим элементом для урало-казахстанских комплексов данной эпохи. Уздечные ремни украшают аналогичные сферические накладки, листовидные подвески, полувосьмерковидные зажимы накладок. Сюда же относятся узкие пояса, декорированные округлыми восьмерковидными накладками, имеющие небольшие пряжки с круглой или овальной рамкой и округлым, прямоугольным или треугольным щитком, а также наконечник.

Вероятнее всего, эти типы ременной гарнитуры являются специфической традицией именно населения урало-казахстанских степей. С этих территорий они впоследствии широко распространились в среде населения Прикамья (харинские памятники ломоватовской культуры, памятники азелинской и мазунинской культур), а также в погребениях носителей бахмутинской культуры. В рассматриваемый период в таком массовом количестве, как в урало-казахстанских степях, эти формы ременной гарнитуры на сопредельных территориях не встречаются.

Таким образом, приведенные выше различия историко-культурных комплексов погребальных памятников Нижнего Поволжья и урало-казахстанских степей наводят на мысль о разной этнокультурной природе этих двух групп археологического материала. Отсюда можно сделать вывод о том, что ареал распространения позднесарматской культуры, к которой принадлежат нижеволжские памятники, охватывает на востоке территорию правобережья нижнего и среднего течения реки Урал, тогда как в междуречье Урала и Ишима мы видим комплексы существенно отличной культуры. Ранее было предложено эти памятники отнести к гунно-сарматской культуре урало-казахстанских степей [Боталов, 1993. С. 142].

Справедливости ради стоит отметить тот факт, что некоторые крайне западные комплексы гунно-сарматской культуры (Лебедевские некрополи и Восточно-Курайлинский могильник) несут на себе влияние позднесарматской культуры (подобные погребения на боку, нижеволжские типы керамики). Однако надо полагать, что данная особенность вполне правомерна для памятников, находящихся в зоне этнокультурного контакта.

Впрочем, здесь следует сделать оговорку о том, что приведенные различия имеют в большей мере формально-статистический характер. По нашему глубокому убеждению и позднесарматские, и гунно-сарматские памятники – явления, бесспорно, общекультурного порядка. Если в общем охарактеризовать те этнокультурные отличия, которые существуют между ними, то мы склонны в этом случае в определенной части разделить точку зрения Т. Сулимирского о том, что позднесарматские памятники Нижнего Поволжья были оставлены сармато-аланами, находившимися под большим влиянием гуннов [Sulimirski, 1970. С. 142–144]. В большей мере, на наш взгляд, этому влиянию во II–III веках было подвержено население Волго-

Донья. Восточные сармато-аланы Нижнего Поволжья и Заволжья в это время, вероятнее всего, активно вытеснялись на запад гунно-сарматами, которые представляли собой, в отличие от первых, конгломерат племен, находившихся в окружении, а в связи с этим и под значительным влиянием сармато-аланского населения. На момент вторжения гунно-сарматов в Приуралье и Заволжье вытесненное сармато-аланское население, вероятно, составило ту миграционную волну танаитов и асеев, которые по данным С. А. Яценко, вторгаются не позднее 155 года н. э. на Нижний Дон [Яценко, 1993. С. 85].

Далее попытаемся установить истоки тех или иных черт и традиций, определяющих культурное своеобразие памятников гунно-сарматского круга. При рассмотрении данного вопроса необходимо привлечь максимум материалов могильников всего спектра культур сопредельных и достаточно удаленных территорий.

Прежде всего, коснемся основных черт погребального обряда соседних культур. Так, земляные сооружения в виде прямоугольных грунтовых оград исследованы в нижнем течении Амурь (Чаш-Тепе) [Рапопорт, Трудновская, 1979. С. 151]. Среди кангюйских погребальных сооружений сырдарьинской дельты имеются прямоугольные сырцовые склепы, окруженные круглыми в плане рвами и валами [Левина, 1993. С. 121, 122. Рис. 2, 3]. Наличие вокруг насыпей рвов различной конфигурации (округлые, овальные и др.) с проходом с одной или двух сторон — характерная особенность курганов петропавловского Поишимья и позднесаргатских могильников последних веков до н. э. — первых веков н. э. [Корякова, 1988. Рис. 7, 2, 6, 8, 1; Могильников, 1972. С. 84. Рис. 7; Хабдулина, 1987. С. 16. Рис. 3].

Однако приведенные памятники представляют весьма условные аналогии склепообразным и фигурным насыпям гунно-сарматской культуры. Прямоугольные ограды Чаш-Тепе не имеют точной культурной атрибуции. Сырцовые склепы хорезмских, джетысарских и южноказахстанских памятников данного времени имеют достаточно конкретное функциональное назначение — погребальные камеры. Саргатские округлые и неправильно округлые рвы внутри насыпей несут в целом савромато-сарматские традиции, связанные с конструктивными особенностями возведения пирамидальных и конусовидных насыпей. Вероятно, истоки традиции сооружения склепов надо искать далеко на востоке, в среде племен хуннской конфедерации и населения Южной Сибири. Княжеские курганы могильников Ильмовая Падь и Ноин-Ула сооружались по принципу возведения прямоугольного склепа, имеющего с юга сужающийся вход, сложенный или ооконтуренный плоскими камнями. Внутренняя часть котлована была заполнена грунтом, вероятно, почти до дневной поверхности. На дне котлована сооружалась могильная яма. Таким образом, конструкция внешне выглядела как каменная прямоугольная ограда, имеющая вход с южной стороны [Коновалов, 1976. С. 153–155].

В синхронных памятниках изыхского и сырского этапов тагарской культуры прямоугольные склепы, имеющие сужающийся вход с юго-западной стороны, снаружи также были ооконтурены валами, сложенными как из камня, так и из земли [Грязнов и др., 1979. С. 90–122; Кызласов, 1960. С. 17, 18. Рис. 3а, б].

Бесспорно, что склепообразные сооружения гунно-сарматов не являются прямыми аналогами или, точнее, подражанием хуннским или таштыкским склепам. В нашем случае мы фиксируем лишь имитацию этих культурно-архитектурных традиций в среде населения, отделенного от истоков их зарождения многими тысячами километров и сотнями лет.

Здесь необходимо обратить внимание на весьма важный факт. Сегодня большинство исследователей склоняется к мысли, что основная масса склепов хуннских шаньюев была не только построена по ханьским канонам и традициям, но, вероятнее всего, и строилась непосредственно китайскими мастерами. В этой связи, безусловно,

попадая вместе с мастерами за пределы Монголии и Ордоса, эти строительные навыки, равно как и секреты «белых бронз» (в литье зеркал), ламинации (в ковке пакетных сталей) и других, естественным образом оставались недоступными для местного населения. Передавалось лишь общее представление о тех или иных культовых и ремесленных традициях.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в сюнно-хуннских и гунно-сарматских некрополях склепообразные конструкции содержат, как правило, более знатные погребения, чем простые курганы.

Традиция сооружения длинных и гантелевидных курганов сложилась, вероятно, на территории урало-казахстанских степей, так как подобные сооружения в таком большом количестве не встречены больше нигде.

Другая довольно яркая и оригинальная традиция — обряд огнепоклонничества, представленный в приишимской группе памятников. Здесь склепообразные насыпи складываются из глиняных обожженных блоков, а в могильной яме совершается трупосожжение. Для позднесаргатских памятников Западной Сибири первой половины I тысячелетия н. э. характерной чертой также является наличие прокалов в насыпи курганов и неполная кремация [Корякова, 1988. С. 50–51; Могильников, 1972. С. 70].

Хотя следы огня в насыпи или на погребенной поверхности — довольно характерная особенность савромато-сарматских погребальных комплексов более раннего времени, но особый «всплеск» этого обряда, приходящийся, вероятно, на III век н. э., является показателем какого-то нового этнокультурного импульса в среду сармато-аланских кочевников. Подтверждением этому может служить факт появления обряда сжигания или «спекания» умершего в могильной яме, фиксируемый в харинских памятниках Прикамья III века. В. Ф. Генинг связывает появление таких комплексов с началом эпохи Великого переселения и интерпретирует их как памятники угорского населения Южного Зауралья [Генинг, 1959. С. 182]. По мнению И. П. Засецкой, сжигание умершего в могильной яме, это один из отличительных признаков начала гуннской эпохи для Нижнего Поволжья III–IV вв. [Засецкая, 1987. С. 102–103].

Интересен тот факт, что подобные черты погребального обряда обнаруживают позднесарматские памятники лесостепного Волго-Донья I–III вв. Длинные насыпи, склепообразные сооружения с входом в юго-юго-восточной части, трупосожжения над и внутри могильной ямы отмечены в Чертовитском II и Ново-Никольском могильниках [Медведев, 1990. С. 64. Рис. 25В; С. 67. Рис. 27.1; С. 7. Рис. 28.1; С. 161–163]. Большую схожесть имеют некоторые черты погребального обряда одновременных сарматских комплексов, расположенных еще западнее — в Бужакской степи низовий Дуная. Здесь исследованы мегаплановые конструкции в виде подпрямоугольных рвов, ориентированных по линии ССВ–ЮЮЗ и имеющих проходы в южной части, а также курганов, образованных прямоугольными рвами, небольшими валами и длинными насыпями. Схожими также являются особенности конструкции прямоугольных ям с заплечиками и отдельные типы вещевого инвентаря — пряжки, накладки-зажимы [Гудкова, Фокеев, 1984. С. 6–32, 39–52; Фокеев, 1986]. Думается, что чрезвычайное своеобразие данных погребальных традиций исключает случайность их появления здесь. Вероятно, данные комплексы принадлежат какой-то группе гунно-сарматского населения, проникшего к этому периоду далеко на запад вдоль лесостепной полосы.

Следующие особенности погребального обряда связаны с устройством могильной ямы и ориентировкой умершего. Насколько можно судить по существующим на сегодня материалам, ареал кочевнических памятников с северной ориентировкой захороненных весьма широк. Так, погребенные Улангомского могильника скиф-

ского времени лежат преимущественно головой на ССЗ, СЗ. Аналогично этому ориентированы погребенные уюкской культуры Тувы [Кызласов, 1979. С. 32–46; Новгородова, 1989. С. 258–281]. Этнокультурная трансформация и формирование хуннской общности окончательно утвердили на значительной территории северную традицию ориентирования погребенных. При этом отчетливо прослеживаются две тенденции. Хунны Западной Монголии и Тувы (шурмакская культура) имеют характерное отклонение к северо-западу, а в северомонгольских и забайкальских памятниках наблюдается устойчивая тенденция отклонения головы погребенного на ССВ. Другой чертой хуннской этнокультурной трансформации является окончательный переход к индивидуальным или парным (в редких случаях) погребениям, который, вероятно, связан с определенным этапом социального развития родоплеменного общества кочевников северной Монголии. В III–II вв. до н. э. вместительные склепы или склепообразные срубы сменились узкими индивидуальными гробами или колодами и предназначенными для них глубокими удлиненнопрямоугольными ямами. Безусловно, в утверждении данных особенностей усматривается определенное влияние конструктивных погребальных традиций ханьского Китая, особенно в сооружении княжеских усыпальниц. В отдельных хуннских погребениях фиксируются и могильные ямы с подбоями. Распространение традиции вытянутопрямоугольных индивидуальных ям с северной ориентировкой погребенных происходит в западном и юго-западном направлении, вероятнее всего, в последние века до нашей эры. Этим и более поздним временем датируются погребения в простых узких прямоугольных и подбойных могильных ямах с северной ориентировкой умерших в кочевнических могильниках Северной Бактрии (Тулхарский, Аруктаусский, Кокумский, Бабашевский) [Мандельштам, 1975], а также погребения некрополя Тилля-Тепе [Сарианиди, 1989. С. 46–135]. На территории Притяньшанья, Ферганской долины, Семиречья погребальные комплексы, имеющие данные черты обряда (узкие прямоугольные ямы, подбои, северная ориентировка погребенных, гробы), встречаются весьма редко среди материалов культуры усуней (Кызыл-Кайнар, курган 4), культур Ферганы и келесских степей [Максимова, Мерсчиев, Вайнберг, Левина, 1968; Максимова, 1972. С. 137. Рис. 5; Сорокин, 1954. С. 131–133].

Погребальные сооружения культур бассейна Верхней и Средней Сырдарьи представлены сырцовыми мавзолеями и катакомбами, как правило, с групповыми захоронениями. В отличие от этих культур, яркое своеобразие проявляют комплексы джетыясарской культуры низовий Сырдарьи. Оригинальность погребальным традициям джетыясарского населения, на наш взгляд, придают именно погребения в удлиненных прямоугольных подбойных ямах и ямах с нишами и заплечиками, в которых большинство погребенных лежат головой на север [Левина, 1996. С. 89–121]. Насколько позволяет судить датирующий погребальный инвентарь (ременная гарнитура, бусы, фибулы, зеркала), могильники этой культуры появляются в Восточном Приаралье в последних веках до новой эры, а массовое их существование приходится на II–IV вв. н. э. [Левина, 1996. С. 145–149; 152–160; С. 218–243. Рис. 121–131, 139–140]. И, наконец, как указывалось выше, с середины II века н. э. традиция погребений в удлиненных прямоугольных подбойных ямах прочно утверждается в широком поясе степей и юга лесостепей от Иртыша до Дуная. При этом, как уже отмечалось, восточные памятники этого ареала позднесарматского времени довольно немногочисленны [Корякова, 1988. С. 86–87; Матвеев, Матвеева, 1985; Могильников, 1972. С. 239–247]. В западных памятниках поздних сарматов Волго-Донья они составляют менее одной трети от всех погребений при преобладании подбойного типа, а северная ориентировка погребенных окончательно утверждает здесь лишь с конца III века н. э. [Скрипкин, 1984. С. 62, 73].

Устойчивое преобладание удлиненно прямоугольных могильных ям и север-

ной ориентировки умерших отчетливо фиксируется в урало-казахстанских комплексах левобережного бассейна Урала середины II–IV вв. н. э. В IV–V веках могильные ямы этого типа преобладают в лесостепных памятниках Южного Урала. Эта тенденция сохраняется и в более позднее время, в памятниках турбаслинской культуры Южного Приуралья VI–VII вв. [Генинг, 1972. С. 274–278; Мажитов, 1968. С. 65–73; Пшеничнюк, 1968. С. 105–112; Сунгатов, 1995. С. 118–137]. При этом необходимо еще раз отметить что удлиненные подпрямоугольные простые и подбойные могильные ямы, а также ямы с заплечиками появляются в урало-казахстанском регионе в последние века до нашей эры. А в более ранних комплексах этого региона наблюдается преобладание овальных могильных ям и южной ориентировки погребенных (Танеберген II, курган 11, погребение 1–3; курган 10, погребение 2; Конурсак, курган 1; Тасмола, курган 36; Жабай-Покровка, погребение 32; Саргары, курган 3; курган 4, погребение 2; Стрелецкое; Лисаковское; Петровка; Акчийат, курган 2, погребение 2). Северная ориентировка погребенных зафиксирована лишь трижды (Целинный I, курган 30; Саргары, погребение 1; Акчийат, курган 2, погребение 2).

Несмотря на отсутствие преемственности кочевых культур II века до н. э. – I века н. э. и II века н. э. – V века н. э. в урало-казахстанских степях, традиция сооружения удлиненнопрямоугольных могильных ям с заплечиками или подбоями, имеющими меридиональную ориентировку, существует так же, как и в Джетыясарском урочище, с последних веков до нашей эры.

С определенной долей уверенности можно сказать, что распространение традиции захоронения в гробах и колодах шло из степей Монголии и юга Сибири теми же путями, что и распространение традиций рассмотренных выше типов могильных ям. Так, совершенно справедливо автор исследований погребений могильника Тилля-Тепе усматривает схожесть гробов, обнаруженных в них, с хуннскими [Сарианиди, 1989. С. 165–166]. Думается, что отсутствие гробовых конструкций в джетыясарских погребениях может быть обусловлено, в какой-то мере, естественными причинами – отсутствием широкоствольного леса для изготовления дощатых гробов. К сожалению, плохая сохранность гробовых конструкций в гунно-сарматских памятниках не позволяет сравнить их с хуннскими гробами по способу изготовления. Однако само существование этой традиции наводит на мысль о неслучайном характере данной параллели.

Теперь попытаемся воссоздать картину исторических событий, происходивших в срединной Евразии во II–IV вв. н. э. По данным китайских хроник Бань Гу и Фань Э, с 80 года и до середины II века н. э. происходит окончательное вытеснение хуннов из северомонгольских степей в Среднюю Азию и Центральный Казахстан [Материалы по истории сюнну, 1973]. Однако сам процесс инфильтрации хуннского населения в различных направлениях, в том числе и на запад, начался, вероятно, еще с середины I века н. э., после распада единой хуннской державы. Нам не известны письменные источники, позволяющие проследить маршруты передвижений, либо определить территории обитания хуннов и гуннов от Тянь-Шаня до Каспия. Всеми исследователями, касавшимися гуннской проблематики, неизменно приводятся два источника по раннегуннской истории. Это упоминание греческого поэта Дионисия Периегета (середина II века н. э.) и известие античного астронома и географа Клавдия Птолемея (вторая половина II века н. э.). Вероятно, сегодня можно составить целый историографический экскурс работ и точек зрения исследователей по интерпретации этих весьма информативно ограниченных источников. Одними авторами унны (гунны) Дионисия помещаются на территории между Каспийским и Аральским морями [Артамонов, 1962. С. 42; Латышев, 1948. С. 37; Халиков, 1987. С. 90; Altheim, 1960], другими – в северном или северо-западном Прикаспии [Гмыря, 1995. С. 9, 47; Гумилев, 1960. С. 120–125; 1992. С. 101–102; Засецкая, 1994. С. 134–138].

При ошутимом преобладании последней точки зрения думается все же, что вопрос точной локализации гуннов Дионисия остается спорным.

С тем, что Птолемей помещает гуннов в степях Восточной Европы, согласны большинство исследователей [Засецкая, 1994. С. 157; Ковалевская, 1984. С. 94; Латышев, 1948; Manchen-Helfen, 1973]. Не вдаваясь в тонкости интерпретаций данных исследований, заметим следующее: приведенные источники, несмотря на свою неоднозначность, в целом указывают на явное присутствие гуннского населения у степных границ Восточной Европы к середине II века н. э.

Вероятнее всего, отсутствие видимой археологической атрибуции материальной культуры гуннского населения на столь раннем этапе (за 200 лет до начала гуннской легендарной истории) заставило усомниться некоторых исследователей в точности сведений, приводимых вышеуказанными античными авторами [Maench-Helfen, 1945. P. 244–252; Засецкая, 1994. С. 136].

Однако введенные в научный оборот Л. Б. Гмырей армянские раннесредневековые источники позволяют окончательно убедиться в подлинности сведений и Дионисия, и Птолемея. Так, в трудах некоторых армянских историков V века сохранились сведения о военных походах гуннов Прикаспия в страны Закавказья в 30-х годах III века и в первом десятилетии IV века. Агафангел сообщает об участии гуннов в военном походе армян против персов в 227 году [Гмыря, 1995. С. 47–48]. То есть менее чем через 50 лет (!) после первых упоминаний Дионисия гунны уже являлись ошутимой военно-политической силой в кавказско-переднеазиатском регионе.

Суммируя сказанное, заметим, что, вероятно, неправомерна точка зрения об эпизодичности и случайности присутствия племен гуннского союза в степях Волго-Уральского междуречья с середины II века н. э. Более того, возможно, первое проникновение гуннов в Волго-Донские степи произошло еще раньше — в I веке н. э. В этой связи кажутся совершенно справедливыми наблюдения, сделанные И. П. Засецкой на основании материалов восточного происхождения из кургана 51 Суловского могильника [Засецкая, 1994. С. 138]. Также необычайно интересно появление ярких гунно-сарматских черт погребального обряда (склепообразные сооружения, длинные курганы, «огнепоклонничество») в комплексах Чертовицкого II и Новоникольского могильников I–II вв. н. э. в лесостепном Подонье [Медведев, 1990. С. 64. Рис. 25В; С. 70. Рис. 28; С. 161–163].

Вопрос об археологической атрибуции гуннов уже неоднократно ставился различными авторами при рассмотрении особенностей известных ранее материалов из памятников поздних сарматов Нижнего Поволжья, подбойно-катакомбных комплексов сармато-аланского населения Средней Сырдарьи, Ферганы и Северной Киргизии. Их гуннская принадлежность определялась исследователями на основании особых черт наиболее ярких комплексов первых веков нашей эры [Мандельштам, 1978. С. 22–25], отдельных черт погребального обряда (подбойно-катакомбные погребения) [Нечаева, 1961. С. 152; Sulimirski, 1970, P. 142–144], особого набора вещевого материала (вооружение, полихром, особенности котлов) и черт погребального обряда (наличие огня, костей коня и др.), характерных для более поздних комплексов конца IV–V вв. [Засецкая, 1982. С. 102–107; 1994].

Шаткость данных представлений уже отмечалась в специальных исследованиях. Так, С. С. Сорокиным довольно убедительно доказано местное происхождение основной части подбойно-катакомбных погребений Ферганы [Сорокин, 1961]. Что касается позднесарматских памятников, то здесь, вероятно, нельзя не согласиться с ведущим их исследователем А. С. Скрипкиным, который пришел к следующим заключениям. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья в основном сформировалась из двух компонентов — местное сарматское население Поволжья и При-

уралья, являвшееся здесь носителем среднесарматской культуры (часть их входила в середине I века н. э. в аланское объединение), и пришлое население Средней Азии, во многом близкое местным сарматам и, скорее всего, вышедшее из среды кочевников, появление которых в Средней Азии было ознаменовано распространением во II веке до н. э. курганных могильников, обнаруживших близкое сходство с сарматскими памятниками [Скрипкин, 1982. С. 54].

Введение в научный оборот материалов джетыясарской культуры и урало-казахстанских гуно-сарматских комплексов позволяет по-новому построить археологический образ этнокультурных процессов, связанных с миграцией центрально-азиатского населения в степи Западной Азии. Первым сюжетом этой истории являются хунно-кангюйские взаимоотношения, возникновение которых относится еще ко второй половине I века до н. э. Китайские хроники Хань-шу говорят о том, что Чжи-Чжи создает союз с кангюями против усуней. Для этой цели хуннский шаньюй приводит свои племена к восточным границам владений Кангюй [Кюннер, 1961. С. 175–176]. В связи с изложенным заметим, что джетыясарские памятники совершенно справедливо соотнесены Л. М. Левиной с культурой кочевническо-земледельческого государства Кангюй [Левина, 1996. С. 375]. Вероятно, это в определенной мере подтверждает факт появления в джетыясарских некрополях, наряду с сырцовыми склепами, кочевнических курганов с узкими прямоугольными ямами и подбоями, с северной ориентировкой погребенных, а также котлов, керамической посуды хуннского облика и китайских зеркал раннеханьского времени.

Длительные кангюйско-хуннские взаимоотношения логично завершаются переселением значительной части северных хуннов в низовья Сырдарьи в 91 году н. э. [Мандельштам, 1978. С. 24]. На наш взгляд, данный исторический факт хорошо подтверждается материалом джетыясарской культуры. Удивительна схожесть погребений, совершенных под грунтовыми курганами в ямах с заплечиками и нишами, а также в подбойных ямах, которые исследованы в могильниках Томпакасар, Алтынасар 4В, 3К, Л, М, О, Р, Т, с хуннскими и хунно-сарматскими погребениями Кокзальских курганов, Ильмовой Пади и особенно могильника у деревни Даодуньцзы в Северном Китае [Коновалов, 1976. С. 34–35. Рис. 7; 11; 20; С. 55–57. Рис. 29. С. 76–78. Рис. 48; Das Graberfeld., 1984. P. 23. Abb. 1–5; У Энъ, Чжун Кань, Ли Цзиньцэн, 1990. С. 89–93]. Ярким элементом схожести и этнокультурным маркером является присутствие костей животных в нишах, а также черепов коров в погребениях, которое Н. В. Полосьмак было выделено как важнейший показатель сюннской культуры [Полосьмак, 1990. С. 101–107]. Керамический комплекс джетыясарской культуры представлен двумя группами. Группу 1 образуют сосуды кочевнического облика — открытый, «напольный» обжиг, грубая лепка, изготовление из неравномерно перемешанного теста, поверхность покрыта серым налетом. Эти сосуды плоскодонные, имеют удлинённые пропорции, плавно профилированные формы, раструбообразную шейку. Сюда относятся уже приводившиеся горшки с короткой шейкой и отогнутым венчиком, имеющие лунообразные или пупырчатые налепы [Левина, 1996. С. 188. Рис. 63, 64, 66]. Посуда второй группы, изготовленная ремесленным способом и обожженная в горнах, представлена разнообразными формами горшков, хумов, фляг, кувшинов и др. По мнению Л. М. Левиной, эти типы либо продолжают традицию ранее сложившегося местного чирикрататского керамического комплекса, либо обязаны своим появлением влиянию сопредельных этнокультурных очагов (арысского, среднесырдарьинского, ферганского и притяньшаньского) [Левина, 1996. С. 188. Рис. 63, 64, 66]. На наш взгляд, формы горшков первой группы и отдельные детали обработки их поверхности, а также декор складываются в удаленных районах Азии и имеют прямые аналогии в классических памятниках хуннской культуры Монголии и Южной Сибири [Давыдова, 1996. Табл. 3, 2; 5, 23; 6, 2; 7, 13;

18, 12; 21, 2, 3; 24, 3; 34, 11, 13; 36, 5–7, 9–11; Коновалов, 1976. Табл. XXIII, 3; XXV, 1–6; XXVI, 2–5, 10–13; *Das Graberfeld...*, 1984. Abb. 20, g.1; 21 E, F.2; 22, d.5, m.1; 23, B.2, C.1, d.1, g.1.3; 25, C, 2, d, 1; 28, B, 1, R, 2, 3, j.8; 29, A, 1–4; 32, E, 1.8; 42, H, j, N, L.1; 43, g; 4.d, g, 6]. К этому же числу, безусловно, относятся керамические котлы хунно-гуннского типа, о чем подробно говорилось автором исследований [Левина, 1966. С. 57]. Двухкомпонентность джетыясарской культуры отчасти подтверждается и наличием двух основных типов погребального обряда – сырцовые склепы и курганные захоронения. В целом же единство оседлой земледельческой и кочевнической культур явление весьма характерное для многих раннегосударственных образований (кушанское, хазарское, болгарское, золотоордынское и др.). Однако, приводя как аналогии исследованные на сегодняшний день погребальные комплексы джетыясарской культуры, следует сделать одну оговорку. В подавляющем большинстве курганные и скеленные погребения, которые поддаются датировке, относятся к пост-гуннскому периоду конца V–VIII (возможно, IX) вв. В этой связи, гуннские традиции в погребальном обряде и вещевом инвентаре асарских некрополей, вероятнее всего, являются реминисценциями гунно-сарматской культуры, носителями которой было кочевое население урало-аральской пастбищной кочевой провинции в предшествующий период.

Вероятно со II века н. э. хунны начинают активно осваивать урало-аральскую пастбищно-кочевую зону, которая являлась традиционной территорией сезонных миграций многих кочевых сообществ урало-казахстанских степей [Таиров, 1993]. Таким образом, с этого времени хуннские кочевники появляются в летний период у лесостепной кромки Южного Урала. В этой связи интересно сообщение Хэ-Цю-Тао о том, что северные границы Кангюй простираются до Урала [Кюннер, 1961. С. 74]. Вероятно, к концу II века н. э. в Приаралье происходит резкое ухудшение экологической ситуации, связанной с регрессией гидросистемы, что приводит в III–IV вв. к заболачиванию Арала и опустыниванию бассейна Сырдарьи [Аммиан Марцеллин, 1906. С. 233]. Это хорошо подтверждается результатами аэродешифровки и археологических исследований районов Сырдарьинских протоков [Левина, 1993. С. 34; Левина, Галиева, 1993. С. 19–20]. Именно с этого времени и на протяжении двух столетий территория урало-ишимского междуречья стала зоной стабильного обитания гунно-сарматского (кангюйского) населения. Тогда и сложился тот облик материальной культуры, который рассматривался выше. На востоке и севере гунно-сарматское население во II–III вв. активно взаимодействовало с позднесаргатским и угро-самодийским населением Западной Сибири и Среднего Урала. При этом ряд авторов считает, что проникновение хуннского населения в наиболее ранний период — с середины I века до н. э. — шло вдоль бассейна Верхнего Приобья и далее на запад [Николаев, 1984. С. 29]. Это привело сначала к смещению саргатских племен в Юго-Западной Сибири, а затем к серьезным подвижкам всего пласта лесного и лесостепного угро-самодийского населения Тоболо-Иртышского междуречья [Васильев В. И., 1980. С. 46, 49; Могильников, 1972. С. 85–86; Николаев, 1984. С. 32, 33].

Данное предположение, на наш взгляд, вполне справедливо. Процесс продвижки лесного населения хорошо фиксируется в материалах городища Уфа VI и поселения Мурино (север Челябинской области), а также могильника Сабурово (Среднее Поишимье), где обнаружена фигурно-штамповая керамика IV–V вв. Однако связывать данные перемещения только с событиями историко-политического характера означало бы их весьма упрощенное толкование. Вероятнее всего, внешне-политический аспект являлся лишь следствием глобальных природно-климатических изменений, связанных с увлажнением гумидной и усыханием аридной зон, происходивших с конца I века до н. э. по IV век н. э. [Корякова, Сергеев, 1986. С. 92].

Результатом этого явилось движение степных кочевых племен на север к более увлажненной кромке лесостепи (формирование гунно-сарматского ИКК и Урало-Аральской ПКП).

В более ранний период саргатское население, по мнению В. А. Могильникова, двигаясь на запад, смешивается с гороховским в Зауралье и прекращает свое существование в III–IV вв. [Могильников, 1972. С. 86]. И. В. Васильевым было высказано мнение, что данный процесс начался раньше, скорее всего во II веке до н. э. [Васильев В. И., 1980. С. 52]. Однако процесс южносибирской хунно-гуннской миграции остается весьма схематичным и оспаривается отдельными исследователями [Худяков, 1996. С. 40–42].

На западе гунно-сарматы в II–IV веках, как уже упоминалось, граничили с сармато-аланскими племенами. На наш взгляд, это прекрасно иллюстрируется материалами крайне западных некрополей гунно-сарматской культуры, в частности Лебедевского комплекса, где велик процент подбойных погребений (особенно среди женских), присутствуют нижневолжские формы горшков и отдельные типы кувшинов. Этот же процесс подтверждается и материалами заволжских памятников позднесарматской культуры. Здесь наиболее рано появляется северная ориентировка умерших, большой процент составляют удлиненнопрямоугольные могильные ямы, часто встречаются вещи гунно-сарматского облика (котлы хуннского типа, отдельные типы кувшинов). В этой связи нельзя не вспомнить предположение, высказанное Т. Сулимирским, о том, что аланы Нижнего Поволжья находились под большим влиянием гуннов и приняли многие их обычаи [Sulimirski, 1970. P. 142–144]. Стоит добавить, что трудно отследить, какая именно из направляющих этого процесса была доминирующей – имела место активная гуннизация заволжского сармато-аланского населения или сарматизация гуннов Приуралья и Западного Казахстана. Можно предположить, что во II–IV вв. на восточной границе степной Европы шла активная этническая диффузия двух великих кочевых сообществ, завершившаяся окончательным сложением кочевого государства гуннов и разгромом волжских и донских сарматов и аланов. Со второй половины IV века урало-казахстанские степи опустели. Зоной активных этнокультурных процессов становится лесостепь Южного Урала. В Приуралье взаимодействие гунно-сарматского и местного финно-угорского (карабызско-имендяшевского) населения приводит к сложению турбаслинской культуры, которая просуществовала здесь вплоть до VII века [Генинг, 1972. С. 274–278; Мажитов, 1977. С. 45–50; Сунгатов, 1995. С. 136] (рис. 69, 42, 43).

По мнению отдельных авторов, к позднегуннским памятникам относится и Тураевский могильник воинской знати в Нижнем Прикамье, что подтверждается как погребальным обрядом (узкие, глубокие могильные ямы с нишами, гробы), так и набором вещевого инвентаря (мечи и кинжалы с халцедоновым навершием, типы конской узды, ременной гарнитуры, зажимные накладки с кольцевыми подвесками, сердцевидные накладки) [Gening, 1995. P. 270, 281, 287. Abb 19, 11, 12, 35; 21, 11–13, 25 1–7; 26, 11–16]. Аналогично памятникам Южного Урала в материалах Тураево присутствуют элементы влияния со стороны местных культур (типы железного инвентаря и керамики) [Gening, 1995. Abb 18,2; 20, 5, 6; 23, 5; 24, 10–12; 32, 7–9]. Однако детальный разбор особенностей погребального обряда тураевцев не позволяет соотнести данный комплекс с гунно-сарматскими, о чем будет подробнее изложено ниже.

В Зауралье гунно-сарматское население смешивается с угорскими зауральскими племенами (кашинский и прыговский археологические типы) (цв. вклейка, рис. 5, 41) и мигрирует вдоль бассейна реки Чусовой на северо-запад в нижнее течение реки Камы, где участвует в формировании харинских памятников ломоватовской культуры [Генинг, 1959. С. 184–187; Викторова, Морозов, 1993. С. 174–181].

Исход гуннов из южноуральских степей был продиктован не только общей логикой исторических событий. Цикл ксеротерма и аридизации приводит в это время к опустыниванию прикаспийских степей (по почвоведческим данным И. В. Иванова) и вынуждает часть гуннов уйти в Восточную Европу, освоив в качестве родовых зимовий предгорные долины Дагестана, а оттуда совершать свои рейды на Запад и в Закавказье [Гмыря, 1995. С. 229–278]. Другая часть, откочевав на север, заняла лесостепную нишу по обеим сторонам Уральских гор, постепенно растворившись в среде местного финно-угорского населения. В древнейшей венгерской хронике короля Белы (XII–XIII вв.) анонимный автор неоднократно упоминает о том, что первый король мадьяр, проживавших на Уральской прародине накануне исхода, был прямым потомком гуннского вождя Атиллы [Эрдели, 1967. С. 173–174]. Безусловно, в этих упоминаниях могла воздаваться дань традиции, существовавшей в среде многих древних народов – вести свою родословную от легендарных предков и их родовых вождей. Однако с определенной долей вероятности можно предположить, что гуннская кочевническая аристократия действительно занимала главенствующее положение в родоплеменной структуре лесостепного населения Урала. А многочисленные примеры сохранения родословных в среде кочевых народов позволяют предположить, что в союзе мадьярских племен действительно существовала аристократическая ветвь, ведущая родословную от уральских гуннов. Упомянем в этой связи, что этногосударственное самоназвание гуннов сохранялось вплоть до первой половины VIII века [Гмыря, 1995. С. 74–76].

§ 1. Гуннские парадоксы. При рассмотрении основных составляющих историко-культурного комплекса (ИКК) восточноевропейских погребальных памятников гуннской эпохи IV–VI вв. бросается в глаза их культурная неоднородность. Условно все памятники можно разделить на три типа. Первый составляют подкурганные погребения в прямоугольных могильных ямах с северной ориентировкой захороненных, в отдельных случаях имеются гробы и прослеживается деформация черепов (Шипово, Ленинск, Новоивановка, Антоновка, Владимировка, Беляус, Большой Такмак, Переполовенка). Насколько можно заметить, это черты уже знакомого нам гунно-сарматского ИКК. Вещевой комплекс мужских и женских погребений также содержит обязательный состав категорий вещевого инвентаря, характерного для гунно-сарматских и позднесарматских памятников. Более того, многие из типов вещей, включая и предметы полихромного стиля, имеют истоки в позднесарматское время. Следующий тип памятников IV–VI вв. составляют погребения, совершенные под курганами либо внутри прямоугольных оград по обряду кремации (?) (сожжение на стороне, кострища) (Усть-Караман, Покровск, Бородаевка, Новогригорьевка и др.). И, наконец, третий тип образуют комплексы с широтной ориентировкой погребенного с конем либо его шкурой, положенной в ногах погребенного или рядом на ступеньке (Зеленокумское, Верхнепогромное, Кубей, Концешты, Энгельс и т. д.). Как будет подробно рассмотрено ниже, главные черты двух последних типов памятников характеризуют основные тюркокультурные ареалы. То есть данные комплексы, вероятно, маркируют уже новую тюркскую эпоху. Истоки возникновения отдельных типов вещевого инвентаря, появляющихся в V–VI веках, также указывают на территорию тюркокультурных Саяно-Алтайских ареалов.

Таким образом, памятники Восточной Европы, рассматриваемые как гуннские, с одной стороны, несут на себе яркие предшествующие позднесарматские черты, с другой – последующие тюркские. Если принять мнение И. П. Засецкой, которая весьма категорично отрицает генетическую преемственность позднесарматского и гуннского населения, а черты схожести относит к разряду пережиточных, то ИКК восточноевропейских гуннов в культурном смысле будет бисоставным. Одну его часть составят комплексы с позднесарматскими или сармато-аланскими традициями, другую — с тюркскими. Следует заметить, что существует ряд комплексов, где эти традиции смешиваются (погребения с конем и северной ориентировкой погребенных). Из сказанного следует, что собственно хунно-гуннский ИКК выпадет из общей логики рассуждения. Тюркокультурные комплексы с кострищами, кремацией и погребениями с конем составляют добрую половину всех рассматриваемых погребальных памятников. Объяснение того, что это могли быть тюркские кочевники, втянутые в общегуннский поток [Засецкая, 1994. С. 22], нам кажутся весьма натянутыми. Во-первых, слишком велика их доля в общем составе памятников. Во-вторых, большая их часть относится либо к поздне-, либо к постгуннскому времени.

Парадоксальна и география комплексов «гуннской эпохи». Если учесть, что большую часть своей легендарной истории гунны господствовали в Северном Причерноморье, то почему количество поволжских памятников, отнесенных к гуннам, фактически равно их количеству в Северном Причерноморье*? Почему значитель-

* При этом, как нам представляется, степень изученности этих регионов примерно равная.

ная часть комплексов «гуннской эпохи» относится к самому позднему ее периоду, когда гунны либо уже господствовали далеко в Европе, либо сошли с исторической арены? И, наконец, где же, собственно, те могучие и многочисленные гунны, которые сокрушили грозных аланов и готов? Кстати, памятники этих покоренных народов нам известны по археологическим данным несравненно в большем количестве, чем те несколько десятков погребальных комплексов и мест случайных находок, которые сегодня собственно и составляют наши представления об европейских гуннах. К сказанному следует добавить еще один парадокс. Известен целый ряд письменных источников, фиксирующих гуннов (унов) в Восточной Европе с середины II по начало IV века (Птолемей, Дионисий, Агафангел, Иордан). Однако благодаря совместным усилиям сарматоведов и гунноведов этим ранним гуннам отказано в европейской прописке, по крайней мере, до конца IV века. Если же принять исторические реалии, то необходимо признать, что гуннское вторжение в Восточную Европу и Западную Азию было не разовым нашествием (подобно походу Чингисхана), а массовым переселением части населения большой кочевой хуннской империи на новые территории, где оно обитало почти четыре столетия — с II по V век. Однако на сегодняшний день в рамках существующих историко-культурных схем, как можно убедиться, нет места для ранних гуннов и весьма разнородно выглядят материалы археологии европейских гуннов. Абстрактное помещение ранних гуннов где-то в пределах Южного Казахстана и Средней Азии, насколько позволяет убедиться логика главы II данного исследования, также не имеет под собой реальной основы в материалах кочевого и полукочевого населения этих регионов. Лишь кочевнические курганные комплексы джетыасарского типа и, в большей мере, гунно-сарматские памятники урало-казахстанских степей несут на себе явные черты хунно-гуннского ИКК. В контексте сравнения урало-казахстанских гунно-сарматских и позднесарматских памятников Нижнего Поволжья мы особо подчеркивали, что различия между ними имеют количественный характер, в целом же данные культуры слагались под воздействием единых инновационных процессов. Поэтому различия двух культур в определенной мере зависят от удаленности их памятников друг от друга. Так, наиболее близки гунно-сарматским комплексам позднесарматские курганы из могильников Заволжья (Сусловский, Блюменфельд, Алт-Веймар, Шульц, Харьковка, Визенмиллер и др.), а большие черты схожести с позднесарматскими памятниками, соответственно, имеют комплексы, расположенные на западе гунно-сарматского региона (Лебедевские могильники). Различия углубляются при значительном удалении. Так, проведенное Э. А. Рикманом сравнение позднесарматских комплексов, исследованных в Днестровско-Дунайском междуречье, то есть фактически на крайнем западе позднесарматского ареала, с памятниками Нижнего Поволжья позволило обнаружить существенные различия между ними. В молдавских памятниках очень редкими являются курганные насыпи. Обычны могилы, жертвенники из мясной пищи, луки «гуннского» типа, короткие мечи, зеркала с боковой ручкой. Тем не менее остаются единые магистральные черты, которые позволяют рассматривать все позднесарматские комплексы как памятники единого культурно-исторического ареала. Это, прежде всего, прямоугольные узкие могильные ямы, северная ориентировка погребенных, деформация черепов, близкие формы оружия и керамики [Рикман, 1975. С. 59]. Из всего вышесказанного вытекает следующее принципиальное соображение. *По нашему мнению, позднесарматская культура является отражением эпохальных изменений, связанных с установлением совершенно иных историко-культурных ориентиров. Основным источником происходивших этнокультурных изменений явилось гунно-сарматское кочевое население, покинувшее в середине II века н. э. пределы Восточного Туркестана.*

§ 2. Позднесарматское время в Восточной Европе. Понимание историко-культурных процессов, протекавших в степях Восточной Европы в первой половине I тысячелетия, весьма затруднено. Самое общее объяснение этого состоит в том, что первые века новой эры ознаменовались множественными миграциями, которые приводили вначале к общей перегруппировке населения в пределах восточноевропейских степей, а затем к сложению новых культурных образований. При этом, как нам представляется, приток нового населения в этот регион был настолько перманентным, что процессы этнокультурогенеза, происходившие здесь в течение нескольких веков, постоянно находились на деструктивной стадии. Начало этого процесса ознаменовал приход новой и, вероятно последней волны сарматских миграций, представленной племенами аланского союза, заселившими степи бассейна Дона, Нижней Волги [Сергацков, 1998. С. 45] и, вероятно, Северного Кавказа в 70-х годах I века н. э.

Приток населения в этот период был весьма значительным, на что в определенной мере указывает высокая плотность памятников I—начала II вв. н. э. на Нижнем Дону, в междуречье Сала и Маныча [Максименко, 1998; Илюков, Власкин, 1992. С. 230–234], в лесостепном Подонье [Медведев, 1998], а также на Нижней Волге [Скрипкин, 1990]. К востоку от Волги количество памятников этого времени резко уменьшается, хотя встречаются они вплоть до Оренбургского Приуралья (цв. вклейка, рис. 5, 33). В южноуральских, северо- и западноказахстанских степях, как уже отмечалось, комплексы рубежа эры—начала II в. н. э. единичны. Это в определенной мере объясняется тем, что переселение алан из Средней Азии в Восточную Европу в этот период шло согласно И. В. Сергацкову вдоль южного побережья Каспия через Гирканию и Кавказ. Приуральские степи в этом случае представляли собой далекую периферию ареала среднесарматской культуры [Сергацков, 1998. С. 47].

Однако, как нам представляется, Средняя Азия также не являлась исходным регионом финальной сармато-аланской миграции. Как было разобрано выше (см. Глава 2, § 3), территории Таласа, Кетмень-Тюбе, Ферганы, Исфары и Сырдарьи активно заселяются в этот же момент новыми переселенцами с востока, которые и определяли основную этнокультурную аланскую доминанту Кангюя и Кана. Первопричиной этого, как нам представляется, явился окончательный исход восточно-иранского населения из северо-западного Гансю и юго-восточного Туркестана, где располагались «Малые юэчжи» [Габуев, 2000. С. 58].

Переселение в Восточный Туркестан северных хуннов, вызванное поражением нанесенным им сяньби и объединенным войском Хань и южных хуннов, вероятнее всего, привело к окончательному исходу юэчжей и исчезновению Малых Юэчжей в Гансюйском коридоре и Восточном Туркестане. На наш взгляд, эту позднеюэчжйскую миграционную волну составляли несколько весьма отличающихся друг от друга этноплеменных объединений, о чем могут свидетельствовать историко-культурные последствия этого переселения.

Археологические материалы первых веков новой эры позволяют достаточно четко дифференцировать культурный облик переселенцев. Кангюй и Кан заселяют племена, хоронившие своих умерших в дромосных катакомбах (кенкольский тип). Давань (Кетмень-Тюбе) осваивает население, оставившее погребения в подбойных и простых могильных ямах с южной ориентировкой умерших (карабулакский тип). Вероятнее всего, к этому ряду событий относится и появление погребений юэчжйско-кушанской знати, исследованных в стенах Тилля-Тепе. В противном случае, как уже упоминалось, трудно объяснить наличие среди тиллятепинских материалов столь ярких восточных параллелей (конструкции гробов, предметы вооружения, китайский импорт и т. п.) [Сарианиди, 1989. С. 57, 98, 155, 165].

На западе эта миграционная волна достигает вначале Западного Прикаспия и Северо-Восточного Предкавказья, где в начале II века н. э. появляются катакомбные памятники терекско-дагестанской группы [Берлизов, Каминский, 1993. С. 94–96], а затем — бассейна Дона и Нижней Волги. Сюда, на наш взгляд, проникает особая авангардная группа кочевого и полукочевого аланского населения. Результатом этого, с одной стороны, явилось вытеснение из Волго-Донья населения, составляющего на тот момент общесарматский ареал (роксоланы, аорсы, сираки), с другой — возникновение Донской Алании [Яценко, 1993. С. 83; Мачинский, 1974. С. 131–132; Скрипкин, 1997. С. 24–25; Виноградов, 1994. С. 162. Рис. 3]. Аланское население (аланы-танаиты) оставило многочисленные комплексы, которые и определили облик финального этапа (I–начало II вв. н. э.) среднесарматской культуры (подбойные погребения с южной ориентировкой умерших, диагональные погребения) [Максименко, 1998. С. 82–93; Скрипкин, 1990. С. 184–185].

Из данного краткого экскурса аланской миграции очевидно, что ее, вероятно, составляли различные иранокультурные (в бывшем юэжжийские) объединения, в результате чего получил существенные отличия облик памятников, составивших историко-культурную специфику отдельных регионов Средней Азии (Талас, Исфара, Сырдарья, Фергана, Северная Бактрия) и Восточной Европы (Северо-Восточный Каспий, Предкавказье, Волго-Донье).

Насколько правомерно устанавливать столь протяженный вектор аланской миграции? Среднеазиатские параллели материалам аланских погребений Восточной Европы у большинства авторов сегодня не вызывают никаких сомнений. Установилась даже определенная традиция: при анализе материалов из богатых аланских погребений, в которых встречены драгоценное оружие, ритуальные сосуды, поясные наборы, гривны, браслеты, приводить прямые аналогии из среднеазиатских центров Парфии и Кушанской Бактрии, прежде всего тиллятепинских некрополей [Гугуев, 1992. С. 123–127; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989; 1993. С. 159; Симоненко, 1992. С. 157; Шилов, 1983а. С. 190; Беспалый, 1992. С. 189; Прохорова, Гугуев, 1992. С. 157].

По мнению Е. Е. Кузьминой и В. К. Гугуева, многие ювелирные изделия, в том числе и предметы «сарматского полихромно-бирюзового звериного стиля», были изготовлены бактрийскими мастерами по заказу степной кочевой аристократии (саков, юэжжей, сарматов) [Кузьмина, 1978. С. 199; Гугуев, 1992. С. 127–128]. Однако, как нам представляется, значительное количество подобных находок в погребениях второй половины I века н.э. обусловлен тем, что в это время был осуществлен их своеобразный транзит аланами или «бывшими массагетами», вторгнувшимися в Восточную Европу из Центральной Азии. В этом смысле мы разделяем точку зрения А. С. Скрипкина и Б. А. Раева о миграционном характере среднесарматской культуры [Скрипкин, 1990. С. 127–130; Раев, 1989. С. 126–128]. Однако, на наш взгляд, исходной точкой аланского движения являются территории, находящиеся значительно восточнее среднеазиатского региона.

В определенной мере основанием для такого суждения являются отдельные категории вещевого инвентаря, прямые аналогии которым встречены далеко на востоке среди материалов Северного Китая и Восточного Туркестана [Скрипкин, 2000. С. 19–22]. А. С. Скрипкиным приведен ряд китайских заимствований среди предметов вооружения, встреченных в среднесарматских комплексах. Это — железные мечи и кинжалы с кольцевым навершием, мечи с ромбическим железным, бронзовым или нефритовым перекрестием [Скрипкин, 2000. Рис. 1, 7, 5–13]. К этому списку заимствованных предметов вооружения следует, вероятно, отнести и колчан из катакомбного погребения Пороги, в который входят ярусные и боеголовые наконечники стрел явно восточного — монгольского или северокитайского происхождения [Симоненко, 1992. Рис. 1].

Особо выделяются восточные мотивы в украшении предметов из богатых погребений, таких как Пороги, Запорожский, Кобяково, курган 10, Хохлач, Садовый, курган 1, Жутовский, курган 28, Первомайский VII, курган 14, Косика, Алитуб и др. [Симоненко, 1992. Рис. 2, 3; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. Рис. 1; 1993. Рис. 13, 16, 19; Шилов, 1983а. Рис. 5; Беспалый, 1992. Рис. 3, 7, 9, 12, 3; 12; Ильюков, Власкин, 1992. Рис. 7, 3, 5; 13, 3, 4; 20, 8–10; 21, 4; Прохорова, Гугуев, 1992. Рис. 12, 6, 14, 15]. Происхождение этих мотивов связано с районами Северного Китая, Монголии и Синьцзяна. Это композиционные мотивы, украшающие оружие, конскую узду и поясную гарнитуру, за которыми прочно утвердилось название «ордосского стиля».

Напомним, что «ордосский стиль» — это весьма условное название материалов центральноазиатского происхождения, как в географическом, так и в историческом смысле. Как уже рассматривалось выше (см. глава 2, § 2, 3), первый «выплеск» ордосских бронз в пределы урало-казахстанских и волго-донских степей происходит вместе с населением юэчжийско-сарматского облика (юэчжийско-сарматский ИКК) в самом конце III—I века до н. э. После чего в комплексах этого времени Южного Приуралья и Нижнего Поволжья появляются накладки и пряжки «ордосского типа» [Скрипкин, 2000. С. 25. Рис. 6]. Их появление, также как и появление некоторых других категорий инвентаря, явилось следствием исхода юэчжийско-сарматского населения (юэчжи дома Чжаову) из Северного Китая (Гансюйский коридор) и Восточного Туркестана после поражения вначале от хуннов, а затем от усуней. В этой связи появление новых образцов «ордосского стиля» на западе Евразийских степей спустя 200–300 лет своеобразно отражает второй и последний этап исхода юэчжийско-аланского населения, вероятнее всего, из тех же пределов (Малые Юэчжи). Привнесенные изделия «ордосского типа» довольно часто встречаются в материалах памятников не только северокайских провинций и Большой Монголии, но и Синьцзяна [Тянь Гуаньцзинь, Го Сысинь Бяньчжун, 1986. С. 72. Рис. 1–5; С. 73. Рис. 1–4; С. 93. Рис. 1–3; С. 94. Рис. 1–4; С. 177. Рис. 6, 7; С. 344. Рис. 1–4; С. 345. Рис. 2; Тянь Гуаньцзинь, Го Сухин, 1980. С. 334. Рис. 1, 1, 3, 4; С. 335. Рис. 3, 9, 12, 13].

Особой маркирующей категорией вещевого материала этого стиля на данном этапе становятся выпуклые металлические пряжки-застежки с объемным профилем и зооморфным изображением на внешней стороне. Они обнаружены в курганах 20, 46, 70 могильника Новый, курганах могильников Азовский, Косика, Пороги [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. Рис. 19; Беспалый, 1992. Рис. 3, 7; Ильюков, Власкин, 1992. Рис. 7, 3; Рис. 13, 4; Рис. 20, 8; Симоненко, 1992. Рис. 2, 3]. По нашему мнению, эти образцы поясной гарнитуры возникли и получили свое развитие среди населения Северного Китая и Внутренней Монголии, где они известны уже в ранних памятниках скифского времени [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986. С. 71, 72]. Впоследствии они развиваются и совершенствуются вплоть до Вэйского и Танского периода [The ancient art..., 1994. С. 58. Рис. 139; Ванг Ренхсянг, 1986; Сунь Цзы, 1994; Дун Гао, 1995. С. 35. Рис. 1].

Далеким восточным аналогом имеют также металлические колокольчики (бубенцы), которые в восточноевропейских степях в массовом количестве появляются в I веке н. э. [Косяненко, 1997; Максименко, 1998. С. 139. Рис. 84, 1, 2, 4, 5, 6]. Наиболее близкие им формы известны среди комплексов «ордосских бронз» и памятников раннего железа Китая [Тянь Гуаньцзинь, Го Сысинь Бяньчжун, 1986. С. 137, 138; Цинхай Татусянь..., 1994. Рис. 6, 8, 9, 11]. Поражает сходство отдельных довольно специфических предметов, обнаруженных в аланских погребениях Волго-Донья и комплексах Северного Китая. К таковым относятся листовидные и сферические накладки ременной гарнитуры и конской узды, обнаруженные в кургане 14 могильника Первомайский VII и кургане 10 Кобяковского могильника [Мамонтов, 1995. Рис. 3; Прохорова, Гугуев, 1992. Рис. 8, 45, 46]. Схожей формы накладки найдены

в погребении 1 могильника Лаохэшэнь (провинция Гирин), который, по мнению китайских исследователей, принадлежит ранним сяньбийцам [Цзилин Юйшусянь., 1985. С. 69. Рис. III; С. 81. Рис. XX]. Судя по сопровождающему инвентарю (ярусные двухлопастные наконечники стрел, меч, бронзовый котел и китайское зеркало «ssi-ju»), этот могильник может быть датирован последним веком до н. э. — первым веком н. э.

Просматриваются также определенные параллели и в керамическом комплексе. Выше мы уже обращали внимание на сходство отдельных типов керамики памятников кенкольской группы (алано-кангюйский ИКК) с сосудами из катакомбных и дромосных погребений Северного Китая и Синьцзяна (см. глава 2, § 3). Аналогичные формы плоскодонных горшков с сильно раздутым туловом, узким горлом и отогнутым венчиком, а также сосудов с плавной профилировкой, вытянутым туловом и прямым отогнутым венчиком, появляющихся в Волго-Донье в комплексах рубежа эр — I–II вв. н. э. [Скрипкин, 1990. Рис. 8, 2, 11, 14, 15; 14; 49], встречаются не только в синхронных среднеазиатских памятниках, но и в погребальных комплексах Северного Китая, особенно в слоях городов, и Восточного Туркестана (рис. 25) [Синьцзян Вэньу, 1995. С. 52, 53, 60; 1995а. С. 30, 34, 85]. Данные параллели, возможно, могут показаться лишь как тенденция общей схожести керамических форм, существующих независимо друг от друга. Однако среди керамических материалов погребений I в. н. э. Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (Крепинский I, курган 11, погребение 2; Старые Киишки, курган 20, погребение 4; Бережновский, ЮВ группа, курган 17; Кобяковский, курган 10) [Скрипкин, 1990. Рис. 16, 13–15; Прохорова, Гугуев, 1992. Рис. 3, 15] встречаются весьма характерные двуручные приземистые сосуды, которые присутствуют как особый вид сосудов среди материалов Северного Китая и Восточного Туркестана. Особенно в этой связи выделяется сосуд из Кобяковского 10 кургана, который имеет характерную сферическую крышку, идентичную по конструкции китайским образцам [Шень Си Лон сянь., 1999. Рис. 18, 11–13; Шеньси Шаосян, 1987. Рис. 44, 2, 5, 8; Рис. 2, 9, 11; Цзилин Юйшусянь., 1985. Рис. III, 5; XIV, 17].

И, наконец, особую маркирующую категорию инвентаря в Волго-Донских комплексах рассматриваемого периода составляют китайские зеркала, которые появляются в этом регионе в довольно большом количестве именно в I веке н. э. А. С. Скрипкин особо подчеркивает в этой связи, что проникновение ханьских зеркал в Восточную Европу связано с приходом сюда аланов [Скрипкин, 1997. С. 34].

При рассмотрении карты распространения ханьских зеркал и их подражаний (рис. 59) обращает на себя внимание то, что наиболее западные из них встречаются в Урало-Казахстанских и Волго-Донских степях. Во втором регионе зеркала встречены не только в более ранних комплексах (I–II вв.), но и демонстрируют более ранние стилистические типы (ssi-ju и ching-poi) [Гугуев, Трейстер, 1995], в отличие от зеркал гунно-сарматов, которые относятся к восьмиарочному типу без иероглифов и обнаружены в памятниках II–IV вв. н.э. Аналогичную картину дает картография котлов. Распространение котлов в комплексах I в. до н. э.—начала II в. н. э., которые представлены образцами со сферическим, полусферическим или полуовальным туловом, воронковидным или рюмковидным поддоном, с петлевидными или зооморфными ручками и различной орнаментацией (веревочка, ломаная линия) (тип II, по Боковенко; тип VI, IX, X, XI — по С. В. Демиденко), показывает, что наиболее часто они встречаются в районах Волго-Донья, единичные экземпляры этих типов найдены в Северном Причерноморье [Боковенко, 1977. Рис. 2; Демиденко, 1997. Рис. 12, 14]. На востоке, в урало-казахстанских степях, котлы этих типов фактически отсутствуют [Демиденко, 1997. С. 136]. Напротив, котлы с полусферическим или яйцевидным туловом, петлевидными или кольцевидными ручками, с шишеч-

ками или без них, и орнаментацией (веревочка, тамга) (тип III, по Н. А. Боковенко, тип VII, VIII — по С. В. Демиденко) в большинстве своем встречены в комплексах второй половины II–III вв. н. э. урало-казахстанских степей и Нижнего Поволжья (хотя на Волге основная масса этих котлов происходит из случайных находок). Небольшое число котлов этих типов найдено на Дону и в Предкавказье (рис. 59) [Боковенко, 1977. Рис. 2; Демиденко, 1997. Рис. 13].

Эти факты своеобразно иллюстрируют два сравнительно автономных историко-культурных этапа, связанных с тем, что на раннем происходит приток аланского населения вдоль Западного Прикаспия вначале в Подонье и затем в Нижнее Поволжье, а на позднем — приток гунно-сарматов непосредственно в урало-казахстанские степи. Вероятно, эта особенность историко-культурных процессов, протекавших в степях срединной Евразии, обусловила тот факт, что ханьские зеркала более раннего облика не встречены в комплексах I–II вв. н. э. восточнее Волги (исключение составляет раннеханьское зеркало типа TLV, обнаруженное в могильнике Лебедевка VI, курган 39, погребение 1, однако наличие хорошо датированных предметов: фибула с пластинчатым приемником и завитком на конце, калачиковидная серьга со вставками и зерновой гроздью внизу, — позволяет датировать этот комплекс второй половиной II–III вв. (возможно — началом IV века н. э.), да и сами комплексы рубежа — первой половины II века н. э. в урало-казахстанских степях, как нами уже подчеркивалось не раз, — крайне редки.

Такова общая суть среднесарматского культурногенетического этапа в пределах Волго-Донского региона. Для того, чтобы попытаться разобрать особенности развития культуры кочевого населения этого района на следующем, позднесарматском этапе, хотелось бы особо акцентировать внимание на сложности культурных трансформаций, происходивших здесь в течение II века н. э. По справедливому мнению В. Е. Максименко, понимание этих процессов осложняется следующими обстоятельствами:

1. Невозможность узкой датировки массы рядовых среднесарматских памятников. При работе используются лишь отдельные, как правило, более яркие комплексы, содержащие датировочные вещи.

2. Слабые возможности критерия северной ориентировки погребенных для дефиниции позднесарматских могил, так как в Подонье северная ориентировка существует в качестве неосновной в течение всего среднесарматского периода.

3. Встречаемость южного сектора ориентировок погребенных в позднесарматский период. В Подонье их лишена лишь позднесарматская культура эпохи расцвета — конца II–середины III вв. н. э. Но южная ориентировка присутствует в позднесарматских памятниках II века и середины III–IV вв. В первом случае крайне сложно отделить их от среднесарматских комплексов [Максименко, 1998. С. 147–148].

В действительности процессы генезиса позднесарматской культуры в различных регионах выглядят совершенно по-разному. Если в Заволжье во II веке н. э. происходит относительная унификация погребального обряда, то в Волго-Донье и Подонье в этот же период наблюдается деструктивное разнообразие погребального обряда: неустойчивость ориентировок захороненных, форма могильных ям, расположения погребений (рис. 62, I, II). Даже с установлением к концу II века преобладания северной ориентировки умерших эта пестрота типов погребального обряда сохраняется вплоть до IV в. н. э. Более того, общая картина усложняется с появлением в III–IV вв. н. э. в Нижнем Поволжье, Подонье и Ставрополье серии дромосных катакомб, которые внесли новые черты в общий облик позднесарматской эпохи их регионов [Мелентьева, 1973; Скрипкин, 1974; Безуглов, Копылов, 1989; Мыськова, Сергацков, 1994. С. 182–189].

Коротко рассмотрим, как протекают этнокультурные процессы в сопредельных с этими регионами областях. Относительно единообразен культурный облик

погребальных комплексов Центрального Предкавказья и Западного Прикаспия позднесарматского времени. Здесь, вероятно, со II века н. э. наблюдается абсолютное господство катакомбных комплексов. По мнению, которое сегодня довольно прочно входит в канву исторических интерпретаций, данный ареал памятников так называемой терекско-дагестанской группы связывается с расселением кавказских алан [Берлизов, Каминский, 1993. С. 106–109; Абрамова, 1993. С. 121, 181, 182]. Культурное своеобразие и перманентное эволюционное развитие этого региона на протяжении поздней древности и средневековья, вероятно, позволяет рассматривать его как особый локализованный относительно монокультурный ареал. В этой связи данный регион, вероятно, целесообразно исключить из логики нашего размышления в контексте позднесарматского культурогенеза.

Ярким исключением здесь является погребение Кишпек, исследованное в предгорьях Кабардино-Балкарии. Несмотря на то что погребение, вероятно, имело широтную ориентировку, устройство погребальной камеры и набор вещевого инвентаря позволяют отнести его к памятникам гунно-сарматской знати [Бетров, 1980]. Ряд предметов, таких как зеркало-подвеска, сегментовидные пряжки с подвижным овальным щитком и небольшим язычком, жертвенники-канделябры, фибула с завитком на конце, а также принадлежности конской узда, выполненные в полихромном стиле (рис. 63, 1–7, 13–16, 19–22, 25–27, 34), идентичные тем, что были обнаружены в кургане Чауши (Северо-Западное Причерноморье), позволяют датировать его в пределах позднесарматского времени, вероятнее всего, в рамках IV века н. э., возможно, концом III века. Это погребение выделяется из общей массы гунно-сарматских комплексов особым типом двойной погребальной камеры с отсеком в головной части) и западной ориентировкой умершего. Однако подобные погребальные камеры известны в памятниках Ордоса и Внутренней Монголии позднехуннского-сянбийского горизонта Вэйского периода (III в.). Одна такая камера с западной ориентировкой погребенного обнаружена в могильнике Янчи на севере Внутренней Монголии. Несмотря на то что основная ее часть была разрушена, сохранившийся вещевой инвентарь, среди которого особо выделяется пояс с прямоугольными бронзовыми накладками, имеющими барельефное зооморфное декорирование, позволяет отнести данный комплекс к разряду погребений кочевой знати [Вэй Цзиен, 2004. С. 106–111] (рис. 16, 28, 112).

Большой интерес представляют степные территории к западу от Волго-Донья. Культурные трансформации, которые происходят здесь во II–III вв. н. э., значительно отличны от тех, что фиксируются на материалах Нижнего Поволжья. В Поднепровье, по мнению В. И. Костенко, позднесарматские погребения и весь облик позднесарматской культуры заметно отличаются от одновременных им на коренных территориях обитания поздних сарматов. Хотя во II–III вв. здесь в целом несколько увеличивается число погребений с северной ориентировкой в могильных ямах с подбоями, а также количество характерного для поздних сарматов инвентаря, что свидетельствует о притоке части сарматского населения Задонья. В целом позднесарматские элементы здесь прослеживаются слабо, что позволяет предполагать значительные изменения в культуре позднесарматских племен Украины под влиянием античных центров Северного Причерноморья и потомков племен среднесарматского времени. Кроме того, в позднесарматское время на территории левобережья Днепра резко сокращается количество погребений, что является свидетельством оттока населения с этой территории [Костенко, 1977. С. 133; 1979. С. 130]. Тем не менее, наличие в пределах бассейна Нижнего Днепра как одиночных позднесарматских курганов, так и целых могильников позволили К. Ф. Смирнову еще в начале 50-х годов говорить о том, что Нижнее Поднепровье являлось частью позднесарматского ареала в восточноевропейских степях [Смирнов К. Ф., 1954. С. 214].

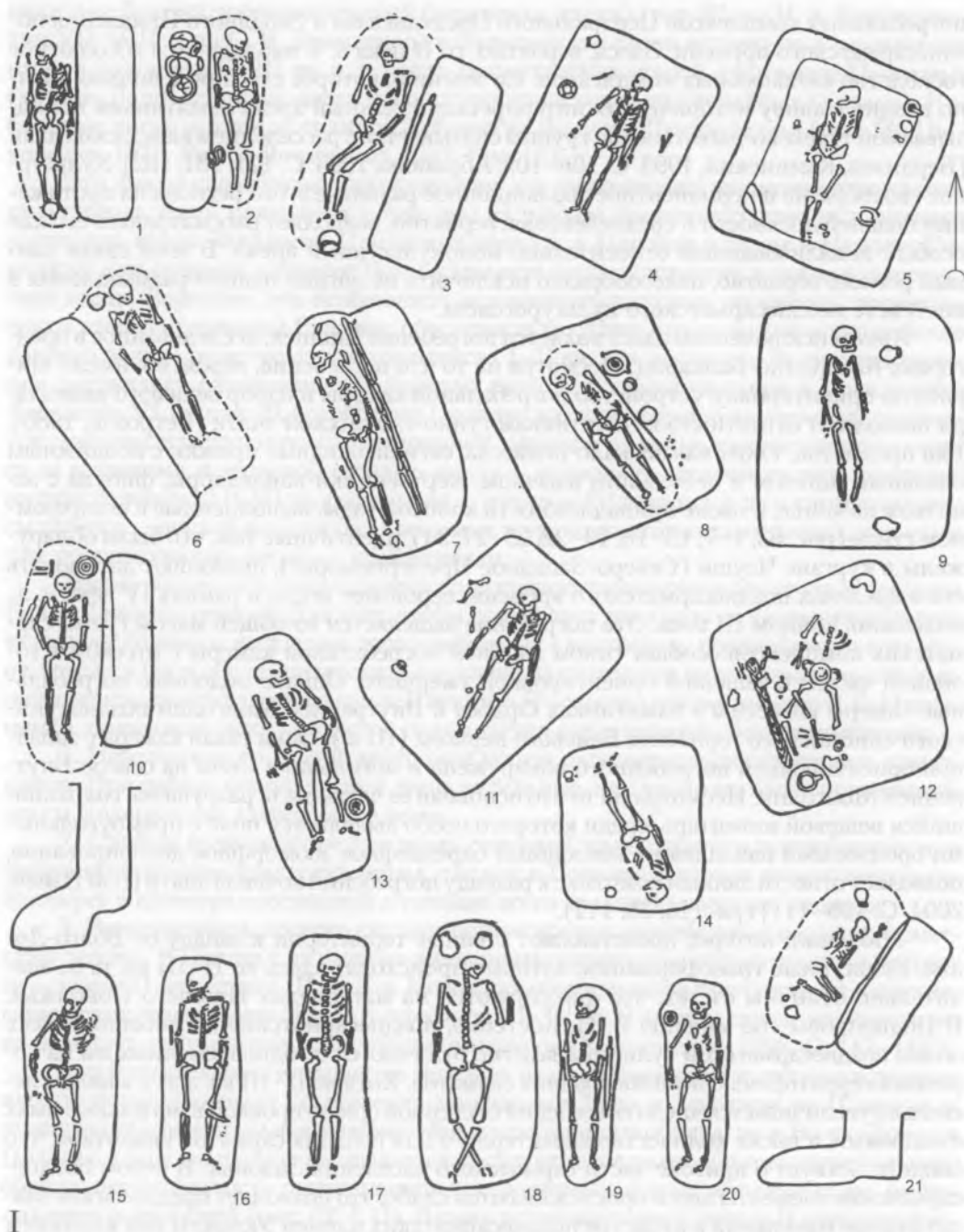

Рис. 62. I. Типы погребального обряда в позднесарматских памятниках Заволжья (по: [А. С. Скрипкин, 1984]). Fig. 62. I. Types of burial ritual in the late Sarmat monuments of Zavolzh'ye (according to: [A. S. Skripkin, 1984]).

1 – Ленинск, курган 4; 2 – Алыг-Веймар, курган D 125; 3 – Сусловский, курган 42; 4 – Бережновка II, курган 58; 5 – Усатово, курган F 16; 6 – Ленинск, курган 24; 7 – Сусловский, курган 6; 8 – Алыг-Веймар, курган D 16; 9 – Сусловский, курган 36; 10 – Калиновка, курган 17; 11 – Максютково, курган 2; 12 – Сусловский, курган 51; 13 – Бородаевка, курган D4; 14 – Шульц, курган D; 15 – Кара-Оба, курган 1; 16 – Блюменфельд, курган B 6; 17 – Сусловский, курган 49; 18 – Сусловский, курган 52; 19 – Шульц, курган D1; 20 – Шульц, курган D9; 21 – Бережновка II, курган 60

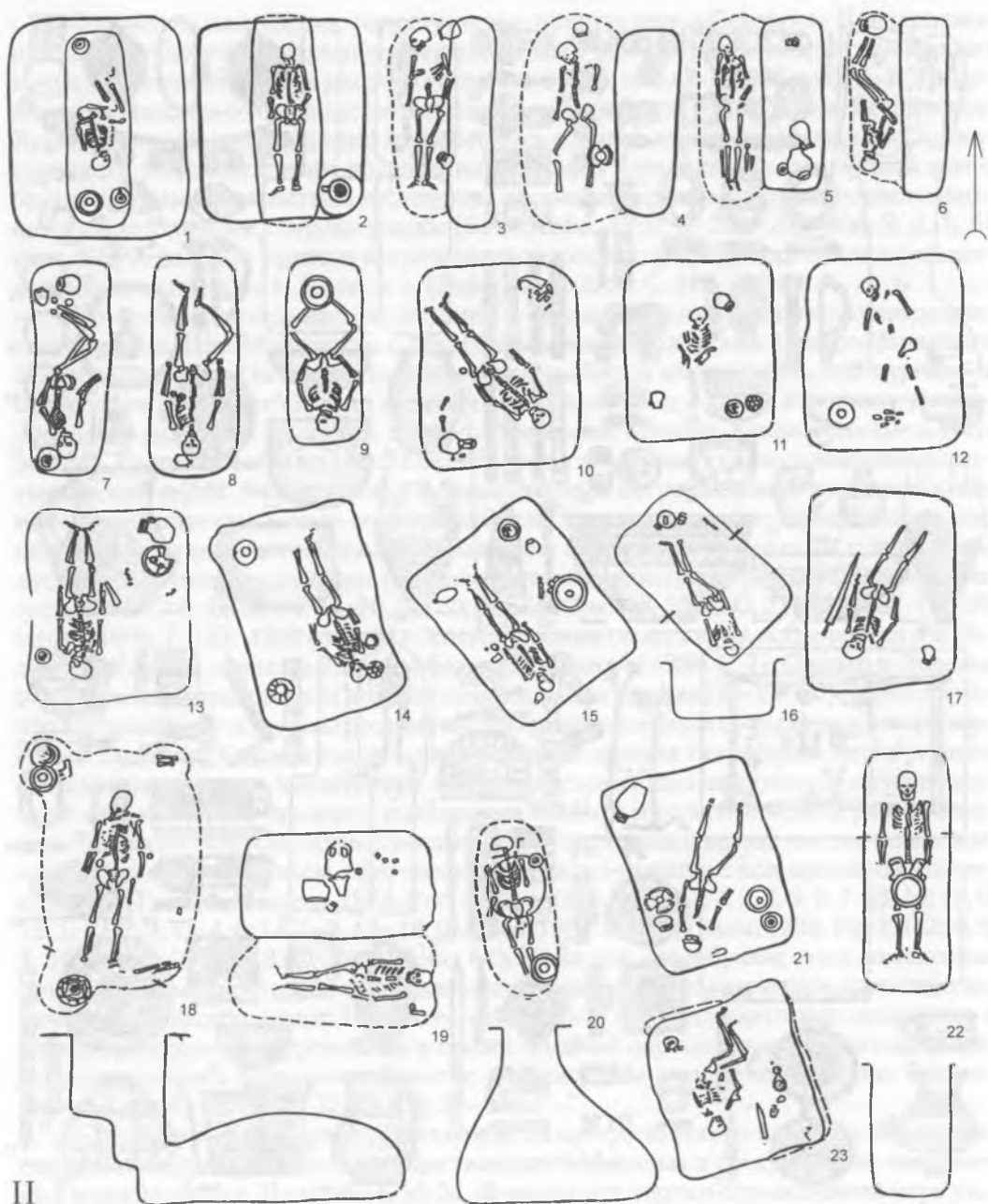

Рис. 62. II. Типы погребального обряда в позднесарматских памятниках Волго-Донья (по: [А. С. Скрипкин, 1984]). Fig. 62. II. Types of burial ritual in late Sarmat monuments of Volgo-Donye (according to: [A. S. Skripkin, 1984]).

1 – Три брата II, курган 1; 2 – Старица, курган 69; 3 – Старица, курган 70; 4 – Старица, курган 68; 5 – Авиловский, курган I; 6 – Кузин бугор, курган 45; 7 – Сазонкин бугор, курган 7; 8 – Элиста, курган 32; 9 – Лола, курган 7; 10 – Жутово, курган 3; 11 – Старица, курган 59; 12 – Ютаевка, курган 3; 13 – Старица, курган 54; 14 – Терновский, курган 45; 15 – Авиловский, курган 4; 16 – Кузин бугор, курган 34; 17 – Старица, курган 59; 18 – Барановка, курган 3; 19 – В. Маныч, курган 61; 20 – Жутово, курган 38; 21 – Старица, курган 55; 22 – В. Маныч, курган 63; 23 – Старица, курган 11

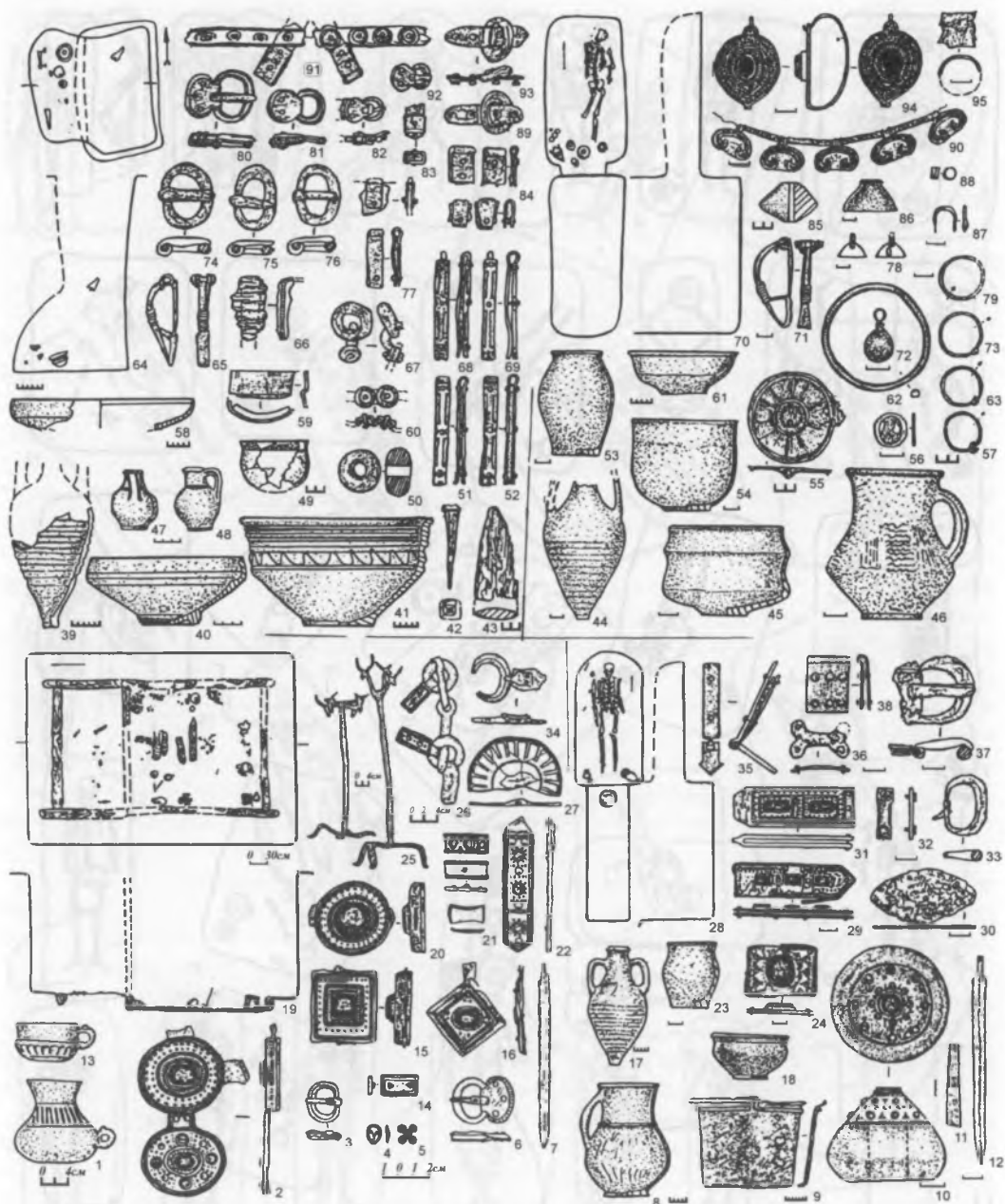

Рис. 63. Комплексы III–V вв. Кавказа и Причерноморья (по: [Р.Ж. Бетров, 1980; А.В. Гудкова, Е. Ф. Редина, 1999]). Fig. 63. The complexes of Caucasus and Prichernomor'ye of II–V centuries (according to: [R.Z. Betrov, 1980; A. V. Gudkova, E. F. Redina, 1999]).

1–7, 14–16, 19–22, 25–27, 34 – Кишнек; 8–12, 17, 18, 23, 24, 28–33, 35–38 – Градешка, курган 9; 39–43, 47–52, 58–60, 65–69, 74–77, 80–84, 89, 91–93 – Градешка, курган 7, погребение 1; 44–46, 53–57, 61–63, 70–73, 78, 79, 85–88, 90, 94, 95 – Градешка, курган 26.
1, 8, 13, 17, 18, 23, 39–41, 44–49, 53, 54, 58, 59, 65, 85, 86 – керамика; 2, 8, 10, 15, 16, 20, 21, 22, 29, 31, 94 – золото, серебро, камень, стекло; 3, 7, 36, 56, 62, 71, 79 – серебро; 4–6, 21 – золото; 7, 12, 25, 30, 42, 43 – железо; 9, 27, 34, 35–37, 51, 52, 55, 57, 63, 65–69, 71–73, 74–78, 80–84, 87–93, 95 – бронза, кожа; 11, 50 – камень; 19, 28, 64, 70 – планы погребений

Однако, на наш взгляд, раннегуннское присутствие в Северном Причерноморье достаточно четко маркируется отдельными памятниками позднесарматского круга, отнесенных нами к разряду «всадники» (см. ниже). В 1992 году А. В. Симоненко на Нижнем Буге удалось исследовать яркое воинское погребение Веснянское. Кроме северной ориентировки погребенного и гроба, характерной деталью хунно-гуннского комплекса этого погребения являются ханьский узколезвийный меч с брусковидным перекрестием и фигурная прорезная пряжка с характерными завитками на внутренней стороне рамки [Simonenko, 1997. Р. 291–292. Abb 2, 4, 1, 5] (рис. 64). Подобные пряжки встречены в ордосских погребениях позднихунно-сяньбийского периода I–III вв. н. э. [Вэй Цзиен, 2004. С. 109, 169].

По-особому складывается ситуация в самом западном регионе позднесарматского ареала. При знакомстве с погребальными комплексами Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Подунавья складывается впечатление, что курганы и погребения Буджакской степи и Закарпатья (Холмское, Алияга, Нагорное, Дзинилор, Дракуля, Курчи, Казаклия, Корпач, Семеновка, Мирное, Куконешты Вечи, Петрешти I, Бадрачи Ной и др.) несут на себе яркие восточные гунно-сарматские и джетыасарские черты. К ним, прежде всего, относятся погребальные и культово-поминальные комплексы в виде сооружений или больших прямоугольных площадок, оконтуренных ровом или валом, преобладание простых могильных ям с заплечиками, северная ориентировка погребенных, а также небольшие ровики [Гудкова, Фокеев, 1984. С. 6–8; 10, 11; 17, 20, 21, 40, 50–51; Фокеев, 1986. С. 21–23; 1987. С. 159; Grosu, 1995. Р. 133–185] (рис. 64). Хотя подобные сооружения встречаются и в Подонье (Журавка, курганы 3, 6, 16) [Безуглов, Захаров, 1988. С. 7]. Однако в Подонье эти памятники появляются в более позднее время (рубеж III–IV вв.), и бесспорно, что в западном регионе позднесарматского ареала подобные сооружения имеют массовый характер. Кроме того, вещевой комплекс многих погребений этого региона составляют довольно характерные для позднесарматских памятников типы инвентаря: металлические пряжки с подвижным щитком и сегментовидной рамкой, зеркала-подвески, конусовидные пряслица, фибулы, колокольчики, наконечники ремней с подвижным язычком, сферические накладки-зажимы с кольцевидной подвеской и др. [Гудкова, Фокеев, 1984. Рис. 2, 12; 4, 18; 6, 3, 4, 6, 7; 7, 2, 3, 5; 9, 7, 13, 14; 10, 9; 13, 1; 12, 2, 3; 15, 4, 6; 14, 1–9, 13–18; Фокеев, 1986. С. 158; Grosu, 1995. Fig 3, 1, 2; 9, 5, 7; 10, 4, 7, 9, 10, 12, 13; 27; 29, 5] (рис. 64). Пожалуй, своеобразие этим комплексам придает керамика, которая в большинстве своем местного (черняховского либо античного) происхождения. Наиболее ярко черты гунно-сарматского комплекса в Причерноморье оконтуриваются в самый поздний период позднесарматского времени, когда здесь появляются богатые всаднические погребения (Чауши, Градешка) (рис. 63, 8–12, 17, 18, 23, 28–30, 35–95).

Специфической чертой памятников позднесарматского времени в западном сарматском ареале является сосуществование курганных и бескурганых захоронений и могильников. По мнению М. М. Фокеева, эта черта в определенной мере указывает на социальную дифференциацию внутри позднесарматского общества. Бескурганные погребения принадлежали рядовому населению, а над могилами кочевой знати сооружались курганы [Фокеев, 1986. С. 159; 1987. С. 21]. Э. А. Рикман указывает, что подобная дифференциация в погребальном обряде, так же как и появление городищ с сарматскими культурными горизонтами, маркирует процесс оседания западносарматского населения, особенно в районах лесостепной Молдавии [Рикман, 1975. С. 42].

В западносарматском ареале весьма впечатляющее количество памятников первых веков н. э., расположенных в бассейнах Нижнего Дуная и Днестра [Рикман, 1975, рис. 1]. Однако, в отличие от причерноморских, позднесарматские комплексы

лесостепных районов Днестровско-Дунайского междуречья менее однородны. Все основные составляющие погребального комплекса позднесарматской культуры (северная ориентировка захороненных, деформация черепов, курганный обряд погребения, многоугольные подкурганные ровики) [Гросу, 1979. Рис. 2], присутствуют здесь наряду с другими особенностями, которые характеризуют разнокультурные компоненты в составе населения этого региона II–IV вв. Среди них выделяются такие особенности как ритуальные перезахоронения в сарматских комплексах, которые характерны для памятников черняховского круга [Рикман, 1975. С. 49]. Обожжение ямы и частичное трупосожжение — обряд, который известен среди гунно-сарматских памятников Приишимского региона (Новоникольское, Явленка, Берлик), а также лесостепных памятников Верхнего Дона (Ново-Никольское) [Медведев, 1990. С. 103–120]. Наряду с захоронениями в простых могильных ямах, ямах с заплечиками и подбоях встречены диагональные погребения, характерные для среднесарматского этапа (Тыршор, Смеень, Югурану, Островец-Вертеба) [Рикман, 1975. С. 50–51]. В целом вещевой комплекс позднесарматских памятников представлен здесь теми же типами и категориями вещей (зеркала, подвески, серьги-кольца, пряслица, фибулы с завитком на конце) [Федоров, 1960. Табл. 40, 8; 41, 2, 7; 42, 6, 7; 43, 4, 10, 12; Рикман, 1975. Рис. 35] (рис. 64), что и в причерноморских. Хотя, как определенное региональное своеобразие, можно отметить более сарматоидный облик керамического комплекса, представленного лепными сосудами плавной профилировки и небольшим отогнутым венчиком, а также горшками с шишечками [Рикман, 1975. С. 57. Рис. 5].

Однако здесь отмечаются и весьма существенные особенности в отдельных категориях вещевого материала. Среди них, прежде всего, бросается в глаза более архаичный комплекс вооружения ближнего боя. Мечи и кинжалы с прямым перекрестием и кольцевым или антенновидным навершием западно-сарматских комплексов весьма сходны с теми образцами, которые встречаются в прохоровских и среднесарматских памятниках на востоке сарматского ареала. Крайне редки в этом регионе находки костяных накладок лука. Также отмечено отсутствие зеркал-подвесок с выпуклостью и петель для подвешивания в центре оборотной стороны [Рикман, 1975. С. 59. Рис. 4].

Примерно аналогичная ситуация с крайне западными сарматскими памятниками Карпатского региона. На первый взгляд, наступление позднесарматской эпохи маркируется здесь лишь появлением новых черт в погребальном обряде и новых категорий и типов вещевого инвентаря. Это, прежде всего, повсеместное распространение курганных захоронений, курганов с кольцевыми или прямоугольными ровиками аналогичных ровикам Молдовы и Буджакской степи, северных ориентировок умерших, узких прямоугольных могильных ям и ям с подбоем, деформацией черепа. Эти инновации позволили В. Кульчар утверждать, что на заключительном позднесарматском этапе сарматской истории происходят серьезные изменения. Однако чуть ниже автор приходит к неожиданному заключению: «О массовом появлении новых этнических групп вплоть до последних десятилетий перед гуннским нашествием не свидетельствует ничего, и самое большее, о чем можно говорить, — это постоянная инфильтрация незначительных группировок» [Kulcsar, 1998. С. 93, 102].

На наш взгляд, это противоречие невольно отражает ситуацию, существующую в венгерском сармато-гунноведении. В целом она схожа с той, которая сложилась в понимании раннегуннских (позднесарматских) памятников урало-казахстанских и волго-донских степей. Отличие в том, что гуннский период как этап исторического развития Карпатской котловины достаточно четко определяется письменными источниками, основным из которых является фрагмент работы Приска Панийского, посетившего в 448 году ставку Атиллы [Археология Венгрии, 1986. С. 295], и очерчивается хронологически археологическими данными.

Археологическая хронология Среднего Дуная на сегодняшний день считается наиболее разработанной в Евразии и позволяет выделить даже кратковременные этапы в пределах 50 лет [Амброз, 1989. С. 69]. Первая попытка выделения собственно гуннского периода принадлежит А. Альфолди (30-е годы прошлого века). За критерий гуннских древностей им приняты вещевые комплексы с наличием полихромных предметов с инкрустацией [Alfoldi, 1932].

Спустя двадцать лет Иохимом Вернером была уточнена датировка этой группы предметов и особо отмечено своеобразие украшений с обильной зернью, которые, по его мнению, привнесены в Альфельд в «Эпоху Аттилы». Происхождение этой техники он связывал с боспорскими ювелирными центрами [Wetner, 1956. P. 63–65; Амброз, 1989. С. 64–65]. Примерно в эти же годы М. Пардуцом сделана первая попытка систематизации гуннских материалов. К кругу гуннских памятников им было отнесено до 50 объектов, включавших более двухсот погребальных и вещевых комплексов с территории Венгрии [Parducz, 1959] с довольно разноликими материалами, которые помещались в рамки IV–V вв. Самую большую серию (120 комплексов) составили погребения могильника Ханград-Кендерфелдек. В абсолютном большинстве они имеют южную ориентировку погребенных, характерную для сарматских могильников бассейна Среднего Дуная. В ряде случаев были отмечены скорченные и сидячие погребения, происхождения которых М. Пардуц связывает с Кавказом. Однако эти построения были подвергнуты сомнению в работах известного сарматоведа Андреа Вадаи. По ее мнению большая часть их являлась либо результатом ограбления, либо информация о некоторых из них была недостаточно полной [Vaday, 1989. P. 195–197]. Из остальных комплексов, где удалось зафиксировать ориентировку умерших, кроме южной, в равной мере (по 7 случаев) зафиксирована восточная и западная и в шести случаях ССВ [Parducz, 1959. P. 310–332]. Определенную взаимосвязь с гуннским этносом М. Пардуц усматривал в курганных захоронениях с определенными следами культа огня (могильник Васкут), а также в так называемых курганных захоронениях всадников [Parducz, 1959. P. 328]. Эти комплексы получили свое название в связи с нахождением костей лошади в насыпях курганов. А. Вадаи отмечает, что в связи с разрушением насыпей или разграблением комплексов целых костяков лошадей обнаружить не удалось, хотя общее количество подобных курганов «чрезвычайно велико» [Vaday, 1989. P. 199]. Эта информация нам представляется весьма важной. В большинстве случаев отсутствие цельных скелетов лошади не обязательно объясняется результатами разрушения. Для крупных гунно-сарматских курганов и, особенно, заполнений грунтовых склепов весьма характерно наличие костей лошади (кости ног, позвоночника, ребер) [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 124–125; Боталов, Бисембаев, 2002. С. 108–113]. В этой связи весьма показательным является всаднический комплекс из кургана Лайош, описание которого приведено в работе А. Вадаи. В насыпи кургана найдены кости лошади и фрагменты керамики. Под насыпью располагался четырехугольный грунтовый склеп, пол и стенки которого, вероятно, были сложены из особого раствора (цемент, известь, песок, глина). Судя по описанию, стенки склепа ориентированы по сторонам света. В склепе обнаружено три погребенных, ориентированных головами на север. К числу наземных грунтовых склепов, вероятнее всего, могут быть отнесены и грунтовые погребения, окруженные прямоугольными или квадратными рвами. В результате того, что их наземная части не сохранилась, они были зафиксированы именно по ровикам. Данные комплексы появляются не ранее III века [Vaday, 1989. P. 198]. Кроме того, на территории Венгрии исследован целый ряд подобных сооружений размером до 16 × 16 м, в которых не обнаружено погребений. При этом на площадках и в самих рвах, так же как и в склепах, найдены кости лошади [Kulcsar, 1998. С. 100]. Этот тип памятников, известный как гунно-сарматские

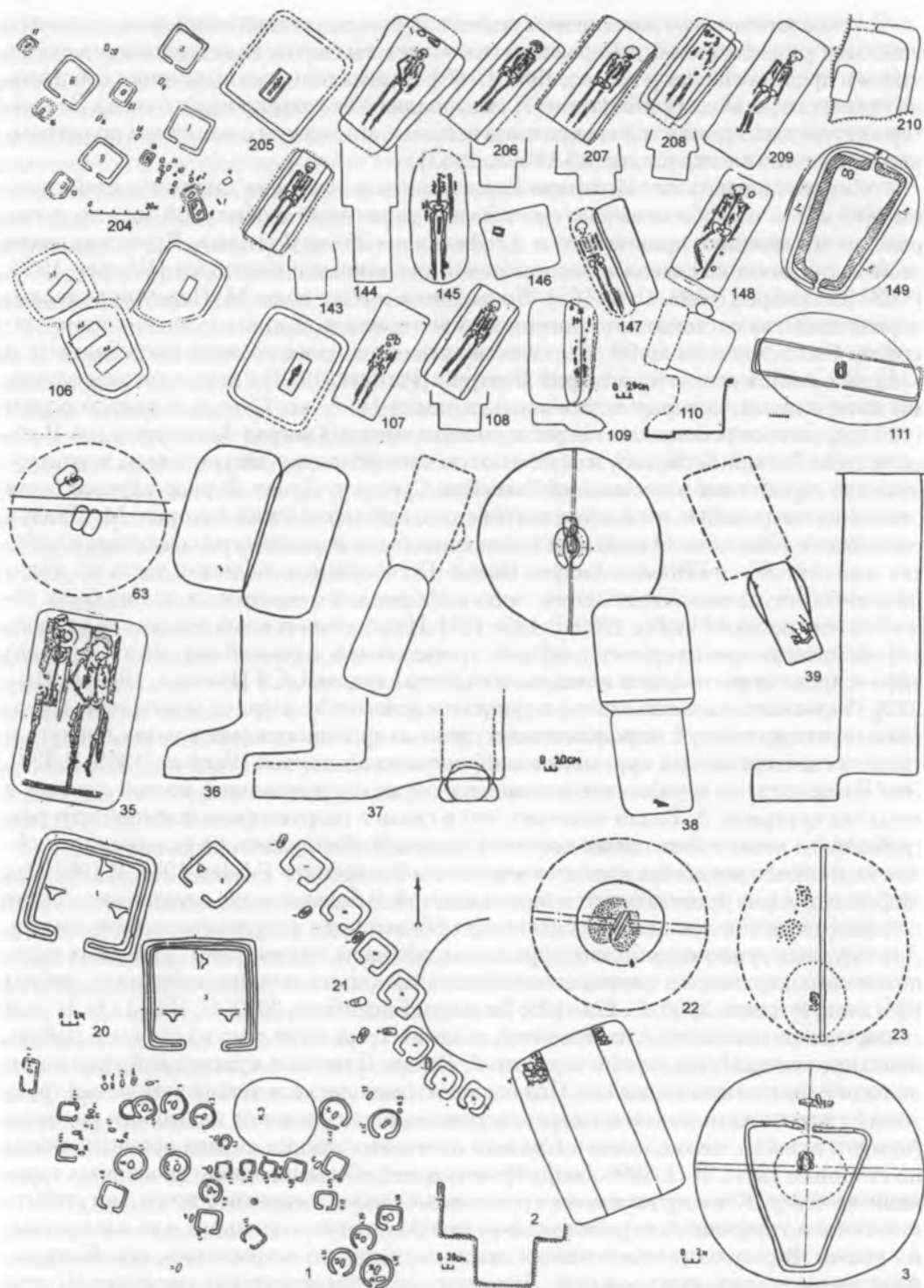
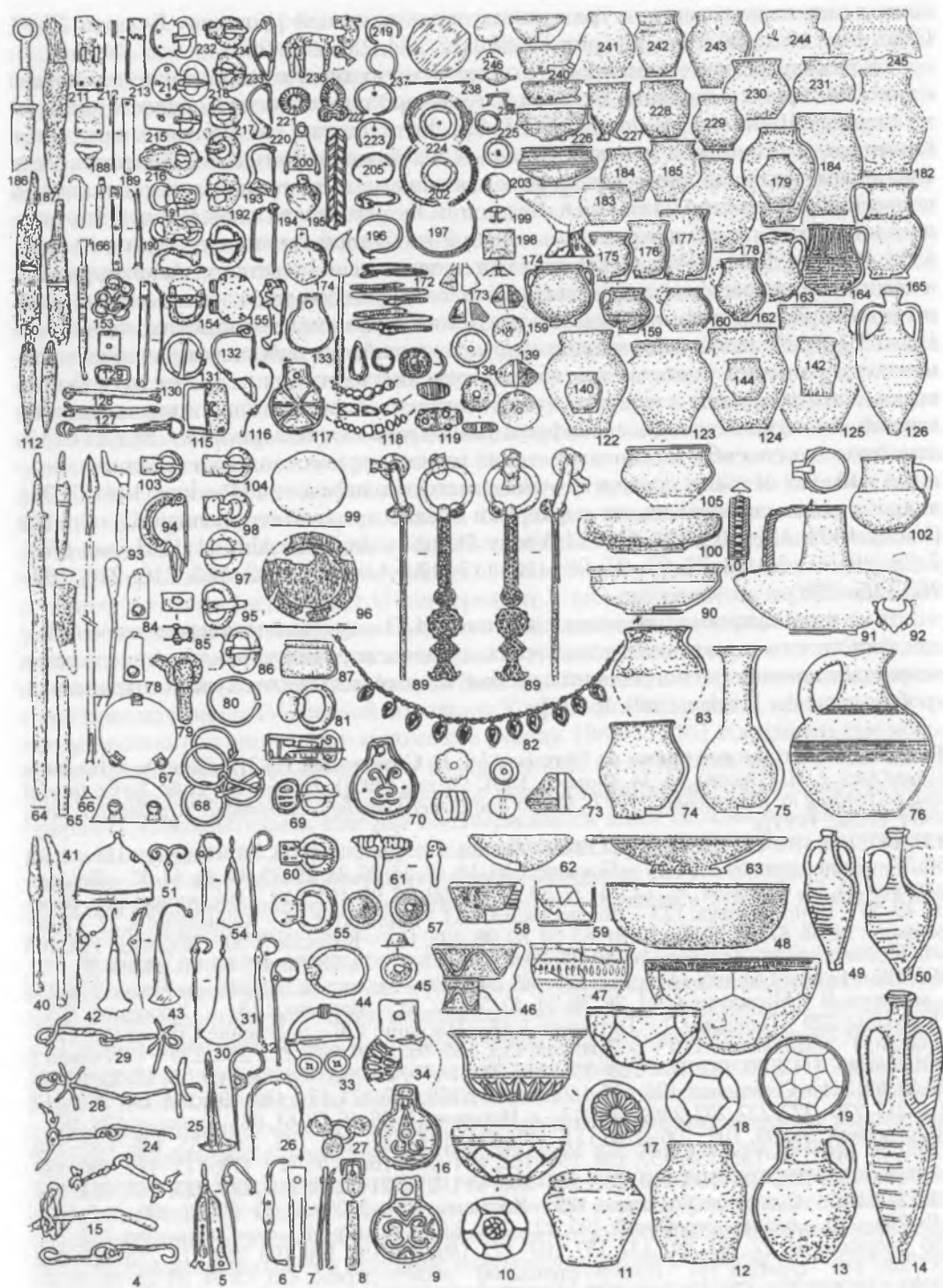

Рис. 64. Раннегунское время на Буге (по: [А. В. Симоненко, 1992]), Днестре и Нижнем Дунае (по: А. В. Гудкова, М. М. Фокеев, 1984; Grosu, 1995]). Fig. 64. The early Turkic time at Bug (according to: [Simonenko, 1992]), Dnestr and Lower Danube (according to: [Gudkova, Fokeev, 1984; Grosu, 1995])

святилища, характерен для урало-казахстанских степей [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 42. Рис. 10; С. 90. Рис. 30] (рис. 65, 88, 112, 234, 252, 280–282).

К разряду всаднических можно отнести немногочисленные, но яркие комплексы с конской сбруей, появление которых В. Кульчар также относит к позднесарматскому периоду II–III вв. [Kulcsar, 1998. P. 99]. Хотя, на наш взгляд, число предметов гарнитуры, связанных с конской упряжью значительно больше количество. Речь идет о ременных наборах с концевыми накладками и листовидными подвижными подвесками. Несмотря на то что А. Вадаи и В. Кульчар вслед за М. Пардунцем отнесли данную категорию предметов к поясной и обувной гарнитуре [Вадаи, Кулчар, 1984; Parducz, 1941, 1941a, 1947], этот тип предметов появляется как маркирующий в комплексах украшений трензельного оголовья конской узды в позднесарматских и гунно-сарматских памятниках Волго-Донья и урало-казахстанских степей (см. Глава 3, § 3). Не исключено, что некоторые из дунайских наборов относились к элементам украшений узды, так как нахождение многих из них не имеет точной привязки. Хотя возможен и вариант, что на каком-то этапе традиция в украшении ременной гарнитуры сменила свою функциональную направленность. Следует особо заметить, что способы и технологические приемы ее изготовления остались прежними и имеют истоки в среде восточносарматского населения [Parducz, 1941. P. 38], являясь также своеобразными маркерами позднесарматского (гуннского) периода [Vaday, 1989. Abb. 10; 2001. Abb. 11; Vaday, Dombroczki, 2001. Abb. 41, 170] (рис. 65, 6, 7, 28–30, 59, 72–73, 76, 93–95, 98–100, 117–124, 143–147, 182–185, 216–220, 260–263, 295–298).

Еще одно важное наблюдение, сделанное М. Пардунцем и подтвержденное А. Вадаи, состоит в том, что в позднесарматских комплексах раннегуннского периода резко возрастает количество погребений в гробах, от которых в ряде случаев сохранились гробовые скобы [Vaday, 1989. P. 200].

Рис. 64. Раннегуннское время на Буге (по: [А. В. Симоненко, 1992]), Днестре и Нижнем Дунае (по: А. В. Гудкова, М. М. Фокеев, 1984; Grosu, 1995]). *Fig. 64. The early Turkic time at Bug (according to: [Simonenko, 1992]), Dnestr and Lower Danube (according to: [Gudkova, Fokeev, 1984; Grosu, 1995])*.

132, 147, 190, 198, 199, 203, 210, 224, 243 – Алияга и ст. Дзинилор; 21, 33 – Бадраги Нои; 4, 32, 56, 57 – Бравицени; 53 – Биг; 7 – Бокани; 5, 10, 18, 19, 24, 25, 28, 29, 32, 40, 41, 44, 45 – Великопловское; 35, 53, 61, 63–67, 71, 72, 75–77, 80, 87, 91–93, 96, 99, 101, 114 – Веснянное; 12 – Визора; 49, 50 – Виноградовка; 123 – Волчья Балка; 183 – Зернешты; 14 – Карпатени; 8, 27 – Киоропкани; 14, 38, 47, 55, 60, 70, 79, 81, 85, 88, 89, 98, 103, 104 – Казакли; 3, 50 – Корпаки; 113, 163 – с. Каланчак; 11 – Калдари; 16, 36, 37, 39, 63, 68–70, 73, 74, 78, 82–84, 86, 90, 94, 95, 97, 100, 102, 105 – Кубей; 110, 105 – Мирное; 125, 185, 245, 230 – Малага II; 134, 216 – м. Чауш; 216, 235 – м. Курги; 9 – Маркаути; 6, 11, 26, 30, 31, 42, 51, 52, 54 – Мариевка; 184 – Огородное; 178 – Помазаны; 229 – Папканы; 1 – Петрешти I; 16 – Паскани; 126 – поселение Староселье; 179 – Плавни; 4 – Пандантив; 110 – р. Дракуля; 113, 156, 163, 186, 199, 225, 226, 239 – с. Плавни и с. Каланчак; 7, 13, 20, 182, 184, 228–231, 235, 241, 244 – Старые Куконешты; 15, 17, 22, 23, 43, 47, 59, 62, 241 – Семеновка; 130, 137, 150, 151, 154, 159, 167, 171, 174, 189, 191, 194, 195, 202, 212, 215, 217, 220–222, 227, 232, 236, 240, 247 – с. Нагорное; 2, 26, 46, 58, 61, 63 – Турлаки; 124, 181 – Чишмикой; 34, 99, 109, 106–109, 111, 112, 114–121, 127–129, 131, 133, 135, 136, 138–140, 142–146, 148, 151–153, 155, 157, 158, 160–162, 164–166, 168–170, 172, 173, 175–177, 180, 187, 188, 190, 192, 193, 196–198, 200, 201, 204–209, 211, 213, 214, 218, 219, 223, 225, 233, 234, 237, 238, 242, 246 – Судличен Холмское; 122 – Холмское II; 1–3, 20–23, 35–39, 63, 106–111, 143–149, 204–210 – планы погребений; 195, 221, 222, 236 – золото; 71 – серебро-золото; 133, 135, 136 – зеркало; 91, 92, 101, 130, 137, 157, 169–172, 189, 194, 197, 198, 199, 212, 213, 215, 223, 232, 237, 246, 248 – серебро; 167 – серебро-бронза; 66 – железо-дерево; 4, 5, 15, 24, 25, 28, 29, 30, 40, 41, 93, 112, 113, 131, 150, 151, 168, 187, 214, 217, 219, 224, 233, 239 – железо; 114, 190, 200, 234 – бронза-железо; 191 – бронза-кожа; 34, 115, 117, 116, 127, 132, 153, 166, 193, 196, 201, 202, 220, 225, 238, 248 – бронза; 128 – сердолик; 10, 17–19, 72, 118, 119 – стекло; 11–14, 46 0, 56–60, 62, 63, 74–76, 83, 90–92, 96, 100–102, 105, 122–126, 121, 138, 139, 159–165, 174–185, 203, 226–231, 240–245, 247 – керамика; 6, 7, 9, 16, 26, 27, 31–33, 42–45, 51–55, 60, 61, 63, 65, 67, 68, 69, 74, 77–79, 85, 86, 88, 89, 95, 97, 98, 103, 104 – металл; 82 – стекло-металл; 71 – фаянс

Пожалуй, вышеперечисленные черты, на первый взгляд, исчерпывают список инноваций, которые появляются в Дунайском барбарикуме на позднесарматском (гуннском) этапе. Суммируя их, современным исследователям не удалось четко очертить памятники, которые можно было бы соотнести с гуннским этносом либо с его культурным влиянием. Очевидно, что приведенные культурнозначимые черты не вписываются в какой-либо единый ИКК. Скорее всего, и на момент исследований М. Пардуца, и в последующее время выявленные инновации представлялись лишь некими тенденциями в этнокультурном развитии населения сарматского барбарикума в позднесарматский (гуннский) период. В целом и вчера, и сегодня большинством исследователей-сарматоведов этот процесс рассматривается как поступательный и перманентный, когда в археологическом смысле очень трудно усмотреть принципиальную ломку традиций при переходе от позднесарматского к гуннскому периоду, за исключением формальных хронологических различий в вещевом инвентаре. На наш взгляд, это связано с ошибочностью априорных представлений о том, что собственно позднесарматский материал отражает культуру некоего почти абстрактно-синкретического общесарматского (языгское, аланское, квадское и пр.) населения, а гуннское нашествие должно привести не раньше и не позже, чем отсчитанный хронографами срок — 409 г. или, самое раннее, 380 г. [Barkoczy, 1963. Р. 139–140; Nagy, 1973. Р. 187; Археология Венгрии, 1986. С. 295, 298], к кардинальной смене культурно-исторической доминанты. Однако в действительности все происходит отнюдь не так. Непосредственно накануне гуннского нашествия в позднесарматский период и в «Эпоху Аттілы» (вероятно, с III по середину V вв.) наблюдается не только общее уплотнение кочевого населения Среднего Подунавья, но и непрерывное поступательное культурное развитие по закону археологической непрерывности. Особенно точно на этот счет высказалась Андрея Вадаи, указывая на непрерывность археологического материала IV–первой половины V вв., что, по ее мнению, явилось результатом прочного гунно-сарматского союза [Vaday, 1989. Р. 210]. Кардинальные исторические и культурные изменения (потрясения), на ее взгляд, происходят после падения державы Аттілы (после 453 г.) с приходом гепидов. Непрерывность была прервана. Следовательно, еще раз подтверждается наше положение, высказанное выше, о неразрывной этнокультурной взаимосвязи сармато-аланского и гуннского единства. Гото-германская составляющая, не смотря на то, что в определенный период она была инкорпорирована в гуннскую орду, оказалась чуждой и деструктивной для будущего этого союза.

Как нам представляется, в основе недопонимания культурогенеза европейских гуннов лежат причины методологического порядка, остается неразработанным вопрос взаимодействия этносов в рамках единой кочевой цивилизации. Дело в том, что по историческим данным довольно четко можно реконструировать механизм межродового и межплеменного взаимодействия кочевого населения. В кочевых империях и цивилизациях это взаимодействие чаще всего осуществляется в рамках союзническо-данических отношений. Однако деструктивные периоды характеризуются территориальными агрессиями, отъемом пастбищ, нашествиями одних и переселениями, миграцией, других. В замкнутых пространствах степного вмещающего ландшафта, в тесном окружении этнически и культурно чуждого населения, взаимодействия кочевых союзов приобретает некий интегрированный характер. В этом случае наблюдается активное взаимопроникновение различных (хотя в изначальной точке своего генезиса весьма близких) кочевых культур. Механизм этого взаимопроникновения весьма прост и эффективен, так как реализуется путем интенсивного расширения брачно-семейных связей. Так, оказавшись локализованными в западном ареале урало-казахстанских степей, северохуннское кочевое население (основательно микшированное с алано-массагетами Восточного Туркестана),

вероятнее всего, изначально вступает в активные брачные межфратриальные связи с сармато-аланским населением в пределах Заволжского пограничья. Далее этот процесс экстраполировался в течение II–III вв. на территории Подонья, Приднепровья, Северного Причерноморья и, наконец, на последние степные рубежи Добруджи, Воеводино, Большого и Малого Альфельда. При этом вероятнее всего, основной движущей силой этого взаимодействия являлись подвижные дружины молодого мужского гунно-сарматского населения, устремлявшиеся с востока на запад для освоения всего вмещающего пространства европейской степной ойкумены. Очевидно, это могли быть как разовые глубокие рейды небольших групп, так и длительная инфильтрация населения. Этот процесс гуннизации сармато-аланского населения, происходивший на гигантских пространствах европейских степей от Волги до Среднего Дуная, будучи растянутым на два с половиной столетия, вряд ли был замечен и осмыслен современниками. Грандиозность и масштаб консолидации кочевого гунно-сарматского населения, произошедшей в этот период, были оценены лишь на ее заключительном этапе, когда на базе сложившегося пестрого этнокультурного единства Ругой и Аттилой была создана кочевая военно-административная машина, сотрясавшая Европу как «бич Господень».

В свете сказанного попробуем вновь оконтурить те инновационные черты, которые действительно могут маркировать этот процесс в пределах Альфельда. Как отмечено венгерскими исследователями, к числу наиболее ярких черт, появившихся во II–III вв. и усиливающихся в последующий период, относятся:

- курганные комплексы, грунтовые склепы, наземные склепы, оконтуренные рвами, и святилища, связанные с культом огня;
- всаднические традиции (кости лошади в наземной части сооружений и в заполнении могил);
- гробы (от которых в ряде случаев сохранились гробовые петли) в погребениях (рис. 65, 235).

Относительно ориентировок погребенных следует отметить, что первоначальные выборки М. Пардуца и А. Вадаи позволили исследователям говорить о северной ориентировке как о нетипичной или случайной [Parducz, 1959; Vaday, 1989. Р. 200]. Однако статистический анализ, проделанный В. Кульчар в конце прошлого столетия, показал, что группа погребений с северной ориентировкой занимает среди сарматских комплексов Венгерской низменности второе место (23%) и, что особо важно, северная ориентировка становится господствующей на позднесарматском этапе [Kulcsar, 1998. Р. 93]. Действительно, среди памятников, датируемых в рамках IV века, известны как отдельные комплексы, так и целые могильники (Маросентанаи, 73 погребения), которые демонстрируют устойчивую северную ориентировку умерших [Kovacs, 1912]. Интересно, что эта черта также является характерной особенностью и более поздних, собственно гуннских, погребений «Эпохи Аттилы». Среди немногочисленных, но социальнозначимых богатых погребений большинство также имеют северную ориентировку группа (Кестхее, Чорн, Сирмабешенье, Фокшан, Панонхальма, Арпаш и др.) [Sadi, 1955; Мориц, 1959; Томка, 1986; Археология Венгрии, 1986. С. 295–297] (рис. 65, 168–170). Важнейшей чертой является возникающая именно на позднесарматском этапе традиция черепной деформации. Несмотря на то, что среди венгерских исследователей (равно как в прошлом советских и сегодня российских коллег) нет единого взгляда на интерпретацию этого обычая (алано-сарматская или гуннская), установилась негласная традиция связывать его с гуннским этносом [Археология Венгрии, 1986. С. 297; Nemeskeri, 1952]. Причиной этого, как нам представляется, является то, что погребенные с деформацией черепов в Венгрии в большинстве своем появляются в позднесарматское время на этапе непосредственно предшествующему эпохе Аттилы (II фазе позднесарматского пе-

риода по А. Вадаи [Vaday, 1989. P. 207–208] и продолжают существовать в собственнo гуннское время [Kulcsar, 1998. P. 93]. При этом наблюдается определенная закономерность в сочетании северной ориентировки погребенных и деформации черепов.

В составе вещевого инвентаря также наблюдаются определенный позднесарматский флер. Кроме уже приведенных наборов металлической ременной гарнитуры с пряжками с подвижной рамкой и щитком, а также концевыми листовидными накладками, в этот период появляются другие категории вещей явно восточного происхождения. К таковым, прежде всего, относятся узколезвийные длинные мечи, изготовленные по технологии ханьских пакетных ламинарных сталеi [Vaday, 1985. Abb. 7, 6; 1989. Tabl. 6. Abb. 3, 13; Vaday, Dombroczki, 2001. Abb. 29, 1; Kovacs, 1912. Fig. 104] (см. Глава 3, § 3) (рис. 65, 55, 56, 70, 172, 173). Привнесенные на территорию Альфельда эти образцы мечей и, вероятно, определенные представления о технологии их изготовления, оказали особое влияние на вооруженческие традиции как варваров сарматского барбарикума, так и римского лимеса. Это отразилось в появлении особых форм длинных узколезвийных спат на территории Венгерской низменности и Добруджи (рис. 56, 1–20, 28, 29), а также особого типа гуннского меча, который, несмотря на свою широколезвийность, связанную с изменением технологии, по характерным признакам (дисковидное каменное или инкрустированное навершие или темляк) [Bona Istvan, 1992. P. 66–67, 22, 1–4; Meri, 2000. Abb. 5–6; Tomka, 1986. Abb. 14, 15] повторяет ханьские образцы гунно-сарматского времени.

Особую важность имеют также находки восточных образцов полихромных изделий с инкрустацией и зернью в предгуннских комплексах, датируемых III–IV вв. Отметим и распространение традиции помещения в женские погребения наборов бус, для которых характерны каменные (халцедоновые, агатовые, сердоликовые) и стеклянные 14-гранные бусины, бронзовых бубенчиков, биконических пряслиц и медальоновидных зеркал [Kovrig, 1959. PL III 3, 4, 8, 10; Vaday, 1989. Abb. 24, 28. Tabl. 19; 1994. Tabl. VI–IX; 2001. Abb. 7, 3; 9, 4, 9; 10, 9, 10; 11, 5–7, 9–13; Vaday, Dombroczki, 2001. Abb. 48. 9; 50, 5, 7; 52, 1, 4, 7; 54, 9; 56, 11, 12; Kovacs, 1912. Fig. 25; 19; Batistic-Popadic, 1984–1985. Tabl. I, 10; II, 13; III, 19; VI, 25; VII, 32; VIII, 35, 36; IX, 36; X, 4; XII, 49] (рис. 65, 34–36, 40–44, 64, 82, 128, 152, 190, 191, 268, 302–305, 333–337). Эти особенности достаточно ярко опредмечивают гуннское влияние на культуру населения сарматского барбарикума.

Внимательный читатель безусловно отметит, что вышеприведенные инновации достаточно точно вписываются в ИКК, характерный для гунно-сарматских комплексов урало-казахстанских степей и позднесарматских памятников Нижнего Поволжья. Хотя следует заметить, что при несравненно большей плотности населения в памятниках Среднего Дуная данные черты проявляются более дисперсно, а период внедрения их в местную среду растянут на сравнительно больший срок.

Все эти особенности в определенной мере подтверждают основные положения реконструкции этнокультурных процессов, имевших место в Карпатском бассейне в позднесарматский (гуннский) период.

В контексте данного изложения возможны некоторые предварительные наблюдения по еще одной группе материалов, которые появляются в Венгерской низменности в эпоху Атилы и, возможно, в период непосредственно предшествующий ей. Это курганные или грунтовые погребения с широтной ориентировкой, а также погребения с конем (Пату, Зовач, Пилисмарош Соб, Печюсече, Ясберени, Бодсогношторзеч, Ист Аусгабунг, Звейте Аисгравуриг, Баямок, Зореч, Эрн и Батта и др.) [Ottományi, 2001; Kovrig, 1959; Археология Венгрии, 1986. С. 300]. Наиболее яркие и богатые из них традиционно относятся к кругу гуннских древностей эпохи Атилы. Вещевой инвентарь погребений представлен предметами полихромного стиля

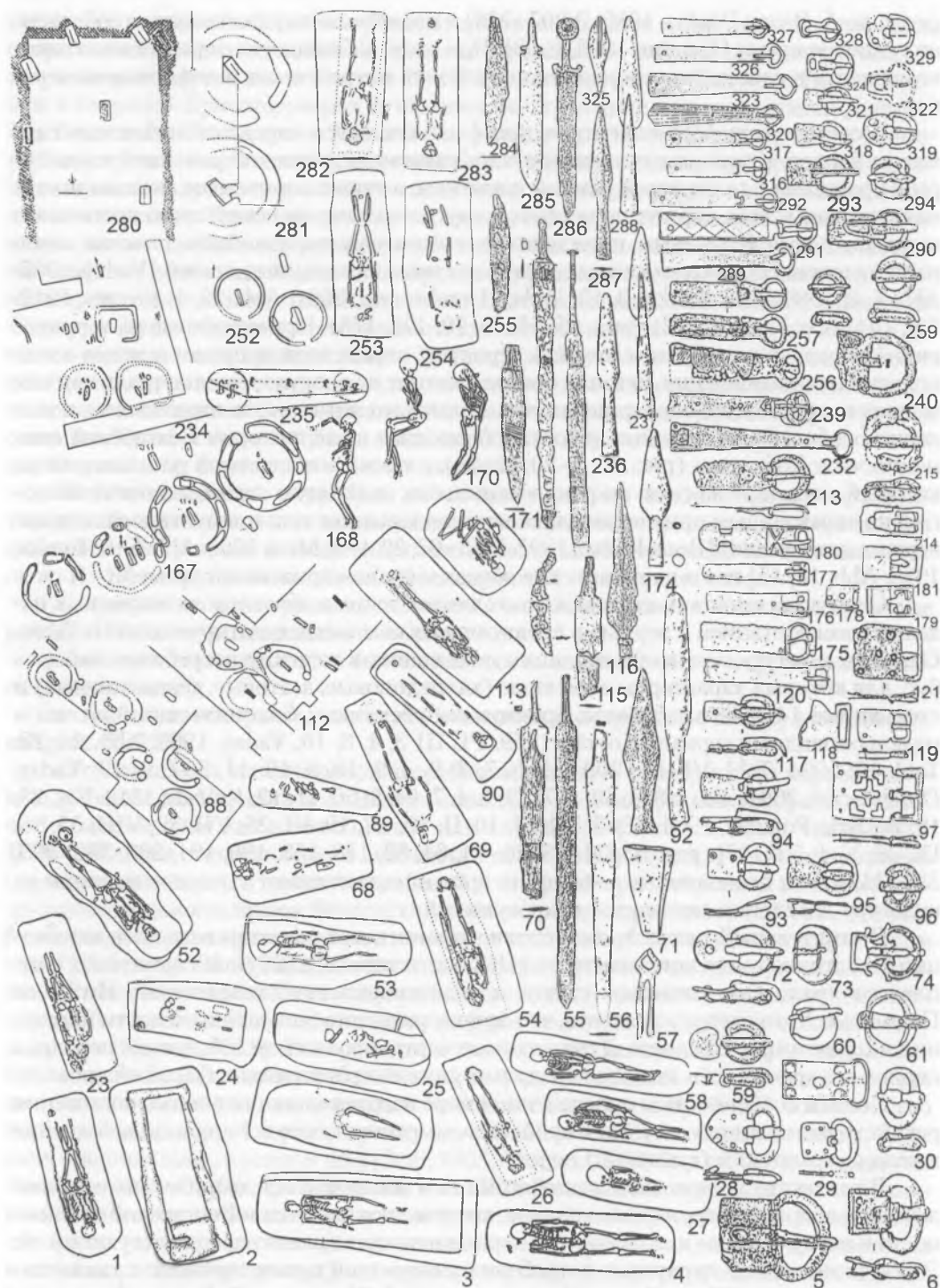
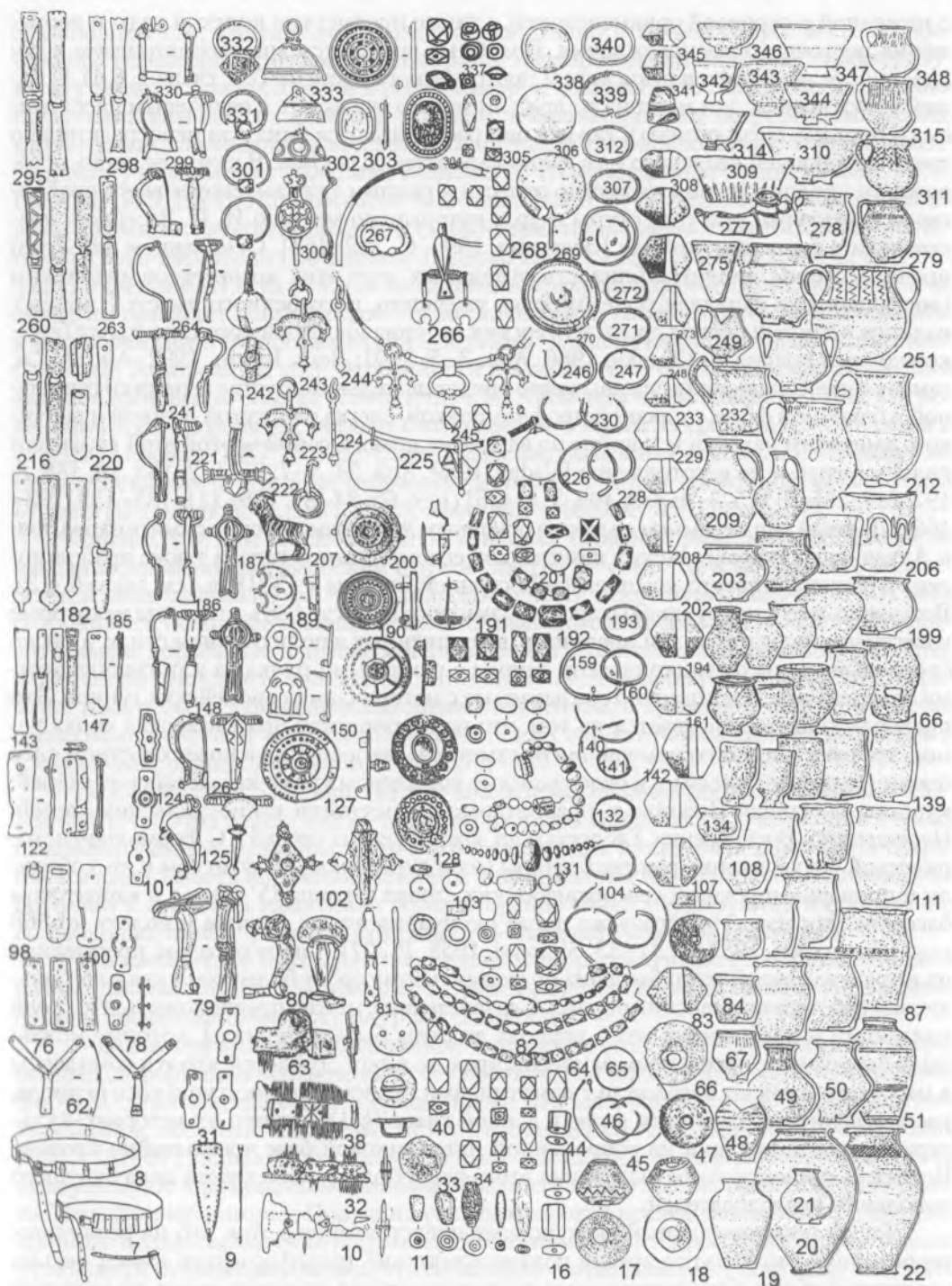

Рис. 65. Позднесарматское время в Карпатской котловине (по: [M. Parduzs, 1944; 1959; I. Kovrig, 1959; K. Ottományi, 2001; A. H. Vaday, 1985; 1989; 2001; K. Sadi, 1955; V. Kulcsar, 1998; I. Kovacs, 1912; D. Batistic-Poradic, 1984–1985; A.X. Вадаи, В. Кульчар, 1984; И. Ковриг, 1982]).
Fig. 65. The Late sarmatian time in Carpatian basin (according to: [M. Parduzs, 1944; 1959; I. Kovrig, 1959; Ottományi K., 2001; Vaday A.H., 1985; 1989; 2001; Sadi K., 1955; Kulcsar V., 1998; Kovacs I., 1912; D. Batistic-Poradic, 1984–1985; A.X. Вадаи, В. Кульчар, 1984; И. Ковриг, 1982]).

1–3, 23–27, 52–54, 58, 68, 69, 88–90, 112, 113, 167–170, 234, 235, 252–254, 280–283 – планы погребений, гробов, курганов, могильников; 5, 6, 28–31, 39, 45, 46, 59–62, 65, 70–81, 91–102, 114–129, 132, 140, 141, 143–151, 159, 160, 171–191, 207, 213–227, 230, 231, 236–244, 246, 247, 255–267, 269–272, 277, 284–304, 306, 307, 312, 316–334, 338–340 – металл; 11–16, 33–37, 40–44, 64, 82, 103, 130, 131, 152–154, 155–158, 192, 201, 206, 245, 268, 305, 313, 335, 337 – стекло, камень; 17–22, 47–51, 66, 67, 83–87, 105–111, 133–139, 161–166, 194–199, 202–205, 208–212, 233, 248–251, 273–276, 278–279, 308–311, 314, 315, 341–348 – керамика; 7, 8 – реконструкция

с тесненной и зерновой орнаментацией, а также предметами конской узды и вооружения восточного происхождения. Подобные комплексы мы рассматриваем в общем списке памятников гуннского и постгуннского времени (см. глава 4, § 4). С нашей точки зрения, эти материалы вряд ли можно связывать с некочевым населением (германцы, готы, гепиды), так как они располагаются близ или непосредственно среди некрополей квадского или гунно-сарматского союзов. В качестве очень осторожного предположения их можно отнести к ранним тюркам, скорее всего праболгарам (кутигуры, утигуры, огуры и др.), которые, по мнению И. П. Засецкой, участвовали в гуннских походах [Засецкая, 1994. С. 149–155]. Основанием для этого предположения является близость отдельных черт этих комплексов алтайским (восточная или западная ориентировка умершего, погребенного вместе с конем), наличие в данный период среди венгерских материалов алтайского типа узды с бусовидными псалями [Tomka, 1986. Abb. 3–5; 2001; Bona Istvan, 1992. Abb. 45] и, самое главное, появление чрезвычайно представительной группы керамики горшечной и баночной форм с плавной профилировкой, слегка отогнутой шейкой и венчиком, имеющим нарезки и защипы по верхнему краю. Особой чертой этой керамики является грубое ее изготовление [Vaday, 1989. Abb. 34, 5–7; 35, 1, 2; 184, 10; 188, 8; 192; 217; 225, 5; 275, 3–4; 339; 408, 5; 414, 6] (рис. 65, 84–87, 108–111, 135–139, 162–166). Данный тип керамики является основным для раннетюркских памятников Саян и Алтая, урало-казахстанских памятников селенташского типа, а также праболгарских и раннеболгарских комплексов Восточной Европы V–VIII вв. (см. глава 6, § 3). Возможно, что к кругу праболгарских памятников могут быть отнесены некоторые известные клады и находки предметов, выполненных в полихромном стиле, а также бронзовые котлы цилиндрической формы с рамчатыми ручками или грибовидными наконечниками, традиционно связываемые с материалами европейских гуннов. Это предположение основывается на том, что раннетюркская-праболгарская эпоха демонстрирует традицию помещения предметов и захоронения в поверхностном слое почвы (курганы с «усаами» и селенташские комплексы урало-казахстанских степей; курганы-костища Поволжья, праболгарские памятники южноуральских степей: Перещепино, Воскресенка, Глодосы и др. южнорусских степей). С формально исторической точки зрения, ранние болгары (вх'н дуры, оногуры, утигуры и др.) обитали в причерноморских и северокавказских степях с конца IV века, а в карпатском бассейне они известны сразу же после окончания эпохи Аттилы и вплоть до 568 года [Димитров, 1987. С. 31–33; Simonyi, 1959. P. 227]. Таким образом, пребывание их в пределах дунайского бассейна по формальному сроку более чем в два раза больше, чем собственно гуннский период. Следовательно, можно предположить, что среди коллекций и памятников этого периода должны быть материалы, которые можно было бы связать с населением раннеболгарского круга. Думается, что эти комплексы в массе своей имеют параллели с памятниками гуннского и постгуннского периода, рассмотренными нами чуть выше в данной главе (§ 1). Однако их историко-культурная идентификация на современной источниковой базе чрезвычайно сложна. Вероятно, окончательное выделение этого раннеболгарского пласта дело будущего поколения исследователей.

Таким образом, данный экскурс дает представление о том, что на различных территориях сарматского ареала позднесарматские трансформации имеют весьма различный облик. Собственно, сама позднесарматская культура имеет, по меньшей мере, шесть локально-территориальных вариантов: Заволжье, Волго-Донье, Нижний Дон, Причерноморье, Буджакская степь, Подунавье. Хочется обратить особое внимание на то, что в этом списке отсутствует Крым. Действительно, памятники позднесарматской культуры не получили здесь такого распространения, какое они получили на сопредельных степных территориях Восточной Европы. Вероятно, это

объясняется тем, что сарматские памятники степного Крыма скорее всего не перенесли тех позднесарматских культурных трансформаций, которые характеризуют эту эпоху в Волго-Донье и Причерноморье. Значительное число бескурганых сарматских комплексов Крыма I–III вв. н. э. демонстрируют погребальный обряд, характерный для среднесарматской эпохи (подбойные погребения с южной ориентировкой) (Скалистое, Заветное, Бельбек II, III) [Богданова, Гущина, 1964; 1967; Гущина, 1970, 1974]. По мнению Н. А. Богдановой и И. И. Гущиной, данные могильники связаны с проникновением в скифо-сарматский мир степного Крыма меотосарматского населения [Богданова, Гущина, 1967. С. 139; Гущина, 1974. С. 44]. Однако к середине III века н. э. эти могильники прекращают свое существование и на смену им приходят новые некрополи со склепными (катакомбными) погребениями и погребениями с трупосожжением (Бельбек, Черная, Харас, Чатырдаг, Инкерман, Озерный, Заморский и др.). Особенности погребального обряда, а также сходство в антропологическом облике позволили А. И. Айбабину сделать вывод о том, что появление этих некрополей связано с вторжением в Крым в середине III века готов и аланов [Айбабин, 1987. С. 193]. Следующая миграционная волна была связана уже непосредственно с гуннами, вторжение которых в Крым произошло в 70-х годах IV века [Васильев А. А., 1921. С. 25; Артамонов, 1962. С. 45] (рис. 5, 37).

Однако, как нам представляется, гуннская (позднесарматская) экспансия не внесла кардинальных изменений в этнокультурную среду Крыма. На это в определенной мере указывает то, что в долговременных некрополях вплоть до VII века сохраняются основные традиции сармато-аланского погребального обряда: склепы-катакомбы, подбойные и другие могильные ямы с южной ориентировкой умерших. Собственно гуннское вторжение, по осторожному замечанию А. И. Айбабина, вероятно, может быть зафиксировано лишь появлением в крымской степи предметов полихромного стиля и возникновением новых сармато-аланских могильников в Скалистом и вблизи Лучистого [Айбабин, 1987. С. 193, 194].

Таким образом, даже при беглом анализе материалов степного Крыма очевиден факт, что этот район, так же как и территории Предкавказья, не входил в ареал позднесарматской культуры, хотя сармато-аланская культурная доминанта сохраняется здесь вплоть до третьей четверти I тысячелетия н. э. Позднесарматские, как, впрочем, и гуннские памятники Крыма, крайне слабо маркируются на общем довольно однородном фоне памятников гото-аланского массива населения.

Что же все-таки вынуждает исследователей рассматривать многочисленные и разнообразные комплексы, которые встречены от Поволжья до Паннонии, в рамках единой позднесарматской культурной общности?

В целом эти культуuroобразующие параметры (северная ориентировка погребенных, деформация черепов, мечи без перекрестия и навершия, зеркала-подвески, фибулы, луки с концевыми и срединными накладками, крупные трехлопастные железные и костяные наконечники стрел) определил А. С. Скрипкин [Скрипкин, 1984. С. 82–87]. Однако, как следует из нашего экскурса, на разных территориях они присутствуют в разном соотношении. Сравнительный анализ памятников Нижнего Дона, Причерноморья, Подунайя убеждает многих исследователей в том, что синхронные позднесарматские погребальные комплексы этих регионов весьма сильно отличаются от нижневолжских, что позволило в отдельных случаях даже изменить их определение (западносарматские памятники Молдовы, по Э. А. Рикман). Можно сказать, что названные позднесарматские культуuroобразующие параметры лишь в определенных долях и на различных этапах фиксируются на территориях к западу от Волги. Создается впечатление, что они, словно некие маркеры новой эпохи или, все-таки, культуры, пронизывают всю толщу сармато-аланского массива племен и, постепенно разрушая культурную монолитность этого массива в течение

II–IV вв., к концу IV века достигают его крайне западного предела — Альфельда. Кто же являлся носителем этих новых культурообразующих традиций?

§ 3. «Всадники». В. Е. Максименко, определяя сложность в понимании этногенетических процессов, происходивших в степном Подонье в переходный период, который падает на II век н. э., указывает на то, что в это время происходят значительные перемены. Часть комплексов (примерно половина), несмотря на ряд новых элементов, сохраняет в целом и основном этнографический облик среднесарматского времени, и, таким образом, у нас нет особых оснований отрывать их от среднесарматского культурного наследия. В то же время появляется новая группа погребений, этнографические традиции которой очень близки или тождественны классическим позднесарматским, которые и составляют ранний пласт донских позднесарматских памятников [Максименко, 1998. С. 153].

По образному, но весьма точному определению В. Е. Максименко и С. И. Безуглова, высказанному несколько раньше, эти «классические» комплексы получили название «всаднические или дружинные» [Максименко, Безуглов, 1987. С. 191; Безуглов, 1988. С. 133]. Нет смысла их характеризовать подробно, достаточно отметить, что для бассейна Дона это действительно памятники, которые наиболее ярко демонстрируют позднесарматские черты Нижнего Поволжья и, в особенности, гунно-сарматские черты большинства памятников урало-казахстанских степей. Эти черты хорошо просматриваются в мужских погребениях по предметам вооружения и, в особенности, конской узды (кольчатые удила, накладки-зажимы с круглым щитком, наконечники ремней, пряжки с подвижным щитком и пр.). Ограничимся общим перечислением и ссылкой на эти материалы — Четыре брата, курган 3, погребения 6, 7; Сладковский, курганы 12, 19, 20, 21; Высочино VII, курганы 12, 17, погребение 1; Кировский I, курган 1, погребения 1, 2; Новоалександровка, курган 20, погребение 1; Центральный VI, курган 16, погребение 8; Кобяково, курган 5; Нагаевский, курган 5; Новоалександровка I, курган 17, погребения 20, 25 и др. [Мошкова, 1978; Максименко, Безуглов, 1987; Безуглов, 1988; Гугуев, Безуглов, 1990; Беспалый, 1990; Мыськова, Сергацков, 1994. С. 179–180; Шепко, 1987; Максименко, 1998. С. 147–155] (рис. 66, I). Подобные всаднические комплексы, как уже упоминалось, известны и западнее — в Причерноморских и Подунайских памятниках — Нагорное, курган 9; Чауш, Олонешты, Галчехевиз, Гестерд, Хевиздерк, погребение 28; Хортобадь-Поропхат, Визешдпуста, погребение 4 [Гудкова, Фокеев, 1984. Рис. 14; Фокеев, 1987. С. 21; Мелюкова, 1962; Kulcsar, 1998. С. 93, 99] (рис. 66, II). К слову будет замечено, что на Нижней Волге подобных «всаднических» погребений сегодня известно намного меньше. Появление данных комплексов на Дону, в том числе и в лесостепных районах Верхнего Дона (Животинский, погребение 4, Новоникольский, курганы 29, 53, 78) [Медведев, 1990. С. 73–74; 103–120], безусловно, фиксирует начало самого процесса позднесарматских трансформаций. Однако, в отличие от урало-казахстанских степей, носители этой культуры, вторгались в район, плотно заселенный донскими сармато-аланами, что придавало особый характер их культурной экспансии. Прежде всего, бросается в глаза явная культурная неоднородность «всаднических погребений», которая существенно разнит их с восточными комплексами. Во-вторых, налицо неустойчивость основных культурообразующих черт погребального обряда. Здесь встречаются южная (Кобяково, курган 5), восточная–северо-восточная (Высочино VII, курган 12; Высочино V, курган 2, погребение 2; Новоалександровка I, курган 20) ориентировка погребенных. Вообще в позднесарматской среде населения Нижнего Дона южная ориентировка сохраняется как основная вплоть до IV века н. э. [Максименко, 1998. С. 147].

В кургане 12 Сладковского могильника всадник позднесарматского времени ле-

жал в могильной яме по диагонали [Максименко, 1998. С. 151]. Кроме того, во всаднических погребениях Подонья встречен целый ряд предметов, широко распространенных в более раннее время. Эта особенность свойственна восточноевропейским позднесарматским комплексам и абсолютно нехарактерна для гунно-сарматских памятников урало-казахстанских степей. Так, в отдельных всаднических погребениях II–III вв., так же как и в комплексах низовий Дуная и Молдовы, встречены мечи и кинжалы с прямым перекрестием и кольцевым навершием, характерные для прохоровского и среднесарматского времени (Шевченко, курган 7; Центральный VI, курган 16; Кобяково, курган 5; Олонешты) [Мелюкова, 1962. Рис. 1; Гугуев, Безуглов, 1990. Рис. 2, 11; Безуглов, 1988. Рис. 2, 3]. Аналогично этому среди элементов позднесарматской узды встречены сферические фаллары, характерные для среднесарматской эпохи (Кобяково, курган 5; Центральный VI, курган 16) [Безуглов, 1988. Рис. 3, 1; Гугуев, Безуглов, 1990. Рис. 3, 1–4]. В. Е. Максименко приводятся случаи встречаемости в погребениях II–III вв. характерных для среднесарматских памятников алебастровых сосудов [Максименко, 1998. С. 153].

Безусловно, особую линию заимствований и преемственности демонстрирует керамический комплекс, хотя он в значительной мере отражает культурно-географическое своеобразие конкретных регионов и потому, в какой-то мере было бы некорректно общее сравнение керамических комплексов различных степных регионов Восточной Европы. Что же касается Подонья и, в большей мере, Нижнего Поволжья, то здесь явно наблюдается присутствие в позднесарматских памятниках сосудов (кувшины с высокой и крупной ручкой, двуручные кувшины, кружки, миски, отдельные формы горшков), которые продолжают линию развития керамических форм, характерных для I в. до н. э. – I в. н. э. (рис. 66, II, 9, 20, 41, 100, 132, 136). Анализ этого типа вещевого инвентаря и корреляция его хронологических и территориальных особенностей, по всей видимости, является темой специального исследования. Как нам кажется, сегодня было бы не совсем верно рассматривать определенную общность керамических комплексов средне- и позднесарматского времени как преемственность культурного порядка. Для территорий Волго-Донья и Причерноморья периода поздней древности параллели в керамических комплексах вполне можно объяснить наличием единых производственных центров, которые существовали в поселках и городищах оседлого населения, а также в античных городах на протяжении долгого времени. Кочевое и полукочевое население, как ранее обитавшее в пределах какого-то ареала, так и вновь прибывшее, наряду с посудой, принесенной с собой, в сравнительно короткие сроки осваивало новые формы керамики.

В целом этноисторическое реконструирование процессов, происходивших в начале позднесарматской эпохи, представляется следующим образом.

В первой половине II века н. э., по мере роста гунно-сарматского населения в урало-североказахстанском регионе, граница расселения этого союза племен неизбежно сдвигается к западу. Здесь, в Заволжье и Южном Приуралье, происходят не только активная диффузия гунно-сарматов и аланов, но и вытеснение последних в середине II века в пределы Волго-Донья (танаиты, ассеи, по С. А. Яценко) [Яценко, 1993. С. 85] (цв. вклейка, рис. 5, 17, 34). Несмотря на то что до конца II века н. э. в пределах Заволжья сохраняются определенные аланские традиции (поздние диагональные комплексы Сусловского могильника — курганы 47, 51; 58, 57), по всей видимости, основной массив заволжского сармато-аланского населения либо был вытеснен на запад, либо в достаточно короткий срок ассимилирован гунно-сарматами.

Скорее всего, Волга на какой-то период стала естественным этнополитическим пограничьем алано-сарматского и гунно-сарматского союзов племен. Вероятно, на этом этапе позднесарматское проникновение в районы Волго-Донья и Нижнего Дона носило инфильтрационный характер. По всей видимости, позднесарматские черты

II

117–121, 120–121, 124–131 – Новоалександровка, к-ны 25, 28; 132–134, 143, 147, 150–154, 161, 162 – Шевченко, к-н 7; 135, 136, 144, 145, 155, 156, 162–164 – Шевченко, к-н 9; 137–142, 146, 148, 149, 157–160, 165–172 – Шеченко, к-н 6.1, 2, 12, 13 – железо, бронза, серебро; 3, 7, 9, 18, 24, 25, 26, 27–36, 41, 50, 60, 62, 68, 79, 85, 86, 99, 105, 108, 113, 114, 117, 129, 149, 162, 163, 158–160, 167, 170–172 – бронза; 4, 8–10, 14, 15, 20, 47, 49, 100, 101, 116, 123, 132, 135–139, 144, 148, 150, 156 – керамика; 5, 6, 59, 60, 105, 109–112, 102, 103, 118, 119, 122–124, 128, 129, 133, 134, 135, 140, 141, 145, 154, 164, 165, 166 – железо; 13, 21, 25, 52, 54, 58, 104, 124, 155, 157, 161 – общие планы погребений; 18, 20, 23, 26, 37–40, 48, 51, 63, 65, 66, 67, 75–78, 81–84, 91–93, 96, 97, 106, 114, 130, 142, 143, 147, 151, 152, 165, 169 – камень, стекло; 42–46, 94 – дерево, бронза; 55–57, 121, 131 – золото, камень; 168 – серебро; 64 – бронза, камень

в культуре передавались вместе с теми заволжскими сармато-аланскими переселенцами, которые успели ранее подпасть под воздействие гунно-сарматов. Думается, что в связи с приходом восточных соседей обезземеленными (в смысле владения пастбищами) оказалось, прежде всего, среднее сословие кочевого населения Заволжья, которое впоследствии и влилось в среду донских сармато-алан. Таким образом, совершенно справедливо предположение В. Е. Максименко о том, что процесс позднесарматских культурных трансформаций II века н. э. затронул в большей степени массу рядовых кочевников [Максименко, 1998. С. 153]. Однако эта миграционная волна привела к весьма ощутимым последствиям. Наблюдается проникновение и, вероятно, последующее оседание аланского населения в районах лесостепного Подонья [Медведев, 1990. С. 200; Ефимов, 1998. С. 25] (цв. вклейка, рис. 5, 34, 35). По наблюдению А. П. Медведева, именно в этот период фиксируется сильное влияние культуры сарматов на местное население. Ни в одну историческую эпоху на Дону курганные могильники не закладывались так далеко на севере, как в позднесарматское время. Но следует оговориться, что автор связывает это с изменением ландшафтно-экологических условий [Медведев, 1998. С. 8–10]. Однако, как нам представляется, кардинальное значение имел все же внешнеполитический фактор. Заметим в этой связи, что лесостепные кочевнические комплексы Верхнего Дона II–III вв. н. э. в большинстве своем несут среднесарматские (аланские) черты (подбойные и диагональные погребения с южной ориентировкой умерших, вещевой комплекс среднесарматского типа) [Ефимов, 1998. С. 27–35; Березуцкий, 1998. С. 39–41].

Вероятнее всего, этот же импульс явился причиной многочисленных перемещений в общесарматском ареале степного коридора Восточной Европы. В течение II века н. э. наблюдается массовый приток сарматского населения в городища Нижнего Дона. Так, с II по III век н. э. в списке имен Танаиса количество иранских (сармато-аланских) имен удваивается и утраивается. В это же время также четко фиксируется появление, хоу и не столь многочисленных, но хорошо выделяющихся на общем фоне комплексов классического позднесарматского облика (погребения в простых могильных ямах с северной ориентировкой и деформацией черепов погребенных) [Шелов, 1972. С. 59–60; 247].

Во II–III вв. н. э. наблюдается активное смешение оседлого населения Подунавья с сарматами [Федоров, Полевой, 1973. С. 261]. Конечным следствием многочисленных перемещений в степях Восточной Европы, на наш взгляд, стало вторжение языгов и роксоланов в Паннонию и Дакию и выход алан на Римское пограничье. Это привело к многочисленным римско-аланским конфликтам и языго-роксоланским войнам в Паннонии в 117–138 годах. Возможно, итогом дестабилизации, вызванной кочевниками и другими варварскими народами, явились Маркоманские войны (167–180 гг.) [Колосовская, 1973. С. 215–232; Яценко, 1993. С. 86–87].

Возвращаясь к Подонью, следует отметить, что проникновение в течение II века н. э. заволжского сармато-аланского населения, находившегося под сильным гуннским влиянием (по Т. Сулимирскому), на археологическом материале выглядит как постепенное вытеснение черт среднесарматского комплекса — позднесарматским, что и получило соответствующую интерпретацию в работах большинства сарматоведов. Качественный скачок в этой ситуации происходит к III веку н. э., когда в пределы Подонья вслед за восточно-аланским населением Заволжья (танаитами) вторгаются непосредственные носители гунно-сарматского культурного комплекса, оставившие хотя и не столь многочисленные, но яркие курганы «всадников-дружинников». Вероятно, этот боевой авангард и был причиной кардинальной историко-культурной ломки в пределах степей от Волги до Дуная. Очень точное наблюдение относительно курганного (всаднического) комплекса из могильника Кобыково, который находился в непосредственной близости (в прямой видимости) от этнически

инородного населения по материалам грунтового могильника и Кобякова городища, возникших гораздо раньше, сделали В. К. Гугуев и С. И. Безуглов. Авторы склонны рассматривать сложившуюся ситуацию как следствие политического приоритета пришедших кочевников над населением Кобяковского и, вероятно, других донских городищ [Гугуев, Безуглов, 1990. С. 173–174]. Однако, как нам представляется, культурное воздействие данного рейда гунно-сарматских всадников было, скорее всего, кратковременным и носило транзитный характер. Первое положение довольно четко подтверждается тем фактом, что собственно классические позднесарматские черты (узкая прямоугольная могильная яма, яма с подбоем, северная ориентировка погребенного) абсолютно преобладают лишь в донских памятниках конца II–начала III вв. Однако уже на следующем этапе III–IV вв. значительный процент погребенных вновь имеет ориентировку в южный и другие сектора [Максименко, 1998. С. 147]. Весьма важно и то, что в Поднепровье, Подонье и на Нижней Волге появляются катакомбные погребения, количество которых сегодня довольно значительно среди исследованных памятников III–IV вв. (Барановка, Большая Дмитриевка I, Новочеркасский, Центральный, курганы 9, 14, Потайной II, курган 13, Романовский II, курган 4, Выселый III, курганы 1, 2, Начаевский II, курган 12, Журавка, курганы 3, 6, Павлов, Разборский, курган 2; Бахтияровский, Градешка, курганы 9, 26) [Скрипкин, 1974; Мелентьева, 1973; Безуглов, Копылов, 1989; Мыськова, Сергацков, 1994; Безуглов, Захаров, 1988. С. 10–15. Рис. 2, 4; 4; 5; Сергацков, 1990; Гудкова, Редина, 1999].

Появление катакомб в Подонье и Нижнем Поволжье, как и распространение кавказских типов керамики и фибул, многие исследователи связывают с влиянием на степные регионы Ставрополя, Подонья и Нижней Волги культур Центрального Предкавказья, хотя при этом отмечают некоторое своеобразие степных катакомб (большее конструктивное разнообразие, наличие прямоугольных курильниц и др.) [Смирнов К.Ф., 1972. С. 78, 80; Скрипкин, 1974. С. 63; Безуглов, Захаров, 1988. С. 22–23; Безуглов, Копылов, 1989. С. 181].

Более развернутую точку зрения высказывают на этот счет А. С. Скрипкин и И. В. Сергацков, которые выделяют среди позднесарматских катакомб два конструктивных типа. Первый (вариант А, по А. С. Скрипкину) представляет собой овальную камеру с округлым входом, располагающимся прямо над ней или несколько смещенным в сторону. Он идентичен катакомбам среднеазиатского происхождения и, по всей видимости, связан с прямым проникновением в Поволжье и Подонье населения Ферганы [Скрипкин, 1984. С. 100]. Второй (вариант В, по А. С. Скрипкину) имеет прямоугольную входную яму и погребальную камеру, устроенную в ее торцевой стенке. Эти катакомбы близки по своим конструктивным особенностям катакомбам Северного Кавказа и Прикубанья. В этой связи происхождение их от северокавказских является вполне вероятным [Мыськова, Сергацков, 1994. С. 187–188].

На наш взгляд, нет смысла проводить столь жесткое разграничение в интерпретации истоков происхождения позднесарматских катакомб Дона и Нижней Волги. Тем более, что и в первом, и во втором случае возникновение катакомб в Предкавказье (Теркско-Дагестанская группа), как и дальнейшее проникновение их в европейские степи, изначально связано со среднеазиатским регионом [Нечаева, 1956. С. 185, 213–216; Берлизов, Каминский, 1993. С. 105–109].

С определенной осторожностью, как нам кажется, стоит говорить и о монопольном влиянии Предкавказья на формирование керамического комплекса в сармато-аланском ареале во II–III вв. Бесспорно, что в этот период преобладающая часть керамической посуды приходит сюда с Кавказа. Однако многие горшки, кувшины и хумы имеют прямые аналогии в джетысарских, каунчинских, кугайско-

карабулакских и кенкольских памятниках. Особенно хорошо эти параллели прослеживаются для сосудов с зооморфными ручками, с сосцевидными и луновидными налечами, обнаруженными в кочевнических комплексах и в слоях городищ I–III вв. Волго-Донья [Скрипкин, 1974. С. 60. Рис. 3, 3; 1984. С. 144. Рис. 10, 12; Ильюков, Власкин, 1992. С. 97. Рис. 25, 23; Шепко, 1987. С. 166. Рис. 7, 3; Беспалый, 1990. С. 214. Рис. 1, 8; Мыськова, Сергацков, 1994. Рис. 4; Косяненко, 1998. С. 167–173; Журавлев, 2000. С. 382–383. Рис. 1, 2, 3].

Весьма интересную мысль о причинах появления катакомб III–IV вв. высказали Е. П. Мыськова и И. В. Сергацков, связав это событие с вторжением готов и разгромом Танаиса в 244–247 годах. В результате этого часть сарматского населения Нижнего Дона вынуждена была отойти в Заволжье и глубинные районы Волго-Донского междуречья [Мыськова, Сергацков, 1994. С. 188]. Думается, что среди беженцев были не только сармато-аланы Танаиса, но и других городищ Нижнего Дона. Как известно, катакомбный обряд погребения был широко представлен в городских некрополях Подонья. При этом в ряде случаев он характерен именно для наиболее знатных сармато-аланских захоронений [Шелов, 1972. С. 59–60; Власкин, 1998], датированных I–III вв. Поэтому появление в Волго-Донских степях катакомб могло быть связано не только с притоком нового аланского населения из Предкавказья и, возможно, Средней Азии, но и с деструктивными разнонаправленными миграциями, вызванными вторжением готов в Приазовье и на Нижний Дон в середине III века н. э. Вполне вероятно, что это вторжение стало серьезным препятствием для дальнейшего продвижения на запад гунно-сарматов Заволжья, а также причиной временного оттока части кочевого населения региона за реку Урал. На это в определенной мере указывает появление здесь не только в богатых (Лебедева, курганы 1, 2), но и в рядовых погребениях предметов античного и готского происхождения.

Значение вторжения готов в южную часть Восточной Европы было весьма велико. По нашим представлениям, готы рассекли степной ареал едва сложившегося гунно-сарматского или позднесарматского единства, что, в конечном счете, археологически выразилось в существенном различии позднесарматских комплексов востока Европы конца II–середины III и III–IV вв. (цв. вклейка, рис. 5, 23, 24, 25). В то же время культура урало-казахстанских и заволжских кочевников в целом не претерпела очевидных трансформаций на протяжении всего позднесарматского периода со II-го по IV века, так как эти кочевники сохраняли свое этнокультурное и, вероятно, этнополитическое единство вплоть до великого гуннского нашествия, начавшегося в последней четверти IV века н. э. Степи Подонья и, вероятно, Поднепровья примерно на век становятся зоной сложнейших деструктивных процессов, которые нашли отражение в типологическом многообразии существующих здесь в III–IV вв. н. э. погребальных традиций. Кроме того, проникновение сюда готского, а затем, вероятно, и части славянского населения [Медведев, 1998. С. 59], последующее оседание и совместное проживание его в лесостепных районах, а также в селищах и городищах Причерноморья усилило культурные преобразования на конечном этапе сарматских трансформаций.

На Западе территориями относительно локализованного проживания сарматского населения, испытавшего на себе значительное гуннское воздействие, вероятнее всего, оставались районы Буджакской степи северо-западного Причерноморья. Здесь вплоть до IV века н. э. продолжают функционировать могильники гунно-сарматского населения (Холмское, Алияга, Нагорное, Чауш, Курги, Градешка и др.) [Гудкова, Фокеев, 1984; Фокеев, 1986; 1987; Гудкова, Редина, 1999]. Это население сосуществует и, вероятно, активно взаимодействует с «черняховцами» (готами), грунтовые могильники которых находятся в непосредственной близости с курганными некролями позднесарматского времени. Думается, именно

в III–IV вв. н. э. здесь закладывались этнополитические предпосылки будущих союзов с готами.

Таким образом, во второй половине III–IV веке н. э. позднесарматский ареал, который, по нашему мнению, и представлял собой зарождающуюся гуннскую орду, был расколот на две части: восточную (урало-казахстанскую) и западную (Нижнее Подунавье), которые в какой-то период развивались совершенно автономно. Такая схема, на наш взгляд, достаточно точно отражает ситуацию, которая складывается к концу IV–началу V века н. э., когда, по предположению И. П. Засецкой, на Дунае действовала совершенно самостоятельная, оторвавшаяся от общей массы, западная гуннская орда Ульдиса. Эта группировка была не столь сильна, как восточная, что вынуждало Ульдиса в первых годах V века воевать с готами в составе римских войск [Засецкая, 1994. С. 144–145; Thomson, 1948]. Наличие западногуннской орды объясняет, в определенной мере, и некоторые парадоксальные моменты истории европейских гуннов. В 412 году ставка гуннского вождя Доната располагалась, по мнению И. П. Засецкой, где-то в Северном Причерноморье, куда и было направлено посольство Олимпиодора [Засецкая, 1994. С. 145]. Однако, судя по сообщениям римских источников, за три года до того, в 409 году, гуннам (западным) уже была передана провинция Валерия (Восточная Паннония), хотя ставка гуннов (восточных) на берегах Тиссы появляется лишь в 433 году [Археология Венгрии, 1986. С. 295]. Произошло ли воссоединение гуннских орд в последующий период центральноевропейских походов, мы сказать не можем. Можно лишь предположить, что если в период Руги и Аттилы в состав гуннской орды были включены не только аланы, но и остготы и везиготы, то и массив западных гуннов был влит в единую гуннскую орду.

Таким образом, разрушив в середине III века н. э. сложившееся или начавшее складываться гунно-сармато-аланское единство, готы фактически на столетие отодвинули момент окончательной консолидации гуннской кочевой империи, а следовательно, и вторжения этой орды в Центральную Европу.

Таков общий облик гунно-сарматского культурогенеза в степном ареале Восточной Европы. Предложенная реконструкция позволяет прийти к заключению, что процесс формирования единой гуннской орды, проходивший в позднесарматскую эпоху, был обусловлен как миграционным, так и автохтонным факторами.

В первом случае отчетливо прослеживается продвижение урало-казахстанского населения («всадников») на запад. При этом динамика их движения была различной: глубокие широтные рейды-набеги в пределах степного (и возможно, лесостепного) коридора военизированных всаднических дружин или постепенная инфильтрация среднего сословия кочевого населения на сопредельные территории. Во втором случае шел процесс бурной этнокультурной диффузии (первоначально в районах Волго-Донья) пришлого гунно-сарматского, автохтонного сармато-аланского, пришлого готского и, вероятно, славянского населения, который имел особый облик в различных районах юга Восточной Европы. Процесс гуннизации археологически выявляется как резкое или постепенное установление позднесарматской культурной доминанты и появление основных ее составляющих черт — северная ориентировка погребенных, деформация черепов, вещевой комплекс. Однако этот процесс нам не представляется как однонаправленное поступательное движение и утверждение гунно-сарматских культурообразующих признаков во всем ареале Европейской Сарматии. Он может быть разделен на три основных историко-культурных этапа: 1) II–середина III вв.; 2) вторая половина III–вторая половина IV вв.; 3) вторая половина IV–середина V вв. В рамках каждого из них исторические и культурногенетические процессы имели свой определенный облик в пределах конкретных областей гунно-сарматского ареала. Период в два с лишним века (от II до

конца IV вв.) и расстояние более чем в три тысячи километров (от Урала до Паннонии) явились невероятно сложной пространственно-временной дистанцией, преодолев которую гунно-сарматы (дальние потомки северных хуннов), многократно видоизменяясь и прирастая за счет покоренных народов европейского ареала, предстают разноликими неведомыми гуннами перед Римской Европой.

Исходя из всего сказанного выше, нам представляется, что определение «позднесарматская культура», введенное много лет назад, носит сегодня в значительной степени традиционно-терминологический характер. Целесообразность его применения в большей мере сегодня обуславливается использованием привычного (рабочего) термина (например, для памятников Нижнего Поволжья). С точки зрения реальной историко-археологической обстановки, по нашему убеждению, наиболее целесообразно использовать термин «позднесарматский этап» или «позднесарматский период».

Думается, сегодня также нет оснований спешить с определениями и названиями для отдельных локально-территориальных или хронологических групп памятников огромного позднесарматского ареала. Так как этнокультурное своеобразие и многообразие их чрезвычайно велико, что в большинстве случаев отражается на археологическом материале, определение, предлагаемое нами, «гунно-сарматские памятники урало-казахстанских степей», по нашему представлению, с большей точностью отражает этнокультурную суть позднесарматского периода. Однако мы ни в коей мере не предполагаем его применение как культурно-определяющего термина для различных групп памятников этого времени восточноевропейских степей, так как в существенном отличии от них гунно-сарматские погребальные комплексы имеют свою особую территориальную специфику и этнокультурное единообразие.

§ 4. Аланы–танаиты–массагеты–гунны (?). Попытаемся понять, в силу каких причин в литературе столь прочно утвердилось представление о сарматской принадлежности памятников позднесарматского времени Поволжья?

На наш взгляд, здесь сыграл роль ряд объективных и субъективных обстоятельств. Во-первых, как известно, базовыми материалами для первой систематизации и типологического разделения памятников позднесарматского времени стали комплексы Суловского могильника. Однако этот памятник является неоднородным: ранние его комплексы относятся к I–II вв. н. э. (т. е. к самому концу среднесарматского периода), а поздние — к III–IV вв. н. э. [Скрипкин, 1998. С. 110–111]. То есть на этом памятнике мы фиксируем наложение черт как минимум двух культурных традиций. При ознакомлении с материалами Суловского могильника действительно складывается видимость органического перерастания среднесарматской культуры в позднесарматскую. Последующие раскопки заволжских комплексов (Блюменфельд, Боаро, Альт-Веймер, Харьковка и др.) дали материал, в котором ярко оконтурились позднесарматские культурнозначимые черты, достаточно четко отличающие памятники позднесарматского времени от среднесарматских. Однако в исследуемых параллельно памятниках этого времени междуречья Волги и Дона, а также в донских комплексах фиксировалась чрезвычайная пестрота типов погребального обряда — диагональные, подбойные, простые и катакомбные погребения с южной и северной ориентировкой [Скрипкин, 1984. Рис. 6, 2, 6–8, 10–14; 17, 3–6, 9, 10, 13–15; 18]. Очевидно, что процесс этнокультурных трансформаций в этом регионе происходил более плавно на протяжении, по меньшей мере, одного столетия. Суть его заключалась в ассимиляции пришлого заволжского населения местной сармато-аланской средой [Скрипкин, 1984. С. 101]. При этом на первом этапе, вероятно, доминировало сармато-аланское население; так было, по меньшей мере, до середины III века. Таким образом, Волго-Донский массив археологического мате-

риала также сыграл свою определенную роль в упрочении эволюционных представлений о позднесарматском культурогенезе. Дело зашло столь далеко, что появился ряд работ, в которых авторы были склонны раздвинуть рамки существования сармато-аланской общности вплоть до VIII века, а к позднему этапу были отнесены погребения с восточной ориентировкой и шкурой лошади (могильники Бережновка 1/7, Бережновка II, курган 2/28, Покровский, Авиловский, Бородаевский и др.) [Максимов, 1956. С. 65–85; Сеницын, 1956. С. 55–64; 1960. С. 103–105; Смирнов К. Ф., 1950. С. 114; 1959. С. 222]. К. Ф. Смирнов первоначально присоединился к этим взглядам. Однако позже он пришел к выводу, что погребальный обряд поволжских комплексов, начиная с V века, несет «чуждые» черты для сарматской культуры. К таким чертам, прежде всего, относится традиция помещения шкуры или чучела лошади в могилу. По его мнению, эти традиции скорее характерны для погребений тюркских кочевников [Смирнов К. Ф., 1962. С. 270].

Представления о том, что сарматские культуры могли существовать и позднее IV века н. э., как и наименование «шиповская культура», не получили развития в дальнейшем, однако сам по себе этот факт указывает на то, сколь сильны были эволюционистские представления в сарматской археологии Поволжья в предшествующий период. Безусловно, здесь сказались и особенности историографического характера и засилье эволюционистской социоисторической теории развития в советской исторической науке.

В определении жесткого рубежа между древностью и средневековьем — IV веком, вероятнее всего, значительную роль сыграли господствовавшие на тот момент (20–30-е годы) западноевропейские традиции. Не случайно, П. Д. Рау первую хронологическую шкалу сарматских древностей выстраивал с учетом римских исторических стадий [Рау, 1927]. Влияние западноевропейских исторических представлений, сложившихся на письменных источниках позднеримского времени (Аммиан Марцелин, Иордан и Приск Понтийский), сказалось и на первых работах советских гунноведов [Иностранцев, 1926]. Тем более, что европейское археологическое гунноведение развивалось с некоторым опережением. Фактически до середины XX столетия, благодаря работам А. Альфолди, Д. Вернера, М. Пардуца, были введены, систематизированы и интерпретированы материалы кочевнических, в том числе и гуннских, комплексов Восточной и Центральной Европы, большая часть которых также датировалась не ранее IV века (эпоха Аттилы) [Alfoldi, 1926; 1932; 1934; Werner, 1956; Parducz, 1959].

Думается, это были основные причины, в силу которых термин позднесарматская культура в общесарматском ее понимании вошел в отечественную и зарубежную литературу. Хотя, если отбросить интерпретационный аспект и оставить лишь формальное определение, то стоит признать, что восточноевропейские памятники II–IV вв. действительно отражают собой самый поздний, финальный период генезиса сарматской культуры, который протекал в различных районах европейской степи под мощным воздействием нового пришлого населения (готы, гунны). При этом деформация исходных культурообразующих черт и сармато-аланской общности, и новых культур столь велика, что на различных этапах и в различных регионах существования они становятся едва уловимыми маркерами нового формирующегося этнополитического единства. В этой связи для восточноевропейских памятников этого периода равносмысловым является определение «позднесарматские» в смысле «раннегуннские», или «раннегуннские» в значении «позднесарматские».

Коротко проследим, как развивались представления о гуннской принадлежности в контексте интерпретации позднесарматских памятников. Первым, кто предположил, что часть позднесарматских погребений с деформированными черепами могла принадлежать гуннам, был П. С. Рыков [Рыков, 1936. С. 46]. Несколько ранее мысль о возможной гуннской принадлежности позднесарматских памятников была

высказана В. В. Гольмстен [Нечаева, 1961. С. 156]. В последующий период на представления исследователей оказали большое влияние работы А. Н. Бернштама по изучению и интерпретации памятников Таласской долины [Бернштам, 1940; 1951]. Анализируя материалы Кенкольского могильника и данные китайских письменных источников, автор пришел к выводу, что первые проникновения хуннов в Среднюю Азию и Южный Казахстан относятся к I веку до н. э., а окончательное их переселение сюда заканчивается во II веке н. э., что и привело к возникновению таких памятников, как Кенкольский могильник [Бернштам, 1940. С. 29–38]. В вопросах раннего (I в. до н. э. – I в. н. э.) проникновения хуннов на запад и интерпретации катакомбных комплексов кенкольского типа представления А. Н. Бернштама оказались спорными [Сорокин, 1956. С. 114–117]. Однако, объективности ради, следует признать, что его работы так или иначе обозначили реальные исторические рамки гуннских миграций и явились первой попыткой археологической атрибуции памятников гуннского этнополитического объединения. Гуннский вопрос, поставленный А. Н. Бернштамом, в том или ином виде стал подниматься исследователями. Так, антропологический анализ позднесарматских черепов из памятников Нижнего Поволжья, проведенный Е. В. Жировым, навел его на мысль о том, что обычай деформации черепов в данный регион был привнесен вместе с гуннским населением [Жиров, 1940. С. 88].

К. Ф. Смирнов, принимая доводы А. Н. Бернштама, основанные на анализе китайских письменных источников (Хоу-Ханьшу), определявших территорию, занимаемую северными хуннами в конце I – начале II века н. э. – от Баркуля до Каспийского моря, высказывает весьма прозорливое суждение: «В дальнейшем, может быть, удастся в Северном Прикаспии среди могил аланского населения позднесарматской стадии выделить могилы проникших сюда, возможно уже в значительном количестве, гуннов» [Смирнов К.Ф., 1950. С. 113].

Важнейшим этапом в хунно-гуннском кочевниковедении стали работы М. И. Артамонова и Л. Н. Гумилева, в которых, с одной стороны, была обоснована историческая взаимосвязь между азиатскими хуннами и европейскими гуннами, с другой — непрерывность гуннского культуругенеза [Артамонов, 1962; Гумилев, 1960].

На этом исследовательском фоне, на наш взгляд, вполне своевременно вышла статья Л. Г. Нечаевой, где она, с одной стороны, отрицает преемственность между среднесарматской и позднесарматской культурами, с другой — соотносит подбойные погребения с северной ориентировкой Нижнего Поволжья с гуннами, а катакомбные погребения Северного Кавказа с аланами, переселившимися из Средней Азии [Нечаева, 1961. С. 156–157]. Л. Г. Нечаева, таким образом, фактически впервые попыталась придать археологический облик историческим реалиям, которые так или иначе были засвидетельствованы письменными источниками.

Несмотря на то что эта работа Л. Г. Нечаевой была весьма скептически воспринята специалистами-сарматоведами, сегодня многие ранее спорные и дискуссионные положения, высказанные ею, звучат весьма убедительно. Так, дальнейшим развитием идей о среднеазиатском происхождении аланских катакомб Северного Кавказа стала специальная работа Н. И. Берлизова и В. Н. Каминского [Берлизов, Каминский, 1993].

Тезис о том, что среднесарматские и позднесарматские комплексы являются памятниками разных культур, так как различие в погребальном обряде весьма значительно, высказанный Л. Г. Нечаевой [Нечаева, 1961. С. 156], сегодня получил подтверждение на примере гунно-сарматских памятников урало-казахстанских степей. В пределах степей Урало-Ишимского междуречья фактически отсутствуют памятники I века до н. э. – I века н. э., а комплексы II–IV вв. появляются неожиданно в массовом количестве и культурном единообразии [Боталов, Гуцалов, 2000]. Причи-

ны малочисленности памятников I века до н. э.—I века н. э. в урало-казахстанских степях кроются, с одной стороны, в области экологических процессов (скачок аридизации, приходящийся на конец I тыс. до н. э.—начало I тыс. н. э.) [Крадин, 1995. С. 164; Таиров, 1995. С. 95], с другой — обусловлены особыми историческими событиями, в которые были включены не только урало-казахстанский, но и волго-донской регионы. Как следует из логики одной из недавних работ И. В. Сергацкова, проникновение аланов (маскутов, массагетов) в Восточную Европу шло через Переднюю Азию и Кавказ, далее они расселялись в Подонье и в Поволжье [Сергацков, 1998. С. 44–48]. Вероятнее всего, до конца I или начала II века н. э. они достигли лишь районов Заволжья, в связи с чем более восточные районы оказались слабозаселенными.

Анализ письменных упоминаний Птолемея и Дионисия о раннем присутствии уннов-гуннов в Восточной Европе сегодня убеждает исследователей-гунноведов в подлинности этих сведений [Гмыря, 1995. С. 46–47; Засецкая, 1994. С. 134–138]. Более того, в последние годы в ряде работ появились дополнительные упоминания из позднеримских и армянских источников о присутствии гуннов в Восточной Европе в III–начале IV века, то есть задолго до нашествия гуннов на донских алан [Гмыря, 1995. С. 46–47; Яценко, 1993. С. 85].

Весьма своеобразную точку зрения о гуннском присутствии в волго-донских степях на основе археологического материала Танаиса высказал Д. Б. Шелов. Отмечая, что следы собственно гуннов в Танаисе, как и на других Боспорских городищах, фиксируются «очень плохо», несмотря на то что этот город почти сто лет находился под их господством, автор приводит ряд гуннских, с его точки зрения, черт. К ним относятся костяные накладки сложносоставного лука, костяные наконечники стрел, бронзовые амулеты в виде человеческих фигурок, а также антропологические особенности (деформация и монголоидность черепов) отдельных скелетов. К гуннским чертам относятся и безынвентарные захоронения шкур лошадей, культурная атрибутика которых остается не совсем понятной [Шелов, 1978. С. 87]. Таким образом, вольно или невольно, автор интерпретирует как гуннские признаки, характерные для позднесарматских памятников.

Важную роль гуннов в этнической истории народов Поволжья и Приуралья отмечал А. П. Смирнов. Им было сделано очень важное наблюдение, что сармато-аланский (в контексте — позднесарматский) компонент являлся основным на юго-востоке Европы и после гуннского нашествия [Смирнов А. П., 1984. С. 67].

И, наконец, синтезировав существующие точки зрения по вопросам этнокультурных интерпретаций позднесарматской культуры, Т. Сулимирский разделил позднесарматскую (аланскую) общность на два ареала — восточный и западный [Sulimirski, 1970. С. 142–144]. Аланское население, располагавшееся на восточном крыле сарматского ареала, по его мнению, находилось под большим влиянием и в политической зависимости от гуннов, в результате чего переняло многие их обычаи. Степень гуннского влияния выразилась в основных различиях, которые существовали между среднесарматской и позднесарматской культурами. Эти различия устанавливались постепенно. Первоначально к востоку от Волги исчезли диагональные и катакомбные погребения и на их место пришли курганы с узкими прямоугольными ямами с северной ориентировкой погребенных. Одновременно распространился обряд деформации черепов. Погребальный инвентарь представлен особыми — восточными — типами изделий: длинные мечи без перекрестий; луки «гуннского» типа; «гуннские» наконечники стрел; упряжь и удила, характерные для гуннов; особые типы керамики; «курильницы» и маленькие зеркала с боковой ручкой или ушком для привязывания. Позднее, с III века н. э., эти черты распространяются и в Волго-Донском междуречье.

По мнению Т. Сулимирского, все эти изменения были привнесены гуннами и другими азиатскими народами, так как к I веку н. э., по данным античных авторов, гуннские владения простирались до Каспия [Sulimirski, 1970. С. 145–146].

Данная точка зрения, на наш взгляд, весьма точно реконструирует процесс этнокультурных трансформаций, происходивших на восточном крыле сармато-аланского ареала. Т. Сулимирский довольно однозначно связывает с гуннским влиянием наиболее кардинальные изменения, которые, по общепринятому мнению, явились решающими в сложении позднесарматской культуры. При этом он весьма подробно разбирает характер позднесарматских инноваций, которые совершенно по-разному проявлялись в пределах Дона, Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья [Sulimirski, 1970. Р. 146–150].

Таким образом, несмотря на господствующие представления о сармато-аланской природе позднесарматской культуры, «гуннские» параллели и представления занимают весьма серьезное место в историографии.

Автор совершенно определенно дает себе отчет в том, что вышеприведенные историко-культурные реконструкции в целом или частично сегодня не принимаются большинством исследователей. В этой связи считаем необходимым еще раз остановиться на детальном анализе той историографической базы, которая сформировалась для позднесарматского, раннегуннского и гуннского периодов в пределах Восточной Европы. На сегодняшний момент накопилось значительное число реконструкций и интерпретаций, построенных с опорой, прежде всего, на письменные данные и выборочном соотнесении их с археологическими источниками.

Малочисленность письменных источников именно для позднесарматского и раннегуннского периода, невнятность или неоднозначность их информации породили ситуацию, когда интерпретация упоминаемых этнонимов для районов Северного Причерноморья и Прикаспия, Волго-Донья и Предкавказья зачастую осуществляется авторами по предпочтительному принципу. Следствием этого явилось создание довольно длинного ряда точек зрения на отдельные узлы сармато-аланской, раннегуннской, гуннской, протоболгарской и раннеаварской истории восточноевропейского региона, в которых замысловато переплелись факты и события в единой канве, подчас очень разных концепций. Думается, нет смысла вновь детальным образом излагать события II–V вв., приводя весь историографический арсенал точек зрения и контрмнений на те или иные вопросы. Тем более что это блестяще было сделано в одной из последних книг С. В. Гуркина*, вышедшей в электронном виде [Гуркин, 2005. 2.2; 3.2; 3.3; 4.1]. Остановимся лишь на узловых, с нашей точки зрения, единодушных или нестыковках основных позиций исследователей, а также стереотипах, которые сложились в подходах к вопросам раннегуннской и гуннской истории.

Унны Дионисия, гунны Птолемея. Фактически все исследователи сходятся во мнении, что данные Дионисия Периегета и Птолемея заслуживают доверия и указывают на то, что они, бесспорно, фиксируют именно гуннское присутствие в середине — второй половине II века в пределах Восточной Европы [Артамонов, 1962. С. 42; Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978. С. 28; Новосельцев, 1990. С. 42; Засецкая, 1994. С. 136; Гмыря, 1993; 1995. С. 9]. И. П. Засецкая, соотнося сведения Дионисия с данным Иордана, приходит к выводу, что унны Периегета — это именно те гунны, владения которых простирались к востоку от готов в пределах границ Скифии где-то в северо-западном Прикаспии [Засецкая, 1994. С. 137]. Однако, придя к этому весьма важному, на наш взгляд, заключению, исследователь совершенно неправомерно сужает владения гуннов районом Терекско-Кумского междуречья [Засецкая, 1994.

* Выражаю глубокую признательность светлой памяти С. В. Гуркина и его неопенимому вкладу в развитие национального кочевниковедения.

С. 137]. С ней в определенной мере солидаризируется М. Н. Гмыря, помещающая гуннов также в северо-западном Прикаспии. Однако, ее точка зрения в большей мере распространяется на локализации прикаспийской Гуннии и на район обитания гуннов в более поздний период [Гмыря, 1995. С. 9]. Что касается территории обитания уннов Перизгета, следует признать — помещая их действительно севернее каспиев, албанцев, кадусей и других народов Западного Прикаспия и Кавказа, не один из имеющих сегодня переводов Дионисия не приводит упоминаний о народах, живущих за уннами. Вероятнее всего, по какой-то причине в этой части своего землеописания античный автор предпочитает не использовать имеющуюся у него информацию о страбоновых даях и парнах, проживавших на левом или восточном побережье Каспийского моря [Латышев, 1993. С. 285]. Следовательно, восточная граница уннов Дионисия остается неопределенной. Вероятно, о районах между Кумой и Тереком в этом случае корректнее будет говорить лишь как о западном пограничье ранних гуннов. Что же касается их восточных пределов, то они лежат где-то в обширных пространствах Восточной Скифии. Слабая же информированность древних авторов о восточных рубежах гуннов вынуждает их невольно сократить вектор этого пространства. В этой связи приведенное в описании Иордана упоминание о серах (китайцах), проживавших на восточной окраине Большой Скифии, на наш взгляд, совершенно неверно связывается И. П. Засецкой с областями Согда. Независимо от источников информации, которая, на наш взгляд, в основном поступала от переселившегося сармато-аланского и, возможно, гуннского населения, районы Согда, равно как и Ташкенского оазиса, Оша, Ферганы и Семиречья, сплошь заселенные полуоседлым алано-юэчжийским, тохаро-кушанским и усуньским населением (см. глава 2, § 3), даже при наличии китайских торговых факторий в городах, вряд ли могли быть обозначены как китайское пограничье. При этом не следует недооценивать информированность древних авторов. Так, Страбон, говоря о восточных скифах (сарматах и скифах), упоминает, что они проживают «на всем протяжении до *восточного моря и до Индии*» [Латышев, 1993. С. 284]. О северо-восточном океане на крайних границах Азии говорит и Иордан [Иордан, 1997. С. 66. §3]. Удивительно, что эти сведения уточняются Аммианом Марцелином, жившим на двести лет раньше самого Иордана. Говоря о восточных пределах земель аланов, простирающихся «на незримых пространствах скифской пустыни», он указывает, что «вся северо-восточная полоса земли до самых границ Серов осталась необитаемой. С другой стороны, поблизости от места обитания Амазонок, смежные с востока аланы, расселявшиеся среди многочисленных и великих народов, обращенных к азиатским областям, которые простираются до самой реки Ганга, пересекающей земли Индов и впадающей в Южное море» [История татар., 2002. С. 398].

Таким образом, говоря о восточных пределах Скифии и пограничье с китайским населением страны Серов в интерпретации древних и раннесредневековых западных авторов, правильнее будет отодвинуть их по меньшей мере до Турфанского оазиса. Как указывалось выше (см. глава 2, § 2.1), уже с позднеханьского времени в пределах Восточного Турфана активно возникают китайские фактории и колонии. Дальние пределы Восточной Скифии действительно были необъятны и вполне могли достигать западных рубежей Поднебесной. В том, что народ гуннов был одним из насельников этой страны, думается, нет оснований сомневаться, несмотря на то, что для западных авторов этот термин являлся собирательным для обозначения различных кочевых народов; показателен тот факт, что именно гуннов-уннов Зосим и Приск Понийский называли «царскими скифами» [Пигулевская, 1941. С. 39].

В соответствии с вышесказанным, жестко локализовать земли уннов Перизгета и гуннов Иордана на момент вторжения готов (середина III в.) в степных районах северо-запада Прикаспия нет оснований. По этому вопросу нам ближе точка зре-

ния Я. А. и Г. С. Федоровых, М. И. Артамонова и А. Х. Халикова, которые размещали гуннов Дионисия по всему Северному Прикаспию вплоть до Приаралья [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978. С. 28; Артамонов, 1962. С. 42; Халиков, 1987]. Впрочем, западные рубежи первых европейских гуннов на самом раннем этапе их истории, хотя и эпизодически, но могли достичь пределов Северного Причерноморья. В этой части мы склонны полностью согласиться с локализацией птолемеевых хуннов, предложенной М. И. Артамоновым и И. П. Засецкой [Артамонов, 1962. С. 42; Засецкая, 1994. С. 137].

От гуннов ранних к гуннам Аттилы. Большинство исследователей фактически безоговорочно принимается тот факт, что гунны после исхода из Монголии подверглись серьезному культурному и этногенетическому воздействию со стороны окружающего их на пути в Европу населения [Иностранцев, 1926. С. 118–119; Артамонов, 1962. С. 42–43; Плетнева, 1982. С. 18–20; Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978. С. 47; Гумилев, 1960. С. 4; 1989. С. 73; Берштам, 1951. С. 105–112; Кюнер, 1961]. Однако, в силу скудости письменных источников и противоречивости интерпретаций археологических данных, на сегодняшний день не удалось реконструировать степень воздействия того или иного инокультурного компонента, вошедшего в состав формирующейся гуннской орды на монгольско-туркестанском (I–II вв. н. э.), на урало-казахстанском (II–IV вв.) и восточноевропейском (IV–V вв.) этапах. И, самое главное, остается не совсем понятным этнокультурный облик собственно гуннов в исходной точке их переселения. Данная ситуация породила определенное число недостаточно обоснованных стереотипов. Наиболее распространенный из них: *гунны — тюркоязычные монголоиды.*

Попытаемся проследить обоснованность этого стереотипа для различных этапов гуннской истории и, самое главное, когда, как и на каких основаниях сложилась данная формула.

Язык и имена гуннов. Основой установившегося мнения о тюркоязычности гуннов явились многочисленные точки зрения, высказанные авторитетнейшими историками и лингвистами, приведенные в уже упоминаемой работе С. Г. Гуркина и специальном исследовании Г. Дерфера. В целом данное суждение выглядит так: язык хунну (сюнну), принадлежащий к тюркской ветви алтайской языковой семьи, получил у гуннов и связанных с ними племен господствующее положение. По мнению Фр. Альхайма, Р. Штима, К. Цойсса, А. А. Куника, Ф. Мюллера, В. Томашека, М. Соколовка, Ф. Е. Корша, В. Ф. Мюллера, В. Г. Василевского, А. Вамбери, В. В. Радлова, Н. А. Аристова, Ю. Немята, Н. А. Баскакова, И. П. Засецкой основным этнолингвистическим компонентом гуннов был тюркский. Некоторое весьма существенное уточнение в этот круг мнений внесли М. И. Артамонов, А. В. Гадло, Л. Н. Гумилев, полагавшие, что наряду с тюркским в сложении гуннов важную роль сыграл угорский компонент; О. Прицак, В. В. Бартольд и Н. И. Ашмарин, видевшие в гуннах тюрков-болгар; К. Иностранцев и Г. Э. Витерсхейм, предполагавшие наличие тюркской, финской и тунгусской поликультурности. В определенной мере примыкающими к этой группе исследователей можно считать Ж. Дегиня и П.-С. Палласа, полагавших, что гунны были монголами [Артамонов, 1962. С. 43; Гадло, 1979. С. 11; Баскаков, 1960. с. 36; Дерфер, 1986. С. 82–83; Гуркин, 2005. 3.2. Приложение 7].

Другая группа авторов предложила иную точку зрения. Известные лингвисты Г. Дерфер и Э. Дж. Пулиблэнк категорически отрицают какую-либо связь «гуннских языков» с тюркскими [Кляшторный, Насилов, 1986. С. 6]. Вслед за А. Альфельди они полагают, что гуннский язык относится к особой «вымершей лингвистической группе» [Alfoldi, 1932]. При этом Г. Дерфер, И. Бенцинг и К. Йетмар считают, что европейские гунны в языковом смысле не являлись прямыми потомками азиатских сюнну [Дерфер, 1986. С. 113; Бенцинг, 1986. С. 12; Гуркин, 2005, 3,2].

В определенной мере данную позицию разделяет С. А. Плетнева, добавив ирано-язычный (аланский) компонент, вливавшийся в гуннскую орду во второй половине IV века.

Так в целом выглядит историографическая диспозиция по данному вопросу. При этом следует отметить, что существующая поляриность мнений не препятствует единодушному пониманию абсолютным большинством исследователей того факта, что и хуннская, и гуннская кочевые империи были полиэтническими и многоязычными сообществами. По мнению же Ю. Моравчика и Г. Дерфера, при установлении гуннского этнолингвистического своеобразия речь должна идти не о том, чтобы реконструировать наиболее употребимый язык многоэтнического государства, а о том, чтобы выявить преобладающий исконно гуннский компонент, и это мог быть язык совсем малочисленного господствующего слоя [Дерфер, 1986. С. 82–83]. В этой связи весьма интересное наблюдение приводит А. М. Обломский. На основе одного из сюжетов Приска Понийского о пире Аттилы, на котором шут горбун Зеркон «смешивая языки латинский с уннским (гуннским) и готским — развеселил присутствующих», он делает вывод, что гуннская знать, собравшаяся на пиру, должна была как минимум понимать эти три языка, чтобы оценить юмор шута [Острая Лука Дона., 2004. С. 165]. Думается, в условиях полиязычности гуннского общества были не менее расхожими и понимаемыми и тюрко-болгарские наречия, на которых говорили многочисленные праболгарские племена (акациры, альциагиры, савиры, хунугуры, алпидзуры, альцидзуры, итимары, тункарсы, утигуры, кутигуры и ульгидзуры), о которых упоминали Иордан, Прокопий Кесарийский и Агафий Маринейский. И. П. Засецкая совершенно справедливо соотнесла эти племена с более поздними тюркскими народами: савирами, уйгурами, охузами, аварами, хазарами и болгарами [Засецкая, 1994. С. 155]. Вероятно, это и было решающим основанием для тюркской этнолингвистической идентификации гуннов большинством вышеперечисленных исследователей. Однако необходимо отметить, что данная ситуация характерна для эпохи Аттилы. Большинство вышеперечисленных праболгарских и прахазарских племен появилось в пределах Восточной Европы около второй половины IV века [Димитров, 1987. С. 31–32; Артамонов, 1962. С. 83–84; Генинг, Халиков, 1964. С. 191; Пигулевская, 1941. С. 165; Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978. С. 51–53], и у большинства современных исследователей сегодня не возникает сомнения в том, что их происхождение целесообразно связывать с тюрко-телеским ареалом Алтая и Восточного Казахстана [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 63; Исхаков, Измайлов, 2000. С. 14]. Однако еще раз повторимся, что речь идет о племенах-вассалах, многие из которых были подчинены на самом позднем этапе — в эпоху Руги и Аттилы. Об этом, в частности, упоминает Приск Понийский, говоря о начале в 433 году войны гуннов с амилзурами, итимарами, топусурами, бисками и другими народами, жившими по Истру (Дунаю) [История татар., 2002. С. 401]. Вероятнее всего, изначальная тюркская языковая принадлежность господствующего слоя или элиты гуннского общества, в связи с вышесказанным, по меньшей мере, гипотетична.

Каков же был тот язык, на котором говорили наиболее ранние гунны — гунны Дионисия и Птолемея? Скорее всего, он должен был быть связан с хунно-сюннскими наречиями. К сожалению, при относительно большой китайской письменной традиции о сунну, в ней почти отсутствует информация о языке этих варваров или, хотя бы их господствующих кланов. Высказывания, приведенные Бань Гу, и затем повторенные Фан Сюаньлинем для наиболее поздней истории сюнну (32–445 гг.), упоминают, что сунну «говорят на непонятном языке» [Материалы по истории кочевых народов., 1989. С. 13–14]. Еще один сюжет содержится в повествовании Бэй Ши и относится к языку азиатских «белых гуннов» — эфталитов (или народа йеда), которые, вероятно, во II веке н. э. в составе северных хуннов приходят из Турфана в

Среднюю Азию [Гумилев, 1959. С. 131]. «Язык жителей (дома Йеда. – С. Б.) совершенно отличен от языков жужаньского, и гаогюйского, и тюркского» [Пигулевская, 1941. С. 138; Гумилев, 1959. С. 138]. Однако при интерпретации этого отрывка, как и другой информации об эфталитах – хионитах, еще с XIX века (Вивен, де-Сен-Мартен, Друен) установилась определенная традиция-стереотип – обращать внимание, прежде всего на то, что отрицание тюркоязычности азиатских гуннов указывает на их принципиальное отличие от гуннов европейских, которые априори являются тюрками [Пигулевская, 1941. С. 38]. Однако, на наш взгляд, само по себе признание факта нетюркоязычности хионитов-эфталитов, которые известны в Азии под именем «белые хунны» (Визант) или хуна (Индия), то есть одной из частей гуннов (и вероятно, немалой), имеет весьма важное значение. Особую значимость имеет и то обстоятельство, что большая часть востоковедов (Р. Хиршман, В. Геннинг, Ст. Конов, А. Везендок) придерживается мнения об ираноязычности эфталитов и их этнической близости к тохарам [Мандельштам, 1954. С. 61]. Из китайских источников, несмотря на особое произношение и транскрипцию, можно понять, что, безусловно, существуют серьезные отличия имен сюнну и тюрков-ашинов. Определенное сходство наблюдается лишь в литературе, которая могла быть заимствована тюрками у сюнну и эфталитов, на что указывал Л. Н. Гумилев [1959. С. 132]. Теперь попробуем привести имеющиеся лингвистические материалы для европейских гуннов.

Для раннегуннского времени, то есть времени Дионисия и Птолемея, мы располагаем лишь особой группой эпиграфического материала из Танаисского городища. Речь идет о специфической группе танаисской ономастики, которая появляется среди имен городских граждан между 50 и 80 годами II века. Это серия новых иранских имен «не находящих себе соответствия ни в каких *эпиграфических свидетельствах из других северочерноморских городов*». Анализ их позволил Д. Б. Шелову соотнести факт их появления с внедрением в танаисский погребальный комплекс новых – позднесарматских инноваций (северная ориентировка погребенных, деформация черепов) [Шелов, 1974]. Систематизируя этнолингвистические наблюдения М. В. Мюллера, М. Фастера, Л. Згусты и В. И. Абаева по ономастике Боспора, Танаиса и Причерноморья, Д. Б. Шелов приходит к убеждению, что вновь появившиеся иранские имена принадлежат «к какой-то сравнительно небольшой и замкнутой, скорее всего аланской, этнической группе». Решающим аргументом в этом построении явилось явное соответствие танаисской ономастики древнеосетинским именам, установленное ранее В. Ф. Миллером и В. И. Абаевым [Шелов, 1974. С. 89, 92, Абаев, 1965]. Если не вдаваться в тонкости этнолингвистических наблюдений и в целом суммировать мнения авторитетных исследователей, занимавшихся вопросами Боспорской ономастики, можно установить, что этот материал содержит разные слои: палеоиранский–авестийский–скифский и сармато-аланский–древнеосетинский. И самое главное, в чем сходятся специалисты, это то, что танаисские палеоиранские имена, появившиеся с наступлением позднесарматской эпохи, не встречаются в этот период среди эпиграфики городов Боспора. Данные наблюдения дали археологам-сарматоведам дополнительные аргументы в отрицании гуннской и в некотором смысле в пользу аланской принадлежности позднесарматской культуры. Приводя результаты анализа танаисской ономастики, в целом не принимая аланскую интерпретацию позднесарматских памятников, А. С. Скрипкин довольно категорически замечает: «По происхождению гуннов имеется ряд точек зрения, но еще никто *не считал их иранцами*». Хотя чуть ниже он допускает, что уже с середины III века н. э. позднесарматское население включается в состав гуннского племенного союза [Скрипкин, 1984. С. 113; 1997. С. 39]. Ираноязычность танаисских поздних сарматов по сей день остается главным аргументом, исключаяющим, по мнению сарматологов, раннегуннское присутствие.

Как нам представляется, основная причина сохранения существующего положения вещей состоит в том, что большинство исследователей даже теоретические не могут допустить тот факт, что основной состав наиболее ранних европейских гуннов мог быть ираноязычным и иранокультурным. Хотя, на наш взгляд, оснований для этого более чем достаточно. По нашему представлению, сюнно-хуннский культурогенез протекал на территории Северного Китая, в регионе, заселенном палеоиранским населением (северные варвары) — носителем общности культур «ордосских бронз». Семантика и иконография образов звериного стиля в украшении предметов этих культур не позволяет сомневаться в палеоиранской единокультурности их с изобразительными традициями сакской и скифо-сарматской среды Евразии. Кроме того, думается, что единство истоков культурогенеза и длительное сосуществование сюнно-хуннских и юэчжийских союзов племен, в тохаро-иранской этнической подоснове которых сегодня не приходится сомневаться, безусловно, не могло не отразиться на их этнолингвистической близости. Впрочем, соседство с восточным древнемонгольским населением Маньчжурии и китайским населением Великой Равнины, вероятно, также внесло свои коррективы в культурный облик населения этих кочевых союзов, что касается возможной монголоидности и тюркокультурности хуннов.

И, наконец, регионы культурогенеза древних хуннов и тюрков, о чем подробнее будет сказано ниже, разведены между собой не только на тысячи километров географически, но и почти на полтысячелетия исторически. Теоретически же вполне допустима мысль, что сюнну-хунны в языковом плане могли являться потомками самого восточного палеоиранского населения, говорившего на каких-то очень древних индоиранских наречиях. На наш взгляд, ситуация с новыми палеоиранскими танаисскими именами, несхожими с ранее существующими на Боспоре, в определенной мере подтверждает сказанное. В этой связи вполне уместно проследить историческую судьбу Танаиса в аспекте позднесарматского культурогенеза.

Прежде всего, появившиеся во второй половине II века н. э. позднесарматские инновации в погребальных традициях танаисского населения просуществовали вплоть до постгуннского периода (VI в. н. э.). В этом контексте весьма показательными памятниками гуннской эпохи являются Недвиновское городище (Танаис) и его грунтовой некрополь.

В целом исследователи отмечают, что Танаис после готского нашествия (середина III в.) не возродился в полной мере. Многие здания оставались в руинах, а новые постройки выполнены небрежно и указывают на относительную бедность и малочисленность населения. Слабая мощность верхних слоев городища, а также сравнительно малое количество исследованных погребений гуннского и постгуннского времени вынуждали предполагать, что жизнь на городище в начале V века лишь «теплилась» [Шелов, 1972. С. 307, 327–328; Арсеньева, 1977. С. 150–151]. Хотя тот же Д. Б. Шелов отмечает, что в период IV–V вв. н. э. продолжают сохраняться прежние ремесленные производства и хотя город был менее мощным экономически, но оставался в прежних своих границах и имел достаточно плотную жилую застройку. Он же отмечает, что, вероятно, очень плохое состояние верхних слоев не позволяет в полной мере понять и оценить поздний период существования города [Шелов, 1972. С. 328]. Итоги многолетнего исследования Танаисского некрополя, опубликованные сравнительно недавно (2001 г.), позволяют говорить о значительной доле погребений гуннского и постгуннского времени IV–V, VI вв. (VI–VII хронологического периода). Они составляют почти половину (44,3%) от общего числа исследованных Танаисских погребений III–I вв. до н. э.–VI века н. э. [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 175–179]. Это, безусловно, указывает на довольно интенсивный характер обитания в гуннский период (в эпоху Аттилы). При этом весьма интересно отметить, что развитие погребальной обрядности проходит по тем же

этапам, что и позднесарматская культура в целом. Так, в IV веке н. э. появляются катакомбы с широтной ориентировкой погребенных. И хотя их число не превышает трети (31,4%) от общего количества захоронений гуннского и постгуннского времени [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 192–201], сам по себе факт синхронности в появлении катакомб на заключительном этапе позднесарматской культуры среди кочевнических погребений Нижнего Дона, Нижней Волги и Танаиса наводит на мысль о том, что, вероятно, нижнедонская столица и кочевнические объединения данного периода существовали в рамках единого культурного пространства. Возможно это заключение позволяет ответить на вопрос, почему, в отличие от городов Киммерийского Боспора, отсутствуют следы гуннских разрушений в слое Танаиса? Д. Б. Шелов замечает на этот счет, что город попросту не был восстановлен к 70-м годам IV века, а возрождение его начинается лишь после прихода гуннов [Шелов, 1972. С. 327]. Однако последние данные Танаисского некрополя опровергают это мнение. Напрашивается сам по себе вывод: либо гунны восстанавливали город, либо население, находившееся под их протекторатом. При этом необходимо признать, что характер погребальной обрядности городского населения принципиально остался прежним (позднесарматским): абсолютное большинство комплексов некрополя (57%) представляют собой простые подбойные погребения с северной ориентировкой умерших. Черепная деформация в этот период получает наибольшее распространение (21%). Как уже отмечалось, примерно треть захоронений некрополя составляют катакомбные погребения. В небольшом количестве (4 комплекса) представлены погребения в простых грунтовых ямах и подбоях с западной ориентировкой умерших [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 179, 192–201]. Вероятнее всего, после готского погрома и значительного оттока греческого и сарматского населения в Боспорские города, на что указывает появление танаисской ономастики [Данышин, 1990. С. 54–56], Танаис превращается в варварский город. Не случайно, что именно в эпоху Аттилы он испытывает кратковременный расцвет.

Не исключено, что в этот период Танаис мог быть своеобразным межплеменным центром, в котором располагались ставки гуннских вождей, ремесленные мастерские, торговые фактории и проживало оседлое население земледельческой округи. Исторически он, скорее всего, был сходен с многочисленными кочевническими городами Великой Степи (Иволгинское городище, Итиль, Саркел–Белая Вежа, Преслав, города Золотой Орды и др.). Основанием для подобного заключения может быть общая историко-культурная ситуация, сложившаяся к гуннскому периоду в бассейне Дона. Исследование памятников IV–V вв. чертовицкого-замятинского круга, Острой Луки Дона позволили А. М. Обломскому и его коллегам прийти к выводу, что данные селища являлись ставками гуннов, в которых проживало смешанное ремесленно-торговое и земледельческое население (прославяне-анты, финно-угры и балты Верхнего Поочья и др.), находящееся под властью и протекторатом гуннских вождей [Острая Лука Дона., 2004. С. 163, 166]. При этом весьма важным является то, что кочевническую составляющую в этих районах лесостепного Подонья с конца II века н. э. определяют памятники особого позднесарматского облика: Животинный, погребения 4, 5; Ново-Никольский, Вязовский [Медведев, 1990; 1998. С. 93].

Таким образом, вышеприведенные наблюдения позволяют признать, что позднесарматские инновации в пределах Волго-Донья охватывали не только степной кочевой ареал, но и внедрялись в города и селища бассейна Дона, а также существенным образом повлияли на культурогенез оседлого лесостепного населения. Расцвет позднесарматских традиций в гуннское время и сохранение их в погребальной практике Танаиса вплоть до VI века наводит на мысль, что носителем этих традиций долгое время являлось именно то население, которое во второй половине II века

н. э. вместе с новыми восточными палеоиранскими племенами привнесло обычай укладывать умершего в могилу головой на север, с кистями рук, положенными на таз, а также практику деформации черепа.

Далее попытаемся найти ответ еще на один риторический вопрос. Если имена ранних гуннов должны были быть не ираноязычными, а, предположим, тюркскими, то какова принадлежность гуннских имен времени Руги и Аттилы? Почему-то до сих пор исследователями на это не обращалось должного внимания. Вот список имен гуннов, встречающихся в повествованиях Приска Панийского и Иордана. Как правило, они принадлежат людям, входящим в высшие сословные кланы гуннов, либо приближены к ним.

Руа — царь гуннов; *Эсла* — посланец Руа к римлянам; *Аттила*, *Бледа* — цари-братья; *Эскам* — знатный гунн, на дочери которого хотел жениться Аттила; *Крека* — жена Аттилы; *Басих*, *Курсих* — гуннские военачальники Аттилы, воевавшие в Мидии; *Берих* — знатный гунн, приближенный Аттилы; *Зеркон* — шут Аттилы; *Хелхал* — «родом унн, наместник Аспара (византийского полководца)...»; *Эллак* — старший сын Аттилы; *Эрнак* — младший сын Аттилы; *Эмнетзур* и *Ултзиндур* — «единокровные его братья...» [Острая Лука Дона., 2004. С. 165; Иордан, 1997; Латышев, 1948]. Последние два наиболее поздних имени, относящиеся к периоду после смерти Аттилы, явно имеют тюркскую основу, что вполне согласуется с нашими представлениями. Скорее всего, эти имена были даны по болгарской или хазарской матери или ее роду. Думается, что Иордан не случайно упоминает о единокровности (т. е. родственности по отцу) братьев и ставит последними в упоминании имен сыновей Аттилы. Что же касается большинства из приведенных имен, то, насколько позволяют судить лингвистические познания автора, отнести их к разряду тюркских, монгольских или угорских весьма проблематично. Вероятно, лингвистическая идентификация их — дело специальных исследований. Вслед за Г. Дерфером, отрицая тюркскую подоснову отдельных имен гуннских царей, мы, тем не менее, также не можем напрямую принять прославянские сопоставления типа Баламбер-Владимир, Аттила-Тилан, Бледа-Влад (по Ю. Венелину) [Дерфер, 1986. С. 87]. Однако при этом Г. Дерфер склонен полагать, что ареал поисков языковых параллелей этим именам в широком смысле находится в области индоевропейского праязыка.

Вероятнее всего, и само имя Аттилы содержит очень древнюю (возможно ностратическую) подоснову. Несмотря на то что традиционно его этимологии приводят из готского как батюшка (*atta* — отец + *ila* — уменьшительно-ласкательный) или от тюркского (*atal* — Волга (великая река), *atta* — отец), в научно-богословном портале Богослов.ru [<http://civ.icelord.net/read.php?F=38,j=795208,t=79470>] помещен обширный список возможных этимологических из числа многих древних языков Евразии (тохарский, германский, шотландский, славянский, корейский и пр.), где это слово также означает «отец», «батюшка». Мы склоняемся все же к индоевропейским-иранским праязыковым параллелям, так как их число несравнимо больше, чем всех остальных для определения имени Аттилы, как, впрочем, и трех других слов, которые Иордан приводит, именно как гуннские. Речь идет о: *Страва* — поминальная еда, тризна Аттилы; *Medos* (*мед*) — напиток жителей страны гуннов; *Вар* — гуннское название Днепра [Иордан, 1997. С. 110–113].

Приводя обширную историографию дискуссий по вопросу лингвистической принадлежности этих слов, Г. Дерфер, как и в случае с именами, с нашей точки зрения, вполне справедливо отбрасывает варианты их тюркской и готско-германской принадлежности, и, что очень важно, признавая в целом их индоевропейскую подоснову, тем не менее, отвергает мнение о том, что эти слова могли быть славянскими заимствованиями [Дерфер, 1986. С. 83–84; Гуркин, 2005. Приложения 7, 8]. Однако при этом автор, принимая замечания Э. Моора относительно названия «Вар», до-

пускает, что это слово могло быть заимствовано гуннами у другого более древнего населения Приднепровья [Дерфер, 1986. С. 68; Гуркин, 2005. Приложение 9].

На наш взгляд, первые гунны, а впоследствии и господствующий гуннский клан, привнесли и какое-то время сохраняли палеоязык (слова, наименования, имена), который составляли наиболее древние индоевропейские наречия, длительное время сохранившиеся в замкнутом лингвистическом пространстве крайне восточного ареала индоиранского мира. В этой связи совершенно справедливо заключение о том, что этот язык не только считается мертвым на сегодняшний день, но и был совершенно неведом европейским современникам поздней древности и средневековья. Учитывая сказанное, мы склонны считать, что выявленные исследователями параллели в славянских языках, вероятнее всего, являются заимствованиями из палеоиндоиранского языка гуннов, которые произошли в момент господства последних над лесостепным праславянским (антским) населением Подонья и Поднепровья.

Облик гуннов. Еще один стереотип, связанный с монголоидным обликом хуннов-гуннов, опирается на целый ряд, в том числе весьма существенных, заключений. Так палеоантропологический анализ позволил Д. Тумэну прийти к выводу, что краниологическая хуннская серия, рассмотренная им, принадлежит к монголоидному североазиатскому антропологическому типу. Сравнительный анализ этой серии с сериями эпохи бронзы (культура плиточных могил) средневековья и современности Монголии позволил автору говорить об их значительном расовом сходстве [Тумэн, 1985]. Эти данные достаточно хорошо соотносятся с краниологическими материалами из могильников хунну Забайкалья, а также Ноин Улы. В большинстве своем они были также отнесены к монголоидному североазиатскому (сибирскому, байкальскому) антропологическому типу [Дебец, 1948. С. 120–123; Гохман, 1960. С. 166; Мамонова, 1979. С. 204–207; Могильников, 1992. С. 272]. С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов приводят в своих работах эстампы, снятые венгерским антропологом З. Токачем с барельефной группы «Кони топчут сюнну», находящейся на мраморе гробницы Хо Цюй-бина и посвященной триумфу над варварами и гор Цзянь (между 121 и 117 гг. до н. э.). У поверженных сюнну монголоидные лица [Кляшторный, 2002. С. 130–132; 2005. С. 25–26; Кляшторный, Савинов, 1998;]. Кроме того, в склепах эпохи Хань в окрестностях города Сиани среди статуй армии императора резко выделяются монголоидные воины-всадники, которые составляли большую часть кавалерии Поднебесной.

Фактическое отсутствие краниологических определений из погребальных комплексов гуннов Восточной Европы времен Аттилы было заменено интерпретацией исследователями имеющихся письменных данных. Так, Н. В. Пигулевской известное сообщение Амиана Марцелина о том, что «члены тела у гуннов мускулистые и крепкие, шеи толстые, чудовищный и страшный вид, до старости они живут без бороды, безобразны, похожие на скопцов...», дало основание говорить о гуннах европейских как о монголоидах [Пигулевская, 1941. С. 34–36]. В подтверждение монголоидности гуннов, прибывших в Восточную Европу, И. П. Засецкая дополнительно приводит сведения Клавдия Клавдиана о безобразной внешности и постыдных на вид телах гуннов, а также описание Аттилы, данное Иорданом («... Аттила был низкорослым, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединой, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи) ...») [Засецкая, 1994. С. 154–155].

Так обстоят дела с доводами в пользу монголоидности хунно-гуннского населения. Попробуем детализировать эти сведения и расширить их. Безусловно, у нас нет никаких оснований сомневаться в объективности данных антропологии о хунно-сюннах, приведенных выше. Приходится лишь сожалеть, что этот материал «неве-

лик и фрагментарен» [Могильников, 1992. С. 272]. Если взглянуть на географию задействованных в этих исследованиях комплексов, то оказывается, что все они находятся в Восточной и Северо-Восточной части Монголии и Забайкалье (бассейн реки Селенга). Самые западные из них расположены на востоке Центральной Монголии (Батценгель — Сомон, Тэбш-уул) [Могильников, 1992. С. 255. Рис. 15]. То есть они находятся в той части региона, который с древнейших времен и до эпохи бронзы и скифского времени был заселен палеосибирским населением монголоидной расы (см. глава 2, § 1). Однако уже и внутри этой группы Г. Ф. Дебецом зафиксирован случай (могильник Ургун-Хундуй) европеоидной примеси [Могильников, 1992. С. 272]. Европеоидные черепа в хуннских могильниках Найман Толгой и Эрдэнэ Мандал были выявлены Тибором Тотом. При этом в ряде случаев монголоидность в них фиксировалась как некоторое влияние [Toth, 1967. P. 382–383; 2000. P. 213–217]. Примечательно то, что эти могильники, изученные венгерско-монгольской экспедицией под руководством Иштвана Эрдели, занимают крайне западное (юго-западное) положение среди исследованных памятников хунну, для которых имеются антропологические определения. К сожалению, мы сегодня располагаем весьма ограниченными антропологическими данными из Западной Монголии и особенно более южных регионов — Внутренней Монголии, Ордоса и провинций северо-западного Китая.

Существующие выборочные исследования краниологических материалов эпохи бронзы из провинции Ганьсу (могильники Юймынь) и памятников раннего железа на территории Синьцзяна показали, что в позднем бронзовом веке (XVI в. до н. э.) население Верхнего Хуанхэ имело особый расовый облик, в целом схожий с населением Тибетского и Северного Китая шанско-иньского времени. Он был отличен от кавказоидного, который преобладал в это время в пределах Синьцзяна, наряду с индоафганским и памиро-ферганским антропологическими типами. В результате исследования Хань Кансинь и его коллеги пришли к выводу, что, вероятнее всего, население эпохи бронзы и раннего железа Центрального Ганьсу вплоть до Циньской эпохи не было подвержено влиянию со стороны племен юэчжей и усуней, проживавших в рамках Синьцзяна и Хесийского коридора. Одновременно с этим оно не испытывало влияния и монголоидного населения, проживавшего по соседству [Хань Кансинь и др., 2004. P. 252; Хань Кансинь, 1992. P. 421–422].

Вероятнее всего, полоса расового разделения, установившаяся в древнейший период по срединной части Монголии, продолжала сохраняться на протяжении всего периода существования империи хунну. На наш взгляд, ситуация стала меняться в эпоху поздней Хань, когда пределы Принаньшанья и Гансюйского (Хэсийского) коридора покидают вначале юэчжи, а затем и значительная часть хуннов. Вероятнее всего, с первых веков новой эры, с вторжением восточномонголоидных племен сяньби, происходит активная монголоизация Ордоса и западных областей Монголии, на что указывают и данные антропологии [Вэй Цзиен, 2004. P. 289–319].

Теперь вернемся к изобразительным материалам. Безусловно, приведенные выше изображения сюнну времени Хань указывают на то, что действительно какая-то часть населения империи хунну имела монголоидный облик. Думается, не случайно, весьма осторожно говоря об антропологическом облике хунну и возможной их монголоидности, С. И. Руденко в одном ряду с гуннами упоминает и восточно-монгольские племена дунху [Руденко, 1960. С. 177].

Однако существуют и иные изображения сюнну и северных варваров. Почему-то большинство исследователей — приверженцев монголоидности сюнну, не упоминают о портретных вышивках из ноинулинских курганов 6 и 25. Принимая во внимание, что основа вышивки — станковая ткань — могла быть импортирована в Монголию из Китая или Туркестана, остается большая доля вероятности, что портреты,

вышитые совершенно другими (шерстяными) нитями, изготовлены на месте. К хуннскому происхождению этих вышивок склонялся и автор раскопок С. И. Руденко [1962. С. 106]. Образы носят явно персонифицированный характер. Антропологический облик мужчины с пышными усами, густыми бровями, волнистыми волосами, широким разрезом, возможно светлых глаз, высоким прямым выступающим в верхней части и слегка приплюснутым ниже переносицы носом, широким и высоким подбородком не вызывает сомнения в своей европеоидности (вероятно, кавказоидный тип) (цв. вклейка, рис. 108, 5)*. Другой портрет мужчины с высоким удлинённым лицом, широкими глазами, несколько скошенным подбородком, высоким выступающим приплюснутым от середины переносицы носом производит впечатление некоего смешанного антропологического типа (центральноазиатская европеоидность с налетом монголоидности) (цв. вклейка, рис. 108, 6), очень похожего на тип определенной части северокитайского населения. Вышивка на драпировке из кургана 6 изображает двух стоящих возле коней мужчин. С. И. Руденко особо отмечает непропорциональность изображения – большие (относительно лошадей) длиннголовые человеческие фигуры [Руденко, 1962. С. 106–108. Табл. LX–LXIII]. Особо выделяются большие носы и широкие глаза. На головах шапки кочевнического (скифо-сакского) вида (рис. 108, 7). Нечто подобное можно увидеть на портретных изображениях на золотой пластине-застежке из сибирской коллекции Петра I, найденной в Забайкалье или Монголии [Золотые олени., 2002. С. 61]. Учитывая то, что культура носителей общности «ордосских бронз», к материалам которой относится эта застежка, легла в основу культуры хуннов, данное сопоставление будет вполне уместным. Двое мужчин с пышными усами, высокими черепами и высокими утолщенными в нижней части носами на этой пластине очень близки по внешнему облику первому ноинулинскому. Сидящий в профиль мужчина (женщина?) имеет удлиненное лицо, широкие глаза, высокий слегка уплощенный нос и немного скошенный подбородок. Его облик, передающий некую азиатскую европеоидность с монголоидным налетом, очень схож с обликом мужчины на второй портретной вышивке из Ноин Улы (цв. вклейка, рис. 108, 1–4). Другие изображения лиц, которые встречаются на металлопластике «ордосских бронз», демонстрируют, как правило, антропологические особенности европеоидного облика (большие грацильные головы, длинный выступающий нос, широкие глаза). Думается, это сходство не случайно и вполне дает нам основание полагать, что наряду с монголоидным населением в державу хунну входили кочевники особого европеоидного облика, включающего кавказоидное и некое микшированное центральноазиатское население, имеющего монголоидную и, вероятно, северокитайские примеси.

Теперь попытаемся сопоставить эти сведения с данными об облике европейских и среднеазиатских гуннов.

Определенным аргументом в пользу значительной доли европеоидности гуннов является то, что северные хунну, покинувшие Монголию, на своем пути в Европу более чем на полстолетия (с 90-х годов I в. н. э. до середины II в. н. э.) задержались в Синьцзяне, где, вероятно, не только переняли традицию деформации черепов, о чем уже говорилось выше, но и получили дополнительную долю европеоидности за счет взаимодействия с местным кавказоидным сармато-аланским населением. Имеются определенные сведения об облике среднеазиатских белых гуннов-эфталитов, составивших, возможно, половинную долю всех гуннских мигрантов, которые приводятся в одной из работ Л. Н. Гумилева. Говоря о хуннах вообще и «белых хуннах» в частности, автор указывает на то, что одной из древнейших составных частей хун-

* Выражаю признательность и благодарность сотрудникам Государственного Эрмитажа В. Ю. Матвееву и Т. И. Киреевой за подготовку и представление к публикации образцов вышивок из курганов 6 и 25 могильника Ноин Ула (инв. №№ МР-2521; МР-1232; МР-1953).

нов являлись племена Бади и Байди — «белых ди», или динлинов. «Тип племен ди характерен для древних хунну, лишь позднее вобравших в себя монголоидную примесь. Он характеризуется сочетанием широких скул и выступающего носа. Последний считался даже отличительным признаком хуннов, и когда Ши Минь издал повеление предать смерти до единого хуна в государстве... и погибло много китайцев с возвышенными носами». Этот тип зафиксирован в барельефе эпохи Хань, изображающем битву хуннов с китайцами. Впоследствии он вошел как основная составная часть в уйгурскую народность, представители которой на китайских рисунках изображаются как люди с толстым носом, большими глазами, сильно развитой растительностью на лице и всем теле, бородой, начинающейся под нижней губой, пышными усами и густыми бровями. Ныне потомки их уцелели в Нань-Шане — провинция Ганьсу, то есть на своей прародине [Гумилев, 1959. С. 138–139]. Обратите внимание на сходство этого описания с портретными особенностями, приводимыми нами выше. Достаточно точной иллюстрацией приводимого антропологического облика являются изображения эфталитских вождей на монетах эфталитов, приводимые Ш. Уйфальви и Т. А. Трофимовой в связи с иллюстрацией традиции деформации черепа у населения азиатских гуннов (рис. 67, 7–9). При первом взгляде на них особо бросаются в глаза массивные головы изображенных. При этом «длинноголовость» существует сама по себе и объясняется не столько наличием кольцевой деформацией затылочной части, сколько массивным выступающим носом, большими ушами и скошенным подбородком (рис. 67, 7–9; 7).

Очень схожий с портретом облик дает изображение Аттилы на серебряном(?) медальоне (фалере), обнаруженном в Актюбинской области в 1958 году в междуречье Ори и Илека при невыясненных обстоятельствах (возможно раскопки(?)) краеведом А. А. Павленко. Изображенное в позднеантичной традиции профильное изображение бородатого мужчины обрамляет латинская надпись ATTILA — REX (Аттила-царь). Надписи по краям ограничивают хорошо различимые изображения в виде трехконцовой вихреобразной свастики. Данный изобразительный сюжет хорошо известен специалистами как тамговый знак, встречающийся на предметах или памятниках, относящихся к позднесарматскому (гунно-сарматскому) времени [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 9, 61; Скрипкин, 1984. Рис. 13, 15; Яценко, 2001. Рис. 6, 92, 113; 13; 14; 18, 2, 3; 2, 4, III]. Длинная борода, неприбранные (косматые, волнистые) волосы явно выдают варварский облик изображаемого (цв. вклейка, рис. 7). Несмотря на то что отнесение этого медальона к определенному периоду затруднено, так как данное изображение Аттилы фактически аналогично его портретному оттиску на итальянской памятной медали о разрушении города Акдилеи первой трети XVI века, хранящейся во Французской Национальной библиотеке [Бувье-Ажан, 2003. С. 96–97]* (рис. 67, 1, 2). Многое в связи с этой находкой остается непонятным, однако полагаю, что художники-медальеры начала XVI века для создания образа гуннского вождя имели какой-то конкретный изобразительный аналог, который копировался либо с позднеримской фалеры, либо раннесредневековой фрески или гравюры. Фалеры имели достаточно большое распространение именно в позднеримский и византийский периоды [Искусство этрусков и Древнего Рима, 1982. Рис. 319а; 341а, г, д; Byzantine Art... 1985. Big. 8, 9, 95] (рис. 67, 4–6). В этой связи не случайным является появление этих находок на Урале в постгуннский период. Подобная находка медальона с изображением тетрархов была найдена в уфимских курганах турбаслинской культуры [Сунгатов, 1998. Рис. 14, 17]. Другая каменная фалера была обнаружена в Мокинском могильнике близ Перми. Изображение лица на орской фалере имеет явное портретное сходство с изображениями Аттилы

* Крайне благодарен Е. Клинкову за предоставленную информацию.

Рис. 67. Изображения гунских вождей на монетах и медальонах (по: [Бувье-Ажан, 2003; Ch. de Wifalvy, 1898; Трофимова, 1968]). *Fig. 67. The images Hun's leaders in the coins and medals* (according to: [Buvye-Azjan, 2003; Ch. De Wifalvi, 1898; Trofimova, 1968]).

1 – фалера с изображением царя Аттилы. Случайная находка в Актюбинской области в 1958 году; 2 – Аттила в представлении классической античности. Итальянская медаль первой трети XVI века. Париж, национальная библиотека, кабинет медалей; 3 – позднеримская фалера с изображением Аттилы (<http://anaharsis.ru/histori/Alan/image/R28big.jpg>); 4 – Аттила, стилизованный под бога Папа. Предположительно копия гравюры на камне, выполненная вскоре после смерти Аттилы. Париж, Национальная библиотека, кабинет медалей; 5 – бронзовая плакетка, воспроизводящая большой медальон. Высечено на фасаде собора в Павии. Первая треть XVI века. Лувр; 6 – Аттила в короне. Медаль. XVI век; 7–15 – монеты с изображением правителей-эфталитов Раялахана, Хингила, Сри шахо, Нарки Малко, Торомана, Яяту, Михиракула

на известных позднееримских фалерах (рис. 67, 4, 5). На орской фалере изображенный имеет массивную голову (с угадывающейся затылочной деформацией, вытянутой вперед и удлинённой книзу лицевой частью, особо выделяется длинный опущенный вниз нос с выраженной горбинкой, глубоко посаженные глаза и хорошо профилированные бровные дуги). Подобная профилировка лица до деталей напоминает облик мужчины из кургана 4 гунно-сарматского могильника III века н. э. Солёный Дол (раскопки И. Э. Любчанского)*, скульптурная реконструкция которого была выполнена А. И. Нечвалодой (цв. вклейка, рис. 116, 1–3).

На медальонном портрете Аттилы особенным образом подчеркнута пышная европеоидная волосая растительность на голове и лице изображенного. Данные о характерной пышности волосяного покрова можно соотнести лишь с одной антропологической деталью, которая приводится в описании Амиана Марцелина: «...Головы покрывают они кривыми шапками, свои *обросшие волосами ноги* — козьими шкурами...» [История татар..., 2002. С. 397]. Напомним, что для монголоидной расы характерно отсутствие волосяного покрова на теле, зачастую даже в паховой зоне.

В этой связи, с нашей точки зрения, Я. А. и Г. С. Федоровы совершенно справедливо заметили, что описание внешнего облика гуннов Амиана Марцелина вряд ли может свидетельствовать об их монголоидности, так как «приводя описание внешности и характера гуннов, он не упоминает ни об их скуластости, ни об их узких глазах» [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978. С. 47].

Действительно, описания Амиана Марцелина и Иордана в большей степени подчеркивают непривычный и безобразный облик гуннов, хотя важной деталью во внешнем облике Аттилы является его большая голова. Если проанализировать ситуацию, то бесспорным окажется тот факт, что хунны-гунны явились новой, в отличие от предшествующей юэчжийско-сармато-аланской, волной наиболее восточных кочевников Азии. К этому следует добавить необычную традицию уродовать лицо ребенка при рождении, дабы ликвидировать лицевое оволосение, а также широкое распространение обычая черепной деформации, которая также существенно искажает антропологический облик.

Теперь попытаемся взглянуть на данные позднесарматской краниологии в свете приведенных сведений. Впервые на возможность соотнесения раннегуннского населения с позднесарматской культурой указали Я. А. и Г. С. Федоровы. Приводя данные В. П. Шилова и В. В. Гинзбург из памятников поздних сарматов, которые оставлены населением с разнообразными антропологическими типами иногда с монголоидной примесью, они относят их к числу памятников гуннской эпохи [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978. С. 47–48; Шилов В.П., 1959; Гинзбург, 1959].

Несмотря на то, что внутри позднесарматского населения существовали какие-то локальные варианты, включающие местные комбинации признаков, по мнению М. А. Балабановой, в целом поздние сарматы обладали морфологическим комплексом, который можно диагностировать как тип южных европеоидов («длинноголовые европеоиды»). Он сочетает массивную долихокранную (длинноголовую) высокосводчатую мозговую коробку с высоким, широким и резко профилированным в горизонтальной плоскости и ортогнатным (уплощенным) в вертикальной части лицом. Глазницы крупные широкие и высокие, нос и носовые кости высокие, сильно выступающие [Балабанова, 1998. С. 64–65; 2000. С. 125].

Фактически аналогичную характеристику (брахицефальный (высокоголовый) тип с широким, высоким и уплощенным лицом) вновь прибывшего танаисского населения, носителей новых палеоиранских имен и позднесарматских погребальных традиций, дает М. М. Герасимова и другие антропологи. При этом ими отмечается монго-

* Выражаю признательность И. Э. Любчанскому за любезно предоставленные материалы и информацию о раскопках.

лоидная метисация среди черепов с искусственной деформацией от незначительной ее доли до явно монголоидных с высоким и широким плоским лицом. Отмечается также тенденция к большей монголоизации непосредственно к времени Руги и Аттилы IV–V вв. н. э. [Герасимова, 1965. С. 256; Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987. С. 62–82], что в определенной мере подтверждает мнение Л. Н. Гумилева об установлении монголоидности у гуннов на самом позднем этапе [Гумилев, 1989. С. 73]. Внимательный читатель, вероятно, уже отметил явное совпадение деталей в приведенных образительных, описательных и антропологических данных: европеоидность с небольшой монголоидной примесью, большоголовость, широкие глубокие глазницы, высокий массивный выступающий нос, слегка уплощенное лицо.

Думается, приведенных данных вполне достаточно для предположения, что наряду с монголоидными кочевниками Маньчжурии, Восточной Монголии и Забайкалья империя хунну включала кочевое европеоидное население Центральной и Западной Монголии и Северного Китая, большая часть которого, вероятнее всего, была впоследствии вытеснена вначале в пределы Синьцзяна, а чуть позже изгнана в пределы Средней Азии и восточной Европы своими восточными кочевыми соседями — сяньби.

Танаиты, маскуты, массагеты. Подводя некоторый итог, хотелось бы надеяться, что приведенные данные и аргументы большинством коллег-исследователей по сармато-аланской и хунно-гуннской тематикам если не сподвигнет усомниться в объективности существующих стереотипов, то, по крайней мере, позволит разглядеть определенные нестыковки в логике существующих построений. В этой связи в заключение данного параграфа мы вынуждены обратиться к еще одному сюжету, который, как нам представляется, появился в результате существующих стереотипных заблуждений. Речь идет об аланских этнических интерпретациях носителей позднесарматской культуры. Как нам представляется, возникли они, в большей степени, исходя из логики «от противного»: «Если поздние сарматы не гунны — то аланы». Первый аланский этноним, попадающий в орбиту исследователей в этой связи, — «*танаиты*». Он, как известно, упоминается фактически единожды в рассказе Амиана Марцелина: «...Гунны пройдя через земли алан, которые граничат с Гревтунгами (остготами) и обыкновенно называются Танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили к себе» [История татар., 2002. С. 399]. Автор не дает четкого местоположения танаитов и гуннов на тот момент, что обусловило весьма широкую трактовку этих данных. По мнению А. В. Гадло и М. И. Артамонова, область расселения танаитов могла располагаться либо в пределах Азовско-Каспийского междуморья, либо Волго-Донского междуречья [Гадло, 1979. С. 13; Артамонов, 1962. С. 45]. В уже упомянутых работах по соотнесению данных ономастики и археологии Танаиса, В. Д. Шелов приходит не только к выводу об аланской принадлежности населения, привнесшего в танаисский культурный комплекс позднесарматские традиции, но и определил его как танаиты Марцелина, узко локализовав в пределах Нижнего Дона [Шелов, 1972. С. 327; 1974, С. 92–93]. Как нам представляется, у исследователя не было на этот счет оснований как с точки зрения геополитической ситуации (о чем будет сказано ниже), так и с исторической точки зрения. Говоря о новой волне танаисского заселения, он связывает ее начало с 50-ми годами II века н. э., между тем как сведения Амиана Марцелина относятся к ситуации, имеющей место более чем на двести лет позже.

Тем не менее, это обстоятельство не препятствовало дальнейшему развитию алано-танаитской гипотезы. В последующем Д. М. Даньшин и С. И. Безуглов, ссылаясь собственно на то же упоминание Марцелина, оперирует термином танаиты (архонты — *танаиты*, две группы населения танаиса: элины и *танаиты*, община

танаитов и пр.) в отношении вновь прибывшего населения города во II–III вв. н. э. как вполне очевидным фактом [Данышин, 1990. С. 53; Безуглов, 1990]. И, наконец, наибольшее развитие эта тема получила в работах С. А. Яценко. Как бы оттолкнувшись от уже «устоявшихся представлений» в одной из первых своих работ по данной тематике исследователь предлагает следующую реконструкцию событий после середины II века н. э. (стадия 5). «В середине II в. н. э. политический центр аланов — Нижний Дон — захватывает западная группировка «поздних сарматов». Вероятно, речь идет о племенах *танаитов* (здесь и далее подчеркнуто мной. — С. Б.). Вероятно, в числе новых мигрантов было и племя *ассев-асов*, которые в 1-й половине II века н. э. обитали вместе с танаитами восточнее в Волго-Донском междуречье ... к аланам до середины II века н. э. прилагается термин «скифы» ..., а сразу после вторжения «поздних сарматов» — «*массагеты*» (*бывшие мессаиты*) ... — мускуты [Яценко, 1993. С. 85]. Если учесть, что несколько позже автор к вышеперечисленному списку аланских этнонимов добавляет *хазаров* («массагетов» — маскутов) и *басилов* («аланская группировка из Калмыцких степей» [Яценко, 1998. С. 87–88], то создается невольное впечатление, что позднесарматское население составляют фактически все известные в нарративной практике кочевые восточно-европейские племена первой половины I тыс. н. э.

Попытаемся по порядку позиционировать каждое из перечисленных этноопределений. Повторюсь, несмотря на то, что по письменным данным аланы-танаиты появляются на исторической арене лишь в последней четверти IV столетия, по существующему мнению ряда исследователей, они захватывают Нижний Дон и Танаис уже в середине II века н. э.

Развивая тему, С. И. Яценко сообщает, что к середине III века группировка аланов-танаитов становится сильнейшей на Нижнем Дону, а в 253 году она была разгромлена готами-баранами, в результате чего во второй половине III века н. э. — первой половине IV века н. э. на земли «ослабленных танаитов» происходит миграция кочевников Центрального и Восточного Предкавказья [Яценко, 2001. С. 53].

Каково же реальное местоположение танаитов Амиана Марцелина? Если принять логику событий гуннского нашествия, то, по мнению Н. И. Сокольского, гунны вначале прошли по северу Таманского полуострова, где разрушили боспорские города Кепы, Фанагорию, Гермонасс и др. Затем, пройдя Керченский пролив, вступили на территорию Европейского Боспора и далее в пределы Крыма. Лишь после того, как были сокрушены столицы Боспорского царства Пантикапей и Тиритака и разгромлены племена крымских готов, они по выходу из Крыма сталкиваются с Гревтунгами (Ост-готами) Борисфена — Днепра [Сокольский, 1968. С. 251–162; Засецкая, 1994. С. 140]. В эту канву и вплетается информация Марцелина, который говорит об избиении аланов-танаитов и тут же сообщает, что после заключения союза «при их содействии они смело прорвались *внезапным* (подчеркнуто мной. — С. Б.) нападением в обширные плодородные земли Эрменриха (царь остготов)» и чуть ниже «...Пораженный этой *внезапной бурей* Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор...» [История татар..., 2002. С. 399]. Из этих отрывков следует, что танаиты жили в непосредственной близости с днепровскими остготами. В противном случае вряд ли был возможен эффект внезапности нападения. Если даже допустить, что враждебные гуннам племена аланов-танаитов обитали в Подонье и близ Танаиса, то, во-первых, выступая в поход против Азиатского и Европейского Боспора, а также крымских готов, гунны оставляли у себя глубоко в тылу реальную угрозу, а во-вторых, чтобы по выходу из Крыма разгромить их и присоединить к себе, а затем «внезапно» напасть на Эрменриха, гуннам пришлось бы проделать рейд более чем в тысячу километров. Поэтому наиболее вероятно, что месторасположением кочевий аланов-танаитов в широком смысле могли быть при-

черноморские степи Днепро-Донского междуречья, а непосредственное обитание их в момент нашествия гуннов, скорее всего, было максимально приближено к левобережью Нижнего Днепра. В дополнение к сказанному уместно будет привести точку зрения Ю. Кулаковского, высказанную еще в конце XIX века, о том, что сведения Амиана Марцелина о географическом положении вообще аланских племен у Танаиса заимствованы им из карт предшествовавших ему географов и полного доверия не заслуживают [Пигулевская, 1941. С. 39].

В связи с вышесказанным, нам представляется, что наиболее точное размещение аланов-танаитов предложено в одной из последних работ А. Н. Дзиговского, в которой он помещает эти племена изначально и впоследствии в составе гуннской орды в пределах Днепро-Днестровского междуречья [Дзиговский, 2003. С. 207–210]. Не вдаваясь в правомерность археологической атрибуции памятников северного и северо-западного Причерноморья (могильники Буджака, Градешке, Кубей, Казаклия и др.), отметим, что вероятность танаитской принадлежности комплексов гуннского периода на этих территориях весьма высока. Для идентификации поздних сарматов Волго-Донья и танаитов на этапе, предшествовавшем нашествию гуннов на Боспор, у нас нет никаких оснований, кроме созвучного названия Танаис в наименовании этой аланской группировки. Думается причины появления этого этнонима останутся в области не доступной для познания и сохранятся как своеобразный исторический эксклюзив Амиана Марцелина.

Что касается «бывших массагетов» — маскутов и возможного отождествления их с поздними сарматами, то и здесь в реконструкции С. И. Яценко также просматриваются явные нестыковки. Во-первых, фактически все упоминания об аланах-массагетах-маскутах касаются территорий Персии, Закавказья, Кавказа или Восточного Предкавказья и связаны с их многочисленными набегами и войнами с Арменией и Персией (135 г., 215 г., 216 г., 260 г., 293 г., 332 г., 335–336 гг., 338–341 гг.) [Яценко 1998. С. 87–91; 2001. С. 52–55]. Район Нижнего Дона и Приазовья в связке с «бывшими массагетами» фигурирует лишь как предполагаемое место высадки римского десанта в 132 году по просьбе Флавия Арриана [Яценко, 1998. С. 87; 2001. С. 52]. Локализацию же самих аланов-маскутов («отечество массагетов») С. И. Яценко, вслед за более ранними авторами предлагает в пределах степей и предгорий Прикаспийского Дагестана [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978. С. 40; Яценко, 1998. С. 92]. Какой-либо видимой взаимосвязи с аланами-танаитами у них не существует, по крайней мере, по данным источников. Связать сообщения о них с основными этапами развития позднесарматской культуры также не представляется возможным. Так, появившись впервые в сообщениях Диона Кассия, «бывшие массагеты» в 132 году н. э. затем исчезают из поля зрения древних авторов на 80 лет, о чем пишет и С. И. Яценко [1998. С. 87]. Если связывать этот факт с позднесарматской миграцией в Танаис, то начало ее довольно точно датируется не ранее 155 года [Шелов, 1974. С. 85], если с позднесарматскими трансформациями вообще, то середина II–начало III вв. — это период наиболее интенсивного освоения Волго-Донского междуречья поздними сарматами [Скрипкин, 1984. С. 101–105]. Все это заставляет сомневаться в принадлежности культуры аланов-массагетов — маскутов к позднесарматской культуре, по крайней мере, в ее главной составляющей. С нашей точки зрения, проведенные данные указывают, прежде всего, на процесс инкорпорирования в состав гуннского (позднесарматского) аланского (предкавказского) населения. На это указывают и письменные источники, говоря об участии этих народов в походе армян против персов в 227 году [Гмыря, 1995. С. 47], совместных действиях в войске аланского царя Санессана в начале IV века [Яценко, 1993. С. 85], и, наконец, совместном походе гуннской орды и «страшных невероятных массагетов» в Переднюю Азию в 395 году, о чем сообщает современник этих событий Иероним [Пигулевская, 1941.

С. 40–41]. Остается лишь сожалеть, что автор алаано-массагетской концепции не разглядел этих весьма важных повторяющихся событий и на определенном этапе своих исследований вообще отказался от признания факта присутствия ранних гуннов (унов, хонов) в регионе Кавказа и Восточной Европы, склонившись к весьма экстравагантной точке зрения К. В. Тревер, полагавшей, что античные унны и армянские хоны (для II–IV вв. н. э.) являются кавказскими аборигенами-горцами [Яценко, 1998. С. 94]. В этой связи не только все концептуальное построение автора, но и, что весьма важно, начальный момент гуннской истории оказались в его изложении весьма неубедительными. Прежде всего, произошел абсолютный разрыв либо деформация истории среднеазиатских и восточноевропейских гуннов. Это, в частности, касается сюжета о появлении на позднем этапе катакомбных комплексов. Между тем одной из возможных причин этого явления на заключительной стадии позднесарматского периода были события, происходившие в середине IV века в Средней Азии. Здесь с воцарением Грumbата (около 359 г.) начинается отсчет династии азиатских белых гуннов: хианито-кидаритов-эфталитов. Успешные военные действия среднеазиатских гуннов в союзе с персами против государств Кангюй и Давань могли привести к переселению части алаано-кангюйского населения с катакомбным обрядом погребений на запад. В этой связи нам представляется слабо обоснованным мнение С. А. Яценко о неких «южноказахстанских гуннах», которые вынуждены были бежать на запад первоначально в 362–363 годах по причине утверждения в Средней Азии хионитов, а затем около 372 года после неудачных походов персидского царя Шапура II, в союзе с которым они якобы состояли против хионитов-кушанов (хотя эта параллель абсолютно непонятна) [Яценко, 1998. С. 91]. На наш взгляд, экспансию гуннов танаисской Алании в Алонту Предкавказья и Готию в 70-х годах IV века вряд ли логично связывать с поражениями и последующим исходом гуннов из Средней Азии. Тем более умозрительно подразумевать под азиатскими гуннами некое кочевое сообщество, имя которого и сведения о котором совершенно не отразились на страницах азиатских источников того времени. В противовес этому можно привести довольно внушительный ряд нарративных свидетельств о среднеазиатских гуннах (хионитах, кидаритах, эфталитах).

С нашей точки зрения, активизация в Средней Азии хуней-хионитов (по Л. Н. Гумилеву), а позднее гуннов (хуннов)-эфталитов (по И. Маркварту), неизменно связаны с деятельностью европейских гуннов. Думается, что синхронность этих событий не случайна. В первом случае это захват хионитами Тохаристана и закрепление их на восточных рубежах персидского Ирана в 363 году и последующее за ним вторжение орды Баламбера в Аланию в 372 году; во втором — гибель Аттилы и Элака, распад державы и уход гуннов из Европы (453–455 гг.) и последующее (с 459 года) завоевание гуннами-эфталитами Тохаристана, Пянджа, Уструшаны, Согда и вторжение их в державу Гуптов во второй половине V века. Все это звенья единого процесса историко-культурного развития гуннского этноса.

Подводя краткий итог данному изложению, можно заключить, что несмотря на существующие в кругу большинства исследователей стереотипы о культурном, языковом и расовом облике хуннов-гуннов, вполне возможно предположить, что этот древний народ (или, по крайней мере, значительную его часть) мог составлять европеоидное, часто с монголоидной примесью, население, говорившее на каких-то не существующих сегодня индо-иранских — европейских наречиях. Этот этнос имел определенные историко-культурные отличия от своих исторических предшественников, составивших юэчжийско-сармато-аланскую волну Великого переселения. Однако единые истоки их этнокультурогенеза и совместное проживание обусловили необычайную мобильность их последующего микширования и сосуществование в рамках поздней гуннской орды. Возможно, эта рано возникшая межэтническая

толерантность легла в основу последующих разнукультурных интеграций (готские-германские, болгарские-тюркские, антские-славянские и др.), за счет которых молниеносно прирастала могучая орда Руги и Аттилы.

§ 5. Гуннское и постгуннское время (V–VI вв.) в Срединной Евразии. При всей исторической грандиозности этого этапа археологически он представлен весьма скудно и далеко неравнозначно в материалах Восточной Европы. Причинами этого, по общеизвестному утверждению, явились чрезвычайная мобильность и распыленность гуннской орды в период европейских походов второй половины IV–V вв., что нашло отражение в малочисленности и неоднородности комплексов, их своеобразной «неуловимости». Сегодня с большим допуском можно насчитать единицы комплексов с огромной территории от Подунайя до Поволжья, в которых в отдельных чертах погребального обряда (индивидуальные курганные захоронения, северная ориентировка погребенных, гроб, деформация черепов) и в составе вещевого инвентаря проглядывают традиции общегуннского ИКК. К этим комплексам относятся следующие общеизвестные памятники: Кестхее, Чорн, Сирмабешенье, Заммеринг, Батасек, Сегенд-Надъсектога, Печюсег в Венгрии; Белтени, Конциешты, Герсень в Румынии; Миролюбовка, Беляус в Крыму, Кишпек, Кубей, Новоивановка, Черноморское в Причерноморье и на Северном Кавказе, Ленинск (курган 3, погребение 12), Шипово (курганы 2, 3), Верхне-Погромное, Новоселки, Покровск (Энгельск, курган 36, погребение 2), Переполовенка, Кирово в Поволжье. Следует оговориться, что многие из них несут явные следы негуннских культурных инноваций, выразившихся в изменении ориентировок – северный сектор постепенно заменяется северо-восточным, восточным. Явно инокультурным компонентом погребального обряда является помещение в могилу или на ее ступеньку коня или его шкуры.

Материалы этого периода были собраны, обобщены и интерпретированы как древности гуннской эпохи И. П. Засецкой. Заслуга автора состоит в том, что она среди гигантской массы раннесредневековых материалов сумела выделить собственно кочевнические древности IV–VI вв., обнаруженные на огромной территории Восточной Европы. По ее мнению, они характеризуют четыре наиболее важных этапа европейской истории гуннов: 1-й этап (370–378 гг.) – вторжение в южнорусские степи; 2-й этап (378–445 гг.) – захват Крыма, господство в Северном Причерноморье; 3-й этап (445–454 гг.) – держава Аттилы в Паннонии; 4 этап (454 г.–конец V в.) – распад державы Аттилы [Засецкая, 1986. С. 109–110; 1994. С. 132]. Основным объединяющим фактором древностей гуннской эпохи, с точки зрения И. П. Засецкой, явилась стилистическая схожесть предметов так называемого полихромного стиля. По этому принципу собиралась коллекция случайных находок или материалов из разрушенных погребений. Наличие стилистически схожих предметов позволило объединить совершенно различные по особенностям погребального обряда памятники. Подобное объединение обосновывалось тем, что, по мнению И. П. Засецкой, гуннская культура синкретична по своей сути и, следовательно, представлена разными погребальными памятниками.

Первую группу составляют курганы-кострища, подавляющее большинство которых исследовано П. Д. Рау и П. С. Рыковым в Нижнем Поволжье (курганы у деревни Остроголовка (Д 18, 19), село Ровное (курганы 42, 47), Высокое (Е7), село Краснополе (Е14), Усть-Караман (Е13), город Покровск (курганы 2, 3, 11), село Бородаевка (курган 5). К этой же группе, на наш взгляд, можно отнести курганы 17, 18 у города Покровска, где были зафиксированы более слабые кострища, и курганы VII–IX у села Новогригорьевка в Запорожье. По мнению же И. П. Засецкой, эти памятники представляют собой особый вид комплексов, так как в курганах-костри-

щих обряд кремации зафиксирован не был [Засецкая, 1978. С. 103–104; 1994. С. 13–14]. В общем счете, эту группу составляют 14 комплексов.

Вторая группа включает 12 так называемых бескурганных, или «речных» захоронений, ибо многие из них обнаружены на берегах рек, в укромных местах, на дне оврагов и балок. Как правило, их наземная часть ничем не выделялась [Засецкая, 1994. С. 16–17], хотя это наблюдение нам представляется не бесспорным. Квалификация находчиков и условия расположения погребений (в местах сильной эрозии поверхностного слоя) в целом могли обусловить то, что наземная часть, представляющая собой небольшую земляную насыпь, либо оказалась незафиксированной, либо могла быть разрушенной. Тем не менее, существующая информация по погребальному обряду данных памятников позволяет сделать некоторые выводы.

Все эти памятники представляли собой индивидуальные захоронения по обряду ингумации. При этом в трех из них (Концешты, Вольная Вода, Зеленокумск) обнаружены скелеты коня, а еще в четырех (Алешки, Саги, Кизиярская балка, Старая Игрень) — кости лошади. Единственное наиболее сохранившееся захоронение — Зеленокумское — дает восточную ориентировку умершего. Из пяти оставшихся погребений (Новоивановка, Антоновка (курган 3), «Восход», Березовка, Кызыл-Адыр), не содержащих костей лошади, в двух (Новоивановка, Антоновка) удалось зафиксировать северную ориентировку погребенных. Таким образом, группу бескурганных погребений составляют захоронения с костями лошади (целый скелет, отдельные кости), в которых в единичных случаях фиксируется восточная ориентировка погребенного, и простые индивидуальные погребения без костей лошади, где дважды зафиксирована ориентировка умерших головой в северный сектор. Эти наблюдения весьма важны, так как в следующей группе прослеживается аналогичная тенденция.

Третью группу составляют 12 курганов с индивидуальными захоронениями. В связи с тем что в этой группе число сохранившихся погребений больше, обозначенные выше тенденции просматриваются более отчетливо. Так, из пяти погребений со шкурой или костями лошади или костями крупного рогатого скота в двух случаях (Кубей, Энгельс, курган 36, погребение 2) удалось зафиксировать восточную ориентировку захороненных. В девяти случаях (Ленинск, курган 3, погребение 12; Переполовенка, Шипово, курган 2, Шипово, курган 3; Беляус; Владимировка; Большой Такмак; Верхне-Погромное) (рис. 68, II) погребенные ориентированы головой на север с небольшим отклонением в северо-восточный или северо-западный секторы. При этом, в Беляусе, Кубее, Верхне-Погромном зафиксированы шкура коня и отдельные кости лошади, а в Переполовенке, Ленинском и Шипово (курган 2) — шкура быка и кости овцы. В Шипово и в Беляусе у погребенных отмечена искусственная деформация черепов. В четырех погребениях (Шипово, курган 2, Энгельс, курган 36, погребение 2; Большой Такмак; Ленинск) выявлены гробовые конструкции. Таким образом, и эту группу составляют комплексы, имеющие следующие черты: индивидуальные погребения с конем, его шкурой или отдельными костями, которые находятся как в самом погребении, так и сбоку от погребенного, ориентировка умерших в данных погребениях чаще всего — восточная, реже — северная.

В третью группу входят и погребения в простых узких прямоугольных могильных ямах. Погребенные лежат, как правило, головой на север. Частым являются наличие гроба и искусственная деформация черепа.

Нет смысла подробно описывать вещевой комплекс вышеперечисленных памятников, так как его анализ дан в указанных работах И. П. Засецкой. Попытаемся лишь коротко обобщить полученные ею результаты. В основу систематизации памятников были положены различия в составе погребального инвентаря и стилистические особенности в украшении предметов полихромного стиля. В результате

чего все комплексы были разделены на пять подгрупп — А, Б, В, Г и Д. Сравнительный анализ показал непосредственную и опосредованную их связь друг с другом, что, в конечном счете, позволило все памятники объединить в две хронологические группы. В первую вошли комплексы подгрупп А, Б, В и два погребения из подгруппы Г, а во вторую — комплексы подгруппы Д и одно погребение из подгруппы Г [Засецкая, 1978. С. 53–71]. Хронологическая интерпретация этих групп, произведенная чуть позже, позволила датировать первую группу (ХГЗ-1) концом IV–первой половиной V вв., а вторую (ХГЗ-2) — второй половиной V–началом VI вв. [Засецкая, 1986. С. 79–91; 1994. С. 111–130. Рис. 25].

Как известно, по вопросам хронологии этих материалов существует несколько иная точка зрения А. К. Амброза [Амброз, 1971, 1971а, 1981]. Суть ее мы уже излагали в вводной части. Заметим лишь, что, приняв в целом за основу систему датировок И. П. Засецкой, предложившей рассматриваемые памятники поместить в хронологический диапазон с конца IV века до начала VI века, мы, с одной стороны, не склонны очерчивать столь жестко верхние рамки, и, с другой, считаем, что помещать отдельные группы столь разрозненных материалов и памятников в прокрустово ложе узких промежуточных этапов, выверенных до года, сегодня весьма преждевременно. Крайняя малочисленность материалов, представленных единичными комплексами либо случайными находками, разбросанными на огромной территории от Иртыша до Дуная, делает применение статистического и сравнительно-корреляционного методов весьма затруднительным, в отличие от исследований на базе материалов из долговременных некрополей Приуралья, Кавказа, Крыма, оставленных оседлым или полуседлым населением, где действительно датирование отдельных планиграфически и типологически обособленных групп комплексов возможно с точностью до полувека. В нашем случае, как представляется, выделение стилистических групп и выяснение истоков возникновения отдельных традиций и категорий вещей позволяет в целом, ограничившись рамками очерченного временного диапазона, определить две взаимопроникающие хронологические группы: ранняя — IV–V вв. (ХГЗ-1) и поздняя — V–VI вв. (ХГЗ-2). Эта периодизация принимается нами как условно-рабочая схема, поскольку, как уже упоминалось в рамках данной работы, на сегодняшнем уровне накопления материала мы не ставим целью уточнение отдельных узлов существующих хронологических схем. К тому же в научной литературе продолжается процесс корректировок хронологических позиций тех или иных памятников. Так, в последних исследованиях А. В. Богачев несколько омолаживает поволжские древности «гуннского круга», датируя Федоровское погребение рамками V века, Шипово и Верхне-Погромное — третьей четвертью VI века [Богачев, 1998. С. 17–24; 2000. С. 15–16]. Аналогичную точку зрения на материалы шиповского круга высказывает И. О. Гавритухин, датируя стадии Г, Д Бирского могильника, где представлены пряжки, схожие с шиповскими, серединой — второй половиной VI века [Гавритухин, 1996. С. 120–121, 130. Рис. 21; С. 133. Рис. 5, Д]. Напомним, что И. П. Засецкая ограничивает существование этих комплексов началом VI века.

Таким образом, процесс уточнения и корректировки хронологической схемы «гуннских древностей», как мы видим, идет по пути омоложения верхних границ бытования отдельных вещей и существования памятников. По всей видимости, вопрос определения точной хронологической позиции отдельных комплексов рассматриваемого круга будет оставаться открытым или дискутироваться еще достаточно долгое время. Как нам представляется, причины этого, кроме названных (малочисленность комплексов и их разрозненность), кроются и в самом методе датирования. В настоящее время исследователи, обращаясь к данным материалам, совершенно правомерно используют два наиболее приемлемых метода. В одном случае опорой

для датирования является своеобразная шкала технологических и стилистических приемов изготовления предметов полихромного стиля. В другом, используется метод датирования по аналогиям с привязкой к большим массивам материала из долго существующих некрополей. И в первом, и во втором случае решающее значение имеют определения, которые получены при анализе одной или двух категорий предметов. При анализе коллекции исследователи поступают как нумизматы при датировании клада, когда основное значение для датировки уделяется наиболее поздней монете. Весь комплекс датируется на основе инновационных стилистических особенностей полихрома или новых типов предметов (как правило, ременной гарнитуры). Однако, если в больших массивах возможно скоррелировать взаимовстречаемость отдельных типов внутри конкретных совокупностей и тем самым произвести калибровку отдельных групп материала, то здесь по известным причинам мы вынуждены апеллировать единичными событиями встречаемости. В этом случае очень трудно сделать поправку на время попадания отдельных категорий предметов в комплекс или на период бытования тех или иных стилей в оформлении предметов украшения полихромного стиля. Если время хождения монет до их помещения в клад или в погребение достигает 50–80 лет, а в некоторых случаях более 100 лет [Боталов, 1991], то аналогично этому предметы украшений, сбруя, детали оформления оружия, поясная гарнитура, серьги, браслеты, диадемы также могут бытовать достаточно долгое время до момента их захоронения (попадание путем торговли или обмена из производственных центров в кочевой мир, передача по наследству и т. п.). При этом запаздывать могут как одиночные предметы, так и целые комплексы (набор накладок и пряжек, составляющий единую конскую узду или седло, поясной набор, набор накладок одного колчана и др.). К сожалению, от этих фактов современные исследователи вынуждены абстрагироваться, принимая положение о том, что, несмотря на возможность длительного бытования отдельных предметов, конкретные наиболее поздние вещи попадают в комплексы в год своего изготовления. Хочется подчеркнуть, что именно предметы украшений и богатой гарнитуры, как нам представляется, являются не идеальным материалом для датирования археологических памятников. Сказанное никоим образом не умаляет заслуг и результатов, которые на сегодняшний день получены исследователями хронологии гуннских древностей. В некотором роде сказанное лишь оконтуривает уязвимые места современных методов датирования конкретного материала. Эти наблюдения сделаны автором в связи с тем, что существует ряд парадоксов в современной интерпретации историко-культурных процессов, происходивших в Восточной Европе в гуннский период. Ниже мы попытаемся разобрать некоторые из них. Здесь лишь укажем на один, который обусловлен формально-логическими методами датирования материала.

И. П. Засецкая и А. К. Амброз единодушно расчленяют материалы трех Ново-григорьевских курганов по хронологическому принципу. В их схемах, как известно, погребения, с одной стороны, курганы VIII и IX и, с другой, курган VII этого могильника оказались совершены в разные хронологические периоды. Разница во времени достигается 50 (по И. П. Засецкой) или 100 лет (по А. К. Амброзу). Однако Ново-григорьевский могильник не является долго существующим некрополем. Теоретическое предположение, что какая-то группа кочевников спустя 50 или даже 10–20 лет могла вернуться и по совершенно аналогичному обряду захоронить своего соплеменника именно на этом месте, кажется нам натянутым. Вероятнее всего, эти захоронения совершались в течение короткого промежутка времени. Следовательно, либо в какой-то период два технологических стиля в изготовлении полихромных предметов украшений сосуществовали, либо более ранние предметы доживают (находятся в употреблении) вплоть до начала VI века. К этому же выводу пришел

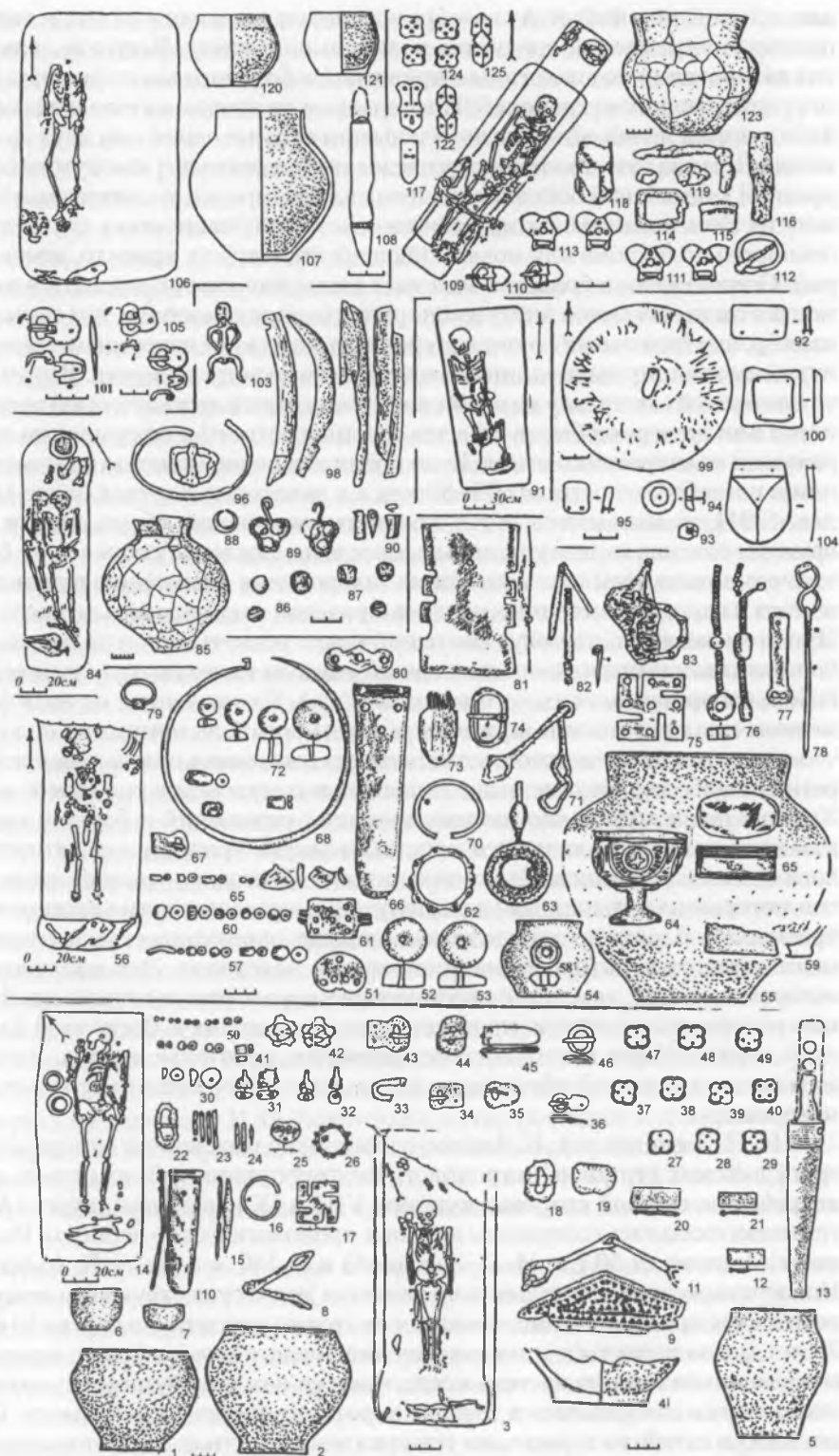

Рис. 68. Гунские и постгунские памятники степного и лесостепного Приуралья и Поволжья VI–VIII вв. (по: [Е. П. Казаков, 1996; 1998; П. И. Старостин, 1971; А. В. Богачев,

1998; И. П. Засецкая, 1994]). Fig. 68. The Hun and post-Hun monuments of the steppe and forest-steppe Priuralye and Povolzhye of the VI–VIII centuries (according to: [E. P. Kazakov, 1996, 1998; P. I. Starostin, 1971; A. V. Bogachev, 1998; I. P. Zasetkiy, 1994])

С. В. Комар в одной из последних работ, посвященной проблемам хронологии гуннских древностей, где все три комплекса помещаются им в единый этап 454–489 гг. [Комар, 2000. С. 44].

Памятников V–VI вв., как уже отмечалось, в урало-казахстанских степях крайне мало. При всей их разнохарактерности, некоторые (Канаттас; Зевакино, курган 1; Каменный амбар, курганы 5, 6; погребение Аркаим; Шипово, курганы 2, 3; Верхнепогромное, курган 4, погребение 3) обнаруживают достаточно четкие гуннские традиции, которые усматриваются в северной ориентировке погребенных, наличии гробовых конструкций, наборе вещевого инвентаря. Основная часть постгуннских памятников на севере располагается в лесостепном Приуралье и Зауралье, где наблюдается процесс смешивания гунно-сарматского и местного лесостепного населения. В результате смешения приуральского финно-угорского населения, носителей именьдяшевской культуры (могильник Охлебино, Шиповский, Ново-Сасыкуль) и гунно-сарматских племен, оставшихся в пределах Приуралья после ухода основной части гуннского союза далее на запад [Овсянников, 1999], в бассейне среднего течения реки Уфа к V веку н. э. формируется турбаслинская культура, которая продолжает существовать вплоть до VIII века н. э. Носители ее, несмотря на то что, по всей видимости, вели оседлый (или полуседлый) образ жизни, сохраняли основные элементы гуннского или гунно-сарматского ИКК: небольшие грунтовые курганы с индивидуальными захоронениями, узкими прямоугольными могильными ямами с нишами и подбоями, северной ориентировкой погребенных, искусственной деформацией черепов, а также соответствующим набором вещевого инвентаря (рис. 69). Однако в этот период (V–VIII вв.) в отдельных турбаслинских памятниках наблюдается определенное воздействие со стороны тюркокультурного степного ареала, что выразилось, на наш взгляд, в появлении погребений со шкурой коня на ступеньке могильной ямы (Коминтерновский II, погребение 46; Кушнарен-

Рис. 68. Гуннские и постгуннские памятники степного и лесостепного Приуралья и Поволжья VI–VIII вв. (по: [Е. П. Казаков, 1996; 1998; П. И. Старостин, 1971; А. В. Богачев, 1998; И. П. Засецкая, 1994]). *Fig. 68. The Hun and post-Hun monuments of the steppe and forest-steppe Priuralye and Povolzhye of the VI–VIII centuries* (according to: [Е. P. Kazakov, 1996, 1998; P. I. Starostin, 1971; A. V. Bogachev, 1998; I. P. Zasetskiy, 1994]).

I. 1, 2, 6–8, 10, 14–17, 22–26, 30–31, 41, 42, 50 – Коминтерновский II, погребение 6; 3–5, 9, 11–13, 18–21, 33–40, 43–49 – Коминтерновский II, погребение 6; 51–83 – Коминтерновский II, погребение 43; 84–90, 96–98, 103 – Кушнаренковский, погребение 27; 91 – Коминтерновский II, погребение 47; 92–95, 99, 100, 101, 104 – Кирово; 101, 102, 105–108, 120, 121 – Ташкирменский, погребение 1; 109–119, 122–125 – Кушнаренковский, погребение 2. 1, 2, 4–7, 54, 55, 59, 85, 107, 120, 121, 123 – керамика; 3, 14, 56, 84, 91, 99, 106 – планы погребений и кургана; 8, 15, 22, 18, 19, 11, 71, 97, 108, 114, 116, 119 – железо; 10, 42, 23, 24, 26, 32, 17, 25, 16, 36, 45, 46, 81, 63, 78, 77, 62, 96, 103, 90, 92–95, 100, 104 – бронза; 9, 20, 12, 34, 27–29, 21, 37–40, 47–49, 79, 68, 52, 70, 88, 89, 110, 111, 113, 118, 117, 122, 124, 125 – серебро; 13 – железо, бронза, дерево; 30, 41, 50, 57, 60, 66, 52, 53, 58, 72, 86, 87 – стекло, камень; 76, 82 – бронза, раковина; 83 – бронза, железо; 73 – кость

II. 1–20 – Федоровка; 21–25, 34–36, 44, 45, 59 – Брюхановский выселок; 26–33, 37–43, 47–54 – Муслюмово; 55–58, 64–66 – Шипово, курган 2; 63, 73 – Переполовенка; 74–77, 84–87, 91–95, 99, 100 – Ленинск; 101, 102, 110–112 – Верхне-Погромное; 103–105, 112 – Новоселки; 106–109, 113–120, 132 – Владимировка; 121–128, 139–146, 153–155, 159–166 – Кызыл-Адыр; 129–131, 133, 134, 147–149, 156, 157, 167–170 – «Восход»; 135–138, 150–152, 158 – Энгельс (Покровка), курган 36, погребение 2.1–7, 31, 68, 76, 99, 104, 115–120, 139–144, 126–129, 159–167 – железо; 8, 21–24, 34, 49, 64, 71, 91, 100, 102, 87, 151, 152, 170 – золото, камень; 9, 10 – серебро, камень; 11, 12, 14–16, 18, 19, 27, 28, 39, 45, 48–50, 53, 54, 134, 151, 152, 148, 94, 144, 145, 155, 156 – серебро; 26, 32, 33, 37, 38, 44, 46, 47, 62, 84–86, 75, 149 – золото; 25 – бронза, серебро; 67, 83 – дерево; 29, 30 – серебро, железо; 17, 52, 58, 60, 61, 70, 73, 93, 110, 135–138 – бронза; 43, 80 – бронза, кость; 56, 147 – камень; 77, 158 – керамика; 41, 57, 65, 79, 88, 96, 130 – бронза, золото; 42, 51, 157, 168 – бронза, золото, камень; 169 – кость, золото, камень; 88, 98 – золото, железо; 146 – свинец; 55, 63, 74, 78, 101, 103, 132, 150 – планы погребений

ковский, погребения 2, 27) и поясных наборов с элементами геральдического стиля [Ахмеров, 1951; 1970; Генинг, 1977. С. 95–104; Казаков, 1996. С. 55. Рис. 5, 1998; Боталов, Полушкин, 1996. С. 184] (рис. 68, I, 1–92, 109–119, 122–125). Аналогично этому в лесостепном Зауралье появляются гунно-сарматские памятники, в которых наблюдается присутствие местного угорского компонента, что выразилось, прежде всего, в наличии в этих комплексах характерной кашинско-прыговской зауральской лесостепной керамики [Шарапова, 2000. С. 23; Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 1, 1–5; Рис. 3, 2].

В определенной мере неизменной культурно-историческая ситуация оставалась в пределах оазисных зон Южного Казахстана и Средней Азии. Здесь продолжают свое развитие ранее существующие ИКК. До IV–V вв. в Семиречье и Прииссыкулье существуют усуньские памятники. В Таласской долине, на Средней Сырдарье, в Ташкентском оазисе продолжают существование культуры аланско-кангюйского ИКК. По мнению А. К. Амброза, отдельные комплексы Шаукушумского могильника могут быть датированы даже VI–VII вв. н. э. [Амброз, 1981. С. 21. Рис. 10]. И, наконец, сохраняется вплоть до VIII века довольно крупный очаг джетыасарских комплексов. Хотя, как уже говорилось, в оазисах, расположенных на южной периферии казахстанских степей, в этот момент начинается социально-экологический кризис, связанный с общим усыханием Приаральского региона.

На наш взгляд, термин «постгуннские» памятники наиболее применим именно к джетыасарским комплексам V–VIII вв., которые выявлены в большинстве джетыасарских могильников (Алтынасар 4, 4а, 4в, 4ж, 4м, 4о, 4р, 4т; Томикасар, Касасар). При этом данные комплексы не демонстрируют кардинального изменения гунно-сарматских погребальных традиций (сырцовые склепы и земляные курганы с индивидуальными грунтовыми погребениями и положением умерших головой на север). Вероятно, к инновациям в джетыасарских погребальных комплексах этого периода можно отнести возникновение традиции помещения лошади или ее шкуры в могильную яму (курганы 62, 209, 212) [Левина, 1996. С. 120], а также появление предметов восточного (тюркокультурного) круга (жесткое седло, конская узда, включающая костяные подпруги, пряжки и чубуки, железные стремяна и удила) и поясов геральдического стиля [Левина, 1996. Рис. 94, 96, 127, 130–132, 134–138]. Очевидно, что и здесь, при сохранении единокультурности населения, оставившего позднегуннские джетыасарские памятники, наблюдаются те же инновационные тенденции, что и в постгуннских памятниках Южного Урала. Вероятнее всего, этот факт не случаен. Как нам представляется, даже после исхода отдельных племен постгуннской конфедерации между северной и южной перифериями Урало-Аральской пастбищно-кочевой провинции, между Приаральем и Южным Уралом, поддерживались определенные коммуникационные контакты. Поддерживались они посредством отдельных групп кочевого населения или эта связь сохранялась как система торгово-обменных контактов между двумя разноландшафтными хозяйственными зонами, сказать трудно. Думается, основа этого коммуникационного ареала лежала в этнокультурном единстве населения его северной и южной провинций, которое возникло с первых веков н. э. и существовало вплоть до VIII века. Это единство подтверждается не только наличием отдельных типов керамики, сходных с джетыасарской посудой в турбаслинских и бахмутинских памятниках Южного Приуралья, но и, что весьма важно, находками схожих оригинальных предметов культового назначения. Речь идет о зооморфной пластике на ритуальных керамических сосудах и антропоморфных изображениях в металле. Особенно поражает схожесть металлических мужских фаллистических фигурок, обнаруженных в Алтынасарских, Бирском и Кушнаренковском могильниках [Левина, 1996. Рис. 169; Генинг, 1977. С. 106. Рис. 11, 1].

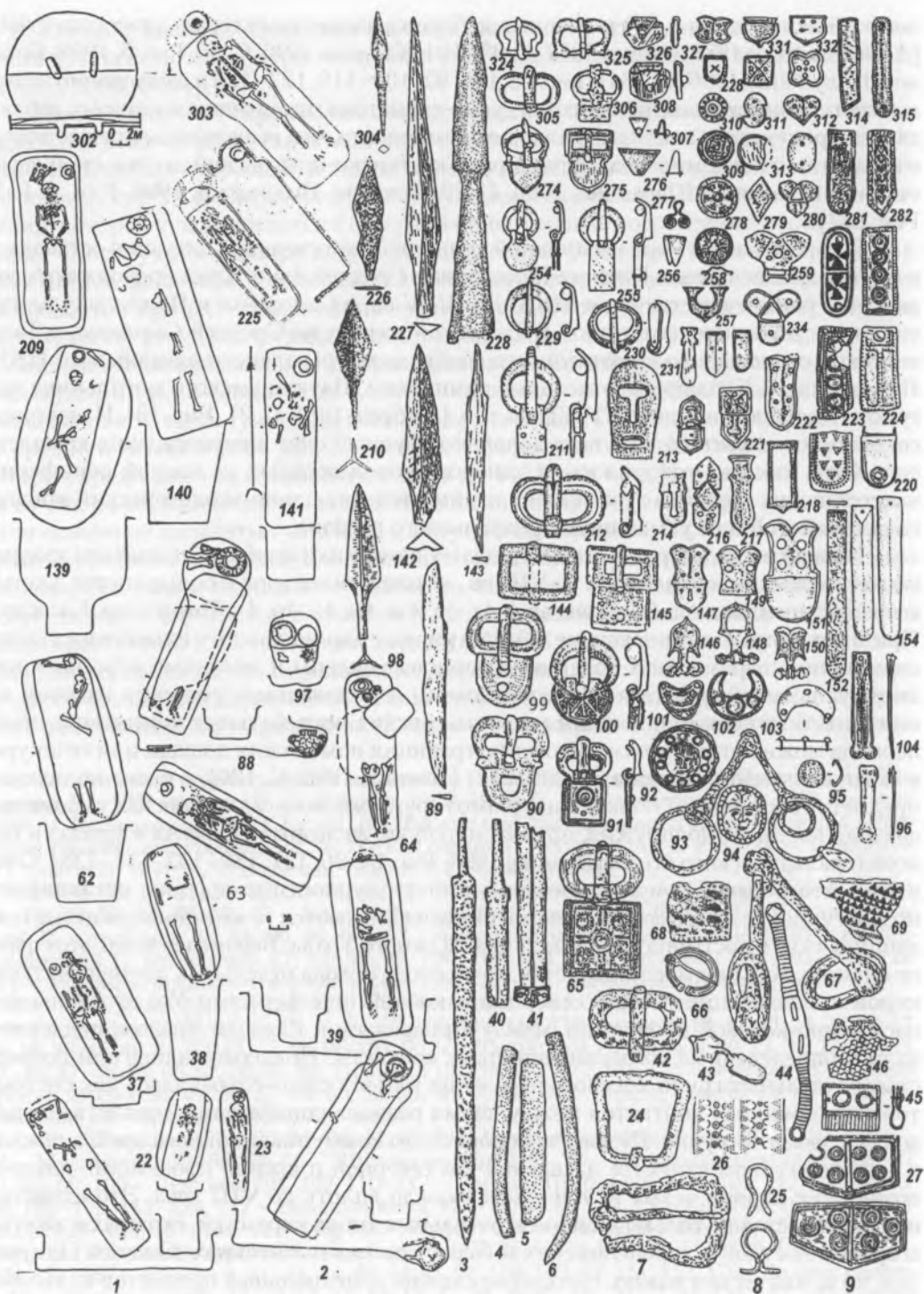

Рис. 69. Гуннские и постгуннские памятники Южного Приуралья. Турбаслинская культура V–VIII вв. (по: [Н.А. Мажитов, 1977; А.Х. Пшеничнюк, 1968; Ф.А. Сунгатов, 1998]).
 Fig. 69. The Hun and post-Hun monuments of South Priuralye. Turbaslin culture of the V–VIII centuries (according to: [N.A. Mazhitov, 1977; A.K. Pshenichnyuk, 1968; F.A. Sungatov, 1998])

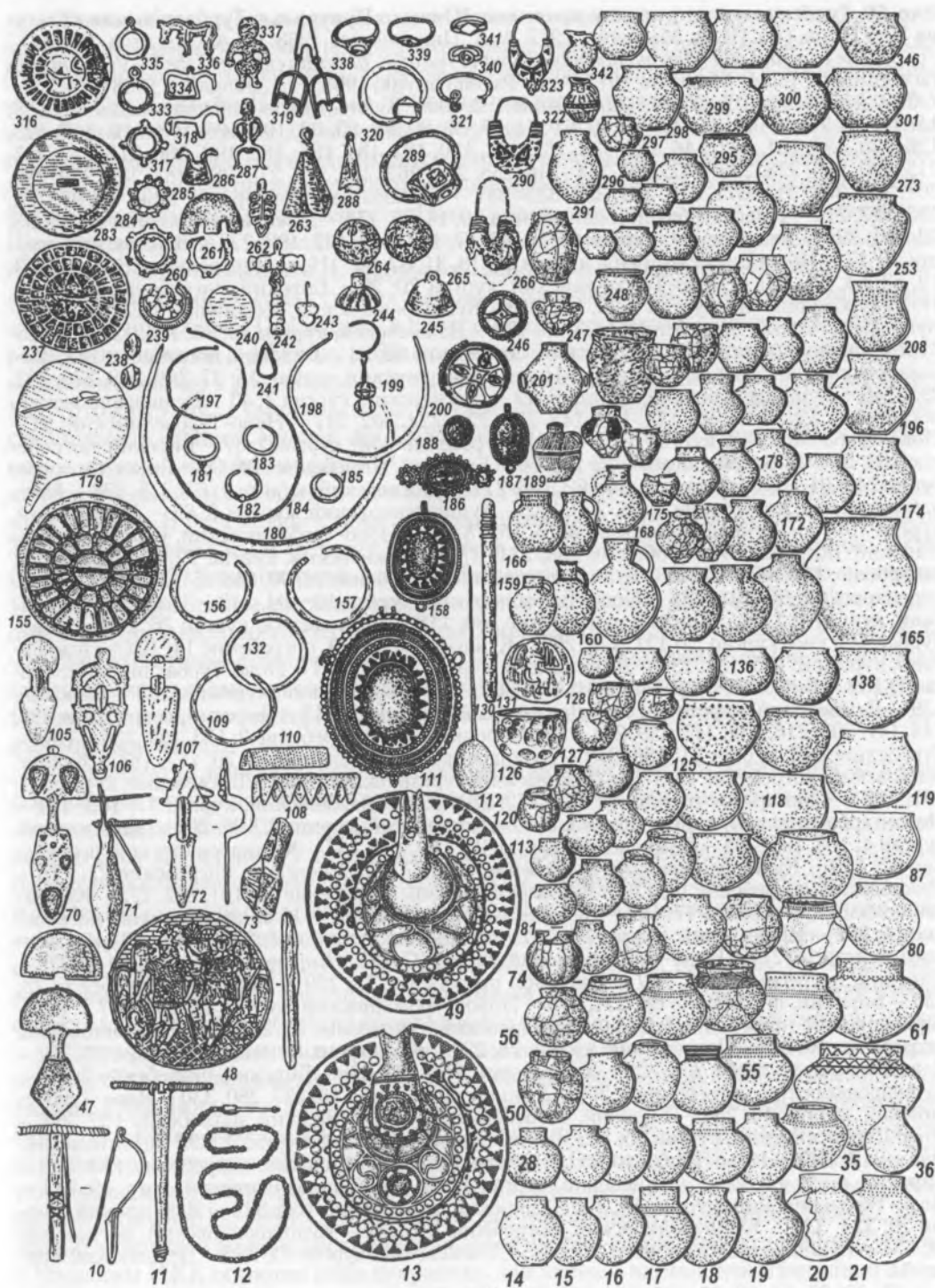

Рис. 69. Гуннские и постгуннские памятники Южного Приуралья. Турбаслинская культура V–VIII вв. (по: [Н. А. Мажитов, 1977; А. Х. Пшеничнюк, 1968; Ф. А. Сунгатов, 1998]).

Fig. 69. The Hun and post-Hun monuments of South Priuralye. Turbaslin culture of the V–VIII centuries (according to: [N. A. Mazhitov, 1977; A. K. Pshenichnyuk, 1968; F. A. Sungatov, 1998]).

1, 54 – Дежневский, курган 19, погребение 1; 2, 190 – Кушнаренокский, погребение 28; 1–9, 11–13, 24, 26, 40–42, 44–49; 56; 69, 67–71, 77, 86, 89, 91–95, 98, 102, 106, 108, 110–112, 123, 126, 130, 133, 131, 142, 146, 152, 158, 167, 175, 180, 181, 184, 186–188, 198–200, 210, 212, 213, 215, 220, 223, 228, 235–237, 239, 244–246, 258, 261, 262, 265, 277, 278, 282, 283, 286, 289, 290, 301, 306, 309, 314–371, 319, 321, 333, 335–341 – курганы на территории г. Уфы; 10, 97, 174, 155, 192, 214 – Ново-Турбаслинский, курган 10; 14, 75, 173 – Дежневский, курган 18; 15, 33, 72, 201, 326 – Дежневский, курган 15; 16, 85, 87, 117, 119, 137, 193, 273 – Дежневский, курган 16; 17 – Ново-Турбаслинский, курган 29; 18, 31, 82, 84 – Ново-Турбаслинский, курган 3; 19, 52, 53, 83, 103 – Ново-Турбаслинский, курган 20; 20 – Бирский, погребение 199; 21 – Ново-турбаслинский, курган 7; 22, 182, 253 – Кушнаренокский, погребение 8; 23, 128, 296 – Кушнаренокский, погребение 9; 25, 38, 171 – Дежневский, курган 10; 30, 116, 122 – Ново-Турбаслинский, курган 5; 32 – Бирский, погребение 92; 34 – Бирский, погребение 143; 35 – Галановский, погребение 1; 36, 206 – Ново-Турбаслинский, курган 15; 37, 266, 268, 270, 292, 295, 346 – Кушнаренокский, курган 6; 39 – Дежневский, курган 7; 43 – Кушнаренокский, погребение 25; 50, 66, 99, 114, 140, 145, 209, 221, 224, 302, 347 – Ново-Турбаслинский; 51 – Ново-Турбаслинский, курган 6; 55 – Ново-Турбаслинский, курган 2; 57 – Бирский, погребение 168; 58 – Бирский, погребение 164; 59 – Бирский, погребение 196; 60 – Бирский, погребение 148; 61 – Стерлитамакский; 62, 196, 211 – Дежневский, курган 1; 63, 325, 328 – Кушнаренокский, погребение 4; 64, 250, 272 – Кушнаренокский, курган 7; 65 – Дежневский, курган 19; 74 – Кушнаренокский, погр. 15; 78, 99 – Ново-Турбаслинский, курган 22; 79 – Бирский, погребение 177; 80, 176, 238, 271, 276 – Дежневский, курган 22; 81 – Бирский, погребение 173; 88, 105; 312 – Кушнаренокский, погребение 21; 90, 148–151, 218, 257 – Кушнаренокский; 96, 101, 281 – Ново-Турбаслинский, курган 19; 104, 113 – Ново-Турбаслинский, курган 1; 115 – Бирский, погребение 180; 118 – Дежневский, курган 26; 120 – Ново-Турбаслинский, курган 22; 121, 129, 267 – Кушнаренокский, погребение 14; 124 – Дежневский, курган 8; 125, 134, 136 – Дежневский, курган 5; 127, 343 – Ново-Турбаслинский, курган 7; 132 – Бирский, погребение 81; 135, 300, 342 – Дежневский, курган 8; 138 – Бирский; 139 – Дежневский, курган 6; 141 – Дежневский, курган 19; 143 – Бирский, погребение 108; 144, 147, 203, 216, 232, 247, 259, 274 – Кушнаренокский, погребение 2; 153, 154, 255 – Ново-Турбаслинский, курган 21; 156, 318 – Кушнаренокский, погребение 20; 157, 183 – Кушнаренокский, погребение 13; 159 – Дежневский, курган 33; 160, 307 – Дежневский, курган 21; 161, 189 – Сакмарское городище; 162, 172, 234; 298 – Дежневский, курган 17; 163, 164 – Ново-Турбаслинский, курган 26; 165, 254 – Дежневский, курган 9; 166, 204 – Дежневский, курган 4; 168, 195, 205 – Дежневский, курган 32; 169, 185, 287 – Кушнаренокский, погребение 27; 170 – Кушнаренокский, погребение 16; 177 – Дежневский, погребение 21; 178 – Дежневский, погребение 19; 179 – Кушнаренокский, погребение 26; 191, 222, 275 – Кушнаренокский, погребение 17; 194 – Дежневский, курган 2; 197 – Кушнаренокский, погребение 14; 202 – Шареевский, курган 23; 207 – Дежневский, курган 4; 208 – Ново-Турбаслинский, курган 14; 217 – Ново-Турбаслинский, курган 27; 225 – Бирский, погребение 148; 226 – Бирский, погребение 156; 227 – Бирский, погребение 72; 229 – Бирский, погребение 28; 230 – Бирский, погребение 68; 231, 279 – Ново-Турбаслинский, курган 18; 232, 297 – Кушнаренокский, погребение 1; 243 – Кушнаренокский, погребение 22; 248 – Кушнаренокский, погребение 10; 249 – Дежневский, курган 26; 251 – Кушнаренокский, погребение 23; 252 – Дежневский, курган 10; 256, 323 – Дежневский; 263, 264, 288 – Бирский, погребение 2; 260 – Кушнаренокский, погребение 4; 269 – Дежневский, курган 18; 227, 280, 330 – Ново-Турбаслинский, курган 13; 284 – Бирский, погребение 25; 285 – Бирский, погребение 157; 291 – Ново-Турбаслинский, курган 35; 293 – Ново-Турбаслинский, курган 1; 294 – Дежневский, курган 17; 299 – Ново-Турбаслинский, курган 23; 303 – Бирский, погребение 193; 305 – Бирский, погр. 42; 308 – Дежневский, курган 15; 310 – Кушнаренокский, погр. 19; 311 – Ново-Турбаслинский, курган 19; 320 – Бирский, погребение 166; 322 – Дежневский, курган 29; 324, 331 – Кушнаренокский, погребение 16; 332 – Кушнаренокский, погребение 28; 334 – Кушнаренокский, погр. 20; 344 – Дежневский, курган 12; 345 – Дежневский курган 31.

1, 2, 37–39; 62–64; 88, 97, 139–141, 209, 225, 302, 303 – планы погребений и курганов; 7, 24, 40, 42, 67, 89, 93, 98, 143, 210, 226, 228, 304 – железо; 8–13, 25–27, 41, 44–48, 65, 66, 68–73; 90–92, 94–96; 99–112, 130, 144–158, 179–187, 199–200, 212–224; 229–246, 254–265; 274–290, 305–341 – металл (золото, серебро, бронза); 4–6, 142, 237 – кость; 14–21; 28–364 50–61, 74–87; 113–125, 127–138, 159–178, 184–196, 201–208; 247–253; 266–273, 291–301; 342–346 – керамика; 126 – стекло

Таким образом, на евразийском степном пограничье, в низовьях Сырдарьи, в переходный раннетюркский период продолжает свое существование джетыясарская культурная общность, которая, судя по всему, неразрывно связана с постгуннским населением Южного Приуралья. В данном разделе, вероятно, нет смысла поднимать сложные вопросы атрибуции историко-культурного комплекса населения северо-запада Средней Азии (эфталиты, хиониты, кидариты), хотя историко-археологические реалии в определенной мере позволяют выстроить схему процесса трансформации культуры южноказахстанских гуннов в период раннего средневековья. Племена хионитов и эфталитов, по устоявшемуся мнению, соотносятся с «белыми гуннами». По наблюдениям И. Маркварта, основанным на анализе «Суйшу» и «Бэйши», ряд династий «белых гуннов» вышли из племени ун, известным также под названием куни (хуна). Последние, в свою очередь, в качестве самостоятельного народа упоминаются в 470 году в бахитарийской надписи Скандогунны. Их происхождение связано с родом европейских гуннов Аттилы. Некто Ху/Тайсы, которого Хирт отождествлял с сыном Аттилы, имя которого читалось как Ignas, Ignach, Hernas, стал править страной Яньцай ши Судэ. Еще до смерти отца «Ирник был господином восточной части империи» [Аристов, 1904. С. 49]. Сообщается также, что основной военной силой эфталитов являлись гунны, которым они предоставили полную свободу. В 90-х годах V века они переправились через Амударью и завоевали Тохаристан, Пенджаб, Уструшану, Согд, часть Гургана, Карашара [Кондратенко, 1994. С. 34–38], а к 515 г. азиатский Аттила-Михиракула покоряет индийскую империю Гуптов. Таким образом, письменные источники достаточно прозрачно говорят о господстве гуннов-эфталитов в стране Судэ-Яньцзяй со второй половины V века н. э., что довольно точно соотносится с тем массивом кочевнических гунно-сарматских джетыясарских комплексов, основное количество которых появляется с V века н. э. Однако думается, что исторические судьбы среднеазиатских гуннов требуют отдельного исследования.

В контексте данной работы нас в большей мере интересуют инновации, которые появляются в среде постгуннского населения, тем более, что они позволяют говорить о начале тюркизации Среднеазиатского региона на юге и лесостепного ареала на севере. В этот же период (V век) вначале на восточной окраине, а затем и в глубине Казахстанской степи появляются комплексы, такие как Жарлы, Чиликты, Егиз-Койтас, Бобровский (курган 6), Кара-Агач, для которых характерны восточная ориентировка погребенного и остатки коня или его шкуры в могильной яме [Кадырбаев, 1952; Савинов, 1984. С. 33; Арсланова, 1980. С. 84–89; Козырев, 1905]. Эти памятники указывают на начало расширения на запад, в урало-казахстанские степи, саяно-алтайского (телесского) ареала. Более подробно об этом будет сказано ниже.

Этот раздел будет не полным, если мы не коснемся общеизвестных комплексов типа Тураево, так как значительное число авторов [Gening, 1995; Мажитов, Султанова, 1994; Богачев, 1998] связывают появление этих памятников с населением гуннского круга. Имеются и другие точки зрения на этническую принадлежность «тураевцев»: сарматы или сармато-именьковцы [Голдина, 1993. С. 24; 1996. С. 77], тюркоязычные группы [Старостин, 1971а. С. 52], славянское пшеворско-именьковское [Матвеева Г.И., 1986. С. 165] или готское население [Пастушенко, 1998. С. 187–188]. В контексте нашего исследования заметим, что вопрос о соотношении Тураево с гуннским ИКК остается пока открытым. На первый взгляд, действительно некоторые элементы погребального обряда, такие как подкурганные захоронения, прямоугольные с заплечиками могильные ямы, гробы и вещевой инвентарь, в частности двулезвийные мечи с халцедоновым круглым навершием, позволяют видеть в этих памятниках гунно-сарматское влияние. Однако, преобладающая западная (З–ЮЗ) ориентировка погребенных, отсутствие черепной деформации и традиции

помещения в могилу керамики (черты, которые сохраняются даже в постгуннских комплексах) не позволяют однозначно связывать «тураевцев» с гуннами. На наш взгляд, нет веских оснований для поиска составляющих тураевского ИКК и в среде гото-славянского населения. Дело в том, что основным аргументом инокультурного влияния является, как правило, наличие в могилах предметов вооружения и защитного доспеха (длинные мечи, топоры-«франциски», «косы-горбуши», шлемы, пластинчатые доспехи, кольчуги) неместного происхождения, а также обнаружение фрагментов одного именьковского сосуда. Если же взглянуть на основные составляющие тураевского погребального обряда, то обнаруживается следующее. Во-первых, наблюдаются черты совершенно идентичные таковым предшествующих позднекарабызских и позднетьяноборских памятников лесостепной Башкирии (Шиповский, Уфимский, Биктимировский могильники): сочетание курганных и грунтовых погребений, вытянуто-прямоугольные могильные ямы, западная (юго-западная) ориентировка погребенных, отсутствие керамики в могильных ямах, сочетание категорий вещевого инвентаря [Пшеничнюк, 1976]. Во-вторых, аналогичные черты имеются и в одновременных близлежащих памятниках мазунинской культуры. Западная (ЮЗ) ориентировка является господствующей в погребениях этой культуры, относящихся к IV–V вв. (Нивы, Покровский, Старокабановский, Быргындинский) [Останина, 1997. С. 211. Табл. 5]. Также здесь имеются захоронения в гробах и колодах, существует устойчивая традиция не устанавливать керамическую посуду в могилу [Останина, 1997. С. 23]. В более поздних комплексах, относящихся к концу IV–V веку, наблюдается тенденция увеличения глубины могильных ям (Покровский – до 1,5 м, Тарасовский – до 2,6 м) [Останина, 1997. С. 23. Табл. 3]. Что же касается курганного обряда погребения, характерного для части комплексов Тураевского могильника, в котором ряд авторов видит элементы традиций степного кочевого населения [Голдина, 1996. С. 77], то следует отметить, что, с одной стороны, аналогичное устройство наземных грунтовых сооружений (насыпи с кольцевыми ровиками) и количественное распределение под насыпями могильных ям (в одной из трех) прослеживается на синхронных стадиях существования ранненеволинских и раннедомоватовских некрополей в прилегающих районах лесного Прикамья [Голдина, Водолаго, 1990. Табл. II–IV], с другой стороны, подобные курганные комплексы мужчин-воинов, которые кроме Тураево обнаружены в могильниках Старая Мушта и Кудаш, занимали особое место на площадке могильников среди погребений местного (мазунинского) населения [Останина, 1997. С. 177]. То есть они представляют собой не только инокультурные, но и социально более значимые захоронения. Все вышесказанное позволяет прийти к выводу, что тураевские комплексы следует рассматривать в большей мере не как результат крупномасштабных этнических перегруппировок и миграций, а как погребения, отражающие процесс родоплеменной дифференциации внутри массива финно-угорского оседлого населения лесного и лесостепного Приуралья. Если и можно говорить о разнотураевских перемещениях в процессе формирования подобных военизированных дружин, то лишь как о внутренних миграциях в пределах бассейна Камы. Трудно сказать, была ли втянута данная часть военизированного населения в походы гуннской орды или ей вменялось защищать юго-западные рубежи своего этноплеменного объединения от гуннов, славян-именьковцев, готов и других племен в период бесчисленных военных кампаний эпохи Великого переселения народов, однако необходимость в подобных формированиях была очевидна. Схожие социально-политические процессы в данное и последующее время происходили и в среде многих народностей Восточной и Западной Европы. Поэтому предметы вооружения и защитного доспеха не могут выступать как этномаркирующие элементы, так как они в большей мере отражают лишь торгово-коммуникационные возможности того или иного населе-

ния. Достаточно вспомнить оснащение русских дружинников, у которых наряду со степными-кочевническими типами вооружения (сабля, колчанный набор, типы копий, булавы, кистеней) имелись каролингские и романские мечи, особые виды западноевропейского доспеха и др.

Еще один весьма важный аспект, безусловно, связанный с гуннской историей в пределах евразийского пограничья. Это памятники так называемой кавказской гуннии в Дагестанском Прикаспии (по Л. Б. Гмыре [1993; 1995; 2002]).

С археологической историко-культурной стороны он имеет весьма важное своеобразие. В результате анализа материалов конца IV–VIII вв. с территории Прикаспийского Дагестана, сделанного Л. Б. Гмырей, установлено, что абсолютное большинство погребальных комплексов совершены в грунтовых (Верхнегирюртовский I, Таргунский, Джемикенский, Манасский, Утамышский, Кухур-оба и др.) и подкурганых (Паласа-Сыртский) катакомбах — 63%. Различной конструкции (сооружения в торцевой или продольной стенках входной ямы или имеющие узкий дромос, идущий к боковой стенке) погребальные камеры. Форма катакомб обычная овальная, хотя есть прямоугольные, овально-вытянутые, трапециевидные. Часть погребений было совершено в простых (13%) или подбойных (8%) могильных ямах. И еще одну примерно равную группу составляли погребения в склепах, каменных гробницах и ящиках (10,7%) (рис. 70) [Гмыря, 1995. С. 295–302].

В целом наблюдается неустойчивая ориентировка погребенных как в катакомбных, в простых и подбойных ямах, а также в склепах и ящиках (Верхний Чирют, Джемикент I, Буйнакс — С, СЗ; Урцекский I, II, Бавтучай — З). Однако определенное преобладание ориентировки сохранившихся погребений и ранней и поздней групп усматривается в южный сектор: юг, юго-запад, юго-восток (Паласа Сырт, Ярыксу I, Сулакский Кузур Оба III, Дагогниский, Бавтучай, Таргу, Урцекский I–II. Фактически аналогичное разнообразие в погребальной обрядности мы наблюдаем и в комплексах гуннской эпохи (V–VI вв.), хорошо известных на территории Центрального и Северо-Западного Предкавказья (Мокрая Балка, Дюрсо, Лермонтова Скала 2, Кугул, Байтал Чапкан, Пятигорк, Мирный 1, Кисловодск, Бермамут и др.) (рис. 70). К этому же числу, вероятно, есть смысл отнести и уже упоминаемое погребение Кишпек из Карачаево-Черкессии (рис. 63, 1–7, 14–16, 19–22, 25–27, 34). Отличие этих групп состоит, вероятно, в большем богатстве и «милитаризованном» (наличие большого числа вооружения и конской узда), характере центрально-предкавказских комплексов (рис. 70, 7, 8, 30, 75–77, 117–119, 156, 235, 282–286, 303, 304, 351–353) [Kazanski, Mastikova, 1999].

С формальной точки зрения, археологические критерии не позволяют представить материалы однозначно связать с хунно-гуннским ИКК. Некоторый гуннский облик придают наличие черепной деформации, номенклатура и типологическое сходство вещевого комплекса (конская узда с накладками-зажимами, прямоугольные, восьмерковидные, круглые накладки с кольцевой подвеской, пряжки с округлым овальным, подпрямоугольным подвижным щитком, мечи с прямым перекрестием и дисковидным каменным навершием, обязательное наличие фибул, зеркал, керамики, четырнадцатигранных бус) (рис. 70, 88, 107, 124, 134, 163, 168, 180, 191, 207, 222, 223, 227, 261, 265, 296, 319, 330, 331, 333, 334, 361, 362, 377–379, 381). Однако наличие их скорее отражает некий флер гуннской эпохи или гуннского культурного влияния. В большей мере рассматриваемые комплексы находят свое явное сходство с алано-кангюйским ИКК Средней Азии, рассмотренные нами выше. На эти параллели вслед за другими исследователями этих памятников указывает и Л. Б. Гмыря [Абрамова, 1970. С. 94; Габуев, 1986. С. 20; Гмыря, 1995. С. 303].

Однако многочисленные письменные данные позднеримских, сирийских, армянских, арабских и других источников указывают на то, что данные территории в гунн-

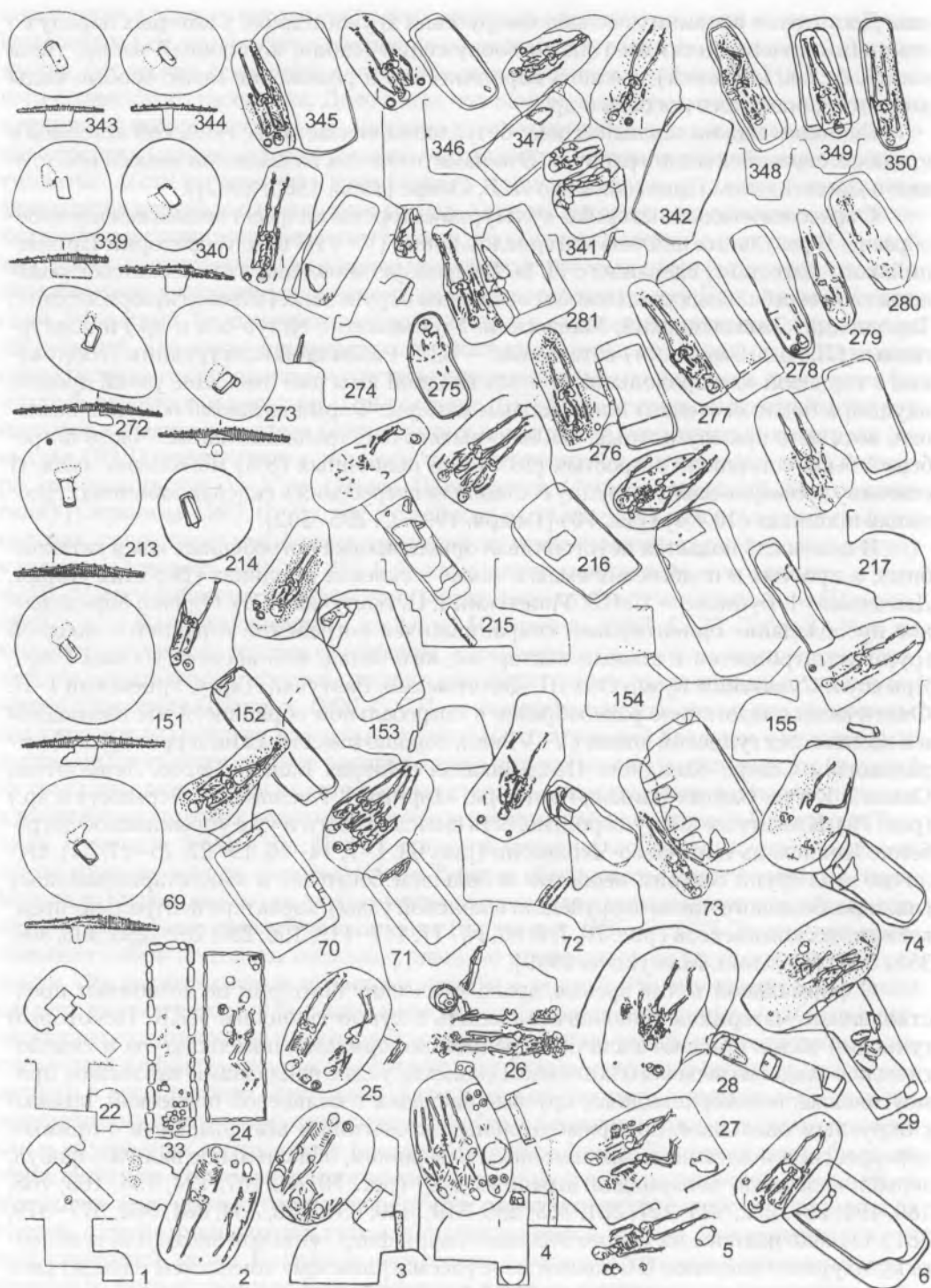
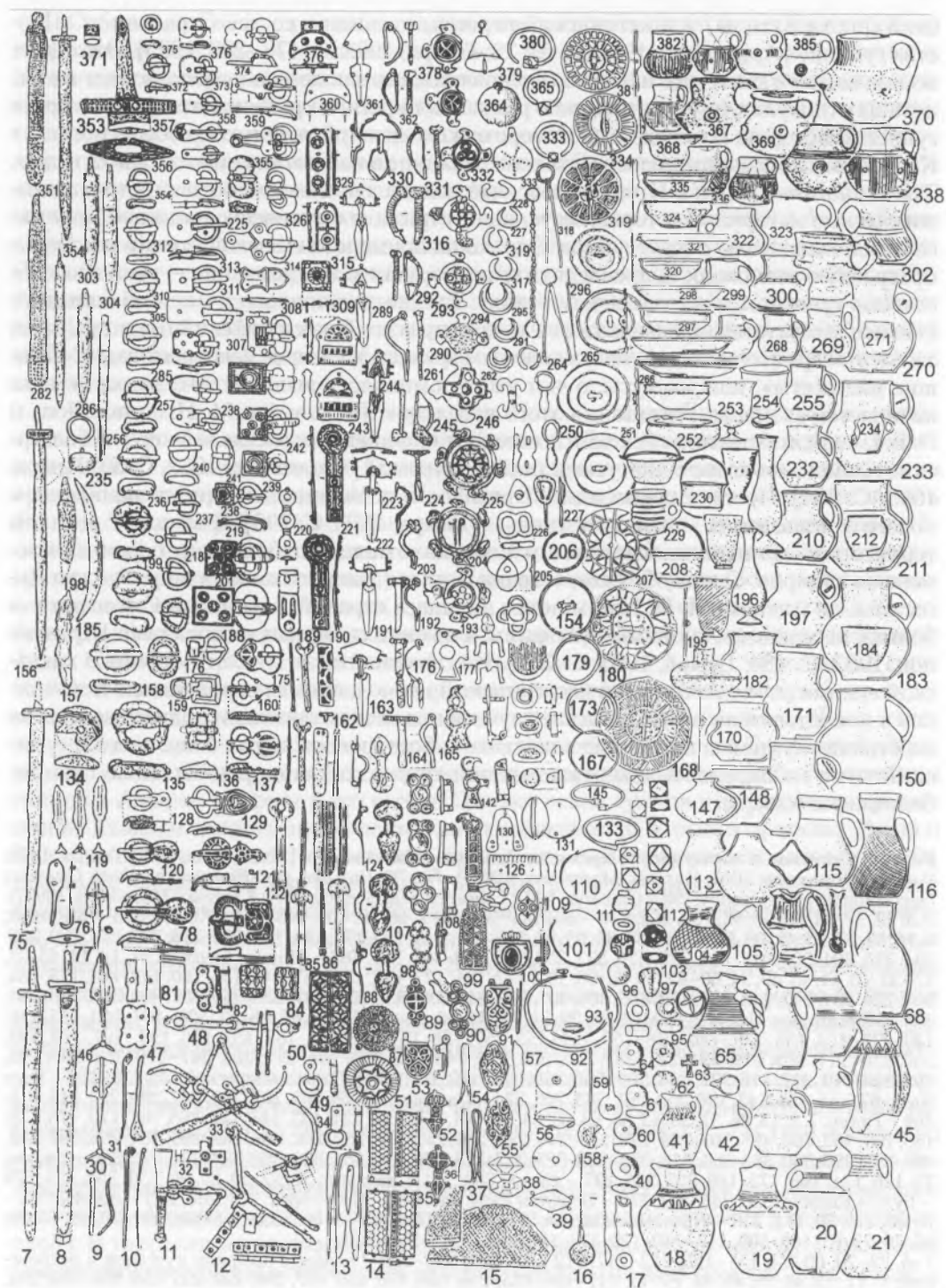

Рис. 70. Гунское и постгунское время на Северном Кавказе (по: [Магомедов, 1983; Гмыря, 1993; Гмыря, Магомедов, 2007; Kazanski, Mastykova, 1999]). Fig. 70. Hun and post-Hun time on North Caucasus (according to: [Magomedov, 1983; Gmeerya, 1993; Gmeerya, Magomedov, 2007; Kazanski, Mastykova, 1999])

ский (эпоха Аттилы) и постгуннский периоды входили в состав Страны или «Царства гуннов» [Артамонов, 1962. С. 53, 72; Гмыря, 1993. С. 178–283; 1995]. Этот факт весьма важен в контексте нашего исследования, так как по-особому позволяет взглянуть на этнокультурную ситуацию в рамках конкретного региона, втянутого в ареал гуннской истории. В определенной мере она схожа с той, что имела место в пределах Карпатской котловины непосредственно накануне и на протяжении «эпохи Аттилы». Там аналогично, как и в Предкавказье, наблюдается чрезвычайная пестрота в археологическом материале, которая, безусловно, отражала и этническое многообразие населения, вошедшего в союз гуннов. Однако на примере кавказской гуннии мы имеем прекрасную возможность проследить трансформацию этноназвания — гунны на собственно гуннском и постгуннском этапах. Так, по устоявшемуся мнению большинства исследователей, предкавказские, и, прежде всего Прикаспийский Дагестан, были заселены сармато-аланским населением (с I века н. э.), которое носило название «бывшие массагеты», или маскуты, о чем уже упоминалось выше. В 90-х годах IV века начинается активная гуннизация этого населения. По мнению М. И. Артамонова и Л. Б. Гмыри, собственно гуннский компонент на этом этапе составляли гунно-болгарские племена во главе с аногурами (хайландурами) [Артамонов, 1962. С. 53; Гмыря, 1993. С. 304]. Процесс гуннизации отразился в письменной традиции появлением нового этноназвания — «массаха-гунны» [Гмыря, 1993. С. 305]. С начала V века эти территории были заняты близким в этническом отношении болгарам — барсилам племенами савилов. Таким образом, «страна гуннов», расположенная в прибрежье Дагестана, по мнению М. И. Артамонова, являлась страной Барсилией или царством болгар, населенным гуннами-болгарами, а именно савирами и барсилами [Артамонов, 1962. С. 184; Гмыря, 1993. С. 282]. Из сказанного следует, что, говоря о какавказской гуннии эпохи Аттилы и в постгуннский период, авторы нарративных источников и исследователи в большинстве случаев под ее насельниками подразумевают не собственно гуннов, а население аланского и болгарского круга, вошедшего в гуннский союз на определенном этапе: массаха-гунны, хайландуры, барсилы, савиры, беленжеры, хазары.

Рис. 70. Гуннское и постгуннское время на Северном Кавказе (по: [Магомедов, 1983; Гмыря, 1993; Гмыря, Магомедов, 2007; Kazanski, Mastikova, 1999]). *Fig. 70. Hun and post-Hun time on North Caucasus* (according to: [Magomedov, 1983; Gmeerya, 1993; Gmeerya, Magomedov, 2007; Kazanski, Mastikova, 1999]). 1, 5, 22, 27, 44, 89, 90, 93, 193, 252, 370 — Байтал Чапкан; 2, 18, 19, 108, 143, 164, 173, 333, 385 — Мирный; 3, 16, 25, 37, 47, 48, 58, 59, 80, 81, 83, 84, 95, 97, 125, 141, 142, 165, 177, 181, 187, 200, 218, 223, 224, 230, 249, 294, 295, 301, 302, 311, 314, 323, 326, 332, 352, 353, 358, 367, 371, 382 — Мокрая балка; 4, 11, 12, 14, 15, 21, 32–35, 40, 41, 45, 49, 54, 60–62, 79, 82, 96, 103, 112, 121, 127, 128, 136, 137, 146, 156, 160, 162, 168, 175, 184, 208, 220, 231, 242, 243, 260, 288, 305, 306, 307, 309, 315, 329, 330, 336, 337, 338, 356, 357, 360, 366, 383, 384, 386 — Лермонтова Скала 2; 6, 9, 10, 28, 29, 31, 42, 64, 66, 69–74, 78, 85, 86, 88, 92, 104–107, 113, 115, 116, 120, 122–124, 135, 138–140, 148–150, 151–155, 157, 158, 161, 169, 171, 182, 183, 186, 190, 197, 198, 199, 206, 210–217, 239, 219, 221, 227, 232, 233, 234, 236, 245, 248, 250, 255, 257, 263, 267–279, 281, 280, 285, 292, 299, 310, 312, 316, 331, 334, 339–350, 362, 372, 375, 377, 381 — Паласа-Сыртский; 23, 229, 254 — Узун Коль; 67, 114, 133, 145, 196, 253, 261, 283, 296, 324 — Санино; 24, 178, 203, 207, 222, 247, 290, 293, 318, 319, 364 — Гиляч; 7, 8, 13, 26, 37, 38, 43, 56, 63, 65, 68, 94, 101, 102, 110, 131, 132, 144, 147, 163, 167, 170, 176, 179, 185, 191, 192, 194, 195, 202, 209, 228, 235, 240, 241, 244, 251, 256, 259, 262, 264, 265, 266, 284, 286, 287, 289, 291, 297, 298, 300, 303, 304, 313, 320–322, 325, 327, 328, 335, 359, 361, 365, 368, 373, 374, 376, 380 — Дюрсо; 75, 126, 134, 166, 172, 189, 205, 226, 237 — Кугул; 282, 351 — Зарачий; 36, 52, 50, 87, 99, 159, 354, 355, 379 — Булум Кидинетово; 246, 363, 378 — Верхняя Руза; 188, 317 — Пятигорск; 201, 204, 225 — Джигит; 98 — Кумбулта; 20, 111, 238 — Протиноокская; 17, 39, 51, 130, 369 — Кисловодск-Бермамут; 30, 46, 53, 55, 57, 76, 77, 91, 100, 109, 117–119, 129, 174, 180, 258, 308 — Чир Юрт. 1–6, 22–29, 69–74, 151–155, 213–217, 272–280, 281, 339–350 — планы и профили курганов и погребений; 7–11, 13, 30, 31, 46, 48, 75–77, 117–120, 135, 136, 156, 157, 185, 187, 198, 199, 235, 256, 258, 283, 284, 303, 304 — железо; 12, 35, 282, 351–353, 356–357 — железо, золото, серебро, бронза; 14–16, 32–34, 36, 37, 39, 44, 47, 49–55, 57–59, 63, 78, 79, 80–93, 98–101, 107–110, 121–126, 128–134, 137–145, 158–168, 172–180, 186, 188–194, 200–208, 218–228, 230, 234, 236–251, 257, 259–265, 285–287, 289–296, 305–319, 325–334, 354, 355, 358–365, 371, 372–381 — металл (бронза, серебро, золото); 17, 38, 40, 41, 56, 60–62, 64, 94–97, 102, 103, 111–113, 127, 146, 195, 209, 253, 254, 288 — стекло, камень; 18–21, 42, 43, 45, 65–68, 104–106, 114–116, 147–150, 169–171, 181–184, 196, 197, 210–212, 229, 231–233, 252, 255, 266–271, 297–302, 320–324, 335–338, 367–370, 382–385 — керамика

Собственно этот сложнейший конгломерат иранского и тюрко-угорского этносов впоследствии и составил население Болгарского и Хазарского каганатов. На наш взгляд, северокавказские материалы достаточно ярко иллюстрируют процесс этнополитической интеграции гуннского союза, когда само название «гунны» становится собирательным и распространяется на все кочевое и полукочевое население, втянутое в нашествие в качестве союзников. Впоследствии эта традиция прочно закрепляется и в письменных источниках, когда гуннами длительное время назывались фактически все кочевые племена варваров, находившиеся в поле зрения информаторов письменных цивилизаций. Подобное ранее уже происходило с этноназваниями — саки, скифы, сарматы и др. Что же касается непосредственно постгунских болгаро-хазарских культурных трансформаций, происходивших в пределах Предкавказья и отразившихся в археологических материалах, то они в большей мере будут важны как процессы маркирующие следующую раннетюркскую эпоху в евразийских степях.

Подведем краткий итог этого раздела. Исход гуннской орды из урало-казахстанских степей в последней четверти IV века (380 г.) на какой-то период делает этот регион слабо заселенным. Степные гунно-сарматские некрополи повсеместно прекращают свое существование в III–IV вв. В целом сегодня можно привести чуть более десятка погребений с территорий урало-казахстанских и восточно-европейских степей, которые однозначно связывают с памятниками гуннского историко-культурного комплекса: Владимировка; Переполовенка; Верхне-Погромное; Шипово, курганы 2, 3; Большой Токмак, курган 1, погребение 1; Ленинск, курган 3, погребение 12; Энгельск, курган 36, погребение 2; Ташкирменский погребение 1; Кызыл-Адыр; Караагач; Аркаим погребение, Канаттас; Каменный Амбар, курганы 4, 5 (рис. 68, II). В пределах современных датирующих возможностей они могут быть перемещены в рамки собственно гуннского и постгуннского этапа V–VI вв. Факт малочисленности гуннских археологических памятников в пределах Срединной Евразии является объективным подтверждением исторических сведений о вторжении гуннов в Аланию и Крым в это время. Однако исход гуннов в западном направлении не являлся единственным вектором их движения. В V веке в пределах Урала и Казахстана возникают два очага гуннских и постгуннских памятников. Наиболее мощный из них находился в низовьях Сырдарьи, где с V века начинает функционировать подавляющее большинство некрополей джетыясарской культуры. На севере в месте слияния рек Уфа и Белая в этот же период появляются первые некрополи турбаслинской культуры. К этому же кругу относятся погребальные комплексы Коминтерновского II могильника, расположенного в месте впадения Камы в Волгу. Каковы основания, позволяющие нам столь уверенно связывать приведенный выше круг памятников с гуннским историко-культурным комплексом?

На наличие в турбаслинских материалах множества черт хуннского, гунно-сарматского и джетыясарского ИКК нами неоднократно указывалось в различных работах [Боталов, 2000. С. 281–286; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 177–180]. Особенно ярко черты гунно-сарматского комплекса демонстрируют наиболее богатые погребения культуры, расположенные на территории города Уфа (территория медицинского института, Академического театра, по улицам Пушкина, Тукаева, Социалистической). В турбаслинских, как и в гунно-сарматских комплексах, наряду с простыми земляными насыпями, встречаются склепы. Могильные ямы простые, подбойные, с заплечиками и нишами, имеются деревянные гробы, преобладает северная ориентировка погребенных, фиксируются случаи черепной деформации. Одинаков состав категорий вещевого инвентаря для мужских и женских погребений, схожи отдельные типы керамики, ременной гарнитуры, конской упряжи, украшений (серьги-лунницы, браслеты, подвески) [Сунгатов, 1998. С. 46. Рис. 3; С. 54. Рис. 5, 1–3;

С. 64. Рис. 9, 1–5; С. 68. Рис. 19; С. 93, 108]. Безусловно, типологически турбаслинский вещевой комплекс представлен особыми, не схожими с гунно-сарматскими (позднесарматским) категориями, так как эти памятники, хотя и единокультурны, но относятся к разным временным периодам (II–IV вв., V–VIII вв.). В этой связи весьма показательно сходство турбаслинских, Комитерновского II и джетыасарских погребальных комплексов, проявляющееся не только в близости типов вооружения (двулезвийные широкие мечи, кинжалы), ременной гарнитуры, фибул, зеркал и украшений, но и отдельных типов, особенно гончарной, керамики (рис. 68) [Сунгатов, 1998. Рис. 2; Рис. 3; 5, 1–10; 8–11; Казаков, 1996. Рис. 3, 13, 14, 17; 4, 16; 5, 1–24, 27; 1998. Рис. 6, 15, 16; 12, 1, 2; 13, 16; 14, 13, 14; 16, 1, 2, 11; 19, 1; 23, 5–8; 25, 12, 20, 23, 24; 30, 1–5; 32, 1, 29; 33, 19; 34, 1–12; 36, 1–25; Левина, 1996. Рис. 70, 77, 83; 85; 86; 92; 97; 119; 123, 124; 125; 126; 129–141; 144]. Думается, эта близость объясняется, в значительной мере, едиными истоками формирования культур населения, оставившего данные памятники. Подтверждением этому служит и наличие в комплексах обеих культур специфических культовых предметов металлопластики. Речь идет о коньковых подвесках и антропоморфных мужских фигурках. Чрезвычайно близки и халцедоновые печатки этих культур [Сунгатов, 1998. Рис. 5; 15–17, 19, 20, 14, 13; Казаков, 1996. Рис. 3, 11, 12; 1998. Рис. 9, 12; 14, 11, 12; Левина, 1996. Рис. 161, 162, 169].

Существование мощных очагов гуннской культуры в период походов Руги и Аттилы и в постгуннское время наводит на мысль, что переселение гунносарматского населения из урало-казахстанских и волго-донских степей в оазисную зону Сырдарьи, Кувандарьи и Жандыдарьи, а также лесостепные районы Поволжья, Приуралья и Зауралья, где появляются наиболее поздние гунносарматские памятники типа Байрамгулово и Малково, а также западный исход гуннской орды вначале в Причерноморье, а затем в Паннонию, был вызван не только благоприятными внешнеполитическими условиями. Вероятнее всего, аридизация и опустынивание прикаспийских и урало-казахстанских степей в IV веке (по данным И. В. Иванова) [Хабдуллина, Зданович, 1984; Таиров, 2003. С. 36] вынудило гуннов искать более удобные для жизнедеятельности экологические ниши. Остается не совсем понятным один вопрос: произошло ли гуннское переселение непосредственно из степных районов Урала, Казахстана и Поволжья, или новые зоны обитания осваивались ими после возвращения из западных походов? Наличие в турбаслинских и джетыасарских комплексах предметов западного происхождения (поясная гарнитура, пластинчатые пятипалые и беспалые фибулы, сульгамы, бусы, подвески) в отличие от гунно-сарматских, где еще бытуют предметы китайского происхождения, в определенной мере вынуждает нас склониться ко второму предположению. В этой связи следует отчасти признать правоту Ф. А. Сунгатова, писавшего о юго-западных (волго-донских) истоках турбаслинской культуры [Сунгатов, 1995. С. 19–22; 1998. С. 110]. Однако при этом не стоит забывать, что западные контакты гуннов начинаются еще на самом раннем этапе, во II–начале IV века. Подтверждение этому мы находим на страницах письменных источников (Периегет, Птолемей, Атафангел, Фавстот Бузанд), в которых гунны упоминаются в Предкавказье и Причерноморье и участвуют в аланских походах в Закавказье в период до эпохи Аттилы [Известия древних писателей... С. 185, 18; Гмыря, 1995. С. 47; Яценко, 1993. С. 85]. Это отразилось не только в наличии в гунно-сарматских материалах изделий позднеантичного и готского происхождения [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 173], но и, вероятно, в кардинальном изменении внешнего облика гунно-сарматского населения. Повсеместное внедрение фибул как причерноморского, так и местного происхождения (с пластинчатым приемником и завитком на конце) [Амброз, 1966] позволяет предположить, что, столкнувшись в Европе с аланским и позднеантичным населением, гунны быстро переняли основные каноны «европейской моды». Культурологически это объясняется

тем, что, попав в новые условия и окружение, любой социум или этнос для ускорения адаптации вынужден мобильно перенимать новые культурные традиции. В этой связи заметим еще один интересный факт. Наиболее восточным пределом распространения европейских фибул, а следовательно, и традиций верхней одежды, является район, занятый населением джетысарской культуры. По нашему убеждению, джетысарское население наиболее вероятно можно связывать с союзом племен «белых гуннов» или эфталитов.

В целом процесс гуннских и постгуннских геокультурных трансформаций нам представляется следующим образом. Если предположить, что гуннские и постгуннские памятники появляются после возвращения основной части орды из Европейского похода, то причины освоения гуннами новых зон обитания лежат не только в плоскости экологических изменений, произошедших в степной полосе. Отрыв от своих основных пастбищно-кочевых провинций в период походов, вероятнее всего, существенно повлиял на изменение кочевого уклада жизни гуннского общества, что уже отмечалось отдельными авторами [Плетнева, 1982. С. 44–47; Засецкая, 1994. С. 154]. Привыкшее жить за счет военных трофеев, торговых поборов и мздоимства, новое поколение гуннской орды родовым землям, расположенным в зоне полупустынной степи, предпочитает территории, позволяющие контролировать не только население прилегающих земледельческих регионов, но и торговые пути. В этой связи появление гуннов-турбаслинцев и кочевников, оставивших Комитерновский II могильник глубоко в лесостепи, но в стратегически важных местах слияния самых больших водных артерий региона — рек Белая, Уфа, Кама и Волга, — вполне закономерно. Это же обстоятельство обуславливает возникновение мощного кочевого союза в дельте Сырдарьи. Консолидированная и закаленная в европейских походах орда «белых гуннов» оседает в этом ключевом районе в непосредственной близости от столь могучего соседа, коим в то время было государство Кангюй. Это обуславливается давними и прочными союзническими отношениями гуннов-хуннов и Кангюй со времен первых походов Чжи-Чжи в Среднюю Азию (49 г. до н. э.) [Материалы по истории сюнну, 1973. С. 39, 120–124] до исхода северных хунну из Восточного Туркестана (151 г. н. э.) [Мандельштам, 1978. С. 24]. Да и, вероятно, последующее проживание ранних гуннов (II–IV вв.) на территории степной зоны страны Янзй или Судэ Янцзй, граничащей на юго-востоке с Кангюем и Канном, не могло быть стабильным без союзнического протектората со стороны могущественного аланского соседа. Собственно, и все последующие походы гуннов-эфталитов в Пенджаб, Уструшану, Согд и Гурган совершались от имени и при поддержке могучего покровительства правителей Кангюя [Кондратенко, 1994. С. 34–38], остро нуждающихся в столь мобильном и грозном союзнике, коими являлись гунны-эфталиты.

Вероятно, была еще одна причина, по которой гунны не могли беспренятственно вернуться в волго-донские и урало-казахстанские степи. По данным письменных источников (Приск Панийский), в 463 году в Причерноморье вторгаются огуры (уроги), сарагуры и оногуры, которые, по мнению С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова, составляли союз раннеболгарских, тюрко-телеских племен, обитавших до того момента в лесостепной зоне Восточного Казахстана и Западной Сибири [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 63; Исхаков, Измаилов, 2000. С. 14]. К концу V века огурский союз становится главенствующей силой в Причерноморье и северокавказских степях [Гадло, 1979. С. 58–59].

Глава 5

РАННИЕ ТЮРКИ (ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА)

Для того чтобы рассмотреть возможные направления в сложении традиций, составляющих тюркский историко-культурный комплекс, вероятно, необходимо обратиться к истокам культуругенеза общепринятых ареалов тюркоязычных кочевников. И здесь необходимо заметить, что на исходных рубежах своей предыстории древние тюрки весьма тесным образом были связаны с судьбами сюннов-хуннов. Хотя это совсем не означает прямую генетическую преемственность, так как очаги их культуругенеза были удалены на тысячи километров. Выходят эти этносы на историческую арену в конце III—начале II века до н. э. Среди народов, покоренных шаньюем Модэ на западе, упоминаются гянгуни [Материалы по истории сюнну, 1968. С. 41]. По мнению С. Е. Яхонтова, этноним гянгунь есть фонетический вариант этнонимов цигу, гэгү, хэгусы, хагасы, кыргыз [Яхонтов, 1970]. Как следует из логики исторического развития — племя кыргыз является одним из древнейших тюркских племен Центральной Азии. Сложение пракрыгызской — таштыкской культуры многими авторами связывается с миграцией части гянгуньского населения в Минусу из верховий Енисея в 49 году до н. э., что отразилось в письменных источниках, указывающих: «Хагас есть древнее государство гянгунь. Жители (которого) перемешались с динли-нами» [Бичурин, 1950. С. 350; Киселев, 1951. С. 581; Кызласов, 1960. С. 164–165].

Кто же такие гянгуни? Где их первоначальная территория расселения?

§ 1. Гянгуни и ашины. Отвечая на поставленные вопросы, мы фактически берем на себя смелость выявления территорий расселения и палеокультурных особенностей пратюркского ядра. В предыдущих главах, касаясь этих вопросов, мы несколько гипотетично аргюю помещали гянгуней в пределы Восточного Туркестана. Попытаемся аргументировать это предположение.

До недавнего времени существовали различные точки зрения, основанные главным образом на данных письменных источников, о местоположении тюркской прародины в Саяно-Алтае, Восточном Туркестане или Северо-Западной Монголии [Могильников, 1981. С. 29–34; Кызласов, 1979. С. 140; Гумилев, 1992. С. 26–37; Кюнер, 1961; Боровкова, 1992. С. 90–93]. Последняя зона локализации пратюркского ядра, на наш взгляд, кажется менее вероятной, несмотря на то, что наряду с памятниками скифского и хуннского времени [Новгородова, 1989; Коновалов, 1985. С. 43–44; Цэвэндорж, 1985] здесь обнаружен огромный массив культово-поминальных памятников тюрков-тюгю [Войтов, 1996]. Однако, как и все памятники этого рода, данные комплексы трудно поддаются точному датированию. Как отмечает основной их исследователь В. Е. Войтов, большая часть этих комплексов появляется здесь в самом конце VI века [Войтов, 1996. С. 23]. А знаменитые погребальные памятники с образцами древнетюркской письменности (Кюл-Тегину, Могилян, Кули-Чуру и др.), расположенные в бассейне реки Орхон, относятся, как известно, к самому финалу существования II Тюркского каганата — конец VII–VIII вв. [Малов, 1959]. Нельзя в этом смысле согласиться с авторами, представляющими тюркский этногенез как прямую линию развития от сюннов к тюркам [Викторова, 1980. С. 123; Джафаров, 1986. С. 28]. Учитывая существенное различие в облике материальной культуры первых и вторых, вероятно, следует говорить лишь об определенных заимствованиях, которые, безус-

ловно, существовали в языковом и общекультурном плане, как это бывает у контактирующих этносах.

Таким образом, говоря о реальных зонах локализации пратюркского очага, умнее ограничиться районами Восточного Туркестана, а также предгорий и плоскогорий Алтая, южных предгорий Саян. С одной стороны, это обуславливается сложными естественно-климатическими условиями в степях Центральной Азии, о чем говорилось выше. С другой, следует принять как реальность тот факт, что в подавляющем большинстве тюркскую археологию составляют материалы из комплексов Алтая, Тувы и Хакаско-Минусинской котловины. Однако, как нам сегодня представляется, эти территории все-таки были вторичными по отношению к Джунгарским степям, Тяньшаньским и Алтайским предгорьям Восточного Туркестана.

Прежде чем приступить к характеристике южносибирских тюркских ареалов, попытаемся по имеющимся материалам обосновать приоритетность восточно-туркестанского региона в тюркском культурогенезе.

Исходным аргументом нашего рассуждения является то, что, вероятнее всего, начало легендарной истории основного родового ядра тюрков-ашинов фиксирует их в непосредственной близости от границ государства Гаочан, которое располагалось к этому времени в пределах юго-восточного Туркестана.

Благодаря довольно убедительным исследованиям Л. А. Боровковой, места расселения тюркских родов на раннем этапе и даже в начальный период существования I Тюркского каганата, вероятнее всего, следует искать в этом же районе Восточного Туркестана — к северо-востоку от Турфанского оазиса (предгорья Карлыкдага) [Боровкова, 1992. С. 90–108]. Ею было обращено внимание на явное несоответствие китайского названия горы Цзиньшань (Золотая гора), у южного подножия которой в середине V века расселились роды Ашинов, с монгольским названием Алтай, появившимся позднее. Дело в том, что с легкой руки первых переводчиков и исследователей китайских источников, упоминающих о тюрках, изначально было допущено ошибочное трактование горы Цзиньшань как монгольского и даже русского Алтая. Эта традиция закрепилась во всех последующих работах. Л. А. Боровкова, на наш взгляд, совершенно права, указывая, что, принимая данную интерпретацию непонятно как тюрки, находясь на расстоянии тысяч километров (Монгольский Алтай), могли так мобильно участвовать в событиях в стране жуаней, гаочанов, телесцев и вэйского Китая [Боровкова, 1992. С. 94–95]. Очевидно, что ставка тюркских каганов вплоть до разделения каганата на западный и восточный оставалась в непосредственной близости к северо-востоку от Турфана. На Восточно-Туркестанскую прародину косвенным образом указывают и данные усуньских и тюркских генеалогических преданий. Ю. А. Зуев, анализируя тексты легенд о происхождении усуней, пришел к выводу о том, что они в своих повествованиях содержат элементы и персонажи практически сходные с генеалогической легендой об ашинах.

Ашины — этноним, с которым неразрывно связан самый ранний период древнетюркского этногенеза. Вокруг этой родовой династии собственно и была объединена и сцементирована империя тюрков. Вопросы определения этнолингвистических корней этого этнонима весьма подробно проанализированы в работах Ю. А. Зуева. По его мнению, первое известие о племени а-ши-на было получено китайцами через монголоязычных жуань-жуаней (аваров) в V веке н. э. Попытки исследователей найти аналоги этому термину в тюркской лексике ни к чему не привели. Ю. А. Зуеву представляется более правильным искать их в той же монголоязычной среде, через которую в глубокой древности и прошел термин а-ши-на. Таким эквивалентом должен быть термин аошина — один из монголизированных вариантов этнонима *уйсун*. Так назывался один из усуньских родов Ордосских монголов в Мэнгу юаньлю цянньжен [Зуев, 1960. С. 121].

Ассоциация с усунями неизбежно возникает и при разборе этого слова и сопоставлении его с хотако-сакским *asana* «синий», «небесный», представляющим несомненный вариант этнонима *асман*, скрывающегося под транскрипцией *усунь*. Правомочность данного сопоставления надежно поддерживается текстами древнетюркских рунических надписей, в которых династийные тюрки каганата обозначены термином *kok* «синий», «небесный», являющимся калькой разнообразных *асман* и *амана* (ашина) [Зуев, 1967. С. 9–10].

С. Г. Кляшторный склонен видеть в качестве вероятного прототипа имени Ашина сакское *asana* «достойный», «благородный», отраженное в агнийском и кучанском *asam* [Кляшторный, 1964. С. 111–112]. По всей видимости, окончательное решение этого вопроса впереди. Однако, на наш взгляд, весьма вероятно, что и *усунь*, и *ашин* — производные от сакского *асана*, что еще раз указывает на их историческое единство, обусловленное длительным проживанием в непосредственной близости друг от друга.

В дополнение к сказанному напомним еще два факта. По китайским источникам, местом наиболее древнего первоначального жительства усуней (*у-ши*) до их переселения на *Цилян-шань* были современные уезды *Пинлян* и *Гуюань* в *Ордосе*. Достоверность этого известия подтверждается древнейшей ашинской легендой, по которой предки *а-ши-на* произошли от смешанных гуннских родов, прежде кочевавших в *Пинляне*. Этот район является южной границей *ушанского* знамени во *Внутренней Монголии* [Зуев, 1960. С. 123–124].

Основания для сопоставления усуней и ашин содержатся также в генеалогических легендах о происхождении усуней и ашин. Ю. А. Зуевым уже давно обращалось внимание на общность черт этих сказаний. Приводим полный текст сравнений.

Усуни

1. Летопись определяет древнее местонахождение усуней «между *Цилян*ем и *Дуньхуаном*».
2. Усуни представляли собой «малое княжество западной границы *сюнну*».
3. Усуни были разбиты соседними племенами *юэ-ди* и на их землях остался лишь новорожденный княжич.
4. На помощь младенцу пришли родовые тотемы усуней — волчица и ворон, которые спасли его от смерти.
5. Мальчик был унесен на восток, в ставку гуннского шаньюя, и воспитывается там. В усуньском предании духом является сам мальчик.
6. По прошествии нескольких лет между усунями и *юэ-ди* снова вспыхивает борьба, окончившаяся поражением последних.
7. Усуни перекочевывают на северозапад от прежнего местожительства, в *Семиречье*.
8. Здесь племя усуней обрело могущество и расширило свои территории. У

Ашины

- 1а. *А-ши-на* находилась на западе от *Сихай-Шара-нора*, т. е. в этом же районе.
- 2а. Во всех вариантах легенды *а-ши-на* являются обособившейся ветвью *сюнну*.
- 3а. *А-ши-на* были разбиты тоже своими соседями, после чего в живых остался один мальчик.
- 4а. Здесь мальчика спасает волчица. В самом предании ворон отсутствует, но этот пробел восполняется списком тамг, где приведена ашинская тамга — ворон.
- 5а. Мальчик и волчица, которую переносит дух, оказываются на востоке от *Шара-нора*, во *Внутренней Монголии*.
- 6а. Узнав, что мальчик жив, враждебный князь снова посылает войско уничтожить его и вместе с ним тотем-племя. Однако его замысел не удастся.
- 7а. Этот же путь проделывает *а-ши-на*. Ставка *А-ши-на* — *хэлу* находилась на *Таласе*.
- 8а. Это произошло и с племенем *а-ши-на*. Но здесь версия о десяти сыновьях

первого усуньского князя было десять сыновей.

искусственно привязана к факту существования десяти племен (он ок) западно-тюркского каганата.

Из этого сравнения видно, что и в тюркских генеалогических легендах присутствует волчица, которая спасает мальчика (прародителя). В усуньской легенде «небесный дух» или само «небо» присутствует также в виде птицы.

Известно, что среди тотемов ашина есть ворон. Общеизвестно, что Ворон — распространенный тотем в среде тюркских народов [Кляшторный, Лившиц, 1978. С. 57; Абрамзон, 1990; Мажитов, 1977. С. 130–131]. Таким образом, пересказанные Чжан Цянем и переданные в «Исторических записках», «Истории старшей династии Хань» предания «являются тюркской реализацией усуньского эпикогенеалогического материала, сохранившегося почти в нетронutom виде до VI в.». Они представляют ценность не только как литературный памятник усуньской эпохи, но и столь же ясно убеждают в мысли о том, что решение проблемы происхождения тюрков-ашин немыслимо без привлечения фактов из истории усуней [Зуев, 1960. С. 123; 1967. С. 5; Досымбаева, 1999. С. 21–22]. На общность происхождения тюрков-ашин и усуней, хотя и не бесспорную, указывает И. Д. Синор [Sinor, 1982. P. 252].

Весьма интересную интерпретацию генеалогических преданий дает А. П. Кондратенко. Он своеобразно интегрировал данные «Вэйшу», «Таншу» и «Синьтаншу» и спроектировал довольно стройную модель тюркского культурогенеза. По его мнению, основной облик этого процесса выглядит следующим образом: «Правитель Сэ (земли которого находились западнее Алтая) имел потомка по имени Ичжини-нишиду (это шаньюй Юйгудзянь, при котором произошел окончательный раскол северных хунну и уход их в Джунгарию (87–91 гг.). Древнее произношение иероглифов читается сходно с нидиду — *ngia-deio-diano*, родившегося от волчицы (хуннская княжна? Сравни позднейшее монгольское имя тюркского происхождения Бор-тэ, Боортэ, то есть «волчица»), у которого, в свою очередь, было две жены, дочь духа неба и дочь духа земли (?), от первой жены у него родились сыновья, один из них превратился в лебедя и улетел, другой, по имени Цигу, основал государство между реками Сору и Гянь, третий положил царство на берегу р. Чуси и четвертый, по имени Надулуше, жил в горах Бысычусима». По мнению автора, легенда говорит о реальных событиях: в первом случае речь идет о хуннском шаньюе Хуянь, иероглиф которого на древнетюркском читается как «*hugan*» — лебедь, поселился в Семиречье, во втором говорится о переселении части хуннов в Минусу, где возникает государство Гяньгунь, в третьем — появление «гусских тюрков» — государства Юэбань, и, наконец, в четвертом — миграции северных хунну на Алтай [Кондратенко, 1994. С. 28–29].

Таким образом, автор протраивает абсолютно прямую линию этногенеза от северных хуннов до ранних тюрков фактически во всех пределах тюркской ойкумены. Как следует из логики нашего предшествующего и последующего анализа, подобная прямолинейность, несмотря на необычайную повествовательную стройность (которая весьма характерна для аллегорической фабулы многих легенд), не находит подтверждения в культурологическом анализе археологических данных и не всегда стыкуется с собственно письменными источниками.

Приведенные выше параллели наводят на мысль о единых истоках, а, следовательно, и территориях формирования древнетюркского и древнеусуньского этносов. Как было уже упомянуто выше (см. глава 2, §. 4,3), большинство авторов сегодня склонны размещать усуней до их переселения в Семиречье в Юго-Восточном Туркестане (район оз. Баркуль), то есть опять же в непосредственной близости от восточного Турфана, где застает их ранняя история рода ашин. К сказанному следу-

ет добавить тот факт, что история усуней и тюрков-ашин неразрывно связана с этнонимом «гангунь», который сосуществует в одной исторической параллели с ранними усунями и предшествует появлению рода Ашин в пределах южноджунгарских степей. Следовательно, реконструкция гангюйского культурогенеза настойчиво требует вновь обратиться к процессам этнокультурных перемещений и трансформации в рамках Восточно-Туркестанского (Синьцзянского) региона. В различных разделах своей работы мы, так или иначе, прослеживали отдельные восточнотуркестанские импульсы, которые реконструировались как следствие тех или иных процессов, происходивших в Джунгарских степях и Тяньшаньских предгорьях Восточного Туркестана.

Коротко охарактеризуем основные этапы культурогенеза, происходившие в Синьцзянском регионе.

Наиболее древние перемещения в восточно-туркестанском регионе в рамках обозреваемого периода ознаменовались продвижением карасукского населения, участвовавшего впоследствии в формировании на западе памятников бегазы-дандыбаевского и тагискенского круга в X–VIII вв. до н. э. Восточный Туркестан стал транзитной территорией движения этого населения. На что указывают находки ярких образцов карасукской посуды в памятниках Куси и Куйжэк-байдэколае, а также бронзового инвентаря, относящиеся к концу II–началу I тыс. до н. э.

Западный вектор миграций из районов Южной Монголии и Северного Китая на начальном этапе раннего железного века также довольно хорошо просматривается на памятниках Синьцзяна. Так, С. А. Комиссаров склонен считать, что возникновение переходной культуры от эпохи бронзы к раннему железу Яньблан (XIII–VI вв. до н. э., Восточный Синьцзян) связано с общим перемещением населения с востока на запад, на что указывает массовое проникновение монголоидов в Западный край в данный период [Худяков, Комиссаров, 2002. С. 53]. На наш взгляд, дальнейшие судьбы племен носителей этой культуры тесным образом связаны с районами Сибирского Алтая, где с конца VI века до н. э. появляются памятники Кара-Кобинской культуры, удивительно схожие с яньбланскими (погребения в больших ямах с уступами, внутренней обкладкой или перекрытием, полускорченное положение умерших, наличие близких форм бронзовых ножей, а также сосудов: кувшины с высоким горлом, горшки с петлями и ручками, расписанные вертикальными волнистыми и эллипсовидными линиями). Вероятно, с восточным импульсом протосакского населения также связано возникновение раннекочевнической культуры чауху (чаухугоукоу, X–V вв. до н. э., Притяньшанье), хотя она, как известно, многокомпонентна по своему составу. Памятники, ее составляющие (Чаухугоукоу 1, 2, 4, Цюньбакэ № 1), наряду с другими раннесакскими комплексами VII–IV вв. до н. э. (Субаши, Шанхусян, Темуликэ, Алагоу и др.) демонстрируют то культурное многообразие саков Синьцзяна, на которое ранее уже указывал К. Дебен-Франкфор [1989]. На сакскую принадлежность вышеперечисленных комплексов указывают те многочисленные параллели в погребальном обряде (каменные выкладки-ограды, большие ямы с дромосом и уступом, западная и северо-западная ориентировка погребенных, грунтовые (дромосные) и наземные погребения, а также погребения в ямах с каменными выкладками и деревянным перекрытием), вещевом инвентаре (ножи с кольцевым навершием, черешковые трехлопастные и трехгранные бронзовые наконечники стрел, чеканы, бронзовые зеркала-медальоны с ушком для подвешивания, зеркала с валиком и длинной рукоятью, конская узда (стремчовидные удила и пронизки для перекрестных ремней сферической и зооморфной формы), а также отдельные типы керамического материала (сосуды грушевидной формы, небольшие кувшины с петлевидной ручкой, сосуды с носиком-сливом, кувшины бипризматической формы, миски), которые прослеживаются наиболее ярко с материала-

ми приаральских саков [Вишневская, 1973. С. 15, 5, 7, 9, 13–17, 24–26, 31–33. Табл. III, V–VIII, X–XIII, XXIII; Яблонский, 1996. Рис. 4, 8, 10, 12–15, 18, 22–27, 31–34].

Таким образом, в эпоху раннего железа Синьцзян становится своеобразным узловым регионом, через который пролегали все маршруты сакских миграций. На запад – движение древнесакского (тасмолинского) населения в Центральный Казахстан и Зауралье, а также саков Приаралья и Северного Тагискена, чуть позднее в Южный Казахстан, когда появляются комплексы (Иссык, Берккара), материалы которых имеют аналоги с Алагоу и другими сакскими комплексами Синьцзяна. На север и северо-запад — появление комплексов типа Чесноково I, Солонечный Белок, Машенка I (Алтай), позднее Локоть IV, Симбирка, а также миграции, которые приводят к формированию каракобинской культуры и особой (сакской) группы керамического материала в Большереченской культуре [Ситников, Шульга, 1995. С. 59–62; Троицкая, Бородовский, 1994. С. 74–76].

С началом гунно-сарматского периода, по всей видимости, завершается сложение союза усуней и гянгуней, которое происходит, по нашему мнению, также на территории Синьцзяна на единой протосакской основе. В этой связи представляется, что удивительная схожесть таких комплексов как Тимуликэ Субаши, Гунайсы и отдельных курганов культуры Чауху, относящихся к более раннему сакскому периоду (каменные округлые или кольцевые насыпи, простые и подбойные, часто облицованные и перекрытые камнем могилы, западная ориентировка умерших, близкие типы керамики и металлического инвентаря) (рис. 23), с более поздними усуньскими памятниками бассейна р. Или отнюдь не случайна. Гунно-сарматский период (II век до н. э. – II век н. э.) в Синьцзяне в большей степени представлен наиболее поздними курганными комплексами типа Чауху-3, а также погребениями из могильников Ярхато и Гуйнасы [Молодин, Кан Ин Ук, 2000. С. 89–100; Хэцзинсянь Чауху-гоукоу., 1997. С. 233–259]. Из наиболее важных черт, появляющихся в синьцзянских комплексах в данный период, выделяются – преобладающая восточная (реже западная) ориентировка погребенных, жертвенники из черепов и конечностей лошади, уложенных, как правило, в ногах погребенного, а также погребения с конем (рис. 71).

Этнокультурные процессы, происходившие в ключевом районе Восточного Туркестана, своеобразно проецировались на сопредельные районы Южной Сибири и Казахстана, бóльшая исследованность которых позволяет более точно реконструировать основные этапы культурогенеза в хуннский период.

Рассмотрим, какие последствия вызвали эти процессы в среде сопредельных культур Саяно-Алтая, охарактеризуем основные южносибирские ареалы накануне эпохи поздней древности, которая, вероятно, наступает с возникновением хуннской кочевой империи на рубеже III–II вв. до н. э. В предшествующее скифское время в Южной Сибири существуют три культурно-генетические области (ареалы): Алтай, Тува, Хакаско-Минусинская котловина. В культурно-историческом плане эти области сформировались сравнительно давно.

Северо-Западный Алтай. Памятники пазырыкской культуры (VI–III вв. до н. э.) обнаруживают достаточно устойчивые погребальные традиции:

- округлые небольшие насыпи, сложенные из камня;
- одиночные, в основном, погребения с конем в ямах, обложенных деревом (срубы);
- СВ–В ориентировка умерших;
- глиняная посуда отсутствует.

Данный историко-культурный комплекс устойчив как в территориальных (единые черты крайних восточных памятников уландрыкского типа), так и во временных рамках.

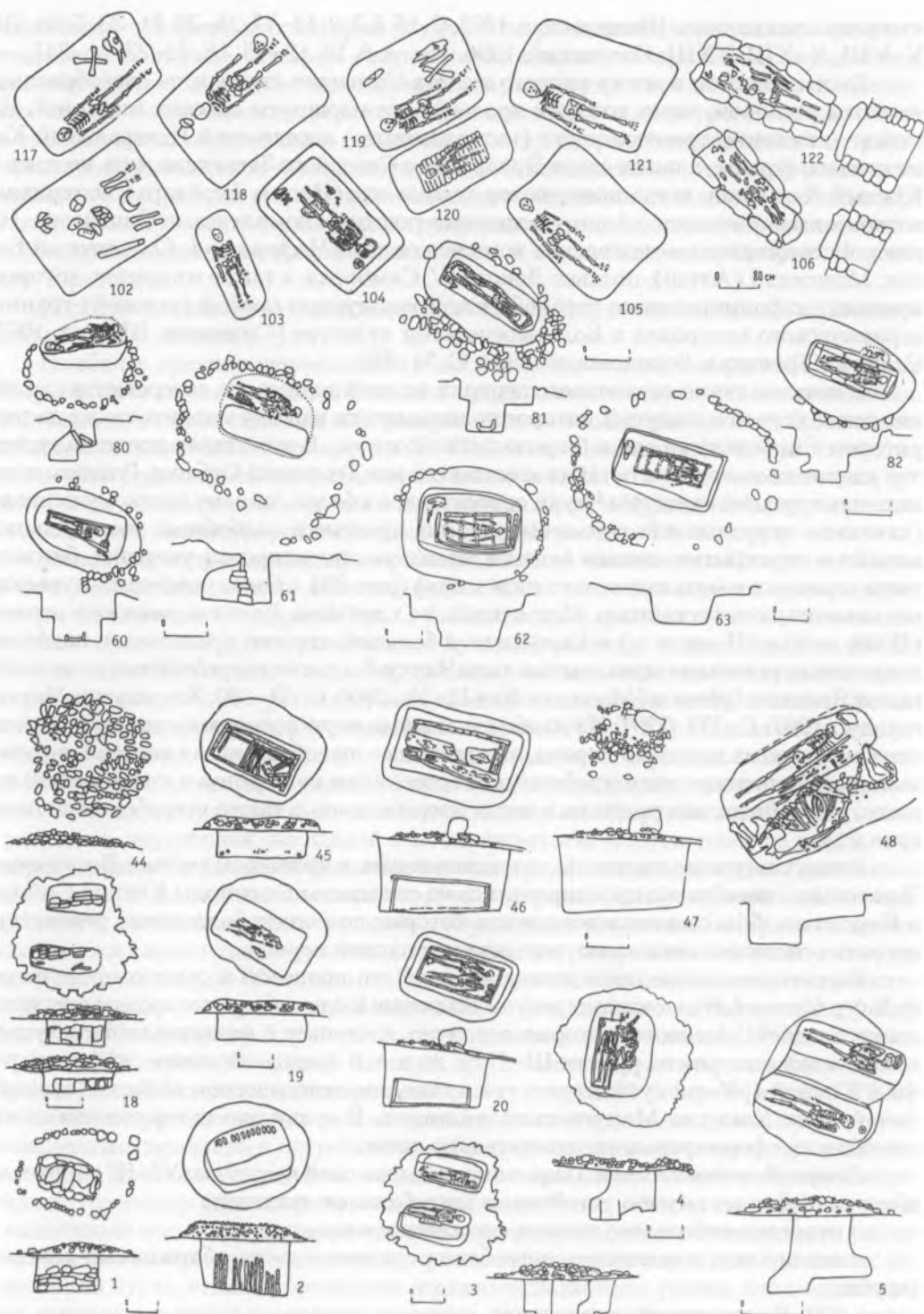
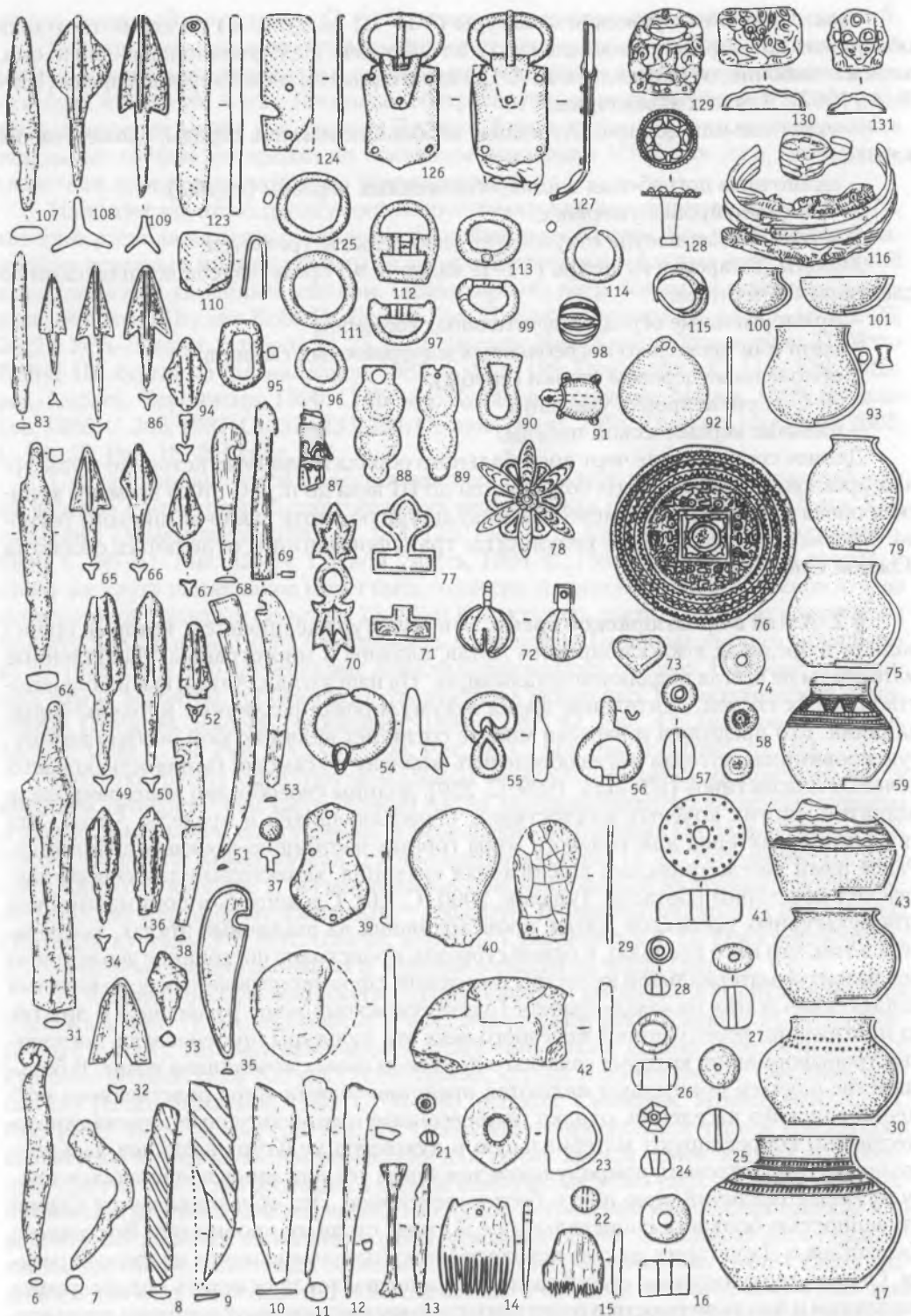

Рис. 71. Гунно-сарматское время в Восточном Туркестане (II в. до н. э. – II в. н. э.). Fig. 71. The Hun-Sarmat time in East Turkestan (II century BC – II century AD).

1–5, 7–20, 23–30, 36–48, 52, 54–64, 68, 69, 72, 74, 75, 78–84, 87, 91, 94, 95, 97–99, 107, 108, 110, 113–115, 123–127, 129, 131 – Чаухугоукоу 3; 7, 21, 22, 31–35, 49–51, 53, 65–67, 70, 71, 73, 76, 77, 85, 86, 88–90, 96, 109, 111, 112 – случайные находки; 92, 93, 100, 101, 106, 122 – Гуннайсы; 102–105, 116–121, 128, 130 – Ярхото

1-5, 18-20, 44-48, 60-63, 80-82, 102-106, 117-122 - планы курганов и погребений; 6, 7, 31-34, 36, 49, 50, 64-67, 83-86, 94, 107-109 - железо; 8-15, 22, 35, 38, 51, 53, 68, 69 - кость; 16, 23-27, 28, 29, 37, 57, 58, 74, 98, 123 - стекло, камень; 17, 30, 41-43, 59, 75, 79, 93, 100, 101 - керамика; 37, 54-56, 70-73, 76-78, 87-92, 95-97, 99, 111-116, 125-131 - бронза, серебро, золото

Тува. Памятники уюкской культуры (VII–III вв. до н. э.) на каких-то этапах обнаруживают определенное сходство с алтайскими. Не случайно изначально они, хотя и ошибочно, объединялись В. А. Грачом в единый этнокультурный ареал [Грач В. А., 1967]. Для них характерны:

- округлые или подпрямоугольные небольшие насыпи, ограды, сложенные из камня;

- одиночные погребения в ямах, обложенных деревом (срубы).

- СЗ ориентировка умерших;

- керамическая посуда отсутствует либо редко встречается.

Минуса. Тагарская культура (VI–II вв. до н. э.) представлена комплексами со следующими чертами:

- прямоугольные ограды значительных размеров;

- один или несколько погребальных многоразовых склепов;

- обложенные деревом стенки (срубы);

- З–СЗ ориентировка умерших;

- наличие керамической посуды.

Данное соотношение черт погребального обряда названных историко-культурных ареалов, вероятнее всего, сохраняется до III века до н. э. С этого времени хуннская эпоха кардинально изменила этнокультурную карту саяно-алтайского региона. Рассмотрим подробнее результаты трансформаций в отдельных областях Южной Сибири.

§ 2. Алтай в предтюрокское время. Этнокультурные процессы, которые происходили в пределах южносибирского Алтая, сложны и многогранны. Накопленные материалы не всегда поддаются детализации. На наш взгляд, Алтай, как и большинство горных систем, длительное время аккумулировал различные инокультурные влияния. Его предгорья и нагорья многие сотни лет являли собой особую замкнутую провинцию, которая могла обеспечить жизненную самодостаточность больших кочевых коллективов [Шульга, 1999. С. 250], долины своеобразно консервировали развитие многих кочевых коллективов, переселяющихся в пределы Алтая. Эта ситуация характерна для кочевого мира горных пастбищно-кочевых провинций. Ранее нами рассматривалась аналогичная ситуация, характерная для северо-кавказских предгорий [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 10]. Сложность в понимании сути этнокультурных процессов Алтая, происходивших на различных этапах, заключается в том, что в его пределах, с одной стороны, происходит постоянное эволюционное развитие материальной культуры населения, сформировавшего основу кочевых коллективов Алтая на самом раннем (раннескифском) этапе развития, а с другой, на протяжении всего раннего железного века эти культуры претерпевают постоянные трансформации, которые связаны с притоком новых кочевников извне. В большинстве случаев пришельцы являются представителями мира родственного восточноиранского населения, однако привнесенные ими культурные инновации существенно корректируют материальную и духовную культуру алтайцев. Безошибочно интерпретировать природу происхождения тех или иных появившихся инокультурных различий дело почти бесперспективное. Это обуславливается слабой изученностью больших сопредельных с Алтаем степных провинций: Восточного Казахстана и Джунгарии, откуда исходило инокультурное влияние на данный регион. Однако геокультурное своеобразие Алтая позволяет проследить определенные тенденции и закономерности в развитии отдельных историко-культурных комплексов в течение длительного времени.

В своем исследовании мы попытаемся пойти обратным путем, оттолкнувшись от этнокультурной ситуации, которая сложилась на Алтае к периоду поздней древ-

ности, который определен С. А. Руденко определен как гунно-сарматский.

Большинство авторов сегодня выделяют несколько культурных типов, датируемых последними веками до н. э. — первыми веками н. э. и определяющих этнокарту всего Сибирского Алтая. Несколько абстрагируясь от ряда имеющихся культурно-хронологических схем для региона Горного Алтая, попытаемся охарактеризовать отдельные группы материала по основным признакам ИКК для того, чтобы впоследствии проследить истоки их формирования.

Наиболее крупную группу составляют памятники основного типа Булан-Коба, которые располагаются в основном в бассейне реки Катунь. Его представляют каменные курганы с индивидуальными захоронениями в могильных ямах с каменной выкладкой или каменным ящиком. Ориентировка погребенных в основном в восточный сектор (Булан-Коба IV, Белый Бом II, Бике, курганы 10–13, 15–18, 20–23, 26, 27; Усть-Эдиган, курганы 18, 25, 27; Айрыдаш; Иня; Кызыл-Таш, курган 21; Усть-Бийке III, курган 4) [Мамандаков, 1985. С. 173–189; Глоба, 1983. С. 116–126; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990. С. 62–84; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990; Суразаков, 1986. С. 203; 1987. С. 232–233, 284; Соенов, Эбель, 1998; Тишкин, Горбунов, 2005. С. 54–58. Рис. 18–21] (рис. 72).

Существенной чертой является наличие отдельных погребений лошадей или их черепов в некоторых буланкобинских могильниках (Булан-Коба IV; Бике, Кызыл-Таш) [Мамандаков, 1985. С. 177, 179. Рис. 2, 3; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990. С. 60–61. Рис. 22–24; Соенов, Эбель, 1998. С. 164. Рис. 1]. На наш взгляд, к этому же кругу памятников могут быть отнесены и комплексы первых веков н. э. из могильников Пазырык (курганы 23, 24) и Балактыюль, расположенные в верховьях Башкауса [Сорокин, 1977]. Особенность комплексов Балактыюльского могильника состоит в том, что погребенные лежали в деревянных колодах. Наличие деревянных рам и, вероятно, гробов также отмечается в некоторых Буланкобинских комплексах [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990. С. 81–82. Рис. 45; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990. С. 89. Рис. 4; С. 107–108. Рис. 18; С. 114. Рис. 17] (рис. 73, III).

Особую группу образуют комплексы берельско-раннекатандинского круга южной и юго-восточной части Горного Алтая. Их характеризуют каменные курганы и погребения с конем на ступеньке. В Берельских комплексах (Берель, курганы 2, 3; Янокур, курган 5; Кокса, курган 1; Усть-Эдиган, курганы 15, 22; Усть-Бийке III, курган 5; Ороктой, курганы 1, 14) погребенные ориентированы в восточный сектор (также и головы жертвенных животных — лошадей). В раннекатандинских памятниках (Катанда, курганы 5–7; Усть-Эдиган, курганы 1, погребения 3, 23; Ороктой, курганы 2, 3) ориентировка погребенных и черепов лошадей на запад (рис. 73, V).

И, наконец, особую локальную группу образуют погребения кокпашского типа (Кок-Паш, Коо I), исследованных в среднем течении реки Башкаус (Северо-Восточный Алтай). По ряду признаков к этому типу также можно отнести несколько курганов долины реки Катунь (Усть-Эдиган, курган 1, погребение 2; Ороктой, курган 16) [Елин, Васютин, 1984. С. 35–38; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990. С. 11. Рис. 15; С. 122. Рис. 27] (рис. 73, II). Основной отличительной чертой комплексов кокпашского типа является необычная для Алтая южная ориентировка погребенных. Другие черты погребального обряда памятников этого типа — каменно-земляная насыпь курганов или кольцевые выкладки, погребения в каменных ящиках или деревянных колодах, деревянные рамы, обкладка стенок могильных ям булыжниками и другие удивительным образом сближают их с буланкобинскими. Общей традицией для всех памятников гунно-сарматского времени является отсутствие или крайне малое количество керамической посуды в погребениях. По всей видимости, отказ от использования керамической посуды был своеобразным явлением погребальной обрядности кочевого населения Алтая II в. до н. э. — первых веков н. э.

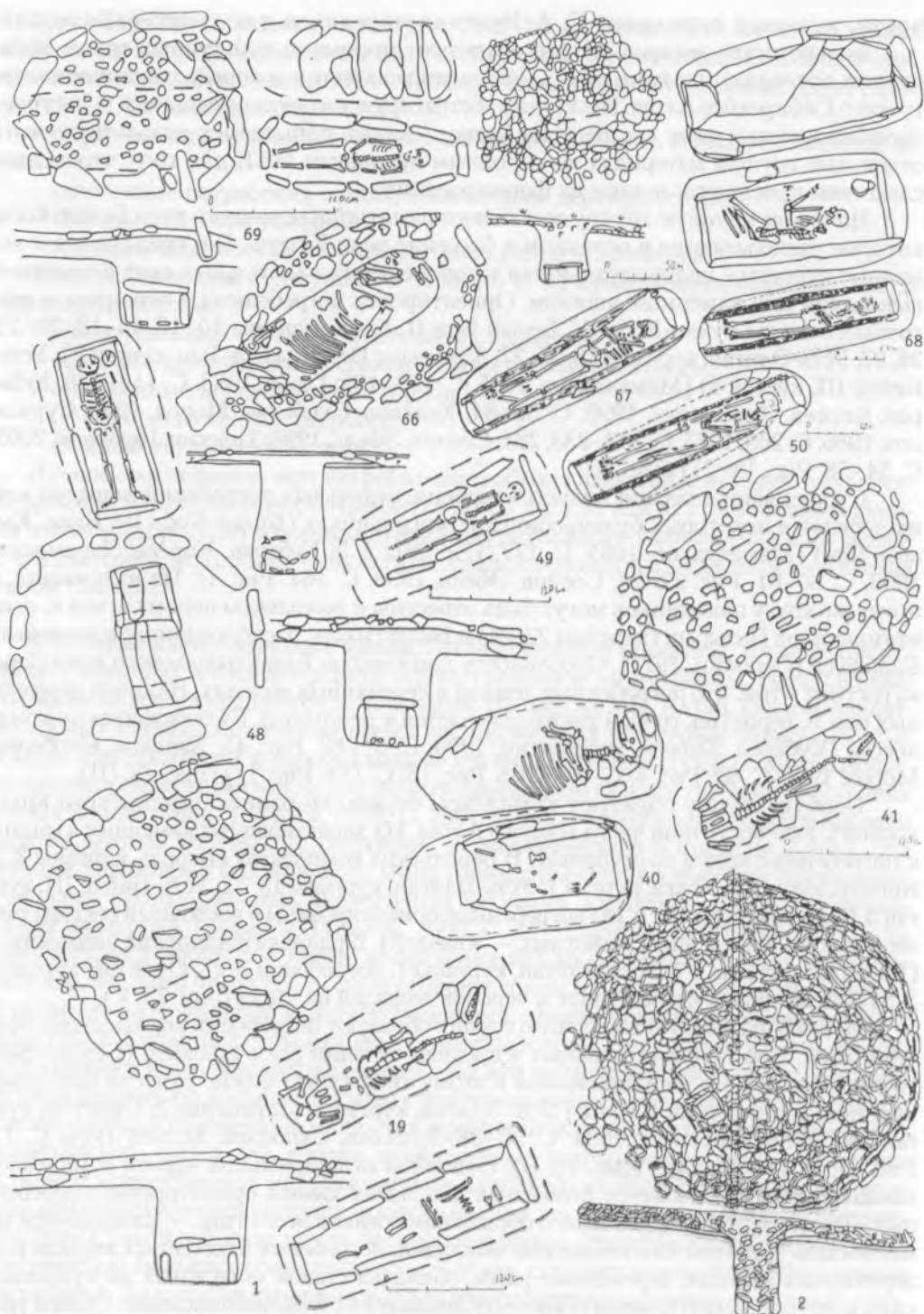
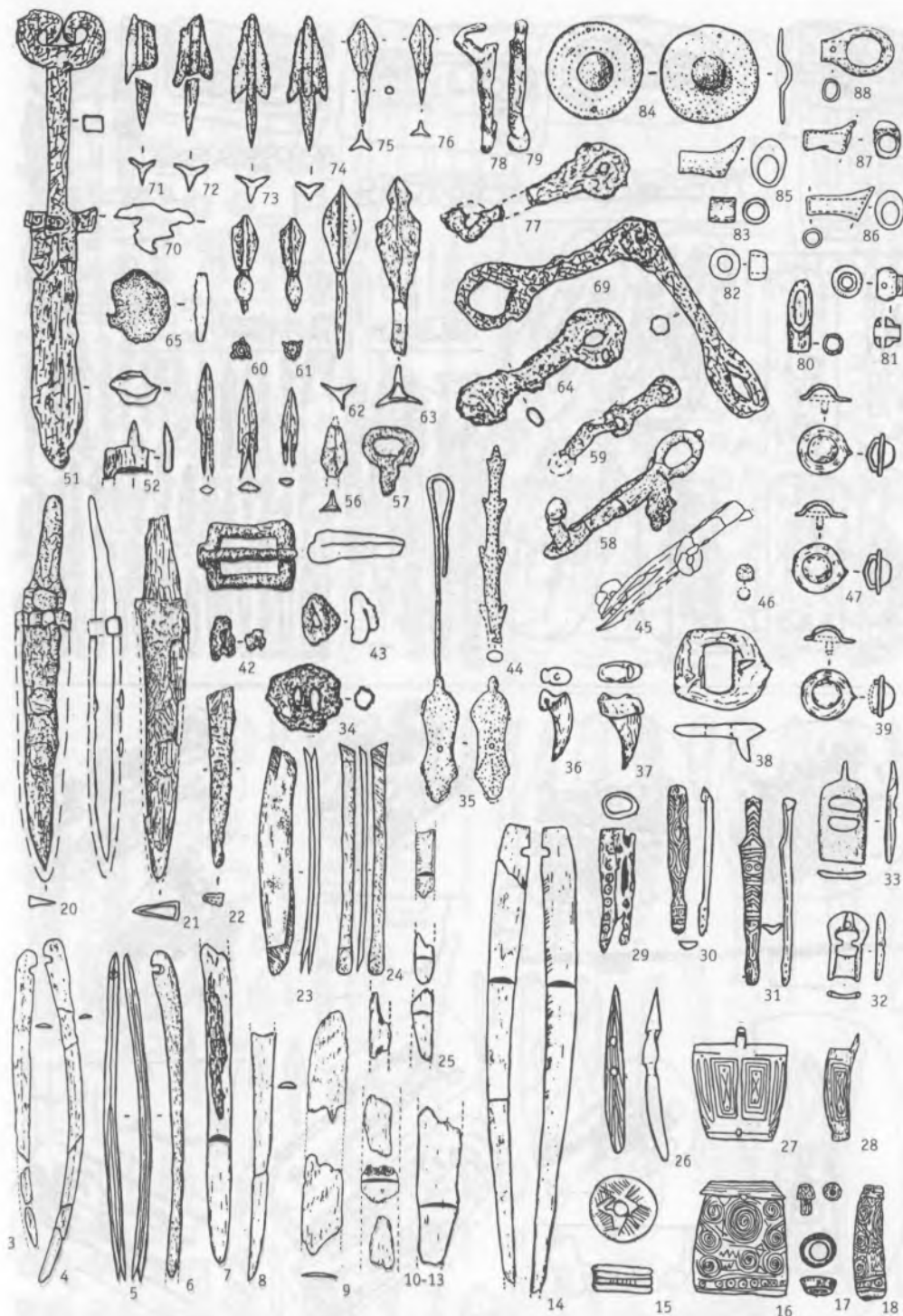

Рис. 72. Памятники Булан-Кобинского типа (II в, до н. э. – II в. н.э.).

Fig. 72. The monuments of Bulan-Kobin type (II century BC – II century AD).

1–5, 20, 23, 43–46, 58, 64, 73, 74 – Булан-Коба IV, курган 34; 2 – Булан-Коба IV, курган 6; 6, 7, 10–12, 18, 25, 34, 42, 47, 51, 52, 59, 69–75, 77, 78 – Сары-Бел, курган 250; 8 – Сары-Бел, курган 149; 9, 48, 49 – Сары-Бел, курган 27; 13, 31, 36 – Белый Бом II, курган 10; 14–17, 26–30, 37, 38, 55, 62, 79, 83 – Белый Бом II, курган 14; 19, 41 – Булан-Коба IV, курган 35; 21, 22, 56, 57, 63, 65, 76, 80–82 – Булан-Коба IV,

курган 33; 32, 33 – Булан-Коба IV, курган 1; 12, 67, 84 – Булан-Коба IV, курган 12; 40 – Белый Бом II, курган 1; 50 – Серый Бел, курган 150; 53, 54, 60, 61 – Булан-Коба IV, курган 13; 68 – Булан-Коба IV, курган 5.

1, 2, 18, 19, 40, 41, 48 – 50, 67, 68 – общий план курганов и могильных ям; 3–16, 23–33, 36–38, 44, 46, 52–56, 80–83, 85–88 – кости; 20–22, 34, 42, 43, 45, 51, 56–59, 62–65, 69–79 – железо; 35, 39, 47, 66, 84 – бронза, серебро; 60, 61 – железо, кость

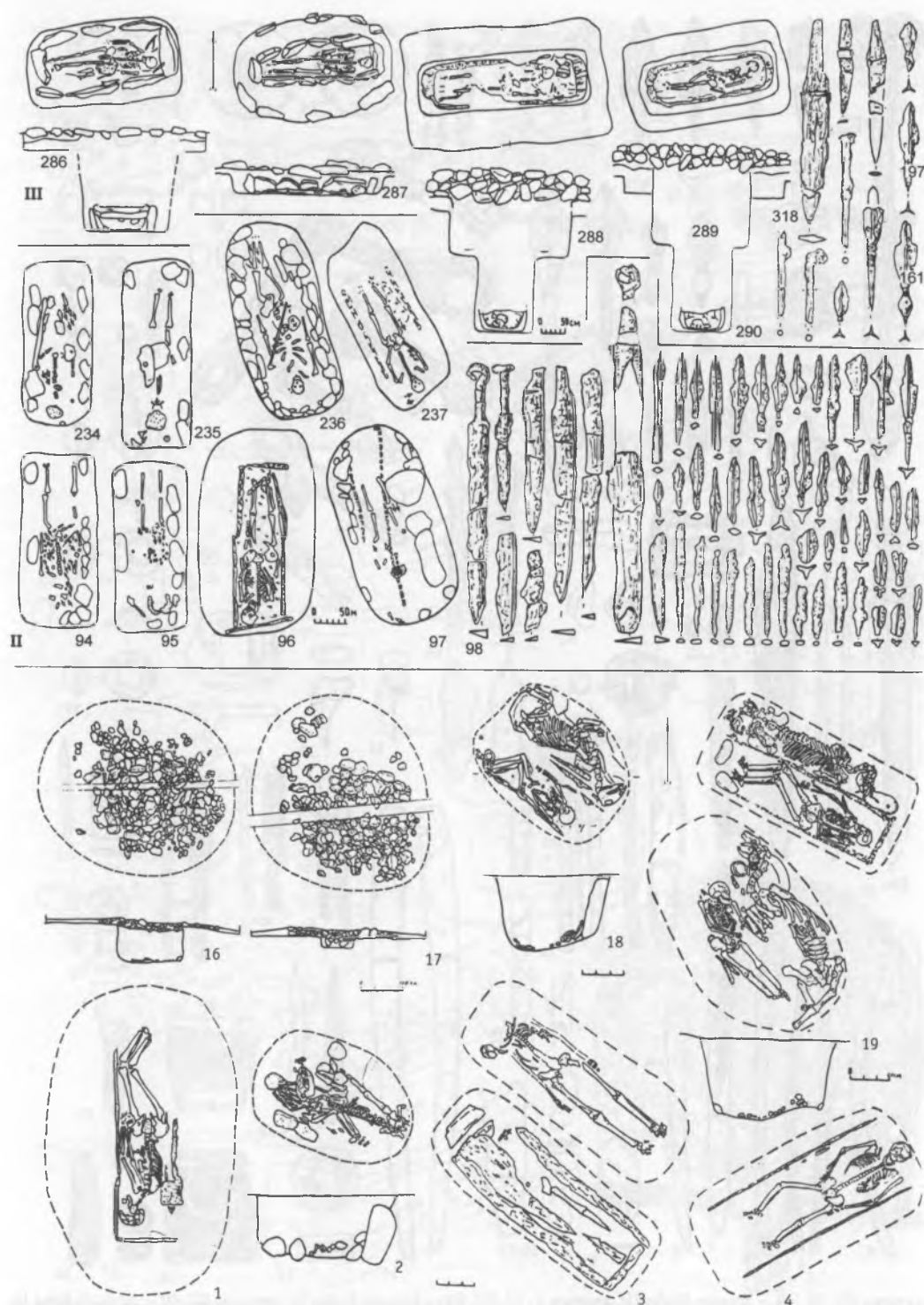
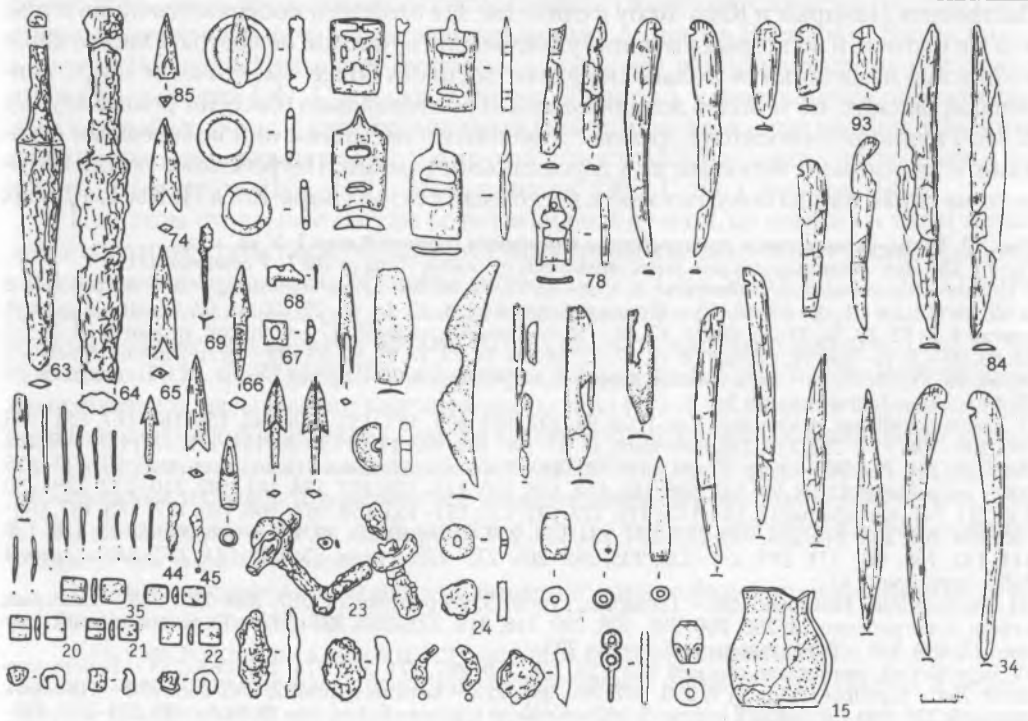
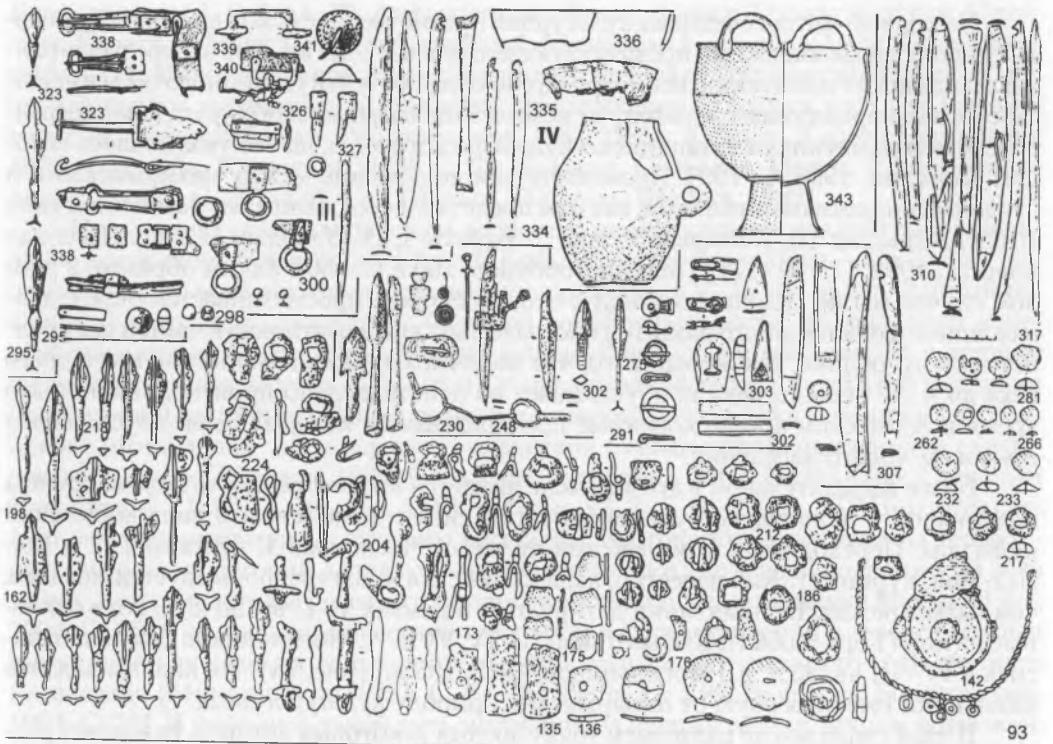

Рис. 73. Гунно-сарматские и предтюркские памятники горного Алтая I–V вв. н. э.
 Fig. 73. The Hun-Sarmatian and pre-Turkic monuments of Gorniy Altay of the I–V centuries AD

На первый взгляд очевидна культурная преемственность комплексов двух первых типов с каракобинскими предшествующего этапа VI–III вв. до н. э. Берельско-раннекатандинские памятники, несмотря на свою относительную немногочисленность, своеобразно продолжают эстафету от комплексов пазырыкского круга к раннесредневековым памятникам катандинско-кудэргинского типа, на что указывалось автором [Боталов, 1996. С. 199]. Промежуточное положение между пазырыкскими и буланкобинскими памятниками, как нам представляется, занимают памятники типа Шибе, Айрыдаш III, Пазырык, курган 7, Бураты I, IV, Уландык II и др. [Степная полоса..., 1992. С. 169–171; Тишкин, Горбунов, 2005. С. 160]. Таким образом, в данном случае мы не склонны отрицать, что, бесспорно, просматривается определенная линия эволюционного развития постпазырыкских памятников в комплексах раннепетроуского облика, так же как и то, что малочисленность комплексов последнего века до н. э. – первого века н. э. указывает на действительно происходившие в это время в Алтайском ареале коренные преобразования, которые были обусловлены притоком нового населения.

Более выразительной в этом смысле является преемственность другой группы материалов – кокпашско-буланкобинского типа с комплексами кара-кобинской культуры. Переходными комплексами является Чесноково 1, курганы 1, 2 и Кызыл-Таш, курган 21. Как известно, кара-кобинская культура формируется позднее, чем пазырыкская. Ее памятники датируются в рамках V–II вв. до н. э., хотя основные из них (Кара-Коба II, Кызыл-Джар III, IV, V) В. А. Могильников склонен относить к IV–III вв. до н. э. [Могильников, 1983, 1983а] (рис. 74). На наш взгляд, эти памятники имеют особую от пазырыкских природу культурогенеза.

В этой связи мы не разделяем точку зрения некоторых авторов, склонных рассматривать Пазырык и Кара-Кобу в единстве. Их схожесть заключается лишь в том, что и в первых, и во вторых умершие укладывались головой на восток. Однако кара-кобинские памятники не только появляются спустя более чем столетие после раннепазырыкских, но и более локализованы территориально (бассейн реки Катунь). К этой культуре относятся курганы с каменными насыпями или кольцевыми оградками, с каменными ящиками или деревянными рамами. Погребенные лежат вытянуто на спине или на боку, головой в восточный сектор (Кара-Коба II; Кызыл Джар;

Рис. 73. Гунно-сарматские и предтюркские памятники горного Алтая I–V вв. н. э.

Fig. 73. The Hun-Sarmatian and pre-Turkic monuments of Gorniy Altay of the I–V centuries AD.

I. Позднебуланкобинские комплексы: 1, 2, 28–31, 72, 73, 84, 86 – Усть-Эдиган, курган 1, погребение 2; 3, 15, 20–22, 28–31, 36–45, 48–53 – Ороктой, курган 23; 4, 13, 14, 16, 25–27, 61, 62, 67, 69 – Ороктой, курган 1; 5–12, 23, 24, 32–35, 70, 71, 87, 88 – Усть-Эдиган, курган 15; 17 – Ороктой, курган 2; 18, 58, 63, 83, 89, 90 – Усть-Эдиган, курган 22; 19, 47, 55, 64–66, 74, 77, 78, 81, 82, 91–93 – Усть-Эдиган, курган 23; 46, 54, 56, 57, 59, 60, 68 – Усть-Эдиган, курган 1, погребение 3; 75 – Белый Бом II; 76 – Булан Коба IV; 79, 80 – Усть-Эдиган, курган 5.

II. Кокпашский тип, могильник Кок-Паш: 94, 102, 103, 109–111, 133–135, 140, 156, 160, 167, 184–186, 189, 206–208, 214–217, 225, 226, 250–погр. 28; 95, 100, 106, 107, 112, 115, 120, 121, 136, 137, 188, 199, 202, 209, 220, 221, 227, 249 – погр. 27; 96, 126–129, 310–317 – погребение 46 (и его аналогии); 97, 123–125, 205 – погребение 42; 98, 99, 105, 108, 113, 114, 116, 130, 145–150, 157, 158, 161, 162, 210–212, 228–230, 236, 241, 247, погребение 12; 104, 117–119, 122, 131, 132, 151–155, 159, 163–166, 169, 172–183, 187, 190–198, 200, 201, 203, 204, 218, 219, 222–224, 234, 251, 252 – погребение 29; 101 – погребение 23; 138, 139, 141, 142, 168, 170, 171, 213, 231–233, 235, 262–266, 275–278 – погр. 33; 143–144, 237–240 – погр. 4; 248 – погребение 43.

III. Балактыюль, Пазырык. 286 – Пазырык, курган 5, погребение 24; 287, 299–307, 334 – Пазырык, курган 5, погребение 23; 288, 290, 298, 308, 309, 318, 319, 321–333, 335–343 – Балактыюльский, курган 227; 289, 320 – Балактыюльский, курган 225.

IV. Берельский, раннекатандинский тип: 253, 258, 259, 267, 271, 272, 274, 281, 283–285 – Берель курган 3; 254 – Катанда I, курган 7; 255, 257, 260, 261, 273 – Берель, курган 2; 256, 268–270 – Пазырык, курган 6; 279, 280 – Катанда I, курган 5; 282 – Катанда I, курган 8. 1–4, 16–19, 34, 94–97, 234–237, 286–289 – планы курганов и погребений; 5–7, 20–22, 36–43, 48–52, 72, 84, 86, 136–142, 174, 175, 185–186, 231–233, 262–266, 275–281, 296, 309, 324, 333, 338–343 – бронза, серебро, кожа; 8–12, 23, 24, 44, 45, 54, 63, 64, 66, 69, 98–135, 143–173, 176–230, 242–256, 269, 270, 282, 290–295, 318–323 – железо, кости; 13, 14, 25–33, 46, 47, 54–57, 59–62, 65, 67, 68, 74–82, 87–93, 238–241, 257, 260, 261, 272–274, 284, 302–307, 310–317, 334 – кости; 15, 308, 336 – керамика; 335 – дерево.

Бике, курганы 1, 2, 7, 14, 23; Алферовский; Чемал; Кызыл-Телань; Кырлык; Семисарт; Карасу II; Маяк 1, группа 2, курган 1; Чесноково 1, курган 1; Чесноково 2, курганы 1, 2). Кара-кобинское население приносит новый, характерный именно для этой культуры, керамический комплекс: кринкообразные сосуды, сосуды с ушками, сосуды с имитацией швов [Могильников, 1983, 1983а; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990; Степанов, Кирюшин, 1989. С. 63; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990; Степная полоса..., 1992. С. 157, 170–171; Шульга, Гельмель, Шульга, 1999].

Попробуем проанализировать механизм инокультурных воздействий в период формирования Кара-Кобы и Булан-Кобы. Как уже говорилось, кара-кобинские памятники, по всей видимости, появляются на рубеже V–IV вв. до н. э. Данный историко-культурный комплекс, с большой долей вероятности, принадлежит кочевому населению. То есть данный инокультурный импульс можно связать с оттоком кочевого степного населения. На наш взгляд, исходной территорией этой миграции были степи Джунгарии. Об этом позволяют говорить аналогии в керамическом комплексе и отдельные типы вещевого инвентаря Синьцзянских памятников скифо-сакского круга [Варенов, 1999; Синьцзян Тулуфань..., 1982. С. 364–365; Синьцзян Хэцзинсянь..., 1990. С. 516. Рис. 4, 10, 19] (рис. 23, 2–5, 16–19, 24, 25). При этом следует заметить, что приток сакского населения Восточного Туркестана на территорию северных предгорий Алтая не заканчивается вплоть до второй половины III века до н. э., о чем свидетельствуют антропологические данные могильника Майма 4 [Тур, 2004. С. 257], но, однако, существуют устойчивые представления о том, что данная инокультурная сакская волна пришла с территорий Центрального и Восточного Казахстана [Могильников, 1983. С. 64–66; 1999а. С. 136; Троицкая, Бородовский, 1994. С. 76]. В принципе такой путь миграции, на первый взгляд, вполне возможен. Более того, часть кара-кобинских памятников (Кырлык, Семисарт II, Ель) действительно располагается в западных предгорьях Алтая, а в Восточном Казахстане — в долине Верхнего Иртыша и Бухтармы — известны раннекалужургинские памятники (Кула-Журга I, II, Славенка, Юпитер, Джартас), удивительным образом схожие, с одной стороны, с кара-кобинскими (небольшие каменные насыпи, каменные ящики, ориентировка на восток), с другой, с постпазырыкскими (погребения с лошадьё) [Черников, 1951. С. 77; Могильников, 1983. С. 64; Самашев, 1987].

При этом отдельные сосуды (с петлевидной ручкой, со швами) и типы металлического инвентаря также сближают кулажургинские памятники с каракобинскими и позднепазырыкскими [Степная полоса..., 1992. Табл. 56, 41, 46, 51–55]. Однако, как отмечают исследователи, кулажургинские комплексы этого круга в целом датируются позднее чем кара-кобинские (III–II вв. до н. э.) [Могильников, 1983. С. 64; Черников, 1951. С. 77, 78]. Весьма схожие с каракобинскими и кулажургинскими памятники так называемого каргантасского типа (III–I вв. до н. э.) Сарыарки (восток Центрального Казахстана). Это также небольшие курганы с каменными ящиками и нишами, сооруженными за головой погребенного. В этих нишах устраивали жертвенники из голов и конечностей лошади, овцы, коровы, козы [Бейсенов, 1996. С. 90]. Данные памятники появляются в центрально-казахстанских степях, также позднее, чем кара-кобинские.

Из этого экскурса очевидно, что движение кара-кобинского населения шло, вероятнее всего, с востока на запад.

Как уже говорилось в контексте анализа сако-усуньского ИКК, по всей видимости, каракобинские памятники как историческое явление появляются в результате восточносакской миграции конца V–IV века до н. э. Причиной ее стала критическая фаза аридизации, пик которой, по мнению исследователей, падает на IV век до н.э. [Демкин, Рысков, 1996. С. 99; Таиров, 1995. С. 93; Иванов, 1994. С. 85–87]. Приток восточносакского населения из районов Северного Китая и Туркестана

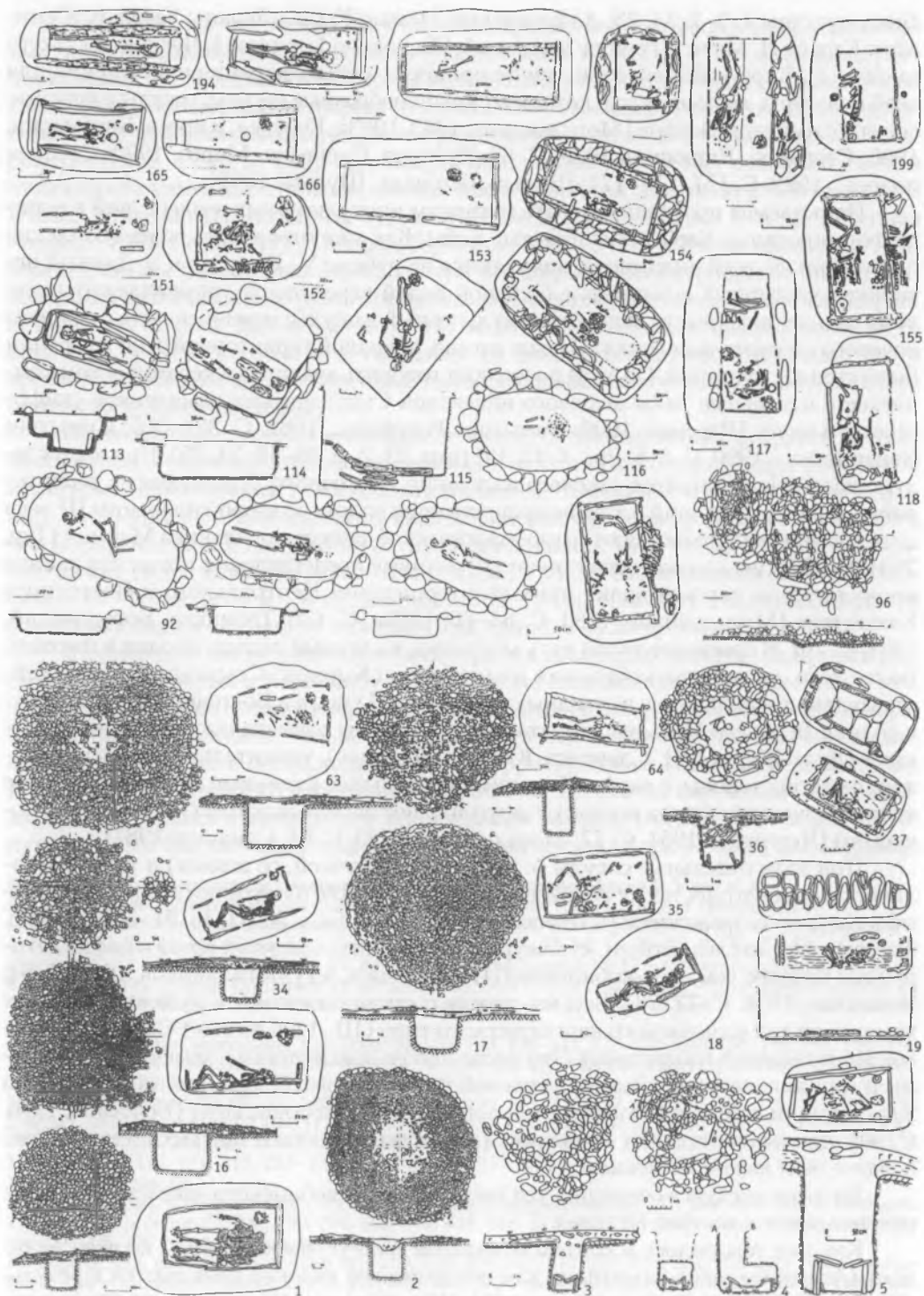
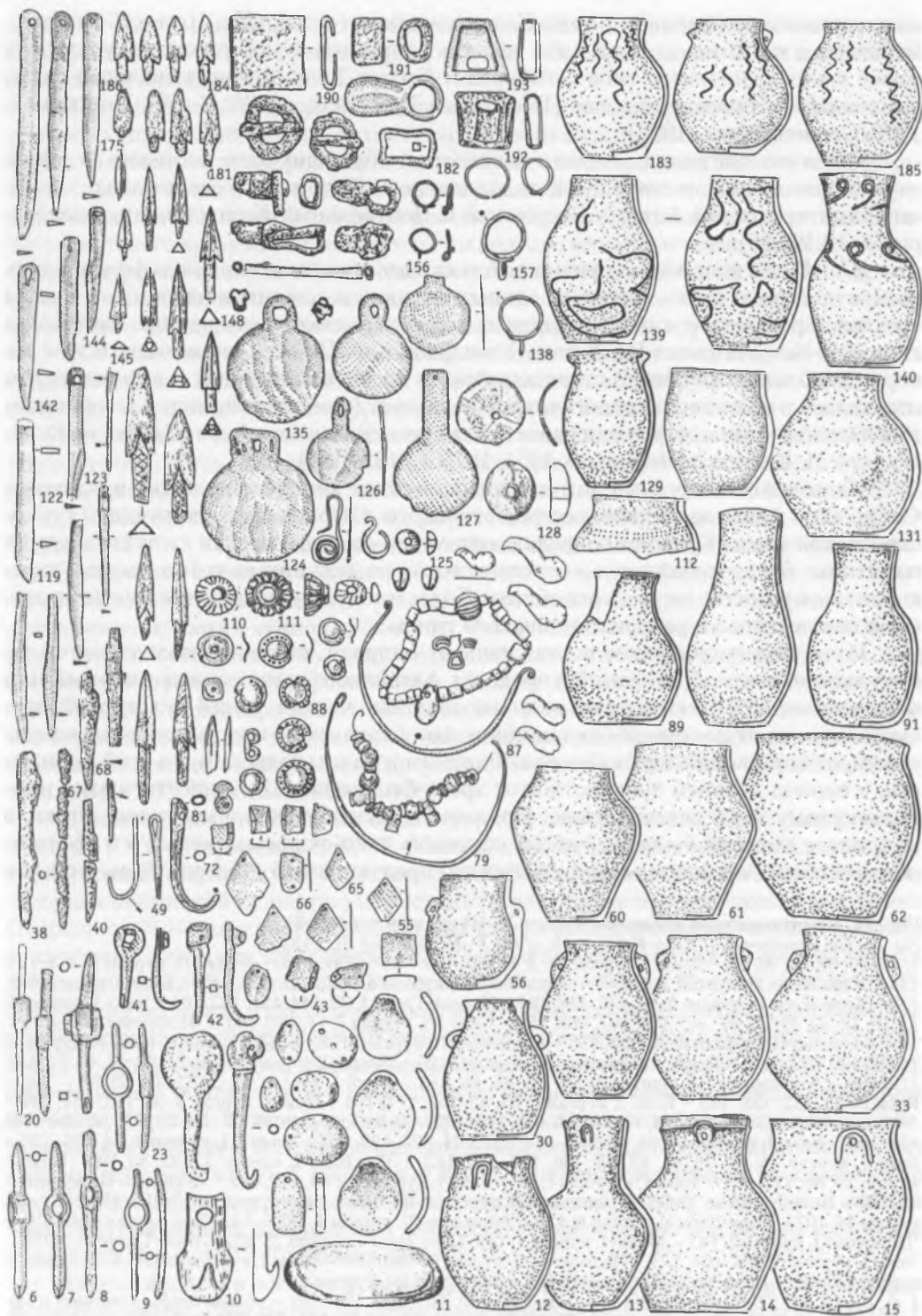

Рис. 74. Памятники кара-кобинского круга V–III вв. до н. э. (Алтай).
 Fig. 74. The monuments of Kara-Kobin circle of the V–III centuries BC (Altay)

ознаменовался появлением на юге Казахстана памятников типа Иссык, Беспатыр, Берккара, а на Алтае — Кара-коба, сакских элементов в пазырыкской культуре, а также ярких комплексов типа Симбирка и Кызыл-Таш, имеющих аналогии среди памятников «ордосских бронз» [Восточный Туркестан..., 1988. С. 186; Полосымак, 1990; Соенов, Эбель, 1998].

Вероятно, миграция сакского населения — будущих кара-кобинцев — шла в двух направлениях: на север — вдоль долины реки Катунь и на северо-запад — вдоль западных предгорий Алтая в Восточный и Центральный Казахстан (цв. вклейка, рис. 4, 15, 23, 25).

В V–IV вв. до н. э. на территории Алтая идет процесс активной диффузии двух разнотипных (хотя, вероятно, единых по происхождению и близких по языку) ареалов, в результате чего в контактных зонах появляются смешанные памятники типа Кер-Кечу, Боротал III, Акташ, Уландрык и др. По всей видимости, в этот же период наблюдается общий отток алтайского населения на запад и юго-запад, что отразилось в появлении аналогичных смешанных (каменные ящики с захоронениями лошади) комплексов среди раннекулажургинских памятников (Славянка, Кула-Журга I, II, Юпитер) [Черников, 1951; 1975. С. 135–136].

Итогом этих перемещений и трансформаций явилось сложение в пределах Сибирского Алтая достаточно пестрой этнокарты в период предшествующий гунно-сарматской эпохе. Культурноопределяющими этого этапа, на наш взгляд, являются памятники булан-кобинского и берельского типов, несущие на себе элементы кара-кобинского и постпазырыкского облика. Более инокультурный облик имеют памятники кокшапского и раннекатандинского типов.

Итак, вернемся к ранее поставленному вопросу: каков все-таки характер этнокультурных преобразований в пределах Алтайского ареала: эволюционный или инновационный? Несмотря на наличие довольно четких линий культурной преемственности от пазырыкских к шибинским, берельским и катандинским памятникам, от кара-кобинских к булан-кобинским и балатыпольским, по всей видимости, в период поздней древности этот ареал был подвержен существенному инокультурному воздействию извне. Произошла своеобразная эпохальная ломка, в результате которой была разрушена общность сако-скифских культур и сформирован особый (возможно, синкретический) предтюркский субстрат. Думается, что

Рис. 74. Памятники кара-кобинского круга V–III вв. до н.э. (Алтай).

Fig. 74. The monuments of Kara-Kobin circle of the V–III centuries BC (Altay).

1, 65, 66, 69, 80, 98, 99 — Бике I, курган 37; 2, 8, 156, 175 — 178, 186 — 189 — Бике III, курган 3; 3, 5, 104, 134 — Кара-Коба II, курган 1; 4, 147 — Кара-Коба II, курган 4; 6, 7, 125, 131, 142 — Бике I, курган 6; 9, 138 — Кара-Коба II, курган 5; 10, 132, 148, 194 — Кызыл-Таш; 11, 32, 144, 151, 183, 184 — Бике I, курган 1; 12, 13, 17, 22, 35, 56, 97, 145, 158, 167, 168, 182 — Бике III, курган 7; 14, 146, 165 — Чесноково I, курган 1; 15 — Айрыдаш III, курган 6; 21, 136, 155 — Айрыдаш III, курган 7; 23, 36, 37, 41 — Кара-Коба II, курган 3; 24, 62, 159, 137, 180, 192, 198 — Айрыдаш III, курган 3; 25 — Бике III, курган 36; 26, 27, 29, 47, 48, 71, 112, 115, 160 — Кириловка III, курган 10; 28, 43, 45, 46, 113 — Бике I, курган 15; 30, 31, 42, 89, 91 — Кара-Коба II; 33, 122, 133, 143 — Бике I, курган 5; 34, 55, 157, 174, 196 — Бике I, курган 2; 38, 103, 124, 197 — Айрыдаш III, курган 2; 49–54, 78, 79, 93, 101, 123, 169 — Бике I, курган 17; 57–59, 72–75, 77, 108–109, 179, 180 — Бике I, курган 18; 63, 88, 110, 111, 120, 121, 126, 128, 161 — Бике III, курган 1; 64, 106, 193 — Бике I, курган 36; 67, 76, 81, 83, 85, 100, 102, 114, 163, 170 — Бике I, курган 27; 82, 84, 94 — Бике I, курган 20; 86, 116, 191 — Бике I, курган 11; 87 — Бике I, курган 21; 90, 117, 127 — Айрыдаш III, курган 5; 92, 179 — Бике I, курган 12; 95 — Айрыдаш III, курган 1; 96, 130 — Бике I, курган 13; 105, 162 — Бике I, курган 14; 107 — Кара-Коба II, курган 6; 129 — Айрыдаш III, курган 4; 139 — Ала-Гаир, курган 7; 40, 195 — Чесноково I, курган 2; 141 — Маяк-1, курган 1; 149, 150 — Бике I, курган 23; 152 — Бике I, курган 3; 153 — Бике I, курган 6; 154, 164, 171 — Чесноково 2, курган 1; 166, 185 — Бике I, курган 4; 172, 173 — Бике I, курган 23; 181 — Кара-Коба II, курган 6; 199 — Айрыдаш III, курган 8.
1–5, 16–19, 34–37, 63, 64, 92–96, 113–118, 151–155, 165, 166, 194–199 — общие планы курганов и могильных ям. 6–9, 20–23, 41, 42, 43, 49–55, 66, 65, 72–79, 81–87, 97, 104–107, 119, 122–124, 126, 127, 132, 133, 135–138, 142–144, 156, 157, 161, 164, 171–173, 182, 190, 191, 193 — бронза; 10, 69–71, 98, 99, 120, 121, 134, 139, 145–148, 160, 168 — кость; 11, 26–29, 43–48, 108, 109, 125, 128 — камень; 12–15, 30–33, 55, 60–62, 89–91, 112, 129–131, 139, 140, 183–185 — керамика; 38–40, 67, 68, 145, 158, 162, 165, 167, 168, 175–181, 186–189, 192 — железо; 88, 110, 111 — золото

дать ему общее название (позднебулан-кобинская, шибинская или кокпашская культуры) было бы не совсем верно, так как эти образования были достаточно разнохарактерными.

Причиной этой культурной пестроты было и геокультурное своеобразие различных районов Сибирского Алтая и характер инокультурных воздействий на них. Бесспорно, что эти трансформации были обусловлены возникновением и расширением (прежде всего на восток) империи хуннов. В этой связи, за многими из перечисленных могильников достаточно прочно утвердилось название «памятники гунно-сарматского времени». Хотя, на наш взгляд, оно не совсем точно отражает характер культуросгенетических процессов, происходивших в этой части Сибири. Другое наименование, появившееся несколько позже, «памятники предтюркского времени», на наш взгляд, более соответствует характеру данного круга памятников.

Как известно, собственно хуннских комплексов или памятников, имеющих сходные черты с хуннским ИКК, на территории Алтая обнаружено не было. Хотя существует мнение, что «на территорию Алтая из Тувы и Восточного Казахстана осуществлялась непосредственная хуннская экспансия» [Илюшин, 1988. С. 67]. Исключения составляют печи для обжига хуннской гончарной посуды, а также отдельные находки фрагментов этой посуды [Савинов, 1978. Рис. 3; Кубарев, 1980. С. 213; Кубарев, Журавлева, 1986. С. 101–119; Кирюшин, Мамандаков, 1996. С. 43; Худяков, 1996. С. 41]. На наш взгляд, этот факт парадоксален и вызывает ряд вопросов. Для какого населения данные ремесленные центры обжигали посуду? Стоит ли связывать деятельность этих производственных факторий с непосредственной деятельностью самих хуннов? Известно, что значительная часть керамической посуды хуннов (особенно в хуннских городах) была китайского производства. Ряд авторов усматривают непосредственное влияние хуннской культуры в появлении в погребальном инвентаре новых типов вещей, разнообразных ярусных наконечников стрел, кольцевых и петлевидных наверший палашей, костяных накладок хуннского лука, пряжек со шпеньком и др. [Елин, Изосимов, 1988. С. 68–69; Елин, Васютин, 1984. С. 37; Васютин, 1999. С. 106].

Думается, что эти явления общеисторического характера. По справедливому мнению Ю. Ф. Кирюшина и Ю. Т. Мамадакова, окончательный распад пазырыкской и каракобинской культур и завершение формирования нового этноса (носителя булан-кобинской культуры) происходит в результате прихода нового населения [Кирюшин, Мамандаков, 1996. С. 44]. Выяснить общекультурный характер нового этнического субстрата, а следовательно и этнокультурный облик мигрантов II–I вв. до н.э. возможно путем несложного логического построения. Как показывает археологический материал, спустя несколько веков на территории Алтая происходит общая культурная нивелировка и формирование раннетюркской культуры. Составляющей ее стали памятники кудэргинского и катандинского типов. С одной стороны, преемственность этих типов с памятниками буланкобинского и берельского типов очевидна, с другой, интерпретация кудэргинско-катандинских памятников как раннетюркских сегодня у большинства исследователей не вызывает сомнения. К этому следует добавить, что Д. Г. Савинов и Ю. И. Трифонов высказали ранее мнение о том, что алтайские погребения с конем — тюркского времени и их можно соотносить с кругом племен, входивших в тюркскую конфедерацию под общим названием «теле» [Савинов, 1973; Трифонов, 1973].

Таким образом в последних веках до н. э. Алтай становится тюркским ареалом Южной Сибири. При интерпретации сведений Ханьшу, где приводятся данные о местоположении ставки Чжи-чжи в 49 году до н. э., мы уже говорили о том, что существует большая доля вероятности, что в 7000 ли к западу от ставки северного шаньюя, находившейся на Орхоне или Толе, и в 5000 ли к северу от Ченши распола-

галась страна гянгуней. Это соответствует району Горного Алтая. Таким образом, исторические данные в этом случае также подтверждают наши логические построения и интерпретации археологического материала (цв. вклейка, рис. 5, ж).

Подводя итог данному разделу, заметим нижеследующее: сложнейшие культурные трансформации, происходившие в среде пазырыкского и каракобинского скифо-сакского двуединства, закончились, вероятнее всего, к II—I веку до н. э. формированием сложного этнокультурного гянгуньско-телесского субстрата. На начальном этапе основу его составили памятники буланкобинского и берельского типов. Окончательная унификация облика культуры алтайских теле происходит в V–VI вв. н. э. с формированием памятников кудергинско-катандинского облика.

§ 3. Минуса в постагарское время. На рубеже III–II вв. до н. э. в Минусе также происходят существенные культурные изменения в среде позднетагарского населения. У исследователей памятников этого времени нет единой точки зрения — относить их к особому этапу тагарской культуры — III стадия тагарской культуры [Киселев, 1951. С. 276–285], тагарско-таштыкский этап [Кызласов, 1960. С. 24, 25], тесинский этап [Грязнов, 1968. С. 101–194; 1979. С. 4; Пшеницына, 1975; 1992. С. 224–235] — или считать эти комплексы инокультурными — таштыкские [Членова, 1964. С. 281, 287, 307], шестаковские (лесостепной вариант) [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1979; Мартынов, 1996. С. 35].

Особую точку зрения на тагарско-таштыкский культурогенез имеет Э. Б. Вадецкая. Благодаря привлечению радиоуглеродных дат, а также уточнению датировок отдельных категорий вещевого инвентаря (бусы, предметы импорта), Эльга Борисовна значительно омолаживает таштыкские курганы-склепы до V–VII вв. н. э. [Вадецкая, 1999. С. 129]. Соответственно, заключительный тесинский этап тагарской культуры (III стадия), по ее данным, датируется III–IV вв. н. э. [Вадецкая, 1999. С. 147]. Э. Б. Вадецкой особо выделяются грунтовые таштыкские могильники со срубам, которые, по ее мнению, не сосуществуют с курганами-склепами, а были сооружены ранее, в период с I по начало IV века н. э. [Вадецкая, 1999. С. 75]. В период II века до н. э.—I века н. э., традиционно называемый многими исследователями тесинским, по мнению Э. Б. Вадецкой, на Средней Енисее появляются особые инокультурные грунтовые могильники с каменными ящиками и срубам. Ранее ею было предложено выделить эти могильники в особую каменскую группу [Вадецкая, 1986. С. 99–100]. Однако это название не закрепилось в литературе, поэтому нами данные памятники условно обозначаются как инокультурные.

В действительности эти могильники отличаются не только по погребальному обряду, но и по антропологическому облику захороненных [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 234]. Таким образом, на завершающей стадии тагарской культуры в Минусе появляется новое инокультурное население, которое сосуществует с «тагарцами» со II века до н. э. по I век н. э.

По всей видимости, в этот период происходит активное смешение пришельцев с автохтонным населением. Вероятнее всего, эта этнокультурная диффузия была одним из слагающих таштыкского культурогенеза.

Не углубляясь далее в суть разночтений, которые возникают в связи с введением Э. Б. Вадецкой новой схемы тагарского и таштыкского культурогенеза, отметим нижеследующее. На наш взгляд, автор весьма тонко сумела объединить разные точки зрения на характер культурно-исторических преобразований, происходивших в Минусе на тесинском этапе. С одной стороны, в это время продолжается эволюционное развитие тагарской культуры вплоть до III–IV вв. (курганы и склепы). С другой, во II веке до н. э. появляются и сосуществуют новые инокультурные памятники, которые оставило население иного культурного и антропологического об-

лика (более монголоидное). Такая ситуация сохраняется до первого века новой эры, когда появляются раннетагартские грунтовые могильники. Как следует из этой логики, раннетагартское население, оставившее данные некрополи, продолжает сосуществовать с позднетагартским (тесинским) населением. Таким образом, в схеме Э. Б. Вадецкой сосуществуют и миграционная, и эволюционная составляющие тагартского культурогенеза. В нашем дальнейшем рассуждении мы обратимся, прежде всего, к памятникам, которые были связаны с миграционным аспектом. Это те «инокультурные» (по Э. Б. Вадецкой) грунтовые могильники, которые являются наиболее ранними памятниками периода, получившего традиционное название тесинский.

В этой связи, упоминая о них выше и далее, мы условно называем эти памятники тесинскими. Действительно, особой чертой этого культурно-исторического этапа является наличие двух основных типов погребальных сооружений: большие курганы-склепы с коллективными захоронениями (хотя собственно тесинские склепы существуют, как установлено Э. Б. Вадецкой, многим позже — в III–IV вв.) и грунтовые могильники с индивидуальными захоронениями в каменных ящиках, грунтовых ямах и ямах со срубами (Карасук V, IX, Барсучиха IV, Черем лог II). Преобладающей ориентировкой погребенных во втором случае является восточная. М. Н. Пшеницына выделяет и третий тип погребений, к которому относятся впускные захоронения в подобиях каменных ящиков и грунтовых ямах, иногда в срубах, установленных либо под стенами оград больших курганов того времени (Баручиха I, Тенсей VI), либо рядом с одновременными грунтовыми могильниками (Красный Яр, Мохово, Разлив, Тепсей, Маяк) [Пшеницына, 1975. С. 150–162; 1992. С. 227].

На наш взгляд, третий тип погребений является своеобразным вариантом второго и эти памятники возможно рассматривать как весьма близкие. Как уже отмечалось выше, тесинские памятники мы склонны рассматривать как результат инновационного культурного воздействия на ареал тагартской культуры. На наш взгляд, в пользу этого указывают определенные данные.

Во-первых, тесинские инновации на Енисее, которые определяются, прежде всего, погребениями второго типа, синхронны и близки по своим элементам к обликом булан-кобинских памятников Горного Алтая (каменный ящик, срубы, индивидуальные погребения, восточная ориентировка умерших). В отличие от булан-кобинских в тесинских погребениях второго типа встречается керамическая посуда, хотя и здесь можно отметить, что керамика в этих комплексах не является обязательным элементом и зачастую отсутствует [Грязнов и др., 1979. Рис. 49, 51]. Большая часть керамической посуды, как известно, происходит из курганов-склепов. Маркирующие черты приобретают и другие предметы вещевого комплекса. В оружии железный инвентарь становится преобладающим. Появляются короткие мечи с клиновидным лезвием и кольцевым навершием, железные двухлопастные черешковые наконечники, костяные пряжки [Грязнов и др., 1979. Рис. 50, 52]. Ременная гарнитура испытывает на себе влияние культуры «ордосских бронз» Севера Китая и Внутренней Монголии (зооморфные ажурные прямоугольные и округлые пряжки и накладки, зооморфные и солярные накладки, костяные и железные подпружные пряжки) [Пшеницына, 1992. Табл. 94, 21–27; 70, 56–64, 70–79; Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986. С. 75–79; 82; 83; 84; 3, 5, 6].

Впечатляет (по своей насыщенности) карта находок предметов «ордосского типа» в пределах Минусинской котловины и Среднего Енисея [Дэвлет, 1980. Рис. 8]. Трудно назвать регион за пределами территорий ордосских бронз, в пределах которого было бы найдено такое количество предметов подобного типа.

Все вышесказанное убеждает нас в том, что появление погребальных памятников второго типа на тесинском этапе связано с инокультурными миграциями на территорию Минусы.

В контексте данного рассуждения мы вновь вынуждены вернуться к исследовательским выводам Э. Б. Вадецкой, так как отдельные положения ее фундаментальной работы, посвященной таштыкской эпохе Южной Сибири, поднимают вопросы, рассматриваемые нами. В этой связи особо заметим, что если аспекты тагарско-таштыкского культурогенеза в основных положениях нам кажутся достаточно убедительными и понятными, то интерпретация материалов завершающей стадии и судьбы таштыкской культуры, а также этнокультурные интерпретации вызывают множество вопросов. Прежде всего, это динлино-гангуйская проблема, которой автор посвящает отдельный исследовательский сюжет. Создается впечатление, что Э. Б. Вадецкая весьма ревностно отстаивает этническое своеобразие енисейских памятников в рамках рассматриваемого исторического раздела. Так, говоря о разнокультурных памятниках и присутствии инокультурного населения на заре таштыкской эпохи, Э. Б. Вадецкая, тем не менее, фактически исключает ранний тюркский гангуйский компонент у населения Минусы, как, впрочем, и кыргызский. Создается впечатление, что автор, приводя убедительные (на первый взгляд) аргументы, доказывает, что указанные легендарные народы могут проживать в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. где угодно, но не в пределах Абакана и Среднего Енисея. Для аргументации письменных картографических данных (лингвистический аспект) Эльга Борисовна использовала, на наш взгляд, весьма неудачные интерпретации Л. А. Боровковой, посвященные картографии сведений «Хань шу» о местонахождении гангуней (цзянькуней) относительно Чэши и ставки северного шаньюя [Боровкова, 1989. С. 61–62], которые нами уже приводились выше. Еще раз подробно разберем этот вопрос в изложении Л. А. Боровковой.

Прежде всего отметим, что автору, как, впрочем, и другим исследователям [Савинов, 1984. С. 8], данные о том, что в 7000 ли на восток от Цзянькунь находилась ставка шаньюев, а 5000 ли на юг — Чэши, представляются «противоречивым и не согласуются друг с другом». Эта противоречивость впоследствии довольно ярко отразилась и на итоговой карте — схеме локализации стран и народов в I веке до н. э. — 25 году н. э. [Боровкова, 1989. Карта 3 АБ]. Страна Цзянькуней (гангуней) оказалась в Северных предгорьях хребта Борохоро к югу от озера Алакуль, в 700 км (вместо 2000 км = 5000 ли!) к ЗСЗ (вместо направления на С). Там же на южных берегах озера Алакуль оказались и динлины. Л. А. Боровкова такое местоположение цзянькуней объясняет тем, что к ним следовало идти не прямо на севере, а на северо-запад, в связи с тем, что, по мнению автора, страны Гянгунь, если бы она была расположена на севере, «достигнуть караванным путем, видимо, невозможно», следовательно, надо идти по самому удобному караванному пути, который проходит через Урумчи на Манас. В этой связи остается совершенно непонятным, почему информаторы, сообщая о направлении от Чэши (кстати, разница не принципиальна какое именно Чэши) до Цзянькунь (гянгунь), приуроченном именно к караванному пути, почти на 90 градусов ошибаются в направлении и в три раза в протяженности самого пути, проходящего, кстати, по относительно равнинной местности. Местоположение Цзянькуней Людмила Акимовна подтверждает тем, что в рассматриваемый момент (49 г. до н. э.) гангуни находились в непосредственной близости от усуней — к северу от них, а усунь должны были занимать территорию где-то в Среднем течении реки Или. Однако, как следует из данных, приведенных выше (см. сако-усуньский ИКК), первоначально усунь занимали территорию близ озера Баркуль. В 71 году до н. э. на востоке земли усунь граничили непосредственно с сюннами на юго-восток от Тянь-Шаня. Более того, эти данные позволили отдельным исследователям даже прийти к выводу о том, что усунь вообще вплоть до II века н. э. не переселялись в районы Семиречья [Досымбаева, 1998. С. 57]. На наш взгляд, территории кочевий усуней были обширны. Точно локализовать их в конкретный временной

момент весьма сложно, так как усунь в целом занимали северные предгорья Тянь-Шаня, постепенно расширяя границы своих кочевий на запад. К I веку до н. э. они владели не только частью восточно-туркестанских территорий северного Притянь-шанья, но и долиной реки Или, Семиречьем и далее к северо-востоку освоили районы вплоть до верховий Иртыша, о чем указывает наличие здесь позднекулажургинских памятников III–I вв. до н. э. (часть курганов Кула-Журга, Баты, Тускаин, Пчела) [Черников, 1975. С. 136]. Таким образом, их кочевья находились в непосредственной близости от предгорий Русского и севера Монгольского Алтая, которые расположены к северу от Турфана (Чеши).

Второе направление (7000 ли к западу от ставки шаньюя) Л. А. Боровкова проводит фактически по той же оси, что и первое, начиная его от Притяньшанья — традиционной территории ставки хуннских шаньюев. Остается совершенно непонятным — почему автор исходную точку связывает с притяньшаньскими ставками хуннов? Из контекста самой фразы это не следует. В переводе В. С. Таскина, шаньюй звучит в единственном числе, что делает ее более осмысленной: «(земли) цзянгуней находились на расстоянии 7 тысяч ли западнее ставки шаньюя и на расстоянии 5 тысяч ли севернее владения Чеши. В них Чжи-Чжи остался жить» [Материалы по истории сюнну, 1973. С. 37]. Думается, информация, сообщаемая в «Хань шу», на тот момент не столько констатировала местоположение дальних народов ганьгуней, сколько фиксировала передвижение мятежного самозванца — шаньюя Чжи-Чжи. Китайские информаторы, находившиеся в данный момент в Чеши, так как в это время Западный край и все основные караванные пути были под властью ханьского Китая,* зорко отслеживали пути перемещения враждебных северных сюннов. По всей видимости, правы те исследователи, которые связывали это расположение ставки шаньюя с предшествующей ставкой северного шаньюя Чжи-Чжи, находившейся в Северо-Западной Монголии (бассейн рек Тола и Орхон) [Бартольд, 1963. С. 476–477; Киселев, 1951. С. 315; Савинов, 1994. С. 7, 8], где он обосновывался подальше от ухуаньев и ханьцев. Согласно этому, широтная ось, протянутая от ставки шаньюя на запад, пройдет также по предгорьям и нагорьям Алтая и юго-запада Саян. Таким образом, если данные «Хань шу» просмотреть под этим углом зрения, то ни противоречий, ни разногласий не будет. Направляющие смыкаются в предгорьях Алтая и в юго-западных Саянах. Такой интерпретации, на первый взгляд, не совсем соответствует протяженность маршрутов. Однако если учесть, что в первом случае северный маршрут проходит, скорее всего, в обход пустыни Гурбан-тюргют по пересеченной местности вдоль западных предгорий Алтая, а во втором по южным предгорьям и нагорьям Саян и Алтая, то увеличение протяженности маршрутов вполне уместно. Таким образом, карта-схема в нашем представлении выглядит следующим образом: к северу от Чеши, в предгорьях и нагорьях Алтая и Саян (юго-запад) располагались ганьгуни и ставка Чжи-Чжи-шаньюя, к северу от них Минуса, еще севернее — Ачинская лесостепь. На юго-западе в Северо-Восточном Казахстане ганьгуни граничили с кочевыми усунями.

Таким образом, отвергать ганьгуньскую гипотезу тагарско-таштыкского культурогенеза сегодня, вероятно, нельзя.

Если принять за основу идею ганьгуньских миграций на Алтай и в Минусу, то реконструкции Э. Б. Вадецкой обретают более конкретный характер. Инокультурное население, по мнению Э. Б. Вадецкой, «спустилось во II–I вв. до н. э. с предгорий Восточных и Западных Саян на правобережье Енисея и в долину Абакана и принесло на Енисей индивидуальный погребальный обряд в каменных ящиках и

* Этот факт подтверждает и Э. Б. Вадецкая, которая в одном из разделов своей работы приходит к выводу, что с середины I века до н. э. по 20–30 годы н. э. над Восточным Туркестаном был установлен китайский протекторат [Вадецкая, 1999. С. 193].

деревянных срубках, восточные ориентировки покойников, а также сосуды сферической формы, которые ранее были распространены в Горном Алтае и Туве и множество других предметов хуннского типа» [Вадецкая, 1999. С. 181].

Одновременность возникновения, близость черт погребального обряда и отдельных категорий вещей как новых весьма схожих культурных инноваций, которые происходят в Горном Алтае и Предгорьях Саян, вполне очевидны. Однако Э. Б. Вадецкая отрицает факт единства, предлагая весьма пространные параллели между схожестью «ящичковых» конструкций и антропологическим обликом инокультурного населения с бесконечно далекой во времени окуневской культурой [Вадецкая, 1999. С. 181]. Вообще остается непонятным, почему автор, столь долго и настойчиво отстаивавший факт присутствия инокультурного компонента среди раннеташтыцкого массива племен, фактически отрицает его роль в сложении собственно таштыцкой культуры.

Появившееся именно в это время кремление покойников очень неубедительно рассматривается как местная погребальная традиция [Вадецкая, 1999. С. 184–185]. В результате таштыцкая культура представляется как некий субстрат, сложившийся на местной этнокультурной почве, хотя и под некоторым влиянием со стороны инокультурного хуннского и ханьского населения. Весь исторический процесс сложения и существования этого массива разорван на отдельные стадии, в рамках которых сосуществуют разноташтыцкие и разнохарактерные памятники. Инокультурный характер в таштыцком культурогенезе в контексте Э. Б. Вадецкой непонятен.

В итоге исторические судьбы «таштыкцев» как-то незримо растворяются в среде угро-самодийских и тюркских культур на гигантской территории от Оби до Лены. Хотя автор не оговаривает, было ли это результатом всеобщего исхода или культурной инфильтрации.

И еще один аспект, который также остается неясным. Если существование таштыцкой культуры, по Э. Б. Вадецкой, продолжается до V–VII вв. н. э. (второй этап таштыцкой культуры) [Вадецкая, 1999. С. 119–129], то остается не совсем понятным характер конечной трансформации таштыцкой культуры. По ее мнению, таштыцские памятники на Енисее сменяют могильники культуры Чаатас, хотя не объясняется, когда это происходит и каков характер взаимодействия чаатасской (тюркской) и таштыцкой культур и период их сосуществования. С одной стороны, Э. Б. Вадецкая говорит об определенных тюркских (конструкция и расположение в ряд каменных оград) и чаатасских (устройство надмогильных сооружений, деревянные фигурки) заимствованиях в таштыцкой культуре, с другой, весьма скептически относится к генетической преемственности между ними [Вадецкая, 1999. С. 197–200].

Последовательность автора в отрицании тюркского культурогенеза на Енисее просматривается в попытке опровергнуть наличие здесь кыргызов или кыргызских памятников VIII–IX вв. [Вадецкая, 1999. С. 183–184], хотя участие тюрков в сложении таштыцкой культуры второго периода автору представляется вполне «вероятным». Однако остается непонятным, были ли это собственно носители культуры чаатас, памятники которой сосуществуют (особняком) с таштыцскими склепами второго этапа, либо это влияние было оказано со стороны прототюркского населения. Исторические судьбы чаатасцев, как собственно самих таштыкцев, остаются смутными и неясными.

Как представляется нам, основные фазы культурогенетических процессов, происходивших в пределах Енисея и Абакана, приходятся на II–I вв. до н. э., I–II вв. н. э. и V–VI вв. Первая соотносится с приходом нового (тесинского по традиционной схеме или инокультурного, по Э. Б. Вадецкой) населения. С ним связано появление грунтовых индивидуальных погребений в каменных ящиках или срубках,

трупосожжений или ингумаций с восточной ориентировкой захороненных, керамических сосудов сферической формы (хотя и не во всех погребениях). Эти инновации были весьма схожи с теми, которые появляются в среде культур горного Алтая несколько раньше, в III–II вв. до н. э. Схожесть булан-кобинских и тесинских погребений не случайна. Возможно, речь идет о едином миграционном потоке из пределов Синьцзяна и Гансуйского коридора. Однако существуют определенные отличия в этнокультурных процессах, происходивших на Алтае и в Минусе. В Алтайском ареале вначале кара-кобинское, а затем буланкобинское население, по всей видимости, вытесняет пазырыкцев в предгорья и плоскогорья Алтая, активно перемещиваясь с ними, что приводит к окончательной трансформации пазырыкской культуры к концу гунно-сарматского периода. Булан-кобинская экспансия была, вероятно, более мощным этнокультурным импульсом, охватившим не только пределы Русского Алтая, но и Восточного (раннекулажургинские памятники) и Центрального (памятники коргантасского типа) Казахстана. В Минусе пришлое тесинское население, вероятнее всего, оказалось малочисленное тагарцев и в короткий срок было ассимилировано или попало под их культурное влияние. Тем не менее, тесинские мигранты положили начало процессу тагарской культурной трансформации, которая закончилась в первых веках н. э. сложением таштыкской культуры. Схожий характер инокультурных воздействий рубежа III–II вв. до н. э. — II–I вв. до н. э. на Алтае и в Минусе и конечное сложение в пределах этих ареалов тюркских общностей теле и цигу-кыргызов позволили нам связать данные воздействия с притоком в пределы Южной Сибири тюркского населения (гянгуней), что привело к окончательной этнокультурной трансформации местного населения. В Минусе это, прежде всего, выразилось в тотальном переходе населения к обряду кремации, который ранее применялся выборочно для социально (а возможно, и этнически) значимого населения (мужчины-воины, по Э. Б. Вадецкой [Вадецкая, 1999. С. 185]). По нашему мнению, исчезновение традиции сооружения грандиозных склепов и переход к более простым конструкциям индивидуальных курганов — чаатасов представляет собой процесс этнокультурных и социальных преобразований в среде населения Енисея и Абакана, который начался еще во II–I вв. до н. э. Население, принимавшее участие в этих сложнейших процессах, в основе своей являлось дальними потомками «тагарцев», однако длительный приток новых инокультурных (более монголоидных по своему антропологическому облику народов [Алексеев, 1973. С. 223; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 234]), в конечном счете, привел к окончательной тюркизации населения.

Коротко подытожим данные об основных этапах этнокультурных процессов, происходивших в период поздней древности в пределах Минусы и лесостепных районов Кузнецкого Алатау. Распад тагарской общности в Саяно-Минусинском регионе ко II веку до н. э. приводит к формированию новой тесинской культуры. Основные ее черты на первом этапе — индивидуальные захоронения в срубах-гробах, каменные ящики, простые ямы или ямы с подбоем, ориентировка погребенных головой в восточный сектор. Вещевой инвентарь приобретает облик, характерный для хунно-сарматской эпохи, где наряду с кинжалами с клиновидным лезвием и круглым навершием, круглыми безъязычковыми железными пряжками, сложносоставными луками и трехлопастными наконечниками стрел появляются зооморфные и округлые пряжки и накладки «ордосского стиля» [Комплекс археологических памятников., 1979. С. 79; Худяков, 1986. С. 63; Мартынов, 1996. С. 32]. Данные инновационные изменения появляются как в тесинских памятниках Минусинской степи, так и в синхронных комплексах шестаковской культуры Канско-Ачинской лесостепи [Мартынов, 1996. С. 35–36]. Тесинско-шестаковская миграционная волна представляет собой особый этап культурогенеза, который ознаменовался становлением таш-

тытской культурной общности. Миграционный характер ее возникновения сегодня не оспаривается большинством авторов. В основе этого импульса, как следует из письменных источников, были гянгун, проникшие на Средний Енисей в середине I века до н. э. [Бичурин, 1950. С. 350; Кызласов, 1979. С. 164–165; Киселев, 1951. С. 581]. Таштыкский культурогенез привел к окончательному формированию хакасско-минусинского гянгун-кыргызского тюркского ареала. Гянгунские миграции в середине I века до н. э. не были первым этапом тюркизации Минусы. Вероятно, начало тесинских трансформаций на рубеже III–II вв. до н. э. также было связано с воздействием тюркских мигрантов. В определенной мере на это указывает тот факт, что кардинальные изменения в Саяно-Минусинском ареале и аналогичные изменения на Алтае в среде постпазырыкского населения весьма схожи и приходятся на один и тот же период.

Тесинский этап явился важнейшим периодом трансформации тагарской этнокультурной общности. В рамках его продолжают развиваться традиционные культурносоставляющие черты тагарского облика, что своеобразно продолжает эстафету от тесинского этапа к памятникам таштыкской культуры. Это, прежде всего, выразилось в сохранении традиций склепных захоронений, их архитектурных особенностях и формировании основных принципов погребальной обрядности внутри них. Данный тип погребальных сооружений, по всей видимости, связан со знатными семьями и родами. На это указывает монументальность исследованных склепов тесинского времени (Барсучиха, Тепсей XVI, Большой Тесинский, Уйбатский, Кызыл-Кульв).

Однако наряду со склепами тагарского облика в среде материальной культуры населения Минусы продолжает существовать так называемый второй тип индивидуальных погребений в каменных ящиках, деревянных срубках (рамах) и грунтовых ямах [Пшеницына, 1992. С. 227–229]. Погребенные в них лежат вытянуто на спине или на боку, головой на восток. Не может не броситься в глаза то, что шибинские комплексы этого типа имеют большее сходство с синхронно возникающими булан-кобинскими памятниками. Создается впечатление, что в самом начале хуннской эпохи огромный южносибирский ареал от Енисея до Иртыша попадает под влияние единой культурной общности, население которой предпочитало хоронить своих умерших индивидуально в ящиках, деревянных рамах и срубках, головой на восток. Некоторое различие булан-кобинских и тесинских памятников наблюдается в вещевом комплексе, хотя и здесь мигранты привносят близкие типы изделий (мечи и кинжалы с кольцевым навершием, железные и костяные пряжки с неподвижным язычком, а также пряжки железные восьмерковидные с перехватом, отдельные типы зеркал). В тесинских памятниках присутствует керамика, однако стоит заметить, что в основном это сосуды общетагарского облика и присутствие их в погребениях необязательно [Комплекс археологических памятников..., 1979]. Привнесенной является и традиция изготовления глиняных лицевых масок, которая в совершенстве была развита в таштыкское время. С миграцией связано и появление в тесинских и соседствующих с ними в лесостепной зоне шестаковских памятниках пряжек и зооморфных накладок ордосского стиля [Дэвлет, 1980. С. 80; Мартынов, 1996. С. 35–36]. В Минусе подобных находок значительно больше, чем в синхронных алтайских комплексах, что указывает на более широкие контакты мигрантов Минусы с хуннской Монголией. К сказанному добавим, что вновь прибывшее население Минусы, как и Алтая, имеет ощутимую примесь монголоидности [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 234].

Окончательное сложение таштыкского ИКК привело к формированию основных черт погребального обряда: большие прямоугольные ограды; многоразовые склепы, сооруженные из дерева; преобладание трупосожжений; трупоположение ориентированное на З–СЗ.

Кроме того, значительно изменился (в сторону большей монголоидности) антропологический облик населения.

Впоследствии (с VI в.) наблюдается генетическая преемственность таштыкской и раннетюркской чаатасской культур. Отдельные изменения связаны с некоторой унификацией насыпей курганов (многоугольность, округлость, появление стел), полным преобладанием трупосожжения, изменением форм керамики. В целом же культура чаатас, расширив свою территорию, продолжила линию генетического развития таштыкской культуры.

Таким образом, в Южной Сибири формируются два тюркских ареала: восточный – Минусинский (кыргызский) и западный – Алтайский (телесский). Третьей культурной зоной была Тува, которая, вероятно, с последнего века до н.э. становится отдаленной северо-западной провинцией хуннской империи. Сложившиеся здесь шурмакская и кокельская культуры (II в. до н.э. – VI в. н.э.) несут основные яркие черты облика хуннской культуры: округлые каменные насыпи; вытянуто-прямоугольные ямы; северная ориентировка погребенных; гробовины, деревянные перекрытия; хуннские типы вещевого инвентаря.

Думаю, не стоит углубляться в излишнюю детализацию описания этих культур. Яркий хуннокультурный облик их не вызывает сомнения у большинства авторов [Кызласов, 1979. С. 79–83; Daz Graberfeld..., 1984. Р. 9–17].

Весьма интересен тот факт, что после окончания хуннской эпохи территория Тувы становится контактной зоной, в которой происходит смешение двух вышеуказанных тюркских ареалов. В этой связи весьма интересны курганы могильника Улук-Хорум, где наряду с погребениями с конем имеются и курганы с кремацией [Грач В. А., 1982]. В. А. Грачом также исследован интереснейший комплекс Хочу-Хову в Западной Туве. Здесь рядом с оградками с трупосожжением были обнаружены стелы с руническими текстами и изображением животных. Способ письма и характер изображений позволили автору датировать комплекс VI–VII вв., то есть временем I Тюркского каганата [Грач А. Д., 1968. С. 207–213]. В VII–VIII вв., очевидно, наблюдается продвижение телесского населения, составляющего западный алтайский ареал на восток в пределы Северной Тувы и юго-западной Хакасии, где исследовано сравнительно большое число инокультурных комплексов (захоронения с конем) (Таштык, Усть-Тесь I, Кагалы II, Тепсей III, Уйбай II и др.) [Нестеров, 1982. С. 101].

Впрочем, говорить о Туве как о контактной зоне между западным и восточным тюркскими южносибирскими ареалами можно лишь условно. Не исключено, что территория Присаянья могла подвергаться непосредственной тюркской экспансии с юга — из Восточного Синыцзяна и Западной Монголии в эпоху тюркских каганатов.

§ 4. Расширение раннетюркского ареала на запад. Итак, отследив формирование двух основных возможных южносибирских тюркских ареалов: западного — телесского и восточного — хакасского, мы выяснили тот факт, что, по всей видимости, этнокультурную общность гянгуней составляли две культурные слагающие. В археологическом плане это выразилось в существовании двух традиций: а) погребения с конем, курган с округлой каменной насыпью, ориентация погребенных в восточный сектор и необязательность установки керамики в могильную яму; б) мегоплановые сооружения, прямоугольные или многоугольные ограды (храмы), трупосожжение, захоронения лошади или ее частей, установка керамической посуды в могильную яму. В историческом плане эти традиции хорошо соотносятся с этноплеменным двуединством — теле и тьюгу Тюркского каганата.

Означенные данные позволяют маркировать процесс проникновения этих культурных традиций в западном направлении. Наиболее четко эти импульсы можно

отследить по распространению традиции трупосожжения в кочевнических комплексах последних веков I тыс. до н. э. — первых веках н. э.

В качестве оговорки отметим, что эти материалы крайне ограничены и не позволяют говорить о полномасштабном гянгу́ньско-тюркском переселении на запад, подобно сакам, юэчжам, усуням, гуннам и др. По всей видимости, эти частичные миграции происходили в составе каких-то из этих этноплеменных конфедераций, так как находились с ними в непосредственной близости. Немногочисленные памятники прототюркского периода лишь позволяют говорить о самом факте участия прототюрков в западных миграциях.

В 1976–1977 годах китайскими археологами в Ташкурган-Таджикском уезде СУАР исследован Ташкурганский могильник, расположенный в Припамирье (Юго-Западный Синьцзян). В нем зафиксированы две значительно различающиеся группы погребальных комплекса. В одном случае (под каменными насыпями и оградами, под деревянными перекрытиями, в овально вытянутых ямах, в скорченном положении головой на север) была зафиксирована ингумация, в другом (в схожих курганах и могильных ямах) — кремация. В целом Ташкурганский могильник был датирован Чэнь Гэ весьма широкими рамками VIII–III вв. до н. э. Думается, что эту датировку следует сузить в ее нижней части, так как большая часть вещевого материала (черенковые двулопастные наконечники стрел, прорезные ажурные накладки, грушевидные круглодонные горшки) позволяет говорить, по аналогии с Синьцзянскими материалами, о временном диапазоне V–III вв. до н. э. Исследователь могильника Чэнь Гэ вполне справедливо отнес первую группу комплексов к кругу припамирских саков. Данная точка зрения не оспаривалась и отечественными археологами [Восточный Туркестан..., 1988. С. 176–181].

Вопрос об этнокультурной интерпретации второй группы материалов остался открытым. Не случайно, что после раскопок в 1972 году иссыкских курганов их исследователи вновь обратились к параллелям из Ташкурганского могильника. Дело в том, что в одном из иссыкских курганов (№ 4) также в вытянуто-овальной яме было зафиксировано трупосожжение. Материал, хотя и немногочисленный (кружка с петлевидной ручкой и железный нож), позволил авторам исследований довольно уверенно соотнести его с усуньскими памятниками последних веков I тыс. до н. э. [Загородний, Григорьев, 1998. С. 119–121. Рис. 1].

Наличие в памятниках сако-усуньского ИКК на западной периферии Восточного Туркестана курганов с трупосожжением нам кажется не случайным.

Как мы уже говорили выше, этот комплекс, в определенной мере, фиксирует единство восточно-сакского и усуньского населения, обусловленное их совместным проживанием в пределах юга Синьцзяна. С другой стороны, здесь же в непосредственной близости от усуней, вероятно, располагались и гянгуни, о чем говорилось выше. Если принять предположение о том, что кремация являлась своеобразным этнокультурным маркером именно гянгу́ньского населения (памятники Таштыкского и Чаатасского круга), то вполне логично допустить, что именно с западными импульсами восточно-сакского и усуньского населения оказалась связана часть гянгуней.

Еще раз повторимся, что речь идет не о палеотюркских западных миграциях, а о некотором присутствии их среди переселенцев на раннем этапе. Подтверждаются ли эти наблюдения в дальнейшем? В начале 50-х годов в Юго-Восточном Приарале исследовано несколько погребений на хорезмийских городищах Куня-Уаз и Канга-кала [Неразик, 1958. С. 381–382; Толстов С.П., 1958. С. 217–218]. По мнению исследователей, они отличались однотипным ритуалом и нигде более в Средней Азии не были зафиксированы [Неразик, 1958. С. 198]. Это были коллективные захоронения, совершенные в больших помещениях. На полу в травяных гнездах лежали скоп-

ления костей, рядом черепа. В захоронении на Канга-Кала найдены погребальная маска и остатки объемной скульптуры, сделанные из алебастры. Фрагменты глиняных и алебастровых человеческих скульптур были найдены также в Куня-Уазе. Обнаруженный вещевой инвентарь позволяет датировать эти комплексы III–IV вв. н.э. Причем обе комнаты имеют следы последующего ритуального *сожжения* или *пожара*. Черты данного погребального ритуала позволили Е. Е. Неразик искать аналогии среди минусинских комплексов таштыкской культуры. Интересно, что погребенные, захороненные в склепах, имеют антропологическую схожесть с южно-сибирским населением [Неразик, 1968. С. 199–200].

На основании полученных параллелей Е. Е. Неразик вслед за А. Н. Бернштамом, приходит к мысли, что эти памятники оставлены гангуйскими (протогунгуйскими) кочевниками, проникшими в Среднюю Азию на волнах северо-гуннского переселения в середине I века до н.э., в конце I века н. э. и в начале II века н. э. [Бернштам, 1951. С. 231; Неразик, 1958. С. 200]. Таким образом, погребальные комплексы Канга-Кале и Куня-Уаз столь ярким способом убеждают нас в том, что тюркское население гангуей на самом раннем этапе своего существования осуществляло инфильтрацию в западном направлении в составе племен переселенцев из Восточного Туркестана в Среднюю Азию и Казахстан. Некоторым образом археологические данные о присутствии гангуей в Средней Азии подтверждаются информацией письменных источников. Среди территорий и народов, которые были завоеваны войском гуннов-эфталитов в 90-х годах V века и начале VI века н. э., упоминаются: Пенджаб, Тохаристан, Уструшана, Согд, Арка-Агни (Карашар), часть иранского Гургана. В этом же тексте упоминается о покорении ганюев и их князя Мидоту в 494–496 годах н. э. [Кондратенко, 1994. С. 38–39]. Особая значимость хорезмских комплексов заключается в том, что они, хотя и косвенным образом, указывают на то, что исходной территорией гангуей являлся Синьцзян. Так как в противном случае совершенно трудно вообразить, что какая-то часть (причем весьма небольшая) таштыкского населения перекочевала на многие тысячи километров из Минусы в Приаралье, преодолев при этом две крупнейшие азиатские горные системы — Саяны и Алтай. В случае же переселения по маршруту Гаочан — Хорезм путь довольно четко пролегал по одной из трасс (Прикуньлуньскому или Притяньшаньскому) Шелковому пути.

Вот, пожалуй, те немногие данные, которые позволяют говорить о гангунском присутствии в западных пределах палеотюркского (восточно-туркестанского) ареала.

Существуют ли другие векторы прототюркских миграций? По мнению отдельных авторов, информация генеалогических легенд позволяет говорить о северо-западном направлении переселения тюрков-ашинов в предгорья Алтая [Бичурин, 1950. С. 220–221; Киселев, 1951. С. 494; Аристов, 1896. С. 279; Кляшторный, 1964. С. 110]. Эта точка зрения основывается на отождествлении гор Циньшань с Монгольским или даже Русским Алтаем. Приведенная выше точка зрения Л. А. Боровковой отрицает столь далекое переселение тюрков-ашинов. На раннетюркском этапе она помещает их после переселения в непосредственной близости от Гаочана (к северо-востоку от Турфана) [Боровкова, 1992. С. 90–108].

С. Г. Кляшторный делает гипотетическое предположение о юго-восточном направлении переселения ашинов после 265 года за Великую стену. А после разгрома государства цзюйцзев (гуннов западного Хэси (Гансю)) ашины вновь возвращаются в Гаочан. Это предположение, по всей видимости, сыграло определенную роль в том, что С. Г. Кляшторный называет первый ранний период истории племен ашина гансуйско-гаочанским и датирует его III веком н. э. — 460 годом [Кляшторный, 1964. С. 110–111]. Отсутствие археологических данных с этих территорий не позволяет

принять или отвергнуть данную реконструкцию. Хотя, учитывая масштаб переселений или оттока части пратюркского гянгуйского населения на север и на запад, вполне возможно допустить, что после распада в начале Ханьской (220 г. н. э.), а после Цзиньской (316 г. н. э.) империй в период междоусобиц «шестнадцати варварских государств пяти северных племен», бесспорно, существовали историко-политические условия для частичного переселения гянгуней-ашина в Северное Ганьсу и Шэнси.

Подведем итог наших историко-культурных реконструкций. На наш взгляд, сегодня возможно четко определить лишь два вероятных этапа тюркского культурогенеза. Первый или дотюркский (гянгуйско-гаочанский)* этап — III в. до н. э.—середина VI в. н. э. Данный этап, как и дохуннский, характеризуют весьма разрозненные данные. Письменные источники, содержащие отрывочные сведения о полулегендарной стране Гянгунь, которая связывается большинством исследователей с пратюркским ядром, не позволяют точно картографировать ее территорию в самое раннее время. Сегодня можно лишь констатировать, что наиболее раннее упоминание приводится в связи с завоеванием гянгуней в 201 году до н. э. Модэ. Понятие «Страна Гангунь (Цзянгунь)», на наш взгляд, фиксирует существование наиболее древнего палеотюркского единства племен, населявших первоначально территории степей Западной Монголии и Джунгарии (по обеим сторонам Монгольского Алтая, от котловины Больших Озер до Турфана). Основой этой общности, вероятно, являлся древний пласт сако-хотанского этнолингвистического единства. С возникновением хуннской империи начинается длительный этап гянгуньских миграций в Минусу, Верхнее Приобье, Алтай, Казахстан, Приаралье, который приводит в V–VI вв. н.э. к возникновению территориально и культурно обособленных тюркских объединений. Сам этноним гянгунь (гэгунь, цзянгунь, хырхыс, кыргыз) унаследовали енисейские кыргызы [Кызласов, 2001. С. 73], хотя какая-то часть гянгуней доживает далеко на западе в Приаралье, вплоть до эпохи эфталитов. Приалтайское объединение получает наименование «теле», а за центральным ядром (тюгю) закрепляется родовое имя ашины. Вероятнее всего, ашины выступают в общей связи с усунями на сопредельных территориях юга Туркестана и происходят от единых общесакских этнокультурных корней. Ашины явились этнородовой основой Западнотюркского каганата. Территориально эта тюркская ветвь локализовалась в пределах азиатских степей от Восточного Туркестана до Причерноморья. Более определенные сведения о пратюрках содержатся в китайских хрониках, относящихся к III–IV вв. н. э. и сообщающих о взаимоотношении государства Гаочан, жужаней и телесцев. Интерпретация их позволила Л. А. Боровковой достаточно точно определить местонахождение пратюркского ядра в пределах Восточного Туркестана к северовостоку от Турфанского оазиса [Боровкова 1992. С. 90–93]. К сожалению, отсутствие археологических данных с этих территорий позволяет лишь косвенным образом реконструировать культурный комплекс дотюркского населения. Обратившись к данным сопредельных территорий Саяно-Алтая, мы обнаруживаем, что здесь к первым векам нашей эры складывается два культурных ареала: восточный — хакасско-минусинский и западный — саяно-алтайский. Первый складывался на основе миграционного импульса тюркоязычного населения в 49 году до н. э., то есть в определенной мере является прообразом культурной модели гянгуней (тюрков-тюгю). Эти процессы приводят, как известно, к формированию таштыкской культуры. Ее характеризуют каменные ограды (наземные склепы) округлой или прямоугольной формы, сооруженные на площадке, окруженной стелами или камнями, а

* Хотя, как известно, существуют весьма смутные воспоминания в письменных источниках о неком Хесинском или Пиньянском периоде первоначального расселения тюрков-ашинов и усуней (вероятно, в едином составе) [Кляшторный, 1964. С. 121–125; Зуев, 1967. С. 12–13].

также обряд трупосожжения с установкой в яме или в насыпи кургана керамической посуды, помещения в могильную яму мяса овцы и лошади. Впоследствии эти черты погребального обряда, несколько унифицируясь, стали характерными и для раннетюркской культуры чаатас. Вещевой комплекс этого ареала составляют следующие категории предметов: колчаны с трехлопастными (асимметрично-ромбическими, удлинненно-шестиугольными, боеголовковыми и др.) наконечниками стрел, кинжалы, предметы конской узда (кольчатые или восьмерковидные стремяна).

Второй ареал являет собой логическое продолжение алтайско-пазырыкских (шибинских) и западных, сако-усуньских, традиций. Основные его черты (округлые каменные насыпи или ограды, срубы, каменные ящики, погребения с конем, СВ–В ориентировка захороненных, отсутствие керамической посуды), на наш взгляд, сформировались к III–II вв. до н. э. с проникновением на Алтай части гянгуней, вытесненных из Восточного Туркестана хуннами. На основе его формируются комплексы кудэргинско-катандинского круга. Ряд исследователей соотносит эти комплексы с тюрками-теле. Характерной деталью телеского комплекса являются жертвенные захоронения коней и мегоплановые конструкции в виде пристроенных рядов жертвенно-поминальных оград, каменные гряды вытянутые по линии З–В на расстояние до 150 м с установленными на их концах стелами или каменными изваяниями. Вещевой комплекс составляют колчаны с крупными трехлопастными и боеголовковыми наконечниками стрел, сложные луки, однолезвийные палаши, предметы конской узда (удила с костяными или железными псалиями, костяные и железные подпругные пряжки, крючки, чумбурные бляхи, стремяна). Маркирующим является геральдический поясной набор и серьги с каплевидной привеской, со шпеньком и подвеской с раструбом и выемкой в нижней части [Овчинникова, 1990. С. 221. Рис. 53].

Расширение тюрко-телеского ареала происходит на следующем раннетюркском (тюрко-телеском) этапе конца V–VIII вв., о чем более подробно будет сказано в следующей главе.

Глава 6

УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИЕ СТЕПИ В РАННЕТЮРКСКИЙ ПЕРИОД (V–VIII вв.)

Все допустимые сегодня реконструкции хунно-гуннского культурогенеза в пределах Азии тесным образом связаны с ранней историей тюрков. Разрыв между азиатской историей гуннов и тюрков составляет около двухсот лет. За это время в недрах Евразийских степей произошли эпохальные изменения и V–VI вв. являются сложнейшим историческим периодом степной Евразии. Пожалуй, трудно найти в кочевнической истории этап, который был бы столь скудно представлен археологически и разнопланово, хотя и далеко неоднозначно, освещен в письменных источниках. В широком понимании причины этого лежат в тех деструктивных процессах, которые ознаменовали собой смену двух культурно-исторических эпох — сюнно-гуннской и тюркской. На наш взгляд, сегодня круг специалистов гунно-тюрковедов не пришел к единому мнению о том, где очерчивается рубеж, за которым гуннская археология сменяется раннетюркской. Казалось бы, письменные источники с точностью до года хронометрируют, с одной стороны, последние деяния гуннов в Центральной Европе и восточных сунну в Китае, с другой, — первые походы Бумыня в Центральную и Восточную Монголию и Истеми-хана в Среднюю Азию и Восточную Европу. Несмотря на то что между ними лежит столетний рубеж, однозначно выделить на археологическом материале две эти фазы культурогенеза в степях Евразии, особенно в ее срединной части, сегодня невозможно. В большей степени это связано, с одной стороны, с тем, что существует известный разбой в полтора и даже два столетия в хронологии средневековых древностей Евразийских степей, с другой — тем, что при общем построении всеобъемлющих хронологических шкал и систем большинство исследователей как бы абстрагируются от тех условий, которые задаются общими причинами культурно-генетических процессов, а также процессов культурной локализации, отобразившихся на хронологическом несоответствии (как правило, значительное запаздывание) отдельных типов вещевого материала, установить которое если и возможно путем сложных корреляционных построений, то только внутри замкнутых массивов.

Таким образом, построение сквозных хронологических шкал для материала, собранного со значительных и тем более разноландшафтных территорий, представляется сегодня сложным и не всегда корректным. Однако это ни в коей мере не приостанавливает процесса построения историко-культурных реконструкций, которые, на наш взгляд, возможны с установлением идентификации тех или иных историко-культурных комплексов в конкретных пространственно-временных рамках.

Установив исходные рамки, всегда можно проследить последующее расширение их границ либо качественные изменения.

На наш взгляд, основополагающей причиной эпохальной ломки в истории Евразийской степи в конце первой — начале второй половины I тысячелетия стали ландшафтно-климатические изменения, произошедшие в азиатских и восточноевропейских степях. Учитывая тот факт, что кочевничество является экстремальной формой жизнедеятельности в условиях весьма изменчивых аридных экосистем, можно с уверенностью предположить, что кочевнические сообщества чутко реагировали на любые изменения условий среды обитания.

Так, вероятно, окончательное формирование к IV–V вв. схожей с современной

карты степных ландшафтов в Центральной Азии привело к установлению широкого пояса пустынных и полупустынных зон (Гоби, Такло-Макан), что значительно ограничило — до кромки лесостепей и Саяно-Алтайских предгорий — ареал обитания степного населения [Грумм-Гржимайло, 1933. С. 452]. Сложные экологические и этнополитические условия в пределах Большой Монголии приводят к тому, что новое этнополитическое формирование складывается не в центральномонгольских степях, а на Алтайско-Саянских предгорьях и нагорьях и в Восточном Туркестане. Аналогичные условия сложились в среднеазиатских, центральноказахстанских и волго-уральских степях.

К V веку значительно дестабилизируется либо вовсе прекращает функционирование Урало-Аральская пастбищно-кочевая система, что, безусловно, влечет за собой переориентацию миграционных маршрутов Великого Переселения народов. Причины этого лежат в природно-климатических изменениях, которые, вероятнее всего, были вызваны регрессией Арала, обмелением и засолением Сырдарьи и Амударьи и общим осушением аридной зоны [Шнитников, 1957. С. 268–270; Кесь, 1979. С. 20]. С широты Нижнего Поволжья (по почвоведческим данным И. В. Иванова) с IV века на четыре столетия устанавливается зона пустынь. Данный природно-климатический катаклизм достаточно отчетливо фиксируется в археологических материалах Присырдарьинского бассейна. Фактически все памятники отроаро-карагауской, джетыясарской и каунчинской культур правобережной Сырдарьи, отмеченные с первых веков н. э., прекратили существование к рубежу VII–VIII вв. [Байпаков, Подушкин, 1989. С. 26; Бурханов, 1992. С. 12; Григорьев Г.В., 1940; Левина, 1966; Максимова, Мерсчиев, Вайнберг, Левина, 1968]. Причем это произошло в два этапа: мелкие поселки и селища перестали функционировать к V веку, а городища — к рубежу VII–VIII вв. [Толстов С.П., 1949. С. 27], что объясняется существованием различных систем орошения — самоточной и активно-принудительной. Данный факт достаточно четко отражен и в письменных источниках. На карте «Синь-Таншу» среди стран запада исчезают два крупнейших этнополитических объединения Сутэ-Яньцай и Цжеше-Канцзюй, которые достаточно четко локализовались в предшествующем по времени повествовании «Вэй-шу» [Боровкова, 1989. С. 115, 116, 120, 121. Карта 4 Б; С. 162, 163. Карта 5 Б].

Безусловно, означенные процессы не могли не сказаться на количестве археологических памятников. На огромной территории урало-казахстанских степей можно насчитать не более десятка комплексов, датируемых в рамках V–VI вв. Как правило, большинство из них общеизвестны и неоднократно рассматривались на страницах печати (Шипово, Муслюмово, Боровое, Кара-Агач, Канаттас и т. д.). Традиционно их соотносят с финальным этапом гуннской эпохи, и дискуссии вокруг них в основном разгорались в области вопросов хронологии [Амброз, 1971; 1971а; 1973; 1980; 1985; 1986; 1986а; 1989; Засецкая, 1978; 1982; 1994; Засецкая, Маршак, Щукин, 1979]. Создание каких-либо культурно-исторических построений на их основе весьма затруднено, так как большинство этих комплексов представлены либо отдельными находками предметов, либо данные по фиксации элементов погребального обряда не полны и не ургаточны.

Таким образом, период V–VI вв. стал своеобразным «смутным» (неведомым, непонятым) временем для урало-казахстанских степей. Однако, понимая его важность в культурогенезе восточноевропейских (авары, савиры, болгары и др.) и западно-азиатских (огузы, печенеги, башкиры, мадьяры, кимаки, кипчаки) этноплеменных образований последующего времени, мы попытаемся остановиться на отдельных вопросах интерпретации уже известных материалов и анализе вновь исследованных комплексов, позволяющих проследить культурно-исторические тенденции развития очерченного региона в тюркское время.

§ 1. Курганы с «усами» и памятники селенташского типа. До определенного времени считалось, что в урало-казахстанских степях отсутствуют памятники, которые можно идентифицировать как раннетюркские комплексы VI–VIII вв. В 1984 году у поселка Варна был исследован курган 4 могильника Елантау VIII–IX вв., где был зафиксирован обряд трупосожжения в центре подпрямоугольной площадки на погребенной поверхности. Впоследствии такие курганы получили название «памятники селенташского типа» [Боталов, 1996. С. 118–128]. После исследований кургана 14 могильника Кайнсай и курганов Оленина Отнога и Кызыл-Жар была отмечена близость погребального обряда этого типа памятников с погребальным обрядом курганов с «усами» или с грядями.

Памятники этого типа встречаются на огромной территории Евразийской степи от Восточного Туркестана до Поднепровья. Однако наибольшее количество курганов с «усами» сосредоточено в четырех компактных группах: I — сары-аркинская, включающая большую часть Центрального Казахстана и Поиртышья; II — улутаутская; III — мугоджарская и примыкающая к ней VI — зауральская. Последние две группы курганов с «усами» и памятников селенташского типа на сегодняшний день имеют большой процент исследованных и картографированы в пределах урало-казахстанского региона (рис. 75).

Вероятно, первое краткое описание и схематический набросок плана кургана с «усами» в Центральном Казахстане сделал краевед Л. Ф. Семенов, приславший в 1927 году в Государственную академию истории материальной культуры письмо с просьбой о научной консультации по некоторым памятникам Акмолинского округа [Семенов, 1930; Кадырбаев, 1966. С. 305].

В 1930 году один такой курган раскопал Б. Н. Жданов на берегу озера Большое Чебачье [Грязнов, 1956б. С. 9; Кадырбаев, 1959б. С. 94; 1966. С. 306]. В 1933 году экспедиция Государственной академии истории материальной культуры под руководством П. С. Рыкова исследовала курган с «усами» в урочище Дандыбай [Рыков, 1935. С. 43]. Серия таких комплексов «от Чингизского хребта до верховьев р. Тобола» была открыта и исследована Центрально-Казахстанской археологической экспедицией под руководством А. Х. Маргулана [Маргулан, 1948; 1948а; 1949. С. 9; 1951]. С середины 50-х годов XX века изучение курганов с «усами» продолжил М. К. Кадырбаев, открывший и исследовавший значительное количество комплексов в Центральном и Южном Казахстане. Им была предложена датировка курганов с «усами» и разработана их типология [Кадырбаев, 1958; 1959; 1959а; 1961; 1962; 1966].

Исследованием курганов с «усами» в Казахстане в 1960–1970 годах занимались и другие археологи. Так, С. М. Ахинжанов раскопал в предгорьях Каратау (Южный Казахстан) комплекс Беркутты [Ахинжанов, 1977. С. 75–80], а А. М. Оразбаев — курган 1 могильника Джанайдар в Центральном Казахстане [Оразбаев, 1969. С. 177–178]. Несколько курганов с «усами» в Восточном Казахстане исследовала Ф. Х. Арсланова [Арсланова, 1975. С. 116–129]. В 1980 году Э. Р. Усмановой в Центральном Казахстане (Улытау) исследуется курган с «усами» на могильнике Батыр-Булак [Усманова, 1987. С. 99–102]. С середины 90-х годов прошлого века изучением курганов с «усами» в Казахстане активно занимается А. З. Бейсенов, рассмотревший ареал их распространения, вопросы архитектурно-планировочных особенностей, датировку и назначение. Им же была предложена и новая типология этих памятников [Бейсенов, 1996; 1996а; 1997; 1999; 2002; 2004; Бейсенов, Волошин, 2002]. Исследования комплексов курганов с «усами» в Центральном Казахстане продолжают [см., например: Пересветов, 2001; Свиридов, 2004].

Впервые мысль о датировке курганов с «усами» эпохой раннего железа была высказана, вероятно, П. С. Рыковым, который, правда весьма осторожно, включил их в группу памятников, условно относимых к «скифо-сарматским» [Рыков, 1935.

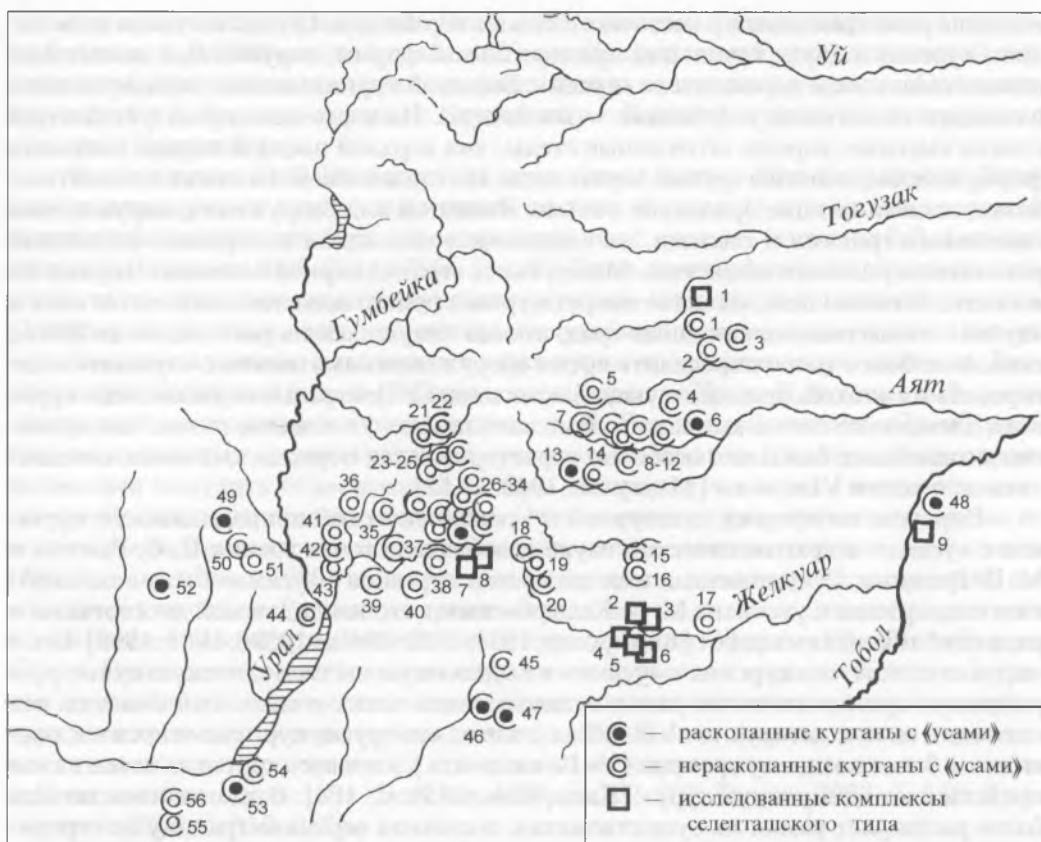

Рис. 75. Памятники селенташского типа, южноуральская группа (с учетом данных И. Э. Любчанского, И. М. Батаниной, Н. В. Левит). Fig. 75. The Selentash-type monuments, South Ural group (considering the data of I. E. Lyubchanskiy, I. M. Batanina, N. V. Levit)

Курганы с «усами»: 1 – Варненский; 2 – Тулак; 3 – Новокулевчинский; 4 – Мичуринский; 5 – Система; 6 – Городищенский; 7 – Красный Яр; 8 – Знойный; 9 – Карталы; 10 – Вишневый; 11 – Рассветное; 12 – Елизаветпольский; 13 – Оленина Отнога; 14 – Карагайлы-Аят; 15 – «Чертово городище» I; 16 – «Чертово городище» II; 17 – Кайсай; 18 – Рымникский; 19 – Мирный; 20 – Синташтинский; 21 – Куйсай; 22 – Зингейский; 23 – Заря I; 24 – Заря II; 25 – Сухореченский; 26 – Каменка I; 27 – Новинка II; 28 – Новинка I; 29 – Новинка 1а; 30 – Александровский; 31 – Крутая гора; 32 – Черкасы; 33 – Кайрахта I; 34 – Кайрахта II; 35 – Амамбайский; 36 – Карабулак; 37 – Измайловский I; 38 – Измайловский II; 39 – Кондуровский; 40 – Амурский; 41 – Ильясский I; 42 – Ильясский II; 43 – Обручевский; 44 – Березовский; 45 – Адрианоуполь; 46 – Солончанка I; 47 – Солончанка IX; 48 – Кызыл-Жар, курган 3; 49 – Нижне-Давлетовский; 50 – Баишево X; 51 – Баишево VIII; 52 – Султантемирский; 53 – Новоактюбинский I, к-н 1; 54 – Уральский; 55 – Медес; 56 – Чаушский.

Исследованные комплексы «селенташского» типа: 1 – Елантау; 2 – Селенташ, курган 4; 3 – Крутой Овраг, курган 2; 4 – Крутой Овраг, курган 3; 5 – Крутой Овраг, курган 4; 6 – Александровские, курган 11; 7 – Александровские, курган 2; 8 – Кызыл-Жар, курган 3

С. 43]. В дальнейшем эту мысль поддержал М. П. Грязнов, отмечавший, что «если не все, то какая-то часть этих курганов относится к раннескифскому времени». Основой для такого вывода послужили, очевидно, материалы кургана на берегу озера Большое Чебачье, раскопанного в 1930 году Б. Н. Ждановым [Грязнов, 1956б. С. 9, 10].

Однако уже в самом начале исследований курганов с «усами» существовала и иная точка зрения на их хронологическую и культурную принадлежность. Так, еще в 1949 году А. Х. Маргулан высказал предположение о возможности датирования курганов с «усами» или, как он их называл, курганов с «лучами», второй половиной I тыс. н. э. Основания для этого ему дала группа памятников с «лучами» и стелами

в долине реки Джинишке у восточного склона гор Бегазы. Группа состояла из большого кургана и двух углублений прямоугольной формы, окруженных каменными вымостками в виде дорожек или «лучей». Большой курган занимал западную часть площадки памятника, углубления — восточную. На восточных краях углублений стояли высокие, хорошо обтесанные стелы, «на верхней части которых, имеющих форму головы, заметны грубые черты лица. На стелах имеются также непонятные знаки, напоминающие орхонское письмо. Внешний вид сооружения, окруженного каменными грядами и стелами, дает некоторые основания датировать его эпохой разложения родового общества... Может быть, это был период сложения тюркского каганата. В самом деле, наличие вокруг кургана целого комплекса объектов: стел и «лучей» из массивных каменных гряд, иногда тянувшихся на расстояние до 250 м, позволяет более точно определить время сооружения памятников с «лучами» и датировать их эпохой, предшествующей появлению в Центральном Казахстане крупного племенного союза кыпчаков... Высокие, гладко обтесанные стелы, как прототип позднейших балбалов, особенно характерных для периода кыпчаков, создавались не позднее VI в. н. э.» [Маргулан, 1949. С. 12].

Впрочем, по вопросу культурной и хронологической принадлежности курганов с «усами» в археологической науке возобладала точка зрения П. С. Рыкова и М. П. Грязнова. Предложенная ими датировка курганов с «усами» была в дальнейшем поддержана и уточнена М. К. Кадырбаевым в его кандидатской диссертации и ряде опубликованных работ [Кадырбаев, 1958; 1959; 1959а; 1959б; 1961; 1962]. Он, в частности, включил курганы с «усами» в выделенную им тасмолинскую культуру и раздвинул хронологические рамки существования таких комплексов, отметив, что если одни из них датируются VII–VI вв. до н. э., «то другие курганы относятся, очевидно, к более позднему времени (V–IV вв. до н. э.), хотя весь круг этих памятников представляет единую культуру» [Кадырбаев, 1958. С. 104]. В дальнейшем он еще более расширяет рамки их существования, поднимая верхнюю границу до середины I тыс. н. э. «Курганы с каменными грядами бытуют на территории Центрального Казахстана целое тысячелетие — с середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. Наиболее ранний памятник этого типа представлен Боровским погребением. К V–III векам до н. э. относятся большинство курганов Коунрадского, Шетского и других районов. И, наконец, последние курганы с каменными грядами доживают до середины I тыс. н. э.» [Кадырбаев, 1959б. С. 97; см. также: Кадырбаев, 1959. С. 14].

Поднимая верхнюю границу существования курганов с «усами», М. К. Кадырбаев опирался на исследованные им и хорошо датированные памятники, такие как Канаттас, курган 19 и Коктал. После выхода в свет в 1966 году коллективной монографии «Древняя культура Центрального Казахстана» датировка комплексов курганов с «усами» и их культурная принадлежность, предложенная М. К. Кадырбаевым, стали на долгое время общепризнанными. Раскопанный С.М. Ахинжановым в предгорьях Каратау (Южный Казахстан) курган с «усами» Беркутты [Ахинжанов, 1977. С. 75–80] заставил исследователей вновь поднять верхнюю границу существования таких комплексов уже до VII–VIII вв. н. э. Однако в 1997 году А. З. Бейсенов, постулируя положение о том, что «ряд памятников (11 объектов) в свое время был датирован исследователями I тысячелетием н. э. на основании найденных в них впускных захоронений или же предметов, имеющих характер «кладов» (отмечено А. З. Бейсеновым), пришел к следующему заключению: «Скорее всего, верхняя граница памятников не выходит за пределы тасмолинского периода (IV или IV–III вв. до н. э.)» [Бейсенов, 1997. С. 19].

Первые раскопки кургана с «усами» на Южном Урале были проведены Н. А. Мажитовым в 1971 году на могильнике у села Нижне-Давлетово (Зауральская Башкирия), где помимо фрагментов от горшка был найден железный втульчатый наконеч-

ник копья ланцетовидной формы. Исследователь отнес данный памятник к середине I тыс. н. э. В 1980-е годы отрядами Урало-Казахстанской археологической экспедиции были начаты исследования комплексов селенташского типа (Селенташ, курганы 4 и 5; Елантау, курган 4; Крутой овраг; Кайнсай, курган 14) и курганов с «усами» (Крутая Гора).

В эти же годы Э. Р. Усмановой на могильнике Кызыл-Жар близ города Лисковска исследуются курган селенташского типа (курган 1) и комплекс, который планиграфически может быть отнесен к курганам с «усами» (курганы 2, 3, 4, сооружение 8) [Боталов, 1996. С. 152–154. Рис. 6]. Тогда же впервые было обращено внимание на определенное сходство курганов с «усами» с курганами селенташского типа. Однако невыразительность материалов, получаемых при раскопках этих памятников, не позволяла точно установить их культурно-хронологическую позицию. Данная ситуация сохранялась до 1993 года, когда отрядом Урало-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А. Д. Таирова в Восточном Оренбуржье был исследован комплекс кургана с «усами» Солончанка I, материалы которого позволили получить относительно точную датировку памятника и отнести его к эпохе «Великого переселения народов». Этот комплекс сразу привлек внимание не только ученых-археологов, но и почвоведов, палеозоологов, геологов, геофизиков [Курган с «усами»..., 1999] и стимулировал интерес к планомерному изучению памятников этого типа. Раскопки курганов с грядами стали проводиться практически всеми экспедициями археологических центров Южного Урала — Уфы, Челябинска, Орска. Накопленные материалы из комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья позволили поставить под сомнение ранее устоявшиеся точки зрения на их культурную и хронологическую принадлежность и высказать предположение о возможности кардинального пересмотра хронологии всех курганов с «усами», в том числе и Центрального Казахстана [Боталов, 1996. С. 202, 203; Таиров, 2003. С. 158; Любчанский, 2004. С. 310–312].

В 1996 году автором на секции раннего железного века XIV Уральского археологического совещания в Уфе было озвучено мнение о необходимости кардинального пересмотра хронологии курганов с «усами». В своем выступлении, а позже и на страницах печатных работ автор предложил все курганы с «усами» датировать в рамках средневековой эпохи [Боталов, 1996; 1998; 1999]. Впрочем, необходимо отметить, что данная идея пятнадцатью годами ранее была высказана А. К. Амброзом на страницах тома «Степи Евразии в эпоху средневековья», где комплекс кургана с «усами» Канаттас помещен в таблицу «Погребальные сооружения V–первой половины VIII в.» [Степи Евразии..., 1981. Рис. 9, 5–7].

В 2006 году автором совместно с А. Д. Таириным и И. Э. Любчанским издана обобщающая монография, подводящая определенный итог в изучении комплексов данного типа [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006]. На основании всего доступного материала авторам удалось окончательно определиться с хронологическими рамками сооружения курганов с «усами» в пределах эпохи раннего средневековья (V–VIII вв.). Если коротко подытожить результаты данного монографического исследования в части систематизации информации по типологическим особенностям архитектуры этого вида сооружений, то можно весь известный материал распределить следующим образом.

Как известно, первая классификация курганов с «усами» Центрального Казахстана была предложена М. К. Кадырбаевым, выделившим на основании планиграфических данных четыре типа (тип I — основной большой курган и примыкающий к нему с востока малый с отходящими от него грядами; тип II — «сдвоенные» курганы, когда большой и малый расположены или примыкают друг к другу по линии С–Ю; тип III — малый курган сооружен на насыпи большого; тип IV — одна основная

насыпь, которая, возможно, содержит два слившихся кургана) [Кадырбаев, 1959б. С. 95; 1966. С. 309. С. 310. Рис. 2;]. Последующие затем типологии памятников этого типа, составленные также в большинстве своем с опорой на сугубо планиграфические данные, являются в той или иной мере вариациями типологической схемы М. К. Кадырбаева. Так, П. Н. Мариковский, принципиально не изменяя схему М. К. Кадырбаева, лишь добавляет некоторые варианты и вариации, встреченные среди типов II и IV [Мариковский, 1983. С. 27. Рис. 1]. А. З. Бейсенов, в целом упрощая схему предшественников (тип I был заменен на II а, б, тип II на III а, б, в и соответственно типы III и IV объединены им в наипростейший тип I), вероятно, не смог избежать фактора случайного попадания разных элементов (подчас разновременных и разнокультурных) [Бейсенов, 1996. С. 36; 1997. С. 18].

Анализ, проведенный на основании информации исследованных полностью или частично 58 курганов с «усами», позволил установить, что на сегодняшний день выделяются два их основных варибельных типа, основные элементы которых, составляющие единый комплекс, были сооружены одновременно. Первый тип образуют комплексы, состоящие из одного центрального кургана и отходящих от него двух гряд, начинающихся вымостками или курганными выкладками. Второй тип образуют комплексы, имеющие два (и более) кургана, расположенных по линии С–Ю, и отходящие от них гряды-«усы».

Тип 1 — наиболее распространенный и многочисленный среди всех комплексов курганов с «усами», включающий 46 исследованных. В него вошли памятники ранее отнесенные уже упоминаемыми исследователями к наиболее представительным типам (типы I, III, IV по М. К. Кадырбаеву, П. Н. Мариковскому; типы 1, 2 по А. З. Бейсенову). Подобную интеграцию позволила сделать разновременная и разнокультурная дифференциация материалов, которые обнаруживались в этих комплексах в частях, имеющих двойную планиграфию или стратиграфию. Инокультурные составляющие распределились следующим образом: 2 — эпоха бронзы (XIII–IX вв. до н. э.); 6 — тасмолинская культура (VII–V вв. до н. э.); 4 — сарматская культура (VI–V вв. до н. э.).

Далее дадим краткое описание некоторых из них и условия залегания основного датирующего материала в различных частях комплексов.

В Восточном Казахстане этот тип включает курган 3 могильника Зевакино и курган 2 могильника Кызылтас. В Зевакино в северной половине кургана найдены кости лошади, а в северо-восточной части насыпи — раздавленный плоскодонный глиняный сосуд. Под насыпью кургана 2 могильника Кызылтас найден лишь глиняный сосуд. Оба комплекса датированы III–V вв. н. э. [Арсланова, 1975. С. 120, 121, 128, 129] (рис. 76, 1, 4, 9).

В Центральном Казахстане к этому типу курганов с «усами» принадлежит комплекс курганов 55 и 58 могильника Ботакара; курган 13 могильника Бугулы; курган 2 могильника Бес-Оба; курган 16 могильника Былкылдак; курган 2 могильника Карасай; курган 9 в урочище Дандыбай; курган 1 могильника Джанайдар; курган 8 могильника Ак-Кайракты; курган 2 у станции Шедерты. Из них датировка одного кургана (Ак-Кайракты) не определена, комплексы Беркутты, Ботакара, Бугулы, Джанайдар включены в круг памятников первого хронологического этапа тасмолинской культуры, остальные — в круг памятников второго этапа (рис. 76, 25–29; 75, 6, 7, 10). Под насыпью кургана 55 могильника Ботакара найдены остатки трубчатых костей и фрагменты черепа лошади. Юго-восточнее черепа находился глиняный сосуд [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966. С. 347, 348].

Могильная яма отсутствовала и в кургане 2 могильника Бес-Оба. Здесь под насыпью, в центре кургана, обнаружен целый костяк лошади, положенной на левый бок головой на северо-запад и ногами на восток [Кадырбаев, 1958. С. 102].

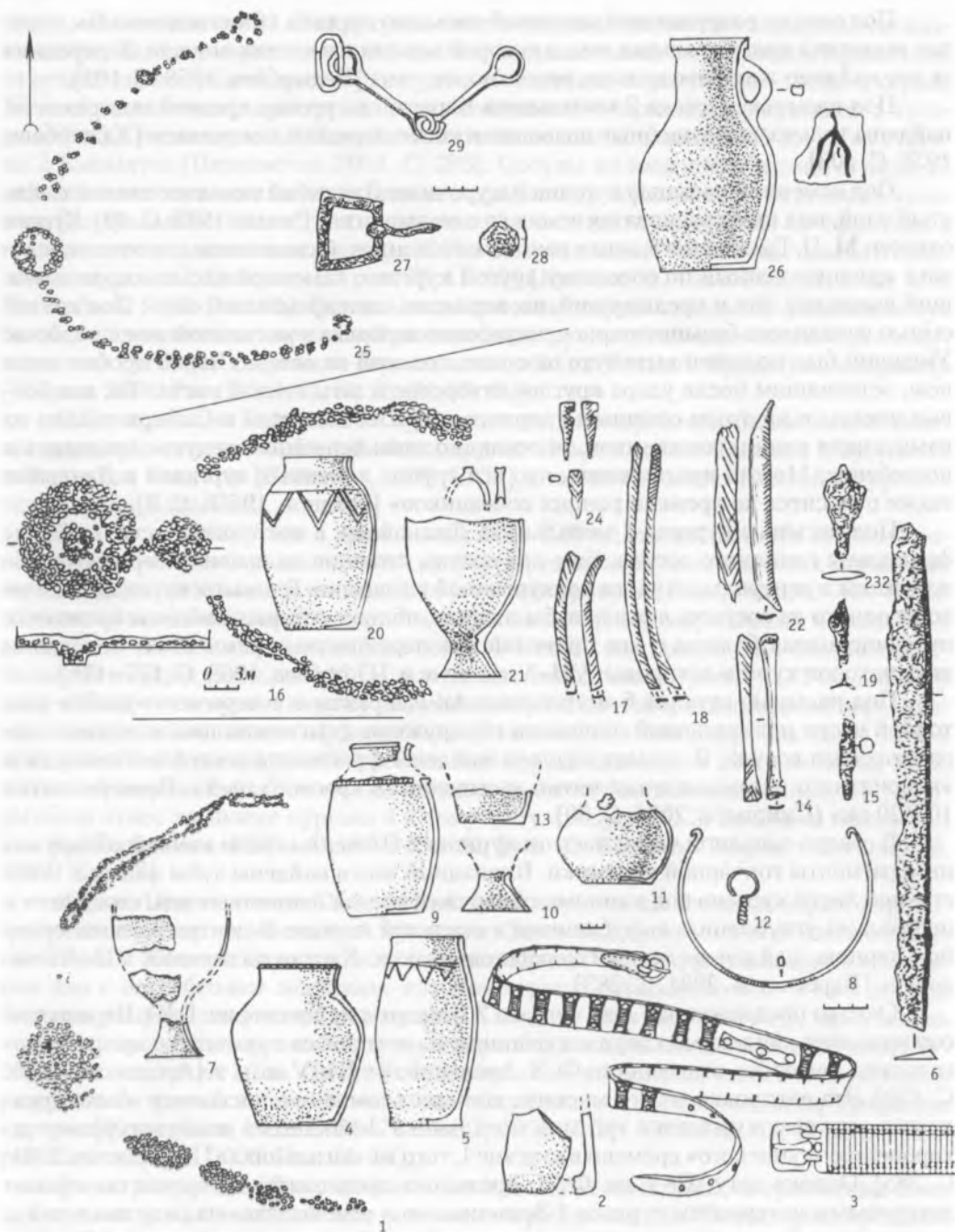

Рис. 76. Курганы с «усами» Центрального и Восточного Казахстана (по: [Арсланова, 1975; Ахинжанов, 1977]). **Fig. 76. Barrows with «ridges» of Central and East Kazakhstan** (according to: [Arslanova, 1975; Akhinzhanov, 1977]).

1, 4 – Зевакинский, курган 3; 2, 3, 6, 8, 12, 14, 15, 17–19, 22–24 – Зевакинский, курган 1; 5, 7, 13 – Зевакинский, курган 2; 9 – Кызылтас II; 10 – Ленинка, 11 – курган с костями лошади; 16, 20, 21 – Кызылтас, курган 1; 25–29 – Беркутты.

1, 16, 25 – планы курганов; 2, 4, 5, 7, 9–11, 13, 20, 21, 26 – керамика; 3 – кожа, серебро, бронза; 8, 12 – бронза; 6, 15, 19, 23, 27–29 – железо; 14, 17, 18, 24 – кость

Под сильно разрушенной каменной насыпью кургана 16 могильника Былкылдак выявлена прямоугольная яма, в которой находился костяк лошади. У передних ее ног найдено железное кольцо, вероятно, от узды [Кадырбаев, 1958. С. 102].

Под насыпью кургана 2 могильника Карасай, на уровне древней поверхности, найдены только череп, шейные позвонки и кости передних ног лошади [Кадырбаев, 1958. С. 103].

Под каменной насыпью кургана 9 в урочище Дандыбай оказался тонкий саженный слой, под ним красноватая земля со следами огня [Рыков, 1935. С. 49]. Курган отнесен М. П. Грязновым к эпохе ранних кочевников. Основанием для этого послужил «расположенный по соседству другой курган с каменной насыпью.., не имевший выкладок, как и предыдущий, но, вероятно, одновременный ему». Под его насыпью находилось безынвентарное погребение человека в могильной яме с подбоем. Умерший был положен вытянуто на спине, головой на север. «Череп пробит чеканом, оставившим после удара круглое отверстие в затылочной кости. Так как боевые чеканы с круглым сечением ударного стержня известны в Сибири только из памятников ранних кочевников, то очевидно этим периодом следует определять и погребение. Можно предполагать, что вся группа каменных курганов в Дандыбае также относится ко времени ранних кочевников» [Грязнов, 1956. С. 9].

Под насыпью кургана 1 могильника Джанайдар, в восточной части, найдены фрагменты глиняного сосуда. Еще два сосуда, стоящие на древнем горизонте, обнаружены в центральной части подкурганной площадки. В насыпи кургана, недалеко от одного из сосудов, лежали зубы лошади, вблизи которых найдены бронзовые пуговицевидная бляшка и две пронизки для перекрестных ремней. На основании этих находок курган датирован VII–V вв. до н. э. [Оразбаев, 1969. С. 177–178].

Под насыпью кургана 8 могильника Ак-Кайракты в северо-восточной и восточной части подкурганной площадки обнаружены фрагменты плоскодонного керамического сосуда. В насыпи кургана найдены фрагменты костей ног лошади и «непонятного происхождения пятно насыщенного красного цвета. Размеры пятна 10 ? 20 см» [Свиридов, 2004. С. 50].

В северо-западной части насыпи кургана 2 Шедерты среди камней обнаружены фрагменты гончарной керамики. В западной части найдены зубы лошади. В восточной части кургана под камнями обнаружен развал лепного сосуда, стоявшего в небольшом углублении, вырубленном в скальной породе. В центре насыпи, сразу под дерном, найден железный черешковый нож. Курган датирован VII–VI вв. до н. э. [Пересветов, 2001. С. 283].

Однако предложенная дата кургана 2 Шедерты не бесспорна. Г. Ю. Пересветов сопоставляет найденный сосуд с кувшином из комплекса кургана 3 с «усами» могильника Зевакино, отнесенного Ф. Х. Арслановой к III–V вв. н. э. [Арсланова, 1975. С. 129]. Эта датировка, по его мнению, вызывает сомнения, поскольку «была предложена для всех курганов с «усами» могильника Зевакино по инोकультурному захоронению «гуннского» времени в кургане 1, того же могильника» [Пересветов, 2001. С. 285]. Однако дату III–V вв. Ф. Х. Арсланова предложила не только по хорошо датировемым материалам кургана 1 Зевакино, но и основываясь на ряде аналогий и сопоставлений, предложенных для керамики из комплексов могильников Зевакино и Кызылтас. Так, по ее мнению, керамические котлы из кургана 2 Зевакино и кургана 1 Кызылтас по форме и выделке близки к посуде из погребений II–V вв. Тувы и из таштыкских захоронений I–II вв., а аналогичной формы глиняный котел найден во впускной могиле кургана 4 могильника Кызылтау.

Для обоснования ранней даты кургана 2 Шедерты Г. Ю. Пересветов ссылается на материалы могильника IX–VIII вв. до н. э. Измайловка в Восточном Казахстане. В частности, он указывает на находку в ограде 27 могильника двух сосудов, сход-

ных с «тасмолинскими». Эти сосуды, по его мнению, являются, вероятно, «исходными формами для последующих форм посуды раннесакского времени». Кроме того, отмечает он, в ограде 9 вместе с сосудом «бегазинско-карасукского типа» и ограде 17 «найдена посуда, характерная для тасмолинской керамики из курганов с «уса-ми». Сосуд же из ограды 9 Измайловки очень похож на вазовидный сосуд из кургана 2 Кызылтас [Пересветов, 2001. С. 285]. Сосуды из каменного ящика ограды 27 действительно имеют сходство, правда отдаленное, с керамикой из курганов с «уса-ми» Центрального Казахстана, в том числе и с сосудом из кургана 19 Канаттас, а горшок из каменного ящика ограды 17 Измайловки может быть сопоставлен с сосудом из кургана 2 Сангуыр II (рис. 77, 11, 12) [Ермолаева, 1987. Рис. 31, 5; 46, 4, 8; Кадырбаев, 1966. Рис. 61]. Однако измайловские сосуды с таким же успехом могут быть сопоставлены и с керамикой разных эпох других регионов, в частности с сосудами из погребений савромато-сарматского времени Южного Урала (см., например: [Таиров, 2004. Рис. 5, I, 4, 11, II, 12, III, 65, 66]).

В Центральном Казахстане к курганам типа 1 с погребениями человека отнесены курган 4 могильника Егиз-Койтас, курган 19 могильника Тасмола I, курган 19 могильника Канаттас [Бейсенов, 1996. С. 39], а также комплекс Толагай и курган 1 могильника Кара-Бие.

Под насыпью кургана 4 могильника Егиз-Койтас, датированного вторым хронологическим этапом тасмолинской культуры, выявлена узкая овальная могильная яма, перекрытая каменными плитами и ориентированная по линии С–Ю. В ней находился неполный скелет подростка, судя по которому погребенный находился в вытянутом положении, головой на север. У левого его колена был поставлен небольшой сосудик (высота — 12 см, максимальный диаметр тулова — 13 см, диаметр дна — 8 см), с отогнутым наружу венчиком, коротким и широким горлом, переходящим в крутые плечики, и сферическим туловом с плоским дном. Так как в 10 м к западу от этого кургана находился большой курган диаметром 20 м и высотой 1,5 м, имевший широкий грабительский колодец и потому не исследованный, М. К. Кадырбаев отнес комплекс кургана 4 к тому типу, который А. З. Бейсенов обозначил как 2а [Кадырбаев, 1959а. С. 188, 189, 192. Рис. 22; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. Рис. 25].

Курган 19 могильника Тасмола I включен в группу памятников первого хронологического этапа тасмолинской культуры. Здесь под юго-восточной частью насыпи найдены обломки двух сосудов, а в центральной части кургана вскрыта могильная яма с погребением женщины, которое хорошо датировано VII–VI вв. до н. э. богатым сопроводительным инвентарем. Следует, впрочем, заметить, что удалось четко зафиксировать только контуры северной половины могильной ямы, хотя глубина ее составляла 1,2 м. Данное обстоятельство наводит на мысль о возможном разрушении южной половины ямы, что подтверждается и приводимым профилем кургана [Кадырбаев, 1962. С. 71–77. Рис. 2; 1966. С. 311–314. Рис. 44; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. Рис. 26–27].

В центре кургана 19 могильника Канаттас находился завал из гранитных плит со следами прокаленности — они почернели и растрескались. На них фиксировался слой золы и углей мощностью 7 см. Под завалом выявлена квадратная могильная яма, ориентированная по сторонам света. На ее дне у восточной стенки обнаружены отдельные кости и череп коровы, череп, кости ног, ребра и хвостовые позвонки лошади. В западной половине ямы находилось погребение женщины с двумя детьми. В восточной части подкурганной площадки найден глиняный сосуд. Богатый погребальный инвентарь, обнаруженный в могильной яме, позволил датировать курган гуннским временем (IV–V вв. н. э.) [Кадырбаев, 1959а. С. 179–182, 197; 1959б. С. 93] (рис. 78, 9–18).

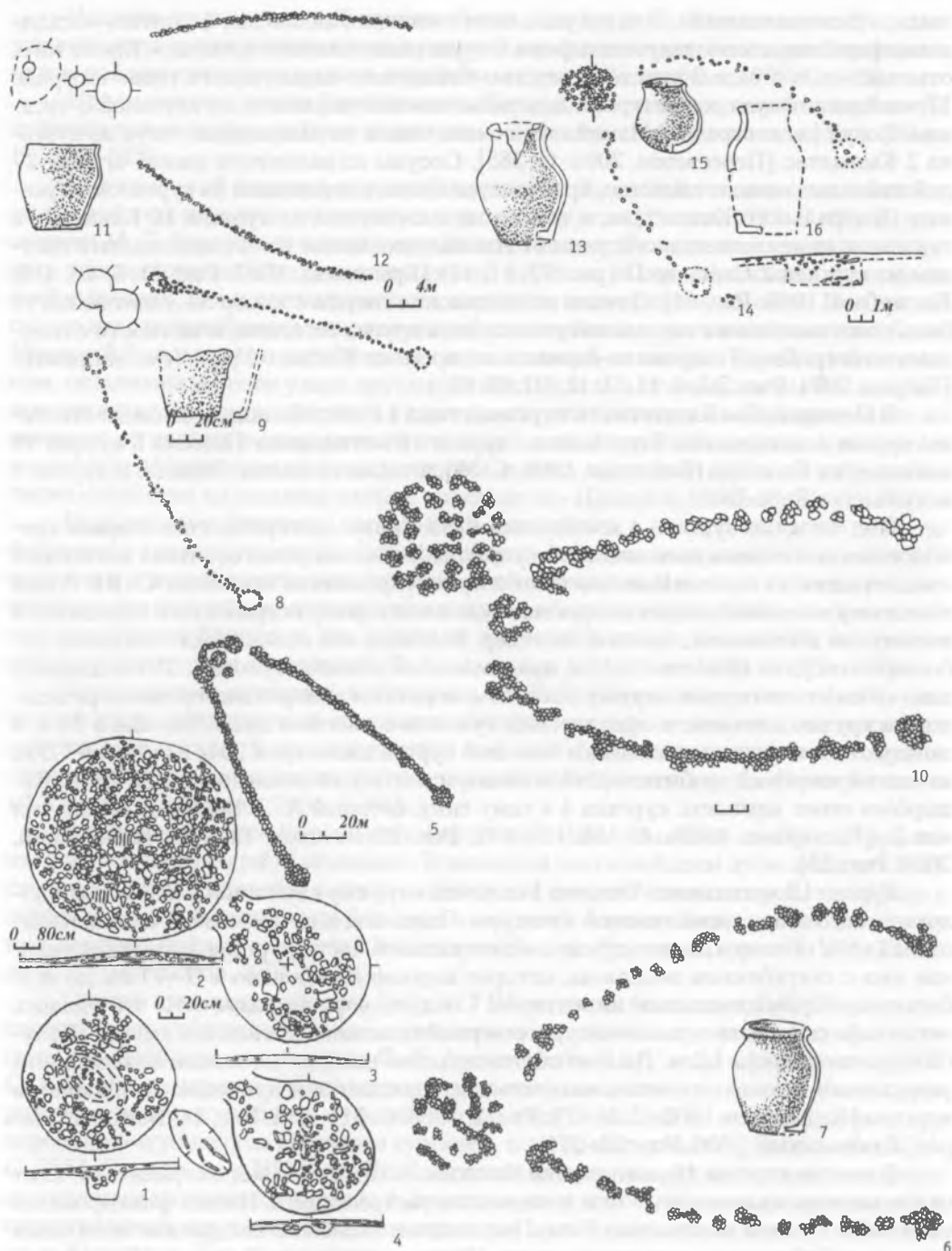
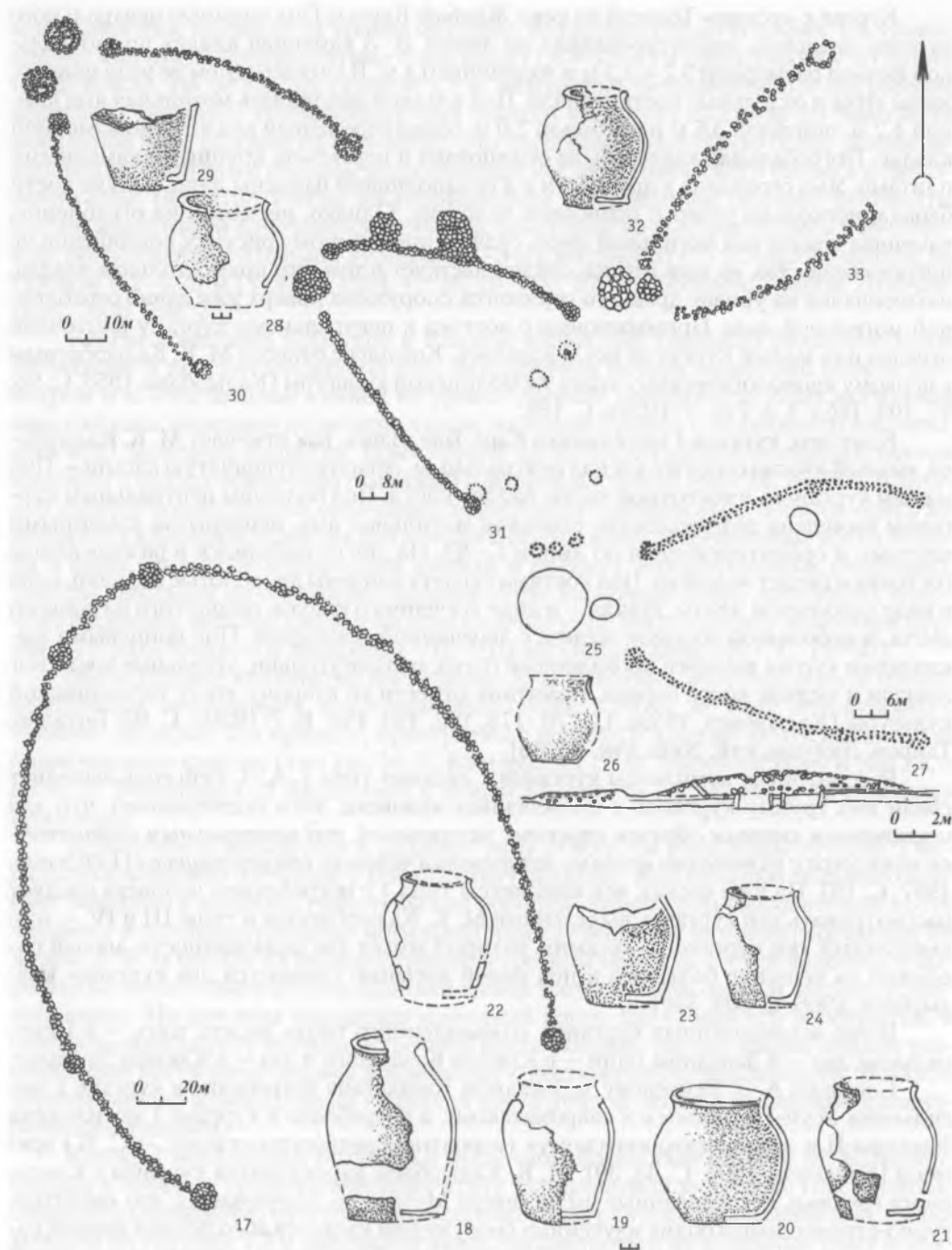

Рис. 77. Курганы с «усами» Центрального Казахстана. Fig. 77. Barrows with «ridges» in Central Kazakhstan.

1–5 – Батыр-Булак (по Э. Р. Усмановой): 1 – курган 2; 2 – центральный курган; 3 – окончание правого «уса»; 4 – окончание левого «уса»; 5 – общий план; 6, 7 – Батакара, курган 55; 8, 9 – Сангуыр, курган 3; 10 – Батакара, курган 58; 11, 12 – Сангуыр, курган 2; 13–16 – Тасмола, курган 19; 17 – Айдарлы;

18 – «37 воинов»; 19–24 – Карамурун I, курган 4Б; 25–27 – Сангуыр II, курган 1; 28–30 – Карамурун I, курган 4Б; 31 – Былгалдык I, курган 56; 32, 33 – Бугулы II, курган 3.
7, 9, 13, 15, 16, 18–24, 26, 29, 30, 32 – керамика (по М. К. Кадырбаеву)

Курган с «усами» Толагай на реке Жанбай-Карасу. Под насыпью центрального кургана выявлена ориентированная по линии В–З каменная кладка прямоугольной формы размерами 3,2 × 2,3 м и толщиной 0,4 м. В юго-западном ее углу обнаружены зубы и отдельные кости лошади. Под кладкой находилась могильная яма длиной 4,2 м, шириной 3,6 м и глубиной 2,0 м, ориентированная аналогично каменной кладке. Погребальная камера была облицована и перекрыта крупными каменными плитами. Яма ограблена в древности и в ее заполнении найдены лишь мелкие кости барана, несколько ребер и позвонков человека. Однако, несмотря на ограбление, каменная кладка над могильной ямой, судя по приводимому рисунку, совершенно не потревожена. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что прямоугольная кладка, находящаяся на уровне древнего горизонта, сооружена поверх уже давно ограбленной могильной ямы. Примыкающая с востока к центральному кургану плиточная ограда или малый курган не исследовались. Комплекс отнесен М. К. Кадырбаевым к первому хронологическому этапу тасмолинской культуры [Кадырбаев, 1958. С. 96, 97, 104. Табл. I, 3. Рис. 1; 1959в. С. 18].

Комплекс кургана 1 могильника Кара-Бие. Здесь, как отмечает М. К. Кадырбаев, «малый курган сооружался над центральным, образуя ступенчатую насыпь». Под малым курганом, в восточной части, найден сосуд. Под большим центральным курганом выявлена разграбленная овальная могильная яма, перекрытая каменными плитами и ориентированная по линии С–Ю. На дне ее находился в разбросанном состоянии скелет человека. Под костями скелета найдены две золотые поделки, одна в виде небольшой ленты, другая – в виде усеченного конуса, свернутого из тонкого листа, и небольшой обломок железа с деревянной обкладкой. Под концевыми выкладками «усов» выявлен прокаленный грунт, мелкие угольки, отдельные кости ног лошади и мелкие кости барана. Памятник отнесен ко второму этапу тасмолинской культуры [Кадырбаев, 1959а. С. 170–173, 192, 193. Рис. 6; 7; 1959б. С. 95; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. Рис. 35, 36].

Рассматривая комплексы курганов с «усами» типа 1, А. З. Бейсенов выделяет среди них группу курганов с погребением человека, хотя подчеркивает, что *«за исключением главным образом впускных захоронений, под центральным сооружением комплекса с каменными грядами захоронения человека отсутствуют»* [Бейсенов, 1997. С. 18]. На наш взгляд, все комплексы типа 1 с погребением человека следует рассматривать как курганы, выделенные М. К. Кадырбаевым в типы III и IV – «совмещенный тип курганов с «усами», который имеет две разновидности: малый сооружен на вершине большого и под одной насыпью сливаются два кургана» [Кадырбаев, 1966. С. 309, 310].

Всего исследованных курганов «совмещенного типа» десять: пять – в Центральном, два – в Западном, один – в Южном Казахстане и два – в Южном Зауралье.

Согласно А. З. Бейсенову, в Западном Казахстане погребение в кургане 1 могильника Усуп-1 относится к савроматскому, а погребение в кургане 1 могильника Каргалы-II к «среднесавроматскому» (вероятно, среднесарматскому. – С. Б.) времени [Бейсенов, 1996. С. 38, 39]. М. К. Кадырбаев, характеризуя курганы с каменными грядами, исследованные им на севере Мугоджар, подчеркивал, что «архитектурно-строительный облик изученных сооружений является абсолютной копией памятников тасмолинской культуры Центрального Казахстана». Однако в грунтовой могиле одного кургана (курган 1 могильника Усуп-1 – ?) был найден типично «савроматский» плоскодонный глиняный сосуд. В то же время в погребении коня, входящего в комплекс кургана с каменными грядами, «находился горшок типичный для тасмолинской ритуальной посуды» [Кадырбаев, 1975. С. 38].

Под каменно-земляной насыпью кургана с «усами» могильника Каргалы-II (Каргалинский-II) выявлена каменная кольцевая ограда диаметром около 8,5 м и

могильная яма, имевшая на уровне материка подпрямоугольную форму. На уровне дна эта яма имела подквадратные очертания (1,6 × 1,5 м) и ориентировку по линии ССВ–ЮЮЗ. На ее дне, на глубине 2,2 м, находилось безынвентарное погребение взрослого человека. Погребенный был уложен вытянуто на спине по диагонали могильной ямы, головой на юго-запад. Это погребение разрушило более раннее захоронение, с которым связаны разрозненные кости человеческого скелета в заполнении ямы. Вероятно, с этим же разрушенным захоронением связаны фрагменты костей животных и конечностей человека, некоторые из них находились в сочленении, обнаруженные в насыпи кургана, в 2–3 м к востоку от его условного центра, на глубине 0,2–0,25 м [Ткачев, 1994. С. 18, 19. Рис. 37; 38; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. Рис. 23]*.

Курган комплекса Беркутты в Южном Казахстане содержал безынвентарное погребение в простой могильной яме, находящейся внутри каменного кольца диаметром 6 м. Под завалом камней на уровне древней поверхности, близ могильной ямы найдены железные кольчатые удила, железная пряжка с подвижным язычком, фрагмент железной подвески. В восточной части подкурганной площадки внутри каменного кольца обнаружен глиняный гончарный кувшин (рис. 76, 25–29). В круглой каменной выкладке на окончании левого «уса» найдены зубы лошади. Здесь же находился каменный ящик, на дне которого обнаружены разрозненные кости лошади и овцы, железные подпружная пряжка и предмет неопределенных очертаний. Внутри выкладки на окончании правого «уса» выявлены ребра животного, фрагмент керамики, зольное пятно и мелкие кусочки угля. По комплексу инвентаря курган с «усами» Беркутты датирован VII–VIII вв. [Ахинжанов, 1977. С. 75–80].

Значительное количество погребений дала довольно многочисленная группа комплексов, относящаяся, как выяснилось позже, к этому же типу. Это курганы с «усами», которые, как правило, пристроены с востока к другому более крупному и более раннему кургану (тип I по М. К. Кадырбаеву, П. М. Мариковскому и тип 2 а, б по А. З. Бейсенову). В Казахстане в общей сложности исследовано 24 подобных комплекса.

В Восточном Казахстане к данному типу относятся комплексы кургана 2 могильника Зевакино и кургана 1 могильника Кызылтас. Под насыпью большого кургана Зевакино в пределах грабительской воронки обнаружены разрозненные кости человека и подпрямоугольная могильная яма глубиной 3,1 м, ориентированная по линии З–В. В могиле на разной глубине встречены обломки костей человека и вырезанные из листового золота нашивки в виде треугольника, овала и четырехугольных полос. На дне ямы находился каменный ящик. На уровне его перекрытия, в северо-западном углу могилы встречены кости лошади. На дне ящика лежали разрозненные кости двух человек вперемешку с костями двух-трех лошадей. В малом кургане найден плоскодонный глиняный сосуд ручной лепки с удлиненно-цилиндрическим туловом.

Курган 1 могильника Ботакара в Восточном Казахстане отнесен М. К. Кадырбаевым к первому хронологическому этапу тасмолинской культуры. Под насыпью основного (западного) кургана выявлена овальная грунтовая могильная яма, на дне которой на глубине 1,9 м находился ящик, составленный из каменных плит и ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ. Дно и стенки его прокалены. На дне, в центральной части ящика, лежали остатки полусожженного черепа человека. Других находок не обнаружено. В конструкции этого ящика, как отмечал М. К. Кадырбаев, «прослеживаются те же традиции строительной техники центральноказахстанских племен эпохи бронзы, которые отмечались в других памятниках первого этапа эпо-

* Выражаю искреннюю признательность В. В. Ткачеву за разрешение воспользоваться неопубликованными материалами.

хи ранних кочевников. В связи с этим их можно датировать VII–VI вв. до н. э.». Каменные ящики, близкие Ботакаринскому, исследованы в кургане 1 на реке Карасай, курганах 2 и 5 комплекса «37 воинов». В заполнении ящика кургана Карасай найдены лишь кости барана, собаки, орла и шейные позвонки лошади. В ящиках комплекса «37 воинов» обнаружены только отдельные кости барана [Кадырбаев, 1966. С. 345].

В комплексе «37 воинов», отнесенном М. К. Кадырбаевым к первому этапу тасмолинской культуры, исследовано пять курганов, часть из которых располагалась на расстоянии 80–100 м от центрального кургана 1. Под сильно поврежденной грабителями насыпью центрального кургана на уровне древней поверхности обнаружены лишь фрагменты глиняного сосуда и оселок. Исследовался ли примыкающий к нему с востока малый курган – не ясно. Но, судя по сосуду (рис. 77, 18), найденному под каменной насыпью, им мог быть курган 4. Рядом с сосудом в этом кургане находился позвонок барана, а ниже этих находок выявлен разрушенный каменный ящик. Каменные ящики выявлены также в курганах 2 и 5, причем в последнем внутри ящика встречены разрозненные кости барана. Отдельные бараньи кости найдены и под насыпью кургана 3 [Кадырбаев, 1958. С. 99, 104. Рис. 2; 1959в. С. 16, 17].

Курган 4 могильника Нурманбет II включен М. К. Кадырбаевым в число памятников второго хронологического этапа тасмолинской культуры. Под насыпью основного (западного) кургана, в восточной части, найдены фрагменты глиняного сосуда. Разграбленная могильная яма, находившаяся в центре подкурганной площадки, имела овальную форму и ориентировку по линии С–Ю. В ее заполнении встречены фрагменты костей человека, череп барана и зубы лошади. Инвентарь представлен бронзовой круглой пряжкой с рамковидным выступом и штырьком на конце. Под насыпью малого (восточного) кургана находок не было [Кадырбаев, 1966. С. 367, 368].

Под центральной частью насыпи большого (западного) кургана комплекса 1 Сангуыр II выявлена ограда из вертикально установленных плит, внутри которой находилось семь каменных ящиков, составленных из гранитных плит и расположенных в два ряда. Найденная в ящиках керамика и вещевой инвентарь относятся к эпохе бронзы. При вскрытии кургана под каменным панцирем, покрывавшем его земляную насыпь, на глубине 0,5 м от верха насыпи обнаружен слой смешанного грунта, а ниже (0,9 м) – отдельные кости человека (позвонок, ключица, ребра). Под каменной насыпью малого (восточного) кургана находились кости лошади и глиняный сосуд. По мнению М. К. Кадырбаева, «в результате раскопок этого памятника выявлен случай вторичного захоронения раннекочевнического времени над андроновской оградкой эпохи бронзы» [Кадырбаев, 1961. С. 49–54] (рис. 77, 25, 27).

Комплекс кургана с «усами» 2 могильника Сангуыр II состоял из центральной каменной насыпи овальной формы (размеры 8 × 11 м) и прилегающих к ней с востока в линию двух малых насыпей: первая диаметром 3 м, вторая, крайне восточная, — 6 м. Западная часть насыпи центрального кургана и край овальной могильной ямы повреждены грабительским раскопом. На дне ямы в неповрежденном положении сохранились лишь кости ног погребенного, судя по которым, умерший был уложен головой на юго-запад. Справа от костей стопы расчищены кости задних ног барана с хвостовыми позвонками. В крайнем восточном кургане под насыпью найден глиняный сосуд. Средний курган, вероятно, не исследовался [Кадырбаев, 1961. С. 55, 56] (рис. 77, 11, 12).

Комплекс кургана 3 могильника Сангуыр II состоял из двух примыкающих друг к другу по линии СЗ–ЮВ каменных насыпей одинакового диаметра (6 м) и высоты (0,6 м), но разных по конструкции. Под тридцатисантиметровым слоем камня, покрывавшем центральную часть северо-западного кургана, обнаружилась кладка

из плит, идущих наклонно от основания насыпи к центру. Могильная яма овальной формы, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, повреждена грабителями. На ее дне найдены лишь отдельные кости человека. Юго-восточный курган был, без сомнения, пристроен к уже существовавшему северо-западному кургану, о чем красноречиво свидетельствуют его план и разрез, приводимый М. К. Кадырбаевым. Это бессистемная наброска камня, под которой найден глиняный сосуд. Других находок не обнаружено [Кадырбаев, 1961. С. 56. Рис. 7] (рис. 77, 8, 9).

Комплекс кургана 1 могильника Киик-Су отнесен М. К. Кадырбаевым ко второму этапу тасмолинской культуры. Под центральным (западным) курганом выявлена разграбленная могильная яма овальной формы, перекрытая каменными плитами и ориентированная по линии С–Ю. У верхнего края ямы найдены каменный жертвенник без ножек, отдельные кости человека и несколько костей барана. Под насыпью малого (восточного) кургана на древней поверхности находились фрагменты черепа лошади [Кадырбаев, 1959а. С. 163–165, 192].

Под центральной, западной, насыпью кургана Ельшибек (второй этап тасмолинской культуры) выявлена овальная могильная яма, перекрытая каменными плитами, на дне которой находилось безынвентарное погребение (вытянуто на спине, головой на северо-запад). Под восточной частью малого кургана найден глиняный сосуд. К западу от большого кургана, вплотную к нему, находился еще один курган небольшого диаметра – 4 м. Под его насыпью в небольшом углублении с нечеткими контурами найдены лишь кости ног ребенка [Кадырбаев, 1959а. С. 166–168, 192]. Несмотря на то что, как отмечает М. К. Кадырбаев, «определить высоту насыпей не удалось, так как камень с них разобран местными жителями для строительства», приводимый им план комплекса свидетельствует, на наш взгляд, о неодновременности большого (центрального) и малого (восточного) курганов [Кадырбаев, 1959а. Рис. 3]. На плане четко видно, что малый курган, имеющий более плотную кладку с достаточно четкими границами, ложится поверх распolzшейся насыпи большого кургана. Причем погребение человека находилось не под центром большого кургана, а под его восточной полou, почти на границе с насыпью малого [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. Рис. 57].

Под центральной, западной, насыпью кургана 15 могильника Кара-Бие (второй этап тасмолинской культуры) выявлена разграбленная могильная яма. Она имела овальную форму, перекрытие из каменных плит и была ориентирована по линии С–Ю. В заполнении ямы встречены разрозненные кости человека. Под западной частью малого, восточного, кургана найдены зубы и обломки костей ног лошади, а под восточной – глиняный сосуд [Кадырбаев, 1959а. С. 174–176, 192; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. Рис. 58].

Под центральной, западной, насыпью кургана 12а могильника Канаттас выявлена сильно разрушенная грабителями овальная могильная яма, перекрытая каменными плитами, ориентированная по линии СВ–ЮЗ. В малом, восточном, кургане на древней поверхности, в северо-восточной поле, найдены фрагменты глиняного сосуда (рис. 78) [Кадырбаев, 1959а. С. 178].

Могильник Нуркен 2 курган 6 (Карагандинская область). Под основной (западной) насыпью вскрыта большая овальная яма, на дне которой на глубине 2,2 м сооружен каменный ящик, в котором совершено парное захоронение мужчины и женщины. Умершие были уложены вытянуто на спине, головой на запад. Погребение потревожено, судя по заполнению ямы и отсутствию инвентаря. Хотя, на наш взгляд, не исключен и его вводный характер. К северо-западу от могильной ямы на уровне древнего горизонта выявлен небольшой каменный ящик из вертикально установленных плит, не содержащий ни находок, ни костей человека или животных. Под малой (восточной) насыпью, примыкающей к западной, найден каменный

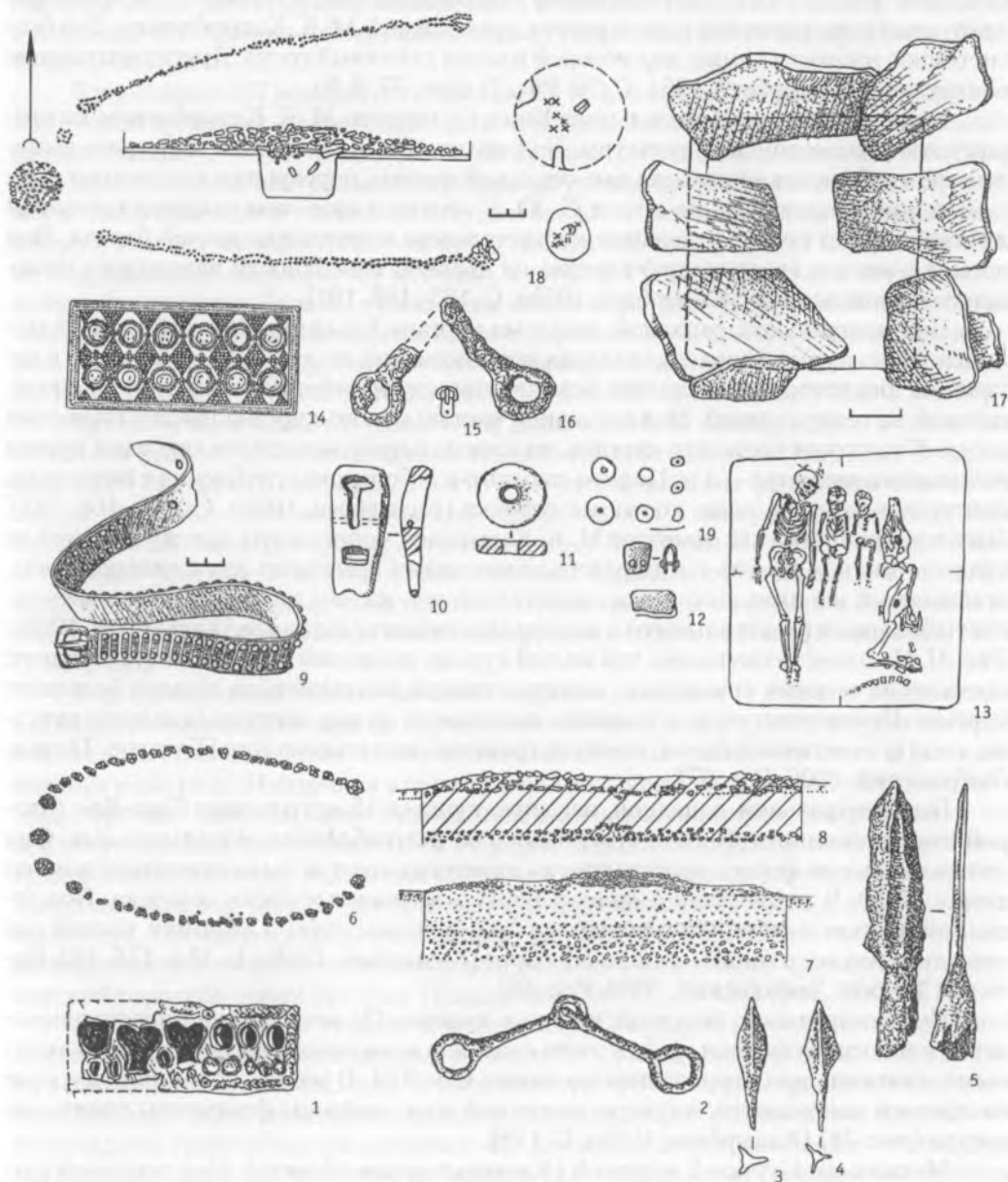

Рис. 78. 1–8 – Коктал; 9–18 – Канатгас, курган 19. Fig. 78. 1–8 Koktal; 9–18 Kannatas, barrow 19.
 1, 6–8, 13, 18 – общие планы курганов и могильных ям; 7 – разрез кургана 2; 8 – разрез кургана 1.
 1, 14 – золото, камень; 2–5, 16 – железо; 12, 15 – бронза; 9 – серебро, кожа; 19 – стекло; 11 – керамика

шар, фрагменты черепа лошади, немногочисленные мелкие фрагменты глиняного сосуда. «На основании погребального обряда курган датируется VII–VI вв. до н. э.», хотя сам А. З. Бейсенов отмечает необычность погребения: «это первый случай, когда обнаружено парное захоронение мужчины и женщины в памятниках тасмолинской культуры» [Бейсенов, 2002. С. 37, 38].

Комплекс Бес-Оба включал большой курган диаметром 20 м и примыкающий к нему с востока малый курган диаметром 6 м, от которого на восток отходили каменные гряды. Все сооружение в 6 м от основного, большого, кургана окружено кольцом шириной 1,3 м из положенных плашмя камней. С восточной стороны большой курган соединен с каменным кольцом полоской кладки в два ряда камней шириной 3 м. Под насыпью большого кургана выявлена могильная яма нечетких очертаний. В ней найдено каменное изваяние из обломка розового гранита. Камень прямоугольной формы. На нем скульптурно выражены черты лица: несколько выдающиеся глаза овальной формы и прямой узкий нос. Изображение рта отсутствует. Голова отделена от основной части камня небольшой выемкой [Кадырбаев, 1959в. С. 22, 23].

Курган 1 могильника Ак-Булак II, включенный в круг памятников первого хронологического этапа тасмолинской культуры. Под насыпью западного кургана (диаметр 9 м) выявлена могильная яма, четкие контуры которой установить не удалось ввиду ее сильной разграбленности. Под насыпью восточного кургана (диаметр 7,5 м), в восточной половине, найден лишь глиняный сосуд [Кадырбаев, 1966. С. 348, 349].

В Мугоджарской и Зауральской группе к этому типу относятся десять исследованных комплексов курганов с «усаами»: Солончанка IX, Городищенский IX, Новокондуровский I, Оленина Отнога, Новоактубинский I, Суходол, Султантимировский I, Кайнсай курган 14, Елизаветпольский, Медес.

Комплекс кургана с «усаами» Солончанка IX включал центральную каменную насыпь, две гряды длиной до 100 м, сложенные из камня и ориентированные практически строго на восток каменные выкладки на началах и окончаниях «усов». Под насыпью центрального кургана выявлена каменная ограда округлой формы. К ней с западной стороны примыкала каменная выкладка подпрямоугольной формы размерами 2,2 × 2,3 м, ориентированная по линии С–Ю. Внутри выкладки расчищен фрагментированный скелет лошади, уложенный в анатомическом порядке. В восточном секторе подкурганной площадки найдено каменное орудие — пест или оселок из зеленой плотной яшмы. Здесь же обнаружен глиняный лепной горшок, поставленный в небольшую ямку, выкопанную в материке. В западном секторе подкурганной площадки, под щебнем каменной вымостки, расчищен развал большого красноглиняного кувшина, который первоначально также был поставлен в ямку. Под выкладками на началах и окончаниях «усов» выявлены следы прокалов, зола, мелкие угольки, а также лопатка барана. На основе аналогий красноглиняному кувшину комплекс датирован IV–V вв. н. э. [Любчанский, Бытковский, 2006] (рис. 79).

Комплекс кургана с «усаами» Городищенский IX включал центральную каменную насыпь, две гряды длиной до 220 м и шириной 3–7 м, сложенные из камня и ориентированные на восток, каменные конструкции на началах и окончаниях «усов». Центральный курган диаметром 10,5 м и высотой 0,9 м представлял собой развал каменной постройки в виде ограды подквадратной формы размерами 7,5 × 7,5 м. Внутри ограды, на уровне древней поверхности, отмечены многочисленные продукты горения (уголь, зола, обожженные плашки и кальцинированные кости), среди которых найдены кости лошади и овцы, а также два железных черешковых наконечника стрел и стеклянная бусина. У восточной стенки ограды выявлено углубление, в котором находились кости барана и крупный глиняный горшок. На началах усов расчищены прямоугольные оградки со сторонами 3,5–5 м. Заканчивались же усы подпрямоугольными выкладками размерами 6,2 × 7,5 м. Внутри них, на древ-

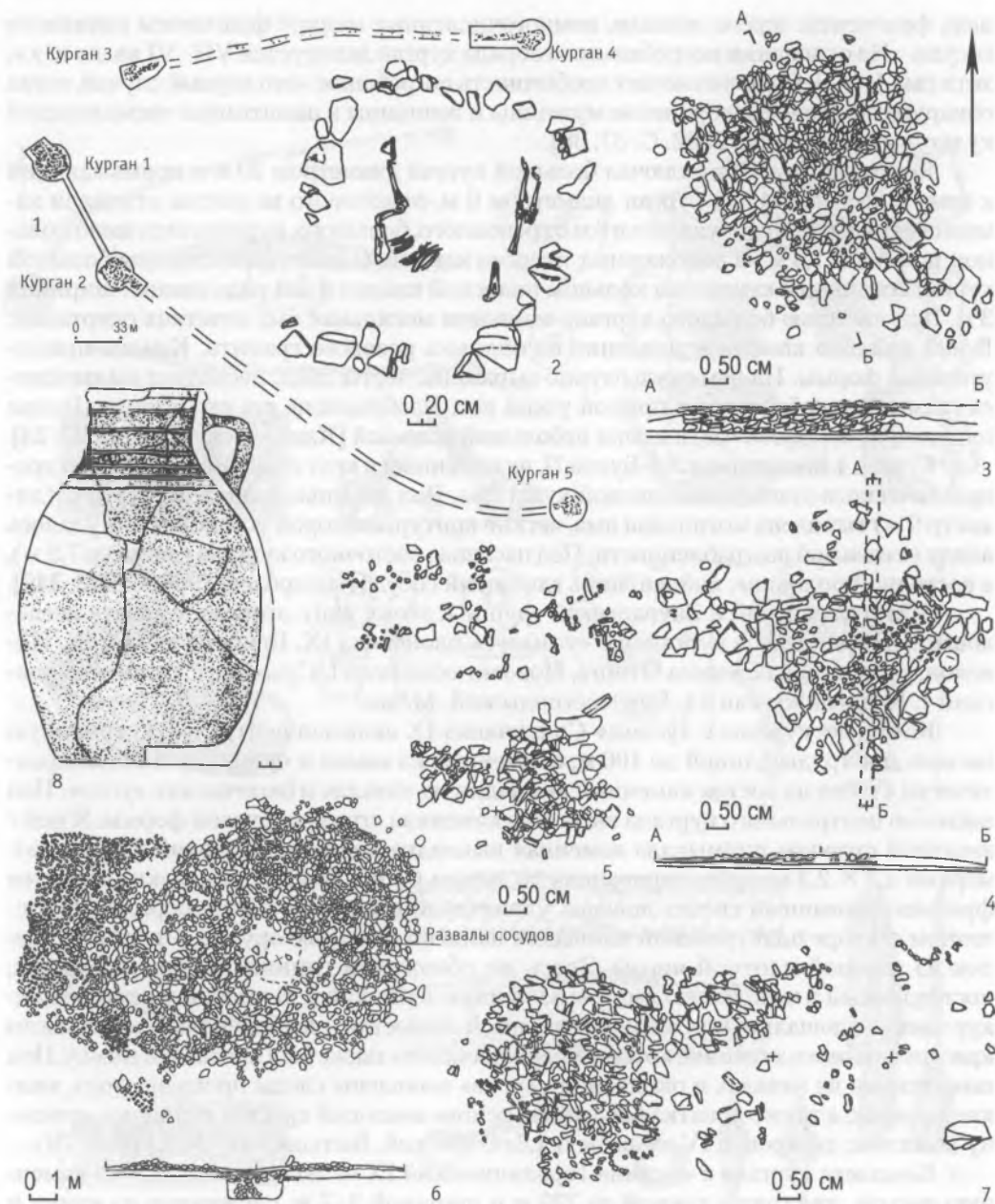

Рис. 79. Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX.

Fig. 79. The complex of Solonchak IX barrow with «ridges».

1 – общий план комплекса; 2 – план погребения лошади в кургане 1; 3 – план и разрез ограды на начале южного «уса» (курган 2); 4 – план и разрез ограды на окончании северного «уса» (курган 4); 5 – план ограды на окончании южного «уса» (курган 5); 6 – план и разрез центрального кургана 1; 7 – план ограды на начале северного «уса» (курган 3); 8 – красноглиняный кувшин

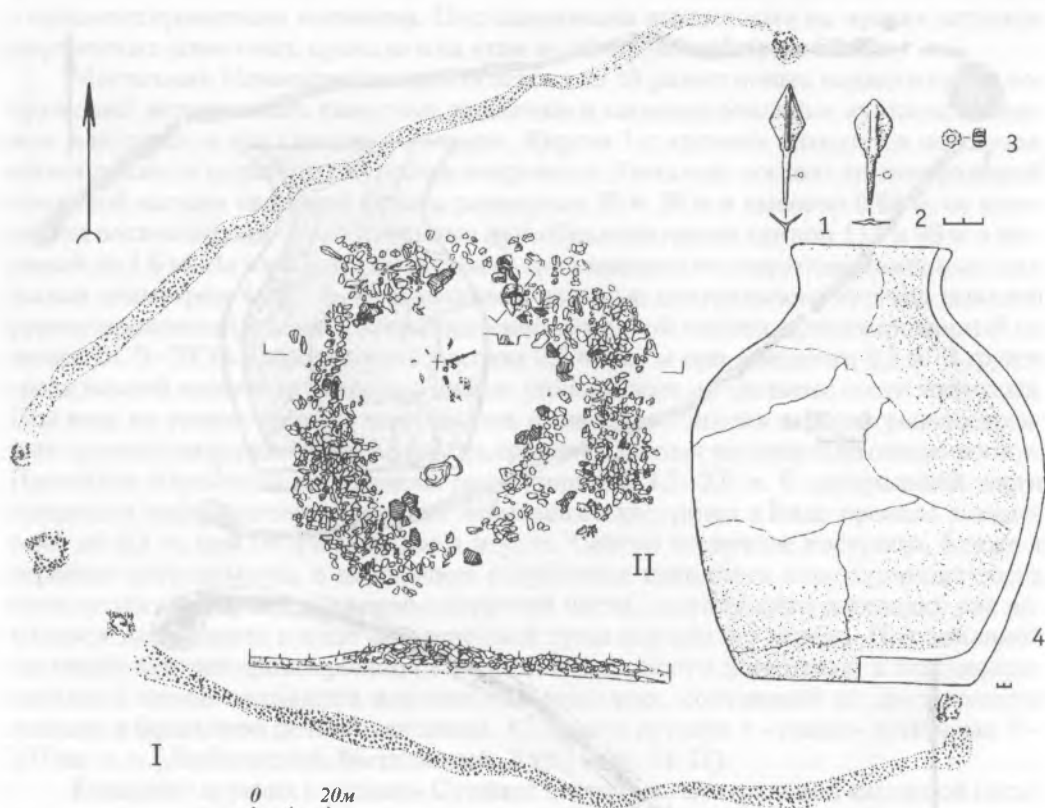

Рис. 80. Могильник Городищенское IX, курган 1. Fig. 80. Gorodishenskoye IX burial ground, barrow 1. I – общий план кургана; II – общий план и разрез центрального кургана. 1, 2 – железо; 3 – стекло; 4 – керамика

ней поверхности, также отмечены следы огня (прокал, зола, угли) [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 204–206] (рис. 80).

Комплекс кургана с «усами» Новокондуровский I включал центральную каменную насыпь шестиугольной формы, две гряды длиной до 236 м и шириной 1,5–2,2 м, сложенные из камня и ориентированные на восток, а также каменные округлые выкладки диаметром от 2–2,5 м до 5–6 м на началах и окончаниях «усов». Под центральной насыпью, в северо-восточном секторе, обнаружен красноглиняный кувшиновидный сосуд плохой сохранности. Следов погребения, остатков жертвенных животных, прокала, угля под насыпью кургана и в выкладках на началах и окончаниях «усов» не обнаружено. Исходя из аналогий сосуду в керамическом комплексе Алтынасарского 4 и некрополя, курган с «усами» Новокондуровский I может быть датирован V–первой половиной VII вв. н. э. [Любчанский, Бытковский, 2006] (рис. 81, I).

Комплекс кургана с «усами» Оленина Отнога состоял из центральной каменной насыпи овальной формы размерами 8 × 10 м, двух каменных гряд-«усов» и каменных вымоеток на их началах и окончаниях. Длина каждой гряды незначительна – 51 и 57 м. В ходе исследования под центральной насыпью на дневной поверхности расчищены остатки кострища (фрагменты обгорелого дерева, угли), грунт под которым носил следы интенсивного прокала. В северо-восточном секторе подкурганной площадки на древней дневной поверхности находился плоскодонный сосуд

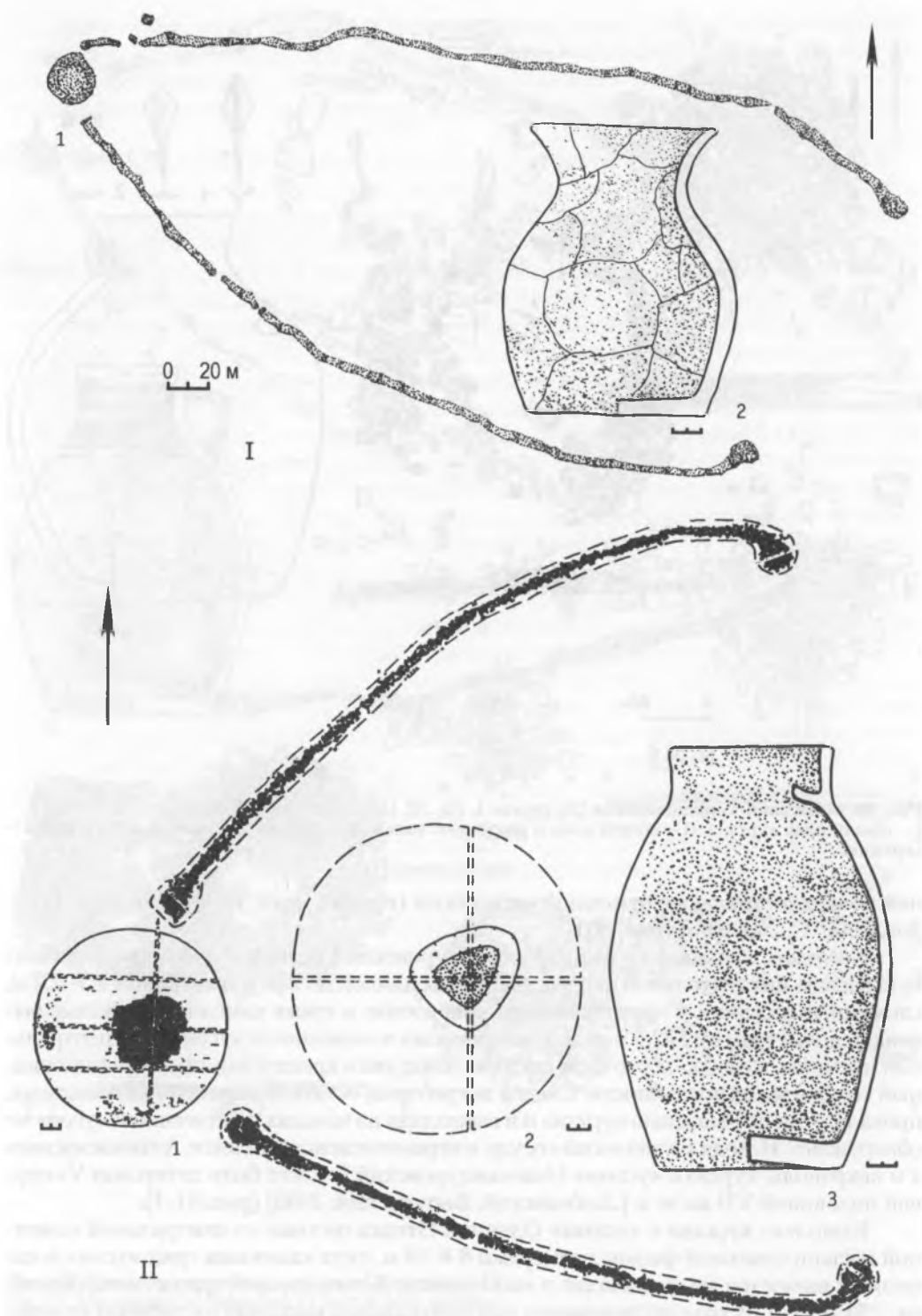

Рис. 81. Курганы с «усами». I – Новокоңдуровский I. II – Новоактубинский I. *Novokondurovskiy I, Novoaktubinskii I with «ridges»*.
 I – 1 – общий план; 2 – глиняный сосуд; II – 1 – общий план; 2 – общий план жертвенной площадки центрального кургана; 3 – глиняной сосуд

с орнаментированным венчиком. Под каменными вымостками на «усах» остатков жертвенных животных, прокала или угля не обнаружено* (рис. 82, I).

Могильник Новоактюбинский I состоит из 19 разнотипных надмогильных сооружений, включающих каменные, земляные и каменно-земляные курганы, каменные площадки и два кургана с «усами». Курган 1 с «усами» находился несколько обособленно от остальных курганов некрополя. Комплекс состоял из центральный земляной насыпи овальной формы размерами 26×28 м и высотой 0,68 м, от которой на восток отходили две каменные дугообразные гряды длиной 111 и 99 м и шириной до 1,6 м. На началах и окончаниях гряд находились округлые каменные площадки диаметром 4–4,5 м. Под земляной насыпью центрального кургана выявлен руинизированный подквадратный каменно-земляной массив, ориентированный по линии ВСВ–ЗЮЗ. Размеры этого массива $9,5 \times 10,5$ м при мощности 0,2 м. В грунте среди камней массива встречались мелкие угольки, зола и отдельные кости животных. Под ним, на уровне древней поверхности, выявлена площадка в форме равнобедренного треугольника размерами $9,5 \times 8,6$ м, ориентированная вершиной на северо-восток. Площадка образована неглубоким рвом шириной 1,7–2,0 м. В центральной части площадки зафиксированы остатки небольшого кострища в виде прокала мощностью до 0,1 м, при отсутствии золы и угля. Северо-восточнее кострища, ближе к вершине треугольника, в небольшом углублении находился плоскодонный сосуд вытянутых пропорций. В северо-восточной части окружающую площадку рва находился жертвенник в виде расчлененной туши коровы без черепа. Под земляной насыпью кургана фиксировались разрозненные кости животных, а под северо-западной полой находился жертвенный комплекс, состоящий из двух лопаток лошади и фрагмента речной раковины. Комплекс кургана с «усами» датирован V–VII вв. н. э. [Любчанский, Бытковский, 2006] (рис. 81, II).

Комплекс кургана с «усами» Суходол состоял из центральной каменной насыпи, двух дугообразных каменных гряд («усов»), протянувшихся от насыпи в восточном направлении, и каменных вымосток на их началах и окончаниях. Диаметр центральной насыпи 12 м, высота — 0,15–0,2 м. Состояла она из камней разного размера, уложенных в 1–3 слоя. Мощность слоя камней возрастала от периферии насыпи к ее центру. Под камнями в центре кургана зафиксирована глиняная площадка размерами 7×8 м и толщиной 5–10 см, лежащая непосредственно на древней дневной поверхности. В северо-восточной части площадки зафиксирован жертвенник в виде скопления сильно фрагментированных костей животного (черепа лошади — ?). Рядом с жертвенником расчищен развал лепного неорнаментированного сосуда. Сосуд находился в углублении, прорезавшем глиняную площадку и погребенную почву до материка. Длина северного «уса» по дуге — 203 м, южного — 180,5 м или по прямой, соответственно, 194,5 м и 172 м. Ширина гряд от 1 до 2,5 м. Площадки на концах «усов» имели подпрямоугольную форму размерами от $4 \times 4,5$ м до $5,5 \times 6$ м или округлую (западная площадка южной гряды) диаметром 4 м.

С определенной долей уверенности к типу 1 курганов с «усами» можно отнести комплекс могильника Кызыл-Жар, исследованный Э. Р. Усмановой в окрестностях города Лисаковска (Костанайская область, правый берег р. Тобол). При раскопках памятника гряды четко проследить не удалось. Однако общая планиграфия и взаиморасположение курганов 3 (центрального), 2 и 4 (боковые), соответственно находящихся к северу и югу от центрального, а также вымостки из камней (сооружение 8), расположенной в 75 м к востоку от кургана 4, позволяет, на наш взгляд, относить весь комплекс к курганам с «усами».

* Выражаю признательность А. К. Кирилову и О. Ф. Бытковскому за предоставленную информацию.

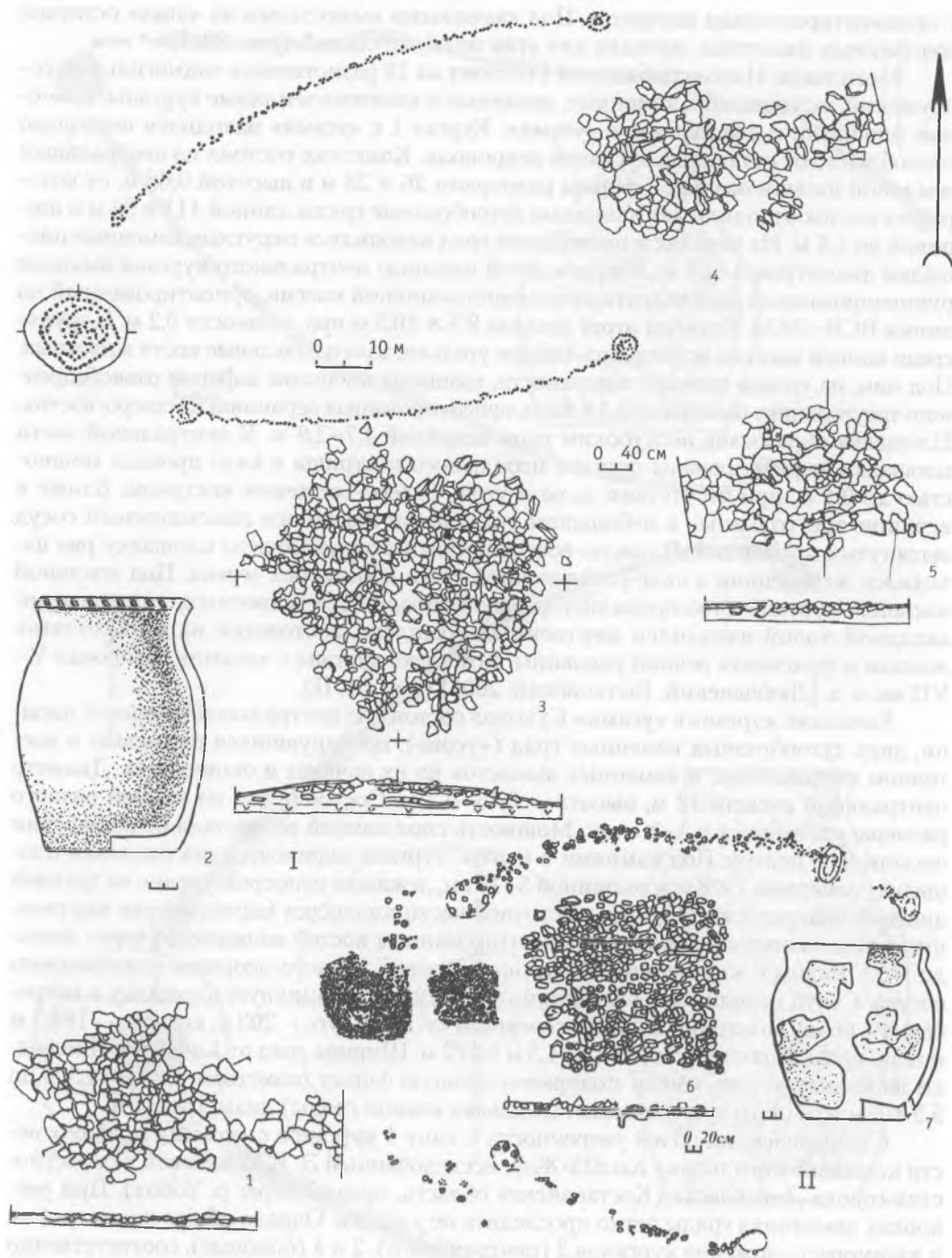

Рис. 82. I, 1–5 – Оленина Отнога; II, 6–7 – Елизаветпольский.

Fig. 82. I, 1–5 Olenina Otnoga; II, 6, 7 – Yelizavetpolskiy.

1 – начало южной гряды; 3 – план центрального кургана; 4 – начало северной гряды; 5 – окончание южной гряды; 6 – план центральной насыпи-вымостки (2); 2, 7 – керамика

Курганы 2, 3 и 4 могильника Кызыл-Жар образуют компактную группу на вершине небольшой возвышенности. Курган 3 – центральный, курган 2 расположен к северу от него, курган 4 – к югу (рис. 83, I–V).

После удаления насыпи кургана 3 обнажился каменный «панцирь». В плане каменная выкладка округлой формы, диаметр ее около 4 м. Уложены камни плотно, в один слой на уровне древней поверхности. В северной части насыпи наблюдалась линза светло-коричневой супеси и золы с кальцинированными костями. Протяженность линзы – 2 м. В северо-восточном секторе, ближе к подошве кургана, под камнями найден сосуд, стоящий на материке. На глубине 40 см возле сосуда обнаружено несколько кусочков горелого дерева. В 1,25 м к востоку от центра бровки С–Ю обнаружена выкладка из костей лошади: задняя нога, ориентированная строго по линии С–Ю, и передние, лежащие одна на другой, а также зубы, находившиеся к юго-западу от ног. При разборке камней отмечено, что в области предполагаемого туловища, имитируя его, лежали камни. В северном конце бровки на глубине 20 см найдена лопатка мелкого копытного (барана?).

При зачистке материка в юго-восточном секторе выявлены очертания подпрямоугольной в плане ямки. Глубина ее 20 см, стенки прямые.

Сосуд крупных размеров (высота 39,5 см), с высоким конусовидным туловом и ребром на плечике, с отогнутым венчиком. По верху венчика нанесены глубокие нарезки. Тесто плохо отмученное, с примесью крупного песка и дресвы (рис. 83, 2).

Курганы 2, 4. На поверхности фиксировались по выступающим камням сильно расплывшихся насыпей. Высота курганов около 0,1 м. Насыпи представляли собой каменные выкладки диаметром до 0,4 м. В плане каждая выкладка представляет собой неправильный овал 4×5 м, ориентированный по линии СЗ–ЮВ. После снятия камней подкурганные площадки были вскрыты до уровня материка. Никакого вещевого материала обнаружено не было.

Сооружение 8 расположено в 75 м к востоку от кургана 4. Представляло собой каменную выкладку подпрямоугольной в плане формы, размером $2 \times 1,5$ м, ориентированную в направлении север–юг. Никакого вещевого материала обнаружено не было (рис. 81) [Боталов, 1996. С. 152–155. Рис. 6].

В Мугуджарской группе к типу 1 относится комплекс кургана с «усами» Медес, расположенный в 200 м к западу от реки Косагаш на незначительном возвышении в широтно ориентированной межгорной долине в 6 км к северу от поселка Херсон. Диаметр каменной уплощенной, с отдельными выступающими на поверхности плитами, насыпи основного кургана 10 м, высота – 0,35 м. От него на восток отходили две дуговидные каменные гряды – «уса». Длина северного «уса» – 51 м, южного – 44 м. В 2000 году археологической экспедицией Актюбинского госуниверситета им. Х. Жубанова под руководством А. А. Бисембаева раскопан центральный курган и расчищены обе гряды. В центре основного кургана выявлена каменная конструкция подквадратной формы размерами $2,5 \times 2,5$ м, основание которой покоилось на погребенной почве. По центру конструкции, под восточной бровкой, в ямке глубиной 10–15 см от уровня древней поверхности найдены остатки костра (угольки и сажа) и кости животного (астргал сайгака) [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. Рис. 16].

Кости человека отмечены в кургане Султантимировский I и кургане 14 могильника Кайнсай.

Комплекс кургана с «усами» Султантимировский I состоял из одного центрального кургана диаметром 8 м и высотой 0,6 м с каменно-земляной насыпью, от которого в северном направлении отходили две дугообразные каменные гряды длиной 52 и 58 м и шириной до 1 м. На окончаниях гряд небольшие округлые каменно-земляные площадки диаметром до 2 м и высотой до 0,1 м. По мнению автора раско-

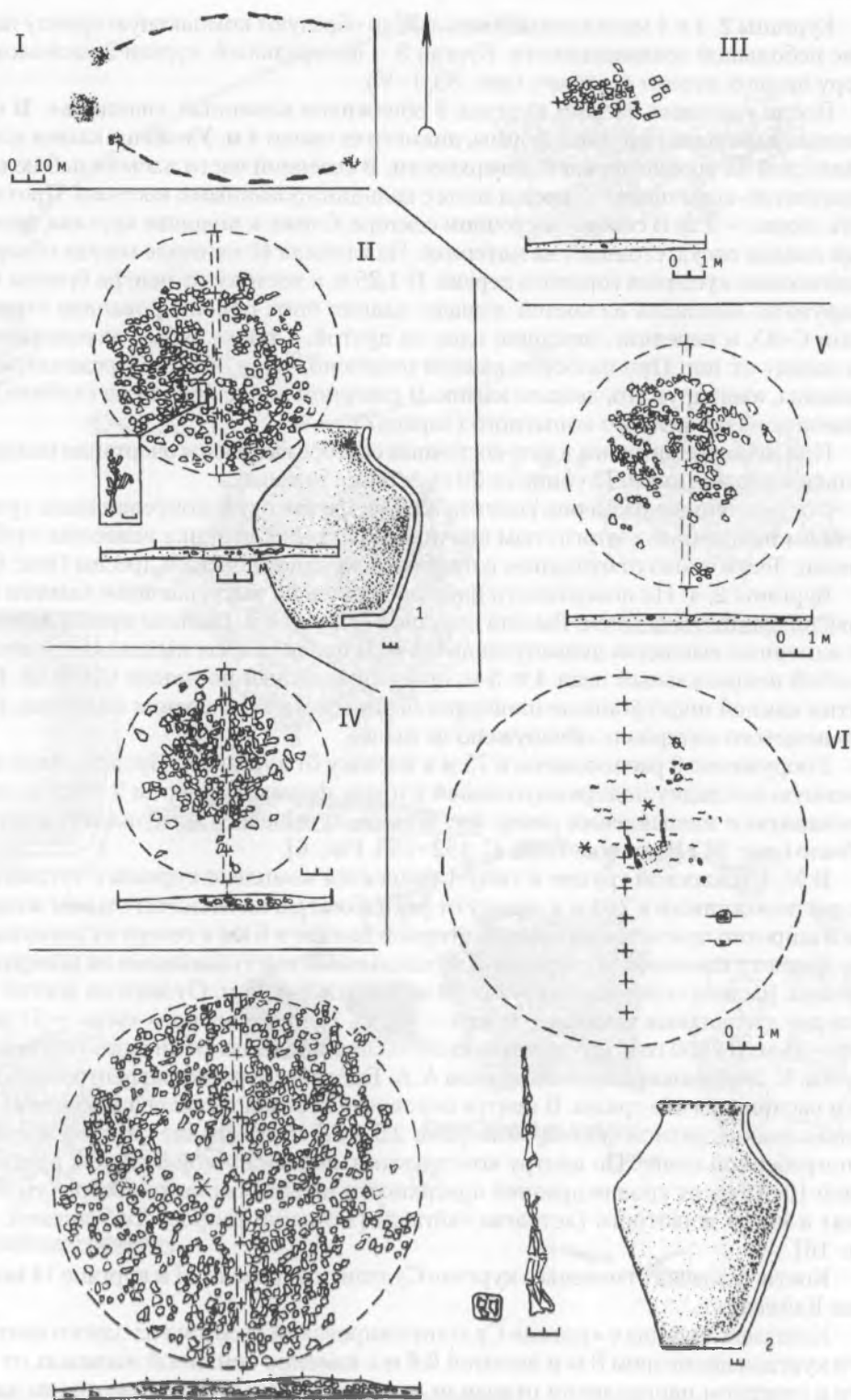

Рис. 83. Могильник Кызыл-Жар. Fig. 83. The Kyzyl-Zhar burial ground.

I – общий план; II – курган 1; III – сооружение 8; IV – курган 2; VI – курган 3. 1, 2 – керамика

пок Ф. А. Сунгатова, под насыпью кургана выявлена неглубокая могильная яма, которая не заглублена в материковый грунт. Размеры ее 1,5–1,6 × 2,2–2,3 м. На наш взгляд, данное углубление является не могильной ямой, а специальной площадкой со снятым дерновым слоем. В пределах ее очертаний были обнаружены разрозненные кости человека (фрагменты черепа и нижней челюсти, трубчатая плечевая кость). Здесь же найдены фрагменты керамического сосуда, 21 железный наконечник стрелы, железные колчаный крюк, двусоставные удила и стержень с ушком в верхней части. В северо-западном секторе кургана найден вазообразный сосуд с плавно профилированным туловом, прямым и слегка отогнутым наружу венчиком. На основании аналогий инвентаря комплекс датирован V–VII вв. н. э. [Сунгатов, 2003. С. 216–224] (рис. 84, II).

Комплекс кургана с «усами» 14 могильника Кайнсай состоял из центрального кургана с земляной насыпью диаметром 18 м и высотой 0,7 м, подпрямоугольной каменной оградки размерами 6×8 м на восточной поле насыпи кургана, двух каменных гряд длиной 106 и 97 м, представляющих собой цепочки подпрямоугольных или округлых оградок и выкладок, подпрямоугольных каменных вымосток на началах и окончаниях «усов».

Внутри каменной оградки в восточной поле кургана найдены фрагменты двух сосудов — крупной вазы и тонкостенного сосуда кушнареновской культуры.

В центре кургана, под его земляной насыпью, выявлено ограбленное в древности погребение, совершенное в катакомбе, вход в погребальную камеру которой закрывался крупными каменными плитами. В процессе ограбления части скелета погребенного были сложены на дне входной ямы. Судя по сохранившимся в камере костям, умерший укладывался вытянуто на спине головой на ЮЮВ. Из инвентаря сохранился лишь железный колчаный крюк. Форма могильной ямы, особенности погребального обряда и колчаный крюк позволяют датировать это захоронение III–II вв. до н. э. (рис. 85).

Комплекс кургана Елизаветпольский состоял из двух курганов (большого и малого), вытянутых по линии В–З, и отходящих от них на восток двух дуговидных каменных гряд или «усов». Большой курган (курган 1) представлял собой округлую насыпь, сложенную из земли и камня, диаметром до 9 м и высотой до 0,4 м. Малый курган (курган 2) находился в 1 м к востоку от кургана 1 и представлял собой подквадратную вымостку размерами 5,2×5,2 м и высотой до 0,1 м, сложенную из крупных камней и ориентированную по сторонам света с небольшим отклонением. От малого кургана на восток отходили две гряды длиной 45 и 26 м. На началах гряд находились овальные оградки, на окончаниях — слабо заметные подовальные площадки. При исследовании большого кургана выявлено, что часть его первоначальной насыпи была разобрана. Это отчетливо фиксировалось как планиграфически, так и стратиграфически. В частности, было замечено, что верхняя часть насыпи большого кургана состояла из камней мелких и средних размеров, крупные же остались лишь в основании ее центральной части. В то же время оградки на началах «усов», да и сами «усы» сложены в основном из камней крупных размеров или их развалов. Под насыпью большого кургана выявлена могильная яма овальной формы, ориентированная по линии ЮЗЗ–СВВ. На краях, стенках и дне ямы фиксировались следы прокала, а в заполнении встречались мелкие угли и зола. В яме, не содержащей никаких следов погребения человека, найдены три керамических сосуда, ряд изделий из бронзы (два зеркала, крюк, наконечники стрел, фрагменты браслетов), стеклянные и пастовые бусы и т. д. Полученные материалы позволяют уверенно датировать центральный курган серединой V века до н. э. Под центральной частью подквадратной каменной вымостки малого кургана, на уровне материка зафиксированы очертания углубления гантелевидной формы, ориенти-

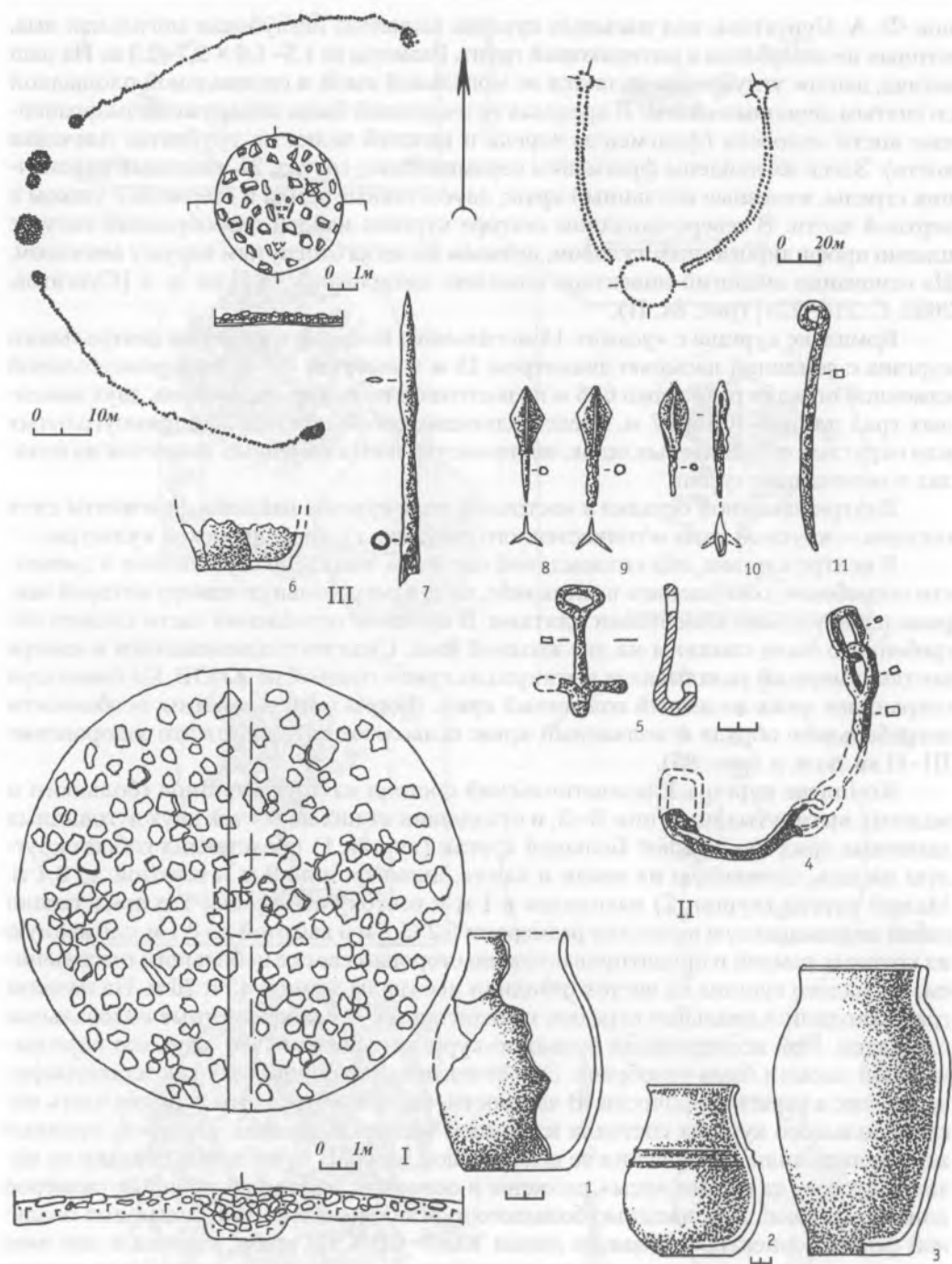

Рис. 84. I – Восточно-Курайлинские курганы. Курган 2; II – Султантемирский; III – Нижнедавлатовский. Fig. 84. I – The East Kuraylin barrows. Barrow 2; II – Sultantemirskiy; III – Nizhnedavlatovskiy.

1, 2, 3, 6 – керамика; 4, 5, 7, 8–11 – железо

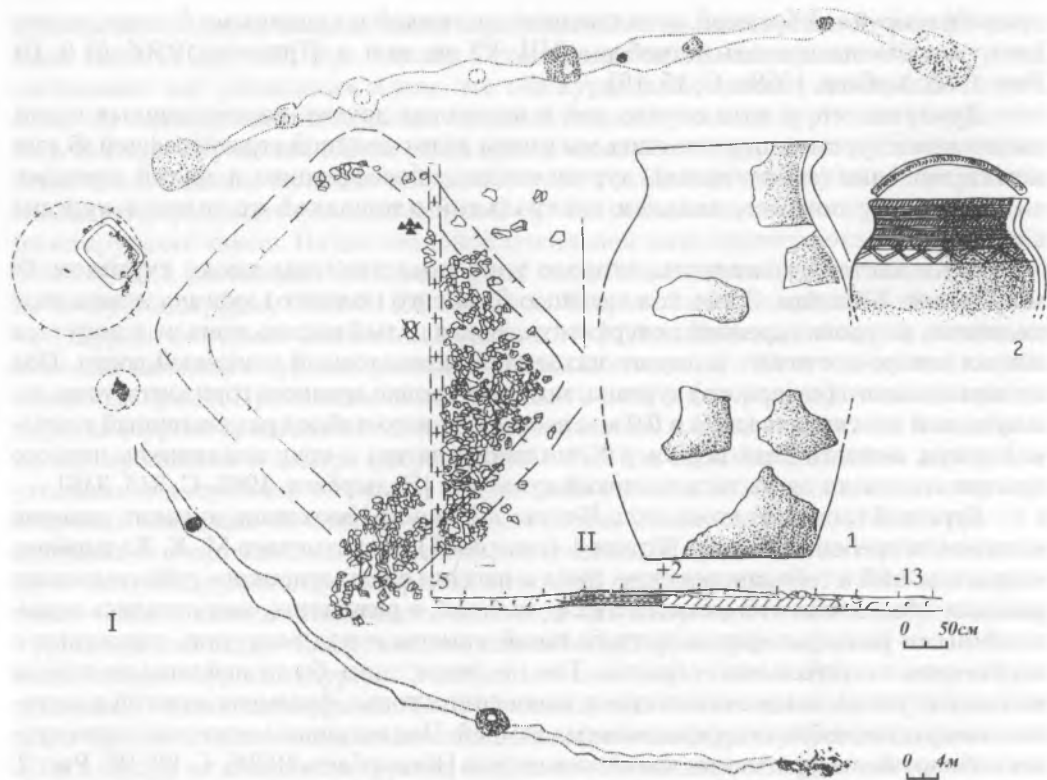

Рис. 85. Могильник Кайнсай. Курган 14. Fig. 85. The Kainsay burial ground. Barrow 14.
I – общий план и разрез; II – общий план и разрез центрального кургана. 1, 2 – керамика

рованные с отклонением по линии З–В. В восточной части углубления, в небольшой ямке, находился глиняный сосуд, а в западной – ямка глубиной 0,4 м от уровня материка, в заполнении которой встречены камни и значительное количество угля. Под площадкой окончания северного «уса» выявлена яма подпрямоугольной формы со скругленными углами глубиной 0,25 м. В верхней части заполнения ямы отмечены следы прокала и зола. Ни на дне ямы, ни в ее заполнении ничего не найдено (рис. 82, II).

В следующую группу, относящуюся ко второму типу, как уже сказано, входят комплексы, в которых центральную часть образуют два или более кургана, отстоящих друг от друга по линии С–Ю. Поэтому вряд ли к этой группе можно отнести комплексы, в которых центральные курганы сливаются или прилегают друг к другу, как это было в случае с известным курганом на озере Большое Чебачье.

Курган на берегу озера Большое Чебачье исследован в 1930 году Б. Н. Ждановым, краткая информация о нем опубликована М. П. Грязновым, а также приведена в кандидатской диссертации М. К. Кадырбаева. Комплекс состоял из двух невысоких курганов, расположенных «рядом вплотную так, что насыпи сливаются» по линии С–Ю. В северном кургане под северо-восточной частью насыпи «на поверхности почвы обнаружены лишь нижняя часть плоскодонного глиняного сосуда, черепок другого сосуда и лошадиные зубы и бабки». В южном кургане под насыпью вскрыта частично ограбленная грунтовая могильная яма овальной формы, перекрытая каменными плитами. На дне ямы расчищены остатки погребения женщины, уложенной вытянуто на спине. Инвентарь, представленный бронзовым зеркалом с бортиком по краю и широкой петлей в центре, двумя сережками из золотой прово-

локи с изумрудной бусиной, аргиллитовой застежкой и каменными бусами, позволяет уверенно датировать погребение VII–VI вв. до н. э. [Грязнов, 1956б. С. 9, 10. Рис. 2; Кадырбаев, 1959в. С. 15, 16].

Думается, что в этом случае, как и во многих других, рассмотренных выше, касающихся курганов первого типа, мы имеем дело с двойной стратиграфией. В данном случае один (инвентарный) курган оказался более ранним, а другой, пристроенный к нему позднее, являлся центральной площадкой комплекса кургана с «усами».

В Казахстане комплексы второго типа представлены также курганом 48 могильника Ботакара. Здесь под насыпью большого (южного) кургана, в западной половине, на уровне древней поверхности, лежал целый костяк лошади, в полутора метрах северо-восточнее которого находился раздавленный глиняный сосуд. Под насыпью малого (северного) кургана, также на уровне древнего горизонта, тоже лежал целый костяк лошади, а в 0,9 м к востоку от него найден раздавленный глиняный сосуд, аналогичный первому. Комплекс включен в круг памятников первого хронологического этапа тасмолинской культуры [Кадырбаев, 1966. С. 345, 346].

Курган 2 (южный) комплекса Коктал в Южном Казахстане никаких находок и следов погребения не дал. Курган 1 (северный), как отмечает М. К. Кадырбаев, «заклучавший в себе захоронение, имел в насыпи следы широкого грабительского раскопа. Могильная яма оказалась разрушенной, в результате чего остались невыясненными размеры, форма погребальной камеры и ряд вопросов, связанных с характером погребального обряда». Тем не менее, здесь были найдены железные кольчатые удила, наконечники стрел, наконечник копья, фрагмент золотой пластины с инкрустацией из полудрагоценных камней. Под насыпью восточной части кургана обнаружены фрагменты глиняного сосуда [Кадырбаев, 1959б. С. 90–93. Рис. 2; 3; 5]. Приводимый М. К. Кадырбаевым разрез кургана 1 позволяет нам усомниться в существовании могильной ямы вообще. Вполне очевидно, что здесь имела место каменная оградка, типичная для ряда курганов с «усами», в центр которой на дневную поверхность помещался комплекс предметов, связанных с конем и вооружением (рис. 78, 1–8).

В восточной половине насыпи южного кургана комплекса кургана 1 Зевакино найдены зуб и ребро лошади, обломки глиняного сосуда, кусочки древесного угля. Под насыпью северного кургана в восточной половине найдены обломки трубчатых костей овцы, фрагменты дна глиняного сосуда. Здесь же зафиксирована подпрямоугольная могильная яма, ориентированная почти по линии С–Ю. На дне ямы расчищено парное погребение (взрослый и ребенок). Умершие были уложены вытянуто на спине, головой на север. Сопроводительный инвентарь представлен бронзовыми серьгой и гривной, остатками кожаного пояса с железной округлой пряжкой с подвижным язычком, украшенного бронзовыми подпрямоугольными пластинчатыми бляхами и фигурной пластиной, обломками железного однолезвийного меча, железным ножом, железными наконечниками стрел, помещенными в кожаный колчан, остатками лука с десятью костяными накладками. По комплексу инвентаря курган датирован IV–V вв. н. э. [Арсланова, 1975. С. 117, 118, 128] (рис. 74, 2, 3, 6, 8, 12, 14, 17–19, 22–24).

Под северной насыпью («курган А») кургана 4 могильника Карамурун I в центре площадки выявлена грунтовая могильная яма, перекрытая каменными плитами и ориентированная по линии СЗ–ЮВ. Яма ограблена, однако в ее заполнении и на дне встречены кости человека, среди которых найдена костяная игла с навершием в виде стилизованной головы хищной птицы. В восточной части подкурганной площадки находились обломки глиняного сосуда. Под насыпью южного кургана («курган Б»), ближе к восточной стороне, лежали обломки глиняного сосуда, а по площади

кургана прослежены зольные полосы шириной 3–4 см, мощностью 3–5 см [Кадырбаев, 1966. С. 356, 357. Рис. 48; 49]. Приводимые планы могильника Карамурун I заставляют нас усомниться в том, что оба кургана составляют единый комплекс. Судя по планам, каменные гряды связаны только с южным курганом («курганом Б»). В таком случае мы имеем здесь дело с комплексом кургана с «усами» типа 1. Отметим также, что на конце северного «уса» исследован курган ба, который имел овальную форму, вытянутую по линии С–Ю. По основанию насыпи проходило кольцо из крупного камня. На дне овальной могильной ямы, ориентированной по линии СЗС–ЮВЮ, расчищено безынвентарное погребение (вытянуто на спине, головой на С–З) [Кадырбаев, 1966. С. 359; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. Рис. 45].

Курган с «усами» могильника Ижевский-2 (Акмолинская область) включал в себя два каменных кургана, расположенных по линии С–Ю, и отходящие от них каменные гряды. При снятии камней верхнего слоя в центральной части северного кургана (курган 1) найдена подквадратная каменная плитка с округлым чашеобразным углублением в центре (жертвенник – ?). Под насыпью выявлена подпрямоугольная яма глубиной 0,15 см, не содержащая никаких находок, по-видимому, аналогичная площадке со снятым дерновым слоем. Выше верхнего уровня ямы, но в пределах ее очертаний, найдены кости ног лошади. За пределами пятна, в 1 м к северу от нее, обнаружены зубы верхней и нижней челюсти лошади, а в 0,5 м к югу от ямы — «две тонкие длинные кости человека». На северо-восточной периферии подкурганной площадки обнаружен вкопанный в материк плоскодонный сосуд. В насыпи южного кургана (курган 2) найдены мелкие кости животного и железный черешковый наконечник стрелы. Типологически наконечник из южного кургана близок к одному из наконечников воинского захоронения кургана 3, расположенного в 10 м к западу от комплекса кургана с «усами». По мнению авторов публикации, наконечник помещен в насыпь уже существующего южного кургана преднамеренно в ходе совершения погребения в кургане 3. Погребение в кургане 3 датируется по комплексу инвентаря второй половиной VII – первой половиной VIII вв. Сам же комплекс кургана с «усами» авторы публикации, на основании находки «жертвенника» и сосудов, относят к тасмолинской культуре VII–IV вв. до н. э. [Бейсенов, Волошин, 2002. С. 165, 170, 173]. Впрочем, в работе 1996 года А. З. Бейсенов при описании исследованных комплексов с «усами» типа 3 этот курган не включает в круг памятников тасмолинской культуры [Бейсенов, 1996. С. 39]. На наш взгляд, найденную в северном кургане плитку вряд ли можно считать законченным жертвенником. Ее форма и размеры никак не вписываются в традиционные параметры тасмолинских жертвенников без ножек. Очевидно, что курган 3 и примыкающий к нему курган с «усами» составляют единый культурный и хронологический комплекс VII–VIII вв. (рис. 86).

К этому же типу относится комплекс кургана 5 могильника Егиз-Койтас, датированный вторым этапом тасмолинской культуры. Оба кургана, как северный, так и южный, не имели могильных ям. Под насыпью обоих курганов найдены глиняные сосуды. Под южным, в центре, обнаружены фрагменты двух сосудов, под северным, в восточной части, — один сосуд [Кадырбаев, 1959а. С. 186–188, 192].

Комплекс кургана 1 могильника Батыр-Булак. Он состоял из трех каменных курганов, расположенных по линии СВ–ЮЗ, от крайних отходили «усы». Под насыпью центрального кургана, в юго-восточном секторе, обнаружены пятна сажи с угольками, истлевшая кость и сосуд, вкопанный в материк. Комплекс датирован тасмолинским временем [Усманова, 1987. С. 100. Рис. 1].

В Южном Зауралье этот тип представлен группой из четырех комплексов.

Нижне-Давлетовский курган с «усами» исследован Н. А. Мажитовым в 1971 году. Представлял собой комплекс, состоящий из трех курганов, расположенных почти по линии С–Ю, и отходящих от них на восток каменных гряд или «усов».

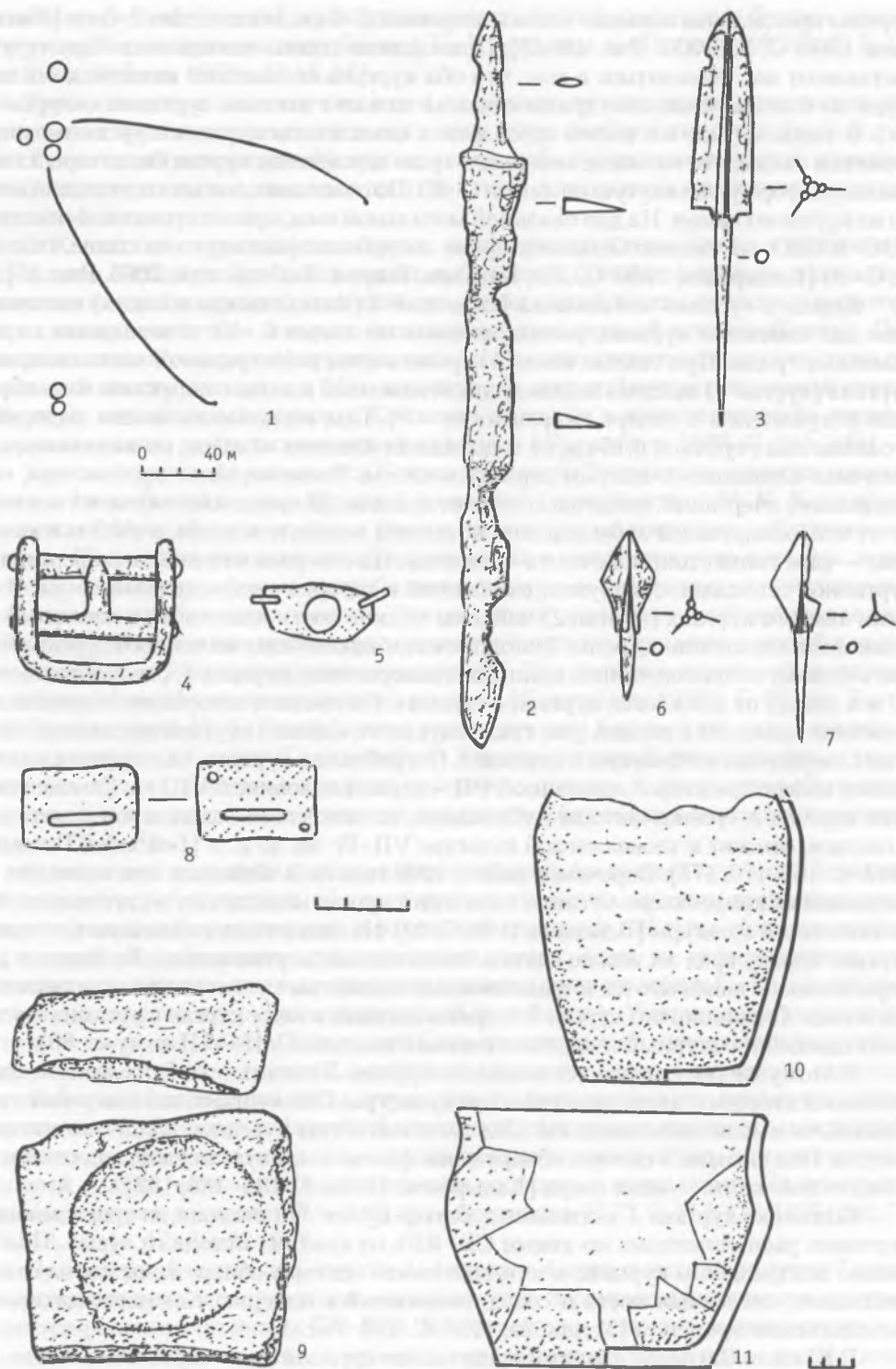

Рис. 86. Курган с «усами» Ижевский-2. Fig. 86. The Izhevskiy-2 barrow with «ridges».

1 – план кургана с «усами»; 2–5, 7, 8 – курган 3; 6, 11 – курган 2; 9, 10 – курган 1. 2–4, 6, 7 – железо; 5, 8 – бронза; 9 – камень; 10, 11 – керамика

Диаметр южного кургана 7 м, северного – 6 м. К южной поле северного кургана примыкал курган диаметром около 4 м. Насыпи курганов сложены из земли и камня. На началах и концах каменных гряд находились овальные площадки диаметром 2–5 м. Длина северной гряды 90 м, южной – 75 м, ширина их не превышала 1 м. Под насыпями курганов на уровне древней поверхности выявлены следы прокалов, уголь и кальцинированные кости. Под южным курганом в центре площадки найден железный наконечник копья с длинной конусовидной втулкой и ланцетовидным лезвием, а в северо-восточном секторе фрагменты небольшого плоскодонного сосуда. Датирован VI–VII вв. н. э. [Боталов, 2003в. С. 164. Рис. 45, III] (рис. 84, III).

Курган с «усами» могильника Сарбулат I, исследованный В. П. Костюковым на правом берегу реки Карагайлы-Аят. Комплекс составляли две каменные насыпи (северная и южная), от которых на восток отходили две каменные гряды. Диаметр северной насыпи 8,0 м при высоте до 0,3 м, южной – 11,0 м при высоте до 0,4 м. Расстояние между полами насыпей около 2,0 м. В 15,0 м к ССВ от центра северной насыпи начинался северный «ус», идущий на СВВ по дуге на расстоянии 164 м. Ширина гряды колебалась от 1,0 до 2,0 м, западное и восточное ее окончания оформлены в виде округлых площадок диаметром около 4 м и высотой до 0,2 м. Южный «ус», идущий от насыпей на ЮВВ, имел форму дуги длиной 138 м. Начинался он в 5 м к югу от края южной насыпи. Ширина его колебалась от 1,0 м до 2,0 м, окончания выполнены в виде округлых площадок диаметром 4 м и высотой до 0,2 м. Расстояние между центрами площадок на западных окончаниях северного и южного «уса» – 41,5 м.

После полной расчистки северной насыпи обнаружилось, что в плане она представляет собой почти правильный квадрат с длиной сторон около 8,5 м, ориентированный углами по сторонам света. Под центром конструкции на поверхности погребенной почвы и в верхнем ее горизонте на площадке диаметром 2,5–3,0 м встречались отдельные угли и сажистые включения, нигде не образующие значительных скоплений. В 2,5 м к ССВ от центра насыпи обнаружен лепной сосуд, вкопанный в материк на глубину около 10 см. Устье его находилось, по-видимому, на уровне древней дневной поверхности. Сосуд плоскодонный, горшечной формы. Тулово слабо раздутое, асимметричное, плечо покатое, шейка короткая, отогнутая наружу. Форма венчика на сохранившейся части изменяется от скругленно-подтреугольной до уплощенной, с отчетливым внешним наплывом. Высота сосуда, очевидно, не превышала 24 см, диаметр тулова равен 21 см.

После полной расчистки южной насыпи выявились очертания, позволяющие предположить, что сооружение создавалось, скорее всего, как более или менее правильный пятиугольник. Длина его северной стороны 8,5 м, северо-восточной – 7 м, юго-восточной – 8,5 м, юго-западной – 8 м, северо-западной – 8 м.

На поверхности и в верхнем горизонте погребенной почвы найдены небольшие скопления углей, отдельные угли и сажистые включения, более выразительные и многочисленные, чем под северной насыпью. Следы горения фиксировались на участке, простиравшемся с юга на север и с запада на восток на 4–5 м и несколько сдвинутом от центра кургана на северо-восток, что, вероятно, обусловлено грабительским вкопом в центр насыпи. Под насыпью найдены зернотерка (точильный камень – ?), сосуд и бабка лошади.

Зернотерка обнаружена в центре насыпи на уровне материка. Это крупный брусок (29,5 × 6,3–7,5 × 6,5 см) серого с коричневым тоном среднезернистого песчаника, одна из широких граней которого несет следы длительной полировки.

Сосуд был вкопан в материк в 3,2 м к СВ от центра кургана, у границы остатков кострища. По-видимому, его устье находилось на уровне или несколько ниже древней дневной поверхности. Сосуд сравнительно крупный, плоскодонный, верхняя

его часть, разрушенная в древности, не сохранилась. Форма горшечная, тулово асимметричное. Пропорции вытянутые, плечо длинное, покатое. Высота — в пределах 33,5–34 см, диаметр тулова — 23 см, диаметр днища — 15,5 см. Горловина узкая, ее диаметр, по всей вероятности, не превышал 10 см. На дне сосуда прослеживаются отверстия диаметром до 2 мм, проделанные изнутри еще по сырой глине. По меньшей мере, 6 отверстий было сделано в центре днища по кругу диаметром около 8 см и какое-то количество — по периферии. Однако потом часть центральных и почти все периферийные отверстия были затерты, сквозными остались лишь три центральных и одно периферийное (рис. 87).

И, наконец, знаменитый комплекс кургана с «усами» Солончанка I состоял из трех каменно-земляных курганов, вытянутых цепочкой с севера на юг. Диаметр их от 6,5–7 м до 9 м, высота 0,3–0,5 м. Центральный курган был окружен каменной кольцевой оградой диаметром 12 м. От крайних курганов на восток отходили два земляных вала («уса») длиной 190 и 157 м, шириной 8–10 м и высотой 0,1–0,3 м. На окончании валов-«усов» располагались округлые земляные площадки диаметром от 8 до 12 м.

Под насыпью каждого кургана на древней дневной поверхности находился костяк лошади, лежащей на боку в южной половине подкурганной площадки. Центральный курган ограблен, поэтому под его насыпью, помимо костяка лошади в северо-восточном секторе найден лишь большой плоскодонный кувшин в неглубокой ямке. В центре подкурганной площадки южного кургана на древней дневной поверхности, в пределах углисто-золистого пятна, выявлен многочисленный инвентарь: железные наконечники стрел, фрагменты колчана и сложносоставного лука, уздечный набор, золотые обкладки луки седла, предметы ременной гарнитуры и прочее. Среди камней насыпи обнаружен сильно деформированный бронзовый сосуд. В северо-восточном секторе подкурганной площадки найдены остатки плоскодонного сосуда также в неглубокой ямке. В северном кургане среди камней насыпи находились железные наконечники стрел, фрагменты колчана и уздечный набор. В северо-восточном секторе подкурганной площадки найден развал плоскодонного сосуда в неглубокой ямке. По набору инвентаря комплекс курган с «усами» Солончанка I был датирован V–первой четвертью VI в. н. э. [Любчанский, Таиров, 1999. С. 5–62] (рис. 88).

В Южном Зауралье к этому же типу памятников с погребением человека, возможно, относится комплекс кургана с «усами» Крутая Гора. Он состоял из трех каменных насыпей, вытянутых в цепочку по направлению ЮЮВ–ССЗ, и двух «усов». В начале и на окончании северного «уса», представляющего собой разреженную дугообразную выкладку из рваного камня длиной 100 м, находились круглые каменные вымостки до 2 м в диаметре. Южный «ус» длиной 105 м сооружался как из камня, так и из дерна. На его окончании зафиксирована каменная вымостка диаметром 3,5 м, а на начале — каменно-земляная площадка диаметром 5 м и высотой 0,1 м. Северный курган, насыпь которого сильно повреждена в результате добычи камня, не раскапывался. Центральный курган диаметром 8 м и высотой 0,7 м сооружен на разрушенном кургане эпохи бронзы. В центре кургана под его каменной насыпью, но на поверхности кургана эпохи бронзы, найдены кости ног лошади. Здесь же обнаружены три фрагмента керамики и пластинка золотой фольги. Под центром насыпи южного кургана (диаметр 7 м, высота 0,4 м) зафиксирован прокол (?), но без следов огня в виде угольков или золы. Среди камней площадки на начале южного «уса» найдены фрагменты керамики, которые по составу глиняного теста и орнаменту аналогичны фрагментам из центрального кургана [Гаврилюк, Любчанский, Иванова, 2004. С. 41–43; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. Рис. 49, 1, 2, 6, 7].

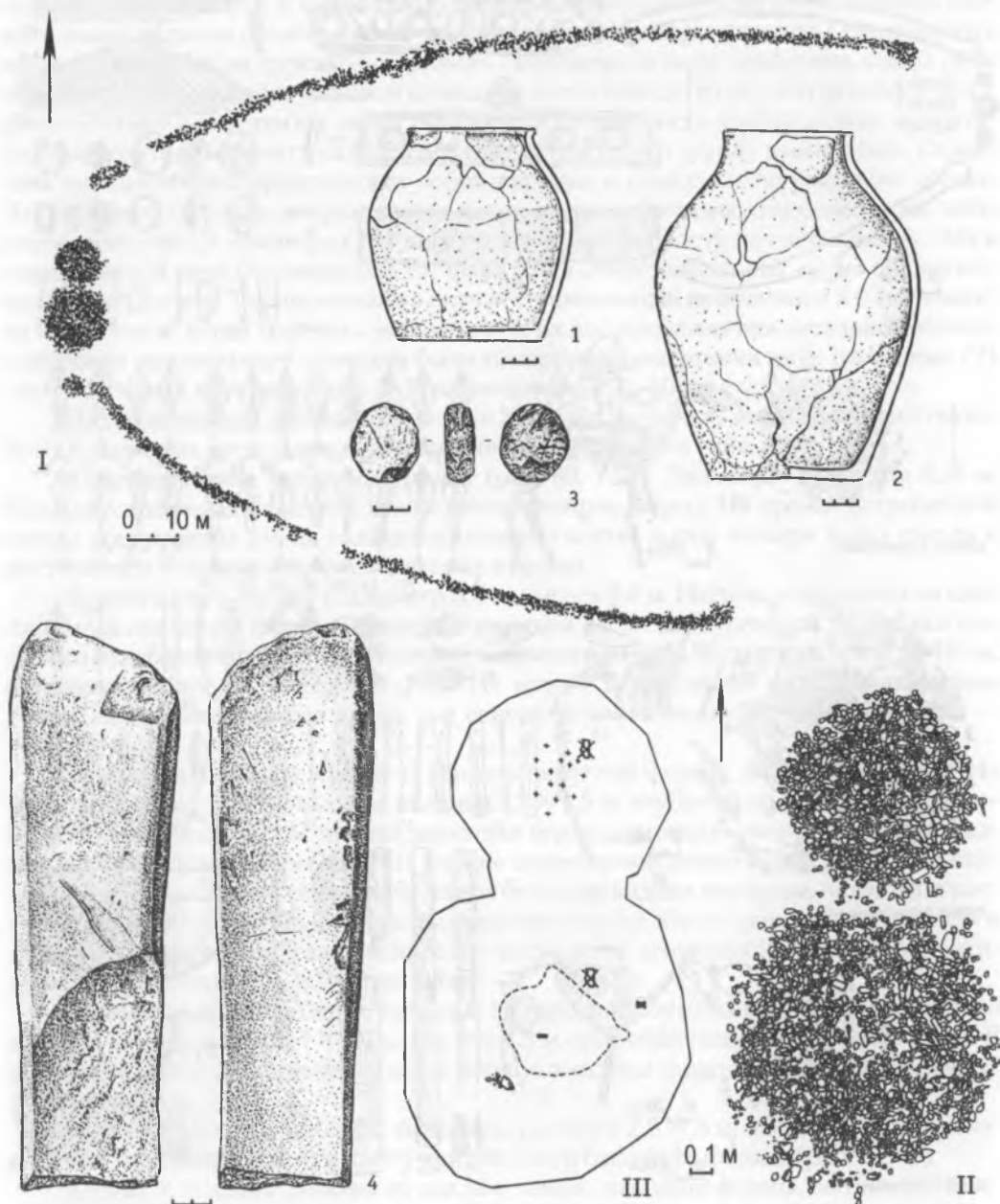

Рис. 87. Комплекс кургана с «усами» Сарбулат I. Fig. 87. The complex of Sarbulat I barrow with «ridges». I – общий план комплекса; II – план северного и южного курганов; III – план подкурганных площадок на уровне материка. 1–4 – инвентарь: 1, 3 – северный курган; 2, 4 – южный курган (1, 2 – глина, 3, 4 – камень)

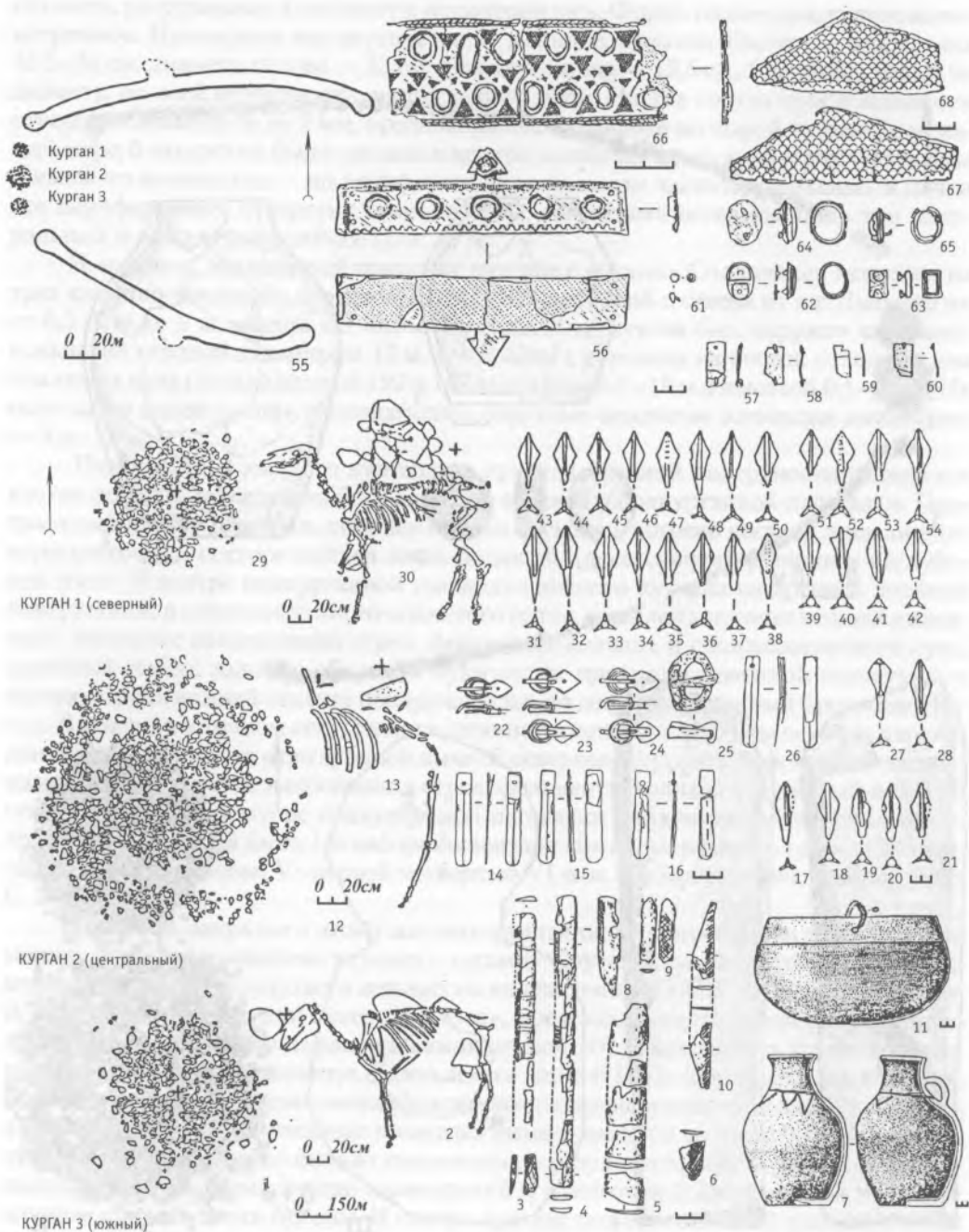

Рис. 88. Курган с «усами» Солончанка I (по: [Любчанский, Таиров, 1999]).

Fig. 88. The Solonchanka I barrow with "ridges" (according to: [Lyubchanskiy, Tairov, 1999]).

1, 12, 29, 55 – общий план курганов и комплекса; 2, 13, 30 – общий план захоронений коней; 3–6, 8–10 – кость; 7 – керамика; 11, 61 – бронза; 14–16, 26 – серебро, бронза; 17–21, 25, 27, 28, 31–42, 43–54 – железо; 22–24, 57–60 – серебро; 56, 62, 64, 66 – золото, бронза, камень; 63, 65 – бронза, камень; 67, 68 – золото

Особую категорию памятников рассматриваемого круга составляет группа комплексов, получившая название памятники селенташского типа. По представлению автора основные черты и характерные детали, выявленные при их исследовании, удивительным образом схожие с теми, что обнаруживались при раскопках центральных насыпей комплексов курганов с «усами» (каменные ограды, вымостки, следы огня или прокала участка подкурганной площадки, кости лошади и крупного рогатого скота, расположение керамики), а также типологическая схожесть керамического инвентаря, позволяют объединить их в целом в единокультурную группу памятников. Селенташские памятники представляют собой курганы и вымостки, не имеющие «усов». Хотя возможно, что некоторые из них могли иметь либо символические гряды, либо слабо заметные. В некоторых случаях гряды-«усы» попросту не сохранились. Это в определенной мере подтверждает тот факт, что в некоторых из них «усы» обнаруживались чуть позже. Так произошло в случае с эпонимными курганами 4 и 5 могильника Селенташ. Спустя тридцать лет с момента их исследования при детальной аэродешифровке прилегающей площади были обнаружены очертания двух грунтовых (?) «усов», идущих в направлении З–В на расстоянии 70–100 м.

На сегодняшний день на территории Южного Зауралья, Западного и Центрального Казахстана исследовано 18 курганов селенташского типа.

Александровские курганы, курган 1 (рис. 89, 1–4). Диаметр 8 м, высота 0,24 м. Насыпь, сложенная из камня, имела шестигранную форму. На уровне погребенной почвы обнаружены уголь, кальцинированные кости, кости лошади и два сосуда в восточном и северо-восточном секторах кургана.

Курган 2 (рис. 89, 5–7). Диаметр 6,5 м, высота 0,4 м. Насыпь, сложенная из камня, имела овальную форму. В северо-восточной части подкурганной площадки выявлено углубление прямоугольной формы размером 60 × 50 см и глубиной до 10 см, ориентированное по линии СЗ–ЮВ. На уровне погребенной почвы обнаружены уголь, кальцинированные кости, а в северной части подкурганной площадки — сосуд.

Могильник Елантау, курган 4. Насыпь округлой формы, диаметром до 8 м. На поверхности насыпи — овальная впадина 3,5 × 1,5 м, глубиной до 0,15 м. На глубине 0,2 м по краю насыпи расчищена каменная ограда, имеющая разрывы в юго-западном и юго-восточном секторах. На уровне погребенной почвы в центре насыпи найдены колчанная петля, геральдическая и бисерцевидная накладка, челюсти и кости лошади. Здесь же обнаружены кальцинированные кости, следы прокала, зола и угли. По центру кургана зафиксировано углубление размером 0,7 × 0,3 м, ориентированное по линии СЗ–ЮВ (рис. 90).

Могильник Крутой Овраг, курган 2. Насыпь прямоугольной формы сложена из земли и камня, размеры 7 × 4,7 м, высота 0,3 м, ориентирована по сторонам света. В восточной и северо-восточной части насыпи найдены фрагменты сосуда баночной формы (рис. 91, I).

Курган 3. Насыпь сложена из камня, размеры 2,5 × 3 м, высота 0,4 м. В центральной и западной части насыпи найден сосуд баночной формы (рис. 91, II).

Курган 4. Насыпь сложена из земли и камня, овальной формы, вытянута с севера на юг, размер 9?13 м, высота 0,2 м. В центре подкурганной площадки выявлены остатки обгорелой деревянной конструкции. На уровне погребенной почвы найдены железные черенковый наконечник и пряжка (рис. 91, III, IV).

Курган 5. Насыпь сложена из камня, размер 2 × 2,5 м, высота 0,15 м. В центре расчищено безынвентарное детское погребение, ориентированное по линии СВ–ЮЗ.

Могильник Селенташ, курган 4. Диаметр 14,8 м, высота 0,25 м. При снятии дерна обнаружена каменная ограда подпрямоугольной формы размером 8 × 6,5 м, ориентированная по линии СВ–ЮЗ. В центре, со смещением в восточный сектор, под-

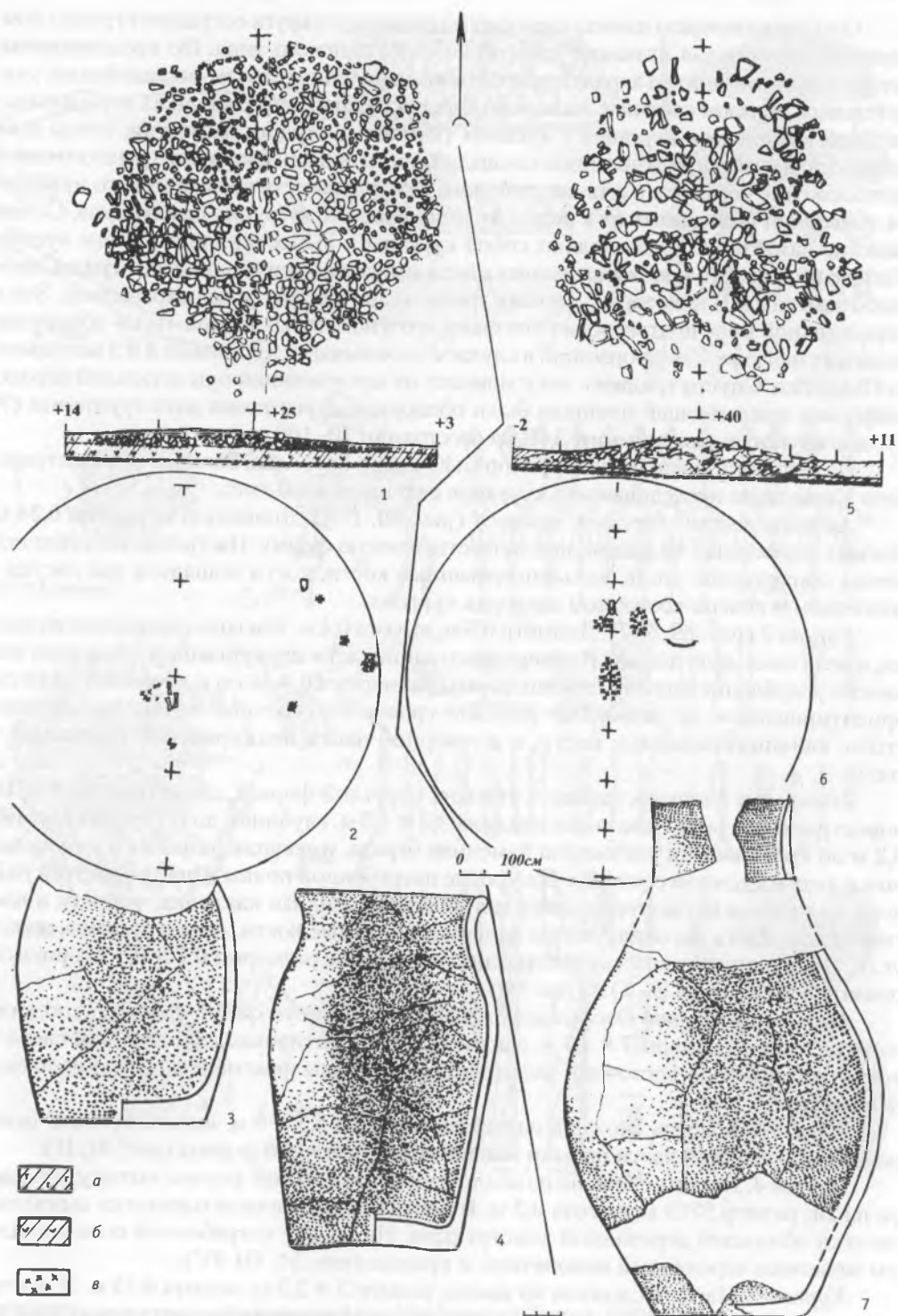

Рис. 89. Александровские курганы. Fig. 89. The Alexandrovskiye barrows.
1, 2 – курган 1, общий план; 5, 6 – курган 2, общий план. а – гумус, б – погребенная почва, в – уголь.
3, 4, 7 – керамика

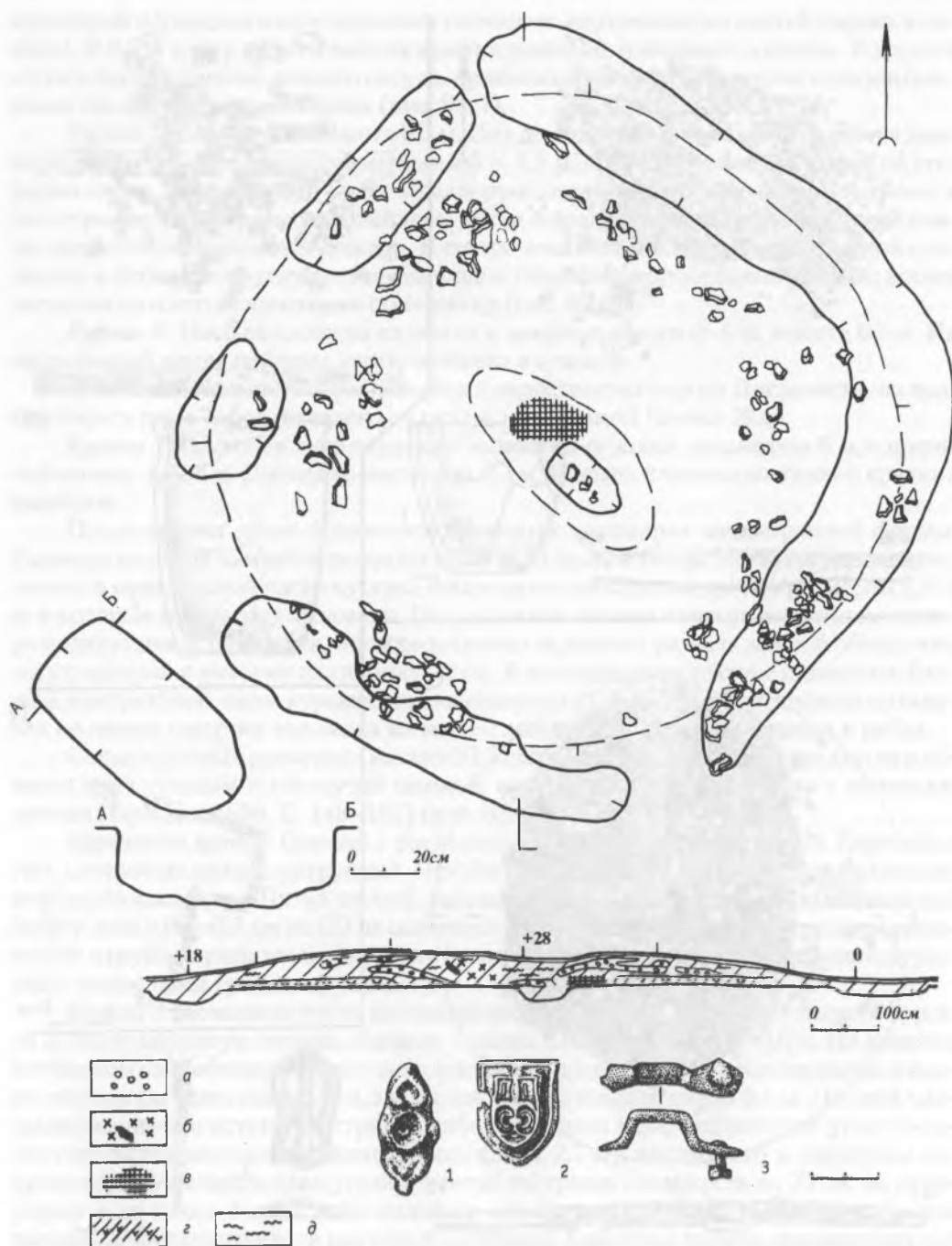

Рис. 90. Могильник Елантау. Курган 4. Fig. 90. The Yelantau burial ground, Barrow 4.
Общий план и разрез. а – выкид; б – уголь, прокал; в – прокал; г – погребенная почва; д – зольник.
1, 3 – бронза; 2 – бронза, позолота

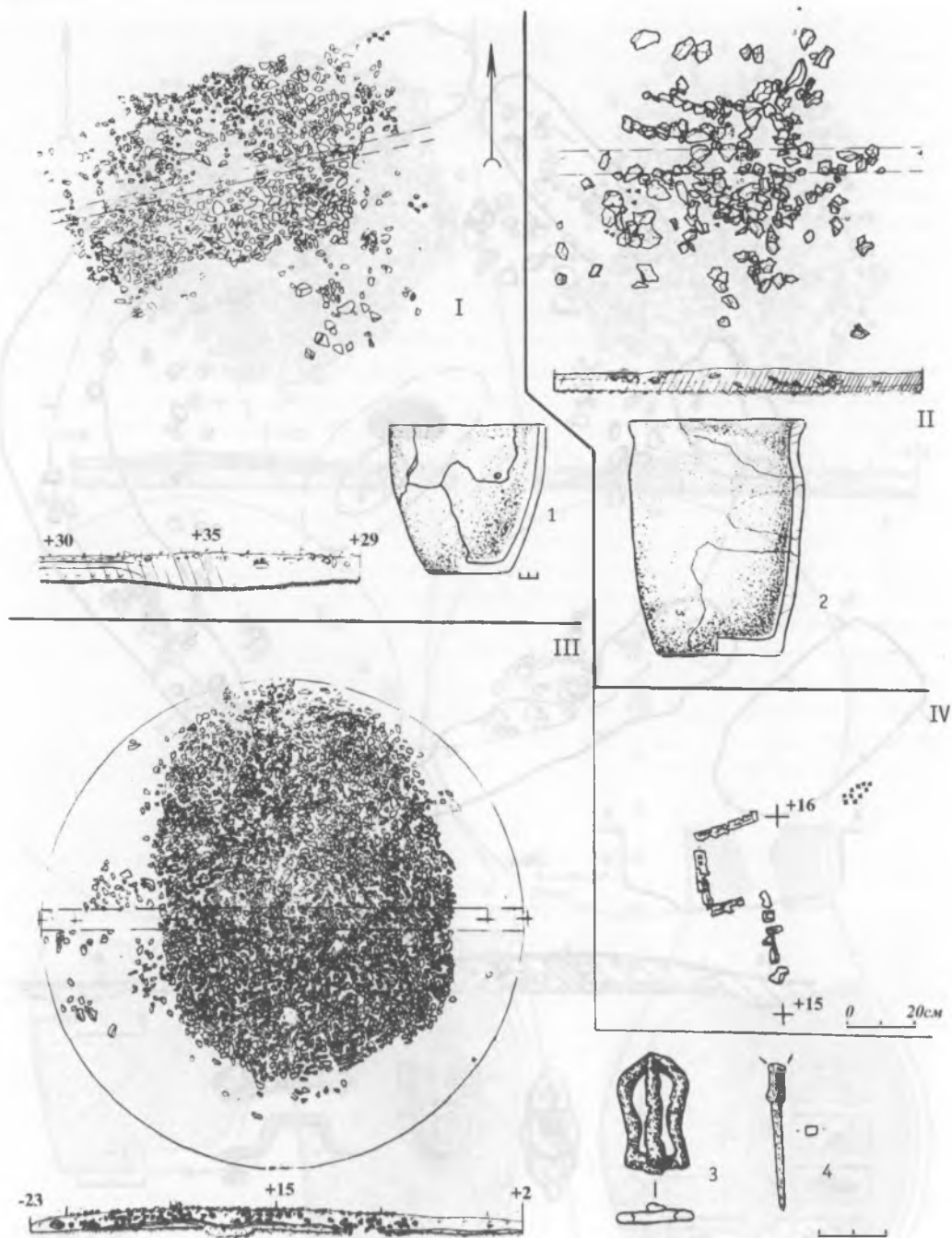

Рис. 91. Могильник Крутой Овраг. Fig. 91. The Krutoy Ovrag burial ground.

I – курган 1; II – курган 3; III – курган 4 (общий план); IV – план расположения деревянной подкурганной конструкции. 1, 2 – керамика; 3, 4 – железо

курганной площадки в слое зольника расчищен жертвенник из костей барана и лошади. В 0,5 м к югу от него найден красноглиняный гончарный кувшин. В насыпи встречены фрагменты лепного сосуда, орнаментированного по шейке горизонтальными прочерченными линиями (рис. 92, I).

Курган 5. Диаметр 16, высота 0,3 м. Под дерном расчищена конструкция в виде подпрямоугольной ограды размерами 7,5 × 5,5 м, ориентированная углами по сторонам света. По внешнему краю ограды прослежен неглубокий прямоугольный в плане ровик. В центре насыпи найдены кости лошади и лежащие рядом с ними камни, представляющие макет лошади. В северо-восточном секторе подкурганной площадки в небольшом углублении расчищен большой вазообразный сосуд с косым зигзагом по плечу и насечками по венчику (рис. 92, II).

Курган 8. Насыпь сложена из земли и камня, диаметр ее 6 м, высота 0,3 м. На погребенной почве найдены кости человека и лошади.

Могильник Кызыл-Жар расположен в окрестностях города Лисаковска, на правом берегу реки Тобол, недалеко от скалы, называемой Кызыл-Жар.

Курган 1. Насыпь в виде округлой вымостки-оградки, диаметром 6 м, с шириной кольца 1–2,5 м. Высота ее достигала 0,7 м. Насыпь сложена из камней средних размеров.

После снятия дерна обнажился каменный «панцирь» шестигранной формы. Размеры колотых камней варьируют от 20 × 30 до 30 × 50 см. Уложены они плотно, только в центральной части кургана наблюдался небольшой провал размером 1,8?1 м, в котором камни отсутствовали. После снятия насыпи в северо-восточном секторе подкурганной площадки, непосредственно за линией развала камней обнаружен сосуд, врытый в материк на глубину 20 см. В юго-западном секторе площадки, ближе к центральной части кургана, под камнями на глубине 20 см расчищена вытянутая по линии север-юг выкладка из костей лошади (?): крестец, лопатки и ребра.

Сосуд крупных размеров (высота 32,5 см) горшечной формы, с раздутым в области плеч туловом и отогнутой шейкой, изготовлен из грубого теста с примесью дровы [Боталов, 1996. С. 148–152] (рис. 83, 11).

Курганная группа Суходол I располагается на правом берегу реки Карагайлы Аят, состоит из пяти конструкций. Четыре (курганы 2–5) размещаются на описанной выше площадке. Пятая насыпь кургана 1 располагается на противоположном берегу лога в 0,5–0,7 км на СЗ от основной группы сооружений. Центральное положение в группе принадлежит кургану 5, который относится к разновидности курганов с каменными грядами («усами»).

Курган 1 располагается на распахиваемом поле в 570 м на СЗ от насыпи кургана 5. Имел каменную насыпь. Диаметр – около 10,0 м, высота – до 0,6 м. На древнем почвенном слое обнаружена песчано-глинистая площадка, имевшая овальные в плане очертания, размерами 5,9–4,3 м, мощность составляла около 0,1 м. На этой площадке выявлены остатки кострища, наблюдавшиеся в виде сплошного углисто-золистого пятна овальной в плане формы (3,4 × 2,7 м), вытянутого в широтном направлении. Мощность слоя углей в центре кострища составляла до 20 см, на периферии – не менее 5 см. Следы сильного обжига наблюдались также и на камнях насыпи, локализовавшихся над зоной кострища. Каменная насыпь, возведенная над областью горения, представляла собой компактный многослойный наброс. Диаметр 8,0 м, высота до 0,6 м в центральной части и до 0,2–0,3 м на периферии. При разборке насыпи в ее толще были встречены 4 неопределимых обломка трубчатых костей животных (лошади?).

Курган 2 располагается в 85 м к СЗ от насыпи кургана 5. Каменная насыпь овально-многоугольной формы, просматривается 6 граней. Размеры по линии С–Ю около 12 м, по линии З–В – 10 м. Высота насыпи 30–35 м.

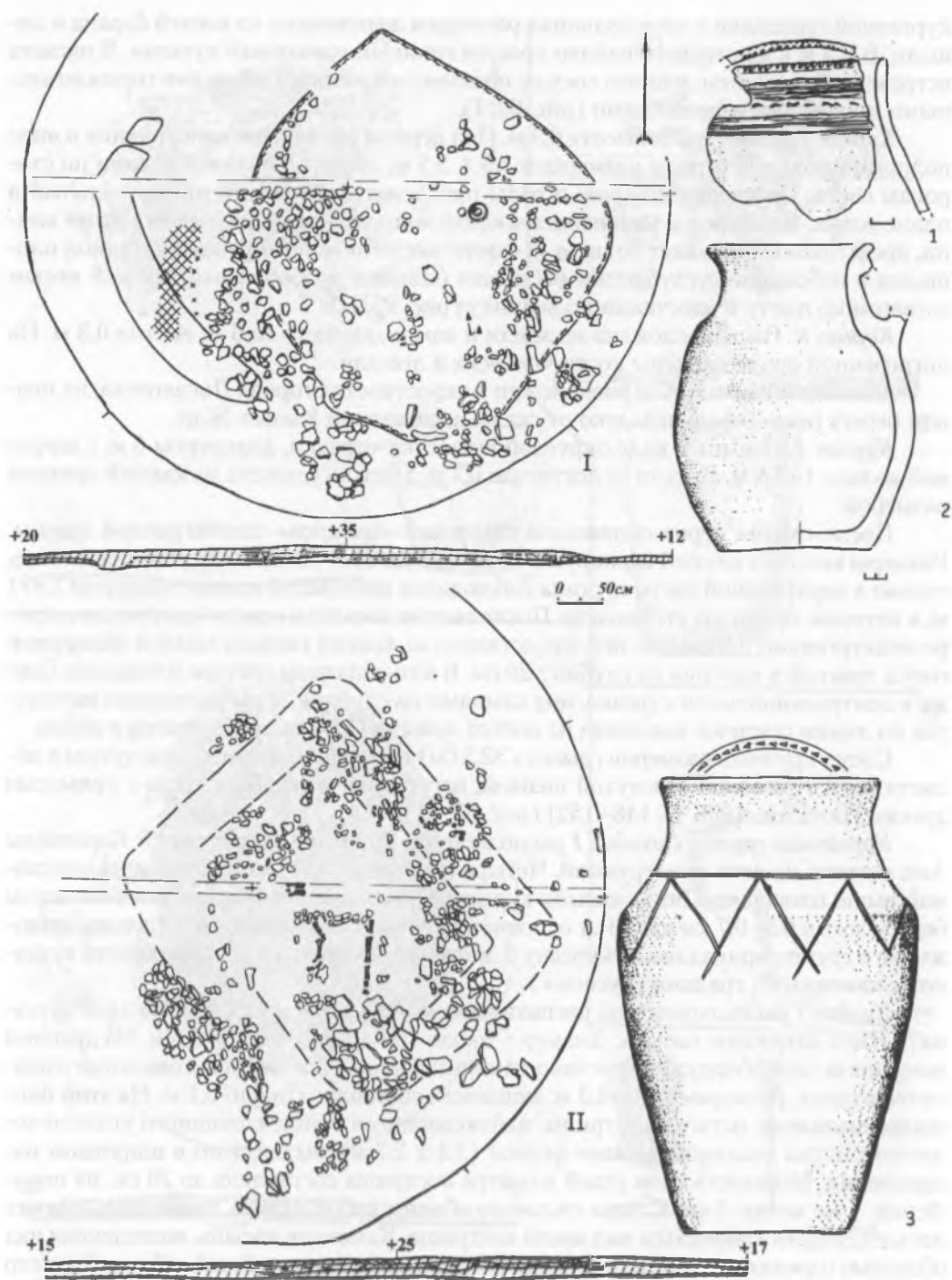

Рис. 92. Могильник Селенташ. Fig. 92. The Selentash burial ground.

I – курган 4, общий план и разрез; II – курган 5, общий план и разрез. 1, 3 – керамика

При снятии дерна и разборке насыпи были найдены обломки костей животных, которые, судя по размерам, могли принадлежать мелкому рогатому скоту.

Под слоем камней в СЗ части выкладки обнаружены шесть разрозненных фрагмента керамики, изготовленных на гончарном кругу, и два небольших обломка кости, которые ввиду их фрагментарности не поддаются видовому определению. Керамика представлена фрагментами стенок сосуда, изготовленного на гончарном круге темно-серого цвета, хорошо обожженного, тесто с примесью песка.

При снятии насыпи обнаружен одиночный вертикально вкопанный камень. Верхняя часть камня возвышалась над уровнем зачистки по матерiku на 21 см. Нижняя часть вкопана в материк на 60 см. Каменная стела представляет собой призму длиной 81 см, в поперечном сечении наиболее широкой части — четырехугольник со сторонами 16 и 31 см. Радиоуглеродная дата, полученная в результате анализа древесного угля на C^{14} СОАН 7068 1260 ± 40 лет, что соотносится с VII–VIII вв.

Курган 3 в 190 м к С–СВ от насыпи кургана 5. Каменная насыпь подовальной формы. Размеры насыпи в широтном направлении 8,0 м, в меридиональном — 5,5 м, высота от уровня окружающей поверхности — 0,2–0,4 м. В центральной части кургана выявлена регулярная вымостка квадратной формы ($2,5 \times 2,5$ м), выложенная почти исключительно крупными камнями, ориентированная углами по сторонам света. Близ ее восточного и западного углов на материковой глине были обнаружены небольшие скопления костей конечностей животных. Конструкция была размещена на глинистой площадке диаметром около 6,9 м. На периферии площадки в юго-восточном секторе на участке площадью $2,5 \times 2,0$ м встречались небольшие кусочки обожженной глины.

Курган 4 в 180 м к югу от насыпи кургана 5 на распаханном поле. Форма каменной насыпи в плане — овально-многоугольная (диаметр 12,0 м, высота 0,35 м). По центру располагалась глиняная площадка. Конструкция была размещена на насыпной площадке из довольно рыхлой гумусированной глины серо-коричневого цвета с включениями мелкой щебенки.

Форма площадки в плане округлая, несколько вытянутая в меридиональном направлении. Размеры площадки С–Ю — 8 м, З–В — 6–6,5 м. Мощность до 40 см.

В юго-восточном секторе насыпи под каменной конструкцией на глиняной площадке на глубине от –55 до –65 обнаружен развал лепного глиняного сосуда горшечной плоскодонной формы. Тулово раздутое, ассиметричное, плечо покатое, шейка короткая, прямая. Обжиг неравномерный, цвет в изломе от темно-серого до черного. Внешние и особенно внутренние стенки бугристые, небрежно заглаженные. Общий тон поверхностей светло-коричневый.

Между камнями каменной конструкции, а также под ней, в слое глиняной площадки (глубина от –31 см до –78 см), встречались мелкие фрагментированные кости как отдельные, так и скопления. Фрагменты костей локализованы в основном в центральной части насыпи.

Могильник Восточно-Курайлинский II. Актюбинская область, Республика Казахстан, правый берег реки Илек.

Курган 2, исследованный В.А. Ивановым, представлял собой небольшую округлую каменную вымостку диаметром 5 м, высотой 5 см. В центре ее находилась могильная яма размерами $1,05 \times 2,1$ м, глубиной 0,70 м, ориентированная по линии З–В. В северо-восточном секторе подкурганной площадки на уровне древней дневной поверхности найдены фрагменты сосуда, дерево и кость барана. В заполнении ямы обнаружены фрагменты от этого же сосуда и кости человека.

Курган 3, исследованный С. Ю. Гуцаловым, представлял собой каменную ограду подовальной формы размерами 2×3 м, ориентированную по линии З–В. Под камнями ограды обнаружены обломки костяного двудырчатого псалия и железных

удил. Ограда, вероятнее всего, была сооружена на грунтовом кургане, относящемся к гунно-сарматскому времени. Под насыпью этого кургана обнаружено разграбленное погребение в узкой подбойной подпрямоугольной яме $0,5 \times 1,8$ м. Судя по расположению остатков скелета, погребенный был ориентирован головой на С [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 79. Рис. 27, III].

Вероятнее всего, к этой группе памятников можно отнести часть сооружения в *могильнике Измайловка ограда 9*, исследованном в зоне Шульбинской ГЭС [Археологические памятники..., 1987. С. 66–68. Рис. 29]. Здесь над каменным ящиком бегазы-дандыбаевской культуры на современной поверхности была сооружена каменная ограда подпрямоугольной формы, сохранившиеся северная и восточная стенки которой достигали $2,4 \times 2,8$ м. В северо-восточном углу ее, почти на поверхности обнаружен вкопанный в землю высокий вазообразный сосуд, верх которого был отбит, так как возвышался над поверхностью. Сосуд имел сосцевидные налены на уровне плеча и прочерченный зигзагообразный орнамент в нижней части шейки.

§ 2. Кульгово-поминальные традиции раннетюркского (селенташского) населения. Суммируя характерные составляющие черты комплекса памятников, вошедших в круг курганов с «усами», определяем, что центральный или боковые курганы представляли собой подпрямоугольную (Зевакинский, курган 3; Кайнсай, курган 14; Городищенский IX; Новоактубинский I; Еремей-Тай; Елизаветпольский; Сарбулат I, северный), многоугольную (шести или восьмиугольную) (Солончанка I, курган 2; Оленина Отнога; Сарбулат I, южный; Новокудуровский I, Султантмировский I (?), но в большинстве своем – округлую (Беркутты; Кызыл-Жар, курган 3; Кызылтас, курган 1; Нижнее-Давлетовский и др.) ограду. Однако, возможно, условия раскопок и их методический уровень не позволили во всех случаях точно определить конфигурацию насыпи. Каменные конструкции были ориентированы углами (Оленина Отнога; Солончанка I, курганы 1, 3; Солончанка IX; Городищенский IX; Кызыл-Жар; Сарбулат I, северный) или стенками (Городищенский IX, Солончанка I, курган 2) по сторонам света.

Внутри этих оград и под вымостками на уровне погребенной почвы производился жертвенно-поминальный ритуал. Основу его составлял огонь. Остатки прокалов, уголь, зола, кальцинированные кости, обожженные камни и предметы сопровождающего инвентаря располагались сразу же под камнями в центре площадки, околнуренной границами наземной конструкции.

При исследовании курганов в могильниках Городищенский IX и Солончанка I отмечено, что наиболее интенсивно огонь *in situ* горел в боковых курганах. Здесь фиксировались довольно мощные прокалы, крупные фрагменты обгоревших плах, наблюдалось сильное воздействие огня на нижнюю часть камней. Центральные же курганы, как правило, содержали лишь продукты горения, причем в значительно меньшем объеме. Складывается впечатление, что в боковых курганах либо оградках, с которых начинаются гряды, сначала разжигали костер, а затем на эти площадки укладывались жертвенные лошади и сверху набрасывались камни. Непосредственно под центральными курганами-оградами огонь не разжигался, сюда помещались лишь его продукты (угли, кальцинированные кости). В нескольких исследованных комплексах были зафиксированы не случайные, а специально созданные элементы подкурганных площадок. Так, при исследовании комплекса кургана с «усами» Городищенский IX, под насыпью выкладки начала северной гряды-«уса» зафиксирован прокол кареобразной формы размерами $1,8 \times 2,2$ м [Боталов, Гуцалов, 2000, С. 206]. В другом комплексе, под центральной насыпью на уровне погребенной почвы были зафиксированы овальной и неправильной формы углисто-сажистые пятна, а рядом с ними – фрагменты деревянных плашек (Оленина Отнога) [Костюков, 1989. С. 52].

Углисто-сажистое пятно прокала было обнаружено и в комплексе кургана с «усами» Солончанка I (курган 1, южный), представляло в плане выпуклую линзу аморфной формы. Особенно интенсивным и насыщенным цвет прокала был в той его части, где температура горения была максимальной и мощность его достигала 2,5 см [Любчанский, Таиров, 1999, С. 8. Рис. 6].

Непонятные по назначению подпрямоугольные ямы обнаружены под окончаниями гряд-«усов» Новокондуровского I кургана. Здесь же под окончанием южной гряды зафиксированы три круглых столбовых ямки и три ямки подквадратной формы, которые, возможно, использовались для ориентирных камней при возведении всего сооружения комплекса. Однако наиболее интересными, на наш взгляд, являются небольшие ровики под центральной насыпью и каменными грядами Новоактюбинского I кургана. По мнению О. Ф. Бытковского, «с восточной стороны первоначально выкапывались два дугообразных линзовидных в сечении ровика», над которыми затем сооружались каменные оградки из 1–2 колец со стоящим камнем в центре, а уже из этих оградок формируется сама гряда-«ус». Прямоугольное углубление размерами 0,5 × 0,3 м было обнаружено под вымосткой окончания северной гряды в кургане Елизаветпольский.

Основным жертвенным животным рассматриваемых памятников является лошадь. При этом, в отличие от гуннских традиций, культ лошади подразумевает помещение внутри ритуальной площадки либо целой туши лошади*, либо ее макета (шкура, набитая камнем) (рис. 79, II; 80; 83, VI; 88, 2, 13, 30; 90; 92, II), либо небольших деревянных фигурок лошадей, обтянутых золотой фольгой [Любчанский, Таиров, 1999. Рис. 5, 9, 10, 11]. В этой связи наиболее частыми находками в курганах с «усами» являются предметы конской упряжи (удила, уздечные и подпругные пряжки, обкладки седел, накладки).

Обязательными являлись также жертвенники из отдельных частей овцы, которые, как правило, располагались поблизости от керамики и в отдельных оградках.

Палеозоологические исследования были проведены только на костных материалах комплексов курганов с «усами» Солончанка I и Новоактюбинский I. Результатом работ с костными остатками комплекса кургана с «усами» Солончанка I стало выделение пяти тафономических групп. В первую группу вошли полные скелеты лошадей из центральных курганов комплекса. Причем все они были специально погребены. Вторую группу составили кости волка и лисицы. В третью попали обгорелые кальцинированные позвонки и ребра овцы. Четвертую составили дробленые кости лошади, скорее всего как пищевые остатки. И в пятую группу включены единичные кости овцы и лошади, случайно попавшие в насыпь. Таким образом, комплекс костных материалов этого памятника, по мнению исследователей, формировался четырьмя способами – погребения лошадей, жертвоприношение, трапежа и случайное попадание [Косинцев, Ражев, 1999. С. 68–69].

Анализ костных остатков из комплекса кургана с «усами» Новоактюбинский I проводился в лаборатории исторической экологии ЧелГУ Л. Л. Гайдученко. Из представленного костного материала были выделены остатки двух особей коровы и двух особей лошади, одной особи верблюда, а также четырех особей овцы. Также было установлено, что одна особь коровы была предварительно расчленена.

В размещении костей жертвенных животных и вещевого инвентаря на подкурганной площадке существуют определенные закономерности.

1. В 11 случаях в курганах обнаружены целые скелеты лошадей или их части. Все они располагались в центре кургана, в непосредственной близости от прокалов

* Наземный характер сооружений в подавляющем большинстве случаев не позволил фиксацию целых костяков лошадей, однако в большинстве исследованных комплексов были найдены части их скелетов в сочленении.

или продуктов горения. В 7 случаях черепа лошадей лежали мордами на запад (Солончанка I, курган 1-3; Солончанка IX) с отклонением в юго-западный (Кызыл-Жар, курган 3; Городищенское IX) и северо-западный сектор (Бес-Оба, курган 2).

В одном случае в Кызыл-Жар был зафиксирован макет лошади (шкура, заполненная камнем в брюшной полости).

2. Из 48 установленных случаев фиксации места сосудов, их развалов или отдельных фрагментов керамики, в 34 случаях (70,9%) они находились в северо-восточном (19 случаев) или в восточном (15 случаев) секторах, половинах подкурганных площадок или к востоку или к юго-востоку (2 случая) от их центров. В 10 случаях (20,3%) упоминается о нахождении, как правило, фрагментов сосудов в центре (4 случая) или в заполнении насыпи без точной привязки (6 случаев). В двух случаях (Солончанка IX, Султантимировский I) сосуды были обнаружены соответственно в западной и северо-западной части подкурганной площадки. В первом случае (Солончанка IX) кувшин был обнаружен вместе с другим сосудом, находившимся в восточном секторе. Во втором (Султантимировский I) гряды кургана развернуты концами на север, в этой связи горшок, обнаруженный на подкурганной площадке, занимает в пространственном смысле аналогичное положение (относительно планиграфии «усов» и площадки центрального кургана) как если бы он был установлен в северо-восточном секторе при развороте «усов» по линии 3–В.

В 11 случаях (Солончанка I, курган 2, 3; Солончанка IX, восточный и западный сектора; Городищенский IX; Елизаветпольский; Сарбулат I, северный и южный курганы; Ижевский, курган 1; Батыр Булак; Шедерты) удалось проследить, что сосуды устанавливались в специальных ямках, вырытых в материке.

Интересную информацию удалось получить благодаря детальному исследованию «усов» или гряд. Они составляют наиболее грандиозный архитектурный элемент рассматриваемых комплексов. Их размеры варьируют от 15–20 до 400 (!) метров. В большинстве случаев исследователи не уделили им должного внимания (зачастую «усы» изображались схематично), однако сегодня можно сказать, что в сооружении их наблюдаются определенные конструктивные особенности.

Первая и наиболее значительная из них состоит в том, что наряду с камнем при сооружении «усов» применялась и земля. Сегодня известно несколько случаев (Солончанка I, Крутая Гора, Кызыл-Жар, Рымникский и др.), когда «усы» либо полностью были сложены из грунта, либо частично из грунта, а частично из камня. При детальной расчистке каменных гряд было выяснено, что выкладки камней и грунта в ряде случаев не представляли собой непрерывной цепочки. Гряды в комплексах Городищенское IX и Новокондуровский I имели множественные изгибы, которые образовались в результате сооружения небольших овальных каменных площадок, пристроенных друг к другу, что придавало форме «усов» некую «змеевидность». Подобные площадки-«розетки» были обнаружены при расчистке гряд кургана Новоактюбинский I. Аналогично этому «усы» кургана 14 могильника Кайнсай представляли собой цепочку пристроенных друг к другу либо связанных небольшими дорожками подпрямоугольных оградок, ориентированных стенками по сторонам света (рис. 85). «Усы» в комплексе Дылыктас также были сооружены как непрерывная цепь круглых оградок [Самашев, Ольховский, 1996. С. 234. Рис. 7]. Нечто подобное также зафиксировано и для грунтовых «усов» комплекса Солончанка I, где в средней части гряд (валов) наблюдались небольшие округлые площадки [Любчанский, Таиров, 1999. С. 36. Рис. 3; С. 48. Рис. 15], а также в курганах Былалдык 1 и Сангуыр II, курган 1 [Кадырбаев, 1961. С. 48. Рис. 2; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966. С. 103].

В оградках и вымостках иногда встречаются угольки и кости овец. Вероятнее всего, эти сооружения представляли собой дополнительные жертвенно-поминаль-

ные комплексы. Сегодня трудно сказать однозначно, возводились ли они одновременно в момент строительства самих гряд или же подстраивались после. В целом эта традиция сооружения цепочек из жертвенно-поминальных оградок очень близка той, которая характерна для южно-сибирских культовых комплексов тюркского времени, а в более позднее время появляется и в урало-казахстанских степях, о чем будет сказано ниже. Еще одно наблюдение: в нескольких случаях обнаружено, что гряды продолжаются от боковых курганов в сторону центрального, описывая или включая его в саму гряду (Айдарлы, Батыр-Булак), таким образом «усы» охватывают непрерывно полуэллипсное пространство.

Следующим составным компонентом комплексов курганов с «усами» являются каменные оградки на началах и окончаниях гряд-«усов». В целом, конечно, можно говорить об их стандартности в размерах и формах, но все же они имеют свой индивидуальный набор характеристик.

Постараемся рассмотреть хорошо исследованные конструкции на началах и окончаниях комплексов курганов с «усами» Солончанка IX, Новокондуровский I, Оленина Отнога, то есть тех комплексов, материалы которых опубликованы и доступны автору.

Каменные выкладки начала и окончания гряд комплекса Оленина Отнога выглядят стандартизированными. Три из четырех выкладок имели квадратную или близкую к квадрату форму со сторонами 2–2,3 м. Четвертая выкладка на начале северной гряды выглядела как ромб со сторонами около 2 м. Плоские камни средних размеров были уложены в 1–2 слоя на погребенную почву. Под камнями никаких предметов инвентаря или остатков деятельности человека обнаружено не было.

Из четырех возможных сооружений комплекса Новокондуровский I в отличном состоянии сохранились только два. Укажем, что конструкция на начале южного «уса»-гряды полностью разрушена. От нее сохранились только четыре крупных гранитных плиты, которые обозначали место соприкосновения разрушенной ограды и самой гряды-«уса». Конструкция на начале северного «уса» вообще отсутствовала. Скорее всего, она не была предусмотрена «архитектурным планом» сооружения. Поэтому строители обозначили ее небольшим каплевидным расширением шириной от 3,6 до 4,5 м. Сложенная из камней малых и средних размеров, она вряд ли будет повторять геометрические формы, которые характерны для большинства комплексов курганов с «усами».

Окончание северной гряды-«уса» представляет каменную подпрямоугольную (или почти квадратную) конструкцию размерами 6,0 × 5,50 м, ориентированную по линии ВЮВ–ЗСЗ. Сложена она из камней базальтовых пород средних и мелких размеров, причем самые крупные и массивные из них расположены к западу–юго-западу от центра конструкции. В центральной ее части были расчищены два больших удлиненных камня, лежащих в 0,3–0,4 м от выявленных двух неглубоких ямок между камнями кладки. Возможно, первоначально эти камни были поставлены вертикально. Камни конструкции уложены в два слоя на погребенную почву, причем между слоями камней находится слой базальтовой «крошки» (мелко разбитого базальта). После расчистки всей конструкции и удаления каменных развалов, сооружение стало представлять подпрямоугольную площадку размерами 4,50 × 4,0 м.

Конструкция окончания южной гряды, менее мощная нежели предыдущая, сложена, в основном, из камней средних размеров в два слоя. Фундамент конструкции представлен плоскими гранитными блоками, уложенными на погребенную почву и очерчивающими квадратную площадку размерами 3,50 × 3,50 м.

Таковы основные конструктивные и архитектурные особенности комплексов курганов с «усами», которые сегодня можно отследить на основании доступного нам материала.

Повторимся, что жертвенно-поминальный (а вероятно, и погребальный) ритуал проводился на уровне погребенной поверхности. Хотя, судя по мощности гумуса в центре оградок или вымосток, можно предположить, что на территории ритуальной площадки предварительно подрезался дерн.

Приведенные описания позволяют прийти к выводу, что селенташские комплексы представляют собой конструкции, по основным своим признакам повторяющие вариации, присущие центральным курганам комплексов курганов с «усами». Отличительной особенностью их является лишь отсутствие гряд. Насыпи курганов имеют шестигранную (Александровка, курган 1, Кызыл-Жар, курган 1), подпрямоугольную (оконтуренную ровиком) (Елантау, курган 4, Селенташ, курган 5), а также овальную или округлую (Восточно-Курайлинск, курган 2, 3; Александровский, курган 2; Селенташ, курган 4; Крутой Овраг, курган 4) форму. В центральной части подкурганых площадок располагаются разрозненные или в сочленении кости лошади и барана. В одном случае (Селенташ, курган 5) зафиксировано чучело лошади (шкура, полость которой забита камнями). Здесь же обнаруживаются продукты огня и прокалы. Из 10 случаев обнаруженных целых сосудов или их развалов в 7 случаях они находились в северо-восточном секторе в небольшом углублении в материке. В двух случаях фрагменты керамики располагались в центральной и восточной части насыпи. В одном случае (Александровский, курган 28) сосуд был вкопан в северном секторе.

Помимо керамики иной вещевой инвентарь не богат и представлен предметами конской упряжи, вооружения и поясной гарнитуры. Располагался он, как правило, по центру вместе с продуктами горения. Очевидно, что все вышеперечисленные черты позволяют рассматривать селенташские комплексы в едином культурно-хронологическом аспекте вместе с курганами с «усами».

«Усы», или гряды, оформлялись различными способами и содержали особые архитектурные детали. Как известно, существует несколько исследований, в которых различными авторами предпринимались попытки астрономической трактовки пространственной ориентации комплексов курганов с «усами» [Бекбасаров, 1998; Мариковский, 1977. С. 56–57; 1983. С. 27–29]. Первые интерпретации принадлежат П. И. Мариковскому, который при исследовании курганов с грядами долины реки Или (Малайсары и Толагай) предложил рассматривать эти комплексы как некую пространственную модель, ось которой проходит от центрального кургана на восток, на ориентирную точку, обозначенную в одном случае каменной вымосткой, в другом — камнем, находящимся на срединной линии между окончанием «усов». В этом случае данная ось будет указывать на место восхода солнца в день весеннего (21 марта) и осеннего (21 сентября) равноденствия. А линии, идущие от окончания «усов» на контрольную точку, укажут восход солнца в день летнего (21 июня) и зимнего (22 декабря) солнцестояния [Мариковский, 1977. С. 57].

В каком-то смысле методика П. И. Мариковского получила развитие в работах, проводимых Н. М. Бекбасаровым на курганах с «усами» в Центральном Казахстане. Принципиальное отличие этих исследований от предшествующих заключалось в том, что Н. М. Бекбасаров произвел сложнейшие расчеты и выявил астрономическим методом широту места и направление истинного меридиана, установил географические азимуты направлений (в отличие от определений П. И. Мариковского, который ограничился магнитными азимутами), а также, благодаря вычислению склонения Солнца и Луны в момент восхода и захода, построил видимые пути восходов и заходов Солнца и Луны при крайних значениях склонения [Бекбасаров, 1998. С. 163–170]. Его работа опиралась на данные первичного полевого обследования и визирования составных точек кургана Сага, который планиграфически представлял собой достаточно сложный и нестандартный комплекс кургана с «усами». Его

составляли как минимум 8 курганов и вымосток разноудаленных друг от друга. Благодаря сложнейшим расчетам и наблюдениям, автору удалось собрать данные по 31 явлению — восход высокой Луны, восход Равноденствия Луны, восход и заход Солнца в день весеннего и зимнего равноденствия, восход Низкой Луны и др. [Бекбасаров, 1998, Табл. 1]. Вообще тщательность и многопараметральность расчетов, приведенных в работе, впечатляют. Однако при внимательном знакомстве с результатами исследования возникает ряд трудноразрешимых вопросов, которые фактически заводят в тупик сам метод астрономической интерпретации в археологии, применяемый к конкретному объекту — кургану с «усами».

Многие из этих вопросов поставил А. З. Бейсенов в своей статье, написанной по поводу исследований Н. М. Бекбасарова. Прежде всего, и это нам представляется весьма справедливым, оппонент подвергает сомнению закономерность полученных результатов. Это связано с тем, что если принять в данном случае (на примере кургана Сага) за основу наблюдения, которые позволяют сделать те или иные визирные направления, то как же тогда быть с курганами других типов? Ведь, имея в своей основе одно смысловое содержание, эти памятники не всегда одинаково выглядят во внешнем исполнении, то есть в отношении планиграфии. Другой, и не менее существенный момент, на который указывает А. З. Бейсенов, это то, что астрономические расчеты необходимо делать на памятниках, которые подвергались изначально или впоследствии археологическому исследованию, так как «кроме основных типологических признаков в планиграфии комплексов с грядами встречаются и другие не менее важные моменты. В особенности, на территории комплекса могут находиться различного рода “сомнительные” элементы, располагающиеся, к тому же, совершенно по-разному» [Бейсенов, 1998. С. 172]. К таковым относятся не только наличие (или отсутствие) неких ориентирных точек (камней, насыпей, вымосток), но и присутствие разновременных (более ранних или более поздних) курганов, располагающихся на площади комплексов курганов с грядами.

К сказанному следует добавить еще ряд вопросов, которые возникают в процессе знакомства с работами Н. М. Бекбасарова. Во-первых, автор в преамбуле статьи говорит о том, что курганы с «усами» начали сооружать двадцать семь веков назад и они просуществовали на территории Центрального Казахстана тринадцать столетий [Бекбасаров, 1998. С. 163]. Как нам представляется, в этом утверждении он опирается на мнение археологов, существовавшее до недавнего времени. Однако, если как астроном автор признает тот факт, что курганы с грядами являются сложнейшим универсальным астрономическим прибором, содержащим в своей конструкции большой объем информации, доступной лишь кочевникам Казахстана (от себя добавим, и Южного Урала), то, с точки зрения исторической логики, эти сведения и традиции должны были с точностью передаваться на протяжении такого гигантского отрезка времени. Кардинально менялись культуры, верования, обряды, народы, и лишь сложнейшая многоплановая традиция возведения астрономических измерителей — курганов с «усами», словно некая эстафета, передавалась из поколения в поколение. Из этого представления, как нам кажется, вытекает и другая методическая неточность исследователя. Если автор принимает как факт столь длительный период существования рассматриваемых памятников, остается непонятным, почему он за возможную дату кургана Сага берет усредненную дату (рубеж эр). В этом случае временная коррекция точек визирования не дает определенного значения, а абстрактно учитывает некую усредненную позицию. Однако, как показали расчеты А. К. Кириллова, временное отклонение азимутов визирования весьма значительно и достигает расхождения точек визирования в несколько десятков метров. При постоянной высоте горизонта и удалении на 2–3 км отклонение азимутов составляет за 1000 лет в результате прецессии 10–15 минут, однако, судя по данным

Н. М. Бекбасарова, в случае с наблюдениями на кургане Сага горизонт является близким (600 м), следовательно, и погрешность в определении азимута значительно увеличивается*.

Таким образом, если принять за возможную датировку конкретного кургана VI–VII вв. н. э. (что на сегодня представляется наиболее реальным) или даже VII–VI вв. до н. э., то направления на светила будут совершенно иными либо будут иметь гораздо большие погрешности, чем те, которые были получены автором.

Думается, что в ряде случаев при сооружении этих комплексов воплощались весьма различные варианты общих представлений о погребально-поминальном обряде, которые возникали либо как территориальные, либо как временные (поколенческие) отличия. Это особенно ярко фиксируется по отклонению центральной ориентационной оси комплексов, несмотря на то что большинство гряд ориентированы в широтном направлении. Она колеблется фактически в диапазоне более 100°, указывая направление от ССЗ до южного. Исключением является комплекс Дылытас (Западный Казахстан), где «усы» располагались в направлении на ЮЗ [Самашев, Ольховский, 1996]. В Новоактюбинской группе курганов с «усами» наблюдаются два рядом стоящих комплекса, где один (курган 1) ориентирован в широтном направлении (на восток), а другой (курган 2) — в меридиональном (на юг).

В этой связи, как нам представляется, говорить об астрономических закономерностях в расположении отдельных пространственных точек рассматриваемых комплексов, вероятно, стоит со значительной осторожностью и лишь в процессе полного исследования всех элементов комплексов. Не без сожаления стоит признать, что «астрономическая» состоятельность этих удивительных мегаплановых сооружений, коими являются курганы с «усами», весьма сомнительна.

Приведенный перечень характерных черт комплексов курганов с «усами» и памятников селенташского типа весьма сближает их с курганами-кострищами из Нижнего Поволжья и южнорусской степи, такими как Покровск (курганы 2, 3, 11, 17, 18), Ровное (курганы 42, 47), Высокое, Новогригорьевка (могилы VII, VIII, IX), Вознесенка и др. [Гринченко, 1950; Засецкая, 1994. С. 162–166, 196]. Как известно, в пределах этого ареала исследованы и курганы с «усами» — Три Брата и Новогригорьевка (курган 18) [Синицын, 1948. С. 158–159; Семенов, 1988. С. 98. Рис. 1]. Эти параллели уже приводились нами в предшествующих разделах. Подобно селенташским комплексам они получили логическое развитие в раннеболгарских и раннехазарских памятниках VII–IX вв. [Боталов, 1996. С. 204–205].

По нашему мнению, курганы с «усами» и селенташские памятники также имели полифункциональное назначение, хотя точно зафиксировать трупосожжение удалось лишь в двух случаях (Ботакара, курган 1; Елантау, курган 4). Во многих курганах были найдены кальцинированные кости в мельчайших фрагментах, что не позволяет дать их точное антропологическое и остеологическое определение.

Таким образом, проведенный обзор позволяет говорить, с одной стороны, об определенной культурной цельности, с другой — о существенной разнице жертвенно-поминальных традиций двух рассматриваемых эпох. Гунно-сарматское время характеризуют грунтовые склепы, имеющие южный проход, длинные и гантелевидные курганы, под которыми на древней поверхности помещался уголь, обломки керамики и отдельные предметы, а также совершались погребения, а остатки жертвоприношения представлены в подавляющем большинстве костями овцы. Тюркское время характеризуют каменные насыпи, подпрямоугольные ограды с грядами («усами») или без таковых. В центре площадок располагались кострища, скелеты или

* Выражаем искреннюю признательность А. К. Кириллову и О. Ф. Бытковскому за предоставленную информацию.

макеты лошадей, кальцинированные кости, ближе к западному краю — сосуды и части овцы.

§ 3. Погребальные комплексы раннетюркского периода. Кроме вышеописанных культово-погребальных курганов с «усами» и памятников селенташского типа, существует ряд погребальных комплексов, которые также укладываются в широкие рамки раннетюркского периода — VI (возможно, конец V)–IX вв. н. э. Как общеизвестно, комплексов раннетюркского или постгуннского периода конца V–VIII вв. в пределах степей Срединной Евразии крайне мало. Большинство из них хорошо известно специалистам-кочевниковедам, занимающимся эпохой Великого переселения народов. Они весьма разнообразны по своему характеру, их объединение чаще всего происходит по сугубо хронологическому принципу. Хотя, как нам представляется, основные черты погребального обряда данных памятников своеобразно маркируют то разнообразие этнокультурных компонентов, которые взаимодействовали в степи в период кардинальной смены двух культурных эпох — гуннской и тюркской. Часть этих памятников мы уже приводили в разделе, касающемся позднего или постгуннского периодов. И это вполне логично, так как весьма сложно определиться в этнокультурной позиции того или иного комплекса любого переходного периода. Попробуем вкратце охарактеризовать имеющиеся в пределах Казахстана и Урало-Поволжья памятники конца V–VIII вв. Их насчитывается чуть более 30, они различны по погребальному обряду, разрознены по хронологическим позициям и разбросаны на огромной территории Западного (Атпа II, курган 2; Челкар; Болгарка; Жаман Карагала) и Центрального (Боровое; Жарлы II, курган 1; Нуринское; Кара-Агач; Егиз-Койтас; Чиликты; Бобровский) Казахстана и Южного Урала (Муслимово; Шипово, курганы 2, 3; Верхне-Погромное, курган 4, погребение 3; Каменный Амбар, курганы 5, 6; погребение Аркаим; Кызыл-Адыр). Большинство из них давно введено в научный оборот различными авторами [Арсланова, 1963. С. 68; 1968. С. 98; 1980. С. 79–103; Бернштам, 1951а. С. 224–225; Боталов, Ткачев, 1990. С. 147; Засецкая, 1994. Табл. 44; Козырев, 1905; Савинов, 1984. С. 33]. В этой связи мы приведем выборочно описание некоторых из них, исследованных в последнее время.

Погребение Аркаим. Исследовано А. Г. Гаврилюком в 1988 году, во время раскопок укрепленного поселения Аркаим. В квадрате ИК/10, на уровне (0) появились очертания могильной ямы, ориентированной по линии ССВ – ЮЮЗ. Могильная яма в форме вытянутого овала длиной 2,7 м и максимальной шириной 0,55 м, имела неглубокий подбой (0,25 м) в северо-северо-восточной торцевой стенке. Максимальной ширины яма достигала в центральной части, в северо-восточном и юго-западном концах она сужалась. В материк погребение углублено на 0,15 м. Остатков какого-то бы то ни было перекрытия не зафиксировано. На уровне (–20) обнаружена нижняя челюсть лошади, которая лежала вдоль могильной ямы, в ее северо-восточной части. На дне — уровень (–70) — расчищен костяк человека, лежавшего в вытянутом положении, головой на ССВ. Возле скелета были найдены сильно коррозированные железные удила, однако, судя по всему, это были кольчатые удила с перехватом или кольцевым отводом средней части дужки; прямоугольная железная обойма очень плохой сохранности, ее форма в значительной степени реконструируется, отверстие в середине было расположено по поперечной оси и имело прямоугольную форму; предмет из тонкой пластины листовидной формы длиной 4 см и шириной 2 см; железная пряжка округлой формы с подвижным язычком, планка, сохранившая на лицевой стороне отпечаток ткани, имела размеры 0,5 × 0,8 см и была расположена длинной осью к язычку; полукруглая костяная пряжка с подвижным язычком; тыльная ее сторона плоская, лицевая — сегментовидная, язычок изготовлен

из медной или бронзовой пластинки подпрямоугольной в разрезе, на пряжке следы сильных потертостей; железный предмет сильно коррозированный, форма прямоугольная, возможно, подпружная пряжка (рис. 93, 37, 64, 130, 134, 136).

Могильник Каменный Амбар – 5. Исследован В.П. Костюковым в 1988 году.

Курган 5. Расположен в восточной части могильника, на краю надпойменной террасы правого берега реки Карагайлы-Аят, на высоте 3 м от уровня воды. Имеет округлую форму и сложен из земли и камня. Камни расположены в центре насыпи. Диаметр 9 м, высота 0,3 м. Могильная яма, зафиксированная в восточной части подкурганной площадки, подовальной формы, размерами 2,5 × 0,7 × 1,25 м, ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. В северо-восточном углу ямы стоял сосуд. Погребенный лежал на спине, головой на ССЗ. В ногах, в юго-восточной части ямы, лежал череп коровы. К северу от черепа – железный нож, на тазовой кости – кусок железа, в ногах – медная заклепка. Возле шейных позвонков было найдено до 20 мелких бус (рис. 93, 36, 72).

Курган 6. Имел насыпь округлой формы, сложенную из земли и камня. Диаметр 12 м, высота 0,4 м. Яма имела подовальную форму размерами 2,6 × 1,4 × 1,7 м. Ориентирована по линии С–Ю. На глубине 1 м яма имела подбой, на ступеньке в южной и центральной части находились череп, кости конечностей и хвостовые позвонки верблюда. Погребенный лежал слегка повернуто, на правом боку, головой на север. В области плеч и таза обнаружено несколько железных обломков. У левого колена и ниже груди найдены бронзовые пряжки. В области шеи – мелкие бусы (рис. 93, 17, 132, 137).

Нуринское погребение. Обнаружено при обследовании левого берега реки Нуры, в обрыве. Яма подпрямоугольной формы, вероятные размеры – 2 × 0,7 м. От скелета человека сохранилась вся верхняя часть и бедренная кость правой ноги. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. У северной стенки обнаружен железный палаш с прямым перекрестием, у рукояти которого лежала круглая серебряная псевдопряжка. На тазовых костях прослежены остатки пояса с овально-рамчатой пряжкой с подвижным щитком и рамкой и шестью накладками с растительным орнаментом. В прорезях пряжек крепились подвесные ремешки с округлыми накладками. К одному из ремешков был прикреплен железный нож. Слева от предплечья лежал берестяной колчан с шестью трехлопастными наконечниками стрел, два из которых со свистунками. В заполнении могильной ямы найдено железное кольцо от удила (рис. 94).

Могильник Усть-Сурское IV. Исследовался С. Н. Шиловым и М. П. Вохменцевым в 1989–1990 годах. Расположен на правом берегу реки Тобол в 80 км к северу от города Курган.

Погребение 1. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой строго на З. Лицевая сторона черепа повернута к югу. Сохранность костей плохая, череп раздавлен. У правой бедренной кости фиксировались кусочки угля. К северу от погребенного обнаружены остатки обгоревшего дерева длиной чуть более 0,9 м и шириной от 6 до 15 см. Между левым предплечьем и тазовой костью найден сильно коррозированный железный предмет длиной около 40 см и шириной 2–3 см. На локте левой руки и в области живота погребенного лежали остатки деревянного футляра со следами бересты. Размеры футляра – 30 × 10 см. Между остатками деревянной обкладки футляра обнаружены серебряная пряжка, два бронзовых ременных наконечника и восемь бронзовых бляшек четырех видов – пять бляшек двухчастных с геометрическим орнаментом в виде двойных квадратов, «Т»-образная и щитовидная бляшки с аналогичным орнаментом и одна псевдопряжка. Два ременных наконечника имеют точно такой же узор, как и вышеописанные бляшки. Таким образом, все украшения данного погребения, судя по

единому геометрическому орнаменту, являются принадлежностью геральдического пояса.

Погребение 2. Были найдены три костяка. Два из них лежали параллельно друг другу на спине в вытянутом положении головой на запад. Нижние конечности скелета № 1 перекрещены, кости плохой сохранности, череп разрушен. Правая рука погребенного № 2 засунута в деревянный пенал размером 13 × 7 см, находившийся в области нижней части живота. Среди остатков пенала найдены два браслета и два перстня из бронзы. Диаметр браслетов 6,5 см, в сечении — 0,5 см. Описание перстней невозможно из-за их плохого состояния. На черепе этого костяка с правой стороны в районе углового отдела нижней челюсти располагалось бронзовое украшение полусферической формы диаметром 2,5 см, взять его не удалось также из-за плохой сохранности. В изголовье погребенных находились крупные кости животного. К югу от скелета № 2 найден сильно растащенный пахотой скелет третьего погребенного.

Погребение 3 разрушено пахотой. Основная масса костей, в том числе череп, части грудной клетки и кости верхних конечностей утрачены. Уцелевший погребальный инвентарь, находившийся у левой стопы погребенного, представлен удлиненным серебряным ременным наконечником и семью бляшками 4-х видов — четыре бронзовые штампованные двухчастные накладки, круглая диаметром 16 мм, выпуклая квадратная размером 18 × 18 см и двухчастная литая серебряная. Из-за разрушения памятника ритуал погребения восстановить не представляется возможным. Лишь по расположению оставшихся костей удалось выявить, что погребенный лежал на спине в вытянутом положении головой на запад с небольшим отклонением на север [Шилов Н. С., 1991] (рис. 93, 157–162).

Приведенные материалы позволяют выделить как минимум три группы памятников.

Первую, наиболее раннюю, группу образуют шесть комплексов: Аркаим, Каменный Амбар (курганы 5, 6), Шипово (курганы 2, 3), Верхне-Погромное (курган 4, погребение 3). Это погребения под грунтовыми насыпями или бескурганные, с северной ориентировкой погребенных и наличием в ногах жертвенников из костей и черепов крупного рогатого скота (в одном случае верблюда). Очевидно, что в эту группу входит тройное погребение в кургане с «усами» Канаттас. В вещевой комплекс данных памятников входят, как правило, предметы конской узда, поясной и ременной гарнитуры, украшения (диадемы, серьги, подвески, бусы), зеркала и керамика. Подобные комплексы этого же времени (конец V–VIII вв. н. э.) известны в Поволжье (Переполовенка, Ленинск, Ташкирменский, погребение 1), Прикамье (Коминтерновский II, Кушнарниковский, погребения 2, 27), а также среди кочевнических памятников Западной Сибири (Сопка II, погребение 688) [Богачев, 1998. С. 30–38; Генинг, 1977; Засецкая, 1994. Рис. 3, 2–5; Казаков, 1996; 1998; Молодин, Чикишева, 1990]. Основные перечисленные элементы погребального обряда сближают эти комплексы, с одной стороны, с предшествующими гунно-сарматскими, а с другой, с единовременными джетыасарскими Нижней Сырдарьи и турбаслинскими бассейна реки Белой.

Это позволяет говорить о том, что погребальный обряд данной группы памятников в основе своей несет на себе гуннские традиции и своеобразно отражает культурный облик позднего или постгуннского времени.

Вторая группа включает в себя четыре курганных комплекса VI–VIII вв. — Кара-Агач, Чиликты, Егиз-Койтас, Жарлы II, курган 1. Это погребения под каменными курганами, с восточной ориентировкой погребенных, скелетом лошади, лежащим на боку рядом с могильной ямой. Погребальный обряд и основной набор сопровождающего вещевого инвентаря (костяные подпруги, пряжки, стремена с

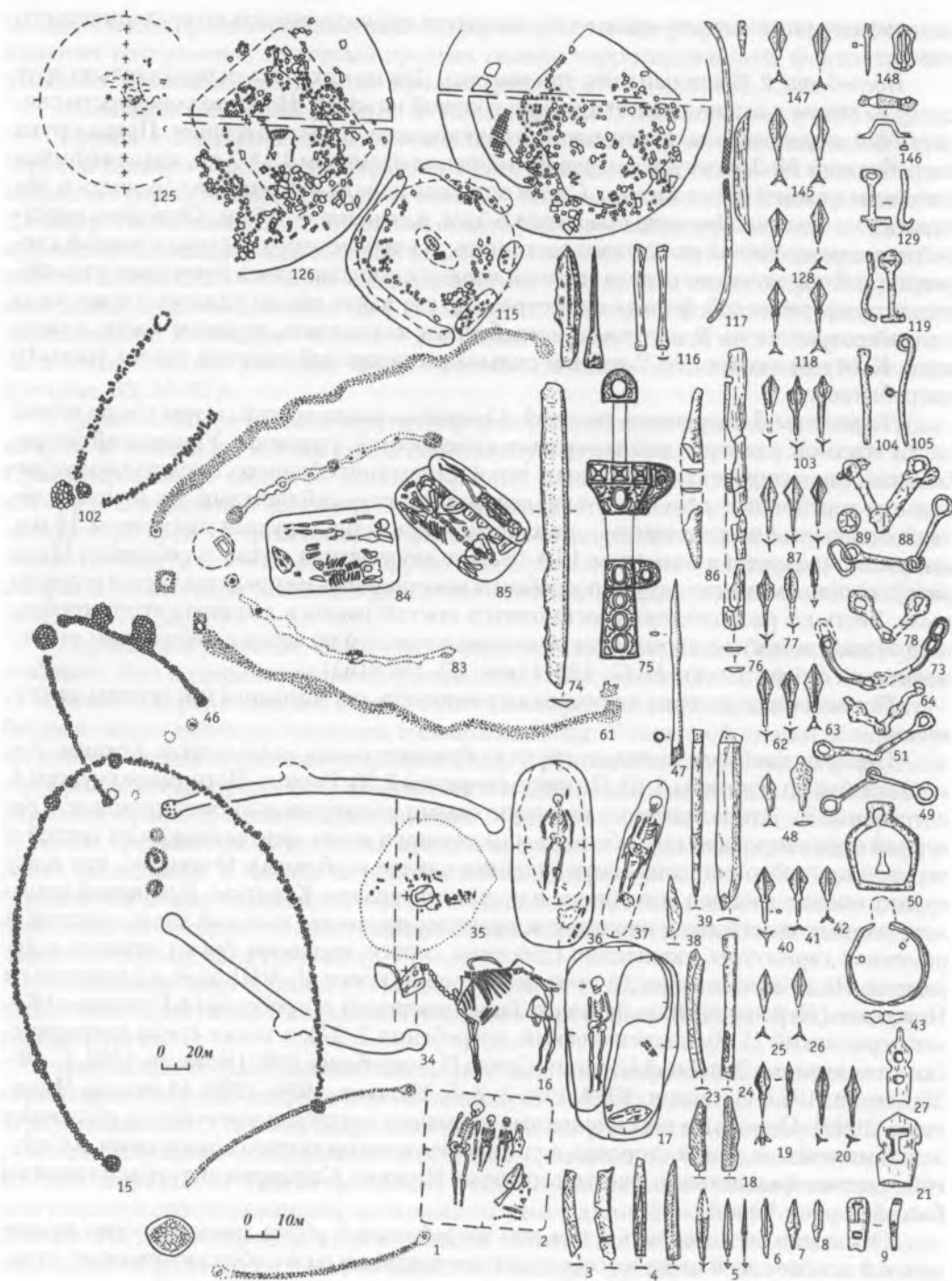
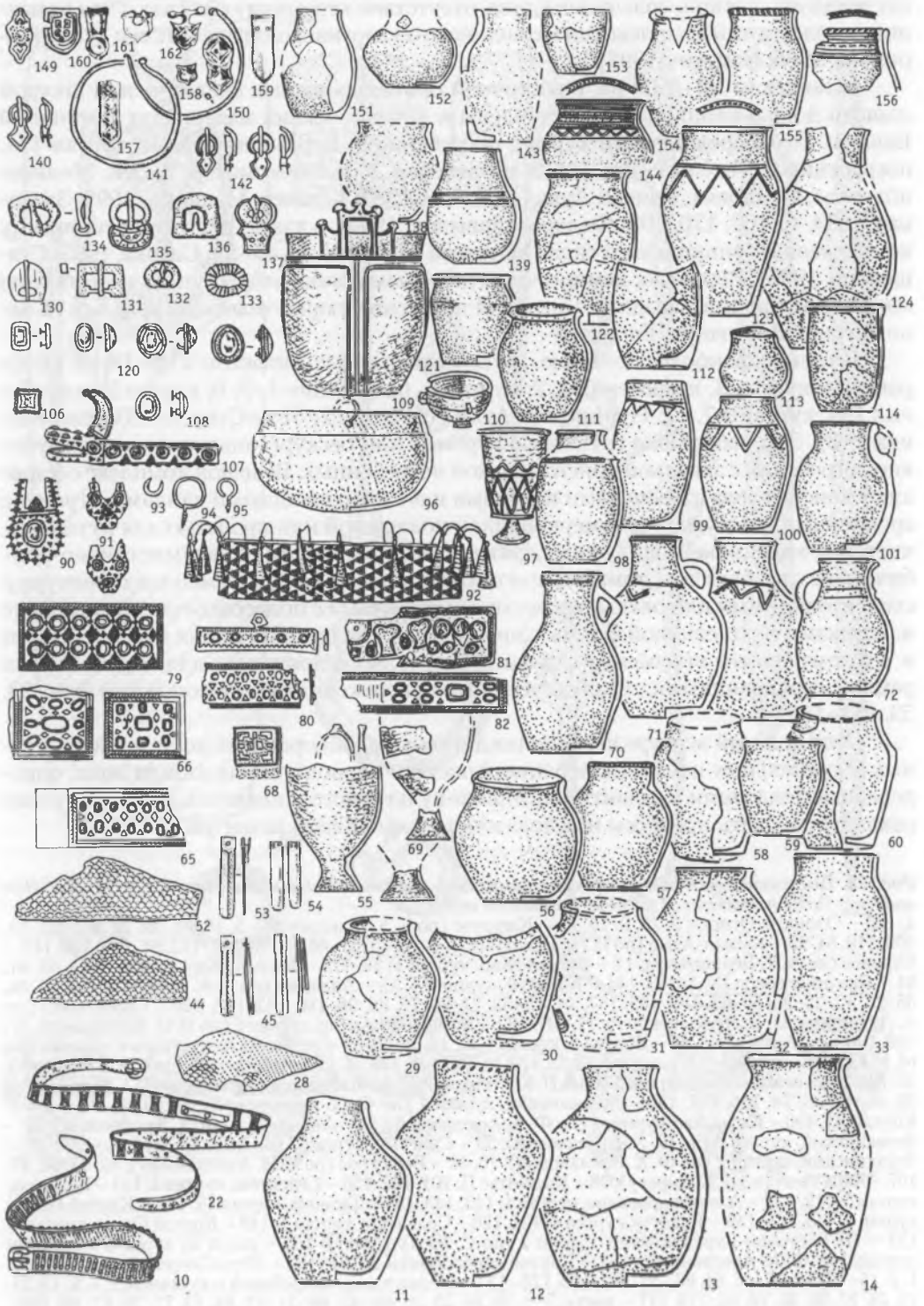

Рис. 93. Постгунские и раннетюркские памятники урало-казахстанских степей. Fig. 93. Post-Hun and early Turkic monuments of the Ural-Kazakhstan steppe

петлевидной дужкой, кольчатые удила, отсутствие керамики) сближают эти памятники с телесскими комплексами катандинско-кудэргинского типа Алтая и Тувы [Гаврилова, 1966; Nesterov, 1995].

Комплексы VI–VIII вв. с восточной ориентировкой и скелетом или шкурой лошади довольно широко представлены в кочевнических материалах Восточной Европы. Это Бережновский курган, погребение 5; Бережновский III, курган 111, погребение 1; Энгельск, курган 36, погребение 2; Зеленокумское, Кубей, Мелитопольское, Осиповка, Кривая Лука [Айбабин, 1985; Богачев, Мышкин, 1995; Засецкая, 1994. С. 166, 170, 192; Федоров-Давыдов, 1984], а также ряд раннеболгарских комплексов Новинкинского типа [Матвеева Г.И., 1995. С. 45–52; Седова, 1995; Сташенков, 1995]. Вероятно, немногочисленные памятники этой группы, своеобразно маркируют процесс западных миграций населения тюрко-телеского ареала из Саяно-Алтая в Восточную Европу.

В третью, наиболее позднюю, группу входят 19 комплексов VIII–IX вв. (Бобровский, курган 3, погребения 1, 2; курган 4, погребения 1–3, 6; курган 5, погребения 1, 3; курганы 7, 12; Нуринское; Атапа II, курган 2; Усть-Суерское IV, погребения 1–3). Это небольшие грунтовые курганы или бескурганные простые неглубокие погребения с западной ориентировкой погребенных. Вещевой комплекс составляют конская узда с S-видными псалиями и восьмерковидными удилами, стремяна арочной формы с узкой восьмерковидной подножкой или прорезью для путалища, костяные массивные подпругные пряжки, наконечники стрел (асимметрично-ромбические, листовидные, томары), костяные накладки на лук, ременная гарнитура с сегментовидными или овально-рамчатыми пряжками с подвесным щитком, а также накладками сердцевидной формы с прорезью для подвесного ремня в нижней части и с растительным орнаментом на щитке, круглыми пряжками для перекрестных ремней, сердцевидными, геральдическими и якорьковидными накладками (рис. 93, 53, 157–162).

Этот краткий экскурс не является детальным разбором уже достаточно известных погребальных памятников раннетюркского периода. Мы показали лишь определенные тенденции в развитии историко-культурного комплекса, дабы чуть ниже реконструировать процессы их сложения и дальнейшего развития.

Рис. 93. Постгуннские и раннетюркские памятники урало-казахстанских степей. *Fig. 93. Post-Hun and early Turkic monuments of the Ural-Kazakhstan steppe.*

1, 155 – Оленина Отнога; 2, 78, 9, 10, 79 – Канаттас (по К.А. Акишеву); 3–5, 18, 38, 39, 77, 87, 103, 89, 109, 119, 54, 93 – Кызыл-Адыр (по И.П. Засецкой); 6–8, 28, 75, 65–68, 82, 90, 131, 133, 94, 106, 110, 141 – Боровое (по А.Н. Бернштаму); 11 – Кызыл-Жар, курган 1; 12, 125 – Кызыл-Жар, курган 3; 13, 40, 41, 61 – Городищенское IX; 14, 83, 144 – Кайнсай, курган 14; 15 – Айдарлы (по М.К. Кадырбаеву); 16, 34, 35, 20, 42, 25, 26, 50, 63, 128, 145, 147, 44, 45–53, 71, 80, 76, 86, 96, 140, 142, 108, 120 – Солончанка (по А. Д. Таирову, И. Э. Любчанскому); 17, 137, 132 – Каменный Амбар, курган 6 (по В. П. Костюкову); 37, 130, 136, 64 – Аркаим; 43, 85 – Жарлы 2, курган 1.30, 31, 60, 58, 57 – керамика из курганов с «усами» (по М. К. Кадырбаеву); 32 – «37 воинов»; 33, 73, 129, 19, 105, 118, 139 – Султантемирский (по Ф. А. Сунгатову); 36, 72 – Каменный Амбар, курган 5 (по В.П. Костюкову); 47 – Нижнедавлетовский (по Н. А. Мажитову); 22, 48, 49, 95, 74, 116, 117, 150 – Зевакинский, курган 1 (по Ф. Х. Арслановой); 50, 51, 21, 84 – Егиз-Койтас; 55, 100 – Кызылтас, курган 1 (по Ф. Х. Арслановой); 56 – Ленинка (по Ф. Х. Арслановой); 57 – Зевакинский, курган 3 (по Ф. Х. Арслановой); 59 – Сангуыр, курган 2 (по М.К. Кадырбаеву); 69, 99 – Зевакинский, курган 2 (по Ф. Х. Арслановой); 70, 88 – Беркутты (по С.М. Ахипжанову); 89, 91, 92, 97, 107 – Кара-Агач (по А. Козыреву); 98 – Кызылтас II; 101, 122, 156 – Селенташ, курган 4; 111 – Батакара, курган 5; 112, 122 – Александровские, курган 1; 113, 143, 154 – Тасмола, курган 19; 114 – Крутой Овраг, курган 3; 115, 146, 149 – Елантау, курган 4; 121, 126 – Селенташ, курган 5; 148 – Крутой Овраг, курган 4; 151 – III Восточно-Курайлинские, курган 2 (по С. Ю. Гуцалову); 152 – сосуд из кургана с костями лошади (по Ф. Х. Арслановой); 153 – Крутой овраг, курган 2; 157–162 – Усть-Суерский.
1, 2, 15–17, 34–37, 46, 61, 83–85, 102, 115, 125–127 – общие планы погребений и курганов; 2, 4, 9, 18, 21, 23, 24, 27, 38, 39, 76, 86, 116, 117 – кость; 5–8, 19, 20, 25, 26, 40–43, 48–51, 62–64, 73, 77, 78, 87–88, 103–105, 118, 119, 121, 128, 129, 134, 136, 145, 147, 148 – железо; 10, 22 – металл, кожа; 11–14, 29–33, 55–60, 69–72, 98–101, 111–114, 121–124, 138, 139, 143, 144, 151–156 – керамика; 28, 44, 52, 65–68, 75, 79–82, 90–92, 135 – золото, камень; 45, 53, 54, 93, 110, 140–142, 150 – серебро, бронза; 130 – кость, бронза; 97 – стекло; 146, 149, 109, 96 – бронза

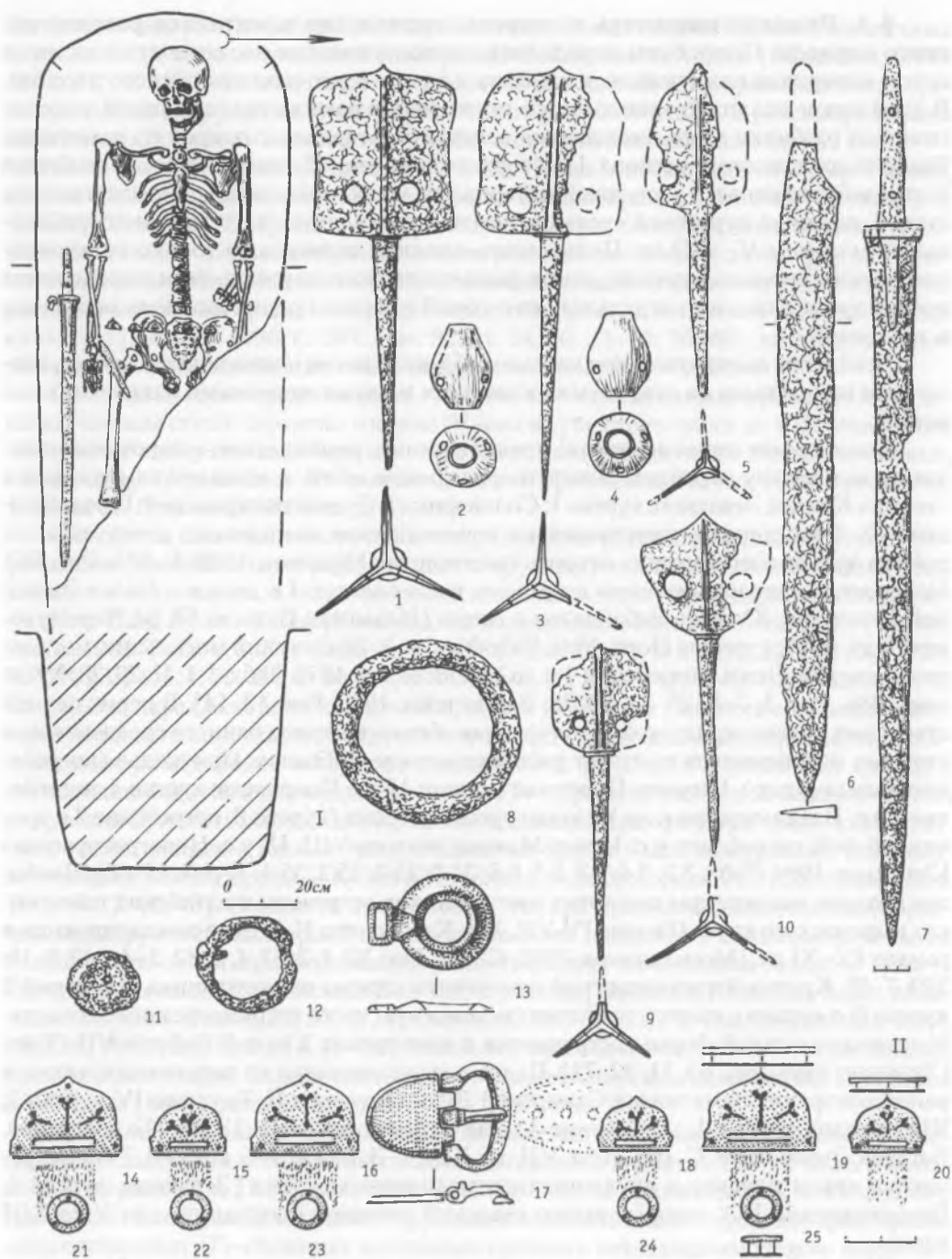

Рис. 94. Нуринское погребение. Fig. 94. The Nurinskoye burial.

I – общий план; II – вещевой материал. 1, 3, 5, 6–12 – железо; 2–4 – кость; 13–25 – латунь

§ 4. Вещевой инвентарь и вопросы хронологии памятников раннетюркского периода. Попробуем определить хронологические позиции тех или иных групп материала памятников, входящих в рамки всего раннетюркского периода. В этой связи анализ предполагается проводить в рамках традиционной типологической разбивки всего имеющегося вещевого материала, с опорой на памятники Урало-Казахстанского региона. При составлении данной типологической разбивки был задействован весь доступный материал из урало-поволжских и казахстанских степей, включая курганы с «усами», комплексы селеташского типа и погребальные комплексы V–VIII вв. Целью этого анализа является не только установление четких хронологических рамок раннетюркского периода, но и определение ареала происхождения отдельных категорий и типов предметов, появляющихся в это время.

Предметы вооружения представлены 55 железными наконечниками стрел, костяными накладками на лук, двумя кинжалами и двумя железными наконечниками копий.

Наконечники стрел железные, трехлопастные, ромбические, с коротким, утончающимся к низу черенком обнаружены, прежде всего, в комплексах курганов с «усами» Коктал; Зевакино, курган 1; Солончанка I; Султантимировский; Городищенский IX. Они широко представлены в кочевнических комплексах, датируемых от рубежа эр и вплоть до конца первого тысячелетия [Худяков, 1986. С. 215. Рис. 96]. Наиболее ранние наконечники встречены в комплексах I в. до н.э. – I в.н.э. Западной Монголии, Южного Забайкалья и Алтая (Ильмовая Падь, м. 53, 54; Черемуховая Падь, м. 49; курганы Ноин-Улы, Тэбт-Улы, м. 2; Кокзальский могильник; могильник Хара-Дог-Бажи, погребения 1 и др.) [Коновалов, 1976. Табл. I, 1; II, 20, 28; Худяков, 1986. Рис. 5, 7–9; 25, 12, 20, 28; Вайнштейн, 1970. Рис. 12, 14]. В период существования позднесарматской культуры и особенно в период раннего средневековья этот тип наконечников получает распространение в Южном Приуралье (погребение Кызыл-Адыр), Нижнем Поволжье (курган 17 у г. Покровска; курган 4, погребение 2 у с. Владимирское и др.) и южнорусских степях (курган 8, погребение 2 в урочище Кубей; погребение у с. Новая Маячка; могилы VIII, IX у с. Новогригорьевка) [Засецкая, 1994. Табл. 3.2, 3.4; 5.3, 5.5; 9.8; 31.2, 31.3; 35.2, 35.4; 37.1-5; 47. 66]. Наиболее поздние экземпляры подобных наконечников встречены в алтайских памятниках кыргызского круга (Гилево IV, VII, XII; Караболиха II, X), где они датируются в рамках IX–XI вв. [Могильников, 2002. С. 124. Рис. 32, 1, 2; 37, 4, 5; 82, 2–4; 142, 9, 10; 190, 7–9]. Крупный трехлопастной наконечник стрелы из могильника Ижевский 2 курган 3 с «усами» имеет утяжеленную концевую часть и прямосрезанные лопасти. Наконечники такой формы встречаются в комплексах Южной Сибири VII–X вв. [Худяков, 1986. Рис. 63, 11, 12; 71]. Подобные наконечники на западе появляются в раннеболгарских памятниках Самарской Луки (Брусяны II, Брусяны IV, курган 2; Шиловский, курган 1, погребение 1), где датируются VIII–IX вв. [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 166. Табл. VII, 15; XLV, 1–3; LXIX, 3–6, LXXIII, 7, 8]. Встречаются также плоские и двухлопастные наконечники стрел (Зевакино, курган 1; Городищенский IX), которые имеют широкий диапазон бытования – от V до XIII веков.

Таким образом, из приведенного перечня аналогий следует, что наборы стрел из колчанов, обнаруженных в курганах с «усами», имели довольно широкое в хронологическом и пространственном смысле хождение. Попытаемся установить, когда наиболее вероятно появление этих колчанных наборов в урало-казахстанских степях.

В предшествующий гунно-сарматский период среди железных наконечников стрел на данной территории наиболее распространенными были трехлопастные с

прямо или под углом срезанными нижними концами лопастей. Хотя в единичных случаях встречены и трехлопастные ромбические наконечники [Мошкова, 1989. Табл. 81, 40, 41]. Надо отметить, что удельный вес данной категории инвентаря среди предметов вооружения гунно-сарматского времени невысок. В рассматриваемых памятниках, а также в восточно-европейских кочевнических памятниках конца V–VII вв. (Новогригорьевка, курганы VIII, IX; Новая Маечка; Кызыл-Адыр; Ровное, курган 42; Покровка, курган 17; Федоровка; Владимирское; Шипово, курганы 2, 3; Кубей) [Засецкая, 1994], где кроме трехлопастных ромбических появляются и ярусные, количество наконечников этого типа резко возрастает и данная форма становится абсолютно преобладающей. Этот тип наконечников является также наиболее распространенным среди материалов погребальных комплексов джетыясарской культуры [Левина, 1996. С. 287. Рис. 92, 21, 24, 26, 35–52, 56–68], которые в подавляющем своем большинстве также датируются концом V–VIII вв.

Отсюда следует предположить, что этот тип наконечников приходит в урало-казахстанские степи, вероятно, в конце IV века и существует здесь до VIII века. После чего ему на смену приходят другие типы наконечников: двулопастные, боеголовые, томары и др. (Нуринское, Бобровский, Атра II) [Боталов, Ткачев, 1990; Арсланова, 1968; 1969; Гуцалов, 1993. Рис. 2, 21, 22].

Наиболее близкими восточными параллелями рассматриваемой группе наконечников (трехлопастных ромбических и ярусных) являются наконечники из Кокзальского могильника, а также из алтайских комплексов гунно-сарматского времени (Кок-Паш, Булан-Коба) [Васютин, Илюшин, Елин, Миклошевич, 1985. Рис. 3, 4; Глоба, 1983. Табл. V, 3; Das Graberfeld..., 1984. Abb. 20, B1, D2, g 2, 3; 22, D3; 23, F2; 25, B2; 28, g5; j 4, 6, 7; 29, D4, 5; 30, D5, 6; 33, D2–6; 35, A2–6; 41, a1–3, L1, 2; 42D1–4; 43 C1–4]. Эта параллель явно не случайна, на что указывает схожесть еще одной категории вещевого инвентаря, обнаруженного вместе с колчанами, содержащими трехлопастные ромбические и ярусные наконечники. Речь идет о *колчаных крюках* с петлевидным щитком для подвешивания и «Т»-образной изогнутой нижней частью из кургана Султантимиловский. Кроме этого данный тип крюков в урало-казахстанских степях найден в Кызыл-Адыре. Такие же крюки были обнаружены и в комплексах Восточной Европы – Кубей и Новогригорьевка, могила VIII [Засецкая, 1994. Табл. 5, 12; 46, 19]. Создается впечатление, что эти предметы являются своеобразной маркирующей категорией вещей, так как они известны в подавляющем своем большинстве среди предтюркских и раннетюркских памятников Алтая и Тувы – Балыктыюльский, Кокпашский, Бай Тайга, Кокзаль [Васютин, Илюшин, Елин, Миклошевич, 1985. Рис. 6, 29, 30; 3, 30; Сорокин, 1977. Рис. 5, 6; Das Graberfeld..., 1984. Abb. 26, 10; 35, B 8; C 2; 38 A 10–12]. Наиболее массово именно такой тип колчаных крюков в Восточной Европе появляется в раннеболгарских памятниках Поволжья в VIII веке [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис. 26].

Учитывая современную тенденцию омоложения средневековых древностей (кокпашские памятники сегодня предложено датировать в рамках III–VI вв., а кокзальские – не ранее V в. [Вадецкая, 1999. С. 127]), следует предположить, что колчаны с трехлопастными ромбическими и ярусными наконечниками стрел, которые крепились с помощью «Т»-образных колчаных крюков с петлевидным ушком, вероятнее всего, попадали в урало-казахстанские и восточно-европейские степи с территории Саяно-Алтая, скорее всего, не ранее V века и бытовали здесь вплоть до VIII–IX вв.

Костяные накладки на лук, обнаруженные в Зевакинском кургане 1, в кургане Солончанка I и в погребении Кызыл-Адыр, относятся, по классификации А. М. Хазанова, к «гуннскому» типу сложных луков, которые встречаются в кочевнических памятниках Евразии середины I тыс. до н. э. – VIII в. н. э. [Хазанов, 1966. С. 33–40] (рис. 76, 14, 17, 18, 22, 24; 88, 3–6, 8–10; 93, 3, 4, 18).

Сложносоставной лук «гуннского» типа появляется в районах Центральной Азии на рубеже III–II вв. до н. э. и постепенно начинает распространяться на запад, охватывая все большие пространства. За шесть-семь веков он достигает западных районов Альфельда и господствует в евразийских степях вплоть до момента смены его луками «монгольского» типа. Однако, если исходить из археологического материала, сложносоставные луки наибольшее распространение получают у народов Центральной Азии, Северного Казахстана, Средней Азии. В степях юга России, Поволжья и Урала они были редки. Наиболее точные аналогии накладкам из комплекса кургана с «усами» Солончанка I обнаружены на востоке, в памятниках хуннского и постхуннского времени, которые датируются I–IV вв. н. э. (могильники — Ильмовая Падь, м. 51; Черемуховая Падь, м. 61; Сул-Толгой, м. 1; Кокэльский, курган 1, м. 46, погребение 2; курган 26, м. 8, м. 27; курган 66; Большой Берельский курган 2), и V началом VI вв. н. э. (курган 2 Берельского могильника) [Худяков, 1986. Рис. 2, 15; 57, 3; 21, 4, 5; 3, 1, 2; 22, 7; Цэвэндорж, 1985; Das Graberfeld., 1984; Сорокин, 1969. Рис. 22, 6, 7]. Составные части сложносоставного лука по приведенным аналогиям целесообразно соотнести с так называемым «кокэльским» луком типа 3 (по Ю. С. Худякову) [Худяков, 1986]. Подобные накладки появляются в I–начале II вв. н. э. в памятниках Северного Казахстана (могильник Жабай-Покровка; урочище Саргары, курган 3) [Хабдулина, 1994. С. 121–122]. В период I–IV вв. н. э. накладки, особенно, концевые, аналогичные накладкам лука из Солончанки I, входят составным элементом в формирующиеся луки «кенкольского» типа и известны в Киргизии (могильники Акчий-Карасу, Джал-Арык, Торкен), в Казахстане (Кызыл-Кайнар-Тобе) и даже в Ташкентском оазисе (Ак-Тобе 2) [Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 79, Рис. 1, 1, 3, 4, 6; Хазанов, 1966, Рис. 4]. Единичные экземпляры составных частей подобных луков обнаруживаются в могильниках среднесарматской и позднесарматской культур Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Сусловский могильник, курган 51) [Рыков, 1925].

Наиболее полный экземпляр сложносоставного лука «гуннского» типа, накладки которого по своим характеристикам близки к накладкам из описываемого комплекса кургана с «усами», был найден в погребении V века н. э. у села Кызыл-Адыр Оренбургской области [Засецкая, 1982. С. 54–57. Рис. 4, 7; 1994. Табл. 36]. Несколько накладок плохой сохранности происходят из курганов с сожжением у города Покровска (курганы 17 и 18), датируемых V–началом VI вв. н. э. [Степи Евразии., 1981. Рис. 5, 26, 27; Минаева, 1927. С. 91–94. Табл. I–III].

Все перечисленные аналогии подтверждают мысль о том, что сложносоставной лук «гуннского» типа широко был распространен на территории евразийских степей. Однако необходимо сделать уточнение. Дошедшие до нас остатки луков, происходящие из районов Поволжья, Южного Приуралья и Зауралья, Средней Азии и Центрального Казахстана, относятся к поздним сложносоставным лукам III и IV типов (по Ю. С. Худякову), период существования которых соответствует поздnehуннскому времени Центральной Азии и эпохе Великого переселения народов в Европе, то есть укладывается в рамки V–начала VI вв. н. э.

Наконечники копий (2 экз.) железные с характерной массивной конусной втулкой, ланцетовидным (Коктал) (рис. 84, 5) или с узким пером (рис. 84, 7) (Нижне-Давлетовский). Такие наконечники хорошо известны в раннеболгарских памятниках Самарской Луки, где они являются особым маркирующим типом вооружения и датируются VIII–IX вв. [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 114. Рис. 24, 1–5]. В Южной Сибири подобные типы копий утверждаются в тюркскую эпоху VI–VIII вв. [Худяков, 1996. Рис. 99].

Мечи (3 экз.) обоюдоострые, широкие, клиновидной формы с прямоугольным перекрестием (Нуринское) либо без него (Бобровский, Шипово, курган 2) (рис. 94, 7). [Засецкая, 1994. С. 42, 1; 44, 7]. Два аналогичных меча происходят из погребений Южного Казахстана: Кызыл-Кайнар-Тобе и Актобе [Амброз, 1981. Рис. 8, 6; Максимова, Мершиев, Вайнберг, Левина, 1968. С. 71–78].

Кинжалы (4 экз.). Со слегка изогнутой спинкой без перекрестия (Зевакинский курган 1, Шипово курган 3) (рис. 78, 6). Шиповский кинжал имеет ножны с чешуйчатым орнаментом [Засецкая, 1994. Табл. 41, 1]. Кинжал (короткий палаш) с клиновидным лезвием, прямым перекрестием и короткой заостряющейся кверху рукоятью (рис. 86, 2) (Ижевский 2, курган 3). Сохранность зевакинского кинжала не позволяет привести ему какие-либо параллели, что же касается ижевского экземпляра, то подобные кинжалы-палаши появляются в Южной Сибири среди раннетюркских комплексов VI–VIII вв. [Худяков, 1986. Рис. 220]. Прямой аналогией его является короткий палаш из могилы Монгун-Тайгам (Западная Тува) (MT-57-A-49) [Fruh-und hochmittelalterliche., 1982. P. 55. Abb. 4, 4], датируемой VI–VII вв. В эту категорию вещевого материала входит также известный кинжал с инкрустированными ножнами с двумя округлыми выступами для подвешивания (рис. 93, 75) из погребения Боровое, по вопросу датировки которого существуют разные точки зрения. Относительно датирования кинжала, как впрочем и всего комплекса, мы склонны присоединиться к мнению А. К. Амброза [Амброз, 1989. С. 73] и отнести его к VI–VII вв.

К предметам конской упряжи относятся *удила*. В основном это односоставные кольчатые удила с круглыми отверстиями для повода (рис. 76, 29; 78, 16; 84, 4; 93, 49, 51, 64, 73, 78, 88, 89) (Коктал, Канаттас, Боровое, Кызыл-Адыр, Шипово курган 3), однако встречены экземпляры с дополнительными квадратными петлями на концах колец удил (Султантимировский, Беркутты), а также со стержневидным псалием с одной стороны (Кызыл-Адыр, Солончанка I, курган 3). Подобные типы удил имели весьма широкое хождение в кочевнических комплексах и в этой связи не могут выступать хронологическим показателем.

Подпружные пряжки: железная трапецевидная (Аркаим, Беркутты, Боровое), круглая (Солончанка), восьмерковидная (Крутой Овраг, курган 4). Две железные прямоугольные с овальным концом пряжки, где ось является одним целым с язычком на вертлюге, которые обнаружены в кургане 3 Ижевского 2 могильника и, вероятнее всего, в кургане 3 могильника Кызыл-Жар, а также костяные подпружные и чумбурная пряжки (Канаттас, Егиз-Койтас, Бобровский) (рис. 93, 9, 21, 27) датируются в кочевнических материалах Саяно-Алтая в пределах VIII–IX вв. [Овчинникова, 1990. С. 121. Рис. 49, 22–29; Fruh-und hochmittelalterliche., 1982. Abb. 18, 46 47]. Костяная подпружная пряжка с «Т»-образным вырезом для язычка и округло-ровным краем в завершении дужки (Канаттас) датируется в саяно-алтайских и казахстанских комплексах в рамках VI–VII вв. [Овчинникова, 1990. С. 116. Рис. 48, 21, 24].

К элементам конской сбруи относятся также *предметы ременной гарнитуры* из кургана 1 комплекса Солончанка I, в частности, три серебряные литые пряжки. У них круглая или овальная рамка и треугольно-ромбический или усеченно-листо-видный щиток, выполненный в виде узкой серебряной полоски, соединенной с основанием рамки путем перегиба основания. К ремню щиток крепился при помощи одного серебряного штифта, вклепанного в центр щитка. Язычок пряжек подвижный, хоботковидный, украшенный у основания и на конце рисками или «бордюри-чиком». Прямых аналогий этим пряжкам не найдено. Но, тщательно изучив способ крепления составляющих пряжек и сравнив их с имеющимися классификациями В. Б. Ковалевской и А. В. Богачева, мы пришли к выводу, что эти серебряные пряжки все же имеют достаточно конкретные хронологические рамки. Они очень близки

пряжкам из могильников Бирского и Цибельды. По мнению В. Б. Ковалевской, такой тип пряжек, особенно если они изготовлены из благородного металла, бытуют в основном в IV веке н. э., но продолжают существовать и в V–VI вв. н. э. [Ковалевская, 1979. Табл. I, 15, 16]. Подобные пряжки из Тураевского могильника А. В. Богачев датирует V–первой половиной VI вв. н. э. [Богачев, 1992. С. 192].

К *узdechному набору* отнесены четыре *наконечника* ремней (рис. 93, 14–16, 26). Все изделия относятся к одному типу — признак I, 27 по форме контура наконечника [Богачев, 1992. С. 93]. Аналогии таким наконечникам, причем очень точные, встречаются в памятниках всего степного массива Евразии. Прямые аналогии этим наконечникам находим в Южном Зауралье, в Друженском могильнике конца IV–начала V вв. н. э. [Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 7, 9, 10]. Характерен этот тип наконечников и для памятников южнорусских степей эпохи Великого Переселения народов. Аналогичная серебряная пластина обнаружена в детском погребении V в. н. э. на Беляусском городище [Дашевская, 1969. С. 52–61]. Этим же временем датируются и наконечники ремней из разрушенного погребения у села Здвиженское и из погребения у совхоза имени Калинина в Крыму [Засецкая, 1994. Табл. 11.3; 22.1]. Этот тип наконечников получает широкое распространение и в лесостепной зоне Прикамья и Среднего Поволжья. Согласно А. В. Богачеву, подобный тип наконечников относится к I хронологической группе (по его классификации) и характерен для тезиковского и федоровского этапов раннесредневековой эпохи Среднего Поволжья, которые датируются III–IV вв. н.э. и первой четвертью V в. н.э. соответственно [Богачев, 1992. С. 135–138].

Учитывая, что наконечники данного типа имеют широкие рамки бытования и были распространены на большой территории, целесообразно отталкиваться от датировок памятников Южного Зауралья и соседних территорий. Это позволяет сузить время бытования наконечников из комплекса Солончанка I до IV — первой половины V вв. н.э.

Соединительными элементами упряжи являются ременные накладки и налобные пластины, которые, в свою очередь, выполняли еще и функцию декорирования узды и являлись предметами ювелирного искусства.

Одной из характерных черт середины I тыс. н. э. является повсеместное распространение в евразийских степях изделий, выполненных в полихромном стиле со вставками из красного камня. Поэтому ременным накладкам (рис. 93, 62, 64) из комплекса кургана с «усами» Солончанка I аналогии по технике исполнения найти не составляет труда; они обнаруживаются как на территории Южного Зауралья, так и на сопредельных территориях Казахстана, Приуралья, южнорусских степей, лесостепной части Башкирии. Из Друженского могильника происходит золотой медальон (конец IV–начало V вв. н. э.), украшенный 72 золотыми шариками зерни со вставкой из красно-фиолетового сердолика. Аналогичные по технике исполнения вещи, происходящие из погребения у озера Боровое, датируются V–началом VI вв. н. э. [Бернштам, 1951. С. 225–229; Засецкая, 1975]. В Нижнем Поволжье также имеются находки, близкие солончанским. Примером может служить овальный медальон со вставкой из синего стекла в золотой оправе, украшенный по краю зернью [Засецкая, 1968. С. 35–38. Рис. 1–2], а также золотой кулон со вставкой из пейзажной яшмы розового цвета из кургана у деревни Красногор. Полихромный стиль распространяется настолько широко, что аналогии можно найти и в далекой Абхазии. Так, например, рукоять меча из погребения Цибелиум 1–43 украшена овальным сердоликом и обрамлена золотой оправой с зернью [Воронов, Шенкао, 1982. С. 151–152. Рис. 18, 18].

К предметам конской узды также относятся *кольца для перекрестных ремней* (2 экз.) (Муслюмово, Нуринское). В одном случае (Муслюмово) на кольцо нахо-

дятся три накладки-зажима [Засецкая, 1994. Табл. 44, 5, 6]. Прямоугольные с листовидным окончанием накладки-зажимы обнаружены также в Солончанском кургане и в погребении Кызыл-Адыр (рис. 93, 45, 53, 54).

К снаряжению коня также относятся *ленчики седла*, которые обнаружены в комплексах Боровое, кургана 3 Шипово и Солончанки I (рис. 88, 67, 68; 93, 28, 44, 51). В южнорусских степях относительно часты находки подобных ленчиков (VIII и IX могилы Новогригорьевки, курган у города Мелитополь, погребение 2, курган 8 в урочище Кубей). Аналогичные ленчики встречены и в Западной Европе (погребение у села Концешта в Румынии, Мундальсхасди во Франции), есть они и в Нижнем Поволжье, и в Казахстане (погребение у с-за им. Калинина, курган у села Владимировское, погребение у озера Боровое) [Засецкая, 1994. Табл. 2.10; 4.16; 7.9; 19.13; 22.15; 35.13; 47.9; Амброз, 1989. Рис. 44, 20, 21; 41, 2]. По классификации И.П. Засецкой, такие ленчики относятся к типам Ia и III и датируются первой половиной и серединой V в. н. э. [Засецкая, 1986. Рис. 1, 2, 5; 1994. Рис. 10]. А. К. Амброзом датировка их омолаживается до VI–VII вв. [Амброз, 1989. С. 63–82].

Стремена, найденные в наиболее поздних комплексах, — арочной формы, со слабо раскованной подножкой и петлевидным отверстием для путалища (Егиз-Койтас), раскованным верхним ушком и прямоугольным отверстием (Боровской), а также с ременной петлей для путалища (Жарлы) (рис. 93, 43, 50).

Поясные пряжки. В коллекции вещевого инвентаря из курганов с «усами» имеются 3 наборных пояса с сегментовидными пряжками и подпрямоугольными металлическими накладками, прикрепленными двумя шпёнками-клепками на концах (Зевакинский, курган 1, погребения 1, 2; Канаттас, курган 19) (рис. 76, 3; 78, 9). Это довольно характерный тип поясов, встречающийся в памятниках поздне- и постгуннского времени (Кубей, Кызыл-Кайнар-Тобе) [Засецкая, 1994. Табл. 46, 5]. Два подобных пояса были обнаружены в кургане 356 могильника Алтынасар 4л и 365 могильника Алтынасар 40) [Левина, 1996. Рис. 133], которые по аналогиям в материалах поясной гарнитуры (Безводинский, Верх-Саинский, Острый Мыс, могильник у Лермонтовой горы и др.) датируются в пределах V–VI вв. [Гавритухин, 1996. С. 133. Рис. 5; Гавритухин, Малашев, 1998. С. 53–54. Рис. 3]. Поясные пряжки представлены двусоставными с подвижным овальным щитком (6 экз.) (Муслюмово, Брюхановский выселок, Боровое), с ромбовидным или подтреугольным щитком (4 экз.) (Солончанка, Зевакино, курган 3) (рис. 69, 22–24; 77, 3). В трех случаях (Муслюмово, Боровое, Брюхановский выселок) пряжки выполнены в полихромном стиле. Щиток украшен полудрагоценными камнями. По краю щитка и гнезд однорядные зерновые пояски [Засецкая, 1994. Табл. 43, 3; 45, 3] (рис. 93, 135). Две пряжки имеют геральдический щиток и овальную рамку (Атпа II, Нуринское) (рис. 94, 17).

Найдены также односоставные цельнолитые пряжки (6 экз.) с овальной широкой рамкой, прямоугольным (Шипово, курган 2, 3) или фигурным щитком (Каменный Амбар, курган 6, Верхне-Погромное) [Засецкая, 1994. Табл. 28, 67, 40, 42]. Две пряжки (Шипово, курган 3, Боровое) относятся к особому типу «рифленых» пряжек (рис. 93, 133). Одна пряжка (Аркаим) имеет костяную овальную широкую рамку и бронзовый язычок.

Накладки. Прямоугольные, расположенные вертикально вдоль всего ремня (Канаттас; Зевакино, курган 3) (рис. 76, 3; 78, 9). В наиболее поздних погребениях встречены накладки сердцевидной и сводчатой формы, фигурные с прорезью для подвесных ремешков и растительным орнаментом на внешней стороне (Нуринское; Бобровский; Елантау, курган 4; Атпа II). Прямоугольная бронзовая накладка с прорезью в нижней части из кургана 3 комплекса Ижевский 2 (рис. 86, 8), а также геральдическая (бронзовая с золотой обтяжкой) накладка с тисненым орнаментом

в виде трехлепестковой лилии и зубчатой окантовкой геральдического щитка и бронзовая бисерцевидная накладки из селенташского комплекса Елантау, курган 4 (рис. 90, 1).

В более ранний период накладки с орнаментацией в виде трехлепестковой лилии являются характерной деталью украшения поясов в раннеболгарских памятниках (Велико Тырново, Акалан, Вознесенка), где они достаточно точно датируются в рамках VII–VIII вв. [Рашо Рашев, 2004. С. 180–181. Табл. 72; 111]. Однако раннеболгарские образцы представлены более массивными цельнолитыми золотыми накладками, что отчасти указывает на их более раннее бытование.

Бронзовые прямоугольные накладки с прямоугольными или фигурными вырезами в нижней части для подвесных ремней в наиболее ранний период встречаются в тюркских памятниках Саяно-Алтая VII–IX вв. [Овчинникова, 1990. Рис. 23, 2; 25]. Елантауский набор пряжек является характерным типом ременной гарнитуры. Геральдические и бисерцевидные накладки, подобные найденным в Елантауском кургане, встречены в хазарских памятниках конца VIII–IX вв. [Магомедов, 1983. С. 71. Рис. 18, 19; С. 74. Рис. 21, 2; 24, 12; 30], а также среди уйгурских материалов VIII–IX вв. могильника Чааты II [Кызласов, 1979. С. 189, 190. Рис. 145, 1; Рис. 146, 5]. Железные восьмерковидные пряжки с перехватом, подобные той, которая найдена в Крутом Овраге (курган 4), известны в Саркеле – Белой Веже в погребениях IX–XI вв. [Плетнева, 1990. С. 63. Рис. 16, 10; 19, 10; 22, 6; 24, 13; 25, 2], а также в раннеаскизских памятниках X–XII вв. [Кызласов И. Л., 1983. С. 101. Табл. XIII, 35–40].

К предметам украшений относятся, прежде всего, диадемы, выполненные в полихромном стиле (7 экз.). В двух случаях (Солончанка; Шипово, курган 2) в центре сверху располагался фигурный конек (рис. 88, 56) [Засецкая, 1994. Табл. 42]. В одном случае (Кара-Агач) верх диадемы был украшен 14 шумящими воронковидными подвесками (рис. 93, 92). Вставки из стекла и полудрагоценных камней красных тонов украшены зерновыми треугольниками и ромбами, внешний край украшен тисненым узором в виде косички (Солончанка, Боровое, Коктал, Канаттас) (рис. 88, 66; 78, 1, 14; 93, 80).

Серьги. Две серьги-лунницы происходят из погребения Кара-Агач (рис. 93, 91), калачиковидные (3 экз.) встречены среди материалов Верхне-Погромного; Шипово, курган 2; Кызыл-Адыра [Засецкая, 1994. Табл. 28, 5; 37, 18; 42, 2] (рис. 93, 66, 112, 146). Три серьги из серебряной проволоки в виде знака вопроса или колечка с отростком из свитых концов (рис. 76, 12; 93, 94, 95) происходят из комплексов Боровое; Зевакино, курган 3; Ленинск.

Колт из погребения Боровое имеет округлую нижнюю часть, два окончания для ушной дужки с гроздевидной зерновой пирамидкой между ними. Каменная вставка овальной формы оконтурена зернью. Вокруг нее располагается ряд зерновых треугольников. Край колта украшен гроздевидными зерновыми отростками (рис. 93, 90). Принципиально все выше рассмотренные материалы датируются нами в рамках V–VIII вв. Коротко перечислим основные аргументы в пользу этих хронологических рамок.

Из предметов украшений в коллекции имеется *серьга* в виде знака вопроса с конусообразным, расширяющимся к низу, завитком. Этот тип серег достаточно характерен для раннесредневековых погребений лесостепных районов Урала и Сибири. Целая серия их была найдена в погребениях III–IV вв. могильника Ближние Елбаны III [Чернецов, 1957. Табл. XLV, 11, 25–27]. В последнее время наблюдается тенденция омоложения памятников данного круга Сибири и отнесения их к раннеодинцовскому периоду, который датируется второй половиной IV–V вв. н. э. [Горбунов, 2004. С. 92–95]. Кроме того, серьги данного типа встречены в азелинских,

караабызских и убаларских памятниках конца II–V вв. н. э. [Генинг, 1988. Рис. 4, 112; 9, 3; 17, 1], а также могильниках II–III вв. бассейна реки Вятка [Лещинская, 1995. Рис. 4, 19; 5, 3–8].

Хорошо датированными являются предметы поясной гарнитуры. Так, пряжки из погребения 19 могильника Канаттас, кургана 1 могильника Зевакино и кургана 1 комплекса Солончанка I, а также пряжки из Муслюмово и Брюхановского выселка имеют сегментовидную овальную рамку, утолщение в передней части, подвижный прямоугольный или ромбический щиток и длинный, согнутый на конце язычок (рис. 93, 10, 22, 140, 142). Они относятся к 11 и 12 типам, по классификации В.Б. Ковалевской, и датируются V–VII вв. [Ковалевская, 1979. С. 16, 17. Табл. II, 7, 12].

Хронологии цельнолитых пряжек шиповского типа (Шипово, курганы 2, 3; Верхне-Погромное, курган 4, погребение 3; Каменный Амбар, курган 6) посвящена особая часть исследования А. В. Богачева. Автор относит этот тип пряжек к изделиям переходной «предгеральдической» группы и датирует их не ранее второй половины VI в. н. э. [Богачев, 1998. С. 21–24]. Не случаен факт встречаемости данного типа пряжек и калачиковидных серег, которые, по классификации А. В. Богачева, относятся к VI веку [Богачев, 1996, рис. 8, 14, 15].

Подобные типы пряжек довольно часто встречаются в джетыясарских погребальных комплексах. Здесь они обнаружены вместе с фибулами, калачиковидными серьгами, трехлопастными ромбическими наконечниками стрел, колтами и сосудами с шишечками и луновидными наленами (рис. 26, 28), которые могут датироваться в рамках VI–VIII вв.

Вероятно, данный тип пряжек появляется в урало-казахстанских степях в конце VI века как культурная инновация и какое-то время сосуществует с двусоставными пряжками с подвижным щитком. Последние, в свою очередь, претерпевают определенные изменения – увеличивается длина язычка, более массивной становится передняя часть рамки, наблюдается большее разнообразие в формах щитка и его украшениях. Это хорошо заметно на примере пряжек из Солончанки, Муслюмово и Брюхановского выселка [Засецкая, 1994. Табл. 43, 3; 44, 2–4; 45, 3].

Сегментовидные рифленые пряжки, аналогичные боровской, по схеме И. А. Бажана и С. Ю. Каргапольцева, относятся к X типу и датируются V–VI вв. [Бажан, Каргапольцев, 1989. С. 30. Рис. 1, 35–39]. Цельнолитые овальнорамчатые и геральдические пряжки из Бобровского могильника, Нуринского погребения и кургана 2 Атпа II, как и предметы поясной гарнитуры (сердцевидные, сводчатые, с вырезом внизу накладки) надежно датируют наиболее поздние комплексы в пределах VIII–IX вв. [Иванов, Кригер, 1987; Мажитов, 1977. С. 22–24; Халикова, 1976].

Геральдические и бисерцевидные накладки, подобные найденным в Елантаусском кургане, встречены в хазарских памятниках конца VIII–IX вв. [Магомедов, 1983. С. 71. Рис. 18, 19; С. 74. Рис. 21, 2; 24, 12; 30], а также среди уйгурских материалов VIII–IX вв. могильника Чааты II [Кызласов, 1979. С. 189, 190. Рис. 145, 1; Рис. 146, 5]. Железные восьмерковидные пряжки с перехватом, подобные той, которая найдена в Крутом Овраге (курган 4), известны в Саркеле – Белой Веже в погребениях IX–XI вв. [Плетнева, 1990. С. 63. Рис. 16, 10; 19, 10; 22, 6; 24, 13; 25, 2], а также в раннеаскизских памятниках X–XII вв. [Кызласов И.Л., 1983. С. 101. Табл. XIII, 35–40]. Предметы ременной гарнитуры геральдического стиля демонстрируют находки из могильника Усть-Суерка-4 (рис. 93, 157–162) – якорьковидная, сердцевидная с отверстием в центре, бисоставные накладки из геральдического щитка и круга, листовидная и фигурная бисоставные накладки. Они имеют прямые аналогии в турбаслинских и кушнаренковских памятниках VIII века Южного Приуралья [Мажитов, 1981. С. 25, 22; Рис. 10, 24; С. 23, Рис. 11, 4; С. 15, Рис. 7; С. 14, Рис. 6, 9, 18, 21; 1977. С. 191–193. Табл. 73, 96, 117].

Датировка колчанных наборов может быть осуществлена лишь в широких временных рамках. Наиболее распространенными в памятниках раннетюркского времени являются трехлопастные ромбические наконечники стрел с черенком средней длины разного диаметра (от 1 до 5 мм). Два ярусных наконечника из Кызыл-Адыра. Подобный тип наконечников довольно широко распространен в кочевнических комплексах Азии от рубежа эр до конца I тысячелетия н. э. [Худяков, 1986. С. 215. Рис. 96]. Этот факт указывает на то, что сам по себе данный тип наконечника не может указать на узкую дату отдельных комплексов. Что касается урало-казахстанских и восточно-европейских степей, то здесь, вероятно, в какой-то период наступает рубеж, когда эта форма наконечников становится абсолютно преобладающей в кочевнических колчанах. Попробуем выяснить, когда наступил этот момент. Как уже указывалось в предыдущей главе, в предшествующий гунно-сарматский период среди железных наконечников наиболее распространенными были трехлопастные наконечники с прямо или под углом срезанными нижними концами лопастей. Хотя в единичных случаях встречены и трехлопастные ромбические наконечники [Мошкова, 1989. Табл. 81, 40, 41]. Невысок удельный вес данной категории инвентаря среди предметов вооружения гунно-сарматского времени. В курганах с «усами», селенташских памятниках, а также в восточно-европейских кочевнических памятниках конца V–VII вв. (Новогригорьевка, курганы VIII, IX; Новая Маячка; Кызыл-Адыр; Ровное, курган 42; Покровка, курган 17; Федоровка; Владимирское; Шипово, курганы 2, 3; Кубей) [Засецкая, 1994] количество наконечников этого типа резко возрастает и данная форма становится абсолютно преобладающей. Этот тип наконечников является также наиболее распространенным среди материалов погребальных комплексов джетыясарской культуры [Левина, 1996. С. 287. Рис. 92, 21, 24, 26, 35–52, 56–68], которые в подавляющем своем большинстве, как указывалось выше, датируются также концом V–VIII вв.

Отсюда следует предположение, что этот тип наконечников приходит в урало-казахстанские степи, вероятно, в конце V века и существует здесь до VIII века. После чего ему на смену приходят другие типы наконечников: двулопастные, боеголовые, томары и др. (Нуринское, Бобровский, Атпа II).

Наиболее близкими восточными параллелями рассматриваемой группе наконечников (трехлопастных ромбических и ярусных) являются наконечники из Кокзельского могильника, а также из алтайских комплексов гунно-сарматского времени (Кок-Паш, Булан-Коба) [Васютин, Илюшин, Елин, Миклошевич, 1985. Рис. 3, 4; Глоба, 1983. Табл. V, 3; Das Graberfeld., 1984. Abb. 20, B1, D2, g 2, 3; 22, D3; 23, F2; 25, B2; 28, g5; j 4, 6, 7; 29, D4, 5; 30, D5, 6; 33, D2–6; 35, A2–6; 41, a1–3, L1, 2; 42D1–4; 43 C1–4]. Эта параллель явно не случайна, на что указывает схожесть еще одной категории вещевого инвентаря, обнаруженного вместе с колчанами с трехлопастными ромбическими и ярусными наконечниками. Речь идет о колчанных крюках с петлевидным щитком для подвязывания и «Т»-образной изогнутой нижней частью. Кроме Кызыл-Адыра и Солончанки, такие крюки были обнаружены в единовременных комплексах Восточной Европы – Кубей и Новогригорьевка, курган VIII [Засецкая, 1994. Табл. 5, 12; 46, 19]. Эти предметы являются своеобразной маркирующей категорией вещей, так как они известны в подавляющем своем большинстве среди предтюркских и раннетюркских памятников Алтая и Тувы – Балыктыюльский, Кокпашский, Бай-Тайга, Кокзель [Васютин, Илюшин, Елин, Миклошевич, 1985. Рис. 6, 29, 30; 3, 30; Сорокин, 1977. Рис. 5, 6; Das Graberfeld., 1984. Abb. 26, 10; 35, B 8; C 2; 38 A 10–12].

Учитывая современную тенденцию к омоложению (кокпашские памятники сегодня предложено датировать в рамках III–VI вв., а кокзельские — не ранее V в.) [Вадецкая, 1999. С. 127], следует предположить, что колчаны с трехлопастными ром-

бическими и ярусными наконечниками стрел, которые крепились с помощью «Т»-образных колчанных крюков с петлевидным ушком, вероятнее всего, попадали в урало-казахстанские и восточно-европейские степи с территории Саяно-Алтая. Учитывая весь комплекс датирующих вещей, которые сопровождают погребения с колчанами данного типа, можно прийти к выводу, что это событие могло состояться не ранее V века н. э.

Однако наиболее часто приводимыми в литературе категориями вещевого инвентаря из памятников рассматриваемого круга являются золотые, электровые и серебряные предметы, выполненные в полихромном стиле. Сегодня, благодаря специальным исследованиям И. П. Засецкой и А. К. Амброза, этот материал маркирует определенный историко-культурный массив, который интерпретируется как «культура кочевников гуннской эпохи» или «древности Великого Переселения народов». Весьма яркие и специфические разрозненные находки с территории Южного Зауралья и Казахстана подтверждают выбранную нами методику рассмотрения курганов с «усами», селенташских и погребальных памятников, а также комплексов предметов, приводимых выше, в рамках единого хронологического горизонта. Идентичными являются способы расположения элементов украшения на золотых накладных пластинах и диадемах (зерновое окаймление гнезд-вставок, заполнение промежутков зерновыми треугольниками и ромбами, оконтуривание границ зерновыми треугольниками и тисненой резной косичкой) из солончанского, кара-агачского, канаттасского, боровского комплексов и из коллекции Брюхановского выселка, что объединяет данные образцы полихромного стиля в единую стилистическую группу. К этому стоит прибавить схожесть пуансонной орнаментации седельных накладок-ленчиков боровского, солончанского и шиповского (курган 3) комплексов, а также сходство поясов из Канаттасского и Зевакинского погребений с прямоугольными вертикальными широкими накладками, идущими по всей длине пояса. Все это позволяет считать названные памятники принадлежащими к одному либо к весьма близким культурно-хронологическим ареалам. Пожалуй, выпадают из этого единства только находки из муслимовского комплекса.

Полихромные изделия Муслимова несут на себе основные традиции стиля, заложенные в гунно-сарматский период. Стеклянными и каменными вставками украшены предметы (пряжка, накладки, пронизки, концевые накладки) более мелких размеров. Изящное оформление гнезд и края предметов зерновыми или сканевыми поясками, наличие характерных для гунно-сарматских памятников элементов конской узды (кольца удил с накладками-зажимами для перекрестных ремней, двусоставные пряжки с подвижным щитком) позволяют ставить Муслимово в ряд наиболее поздних гунно-сарматских комплексов V века. Особенности предметов полихромного стиля из муслимовских находок, позволяют определить основные изменения традиции этого стиля, произошедшие в период перехода от гунно-сарматского к раннетюркскому периоду.

Изменяется набор предметов, выполненных в этом стиле. В гунно-сарматское время это пряжки, накладки пояса и узды, серьги, кулоны, подвески. В раннетюркское — ленчики седел, накладки узды, диадемы, накладки колчана и ножен кинжала, серьги-лунницы, колты. В раннетюркское время увеличиваются общие размеры и меняется форма (более подквадратная, подпрямоугольная) предметов. Кроме того, более поздний полихром отличается большей небрежностью исполнения отдельных элементов. Вместо зерни и проволоочных косичек используется их тисненая имитация. Драгоценные и полудрагоценные камни чаще заменяются стеклянными вставками. На наш взгляд, эти различия имеют важное значение в понимании кардинальных изменений, произошедших на рубеже гуннской и раннетюркской эпох.

Однако при рассмотрении категорий предметов, выполненных в полихромном стиле, в поле зрения авторов попадали лишь наиболее поздние (постгуннские, раннетюркские) образцы.

Материалы рассмотренных комплексов были отнесены к особым хронокультурным группам: А. К. Амброзом — к III степной группе VI–VII вв. [Амброз, 1989. С. 66–67], И. П. Засецкой — к особой «восточной» группе степных памятников — ХГ 1а, б конца IV–начала VI вв. [Засецкая, 1994. С. 122–126]. Последним автором также отмечен ряд стилистических особенностей в изготовлении и украшении полихромных изделий, происходящих из восточной группы памятников [Засецкая, 1994. С. 74], обусловленных существованием иных, отличных от южноуральских, боспорских центров ювелирного производства.

Определившись с хронологической позицией материалов анализируемых памятников, И. П. Засецкая делает существенную, на наш взгляд, оговорку, что для погребений, расположенных в восточных регионах, характерно сочетание более древних вещей с изделиями времени захоронения. Это обстоятельство не позволило объединить их непосредственно с выделенными ею группами памятников южнорусских степей и затруднило определение более точных датировок [Засецкая, 1994. С. 126]. Справедливость данного суждения в определении хронологической позиции урало-казахстанских комплексов, на наш взгляд, вполне очевидна. В построении хронологических схем сегодня наиболее эффективной является методика соотношения материалов отдельных групп памятников с большими массивами, внутри которых хорошо коррелируются вещевые комплексы, выстраивающиеся в последовательные хронологические ряды. Критерием для определения И. П. Засецкой хронологии южнорусских кочевнических материалов гуннской эпохи стали наблюдения, сделанные на основе систематизации известных погребальных комплексов Восточного Крыма и Северного Кавказа (Керченские склепы, Дюрсо, Суук-су и др.) На наш взгляд, исследователю удалось провести довольно убедительные параллели и определить хронологические рамки кочевнических комплексов юга Восточной Европы — IV–V вв. Именно в это время, вероятно, население южнорусских степей активным образом было связано с боспорскими и придунайскими ювелирными и ремесленными центрами [Засецкая, 1994. С. 68–75] и изменение традиций и стилей отражалось на материалах сопредельных степных регионов. По мере удаления от европейских производственных центров, влияние со стороны этих культурно-производственных очагов становилось все более опосредованным, либо вектор этого влияния менялся в сторону других цивилизационных центров. Таковыми на востоке в гунно-сарматское время были, вероятно, Бактрия и Южный Казахстан [Кадырбаев, 1959. С. 93–94; Сарианиди, 1989. С. 135–159], а в тюркскую эпоху — Алтай, Турфан, Северная Монголия и Хакаско-Минусинская котловина [Добжанский, 1990. С. 30–44; Кызласов, Король, 1990. С. 15]. Проявление фактора удаленности значительно отразилось на материалах памятников раннетюркского времени урало-казахстанских, приуральских и нижневолжских степей.

Учитывая эту особенность при рассмотрении хронологии раннетюркских комплексов, целесообразно будет основываться на массовых материалах из восточно-европейского и среднеазиатского регионов. Прекрасной исходной базой могут быть коллекции из раскопок погребальных комплексов джетысарской культуры V–VIII вв. Однако гигантский объем материала усложняет его систематизацию и построение корреляционной схемы развития данной материальной культуры на разных этапах раннего средневековья. Наиболее спорными на сегодняшний день остаются материалы неволинских и ломоватовских погребальных комплексов Прикамья, а также Бирского и Маняжского могильников Южного Приуралья. В начале 80-х годов А. К. Амброз, проанализировав материалы Бирского и Харинских мо-

гильников, выделил ряд категорий вещей (категории а, б, в), которые позволяют определить их более узкую дату [Амброз, 1980. С. 35–38]. Публикации последних лет, на наш взгляд, принципиальным образом не опровергают эту дату, по крайней мере в рамках материалов V–VII вв. [Богачев, 1992; Гавритухин, 1996; Голдина, Водолаго, 1990]. Однако сопоставление схожих элементов вещевых наборов из кочевнических урало-казахстанских комплексов, на нашему мнению, требует сочетания сразу нескольких категорий или типов вещевого материала. Иными словами, традиционное построение аналогий на основании отдельно взятых предметов не избавлено от фактора случайного совпадения. Анализ отдельных категорий вещей (монеты, элементы поясной гарнитуры, украшения) позволил нам убедиться, что некоторые типы предметов могли существовать в разное время на территории тех или иных регионов и бытовали внутри единокультурных комплексов довольно длительный период (до ста и более лет) [Боталов, 1991. С. 8–9]. В раннетюркских материалах такой группой предметов, вероятно, являются предметы ременной гарнитуры и изделия, выполненные в полихромном стиле. Сегментовидные пряжки с удлиненным или ромбовидным щитком и длинным сильно загнутым язычком, наконечники ремней, слегка расширяющиеся книзу и с едва выделенным щитком в верхней части, широкие прямоугольные накладки, идущие вдоль пояса, соответствуют вещам Бирского могильника, относящимся ко времени VI–VII вв., которое соответствует периоду IV-б, по хронологической схеме А. К. Амброза [Амброз, 1980. С. 35–38. Рис. 13], периоду D, E, по схеме И. О. Гавритухина [Гавритухин, 1996. С. 120–121. Рис. 2]. Сочетание ремennого набора с предметами полихромного стиля (композиции треугольников из зерни, округлые или овальные вставки из полудрагоценного камня, гнезда которых также оформлены зернью, одно-, двух- или трехрядная композиция узора, ограниченная по краю резной косичкой) характерно также для ранненеволинских комплексов. Так, например, верхнесаинские курганы № 9 и № 12 содержали фактически аналогичные предметы с тем же набором перечисленных черт. По хронологии Р. Д. Голдиной и Н. В. Водолаго данные комплексы являются составной частью верхнесаинской стадии и датируются VI в. [Голдина, Водолаго, 1990. С. 163. Табл. LXVI, 8, 13, 20, 21, 23, 24, 40, 41, 43]. Рубежом VI–VII вв. их датирует и И. О. Гавритухин, полным набором, приводя их в своих хронологических построениях [Гавритухин, 1996. С. 131. Рис. 3, 5].

К сказанному стоит добавить, что сочетание рифленой сегментовидной пряжки, подобной пряжкам из кургана у озера Борового и Шипово курган 3, и наконечника ремня, по форме близкого солончанским, имело место в погребении Малаи, где вместе с ними также были найдены предметы, имеющие довольно точную хронологическую позицию – вторая треть VI века [Атавин, 1996. С. 229, 158–159. Табл. 21, 22].

Принимая во внимание все вышесказанное, можно датировать рассматриваемые материалы полихромного стиля VI (возможно, конец V)–VII вв. Однако, если учитывать факт длительного существования некоторых типов предметов в лесном и лесостепном ареалах оседлых культур, а также явное сходство упомянутых выше кочевнических комплексов, то, вероятно, время их появления не стоит уводить за рамки VI века. На удрежняющую дату может указывать более ранняя позиция отдельных типов вещей, по которым существуют типологические разработки. Так, седельные накладки-ленчики подтреугольной формы с пуансонным орнаментом, найденные в Солончанском кургане, а также у озера Борового, являются, по типологии И. П. Засецкой, наиболее ранним типом и датируются V веком [Засецкая, 1994. Рис. 10]. Сегментовидные рифленые пряжки аналогичные боровским по схеме И. А. Бажана и С. Ю. Каргапольцева относятся к X типу и датируются V–VI вв. [Бажан, Каргапольцев, 1989. С. 30. Рис. 1, 35–39; С. 33. Рис. 3].

Ряд аналогий и ссылок на отдельные типы предметов можно было бы увеличить. Однако, как уже упоминалось выше, время существования отдельного предмета не всегда может быть экстраполировано на весь комплекс. Исключением здесь, вероятно, будут предметы, представляющие собой этноисторические маркеры, которые своим присутствием в комплексах очерчивают либо нижнюю, либо верхнюю временную границу сооружения последних. Маркерами можно считать и сосуды-кружки котловидной или кубковидной формы, изображенные на раннетюркских каменных изваяниях Южной Сибири и Семиречья. Благодаря их специфической форме они довольно четко идентифицировались отдельными исследователями [Грач В. А., 1961. С. 66–67; Кубарев, 1984. С. 32. Рис. 6, 1–4, 7] с серебряными и золотыми сосудами из жертвенно-поминальных и погребальных памятников VI–VII вв. тюркских кочевников на Алтае, в Туве (Курай IV, курган 1; Тузта, курган 3; Юстыд, погребение 1; Монгун-Тайга-58-IV), Хакаско-Минусинской котловине (Георгиевская гора, Копенский, Чаатас, Минусинск) [Гаврилова, 1966. Табл. XXXI, 40, 41; Кубарев, 1979. С. 143. Рис. 9; 1984. С. 32. Рис. 6, 2, 3, 9–11; Кызласов, 1977. Рис. 28, 15, 24; 29; 33, 15, 16, 34]. Среди предметов названного круга существуют также керамические и деревянные прототипы сосудов-кружек. Формы их варьируют от приземистых до вытянутых кувшинообразных, различны и способы фиксации пальца на ручке (зубец, специальный выступ или петелька). Тем не менее, очевидно, что такие сосуды являлись важнейшим аксессуаром именно тюркоязычных кочевников и, вероятно, не будет ошибкой квалифицировать их как этномаркирующий материал. Следовательно, по наличию сосуда подобной формы среди вещей боровского погребения определяется нижняя временная граница его появления — не ранее VI века, что соответствует общеизвестным историческим данным.

Немногочисленные металлические предметы, найденные в памятниках поздне-селенташского типа, могут датировать некоторые из этих комплексов, скорее всего, концом VIII–IX вв. Набор предметов из кургана Елантау очень близок вещевым комплексам Хазарии [Магомедов, 1983. С. 71. Рис. 19, 18; С. 74. Рис. 21, 2; 24, 12; 30; Плетнева, 1989. С. 85. Рис. 40]. Бисерцевидная накладка и подобный тип колчаных петель имеют аналогии среди уйгурских материалов VIII–IX вв. могильника Чааты II [Кызласов, 1979. С. 189, 190. Рис. 145, 1; Рис. 146, 5]. Железные пряжки с перехватом в средней части (Крутой Овраг, курган 4) встречаются в большом количестве в погребениях IX – начала XI вв. могильника Саркел-Белая Вежа [Плетнева, 1990. С. 63. Рис. 16, 10; 19, 10; 22, 6; 24, 13; 25, 2], а также в ранних памятниках X–XI вв. аскизской культуры [Кызласов И. Л., 1983. С. 101. Табл. XIII, 35–40].

Особой этномаркирующей категорией вещевого инвентаря является ритуальный серебряный сосудик (кружка) с зубчатой ручкой, обнаруженный у озера Боровое (рис. 93, 110). Этот тип ритуальной посуды распространен очень широко в погребальных, жертвенно-поминальных комплексах Саяно-Алтая и Монголии, а также изображен на каменных изваяниях и фресках в руках у древних тюрков [Киселев, 1951. Табл. LII, 4–7; Кубарев, 1984. С. 57; 1987. С. 251; 1995. Рис. 5, 2; Кубарев, Баер, 2002. Рис. 5, 10, 5–7; 13; Савинов, 1994. Рис. 109; Сунь Цзы, 1994; Ци Дунфан, Чжан Цзин, 1994].

Особым этномаркирующим элементом в памятниках рассматриваемого круга является керамика. Коллекция керамической посуды из курганов с «усами» и комплексов селенташского типа Казахстана и Южного Урала насчитывает 57 сосудов, их частей и отдельных фрагментов. Все они делятся на 10 относительно условных типологических групп (ТГ). Характерной особенностью керамики из рассматриваемых комплексов является довольно грубый метод ее изготовления, неравномерный обжиг, рыхлое тесто, использование в качестве примеси крупного песка и дресвы. Выделяется также неоднородная цветовая гамма этих горшков: светло-корич-

невая, красноватая, бурая, черная. Данные особенности не распространяются на сосуды кувшинообразной формы, которые изготовлены из плотного теста с примесью мелкого песка и имеют более однородный цветовой облик.

Первую типологическую группу (ТГ 1) образуют большие кувшинообразные лепные горшки с сильно раздутым (Кызыл-Жар, курганы 1 и 3; Городищенское IX; Шедерты, курган 2) (рис. 95, 1–4) или со сравнительно плавно профилированным туловом (Сарбулат, южный курган; Александровские, курган 2) (рис. 95, 5, 6). Они имеют слегка отогнутую невысокую шейку, сужающуюся к горловине, прямо или округло срезанный венчик. В одном случае (Шедерты) венчик имеет косую нарезку, в другом — защипы (Кызыл-Жар, курган 1). Большие кувшинообразные горшки появляются на Южном Урале, в Казахстане и среднеазиатских оазисах в конце III века до н. э. в подбойно-катакомбных комплексах условно называемого льяндакского типа (III–I вв. до н. э.) [Боталов, 2003б. Рис. 2, 9, 76, 83, 85; 3, 10, 48, 66, 67, 104, 109, 114]. Появление этих комплексов в урало-казахстанских степях нами связывается с притоком новой юэчжийской волны из Центральной Азии [Боталов, 2003а. С. 33–34; Таиров, 2005. С. 47–49; Любчанский, 2000. С. 29]. Эта миграция, скорее всего, связана с возникновением империи Модэ и вытеснением юэчжей из пределов Северного Китая и Восточного Туркестана. В этой связи неслучайными является тот факт, что очень схожие большие хумообразные сосуды были обнаружены в хуннских комплексах II–I вв. до н. э. Северного Китая и Забайкалья [Боталов, 2003. Рис. 5, 12–14, 29–32, 49; 6, 15, 16, 54, 55, 79, 81].

В первых веках новой эры этот тип сосудов встречается в склепно-катакомбных комплексах Северного Китая и в гаочанских могильниках Синьцзяна (эпоха Хань-Тан) [Лю Фути, 1958; Шеньси Шаосян, 1987. Р. 2, 8, 1, 2, 10, 12. Стр. 16; Шень Си Лон сянь..., 1999. Стр. 9], а также в памятниках кенкольский, каунчинской, джунской и арысской культур II–VI вв. н.э. [Заднепровский, 1992; 1992а; 1992б; 1992в. Табл. 34, 54; 35, 18–20, 58; 39, 28, 29, 68; Подушкин, 1970. Табл. I, 16, 17; 2000. С. 43, 88, 105, 145–148; Сорокин, 1954. Рис. 6, 1, 14, 15; 4, 7, 8; Максимова, Мершиева, Вайнберг, Левина, 1968. Табл. XXIX, 6, 7; XXX, 1, 2]. Похожие сосуды, но с более плавной профилировкой плеча и тулова, обнаружены также в погребениях кокзальских некрополей, датируемых не ранее V в. н. э. [Das Graberfeld..., 1984. Abb. 22, L 1; 23, C. 1; 24, D, 2, E, 3; 28, J, 8; 29, F, 10; 30, A, 1].

В урало-казахстанских степях эта форма керамики также встречена среди сосудов, обнаруженных в гунно-сарматских курганах II–IV вв. [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 11, 9, 13; 18, 45; 29, 24; 39, 16–19]. Примерно в этот же период подобные сосуды появляются в усуньских памятниках I–III вв. н.э. (Кызыл-Кайнар курган 16) [Максимова, 1972. Стр. 135–136. Рис. 4, 1, 2;]. Несколько позже большие горшки с раздутым туловом и невысокой отогнутой шейкой, с косыми насечками по венчику появляются среди материалов Дежневского, Ново-Турбаслинского и Кушнаренковского могильников V–VII вв. турбаслинской культуры башкирского Приуралья [Мажитов, 1977. Табл. V, 13–15; VI, 7, 17; VII, 11, 13, 16, 17, 19, 20; Сунгатов, 1998. Рис. 2]. Из всего вышесказанного следует, что данная группа сосудов, несмотря на свое изначальное центральноазиатское происхождение, была довольно широко распространена среди населения урало-казахстанских степей и среднеазиатских оазисов в первой половине I тыс. н. э.

Вторая типологическая группа (ТГ 2) включает в себя шесть сосудов с особой конструктивной деталью в виде воротничка с внутренней (Новоактюбинский I; Ельшибек; Кара-Бие, курган 1; Зевакино, курган 3; «37 воинов», курган 4; Бугулы, курган 13) (рис. 95, 7–12) или внешней (Кара-Бие, курган 15) (рис. 95, 13) стороны нижней части венчика, в месте перехода короткого венчика в шейку. Это горшки средних размеров, со слабо раздутым, плавно профилированным и вытянутым по

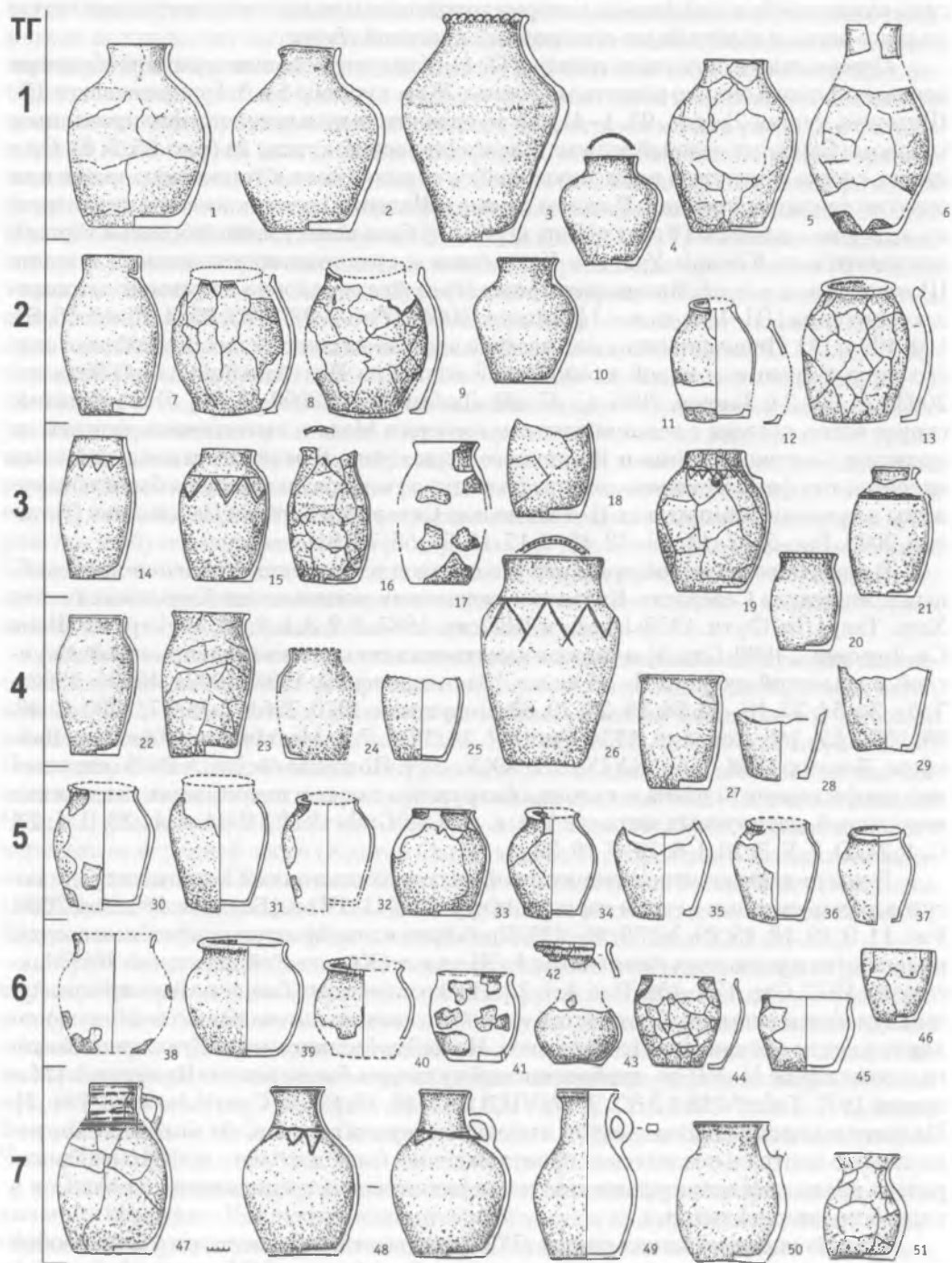

Рис. 95. Типологические группы (ТГ 1–7) керамики из курганов с «усаами» и памятников селенташского типа урало-казахстанских степей. Fig. 95. Typological groups (TG 1–7) of ceramics from barrows with «ridges» and Selentash-type monuments from Ural-Kazakhstan steppes

Рис. 95. Типологические группы (ТГ 1–7) керамики из курганов с «усами» и памятников селенташского типа урало-казахстанских степей. Fig. 95. Typological groups (TG 1–7) of ceramics from barrows with «ridges» and Selentash-type monuments from Ural-Kazakhstan steppes.

1 – Кызыл-Жар, курган 1; 2 – Городищенский IX; 3 – Кызыл-Жар, курган 3; 4 – Шедерты, курган 2; 5 – Сарбулат I, южный курган; 6 – Александровские, курган 2; 7 – Новоактубинский I; 8 – Ельшибек; 9 – Кара-Бие, курган 1; 10 – Зевакино, курган 3; 11 – комплекс «37 воинов», курган 4; 12 – Бугулы, курган 13; 13 – Кара-Бие, курган 15; 14 – Зевакино, курган 2; 15 – Кызылтас, курган 2; 16 – Суходол; 17 – Каинсай, к-н 14; 18 – Александровские, к-н 1; 19 – Измайловский, ограда 9; 20 – Оленина Отнога; 21 – Кызылтас II, малый курган погребального комплекса 1; 22 – Султантимировский I; 23 – Александровские, курган 1; 24 – Тасмола I, курган 19; 25 – Ижевский-2, курган 1; 26 – Селенташ, курган 5; 27 – Крутой Овраг, курган 3; 28, 30–32, 34, 35 – Центральный Казахстан (местонахождение не определено); 29 – Сангуыр II, курган 3; 33 – Сарбулат I, северный курган; 36 – Канаттас, курган 19 (?); 37 – Ботакара, курган 55 (?); 38 – Сангуыр II, курган 1; 39, 40 – Егиз-Койтас, курган 5 (?); 41 – Елизаветпольский; 42 – Ак-Кайракты, курган 8; 43 – Кызылтас, курган 1; 44 – Сангуыр II, курган 2; 45 – Ижевский-2, курган 2; 46 – Крутой Овраг, курган 2; 47 – Солончанка IX; 48 – Солончанка I; 49 – Беркутты; 50 – Селенташ, курган 4; 51 – Новокондровский I

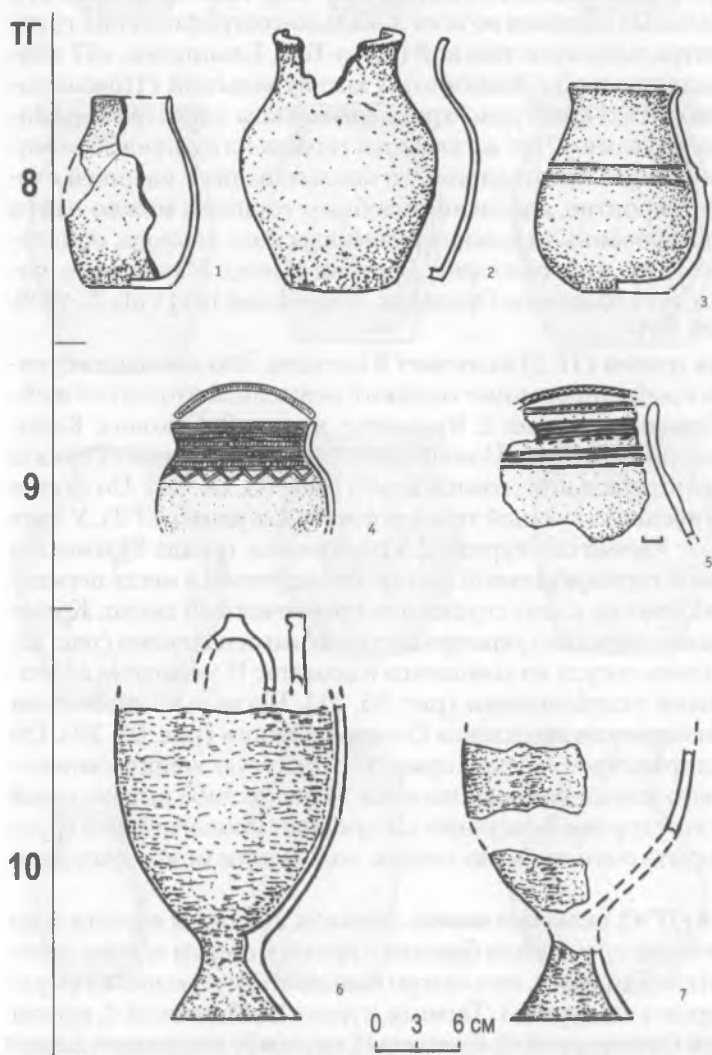

Рис. 96. Типологические группы (ТГ 8–10) керамики из курганов с «усами» и памятников селенташского типа урало-казахстанских степей. Fig. 96. Typological groups (TG 8–10) of ceramics from barrows with «ridges» and Selentash-type monuments from Ural-Kazakhstan steppes.

1 – Восточно-Куралинский II, курган 2; 2 – Тасмола I, курган 19; 3 – Султантимировский I; 4 – Каинсай, курган 14; 5 – Селенташ, курган 4; 6 – Кызылтас, курган 1; 7 – Зевакино, курган 2

вертикали туловом, широким днищем и сравнительно широкой горловиной, короткой шейкой и низким прямоскошенным венчиком. Исключением в этой группе является сосуд из могильника Зевакино (рис. 95, 10). У него раздутое тулово, высокая отогнутая шейка, на венчике которой орнамент в виде косой нарезки. Внешне он более соответствует сосудам ТГ 1, являясь прямой аналогией горшку из комплекса Шедерты (рис. 95, 4). Однако характерный внутренний воротничок в месте перехода от шейки к плечу позволяет поместить этот сосуд на некий промежуточный уровень между типологическими группами ТГ 1 и ТГ 2.

На сегодняшний день нам не удалось отыскать аналогии данной группе посуды. С определенной осторожностью в качестве аналогии можно привести плавно профилированный горшок с наплывным воротничком между шейкой и плечом и насечками-защипами на венчике из раннеболгарского погребения VI–VII вв. Наташино, курган 17, погребение 1 [Рашо Рашев, 2004. С. 83, 105–106. Табл. 31, 4] (рис. 97). Наличие подобных оригинальных горшков во всех локально-географических группах курганов с «усами»: центральноказахстанской (Кара-Бие, Ельпибек, «37 воинов», Бугулы), восточноказахстанской (Зевакино) и южноуральской (Новоактюбинский I) — позволяет говорить о культурно-хронологическом единстве керамического комплекса курганов с «усами». Что же касается горшка из кургана 55 комплекса Батакара, имеющего плавную профилировку и наплыв-валик с внешней стороны чуть ниже венчика, то, вероятно, аналогии подобным горшкам можно найти среди лепных плавнопрофилированных горшков раннеаварского периода, обнаруженных в памятниках VI–VII вв. на территории Венгрии (Сегед Макошердо, погребение 199; Мор-Акстодом, погребение 2а; Орозлани, погребение 10) [Vida T., 1999. Taf. 50, 4; 70, 2; 79, 6] (рис. 98; 99).

Третья типологическая группа (ТГ 3) включает 8 сосудов. Это высокие вертикально вытянутые и плавно профилированные горшки с невысокой отогнутой шейкой и прямым венчиком (Зевакино, курган 2; Кызылтас, курган 2; Суходол; Кайнсай, курган 14; Александровский, курган 1; Измайловка, ограда 9; Оленина Отнога; Кызылтас II, малый курган погребального комплекса 1) (рис. 95, 14–21). По форме тулова они близки сосудам, предшествующей типологической группы (ТГ 2). У трех сосудов (Зевакино, курган 2; Кызылтас, курган 2; Измайловка, ограда 9) имеется орнамент в виде прочерченной горизонтальной линии, проведенной в месте перехода от шейки к плечу, от которой вниз по плечу спускается прочерченный зигзаг. Кроме того, сосуд из Измайловки дополнительно украшен сосцевидными налепами (рис. 95, 14, 15, 19). Верхняя часть тулова сосуда из комплекса Кызылтас II украшена лепным валиком с ромбовидными углублениями (рис. 95, 21). Несколько особняком стоит горшок небольших размеров из комплекса Оленина Отнога (рис. 95, 20). Он также имеет плавнопрофилированное тулово, прямую отогнутую шейку, скошенный венчик, по верху которого нанесены косые насечки. Однако слабо выраженный плечевой переход сближает этот горшок с сосудами следующей типологической группы ТГ 4, что позволяет говорить о его промежуточном положении между сосудами групп ТГ 3 и ТГ 4.

Типологическая группа 4 (ТГ 4), включает восемь горшков, имеющих вертикально вытянутые пропорции, наклонные прямые или близкие к прямым стенки тулова, оконтурированный плечевой переход (слабое ребро), невысокую плавно отогнутую шейку (Султантимировский I; Александровский, курган 1; Тасмола, курган 19; Ижевский-2, курган 1; Селенташ, курган 5; Крутой Овраг, курган 3; Сангуыр II, курган 3) и один сосуд, местонахождение которого не определено (рис. 95, 22–29). Особняком стоит сосуд больших размеров из кургана 5 могильника Селенташ (рис. 95, 26). Он имеет хорошо выраженное ребро в месте перехода шейки в плечо, где расположен резной орнамент в виде горизонтали, от которой вниз спускается прочерченный зигзаг.

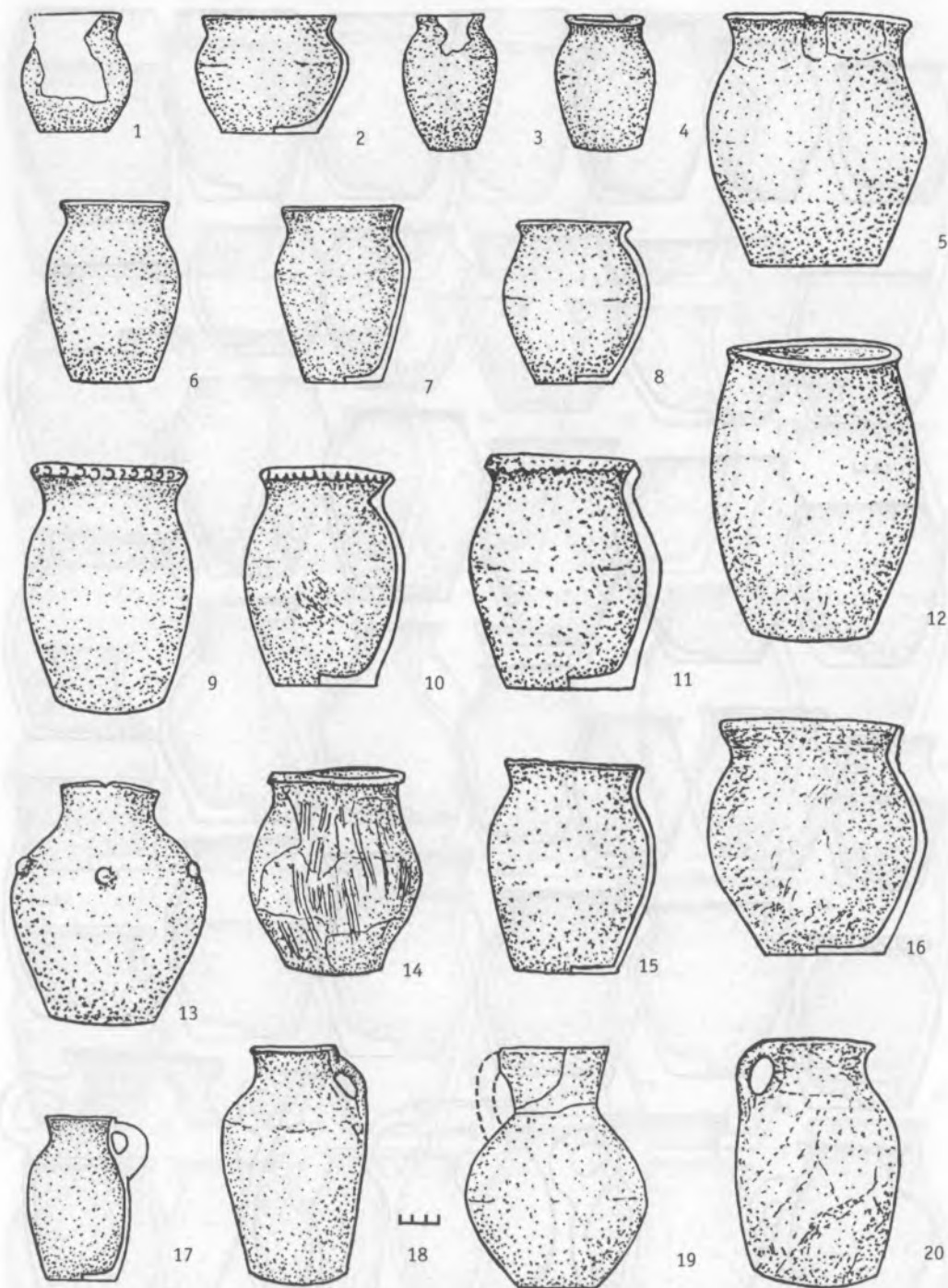

Рис. 97. Керамика из праболгарских памятников Восточной Европы (по: [Рашо Рашев, 2004]).

Fig. 97. The ceramics from pra-Bulgarian monuments of East Europe (according to: [Rasho Rashev, 2004]).

1, 3 – Пастырское городище; 2 – Сриловка; 4 – Рисовое, могила 2; 5 – Черноморское; 6 – Аккермен; 7 – Пенковский; 8 – Покровск, курган 2; 9 – Христофоровка, могила 7; 10 – Наташино; 11 – Богачевка, могила 9; 12 – Ленинск; 13 – Ровное, курган 42; 14 – Великий Токмак; 15 – Богачевка, могила 8; 16 – Айвазовское 3; 17 – Новая Одесса; 18 – Бережновка I; 19 – Покровск, курган 36, погребение 2; 20 – Бережновка II

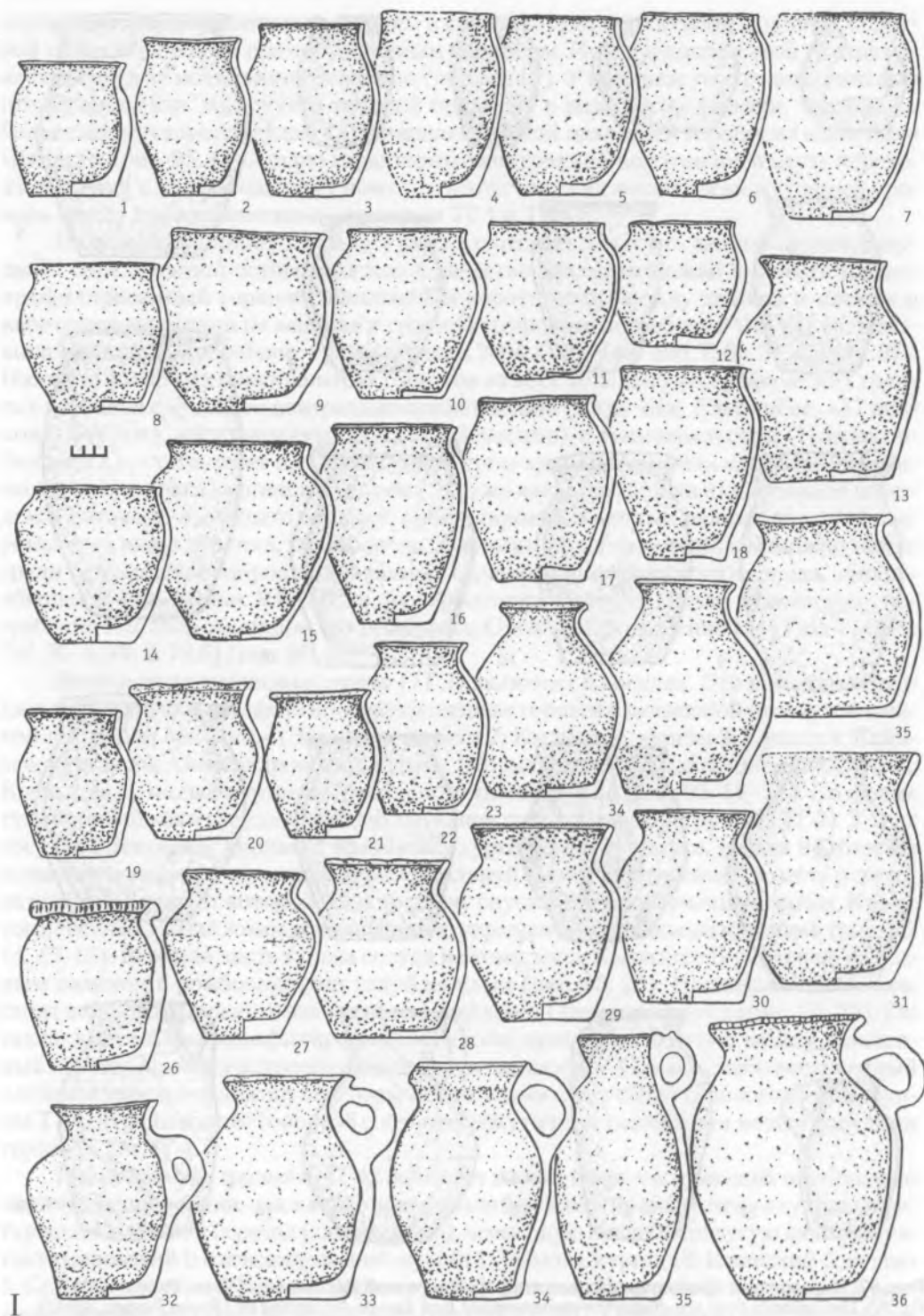
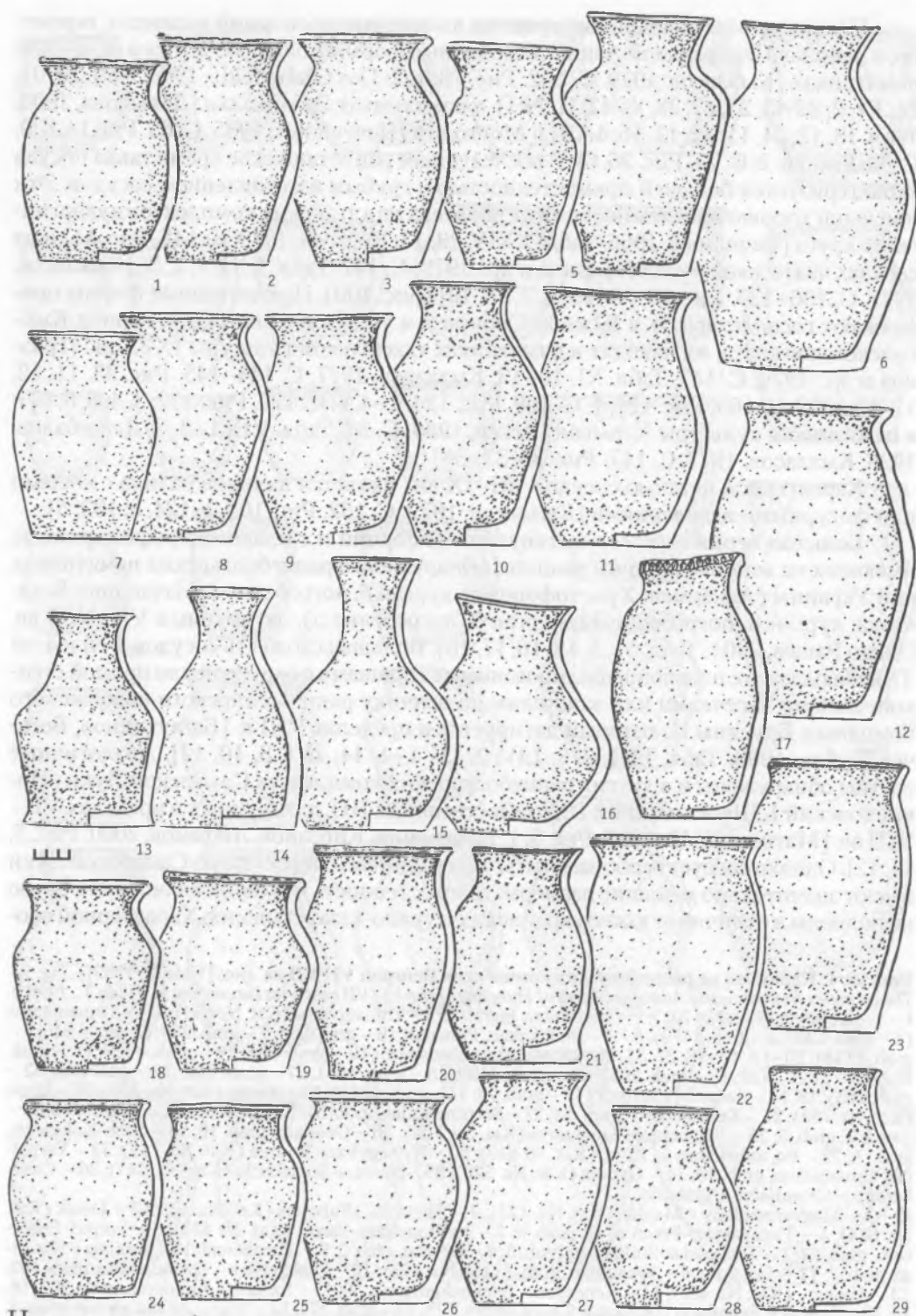

Рис. 98. Керамика из раннеаварских комплексов Венгрии VI–VII вв. (по: [Vida T., 1999]).

Fig. 98. The ceramics from the early Avar complexes of Hungary of the VI–VII centuries (according to: [Vida T., 1999]).

Плавной профилированная керамика вытянутых пропорций возникла, вероятно, в районах Центральной Азии, где подобные формы появляются уже в сюннских памятниках [Кызласов, 1979. С. 102. Рис. 78, 1, 2; Das Graberfeld., 1984. Abb. 20, 91; 21, E1, 2; 22 d5; 25, c2; 28, j8; 42, H. №1], в памятниках Забайкалья [Давыдова, 1996. Табл. 18, 12; 34, 11; 42, 12, 16; 44, 9] и Монголии [Цэвэндорж, 1985. С. 65. Рис. 14, 8, 9; С. 69. Рис. 20, 2; С. 74. Рис. 26, 6]. В последующее раннетюркское время такая посуда характеризуется большей прямостенностью и грубым изготовлением сосудов. Эти признаки хорошо прослеживаются на образцах из алтайских комплексов кудэргинского круга [Гаврилова, 1966. Табл. XXIV, 13, 14; Кубарев, 1979. С. 145. Рис. 11] и на сосудах чаатасской эпохи [Грязнов и др., 1979. С. 147. Табл. XXI, 1, 2, 56; Кызласов, 1977. С. 136–137. Рис. 28, 23–25, 6, 7, 18, 19] (рис. 100). Прямостенные формы продолжают господствовать в Южной Сибири и в уйгурскую эпоху, и в период Кыргызского каганата, их находят в памятниках тюркской культуры IX–X вв. [Грязнов и др., 1979. С. 147, Табл. XI, 10–13; Кызласов, 1977. С. 144–145. Рис. 33, 11, 12, 17, 19; 1979. С. 165. Рис. 121, 1. С. 169. Рис. 124, 1–4, 6; С. 176, Рис. 132, 3, 4, 6, 8, 9] и в памятниках культуры Курыкан [Асеев, 1980. С. 38. Табл. VII, 1–3, 8; Дашибалов, 1996; Кызласов, 1977. С. 147. Рис. 35, 33–36].

Характерной деталью сосудов VII–IX вв./ является наличие валика с косыми или фигурными вдавлениями [Кызласов, 1979. С. 152. Рис. 108, 1; 124, 8; 132, 5].

Большая серия горшков вытянутых пропорций и с плавной профилировкой, имеющих на венчике нарезки-защипы, обнаружена в раннеболгарских памятниках юга Украины (Аккермен; Христофоровка, курган 8, погребение 1; Наташино; Богачевка, курган 8, погребение 12; курган 9, погребение 5), датируемых VII–VIII вв. [Рапо Рашев, 2004. Табл. 57, 5, 12, 16, 17, 18]. Большая схожесть сосудов 3-ей и 4-ой ТГ наблюдается с плавнопрофилированными горшками с округлой или прямой стенкой, косыми насечками или защипами по венчику раннеболгарского поволжского комплекса Брусаяны II, который датируется в пределах VIII в. [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Табл. LIII, 2, 9, LIV, 2; LV, 1–4, 14; LVI, 8, 10, 12]. Аналогичные сосуды обнаружены и в других раннеболгарских комплексах Самарской Луки (Новинковский I, Шелехметский II, Рождественский III), датируемых в пределах VII–VIII вв. [Матвеева Г. И., 1995. Рис. 5, 1, 2; Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000. Рис. 5, 11, 12]. Однако следует особо заметить, что сравниваемые сосуды из Самарской Луки имеют значительно меньшие размеры, толстостенность и сравнительно более грубо выполнены в отличие от южноукраинских и урало-казахстанских. Характерной осо-

Рис. 98. I. Керамика из раннесаварских комплексов Венгрии VI–VII вв. (по: [Vida T., 1999]). *Fig. 98. The ceramics from the early Avar complexes of Hungary of the VI–VII centuries (according to: [Vida T., 1999]).*
I – 1 – Kulsovat (Kat. Nz. 701); 2 – Kiszombor F. grab. 2; 3 – Dunaujvaros (Kat. Nz. 859); 4, 5 – Dunaujvaros (4 – grab. 1267; 5 – grab. 1479); 6 – 9 – Budakalasz. Punapart (6 – grab. 914; 7 – grab. 269; 8 – grab. 840; 9 – grab. 1154); 10–12, 15–18, 27, 31, 32 – Budakalasz-Dunapart (10 – grab. 821; 11 – grab. 1429; 12 – grab. 867; 15 – grab. 1420; 16 – grab. 1022; 17 – grab. 1199; 18 – grab. 1431; 27 – grab. 160; 31 – grab. 305; 32 – grab. 765); 13, 14 – Szeged-Feherto A (13 – grab. 73; 14 – grab. 1212); 19 – Abony (Kat. Nz. 557); 20 – Uron (Kat. Nz. 789); 21 – Kuazombor F. grab. 14; 22 – Szentes-Kajan, grab. 37; 23 – Kiskoros-Cede, grab. 16; 24 – Deszk T, grab. 5; 25 – Salgotarjan-Szenbanya (Kat. Nz. 735); 26 – Oroszlany, grab. 10; 28 – Szob-Kokezeszt, grab. A; 29 – Fo, unbekanny in Kom. (Kat. Nz. 810); 30 – Nyiregyhaza-Tejuzen (Kat. Nz. 719); 33 – Varpalota-Gumnazium, grab. 10; 34 – Gyoma (Kat. Nz. 529); 35 – Szentes-Szentlaszlo (Kat. Nz. 541); 36 – Csakbereny – Orondpuszta, grab 35a.
II – 1 – Magyarmajdan / Majdan (Kat. Nz. 427); 2 – Szabadka / Subotica (Kat. Nz. 435); 3 – Deszk (Kat. Nz. 644); 4 – Tiszavasvari-Petofi u. 49, grab. 9; 5 – NyFrageyhaza-Vazosi (Kat. Nz. 431); 6 – Szeged-Feherto A, grab. 24; 7 – Tiszaeszlaz-Sinkahegy, grab. 3; 8 – Deszkg, grab. 2; 9 – Tiszabercel; 10 – Kanizsa / Kanijiza, grab. 7; 11 – Tiszabercel – Vekagdulo, grab. 1 (kat. Nz. 463); 12 – Csakbezeny – Ozondpuszta, grab. 192; 13 – Abony – (Kat. Nz. 485); 14 – Kendeze – Telekhalom, grab. 30; 15 – Szeged – Kundomb, grab. 307; 16, 19, 23 – Szeged – Feherto A (16 – grab. 32; 19 – grab. 128; 23 – grab. 17); 17 – Mor – Akasztodomb, grab. 2; 18 – Hodmezovasarhely – Martely (Kat. Nz. 665); 20 – Fo unbekannt (Kat. Nz. 816); 21 – Szeged – Feherto, grab. 22; 22 – Szentes – Berekhath, grab. 95; 24 – Perlasz / Pertez (Kat. Nz. 725); 25 – Ketegyhaza – Lotaz (Kat. Nz. 670); 26 – Deszkd, grab. 170; 27 – Ferencszallas, grab. 4; 28 – Mezohegyes (Kat. Nz. 704); 29 – Founbekannt (kat. Nz. 814)

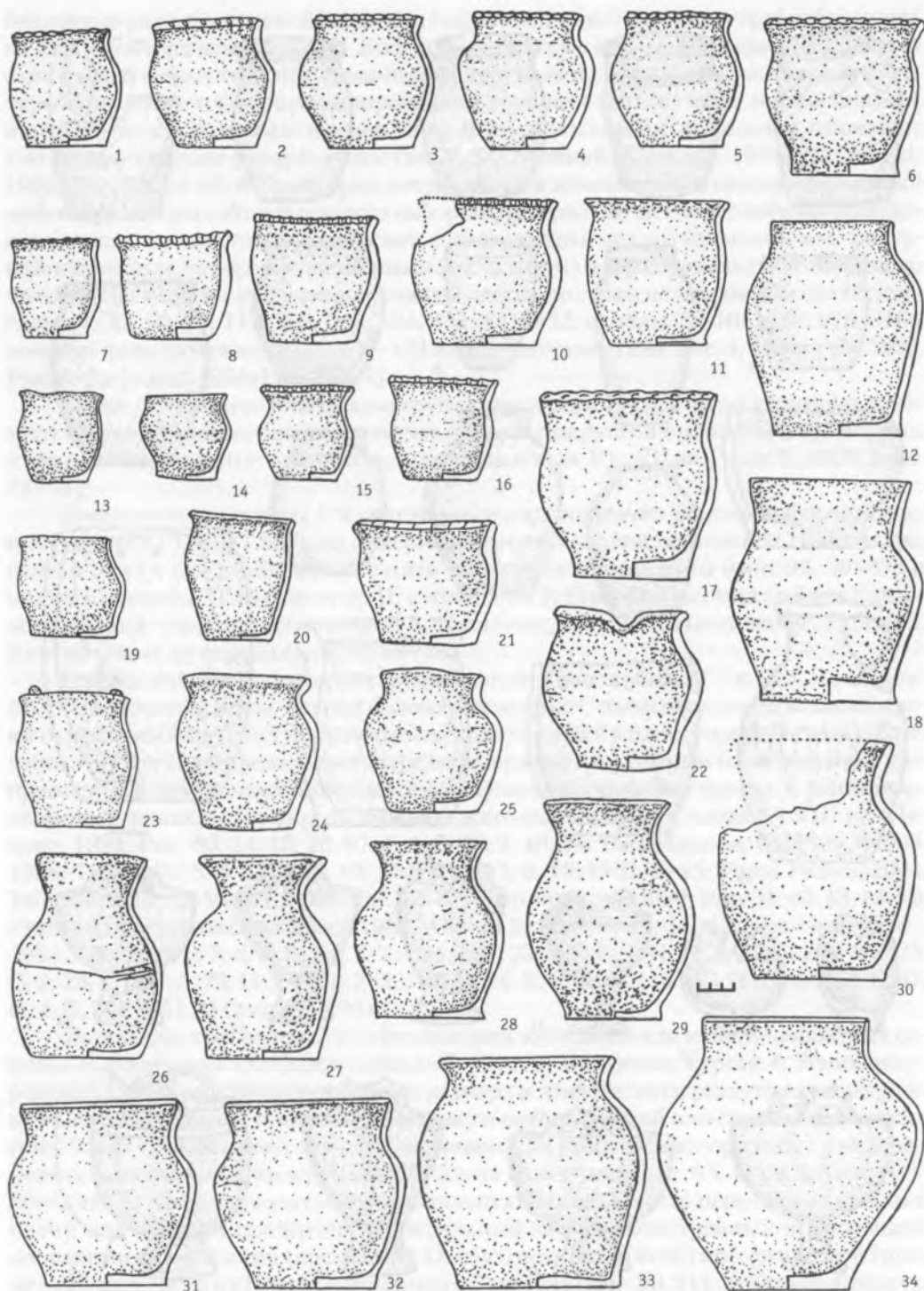

Рис. 99. Керамика из раннеболгарских памятников Среднего Поволжья VII–VIII вв. (по: [Багаутдинов, Богачев, Zubov, 1998]). Fig. 99. The ceramics from the early Bulgarian monuments of Middle Povolzhye of the VII–VIII centuries (according to: [Bagautdinov, Bogachev, Zubov, 1998]).

1, 3–12, 15–18, 20, 22, 26, 29–34 – Брусяны II; 2, 13, 14, 19, 21, 23–25 – Малорязанский; 27, 28 – Брусяны IV

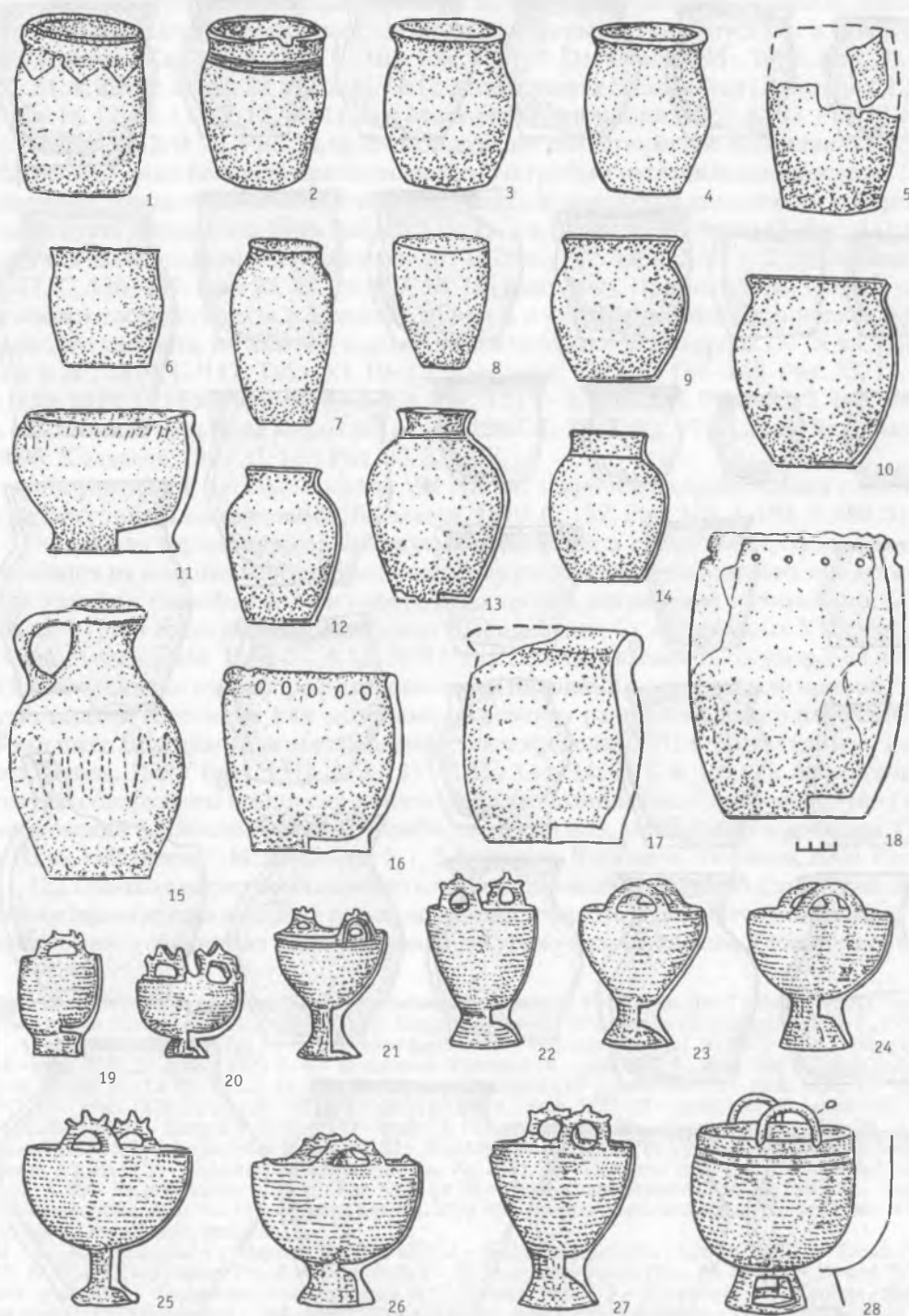

Рис. 100. Керамические сосуды и котлы из памятников Саяно-Алтая V–VIII вв. (по: [Овчинникова, 1990; Das Graberfeld..., 1984; Fruhmittelalterliche..., 1982]). Fig. 100. The ceramic vessels and cauldrons from the Sayan-Altay monuments of the V–VIII centuries (according to: [Ovchinnikova, 1990; Das Graberfeld..., 1984; Fruhmittelalterliche..., 1982]).

1, 15 – Джаргаланты II; 2–4 – Кара-Кол; 5, 6 – Монгун-Тайга 57; 7 – Капчалы II; 8 – Таштык; 9, 10, 12–14 – Кенколь; 11, 16 – Кудыргэ; 17, 18 – Курай III; 19–28 – Кокэль

бенностью раннеболгарской керамики также является большая раструбообразность шейки и венчика этих горшков. Большую схожесть с сосудами из урало-казахстанских степей имеют образцы керамики из курганов и склепов джетыасарской культуры. Подобные плавнопрофилированные горшки с вытянутыми пропорциями с насечками и зачипами по венчику и сосцевидными налечами образуют 1-ю группу сосудов ручной лепки (по Л. М. Левиной) [Левина, 1994. Рис. 86–91; 1996. Рис. 63, 64, 66, 67;], которые встречаются в комплексах, в сопроводительный инвентарь которых входят поясные наборы предгеральдического (с массивными сегментовидными округлыми пряжками с подвижными прямоугольными или фигурными щитками, четырехлепестковыми накладками) и геральдического типов, калачиковидные серьги с утолщенной нижней частью, колты в полихромном стиле (курганы 11, 37, 60, 72, 117, 303, 313, 394, 421, 441, 452; склепы 21, 107, 180, 276, 316), которые датируются в пределах V–VII вв. [Гавритухин, 1996. Рис. 4, 5; Богачев, 1996. Рис. 8; Засецкая, 1994. Рис. 25, 27].

Также целую типологическую группу рассматриваемых форм керамики образуют плавнопрофилированные лепные горшки с округлой стенкой и выраженным плечом, обнаруженные в раннеаварских комплексах VI–VII вв. [Vida T., 1999. Табл. 44–56].

Типологические группы 5, 6 включают сосуды горшечно-баночной формы средних размеров (ТГ 5) (Сарбулат, северный курган; Канаттас, курган 19 (?); Ботакара, курган 55 (?); (местонахождение пяти сосудов не определено) (рис. 95, 30–37) и малых размеров (ТГ 6) (Сангуыр II, курганы 1 и 2; Егиз-Койтас, курган 5 (?); Елизаветпольский; Ак-Кайракты, курган 8; Кызылтас, курган 1; Ижевский-2, курган 2, Крутой Овраг, курган 2) (рис. 95, 38–46).

Горшки этих типологических групп очень близки сосудам ТГ 3 и ТГ 4. Их особенность заключается в том, что они более приземисты. Стенки этих сосудов также имеют округлую или ребристую (в месте перехода от шейки к плечу) профилировку. Близость этих групп в определенной мере подтверждается едиными параллелями в уже приводимых комплексах джетыасарской культуры, раннеболгарских и раннеаварских памятниках, а также средневековых комплексов Саяна и Алтая V–VIII вв. [Левина, 1994. Рис. 86, 14, 15, 20; 87, 1, 1, 5; 90, 2, 13, 14; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Табл. LIV, 3, 4; LV, 1–4, 10, 11; LVI, 1–3, 9, 10; LVII, 8–15; Рапо Рапеев, 2004. Табл. 57, 9, 11, 15; Vida T., 1999. Taf. 82–87, Овчинникова, 1990. Рис. 31, 12, 13, 14, 16; Fruh-und hochmittelalterliche..., 1982. Abb. 3, 2; 11, 7, 8; 26, 11–13; Das Graberfeld..., 1984. Abb. 20, B 2, 3; d, 3; E, 2, g, 1; 2; C, 1, E, 1; 22, d, 5; K, 1, N, M, 1; 23, B, 2, g, 1, 3; 25, C, 2; 28, a, 1; H, 3; 29, H, 9; 30, g, 3; 32, B, 2; C, 1, E, 8; 33, d, 1; 38, C, 1, E; 44, K, 2, E; 47, C, 4, E, 2, J, 3; 51, J] (рис. 97–100).

Типологическую группу 7 составляют пять кувшинов или кувшинообразных сосудов (Солончанка IX; Солончанка I; Беркутты; Селенташ, курган 4; Новокоңдуровский I). Все они примерно одного размера и имеют слегка раздутое тулово, ручку в месте перехода от плеча к верхней части шейки, прямой или скошенный венчик (рис. 95, 47–51). В одном случае (Солончанка IX) сосуд имеет орнамент в виде канелюр, заполняющих пространство от плеча до венчика (рис. 95, 47), в другом (Солончанка I) – прочерченную горизонтальную линию в месте перехода от шейки к плечу, под которой прочерчен неправильный зигзаг, ооконтуренный штриховыми короткими вдавлениями (рис. 95, 48). Особую позицию в этой типологической группе занимает сосуд из Новокоңдуровского I кургана (рис. 95, 51). Кувшинообразную форму придает ему узкая горловина и раструбообразная верхняя часть шейки и венчика. Эта особенность, как уже указывалось выше, является характерной деталью для некоторых типов керамики из раннеболгарских комплексов Юго-Восточной Европы и Самарской Луки VI–VII вв. [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998.

Табл. LII, 2, 3; LV, 96 12; LVI, 13; Рашо Рашев, 2004. Табл. 57, 14, 16], раннеаварских паятников Альфельда [Vida T., 1999. Taf. 52; 53, 3, 4; 54, 2; 55–58] (рис. 97–99). Кувшин из комплекса Солончанка IX является довольно распространенной формой в урало-казахстанских степях с гунно-сарматского периода. Аналогичные кувшины, но меньших размеров, были найдены в кургане 19 могильника Большекараганский, кургане 33 могильника Восточно-Курайлинский I, кургане 1 могильника Малково, кургане 80 могильника Целинный I, относящихся к II–IV вв. [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 7, 3; 15, 1; 37, 3; 31, 6].

В более поздний период кувшины с желобчатой орнаментацией по горлу обнаружены в джетыясарских комплексах V–VIII вв. [Левина, 1994. Рис. 99, 13; 1996. Рис. 73]. Схожий кувшин с желобками в нижней части шейки, но с защипами по венчику и оформленным сливом, обнаружен в кургане 5 могильника Каменный Амбар 5, синхронным, судя по полной аналогии погребального обряда, соседнему кургану, в котором обнаружены две пряжки, датировка которых укладывается в V–VI вв. [Костюков, 1995. Рис. 2, 2, 3].

Небольшую типологическую группу (ТГ 8) образуют четыре кринкообразных и грушевидных сосуда (Восточно-Курайлинский, курган 2; Тасмола, курганы 6, 19; Султантимировский) (рис. 96, 1–3). Сосудик из кургана Султантимировский имеет два заостренных валика, расположенных в верхней части плеча. Данная форма так же довольно часто встречается среди маленьких сосудов гунно-сарматского и джетыясарского круга [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 14, 8; 23, 8, 15; Левина, 1994. Рис. 119, 9, 12, 13; 1996. Рис. 7].

Особую типологическую группу (ТГ 9) составляют фрагменты от двух кушнаренковских сосудов из кургана Селенташ (курган 4) и кургана с «усами» Кайнсай (курган 14) (рис. 96, 45). Судя по фрагменту из селенташского кургана, он относится к позднекушнаренковской посуде, подобно той, которая была обнаружена в Танкеевском могильнике, и датируется VIII–X вв. [Казаков, 1981. С. 129. Рис. 8, 3, 4]. Сосуд из кургана Кайнсай относится к более ранним образцам и по аналогии с керамикой из Старохаилиловских и Лагереvских курганов может датироваться в рамках VII–VIII вв. [Мажитов, 1977. С. 225. Табл. XIX; Степи Евразии..., 1981. С. 27. Рис. 56, 55–57].

Среди образцов керамики из курганов с «усами» особое место занимают обломки от двух керамических котлов из кургана 1 Кызылтас и кургана 2 Зевакинского могильника. Котлы кубковидной формы, имеют довольно высокую воронкообразную подножку, яйцевидное тулово, в одном случае сохранился обломок ручки арочной формы с небольшим шпильковидным отростком по центру верхнего края (рис. 96, 6, 7).

Керамические котлы схожей формы найдены в курганах 92 и 131 могильника Алтынасар 4в и в могильнике Косасар 2 [Левина, 1996. Рис. 65, 1, 2, 7]. Большая группа керамических котлов этой формы происходит из коллекции Кокальского могильника, который, как уже указывалось, сегодня большинством авторов датируется временем не ранее V в. [Das Graberfeld..., 1984. Abb. 21, D, B 7; 23, B1; 25, A16; 27, A, 1; 29, B1; 40, F 4; 41, C 1; 44, C, 3; 45, g 3; 46, D 1; 49, E; 50, K7, X, 3, 45, Z 2; 51, H 6; 52, D 3; Вадецкая, 1999. С. 127]. Кроме того, керамические котелки кубковидной формы обнаружены в поздних склепах таштыкской культуры и датируются VI–VIII вв. [Кызласов, 1960. Рис. 10].

Анализ керамического комплекса позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Несмотря на обширную географию находок керамических сосудов из курганов с «усами» и селенташских комплексов Центрального, Восточного и Северного Казахстана и Южного Урала, они почти в равных долях составляют фактически все

выделенные типологические группы. Исключение составляют лишь образцы куш-наренковской посуды, распространение которой не выходит за пределы Южного Урала, и керамические котлы из Прииртышья.

2. По своему происхождению, вероятнее всего, типологические группы распределяются следующим образом. Возникновение и дальнейшее формирование сосудов ТГ 1 — больших хумообразных — происходит в предшествующий (гунно-сарматский) период на территории урало-казахстанских степей и среднеазиатских оазисов. Не исключен вариант непосредственного получения этих образцов из среднеазиатского региона.

Происхождение сосудов ТГ 2, ТГ 3, ТГ 4, ТГ 5 — плавнопрофилированных горшков с округлыми или прямыми стенками — а также керамических котлов связано, вероятнее всего, с районами Центральной Азии (Саяно-Алтай). В этой связи вполне закономерен тот факт, что наряду с попаданием в урало-казахстанские комплексы, эти образцы в массовом количестве присутствуют в раннеболгарских памятниках Поволжья и Юго-Восточной Европы, а также в раннеаварских комплексах Альфельда. Как известно, сложение ранних болгар (огуры, сарегуры, кутигуров) также связано с саяно-алтайский регионом [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 63; 2005. С. 63; Исхаков, Измайлов, 2000. С. 14].

3. Несмотря на наличие восьми основных относительно многочисленных типов, керамический комплекс курганов с «усами» и селенташских памятников демонстрирует удивительную цельность. Многие группы (ТГ 2–ТГ 6) при определенных допусках (более вытянутые, более приземистые, округлая или прямая профилировка) являются фактически производными друг друга. В разных территориальных и типологических группах повторяются одни и те же элементы (внутри воротничок, нарезки-защипы по венчику, орнамент в виде горизонтали и прочерченного под ней зигзага).

4. Хронологически весь керамический комплекс условно можно поместить в интервале V–IX вв. При этом более позднюю позицию (VIII–IX вв.), вероятно, будут занимать более крупные образцы из селенташских комплексов и курганов с «усами» (Кызыл-Жар, курган 1, 3; Александровский, курган 2; Селенташ, курганы 4, 5).

Таким образом, проделанный анализ вещевого материала позволяет говорить, что рассматриваемые комплексы в целом можно поместить в довольно широкий интервал раннего средневековья в рамках V–VIII вв. Самую раннюю позицию занимают наиболее представительные комплексы, имеющие относительно надежно (на сегодняшний день) датируемый вещевой материал: курганы с «усами» Солончанка I; Канаттас, курган 19; Зевакинский, курган 1; Коктал. Эти памятники довольно часто приводились в литературе в круг комплексов с изделиями полихромного стиля или времени Великого переселения народов и помещались в интервал конца IV–V вв. [Засецкая, 1994. С. 112–136] или VI–VII вв. [Амброз, 1981. С. 10–23. Рис. 59]. В этот же интервал входят комплексы вещей из Брюхановского Выселка, Муслюмово, Борового, погребений Верхне Погромное, Кара-Агач, Аркаим, Каменный Амбар (курганы 5, 6), Кызыл-Адыр, Актобе, Шиново (курганы 2, 3), Федоровка, Владимирское, Покровск (курган 17), Восход, Ленинск. Большинство оставшихся памятников, содержащих вещевой материал, могут быть датированы по принципу его типологического единства. Однако эти комплексы корректно будет поместить в более широкие временные рамки. Это казахстанские комплексы: Ельшибек; Шедерты; Сангуыр, курганы 1–3; Кара-Бие, курган 1, 15; Зевакино, курганы 2, 3; Кызылтас II; Кызылтас, курган 1; Лелинка; Беркутты; Ботакара, курганы 55, 58; Тасмола, курган 19; «37 воинов»; Карамурун I, курган 4; Сангуыр II, курган 1. Южноуральские комплексы: Городищенский IX, Елизаветпольский, Новоактюбинский I, Новокондуровский I, Солончанка IX, Султантимировский I, Нижне-Давлетовский,

Сарбулат I, Оленина Отнога. На основании типологического сходства предметов конской узда (трапециевидная подпружная пряжка, кольчатые удила с прямоугольным сечением и подквадратным кольцами для повода), вооружения (трехлопастные ромбические наконечники стрел, ланцетовидные наконечники копий), а также единства керамического комплекса (ТГ 1–ТГ 7) с вещевым комплексом, прежде всего памятников раннеболгарского населения Самарской Луки и юго-восточной Европы, вышеперечисленные памятники можно поместить в широкие рамки V–VIII вв.

Несколько особую хронологическую позицию занимают курганы с «усами» Кайнсай, курган 14; Кызыл-Жар, курганы 2-4; Ижевский 2, курганы 1–3. Они в целом датируются более поздним периодом относительно большинства комплексов – в рамках VII–VIII вв. На это указывают обломки кушнареновского сосуда из кургана 14 Кайнсай, характерные для позднеболгарских образцов, массивный трехлопастной наконечник стрелы и подпрямоугольная и сегментовидная подпружные пряжки с подвижной внутренней рамкой из кургана 3 Кызыл-Жара и кургана 3 Ижевского 2 могильника. Этому не противоречит факт наличия больших вазообразных горшков в Кайнсайском и Кызыл-Жарском курганах с «усами», имеющих типологическое сходство с селенташскими образцами и сосудами позднечаатского и тютятского облика из Хакасии. Однако здесь стоит сделать существенную оговорку. Курган 3 комплекса Ижевский 2 находился в 10 м к западу от курганов 1 и 2, составляющих центральную часть комплекса с грядями. И, несмотря на то, что в кургане 2, как и в кургане 3, был обнаружен обломок аналогичного железного трехлопастного ромбического наконечника стрелы, теоретически этот курган мог быть пристроен к данному комплексу позже, как, соответственно, последний в ряде случаев сооружался в непосредственной близости от сако-тасмолинских или сарматских курганов, о чем подробно говорилось выше. К этому периоду, вероятно, относятся Нуринское погребение, курганы Атпа II, Егиз-Койтас, Чиликты, Жарлы, Кызыл-Кайнар-Тобе, Бережновка II, Энгельс (курган 36, погребение 2), Зиновьевка, Черноозерье.

И, наконец, наиболее позднюю позицию в рассматриваемых памятниках занимали комплексы селенташского типа (Селенташ, курганы 4, 5; Крутой овраг, курганы 1–4; Восточно-Курайлинский, курган 2; Измайловка, ограда 9). Вероятнее всего, они представляют собой комплексы, которые, образно говоря, доживают, сохраняя основные ключевые традиции центральных сооружений курганов с «усами». Возведение «усов» или гряд на этом этапе исчезает как обязательная норма. Не случаен тот факт, что в более позднем кургане с «усами» Кызыл-Жар (курганы 2–4) гряды фактически не заметны. По характерному керамическому комплексу, который представлен массивными вазообразными сосудами или прямостенными горшками вытянутых пропорций (ТГ 1, ТГ 4) позднеболгарского и тютятского облика, а также позднекушнареновским фрагментом керамики, селенташские памятники могут быть датированы в рамках VIII–IX вв. Этому не противоречит комплекс ременной гарнитуры из кургана 4 Елантау и подпружная железная пряжка из кургана 4 Крутой Овраг.

§ 5. Этноисторическая реконструкция. Вопросы этнокультурной интерпретации памятников рассматриваемого круга весьма сложны. С одной стороны, это объясняется тем, что, как уже указывалось выше, погребальные памятники весьма малочисленны, разнохарактерны и дисперсно распространены на гигантской территории степей Срединной Евразии, а подавляющее большинство курганов с «усами» и селенташских комплексов имеют крайне скудный вещевой материал, что затрудняет не только культурную, но и хронологическую их интерпретацию. С другой

стороны, время V–VI вв., как уже было сказано выше, является своеобразным «смутным» этапом в истории Евразийских степей [Боталов, 1996]. Этот период падает на некий эпохальный разлом, когда начинает постепенно завершаться гуннская эпоха (постгуннский период) и складываться блок раннетюркских культур. Весьма общее археологическое представление о культурах кочевых народов, обитавших в восточноевропейских и урало-казахстанских степях и являвшихся, в свою очередь, современниками этой порубежной эпохи (эфталиты, хиониты, кидариты, кутигуры, оногуры, сарагуры, баланджеры, авары, тюрки-теле, юрки-ашины и др.), не позволяют сегодня прийти к однозначному решению относительно культурной интерпретации вышеописанного пласта археологического материала.

Очевидно одно, появление этого бесконечного ряда новых названий кочевых объединений и калейдоскоп событий, вызванных их взаимодействием и перемещением, которые собственно и получили наименование Великого переселения народов, ознаменовали собой новый цивилизационный рубеж, в который вступило кочевое Евразийское сообщество после хунно-гуннского трансконтинентального историко-культурного рейда. С нашей точки зрения, именно с этого момента мы вправе говорить о возникновении некой единой кочевой цивилизации, которая впоследствии продолжила свое существование и развитие в рамках вмещающего ландшафта степей, примыкающих к ним лесостепей и степных оазисов Евразии. Вероятнее всего, именно поэтому все последующие события, происходившие в рамках этой ойкумены, были тесно связаны, а зачастую организованы и тесно переплетены между собой. Хунно-гуннская доминанта явилась неким камертоном, который произвел общую настройку этой сложной социально-политической системы, а последующее установление строгой административно-политической организации тюркских каганатов завершило процесс цивилизационной интеграции. Думается, что именно эти условия явились объективным обстоятельством, способствовавшим появлению именно на этом этапе Великой Евразийской коммуникации, коей явился Великий Шелковый путь.

Однако вернемся к археологическому предмету нашего исследования. Как уже говорилось, комплексы курганов с «усами» известны в пределах гигантского региона Евразии. Так, курган 18 из уже упоминаемого Новоигорьевского могильника в Поднепровье являлся курганом-вымошкой на окончании южной каменной гряды, идущей в восточном направлении. По реконструкции И. И. Семенова, с севера в этом же направлении располагался другой «ус», который мог быть сложен из грунта и впоследствии распахан [Семенов, 1988. С. 98. Рис. 1]. Таким образом, Новоигорьевский курган 18 входил в типичный селенташский комплекс курганов с «усами». Можно предположить, что этот объект относился к средневековому могильнику VI–VII вв., в котором были исследованы известные курганы VII–IX вв., инвентарь которых типичен для памятников селенташского круга.

Еще один курган с «усами» был обнаружен П. С. Рыковым в урочище «Три брата» в Калмыкии. Он состоял из центрального каменного кургана, от которого в северо-восточном направлении отходили дугообразные однорядные дуги — 150 и 100 м. [Рыков, 1936. С. 115–116]. Кроме того, в Нижнем Поволжье известны так называемые курганы-кострища (Краснополье, Е 14; Усть-Караман, Е 13; Острог-ловка, Д 18, Д 19; Покровск, курганы 2, 3, 11, 17, 18, 42, 47; Высокое, Е 7). Основные черты обряда (следы огня и продуктов горения под насыпью на уровне древней поверхности, деревянные обожженные конструкции в виде рам, кости лошади и барана, установка сосудов в северо-восточном секторе, разрозненные предметы со следами пребывания в огне) позволяют с уверенностью говорить о сходстве этих памятников с курганами с «усами» и селенташскими комплексами [Засецкая, 1994. С. 180–186. Рис. 1]. Набор вещевого инвентаря, обнаруженного в этих курганах-

кострищах (плавнoproфилированная керамика, трехлопастные ромбические наколенники стрел, костяные накладки от лука, обломки полихромных накладок), позволяет рассматривать эти памятники в едином хронологическом и культурном контексте с вышеописанными комплексами.

Однако истоки традиций, которые отличают селенташские комплексы: мегалитовые сооружения, развернутые на восток, возведение вокруг или вблизи центрального кургана-храма (оградки, вымостки), в котором располагалось кострище или продукты огня, предметы вооружения, узда, украшения, а также кости лошади, шкура, макет или ее маленькая модель, вероятнее всего, необходимо искать на востоке в ареале тюркоязычных кочевников Центральной Азии.

Прямой наиболее восточной аналогией курганов с «усами» является южно-синьцзянский комплекс «Хусуй» (могила «Хусуй»), в котором широкие дуги «усов» отходят на восток от центральной подквадратной вымостки [Фуканши Нанцюань... 1997. С. 415] (рис. 101, 1, 11, 12), а также своеобразный, но весьма показательный комплекс Табатэ (Кучьгайте), который был обследован автором в 2005 году в северо-восточном Синьцзяне. Памятник располагается в межгорной долине Монгольского Алтая в 5 км к ССВ от уездного центра Цинхэ. Он представляет собой нечто среднее между монгольскими пантеонами и урало-казахстанскими курганами с грядами. Его центральная насыпь представляла собой каменную вымостку подпрямоугольной формы (5 × 24 м), вытянутую по линии С–Ю. Под каменным панцирем в юго-западной части вымостки просматривались остатки двух квадратных оград, отстоящих по линии С–Ю и имеющих примерные размеры 1,2 × 1,2 м. Северная часть вымостки плавно переходила в гряд, ширина которой колебалась от 1,5 до 2 м. В 10–15 м к северо-востоку она загибалась плавным тупым углом в направлении З–В и четко прослеживалась на расстоянии 84 м, где загибалась под прямым углом на юг и заканчивалась подквадратной оградой со сторонами 9 × 10 м, у восточной стенки которой, лицом на восток, было установлено каменное изваяние раннетюркского облика (хорошо читаются глаза, нос, усы, губы на левой половине лица, сцепленные у живота руки поддерживают кубок) (рис. 102) [Ван Бо, Ци Сяо Шань, 1995. С. 57, 167 – Еа-12; С. 165]. Гряда в месте загиба к югу и соединения с оградкой 3 имеет более плотное заполнение, хотя характер камней и размеры, составляющие ее, не изменяются. Южная гряда имеет более разреженное заполнение, чем северная. Это, вероятно, объясняется тем, что часть ее распаивалась. Ее очертания наиболее заметны в восточной концевой части, где она плавно выгибается и заканчивается небольшой округлой каменной выкладкой (розеткой) диаметром до 2 м. В целом контур южной гряды более дугообразный и напоминает обычный контур «уса». Кроме перечисленных элементов в срединной части комплекса, внутри огороженной площадки, располагаются две каменные округлые насыпи диаметром 10 и 11 м. От северной отходят восемь лучеобразных гряд размерами от 10 до 18 м. По внешнему облику данные насыпи, вероятно, относятся к более раннему скифскому периоду. Кроме того, юго-западный угол концевой ограды разрушен большим овальным углублением (10 × 7 м), которое, вероятно, являлось поздним грабительским вкопом. Таким образом, комплекс Табатэ универсально сочетает в себе три архитектурные традиции, существовавшие в пределах большого тюркского ареала: саяно-алтайскую традицию сооружения квадратных жертвенно-поминальных оградок с установленными у их восточного края (лицом на восток) каменными изваяниями; монгольскую восточно-тюркскую традицию возведения храмов-пантеонов с квадратными центральными оградками и подпрямоугольными стенами, загибающимися в концевой части и образующими проход с востока, и, наконец, урало-казахстанскую традицию сооружения курганов с «усами», идущими дугообразно на восток от центральной насыпи и заканчивающимися небольшими округлыми вымостками-

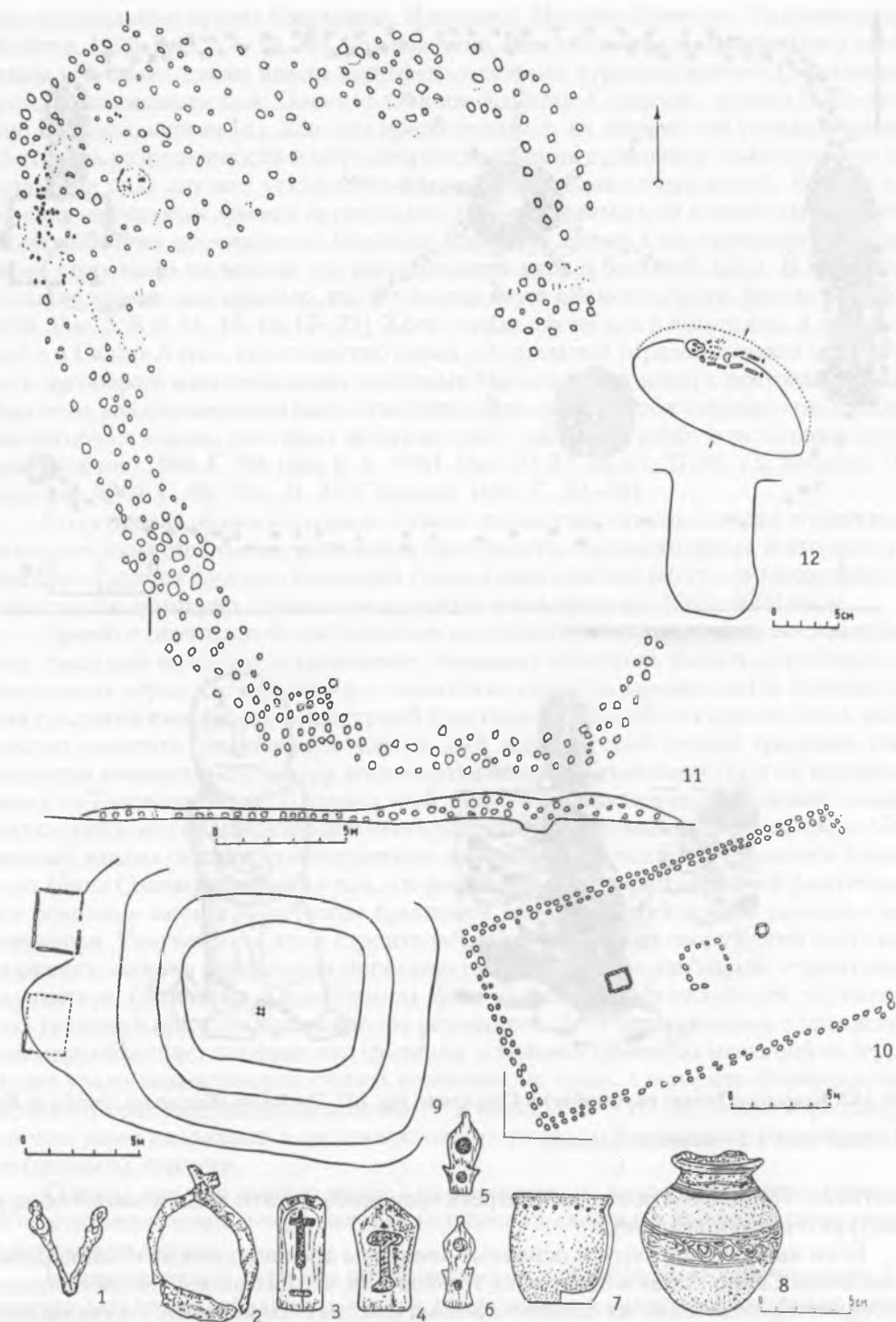

Рис. 101. Мегалитовые сооружения Синьцзяна (по: [Худяков, Комиссаров, 2002; Варенов, 1999; Фуканши Нанцюань., 1997]). Fig. 101. Multiplane (multi-layer) constructions of Sinjian (according to: [Houdyakov, Komissarov, 2002; Varenov, 1999; Fukanshi Nansuan, 1997]).
 1–8 – материал раннетюркского времени из могильника Кэрмуци; 9 – ограда, могила 16; 10 – ограда, могила 14; 11, 12 – могила «Хусюй»

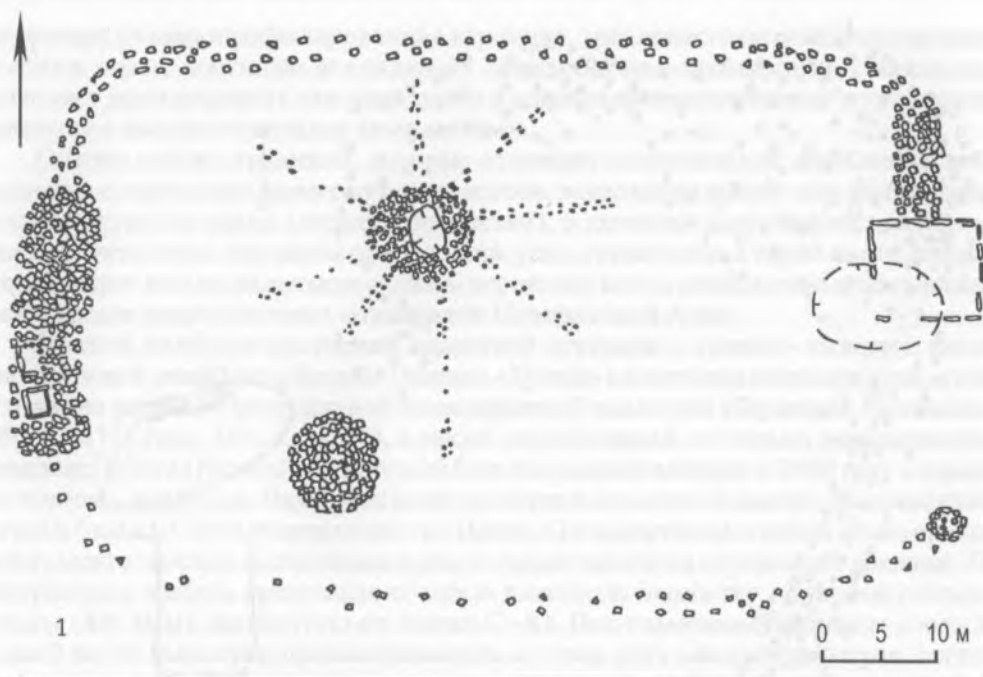

Рис. 102. Комплекс Табатэ (Кучьгайте) в Синьцзяне. Fig. 102. The Tabate (Kuchgaite) complex in Sinytzyan.

1 – общий план, 2, 3 – каменное изваяние

розетками. Попробуем особо рассмотреть насколько все эти детали имеют общую конструктивную подоснову.

Если мы проанализируем основные элементы древнетюркских поминальных комплексов Саяно-Алтая и Монголии, то убедимся, что по своим функциональным особенностям отдельные их элементы весьма сходны с элементами, составляющими комплекс курганов с «усами». Центральный курган-храм в южносибирских и монгольских комплексах представлял собой, как правило, квадратную оградку или вымостку, ооконтуренную камнями [Варенов, 1999. Рис. 1, 2; Войтов, 1996. Рис. 7, 14, 18, 19, 22, 24, 37; Грач В. А., 1961. Рис. 6, 9, 13, 22, 28, 31, 47], хотя известны и округ-

лые центральные храмы (Знаменка, Идэрский, Могойн-Шине-ус, Эрдэнэмандал) [Войтов, 1996. Рис. 2, 8, 12, 26]. Как известно, многие центральные насыпи и комплексы с «усами» также имели вид прямоугольных курганов-храмов (Городищенский; Елизаветпольский; Оленина Отнога; Елантау; Селенташ, курган 5; Еремей-Тау; Кайнсай, курган 14). Как нам представляется, их количество гораздо больше, но степень разрушенности и методика исследования отдельных комплексов не позволили в ряде случаев установить форму центральных сооружений. Вокруг или перед *центральным храмом* грунтовыми валами и рвами или каменными грядами оконтуривается пространство *большого наземного храма*. Оно организуется длинными сторонами на восток, где располагается вход в большой храм. В Монголии большие храмы, как правило, имеют правильную прямоугольную форму [Войтов, 1996. Рис. 5, 8, 9, 11, 13, 14, 17–23]. Хотя, в ряде случаев, и в Монголии, и особенно часто в Саяно-Алтае, пространство перед центральной оградой-храмом оформлялось дугообразными цепочками каменных балбалов, идущими с востока на запад. При этом, как справедливо было отмечено рядом авторов, обязательное расположение загиба на концах гряд факт не случайный – он играет особую культовую функцию [Войтов, 1996. С. 90; Грач В.А., 1961. Рис. 20, 22, 26, 52, 57, 66, 71; Кубарев, Цзэндорж, 2002. С. 89. Рис. 21, 22; Сорокин, 1981. С. 23–39].

По сути дела, «усы» или гряды в урало-казахстанских комплексах играют роль символических стен, оконтуривающих пространство большого храма. Интересен тот факт, что средняя площадь большого храма в монгольских и в урало-казахстанских памятниках примерно одинаковая и колеблется в пределах 1000–2000 кв. м.

Яркой отличительной особенностью восточнотюркских погребально-поминальных традиций является установление каменных изваяний вблизи жертвенно-поминальных оград. Не вдаваясь в сложнейшие вопросы зарождения и формирования традиций каменной скульптурной пластики в Евразийских степях, здесь особо следует заметить следующее: в конкретный исторический период традиция установления каменных скульптур восточнотюркской знатью заимствуется, вероятно всего, из Танского Китая. В период этой династии сооружение грандиозных каменных статуй в честь императоров и знати достигает своего наивысшего расцвета. Первичный анализ скульптур императоров и вассалов в комплексе мавзолеев Квианлинг (близ Сиани) убеждает в том, что именно здесь демонстрируются фактически все основные иконографические принципы каменной скульптуры раннего средневековья. Учитывая то, что в строительстве погребальных сооружений восточнотюркских каганов принимали непосредственное участие китайские строители и скульпторы (памятник Кюль Тегина), факт заимствования китайских скульптурных традиций представляется вполне вероятным. Это обстоятельство в определенной мере объясняет тот факт, что традиция установки каменных изваяний на территории урало-казахстанских степей возникает не сразу, с момента формирования первого Тюркского каганата, а позже — в конце VII–VIII вв., после переселения племен, ранее входивших в состав восточнотюркского объединения: ранние кыпчаки (сеяньто), карлуки.

Однако, как уже сказано выше, в целом основные этапы и принципы тюркского жертвенно-поминального ритуала, безусловно, схожи и в конечном счете реализуют единую модель.

В определенной мере это подтверждается нарративными источниками. Основные детали погребального обряда, приводимые в известных хрониках династии Тан Чжоу, а также в малой и большой надписи на памятнике Кюль Тегину, выглядят следующим образом. Вначале умершего укладывали в юрту (центральный храм-святилище) на возвышенном месте. Для Кюль Тегина в центре обвалованной и вымощенной сырцом площадки (67,25 × 28,85 м) был сооружен храм из

кирпича (10,25 × 10, 25 м) со святилищем в центре (4,4 × 4,4 м). *Перед умершим клали жертвенных животных — лошадь и овцу.* В назначенный шаманом день умершего вместе с его конем сжигали (на стороне — С. Б.), а пепел с вещами (побывавшими в огне. — С. Б.) предавали земле. После этого сверху набрасывали камни. *От этой могилы, либо от входа храма на восток выстраивали аллеи балбалов, олицетворяющих убитых врагов* [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 214–215; История Сибири, 1968. С. 284; Кляшторный, 1964. С. 57, 58].

Таким образом, приведенные данные позволяют говорить о том, что письменные источники, так же как и археологические, демонстрируют абсолютно сходный набор обязательных черт погребального ритуала, распространенного в среде наиболее знатных тюркских родов (тюрков-апинов). Этому кочевому населению, по всей видимости, принадлежат культово-поминальные курганы с «усами» и комплексы селенташского типа.

Несколько наблюдений семантического порядка. Если предположить, что курганы с «усами» призваны были реализовать некую модель организованного пространства, то в этом случае все составляющие элементы данных комплексов довольно точно определяют облик тюркского жилища или юрты. Как известно, основная ориентационная ось тюркской юрты З–В, когда с востока располагается вход-выход, а на западе — центральный угол — ТОР (место хозяина) [Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1988. С. 63–67]. Эта же модель реализуется и в курганах с грядами, которые образуют с востока широкий проход, оформленный концевыми вымостками. Крайнюю западную позицию занимает центральный курган, вымостка или ограда, на площадке которого производится основная часть ритуала. В непосредственной близости от тора расположен очаг, что подтверждают следы прокалов или продукты горения, располагающиеся на центральной площадке. Неотъемлемой символической частью поминального жилища является священное дерево и жертвенные сосуды [Кубарев, Цэвэндорж, 2002. С. 84]. Керамические сосуды, врытые в землю или в обломках встреченные в заполнении насыпи, как правило в северо-восточном секторе центрального кургана, — обязательный составной элемент центрального кургана — «жилища хозяина», «тора». Что касается дерева, то здесь можно отметить лишь один случай обнаружения глубокой столбовой ямы с остатками деревянной трухи и углей в центре квадратной вымостки кургана с «усами» у села Елизаветпольское (рис. 86, 6).

Данные параллели можно продолжить, реконструируя назначение северной и южной гряд. Тюркское жилище делится на две половины: южная (справа от тора) — мужская, северная (слева от тора) — женская, и, наконец, с востока за запад возрастает иерархия знатности.

Возможно, эта традиция объясняет наличие дополнительных оградок или вымосток в составе северной, реже южной грядах отдельных комплексов (Кайнсай, Новоактубинск, Дылыктас, Солончанка I, Былкалдык I, Сангуыр II). Они могут быть интерпретированы как дополнительно пристроенные погребально-поминальные сооружения в честь сородичей по женской или мужской линии. Оригинальную трактовку сооружения гряд при поминальных обрядах предлагают В. Д. Кубарев и Д. Цэвэндорж, когда балбалы, входящие в гряды, служат в качестве коновязи [Кубарев, Цэвэндорж, 2002]. В этой связи заметим, что в ряде случаев гряды также нередко сложены с использованием крупных камней и вертикально установленных стел. Возможно, и в этом случае мы имеем дело не только с собственно коновязью, но и особо определенным и строго регламентированным местом того или иного члена рода, присутствующего на погребальной или поминальной тризне.

Таким образом, курганы с «усами» (комплексы селенташского типа) и культово-поминальные памятники Монголии и Саяно-Алтая отражают единокультурные

представления западных и восточных тюрков. Они разнятся в архитектурном оформлении отдельных элементов, однако, основные структурообразующие детали (наличие центрального храма с совершенным в нем погребальным или поминальным ритуалом в виде костровища, большого храма, развернутого входом на восток) этих памятников сходны. Наличие курганов с «усаами» в Северном Синьцзяне и своеобразное оформление стен культового комплекса Кэрмуци в виде каменных гряд, загибающихся на восточных концах [Варенов, 1999. Рис. 1, 2] (рис. 101, 10) (промежуточный вариант между прямоугольным храмом и «усаами»), позволяет говорить, что район Восточного Туркестана является центральным (или пограничным) в распространении этих двух культовых традиций. На запад — курганы с «усаами», на восток — культово-поминальные комплексы монгольского типа. На наш взгляд, различие пантеонов урало-казахстанских и монгольских степей, вероятно, отражает своеобразие культур западного и восточного тюркских каганатов. При этом, скорее всего, речь идет о культово-погребальных представлениях родового ядра тюрков-апинов (тюю) джунгарских, монгольских и урало-казахстанских степей. Эти традиции значительным образом отличаются от культурных норм тюркоязычного населения Саяно-Алтая, так называемого объединения теле, где издавна сформировалась традиция курганных захоронений и погребений с конем с восточной или западной ориентировкой.

Попытаемся проследить истоки возникновения погребений с конскими жертвоприношениями. Появление этой традиции на гуннском и постгуннском этапе сложно объяснить однозначно. На первый взгляд, традиция положения голов и шкур крупного и мелкого рогатого скота и лошади в специальных нишах внутри могильных ям является важнейшей чертой хуннского ИКК Монголии, Северного Китая и Забайкалья [Боталов, 2003. С. 107. Рис. 5, 6]. Однако весьма трудно предположить, что эта черта погребального обряда вдруг неожиданно реминисцирует спустя пятьсот (и более!) лет. Тем более что в поздnehуннских, шурмакских и кокальских памятниках Тувы, как и гунно-самратских урало-казахстанских степей, данная черта погребального обряда отсутствует [Кызласов, 1979. С. 88–93, 95, 115–117; Das Graberfeld., 1984. Р. 123, 25, 109–112, 114, 117, 118, 122, 127, 138–142; Данченко, Нестеров, 1989. С. 95–98]. К этому следует добавить, что в данный период изменяется характер обустройства подобных жертвенников. В отличие от хуннских, преобладающими становятся шкуры, туша и голова лошади, которые помещаются не в головных нишах, а в ногах или с боку от ног погребенного. Появление и закрепление этой черты погребального обряда совпадает с тенденцией изменения ориентировки головы погребенного в направлении северо-восток и восток, которая становится господствующей в последующий период (VII–VIII вв.) для кочевнических комплексов с обрядом ингумации и скелетом или шкурой лошади — в раннеболгарских памятниках Среднего Поволжья: Новинки, Рождественский III, Брусяны, Шелехметский II [Матвеева Г. И., 1995; Седова, 1995; Сташенков, 1995], Осиповка, Кривая Лука [Богачев, Мышкин, 1995; Федоров-Давыдов, 1984], а также в кочевнических погребениях южнорусских степей: Крупское, Чапаевск, Червоноармейское, Портовое, Дымовка, Белозерск, Якинево, Картаризовое, Сивашовка [Засецкая, 1994. С. 166, 170, 192; Айбабин, 1985; Археология Украинской ССР, 1986. С. 226–227]. К этому следует добавить, что погребения с восточной и северной ориентировкой погребенных, конем или его шкурой не редки среди раннеаварских и раннеболгарских памятников Паннонии [Балинт, 1995. С. 43, 44; Эрдели, 1986. С. 317–328]. И еще одно важное изменение, происходящее на фоне общеизменяющегося состава категорий и типов вещевого инвентаря, связанного с хронологическими особенностями, не может не обратить на себя внимание. Примерно с V века в степных памятниках начинает превалировать вещевой комплекс, основные компоненты которого

имеют саяно-алтайское и восточно-туркестанское происхождение (типы конской узды, седла, наконечники стрел, колчаные «Т»-образные крюки, котлы). Важнейшей чертой является отсутствие керамической посуды в абсолютном большинстве погребений. Думается, что истоки обозначенных традиций следует искать в районах, расположенных восточнее урало-казахских степей. В этой связи интересные материалы гунно-сарматской эпохи (последние века до н. э. – первые века н. э.) дают погребальные комплексы южносибирского Алтая и Восточного Туркестана. Наличие ряда культурных групп среди памятников этих регионов в определенной мере указывает на схожий деструктивный характер гунно-сарматского этапа в истории Алтая и Синьцзяна, аналогичного тому периоду, который падает на гуннское и постгуннское время в урало-казахстанских и восточноевропейских степях.

На сегодняшний день большинством авторов выделяются несколько культурных типов последних веков до н. э. – первых веков н. э., определяющих этническую карту всего Сибирского Алтая.

Наиболее крупную группу составляют памятники типа Булан-Коба, которые располагаются, в основном, в бассейне реки Катунь. Ее составляют каменные курганы с индивидуальными захоронениями в могильных ямах с каменной выкладкой или каменными ящиками. Ориентировка погребенных в восточный сектор (Булан-Коба IV; Белый Бон II; Бике, курганы 10–13, 15–18, 20–23, 26, 27; Усть-Эдиган, курганы 18, 25, 27; Айрыдаш; Иня; Кызыл-Таш, курган 21) [Мамандаков, 1985. С. 173–189; Глоба, 1983. С. 116–126; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990. С. 62–84; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990; Суразаков, 1986. С. 203; 1987. С. 232–233; Соенов, Эбель, 1998; 1998a]. Существенной чертой является наличие отдельных погребений лошадей или их голов на некоторых буланкобинских могильниках (Булан-Коба IV; Бике-Кызыл-Таш) [Мамандаков, 1985. С. 177, 179. Рис. 2, 3; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990. С. 60–61. Рис. 22–24; Соенов, Эбель, 1998. С. 164. Рис. 1; 1998a]. На наш взгляд, к этому же кругу памятников могут быть отнесены и комплексы первых веков н. э. могильников Пазырык (курганы 23, 24) и Балактыюль, расположенных в верховьях Башкауса [Сорокин, 1977]. Особенность этих комплексов состоит в том, что в Балактыюльском могильнике погребенные лежали в деревянных колодах. Наличие деревянных рам и, вероятно, гробов отмечается также в некоторых Буланкобинских комплексах [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990. С. 81–82. Рис. 45; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990. С. 89. Рис. 4; С. 107–108. Рис. 18; С. 114. Рис. 17].

Особую группу составляют комплексы берельско-раннекатандинского круга, расположенные в южной и юго-восточной части Горного Алтая. Ее составляют каменные курганы и погребения с конем на ступеньке. В Берельских комплексах (Берель, курганы 2, 3; Янокур, курган 5; Кокса, курган 1; Усть-Эдиган, курганы 15, 22; Ороктой, курганы 1, 14) голова погребенного и череп лошади ориентированы в восточный сектор. В раннекатандинских (Катанда, курганы 5–7; Усть-Эдиган, курган 1, погребения 3, 23; Ороктой, курганы 2, 3) ориентировка погребенного и лошади – на запад.

И, наконец, особую локальную группу образуют погребения кокпашского типа (Кок-Паш, Коо I), расположенные в среднем течении реки Башкаус (Северо-Восточный Алтай). По ряду схожих признаков к этому же типу также можно отнести несколько курганов долины реки Катунь (Усть-Эдиган, курган 1, погребение 2; Ороктой, курган 16) [Елин, Васютин, 1984. С. 35–38; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990. С. 11. Рис. 15; С. 122. Рис. 27]. Основной отличительной чертой этого типа памятников является необычная для Алтая южная ориентировка погребенных. Другие черты погребального обряда этих курганов: каменно-земляная насыпь или кольцевые выкладки, погребения в каменных ящиках, в деревянных колодах, с деревянными рамами, обкладка стенок могильных ям булыжниками и др. удивительным образом

сближают эти комплексы с буланкобинскими. Общей традицией для всех памятников гунно-сарматского времени является отсутствие или крайне малое количество керамической посуды в погребениях. По всей видимости, отказ от использования керамической посуды был своеобразным погребальным обычаем для кочевого населения Алтая II века до н. э. – первых веков н. э.

При первом же взгляде, как нам кажется, очевидна культурная преемственность двух первых типов памятников Алтая с каракобинскими предшествующего этапа (VI–III вв. до н. э.). Берельско-раннекатандинские памятники, несмотря на свою относительную немногочисленность, своеобразно продолжают эстафету от комплексов пазырыкского круга к раннесредневековым памятникам катандинско-кудэргинского типа, на что уже указывалось автором [Боталов, 1996. С. 199]. Промежуточное положение между пазырыкскими и берельскими памятниками, как нам представляется, занимают памятники типа Шибе и Айрыдаш III (III–II вв. до н. э.) [Степная полоса..., 1992. С. 169–171]. Таким образом, в данном случае мы не склонны полностью отрицать тот факт, что, бесспорно, просматривается определенная линия эволюционного развития постпазырыкских памятников в комплексах раннетюркского облика, как и то, что крайняя малочисленность комплексов последнего века и до первого века н. э. указывает на то, что в Алтайском ареале в это время действительно происходили какие-то коренные преобразования, которые, скорее всего, были обусловлены притоком нового населения.

Таким образом, в регионе Сибирского Алтая традиция погребений с конем или его частями и восточной ориентировки погребенных сложились в древнейшее время и продолжали свое развитие в основных культурных типах гунно-сарматского периода. Обращает на себя внимание и то, что в это же время в погребениях резко сокращается или исчезает керамическая посуда. Вероятнее всего, в данный период в Алтайском ареале закладываются основные черты тюрко-телесского ИКК. Аналогичные процессы демонстрируют отдельные погребальные комплексы Синьцзяна. Наряду с большим массивом исследованных в долине реки Или и Восточном Притяньшань памятников сако-усуньского историко-культурного комплекса V–II вв. до н. э. (каменные курганы, кольцевые ограды, каменная и деревянная облицовка стен и перекрытия могильных ям, западная ориентировка погребенного) (Наньвань, Темулткэ, Хэйшаньтоу, Мучан, Халатубай, Цюньбакэ, Айдин, Субаши, а также могильники Содунь Булак, Чавахагоукоу, Шанхусян и др.) [Опалев, 2000. С. 201–202; Синьцзян Куэрайши..., 1999. С. 32–37; Синьцзян Шаньшань..., 1984. С. 41–44; Синьцзян Синьюань..., 1988. С. 59–64; Синьцзян Луньтайсянь..., 1991. С. 684–693; Синьцзян Хэцзинсянь..., 1990. С. 511–517; Синьцзян Шихэцзы..., 1999. С. 38–46; Синьцзян Синь Юань..., 1985. С. 21–25; Синьцзян Чабучаэрсянь..., 1999. С. 17–28; Лю Баошань..., 1998. С. 3–11; Шанньшань Субэйша муцуннь ихао муди..., 1997. С. 138–149; Шанньшань Субэйша муцуннь саньхао муди, 1997. С. 150–170; Чабучаэрсянь Содуньбулаке..., 1997. С. 371–385], в гунно-сарматское время здесь появляются комплексы (Чаухугоукоу 3; Ярхото), которые характеризуют каменные курганы, вымостки, ограды или бескурганные захоронения в прямоугольных могильных ямах с деревянными гробовыми конструкциями или каменными облицовками или перекрытиями. Конь или его голова помещались сбоку, на ступеньке, или в ногах погребенного. Наиболее устойчивую восточную ориентировку демонстрируют погребения могильника Чаухугоукоу 3 [Хэцзинсянь Чаухугоукоу..., 1997. С. 233–260]. Погребения могильника Ярхото имеют неустойчивую ориентировку с преобладанием в юго-западный сектор [Молодин, Кан Ин Ук, 2000]. Кроме того, в Турфанском оазисе в последние годы продолжаются исследования саксонского курганного могильника Янхай 2. Погребение 249, относящееся к III веку до н. э., по сообщению профессора Лю Энъ Го, представляло собой курганный комплекс с захороне-

нием коня на подкурганной площадке и погребением человека в подбое, заложенном бревнами, головой на запад. Что касается вещевого комплекса данных памятников, то здесь, также как и на Алтае, резко сокращается количество керамической посуды.

Приведенные наблюдения позволяют предполагать, что схожие черты погребального обряда, проявляющиеся в отдельных группах памятников Алтая и Восточного Туркестана на гунно-сарматском этапе, легли в основу формирования здесь тюрко-телесского комплекса, распространившегося в V–VI вв. Носителями этих традиций первоначально, вероятно, стали тюркокультурные племена ранних болгаров (оногуры, кутригуры, савиры) и аварского союза племен, активно смешивающихся с остатками гуннского населения в пределах степей и лесостепей Центральной Евразии.

Насколько позволяют судить современные археологические данные, развитие этой традиции на последующем этапе происходит в рамках Саяно-Алтайского ареала. Несмотря на то, что в раннетюркский период среди телеского населения Саяно-Алтая господствующей является восточная, в меньшей мере южная, ориентировка погребенных в захоронениях с конем [Овчинникова, 1990. С. 11; Nesterov, 1995. Fig. 1–8; Fruh-und hochmittelalterliche..., 1982. Abb. 13–15, 17–22; Fruhmittelalterliche..., 1982. Abb. 9, 11, 14, 16, 17, 19, 20, 28, 30, 33, 34, 31, 41, 43), определенная доля исследованных погребений VI–VIII вв. имеет ориентировку погребенных головой в западный сектор [Nesterov, 1995. Fig. 9; Fruh-und hochmittelalterliche..., 1982. Abb. 23). Не редкой является западная ориентировка в погребениях с конем раннесросткинского (инского) этапа в памятниках VII–VIII вв. Верхнего Приобья [Неверов, 1988. С. 17; Могильников, 1981. Рис. 27]. По мнению С. П. Неверова, данные памятники (Иня, Ст. Шарап, Чудская гора, Усть-Тартасский, Гоньбае) появляются в результате проникновения в лесостепное Приобье кочевого тюркского населения Горного Алтая на самом раннем этапе – в VI–VII вв. [Неверов, 1988. С. 16–17], из чего следует, что формирование раннетюркского населения Приобья происходит в результате диффузий тюркских кочевников Алтае-Телеского ареала и местного лесостепного угро-самодийского населения Южной Сибири. Эта реконструкция довольно четко подтверждается тем фактом, что на значительной территории лесостепного Зауралья и Юго-Западной Сибири, обживаемой населением культур угорского и самодийского круга (саргатская, кашинская, большереченская, одинцовская, релкинская и др.), в погребальных комплексах западная и северо-западная ориентировка погребенных являются, если не абсолютно господствующей, то наряду с северной занимающей главенствующее положение [Елагин, Молодин, 1991. С. 48, 50–53; Матвеева Н. П., 1994. С. 114; Полосьмак, 1987. С. 22, 23, 51, 61; Корякова, 1988. С. 187. Табл. 1; Культура зауральских скотоводов..., 1997. С. 134. Диаграмма 2; Беликова, Плетнева, 1983]. Результатом довольно длительного взаимопроникновения тюркского и угро-самодийского населения является формирование собственно сросткинской культуры к IX веку [Неверов, 1988. С. 16], которая Д. Г. Савиновым не без основания соотносится с культурой населения кимако-кыпчакского каганата [Савинов, 1976; 1979; 1984]. С этого времени, вероятнее всего, начинается расширение кимако-кыпчакского ареала на запад в урало-казахстанскую лесостепь и впоследствии в степь, что отразилось на страницах арабо-персидских и европейских источников (Худуд Ал-алем, Ал-Балхи, Махмуд Кашгарский, Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль, Ал Масуди, Константин Багрянородный, Матвей Эдесский и др.) [Худуд Ал-алем, 1930. С. 24. Л. 185; Кумеков, 1972. С. 55–59; Багрянородный, 1934. С. 15; Агаджанов, 1969. С. 158]. Возникновение и сложение сросткинской культуры знаменует собой формирование вначале кимакского, а в последствии кыпчакского единого этнополитического ядра.

В этнокультурном плане этот процесс ознаменовался, вероятно, активной тюркизацией угорского населения Южного Урала и Западной Сибири.

Попытаемся реконструировать историческую ситуацию, которая сложилась в урало-казахстанских и восточно-европейских степях в раннетюркский период.

После ухода основной части гуннского союза далее на запад в бассейне среднего течения реки Уфа к V веку н. э. формируется турбаслинская культура, которая продолжает существовать вплоть до VIII века н. э. Население ее, по всей видимости, ведет оседлый (или полuosедлый) образ жизни, однако основные ее слагающие элементы: небольшие грунтовые курганы с индивидуальными захоронениями, узкими прямоугольными ямами с нишами и подбоями, с северной ориентировкой погребенных, искусственной деформацией черепов, а также соответствующий набор вещевого инвентаря имеют кочевнический гунно-сарматский облик. В этот период в отдельных турбаслинских и позднеименьковских памятниках наблюдается определенное воздействие со стороны тюркокультурного степного ареала. Это выразилось, на наш взгляд, в появлении среди турбаслинских комплексов погребений со шкурой коня на ступеньке (Коминтерновский II, погребение 46; Кушнаренковский, погребения 2, 27), а также поясных наборов с элементами геральдического стиля [Генинг, 1977. С. 95–104; Казаков, 1996. С. 55. Рис. 5; 1998; Боталов, Полушкин, 1996. С. 184]. Аналогично этому в Зауралье появляются гунно-сарматские памятники, в которых наблюдается присутствие местного угорского компонента. Это выразилось, прежде всего, в наличии в этих комплексах характерной кашинско-прыговской зуральской лесостепной керамики [Шарапова, 2000. С. 23; Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 1, 1–5; 3, 2].

В определенной мере неизменная культурно-историческая ситуация продолжала сохраняться в пределах оазисных зон Южного Казахстана и Средней Азии. Здесь продолжают свое развитие ранее существующие историко-культурные комплексы. До IV–V вв. в пределах Семиречья и Прииссыкулья существуют усуньские памятники, а в пределах Таласской долины, Средней Сырдарьи, Ташкентского оазиса продолжают существование культуры аланско-кангуйского ИКК. По мнению А. К. Амброза, отдельные комплексы Шаукушумского могильника могут быть датированы даже VI–VII вв. н. э. [Амброз, 1981. С. 21. Рис. 10]. И, наконец, сохраняется вплоть до VIII века довольно крупный очаг джетыясарских комплексов, хотя в целом оазисное население культурных ареалов, расположенных на южной периферии казахстанских степей, испытывает влияние экологического кризиса, связанного с общим усыханием Приаральского региона.

На наш взгляд, наиболее применим термин «постгунские» памятники именно к джетыясарским комплексам V–VIII вв. (могильники Алтынасар 4, 4а, 4в, 4ж, 4м, 4о, 4р, 4т; Томикасар; Касасар). При этом эти комплексы не демонстрируют кардинального изменения гунно-сарматских погребальных традиций (сырцовые склепы и земляные курганы с индивидуальными грунтовыми погребениями с ориентировкой погребенного на север). Вероятно, к инновациям в джетыясарских комплексах этого периода стоит отнести появление традиции захоронения лошадей или шкур лошади в могильных ямах (курганы 62, 209, 212) [Левина, 1996. С. 120], а также появление предметов восточного (тюркокультурного) круга (жесткие седла, конская узда, включающая костяные подпружия, пряжки и чубуки, железные стремяна и удила), а также пояса геральдического стиля [Левина, 1996. Рис. 94, 96, 127, 130–132, 134–138]. То есть очевидно, что и здесь при сохранении единокультурности населения, оставившего позднегунские джетыясарские памятники, наблюдаются те же инновационные тенденции, что и в постгунских памятниках Южного Урала. Вероятнее всего, этот факт не случаен. Как нам представляется, даже после исхода отдельных племен этой конфедерации на северную и южную периферию Урало-

Аральской пастбищно-кочевой провинции между зонами Приаралья и Южного Урала поддерживались определенные коммуникационные контакты. Происходили они посредством отдельных групп кочевого населения, или эта связь сохранялась как система торгово-обменных контактов между двумя разноландшафтными хозяйственными зонами, сказать трудно. Думается, основа этого коммуникационного ареала лежала в этнокультурном единстве населения его северной и южной провинций, которое возникло с первых веков н. э. и продолжало свое развитие вплоть до VIII века. Это единство подтверждается не только наличием отдельных типов керамики в турбаслинских и бахмутинских памятниках Южного Приуралья, весьма сходных с типом джетыасарской посуды, а также, что весьма важно, находки и в тех, и в других памятниках схожих оригинальных предметов культового назначения. Речь идет о зооморфной керамической пластике на ритуальных сосудах и антропоморфных изображениях в металле. Особенно поражает абсолютная схожесть металлических мужских фаллистических фигурок, обнаруженных в Алтынасарских, Бирском, Кушнарниковском могильниках [Левина, 1996. Рис. 169; Генинг, 1977. С. 106. Рис. 11, 1].

Таким образом, в низовьях Сырдарьи в переходный постгуннский и раннетюркский периоды продолжает свое существование джетыасарская культурная общность, которая, судя по всему, неразрывно связана с постгунским населением Южного Урала. С определенной осторожностью сегодня можно лишь наметить сложные вопросы атрибуции историко-культурного комплекса данного населения (эфталиты, хиониты, кидариты), так как историко-археологические реалии северо-запада Средней Азии в определенной мере позволяют построить логику историко-культурного процесса трансформации культуры южноказахстанских гуннов в период раннего средневековья. Племена хионитов и эфталитов, по устоявшемуся мнению, соотносятся с «белыми гуннами». По наблюдениям И. Маркварта, основанным на анализе «Суйшу» и «Бэйши», ряд династий «белых гуннов» вышли из племени ун, которое также носит название куни (хуна). Последние, в свою очередь, в качестве самостоятельного народа упоминаются в 470 году в бахитарийской надписи Скандогунны. Их происхождение связано с родом европейских гуннов Аттилы. Некто Ху/Тайсы (которого Хирт отождествлял с сыном Аттилы, имя которого читалось как Irnas, Irnach, Hernac) стал править страной Яньцзяй ши Судэ. Еще до смерти отца «Ирник был господином восточной части империи» [Аристов, 1904. С. 49]. Упоминается также, что основной военной силой эфталитов являлись гунны, которым они предоставили полную свободу. В 90-х годах V века н. э. они переправились через Амударью и завоевали Тохаристан, Пенджай, Уструшему, Согд, часть Гургана, Арашар [Кондратенко, 1994. С. 34–38]. Таким образом, письменные источники довольно прозрачно говорят о господстве гуннов-эфталитов в стране Судэ-Яньцзяй со второй половины V века н.э., что довольно точно соотносится с тем массивом кочевнических гунно-сарматских джетыасарских комплексов, основное количество которых действительно появляется со второй половины V века н. э. Однако думается, что исторические судьбы последних среднеазиатских гуннов требуют отдельного тематического исследования. В данном контексте нас в большей мере интересуют те инновации, которые появляются в среде постгунского населения, тем более что эти традиции позволяют говорить о начале тюркизации среднеазиатского региона на юге и лесостепного ареала на севере. Этот период ознаменовался появлением вначале на восточной окраине, а затем и в глубине казахстанской степи таких комплексов как Чиликты, Егиз-Койтас, Бобровский, курган 6. Кара-Агач, которые характеризуют погребения с восточной ориентировкой погребенных и наличием в них коня или его шкуры [Кадырбаев, 1952; Савинов, 1984. С. 33; Арсланова, 1980. С. 84–89; Козырев, 1905]. Эти памятники указывают на начало расши-

рения на запад, в урало-казахстанские степи, саяно-алтайского (телеского) ареала.

Однако на этом этнокультурном импульсе следует остановиться многим ниже, так как он знаменует начало историко-культурного этапа, связанного со сложением нового огузо-печенежского и кыпчако-кимакского ареалов в урало-казахстанских и северосреднеазиатских степях и оазисах, начало которого в большей мере падает на VIII век. Нас же в большей степени интересует, каков этнокультурный облик населения, оставившего археологические комплексы, рассматриваемые в данном исследовании.

Насколько свидетельствуют исторические реалии, большая часть временного этапа V–VIII вв., который, как мы выяснили, покрывает в массе своей курганы с «усами», падает на период существования Западно-Тюркского каганата. Вопросам культурной исторической атрибуции населения Южного Казахстана в период Западно-Тюркского каганата посвящено последнее фундаментальное исследование Айман Досымбаевой [Досымбаева, 2006].

Следует отметить, что эта работа в целом описывает и интерпретирует уникальные культово-мемориальные и погребальные комплексы Жайсан (Чуйская долина) и Мерке (северо-запад Киргизского Алатау), существование которых охватывает самый поздний этап Западно-Тюркского каганата (после VIII в.) и связано с приходом на эти территории восточно-тюркского населения из Монголии после распада Второго каганата, на что указывает сам автор [Досымбаева, 2006. С. 49–51, 115, 156].

Однако в своем итоговом разделе автор подробнейшим образом реконструирует этнокультурную ситуацию на территории казахстанской степи в период существования каганата. Считаю необходимым привести основные положения реконструкции, которая в основе своей опирается на последние исследования письменных источников в работах Ю. А. Зуева. Так, по мнению исследователей первоначально землями Западно-Тюркского каганата являлись территории между реками Или, Чу и Талас. Хотя в годы правления Истеми-хана (552–576 г.) и его сына Тарду в состав каганата входили земли от Восточного Туркестана, где подвластные им племена саяны («семь мужей-предводителей» – *jeti ezen*) контролировали узловую часть Великого Шелкового пути с оазисными государствами Иу, Гаочан, Яньци и до Каспийского и Черного морей, где представители правящих родов *Ашины* и *Дулу* встали во главе Хазарского и Первого Болгарского каганатов [Плетнева, 1982].

Граница между Западным и Восточным тюркскими каганатами проходила по восточной стороне Алтайских гор. Основные территории западнотюркских каганатов первоначально (т. е. до прихода тюрков Истеми-хана – С. Б.) были заселены народом *Он Ок Будун* или «десяти стрел», то есть десяти племен. Пять из них имели наименование *Дулу* и расселялись на землях между Или и Чу, а пять племен *Нушеби* — на землях между реками Чу и Талас [Зуев, 2004; Досымбаева, 2006. С. 153]. Несколько ниже А. Досымбаева выстраивает следующую линию развития *он ок будун* — продолжатели усунь/ашинской и аштак/ашидэ традиций, впоследствии их приемниками стало одно из племен онок-тюргеши. Здесь же автор расширяет границы расселения народа «десяти стрел» до пределов Семиречья и Центрального Казахстана [Досымбаева, 2006. С. 156]. Справедливость подобных построений, на наш взгляд, вполне очевидна. Общий анализ письменных источников по истории усуней и ашинов, в особенности анализ генеалогических легенд этих народов [Зуев, 1967], неизбежно наводит на мысль о единых истоках, а, следовательно, и территориях формирования древнетюркского и древнеусуньского этносов до момента их переселения в Семиречье — в Юго-Восточном Туркестане (оз. Баркуль).

Ассоциации тождества ашинов с усунями неизбежно возникают и при разборе самого слова и сопоставлении его с хотако-сакским *asana* («синий», «небесный»), представляющим несомненный вариант этнонима *асман*, скрывающегося под транс-

крипцией «усунь». Правомочность данного сопоставления надежно поддерживает текстами древнетюркских рунических надписей, в которых династийные тюрки каганата обозначены термином *kok* («синий», «небесный»), являющимся калькой разнообразных *асман* и *амана* (ашина).

На эти параллели нами уже указывалось ранее [Боталов, 2003а. С. 39–40]. Что же касается правомерности расширения территории расселения народа *он ок будун*, то очевидно, что, согласно существующей письменной традиции, информация об этих племенах, как, впрочем, и ставках Западно-Тюркского каганата — Суят, Бала-сагун, Мерке, Аспара, была важна лишь постольку, поскольку они располагались вдоль оси маршрута Великого Шелкового пути: Турфан–Тараз–Чач–Согд, пролегающий вдоль долин рек Или, Чу и Талас. Естественно, что средневековых информаторов прежде всего интересовали племена, народы, которые расселялись вблизи того или иного участка пути, а также их ставки и города как промежуточные точки маршрута. Важен тот факт, что эти племена приводятся как единый народ, целиком вошедший в состав Западно-Тюркского каганата. В отличие от этого населения, особое внимание в письменных источниках второй половины VI века уделяется эфталито-ашинским взаимоотношениям.

Противостояние тюрков и белых гуннов (эфталитов) закончилось поражением последних от войск Истеми-хана и Сасанидского Ирана в 557 году. После этого Западно-Тюркскому каганату отошли земли восточнее Джейхуна (Амударьи), включая Маверанарх, часть Ферганы, Кашгар, Хотан и города Западного Туркестана, контролируемые ранее белыми гуннами [Досымбаева, 2006. С. 153]. Хотя это событие интерпретируется Л. Н. Гумилевым как победа над аварским союзом племен, в который входили хуни (хиониты), вар, огоры, в 658 году на северных берегах Аральского моря, а поражение эфталитам было нанесено у Карши (Несеф) гораздо позже, в 565 году [Гумилев, 1993. С. 35–40]. Не вдаваясь в суть этих противоречий, заметим, что в целом на начальном этапе сложения Западно-Тюркского каганата складывается следующая этнополитическая диспозиция. С первых шагов деятельности Истеми-хана в центре Южного Казахстана складываются первые ставки с центрами в Суябе, Балассагуне, Мерке, Аспаре и на прилегающих территориях проживания народа *он ок будун* и «десяти стрел», составивших основу каганата. На востоке и северо-востоке, по мнению С. М. Ахинжанова, с Западно-Тюркским каганатом объединились телесские племена се-яньто (семь мужей-предводителей). Отмечается также уход части этого населения (70000 человек) в степи Центрального и Восточного Казахстана [Ахинжанов, 1989. С. 95–97]. Как уже упоминалось, вероятно, от имени Великого Хана они осуществляли контроль над государствами и городами Восточного Туркестана, стоящими по маршруту Шелкового пути. В этой диспозиции очевидно, что экспансионные векторы западнотюркской кочевой державы были устремлены на юго-запад (619 г., 623 г. — разгром Сасанидской державы Хосрова Первиза) и северо-запад (558 г. — выход к Волге, 577 г. — вторжение в Крым, начало XII в. — завоевание ханом Тарда, сыном Истеми-хана, Северного Кавказа, присоединение Букана и Керчи) [Досымбаева, 2006. С. 153–154; Гумилев, 1993. С. 35]. Из этой же логики следует, что вся гигантская степная территория к северу от Таласо-Илийского Междуречья, включающая в себя стратегические районы Центрального Казахстана (Иргиз, Тургай, Улутау, Сары-Арка) и примыкающие к нему Южное Зауралье и левобережье Иртыша, словно выпадает из геополитической канвы. Это может свидетельствовать лишь о том, что важные для кочевой империи регионы изначально входили в ее состав. Вероятнее всего, вместе с долинами рек Сырдарья, Талас, Чу и Или они составляли единую пастбищно-кочевую провинцию, в пределах которой и осуществлялось сезонное кочевание объединения племен, получившие название *он ок будун* или «десяти стрел».

Трудно сказать точно, когда население этого союза заселило данные территории. Определенный ответ содержится в информации об этнониме *Дулу*, который принадлежал пяти из десяти племен данного союза. Как известно, представитель этого рода хан Кубрат в 631 году основывает Великую Болгарию [Плетнева, 1982. С. 48]. Отношение столь представительной части племен народа «десяти стрел» к болгарскому союзу племен позволяет рассматривать объединение *он ок будун*, как могущественную на тот момент кочевую конфедерацию в юго-восточной Евразии и Западной Азии.

Дело в том, что, по мнению Димитра Димитрова, основанного на данных истории Моисея Хоренского и Анонима Хронографа, первые праболгарские племена проникают в Восточную Европу уже в раннегунский период (возможно в составе хуннской орды. — С. Б.) в 354 году.

Присутствие их в прикавказских и прикаспийских степях, а также на берегах Азовского моря в данный и последующие периоды, довольно точно зафиксировано в различных источниках под разными именами: в греческих — под названием уногунтор, в армянских — *вх'ндур*/огондор/олхонтор, в староеврейских — *в-н-т-нг-р*, в арабских — *венендер*/нендер [Димитров, 1987. С. 47–48]. К 480 году огуурско-болгарский союз стал главенствовать в Северном Причерноморье [Гадло, 1979. С. 58–59]. Как уже упоминалось, по мнению С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова, первоначально болгарские племена, бывшие частью народа теле и входившие в союз огуурских племен, обитали в степной и лесостепной зонах Казахстана и Западной Сибири [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 63]. Таким образом, данные письменных источников стыкуются, а ареал праболгарского союза, по крайней мере в V веке, действительно включает территории Причерноморья, прикаспийских (уногундуры, огуры, угроги, сарагуры, оногуры) и урало-казахстанских степей (пять племен *Дулу* (Дуло) народа «десяти стрел»).

Что касается археологического аспекта, то своеобразной иллюстрацией существующих исторических реалий, вероятнее всего, может являться обширный материал, собранный Рашо Рашевым, включающий комплексы V–VII вв. степного региона Восточной Европы на страницах издания «Праболгары V–VII вв.» [Рашо Рашев, 2004]. Многочисленные аналогии предметов вооружения (трехлопастные ромбические черешковые наконечники стрел, якорьковидные крюки для колчанов, ланцетовидные втульчатые наконечники копий), конской узды (прямоугольные, трапециевидные подпрямоугольные железные и костяные пряжки, чубуки, ленчики для жесткого седла), предметы полихромного стиля и особенно керамический комплекс (горшки вытянутых пропорций или с оконтуренным ребром, отогнутым венчиком с зацепками или насечками, кувшины), которые уже неоднократно приводились выше. Ряд этих аналогий своеобразно дополняется схожими категориями сопровождающего вещевого инвентаря, обнаруженного в раннеболгарских комплексах Самарской Луки [Матвеева Г. И., 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998], приводимых выше.

Таким образом, приведенные исторические и культурные параллели позволяют утверждать о некоем единстве раннетюркского населения Восточной Европы (ранние болгары огуурского союза) и населения урало-казахстанских степей (*он ок будун*, объединение *Дулу* и *Нушеби*). При этом особо следует заметить, что существующее конструктивное своеобразие в архитектуре погребальных и культовых комплексов Восточной Европы (погребения с северо-восточной и западной ориентировкой, конем или шкурой лошади, мегаплановые подпрямоугольные сооружения из камня и с кремацией на стороне, курганы-кострища), с одной стороны, и курганы с «усами» и селенташские комплексы в урало-казахстанских степях, с другой, не позволяют в полную меру ставить между ними знак тождества. Вероятно, и

те, и другие составляли пеструю многокультурную тюрко-телескую основу Западного Тюркского каганата, безусловно особую.

Для того, чтобы более ярко оконтурить исторические судьбы урало-казахстанского тюркского населения в данный период, считаю необходимым несколько страниц уделить последующему этапу историко-культурного развития.

В раннетюркском периоде времен Первого каганата на центрально-азиатскую арену выходят два, известных впоследствии, союза племен — сеяньто-кыпчаки и тогузгузы, огузы.

Протокыпчакские племена сеяньто первоначально расселялись в долине верхнего Иртыша. Как уже упоминалось, в период Западно-Тюркского каганата их юрт значительно расширился и включал предгорья Большого Алтая, Джунгарию и, вероятно, западную часть Монголии.

В момент благоприятной конъюнктуры на сравнительно краткий момент кыпчаки-сеяньто создают свое кочевое государство (630 г.) в пределах означенного региона, но вскоре терпят поражение от союзной армии Танской империи и тогузгугов (647 г.). После этого, по реконструкции С. М. Ахинжанова, часть кыпчаков (а именно 70000 человек) бежит в степи Восточного и Центрального Казахстана [Ахинжанов, 1995. С. 102–103]. Каких-либо сообщений о взаимоотношениях кыпчаков-сеяньто с насельниками данных регионов в письменных источниках нет. Вероятно, кыпчаки, входившие изначально как составная часть в Западный Тюркский каганат, в Среднем Поиртышье и Сары-Арке были приняты как близкородственное дружеское население.

Этноним огуз и тогузгуз впервые появляется на эпитафиях в честь Кюльтегина, Бельге Кагана. С момента гибели Второго Тюркского каганата (744–745 гг.) огузы фигурируют совместно с карлуками, так как являются двумя основными кланами правого и левого ябгу во вновь образовавшихся тюркских государствах [Golden, 1972. P. 51; Досымбаева, 2006. С. 155]. О каких территориях может идти речь? Очевидно, что имеются в виду все те же обширные районы Восточного, Центрального и Южного Казахстана. Что касается районов Поиртышья и Сары-Арки, то, как уже упоминалось, они ранее подвергались интенсивному заселению кыпчаками-сеяньто. В соответствии с родословной Огуз-хана, приводимой в сочинении Абул-Гизи, кроме прямой линии ее составляли представители родов: канклы (канглы), кыпчак, карлык (карлук), калач. Это подтверждает мысль А. Досымбаевой, что обозначение огуз является термином-политонимом. По мнению П. Голдена, основанному на письменных данных, одно из племен огузской конфедерации — карлук — после падения Второго Тюркского каганата переселяется на земли народа «десяти стрел» и совместно с ним принимает участие в войне 751 года, но после этой кампании, уже в 766 году народ «десяти стрел» попадает в зависимость от тех, кому предоставил убежище. А к последней четверти VIII века огузы выходят к Сырдарье, где их застают войска Ал Махжи [Golden, 1972. P. 51; Досымбаева, 2006. С. 155]. Эти сведения очень важны, так как они указывают на финальный рубеж существования наиболее раннего западно-тюркского этнокультурного пласта и замену его новым тюрко-телеским историко-культурным комплексом.

В археологическом материале это выразилось в появлении сначала в восточной части Казахстана погребений с широтной (восточной или западной) ориентировкой погребенных, конем или его шкурой, которые не датируются ранее VIII века (Чиликты, Егиз-Койтас, Бобровский могильник, Нурынское, Жарлы) [Кадырбаев, 1952; Савинов, 1984. С. 33; Арсланова, 1980. С. 84–89; Боталов, Ткачев, 1990].

Истоки формирования традиций вышеназванного тюрко-телеского историко-культурного комплекса мы не без основания связываем с районами алтайского тюрко-телеского ареала, где к первым векам нашей эры среди различных групп погреб-

бальных памятников выделяются раннекатандинские памятники — погребения с конем или его шкурой, расположенными на ступеньках, и с западной ориентировкой погребенных (Катанда, курганы 5, 7; Усть-Эдиган, курган 1, погребения 3, 33; Ороктой, курганы 1, 14), о чем подробнее будет сказано в следующей главе.

Самые интересные выводы позволяют сделать наблюдения, полученные в последние годы в результате исследований жертвенно-поминальных комплексов и каменных изваяний Казахстана.

Так, на основе иконографического анализа каменных изваяний Центрального Казахстана (Сары-Арка и прилегающие районы), а также жертвенно-поминальных комплексов Л. Н. Ермоленко приходит к весьма важному выводу. Наиболее ранние каменные скульптуры (1-й группы), установленные в основном у квадратных каменных оградок, имеющих каменные гряды, отходящие на восток (саяно-алтайского типа. — С. Б.), появляются здесь не ранее VII века, а их происхождение связано с районами Горного Алтая и Юго-Западной Тувы [Ермоленко, 2004. С. 43–45].

Что касается районов Южного Казахстана, то анализ иконографии каменных изваяний, архитектуры жертвенно-поминальных сооружений и письменных источников А. Досымбаевой позволил сделать более однозначное заключение. По мнению автора, возникновение скульптурно-архитектурных культово-мемориальных традиций комплексов Жайсан (Чуйская долина) и Мерке (Киргизское Алатау) происходит не ранее середины VIII века и напрямую обусловлено падением Восточного Тюркского каганата (744–745 гг.) и переселения в пределы Семиречья и Таласа в страну *он ок будун* и *он ок тюргеш* карлуков из Монголии и Алтая [Досымбаева, 2006. С. 115–117, 156].

Таким образом, несмотря на определенную ограниченность методов иконографической типологии и сравнительно широкий диапазон датирования образцов вооружения, поясной гарнитуры и украшений, изображенных на изваяниях, авторы довольно точно определили хронологическую и культурно-историческую тенденции в генезисе казахстанской средневековой скульптуры и мемориальной архитектуры. Важнейшим моментом в этом процессе является то, что появление данного историко-культурного комплекса связано не с созданием собственно Западно-Тюркского каганата, а с последующими миграционными процессами из тюрко-телеского ареала (кыпчак-сеянто) и восточно-тюркского населения Монголии (карлуки, огуры) на территории, которые многим ранее были заселены раннетюркским населением *он ок будун* (народ «десяти стрел») и чуть позже *он ок тюргеш*.

В этой связи весьма показателен тот факт, что основное число курганов с «усами» продолжает свое существование именно до VIII века и не случайно, что в наиболее поздних из них (Кызыл-Жар, курган 2) гряды становятся фактически незаметными, а в комплексах селенташского типа исчезают вовсе. В этой связи интересное наблюдение было сделано А. Досымбаевой на примере южноказахстанских жертвенно-поминальных комплексов. Каменные оградки Жайсана и Мерке, в отличие от саяно-алтайских и монгольских, не имеют традиционных каменных гряд, отходящих на восток. По предположению исследователя, этот факт был связан с изменением этнополитических условий, в которые попали карлуки, переселившиеся на новые земли. Хотя и единокультурное, но дальнеродственное окружение диктовало определенную «скромность» в проведении традиционного ритуала, что, по всей видимости, выразилось в отказе от аллей каменных стел, демонстрирующих различные интерпретации могущества рода или самого поминаемого.

В определенной степени это можно проецировать на ситуацию, сложившуюся и в урало-казахстанской степи, когда постоянный приток тюрко-телеского и восточнотюркского населения приводит к установлению зависимости раннетюркского населения Западно-Тюркского каганата от пришельцев союза племен Огуз (кып-

чак, карлук), что выразилось в трансформации архитектурных традиций: наземные мегаплановые пантеоны становятся более скромными, а затем их сменяют одиночные курганы или ограды, которые доживают до IX века, когда последний этноним из числа народа *он ок тюргеш* сходит с исторической карты региона.

В заключение коротко проследим основные события, произошедшие в степях Срединной Евразии на заключительном этапе раннетюркского периода. Он, как уже упоминалось, тесно связан с историей племенного объединения Огузи Кыпчак. Несмотря на то, что, по мнению некоторых авторов, первоначально термин «огуз» был нарицательным и лишь впоследствии стал общим наименованием племен, образовавшихся в Приуральских степях в результате смешения тюркютов с местным населением [Артамонов, 1962. С. 416–419], судя по письменным данным (древнетюркские рунические надписи в честь Куль-Тегина, Могиляна, Тоньюкука), первоначально основное ядро огузов (тогуз-огузов, уйгуров) в первой половине VIII века занимало территории к северу от владений Орхонских Тюрков (бассейн рек Тола и Селенга, Юго-Восточные Саяны). Лишь к началу IX века, по данным арабских авторов (Ибн Хордадбех, Аль Якуби, Аль Балазури и Ат Табари), огузы совершают поход на Уструшану и таким образом появляются в верховьях Сырдарьи, где оказываются в непосредственной близости от другого не менее известного союза, который носил общепринятый среди исследователей идентификации «этноним»: «Кангуй»–«Кангар»–«Кенгелес»–«Буджак»–«Печенег» [Гарустович, Иванов, 2000. С. 8–10]. Данные сведения об огузах в контексте нашего исследования весьма важны, так как в этом случае письменные источники, данные родословных и легенд, во-первых, картографируют огузов изначально в Присаянье, затем в Приобье, Поиртышье и, наконец, в казахстанских и среднеазиатских степях, во-вторых, в связке с огузами, как едиnorodственные, упоминаются кимаки, кыпчаки и карлуки [Кононов, 1958. С. 43–50; Гарустович, Иванов, 2000. С. 11–12; Гуркин, 2000. С. 11–13]. Как мы можем заметить, данная динамика распространения огузского этнополитического влияния вполне соответствует становлению границ тюрко-телесского археологического ареала погребений с конем и преобладающей западной ориентировкой, о чем говорилось выше. Восточные границы этого ареала очерчивают погребения Присаянья, а западные — комплексы востока Центрального Казахстана (конкретные комплексы см. выше). В последующий период, вплоть до X века, письменные источники сообщают о череде войн между печенегами и огузами за земли «вокруг моря Джурджан (Арал)» [Гарустович, Иванов, 2000. С. 11]. В союзе с огузами (гузами) Ал Масуди упоминаются кыпчаки и карлуки, а с печенегами — башкиры, бурджаны и нукерды. К началу X века огузский союз племен одержал верх над печенегами [Кузеев, 1971. С. 21], в результате чего последние вынуждены были покинуть Приаральско-Сырдарьинский ареал своего исконного обитания. Из приведенных сведений следует, как уже говорилось, что весьма трудно провести грань, где продолжается огузская и начинается кыпчакская история. Кыпчаки в это время участвовали в деяниях огузского союза и являлись составной частью огузского (тюрко-телесского) этнокультурного единства. В этой связи понятна та сложность, с которой сталкиваются исследователи кочевнических древностей восточноевропейских степей, когда пытаются выявить четкие критерии в выделении огузских (гузских) и кыпчako-половецких комплексов IX–XI вв. Решающими в этом случае являются, как правило, не археологические, а письменные данные, констатирующие, по сути, смену этноплеменного названия, на наш взгляд, единого этноплеменного союза, произошедшую на рубеже XI–XII вв. Единокультурная основа явилась причиной того, что формальные черты сходства погребального обряда сохраняются на достаточно долгий период. В этой связи, вероятно, невозможно, да и нет смысла выявлять особые различия огузских (гузских), торческих и раннекыпчакских или

раннеполовецких комплексов. Различные «особые» категории вещевого материала, как-то копоушки, птицевидные и лазуритовидные подвески и др., безусловно, отражают хронологические особенности и культурно-географические изменения в среде гузо-половецкого населения. Однако, как нам представляется, они не могут в полной мере выступать этнокультурными реперами.

Иная ситуация складывается вокруг огузских и печенежских комплексов. Несмотря на единство мнения о том, что основные очаги культурогенеза огузов и печенегов отстоят друг от друга на тысячи километров: печенеги—баджак—кангелес—канглы—кангюй—Сырдарья, Приаралье; огузы—тогуз—огузы—Присаянье [Толстов С. Г, 1947. С. 101; Плетнева, 1990. С. 94–96; Гарустович, Иванов, 2000. С. 8–9; Бартольд, 1968. С. 89–92; Савинов, 1979. С. 55–69], в последующий период их единой истории, которая протекает в степях Западного Казахстана, Волго-Донья и Приднепровья, они рассматриваются в едином контексте. Их изначальное культурное своеобразие нивелируется и исчезает в необъятном океане кочевой синкретической культуры. Попытки выделения среди общей массы многочисленных кочевнических комплексов данного периода памятников собственно печенежских и собственно огузских (гузские, торческие) не представляются возможными, либо не имеют убедительных критериев [Федоров-Давыдов, 1966. С. 141; Плетнева, 1990. С. 95; Гарустович, Иванов, 2000. С. 94]. С нашей точки зрения, данная ситуация не отражает реального облика культур, вышеприведенных кочевых народов. Действительно, если принять за основу положение, что культурогенез печенегов связан с народом страны Кангюй, а с этим сегодня большинство авторов согласны, то очевидно, что истоки материальной культуры печенегов необходимо искать в памятниках Среднеазиатских и Южноказахстанских оазисов, где с первых веков н.э. существовал ряд культур (каунчинская, джунская, арысская, кенкольская и др.), которые большинством исследователей и автором связываются с культурой Кангюя. Нами они объединяются в кенкольский тип памятников Алано-Кангюйского ИКК, о чем уже упоминалось на страницах этой книги. Характерной объединяющей особенностью погребальной культуры данного населения является катакомбный обряд (дромосные катакомбы с подбоями и простыми ямами с южной ориентировкой погребенных) [Боталов, 2003. С. 113; 2003а. С. 33]. Несмотря на начавшуюся активную тюркизацию, которая происходит во второй половине VI века после походов Истеми хана в Среднюю Азию, думается, что основной историко-культурный комплекс алано-кангюйского населения сохраняется вплоть до распада и прекращения существования данной этнокультурной общности. Как известно, фактически все памятники отро-каратауской, джетыясарской, каунчинской, арысской и других позднекангюйских культур прекращают свое существование к рубежу VII–VIII вв. [Григорьев Г. В., 1940, 1949; Максимова, Мерсчиев, Вайнберг, Левина, 1968; Левина, 1966, 1996; Байпаков, Подушкин, 1989. С. 26; Бурханов, 1992. С. 12]. Происходит это в два этапа: мелкие поселки и селища перестают функционировать к V–VI векам, а городища — к рубежу VII–VIII вв. [Толстов С. П., 1949. С. 27]. Это подтверждают и материалы могильников, где встречены более поздние материалы, которые датируются VI–VII вв. [Амброз, 1981. С. 21. Рис. 10] и даже VIII–IX вв. (в памятниках арысской IX–X вв. и джетыясарской культуры) [Подушкин, 2000. С. 136]: цельнолитая пряжка трапецевидной формы, по В. Б. Ковалевской [Ковалевская, 1979. С. 36–37; Левина, 1996. С. 286. Рис. 94], стремена, подпружные пряжки, I периода по Г. А. Федорову-Давыдову [Федоров-Давыдов, 1966. С. 12, 115]. Распад Кангюя был вызван, прежде всего, экологической катастрофой, произошедшей в этот период в зоне Арало-Сырдарьинских степей [Боталов, 1996. С. 195–196] и, безусловно, усложнившимися внешнеполитическими условиями (завоевания Западно-Тюркского каганата и огузов). Как нам представляется, следствием этого явилась дли-

тельная миграция аланского населения страны Кангюй в Волго-Донские, Северокавказские и Днепро-Дунайские степи, где с VI по X век появляются памятники салтово-маятской культуры [Плетнева, 1967. С. 8], характерные особенности которой (планировка и фортификация городищ, катакомбный обряд погребений, состав керамической посуды) схожи с алано-кангюйским ИКК. Безусловно, принимая тезис о многокомпонентности салтово-маятской культуры, нельзя не признать, что ее аланская составляющая является доминирующей. Динамика исчезновения аланских памятников Кангюя с возникновением и последующим расширением ареала салтово-маятских комплексов наводит на мысль о взаимосвязанности этих процессов. Если на начальном этапе алано-кангюйские миграции из арало-сырдарьинской зоны привели к сложению аланской компоненты Хазарского каганата, то, по всей видимости, завершающим аккордом был исход печенежского (хотя и в значительной мере тюркизированного) [Плетнева, 1990. С. 9–10], в основе своей кангюйского, следовательно, аланского населения. Из всего сказанного следует, что, вероятнее всего, салтово-маятская культура, с одной стороны, отражает общеаланское культурное единство, с другой, несет в себе двукомпонентное этнополитическое содержание: на раннем этапе VI–VIII вв. — это аланское население Хазарского каганата, на позднем — IX–X вв., прежде всего это касается населения хазарского западного порубежья и днепро-дунайских территорий — печенежская орда. Эта реконструкция не противоречит и общеисторическим данным. Тем более сегодня в западных пределах очерченного региона (Южное Поднепровье), значительно удаленных от границ Хазарского каганата, действительно известны памятники X–XI вв. (то есть после падения каганата) салтовского круга [Козловский, 1992. С. 154; Бубенок, 1997. С. 28–30]. Данная реконструкция не претендует на свою бесспорность, однако она позволяет разрешить весьма важное противоречие в культурной идентификации двух наиболее важных для развитого средневековья восточноевропейских степей кочевых этносов: печенегов, с одной стороны, и огузов, половцев — с другой, которые в истоках своих несли абсолютно разный ИКК. В этой связи абсолютно логично простирается череда последующих событий. Появление на рубежах Хазарского каганата огузско-раннеполовецкого населения, которое маркируют комплексы типа Саркела — Белая Вежа, знаменуют собой не только существование в последний период Хазарского каганата, но и пребывания собственно печенежского населения в пределах этих районов. Это ознаменовалось прекращением существования наиболее крупных салтово-маятских некрополей данного региона [Плетнева, 1989. С. 172; Флеров, 1984. С. 197] и расширения ареала салтовской культуры на запад, что соотносится с уходом печенежской орды на запад — в Подунавье.

Таким образом, данная попытка уточнения картины этнокультурных взаимодействий в урало-казахстанских и восточноевропейских степях позволяет более рационально реконструировать процессы дальнейшего кимако-кыпчакского культурогенеза.

Для урало-казахстанских степей начало кимако-кыпчакского периода, как уже говорилось, падает на конец IX века. Историческая фабула событий раннекыпчакской истории выглядит примерно следующим образом. К этому времени кыпчаки в урало-аральских степях разгромили печенежскую коалицию [Кузеев, 1971. С. 21]. На юге, в бассейне Сырдарьи, они одержали верх над огузами [Агаджанов, 1969. С. 154–155] и в 1030 году оказались у границ Хорезма [Кумекон, 1972. С. 43. Рис. 75, 10, 11]. Окончательно они вышли из политической зависимости от кимаков в XI веке после падения кимаковского государства, в разгроме которого, вероятно, участвовала одна из их восточных группировок [История КазССР, 1979. С. 52. Рис. 97, 3]. Кыпчаки сдвинули лесостепное срусткинское население и хакасов из Обь-Иртышского междуречья на восток [Неверов, 1988. С. 18], а на западе пред-

приняли первые набеги на волго-донские районы (город Саксин) и далее на Русь (1055 и 1061 гг.).

Историческая канва достаточно убедительно показывает, что кочевники заурало-казахстанских степей в XI веке безусловно находились в ареале кыпчакской политической зависимости. В это время, вероятно, земли Урало-Аралья (от восточных склонов Урала) являлись кочевьями кыпчаков.

К XII веку восстанавливается прежняя пастбищно-кочевая территория в рамках Урало-Аральского региона, что способствовало этнической консолидации и окончательной тюркизации населения западноазиатских степей к XIII веку.

Глава 7

КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЕВРАЗИИ И РАННЕТЮРКСКИЕ АРЕАЛЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ VI–VIII вв.

1. Понятие этнокультурный ареал и метод ареальных исследований впервые и, на наш взгляд, весьма успешно был использован Д. Г. Савиновым в историко-археологических реконструкциях, основанных на материалах раннего и развитого средневековья Центральной Азии [Савинов, 1984]. Выбор этого метода для памятников означенного периода, находящихся в великом поясе евразийских степей, весьма удачен. Потому как, с одной стороны, именно с этого времени комплексное рассмотрение письменных и археологических источников позволяет наиболее точно очертить границы конкретных этнополитических объединений, с другой стороны, по нашему убеждению, именно с этого постгуннского рубежа (конец V–VI вв.) евразийское кочевое сообщество вступает в новый, особый этап своего социокультурного развития, когда интеграция его достигает такого уровня, после чего возникает некое единство, получившее название Кочевая цивилизация Евразии.

Понятие «Кочевая или степная цивилизация» не так давно стало употребляться в среде кочевниковедов и востоковедов [Степная цивилизация., 2003. С. 3–7], хотя не всегда в полной мере соответствует традиционным дефинициям.

На определенной стадии развития человеческих сообществ, взаимодействующих на гигантских просторах Евразийского степного вмещающего пространства (по Л. Н. Гумилеву), их интеграция достигает такого качества и степени своей социальной и межэтнической консолидации, что вынуждает развиваться и взаимодействовать многочисленные сообщества по правилам законов единой социальной системы. Учитывая различия в объеме, характере, содержании, вкладываемые в современное понятие *цивилизации*, мы сочли возможным применения его в контексте межэтнических сообществ, различаемых по географически-дифференцированному пространству, исторически определенному месту, социокультурному и хронологическому различию [Сайко, 2003. С. 16].

Итак, Вмещающее пространство — степная Евразия. Время — «Эпоха переселения народов». Хотя здесь следует сделать существенную оговорку. Несмотря на общепринятую традицию начинать Великое переселение со II века н. э. (нашествие алан и переселение готов из Сканзы в лесостепную и степную Европу) [Боталов, 2000а, С. 111], это понятие мы склонны трактовать широко: как движение народов Евразии с древнейшего периода (X – VIII вв. до н. э.) до позднего средневековья.

Результатом его явилось не только создание первых континентальных Кочевых империй — Хунну и Великих Тюркских каганатов, но и окончательное сложение особой системы взаимодействия и взаимообусловленности историко-культурного развития степных сообществ, для которой предложено определение «*Кочевая цивилизация*» (далее КЦ). Ее характерные черты и особенности развития сегодня требуют особой разработки. Важной стороной этого является то, что именно после переселения гуннов в Европу многочисленные перемещения и перегруппировки кочевых сообществ происходили в определенной взаимосвязанности и взаимообусловленности. Особенно ярко это проявляется после формирования Тюркских империй. Поражает чрезвычайная культурно-политическая мобильность кочевых социумов, способных не только совершать миграционные рейды или беспрестанные набеги в пределах гигантских территорий степной ойкумены, но и молниеносно

(с исторической точки зрения) возводить города и ставки в степных оазисах Туркестана, Казахстана и Средней Азии, в предгорьях Кавказа, Балкан, на берегах Волги, Дона и Дуная. И, наконец, еще одним проявлением факта возникновения КЦ явилось всеобщее внедрение рунического письма как в среде кочевой элиты, так и среди рядового населения.

Как известно, за длительный период существования самого определения *цивилизация* (с XVIII века) существующий обширный ряд признаков данного понятия Г. Чайлдом был сокращен до десяти основных (города, монументальные строения, налоги, интенсивная экономика, в т. ч. торговля, выделение ремесленничества, письменность, зачатки науки, развитое искусство, социальная дифференциация), которые впоследствии были сведены к трем системообразующим признакам: архитектура, города и письменность [Массон, 1989. С. 6–7].

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что предлагаемое нами понятие КЦ не отвечает критериям ранее сложившегося определения цивилизации.

В связи с этим сегодня сложилась весьма своеобразная историографическая практика, когда алгоритм исследований национальных исторических школ в целом ряде стран (где «титультными» были кочевые народы) подчинен своеобразному «выдавливанию по капле» кочевого (значит варварского) естества и мученическому поиску «оседлой автохтонности». Или наоборот – необоснованному акцентированию кочевнической составляющей в истории народов, которые в конечной стадии своего развития были по сути уже оседлым населением. Возможно ли применение понятия «кочевая цивилизация» не в широком (иносказательном) смысле, а непосредственно в социолого-исторической трактовке?

Анализ культурных, хозяйственно-экономических, социальных и идеологических признаков различных кочевых сообществ показывает, что на определенных этапах развития кочевые суперобщности в разной мере отвечают основным признакам обозначенной выше «цивилизационной триады».

Так, сегодня становится вполне очевидным, что культово-мемориальная архитектура сибирских и европейских скифов, монгольских и забайкальских сюнну, тагаро-таштыкских племен Минусы, тюркские пантеоны Монголии и урало-казахстанских степей и другое по объему трудозатрат и архитектурно-технологическому оснащению вполне соответствуют нормам мировой монументальной архитектуры. Что касается письменности и возникновения кочевнических (варварских) городов, то они в системе кочевых сообществ появляются на различных этапах ее существования. Данная стадийность была тонко подмечена С. А. Плетневой, как четыре основные фазы (стадии) развития [Плетнева, 1982]. Однако, на наш взгляд, они отражают не столько процесс развития социумов, сколько некие эпизоды их хозяйственно-культурной и социально-политической адаптации. Этот аспект в большей мере иллюстрирует именно адаптивный характер этого особого типа цивилизации. Так, к примеру, процесс оседания кочевников и появление городов, представляемый как финальная стадия существования сообщества, на самом деле отражает наступление благоприятного этапа экологической, социально-политической и экономической адаптации. В этом случае основным объектом производства и критерием этносоциальных приоритетов остается кочевое хозяйство, однако историко-политические реалии вынуждают кочевую элиту создавать ставки-города, впоследствии обрастающие торгово-ремесленным посадом. При этом продуктивность и мобильность именно КЦ в период наиболее эффективного ее функционирования были беспрецедентны. Это вытекало, прежде всего, из высокой степени рентабельности самого кочевого скотоводческого производства, а также невероятной для оседлых объединений степени социоэтнической интеграции. Это, в конечном счете, сказывалось на социальной и экономической мобильности и эффективности данных

обществ. Так, многочисленные «варварские» города, стремительно возникшие в поясе Евразийских степей и в оазисном и лесостепном пограничье, в короткое время превращались в крупнейшие урбанистические центры, обходя по мощности столицы оседлых цивилизаций. Они своеобразным ожерельем оконтурили степные участки Великого Шелкового пути — основной цивилизационной коммуникации, возникновение которой определило начало существования самой КЦ. Хотя здесь стоит признать, что эти центры стремительно возникают — и столь же неожиданно способны затухать и исчезать с исторической карты регионов. В этом отразилась специфическая черта КЦ — беспрецедентная мобильность и адаптивность данной социально-экономической системы. Основные исторические фазы развития КЦ Евразии, вероятнее всего, можно представить следующим образом:

1-я фаза (VII–VI вв. до н. э. – I–III вв. н. э.). Становление и сложение как континентальной системы происходит на стадии древних кочевников, когда формируются первые кочевые союзы племен, устанавливается пастбищно-кочевая система, происходят множественные миграции и перегруппировки населения в пределах степного коридора, осуществляющие своеобразную апробацию будущего интегрируемого пространства.

2-я фаза (IV–VIII – XIII–XIV вв.). Становление и последующее развитие КЦ. Начало ее приходится на рубеж хунно-гуннского и раннетюркского периода — время первых кочевых империй и «варварских» городов кочевников. В этот период все перемещения внутри макро- и микрорегионов евразийских степей и прилегающих районов носят в определенной степени упорядоченный или взаимосвязанный характер. Массовые миграции сменяют циклические нашествия и набеги. Тюркская — орхонская, енисейская, таласская, хазарская, болгарская и другие — тамго-руническая письменная традиция смогла охватить многодиалектное разнообразие кочевых народов сложившейся цивилизации и стать в ряде случаев государственной письменностью [Кызласов И. Л., 1994].

Своего пика эта фаза достигает, вероятнее всего, к XIII–XIV веку, с формированием Монгольской империи и существования ее кочевых государств (Орд).

3-я фаза (XV–XVII вв.) ознаменовалась распадом основных структурных элементов системы, геокультурной локализацией и обособлением кочевых социумов, множественными спорадическими миграциями и перемещениями внутри макро- и микрорегионов. Разрушается система политических, культурных и торговых коммуникаций.

Суммируя вышесказанное, следует определить следующее:

Кочевая цивилизация — это общество с производящей формой экономики, развитой идеологией, способной стимулировать его постоянное поступательное развитие, эффективное функционирование и воспроизводство социокультурной системы, способной поддержать высокую степень мобильности, коммуникабельности и адаптивности сообщества, благодаря сложившейся и широко распространенной письменной традиции среди ее основных социальных слоев и групп [Боталов, 2008].

Возвращаясь к вопросу об этнокультурных ареалах (ЭКА), заметим, что чрезвычайная пестрота археологических материалов, оставленных сообществами входившими в ареалы в условиях, с одной стороны, существования кочевой цивилизации, с другой — бесконечных пертурбаций, вызванных переселением народов именно ЭКА, позволяющая оконтурить то культурно-территориальное единство, которое возникает как прообраз будущих средневековых народов.

Как уже было упомянуто, окончательное сложение этнополитического единства в рамках степной цивилизации происходит на рубеже двух эпох хунно-гуннской и тюркской. В этой связи интересен тот факт, что именно в этот момент в пределах Средней Евразии начинают формироваться ЭКА, которые являются своеобразным

результатом этнокультурной интеграции уходящей гуннской и нарождающейся тюркской эпох.

2. *Гуннские ареалы.* Данные, приведенные выше (см. главу 4), позволяют констатировать, что в пределах Восточной Европы в гуннский период после распада больших гунно-сарматского и собственно гуннского ареалов, существовавших вплоть до конца эпохи Аттилы (453 г.), сформировалось несколько малых ареалов, которые продолжают свое существование вплоть до VIII века. Приведем их краткую характеристику. Особо подчеркнем, что принятые названия условны и лишь в некоторой мере отражают культурное своеобразие этих ареалов.

Основным критерием выделения именно гуннских ареалов являются исторические обстоятельства, при которых они появляются и существуют довольно длительный период. В большинстве случаев их возникновение приходится именно на гуннский (эпоха Аттилы) и постгуннский периоды (V–VI вв.), а основное развитие продолжается вплоть до VIII века. При этом памятники, входящие в выделенные ареалы, зачастую уже не демонстрируют то культурное единообразие или, по крайней мере, его основные интегрирующие черты, придающее им гунно-сарматский облик, которое характерно для раннегуннского или позднесарматского времени. Основная часть гуннских ареалов — танаисский, именьевский, турбаслинский и джетыясарский — сохраняют основные составляющие гунно-сарматского ИКК: простые и подбойные могильные ямы, северная ориентировка погребенных, деформация черепов, соответствующий набор вещевого инвентаря, характерный для мужских (предметы вооружения, конская узда, поясные пряжки) и женских (керамика, ритуальная посуда, лунницевидные серьги или колты, ожерелья с 14-тигранными бусинами, фибулы, бубенчики, зеркала, пряслица) комплексов. Однако причерноморские (гунно-болгарские), кавказские (дагестанские) и донские памятники змятиноско-чертовицкого типа демонстрируют довольно сложную археологическую палитру, отражающую сложнейшие процессы гуннских и постгуннских интеграций, что достаточно условно нами отражено в названиях этих историко-культурных ареалов. Коротко охарактеризуем их.

Гунно-болгарский ареал охватывает Северо-Восточное Причерноморье и Северо-Западное Предкавказье, ограничивается рамками небольшого Новороссийско-Анапинского микрорайона, расположенного на северном пограничье прибрежной и степной зон Северо-Западного Предкавказья (цв. вклейка, рис. 110, 15). По всей видимости, сложение его падает на раннегуннский период и может быть соотнесено с серединой III века, когда появляются наиболее ранние комплексы могильников Южной Озерейки и Цемдолинского, а также отдельные комплексы III–IV вв. в окрестностях Новороссийска и Анапы. Отнесение этих памятников к праболгарским позволяет сделать тот факт, что среди материалов данных памятников зафиксированы наиболее ранние в Восточной Европе комплексы с широтной (западной) ориентировкой погребенных, захороненных по обряду ингумации в сопровождении коня или отдельные захоронения лошадей. При этом данная традиция в III–IV вв. распространяется на юг вдоль морского побережья до района Туапсе, где в могильнике Бжид среди достаточно разнообразных форм погребального обряда зафиксированы захоронения, сопровождаемые лошадьми [Гавритухин, Пьянков, 2003]. Вещевой материал этих могильников (узкие двулезвийные мечи, кольчатые удила с ремennыми накладками-зажимами, круглорамчатые пряжки с подвижным фигурным щитком, лучковые фибулы с обмоткой по спинке, дисковидные подвески, 14-тигранные бусы, отдельные формы керамики) находит прямые аналогии среди материалов гунно-сарматских или позднесарматских памятников, особенно из районов Волго-Донья [Гавритухин, Пьянков, 2003. Табл. 72, 1, 4–7, 21, 23–34, 47, 40–44, 46, 50, 52, 57–58, 74, 85; 74, 58, 59, 61, 64, 68, 71, 72, 76, 78, 80].

Вероятнее всего, окончательное сложение этого ареала происходит в гуннский и постгуннский периоды (V–VI вв.) с последующим существованием до VIII века. Господствующим в это время является обряд ингумации, но уже появляются и трупосождения, которые становятся преобладающими после VIII века. Характерны погребения в простых прямоугольных ямах с каменной обкладкой стенок или с каменными ящиками в них, с широтной (западной, реже восточной) ориентировкой погребенных. В ряде могильников — Дюрсо, Бжид — сохраняются погребения лошадей. Вероятнее всего, центром ареала в данный период продолжают оставаться северные (Новороссийский и Таманский) микрорайоны, где расположены эталонные некрополи ареала — могильник Дюрсо и Борисовский. Южная граница ареала, вероятнее всего, достигает районов Туапсе и Сочи [Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 190], восточная — верховий Кубани. По нашему мнению, восточную границу ареала могут маркировать захоронения могильника Гиляч, совершенные в прямоугольных могильных ямах, обложенных плитами, с северной и восточной ориентировкой погребенных, деформацией черепов и соответствующим набором вещевого инвентаря [Минаева, 1951; 1982]. Весьма характерными для гуннского и постгуннского вещевого комплекса этого могильника являются отдельные категории и типы артефактов, такие как зеркала с радиальным прямолинейным орнаментом и центральным ушком, предметы, выполненные в полихромном стиле, калачиковидные серьги, фибулы, бубенчики, антропоморфные подвески, образцы ременной гарнитуры и стеклянной посуды [Минаева, 1951. Рис. 5, 6, 7, 11; 8, 4, 8; 12, 2, 3; 13, 3, 4; 14, 4, 5, 7, 10; 16, 1; 1982. Рис. 4, 2, 3; 5, 2–5; 6, 2–7]. Показательным также является и керамический комплекс могильника, который, безусловно, представляет следы влияния Центрального и Восточного Предкавказья. Погребения могильника Гиляч и, вероятно, Кишпекский комплекс, о котором говорилось выше, своеобразно ограничивают ареал распространения предкавказских памятников — простых и обложенных плитняком могил с широтной ориентировкой. Как известно, далее на восток (район Минеральных Вод, Центральное Предкавказье и Прикаспийский Дагестан) наибольшее распространение получают курганные и бескурганные катакомбные комплексы.

Кавказская Гунния. Степной и Предгорный Дагестан, а также погребальные комплексы из могильников Прикаспийского Дагестана IV–VIII вв. (цв. вклейка, рис. 110, 16), которые достаточно подробно рассматривались выше (см. глава 4, § 5). Критерием выделения данного ареала большей частью являются общеисторические данные о размещении Прикаспийской Гуннии по данным раннесредневековых источников, которые подробно изложены в специальном исследовании Л. Б. Гмыри [1993. С. 278–305; 1995].

В археологическом плане эти территории характеризуются материалами Паласасыртского, Чирюртского, Верхнечирюртинских, Дагогнинских и других могильников Прикаспийского Дагестана, где ведущими погребальными традициям являются курганные или бескурганные катакомбные погребения. Эта специфическая особенность погребальной традиции данного гуннского ареала получила свое отражение и в исторических материалах, что позволило М. И. Артамонову прийти к заключению о том, что территория, расположенная в пределах Северо-Восточного Предкавказья, где ранее располагалась страна «Алуандрия» (по Моисею Каланкатуйскому) или страна северокавказских алан, была захвачена гуннами-хайлындурами [Артамонов, 1962. С. 61]. По мнению Ю. Р. Джафарова и Л. Б. Гмыри, с 60-х годов V века после появления гуннов-савиров эти районы входят в состав раннесредневекового государства «Царство гуннов» [Гмыря, 1993. С. 305]. К сказанному следует добавить, что эти же районы являлись местом обитания аланов-маскутов и барсилов, в связке с которыми неоднократно упоминаются и гунны с самого раннего

периода их обитания в Предкавказье (Агафангел, Моисей Хоренский, Фавстос Бузант и др.) [Гмыря, 1993. С. 279].

Трудно сказать, каков был механизм гунно-аланской интеграции, произошедшей в пределах ареала «Кавказской Гуннии». Как представляется, здесь мы имеем один из первых случаев включения союзного аланского объединения в гуннскую орду на этапе первых походов этой конфедерации в Закавказье в III–IV вв. Гуннское превосходство в родоплеменной иерархии этого объединения отразилось в дальнейшем в наименовании (самоназвании) населения, проживающего в пределах Каспийского Дагестана.

Гуннский Танаис (цв. вклейка, рис. 110, 17). С ним, как уже было подробно обозначено, мы связываем верхние горизонты Танаиса, относящиеся к IV–VI вв., и более 50 погребений Танаисского некрополя, большее число которых (59%) демонстрируют северную ориентировку погребенных, а меньшее совершенно в катакомбах, появившихся здесь в массовом количестве после IV века, в могильных ямах с подбоем и широтной (западной) ориентировкой погребенных. В 10 случаях (18%) фиксируется черепная деформация [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 175–179]. На появление во второй половине II века н. э. раннегуннского населения в Танаисе и его округе указывают изменения в погребальной обрядности, фиксируемые в нижнедонских некрополях, и материалы ономастики (см. Глава 4 § 4). После готского погрома Танаис был восстановлен и существовал до VI века как «варварский город», как стратегически важный форпост-ставка Приазовских и Нижнедонских гуннов. Вопрос о верхней дате существования данного ареала остается пока неясным. Как уже отмечалось, наиболее поздние погребения некрополя Танаиса относятся к VI веку. Однако не так давно на территории Недвиговского городища обнаружены слои VII–VIII вв., которые в архитектурном и культурном облике продолжают традиции предшествующего горизонта [Нидзельницкая, Ильяшенко, 2007]. Это позволяет говорить, что город существовал в течение раннетюркского периода.

Гуннский Чертовицко-Замятинский. Кривая Лука. Доно-Днепровское лесостепное междуречье (цв. вклейка, рис. 110, 18). Этот ареал составляет группа городищ и могильников III–VI вв. лесостепной полосы Донского и Днепровского междуречья. Впрочем, существует мнение, что собственно гуннскую историко-культурную составляющую этого микрорайона следует ограничить памятниками эпохи Аттилы (конец IV–V вв.) [Обломский, 2004. С. 166]. Опорные поселенческие памятники, к которым, вероятно, можно отнести III Чертовицкое и городища Замятинского комплекса (Замятино, 5, 7, 8), дают материалы, укладывающиеся в широкие хронологические рамки от III до VI вв. Раннюю позицию (середина III в.) демонстрируют радиоуглеродные даты из городища Замятино 5 [Обломский, 2004а. С. 147]. Позднюю, на наш взгляд, очерчивают горизонты III Чертовицкого городища, где обнаружены В-образные и рифленые металлические пряжки, которые могут быть отнесены к началу VI века. [Бажан, Каргапольцев, 1989]. Аналогичные хронологические рамки и у некрополей этого ареала. Однако изначальное отнесение их к кругу сарматских лесостепных памятников не позволило рассматривать эти материалы в едином ИКК. Речь идет об уже рассмотренных выше материалах I Чертовицкого, Животинского, Ново-Никольского, Вязовского и других могильников Верхнего Подонья [Медведев, 1990]. На наш взгляд, погребальный обряд местного населения испытывал явные инокультурные влияния, что отразилось в неустойчивости ориентировок, наличии трупосожжений и особых проявлений культа огня, характере вещевого инвентаря, но в целом представляющим единую линию развития позднесарматской (раннегуннской) погребальной традиции. Вероятно, данное обстоятельство позволило высказать А. М. Обломскому весьма верное суждение о «постсар-

матском» облике немногочисленных погребений собственно гуннского и постгуннского времени (V–начало VI вв.) из курганов 4, 5 Животинского могильника и Лихачевского погребения [Обломский, 2004б. С. 224]. К этому же кругу, вероятно, целесообразно отнести погребения у села Любовка и Сумы-Сад (погребение 4), имеющие северную ориентировку. И.О. Гавритухиным они отнесены к кругу постгуннских древностей V–VI вв. [Гавритухин, 2004].

Если отбросить терминологическую путаницу в современных представлениях, которая по сути отвергает наличие каких-либо определенных черт самой гуннской культурной компоненты в материалах как данного конкретного *гуннского* ареала, так и других, раннетюркских ареалов VI–VIII вв., речь о которых пойдет ниже, и заменить термины типа «сарматское влияние», «позднесарматские», «постсарматский облик» и других на определение гуннские, то вполне может быть построена непрерывная линия преемственного историко-культурного развития лесостепного Доно-Днепровского междуречья от раннегуннского II–III вв. (позднесарматского) до постгуннского периода начала VI века. При этом гуннская составляющая, вероятнее всего, выполняла роль «титального» населения, между тем как основную часть оседлых земледельческих городищ и их сельской округи в данном ареале составлял сложный этнокультурный субстрат готского (черняховского), протославянского (антского) и, возможно, позднескифского и раннеславянского населения [Медведев, 1998. С. 10; 1998а. С. 59; Обломский, 2003. С. 91; 2004; 2005. С. 42].

Гуннский Именьковский. Волжско-Камское слияние (цв. вклейка, рис. 110, 19). Название данного ареала достаточно условно, особенно в той части, которая отражает собственно именьковскую составляющую, включающую очевидное культурное единство поселений, городищ и могильников бассейна Нижней Камы и Волги в Камско-Самарском междуречье, существовавших здесь в пределах IV–VII вв. В большей мере речь идет о весьма специфических материалах (могильник Коминтерновский II); составляющие его комплексы четко выделяются не только обрядом ингумации на фоне абсолютного преобладания кремации в именьковских некрополях, но и наличием характерных черт гуннского ИКК, сближающих их со степными памятниками гуннского и постгуннского времени, а также комплексами турбаслинской и джетыясарской культур, о чем уже говорилось выше. В этой связи, на наш взгляд, абсолютно неправомерно Г. И. Матвеевой коминтерновские и турбаслинские комплексы включены в круг именьковских памятников, а восточные границы именьковской культуры отодвинуты вплоть до бассейна реки Белая [Матвеева Г. И., 2003. С. 32–33. Рис. 1, 2, 14]. С нашей точки зрения, появление столь яркого комплекса, коим является могильник Коминтерновский, в стратегически важном районе Волжско-Камского слияния, отражает процесс установления гуннского протектората над значительной территорией, заселенной собственно именьковским населением, славянская (или праславянская) принадлежность которого сегодня у большинства авторов не вызывает сомнения [Матвеева Г. И., 2003. С. 74–77]. Близкий механизм межэтнических взаимодействий гуннского и праславянского населения мы видим на примере чертовичко-замятинского ареала Кривой Луки и Дона. Нечто похожее, вероятнее всего, происходит в *гуннском, турбаслинском* ареале, расположенном в пределах Бельско-Уфимского слияния (цв. вклейка, рис. 110, 20). Здесь в недрах турбаслинской культуры идет активная диффузия позднегуннского и финно-угорского имендешевского населения. В определенной мере о гуннском влиянии на ареалы, расположенные в лесостепной полосе от Дона до Уфы, свидетельствуют частые находки предметов, своеобразно маркирующих гуннскую и постгуннскую эпохи. Речь идет о серьгах-лунницах, калачиковидных серьгах, коньковых и антроповидных амулетах, бубенчиках, подвесках-сульгамах, отдельных категориях ременной гарнитуры, типов браслетов, фибул и зеркал [Гавритухин, 2004. Рис. 3–5; Матвеева

Г.И., 2003. Рис. 25; 27; 28; 32; 33, 6, 8, 11, 12; Сунгатов, 1998. Рис. 3; 5, 5–8, 17, 19, 20, 21; 8; Генинг, 1977. Рис. 3, 39–41; 8, 1, 2; 11, 1, 4].

Безусловно, в рамках турбаслинского ареала, равно как и в случае с именьковским, сосуществуют самые различные археолого-этнические группы (бахмутинская, имендяшевская, кушнаренковская, чермосатская и другие), что выразилось в чрезвычайной пестроте археологического материала V–VII вв. с территории Центрального Башкортостана [Генинг, 1972]. Вероятнее всего, мирное сосуществование в пределах одних селищ и городищ обеспечивала именно гуннская этнополитическая составляющая. На это указывают материалы исследования городища Уфа II (Башкорт), раскопки которого проводятся в последние годы. Расположение этого крупного протогородского центра с развитым ремеслом, мощной фортификационной и жилой архитектурой в непосредственной близости с известными некрополями позднегуннской (турбаслинской) кочевой аристократии, которыми являются знаменитые уфимские курганы и многочисленные турбаслинские комплексы, разбросанные по улицам и пригородам Уфы, факт не случайный. В данном случае мы имеем дело с единым комплексом, включающим протогород и связанные с ним погребальные памятники. Это единство позволяют установить многочисленные находки типологически близких предметов в могильниках и слоях V–VIII вв. городища [Мажитов, Сунгатов, Султанова, 2007].

Интересно, что такой же круг этномаркирующих категорий инвентаря, равно как и основные черты погребальной обрядности, характерные для гуннского ИКК, демонстрирует еще один ареал, расположенный на юге казахстанских степей в оазисной зоне древней дельты Сырдарьи (цв. вклейка, рис. 110, 7) [Левина, 1996. Рис. 119; 140; 141, 22, 25; 143; 144, 69, 70]. Его условное название *гуннский, джетыясарский* (эфталитский). Подробно нами он охарактеризован выше (см. глава 2 § 4, 5). Напомним, что определение «эфталитский», с определенной осторожностью приводимое ранее для этой группы археологических материалов, обусловлено тем обстоятельством, что на территории юга Казахстана и Средней Азии трудно определить другой ИКК, который бы, с одной стороны, нес на себе столь яркий общегуннский облик, с другой — демонстрировал непрерывное развитие с V по VIII век. Безусловно, основные районы легендарной истории эфталитов (эпохи Тороманы и Михиракулы) находились далеко на юге и юго-востоке в пределах Афганистана, Пакистана и Северной Индии, где в конце V–VI вв., вероятнее всего, также возникали гуннские ареалы, население которых впоследствии вошло в состав раджпутов и афганцев [Гумилев, 1959. С. 140]. Однако эти вопросы требуют своего освещения в особом исследовании. Джетыясарский ареал, вероятнее всего, являлся исходным этногенерирующим очагом будущего кидарито-эфталитского генезиса. По всей видимости, этот ареал сохранялся и после тюркского погрома в 567 году вплоть до конца VIII века и, возможно начала IX века, на что указывают археологические материалы. Его окончательное затухание, скорее всего, связано с экологической катастрофой — регрессией Арала и опустыниванием примыкающих территорий.

Таким образом, гуннские и постгуннские ареалы, локализующиеся в предгорьях, в речных долинах лесостепи и оазисах пустыни, то есть по периметру степной зоны большого региона Срединой Евразии, в большинстве своем продолжают существование в течение V–VIII вв. При этом, чаще всего, они связаны с населением, оставившим более ранние памятники, относящиеся к раннегуннскому периоду II–IV вв. н. э.

Мы совершенно сознательно включили краткое описание гуннских и постгуннских ареалов в текст главы, посвященной тюркскому этногенезу, потому как сосуществование позднегуннской и раннетюркской групп населения в пределах очерченного региона на рубеже двух эпох (V–VIII вв.) привело, в конечном счете, к их

значительной этнокультурной интеграции. Без понимания археологической специфики гуннских традиций, сохраняющихся в пределах этих ареалов и вне их, весьма трудно интерпретировать весьма пестрые степные материалы, составляющие *раннетюркские ареалы*.

3. *Раннетюркские ареалы* в урало-казахстанских степях маркируют курганы с «усами» и комплексы селенташского типа, подробно рассмотренные выше. Они располагаются компактными микрорайонами: сары-аркинским, включающим большую часть Центрального Казахстана и Поиртышья, улутауским, мугоджарским и зауральским (цв. вклейка, рис. 110, 9–12) [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. С. 9]. Возникновение этого ареала, как уже указывалось, падает на V век (Солончанка I), а наиболее поздние комплексы (Измайловка; Крутой Овраг; Селенташ, курганы 4, 5 и др.) могут датироваться VIII веком. [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. С. 137–139]. Кроме того, сегодня получены весьма точные радиоуглеродные даты из вновь исследованных комплексов этого типа. Это памятники из микрорайона Каменный Амбар (Челябинская область) могильника Суходол, кость из кургана 5, являющегося центральным в комплексе кургана с «усами», дала дату 418 AD–604 AD (вероятность 68,2%), курган 2 — селенташский комплекс — 675 AD–780 AD (вероятность 68,2%).

Данный ареал мы связываем с конфедерацией племен Западно-Тюркского каганата, известной под названием *он ок будун* (народ десяти стрел — оногуры) или *он ок тюргеиш* и состоявшей из двух основных объединений — Дулу и Нушеби. В середине VIII века, с приходом на территорию Казахстана сначала из тюрко-телеского саяно-алтайского ареала огуров и кыпчаков-сеянто, а затем восточно-тюркских карлуков из Монголии и Алтая, данный ареал претерпевает кардинальную этнокультурную трансформацию [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. С. 163–174]. Это отразилось и на характере археологического материала: на смену курганам с «усами» и памятникам селенташского типа повсеместно приходит новая погребально-поминальная традиция — каменные прямоугольные и квадратные оградки и каменные изваяния. Появляются погребения по обряду ингумации с конем и с широтной ориентировкой погребенных. Относительно исторических судеб населения этого ареала можно высказать лишь осторожные предположения. Возможно что расширение данного ареала в Восточную Европу происходит на самом раннем этапе его существования в VI–VII вв. Селенташский горизонт в Восточной Европе составляют так называемые курганы-кострища на Нижней Волге (Краснополье; Усть-Караман; Остроголовка; Покровск, курганы 2, 3, 11, 17, 18; Ровное, курганы 42, 47). К этому горизонту, как нам представляется, относятся и курганы VII–IX Новогригорьевского могильника, которые имели каменные выкладки на поверхности, остатки пережженных костей человека и лошади, а также вещевой материал, находящийся на уровне древней поверхности [Засецкая, 1994. С. 162–166]. Ярким примером памятников селенташского типа является курган 35 Ливенцовского VII могильника на Нижнем Дону. Он имел каменную вымостку, по форме близкую к подпрямоугольной. На подкурганной площадке располагалось характерное небольшое подпрямоугольное углубление. Среди камней на погребальной поверхности находились кости лошади и вещевой инвентарь, который состоял из фрагментов керамической и бронзовой посуды, а также колчана, копья, элементов ременной гарнитуры [Безуглов, Ильюков, 2007]. Данный комплекс достаточно четко вписывается в хронологические рамки и историко-культурный облик памятников раннетюркского времени (конец VI–VIII вв.). К сожалению, авторы, вероятно в силу существующих стереотипов, отнесли этот памятник к позднегуннской эпохе [Безуглов, Ильюков, 2007. С. 37].

И еще одно предположение. В курганах с «усами» и селенташских памятниках урало-казахстанского ареала появляется традиция возведения прямоугольных

оград, вымосток, прямоугольных и квадратных в плане ровиков (Кайнсай, курган 14; Солончанка IX; Еремей-Тау; Елизаветпольское; Елантау; Крутой Овраг, курган 4; Селенташ; Восточно-Курайлинский). Эти же архитектурные особенности, хотя в более грандиозной форме, появляются и среди кочевнических древностей Восточной Европы горизонта Вознесенка-Перецепино (конец VII–VIII вв.) [Флерова, 2001. С. 174]. В этот же период данный вектор своеобразно маркируют курганы с «уса-ми», исследованные в Калмыкии — Три Брата и в Новогригорьевском некрополе, курган 18 на Нижнем Днестре [Семенов, 1988. С. 98, 99. Рис. 1; Рыков, 1936. С. 115–116; Сеницын, 1948. С. 158. Рис. 23]. Думается, что эти факты взаимосвязаны. Вероятно, трансформации, начавшиеся в недрах урало-казахстанского раннетюркского ареала, и последующий отток кочевых объединений в Южнорусские степи в конце VII века могли сыграть решающую роль в окончательном сложении Болгарского и Хазарского каганатов.

Раннетюркские ареалы восточно-европейских степей выделяются на широком и, на первый взгляд, весьма пестром с культурно-типологической точки зрения материале. Несмотря на дисперсное их распространение на огромной территории от Приуралья до Поднестровья, на наш взгляд, можно выделить два геокультурных региона: *Причерноморский*, охватывающий все северное Причерноморье, включая низовья рек Кубань, Дон, Днепр и Днестр и весь Крым (цв. вклейка, рис. 110, 21), и *Поволжский*, охватывающий Нижнее и часть Среднего Поволжья (от Волгограда до Самарской Луки), включая Волго-Донское междуречье (цв. вклейка, рис. 110, 22). В этой связи раннетюркские ареалы восточно-европейских степей условно определены как *причерноморский* и *поволжский*. Мы сочли возможным охарактеризовать их в едином контексте, излагая систематизированную информацию по сравнительному принципу.

При всей пестроте черт погребальной обрядности, представленной в памятниках (194 комплекса) (табл. I–VI) этих ареалов, вычленяются две большие группы по ориентации погребенных: а) широтная с преобладающей ориентацией в восточный сектор и б) меридиональная с фактически абсолютной ориентацией в северный сектор. Исключения составляют два комплекса (Кюлевча, погребение 55, и Кривая Лука), в которых погребенные ориентированы головой на юг. Большие группы комплексов также выделяются по половозрастному признаку. В этом случае наиболее представительную группу (150 комплексов) составляют, вероятнее всего, женские и детские погребения. Данные наблюдения, хотя и с определенной долей погрешности, позволяют сделать анализ набора категорий вещевого инвентаря. Как правило, группу женских и детских погребений маркируют комплексы с керамическими сосудами, установленными в головах, предметами украшений и быта. Поясная гарнитура в могильной яме, вероятнее всего, маркирует мужские, в том числе подростковые и старческие, погребения. В них, как правило, отсутствуют предметы конской упряжи и оружие. Эти предметы характерны для воинских всаднических погребений (44 комплекса), сопровождаемых захоронением коня, его шкуры или отдельных частей (голова и конечности). При этом в большинстве случаев в погребениях отсутствует керамика.

Кратко охарактеризуем комплексы, составляющие причерноморский и поволжский ареалы. Представительство данных ареалов неравнозначно. Из доступных для анализа комплексов причерноморские составляют чуть более четверти погребений (59 единиц) (табл. I–III) (рис. 103). Это связано с тем, что поволжский ареал представлен в основном погребальными комплексами из сравнительно больших могильников новинкинского типа (Новинкинский I, II, Шелехметский, Брусяны II, Малая Рязань и другие) (табл. III–VI) (рис. 104). Возможно, это указывает на то, что процессы этнокультурной консолидации в пределах Средней Волги начались

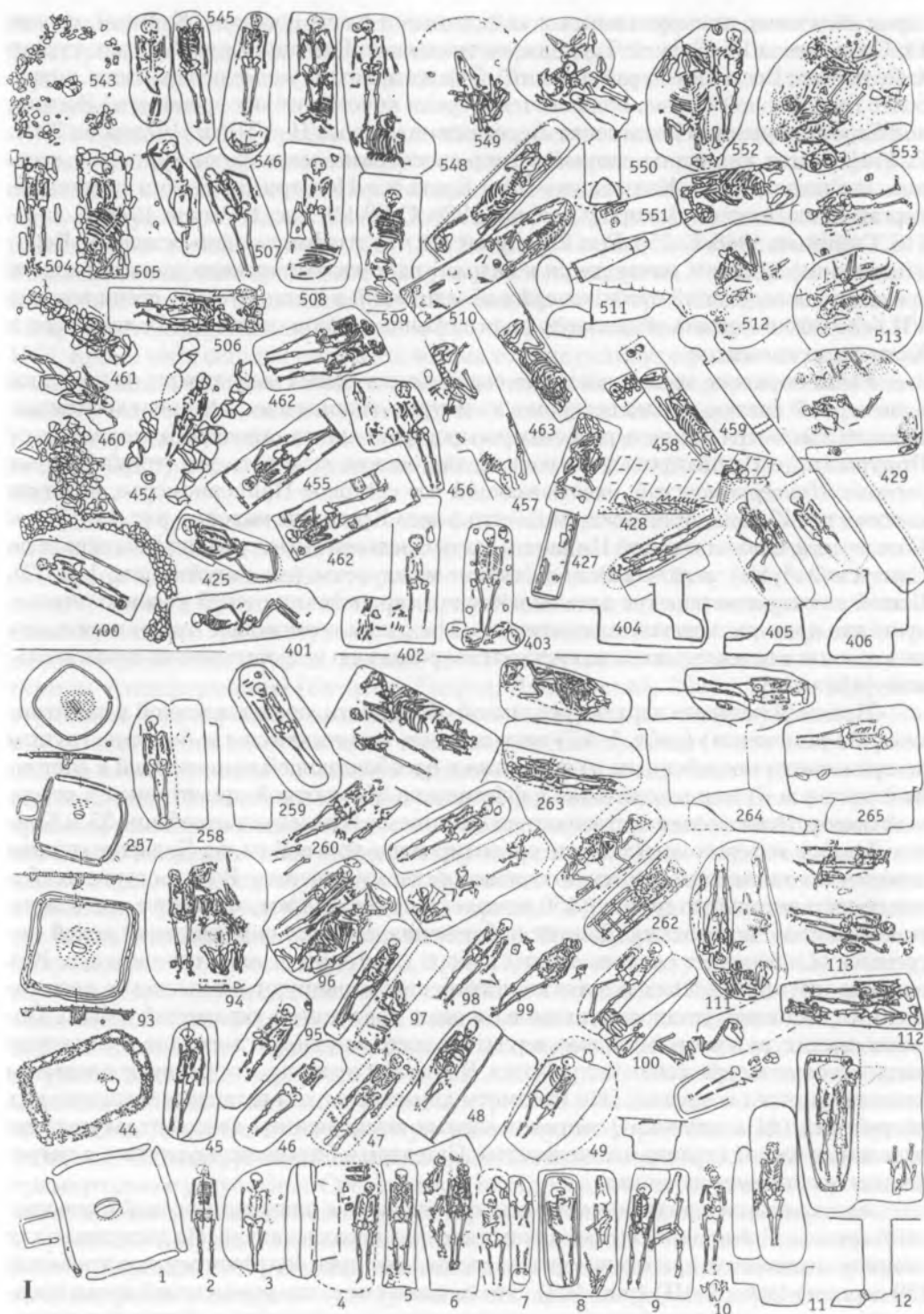

Рис. 103. Раннетюркское время в Восточной Европе (болгаро-хазарский горизонт) I – VI–VIII вв., II – VIII–IX вв. (по: [Рапо Рашев, 2004, 2007; Семенов, 1988; Флерова, 2001; Аксенов, Тортика, 2001; Атавин, 1996; Плетнева, 1989, 2003; Орлов, 1985; Айбабин, 1985; Станчев, Иванов, 1958; Studien zu Graberfeldern..., 1992; Ангелов, Дончева-Петкова, Даскалов, 1997; Вазарова, 1976])

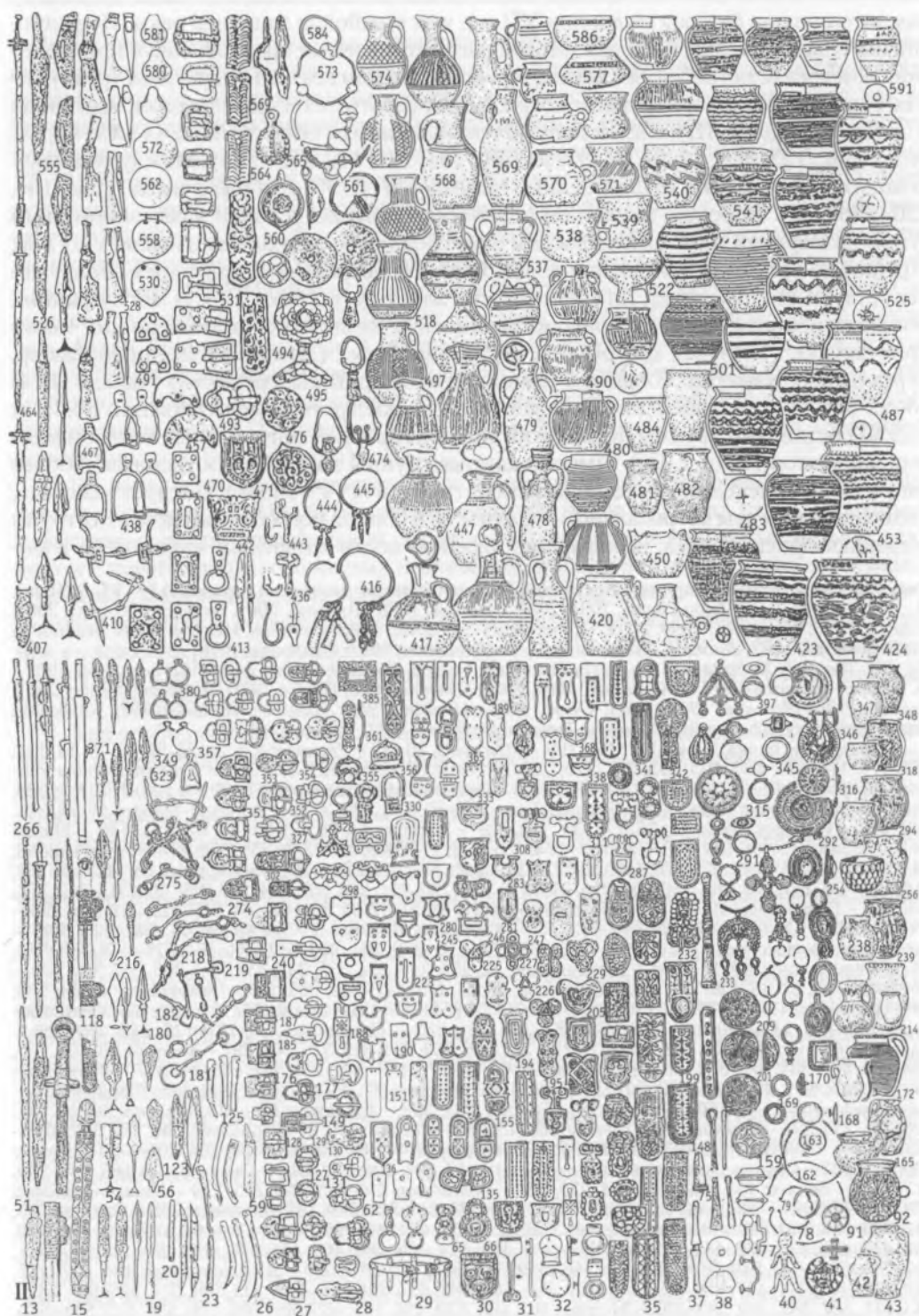

Fig. 103. The early Turkic time in the eastern Europe (the bulgars-chazars horizon) I–VI–VIII century, II–VIII–IX century) (according to: [Rasho Rashev, 2004, 2007; Semenov, 1988; Flerova, 2001; Aksyonov, Tortika, 2001; Atavin, 1996; Pletneva, 1989; 2003; Orlov, 1985; Aibabin, 1985; Stanchev, Ivanov, 1958; Studien zu Graberfeldern..., 1992; Angelov, Doncheva-Petkova, Daskalov, 1997; Vazarova, 1976])

намного раньше (вторая половина VII в.), чем в районах западнее реки. Не равнозначна и качественная выборка внутри рассматриваемых ареалов. Так, в причерноморском ареале погребения с конем, шкурой коня или его частями во всех трех группах, выделенных по ориентации погребенных (соответственно северная, восточная и западная, табл. I–III), составляют почти половину от общего числа (44,5%, 45,1%, 50%) (рис. 103, 6–9, 12, 94, 96, 97, 99, 100, 101, 111, 112, 260–263). Между тем как в поволжском ареале эта традиция лишь намечается (13,9% от общего числа) (рис. 104, 226–228, 239). Впрочем, на раннем постгуннском этапе, условно называемом нами гунно-болгарский горизонт, из восьми известных поволжских комплексов V–VI вв. (Шипово, курганы 2, 3, Переполовенка, Верхнее Погромное и др.) в трех обнаружены остатки шкуры, череп или конечности животного (табл. IV). К числу ранних можно прибавить и восемь урало-казахстанских комплексов, в семи из них также присутствуют костяки, шкуры или кости животных (Аркаим, Каменный Амбар, курганы 5, 6, Канаттас, Караагач, Егиз Койтас, Жарлы-Лагеревский) (табл. VII). В обоих восточно-европейских ареалах фактически треть (соответственно 35,3% и 32,9%) составляют группы погребений с ориентировкой погребенных головой в северный сектор (табл. I, IV). Именно данные группы наиболее соотносятся с более ранними комплексами гунно-болгарского горизонта (V–VI вв.). Следует заметить, что основные черты погребальной обрядности и облика погребенных всех этих групп (северная ориентировка, деформация черепов, кости животных, куски мела в мо-

Рис. 103. Раннетюркское время в Восточной Европе (болгаро-хазарский горизонт) I – VI–VIII вв., II – VIII–IX вв. (по: [Рашо Рашев, 2004, 2007; Семенов, 1988; Флерова, 2001; Аксенов, Тортика, 2001; Атавин, 1996; Плетнева, 1989; 2003; Орлов, 1985; Айбабин, 1985; Станчев, Иванов, 1958; Studien zu Graberfeldern..., 1992; Ангелов, Дончева-Петкова, Даскалов, 1997; Вазарова, 1976]).

Fig. 103. The early Turkic time in the eastern Europe (the bulgars-chazars horizon) I – VI – VIII century, II – VIII – IX century) (according to: [Rasho Rashev, 2004, 2007; Semenov, 1988; Flerova, 2001; Aksionov, Tortika, 2001; Atavin, 1996; Pletneva, 1989; 2003; Orlov, 1985; Aibabin, 1985; Stanchev, Ivanov, 1958; Studien zu Graberfeldern..., 1992; Angelov, Doncheva-Petkova, Daskalov, 1997; Vazarova, 1976]).

1 – Соколовская балка; 2, 148, 167, 169, 199 – Мадара; 3, 20–23 – Рисовое; 4, 5, 24, 26, 57, 78, 79, 84, 131, 165, 171, 178, 179, 186, 195, 203, 214, 220, 226, 264, 319, 320, 332, 365, 372, 388 – Христофоровка курган 7, погребение 12; 6, 13, 34, 35, 41, 58, 212 – Старо-нижнестеблиевская; 7, 43, 98, 192, 277, 281, 283, 284, 308, 309 – Бережновка; 8, 9 – Сексард-Богислой; 10, 116, 323, 375 – Сынпетру-Герман; 11, 76, 316, 346, 399 – Новопокровка; 12, 25, 27, 134, 136, 137 – Авилов; 14, 36, 53, 72–74, 92, 144–146 – Малая Перещечина; 15, 39, 135, 138, 139, 152–154, 184, 202, 217, 305, 328–330, 355, 356, 374 – Арцибашово; 16, 17, 85, 132, 133, 149, 175, 176, 188, 219, 221, 222, 241, 243, 244, 279 – Парский Курган; 18, 44, 54, 81, 89, 118, 119, 126, 147, 182, 197, 206, 207, 216, 218, 229, 230, 250, 251, 266, 267, 274, 275, 289, 295, 314, 342, 371, 380, 396 – Вознесенка; 19, 38, 349 – Новоигорьевка; 28, 51, 52, 62, 86, 162, 164, 269, 313, 341, 394, 395 – Уч-Тепе; 29 – Орловка; 30, 65, 130, 183, 233 – Сахарная Головка; 31–33, 68, 69, 71, 143, 223, 358 – Епифанов Красюковская; 37, 59, 124, 125, 262, 263, 270–272, 301, 306, 312, 331, 364, 376–378, 383, 386, 387 – Виноградное; 40, 177, 294 – Айвовозское; 42, 265, 318, 334, 335, 348, 352, 353, 366, 367, 389, 390 – Богачевка; 45, 87, 88, 159, 237, 296 – Суханово; 46, 64, 173, 247–249, 285, 286 – Зиновьевка; 47, 61, 150, 151 – Аджигол; 48, 128, 228 – Иловатка; 49, 82, 127, 254, 350 – Наташино; 50, 101, 102, 163 – Рябовка-3; 55, 105, 106, 113, 120, 190, 245, 273, 287, 363, 381, 382 – Сивашовка; 56, 121, 122, 246, 260, 280 – Калининская; 60, 166, 170, 201, 208, 209, 211, 232, 236, 253, 291, 315, 344, 369, 397 – Келегей; 63, 104, 123, 268, 300, 303, 304, 373, 384 – Кривая Лука; 66, 67, 70, 112, 140–142, 156, 157, 168, 317, 351 – Крупская; 75, 110, 115, 191, 224, 288, 333, 357, 359, 360 – Чапаевский; 77, 93, 172, 180, 278, 293, 298, 299, 324 – Салтово-Маяцкое; 80, 160, 161, 242, 337, 338, 368, 391, 392 – Градижск; 83 – Полтавский; 90, 91, 181, 198, 231, 238, 398 – Ясиново; 94 – Вичепе; 95, 213, 276 – Акермен; 96, 97 – Ковалевка; 99, 282, 307, 326 – Малай; 100 – Бородаевка; 103, 297, 302, 347 – Търгшор; 107, 108, 158, 174, 196, 204, 205 – с. Портовое; 109, 111, 261 – Сегвар-Ормоджюль; 114 – Коринт; 117, 234, 290, 292, 345 – Гладоси; 129, 185, 187, 200, 215, 322 – Беляус; 155, 189, 193, 194, 225, 227 – Белозерка; 210, 235, 252, 255, 370 – Новые Сенжари; 239, 240, 259, 325 – Великий Токмая; 256, 257, 321, 327, 343, 361, 379, 385 – Маныча; 258 – Сайхин; 310, 311, 336, 339, 340, 393 – Васильевка мог. 2, погр. 1; 354, 401, 404–406, 408–410, 414, 425, 428, 429, 430, 432, 435, 436, 438, 439, 442, 443, 455, 457–459, 463, 464, 466, 468, 469, 471, 476, 488, 489, 495, 507, 511, 512–514, 528–530, 549, 550, 553, 554, 556–559, 563–566, 572, 579, 580 – Дмитриевский; 400, 407, 417, 418, 422–424, 431, 447, 450–454, 460, 461, 480–483, 486, 487, 498, 500, 502, 503, 506, 521, 525, 537, 541–543, 581, 587, 589, 590, 593–597 – Истрия; 402, 403, 433, 456, 462, 465, 508, 509, 520, 526, 527, 544–546, 548, 552, 555, 578, 582, 583 – Кюлевца; 411–413, 434, 437, 440, 441, 467, 470, 472, 475, 490–494, 496, 515–517, 532–534, 575 – Кабиюк; 415, 416, 419, 420, 444, 445, 449, 478, 479, 484, 485, 501, 523, 524, 536, 540, 561, 568, 569, 573, 574, 584, 588 – Албаница-1; 421 – Плиска; 426 – Червоня Гусаровка; 427, 510, 551 – Красная Горка; 446, 477, 499, 531, 547, 560, 562 – Нови Пазар; 448, 473, 474 – Долни Луковит – I; 497, 504, 505, 518, 522, 535, 538, 539, 567, 571, 577, 586, 592 – Топола; 570, 585 – Султана; 576, 591 – Плесва

гильной яме) имеют прямые аналогии среди погребений, по меньшей мере, трех гуннских ареалов: именьковского (могильник Коминтерновский II), турбаслинского, джетыасарского. Это совпадение касается и схожести в вещевом комплексе, как по основным категориям инвентаря, так и культуромаркирующим предметам (антропоморфные и коньковые подвески, серьги-лунницы) [Рапо Рашев, 2004. Табл. 6, 2; 12, 15]. В данных группах наблюдается наибольшее количество погребений (почти половина) с керамической посудой, установленной в головах умерших (соответственно 44,4% и 48,9%). Это очень важная деталь, так как в сочетании со всеми вышеперечисленными она сближает данные группы погребений с гунно-сарматским или гуннским ИКК. Наиболее известными комплексами этих групп являются: Сивашское, Аккермен, Большой Токмак, Рисовое, курган 13, погребение 12, Бехтеры, Малая Терновка, курган 2, погребение 1, курган 3, погребение I и другие (рис. 103) – в поволжском ареале (табл. I); Авиловский, Бережновка I курган 1, погребение 7, курган 9, погребение 5, Зиновьевка и ряд погребений новинкинского типа: Новинковский II, Шелехметский, Урень, Брусяны, Малая Рязань – в причерноморском (табл. IV) (рис. 104).

На параллели раннесредневековых и позднесарматских кочевнических комплексов специалистами было обращено внимание более полувека назад. Некоторые характерные черты погребальной обрядности (небольшие грунтовые насыпи с ровиком с преобладанием основных погребений, подбой в простых узких ямах с одиночными захоронениями, погребенный вытянуто на спине, гробы и гробовины и меловая подсыпка) определялись рядом исследователей как общесарматское влияние в сложении болгаро-хазарского горизонта [Максимов, 1956. С. 82–84; Мерперт, 1957; Сеницын, 1959. С. 203; Васюткин, 1988; Матвеева Г.И., 1997. С. 62; Флерова, 2001. С. 184, 185].

Как особо рассматривалось в историографическом разделе данного исследования, эти параллели легли в основу представлений некоторых сарматоведов на верхнюю границу существования позднесарматской культуры, которая поднималась вплоть до VIII века. Несмотря на то, что эти взгляды не были поддержаны, важен факт, что допускалось существование некой «сарматской» составляющей в собственно гуннский и даже в раннетюркский периоды. В свою очередь, исследователи по раннесредневековому кочевничеству, сообразно существующим социоисторическим стереотипам, усматривают эту же «сарматскую» компоненту в комплексах VI–VIII вв. как базовую культурную составляющую. На первый взгляд, мнение первых и вторых смыкаются. Досадно лишь то, что в этой генетической преемственности не остается никакого места ни гуннской эпохе, ни собственно гуннской культурной составляющей. Все встанет на свои места в том случае, если мы произведем терминологическую рокировку и вместо абстрактного *сарматские, позднесарматские* определения поставим *гуннские**. На этом пока ограничимся в вопросе этнокультурогенеза населения рассматриваемых ареалов, оставив его для итогового заключения.

К сравнительной характеристике групп с северной ориентировкой погребенных данных восточноевропейских ареалов добавим еще несколько наблюдений.

* Остается лишь сожалеть, что данное положение вещей продолжает сохраняться и по сей день предлагаемая нами вот уже более полутора десятка лет интерпретация памятников позднесарматской культуры как гунно-сарматских или раннегуннских комплексов урало-казахстанских и волго-донских степей [Боталов, Любчанский, 1992; Боталов, 1993; Любчанский, 2000; Боталов, 2003; Боталов, Гуцалов, 2000] наталкивается на глухое неприятие со стороны сообщества специалистов-сарматоведов. Была предпринята даже широкомасштабная попытка односторонней критики наших взглядов в весьма устаревшей, но тем не менее действенной традиции. Не предлагая никаких альтернативных историко-культурных интерпретаций материалов позднесарматского круга, оппоненты, углубившись на мелких недочетах и нестыковках вышеуказанных работ, в очередной раз попытались отстоять правомерность ранее существовавшей анахронической схемы стадийного развития сарматской культуры [Мошкова, 2007; Малашев, 2007].

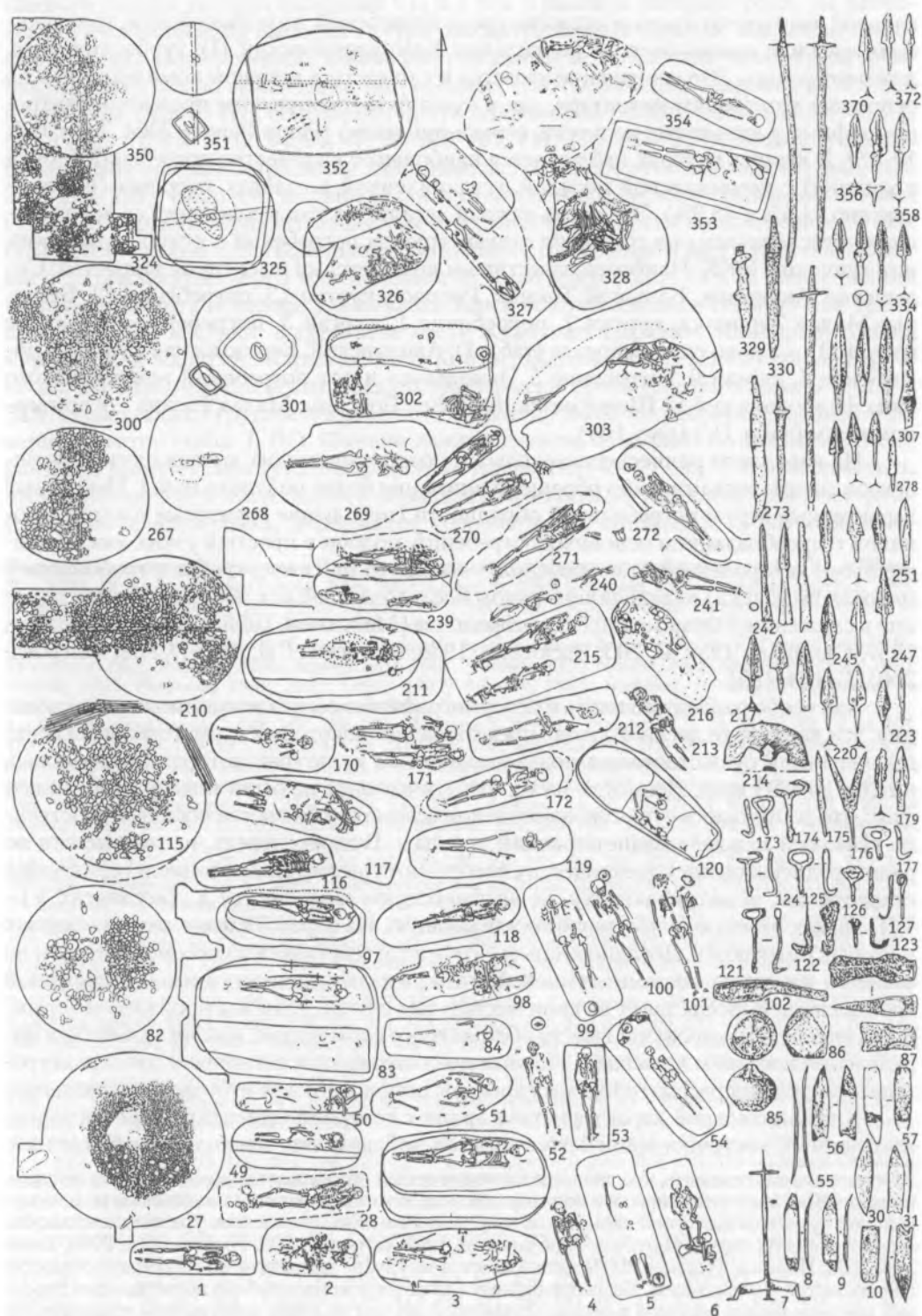
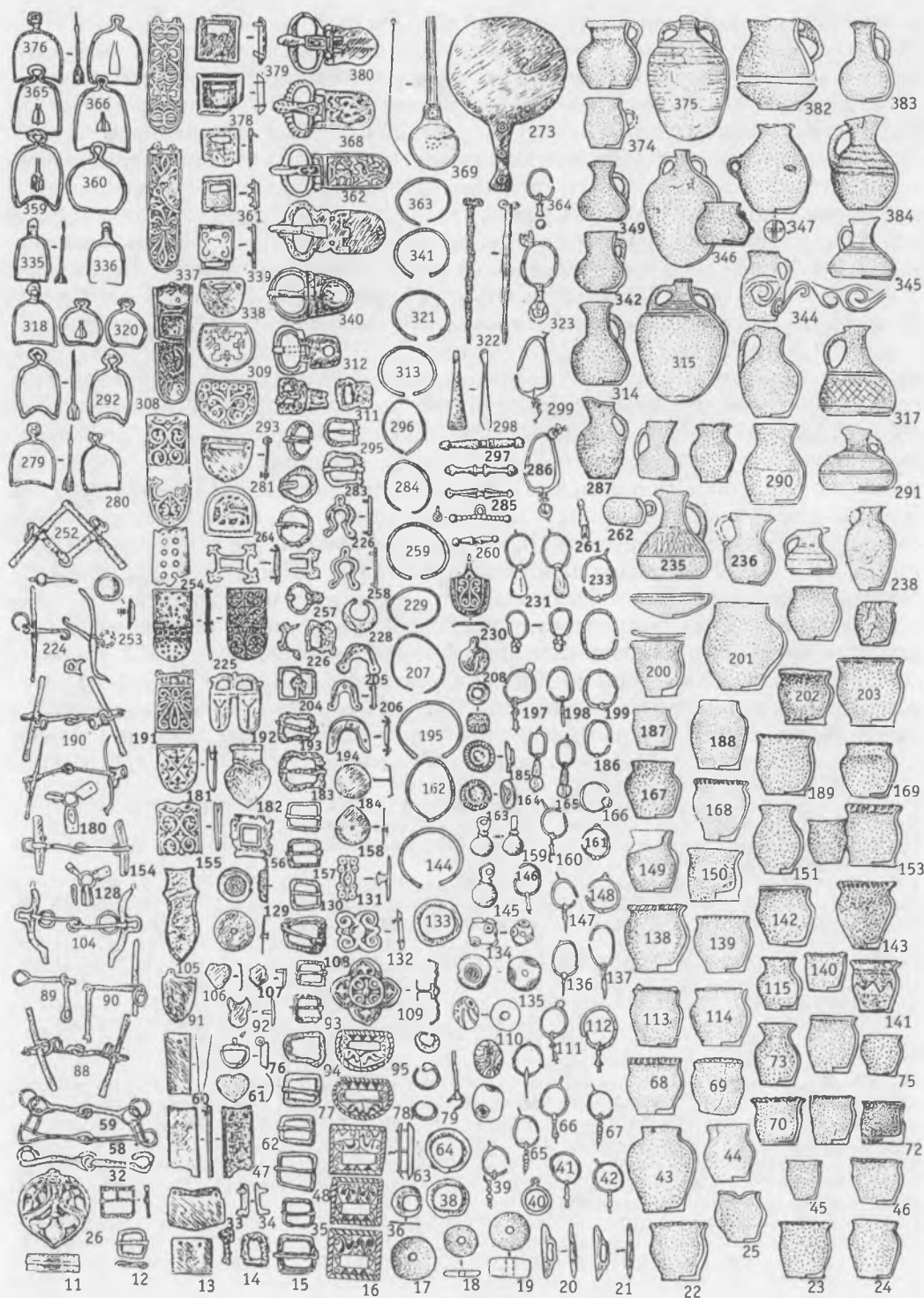

Рис. 104. Хазаро-болгарское время на Средней Волге VII–VIII вв. (по: [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Матвеева Г.И., 1997; Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000]).
 Fig. 104. Khazar-bolgar time on middle Volga (according to: [Bagautdinov, Bogachev, Zubov, 1998; Matveeva G.I., 1997; Braznik, Kirsanov, Lifanov, 2000])

Принципиальное отличие этих групп, как впрочем и групп с широтной ориентировкой, как нам представляется, связано с кардинальными культурно-хронологическими различиями памятников, составляющих причерноморский и поволжский ареалы.

Как известно, первый ареал в большинстве своем составляют комплексы так называемого «сивашевского» круга [Флерова, 2001. С. 163], которые представлены земляными курганами с одиночными захоронениями или впускными грунтовыми погребениями, в большинстве своем датирующимися рамками дохазарского периода (вторая половина VI–VII вв.). Среди поволжских, как в группе с северной, так и в группах с широтной ориентировками, подобные памятники крайне малочисленны. В группе с северной ориентировкой их пять (Авиловский, курган 1, Бережновка I, курган 1, погребение 7, Бородаевка, курган 9, погребение 5, Зиновьевка, Сайхин II, курган 4), с восточной — два (Покровка, курган 36, погребение 2, Бережновка I, курган III, погребение 1), с западной — один (Сайхин) (табл. IV–VI). Как уже упоминалось, Поволжский ареал составляют главным образом памятники новинкинско-го типа. Появляются они не ранее второй половины VII века [Матвеева Г. И., 1997. С. 89; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 150–166]. Данный ИКК имеет свое типологическое своеобразие. Памятники представлены курганами, сложенными из земли и камня. Под насыпью находится одно, чаще два и более погребений. Здесь же появляются курганы с прямоугольными или округлыми ровиками (Урень II, курганы 2–4, Брусняны III, курган 1; Старомайнский I; Шиловский, курган 1), погребения в катакомбах и глубоких подбоях (Шиповский, курганы 1, 2). Весьма показателен и вещевой материал погребений этого ареала. В отличие от причерноморских новинкинские памятники фактически не имеют маркерных для позднего и постгуннского круга категорий вещей. Напротив, их вещевой комплекс составляют категории и типы предметов, характерные для тюрко-телеского Саяно-Алтайского ареала: конская узда (прямые или эсвидные псалии, массивные железные прямоугольные или трапециевидные подпругные пряжки, костяные чубуки, путовые пряжки, стремяна), вооружение (массивные трехлопастные треугольные

Рис. 104. Хазаро-болгарское время на Средней Волге VII–VIII вв. (по: [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Матвеева Г. И., 1997; Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000]).

Fig. 104. Khazar-bolgar time on middle Volga (according to: [Bagautdinov, Bogachev, Zubov, 1998; Matveeva G. I., 1997; Brazhnik, Kirsanov, Lifanov, 2000]).

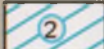
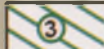
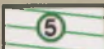
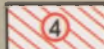
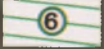

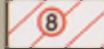

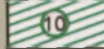

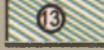

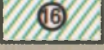
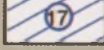
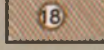
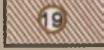
1, 6, 7, 12, 16, 22, 23, 25, 27, 36, 39, 41, 42, 44, 45, 49, 50, 61, 63, 66, 67, 70, 71, 73, 75, 78, 82, 84, 85, 89, 92, 95, 99, 100, 101, 104, 106, 107, 119, 121, 125, 126, 131, 134–136, 145, 146, 147, 149, 151, 152, 156, 159, 160, 169, 170, 172, 177, 181, 184, 188, 189, 190, 192, 194, 198, 201, 203, 209, 211, 213, 224, 230, 234, 236, 238, 229, 241, 242, 244, 251, 252, 254–256, 260, 267, 269, 277, 285, 290, 293, 298, 300, 302, 306, 313, 314, 317, 321, 326, 329, 331, 341, 342, 344, 349, 353, 354, 356, 363–366, 372–374, 381, 382 – Брусняны II; 13, 26, 33, 91, 129, 158, 282, 343 – Брусняны III; 2, 3, 10, 14, 19, 29, 30–32, 34, 37, 40, 43, 47, 51, 55–57, 59, 65, 68, 74, 76, 79, 81, 83, 87, 88, 93, 94, 96, 97, 98, 102, 103, 105, 108, 109, 114–118, 110, 112, 122–124, 127, 137, 141, 144, 148, 153, 155, 157, 161, 162, 164, 165, 166, 175, 176, 178, 179, 183, 186, 191, 193, 195, 196, 199, 200, 202, 204–208, 212, 215, 222, 223, 226, 227, 228, 233, 245–247, 249, 253, 257–259, 261, 263–266, 268, 270, 275, 276, 278, 279, 281, 283, 284, 287, 291, 292, 295, 297, 303–305, 309, 311, 318, 323, 330, 333–339, 355, 357, 359, 361, 367, 368–371, 376, 378, 379 – Новинки II; 4, 5, 11, 18, 24, 28, 46, 52, 53, 86, 111, 113, 132, 142, 167, 187, 210, 235, 262, 288, 296, 316, 324, 350, 367, 383 – Малая Рязань; 8, 9, 20, 21, 225 – Осинковский III; 15, 17, 35, 38, 48, 58, 62, 64, 69, 77, 130, 133, 139, 154, 171, 173, 214, 217, 218, 219, 220, 221, 240, 271, 274, 280, 286, 299, 307, 312, 319, 320, 377 – Шелехметские; 60, 80, 182, 197, 231, 232, 239, 248, 250, 308, 310, 328, 332, 340, 347, 352, 358, 362, 380, 384 – Шиловский; 72, 138, 143, 150, 163, 168, 174, 185, 322, 360 – Рождественский III; 54, 90, 120, 216, 237, 272, 315, 325, 327, 345, 346, 348, 351, 375 – Урень II; 128, 180, 243, 273, 289, 294 – Выползово; 301 – Старомайнский I.
1–6, 27–29, 49–54, 82–84, 97–101, 116–120, 170–172, 210–213, 215, 216, 239, 240, 241, 267–272, 300–303, 324–328, 350–354 – планы курганов и погребений; 7, 12, 14, 15, 32, 58, 59, 87, 88–90, 102–104, 121–127, 173–178, 183, 190, 193, 214, 217–224, 226, 242–252, 257, 273–280, 282, 283, 292, 294, 295, 307, 310, 311, 318–320, 322, 329–336, 355–360, 365, 366, 370–372, 376, 377 – железо; 8–10, 20, 21, 30, 31, 55–57, 179, 304–306 – кость; 11, 13, 16, 26, 33–42, 47, 48, 60–67, 76–79, 91–95, 105–109, 111, 112, 128–133, 136, 137, 144–148, 154–166, 180–182, 184–186, 191, 192, 194–199, 204–209, 225, 227–233, 253–256, 258–261, 263–266, 281, 284–286, 293, 296–299, 308, 309, 312, 313, 321, 323, 337–341, 361–364, 367–369, 373, 378–380 – металл (бронза, серебро); 17–19, 22–25, 43–46, 68–75, 113–115, 138–143, 149–153, 167–169, 187–189, 200–203, 234–238, 262, 287–291, 314–317, 342–349, 374, 375, 381–383 – керамика; 81, 85, 86, 96, 110, 134, 135 – камень, стекло

Рис. 108. 1–4 – поясная пластина V–IV вв. до н. э. Из коллекции Государственного Эрмитажа (Инв. № Си-1727.1/161), Санкт-Петербург; 5–7 – могильник Ноин-Ула, вышивки: 5, 6 – курган 25; 7 – курган 6 (по С. И. Руденко, 1962). Из коллекции Государственного Эрмитажа (№№ МР-2521, МР-1232, МР-1953).
Fig. 108. The Golden name plate and embroidery from cemetery Noin-Ula. The State Hermitage Museum. NN Cu-1727.1/161; МР-2521, МР-1232, МР-1953

Рис. 109. Этнокультурные ареалы (ЭКА) Евразии первой половины I тыс. н. э.
Fig. 109. Ethnic-Cultural areals of Eurasia birth half I mill. A.D.

- южно-хуннский	- сяньбийский	- жуэньский	- алано-танаитский	- гунно-сарматский
- алано-маскунский	- гуннский-болгарский	- гуннский	- кангюйский	- телесский
- усуньский	- кушанский	- готский	- антский	- именьковский
- пьяногорский-караобызский	- позднесарматский (прыговский)	- кашинско-прыговский	- позднекулайский-потчевашский	

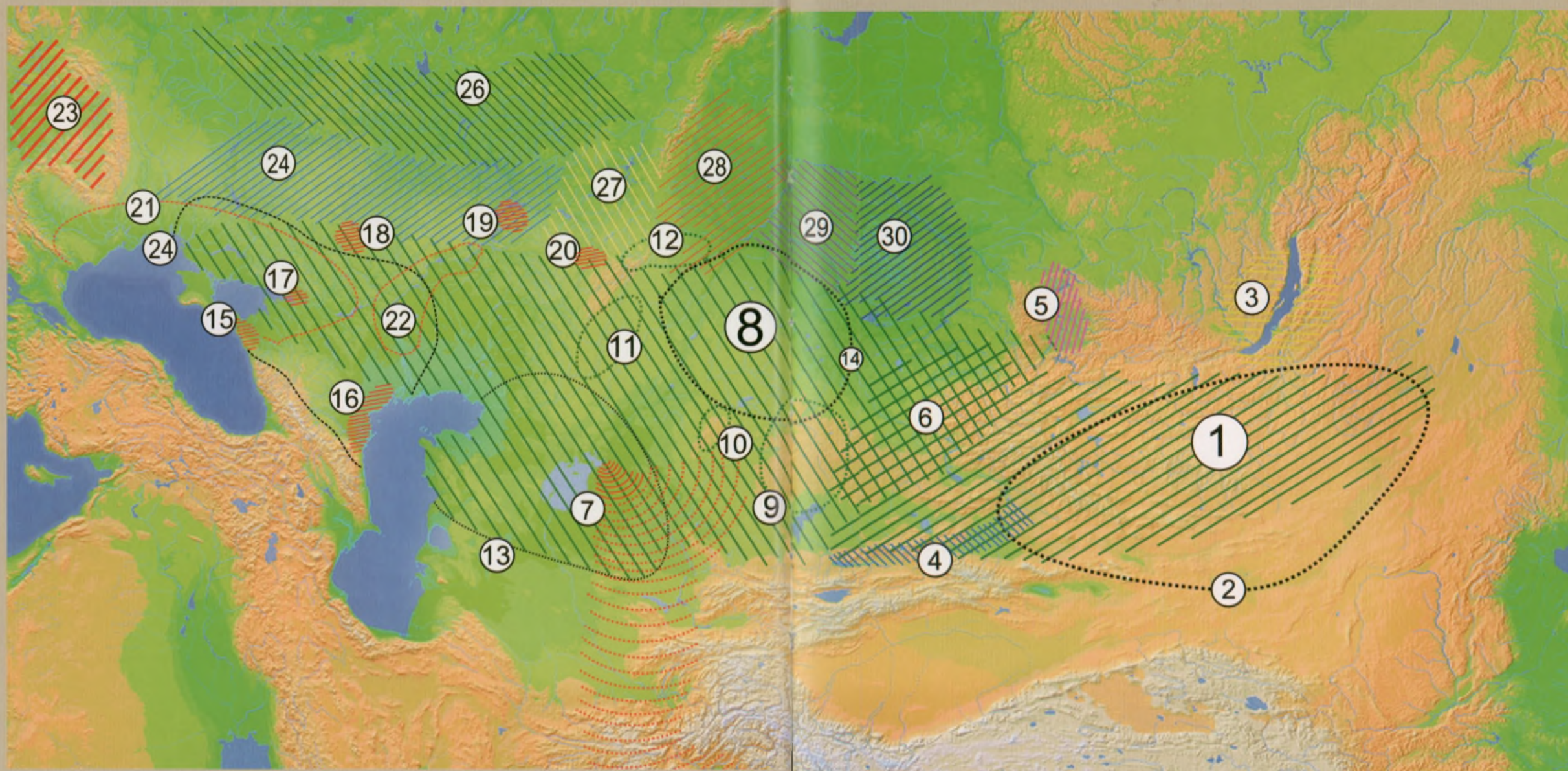

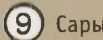
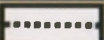
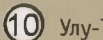

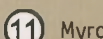

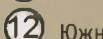

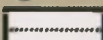

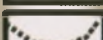

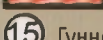
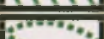
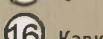

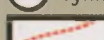
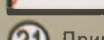

Рис. 110. Этнокультурные ареалы (ЭКА) Евразии второй половины I тыс. н. э.
Fig. 110. Ethnic-Cultured areals of Eurasia second half I mill. A.D.

	① Восточно-тюркский		⑨ Сары-арка
	② Уйгурский, VII-X вв.		⑩ Улу-Тау
	③ Курыканский, VI-IX вв.		⑪ Мугоджары
	④ Усуньский		⑫ Южный Урал
	⑤ Кыргызский, VI-IX вв.		⑬ Огузо-печенегский (Приаралье, Прикаспий, VIII-XII вв.)
	⑥ Алтайско-телесский, VI-IX вв.		⑭ Кимако-кыпчатский, VIII-X вв.
	⑦ Гунно-эфталитский, джетыасарский		Позднегуннские
	⑧ Западнотюркский		⑮ Гунно-болгарский, III-VIII вв.
	Районы курганов с «усами»		⑯ Кавказская Гунния, IV-VIII вв.

	⑰ Гуннский Танаис, IV-VIII вв.		⑮ Антско-славянский
	⑱ Гуннский Чертовицко-Замятинский, IV-VIII вв.		⑮ Финский
	⑲ Гуннский-именьковский, IV-VIII вв.		⑮ Пермско-Угорский (прикамский)
	⑳ Гуннский-Турбаслинский, IV-VIII вв.		⑮ Угорский (бакальский)
	Раннетюркские, Восточная Европа		⑮ Самодийский (потчевашский)
	㉑ Причерноморский, IV-VIII вв.		⑮ Угро-Тюркский (верхнеобский, одинцовский)
	㉒ Поволжский, VI-VIII вв.		
	㉓ Аварский, VI-VIII вв.		
	㉔ Хазарский, VII-X вв.		

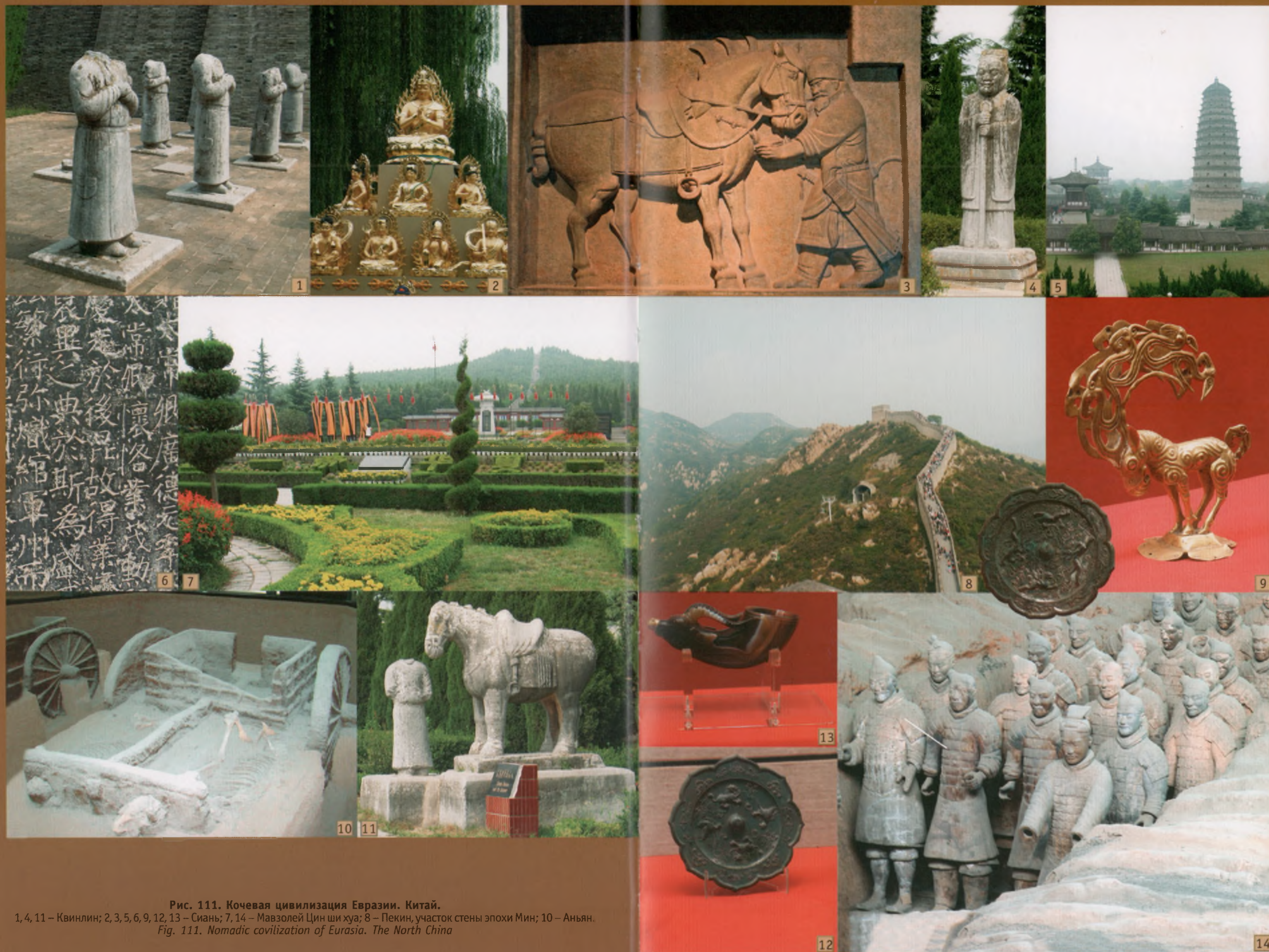

Рис. 111. Кочевая цивилизация Евразии. Китай.

1, 4, 11 – Квинлин; 2, 3, 5, 6, 9, 12, 13 – Сиань; 7, 14 – Мавзолей Цин ши хуа; 8 – Пекин, участок стены эпохи Мин; 10 – Аньян.

Fig. 111. Nomadic civilization of Eurasia. The North China

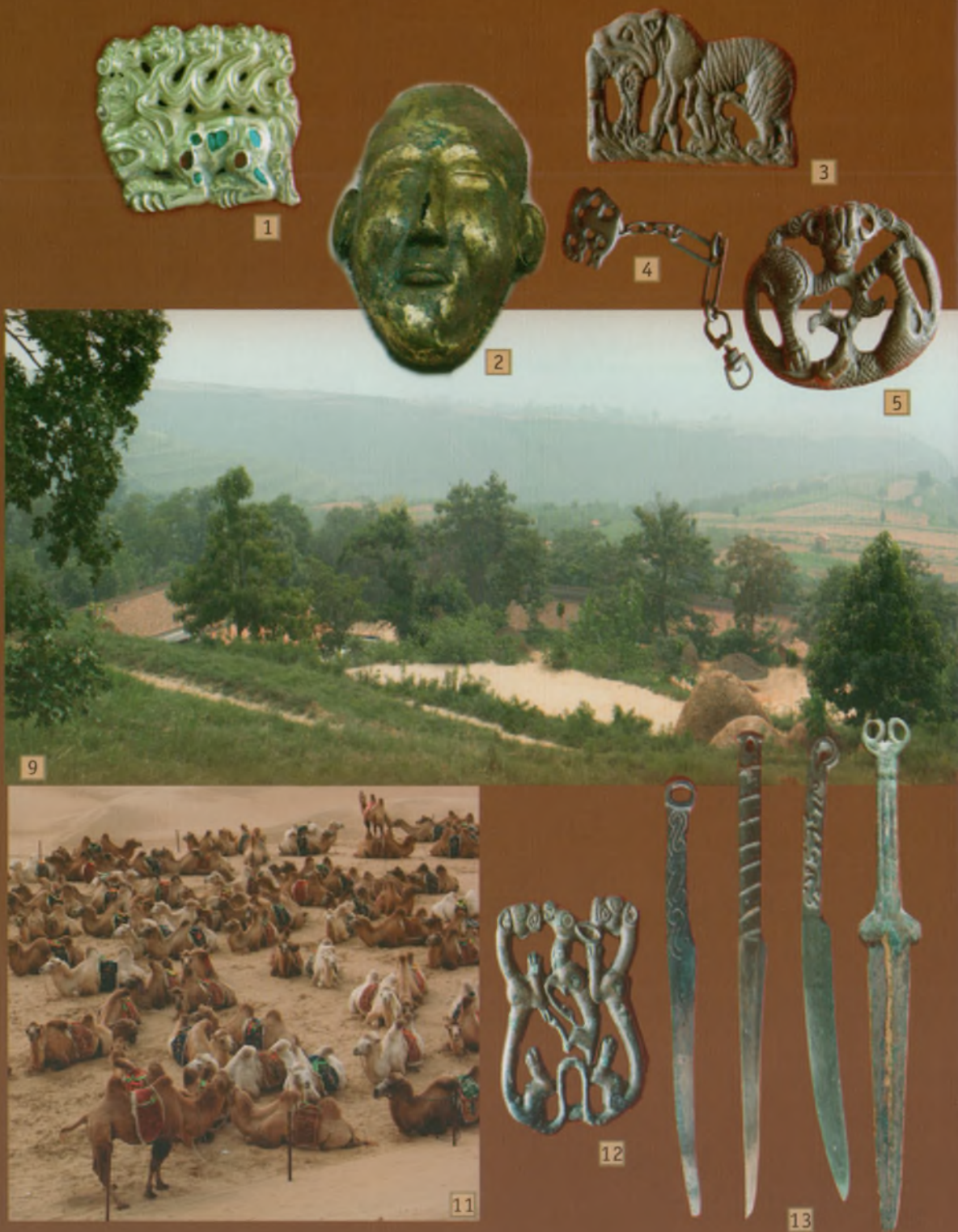

Рис. 112. Кочевая цивилизация Евразии. Ордос, Fig. 112. Nomadic civilization of Eurasia. Ordos. Huanhe.
1–7, 12–15 – культура Ордосских бронз; 8 – Хуанхэ, район излучины; 9–11, 16, 17 — Ордос

8

6

7

14

15

16

17

Рис. 113. Кочевая цивилизация Евразии. Синьцзян (Турфан, Тянь-Шань, Алтай). Fig. 113. Nomadic civilization of Eurasia. Xinjiang. Altay.

1, 8, 12 – Кенсай; 2, 7 – Цзяохэ; 3 – Кэрмуци; 4 – Гаочан;
5, 9, 10 – Баликун; 6, 11 – Сайханцзы; 13 – Бозиклик

3

4

8

9

12

13

Рис. 114. Кочевая цивилизация Евразии. Казахстан. Урал.

Fig. 114. Nomadic civilization of Eurasia. Kazakhstan. Ural.

1 – Сары-Арка; 2, 6, 10, 11 – Жайсан, Мерке; 3 – долина р. Уй;
4 – Улы-Тау; 5 – Балхаш; 7 – Аракуль; 8 – Киргизское Алатау;
9 – Айгыр; 12 – Кесене; 13 – Лебедевка

Рис. 115. Кочевая цивилизация Евразии. Дунай. Fig. 115. Nomadic civilization of Eurasia. Danube
1, 3, 7, 8 – Преслав; 2, 6, 10 – Венгерская Пуста; 4, 5 – Надь Сент Миклош (Вена); 9 – Будапешт (Hosoktere)

Рис. 116. Антропологическая реконструкция лица по черепу. Автор А. И. Нечвалода.
Могильник Солёный Дол (III в. н. э., раскопки И. Э. Любчанского)

1-3 – курган 4; 4-6 – курган 22.

Fig. 116. The Anthropological reconstruction by A. I. Nechvaloda. Cemetery Soleny Dol (III cen. A.D.)

наконечники стрел со свистулькой, ланцетовидные копья, кинжалы с искривленной рукоятью, якоревидные колчанные крюки), предметы украшений и быта (овальные височные подвески с разнообразными привесками внизу и характерным отростком в верхней части), керамический комплекс, представленный характерными прямостенными или слабоардутированными открытыми сосудами, имеющими нарезки по венчику [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис. 24, 1 – 5; 26, 1 – 8, 20 – 25; 27; 27; 30; 31, 8; 41; Матвеева Г.И., 1997. Рис. 115, 1 – 3, 9, 10, 14; 116; 117; 121, 12 – 19; 124, 5 – 16; 126] (рис. 104, 39–42, 65–67, 88–90, 104, 111, 113, 121–127, 136, 137, 145–148, 154, 160, 161, 173, 174, 190, 197–199, 224, 231, 252, 264, 286, 299, 323).

Принципиально диспозиция основных характерных признаков погребального обряда причерноморского и поволжского ареала в группах с широтной ориентировкой остается прежней. Соотношение простых погребений и захоронений с конем, его частями или шкурой в двух наиболее больших группах с восточной ориентировкой погребенных примерно такое же, что и в группе с меридиональной ориентировкой. В причерноморском ареале доля погребений с конем или его шкурой достигает почти половины (47,9%), в поволжском составляет чуть больше десятой части (13,3%) (табл. II, V). В причерноморских памятниках этой группы резко возрастает количество ям с заплечиками и подбоем (соответственно 26% и 30,4%), хотя в поволжском ареале их доля значительно меньше (по 7 случаев — 9,3%). Аналогичная ситуация и в самых маленьких группах с западной ориентировкой погребенных. Из девяти причерноморских комплексов пять могильных ям имеют подбои и четыре — заплечики. В пяти могильных ямах зафиксирована шкура коня и его кости (табл. III). В поволжской группе с западной ориентировкой погребенных эти показатели распределяются следующим образом: 2 подбои, 1 яма с заплечиками и по одному захоронению с конем (Шиловский, курган 1, погребение 2) и шкурой лошади (Березовский I, курган 2, погребение 2) (табл. VI). Таким образом, черты групповых различий по данным признакам в причерноморском и поволжском ареалах обозначаются наиболее контрастно.

Еще одно весьма важное наблюдение. Группы с западной ориентировкой погребенных в обоих ареалах составляют комплексы, появляющиеся не ранее второй половины VII века. Среди причерноморских это известные комплексы Виноградное, курган 5, Уч-Тепе, курган 3 и Саловский IV, курган 2, погребение 1, материалы которых относятся к перещепинско-воскресенскому горизонту (конец VII–VIII вв.) [Рапо Рашев, 2004. Табл. 19–20, 40–42; Флерова, 2001. Рис. 4]. Все остальные (Барановка I, курган 27, Дорофеевка, курган 13, Кунцин-Толга, курган 14, Кировский V, курган 3, Лимановое Озеро, курган 34, Веселовский) относятся к самому позднему этапу существования раннетюркских ареалов к VIII — возможно, началу IX века [Флерова, 2001. Рис. 3; Круглов, 1992. Рис. 5] (табл. III). В поволжском ареале эту группу образуют только памятники новинкинско-тигурского типа второй половины VII–VIII вв. (табл. VI).

Интересно то, что группа погребений с западной и северо-западной ориентировками захороненных самая многочисленная среди раннетюркских памятников с ингумацией в урало-казахстанских степях. Ее составляют в основном погребения VII–VIII вв. Манянского, Лагеревского (Башкортостан) и Бобровского (Восточный Казахстан) могильников (табл. VII). Отличительной чертой этой группы является значительное число (37,9%) погребений со шкурой и костями лошади. Эти наблюдения крайне интересны тем обстоятельством, что именно с этого периода (конец VIII в.) в пределах лесостепной полосы Восточной Европы начинают складываться большие стационарные некрополи — Танкеевский, Больше-Тиганский, Больше Тарханский (Поволжье), Нетайловский, Крымский, Красная Горка, Червонная Гусаровка, Лиманное Озеро (Доно-Днепровское междуречье) — с широтной

(в подавляющем большинстве западной и северо-западной) ориентировкой и устойчивой традицией сопровождения погребения захоронением коня или его шкуры [Халикова, 1976; 1976а; Казаков, 1972; Плетнева, 1981; Аксенов Тортика, 2001; Жиронкина, Цитковская, 1996; Савченко, 1986].

Таким образом, анализ материалов рассматриваемых раннетюркских ареалов позволяет утверждать, что каждый из них представляет определенное историко-географическое единство, по крайней мере, в рамках конкретных культурно-хронологических горизонтов. На разных этапах эти ареалы составляют группы памятников, имеющих свои типологические различия, которые, на наш взгляд, отражают этнокультурную пестроту раннетюркского населения.

Несмотря на типологическое сходство групп в причерноморском и поволжском ареалах качественно, они имеют существенные историко-культурные различия. Имея единые тенденции, отразившиеся в сходстве памятников на раннем позднегуннском и раннетюркском этапе (V–VI вв.), условно называемом гунно-болгарский горизонт, причерноморский (со второй половины VI в.) и поволжский (со второй половины VII в.) ареалы развивались по-разному. В конечном счете, вероятно, это сказалось на сроках культурной консолидации внутри них. Появление уже во второй половине VII века крупных некрополей новинкинского типа в Среднем Поволжье и последующее расширение этого ареала на юг в степи Сала, Маныча, Нижнего Дона и Предкавказья, где появляются курганы с квадратными ровиками (Кировский V, курган 3; Усть-Саловский IV, курган 2, погребение 2) [Флерова, 2001], а чуть позже первые стационарные хазарские некрополи (Зливинский, Салтовский, Манянский, Дмитриевский, Крымский и др.), вероятнее всего, сыграло кардинальную роль в формировании культурного ядра хазарского ареала (цв. вклейка, рис. 110, 24).

Расширение этого ареала на север способствовало появлению первых погребений в больших некрополях Волжской Булгарии. В этой связи две основные группы погребений с северной и восточной ориентировкой VII–VIII вв. были условно отнесены нами к *хазарско-булгарскому горизонту*.

В причерноморском ареале в течение всего раннетюркского периода, вплоть до конца VIII века сохраняется синкретическое культурное разнообразие. Появление крупных стационарных некрополей как в пределах ареала (Натайловский, Крымский, Красная Горка и др.), так и в Западном Причерноморье (Нови Пазар, Кюлевча, Галиче, Долни Луковит I, Тополя, Истрица и др.), происхождение которых безусловно связано с участием населения Великой и Дунайской Болгарии, указывает на то, что заключительная фаза культурогенеза в пределах причерноморского ареала падает лишь на самый конец VIII века. Вероятнее всего, она связана с вхождением его населения в орбиту хазарского каганата или раннеболгарского государства на Балканах.

По нашему убеждению, первоначальным очагом культурогенеза причерноморского ареала является регион Северо-Восточного Причерноморья (район Новороссийска, Анапы и Тамани). Здесь уже с начала раннегуннского периода (II–III вв. н. э.) появляются могильники с западной (редко, северной) ориентировкой погребенных и характерным гуннским набором вещевого инвентаря (кольчатые удила, длинные узколезвийные мечи, керамика, установленная в головах покойника, лучковые фибулы, пряжки с подвижным щитком, четырнадцатигранные бусы) [Гавриутхин, Пьянков, 2003. С. 187–190. Табл. 72, 74]. Эти некрополи продолжают существовать как в III–IV вв., так и в позднегуннский период V–VIII вв. Особенно важной деталью является то, что здесь, в наиболее ранних погребениях Южноозерейского могильника (участок 1) и в погребениях могильника Бжид, появляются самые ранние в Восточной Европе широтные погребения с конем или конские захоронения. Эта традиция сохраняется и в более поздних погребениях могильника Бжид и

в погребениях V–VIII вв. эталонного могильника Дюрсо [Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 187, 189. Рис. 13. Табл. 72; Дмитриев, 1979].

Вероятнее всего, население гунно-болгарского ареала Северо-Восточного Причерноморья, оставившее кроме означенных также Борисовский и Агойский могильники, сыграло решающую роль в формировании всего болгаро-хазарского горизонта Северного Причерноморья. Смена терминологических позиций в этом определении отражает очередность историко-культурных приоритетов в существовании всего причерноморского раннетюркского ареала.

На первом этапе (VI в. – вторая половина VII в.), вероятнее всего, существование этого ареала напрямую связано с Тюркским каганатом и Великой Болгарией, на втором (конец VII–VIII вв.) – идет постепенное вхождение его в орбиту Хазарского каганата. Процесс этнокультурных трансформаций, произошедших в V–VI вв. на стадии преобразований гунно-болгарского ареала Анапско-Новороссийского микрорайона в обширный раннетюркский Причерноморский ареал, нам представляется следующим образом.

Как уже указывалось, основу гунно-болгарского ареала составило болгарское население Северо-Восточного Причерноморья (утигуры, кутигуры, сарагуры, уроги, оногуры), пришедшее в Северо-Западное Предкавказье из различных районов Юго-Западного Алтая и Центральной Азии в период гуннского нашествия [Артамонов, 1962. С. 62–68. С. 79–102], а в большей мере, вероятнее всего, после окончания центрально-европейских походов Атилы. В это время в причерноморские степи возвращается собственно позднегуннское население, которое маркируется комплексами, демонстрирующими основные черты гуннского ИКК (простые и подбойные могильные ямы с северной ориентировкой погребенных, деформация черепов, гунно-сарматский набор категорий вещевого инвентаря) (табл. I). При этом гунно-сарматский (позднесарматский) культурный компонент сохраняется в составе раннесредневековых болгар весьма длительный период. Еще пятьдесят лет назад интерпретация данных погребального обряда (северная ориентировка погребенных, деформация черепов) и отдельных типов керамики из раннеболгарского могильника Нови Пазар позволила Ст. Станчеву и Ст. Иванову прийти к правомерному выводу о том, что «основа протоболгарской культуры коренится в позднеантичной сармато-аланской среде». Последнее подразумевается авторами как «далекое позднесарматское происхождение» [Станчев, Иванов, 1958. С. 112–116]. Как мы можем заметить, данная позиция довольно точно перекликается с точкой зрения отечественных исследователей относительно культурной интерпретации части раннесредневековых комплексов Поволжья и Причерноморья. В данном случае поражает тот факт, что «позднесарматский», а в нашем понимании – гуннский компонент не только сохраняется длительный период в недрах раннеболгарского населения, но и продолжает играть существенную роль даже после распада или, точнее сказать, трансформации причерноморского ареала на следующей стадии болгарского этногенеза в пределах Балкан.

Вероятнее всего, окончательное заселение гунно-болгарского ареала происходит в результате движения савиров и аваров в пределах причерноморских степей. Заключительный аккорд в образовании болгарского единства сыграло вторжение тюркок-ашинов и установление между ними и утигурами и кутигурами союзно-подданических отношений (575, 582 гг.). Самый западный раннетюркский ареал охватил территорию Днестро-Донского междуречья и существовал в этих пределах в течение всего сивашовско-перещепинского хронологического горизонта (вторая половина VI – вторая половина VII вв.).

На наш взгляд, в рамках означенного периода основную роль в создании и существовании данного ареала играло болгарское население, которое и оставило наи-

более многочисленные комплексы с широтными ориентировками погребенных и погребений с конем или его шкурой среди мужских — всаднических захоронений (Сивашовка, курган 3, погребение 5, Портовое, Черноморское, Костогрызово, Зуг, Круской и др.).

На наш взгляд, появление «всаднической» традиции в рамках причерноморского раннетюркского ареала вряд ли следует напрямую связывать с продвижением населения из саяно-алтайского тюрко-телеского ареала. Думается, в раннетюркский период вплоть до конца VII века в пределах причерноморского ареала шло автономное этнокультурное развитие, что, собственно, и подтверждается данными письменных источников, повествующих о деятельности Органа, Курта и Кубрата по созданию Великой Болгарии (619, 626–635 гг.) [Хронология Болгарии, 2003. С. 7]. Вероятно, появившись еще в праболгарский период в пределах гунно-болгарского ареала, данная традиция впоследствии широко распространилась по всему Причерноморью. На отсутствии прямого тюрко-телеского влияния указывают и особенности вещевого комплекса из погребений VI–VII вв. причерноморского ареала. Так, образцы вооружения и конской упряжи этого времени в большей мере демонстрируют скорее постгуннское византийское и раннеаварское влияние (трехлопастные ромбические наконечники, мечи с R- и D-образными скобами, палаши с кольцевым навершием, кольчатые удила, удила с брусковидными псалиями), чем тюрко-телеское. Здесь лишь на самом позднем этапе в VIII веке появляются стремена и сабли. Аналогично этому комплекты поясной гарнитуры в большей мере образуют единый комплекс с панонскими образцами ранне- и среднеаварского этапов (рис. 103, 29–36, 65–75, 135–148, 151–155, 188–199, 221–242, 292, 316, 361–368, 385–396).

На определенную автономию указывают и исторические данные. Письменные источники не содержат сведений о прямых столкновениях болгар и тюрков-ашинов. Известен факт союза утигуров и тюрков (575 г.). Вероятнее всего, это было не равноправное, а подданническое союзничество, которое позволяло тюркским каганам назначать и смещать болгарских ханов (582 г. — назначение Гоступа ханом кутригуров). Однако это, равно как и балансирование между ашинами и Византией, позволяло болгарским князьям сохранять свою самостоятельность [Хронология Болгарии, 2003. С. 5–8] и культурное своеобразие, что отразилось и на археологическом материале. Напротив, Феофилакт Симокатта рисует яркую картину избиения тюрками огонов, живших к востоку от болгар в Северном Прикаспии в период правления императора Маврикия (582–602 гг.). Возможно, этот факт ранней тюркской экспансии и тотального истребления раннеболгарского населения Поволжья в определенном мере объясняет те культурные различия причерноморского и поволжского ареалов, которые устанавливаются уже с VII века — с момента формирования памятников новинкинского типа.

Динамика последующих событий — расцвет Западно-Тюркского каганата (657–659 гг.), распад Великой Болгарии, переселение части болгар на Дунай (660 г.), в Добруджу и Фракию (670, 679 гг.) — существенным образом сказалась на культурной трансформации в пределах причерноморского ареала. При этом, очевидно, исход раннеболгарского населения на Балканы не был одноактным явлением, скорее всего он растянулся на несколько десятилетий. Наиболее ранняя волна переселенцев отразилась, вероятно, в появлении памятников типа курганов Кабиюк и Мадара (курган III, погребение 5) [Рашо Рашев, 2007; Миков, 1934. С. 432–434], а также в вещевых комплексах типа Врап-Ерсеке. Появляются они как раз в конце VII — начале VIII вв. и не только на Балканах, но и в Паннонии и Приальпийском регионе [Catalogue, 1981; Daim, 2002] (рис. 103, 410–413, 434–435, 474, 491, 494, 496). Этот импульс получил также отражение в материалах аварского ареала среднеаварского периода в пределах Большого Альфельда. Завершение этого миграционного про-

цесса знаменуется появлением в VIII веке в пределах дунайско-балканского региона больших некрополей типа Нови Пазар, Кюлевча, Истрия и других (рис. 103, 400–406, 425, 454, 456, 461, 506).

В Северном и Северо-Восточном Причерноморье распад Великой Болгарии, хазарская экспансия и отток болгарского населения в археологическом материале отразились в появлении памятников с мегаплановыми конструкциями и трупосожжениями перещепинско-воскресенского горизонта. В Подонье и Приднепровье появляются курганы с прямоугольными ровиками (Кировский, курган 3, Саловский IV, курган 2, Соколовская балка, Салтово-Маяцкое) (рис. 103) и курганы с «усами» (Три Брата, Новогригорьевка, курган 18). Хотя последние памятники не имеют точной хронологической привязки, однако, как нам представляется, появление этого своеобразного типа памятников в восточноевропейской степи, вероятнее всего, связано с распадом урало-казахстанского ареала памятников селенташского типа и оттоком племен *он ок будун* (оногур) и нушеби, вызванным приходом кыпчаков и карлуков в центрально-казахстанские степи [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. С. 162–177]. Знаковым моментом этнокультурной трансформации этого ареала является кардинальная смена погребальной обрядности в Северо-Восточном Причерноморье. На это указывает появление в значительном количестве трупосожжений в некрополях Дюрсо и Борисовском на поздней стадии их существования (VIII в.) [Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 135; Дмитриев, 2003. С. 203]. Весьма значимой, на наш взгляд, деталью является появление в VIII веке в пределах этого ареала группы погребений с западной ориентировкой и характерными типами вещевого инвентаря (удила с эсовидными псалиями, стремяна арочной формы с прямой подножкой, массивные подпругные пряжки) восточного происхождения (новинкинского, алтайского) (Барановка I, курган 27; Дорофеевский, курган 13; Кунций Толга, курган 14 и др.). Следует принять точку зрения исследователей, которые предполагают, что появление новинкинского горизонта в Поволжском регионе и дальнейшее продвижение его традиций на восток, вероятно, может быть связано, прежде всего, с хазарским культурогенезом, происходившим в недрах раннеболгарского населения [Флорова, 2003. С. 177–180]. Формирование так называемого авиловского горизонта [Круглов, 1990], как, впрочем, и появление с VIII века больших стационарных некрополей типа Больше-Тиганского, Танкеевского, Натальинского, Красная Горка, Крымского и других в лесостепи Волго-Донского междуречья, знаменуют собой процесс вызревания будущего древнененгерского сообщества, которое выйдет на историческую арену в последующий период.

4. *Аварский ареал* чрезвычайно обширен по европейским масштабам в своих геоисторических рамках. В разные периоды население, составляющее его, заселяло районы Большого и Малого Альфельда, Воеводино и Добруджи (цв. вклейка, рис. 110, 23). Источниковедческая база его фактически беспредельна. Благодаря европейским и византийским историческим хроникам мы с высокой точностью можем определить время его сложения: апрель 568 года — уход лангобардов из Паннонии и приход авар на Дунай и момент падения: 796 год — присяга *Тудуна* на верность Карлу Великому [Эрдели, 1982]. А археологическая база авароведения столь велика, что по сей день мы не знаем точной цифры исследованных погребальных комплексов (более чем 20 тысяч по И. Эрдели [1982], около 40 тысяч по Д. Шимони [Simonyi, 1959. P. 248] и И. Балингу [1995. С. 30] и, наконец, около 50 тысяч по В. Полю [Лукина, 2006. С. 145]), тем более что ежегодно их количество возрастает на несколько сотен.

В этой связи, несмотря на обширнейший круг литературы по археологии авар, на сегодняшний день нет единой статистики погребенной обрядности населения, составившего данный ареал, что не позволяет представить ее особенности в хронологической и локально-географической плоскости.

Благодаря многолетним исследованиям европейских (И. Балинг, И. Бони, И. Ковригин, А. Ким, Ф. Дайм, Э. Гарам, П. Штандлер, М. Мартин и другие) и отечественных (А. К. Амброз, А. В. Комар, И. О. Гавритухин, А. М. Обломский и др.) коллег сегодня удалось создать типологические ряды вещевого инвентаря по трем основным периодам. Детальный разбор историографических позиций и групп аварского вещевого инвентаря приведен в одной из последних работ И. О. Гавритухина [2001]. В этой связи мы, не углубляясь в детали, отсылаем читателя к этой работе. Остановимся лишь на основных выводах автора, представляющих интерес для нашего исследования.

На основании анализа внутренней планиграфии могильников Тисафюред (исследования А. Киш) и типологии материалов из аварских и синхронных восточно-европейских комплексов автору удалось определить хронологические рамки основных этапов аварской истории:

– раннеаварский (568–620 гг.): I-й раннеаварский (около 568–600 гг.); II-й раннеаварский (570/600–620 гг.).

– среднеаварский (620–710 гг.): I-й среднеаварский (620/640–660 гг.); II-й среднеаварский (660/680–690/780 гг.) [Гавритухин, 2001. С. 157].

В соответствии с этим, по нашим представлениям, позднеаварский период приходится на VIII век.

Типологический и технологический анализ предметов вооружения, конской узда, ременной гарнитуры и керамики позволил И. О. Гавритухину предложить свою особую канву историко-культурного развития Карпатской котловины в аварскую эпоху. Суть ее заключается в том, что исследователь склоняется к пониманию автономного развития аварского ареала на протяжении всего ранне- и среднеаварского периодов. Появление инноваций в комплексах аварских древностей связано, прежде всего, с продолжением и новыми формами развития местных традиций. Основное влияние на эту систему культурных традиций оказали, в большей степени, Византия, а также, в меньшей степени, население Балкан и Приальпийского региона. На специфический автохтонный облик памятников этого ареала не повлияли ни потрясения 626–начала 630 года, ни даже восточные переселения во второй половине VII века. Последние, по мнению И. О. Гавритухина, хотя и имели место, но существенным образом не изменили состав населения Карпатской котловины. Существенные геополитические изменения повлекли переселения лишь в позднеаварский период [Гавритухин, 2001. С. 157].

В связи с отсутствием общей статистики погребального обряда мы построили свои наблюдения на выборке, включающей доступные для нас данные о погребальных комплексах более чем из 30 могильников и одиночных погребений, исследованных на территории Венгрии в разное время. В общей сложности это около четырех тысяч погребений. Безусловно, данная выборка носит элемент случайности, но, как нам кажется, она все-таки представляет определенный срез и может показать объективные тенденции в развитии аварской погребальной обрядности. Критерием отнесения комплексов к различным временным этапам в целом явилась типологическая схема, предложенная И. О. Гавритухиным. Хотя следует оговориться, что в ряде случаев весьма сложно без детального анализа планиграфии могильников и вещевого инвентаря точно определить хронологические границы этапов и соответственно поместить внутри них те или иные группы погребений. В этом случае мы ориентировались на наиболее значимые типы вещевого инвентаря — своеобразные временные реперы, которые преобладали в тех или иных памятниках. В ряде случаев нами была принята датировка некоторых памятников, предлагаемая авторами исследований. В соответствии со всем этим материал нашей выборки распределился следующим образом.

К раннеаварскому периоду было отнесено 8 могильников и одиночных коми-

лексов: Сегвар — Оромдьюло, Арадае — Мека, Бекашамшон — Морис, Сегвар — Шаподад, Бихаркерец Тес — Ленчешкат, Ловаштеткезесек, Сексард — Богьяслоу (по: [Gyula R., 1977; Mesterhazu, 1987; Bona, 1979; 1980; Lxrinczy, 1992; 1995; 1998; Toth El, 1999; Sandor Nad, 1973; Kiss, 2001; Gyula L., 1955]) (рис. 105).

В среднеаварский период вошли 9 объектов: Гьепесдуас, Кёдкед-Фетекари, Вак-Кавурвань, Хетенъе Гьяхаза-Мария, Пилисмарот-Басахаре, Сентеш-Берхат, Боли, Питварош, Комаром (по: [Papp, 1962; Madaras, 1999; Nandor, 1965; Fancsalszky, 1999; Bende, 2000; Kiss, 1962; Trugly, 1994; 2002; Tettamanti, 2000; Muller, 1989]) (рис. 106).

И, наконец, к позднеаварскому периоду нами отнесена большая часть могильников на территории Будапешта (ул. Зентендрей-Страв, ул. Вила-Фаркас, ул. Бекаемедьер, ул. Золо и другие), а также могильники Сексард — Богьяслоу, Орошаза — Беке, Анатфалва — Вамхаз, Сюкезд — Шагод, Питварош — Визтарозо, Лагеплан, Тисаварош (по: [Lxrinczy, Szalontai, 1996; Lxrinczy, Straub, 2004; Bende, 1998; Somogyi, 1997; Rosner, 1999; Nady, 1998; 1998a; Juhasz, 1995; Kiss, 2001]) (рис. 107).

Первое наиболее устойчивое представление, возникающее при общем просмотре материалов из аварских некрополей, убеждает в том, что преобладающими являются простые грунтовые погребения с ориентировкой погребенных головой на З—СЗ. При этом тотальная унификация погребального обряда, вероятно, происходит к началу VIII века. Несмотря на то что к позднеаварскому времени появляются определенные локальные особенности в устройстве погребальной камеры (боковые выемки у дна, одиночные и парные углубления дна могильной ямы, заплечики) [Tettamanti S., 2000. Abb. 13, 14, 16, 19, 27, 28; Nady M., 1998. Abb. 9—14, 34, 38—40, 69—83; Kiss A., 2001. Abb. 28—34, 41, 42, 45, 47], в подавляющем большинстве позднеаварские погребения совершены в простых прямоугольных ямах, ориентированных по оси З—В, СЗ—ЮВ.

Большее разнообразие демонстрируют погребения ранне- и среднеаварского периодов. Наиболее показателен именно раннеаварский комплекс. Его составляют в большинстве погребения с западной ориентировкой захороненных, хотя именно для этого этапа отмечено определенное число погребений с восточной и северо-восточной ориентировками (рис. 105, 1—3, 29, 30, 86, 87, 139, 140, 241). На следующем среднеаварском этапе появляется значительное число погребений с северной ориентировкой [Балинт, 1995. С. 44] (рис. 106, 2, 4, 225, 238, 239). Как мы видим, эта ситуация в какой-то мере перекликается с данными по погребальной обрядности в причерноморском и поволжском раннетюркских ареалах.

Погребальный обряд в раннеаварский период также демонстрирует синкретическое разнообразие в проявлении «всаднических» традиций. Вероятнее всего, погребение и отдельные могильники среднеаварского времени имеют наибольший процент захоронений с конем или его шкурой. При этом наблюдается чрезвычайное разнообразие вариаций в проявлении этой традиции: отдельные конские захоронения, погребения коня или его шкуры рядом с погребенным, помещение шкуры коня поверх покойника, а также погребение коня или его шкуры в ногах или головах умершего (рис. 105, 2, 3, 28, 30, 84, 86, 138—141, 332, 333, 391, 392). Существуют вариации погребения коня или его шкуры в отдельной яме, расположенной в ногах погребенного (Секвар-Шаподад) (рис. 105, 241). В среднеаварское время всаднические традиции получают особое звучание. Среди погребений с конем наибольший процент полных захоронений коня в Комаромском могильнике. Почти половина (63 комплекса) из общего числа погребений (153 комплекса) этого могильника были всадническими [Trugly, 1994]*. Местоположение лошади в этом могиль-

* Выражаем глубокую благодарность Тругли Шандору за предоставленную информацию о раскопках Комаромского могильника.

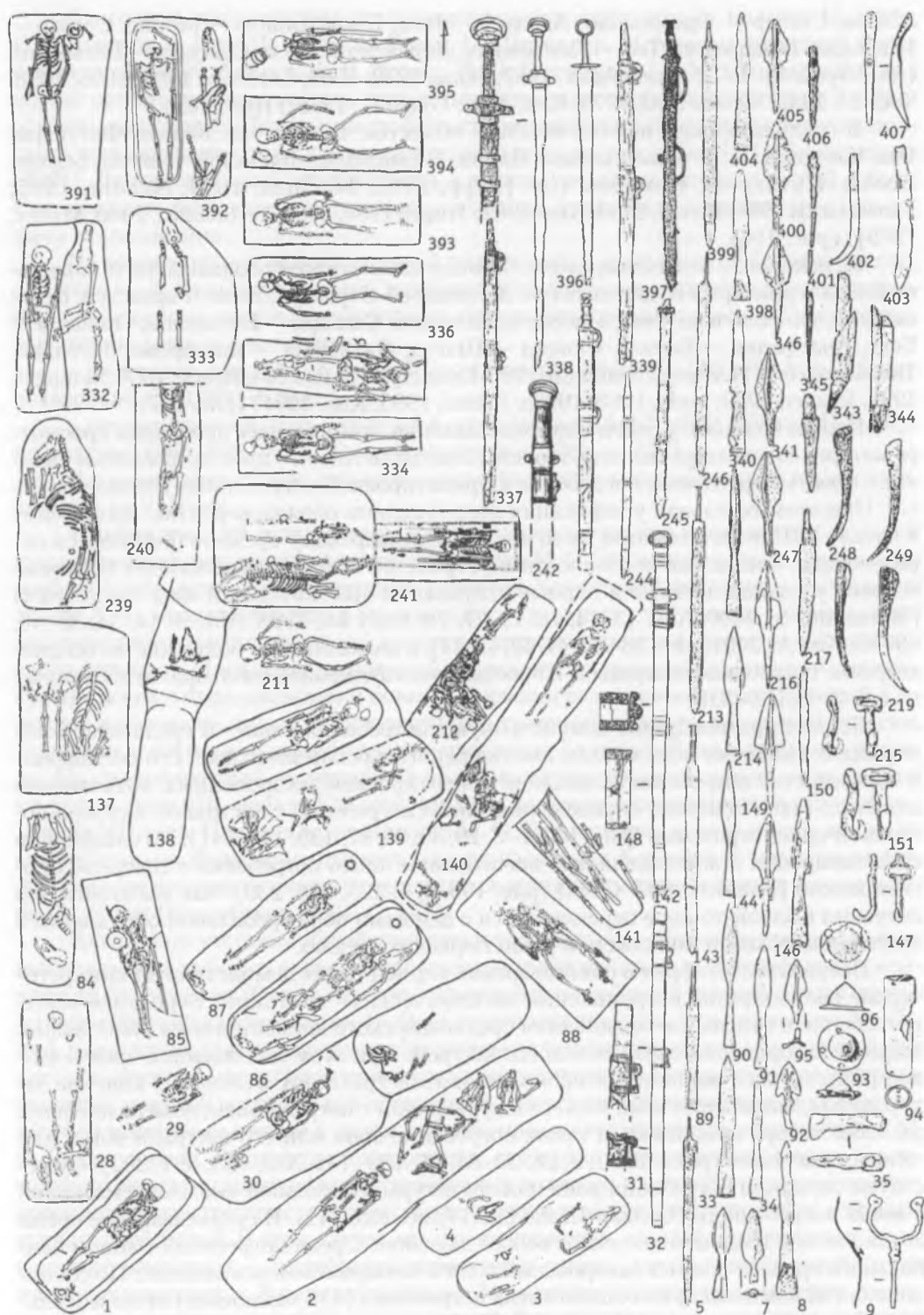

Рис. 105. Раннеаварское время в Карпатском бассейне (вторая половина VI – начало VII вв.) (по: [R. Gyula, 1977; K. Mesterhazy, 1987; I. Bona, 1979, 1980; G. Lxrincozy, 1992; 1995; 1998; El.H. Toth, 1999; Sandor Nad, 1973; A. Kiss, 2001; L. Gyula, 1955; Гавритухин, 2001]).

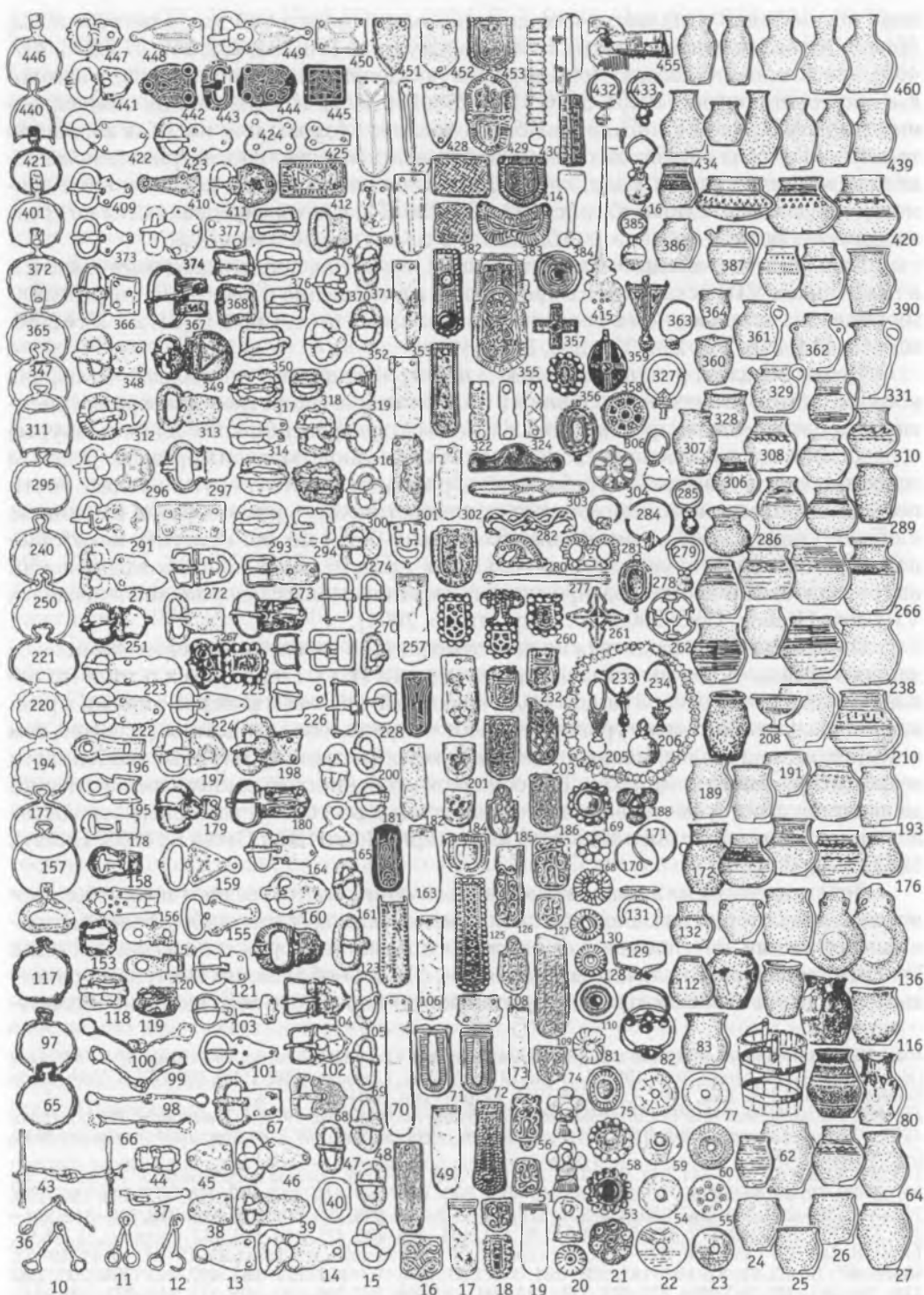

Fig. 105. The early Avar time in Carpathian basin (according to: [R. Gyula, 1977; K.Mesterhazy, 1968; I. Bona, 1979; 1980; G. Lxrinezy, 1992; 1995; 1998; El.H. Toth, 1999; S. Nad, 1973; A. Kiss, 2001; L. Gyula, 1955; Gavritychin, 2001])

нике неустойчиво. Она могла находиться в одной могильной яме с погребенным, причем голова ее направлялась в ту же сторону (рис. 106, 231, 232, 257, 275, 276, 337, 405), что и голова человека. Лошадь могла также помещаться в ногах или в изголовье погребенного (рис. 105, 1, 30, 62, 233, 258, 259, 274). Иногда лошадь помещали в яму, вырытую рядом с могилой человека, возле его головы или ног. Как вариацию традиции конских сопроводительных захоронений следует рассматривать помещение скелета или туши лошади, крупного рогатого скота или их конечностей в дромосах продольных катакомб (рис. 106, 235, 236, 341), которые появляются на среднеаварском этапе и продолжают бытовать в самом позднем периоде.

Большинство «всаднических» традиций, вероятно, продолжают иметь место и в памятниках VIII века, хотя их процентное соотношение с простыми погребениями менее значительно, чем в предшествующее время (рис. 107, 1–5, 21, 22, 38, 62, 80, 82, 113, 114, 228, 260, 294, 320, 339, 377, 381).

Таким образом, анализ основных элементов аварского погребального обряда убеждает в том, что принципиально их составляющие (широтная и северная ориентировка погребенных, простые могильные ямы, захоронения коня или его шкуры) соотносятся с традициями восточноевропейских раннетюркских ареалов. В целом основные черты аварской погребальной обрядности демонстрируют процесс почти непрерывного автономного развития от синкретического разнообразия на раннем, к общей унификации на позднеаварском этапе. Хотя можно отметить некоторые новации, связанные с появлением большого числа цельных конских захоронений на горизонте «Комаром» и распространением катакомбных захоронений в пределах VIII века [Bende, 1998; 2000; Lorinczy, Straub, 2004].

Попытаемся проследить основные тенденции в развитии вещевого комплекса данного ареала. В целом, соглашаясь с выводами И. О. Гавритухина о том, что основные предметы поясной гарнитуры, украшений, оружия и конской упряжи в рамках этапов аварского культурогенеза имеют непрерывное автономное развитие, тем не менее, на наш взгляд, можно отметить некоторые хронокультурные особенности аварского вещевого комплекса. Так, основной особенностью раннеаварского периода является факт существования многочисленных восточных параллелей среди отдельных категорий и типов вещевого инвентаря [Bona, 1980; Gyula L., 1955; Erdelyi, 1982].

Действительно, на данном этапе вещевой комплекс составляют предметы, происхождение которых связано либо с саяно-алтайским ареалом, либо с более восточными регионами. Это, прежде всего, касается предметов вооружения и конской упряжи. Так, мечи и палаши с кольчатым навершием, с R- и D-образными выступами раннеаварских типов появляются среди китайских и корейских образцов еще в цзинь-

Рис. 105. Раннеаварское время в Карпатском бассейне (вторая половина VI – начало VII вв.) (по: [R. Gyula, 1977; K. Mesterhazy, 1987; I. Bona, 1979, 1980; G. Lxrinzy, 1992; 1995; 1998; El.H. Toth, 1999; Sandor Nad, 1973; A. Kiss, 2001; L. Gyula, 1955; Гавритухин, 2001]).

Fig. 105. The early Avar time in Carpatian basin (according to: [R. Gyula, 1977; K. Mesterhazy, 1968; I. Bona, 1979; 1980; G. Lxrinzy, 1992; 1995; 1998; El.H. Toth, 1999; S. Nad, 1973; A. Kiss, 2001; L. Gyula, 1955; Gavritychin, 2001]).

1–4, 28–30, 84–88, 137–141, 211, 212, 239–241, 332–336, 391–395 – планы погребений; 5–14, 33–36, 38, 39, 42–48, 65, 66, 68, 69, 89–93, 95–100, 117–119, 143–147, 149–152, 153, 157, 161, 177, 194, 198–200, 213–217, 220–223, 244–247, 250, 256, 271, 274, 290, 293–295, 298, 299, 301, 311, 313–318, 340–342, 345–348, 350, 365, 368, 369, 372, 379, 380, 396, 398–401, 404–406, 408, 421, 440, 446, 452 – железо; 31, 32, 94, 142, 148, 242, 337–339, 356, 397 – бронза, серебро, золото, железо, дерева, кожа; 15–21, 40, 41, 49–53, 56–58, 67, 70–75, 81, 82, 101–111, 121–131, 155, 159, 160, 162–172, 179–188, 197, 201–203, 205, 206, 224–234, 251–255, 267–270, 272, 273, 275–285, 291, 292, 296, 297, 300, 302–305, 312, 319–327, 349, 351–360, 363, 366, 367, 370, 371, 373–378, 381–385, 409–416, 422–433, 441–445, 447–454 – металл (бронза, серебро, золото), металл, камень; 22–27, 54, 55, 59–64, 76, 77, 79–80, 83, 112–116, 132–136, 173–176, 189–193, 207–210, 235–238, 263–266, 286–289, 306–310, 328–331, 361, 362, 364, 386–390, 417–420, 434–439, 456–460 – керамика; 37, 120, 154, 156, 158, 178, 195, 196, 218, 219, 243, 248, 249, 343, 344, 402, 403, 407, 455 – кости; 78 – дерево, железо; 204 – камень, стекло

ский период (IV–V вв.) [Вэй Цзиен, 2004. С. 7, 9, 10; Akio Ito, 1971. Abb. 46; Сунь Цзи, 1985. С. 58; Хунань Цзысин..., 1995. С. 492; Ахунь Тяньчансянь..., 1993. С. 13]. Одновременно они получают распространение и в кочевнических комплексах гунно-сарматского времени Алтая и Южной Сибири [Елин, Васютин, 1984. Рис. 1, 1, 36; Васютин, Илюшин, Елин, Миклошевич, 1985. С. 43. Рис. 3, 24; 6, 1]. Маркерным типом являются и якоревидные колчаные крюки (рис. 105, 147, 151, 215), также характерные для вещевого комплекса саяно-алтайского тюрко-телеского ареала. В этот же круг маркеров попадает набор трехлопастных ромбических и ассиметрично-ромбических наконечников стрел, имеющих в ряде случаев костяную свистульку, а также втульчатые наконечники копий с ланцетовидным или лавролистным пером (рис. 105, 6–8, 33, 34, 90–92, 95, 144–146, 149, 214–216, 246, 247, 340, 341, 346, 398–400, 404, 405). Прямые восточные заимствования обнаруживаются и в наборе аварской конской упряжи на раннем и частично среднем этапах. Кочевое население Аварского каганата осуществляет прямой транзит наиболее раннего типа стремени узды для жесткого седла, появившегося в предшествующий период в Северном Китае и Корее [Янг Хонг, 1985; Akio Ito, 1971. Abb. 53–60]. Ранние типы трензельной узды с кольчатыми удилами, эсовидными или брусковидными псалиями, круглыми стремянами с петлевидным ушком, или раскованой дужкой с прорезным отверстием в верхней части, костяными подпружными и чумбурными пряжками (рис. 105, 10–12, 36–37, 43, 65, 66, 97–100, 117–119, 120, 152–154, 157, 158, 176, 177, 194–196, 220, 221, 240, 250, 295, 365, 372, 408, 446; 106, 129, 130, 155, 156, 301, 302, 321, 322) имеют прямые прототипы среди раннетюркских древностей Саяно-Алтая [Овчинникова, 1990. Рис. 41–50].

Таким образом, на примере вооруженческого комплекса и конской упряжи достаточно точно можно установить геокультурные истоки раннеаварских традиций. Однако в последующие периоды, на наш взгляд, эти комплексы развиваются автономно в рамках аварского ареала Карпатской котловины. Очевидно, что это не означает полной изолированности процесса формирования новых элементов вооружения и конской упряжи от культуры соседствующих регионов восточноевропейской степи, Византии и государств Центральной Европы. Однако отдельные линии развития в вооруженческом комплексе (появление прообраза сабель) и узды (особый комплект удили с брусковидными псалиями, стремяна арочной формы с прямой подножкой) мы склонны связывать с собственно аварским культурогенезом.

Сложнее обстоит дело с адресностью предметов ременной гарнитуры и украшениями. Здесь мы всецело разделяем точку зрения Ч. Балинта о том, что на формирование этих категорий вещевого комплекса, вероятнее всего, наибольшее влияние оказали традиции Византии, культура кочевников восточноевропейских степей и собственно аварский культурогенез [Балинт, 1995. С. 40–41]. Линии внутреннего развития ременной гарнитуры и украшений довольно хорошо прослеживаются в закрытых комплексах непрерывно развивающихся на протяжении значительного периода [Гавритухин, 2001. С. 154–157]. В качестве осторожного наблюдения на предмет культурно-исторического маркирования материалов ременной гарнитуры и украшений можно акцентировать внимание на некоторых предметах, появляющихся в вещевом комплексе на самом позднем этапе среднеаварского периода. Это бляшки с полукруглым вырезом в верхней части, трапециевидные бляшки с кольцом в нижней части, орнаментированные рядами «эсовидных» элементов, в конце которых круг с завитком, растительными и фаунистическими сюжетами, серьги со стеклянными подвесками. Этот стиль получил название *Врап-Ерсеке* [Catalogue, 1981. Lot 173] и достаточно хорошо вычленяется в материалах среднеаварских могильников: Комаром, Питварош, Больи, Сентеш-Берхат, Полисмарог-Мария) (рис. 106, 133, 134, 211, 212, 275, 290–292, 312, 313, 317, 318, 329, 330, 354).

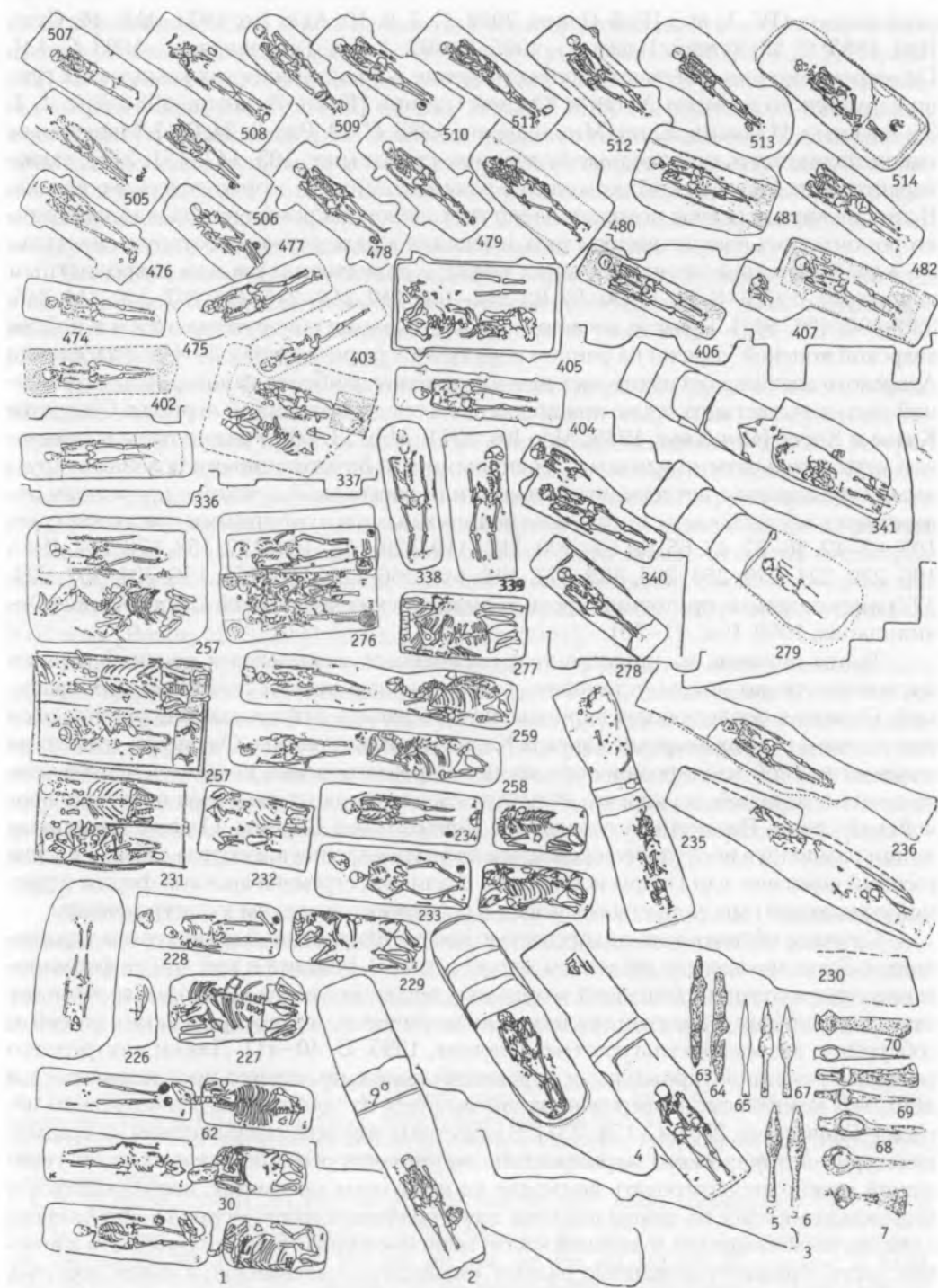
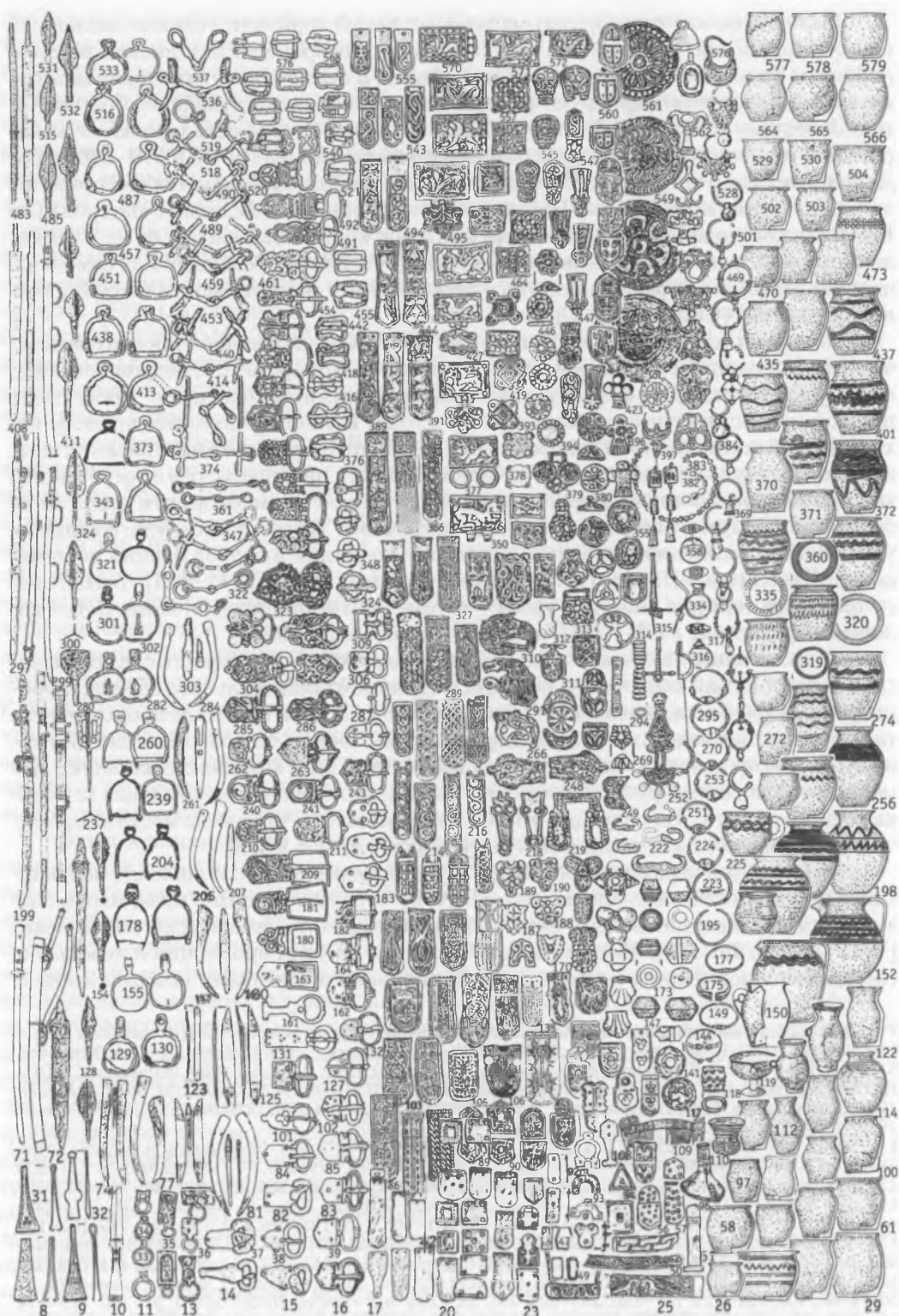

Рис. 106. Среднеаварское время в Карпатском бассейне (первая половина VII – начало VIII вв.) (по: [L. Papp, 1962; L. Madaras, 1999; F. Nandor, 1965; G. Fancsalszky, 1999; L. Bende, 2000; A. Kiss, 1962; S. Trugly, 1994; 2002; S. Tettamanti, 2000; E. Garam, 1989–1990; 1991; R. Muller, 1989; Гавритухин, 2001]).
 Fig. 106. The middle Avar time in Carpathian basin (according to: [L. Papp, 1962; L. Madaras, 1999; F. Nandor, 1965; G. Fancsalszky, 1999; L. Bende, 2000; A. Kiss, 1962; S. Trugly, 1994; 2002; S. Tettamanti, 2000; E. Garam, 1989–1990; R. Muller, 1989; Gavritychin, 2001])

Материалы эти своеобразно маркируют некий горизонт, условно названный нами *комаромский*, по названию наиболее яркого некрополя, возникшего в северной части Большого Альфельда в конце VII века. В связи с тем, что материалы этого круга довольно точно маркируют раннесредневековые пояса дунайских болгар [Тотев, Пелевина, 2005; Рашо Рашев, 2007. С. 107. Рис. 12–14], есть основание комаромский горизонт связать с приходом нового населения на Дунай в 670–680 годах. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является информация, любезно предоставленная нам Шандором Тругли при ознакомлении с материалами Комаромского некрополя. Анализ дерева древков копий показал, что на их изготовление пошла древесина шелковичного дерева (тутовника). Как известно, самым западным регионом выращивания этого дерева к тому моменту могли быть Восточный Туркестан (Синьцзян) и Средняя Азия.

Этот факт, как и особенности погребального обряда (большой процент всаднических захоронений с конем) и вещевого комплекса Комаромского некрополя, вполне допускает мысль, что формирование данного горизонта происходит в результате разовой миграции кочевого населения с востока. Точно позиционировать пределы исхода данной миграционной волны трудно. Были ли это урало-казахстанские степи, из которых, вероятно в конце VII–начале VIII века, с приходом сюда сеянто-кыпчаков и карлуков Восточно-Тюркского каганата, уходят племена десяти стрел *он ок будун* (оногуры) и нушеби, или пределы Восточного Туркестана, откуда, возможно, уходит часть населения карлукско-уйгурской коалиции в период бурных событий конца VII–начала VIII века [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 111–113]. В этой связи трактовка термина оногуры, уроги – угуры – уйтигуры, предлагаемая В. В. Радловым [Артамонов, 1962. С. 76], приобретает особое звучание.

В заключение еще некоторые наблюдения, которые позволяет сделать аварский керамический комплекс. К счастью, в отличие от погребального обряда, глубокий анализ керамики из аварских могильников был сделан на исходе прошлого века талантливым исследователем Тивадаром Видой. Насколько позволяет самый первичный осмотр аварской керамической коллекции, этот комплекс составляют две макрогруппы: сосуды ручной формовки напольного обжига и кружальная керамика печного обжига. Эта ситуация в чем-то напоминает ту, что имела место в керамическом комплексе джетыясарской культуры (см. глава 2, § 4, 5).

Что касается керамической посуды ручной формовки, то появление подавляющей части ее основных типов (типы III A–F) Т. Видо абсолютно правомерно связывает с самым ранним этапом формирования аварского керамического комплекса [Vida T., 1999. Taf. 175]. Высокие вазы, горшки вытянутых пропорций и небольшие сосуды баночной формы с плавной профилировкой и нарезками по краю венчика

Рис. 106. Среднеаварское время в Карпатском бассейне (первая половина VII – начало VIII вв.) (по: [L. Papp, 1962; L. Madaras, 1999; F. Nandor, 1965; G. Fancsalszky, 1999; L. Bende, 2000; A. Kiss, 1962; S. Trugly, 1994; 2002; S. Tettamanti, 2000; E. Garam, 1989–1990; 1991; R. Muller, 1989; Гавритухин, 2001]).
Fig. 106. The middle Avar time in Carpatian basin (according to: [L. Papp, 1962; L. Madaras, 1999; F. Nandor, 1965; G. Fancsalszky, 1999; L. Bende, 2000; A. Kiss, 1962; S. Trugly, 1994; 2002; S. Tettamanti, 2000; E. Garam, 1989–1990; R. Muller, 1989; Gavritychin, 2001]).

1–4, 30, 62, 226–236, 257–259, 275–279, 336–341, 402–407, 474–482, 505–514 – планы и разрезы погребений; 5–9, 14–18, 31, 37, 63–70, 72, 73, 128–130, 153–156, 178, 179, 200, 202–204, 220–222, 237–239, 250, 260, 280–282, 297–302, 321–324, 342–347, 361, 372–374, 376, 385, 386, 388, 408, 409, 411–415, 417, 418, 419, 438–440, 442, 450–453, 455–460, 483–490, 515–519, 521, 531–538, 540, 550–552, 567, 568 – железо; 10–13, 19–23, 32–36, 38–49, 51–57, 82–96, 101–108, 115–121, 126, 127, 131–146, 149, 161–172, 175–177, 180–192, 195, 208–219, 223, 224, 240–249, 251–254, 262–271, 285–296, 304–317, 325–334, 348–359, 362–368, 375, 377–381, 384, 387, 389–398, 416, 419–434, 441, 443–449, 454, 461–469, 491–501, 520, 522–528, 539, 541–549, 553–563, 569–576 – металл (бронза, золото, серебро), металл, камень; 24, 25, 50, 74–81, 109, 122–125, 157–160, 205–207, 261, 283, 284, 303 – кость; 26–29, 58–61, 97–100, 110–114, 147, 148, 150–152, 173, 174, 193, 194, 196–198, 225, 255–256, 272–274, 318–320, 335, 360, 369–371, 399–401, 435–437, 470–473, 502–504, 529, 530, 564–566, 577–579 – керамика; 71, 199, 201, 410 – железо, бронза, серебро, золото; 382, 383 – камень, стекло

грубого изготовления и неравномерного обжига, с характерными примесями в тесте в виде крупного песка и дресвы [Vida T., 1999. Abb. 38, 58, 59. Taf. 132–142] являются также своеобразными маркерами и раннетюркского керамического комплекса. Многочисленные параллели этой группе керамики, встречающиеся на большом пространстве от Тувы до Волги, уже проводились нами при анализе материалов из курганов с «усами» и памятников селенташского типа (см. глава 6, § 4). На них, впрочем, указывает и Тивадар Вида [Vida T., 1999. P. 121–129, 141–144]. Бесспорно, восточные параллели имеют и особые категории раннеаварской керамики, к которым относятся сосуды с квадратным венчиком, четырьмя защипами по его углам и сосцевидным налепом и керамические фляги. Традиция украшения сосудов четырьмя вертикальными защипами и сосцевидным налепом отмечена в Кокельском некрополе (Тува), а также они часто встречаются и на джетысарской посуде [Das Graberfeld..., 1984. Abb. 20, 22, 27, 31, 43, 45; Левина, 1996. Рис. 64]. Широкий круг восточных (среднеазиатских) параллелей демонстрируют и керамические фляги из раннеаварских погребений [Vida T., 1999. P. 165–169], что уже отмечалось исследователями [Erdelyi, 1982. P. 249].

Гончарную посуду Тивадар Вида предусмотрительно помещает в горизонт, соотносимый, на наш взгляд, с концом раннеаварского и началом среднеаварского периодов [Vida T., 1999. Taf. 174]. Вероятно, нет оснований отрицать местное происхождение большинства типов этой группы керамики, если учесть, что некоторые из них (I D, I B₁, B₂) [Vida T., 1999. Taf. 174] имеют достаточно выразительные параллели с сосудами (высокие кувшины, кувшиновидные сосуды с горизонтальной орнаментацией, горшки с раздутым туловом, чашевидные кубки) позднесарматского периода Карпатской котловины [Vadai, 1989. Abb. 36, 38, 39], а также средневековой керамикой Болгарии и Валахии [Erdelyi, 1982. P. 249]. Это же касается образцов генидской керамики с фигурно-штамповой орнаментацией (тип I A) [Vida T., 1999. P. 35–42], которая также получает распространение в раннеаварский период. Вероятнее всего, комплекс гончарной керамики характеризует, с одной стороны, процесс инкорпорирования новых технологических традиций в аварскую культуру, с другой — интеграцию аварского пришлого населения с племенами бассейна Дуная на протяжении ранне- и среднеаварского периодов.

Таким образом, анализ материалов погребального и вещевого комплексов аварского ареала убеждает в том, что он бесспорно может быть отнесен к числу раннетюркских этнокультурных ареалов Восточной Европы. Сложился он в результате переселения основного ядра тюркокультурных кочевников с территорий алтае-саянского, восточно-туркестанского и, вероятно, среднеазиатского регионов. Скорее всего, на протяжении большего времени своего существования данный ареал имел автономное этнокультурное развитие в пределах Большого и Малого Альфельда. Значительный приток нового населения происходит в самом конце среднеаварского периода. Он связан с переселением в Подунавье новых кочевых племен (оногуров-уругов) в период комаромского горизонта (конец VII–начало VIII вв.). Впрочем, данное предположение не исключает наличия длительной восточной инфильтрации тюркокультурного населения в течение всего ранне- и среднеаварского периодов. Отчасти это объясняет то разнообразие черт погребальной обрядности, которое характеризует данные периоды. Безусловно, это, с одной стороны, может характеризовать этнокультурную пестроту населения Альфельда на начальной стадии создания каганата, с другой, дает возможность допустить, что аварский культурогенез был явлением не разового порядка. Учитывая геокультурную разнохарактерность его составляющих, можно предположить, что перманентный приток небольших групп из пределов Большой Степи в Карпатскую котловину был растянут на десятилетия. Возможно, оногуро-уругское переселение в 670–80 годах было лишь

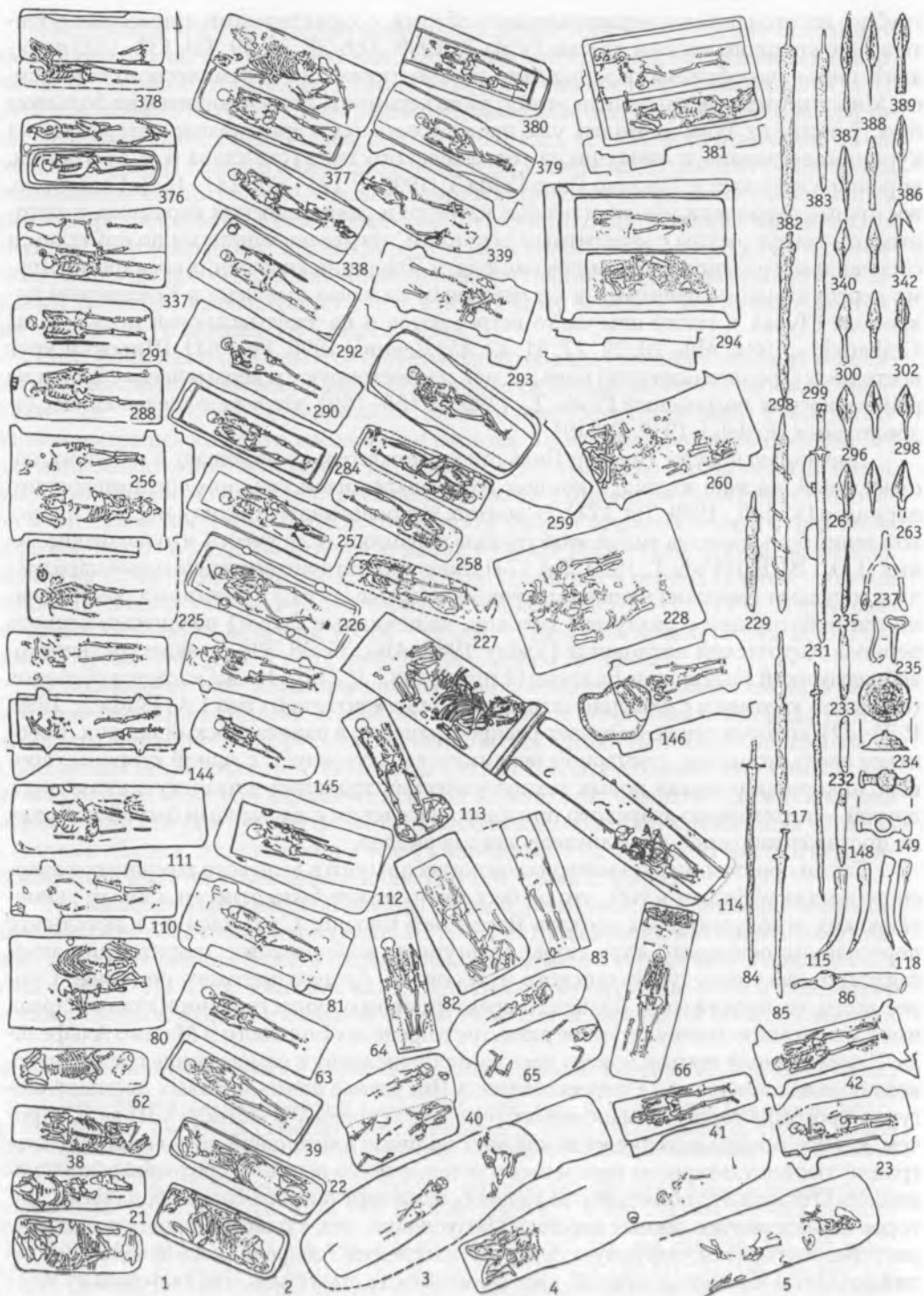

Рис. 107. Позднеаварское время в Карпатском бассейне (VIII в.) (по: [G. Lxrinčy, C. Szalontai, 1996; G. Lxzinčy, P. Straub, 2004; L. Bende, 1998; P. Somogyi, 1997; G. Rosner, 1999; M. Nagy, 1998; 1998a; I. Juhasz, 1995; A. Kiss, 2001; Гавритухин, 2001]).

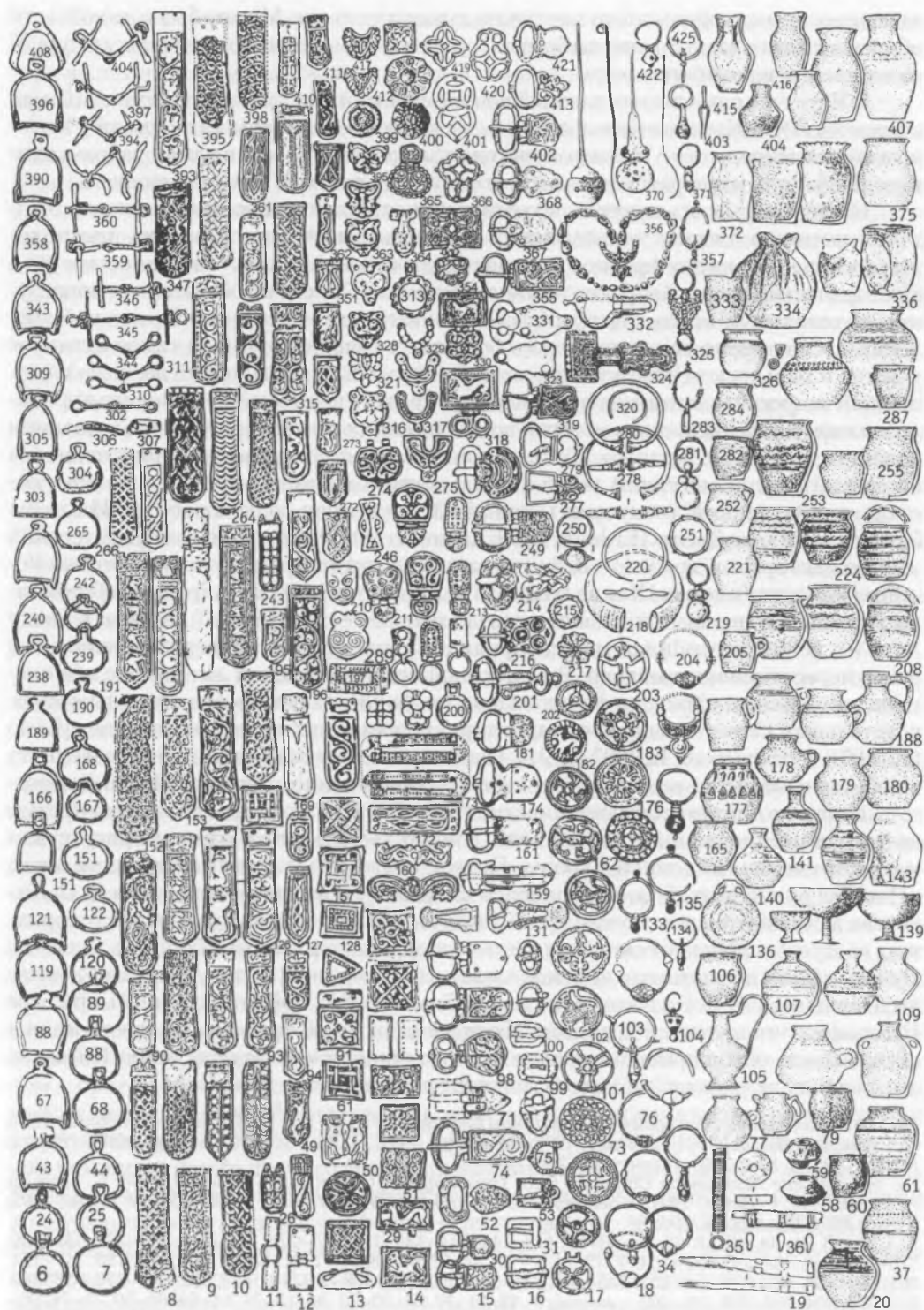

Fig. 107. The late Avar time in Carpathian basin (according to: [G. Lxinczy, C. Szalontai, 1996; G. Lozinczy, P. Straub, 2004; L. Bende, 1998; P. Somogyi, 1997; G. Rosner, 1999; M. Nagy, 1998; 1998a; I. Juhasz, 1995; A. Kiss, 2001; Gavritychin, 2001])

завершающим аккордом этого поступательного процесса. Может быть, это отчасти объясняет относительно мирный характер инкорпорации нового тюркокультурного населения в аварскую среду.

5. Есть еще один весьма важный вопрос, связанный с историческими судьбами аварского ЭКА. Коротко он выражается в следующем: *связаны ли аварский и мадьярский культурогенезы?* И хотя он выходит за хронологические рамки работы, считаем необходимым вкратце изложить свою точку зрения по этому поводу.

На первый взгляд кажется, что ответ на поставленный вопрос очевиден. Учитывая высокую плотность населения в позднеаварский период, можно предположить, что поражение от франков, потеря государственной самостоятельности и уход с исторической арены Аварского каганата в начале IX века не обязательно подразумевает тотальный исход кочевого населения каганата за пределы Карпатской котловины. Оно, равно как и дунайские болгары и славяне, приняло самое активное участие в мадьярском этно-культурогенезе. Однако здесь возникает еще один сложный вопрос: что считать за отправную точку этого процесса? Решение его породило многолетнюю дискуссию, которая вошла в венгерскую литературу под названием «двойное обретение Родины». Сегодня основные положения этой теории, несмотря на их критику, не потеряли своей актуальности. Серьезный анализ основных составляющих данной дискуссии появился в последние годы в работах Иштвана Эрдели и Габора Дьени [Erdelyi, 2008 Дьени Г., 2007]. Ряд известных венгерских ученых (историков, археологов, лингвистов) выступил с идеей, что «обретение Родины» Арпадом в конце IX века на самом деле было вторым мадьярским «обретением Родины», а первое произошло гораздо раньше — в VII веке или даже в эпоху Атилы. В 896 году воины Арпада, придя в Карпатскую котловину, уже нашли там ранее переселившихся мадьяр. В венгерской археологической литературе эти племена получили условное название «народ грифонов и плетей» (по основным изобразительным сюжетам в поясной гарнитуре) или «позднеаварское население» [Laslo Gy., 1978. P. 158; Дьени Г., 2007. С. 91]. Наиболее полно эта позиция была развернута в работах известного венгерского ученого и общественного деятеля Ласло Дьюла.

Историко-лингвистическим аргументом в пользу этой идеи являются, прежде всего, данные письменных источников, свидетельствующие о раннем присутствии мадьяр в степях Восточной Европы. Прежде всего, это известие из вводной части «Повести временных лет», относящейся к VII веку. В переводе академика Д. С. Лихачева данный отрывок звучит так: «Когда же славянский народ, как мы говорим, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли *белые угры* (здесь и далее выделено мной. — С. Б.) и заселили землю Славянскую. *Угры* эти появились при царе Ираклии, и они воевали с Хосровом, персидским царем. В те времена существовали и обры... После обров пришли печенеги, а затем пришли *черные угры*, мимо Киева, но это было после — уже при Олеге» [Повесть временных лет, 1950. С. 14].

Рис. 107. Позднеаварское время в Карпатском бассейне (VIII в.) (по: [G. Lxinczy, C.Szalontai, 1996; G. Lxinczy, P. Straub, 2004; L. Bende, 1998; P.Somogyi, 1997; G. Rosner, 1999; M. Nagy, 1998; 1998a; I. Juhasz, 1995; A. Kiss, 2001; Гавритухин, 2001]).

Fig. 107. The late Avar time in Carpatian basin (according to: [G. Lxinczy, C.Szalontai, 1996; G. Lxinczy, P. Straub, 2004; L. Bende, 1998; P. Somogyi, 1997; G. Rosner, 1999; M. Nagy, 1998; 1998a; I. Juhasz, 1995; A. Kiss, 2001; Gavritychin, 2001]).

1–5, 21–23, 31, 38–42, 53, 62–66, 80–83, 110–114, 144–146, 215, 225–228, 256–260, 288–294, 337–339, 376–381 – планы погребений; 6, 7, 13, 24, 25, 43, 44, 52, 67, 68, 71, 72, 84–89, 99, 100, 119, 120, 147–151, 161, 166–168, 189, 190, 229–232, 235–242, 261–265, 295–305, 308, 309, 310, 311, 331, 340–346, 358–360, 382–392, 394, 396, 397, 408, 409 – железо; 8–12, 14–19, 26–30, 32–36, 45–51, 54–56, 69–70, 73–76, 90–98, 101–105, 121–135, 138, 139, 152–164, 169–176, 181–184, 191–204, 210–220, 234, 243–251, 266–283, 312–325, 327–330, 332, 347–355, 357, 361–371, 393, 395, 398–403, 410–414, 417–423 – металл (бронза, серебро, золото); 20, 37, 57–61, 77–79, 106–109, 136, 137, 140–143, 165, 177–180, 185–188, 205–209, 221–224, 252–255, 284–287, 326, 333–336, 372–375, 404–407, 415, 416 – керамика; 115–118, 233, 306, 307 – кости; 356 – стекло

Как известно, этноним «угор, угры, угрин», употребляемый в русском языке до XIV века, происходит из этнонима оногур. Лингвистические аспекты перехода «оногур» в славянское «угры» были освещены славистом Яношем Мелихем и тюркологом Дьюлой Неметом еще в 20-х годах прошлого века.

Правда, остается не совсем ясным, почему восточные славяне отождествляли угров-мадьяров с оногурами, но весьма вероятно именно от них этноним мадьяр-угры (в смысле оногуры) переходит в Византию и Западную Европу. Здесь возникает еще один, причем самый дискуссионный, вопрос о праистории мадьяр. Оногуры, огуры, уроги известны из византийских, западноевропейских и сирийских источников в Причерноморье с V по VIII век. В качестве возможного решения вопроса о причинах отождествления восточными славянами угров с оногурами возникла идея, что под этнонимом «оногур» скрыты ранние мадьяры. Таким образом, получается, что мадьяры действительно обитали в южноевропейских степях уже с гуниского времени [Moravcsik, 1914; Szucs, 1992. С. 120; Дьени Г., 2007. С. 87].

Несмотря на то что вопрос прямой идентификации этнонима оногуры с уграми-мадьярами остается крайне дискуссионным, тем не менее исторический факт раннего присутствия мадьяр в Западной Европе по крайней мере с VIII века не вызывает сомнения. П. Каралем в документах монастыря Санкт-Галлен в Швейцарии нашел имена монахов Anngarius — 797–809 гг., Hunger — 761 г., Ungarus — 731–736 гг., Wanger — 812 г. Как известно, этникон: унгор, онгар, венгр — европейский вариант этнонима мадьяр [Erdelyi, 2008; Дьени Г., 2007. С. 87–88]. На это также указывает факт пребывания на территории Трансильвании венгроязыковой группы секеев (szekely). По сообщению венгерского анонима XIII века это население располагалось в Карпатском бассейне еще до прихода Арнада [Erdelyi, 2008].

Таким образом, археологические данные в унисон общеисторическим представлениям однозначно указывают на то, что в конце VII века в Карпатском бассейне действительно появляется совершенно новая этнокультурная группа.

Кроме тех инноваций среднеаварского периода, которые были приведены выше, примечателен еще один весьма важный факт, зафиксированный результатами археологических исследований. В 678–681 годах в Карпатский регион прекращается поступление византийских монет [Дьени Г., 2007. С. 90], что может быть объяснено началом деструктивного периода в недрах аварского каганата. Что касается некрополей позднеаварского периода, то здесь, по наблюдению Дьюло Ласло, несмотря на присутствие мадьярских погребений на некоторых аварских могильниках в большинстве случаев позднеаварские и древнемадьярские могильники «обходят» друг друга. Это может означать, что поздние авары доживают до прихода мадьяр [Laszlo Gy, 1978. Р. 26–32; Erdelyi, 2008]. Следовательно, возможно говорить о некоторой преемственности этих культур. С нашей точки зрения, действительно унификация погребальной обрядности к позднеаварскому периоду связана с тотальным переходом к ориентировке погребенных головой в З–СЗ сектор. При сохранении всаднических традиций (погребения с цельным конем) четко обозначаются погребения со шкурой коня (рис. 107, 65, 82, 113, 227, 293, 337, 376, 339, 378). Изменения в вещевом комплексе также происходят в направлении раннемадьярского культуругенеза. Кроме появления уже в среднеаварское время поясной гарнитуры с сюжетами виноградной лозы (петли), грифона и сенмурвов (рис. 106, 213, 214, 266, 244, 245, 288, 289, 310, 389, 392, 493–495; 107, 90–93, 152, 153, 263, 315, 393, 365), комплексы вооружения и конской узды также демонстрируют инновации (первые сабли с прямым перекрестием, стремяна арочной формы с петлевидным или расплюснутым ушком и прорезным отверстием для подвязывания путалища и прямой подножкой или унифицированной восьмерковидной формы, узды с эсвидными или брусковидными псалиями) (рис. 107, 84, 85, 114, 24, 25, 87, 119, 121, 151, 166, 189, 238, 239,

240, 303, 305, 309, 343, 358, 345, 346, 358, 359, 394, 396, 397, 404). К этому также следует добавить то, что, по данным антропологии, племена Венгрии эпохи Арпада скорее всего являются продолжением позднеаварского населения [Laszlo Gy, 1978. Р. 34–35, 119–120; Дьени Г., 2007]. Безусловно, эти инновации можно отнести к ряду общих тенденций культурогенеза, протекавшего в Большой Степи в данное время. Но и в этом случае нельзя не признать того, что, несмотря на свою локализацию в рамках Карпатского бассейна, аварская культура, тем не менее, была подвержена значительному влиянию со стороны всей Евразийской кочевой цивилизации в целом и восточноевропейских степей в частности. Следовательно, развитие раннетюркской культуры аварского общества было подчинено единым закономерностям степного макрорегиона.

Эти положения нуждаются в особом рассмотрении, которые мы поместили ниже. Что же касается теории «двойного обретения Родины», то следует признать — большинство венгерских исследователей сегодня отвергло доводы Д. Ласло. При этом дискуссия зашла столь далеко, что от вопросов мадьярского культурогенеза перешла в область методологических знаний. Отсутствие письменных источников с упоминанием мадьяр в восточноевропейских степях в доарпадов период, поздняя датировка (XII–XIII вв.) западно-европейских хроник и грамот, отсутствие протомадьярской топонимики, невозможность определения источников культурных инноваций конца VII века (в частности изобразительной традиции «петель и грифов») и наиболее существенное — невозможность на сегодняшний день однозначного соотнесения оногурской и мадьярской исторических традиций — не позволяют, с точки зрения оппонентов, говорить о венгерском этногенезе как о многоактном процессе, начинающемся в домадьярский (до IX в.) период.

Более того, в определенном кругу венгерских исследователей укоренилась точка зрения, что данные археологии (материальная культура) не могут определять этнос или быть решающими в решении этнических вопросов [Kristo Gy, 1995. С. 167–181; Balint Cs., 2006; Bartha, 1979. Р. 310–311; Дьени Г., 2007. С. 90–177]. Таким образом, вопрос мадьярской праистории явился своеобразным пробным камнем для венгерской исторической теории в целом. Неожиданно на противоположных позициях оказались авторитетнейшие венгерские исследователи истории, археологии и культуры Евразии.

Весьма сложно определиться с позицией, если однозначно принимать аргументы сторонников теории «двойного обретения Родины», равно как и контраргументы оппонентов. Исключения, пожалуй, составляют неприемлемые нами мнения, в которых с позиций представлений так называемой «новой археологии» возможности и без того крайне недостающей источниковедческой базы сводят до минимума, так же исключается правомерность в построении этнокультурных реконструкций посредством интерпретации археологических данных [Kristo Gy, 1995. С. 167–181; Balint Cs., 2006. С. 281–347].

В данной работе нет возможности дискутировать на этот счет, тем более, что представления, излагаемые венгерским поборниками «новой археологии», значительно отличаются от направления «новой» или процессуальной археологии, пользующейся популярностью среди западных исследователей (А. Сакс, Л. Бинфорд, Дж. Тэйнтон и др.) [Берсенева, 2004. С. 11–19].

Определить свою точку зрения попытаемся в заключительной части данного раздела. Она может быть предложена как попытка автора увидеть новые методологические подходы к реконструкции культурогенеза степей Восточной Европы в раннетюркскую эпоху.

6. Удивительным является то, что поднятая Дьюло Ласло тема «Двойного или повторного обретения Родины», несмотря на критику, и по сей день продолжает

оставаться актуальной в решении вопросов этногенеза не только мадьяр, но и многих других средневековых народов степей, лесостепей, оазисов и предгорий Восточной Европы. На наш взгляд, постановка этой проблемы именно в венгерской историографии весьма симптоматична. Чрезвычайная плотность и исследованность кочевнических памятников поздней древности и раннего средневековья в Карпатском бассейне при относительно высокой исторической осведомленности (в сравнении с более восточными степными регионами) о событиях, происходивших в этой области, неизбежно привели к противоречию в идентификации отдельных групп археологического материала (как правило, жестко установленных изначально) с общеисторическими сведениями. В результате этого выстраивается целый ряд нестыковок и неясностей не только в истории кочевников Венгрии, но и всей Европы. Некоторые из них мы уже обозначали выше.

Так, абстрактное соотнесение многочисленных материалов позднесарматского времени с общесарматским этнокультурным ареалом привело к невольному отрицанию истории панонских гуннов. По мнению исследователей, эту историю представляют не более десятка разрозненных погребальных комплексов или отдельных находок вещей, которые достаточно смутно характеризуют почти полувекую историю этого мощного кочевого союза. По образному выражению Д. Шимони, до сегодняшнего дня остается «совершенно незамечена история панонских ранних болгар, которые по историческим данным на протяжении 115 лет в предаварское время пребывали на юге Карпатского бассейна» [Simonyi, 1959]. Отсюда остается совершенно непонятна роль болгар в аварском культурогенезе. С одной стороны, безусловная схожесть раннеаварских погребальных комплексов с северной и восточной ориентировками погребенных с конем или его шкурой с памятниками «сивашевского» горизонта из причерноморского раннетюркского ареала наводит на мысль о единых истоках раннеболгарского и раннеаварского культурогенезов. С другой — специфические различия в развитии этих ареалов, которые ярко отразились прежде всего в материальной культуре, не позволяют говорить о них как составляющих европейского общетюркского единства. Даже явное сходство культурных инноваций, появившихся на Нижнем Дунае и в Карпатском бассейне с приходом в последней трети VII века нового населения и отразившихся в материалах комаромского горизонта и вещах типа Рап-Ерсеке, не способствовало культурной нивелировке этих регионов. Балканский вступил в завершающую стадию болгарского, а карпатский — мадьярского культурогенеза.

В этой связи возникает тот главный вопрос: с какого момента корректно устанавливать исходный рубеж мадьярского этнокультурогенеза, как, впрочем, и любого другого степного этника в этот период?

Поскольку существующие представления на этот счет носят противоречивый характер, попытаемся кратко изложить свое видение механизма и сути процессов этнокультурной консолидации, которые к позднегуннскому периоду, охватив значительную часть степной Евразии, активизировали население большого пространства урало-сибирской лесостепи и Восточной Европы. Здесь мы вновь вынуждены обратиться к теме Кочевой цивилизации, так как в нашем понимании именно гунны накануне создания КИЦ как единой системы выступили тем самым объединяющим началом, которое, всколыхнув и впоследствии связав два макроареала (азиатский и европейский) степи, запустило механизм интеграции цивилизационного единства. И это даже несмотря на то, что после распада державы Аттилы (после 453 г.) гуннский ИКК породил целую серию больших и малых этнокультурных ареалов в пределах Центральной Евразии (цв. вклейка, рис. 110, 15–20). Однако, по нашему убеждению, в данном случае речь идет об ареалах, которые образовались в результате распада «*титულიной народности*» большой гуннской конфедерации. Вни-

мательный читатель заметит, что под ней мы подразумеваем собственно гунно-сарматское население («всадники») — носителей соответствующего ИКК.

Распад «титulyной народности» по наследственным (сыновым) кланам после ухода наиболее харизматического вождя для степных конфедераций, включавших в себя на пике наивысшего расцвета беспрецедентное количество разноэтнoкультурных компонентов, дело вполне привычное и закономерное для кочевнической истории. Однако масштаб консолидации, произошедшей в результате деяний Руги и Аттилы к середине пятого столетия был до этого времени недостижимым для кочевых сообществ. Своеобразным катализатором этого процесса явились экологические изменения в Западной Азии, пик которых падает на III–IV вв. Речь идет о резком похолодании и аридизации казахстанской степи и одновременном похолодании и увлажнении (поднятии уровня верховых болот) в Западной Сибири (о чем подробнее смотри в главе 8). Они привели к резкому уплотнению населения лесостепной полосы, которое происходит как за счет притока северных тасжных, так и за счет частичного оседания южных степных групп. Неизбежным итогом этой ситуации в период создания больших кочевых конфедераций для совершения завоевательных кампаний, явился постоянный отток переизбыточного населения лесостепи в состав новых этнополитических образований степи. В этой связи появление во второй половине IV века в составе гуннской орды новых этноплеменных групп, которые на данном этапе исследований реконструируются как прото- или праболгарские племена, из весьма обширной геокультурной области (Урало-Сибирская лесостепь, Алтайско-Тяньшанские предгорья) явление весьма характерное именно для этой (начальной) стадии развития КЦ. Динамика притока этих групп, тюрко-угорских в своей этнической основе такова, что, вероятно, к середине V века они становятся доминирующим или *основообразующим* населением гуннского единства. Вероятно и, именно с этого момента название гунны начинает в большей мере выступать как политоним, что и подтверждают последующие события.

После гибели Аттилы и распада «титulyной народности» большое и на тот момент уже раннетюркское кочевое единство восточноевропейских кочевников еще долгое время продолжает выступать, по крайней мере, в глазах Западной Европы, Византии и Персии как гунны. Одновременно с этим стараниями информаторов начинает создаваться обширнейший список племен и народов, составляющих это единство: барсиллы, барсилы, хайдандуры, сарагуры, уроги, оногундуры, вх'ндуры, оногуры, огуры, утигуры, ультигуры, бурунтуды, кутригуры, уннигуры, а также аунгуры, аугары, савиры, бургары, куртагары, авары, хазары, бирморы, сиритуры, багриски, куласы, абделы и эфталиты (согласно Прииску Панийскому, Иордану, Марцелину, Прокопию Кесарийскому, Агафию, Павлу Диакону, Феофану, Менандру, Кассиодору, Феофилакту Симокатту и Захарию Ритору), большинство из которых по создавшейся традиции сегодня относятся к кругу раннеболгарских племен [Артамонов, 1962. С. 61–76; Simonyi, 1959; Егоров, 2005].

Возможно ли этот пестрый разноплеменный ковер определить как некое этнокультурное единство? На наш взгляд, безусловно. Как нам представляется, именно из этих хрупких, неустойчивых образований и была соткана основа всей КЦ. На тот момент она располагалась в пределах больших ареалов, которые фактически полностью покрывали степное пространство (цв. вклейка, рис. 110), складывалось единство основных культурных и хозяйственных норм, реализация которых объективно была возможна лишь в условиях глобальной политической интеграции или регулирования.

В рамках степей Западной Азии и Восточной Европы эти процессы были усилены за счет существующего в постгуннский раннетюркский период этнолингвистического единства, что обуславливалось единством происхождения (прежде всего

номинально от гуннов) и, вероятно, языка. Несмотря на общепринятое положение о принадлежности болгаро-хазарского языка (западная группа (Lir)) к единораннетюркскому или булгаро-чувашскому типу тюркского R-языка [Артамонов, 1962. С. 68; Егоров, 2005], мы склонны предполагать, что вплоть до VIII века население раннетюркских ареалов Восточной Европы говорило на особом лингва-франка, который при определенном доминировании тюркского включал значительную долю палеоиндоиранских и древнеугорских лингвистических компонентов. Составлял ли восточноевропейские ареалы единый этнос в нашем современном понимании? Безусловно, нет.

Думается, что в данном случае мы имеем дело с неким *нуклеарным* состоянием кочевого этнополитического единства. Несмотря на близость интересов, общность культурно-этических норм и языковую близость, в этот момент этнокультурной интеграции препятствовало отсутствие новой достаточно зрелой титульной народности, возникновение которой напрямую зависело от состояния родоплеменной консолидации кочевых сообществ.

При этом процесс вызревания этнокультурного титульного ядра напрямую не зависит от каких-либо конкретных объективных причин (экологических, внешнеполитических) или субъективных факторов. Вероятнее всего, он включает в себя целый комплекс причинно-следственных связей и условий. Отталкиваясь от этих положений, попытаемся проиллюстрировать некоторые моменты. Так, облик нуклеарного состояния народностей раннетюркских ареалов Европы хорошо демонстрирует широкий ряд этноисторических интерпретаций, предлагаемых в научной литературе. Приведем лишь несколько. Некоторые исследователи (В. В. Радлов, Д. М. Далтон) считают, что сарагуры, оногуры, уроги и другие племена с характерным окончанием на «гур» были связаны с тюрко-телесской группой племен, в частности с уйгурами (сара-гуры, т. е. желтые уйгуры, он-уйгуры — десятиплеменные уйгуры) [Радлов, 1893. С. 108; Dunlop, 1954; Артамонов, 1962. С. 66, 76]. По мнению Н. И. Егорова, появление в составе большинства этнонимов формата — гур (от огур) является также ярким свидетельством того, что носители этих эпонимов говорили на тюркском языке (R-языке) булгаро-чувашского типа (булгарский — огур, тюркский — огуз). Булгар, по его мнению, состоит из бул — «большой, великий (с иранского) + огур, то есть «Великие огуры». Фонетическим вариантом древнебулгарского «огур» является и этноним *авар* (с древнерусского *обры*) [Егоров, 2005]. К этому следует прибавить, что, по данным китайских источников, население, составляющее подданных Западно-Тюркского каганата, было объединением *он ок будун* (оногур), включающем роды Дуло и Нушеби [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. С. 162–174]. По мнению Д. Европеуса и М. И. Артамонова, этимологию сарагур, оногур, утигур и кутригур следует искать в угорской лингвистической среде; отсюда следует, что эти племена, равно как и савиры, вышли из одной угорской среды, подверженной более или менее сильной тюркизации [Еuropeус, 1868. С. 66; Артамонов, 1962. С. 76]. В древнеславянской исторической практике лингвистический переход от «оногуры» к «уграм», по мнению Яноша Мелихеа и Дьюлы Неметама, вполне очевиден [Дьени Г., 2007. С. 86]. При этом не вызывает сомнения тот факт, что кутургуры, утигуры и оногуры, составляющие орду Аспаруха — правящей династии дома Дуло, в 670 году перекочевывают в Добруджу и основывают Дунайскую Болгарию [Simonyi, 1959. P. 247; Хронология Болгарии, 2003. С. 15–16]. Если исключить существующие дискуссионные противоречия по данным вопросам, то невольно следует признать, что этимология «раннеболгарских» этнонимов плавно перетекает из тюрко-болгарской в угорско-мадьярскую интерпретацию и обратно. Проще говоря, «все есть все». На наш взгляд, такое положение ярко характеризует разнокомпонентную основу западного раннетюркского языка «Lir» («R») и субстрат-

ную суть угорских наречий протовенгерского языка. Вероятно, в целом эта лингвистическая нестабильность (неопределенность) может иллюстрировать хрупкое, поликультурное и в то же время универсальное единство нуклеарного этноса.

Несмотря на недостаточные познания в языкознании, рискнем высказать следующее наблюдение. На наш взгляд, наиболее близким к лингво-франку эпохи первых тюркокультурных ареалов Европы сегодня оказался именно венгерский язык. Не углубляясь в детали, заметим, что особые обстоятельства, в которых протекал культурогенез населения евразийских степей, попавшего в относительно изолированные условия Карпатской котловины, позволили ему сохранить в своей основе своеобразный язык, сложившийся в степном регионе Центральной Евразии на самых ранних стадиях протовенгерского этногенеза. Возможно, этим и объясняется его многокомпонентность и парадоксальность.

Существование ареалов, которые включают в себя некие локальные варианты большого раннетюркского нуклеарного этноса, — характерная особенность Кочевой цивилизации на самой ранней стадии своего развития. Эта ситуация продолжает сохраняться на протяжении всего раннетюркского времени (эпоха Тюркских каганатов). По нашему представлению, Тюркский Эль, унаследовав от гуннов основные пределы степной Евразии как оконтурившуюся социокультурную систему степной цивилизации, не был в состоянии консолидировать и организовать ту гигантскую массу разнотюркского населения, пришедшего в движение в эту деструктивную эпоху. Впрочем, военно-административная система, введенная тюркскими каганатами, на определенный момент в состоянии была стабилизировать ситуацию в Великой степи. Это в равной мере касается территории Западно-Тюркского каганата.

Ситуация кардинально изменяется во второй половине VII века: длительная война между конфедерациями основосоставляющих правящих родов Западно-Тюркского каганата Дулу и Нушеби (630–634 гг., 640–657 гг.), перекочевка кыпчаков-сеяньто в Поиртышые и Сары-Арку (647 г.), карлуков в Туркестан и юг Казахстана (650 г.), вторжение войск Танской империи в Семиречье (657 г.) [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 97–98, 113–114; Ахинжанов, 1995. С. 102–103; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. С. 169–171] привели к дестабилизации положения в казахстанско-среднеазиатском регионе и, как следствие, оттоку части избыточного населения на запад. Судя по логике событий, одну волну переселенцев составлял народ «десяти стрел» (*он ок будун* — оногуры), правящий род (Дулу) которого участвует в создании краткосрочного политонима, объединившего население Великой Болгарии (Кубрат 631–642 гг.). Более устойчивым оказалось раннетюркское объединение племен, откочевавших на территории от Предкавказья (Дербент) до Волжской Луки, где под главенством Западных Ашинов консолидируется хазарский политэтнос.

Это были первые попытки этнокультурной консолидации раннетюркского населения Европы. Сравнительная историческая кратковременность их существования была обусловлена низкой степенью их этнокультурной и политической интеграции.

Последующая дестабилизация внешнеполитических условий, связанная с гибелью Тюркской империи (744 г.), распадом Тюркешского (757 г.) и Аварского каганатов (796 г.), обусловила новые масштабные перемещения кочевых этносов, изменение границ старых ЭКА или появление новых. Это логично привело Кочевую цивилизацию к этапу возникновения первых современных народов (аланы, болгары, мадьяры, башкиры, уйгуры), а также сравнительно устойчивых этносов (хазары, кыпчаки, половцы, кыргызы, огузы, тюрки, карлуки, кимаки, печенеги и др.).

Таким образом, процессы культуро- и этногенеза в кочевой среде происходят в следующем направлении. Среди близкородственных и единокультурных сообществ (нуклеарный этнос) в результате определенных внешне- и внутрикультурных фак-

торов складывается некий праэтнический горизонт, внутри которого существует изначально, появляется в процессе родоплеменной консолидации или приходит извне в силу внешнеполитических условий ядро элитных родов (правлящих родов), которое способно не только транслировать, но и реализовать целеполагание исторических вызовов, возникающего единства. Кристаллизация этого единства вокруг правящего рода зависит не только от способности элиты сдерживать центробежные тенденции, но и от особого состояния внешнеполитической конъюнктуры. Как правило, это чрезвычайно высокий уровень внешнеполитической угрозы. Степень консолидации также зависит от возможности этноса в обретении новой социокультурной ниши и способности обеспечить свое выживание, а также от внутрикультурной мобильности этноса, которая определяется готовностью к интеграции составляющих его этнических групп. При достаточной зрелости этого ряда предпосылок и наличии замкнутых вмещающих ландшафтов, способных обеспечить культурно-экономические потребности сообщества, возникает устойчивое объединение, которое отвечает определению *народ* в традиционном представлении. При этом динамическая особенность формирования степного или кочевого этноса или народа заключается в том, что в исторических масштабах эти процессы происходят фактически молниеносно, оставаясь зачастую незамеченными для внешнего окружения. Внутри же сообщества они сохраняются, бесконечно переосмысливаются и гипертрофируются общественным сознанием, достигая эпического звучания, для того чтобы впоследствии передаваться из уст сказителей, баянов и акынов.

Сообразно сказанному, резюмируем следующее. По нашему убеждению, процесс степного этногенеза начинается именно с формирования больших межплеменных сообществ, которые возникают в недрах Кочевой цивилизации на гигантском фоне общетюркского, угорского и вероятно палеоиранского единства. Несмотря на локальное и культурное многообразие, на этом этапе в рамках нуклеарного этноса формируются своеобразные геокультурные горизонты, включающие в себя особые комбинации (ареалы) чаще всего одних и тех же элементов, составляющих основу всякого степного этноса.

Заключительным этапом степного этногенеза является сложение или появление родоплеменного ядра (правлящей элиты), последующая этнополитическая консолидация и географическое позиционирование этноса. Как уже отмечалось при сравнительной скоротечности заключительного этапа этногенеза, процесс вызревания условий этнокультурной интеграции среди разных кочевых сообществ протекал неодинаково, включая череду возникновения сравнительно устойчивых и исторических кратковременных (нереализованных) кочевых этносов.

Очерченная схема позволяет более предметно вернуться к вопросам этногенеза внутри Карпатского региона. Прежде всего следует заметить, что, несмотря на геокультурную обособленность и отличия, эти области с позднесарматского (раннегуннского) периода были тесно связаны со всеми степными районами Восточной Европы. А в эпоху Аттилы, когда к гунно-сарматскому и готскому прибавляется еще один этноплеменной компонент гуннской орды, условно называемый прото-болгарским, в пределах Альфельда размещаются западные ставки гуннских вождей. Равно как в истории Волго-Донья и Северного Причерноморья, в истории Карпатской котловины имеется более чем столетний период, условно называемый раннеболгарским. Археологически он отразился в появлении кочевнических погребений с конем или конской уздой восточного (тюрко-телеского) облика (Печюсёче, Панонхалма, Печ Узогриста). К числу маркеров раннеболгарского периода, вероятно, могут быть отнесены и отдельные находки котлов с грибовидными отростками, наверхиями и рамчатыми ручками, которые в Евразийских степях появляются вслед за раннегуннскими котлами яйцевидной формы без поддона. В исторической практи-

ке это отразилось в нарративных источниках, упоминающих о кутригурах и утригурах в восточноевропейских степях [Артамонов, 1962. С. 79–102]) и панонских до-аварских болгар [Simonyi, 1959]. С приходом новой волны степных переселенцев в 568 году, представляющих собой сравнительно устойчивое кочевое сообщество, объединенное в сложнейших внешнеполитических условиях правящим родоплеменным ядром «авар» в пределах Карпатского региона, формируется поликультурное кочевое единство, кардинально не отличающееся от того, которое существовало в восточноевропейских степях. По основному набору элементов аварский культурный комплекс, особенно на раннем этапе, не отличался от ИКК раннетюркских восточноевропейских ареалов. Характерное сочетание групп простых погребений с северной ориентировкой и керамической посудой в головах погребенного и всаднических погребений с конем или его шкурой, с меридиональной или широтной ориентировками, соответствующий набор категорий вещевого инвентаря и определенное совпадение тенденций в орнаментальных традициях поясной гарнитуры и украшений позволяют рассматривать аварский ареал в общем ряду с более восточными раннетюркскими ареалами: причерноморским и поволжским. Безусловно, его составляют особые неповторимые элементы аварской культуры, локализованной в рамках внутрикарпатского региона, и их оригинальность возрастает со временем, демонстрируя процессы локального культурного и технологического развития. Тем не менее, это не означает, что каганат существует замкнуто от Большой Степи.

Неоднородность и нестабильность каганата, безусловно, угадывается по контексту письменных источников (война между аварами и болгарами-кутригурами после смерти хана Бояна (630 г.), восстание болгарского хана Кубера и поход в Керрамиссийское поле (Македония) в 70-х годах VII в.) [Артамонов, 1962. С. 112] и особенно по тем археологическим инновациям последней трети VII века, которые по нашим представлениям, составили комаромский историко-культурный горизонт.

Все это указывает на то, что раннетюркский ареал Панонской Аварии, несмотря на сохранение вплоть до конца VIII века консолидирующего аварского родоплеменного ядра (по крайней мере, по данным письменных источников), равно как и другие раннетюркские ареалы, сохранялся в неустойчивом состоянии нуклеарного полиэтноса, в котором продолжают накапливаться и кристаллизоваться элементы протомадьярского этногенеза. Как ни парадоксально, процессу консолидации, вероятнее всего, способствовала общая нивелировка историко-культурного и антропологического облика населения в позднеаварский период. Она обеспечила движение поздней и поставарской культуры именно в векторе мадьярского антропо-культурогенеза (преобладающие западные, северо-западные ориентировки погребенных, большая доля простых, подбойных, ступенчатых погребений со шкурой коня, схожесть позднеаварского и мадьярского антропотипов). Определение титульной мадьярской народности в 895 году было актом, с исторической точки зрения неизбежным. Возможно, сложение тех исторических обстоятельств, сопутствующих этому событию, запоздало по меньшей мере на столетие. Хотя эта оговорка из разряда «у истории нет сослагательных наклонений...». По нашему представлению, процесс завершения мадьярского этногенеза в среде раннетюркских ареалов (вызревание титульного родоплеменного ядра) был закономерно замедлен другими историческими обстоятельствами, которые напрямую повлияли на формирование протомадьярского горизонта в степях и лесостепях Срединной Евразии в конце VII — первой половине IX вв. Сложение Хазарского каганата и последующие его экспансии на запад и север привели к завершению этнокультурогенеза дунайских и волжских болгар. Деструктивные процессы в Казахстане, связанные с распадом Западного и Восточного Тюркских каганатов, огузская экспансия в Центральный Казахстан и на Сырдарью, кимако-кыпчакское переселение на Иртыш, в Сары-Арку и

на Урал в VIII–начале IX вв. — все эти явления, с одной стороны, препятствовали консолидации части тюркоугорского (либо угро-тюркского) населения севера казахстанских степей и юга лесостепной полосы от Южного Зауралья до Волго-Донья, а с другой — безысходность создавшихся обстоятельств, в которых оказалась с притоком новых восточнотюркских переселенцев из Азии эта часть большого нуклеарного протомадьярского этноса, вероятнее всего, явилась решающей в конечной фазе этногенеза. Драматизм события состоял в том, что вновь пришедшие племена существенным образом отличались от насельников Западно-Тюркского каганата раннетюркской эпохи. Они не только являлись осколками или составными частями ЭКА (карлуки, уйгуры, огузы, кыпчаки и др.), территория зарождения которых оставалась далеко на востоке, но и говорили на абсолютно других, хотя и тюркских наречиях (восточнотюркская группа *Saz*). Вытолкнутые к середине VIII века из большей части степного ареала своего обитания (Поишимские, Тургайские, Мугоджарские и Урало-Прикаспийские степи), являющегося, вероятнее всего, районами зимовий племен протомадьярского горизонта, они откочевывают в лесостепную полосу. Это приводит к чрезмерному уплотнению и изменению здесь состава населения, обитавшего на тот момент в Западной Сибири и Волго-Уральском лесостепных регионах. Вероятнее всего, эти перемещения сыграли решающую роль не только в мадьярском этногенезе, но и в возникновении печенегов, башкир и волжских болгар. Веком позже эта северная волна докатывается до широты Сургутского Приобья, в погребальных и культовых комплексах которого (Сайгатино, Барсова Гора) появляется вещевой кочевнический комплекс.

Вместе с этим в пределах полосы, идущей вдоль лесостепной и степной кромки от Иртыша до Дуная, вероятно, к середине VIII века окончательно формируется собственно мадьярский историко-культурный горизонт. На востоке его маркируют археологические памятники хазаро-мадьярского горизонта Поиртышья и Южного Урала (табл. VII, 4). В центре этот горизонт оконтуривают памятники *авиловского* Волго-Донского ареала (тип по Е.В. Круглову) [Круглов, 1990], на крайнем Западе — материалы комаромского круга и протомадьярские инновации в позднеаварском ИКК. Последующие процессы этнической интеграции и легендарного западного рейда ранних мадьяр ведомых правящими родами (семь хетумогер), продолжавшихся около ста лет, как известно, вошли в традиционные представления как «Обретение Родины».

Несмотря на то что эти процессы достаточно разносторонне представлены в многочисленных работах отечественных и европейских исследователей, вопрос о том — следует ли этот заключительный этап этногенеза считать как период мадьярского этнокультурогенеза либо как его финальную фазу — остался в большей степени за пределами конкретных исследований. Оконтурив в целом свою позицию по данному вопросу, мы преднамеренно оставляем за рамками исследования эту яркую фабулу череды событий мадьярского обретения Родины второй половины IX века.

Нас в большей мере интересовали эти вопросы в аспекте существования раннетюркского кочевого единства, которое формируется как культурно-историческая система в рамках глобальной Кочевой цивилизации Евразии в VI–VIII вв. Вместе с тем остается невыясненным еще один важный вопрос: какова роль в становлении мадьярского и других этносов КЦ соседствующих с ней больших континентальных лесных и лесостепных ареалов, включающих иные поликультурные единства? Здесь мы вынуждены обратиться к вопросам праугорского культурогенеза в пределах Урало-Сибирского единства в следующей главе.

Таблица I

Раннетюркский Причерноморский ареал
Простые и подбойные комплексы с северной (ССВ, ССЗ) ориентировкой.

1. Гунно-болгарский горизонт (V – середина VI вв.)

№ п/п	Памятник	Яма с заплечиками	Подбой	Захоронение коня	Шкура коня, кости животного	Сбруя	Оружие			Пояс	Нож	Посуда	Зеркало, бусы, серьги, подвески,	Ориентировка
							лук	стрелы	палаш, меч, сабля					
1	Беляус				+	+		+		+				С
2	Ново-Ивановк								+	+				С
3	Антоновка									+			+	ССВ

2. Болгарско-хазарский горизонт (вторая половина VI – VIII вв.)

4	Аккермен									+		+	+	ССВ
5	Белозерка									+				С
6	Большой Токмак	+								+		+		ССЗ
7	Васильевка к-н 2, погр. 1									+				ССВ
8	Изобильное				+	+				+		+		ССВ
9	Кагамлие									+				ССВ
10	Малаи 1 к-н 13				+					+				ССВ
11	Наташино		+			+						+	+	ССВ
12	Рисовое к-н 13, погр. 12						+			+		+		ССВ
13	Сивашское			+		+		+		+				С
14	Старо Нижнестеблиев- ское к-н 8				+	+				+	+			ССВ
15	Суханово		+						+				+	С
16	Ковалевка				+	+			+					ССВ
17	Барановка I к-н 13		+		+	+	+			+		+	+	ССЗ
18	Бехтеры		+	+								+		С
19	Новая Одесса, к-н 7, погр. 4	+							+			+	+	ССВ
20	Малая Терновка, к-н 3, погр. 1	+								+	+			С
21	Малая Терновка, к-н 2, погр. 1				+	+				+				С

Раннетюркский Причерноморский ареал
Простые и подбойные комплексы с восточной (СВ, ЮВ) ориентировкой.

№ п/п	Памятник	Яма с заплечиками	Подбой	Захоронение коня	Шкура коня, кости животного	Сбруя	Оружие			Пояс	Нож	Посуда	Зеркало, бусы, серьги, подвески,	Ориентировка
							лук	стрелы	палаш, меч, сабля					
1	Кубей	+		+	+	+	+							ВВС
2	Зеленокумское	+?	+				+?				+	+		В
3	Сумы Сад, погр. 4									+			+	

4	Ад
---	----

[illegible]

Таблица III

Раннетюркский Причерноморский ареал
Простые и подбойные комплексы с западной (ЗСЗ, ЗЮЗ) ориентировкой.

1. Гунно-болгарский горизонт (V – середина VII вв.)

№ п/п	Памятник	Яма с заплечиками	Подбой Захоронение коня	Шкура коня, кости животного	Сброуя	Оружие			Пояс	Нож	Посула	Зеркало, бусы, серьги, подвески.	Ориентировка
						лук	стрелы	палаш, меч, сабля					
1	Марфовка								+		+	+	З
2	Лихачевка			+					+		+	+	СЗ

2. Хазарско-мадьярский горизонт (конец VII – начало IX вв.)

3	Барановка I, к-н 27		+		+	+		+					ЗЮЗ
4	Дорофеевский, к-н 13		+		+	+		+			+	+	ЗСЗ
5	Купцин Толга, к-н 14		+		+						+	+	З
6	Кировский V, к-н 3		+					+	+		+		ЗЮЗ
7	Виноградное, к-н 5		+			+		+	+			+	З
8	Лиманое Озеро, к-н 34	+			+						+		ЗСЗ
9	Саловский IV, к-н 2, погр. 1	+						+	+		+		СЗ
10	Субботицы, погр. 2				+	+					+		З
11	Уч Тепе, к-н 3	+				+		+	+	+	+		ЮЗ
12	Веселовский	+						+	+		+		СЗ

Таблица IV

Раннетюркский Поволжский ареал
Простые и подбойные комплексы с северной (ССВ, ССЗ) ориентировкой.

1. Гунно-болгарский горизонт (V – середина VI вв.)

№ п/п	Памятник	Яма с захоронениями	Подбой	Захоронение коня	Шкура коня, кости животного	Сбруя	Оружие			Пояс	Нож	Посуда	Зеркало, бусы, серьги, подвески,	Ориентировка
							лук	стрелы	палаш, меч, сабля					
1	Шипово, к-н 2					+			+	+			+	ССВ
2	Шипово, к-н 3				+	+	+				+	+	+	С
3	Верхне Погромное				+						+		+	С
4	Ленинск, к-н 3											+	+	С
5	Переполюшенка		+		+								+	С
6	Кирово					+						+		С ?
7	Новоселки													ССВ
8	Владимировка					+		+						ССЗ

2. Хазарско-болгарский горизонт (VI–VIII вв.)

9	Авиловский, к-н 1		+		+	+	+			+				С
10	Бережновка I, к-н 1, погр. 7		+		+	+				+		+		ССВ
11	Бородаевка, к-н 9, погр. 5		+											ССВ
12	Зиновьевка									+				ССВ
13	Сайхин, к-н 4									+		+	+	ССЗ
14	Новинкинский II, к-н 8, погр. 5				+	+				+		+		С ?
15	Новинкинский II, к-н 8, погр. 7									+	+	+		ССЗ
16	Новинкинский, к-н 8, погр. 8									+		+		ССЗ
17	Новинкинский I, к-н 9, погр. 2												+	ССЗ
18	Рождественский I, к-н 6, погр. 8							+			+	+	+	С
19	Шелехменский к-н 11, погр. 1												+	ССВ
20	Шелехменский, к-н 11, 2									+	+			ССВ
21	Урень II, к-н 2, погр. 2											+		ССЗ
22	Урень II, к-н 4, погр. 2		+	+								+		ССЗ
23	Урень II, к-н 22, погр. 9	+				+					+	+		ССЗ
24	Урень II, к-н 22, погр. 11	+										+	+	ССЗ
25	Брусяны II, к-н 1, погр. 1											+		С
26	Брусяны II, к-н 4, погр. 1										+			ССЗ

27	Брусяны II, к-н 12, погр. 1													CC3
28	Брусяны II, к-н 12, погр. 2					+						+		CC3
29	Брусяны II, к-н 12, погр. 3					+						+		CC3
30	Брусяны II, к-н 12, погр. 4					+						+		CC3
31	Брусяны II, к-н 13, погр. 2				+								+	CC3
32	Брусяны II, к-н 14, погр. 1											+	+	CC3
33	Брусяны II, к-н 14, погр. 3					+								CC3
34	Брусяны II, к-н 14, погр. 5													CC3
35	Брусяны II, к-н 15, погр. 1											+	+	CC3
36	Брусяны II, к-н 15, погр. 2									+			+	CC3
37	Брусяны II, к-н 17, погр. 2											+		CC3
38	Брусяны II, к-н 20, погр. 1									+	+	+		CC3
39	Брусяны II, к-н 32, погр. 1												+	CC3
40	Брусяны II о.к.					+	+	+		+	+	+		CC3
41	Малая Рязань, к-н 1, погр. 1					+					+			CC3
42	Малая Рязань, к-н 1, погр. 2					+					+			CC3
43	Малая Рязань, к-н 1, погр. 5													CC3
44	Малая Рязань, к-н 2, погр. 2													CC3
45	Малая Рязань, к-н 3, погр. 2												+	CC3
46	Малая Рязань, к-н 3, погр. 3											+		CC3
47	Малая Рязань, к-н 3, погр. 4													CC3
48	Малая Рязань, к-н 3, погр. 5											+		CC3
49	Малая Рязань, к-н 5, погр. 3									+		+		CC3
50	Малая Рязань, к-н 10, погр. 1									+		+		CC3

Таблица V

Раннетюркский Поволжский ареал
Простые и подбойные комплексы с восточной (СВ, ЮВ) ориентировкой.

Хазарско-болгарский горизонт (VII–VIII вв.)

№ п/п	Памятник	Яма с заплечиками	Подбой	Захоронение коня	Шкура коня, кости животного	Сбруя	Оружие			Пояс	Нож	Посуда	Зеркало, бусы, серьги, подвески,	Ориентировка
							лук	стрелы	палаш, меч, сабля					
1	Покровск, к-н 36, погр. 2		+		+					+		+		СВ
2	Бережновка I, к-н 111, погр. 1		+							+		+		СВ
3	Новинкинский II, к-н 1, погр. 1	+			+?	+		+						В
4	Новинкинский II, к-н 2, погр. 1													ВЮВ
5	Новинкинский II, к-н 6, погр. 1													В
6	Новинкинский II, к-н 6, погр. 2									+				В
7	Новинкинский II, к-н 7, погр.	+								+	+			В?
8	Новинкинский II, к-н 8, погр. 2												+	В
9	Новинкинский II, к-н 11, погр. 2							+	+	+	+	+		ВЮВ ?
10	Новинкинский II, к-н 13, погр. 2	+				+			+	+	+			В
11	Новинкинский II, к-н 13, погр. 3	+											+	В
12	Новинкинский II, к-н 13, погр. 4		+		+					+				В
13	Новинкинский II, к-н 3, погр. 5						+	+		+				В
14	Новинкинский II, к-н 14, погр. 2												+	В
15	Новинкинский II, к-н 14, погр. 3					+		+		+				В
16	Новинкинский II, к-н 14, погр. 4					+								В?
17	Новинкинский II, к-н 14, погр. 5					+	+	+			+		+	ВЮВ
18	Новинкинский II, к-н 15, погр. 3				+					+				ВСВ
19	Новинкинский II, к-н 15, погр. 6												+	ВСВ
20	Новинкинский II, к-н 16, погр. 1	+			+					+				В?
21	Новинкинский II, к-н 17		+				+	+		+				В
22	Новинкинский II, к-н 24		+		+						+			В?
23	Новинкинский II, к-н 24, погр. 9												+	В
24	Шелехметский,												+	ВСВ

55	Брусяны II, к-н 21, погр. 2												+	ВЮВ
56	Брусяны II, к-н 21, погр. 3											+	+	ВЮВ
57	Брусяны II, к-н 22, погр. 2					+								В
58	Брусяны II, к-н 22, погр. 4									+				В
59	Брусяны II, к-н 24, погр. 2					+	+							ВЮВ
60	Брусяны II, к-н 24, погр. 3											+	+	ВЮВ
61	Брусяны II, к-н 34, погр. 1		+							+				В
62	Брусяны II, к-н 34, погр. 2								+			+	+	В
63	Брусяны II, к-н 34, погр. 3													В
64	Брусяны II, к-н 34, погр. 4												+	В
65	Брусяны II, к-н 35, погр. 1													В
66	Брусяны II, к-н 35, погр. 2													В
67	Брусяны II, к-н 37, погр. 2											+		В
68	Брусяны II, к-н 37, погр. 4											+	+	В
69	Брусяны IV, к-н 1, погр. 1													ВЮВ
70	Брусяны IV, к-н 2, погр. 1	+		+		+	+	+		+				ВСВ ?
71	Малая Рязань, к-н 4, погр. 3											+	+	В
72	Малая Рязань, к-н 6, погр. 1													СВ
73	Малая Рязань, к-н 6, погр. 2													СВ
74	Малая Рязань, к-н 6, погр. 5													В
75	Малая Рязань II, к-н 1, погр. 1										+			СВ

Таблица VI

Раннетюркский Поволжский ареал
Простые и подбойные комплексы с западной (ЗЮЗ, ЗСЗ) ориентировкой.

Хазарско-мадьярский горизонт (VII–VIII вв.)

№ п/п	Памятник	Яма с заплечиками	Подбой	Захоронение коня	Шкура коня, кости животного	Сбруя	Оружие			Пояс	Нож	Посуда	Зеркало, бусы, серьги, подвески,	Ориентировка
							лук	стрелы	палаш, меч, сабля					
1	Новинкинский I, к-н 4, погр. 2												+	З
2	Новинкинский I, к-н 4, погр. 1													З
3	Новинкинский I, к-н 24, погр. 8										+			СЗ
4	Березовский I, к-н 2, погр. 2		+								+		+	З
5	Березовский I, к-н 2, погр. 3												+	З
6	Березовский I, к-н 2, погр. 1	+			+	+				+	+	+		З?
7	Урень II, к-н 22, погр. 10											+		СЗ
8	Урень II, к-н 22, погр. 3											+		СЗ
9	Шиловский, к-н 1, погр. 2		+	+		+	+			+	+			СЗ?
10	Брусяны II, к-н 16, погр. 5										+		+	СЗ
11	Брусяны II, к-н 16, погр. 7													З
12	Брусяны II, к-н 23, погр. 1													СЗ
13	Брусяны II, к-н 23, погр. 3												+	СЗ
14	Брусяны II, к-н 28, погр. 1					+								СЗ
15	Брусяны II, к-н 28, погр. 2													СЗ
16	Брусяны II, к-н 28, погр. 4													СЗ
17	Брусяны II, к-н 28, погр. 5										+			ЗСЗ
18	Брусяны II, к-н 28, погр. 6													ЗСЗ
19	Брусяны II, к-н 28, погр. 7													ЗСЗ
20	Брусяны II, к-н 28, погр. 8													ЗСЗ
21	Сайхин									+		+		СЗ

Таблица VII

Раннетюркские урало-казахстанские комплексы
Простые и подбойные комплексы с северной (ССВ, ССЗ) ориентировкой.

1. Гунно-болгарский горизонт (V – середина VI вв.)

№ п/п	Памятник	Яма с заплечиками	Подбой	Захоронение коня	Шкура коня, кости животного	Сбруя	Оружие			Пояс	Нож	Посуда	Зеркало, бусы, серьги, подвески,	Ориентировка
							лук	стрелы	палаш, меч, сабля					
1	Аркаим	+				+								С
2	Каменный Амбар, к-н 5		+		+						+	+	+	С
3	Каменный Амбар, к-н 6		+		+						+	+	+	С
4	Канаттас				+								+	С
5	Караагач			+									+	С ?

Простые и подбойные комплексы с северной (ССВ, ССЗ) ориентировкой.

2. Хазарско-болгарский горизонт (VI–VIII вв.)

6	Манянский, р. I, погр. 1			+		+	+		+					ССЗ
7	Манянский, р. I, погр. 8			+					+		+			С
8	Манянский, р. I, погр. 12								+		+	+		С
9	Манянский, р. I, погр. 21						+			+	+	+		С
10	Манянский, р. I, погр. 22			+						+	+	+		С
11	Манянский, р. I, погр. 25								+			+		С
12	Манянский, р. I, погр. 26								+			+		С
13	Манянский, р. I, погр. 28									+	+			ССЗ
14	Манянский, р. II, погр. 4								+		+	+		С
15	Манянский, р. II, погр. 7											+		С
16	Манянский, р. II, погр. 8										+	+		С
17	Манянский, р. II, погр. 9								+		+			С
18	Манянский, р. II, погр. 10								+		+	+		С
19	Новобикинский			+	+	+	+	+			+			С
20	Булгарский								+		+			С ?
21	Лагеровский, к-н 10			+	+		+		+	+	+			ССВ
22	Лагеровский, к-н 29						+	+		+	+		+	ССВ ?
23	Лагеровский, к-н 54						+	+		+				ССЗ ?

Простые и подбойные комплексы с восточной (СВ, ЮВ) ориентировкой.

3. Хазарско-болгарский горизонт (VII–VIII вв.)

24	Егиз Койтас		+	+		+	+		+		+			В
25	Жарлы		+	+		+		+		+				ЮВ

26	Манякский р. I, погр. 2												ЮВ
27	Лагереvский к-н					+				+			ВСВ

Простые и подбойные комплексы с западной (ЗЮЗ, ЗСЗ) ориентировкой.

4. Хазарско-мадьярский горизонт (VII–VIII вв.)

28	Манякский, Р. I, погр. 6										+		СЗ
29	Манякский, Р. I, погр. 7										+		СЗ
30	Манякский, Р. I, погр. 9								+		+		СЗ
31	Манякский, Р. I, погр. 10										+		СЗ
32	Манякский, Р. I, погр. 14										+		СЗ
33	Манякский, Р. II, погр. 1				+				+		+		СЗ
34	Манякский, Р. II, погр. 2				+				+			+	СЗ
35	Манякский, Р. II, погр. 3					+	+	+		+	+		СЗ
36	Манякский, Р. II, погр. 5										+		СЗ
37	Манякский, Р. II, погр. 6											+	СЗ
38	Манякский, Р. II, погр. 11								+		+		СЗ
39	Манякский, Р. II, погр. 12								+		+	+	СЗ
40	Лагереvский, к-н 8								+		+	+	З
41	Лагереvский, к-н 9				+		+		+		+		ЗЮЗ ?
42	Лагереvский, к-н 14				+				+	+	+	+	ЗЮЗ ?
43	Лагереvский, к-н 43				+			+	+				З ?
44	Лагереvский, к-н 57								+		+	+	З ?
45	Нуриvское					+	+		+	+	+		З
46	Атпа II					+	+			+	+		СЗ
47	Бобровский, к-н 3, погр. 1				+				+	+	+	+	ЮЗ
48	Бобровский, к-н 3, погр. 2				+				+	+	+	+	ЮЗ
49	Бобровский, к-н 4, погр. 1				+						+		ЮЗ
50	Бобровский, к-н 4, погр. 2				+						+		ЮЗ
51	Бобровский, к-н 4, погр. 3				+			+		+	+		ЮЗ
52	Бобровский, к-н 4, погр. 6									+	+	+	ЮЗ
53	Бобровский, к-н 5, погр. 1										+		ЮЗ
54	Бобровский, к-н 5, погр. 3										+		ЮЗ
55	Бобровский, к-н 7, погр.										+		ЮЗ
56	Бобровский, к-н 12		+		+				+				З

Глава 8

КОЧЕВНИКИ АЗИИ И ДРЕВНЕУГОРСКОЕ УРАЛО-СИБИРСКОЕ ЕДИНСТВО

Возможно, эта глава на первый взгляд не совсем вписывается в общий контекст исследования. Однако, завершив описание основных этапов возникновения и развития степного евразийского единства в гуннскую и тюркскую эпохи, автор отчетливо осознал, что многие детали данного историко-культурного процесса остались неясными и неосвещенными должным образом. В большей мере это касается завершающего этапа сложения кочевой цивилизации на постгуннском — раннетюркском (болгаро-аварском) этапе и, главное, в последующий период, когда складывается большое лесостепное Волжско-Сибирское тюрко-угорское единство.

В предлагаемом исследовании мы уже касались отдельных аспектов и деталей существования кочевых сообществ в оседло-земледельческих туркестанских, северо-среднеазиатских и южноказахстанских оазисах и взаимодействия их с кочевым населением азиатских степей, а также некоторых аспектов взаимодействия кочевников Восточной Европы с оседлыми лесостепными племенами Поволжья и Приуралья. Алгоритм этого взаимодействия сложен и, безусловно, сильно отличается от характера взаимодействия кочевого мира с оседлыми протогосударственными или государственными имперскими цивилизациями древности и средневековья. Отличия, главным образом касаются того, что в первом случае имеют место взаимодействия единокультурного или даже близкородственного населения. Результатом его является постоянная межродовая интеграция, порождающая новые вариации развития кочевых или полукочевых (скотоводческих) сообществ. Зачастую они располагали беспрецедентной мобильностью, характерной для кочевых объединений, и необъятным человеческим и хозяйственным ресурсом, который доступен оседлым социумам Евразийской лесостепи. Кочевники, контактирующие с лесостепью, постоянно устанавливая свой протекторат над ней, черпая этот неистошимый ресурс, вольно или невольно, с одной стороны, сохраняли это большое этнокультурное единство, с другой, беспрестанно изменяли его облик. В этой связи, дабы представить механизм и суть формирования и существования этого лесостепного единства для того, чтобы затем показать характер трансформаций, произошедших в результате взаимодействия со степью, автор был вынужден как к исходному обратиться к более древнему периоду, нежели это было в случае с исходной точкой возникновения и развития кочевнического евразийского единства. Выбор региона, ограниченного широкими рамками Урало-Сибирского пространства Евразии, расширившегося на определенных этапах до пределов лесостепной полосы от Волги до Енисея, объективно обусловлен границами вмещающего ландшафта, заселенного общинными коллективами охотников и рыболовов палеоугорского единства.

Рассмотрим основы формирования данной Урало-Сибирской историко-этнографической области. Первичным социумом, моделируемым для общества охотников-рыболовов по этнографическим и историко-социологическим исследованиям, являлась община-коллектив людей, объединяющихся с целью хозяйственного освоения определенной части вмещающего ландшафта и направленного на воспроизводство как жизнедеятельности, так и собственно человеческого коллектива. Община может состоять из семей и отдельных, не обязательно родственных, членов коллектива, делиться в хозяйственном комплексе на хозяйственные и целевые груп-

пы. Община имеет свою осваиваемую территорию, соседствующую с хозяйственными территориями других общин [Кабо, 1986; История первобытного общества, 1986; Гиренко, 1991].

При безусловно существовавшей в таком обществе экзогамии члены одной общины вступают в брачно-семейные отношения с членами расположенных по соседству общин. Чем продолжительнее время проживания общины на конкретной территории, тем родственнее становятся соседние общины и соответственно тем дальше простирается вектор выбора брачного партнера: таким образом образуется паутина кровно-родственных связей, охватывающая всю хозяйственно осваиваемую территорию. Образуется сообщинность — совокупность общин, как основных первичных социумов, осуществлявших свою жизнедеятельность в определенном вмещающем ландшафте и связанных между собой системой брачно-семейных связей в рамках нескольких родовых структур. На территориях, пограничных между сообщинностями, брачно-семейные связи образуются уже не только в рамках сообщинностей, но и между представителями разных сообщинностей, что в конечном результате размывает границы между человеческими коллективами, объединенными в сообщинности.

Помимо общинной структуры, основанной на производственных и брачно-семейных связях в изучаемых нами обществах существовала и надхозяйственная структура — родовая. Род — это экзогамная группа людей, объединяемых кровно-родственными, социально институционализированными связями.

Поскольку родовая структура, безусловно, экзогамна, то община, как стабильное объединение семей, неизбежно состоит из представителей, по крайней мере, двух родов. В любой семье муж и жена принадлежат к разным родам, ведут свое происхождение от разных предков, поскольку не могут являться кровными родственниками. Если основной сферой деятельности общины являлась хозяйственная, то основной сферой внимания рода была духовная, традиционная. Помимо своей основной функции — контроля за сохранением экзогамии, родовая организация осуществляла связь между поколениями в преемственности традиций, мифологии, обрядов и т. п.

Во все времена женщина была связана с домашним хозяйством, и, по этнографическим данным, в обществах с присваивающим хозяйством при отсутствии гончарного круга изготовление керамической посуды было преимущественно женским занятием. Одним из разнообразных проявлений мировоззрения или мифологии древнего населения были орнаментальные сюжеты на керамике. Логично предположить, что при орнаментации керамики в композицию закладывалась часть родовых традиций и представлений. Но в течение жизни женщина практически меняла свою родовую принадлежность, и если до замужества она орнаментировала посуду согласно с традициями отцовского рода, то после замужества — по традициям рода мужа. Существуют различные варианты браков, но у народов Урала и Сибири традиционным можно считать вирилокальный брак, при котором жена переходит в семью (общину, род) мужа. В таком случае женщина после замужества приносила в общину мужа часть отцовских родовых традиций, что отражалось и в конкретных вещах, в умениях и навыках деятельности.

На этом этапе при изготовлении посуды она неизбежно руководствуется этими принципами, что в археологических источниках отражается как присутствие в одном жилище сосудов двух различных систем орнаментации, например, гребенчатой и отступающе-накольчатой. Воспитываясь в отцовском роде с традицией накольчатой орнаментации, по прошествии времени становясь хранительницей родовых традиций мужа, она орнаментирует керамику уже не отступающими наколками, а гребенкой. Со сменой поколений ориентация брачно-семейных связей

может изменяться, и соответственно будет меняться состав керамической посуды как в рамках одной семьи, так и в рамках коллективов более высокого уровня. Все будет зависеть от конкретной географической ситуации, хозяйственной принадлежности памятника — оставлен ли он одной семьей, общиной целиком, или хозяйственной группой и т. д.

Существование нескольких родовых традиций в рамках одной общины мы фиксируем находками керамики с различными системами орнаментации, так называемыми «типами керамики» в одном жилище, на одной стоянке, в жилищах одного поселения в зависимости от размеров общины. Мозаика сочетаний стоянок как мест жизнедеятельности общин, сочетающих разные родовые традиции, отраженных в типах керамики, и будет отражением жизни единого общества — общинности.

Урало-Сибирскую историко-этнографическую область в неолите-энеолите, на сегодняшний день понимаемую как праугро-самодийскую, можно представить как систему связанных между собой на пограничных территориях общинностей, занимавших свои вмещающие ландшафты: центрально-уральскую, западносибирскую лесную, западносибирскую лесостепную, северо-казахстанскую, южно-лесостепную — степную. Наиболее четко, по имеющимся археологическим материалам, эта система выявляется в конце каменного века — в IV–III тыс. до н. э. Общинность Западно-Сибирской лесостепи представлена памятниками Притоболья, Приишимья, Прииртышья и Новосибирского Приобья: облик керамических комплексов, как бы «перетекающих» один в другой, связан с сосуществованием нескольких общих родовых традиций: гребенчатой, гребенчато-ямочной, накольчатой (отступающе-накольчатой) орнаментацией керамики.

В общепринятой археологической классификации памятники этих территорий объединены в целый ряд археологических культур. В Курганском Притоболье керамические коллекции поселений Кочегарово 1, Коршуново 1, Вавилон 1, а также святилищ Савин 1 и Слободчики 1 авторы относят к нескольким культурным типам: кысыкульско-суртандинский, аятский, липчинский, сосновоостровский, шапкульский, андреевский [Вохменцев, 2000. С. 10–16; Потемкина, 2001. С. 218–220]. Такая эклектичность становится понятной, если учитывать, что эти памятники расположены на территориях, связующих ареалы жизнедеятельности различных общинностей: с запада — центрально-уральской (кысыкульско-суртандинская, аятская, липчинская, сосновоостровская археологические культуры по археологической классификации), с юга — северо-казахстанской (ботайская и терсекская археологические культуры). Суть явления определена тем, в какую сторону направлены брачно-семейные связи конкретной общины, оставившей конкретный археологический памятник (жилище, стоянку, поселение). Для западносибирской лесостепной общинности эти связи разнонаправленные, поэтому отдельные памятники, оставленные одним и тем же населением, относят к разным археологическим культурам, что создает путаницу, поскольку археологическая культура — понятие классификационное и не связано с конкретным обществом прошлого.

Керамические комплексы Приишимья таких памятников как Кокуй I (жилище 2), Ир II (комплекс III), Серебрянка 1 (комплексы III–V) [Генинг, Голдина, 1969. С. 30–47. Табл. 2–13; Косинская, 1984. С. 45–55; Панфилов, 1993] представлены сосудами с округлыми и приостренными днищами, с гребенчатыми, гребенчато-ямочными и отступающе-накольчатыми простыми и геометрическими орнаментами. Авторы раскопок сопоставляют керамические комплексы с кысыкульско-суртандинскими, екатерининскими, байрыкскими, липчинскими, шапкульскими, ботайско-терсекскими культурными типами [Косинская, 1984. С. 54; Панфилов, 1993. С. 24, 27, 34–37].

В керамических комплексах поселений Прииртышья (Екатериновка I, Венгерово III, Пеньки I–II, Шиловкурьинская) сочетается круглодонная и остродонная

посуда (редко — с плоским дном) с гребенчато-ямочным и отступающее-накольчатым орнаментом. Редко, но встречаются насечки, прочерчивание палочкой, сочетание гребенчатого штампа и отступающей палочки. Авторы относят прииртышские памятники к различным культурным образованиям — культурам, типам и общностям: екатерининской, байрынской, новокусовскому этапу, среднеиртышской, или в целом к гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла [Косарев, 1981. С. 54–59; 1987. С. 261–267; Молодин, 2001, с. 32–40; Петров, 1987, с. 4–20].

Немногочисленная керамика Новосибирского Приобья поселений Киприно и Ирба представлена сосудами с округлыми, приостренными и плоскими днищами. Большинство орнаментов выполнено гребенчатым штампом, насечками, отступающей палочкой. Реже встречаются отступающая гребенка, качалка, прочерчивание. Материалы интерпретируются как кипринские, ирбинские, новокусовские или многокомпонентные [Молодин, 1977; Косарев, 1981; 1987; Кирюшин, 2002].

На стабильность и однородность населения указывают и погребальные комплексы — как отдельные погребения, так и могильники: Сопка 2/2, Бузан 3, Боровянка 17, Чепкуль 21, Ордынское и другие [Молодин, 2001; Матвеев, Зах, Волков, 1997; Хвостов, 2001. С. 134–139; Зах, Скочина, Пархимович, 2005. С. 24–41; Древние погребения Обь-Иртышья, 1991; Полосьмак, Чижишева, Балуева, 1989; Косарев, 1987].

Орнаментальные особенности посуды каждого конкретного памятника нужно рассматривать с точки зрения его территориального расположения, специфики хозяйственного назначения и ближайшего окружения. При детальном анализе можно найти целый ряд сходных черт в системах орнаментации и сквозные типы. Адаптируясь во вмещающем ландшафте, население западносибирской лесостепной общности в процессе годовых хозяйственных циклов осваивало общинные территории, заходившие, вероятно, на кромку леса и в южную лесостепь. Это определяло направление взаимосвязей с родственным населением юга таежной зоны, Зауралья и северо-казахстанских степей, следствием чего было переkreщивание родовых традиций, отраженное в орнаментации керамики.

Урало-Сибирская историко-этнографическая область существует стабильно на протяжении неолита-энеолита. Затем, в конце III тыс. до н. э., начинается, так же как и на рубеже плейстоцена-голоцена, период деструкции или как принято называть «переходный период». Отчасти это связано с климатическими изменениями и появлением в степи индоевропейского населения. Первая волна, которая ассоциируется с носителями так называемых ямной и афанасьевской археологических культур, не внесла кардинальных изменений в лесостепи, но вызвала процесс постепенного смещения населения и перехода к производящим формам хозяйства. Решающей в происходивших изменениях стала вторая волна — в начале бронзового века, которая на Урале и в Северном Казахстане связана с индоиранским населением, принесшим сюда комплексное скотоводство и развитую металлургию бронзы.

Вероятно, формирование уральского хозяйственного и этнокультурного единства явилось основной предпосылкой выделения угорского праязыка из прафинно-угорского лингвистического массива к концу III тыс. до н. э. [Напольских, 1997. С. 60]. С освоением степной и лесостепной зон Южного Урала индоевропейским (индоиранским) населением в конце III–начале II тыс. до н. э., вероятно, начинается деформация этнокультурных черт вышеназванных общностей, что неизбежно сказалось на изменении хозяйственного уклада. Население их было вынуждено переселяться на север в глубь лесов, либо было ассимилировано более социально и культурно консолидированным населением, освоившим производящий комплексный хозяйственный уклад. Бесспорно, процесс этот был не прямолинейным и разовым. Этнокультурное микширование, по всей видимости, имело длительный период (150–300 лет) и осуществлялось в виде непосредственного расселения индоиранцев и как

результат межродовых брачных связей. Это отразилось в том, что мы по сей день фактически не имеем представления о переходных памятниках от финального энеолита к ранней бронзе. Исходя из этого, сегодня мы вынуждены принять тот факт, что на самом раннем этапе формирования уральских культур индоиранского пласта в процессе сложения населения абашевского и синташтинского круга активно (в конце III тыс. до н. э.) участвовало местное палеоугорское население. Археологически эта реконструкция подтверждается тем, что в характеристиках этих культур, при основной индоевропейской составляющей, выраженной в домостроительстве, скотоводческом хозяйстве и погребальном обряде, ярко проявляются и праугорские орнаментальные традиции в керамике — сочетание в керамическом комплексе посуды с простыми, геометрическими и гребенчатыми видами орнаментации. На следующем этапе, в период средней бронзы, процесс микширования, как нам представляется, вступает в завершающую стадию. К XVII–XVI векам до н. э. в Южном Зауралье складывается два сообщества, которые составили в последующий период (XVII–XII–XI вв. до н. э.) особые группы памятников. В степи: петровские, алакульские — срубно-алакульские — амангельдинско-бишкульские, саргаринско-алексеевские. В лесостепи: федоровские, черкаскульские, межовские, березовские, бархатовские.

Собственно федоровский, как тип керамики, возникает в самый ранний период и встречается уже в комплексах синташтинско-аркаимского круга (цв. вклейка, рис. 1, I–II) [Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 80. Рис. 165], что сегодня подтвердилось данными комплексной радиоуглеродной шкалы, где ранний рубеж федоровской культуры соотносится с финалом синташтинских комплексов (XVIII в. до н. э.) [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. С. 100. Рис. 3]. Однако, как нам представляется, непосредственное оформление федоровской культуры, или точнее федоровско-черкаскульского эквивалента некоего ирано-угорского единого сообщества в пределах уральской и западно-сибирской лесостепи, происходит в более поздний период (XVI–XIV вв. до н. э.).

Сегодня трудно однозначно определить, что было причиной большой перегруппировки населения в середине II тыс. до н. э. Урало-Поволжья и Северного Казахстана. Возможно, это было связано с началом длительного этапа ксеротерма и аридизации в данный период [Демкин, Рысков, 1996; 1996а. Рис. 3; Демкин, 1997. Рис. 9] или с демографическим взрывом, вызванным развитием комплексного производящего хозяйства в степной и лесостепной зонах Срединной Евразии. Вероятнее всего, имело место и первое и второе.

Результатом этих масштабных процессов, происходивших в лесостепной и на юге лесной зоны, стало формирование к последним векам II тыс. до н. э. культурного андронидного массива (федоровского в своей основе) или андронидной культурной общности, которая простиралась от Енисея до Волги (цв. вклейка, рис. 1, III).

При этом вопросы возникновения и развития федоровской общности остаются открытыми. В наиболее чистом виде ранние памятники этой культуры, по небесспорному мнению ряда авторов, располагаются в степной зоне востока Средней Азии, в Восточном Казахстане, на Алтае и Минусе [Григорьев, 2000. С. 314; Кузьмина, 1994; Максименко, 1978; Черников, 1960]. При этом, не менее аргументированной, с нашей точки зрения, является гипотеза о зауральском происхождении федоровской культуры [Сальников, 1967. С. 340, 358, 363; Косарев, 1981. С. 30, 81; Шорин, 1999. С. 97]. В период поздней бронзы (XIV–XII вв. до н. э.) происходит своеобразное эпелонирование памятников этого круга. Более южные территории в пределах полосы, включающей север степи и юг лесостепной зоны Южного Урала и Северного Казахстана, как уже указывалось, было занято населением петровско-алакульского и срубно-алакульского культурного облика. Более северное положение имело население федоровско-черкаскульско-межовского круга. При этом очевиден тот факт,

что федоровское и алакульское население какой-то период на Урале, юге Западной Сибири и в Казахстане проживало совместно в пределах лесостепной и даже степной полосы, что в результате привело к сложению новых смешанных групп и типов (амангельдинский, бишкульский, кожумбердинский, сольлецкий и др.) [Корочкова, Стефанов, 1983; 1987. С. 6; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991. С. 78–81; Генинг, Стефанов, 1993; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966; Кузьмина, 1986. С. 191, 192; Усманова, 1987. С. 43–44; Чиндин, 1987; Рудковский, 1989. С. 52; Федорова-Давыдова, 1973. С. 134, 148; Кузьмина, 1986. С. 191, 192; Кривцова-Гракова, 1948. С. 147, 150; Григорьев, 2000. С. 314–315]. Трудно сказать, является ли это результатом освоения федоровцами южностепного пространства, или демонстрирует факт их изначального более раннего проживания в этих районах совместно с племенами алакульского круга? С другой стороны, сегодня явно просматривается тенденция доминирования или абсолютного федоровского развития андроновской культурной традиции на более восточных (Алтай и Минуса) и северных территориях. Напомним, что наименование андроновская культура получила от эпонима именно федоровского могильника у села Андроново (Минусинская котловина).

Для памятников северной лесостепи и юга таежной зоны Сибири и Урала также укоренилась традиция говорить о памятниках андроновского круга, андронидного массива, андронидной общности в большей степени как именно о федоровских либо каких-то производных от них. Таким образом, для наиболее восточных памятников, а также типов северной полосы установилась терминологическая тождественность андроновских — в смысле федоровских памятников. Это весьма важное наблюдение, так как оно позволяет взглянуть на единый характер большой историко-этнографической андронидной (как постфедоровской) общности, сложившейся к периоду поздней бронзы (последняя четверть II тыс. до н. э.) в пределах лесостепной и южнотаежной зон Урала и Сибири. Если предположить, что федоровское население со скотоводческим комплексным хозяйством на раннем этапе активно осваивало степные территории, где продолжался процесс синтеза двух основных этнических составляющих на тот момент: иранской и угорской, то в период поздней бронзы (после XIV–XIII вв. до н. э.) федоровцы-андроновцы большим широким фронтом сдвигаются в лесостепь и южнотаежную зону. Единовременно происходили два взаимовытекающих процесса — окончательное сложение уже упоминаемой общности андронидных культур (что подразумевает собой этническое и культурное единство) и углубление в лесную зону, которое неизбежно приводит к доминированию палеоугорского компонента и последующему формированию, хотя и синкретического, но единого сообщества. Данные процессы своей кульминации достигают на самом финальном этапе бронзового века, когда в пределах Урало-Сибирского лесного и лесостепного ландшафтного массива складывается бесконечный ряд культур и типов, демонстрирующих активный процесс смешения в пределах локальных районов. Так, в восточных пределах Томского Приобья в результате взаимодействия андронидного и сузгунского населения формируется несколько групп еловской культуры. Для лесного Прииртышья, выделяется сузгунский культурный тип, имеющий много общего (хотя не тождественного) с андронидными и черкаскульскими памятниками лесостепного и лесного Зауралья [Косарев, 1981. С. 132–160]. В западных пределах в районах Заволжья и Прикамья в результате взаимодействия, вероятно, позднефедоровского (черкаскульского) и срубного населения образуется луговская культура, которая по основным своим характеристикам (архитектура, погребальный обряд, металл, керамический комплекс) также относится к этому массиву андронидных культур [Обыденнов, 1997. С. 62–66]. Общим в этой бесконечной череде процессов взаимопроникновения и взаимосмещения лесостепного и лесного населения Урала и Сибири, обязательным явилось появле-

ние в орнаментальных мотивах керамической посуды вышеуказанных культурных типов элементов, характерных для раннебронзовых традиций таежного и лесного населения этих регионов: наколки, жемчужины, отступающий гребенчатый штамп, превалирование вариаций гребенчатого геометризма, а в более поздний период — крестовой, флажково-жемчужной орнаментации [Косарев, 1981. Рис. 47–48, 52–57, 70, 71, 74, 75; Обыденнов, 1997. Рис. 6–16].

Палеоиранское воздействие на данное сложившееся этнокультурное и территориальное единство не прекращается и в постандроновское время. Вероятнее всего, с XI века до н. э. (возможно и в более ранний период — XII в. до н. э.) вдоль бассейна Иртыша первоначально в районы юго-западной Сибири с территории Большой Монголии и Северного Китая начинают проникать племена, условно называемые нами населением культур карасукско-ордосского* круга (цв. вклейка, рис. 1, 7).

Дело в том, что в конце II тыс. до н. э. в районах Ордоса и Внутренней Монголии наступает фаза холодного и сухого климата, что выразилось в интенсивном отложении эоловой пыли в лесовых областях Китая и опустынивании степных областей [Пань-Джиангли и др., 2003. С. 155, 156; Лю Дуншен и др., 1984. С. 84–85; Таиров, 2003. С. 20–21]. Примерно с этого же времени наступает эпоха аридизации и в Монгольских степях [Иванов, Васильев, 1995. Табл. 25; Иванов, Чернявский, 2000. С. 13; Таиров, 2003. С. 20; Демкин, Рысков, 1996а. С. 99–100]. Данные ландшафтно-климатические изменения вызвали серьезную перегруппировку и культурную трансформацию в среде населения палеоиранских скотоводов, так называемых «северных варваров» (жуны, ди) — носителей культур ордосских бронз, которых сегодня не без основания ряд авторов связывает с населением карасукоидного круга, оставившими известные образцы карасукского вооружения и оленные камни [Кляшторный, 1982. С. 172; Ковалев, 1987]. Следствием этого явился сплошной переход к кочеванию, китайская ассимиляция племен бассейна Хуанхэ, многочисленные миграции и перемещения [Варенов, 1996. С. 4–6; Ковалев, 1998. С. 128–129; Крадин, 1996. С. 23; Кульпин, 1995. С. 11–14; Мануйлов, 1993; Материалы по истории сюнну, 1968. С. 14–15, 35–36, 124; Новгородова, 1989. С. 320–321; Mg.Govern, 1939. P. 99–100].

Скотоводы Монголии и Ордоса, а также земледельцы Великой Китайской равнины вынуждены были принять вызов деструктивной эпохи, который неизбежно обрекал их на длительное противоборство («Эпоха воюющих царств») за обладание долинами Хуанхэ. Увеличение лесового покрова, переход на принудительную систему орошения и чекового земледелия привело к логичной победе оседлой цивилизации, появлению первых северокитайских государств и вытеснению варваров за пределы лесового плато. Альтернативой существования скотоводческого населения Монгольского Гоби было либо массовое переселение из неблагоприятных территорий, либо переход к новому хозяйственному укладу, что собственно и произошло в первой половине I тыс. до н. э. Археологически этот процесс ознаменовался распадом всего блока культур эпохи бронзы Ордоса и Большой Монголии (культуры Ордосских бронз, карасукская, плиточных могил) в VIII–VI веках до н. э.

* Рабочее использование подобного термина обусловлено тем, что название «карасукский», «карасукоидный» не совсем точно отражает историко-культурную суть памятников этого облика. В Северном Китае и Монголии возникают и существуют в период гораздо ранний, нежели минусинские, собственно карасукские памятники. Мы всецело разделяем точку зрения С. В. Хаврина, что для монгольских или северокитайских действительно уместнее было бы употребить определение «ордосские» или «чандманьские» [Хаврин, 1994, с. 105]. Однако, опасаясь того, что широкому кругу исследователей будет не совсем понятен археологический аспект того или иного явления, мы будем употреблять термин «карасукско-ордосский круг». Следует признать, что понятие «карасукский» сегодня в большей мере приобрело характер некоего археологического бренда.

Исторически он соответствует длительному оттоку ордосско-карасукоидного населения из Монголии и Северного Китая в северо-западном и западном направлении, который, в конечном счете, приводит к формированию большой карасукской общности в пределах различных регионов в Азии (Южная Сибирь, Ордос, Монголия, Казахстан, Иран) [Членова, 1972]. В этой связи появление в Восточном Туркестане памятников карасукского облика [Худяков, Комиссаров, 2002. С. 39–41; Варенов, 1998. С. 65, 69, 70; 2003; Молодин, 1998. С. 286–289; Ван Бо, 1987], а в Центральном Казахстане формирование бегазы-дандыбаевской культуры (или дандыбаевского компонента в дандыбай-саргаринской культуре) в пределах Улутау, Сары Арки и появление памятников типа Северного Тагискена — в Приаралье (цв. вклейка, рис. 1, 8–10) [Боталов, 2003. С. 106, 110. Рис. 2] — это звенья глобального процесса расселения восточноиранского населения ордосско-карасукского облика. Вероятнее всего, в этот период в пределах оазисов и предгорий Восточного Туркестана и в лесостепной зоне Западной Сибири происходит встреча двух миграционных потоков: с запада — позднеандроновского (цв. вклейка, рис. 1, 3–5), и с востока — карасукского населения (цв. вклейка, рис. 1, 7, 8).

Скорее всего, западное переселение вышеназванного населения картографируется распространением элементов ордосско-карасукского (предскифского) типа в этом же направлении, о чем вкратце сказано выше. Здесь же особо следует обозначить то, что данное расселение, вероятнее всего, не носило разовый характер, имело поступательный волнообразный характер. Если начало ее, вероятнее всего, приходится на XI век до н. э. (возможно XII в. до н. э.), то конец, вероятнее всего, падает непосредственно на предскифский период IX–VIII вв. до н. э. Вероятно, эта динамика отражает постепенный процесс распада северокитайских культур Ордосских бронз и культур эпохи бронзы Большой Монголии и, прежде всего, культуры «керекуров и оленных камней» (по Э. Б. Новгородовой).

В качестве осторожного предположения, хотелось бы высказать мысль о том, что непосредственным толчком к распаду варварских культур Ордоса и Монголии, вероятнее всего, явилось создание Чжоуской и распад Шанской империй в равнинной части долины Хуанхэ в XIII–XII вв. до н. э., которые, по всей видимости, произошли не без непосредственного участия скотоводческого населения Маньчжурии и Восточной Монголии, активно использовавшем наиболее эффективные на тот момент степные образцы вооружения и боевые колесницы (Аньян). Вероятно, это явилось решающим моментом первого этапа противостояния земледельческой и скотоводческой культур Северного Китая и Внутренней Монголии.

Отток племен этих культур осуществлялся по двум направлениям. Южное расселение карасукоидного населения в одном случае опредметили памятники бегазы-дандыбаевской культуры Сары-Арки и Северного Тагискена, а во втором — памятники и артефакты культуры луристанских бронз Загроса (Западный Иран), датируемые сегодня большинством авторов в пределах XII–VIII вв. до н. э. [Новгородова, 1989. С. 127] (рис. 1, 8, 9, 11).

Северное расселение шло вдоль лесостепной полосы, примыкающей к кромке лесов. Это хорошо иллюстрируется находками многочисленных образцов карасукского металла в памятниках Юго-Западной Сибири, Южного Урала, Волго-Донья и Причерноморья, а также образцами посуды и орнаментальными элементами карасукского облика, появляющимися в керамических комплексах Урала и Западной Сибири [Членова, 1981. С. 20–36; Мелентьев, 1975. С. 39–42]. Кроме того, этот маршрут довольно хорошо маркируется находками оленных камней, встреченных в рамках этого же северного степного пояса от Западной Сибири до Подунавья [Кызласов, 1977. С. 75; Членова, 1981. С. 15–16; Ольховский, 2005. С. 167–168, Илл. 16, 17] (цв. вклейка, рис. 1, 6, 7, 21).

Проекция обозначенных маршрутов предскифского (карасукоидного) населения совпадает со схемой распространения в искусстве близких по стилю образов животных (оленья, лошади) на территории Евразии в конце IX–VII вв. до н. э., предложенной Л. С. Марсадиловым [Марсадилов, 2004. Рис. 1]. В начале в предгорья Монгольского Алтая и Саян, после, вероятно, алтайский маршрут охватывал южные предгорья Синьцзянского Алтая, где встречены многочисленные комплексы ке-рекуров и оленных камней, так как горный рельеф северного участка монгольского Алтая позволяет без особых сложностей преодолевать его вдоль межгорных долин. Далее часть этого населения, вероятно, осваивает долины и плоскогорья, в том числе и районы Русского Алтая, где позднее появляются знаменитые раннескифские комплексы (Бесшатыр, Пазырык, Укок, Саньханцзы и др.). Затем вдоль бассейна Верхней Оби это население проникает в лесостепное Приобье. Другая его часть вдоль долины Черного Иртыша поднимается в Среднее Поиртышье и далее на запад до Приуралья (цв. вклейка, рис. 1, 7, 9).

При этом следует особо заметить, что, скорее всего, еще один Саянский северный маршрут расселения карасукско-ордосского населения осуществлялся из Монголии вдоль бассейна Енисея, что собственно и явилось следствием возникновения карасукской культуры Минусы и Среднего Енисея (XIII–IX вв. до н. э.) [Максименков, 1975. С. 49–52; Членова, 1972; Комплекс археологических памятников., 1979. С. 29–49] (цв. вклейка, рис. 1, 7).

Однако в общем аспекте нашего исследования, безусловно, особый интерес представляют последствия проникновения ордосско-карасукского населения в среднюю часть большого Обь-Уральского культурно-территориального единства (андроноидного на тот момент), которое, как уже сказано, проходило вдоль бассейнов Иртыша и Оби. В литературе это явление получило достаточно точное название — карасукско-ирменской этнокультурный компонент [Обыденнов, Шорин, 1995. С. 98]. Карасукоидное проникновение основательно видоизменило культурную карту очерченного микрорегиона, однако, как нам представляется, оно принципиально не нарушило той системы хозяйственных и этносоциальных связей, сложившихся к тому времени в недрах Обь-Уральского угро-иранского единства. Попробуем рассмотреть последовательность событий в данный период. Проникновение ордосско-карасукского населения из Алтая вдоль Обского бассейна приводит к его активным контактам с ранее существующим здесь андроноидным населением еловской культуры, что, с одной стороны, вносит определенное своеобразие в отдельные типы еловской (третья и пятая группы керамики по А. В. Матвееву) и сузгунской культур, а с другой, приводит к сложению в XI веке до н. э. собственно ирменской культуры в лесостепном Приобье (XI–VIII вв. до н. э.) [Косарев, 1981. С. 145–162, 172–181; Матвеев, 1993. С. 93–127].

В Среднем Поиртышье проникновение карасукоидного населения приводит к сложению здесь среднеиртышского варианта ирменской культуры и, вероятно, к смещению на север и на северо-запад в Притоболье сузгунского андроноидного населения, что приводит к его активному взаимодействию с проживавшими здесь племенами черкаскульской культуры. В результате этого в Зауралье формируется межовская культура (IX–VII вв. до н. э.) [Косарев, 1981. С. 162–172; Обыденнов, Шорин, 1995. С. 99–100]. Общее смещение на запад позднечеркаскульского и межовского населения и активное взаимодействие его в Прикамье с поздне-срубными племенами и населением луговской и ерзовской культур приводит к формированию здесь различных локальных культурных групп большой Маклашеевской общности [Обыденнов, 1997. С. 66–70].

Это лишь общая схема процессов, вызванных притоком карасукско-ирменского населения в пределы обско-уральского региона. К этому следует добавить, что,

вероятнее всего, общее смещение андронидного и последующего микшированного (ирменского) населения приводит к демографическому взрыву и активному взаимодействию в южнотаежной зоне. Это приводит к формированию особых культурных типов — сусканско-лебежинский (Заволжье), ерзовско-быргындинский и культура Курмантау (Приуралье, горно-лесной Урал), березовский (Южное Зауралье), кокшаровский, пахомовский и бархатовский (таежное Тоболо-Иртышье), памятники типа Чупино и Кучум-Гора (Нижнее Поишимье), розановский (Среднее Поиртышье) [Обыденнов, Шорин, 1995. С. 97–102; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991. С. 81–89; Стефанов, Корочкова, 1984; Косарев, 1981; Членова, 1981. С. 21–29; Морозов, 2004; Гарустович, Савельев, 2004]. При этом следует напомнить, что данные процессы происходят на фоне распада общего массива степных культур финальной бронзы и оттока постандронидского и постсрубного населения на запад (культура многоваликовой керамики), юг и юго-восток — в Хорезм, Центральный Казахстан и Восточный Туркестан (саргаринско-алексеевские, бегазинские, донгальские, янбласские и др. памятники) (цв. вклейка, рис. 1, 1–5) [Боталов, 2006а. С. 41–43].

Не углубляясь в археологическую атрибуцию вышеперечисленных и других существующих на период финальной бронзы культур в пределах региона, границы которого, вероятно, расширяются от Оби до Камы, попробуем наметить главные историко-культурные тенденции, отчетливо просматриваемые на этапе перехода от бронзового к раннему железному веку. Постепенное освоение Приобской, Поиртышской и впоследствии Зауральской и Прикамской территорий ирменско-карасукским населением приводит, вероятнее всего, к установлению новой культурной доминанты. Мы склонны считать, что в данный момент происходят вытеснение и замена андронидных культурозначимых черт на карасукоидные. Первоначально это хорошо видно на примере ирменских памятников лесостепного Приобья, где последовательно на ордынском и быстровском этапах в керамическом комплексе постепенно вытесняются еловские (андронидные) черты в керамических комплексах ирменскими (карасукоидными): округлая или шаровидная форма, круглое дно, лощение сосудов, каннелюры в основании, геометрический узор (острые, косые треугольники) по плечу, заполнение узора белой пастой [Матвеев, 1993. С. 109]. Постепенно эти тенденции начинают проявляться и доминировать на позднееловских, позднемежовских, бархатовских, курмантауских и маклашевских памятниках Тоболо-Иртышья, Зауралья и Приуралья. Большей частью смена традиций связана с изменением формы сосудов и повсеместным внедрением круглодонности. Это весьма важный момент, так как он связан с внедрением новой карасукской технологии формовки сосудов, которая, как известно, предусматривала обязательное присутствие круглодонной карасукоидной керамики как на территории Монголии и Китая, так и в Южной Сибири [Новгородова, 1989; Членова, 1972. Табл. 64, 67–68; Максименков, 1975. Рис. 1, 4, 5; Комплекс археологических памятников..., 1979. Рис. 19; Худяков, Комиссаров, 2002. Рис. VI; Shui Tao, 2001. P. 31].

Эта тенденция — появление округлого дна и специфических невысоких или больших сосудов с раздутым округлым туловом начинает просматриваться среди березовских комплексов межовской культуры, в бархатовской керамике Южного и Среднего Зауралья [Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991. Рис. 3, 4, 9, 10, 12, 17, 19, 21], а также и полностью круглодонных сосудов с короткой отогнутой шейкой розановского типа и типа Кучум-Горы Поиртышья, комплексов курмантаутской и маклашевской культур Приуралья и горнолесного Урала [Членова, 1981. Рис. 8, 10, 26; 9, 1; 10, 19, 20; 11, 36; 12, 13, 2, 3, 6, 10; Обыденнов, 1997. Рис. 14, 5–9; 15, 4–7; Гарустович, Савельев, 2004. Рис. 4–6; Морозов, 2004. Рис. 1–4]. Вероятно, еще одной из важнейших черт культурной трансформации, произошедшей в ирменско-карасукский период, явилось изменение в погребальном обряде. Речь идет о суще-

ствующей среди населения ордосско-карасукского круга традиции захоронений либо в слабоскорченном, либо в вытянутом положении [Новгородова, 1989. С. 160; Shui Tao, 2001. P. 31; Комплекс археологических памятников., 1979. Рис. 20, 8; 22, 7, 8; 23, 1, 2]. В ирменских погребениях лесостепного Приобья сохраняется традиция скорченных погребений (отличием от еловского населения являются ориентация и положение на правом боку) [Косарев, 1981. С. 179–180], что, вероятно, указывает на меньшую долю пришлого населения по сравнению с местным андронидным субстратом. Однако транскультурные изменения, которые происходят в Зауралье и Приуралье, указывают на то, что влияние карасукоидного элемента на население межовской, маклашеевской и курмантаутской культур и составляющие их березовский, бартынский и ерзовский типы, вероятнее всего, было более значительным. Следствием этого был повсеместный переход к традиции захоронения в вытянутом положении [Обыденнов, Шорин, 1995. С. 61–62; Обыденнов, 1997. С. 66–70. Рис. 14–16]. Еще одной из наиболее важных культуuroобразующих тенденций финальной бронзы и переходного периода является динамичное возрастание черт угорского и даже самодийского облика, что указывает на приток новых групп северного таежного населения в урало-сибирскую лесостепь.

Это связано с той своеобразной экологической ситуацией, которая сложилась к рубежу II–I тыс. лет до н. э. не только в степной, но и в лесостепной и южнотаежной полосах Урала и Западной Сибири. По мнению Л. Г. Рыскова и В. А. Демкина, с середины II по первую половину I тыс. до н. э. в северной части Евразии устанавливается фаза высокого температурного режима, что неизбежно приводит к общей климатической и ландшафтной аридизации [Демкин, Рысков, 1996; 1996а. Рис. 3; Демкин, 1997. Рис. 9] и ландшафтно-климатическому экстремуму, который, вероятнее всего, падает на временной отрезок с рубежа II – I тыс. до IX в. до н. э. [Бельгибаев, Белый, 2002. С. 137–138; Таиров, 2006. С. 286–287]. Вероятно, в соответствии с законом климатической гетерохронности в южнотаежной зоне устанавливается фаза похолодания и увлажнения, что приводит к наступлению таежного ландшафта, ухудшению условий для скотоводческо-земледельческих занятий [Зах, Рябогина, 2005. С. 93–94. Рис. 2, 9]. В эпоху поздней и финальной бронзы (XIV–IX вв. до н. э.) в Зауралье происходит значительный сдвиг лесного населения к югу по сравнению с периодом средней бронзы. Если алакульское и алакульско-федоровское население проникает в южнотаежные районы достаточно глубоко (до 58° с.ш.), то алексеевские племена дальше севера лесостепи (56,5° с.ш.) практически не селились. Ярким наметился обратный вектор воздействия со стороны угро-самодийского лесного и таежного населения, которое в этот период опускается до 53° с. ш. [Потемкина, 1995. С. 15–17; Косарев, 1976]. Это движение установило, по всей видимости, доминанту лесного угорского населения, что сказалось на возрастании роли традиционных промыслов охоты и рыболовства в среде лесостепного и южнотаежного населения [Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991. С. 85–89; Обыденнов, 1997. С. 88–90]. Смена культурной доминанты хорошо отразилась в орнаментальных мотивах керамического комплекса: в уже упоминаемой традиции наколов и жемчужин, постепенной замене геометрических узоров вертикальной и горизонтальной елочкой, косым крестопарным зигзагом, насечками и шнуровидным штампом, а также косыми и горизонтальными отпечатками гребенчатого штампа, расположенных, как правило, в верхней части плеча и по шейке [Обыденнов, 1997. С. 68–69; Обыденнов, Шорин, 1995. С. 67–77; Стефанов, Корочкова, 1984; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991. С. 85–90; Членова, 1981. С. 22–33]. В первые века I тыс. до н. э. северотаежное влияние на лесные и лесостепные территории Обь-Уральского региона возрастает еще сильнее. На широте Миасса (Южное Зауралье), Среднего Поиртышья и в Томско-Нарымском Приобье формируются культурные

типы (гамаюнский, красноозерский, молчановский, завьяловский), носителями которых является таежное угро-самодийское население Западной Сибири (цв. вклейка, рис. 1, 12–15). Граница между этим населением, представленным памятниками лозьвинской и атлымской культур Конды и Нижней Оби X–VIII вв. до н. э. [Борзун, 1992. С. 87–91] и племенами праугорской общности проходила с северо-запада на юго-восток вначале по бассейну реки Тавда и далее по широте рек Тара и Томь. Результатом этого воздействия явилось появление керамического комплекса, состоящего из конусовидных остро- или круглодонных сосудов или горшков с узким плоским дном сплошь или на $\frac{2}{3}$ орнаментированных крестовым или мелкозубчатым штампом, а также струйчатым и фигурно-штамповым орнаментом с применением круглых или фигурных наколок, простых или накольчатых жемчужин [Косарев, 1981. С. 182–200, Таиров, 2000. С. 13. Рис. 2]. Интересно, что эти черты обнаруживают сходство с керамикой энеолита и ранней бронзы и последующего времени Конды и Сургутского Приобья (Западная Сибирь) [Кокшаров, 1991. Рис. 1, 2; Чемякин, 1998. Рис. 3; Косинская, 1998. Рис. 4–6]. Проникновение таежного населения так далеко на юг в данный период обусловлено, как уже указывалось, общим увлажнением лесной и таежной зон, которое неизбежно привело к повышению уровня верховых болот*. Наступление на юг кромки болотистой тайги неизбежно приводило к невозможности использовать данные территории для скотоводства, результатом чего был отток населения угорско-индоиранской андронидной (или на тот момент ирменско-андронидной) общности на юг, либо к массовому переходу к присваивающим видам хозяйства. Усиление угро-самодийского влияния в данный момент наравне с воздействием со стороны ирменско-карасукского населения имело решающее значение в переходе к погребальной традиции прямолежащих захоронений. Это косвенно подтверждает то обстоятельство, что доандроновские погребения праугорской общности энеолита, ранней бронзы, также прасамодийские Конды и Средней Оби** в подавляющем большинстве совершены вытянуто на спине [Шорин, 1991; Шилов, Маслюженко, 2002; Стефанов, 2006. С. 52].

Постоянная инфильтрация в пределы Приобья и Поиртышья восточного и раннего карасукоидного населения, которая продолжается, вероятно, с XII–XI по VIII–VII вв. до н. э. и чрезвычайная активность угро-самодийского населения южно-таежной зоны, вынужденного продвигаться на юг в лесостепь в ситуации экстремальных палеоэкологических условий, привели к окончательной культурной ассимиляции андронидного населения и выхолащиванию основных культурнозначимых черт данного массива (замена скорченных погребений на прямолежащие, изменение форм и способов орнаментации в керамическом комплексе).

Таким образом, переходный период от финальной бронзы к предскифскому периоду раннего железа ознаменовался формированием нового этапа ирано-угорской общности, где первая составляющая была основательно изменена восточно-иранским (карасукоидным), а вторая — северным угро-самодийским компонентом.

Бесконечная свита культур и культурных типов угро-иранского субстрата, выделенная сегодня для финального (переходного) этапа эпохи бронзы, позволяет без особого труда на примере керамического инвентаря проследить преемственность и судьбы культурно-территориальных групп населения в пределах очерченного Камско-Обского единства. Так в Прикамье и примыкающих к нему регионах Среднего Поволжья складывается большая маклашеевско-ананьинская культурно-историческая общность, которую, по мнению исследователей, образуют несколько культурно-локальных типов: маклашевский (Усть-Камье), кокшайский (Марийское Поволжье),

* Благодарю Е. М. Беспрозванного за консультации по данному вопросу.

** Благодарю Е. М. Беспрозванного и К. Г. Карачарова за предоставленную информацию.

быргындинский (Восточное Прикамье), курмантаутский (бассейн реки Белая, горно-таежный Южный Урал), ахмыловский (впадение Камы и Волги), ерзовский (таежное Приуралье) [Обыденнов, 1997. С. 66–70].

В начале VIII века до н. э. на западные районы урало-сибирской общности начинается воздействие со стороны раннескифского и сакского населения, составляющего самую позднюю волну карасукских центральноазиатских миграций. В Предуралье результатом этого явились повсеместный переход к традиции прямолежания в погребальном обряде, появление круглодонных сосудов в керамическом комплексе и, самое главное, широкое применение образцов вооружения и бытового инвентаря карасукского или центральноазиатского происхождения. Особенно ярко они представлены среди металла ананьинских (ахмыловский этап) могильников (кельты, чеканы, наконечники стрел ассиметрично ромбические с шипом, бронзовые кинжалы с сердцевидным перекрестием и грибовидным навершием, бубенчики с прорезями, стремечковидные удила, элементы конской сбруи, втульчатые наконечники копий с сегментовидными прорезями и др.)* [Членова, 1981. Рис. 2–5, 7; Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 1, 1–4, 10, 20; 2, 28, 30; 3, 1а, 50, 58; 4, 1а, 1 б, 1в, 2а, 3д, 3г; 8, 10, 1м; 9, 4, 5а, 6а; 10, 1м; 15, 1а, д, 2а, 4б; 16, 3а; 17, 12; 19, 3в, 2; 22, 2ж, 12; 23, 1ж, 24, 2а, 4б, д; 32, 4а; 35, 3г, 6б; 38, 2б; 42, 22; 44, 1а, 5; 45, 1а; 47, 1а; 50, 15; 55, 1; 56, 42; 60, 3а, 1а; 63, 1а, в, с, к; 64, 9; 65, 1; 67, 2а; 69, 3; 73, 3б; 77, 1а; 81, 4; 82, 1г, в; 88, 1а; 99, 2г; 101, 4б, 5а; 105, 12; 109, 20; 118, 2а, 4а, б; 119, 1б; 121, 5а; 125, 1а; 127, 1е; 130, 1а, б, д, и; 135, 1б; Могильник на острове Мольбышенский, 1988. Рис. 2–4, 6, 8, 25; 9, 11, 11а; 11, 29]. Фактически эти образцы ананьинского металла и придают данной культуре общий скифовидный облик. Безусловно, ананьинская эпоха является новым особым этапом культуругенеза маклашеевской общности. Наиболее важное территориально-стратегическое положение, явный милитаризованный облик ананьинцев указывают на то, что данное население было господствующим в пределах большого региона Волго-Камья. Напрашивается вопрос, не привело ли установление ананьинской доминанты в Приуралье к естественному геоландшафтному обособлению этого района от зауральской и западно-сибирской провинций большого угро-иранского единства? Думается, что нет, так как сам механизм этнокультурных взаимодействий здесь был очень похож на Приуральский. В результате разнохарактерных воздействий на межовско-ирменское население к VII–VI вв. до н. э. здесь складывается общность зауральско-западносибирских горно-лесных и лесостепных культур и типов памятников раннего железного века. Так, в результате сосуществования лесного пришлого гамаюнского населения с племенами межовско-березовского типа в горно-лесном Зауралье, вероятно, формируется иткульская культура, унаследовавшая особую группу керамики (второй иткульский тип) с густыми мелкогребенчатыми и «струйчатыми» узорами, нанесенными мелкогребенчатым штампом в виде многорядных и взаимопроникающих геометрических зон [Борзунов, 1992. С. 90–91]. Носители этой культуры, специализировавшиеся на производстве металла [Бельгикова, Борзунов, Корякова, 1991], вероятнее всего, были тесно связаны с волжскими ананьинцами, осуществлявшими в VII–VI вв. до н. э. поставку скифам Причерноморья и Поднепровья металла и изделий из металла по «торговому пути Геродота», а после VI века до н.э. стали основными производителями и поставщиками металла для сопредельных территорий Европейской Скифии [Таиров, 2005. С. 16–17].

Ананьинское общескифоидное единство просматривается и на материалах баитовско-насиловских памятников, появляющихся в Среднем Притоболье и Приишимье, на Средней Исети в VII–VI веках до н. э., где встречены предметы воору-

* Благодарю А. Д. Таирова за данное наблюдение.

жения (кельты, кинжалы с прямым перекрестием и навершием, чеканы, трехгранные черешковые и ассиметрично-ромбические с шипом наконечники стрел) и конской узды карасукоидного и центральноазиатского происхождения [Таиров, 2000. Рис. 9]. Возникновение этих родственных групп, по всей видимости, связано с воздействием на смешанное население межовско-ирменского и бархатовского типов [Матвеева Н. П., 1989. С. 97–98] новой волны переселенцев позднекарасукоидного (возможно раннетасмолинского) круга. Несколько позже на этих же территориях формируются воробьевский тип памятников и гороховская культура, а на сопредельных с востока территориях Притоболья, Приишимья и Среднего Прииртышья появляются памятники саргатской культуры. Эти события падают на особый новый этап в истории населения Зауралья и Западной Сибири, который начинается в конце VI века до н. э. Он связан с приходом в зауральские степи скифского населения лесостепного Поднепровья и формированием здесь древнепрохоровской культуры [Таиров, 2005. С. 16–27] (цв. вклейка, рис. 4, 24). Несмотря на мозаичную пестроту культур и типов памятников, выделенных для горно-лесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири, некоторые авторы в разное время пришли к выводу, что большинство из них родственны и составляют некое этнокультурное единство. Так, В. Е. Стоянов предложил объединить иткульские и воробьевские комплексы в исетскую культуру, носиловские памятники с баитовскими, саргатскую культуру с розановским типом памятников [Стоянов, 1970. С. 238; 1975. С. 241, 247–252]. Г. В. Бельтикова пришла к выводу, что иткульские, воробьевские и носиловские племена родственны и сложились в результате размежевания первичного этноса на группы по производственно-экономическому принципу [Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991]. Н. П. Матвеева включает воробьевские памятники в круг комплексов гороховской культуры в качестве ее первого воробьевского этапа (VI–V вв. до н. э.) [Матвеева Н. П., 1987. С. 12–15; 1991. С. 149–158]. По мнению В. А. Могильникова, гороховские и саргатские памятники составляют единую этнокультурную общность [Могильников, 1972. С. 85; 1973. С. 115; Полосьмак, 1987. С. 99]. К сказанному следует добавить, что, по нашему мнению, гороховский и саргатский культурогенез – это явления единого порядка. Может быть именно поэтому специалисты и по сей день одни и те же памятники Зауралья и Западной Сибири равным образом относят к гороховской или саргатской культуре (Шмаковский, Раскатихинский и другие могильники). Думаю, что «гороховское» своеобразие лесостепному населению Притоболья придала скифо-сарматская приближенность, что сказалось как в вещевом инвентаре, так и в погребальном обряде (дромосная могильная яма, шатровые подкурганые конструкции) [Таиров, 2000. С. 72. Рис. 16. С. 78–79. Рис. 17, 18; Булдашов, 2001].

Таким образом, при всей территориальной вариабельности культурных типов раннего железного века во второй половине I тыс. до н. э. на территории Зауралья и Западной Сибири продолжает существовать единая историко-этнографическая (иткульско-гороховская – саргатская) общность, объединяющая два основных – угорский, иранский и один сопутствующий – самодийский этно-культурных компонентов. Однако этап развития урало-сибирской общности конца VI века до н. э. по II–IV вв. н. э. требует особого рассмотрения. Условно его можно обозначать как саргатский этап историко-культурного развития населения Урало-Обского региона.

Саргатская Урало-Сибирская общность в основной период своего существования (VI–III вв. до н. э.) структурно состояла из культурно единообразного и консолидированного саргатского ядра, располагавшегося в Тоболо-Иртышье, с запада и с востока к которому примыкали две большие провинции: Уральская и Приобская. В этих провинциях чересполосно или в пределах относительно замкнутых ландшафтно-культурных ниш сосуществовало с саргатским близкородственное соплеменное на-

селение [Корякова, 1991; Могильников, 1991]. На Урале это сарматы лесостепи, гороховцы, воробьевцы, иткульцы и позже кашинско-прыговское население. В Приобье — сакское, большереченское, староалейское и позже кулайское население.

Кардинальная трансформация этнокультурного единства начинается, вероятнее всего, на рубеже IV–III вв. до н. э. Причиной ее стало резкое ухудшение экологических условий в степной и лесостепной зонах Южного Урала и Казахстана. Резкая аридизация степей Южного Зауралья в IV–II вв. до н.э. [Рысков, 1996. С. 11; Демкин, 1997. С. 120, 123; Рысков и др., 2000. С. 694, 698; Песочина, Зайцев, 1996. С. 57] привела к миграции раннесарматского населения Южного Урала на запад в Заволжье, а также в лесостепную Башкирию, где возникают могильники типа Старые Кийшки и Бишунгарово (цв. вклейка, рис. 5, 16) [Таиров, 2003. С. 50]. В степях Сары-Арки и Северного Казахстана прекращает свое существование тасмолинская культура [Бейсенов, 1997. С. 16], что, вероятно, также связано с общим иссушением климата в этих районах в III веке до н.э. [Иванов, Луковская, 1998. С. 194; Иванов, 1992. С. 74, 11; Таиров, 2003. С. 28, 30] и оттоком раннесакского населения в лесостепные районы Западной Сибири.

Резкая кратковременная гумидизация и похолодание в лесостепных районах Зауралья и, вероятно, в лесной зоне Западной Сибири [Ларин, Матвеева, 1997. С. 137; Таиров, 2003. С. 30–31] приводят к новому оттоку южнотаежного населения этих районов на юг вдоль бассейнов рек Тобол, Иртыш и Обь. В первом случае следствием этого явилось появление в лесных районах Среднего и Притобольского Зауралья в IV–III вв. до н. э. населения, оставившего памятники с керамикой кашинского и прыговского типов [Викторова, Морозов, 1993. С. 173–178; Ковригин, Шарапова, 1998] (цв. вклейка, рис. 4, 15).

В данном случае мы фиксируем своеобразную реминисценцию зауральских традиций в орнаментации и формовке сосудов, существовавших здесь в энеолитическое время. Вновь появляются сосуды яйцевидной формы с заостренным днищем, орнаментированные крупнозубчатым прямым, косым или отступающим гребенчатым штампом (кашинский тип), а также с гребенчато-шнуровой орнаментацией и сюжетами в виде косых или горизонтальных линий, зигзагов и геометрических узоров (прыговский тип).

К этому следует добавить факт наличия традиционной для Южного Зауралья тальковой примеси в тесте кашинско-прыговской посуды. Думается, подобные параллели и совпадения не случайны. Как известно, вопросы поиска генетической основы кашинско-прыговской керамической традиции сегодня еще далеки от своего разрешения. Однако, учитывая вышеозначенные наблюдения, с определенной осторожностью можно предположить, что где-то в регионе, ограниченном левобережьем Исети и правобережьем Тавды и включающем бассейны Ниццы и Туры, на протяжении довольно длительного времени проживало значительное количество палеоугорского населения, культурогенез которого напрямую связан с автохтонными племенами Зауралья. В определенные периоды, связанные с ухудшением ландшафтных условий в полосе южнотаежной зоны и изменением родоплеменной этнокультурной конъюнктуры в лесостепной зоне, какая-то часть этого населения устремлялась в южном направлении. Подобные миграции таежного угро-самодийского населения в переходный период IX–VIII вв. до н. э., описанные выше, привели к переселению большой группы гамаюнских племен, которые, вероятнее всего, пришли из северных районов очерченного выше региона. В случае же с кашинско-прыговскими миграциями мы можем лишь принципиально обозначить вектор проникновения населения — носителя керамики с гребенчатой, гребенчато-накольчатой и гребенчато-шнуровой традицией орнаментации. Это объясняется, прежде всего, крайне слабой изученностью Пышма-Тавдинского микрорайона.

Вероятнее всего, из этой же зоны и территории севернее происходит традиция накольчато-фигурно-штамповой и шнуровой керамики синдейско-туманского типа. Появление этой керамики в конце раннего железа лишь маркируется в комплексах лесного Зауралья. Данные миграционные процессы в Южном Зауралье привели к серьезной транскультурной перегруппировке. Прекращают свое существование (в традиционно-археологическом смысле) иткульская и саргатско-гороховская культуры в горно-лесной и лесостепной зонах. Процесс микширования местного и пришлого населения, на наш взгляд, был постепенным и относительно мирным, так как в контакт вступало, вероятно, близкородственное местное угро-иранское население с пришельцами угро-самодийского облика. В этой связи переходный этап культурных трансформаций, скорее всего, растянулся на несколько столетий начала I тыс. н. э.

Возвращаясь к вопросу саргатских культурных трансформаций, заметим, что более мощный импульс лесного и таежного населения — носителей фигурно-штамповой и желобчато-накольчатой керамики, наблюдается в III–II вв. до н. э. вдоль бассейна Иртыша и Оби. Вероятнее всего, ухудшение экологических условий приводит к миграции угро-самодийского сперановского населения потчевашской культуры Поиртышья и Барабы и кулайских лесных племен Приобья (цв. вклейка, рис. 4, 15). Определенный период (до рубежа эр) это население проживает чересполосно с саргатскими и повочекинскими племенами Барабы [Елагин, Молодин, 1991. С. 99] и саргатским и большереченским населением Приобья, постепенно ассимилируя и вытесняя его.

Контакты саргатского и кулайского населения в пределах Омского Прииртышья, а также в бассейнах Оми и Тары в IV–III вв. до н. э., хорошо фиксируется в керамических комплексах могильника Карташово I и Богдановского городища [Могильников, 1986. С. 26. Рис. 1, 2; 1991]. Этот факт указывает на то, что миграция таежного угро-самодийского населения на территорию саргатской общности была весьма масштабной. В результате ее саргатская общность сокращается до пределов Тоболо-Иртышья, то есть до пределов своего праядра. При этом, вероятнее всего, фактором культурной консолидации на этом и последующем этапе для саргатского населения Тоболо-Иртышья явился союз с пришедшим в степные и лесостепные районы Урала, Западной Сибири и Казахстана в конце III–II века до н. э. юэчжийско-сарматским населением, вытесненным из Хесийского (Гансуйского) коридора и Восточного Туркестана хуннами в III–I вв. до н. э. (цв. вклейка, рис. 4, 18–20). В оазисных районах севера Средней Азии и юга Казахстана это переселение своеобразно маркируется появлением подбойно-катакомбных комплексов так называемого лявандакского типа с сарматско-юэчжийским историко-культурным комплексом (цв. вклейка, рис. 4, 18, 19, 32) [Боталов, 2003. С. 89–99]. В Поиртышье эта миграция опредмечивается появлением известных вождеских комплексов среднесарматского времени (Исаковский I, Сидоровка, Тютрино) (цв. вклейка, рис. 4, 26) [Корякова, 1997. С. 146–151], а также распространением изделий из лака и предметов китайского и центральноазиатского происхождения [Погодин, 1998; Довганюк, 1997]. Именно с этого периода саргатская культура претерпевает серьезные изменения погребальной обрядности, которые выразились в появлении больших курганов с пышными элитарными воинскими погребениями [Берсенева, 2005. С. 20–23] сарматского облика [Погодин, 2000]. С приходом этой сармато-юэчжийской волны, по всей видимости, значительно изменяется социальная стратификация саргатского общества. Вероятнее всего, пришельцы составили новый вождеский клан и роль новой кочевой элиты резко возрастает. Несколько позже, во II веке н. э., ее сменил новый раннегуннский компонент в саргатской культуре, вследствие чего в большом количестве появляются погребения гунно-сарматского облика (одиночные погребения в узких подпрямоугольных ямах с северной ориентировкой и раннегуннским

набором вещевого инвентаря) [Культура зауральских скотоводов., 1997. С. 15–19, 28, 30–41, 44–46, 64. Табл. 3; Матвеева Н.П., 1994. С. 24, 38, 39, 73, 75, 76, 78, 79, 82–84, 88, 89, 91, 92, 94, 95] (рис. 117).

Однако межкультурные взаимодействия лесного и лесостепного Приуральского пьяноборского населения с племенами савромато-сарматского круга в Приуралье происходят гораздо раньше, в результате чего в последних веках до н. э. происходит сложение и дальнейшее существование населения — носителей гафурийско-убаларской археологических культурных типов в Предуралье [Генинг, 1988. С. 68–88]. Однако на следующем этапе, с приходом в урало-казахстанские степи гунно-сарматского населения, воздействия степного культурного ареала на население более северных регионов приобретает несравнимо большие масштабы. Возможно, это объясняется тем фактом, что, судя по количеству комплексов плотность населения раннегуннского этапа в этих районах была несравнимо большая, чем в предшествующий период [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 145–154]. С нашей точки зрения, в целом данное положение вещей знаменует собой прежде всего наступление Новой Гуннской эпохи в Срединной Евразии. Приход раннегуннских племен к границам Европы и последующая тотальная перегруппировка и перемещение населения не только лесостепных, но и лесных регионов, прилегающих макрообластей — следствие глобальных природно-экологических и этнополитических изменений, вызвавших в дальнейшем Великое переселение народов.

Дело в том, что, как уже упоминалось в других контекстах, в первой половине I тыс. н. э. складываются весьма неблагоприятные ландшафтно-климатические условия как в аридной, так и в глубинной зонах северного полушария, которые характеризуются резкими колебаниями температурного режима и уровня осадков.

Начнем с того, что на III век н. э. падает затяжной и очень существенный пик потепления всего северного полушария [Таиров, 2007. С. 200. Рис. 23]. Несмотря на то что фаза изменений, протекавшая примерно с рубежа эр до III века н. э., в различных регионах казахстанской степи происходила по-разному (в северо- и центральноказахстанских степях наблюдается резкое похолодание и падение уровня годовых осадков, а в Приаралье возрастание температурного режима при падении уровня осадков), в целом ухудшение условий в этой аридной зоне приводит к нарастанию неблагоприятных условий и установлению здесь пояса сухих и полупустынных степей [Таиров, 2003. С. 42–44. Рис. 20; 2007. С. 197. Рис. 20]. Вероятнее всего, следствием континентальных изменений климата и трансформации ландшафтов явились распад империи Сюнну и последующая цепь событий, вытолкнувшая большую часть северных гуннов на кромку евразийских степей и лесостепей. После чего устремила их далее в восточноевропейские степи на запад, где условия были значительно благоприятнее. Однако в этот же самый момент наблюдается встречное движение лесного-таежного населения в пределы урало-сибирской лесостепи. Оно началось еще в III веке до н. э. с движением кашинского и кулайского населения из таежной зоны Зауралья и Запада Сибири вдоль бассейнов Тобола, Иртыша и Оби, но наиболее интенсивное продвижение наблюдается именно в первых веках с появлением в этих районах таежного населения — носителей резной накольчатой, пнуровой и фигурно-штамповой керамики (бакальский, прыговский, батырский, кармыский, сперановский и др. типы).

Эти подвижки связаны с тем, что в лесных районах Западной Сибири примерно с I века н. э. начинается фаза резкого похолодания и увлажнения, которая продолжается до IV века н. э. [Зах, Рябогина, 2005. С. 87. Рис. 2; С. 96], что неизбежно приводит к поднятию уровня верховых болот таежной зоны Западной Сибири, а следовательно, сокращению зоны и ресурса вмещающего жизнеобеспечивающего ландшафта.

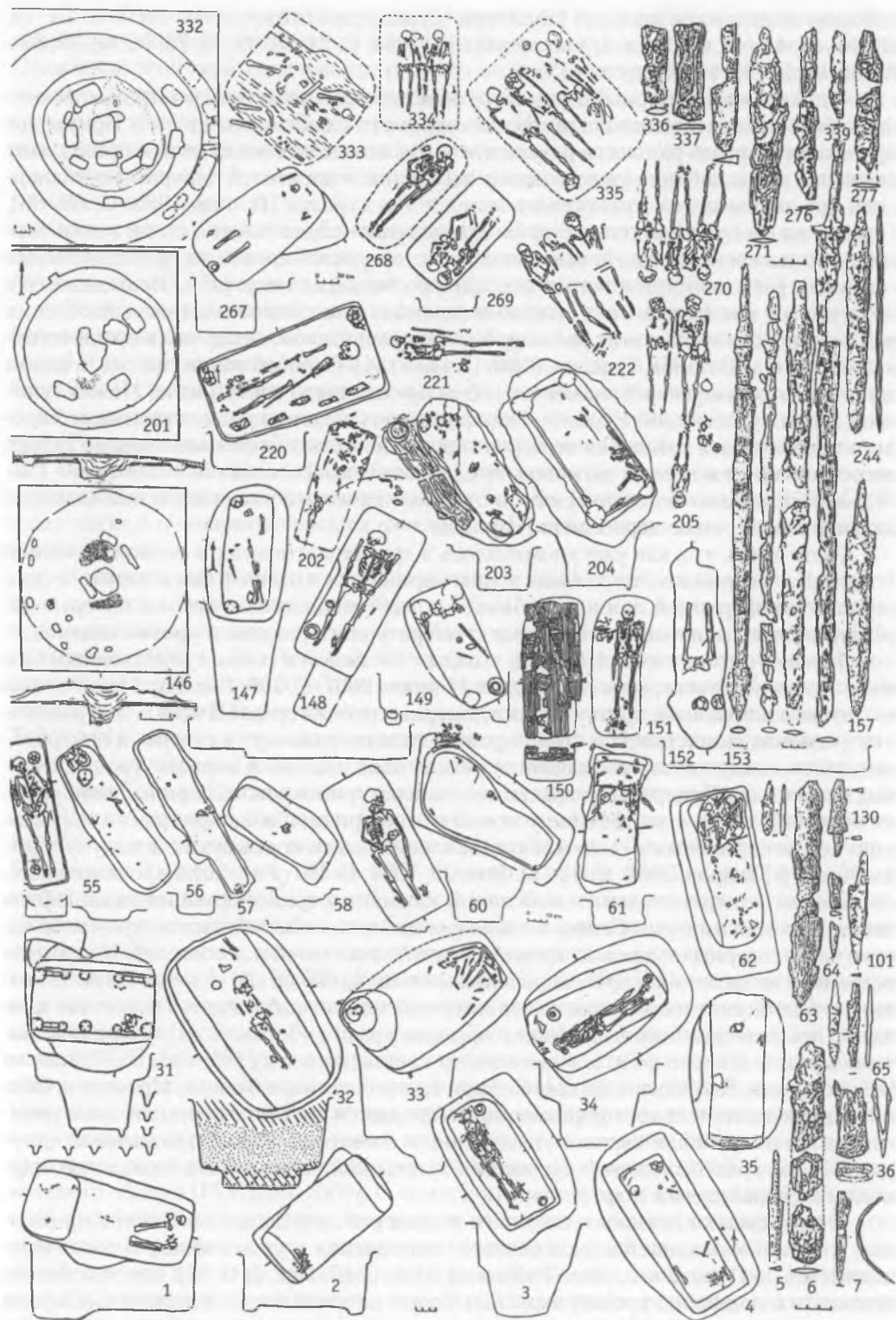

Рис. 117. Позднесаргатские и кашинские памятники Притоболья и Поиртышья (II–IV вв.) (по: [Могильников, 1986; Корякова, 1988; Н.П. Матвеева, 1993; Корякова, Булдашов, Ж.-П. Потро, 1997])

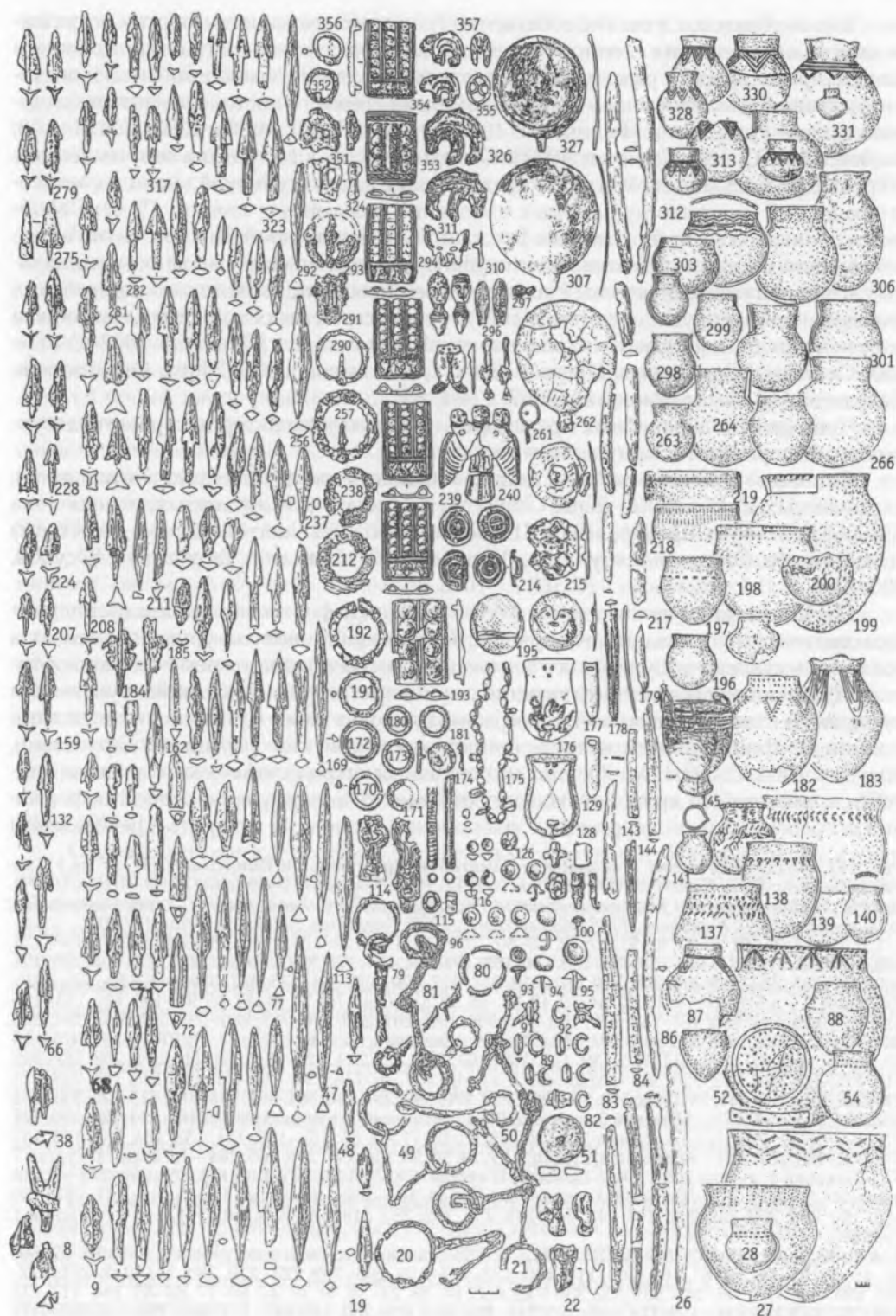

Fig. 117. The late Sargat and Kashin monuments of Pritobolye and Poirtyshye of the II–IV centuries (according to: Mogilnikov, 1980; Koryakova, 1988; Matveeva N.P., 1993; Koryakova, Buldashov, Potro, 1997)

Таким образом, сложение собственно гуннского союза происходит в результате активного смешения степного и лесостепного населения на границе Европы и Азии. Справедливости ради следует отметить, что данное положение вещей достаточно давно было обозначено корифеями отечественного востоковедения и уралоповолжской археологии [Бернштам, 1951; Гумилев, 1960; 1960а; 1992. С. 101–108; Генинг, 1959. С. 182; Халиков, 1987]. Однако сегодня в силу вышеперечисленных стереотипов большинство авторов предпочитает начало гуннской эпохи и соответствующих ей историко-культурных изменений связывать с концом IV века сообразно данным, общепринятым для Восточной и Центральной Европы. Позитивное исключение составляет мнение наших уфимских коллег, связывающих кардинальные этнокультурные перемены с наступлением новой эпохи Великого переселения народов, атрибутирующей появлению гунно-сарматских или, в традиционном определении, позднесарматских памятников Южного Урала [Сунгатов, 2002. С. 153–155; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004; Овсянников, 2006; 2006а; Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев, 2007. С. 83–85].

Что лежит в основе этих представлений и каков характер историко-культурных трансформаций в Приуралье в этот период?

Основные заключения были сделаны на новых материалах двух могильников, раскопанных в последние годы: Старо-Муштинский (южнотаежная, лесная зона Камско-Бельского Предуралья) и Шинювский (южная часть Бельской лесостепи) [Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев, 2007; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004].

Несмотря на то что в первом случае раскопки формально не предоставляют археологических оснований, говорящих о каких-либо инокультурных элементах в среде бахмутинско-мазунинского населения северо-западного региона Башкортостана (за исключением существования двух погребальных традиций: грунтовой и курганный), соавторы итоговой монографии приходят к выводу о явном присутствии в местной «финно-пермской среде пришлого компонента» [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004. С. 84]. Р. М. Юсупов на основании антропологического анализа приходит к выводу, что хронологические особенности и характер черепной деформации погребенных из подкурганных захоронений позволяют говорить о переселении

Рис. 117. Позднесарматские и кашинские памятники Притоболья и Поиртышья (II–IV вв.) (по: [Могильников, 1986; Корякова, 1988; Матвеева Н.П., 1993; Корякова, Булдашов, Ж.-П. Потро, 1997]).
Fig. 117. The late Sargat and Kashin monuments of Pritobolye and Poirtyshye of the II–IV centuries (according to: Mogilnikov, 1986; Koryakova, 1988; Matveeva N.P., 1993; Koryakova, Buldashov, Potro, 1997)).

1, 2, 6, 10–12; 25, 26; 30–32; 49–51; 59; 72, 78–80; 109–113; 115, 122, 127, 128, 132, 136, 140, 149, 150, 154, 156, 163, 168, 171, 175, 176; 180, 181, 185, 186, 191, 192, 194, 197, 198, 207, 210, 211, 225, 233, 235, 256, 257, 260, 276–281, 285–287; 297, 298, 300, 301, 312, 316, 317, 320, 327, 331, 336, 337, 339, 344, 346–350, 352 – Абатский 3, к-н 6; 3, 13–19, 21, 22, 34, 39, 42, 44–48, 52, 53, 60, 63, 73–77, 81, 82, 85, 97–100, 121, 123–125, 129, 130, 135, 144, 153, 164, 168, 179, 180, 184; 196, 199–201, 206, 216, 217, 236–238, 251–255, 261, 266, 284, 291–293, 303, 305, 306, 308, 309, 330, 332, 356 – Гаевский 1, к-н 6; 4, 5, 8, 33, 35, 37, 40, 41, 43, 54, 55, 62, 66, 67, 102, 107, 108, 114, 138, 139, 147, 160–162; 172, 212, 214, 224, 228, 230, 247, 271, 288, 289, 299, 313, 315, 319, 324, 342, 355, 368 – Абатский 3, курган 4; 7, 36, 116, 126, 145, 157, 174, 193, 195, 213, 215, 221, 222, 234, 239–241, 244, 258, 259, 262, 268, 269, 270, 290, 294–296, 304, 307, 310, 311, 325, 326, 334, 335, 338, 351, 353, 354, 357 – Абатский 3, курган 2; 9, 64 – Абатский 3, курган 3; 20, 38, 101, 117–120, 170, 177, 178, 272–275 – Абатский 1, курган 3; 23, 24, 28, 65, 68–71, 83, 84, 103–106, 131, 133, 134, 137, 148, 152, 187, 231, 265, 267, 329 – Абатский 3, курган 5; 27, 29, 56, 58, 146, 177, 218, 263, 264 – Гаевский 1, курган 7; 57 – Гаевский 1, курган 2; 61, 204 – Гаевский 1, курган 4; 86–88, 96, 141, 142, 182, 183, 200, 333 – Калачевка; 89–95, 203, 302 – Гаевский 1, курган 5; 143, 144, 165–167 – Абатский 1, курган 6; 151, 157–159, 188–190, 208, 209, 232, 242, 243, 245, 246, 249, 250, 282, 283, 318, 321–323, 340, 341, 345 – Абатский 1, курган 5.
1–4, 31–35, 55–62, 146–152, 201–205, 220–222, 332–335 – планы курганов и погребений; 5–9, 19–22, 36–38, 48–50, 63–68, 78–81, 101–103, 114, 130–132, 153–159, 206–209, 223–229, 238, 244–248, 257, 272–281, 290, 291, 316, 336–343, 351, 352, 356 – железо; 10–18, 23–26, 30, 39–47, 69–77, 83–85; 104–113, 123, 133–136; 143, 144, 160–169, 178, 185–190, 210–212, 217, 229–238, 243, 249–257, 282–290, 292, 308, 317–323, 344–350 – кости; 27–29, 51–54, 86–89, 96, 137–142, 181–183, 196–200, 217–219, 263–266, 298–306, 312–314, 328–332 – керамика; 82, 89–95, 115–122, 124–129, 145, 171–174, 176, 177, 193, 195, 213–215, 239–241, 252–262; 294–297, 307, 310, 311, 325–327, 352–355, 356–357 – бронза; бронза, дерево; серебро

части сарматского населения Южного Приуралья глубоко в лесную-таежную зону. Несмотря на то, что данная серия имеет различия с гунно-сарматскими или позднесарматскими образцами Южного Зауралья и Приуралья, в целом автор склонен интерпретировать данные этнокультурные трансформации как наступление нового гунно-сарматского времени с III века н. э., а появление обозначенного выше степного компонента в среде старо-муштинского автохтонного населения, как своеобразный «гуннский след» [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004. С. 74–82; Юсупов, 2006. С. 149–154].

Что касается Шиповского могильника, то здесь дело обстоит несколько иначе. Несмотря на то что сегодня пока отсутствует полноценный анализ краниологических материалов, данные раскопок наиболее поздней части могильника (раскоп XIII) позволяют утверждать, что на этом этапе (II–IV вв. н. э.) существенно изменяются элементы погребального обряда и появляются новые весьма характерные типы вещевого инвентаря: устанавливается преобладающая северная ориентировка, появляются новый набор ременной гарнитуры с плоской овальной рамкой и подвижным щитком, плоские прямоугольные, сферические накладки с подвесками, удила с накладками-зажимами, зеркала позднесарматского облика, четырнадцатигранные бусы, трехлопастные черешковые наконечники стрел, керамические пряслища, желобчатые браслеты, фибулы (рис. 118, 12, 13, 17, 18, 30–33, 37, 38, 55, 57, 58, 40, 41, 80–82, 87–94, 99, 113, 114, 199, 120, 130, 131, 151, 156, 157, 162, 163, 174, 206, 219, 230). Кроме того, на этом этапе возникает традиция черепной деформации [Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев, 2007. С. 83]. Эти особенности В. В. Овсянникову позволили прийти к выводу о наличии серьезных перегруппировок в среде позднекараобызского населения Среднего Прибеля. Они привели к активному взаимодействию не только лесостепного мазунинского и убаларско-караобызского населения, но и активному воздействию на них позднесарматских кочевников. По мнению автора, именно эти события и составляли основную канву историко-культурных процессов, ознаменовавших начало нового гунно-сарматского периода. Они логично завершаются сложением турбаслинской культуры, маркирующей собственно гуннский и постгуннский период в Южном Приуралье (V–VIII вв.) [Овсянников, 1999; 2006; 2006а].

Однако здесь следует сделать определенное уточнение. На наш взгляд, на первом этапе характер взаимоотношений между степняками и оседлым населением, вероятнее всего, был таков, что он в конечном счете, привел к установлению господства гунно-сарматского вожества и доминированию культурных приоритетов кочевой верхушки. Это выразилось в кардинальном изменении погребальной ориентировки погребенных и повсеместному внедрению престижной традиции деформирования черепов (Шиповский могильник, раскоп XIII, Салиховские курганы). Однако решающее значение в становлении турбаслинского этнокультурного сообщества уральских гуннов имели события, произошедшие в конце V века н. э., когда собственно и возникает сама культура. По мнению Ф. А. Сунгатова, они связаны с возвращением гуннов из европейских походов, хотя, на наш взгляд, он неправомерно ограничивает непосредственный исход прототурбаслинского населения района Волго-Донского междуречья [Сунгатов, 1995а. С. 21].

На восточном крыле этого макрорайона с приходом в горные районы Саян и Алтая гянгуйского населения, вытесненного хуннами из Северо-Западной Монголии и Восточного Туркестана во II веке до н. э., который археологически отобразился тесинскими и булан-кобинскими трансформациями, привел в Минусе к формированию таштыкской общности, а в горной Туве и на Алтае — к возникновению многочисленных переходных типов (кокзальский, кокпашский, балактыюльский, раннекатаидинский, берельский и др.) зарождающегося могучего тюрко-телеского

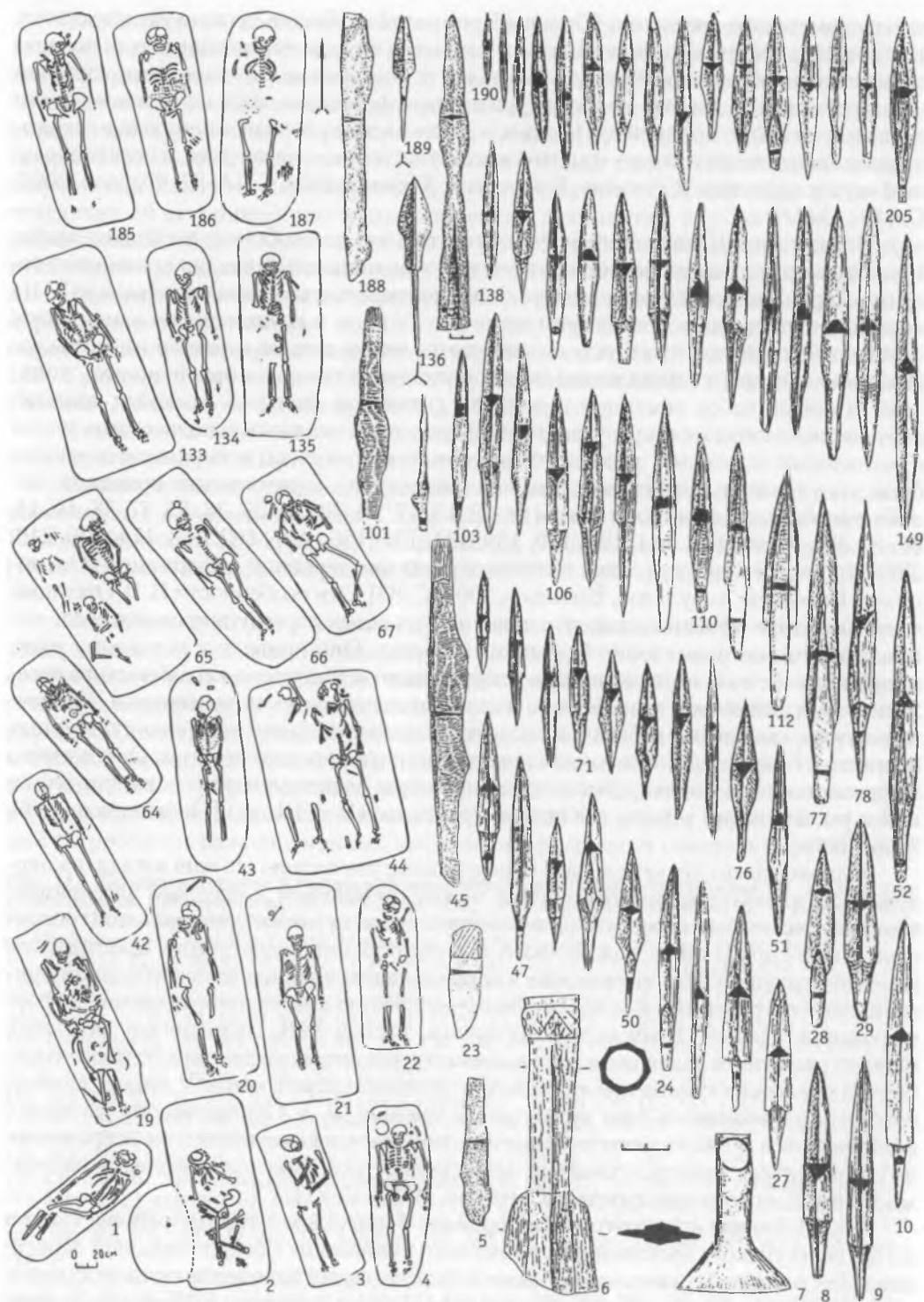
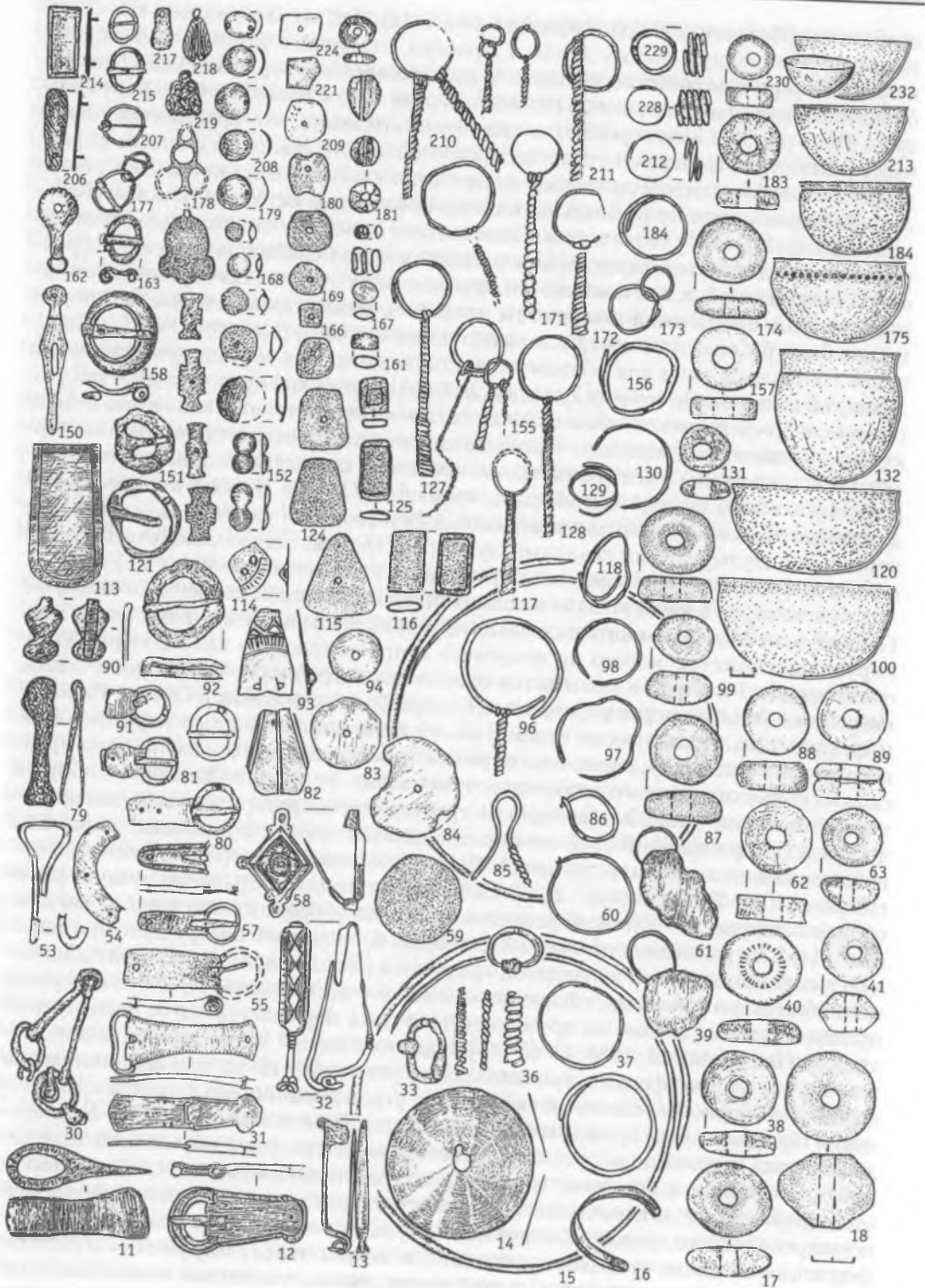

Рис. 118. Шиповский могильник. Раскоп XIII (по: [Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев, 2007]). Fig. 118. The Shipovo cemetery. Excavat XIII (according to: [Ovsyannikov, Savelyev, Akbulatov, Vasilyev, 2007])

сообщества [Боталов, 2003] (цв. вклейка, рис. 4, 42). Это население уже к III–IV вв. занимает лесостепную полосу Алтая и Приобья, оттеснив, а затем ассимилировав кулайские угро-самодийские племена. С возникновением верхнеобской (Новосибирское Приобье) и одинцовской (Бийско-Барнаульское Приобье) (рис. 119) культур в IV–V вв. н. э. мы, вероятно, можем констатировать, что крайняя восточная часть ранее существовавшей урало-сибирской общности становится новым тюрко-угорским анклавом зарождающегося нового этнокультурного единства. По мнению А. А. Казакова, с данного периода начинается тюркизация Верхнего Приобья [Казаков, 1996. С. 176–177]. Хотя в этой связи следует заметить, что этот процесс автор видит как следствие непосредственного влияния хунно-сянбийских племен на районы Алтая и Приобья, с чем можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, на сегодняшний день фактически неизвестны алтайские памятники, которые бесспорно можно было бы связать с центральноазиатскими хуннами [Худяков, 1996] (исключение составляют печи для обжига хуннской керамики) в период существования Хуннской империи. Во-вторых, одинцовский и верхнеобский культурогенез, как уже сказано, непосредственно связан с воздействием горно-степных вышеозначенных культур и типов претюркского облика, в которых появляются такие важные маркеры, как погребения с восточной ориентировкой и конем (катандинский тип), погребения с конем (кудэргинский тип), кремация (Обские Плесы) и характерный для тюрко-телесского комплекса вещей набор (конская узда с эсвидными или костяными двудырчатыми псалиями, чумбуры, стремяна, однолезвийные палаши с кольчатым навершием, т-образные петлевидные колчаные крючки и др.).

В этот период среди указанных памятников лесостепной полосы юго-западной Сибири появляются немногочисленные, но весьма яркие воинские комплексы, маркирующие сложение нового проаварского и проболгарского пласта тюрко-угорских народов. Речь идет о знаменитых одиночных погребениях Тугозвонovo, Сопка, погребение 688, Татарские могильники, Ераска, Троицкий Елбан I, Обские Плесы II и др. (рис. 120). Последующее стремительное проникновение этого тюркизированного полукочевого населения, как, впрочем, и смещение всего массива угро-иранского и угро-самодийского лесостепного населения Зауралья и Западной Сибири в первой половине I тыс. н. э. сегодня не требует особых исторических и археологических подтверждений. В этой связи особо хочется заострить внимание на важном наблюдении, которое было сделано А. П. Бородовским по материалам раскопок могильника Юрт-Балык-8 (кур. 23) и Умны-4, относящихся к раннему этапу верхнеобской культуры VI–VII вв. Украшения головного убора, костюма и пояса, найденные в 1 и 2 погребениях кургана 23 Юрт Балык 8, позволили автору прийти к выводу о типичной тюркской культурной традиции в рассматриваемых элементах внешнего облика погребенных, сформировавшихся в лесостепном Приобье в период, предшествующий широкому проникновению сюда тюркских групп (с точки зрения автора) [Бородовский, 1988. С. 45–46]. Однако, с нашей точки зрения, в конкретном случае данные факты, вероятнее всего, указывают на то, что проникновение собственно тюрков и телесцев и тюркизация угро-самодийского лесостепного населения Приобья – есть процессы разного порядка. Возникновение в IV–V вв. в пределах Алтая такого мощного этнополитического центра, коим явился союз теле, неизбежно привело к созданию нового культурно-генетического очага, который с этого периода стал активно влиять на соседствующие с ним восточные районы ирано-угорской (самодийской) общности. Результат – неизбежная культурная трансформация восточно-угорского населения и замена этнокультурных и, думается, лингвистических ориентиров. С нашей точки зрения, указанные инновации в погребениях могильников Юрт Балык 8 и Умны 3 не эпизодические и неожиданные явления, а своеобразный показатель окончательного этапа тюркизации приобского

населения. Однако начало его падает на более ранний период, который соотносится с первыми веками новой эры.

Сегодня трудно говорить о характере этнокультурных трансформаций в лесостепном Приобье и Барабе в этот период. Разрозненные материалы, имеющиеся на сегодняшний день, не позволяют четко представить обширный сперановский этап (II–I вв. до н. э. – V–VI вв. н. э.) потчевашской культуры Барабы, в памятниках которого наблюдается слабое присутствие саргатских черт [Елагин, Молодин, 1991. С. 98–103], а также финал фоминского этапа кулайской культуры с аморфным так называемым переходным этапом III или второй половины IV–V вв. [Казаков, 1996. С. 166–171]. Тем не менее, этнокультурные процессы, которые имели место в Верхнем Приобье и Поиртышье в течение первой половины I тыс. н. э. позволяют наметить новый этап в существовании большого угро-самодийского Урало-Сибирского единства. Процессы, которые произошли здесь в первые века н. э., кардинальным образом изменили этнокультурную карту региона.

По вопросам культурогенеза Новосибирского Приобья и лесостепных районов Алтая сегодня существует довольно внушительный список литературы, посвященный памятникам фоминского этапа кулайской культуры, переходному этапу, одинцовскому или сошинскому этапу соответственно верхнеобской или одинцовской культуры [Грязнов, 1956. С. 113; Троицкая, 1981. С. 111–119; Троицкая, Новиков, 1998. С. 78; Казаков, Неверов, 1991. С. 168; Казаков, 1996. С. 166–177; Горбунов, 1993. С. 80; 2004. С. 92–95] (рис. 119).

Бесспорно осознавая важность вопросов уточнения хронологических позиций отдельных этапов и групп памятников, попробуем остановиться на более широких аспектах этнокультурных трансформаций, происходивших в Верхнеобском бассейне в данный период.

В этой связи заметим следующее: на наш взгляд, весьма важное наблюдение о характере культурных инноваций, которые привели к формированию верхнеобской культуры, сделал пятьдесят лет назад М. П. Грязнов на материалах исследований погребальных комплексов Ближне Елбанских могильников. Рассматривая керамический комплекс одинцовского этапа, автор приходит к выводу, что одинцовская посуда принадлежит к совершенно новому для Верхней Оби типу керамики, чуждому предшествующему населению и другим племенам Южной Сибири. Она представляет собой один из вариантов того типа посуды, который был создан племенами северного Приуралья и северо-западной Сибири. Прямые аналогии керамики этого этапа автор усматривает среди сосудов раннеананьинского, ломоватовского, родановского и болгарского времени, а также памятников тундровой полосы северо-западной Сибири [Грязнов, 1956. С. 112–113]. Несмотря на то что отдельные вопросы общей схемы хронокультурного развития в позднекулайское и ранневерхнеобское время, предложенные М. П. Грязновым, впоследствии претерпели определенную корректировку (Т. Н. Троицкая удревняет фоминские памятники и относит их к позднему этапу кулайской культуры (I–III вв. н. э.), переходный этап — к концу III–IV вв. н. э., а одинцовские — к V–VI вв. [Троицкая, 1979. С. 47, 50–52; 1981. С. 102–103, 116, 119]), приведенные наблюдения автора не утратили своей актуальности. Более того, последующие исследования в Приуралье позволили уточнить и расширить спектр аналогий приобских и прикамских памятников рубежа эр. Так, среди керамических комплексов позднеананьинского (касяновско-михайловского), чегандинского и карабызско-убаларского круга, а также в комплексах мазунинской и бахмутинской культур последних веков до н. э. и первых веков н. э. встречены фактически идентичные одинцовским сосуды со сферическим туловом, выпуклым дном, отогнутым венчиком и характерной орнаментацией в виде жемчужин, наколок в верхней части тулова, горизонтальных полос и рядов оттиска

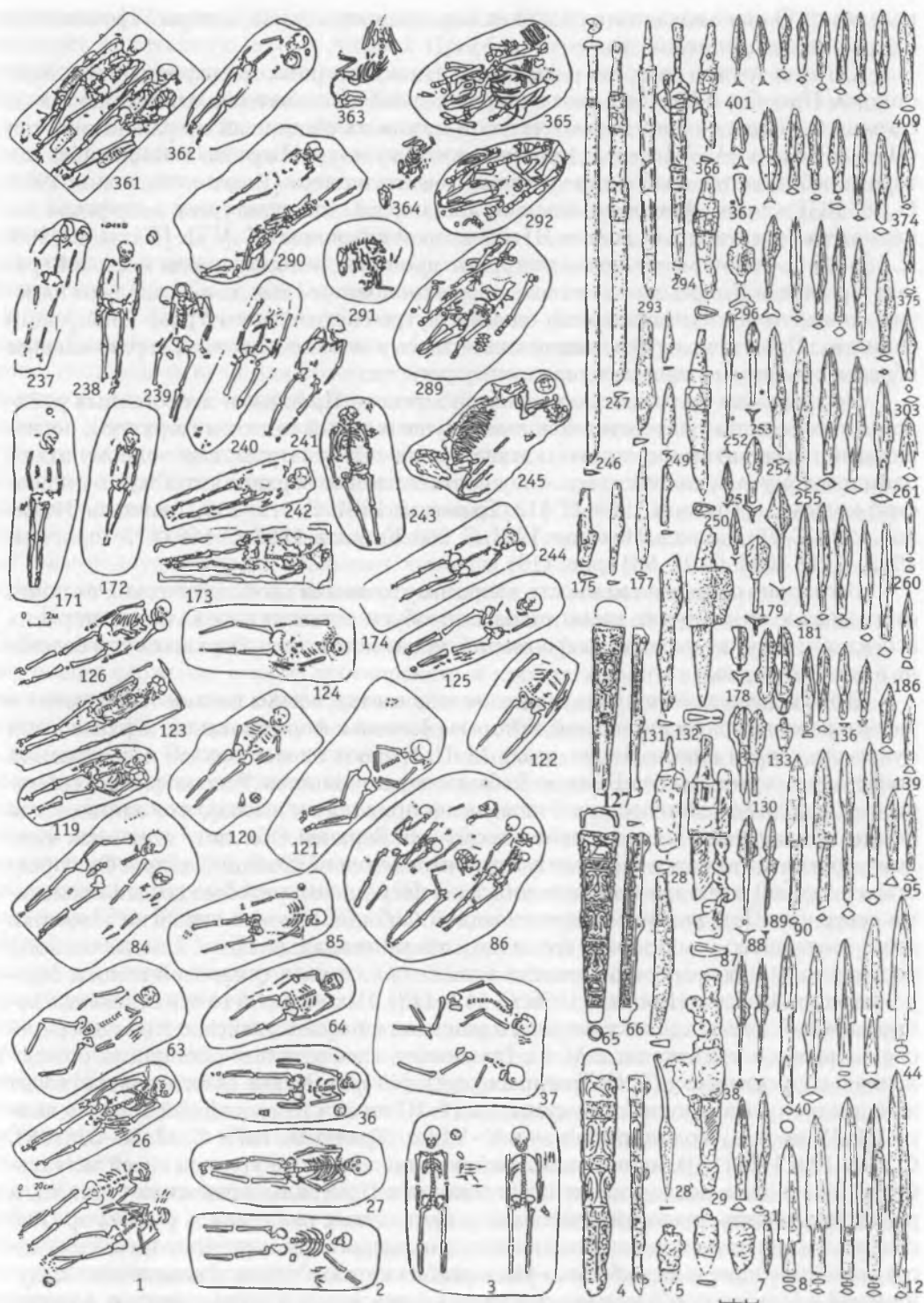

Рис. 119. Памятники гунского времени лесостепного Приобья (II–III – V–VI вв.) (фоминцевский этап, верхнеобская культура (одинцовский этап) (по: Троицкая, Новиков, 1998; Грязнов, 1956)).
 Fig. 119. The monuments of the Hun period of the forest-steppe Priobye (II–III – V–VI centuries) (the Fomintsev stage, Verkhneobye culture (Odintsov stage)) (according to: Troitskaya, Novikov, 1998; Gryaznov, 1956))

гребенчатого штампа [Генинг, 1972. Рис. 4, 7, 9; 6; 1988. Рис. 5, 11, 20; Мажитов, 1968; Останина, 1997]. Весьма показательным в этой связи является тот факт, что кроме керамических параллелей существует целый ряд отдельных категорий культуромаркирующих предметов, которые в более раннее время встречаются в Приуральских комплексах. Речь идет о серьгах в виде знака вопроса, завитых в нижней части в виде конуса или цилиндра, гривнах и браслетах с крючкообразным основанием, эполетообразных фибулах ранних типов, колоколовидных наконечников подвесок с наборными пронизками для подвешивания, бронзовых нашивных бляхах, которые характерны для чегадинских, карабызских, убаларских, азелинских и мазушинских вещевых комплексов I–V вв. [Генинг, 1963. С. 40, 41; 1988. Рис. 4, 50, 60, 61, 85–87, 112, 115; 9, 3, 4, 27; 17, 1, 2; Останина, 1997. Рис. 4, 5, 7] (рис. 121). Мы склонны полагать, что широкий круг аналогий складывается не случайно. Однако полностью понять механизм этих заимствований сегодня, безусловно, не просто. Была ли это разовая миграция, или длительная инфильтрация приуральского населения в Приобье, сказать трудно. Вероятно, имели место и какого-то рода культурно-региональные коммуникации уже с рубежа эр, в период сложения пьяноборской и кулайской общностей в пределах лесостепной полосы Урала и Западной Сибири, а также единоразовые переселения, которые привели к существенной культурной трансформации переходного этапа IV–V вв. [Казаков, 1996. С. 170].

Скорее всего, приток новой волны приуральского угорского населения на этом этапе приводит к некой общекультурной настройке в пределах урало-сибирской этнокультурной области, своеобразно нивелируя ее крайне западные и восточные регионы (цв. вклейка, рис. 4, 44). Их этнокультурное единство выявилось не только в появлении вышеперечисленных параллелей в вещевом комплексе, в планиграфии и архитектуре городищ и селищ (береговые укрепленные городища с подквадратными или прямоугольными полуземлянками и наземными жилищами с очагами по центру или в углах и зольниками по краям), но и в погребальном комплексе (грунтовые могильники или небольшие земляные курганы, преобладание или значительной процент восточной и северной ориентировки погребенных) [Генинг, 1988. С. 36, 37, 49, 52, 72, 73; Останина, 1997. С. 94–98. Табл. 5; Грязнов, 1956. Табл. XLVII, XXXI,

Рис. 119. Памятники гуннского времени лесостепного Приобья (II–III – V–VI вв.) (фоминцевский этап, верхнеобская культура (одинцовский этап) (по: Троицкая, Новиков, 1998; Грязнов, 1956)).

Fig. 119. The monuments of the Hun period of the forest-steppe Priobye (II–III – V–VI centuries) (the Fomintsev stage, Verkhneobye culture (Odintsov stage)) (according to: Troitskaya, Novikov, 1998; Gryaznov, 1956)).
1–3, 31, 34, 37, 51, 53, 56, 57, 60, 63, 64, 75, 78, 115, 116, 120, 121, 124, 148, 150, 152, 153, 155, 166, 177, 178, 186–190, 193, 194, 203, 211, 214, 220, 221, 225–227, 232–236, 248, 249, 251, 260, 268, 271, 279, 291, 324, 343, 344, 347, 351, 353, 376–385, 387, 392, 396, 401–415, 417, 431, 436, 438, 440–442, 447, 450–452, 459 – Юрт Акбалык 8; 4, 12, 13, 52, 76, 77, 90, 96, 97, 102, 104, 105, 114, 127, 140, 141, 144, 151, 157, 159, 163–165, 167, 197, 199, 201, 204, 216–218, 223, 224, 238, 239, 264, 314, 315, 318, 319, 328, 330–334, 339, 352, 355, 357, 370, 386, 399, 420, 426, 427–429, 434, 435, 443, 444, 449, 457, 458 – Ближние Елбаны VII; 5, 6, 16, 18, 33, 45–47, 65, 68, 70–74, 98–101, 106, 107, 128–130, 146, 154, 161, 162, 175, 176, 179, 198, 212, 213, 222, 246, 247, 250, 253–259, 265, 266, 269, 295, 316, 329, 336, 349, 361, 367, 421, 432, 453 – Татарские могилки; 7, 17, 19, 28, 67, 123, 126, 132, 160, 171, 172, 174, 181, 190, 191, 196, 241, 252, 272, 273, 274, 313, 323, 327, 338, 342, 345, 350, 369, 375, 388, 391, 400, 419 – Ближние Елбаны III; 8–11, 14, 15, 40–44, 49, 50, 88, 144, 289, 292, 305–308, 363–366 – Обские Пессы 2; 20–25, 29, 54, 55, 69, 82, 131, 147, 158, 169, 170, 173, 180, 183–185, 205–207, 210, 231, 237, 242, 275–278, 284, 287, 288, 290, 296, 297, 309, 311, 317, 320, 323, 326, 346, 371–374; 394, 397, 398, 416, 425, 439, 445, 446, 448, 454–456, 461 – Ближние Елбаны XIV; 26, 27, 36, 84, 112, 125 – Черное Озеро 1; 30, 32, 48, 66, 87, 92–95, 103, 134–139, 142, 143, 208, 209, 240, 243–245, 261–263, 270, 280, 293, 294, 298–304, 341, 354, 362, 439 – Ближние Елбаны XII; 35, 110, 229–230 – Ирмен IV; 38, 39, 79, 81, 85, 89, 111, 117, 119, 145, 219, 281, 283, 285, 286, 321, 335, 359, 360, 395, 430 – Крохалевка 23; 58, 59, 61, 62, 80, 83, 118, 282, 356 – Черный Мыс 1, 2; 108, 109, 133, 312, 418 – Степной Чумыш; 156, 195, 200, 215, 267, 340 – Красный Яр 1; 358, 202, 460 – Дубовичный Борок. 1–3, 26, 27, 63–65, 84–86, 119–126, 171–174, 237–245, 289–292, 361–365 – планы погребений; 4, 8–14, 30, 31, 40, 46, 52–55, 57, 65, 67, 90–97, 101, 104–107, 127, 134–143, 149, 158, 159, 161, 162, 181–189, 196–198, 201, 213, 218, 219, 221, 222, 254–265, 298–307, 316, 339, 346, 352, 353, 369–380, 403–414, 421 – кость; 5–7, 15, 16, 17–19, 28, 29, 32–34, 38, 39, 48, 49, 51, 56, 66–70, 75, 76, 87–89, 98, 99, 109, 128, 133, 144–145, 147, 150–154, 175–180, 190–193, 211, 212, 219, 246–253, 266, 268, 294–297, 366–368, 381, 384, 401, 402, 415, 417, 424, 438, 440–442, 446, 447, 454 – железо, железо, бронза

XXXV, XXXIX, XLIX; Троицкая, Новиков, 1998. С. 15, 22–24]. Кроме того, на переходном этапе появляются две весьма важные черты погребального обряда: кольцевая деформация черепов и погребения с конем [Грязнов, 1956. Табл. XXXVIII, XLIII]. На эти черты обратил внимание А. А. Казаков, а к особому проявлению этих инноваций он относит факт появления знаменитых погребений в лесостепном Алтае и Новосибирском Приобье: Тугозвонovo, Ераська и Сопка 2 (погребение 688). Автор справедливо усматривает в этих инновациях «постхуннское влияние на племена Верхнего Приобья» [Казаков, 1996. С. 170–175]. Однако механизм воздействия в его изложении остается не совсем понятным.

На наш взгляд, процесс культурной интеграции в больших пределах рассматриваемого региона в раннегуннский период (II–IV вв.) был весьма сложным и многополярным. Первоначально основной узел его был сосредоточен в пределах Камско-Бельского Приуралья. Появление и последующее обитание в пределах степей Южного Урала и Западного Казахстана раннегуннского (гунно-сарматского) союза приводит к длительному (II–IV вв.) взаимодействию местного лесостепного населения с пришельцами. Результатом этого является распад или трансформация культур пьяноборской общности во II–III вв. н. э. и появление нового блока ранне-средневековых культур: азелинская, мазунинская, имендяшевская, бахмутинская [Генинг, 1972. С. 222–247; Овсянников, 1999. С. 178–180].

С началом движения ранних гуннов на запад в III–IV вв. и последующим возвращением их из западных походов часть гунно-сарматского населения начинает активно оседать в пределах бассейна реки Белая, смешиваясь с местным имендяшевским населением (Салиходский могильник) [Васюткин, 1986], где возникает турбаслинская культура. Взаимодействие гунно-сарматского и именьковского населения в районе слияния Камы и Волги приводит к сложению культуры типа Коминтерновский II. При этом очаги этого культурогенеза формируются в стратегически важных районах Волго-Камья под общим главенством уральских гуннов и появившихся чуть позже в союзе с ними (после возвращения гуннов из Европы) присырдарьинских гуннов-эфталитов (джетыасарский тип, гунно-кангюйский ИКК). Безусловно, столь бурные процессы привели не только к культурной трансформации, но и к вероятному оттоку приуральских угров в восточном направлении. Вероятность этого вектора связана с тем, что с запада этот регион ограничивается не столько естественным препятствием — Волгой, сколько обитанием здесь обширного славяно-финского мира, который к тому же активизируется к середине I тыс. Одновременно с этим на север Среднего и Верхнего Прикамья с III века н. э. начинается проникновение зауральского гунно-сарматского и лесостепного (кашинско-прыговского) населения, что приводит к появлению комплексов харинского этапа ломоватовской и ранненеволинской культур [Генинг, 1959. С. 184–187; Викторова, Морозов, 1993. С. 174–181]. Проникновение на территорию Притоболья гунно-сарматского населения с первых веков новой эры привело к установлению новых культурных норм в среде позднесаргатских племен, что отразилось в погребальном обряде и вещевом материале — преобладание индивидуальных захоронений в узких прямоугольных ямах, наличие гробовых конструкций, северная ориентировка погребенных, появление деформации черепов, гунно-сарматский набор вещевого инвентаря (рис. 103) [Матвеева Н.П., 1994. С. 24. Рис. 11; С. 38, 39. Рис. 20, 21; С. 73. Рис. 44–46; С. 78. Рис. 47; С. 83. Рис. 51; С. 84. Рис. 52; С. 88, 89. Рис. 54, 55; С. 91, 92. Рис. 56, 57; Корякова. Булдашов, Потро, 1997. Рис. 3, 6; 12, 1; 13; 16, 2; 18; 19; 20; 21; 22; 27, 2–4; Хабдулина, 1994. Табл. 46, 48, 49].

Таким образом, вероятнее всего с первых веков новой эры (II–III вв.) и в лесостепном Приуралье, и в Зауралье установилась некая гуннская доминанта, которая и лежала в основе культурных трансформаций и межплеменных взаимодействий.

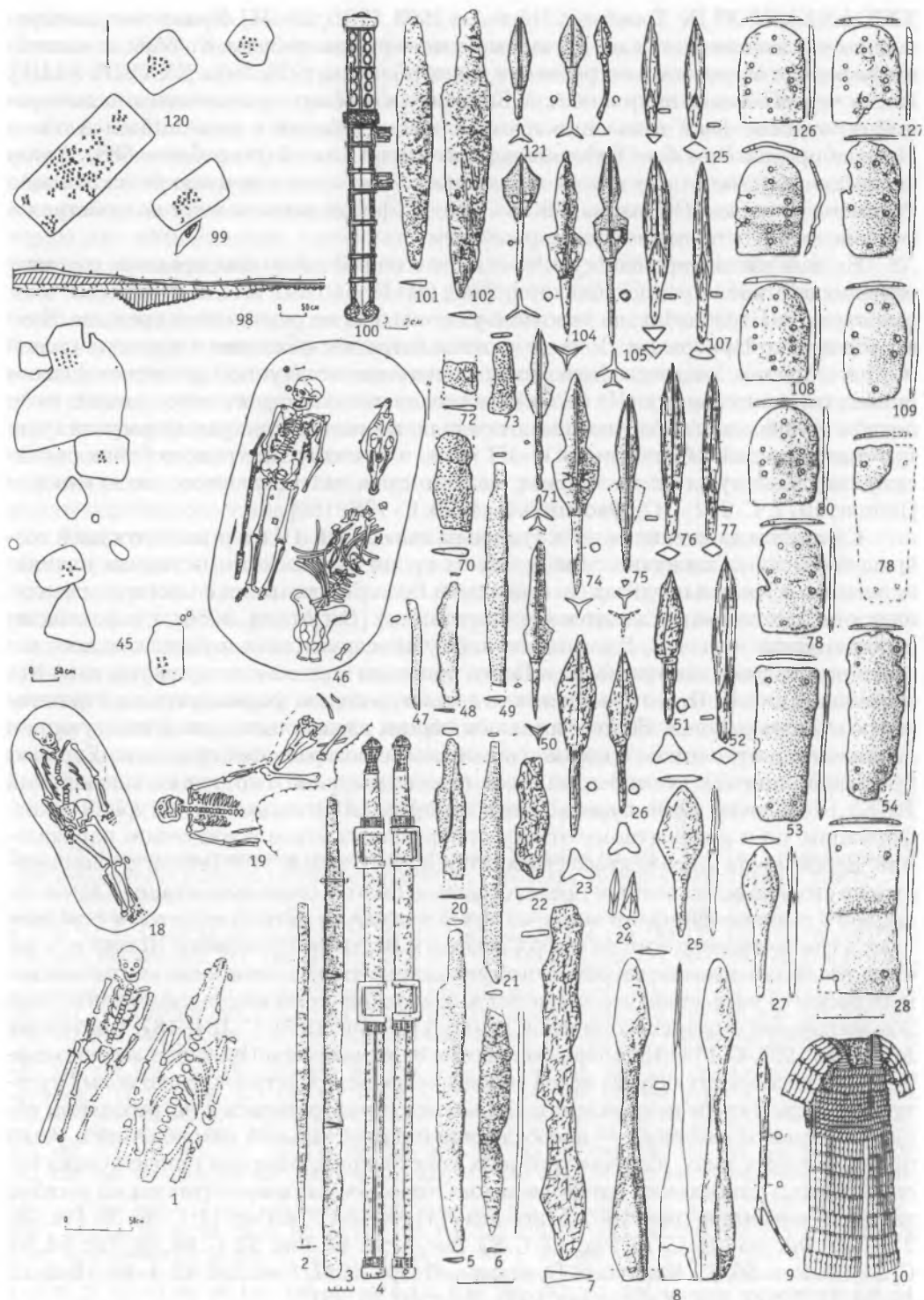
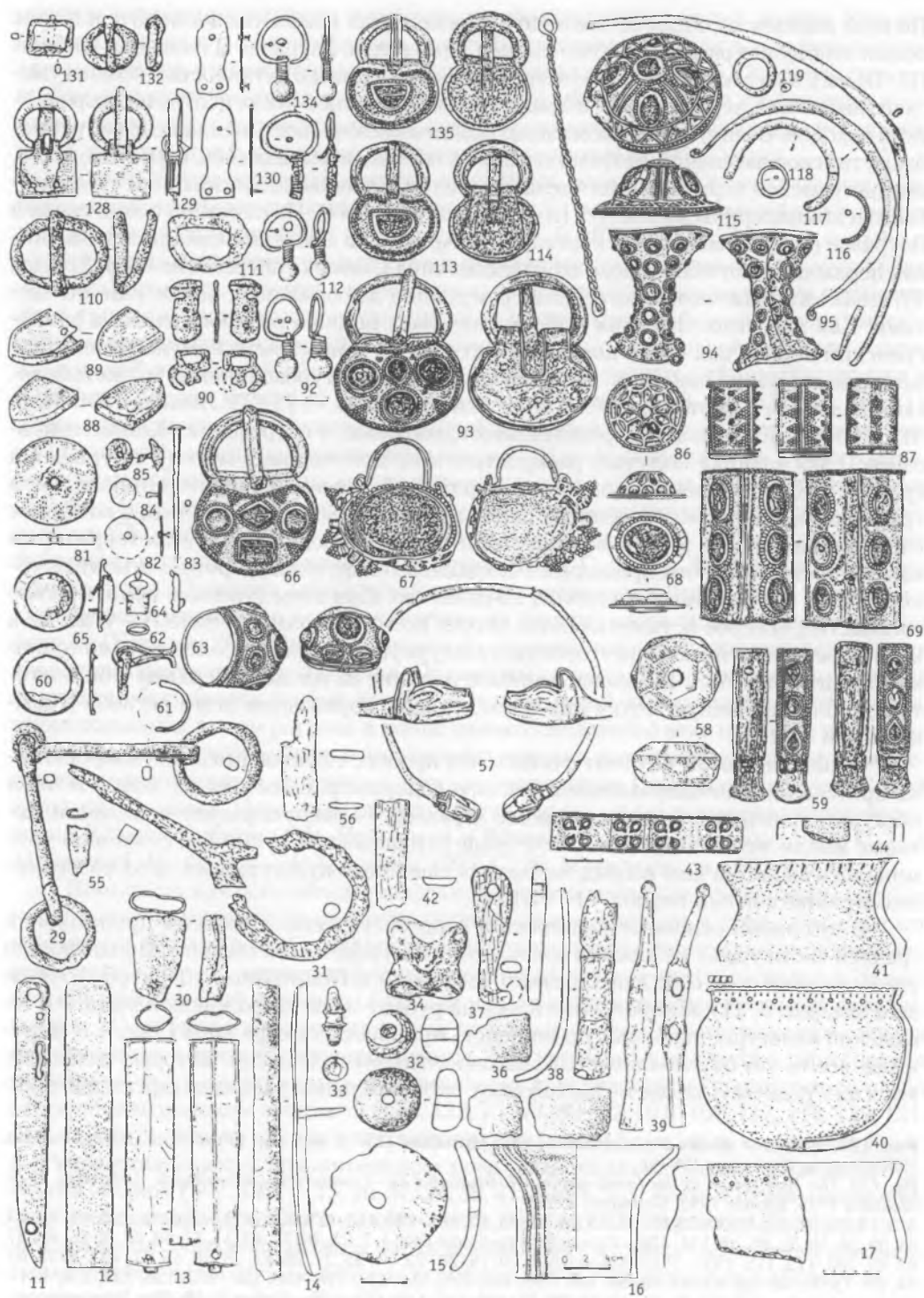

Рис. 120. Гунское время в лесостепном Обь-Иртышье (IV–V вв.) (по: [Уманский, 1974; Molodin, 1995; Егоров, Горбунов, 1997]).
 Fig. 120. The Hun period in the forest-steppe Ob-Irtyshye (IV–V centuries) (according to: Umanskiy, 1974; Molodin, 1995; Egorov, 1993; Gorbunov, 1997)

По всей видимости, первоначально эти перемещения населения были обусловлены общей этнокультурной близостью племен Приуралья, Зауралья и Западной Сибири (II–III вв.), а на заключительном этапе они были связаны с активностью позднегуннского населения, вернувшегося в Урало-Аральский регион после центральноевропейских походов. Втянутое в эту компанию позднепьяноборское, имендьяшевское, раннебахмутинское население, устремившееся на восток, возглавлялось, вероятнее всего, позднегуннской верхушкой из числа населения, оставившего памятники тубаслинского и коминтерновского круга (цв. вклейка, рис. 4, 44). Не случайно в этой связи в Зауралье (Каменный Амбар, курганы 4, 5; Аркаим) и Западной Сибири в памятниках переходного этапа, а также комплексах типа Сонка 2 (погребение 688), Ераска, Тугозвонovo появляются погребения с черепной деформацией, конем или его частями. Как известно, черепная деформация была широко распространена в раннегуннский период как среди позднесарматского и гунно-сарматского населения Казахстана и Урало-Поволжья, так и среди носителей турбаслинской и джетыасарской культуры [Сунгатов, 1998. С. 108; Акимова, 1968. С. 71–72; Левина, 1996. Илл. 31, 32]. При этом в позднегуннских памятниках и погребениях Коминтерновского II могильника получает распространение помещение в могилу шкуры коня (рис. 68). Не углубляясь в вопросы исторических корней и территории появления традиции конских сопровождений, заметим главное, все эти параллели в конечном счете указывают на то, что в гуннский и позднегуннский период на территории камско-обского региона продолжает сохраняться и функционировать этнокультурное, хотя и весьма синкретическое, но единство. При этом гуннское политическое господство, которое осуществлялось, скорее всего, на позднем этапе IV–V вв. ни в коей мере не изменило общеугорскую культурную доминанту; более того, по точному определению А. А. Казакова, гуннское влияние на племена Верхней Оби подготовило благоприятную почву для последующей тюркизации этого региона [Казаков, 1996. С. 176].

Однако при этом не стоит считать, что процесс тюркизации этого макрорегиона протекал в однонаправленном векторе (например, с востока на запад) и имел поступательный историко-культурный характер. Те раннетюркские инновации, которые имели место на единцовском этапе верхнеобской культуры, о которой упоминалось выше, на наш взгляд, не были решающими культурными преобразованиями в раннетюркский период VI–VIII вв.

В это время основные подвижки и этногенетические процессы происходят в средней части урало-сибирской археолого-этнографической области. Продвижение угро-самодийского северного лесного населения в Поиртышье и Притоболье (цв. вклейка, рис. 5, 41), которое наметилось на рубеже эр на сперановском этапе потчевашской культуры, наибольшую мощность приобретает с середины I тыс. н. э. Вероятнее всего, это обуславливается благоприятными условиями, которые складываются на Среднем Иртыше и Притоболье с окончательным распадом саргатской общ-

Рис. 120. Гуннское время в лесостепном Обь-Иртышье (IV–V вв.) (по: [Уманский, 1974; Molodin, 1995; Егоров, Горбунов, 1997]).

Fig. 120. The Hun period in the forest-steppe Ob-Irtyshe (IV–V centuries) (according to: Umanskiy, 1974; Molodin, 1995; Egorov, 1993; Gorbunov, 1997).

1, 3, 15, 29, 30, 32, 42, 50, 56, 60, 62, 65, 74, 81, 84, 85, 101, 102, 110, 129, 131, 133 – Ераска; 2, 6, 11–14, 33, 34, 39, 46, 58, 83, 88, 89, 111, 128 – Сонка 2, погребение 688; 4, 7, 23, 26, 31, 43, 51, 57, 59, 63, 66–69, 86, 87, 93, 94, 100, 113, 115, 135 – Тугозвонovo; 5, 8, 10, 16, 20–22, 24, 25, 27, 28, 35, 36, 40, 45, 47, 49, 53–55, 61, 64, 70–73, 75, 78–80, 90–92, 95–98, 103, 105, 108, 109, 112, 114, 116–118, 120–122, 126, 127, 130, 134 – Троицкий Елбан 1; 9, 37, 38, 41, 44, 48, 76, 77, 106, 107, 119, 123–125 – Елбан 2; 18, 19 – Черноозерье. 1 – план погребения (реконструкция); 18, 19, 45, 46, 98, 99, 120 – план курганов и погребений; 2, 3, 5, 6, 8–10, 14, 20–23, 25–29, 31, 35, 37, 38, 42, 47–56, 62, 70–80, 90, 101–111, 119, 121–132 – железо; 4, 13, 30, 33, 43, 59, 60, 63–69, 82, 84, 86–89, 90–97, 100, 112–119, 128–130, 132–135 – металл (бронза, серебро, золото), камень; 11, 12, 15, 32, 58 – камень; 15–17, 35, 36, 40, 41, 44 – керамика; 24, 34, 39, 53, 76, 77, 106, 107, 124, 125 – керамика

ности и перераспределением основных этнополитических очагов внутри Камско-Обского региона, о чем говорилось выше. Попробуем проследить основные этапы культурогенеза, происходившего в Tobol-Иртышье в VI–VIII вв. Основная суть его в конечном счете сводится к выявлению истоков формирования памятников кушнареновско-караякуповских типов, которые, по мнению большинства исследователей, соотносятся с культурой средневековых угров и башкир Урала.

Как известно, кушнареновские памятники появляются в центральных и западных районах Башкортостана и Татарстана в VI веке и встречаются здесь вплоть до VIII века [Казаков, 1981] (цв. вклейка, рис. 5; 107, 3, 4, 6–53). В их составе, в абсолютно подавляющем количестве в поселенческих комплексах, присутствуют образцы керамики, которые соотносятся с раннекараякуповским типом керамики. Этот тип керамики характеризуют сосуды с прочерченным (зигзаг, елочка) многорядным орнаментом, «жемчужинами», наколами. Погребальные комплексы с караякуповской керамикой обнаружены в наиболее восточных районах Башкирии и Южного Зауралья вплоть до Притоболья [Овчинникова, 1988. Рис. 1] (рис. 122, 31). Здесь они встречаются фактически в преобладающем (над позднекушнареновскими) количестве и датируются не ранее конца VIII века, существуя до X века Кушнареновские образцы в классическом представлении об этом типе (плоскодонные крынкообразные сосуды, орнаментированные многорядными поясами горизонтальных линий, косых насечек и с обязательным присутствием различных образцов фигурного штампа) [Мажитов, 1977; Генинг, 1972. С. 271] в Зауралье встречаются крайне редко. Известен один случай находки нескольких фрагментов керамики с характерным штампом в виде «гусеничек» из верхних слоев стоянки Веселовка I на реке Ай [Боталов, 2000. Рис. 42]. Возможно, сказывается недостаточная изученность территорий лесостепного Зауралья. Однако мы склонны предположить, что данная ситуация обусловлена особой природой и динамикой этнокультурных процессов, происходивших в этом регионе в конце раннего железного века и раннем средневековье. По вопросу происхождения караякуповских памятников большинство исследователей сходятся во мнении, что для территории Приуралья население этой культуры пришло. Исходным районом расселения караякуповцев является территория Южной Сибири (Обь-Иртышья) и Южного Зауралья [Генинг, 1972. С. 272; Матвеева Г. И., 1975. С. 21; Мажитов, 1977. С. 74; Могильников, 1983б. С. 89].

Попытаемся обосновать зауральские истоки возникновения караякуповского культурного комплекса. Безусловно, определяющее значение в этом случае играет керамический материал. С этой целью нами приводится сравнительная таблица керамической посуды, встречающейся в лесостепных памятниках Зауралья и Западной Сибири с первой половины I тыс. до н. э. до караякуповского периода включительно. Из таблицы хорошо видно, что основные формы караякуповских сосудов складываются в предшествующий период. Так, керамика кашинского типа (первая половина I тыс.) представлена приземистыми круглодонными горшками со слабо отогнутым невысоким венчиком (рис. 123, 75–77, 89–92, 101–103, 117, 118, 130, 131, 141, 142, 152). Вторая группа прыговского типа (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.) представлена круглодонными сосудами с шаровидным туловом и высокой отогнутой шейкой (рис. 123, 7–15, 26, 27, 29, 39, 41, 42, 54, 57). Данные формы керамики фактически клишируются в караякуповских образцах. Повторяются и орнаментальные традиции. Зональность (верх плеча, венчик сбоку и сверху) и элементы орнаментации (гребенчатый штамп, зигзаги, вертикальная и горизонтальная елочка) на кашинских, а также на прыговских (резные линии, многорядные зигзаги, горизонтальная и вертикальная елочка) сосудах продолжают развиваться в караякуповское время. Различием в формах керамики и орнаментальных мотивах кашинско-прыговского и караякуповского комплексов является большая изящность и тонкостенность

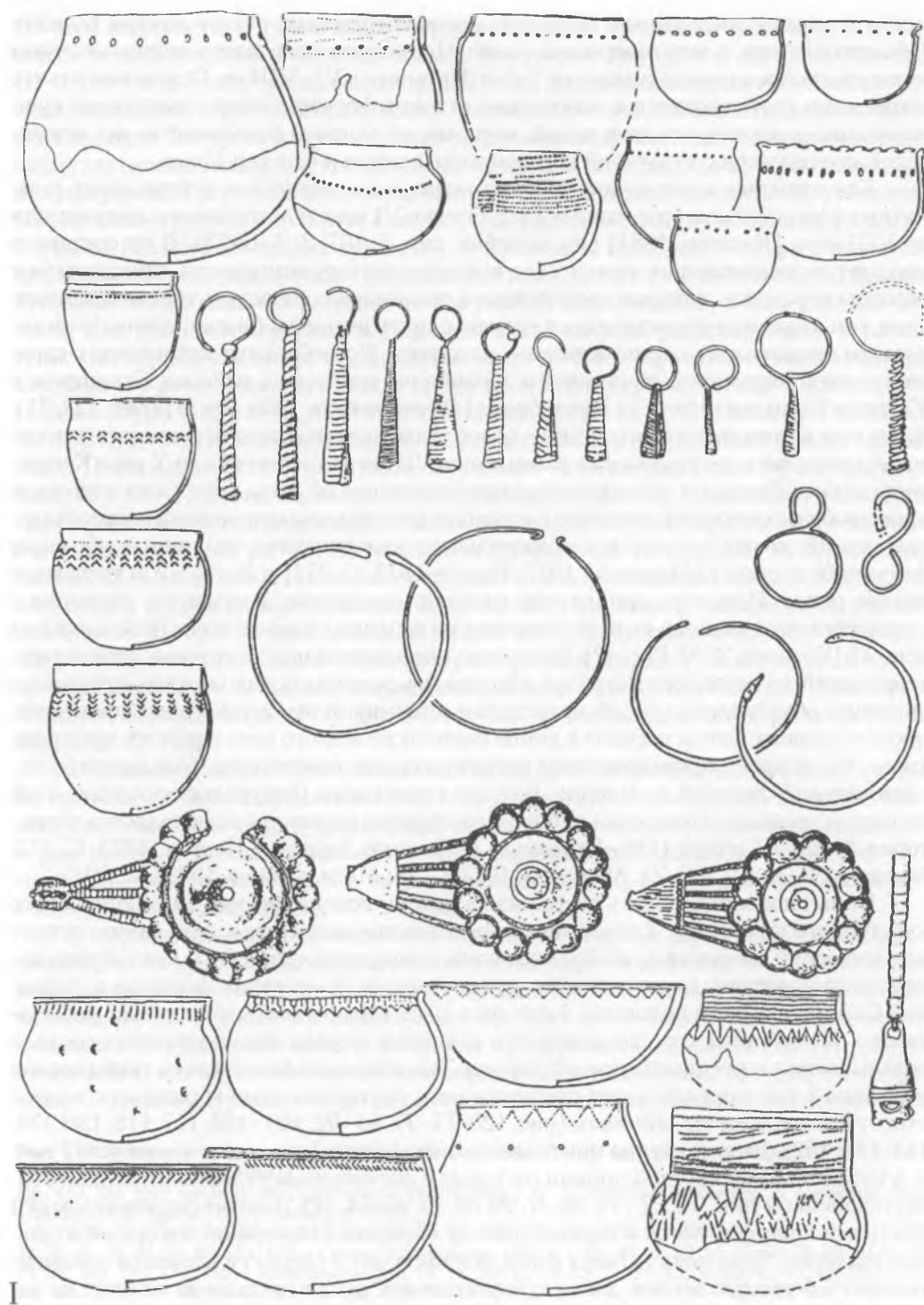
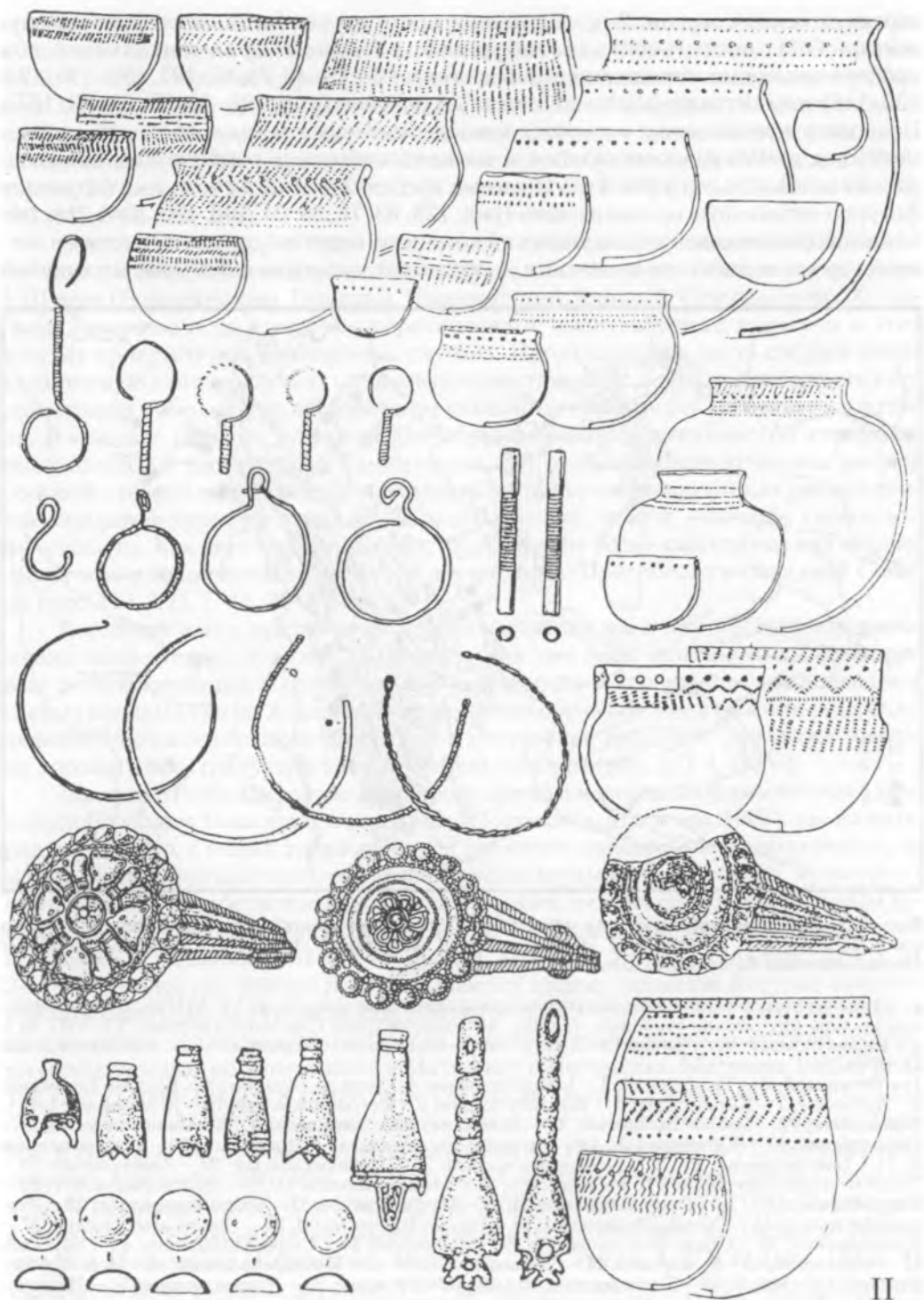

Рис. 121. Сравнительная таблица. Fig. 121. The table of comparison.

I – материалы из Западного Приуралья рубежа эр (пьяноборская, чегандинская, карабызская, азелинская культуры). I – materials from West Priuralye, the verge of eras (Pyanoborskaya, Chegandinskaya, Karaobyzskaya, Azelinskaya cultures);

II – материалы начала I тыс. н.э. Верхнего Приобья (фоминский, переходный этапы, верхнеобская культура, Барсова Гора). II – materials of the beginning of the I millennium AD from Upper Priobye (Fominskiy, transitional stages, Verkhneobye culture, Barsova Gora)

караякуповских сосудов. В орнаментации присутствует более отчетливая зональность. Она достигается своеобразной отбивкой орнаментальных зон прочерченными многоярдыми линиями (рис. 123, 43–46, 78, 80, 107, 108–110, 121, 122, 146) или оставлением незаполненных поясков (рис. 123, 30, 59, 60, 93, 157). Появляются также новые элементы: ярко выраженная строгая зональность в орнаментации, наколки, «жемчужины», а также своеобразные ромбические или квадратные шахматные узоры, выполненные гребенчатым штампом, имитирующие фигурно-штамповую орнаментацию (рис. 123, 63, 78, 80, 94, 106, 120, 134). Эти инновации привнесены в караякуповский комплекс, вероятно, вместе с притоком лесного угро-самодийского населения – носителей культуры с фигурно-штамповой

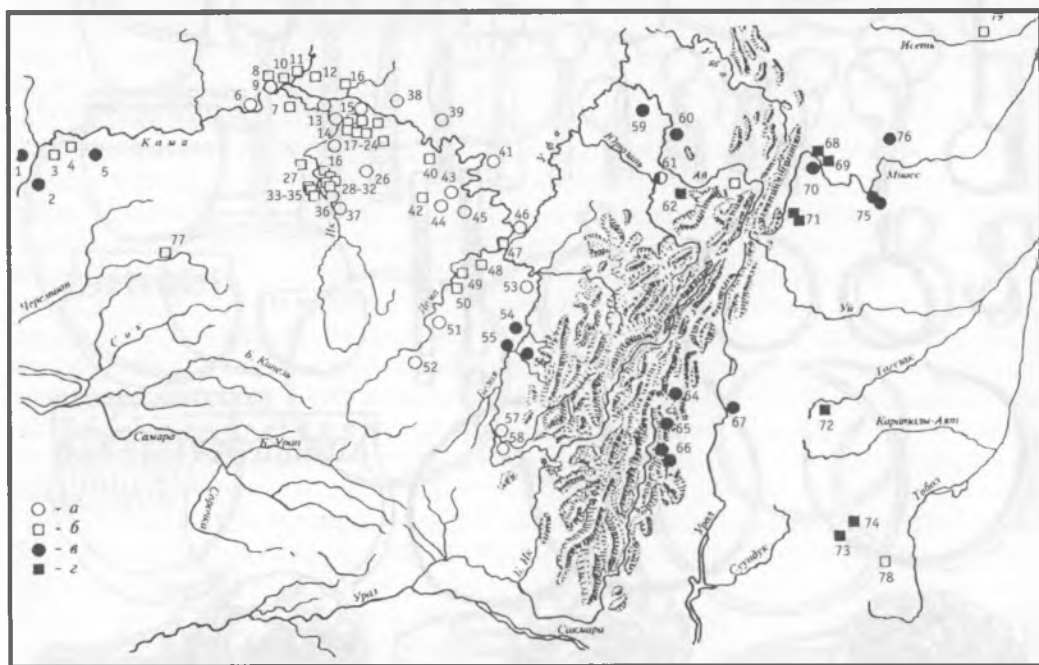

Рис. 122. Карта распространения памятников кушнаренковской и караякуповской культур (по В. Ф. Генингу; Е. П. Казакову; Г. Н. Гарустовичу; В. А. Иванову; С. Г. Боталову). *Fig. 122. The map of Kushnarenkov and Karayakupov culture monuments spreading*

а – кушнаренковско-караякуповские игольники и одиночные погребения VI–VIII вв.; б – кушнаренковско-кара-якуповские городища, селища, местонахождения (предположительно VI–VIII вв.); в – караякуповские могильники IX–X вв.; г – кара-якуповские городища, селища, местонахождения IX–X вв.

1 – Тетюшский; 2 – Танкеевский; 3 – I Щербаковское; 4 – селище «Курган»; 5 – Больше-Тиганский; 6 – Луговское; 7 – Кырнышское; 8 – Верхнесуганское; 9 – Петропавловский; 10 – Кузеебаевское I; 11 – Благодатное; 12 – Татарско-Чилчикское; 13 – Игимский; 14 – Чишминский; 15 – Такталачукский; 16 – Иманлейский; 17 – Юртовская IV; 18 – городище Такталачук; 19 – Иртышское; 20 – Биксентаевское II; 21 – Биксентаевское IV; 22 – Биксентаевское VII; 23 – Мариямалинское; 24 – Азметьевская; 25 – Татарско-Азиевское II; 26 – Новобикинский; 27 – Меллятамакское II; 28 – Меллятамакское V; 29 – Старо-Варяжское I; 30 – Старо-Варяжское II; 31 – Муслюмовское; 32 – Старо-Чекмакское; 33 – Русско-Шуганское; 34 – Русско-Шуганское I; 35 – Русско-Шуганское II; 36 – Ново-Сасыкульский; 37 – Куштерьякский; 38 – Старо-Янзигитовский; 39 – Манякский; 40 – Старо-Калмашское; 41 – Бирский; 42 – Чатринское; 43 – Береговский; 44 – Сантыштамакский; 45 – Кушнаренковский; 46 – Ново-Турбаслинский; 47 – Уфа II; 48 – Таптыковское; 49 – Кара-Якуповское; 50 – Чукраклинское; 51 – Ибраевский; 52 – Тулбаевский; 53 – Шареевский; 54 – Стерлитамакский; 55 – погребение Ишимбай; 56 – Ишимбайский; 57 – Береговский; 58 – Красногорский; 59 – Каранаевский; 60 – Старо-Халиловский; 61 – Лагереvский; 62 – Сикияз-Тамак; 63 – Веселовка; 64 – Муракаевский; 65 – Хусаиновское; 66 – Бекешевское I, II; 67 – Наровчатский; 68 – Сигаево; 69 – Аргазь; 70 – Байрамгулово; 71 – Каскаскинский, Коваленковский; 72 – Варна; 73 – Селенташ; 74 – Кайсай; 75 – Синеглазово I, II; 76 – Граултры; 77 – Татарско-сунгелееvское; 78 – Берсуат; 79 – Больше Бакальское городище

орнаментацией керамической посуды. Ареал племен, сложившихся ранее на основе кулайской общности, включает обширные территории Обь-Иртышья [Расторопов, 1993. С. 145]. Образцы с фигурно-штамповой орнаментацией появляются в Южном Зауралье – молчановские (городище Туман I, Уфа IV, Мурино, Янычково, Больше-Бакальское, Коловское) и на юге Западной Сибири – потчевашские (городища Логиновское, Инкуль, могильники Лихачевский, Сабурово) в IV–VI вв. н. э. [Викторова, Морозов, 1993. С. 176. Рис. 2; Матвеева Н.П., 2006] (рис. 123, 104, 119, 132, 133, 143, 144, 153–156).

Однако, здесь следует сделать одно очень существенное дополнение. В данной таблице рассматривается караякуповская керамика из комплексов не ранее конца VIII века (Байрамгулово, Граултры, Наровчатский, Кайнсай, Старолыбаево, Хусаиново, Бекешево и др.), поэтому перечисленные инокультурные элементы в этих сосудах присутствуют в единичных случаях. Преобладающая часть сосудов имеет характерную для зауральских горшков предшествующего периода зональность в орнаментации и абсолютное преобладание различных композиций гребенчатого штампа. В отличие от этого классические образцы раннекараякуповской керамики, появившиеся в поселенческих комплексах центрального Башкортостана, несут в большей степени основные черты, которые стали определяющими для ранних комплексов караякуповского типа: многорядные резные зигзаги, «слочки», «жемчужины», наколы. Как явствует из таблицы, эти элементы более характерны для поздне-саргатских и прыговских памятников лесостепного Притоболья и Западной Сибири (рис. 123, I, II, 7–15, 26–29, 54).

Вероятнее всего, приток этого нового населения имел важное значение в сложении караякуповской культуры. Однако, как уже было упомянуто выше, основные формы керамики и орнаментальные традиции в караякуповском комплексе своими корнями уходят к кашинско-прыговским образцам, а те, в свою очередь, складываются под воздействием саргатских и иткульских традиций. Это также довольно хорошо иллюстрируется левой стороной таблицы (рис. 123, I, IV, V).

Данная ситуация довольно ярко проявляется в материалах керамического комплекса Большого Бакальского городища [Потемкина, Матвеева, 1997], где на материалах единого, с нашей точки зрения*, горизонта одновременно наблюдается, по меньшей мере, четыре типологические группы керамики и, вероятно, культурных компонента. 1-я, собственно бакальская с резным гребенчатым и накольчатый орнаментом [Потемкина, Матвеева, 1997. Рис. 6–8], совершенно справедливо помещаемая К. В. Сальниковым в IV–VII вв. [Сальников, 1956. С. 214] (рис. 124, I, 3). 2-я – керамика, где хорошо просматриваются лесные традиции фигурно-штамповой керамики Приобья (карымский, зеленогорский этапы), а также характерные для потчевашской культуры логиновско-лихачевские черты западно-сибирской лесостепи (средневековая по Потемкиной и Матвеевой) [Потемкина, Матвеева, 1997. Рис. 5, 1, 4, 5, 6, 7] (рис. 124, I, 1), датируемая VI–VII вв. [Генинг, Евдокимов, 1969. С. 125]. 3-я – прыговско-кашинская, возможно батырская и неволинская, с ложношнуровой и гребенчатой орнаментацией (юдинская по Потемкиной и Матвеевой) [Потемкина, Матвеева, 1997. Рис. 10] (рис. 124, I, 2), датируемая серединой – началом второй половины I тыс. н. э. [Викторова, Морозов, 1993. С. 174–183]. И, наконец, 4-я группа – кушнареновско-караякуповская (средневековая, юдинская по Потемкиной и Матвеевой) [Потемкина, Матвеева, 1997. Рис. 5, 1, 2; 6, 6] (рис. 124, I, 4), которая тоже не выходит за рамки VI–VIII вв. Аналогично этому раннебакальский горизонт, в котором четко просматривается генезис кушнареновско-караякуповских традиций, представлен на других городищах и могильниках Притоболья

* Эти выводы автору позволяют сделать предварительные результаты полевых исследований Больше-Бакальского городища в 2006 году.

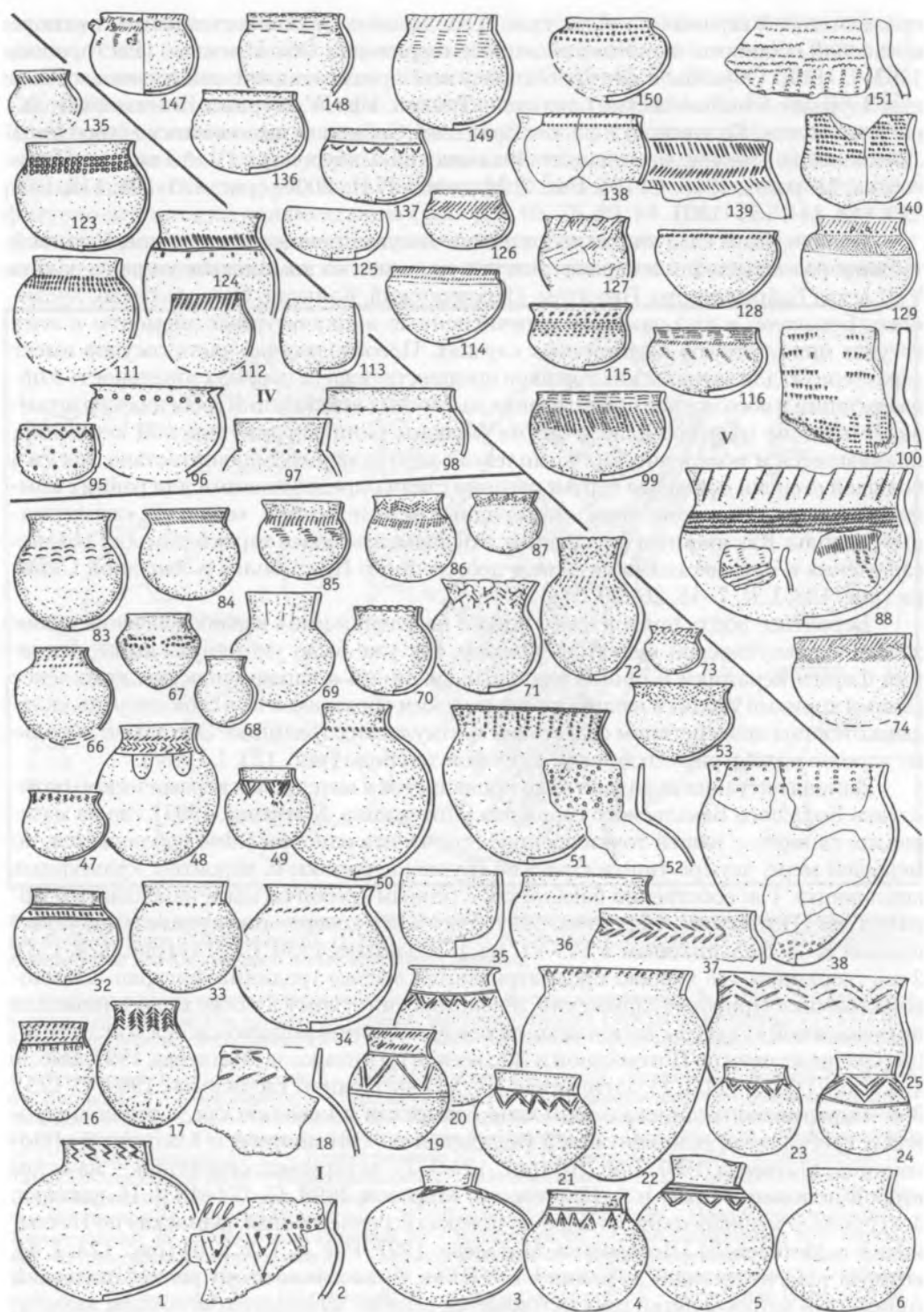
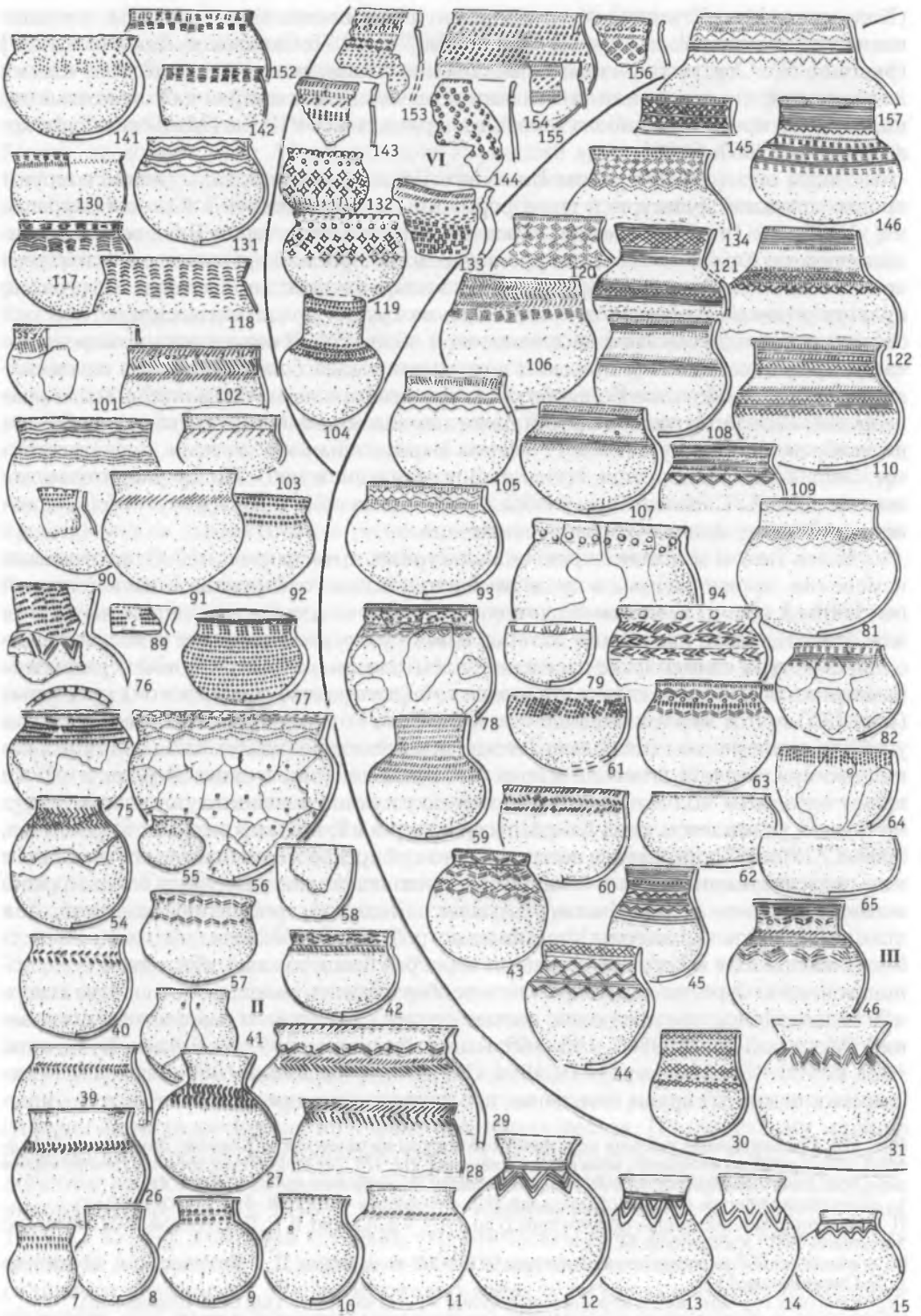

Рис. 123. Сравнительная таблица керамической посуды из памятников Южного Зауралья и Западной Сибири раннего железного века и средневековья. Fig. 123. The table of comparison of ceramic kitchen ware from South Zauralye and West Siberia monuments of the early Iron Age and Middle Age

(Коловское, Усть-Утякское, Красногорское, Козловский, Усть-Тара VII), исследованных в последние годы [Матвеева Н. П., 2007. С. 63–75; Скандаков, Данченко, 1999] (рис. 124, II). Стратиграфические наблюдения и калиброванные даты, полученные по углю и дереву, позволили тюменским исследователям прийти к окончательному выводу о датировании данного горизонта в рамках VI–VIII вв. [Матвеева, Рафикова, Берлина, 2007. С. 98].

Таким образом, материалы Большого Бакальского городища демонстрируют процесс сложной культурной трансформации, происходившей в Южном Зауралье в V–VII вв. н. э., в результате чего, вероятнее всего, на территории Тобольского вначале, а позже и Камского бассейна происходило не просто формирование кушнареновско-караякуповского горизонта, но и локальное восстановление и интеграция культур угро-самодийского единства. Весьма трудно представить синкретический облик раннесредневекового населения этой общности. В определенной мере некоторое представление о бакальском антропотипе дает бронзовая литая подвеска-личина, найденная в слое Большого Бакальского городища. В характерной для раннесредневековой техники угорской пластики она объемно и достаточно реалистично изображает мужскую голову с весьма выразительными чертами лица (вытянутое лицо, крупный нос, уши, срезанный подбородок и лоб). По предварительному заключению Л. Т. Яблонского, изображение весьма ярко характеризует облик древнего уральского финно-угорского населения.

Как в целом выглядел процесс культурных трансформаций? Существенные изменения, произошедшие в среде населения Южного Зауралья в начале второй половины I тыс. н. э., имели кардинальное значение для смены состава населения или значительного изменения материальной культуры. Вероятнее всего, западно-сибирское угро-самодийское население (носители фигурно-штамповой керамики — памятники батырского типа и потчевашской (логиновско-лихачевской) культуры) (рис. 125) в этот период активно взаимодействует с зауральскими лесостепными угорскими племенами (позднесаргатские памятники и комплексы бакальского, кашинско-прыговского и неволинского типов). Последние, в свою очередь, в это же время находятся под мощным влиянием со стороны кочевого гунно-сарматского населения (комплексы типа Байрамгулово, курган 2; Малково, курган 1) [Боталов, 2000. С. 286–287]. Вероятнее всего, западно-сибирское молчановско-потчевашское и зауральское позднесаргатское кашинско-прыговское население было весьма близко в этнокультурном плане. На это указывает единство погребальных традиций. Для этих памятников характерны курганные погребения семейными группами, в неглубоких могильных ямах с деревянными перекрытиями, рамами, обкладкой стен, использованием бересты для покрытия или обертывания умерших, господство северной или западной ориентировок, частые случаи ритуального разрушения погребений [Могильников, 1987. С. 165–168; Генинг, Зданович, 1987; Корякова, Буддашов, 1997. С. 130–137; Матвеева Н.П., 1994. С. 113–118; Корякова, 1988. С. 44–59]. Микширование данных групп населения, произошедшее в середине I тыс. н. э., оконча-

Рис. 123. Сравнительная таблица керамической посуды из памятников Южного Зауралья и Западной Сибири раннего железного века и средневековья. Fig. 123. The table of comparison of ceramic kitchen ware from South Zauralye and West Siberia monuments of the early Iron Age and Middle Age.

I – саргатская культура (по: Л.Н. Коряковой, В.А. Буддашову, Потро Ж.-П.; Л.Н.Коряковой).
 II – памятники кашинско-прыговского типа II до н. э. – V в. н. э. (по: В. Д. Викторовой, В. М. Морозову; Матвеевой Н.П.; Хабдулиной М.К.).
 III – памятники кара-якуповской культуры VIII – IX вв. н. э. (по: С. Г. Боталов; Н. А. Мажитову; Б. Б. Овчинниковой).
 IV – памятник гороховского и воробьевского типов VI – II вв. до н. э. (по: С. В. Шараповой).
 V – памятники иткульской культуры IV–III вв. до н. э. (по: А. Д. Таирову; С. В. Шараповой).
 VI – памятники с фигурно-штамповой керамикой – туманский, молчановский, тынский типы – середины I тыс. н. э. (по: Л. Н. Коряковой, В. М. Морозову, Т. Ю. Сухановой; В. Д. Викторовой, В. М. Морозову)

тельно сгладило культурные особенности потчевашско-батырского и позднесаргатского кашинско-прыговского населения. По всей видимости, Южное Зауралье являлось своеобразным транзитным районом для западно-сибирских угро-самодийских племен. Их миграция началась во второй половине I тыс. н. э. Вначале они проникают в Среднее Притоболье, далее, перейдя через Зауралье вдоль рек Исеть и Миасс, по долине реки Ай, пересекают Уральский хребет (стоянка Веселовка I). Выйдя в Месягутовскую лесостепь (ранние Лагереvские курганы), они расселяются в бассейнах рек Белая и Кама (рис. 122, 20). После чего здесь появляются памятники с кушнарeнковской и раннекаракуповской керамикой VI–VIII вв. Такая реконструкция позволяет объяснить сохранение в кушнарeнковской посуде более выраженных элементов и традиций орнаментации фигурно-штампованного облика.

На следующем этапе зауральское каракуповское население, окончательно сформировавшееся к концу VIII века в результате диффузии местного угорского населения (кашинско-прыговского и неволинского типов) и переселенцев из юго-западной Сибири (молчановско-потчевашского типа), освоило обширные территории Южного Зауралья и Приуральских предгорий. К IX веку на юге они достигли среднего течения реки Урал и бассейна Сакмары (Наровчатский, Тавлыкаевский), где вступили в контакт с тюркским населением селенташского типа (Кайнсай, курган 14, Селенташ, курган 4) [Боталов, 2000. С. 289–317]. Крайне западным районом проникновения каракуповцев (второго этапа) являются низовья реки Камы, где появляются общеизвестные памятники: Больше-Тигановский, Больше-Тарханский, Чишмийский, Танкеевский и другие погребальные комплексы.

Столь значительный отрыв западной группы памятников (почти на 1000 км) от автохтонных территорий наводит на мысль о том, что на этом этапе единоразовая миграция (либо постепенное освоение) каракуповцев протекает маршрутом, по которому почти три века ранее расселилось кушнарeнковское и раннекаракуповское население: Месягутовская степь (Лагереvские, Каралаевские, Старо-Халимовские курганы), далее, минуя бассейн рек Уфа и Белая, в Нижнее Прикамье (Больше-Тиганский, Танкеевский, Чишминский и др. могильники). Однако, в отличие от первого этапа, надежно датируемые каракуповские памятники IX–X вв. в приуральском Башкортостане фактически отсутствуют. Исключение составляют Стерлитамакские и Ишимбаевский курганы, расположенные в предгорной части Южного Приуралья. Складывается впечатление, что позднее Каракупово районируется в это время в двух ареалах: большой — «вокруг Урала», по образному выражению В. А. Иванова [Иванов, 2000. С. 35–37], и малый — в Низовьях Камы (рис. 122, 1–5). Таким образом, кушнарeнковский (VI в.) и каракуповский (IX в.) миграционные этапы, на наш взгляд, были существенно различными по своему характеру и содержанию культурными явлениями. Предположить, что весь лесостепной пояс от Тобола до низовий Камы (включая весь Башкортостан и Восточный Татарстан) был единым ареалом расселения, длительного сложения и существования единого населения каракуповской культуры, следуя логике нашей реконструкции, довольно сложно. Хотя теоретически этот факт исключать нельзя. По известному мнению ряда авторов, каракуповские памятники IX–X вв. лесостепного Урала, как и аналогичные им нижекамские комплексы, связаны с угро-мадьярским населением [Халикова, 1975. С. 35–42; 1976. С. 145–150; Иванов, 1999. С. 80–81; 2002; Халиков, 1984. С. 45–47]. Учитывая тот факт, что комплексы типа Больше-Тиганского могильника появляются в Прикамье в своем законченном облике в IX веке, хотя, в отличие от зауральских, они не имеют здесь своих культурных истоков, следует предположить, что каракуповские (мадьярские) комплексы появляются в этих районах Татарстана в период расширения на запад всего протомадьярского историко-культурного горизонта. Этот этап, как известно, начинается в VIII веке и заканчи-

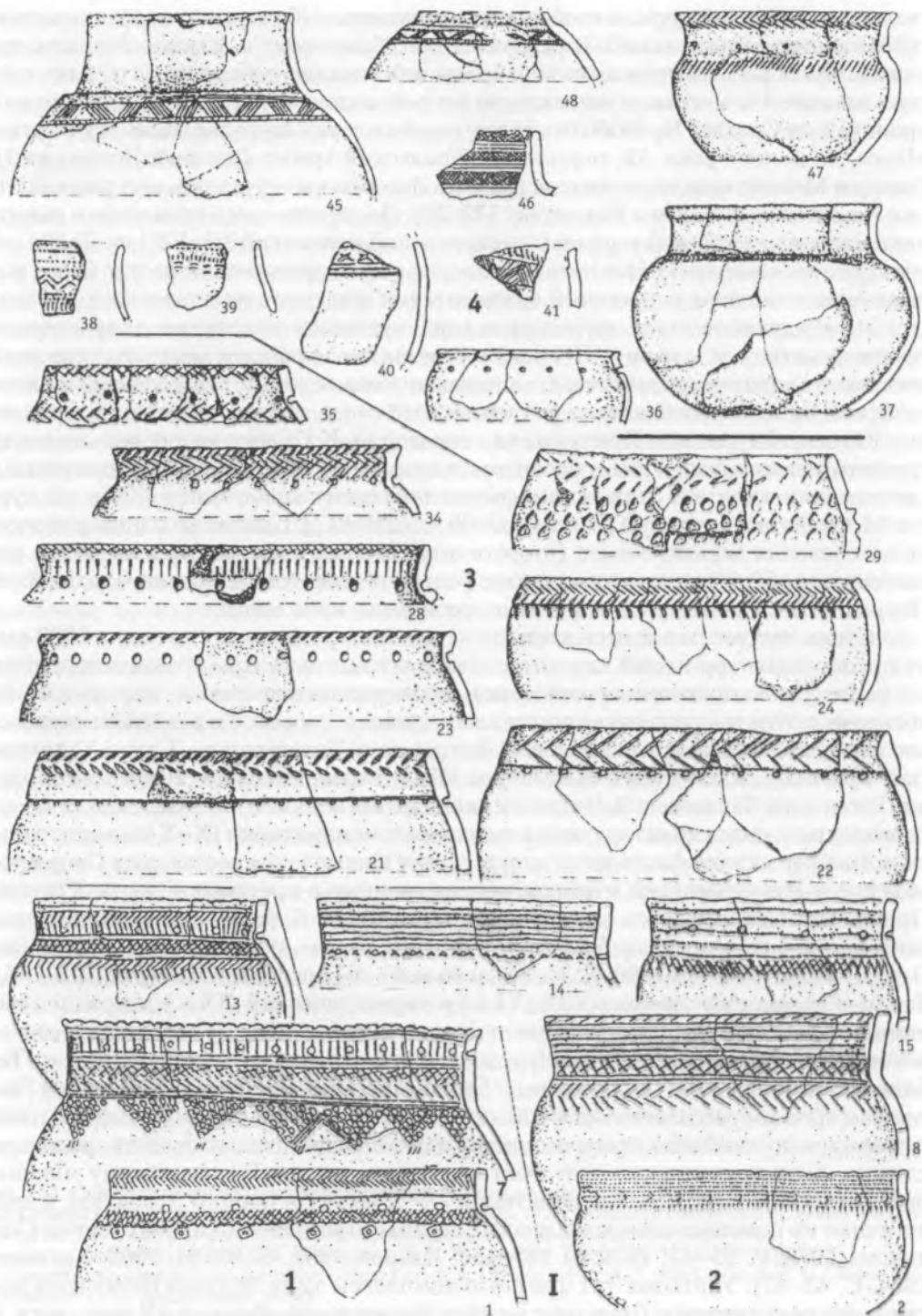
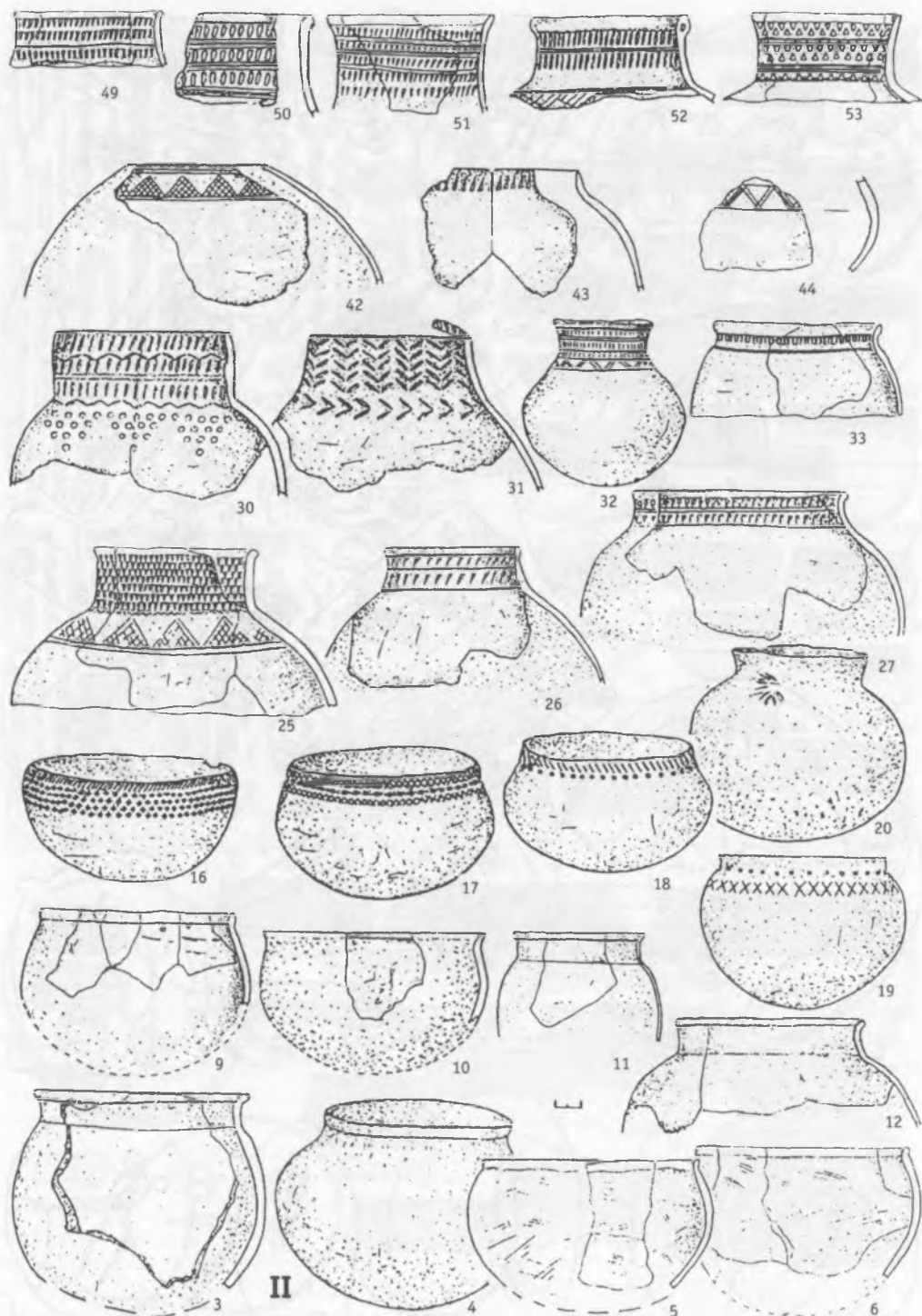

Рис. 124. I – Типологические группы керамики Больше-Бакальского городища. I – *Typological groups of ceramics from Bolshoe-Bakalskoye ancient settlement site*

1 (1, 7, 13) – лесная фигурно-штамповая керамика карымского (зеленогорского) типа; 2 (2, 8, 14, 15) – шнуровая керамика батырско-неволинского типа; 3 (21–24, 28, 29, 34, 35) – керамика основного бакальского типа; 4 (36–41, 45–48) – керамика кушнаренковско-караякуповского типа;

II – Керамика кушнаренковско-кара-якуповского типа из городищ Притоболья (по: [Н. П. Матвеева, 2007]): II – Ceramics of Kushnarenkov-Karayakupov type from ancient settlement sites of Pritobolye (according to: [N. P. Matveeva, 2007])
 5, 6, 9, 25, 33, 44, 49, 53 – Усть-утиак; 3, 10, 11, 26, 27, 30, 31, 42, 43, 50–52 – Коловское; 4, 16–20, 32 – Козловский

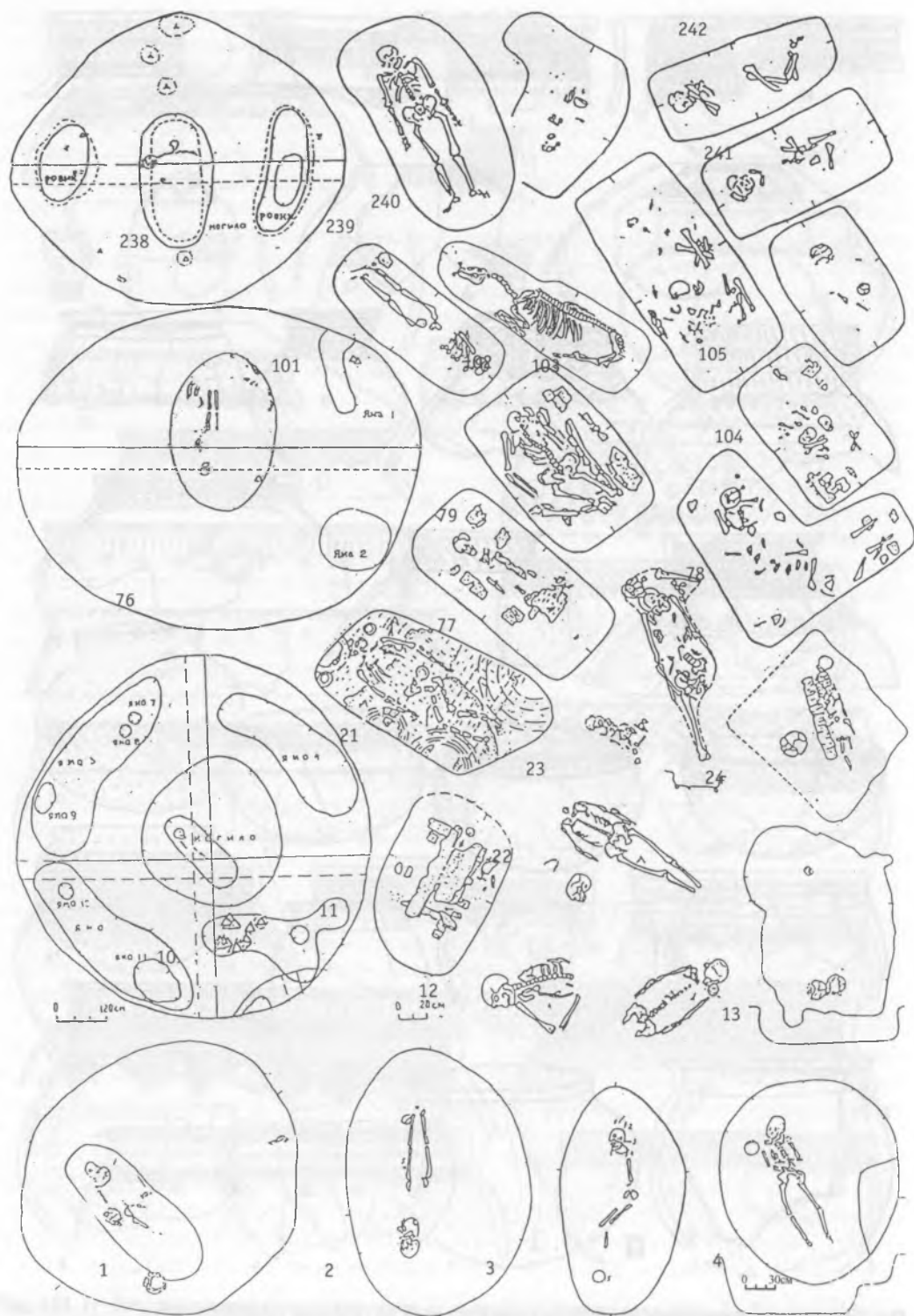

Рис. 125. Комплексы с фигурно-штамповой керамикой (потчевашская культура) лесостепной зоны Западной Сибири (по: [Генинг, Зданович, 1987; Елагин, Молодин, 1991; Скадаков, Данченко, 1999])

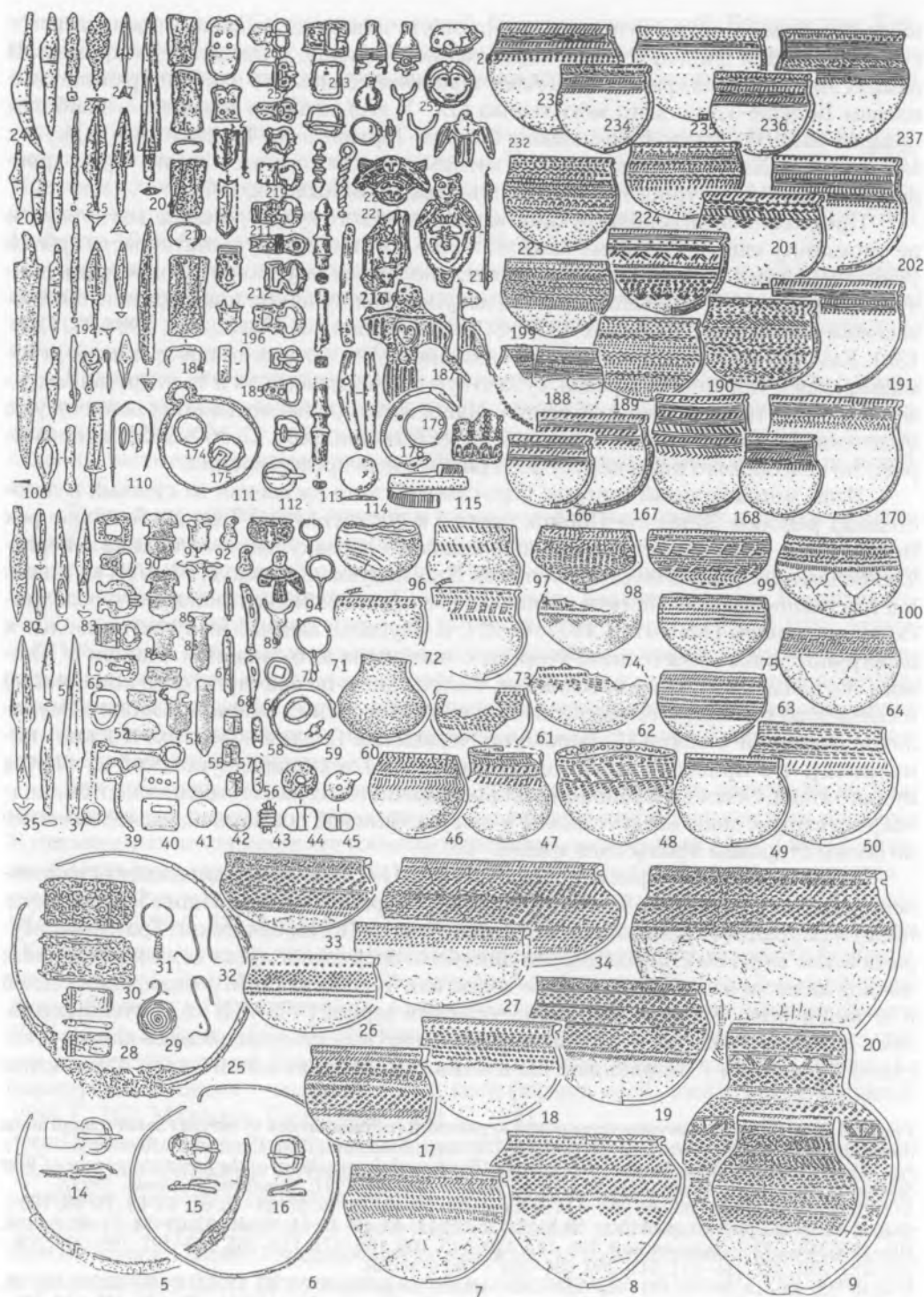

Fig. 125. The complexes with figure-punch ceramics (Potchevashskaya culture) of the forest-steppe zone of West Siberia (according to: [Gening, Zdanovich, 1987; Yelagin, Molodin, 1991; Skandakov, Danienko, 1999])

вается концом IX века. Интересен тот факт, что динамика движения древненевгерского населения фиксируется, в определенной степени, в пределах Татарстана. В рамках этого региона крайнее восточное положение занимают наиболее ранние комплексы Больше-Тиганского могильника (IX–X вв.), крайнее западное — наиболее поздние раннеболгарские комплексы Больше-Тарханского, Танкеевского и других могильников X–XI вв., в материалах которых прослеживаются яркие черты древненевгерского культурного облика [Халикова, 1976; Казаков, 1972].

Предложив свою реконструкцию караякуповского культурогенеза, мы не вправе не упомянуть еще одну весьма важную точку зрения, которую отстаивает глубоко уважаемый нами Н. А. Мажитов относительно этнокультурной интерпретации данных памятников. В его изложении караякуповская культура принадлежит средневековым башкирам [Мажитов, 1977. С. 39–43; Мажитов, Султанова, 1994. С. 122–180]. Как нам представляется, до сегодняшнего дня эти две точки зрения — угромagyarская и тюрко-башкирская, существуют автономно, хотя и та, и другая содержат в своей сути рациональную основу. Наша точка зрения по данному вопросу, уже намеченная ранее [Боталов, Бабенков, 1998; Боталов, 2000. С. 360–365], не принимает, но своеобразно интегрирует все приведенные представления.

Итак, миграционный импульс угро-самодийского населения из степных и лесостепных районов Западной Сибири привел к появлению в VI веке в бассейне рек Белая, Ик и Кама памятников кушнаренковско-караякуповского облика в нерасчлененном виде (матричный протоэтнос). В последующий период (VI–VIII вв.) здесь идет активное взаимодействие пришельцев с местным бахмутинским и турбаслинским населением [Мажитов, 1977. С. 31]. В Зауралье данный импульс приводит к перегруппировке лесостепного угорского населения юго-западной Сибири и Южного Зауралья (капинско-прыговские, бакальские и позднесаргатские комплексы) и смешению его с угро-самодийскими племенами лесных районов Южного Зауралья и Западной Сибири [батырско-потчевашские (логиновско-лихачевские) памятники], что приводит к формированию к VIII веку караякуповской культуры второго этапа. Основным районом распространения этих памятников являются ландшафтно схожие зоны месягутовской и причелябинской лесостепей, расположенные по обеим сторонам Уральского хребта.

Расширение этого ареала происходит в VIII–IX вв. в меридиональном направлении вдоль предгорной полосы Приуралья (Стерлитамакские, Ишимбаевские курганы) и Зауралья (Хусаиновские, Бекешевские I и II, Наровчатские, Граултры, Муракаевские курганы). Вероятно, эта динамика очерчивает ареал сезонных кочевых циклов данного населения, которые достигали Тургайских и Мугоджарских степей в летний период. Кроме того, в раннетюркский период (VI–VIII вв.) в степных районах Южного Урала идет активное взаимодействие кушнаренковско-караякуповского населения с тюркскими кочевниками, оставившими здесь памятники

Рис. 125. Комплексы с фигурно-штамповой керамикой (потчевашская культура) лесостепной зоны Западной Сибири (по: [Генинг, Зданович, 1987; Елагин, Молодин, 1991; Скандаков, Данченко, 1999]).
Fig. 125. The complexes with figure-punch ceramics (Potchevashskaya culture) of the forest-steppe zone of West Siberia (according to: [Gening, Zdanovich, 1987; Yelagin, Molodin, 1991; Skandakov, Danienko, 1999]).
 1–10, 14–19, 25–29, 31–33, 76, 238 – Усть-Тара-VII; 12, 13, 23, 36, 37, 44–46, 61, 63, 64, 75, 98, 100 – Сопка; 49, 24, 52, 60 – Старый Сад; 10, 11, 21, 35, 38, 41–43, 47–49, 51, 53–59, 62, 65–74, 77–82, 84–98, 101–105, 240–242 – Лихачевский; 106, 107, 110–115, 166, 168–171, 174–185, 187–197, 199–206, 208–213, 215–230, 232, 234–237, 243–259, 261–263 – Окуневский.
 1–4, 10–13, 21–24, 76–79, 101–105, 238–242 – планы погребений; 36, 35, 51, 65, 83, 89, 69, 81, 83, 93, 104, 113, 177, 183, 195, 209, 215, 220, 254 – кость; 39, 80, 102, 106, 107, 110, 111, 171, 174, 181, 184, 192–194, 206, 208, 210, 221, 229, 230, 243–249, 253, 254, 258 – железо; 5, 175 – железо-бронза; 6, 16, 29, 31, 32, 112, 115, 176, 178, 180, 182, 185, 187, 196, 197, 203, 204, 211–213, 216, 217, 219, 222, 225–228, 232, 250–252, 255–257, 259, 261–263 – бронза; 15, 14, 25, 28, 30 – бронза-кожа; 40, 38, 41, 42, 55, 87, 56, 38, 67, 43, 57, 101, 85, 88, 53, 59, 95, 86, 52, 103, 70, 90, 54, 105, 84, 92, 90, 94 – бронза, серебро, олово; 7–9, 17–20, 26, 27, 33, 34, 44–50, 60–64, 72–75, 96–100, 166–170, 188–191, 199–202, 223, 224, 233–237 – керамика

селенташского типа (Султантимировский, Нижнедаветовский, Баишевские, Кайнсай, Селенташ, Елантау и др.), в которых наряду с общетюркскими образцами посуды соседствуют горшки кушнаренковско-караякуповского облика (Кайнсай, курган 14, Селенташ, курган 4).

На следующем этапе (VIII–IX вв.) начинается продвижение кимако-кыпчакского стросткинского населения из районов Прииртышья (цв. вклейка, рис. 6, 18). По своему этнокультурному облику это были племена, относящиеся к кругу тюркизированного угорского населения юго-западной Сибири [Савинов, 1979; 1984; Неверов, 1988; Молодин, Савинов и др., 1988. С. 164–167].

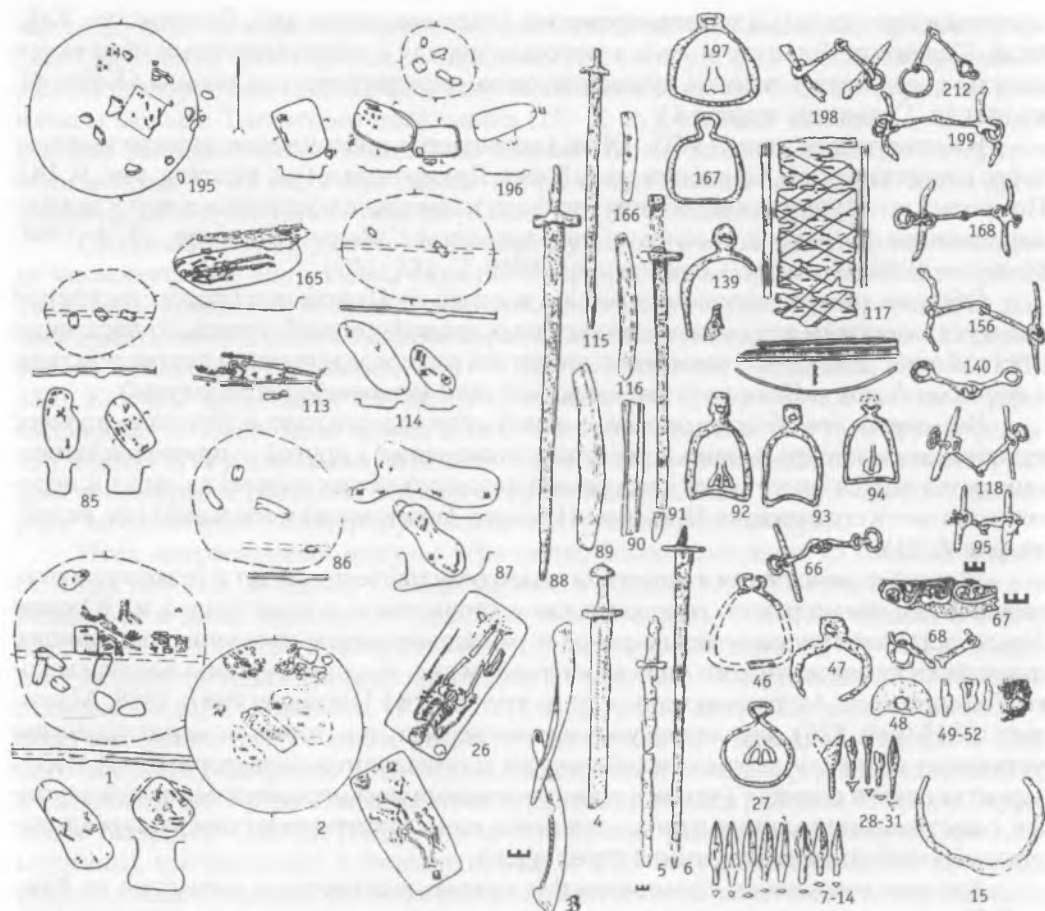
Образно говоря, продвинувшееся с востока из Приобья и Барабы население является конечным результатом культурных трансформаций угорского населения этих районов, длительное время находившегося в непосредственном взаимодействии с тюрками Алтая и Саян (юрт-акбалыкский этап Верхнеобской культуры).

Возможно, это обстоятельство, с одной стороны, усилило и ускорило процесс тюркизации южноуральского лесостепного населения, с другой — привело к движению остающихся более угрокультурными караякуповских племен на запад и переселению части его в нижнее Прикамье (Больше-Тигановский могильник) (цв. вклейка, рис. 6, 21).

Данные перемещения в конечном своем результате приводят к резкому смещению всего правенгерского горизонта как в степи, так и в лесостепи, а на Южном Урале складывается раннебашкирское и раннекыпчакское население, оставившее памятники синеглазовского типа (Синеглазовские, поздние курганы Каранаевского, Лагерева, Муракаевского и др. могильников) [Боталов, 1987; 1988; Мажитов, 1981] (рис. 126), характеризующиеся комплексами, в которых исчезает традиция установки в могилу керамической посуды и появляются характерные предметы «сросткинского облика» (удила с перекрученными восьмерковидными окончаниями, с костяными псалями в виде «сапожка» или «ласточкиного хвоста», трехлопастные бронебойные наконечники стрел и др.).

Как уже говорилось, проникновение кимако-кыпчакского населения на Южный Урал и уход мадьяр — вероятно, звенья единого этнополитического процесса. В письменных источниках это событие отразилось в сведениях Абул-Гази. В легенде об Огуз-хане указывается на то, что для усмирения взбунтовавшихся народов — урусов, олаков, маджари и башкурт — Огуз-хан посылает младшего сына Кыпчака [Кононов, 1958. С. 43]. Это событие, по сведениям Масуди, относится к началу X века. Обращает внимание то, что маджары (маджары) упоминаются в связке с башкирами (башкурт). Этот факт отнюдь не случаен. Ал Масуди, упоминая о племенах мадьяр и башкурт в Причерноморье, говорит о них также в едином контексте [Кузеев, 1971. С. 21; Бейлис, 1963. С. 12]. Константин Багрянородный также, приводя список венгерских племен Паннонии X в., в одном ряду помещает мадьяр (медьяр) и башкирские племена — дьярмат, генах, кеси (юрмат, еней, кеси) [Багрянородный, 1989. С. 163; Мажитов, Султанова, 1994. С. 134].

Приводимые данные дают возможность предполагать, что башкурт и мадьяр были весьма близкими в этнокультурном плане племенными объединениями, что позволяет говорить о схожести их материальных культур. Следовательно, караякуповская культура на каком-то этапе могла с равным успехом принадлежать и первым и вторым. Однако с мадьярским исходом на смену собственно караякуповским комплексам приходят уже упоминавшиеся памятники IX–XI вв. На Урале это комплексы Синеглазово, Каранаевский, Лагерева могильники, а также Житимакские, Муракаевские, Тавлыкаевские, Идельбаевские, Колычевские курганы. В Западном Казахстане к этому кругу относятся курганы Атпа II (курган 2), Болгарка I, Эмба, Турбаза (курган 1), Уркач I [Гуцалов, 1993]. В возникновении их А. А. Бисем-

баев справедливо склонен усматривать влияние со стороны угорского и башкирского ареалов [Бисембаев, 2001. С. 154–155]. Вероятнее всего, в этот период возобновляется функционирование урало-аральской пастбищно-кочевой системы, в рамках которой и складывается ареал этнического объединения башкорт [Кузеев, 1971].

Мадьярский исход кардинально изменил этническую карту Южно-Уральского региона. Угорская культурная доминанта к X веку постепенно уступает место тюркскому господствующему влиянию на лесостепное и степное население Южного Урала. Не случайно с этого времени в письменных источниках, касающихся народов Восточной Европы, постепенно исчезает этноним мадьяр и на смену приходит описание народа или страны башкорт, баскарт, башкир (Ал Масуди, Ал-Балхи, Ибн Фадлан, Ал Идриси).

Однако угорская компонента полностью не исчезает как этническая составляющая населения Южного Урала. Вероятно, в конце IX–X вв. часть угро-самодийского населения Зауралья переселяется на север в Сургутское Приобье, где с этого периода появляются известные сайгатинские, а также погребальные и святилищные памятники Барсовой Горы с ярким кочевническим комплексом в вещевом инвентаре и культово-погребальных традициях (цв. вклейка, рис. 6, 50). Вероятнее всего этот импульс явился решающим моментом в этногенезе народов хантов и манси. Отток угорско-мадьярского населения из уральской лесостепи приводит к новому этапу переселения в эти районы лесного зауральского угорского населения петрогромско-макушинского и позднебакальского (лыбаевского) типов, которое к X–

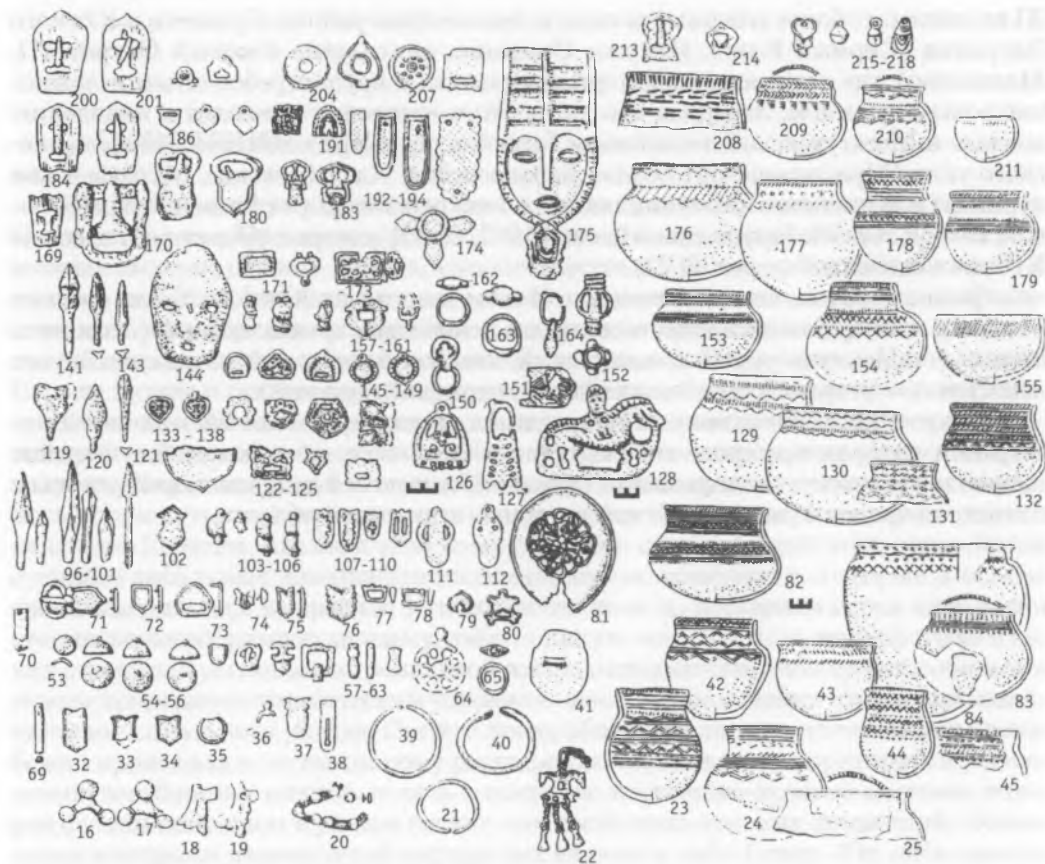

Рис. 126. Комплексы (VIII–XI вв.) лесостепных и горно-лесных районов Южного Зауралья.

Fig. 126. The complexes (VIII–XI centuries) of the forest-steppe and mountain-steppe regions of South Zauralye.

1, 22, 40–44, 60, 64, 71–80 – Граултры, курган 11; 2, 3, 5, 7–19, 36–38, 45, 47–64, 67, 141 – Байрамгулово, курган 1; 4 – случайная находка у поселка Дружный; 6, 26, 81, 133, 134, 150 – Синеглазовский I (раскопки В. С. Стоколоса); 20, 21, 69, 70, 83, 91, 113, 117, 138, 152, 161–165, 170, 182, 183 – Наровчатский, курган 2; 23 – случайная находка у села Сигаево; 24 – стоянка Сикияз-Тамак; 25 – стоянка Веселовка; 27, 66, 92–94, 137, 144, 160, 172, 173 – Каскасинский рудник; 32–35, 41 – Граултры, курган 12; 82, 155, 179 – Граултры, курган 6; 84 – Дуванское (по: Б. Б. Овчинниковой); 85, 110, 121, 123, 176, 179, 208 – Граултры, курган 5; 86, 87, 120, 129–131, 178 – Граултры, курган 9; 88 – Каранаевский, курган 7; 89, 166 – Синеглазовский, курган 20; 90, 159 – Синеглазовский 19; 95, 104, 111, 112, 114 – I Бекешевский, курган 2; 96, 97, 199, 201, 214 – Синеглазовский курган 14; 98–100, 143, 186–188, 216, 217 – Синеглазовский, курган 16; 101 – Синеглазовский, курган 7; 102 – Хусаиновский, курган 8; 103 – Хусаиновский, курган 18; 105, 191 – Хусаиновский, курган 3; 106, 125 – Хусаиновский, курган 7; 107–109 – Ишимбаевский, курган 2; 114, 135, 180 – Граултры, курган 8; 115 – Хусаиновский курган 4; 116, 141, 169, 214 – Синеглазовский, курган 18; 118, 174 – Хусаиновский, курган 12; 119, 157, 158, 193, 202–207, 213, 218 – Синеглазовский, курган 13; 122 – случайная находка у поселка Аргаяш; 124, 153, 155, 146 – Граултры, курган 1; 127–177 – II Бекешевский, курган 3; 128 – случайная находка у озера Сугояк; 132 – Кайсай, курган 14; 136, 137, 148, 149, 189, 190, 195, 200, 215 – Синеглазовский, курган 6; 139 – Граултры, подъемные сборы; 142 – Синеглазовский, курган 12; 142–147 – Хусаиновский, курган 1; 151 – Синеглазовский I, подъемные сборы; 154, 156, 208 – Граултры, курган 2; 168 – Хусаиновский, курган 9; 140, 171, 173, 181 – Коваленковский рудник; 184, 185 – Синеглазовский, курган 21; 192 – Хусаиновский, курган 5; 194 – Лагеревский, курган 6; 197 – Синеглазовский, курган 15; 198 – Синеглазовский, курган 13 (раскопки С. А. Гатцука); 188 – II Бекешевский, курган 2; 189 – II Бекешевский, курган 1.

1, 2, 26, 85–87, 113, 114, 165, 195, 196 – общие планы курганов и могильных ям; 5, 7–14, 67, 89, 90, 96, 101, 116, 166, 169, 185, 200, 201 – кость; 4–6, 15, 27–31, 46–48, 66, 88, 91–95, 115, 118–121, 139–144, 156, 167, 168, 170, 180, 197, 199, 212 – железо; 16–19, 21, 22, 39–41, 49–51, 53–59, 61–65, 69, 70, 127, 128, 152, 162–164, 175, 181, 182, 186–188, 191–194, 203, 207, 215, 217, 218 – бронза; 120, 182, 183 – бронза; 23–25, 42–45, 82–84, 129–132, 153–155, 176–179, 208–211 – керамика; 32–38, 71–80, 102–112, 123–127, 145–150, 157–161, 171–174, 189, 190, 202–207 – серебро; 117 – береста, кость

XI вв. занимает более северные лесные и лесостепные районы Среднего и Южного Зауралья (Серный Ключ, Иткуль, Смолино, святилище Ужовый Остров III, Малышево), где встречена характерная керамика с крупноребенчатым и ложно-шнуровым штампом. Западная миграция этого населения приводит к появлению вначале в Месягутовской лесостепи и бассейне реки Уфа комплексов мряслимовского типа (Мряслимовские, поздние Каранаевские, Идельбаевские, Муракаевские курганы) и затем памятников чияликского типа в низовьях рек Кама и Белая [Казаков, 1978. С. 67–75; Гарустович, Иванов, 1992. С. 25], которые существуют здесь до XIV века (цв. вклейка, рис. 6, 22).

Таким образом, вероятнее всего с X века в пределах Южного Урала сосуществовали и активно взаимодействовали два этнических ареала: южный (лесостепь, степь) — тюркокультурный (башкирский, кимако-кыпчакский) и северный (лес, лесостепь) — угорский (протомансийский, пермский, чудской).

Урало-Сибирское этнокультурное единство вступило в новый этап своей интеграции, которая, претерпев впоследствии монгольское, калмыкское, джунгарское нашествие и русскую колонизацию, сохранилось и по сей день как тюрко-угорское единство народов Урало-Алтайской историко-этнической области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История азиатских хуннов и европейских гуннов насчитывает тысячелетие. Начинается она в Ордосе на рубеже III и II вв. до н. э., когда возникает необъятная кочевая империя сюннов-хуннов, а заканчивается в VIII веке у Каспийских ворот и где-то в глубинах Азии вместе с последними упоминаниями византийских, армянских, арабских, персидских, индийских и других авторов о стране гуннов — наследников тех, кто вместе с Ругой и Аттилой завоевывал Восточную и Центральную Европу. Хунны и гунны всколыхнули весь необъятный океан евразийских народов, своеобразно оповестив и приблизив два мировых цивилизационных центра (Европейский — Римский и Азиатский — Ханьский) к окончанию эпохи древности и началу новой средневековой истории. Пожалуй, именно хуннам-гуннам впервые удалось установить коммуникационную связь между основными цивилизационными центрами Евразии. Ареалом этой коммуникации стал широкий пояс евразийских степей. Глобальные ландшафтно-климатические изменения, которые в основе своей завершились к середине I тысячелетия до н. э., поставили перед племенами степняков своеобразную дилемму: либо покинуть зону пустынь, полупустынь и сухих степей как регионы экстремальной жизнедеятельности, либо приспособиться к новым природно-климатическим условиям ценой кардинального изменения хозяйственно-социального уклада. Прежде всего, общая аридизация степной зоны неизбежно приводила к экстенсивному расширению пастбищных территорий, к усложнению пастбищных циклов, то есть к созданию пастбищно-кочевой системы, которая функционировала в рамках гигантских пастбищно-кочевых провинций. Основными векторами перемещений внутри них являлись либо Север—Юг, либо предгорья — долины. Бесспорно, выпас и охрана большого количества скота в рамках столь значительных регионов требовали особой организации и консолидации всего кочевых сообществ. На наш взгляд, империя кочевых хуннов являлась первым наиболее совершенным прообразом социально-экономической организации кочевнических коллективов. Вероятно, это позволило хуннам в короткие сроки расширить границы своей империи до огромных пределов, которыми ранее не владел ни один из известных степных социумов. Непрестанное расширение этой кочевой империи, вызванное постоянным притоком избыточного населения (наследников, претендующих на свою часть стада и своих пастбищных наделов), вело к бесконечной экспансии хуннов на сопредельные территории. Это неизбежно приводило к изъятию чужих пастбищ и изгнанию с них других кочевых этносов. Принцип «домино» приводил в движение весь степной океан Евразии, что и ознаменовали впоследствии великие переселения юэчжийского, усуньского, аланского и других союзов племен. В данном исследовании мы попытались показать, что в поздней древности первопричиной исходов этих кочевых народов были центральноазиатские хунны. Открыв эпоху кочевых империй, они тем самым почти на три столетия своим образом жизни вносили изменения в этническую карту огромного региона Центральной и Западной Азии, а после, покинув пределы своей Fater Land, ушли вслед за кочевыми народами, изгнанными ими ранее. Отдельные этапы и стадии этих сложных этнокультурных процессов мы попытались показать, основываясь на археологических и известных нам исторических данных. Насколько явствует из всей логики предложенного исследования, автор его при рассмотрении конкретных историко-культурных трансформаций большое значение придает миграционным импульсам, кото-

рые фиксируются в тех или иных культурных инновациях. Идентифицировать последние позволяет понимание того, что все кочевые этносы в своей материальной и духовной культуре, в конечном счете, несут определенный, характерный именно для них, историко-культурный комплекс (ИКК), который словно своеобразный код составляют наиболее значимые черты и традиции культуры этноса. Безусловно, в процессе переселения и изменения своего геокультурного ландшафта этот ИКК в определенной степени претерпевает видоизменения. Это связано с тем, что собственно миграции не происходят в географическом и этнокультурном вакууме. Как правило, они протекают либо в общем потоке, либо сквозь другие этносы, что вынуждает непрестанно контактировать и перемешиваться с ними. Однако доминирующее этносоциальное сообщество продолжает сохранять магистральные черты своего ИКК, которые на последующих стадиях выступают своеобразным маркером. В этой связи, основная логика предложенного исследования сводится к построению доказательного ряда, когда возможно было бы интерпретировать памятники гунно-сарматов урало-казахстанских степей как комплексы переходного этапа от азиатских хуннов к европейским гуннам.

На наш взгляд, этот факт достаточно ярко иллюстрируется на примере хунно-гуннского ИКК. Он формируется в среде скотоводческого палеоиранского населения так называемых северных варваров (жуны, ди) на территории Северного Китая. Эти культуры получили собирательное название «культуры Ордосских бронз». В самый ранний период (шанско-иньская эпоха) здесь закладывались основные черты сюнно-хуннского комплекса: индивидуальные погребения, прямолежание, преобладающая северная ориентировка погребенных, гробовые деревянные конструкции, положение в могилу голов и конечностей животных. Особо выделяется высокая культура бронзолитейного производства. Кардинальные ландшафтно-климатические изменения, произошедшие в зоне азиатских степей в период с конца II века по середину I века н. э., привели к серьезной перегруппировке этого варварского населения: множественные миграции, сплошной переход к кочеванию, китайская ассимиляция племен бассейна Хуанхэ. Историческим следствием явилось создание централизованных северокитайских государств Цинь и Хань и сложение единой кочевой империи Хунну к III–II вв. до н. э. Хуннский ИКК окончательно сформировался и распространился на огромные пределы Большой Монголии, Забайкалья и Тувы, несмотря на определенные локально-территориальные различия. В целом этот комплекс довольно хорошо идентифицируется в пределах сюнно-хуннской ойкумены. Однако в рамках данного исследования нас в большей мере интересовало западное направление его расширения и последующие перемещения после развала хуннской империи.

В этой связи анализ материала из кочевнических и полукочевнических комплексов Средней Азии и Южного Казахстана по принципу исключения или наибольшего тождества оконтуривает памятники, несущие близкие общехуннскому ИКК черты. Наиболее отчетливо среди среднеазиатских комплексах эти черты выявились в памятниках тулхарской группы так называемого юэчжийско-кушанского ИКК и кочевнических курганных комплексов, составляющих значительную часть погребений джетыясарской группы, названной нами гунно-кангюйским ИКК. Однако в первом случае схожесть юэчжийско-кушанских памятников II–I вв. до н. э. объясняется, вероятнее всего, едиными истоками и территориями культурогенеза. В целом, появление этих комплексов во II–I вв. до н. э. и дальнейшее развитие погребальных традиций в последующий период (в кушанскую эпоху) происходит в конкретной геокультурной области Северной Бактрии, что не противоречит общей исторической ситуации. Джетыясарские курганные комплексы появляются с первых веков новой эры, однако наиболее массовое их существование приходится на

V–VIII вв., когда они сосуществуют со склепными захоронениями, которые, как нам представляется, несут на себе в основном сарматские (прохоровские) погребальные традиции.

Таким образом, джетыясарская культура имеет двусоставный облик. Курганные комплексы содержат яркий набор черт хунно-гуннского ИКК как в погребальном обряде (индивидуальные курганные захоронения, узкие прямоугольные ямы, северная ориентировка погребенных, деформация черепов, устройство погребальных ниш, положение в могилу голов лошадей, коров и других домашних животных), так и в вещевом инвентаре (сосуды напольного обжига, горшки вытянутых пропорций с сосцевидным и луновидным орнаментом, керамические котлы, комплекс вооружения, предметы полихромного стиля и китайский импорт). В более ранний период черты сходства с хуннским ИКК ярко проявляются в гунно-сарматских памятниках, которые неожиданно появляются в середине II века н. э. в урало-казахстанских степях. Их характеризуют простые курганы, скленообразные и фигурные наземные конструкции, гробы, северная ориентировка погребенных, среди вещевого инвентаря – особый тип конской узды с металлическими накладками и подвесками, большой процент котлов, китайских зеркал, а также наборных поясов (ремней с прямоугольными, восьмерковидными, сферическими накладками, листовидными и кольцевидными привесками). Впечатляет огромное количество гунно-сарматских комплексов, очаг которых располагался, по всей видимости, в Орь-Илекском междуречье и на левых притоках среднего течения реки Урал. При этом особо подчеркнем, что эти территории, как, впрочем, и огромные районы Южного Зауралья и Поишимья, в предыдущие двести лет были фактически незаселенными, на что указывают единичные памятники I века до н. э. – I века н. э.

Таким образом, во II–IV вв. н. э. в урало-казахстанских степях, с одной стороны, происходит накопление огромного массива кочевнического населения, с другой – идут сложные этногенетические процессы, в результате которых происходит сложение нового этнополитического образования.

Далее наблюдаются разнохарактерные миграции гунно-сарматов на запад в Восточную Европу (постепенная инфильтрация и разовые рейды). Постепенно на различных территориях черты общесарматского облика деформируются, исчезая и приобретая облик новой гунно-сарматской общности.

В этой связи особым вопросом в археологической проблематике поздней древности восточноевропейских степей является вопрос этноисторической интерпретации позднесарматской культуры. По нашему мнению, позднесарматская культура является особым эпохальным событием установления совершенно иных историко-культурных ориентиров. Основным источником этих этнокультурных инноваций явилось гунно-сарматское кочевое население, покинувшее в середине II века н. э. пределы Восточного Туркестана. На различных территориях сарматского ареала позднесарматские трансформации имеют различный облик. Собственно сама позднесарматская культура имеет, по меньшей мере, шесть локально-территориальных вариантов: Заволжье, Волго-Донье, Нижний Дон, Причерноморье, Буджакская степь, Подунавье.

На этом этапе отчетливо прослеживается продвижение урало-казахстанского населения («всадников») на запад. При этом динамика этого движения была различной: глубокие широтные рейды-набеги в пределах степного (и, возможно, лесостепного) коридора военизированных всаднических дружин или постепенная инфильтрация-освоение среднесословного кочевого населения на сопредельные территории. Во втором случае шел процесс бурной этнокультурной диффузии (особенно в районах Волго-Донья) пришлого готского и, вероятно, славянского населения, который имел особый облик в различных районах юга Восточной Европы.

Процесс гуннизации археологически выявляется как резкое или постепенное установление новых культурных традиций погребений, которые определили своеобразие позднесарматских инноваций (северная ориентировка, деформация черепов, вещевой комплекс).

Исходя из всего вышесказанного, нам представляется, что определение «позднесарматская культура», введенное много лет назад, носит сегодня в большей мере традиционно-терминологический характер. Целесообразность применения этого термина сегодня обуславливается его использованием как привычного (рабочего, например, для памятников Нижнего Поволжья). С точки зрения реальной историко-археологической обстановки, по нашему убеждению, наиболее целесообразно использование таких терминов, как «позднесарматский этап», «позднесарматский период».

К IV веку культурные инновации достигают степной и лесостепной зоны Подунавья. Готское нашествие лишь на столетие отсрочило окончательную консолидацию гуннской орды. Создание единого гуннского союза произошло на базе кочевого гунно-сарматского населения Восточной Европы в период окончательной культурной нивелировки и путем этнополитической консолидации под предводительством восточных кланов, обитавших до второй половины IV века в урало-казахстанских степях.

Финальный, наиболее яркий и самый короткий этап падает на собственно гуннский период (конец IV в. – середина V в. н. э.). На этом этапе четко просматриваются памятники, несущие основные черты гунно-сарматского облика. К этим памятникам относятся следующие известные комплексы: Заммеринг, Печюсет – Венгрия; Белтени, Конциешты, Герсень – Румыния; Миролюбовка, Беляус – Крым; Кубей, Новоивановка, Черноморское – Причерноморье и Северный Кавказ; Ленинск, курган 3, погребение 12; Шипово, курганы 2, 3; Верхне-Погромное, Новоселки, Покровск, курган 36, погребение 2; Переполовенка, Кирово, Владимировка – Поволжье. Однако некоторые из них уже имеют следы негуннских культурных инноваций, выразившихся в изменении ориентировок погребенных – северный сектор постепенно заменяется северо-восточным и восточным. Явно инокультурным компонентом обряда становится помещение в могилу или рядом на ступеньку шкуры или туши лошади.

Раннетюркская эпоха начинается со второй половины V века с проникновением в казахстанские и южнорусские степи части тюрко-телеских племен, составивших основу протоболгарского населения (савиры, утригуры, кутригуры) [Гадло, 1979. С. 58–59; Исхаков, Измайлов, 2000. С. 14–15; Кляшторный, Савинов, 1994. С. 63]. К ним, вероятнее всего, относятся комплексы: Беляус, Энгельс (курган 36, погребение 2), Зеленокумское, Бережновка (курган III, погребение 1), Кубей – погребения с восточной ориентировкой, с конем или его шкурой, а также курганы-кострища Новогригорьевка (курганы VII–IX), Остроголовка (Д 18, 19), Ровное (курганы 42, 47), Высокое (Е7), Покровск (курганы 2, 3, 11), Бородаевка (курган 5) и др.

Традиция сооружения курганов-кострищ получила особенно яркое развитие в комплексах так называемого «селенташского» типа в урало-казахстанских степях. Они представлены курганами с «усаами» или с грядами и каменными вымостками и оградами с остатками продуктов горения, в ряде случаев трупосожжением, захоронениями лошадей, их шкур или макетов, а также вещевым материалом, который помещался на древней поверхности внутри вымосток и оград. Этот тип памятников, которых насчитывается до 300 комплексов, а также немногочисленные погребения с восточной ориентировкой, шкурой или тушей лошади (Егиз-Койтас, Чиликты, Семиозерное) составляют комплексы раннетюркского этапа конца V–VIII вв. в урало-казахстанских степях.

На наш взгляд, хронология гуннского и раннетюркского периодов в пределах восточноевропейских и урало-казахстанских степей включает следующие этапы:

1. Гунно-сарматский (II–IV вв.);
2. Гуннский (конец IV в. – середина V в.)
3. Раннетюркский (постгуннский) (конец V–VIII вв.).

Второе наименование последнего этапа как постгуннский обусловлено тем, что после ухода части гуннского населения в Центральную Европу и прихода тюрков часть гунно-сарматского населения остается вблизи территорий прежнего обитания, где они, смешиваясь с местным населением, оставляют специфические памятники, продолжающие нести черты гуннского историко-культурного комплекса. В Южном Зауралье это памятники типа Малково, Байрамгулово; в Южном Приуралье – курганы турбаслинской культуры; в Прикамье – могильники типа Коминтерновского; в Приаралье – памятники джетыясарской культуры и, наконец, в Дагестане – памятники, которые связываются с населением Прикаспийской Гуннии [Гмыря, 1995].

Характер гунно-тюркской культурной трансформации просматривается не только в кардинальном изменении погребальной обрядности, но и в смене вещевого инвентаря. Раннетюркская эпоха ознаменовалась появлением новых его видов, происхождение которых в отличие от гуннских связано с иными территориями.

Несмотря на то что тюркских урало-казахстанских памятников сегодня исследовано гораздо меньше, чем гунно-сарматских, мы сочли совершенно необходимым рассматривать два этих глобальных историко-культурных этапа в едином контексте. Во-первых, потому что начальная гянгунно-гаочанская предыстория тюрков-ашинов неразрывно связана и в определенной мере, вытекает из тех этнокультурных диффузий и трансформаций, которые происходят в северокитайском и восточнотуркестанском регионах в период возникновения и гибели империи азиатских хуннов. Во-вторых, в современной историографии, на наш взгляд, не существует четкого разграничения между двумя культурно-историческими эпохами – хунно-гуннской и тюркской. В результате, с одной стороны, среди исследователей нет определенного представления о характере культуры и направлении культурогенеза северных хуннов, покинувших в 151 году н. э. Синьцзян, переселившихся и обитавших в урало-казахстанских степях более чем два столетия. С другой – нечеткость этих представлений позволила ряду авторов в круг гуннских включить самые разнохарактерные памятники, которые в основе своей либо несли традиции совершенно иных синхронных историко-культурных комплексов, либо, в лучшем случае, являлись поздние или постгуннскими, а в худшем – памятниками следующей – тюркской эпохи.

В результате анализа материалов из погребальных памятников эпохи раннего железа и поздней древности с территории юга Сибири сегодня удается выявить два основных тюркских ИКК – Саяно-Алтайский (теле) (каменные курганы, ограды, захоронения с конем, восточная ориентировка, отсутствие керамики) и Хакасско-Минусинский (тюгю, кыргыз) (каменные курганы, ограды, трупосожжение, установка керамической посуды, жертвоприношения лошади, помещение в могилу конской узды).

В период существования тюркских каганатов наблюдается расширение этих ареалов на запад. При этом, как нам представляется, расширение телеского ареала идет вдоль северной кромки степи и по лесостепной зоне, в результате чего и в Западной Сибири, и в северной части Восточного и Центрального Казахстана появляются раннетюркско-телеские памятники – погребения с конем (Чиликты, Бобровский, Егиз-Койтас, Кара-Агач, Черноозерье III), а в Южном Зауралье и Приуралье памятники постгуннского времени, где наряду с сохранением северной ориентировки

появляется традиция помещения в могилу шкуры лошади (погребение Аркаим; Кушнаренковский, погребение 2, 27; Коминтерновский II; Ташкирменский, погребение 1; Верхне-Погромное). Несколько позже расширение этого ареала охватывает районы Среднего Поволжья (памятники новинкинского типа): Шелехметский I; Покровка, курган 36; Кривая Лука; Осинский; Новинки; Рождественский III; Брусяны II; а также Урень II; Бережновка II; Энгельс, курган 36, погребение 2), и далее южнорусские и северокавказские степи (Червонноармейское; Чапаевск; Крупское; Зеленокумское; Бородаевка, курган 9, погребение 5 и др.).

Расширение другого ареала, который характеризуют тюркокультурные памятники с обрядом кремации, на наш взгляд, в европейских степях маркируют так называемые курганы-кострища (Новогригорьевка, Остроголовка, Покровск, Высокое, Усть-Караман и др.). Но наибольшее распространение памятники этого ареала получают в урало-казахстанских степях, где они представлены своеобразными комплексами — курганами с «усами» или с каменными вымостками, отходящими от центрального кургана, как правило, в восточном направлении на значительное расстояние.

Центральный курган представлен вымосткой или оградой (в большинстве случаев подпрямоугольной формы). Внутри нее на дневной поверхности располагались кострища и отдельные предметы.

Данные комплексы, как и курганы, и ограды с аналогичным обрядом, но не имеющие каменных гряд-вымосток, ранее нами были отнесены к селенташскому типу памятников. Вероятнее всего, этот массив памятников датируется от конца V века до VIII—IX вв. и представляет основные археологические материалы эпохи Западного Тюркского и Тюркешских каганатов в пределах широкого пояса казахстанских и южноуральских степей. Думается, дальнейшее изучение памятников данного типа позволит детализировать не только вопросы хронологии, но и проследить эволюцию развития погребальных и культово-поминальных традиций древнего тюркского населения этого региона от их зарождения до принятия ислама.

Таким образом, гуннская и тюркская эпохи евразийских степей во всей своей диалектической взаимосвязи имеют каждая свой особый облик материальной и духовной культуры. Это обусловлено, как уже сказано, разными истоками культурогенеза основных этносов, игравших ведущую историческую роль в те эпохи.

Выявление исходных территорий и культурных ареалов возникновения этих великих народностей Азии позволяет нам сегодня сделать следующие осторожные предположения. Вероятнее всего, культура гуннов более тяготеет к ирано-тохарскому миру, что совершенно не исключает определенного влияния со стороны монголоидного и китайского культурных ареалов. Культура же древних тюрков более связана с туранским, сако-скифо-сибирским ареалом; при этом, безусловно, она была подвержена мощнейшему влиянию со стороны монголоидного мира, несколько позже — угорского населения.

Эти особенности, скорее всего, и стали причинами кардинальных различий в материальной и духовной культуре, в облике и, вероятнее всего, в языке этих народов.

В этой связи эпохальный рубеж (V—VI вв.), когда гуннская культура сменяется тюркской, археологически представляется нам более ярким и кардинальным, нежели период, падающий на II век н. э., когда заканчивается сарматская культурная доминанта и наступает гуннская эпоха.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И., 1949. Осетинский язык и фольклор. – М. Т. 1.
- Абаев В.И., 1965. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. – М.
- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. – Барнаул. – 148 с.
- Абетеков А.К., 1967. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины // Древняя и ранняя средневековая культура Киргизстана. – Фрунзе.
- Абрамзон С.М., 1990. Киргизы и их этнографические и историко-культурные связи. – Фрунзе.
- Абрамова М.П., 1970. Исследование Нижне-Джулайского могильника в 1967 г. // КСИА. № 124.
- Абрамова М.П., 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М.
- Абрамова М.П., 1983. Предварительные исследования Подкумского могильника близ г. Кисловодска // История и культура сарматов. – Саратов.
- Абрамова М.П., 1987. Подкумский могильник. – М.
- Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). – М.
- Авилов Л.И., Черных Е.П., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественные методы в археологии. – М.
- Агаджанов С.Г., 1969. Очерки истории гузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. – Ашхабад.
- Агеева Е.И., 1960. Некоторые новые данные по археологии Семиречья // КСИИМК. Вып. 80.
- Агеева Е.И., 1961. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 12.
- Айбабин А.И., 1985. Погребение хазарского воина // СА. № 3. – С. 191–204.
- Айбабин А.И., 1987. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первая половина VII в. н. э. // Материалы к этнической истории Крыма. – Киев.
- Акбулатов Ч.М., 1998. Ново-Калканский II курганный могильник на р. Стеря // Уфимский археологический вестник. № 1. – Уфа.
- Акимов М.С., 1968. Антропологии древнего населения Приуралья. – М.
- Акишев К.А., 1959. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. VII.
- Акишев К.А., 1973. Саки азиатские и скифы европейские общее и особенное в культуре // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата.
- Акишев К.А., 1978. Курган Иссык. – М.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963. Саки и усунь долины реки Или. – Алма-Ата. – 304 с.
- Аксенов В.С., Тортика А.А., 2001. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. – Донецк. – С. 191–218.
- Алексеев В.П., 1961. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-сайанское нагорье) в эпоху неолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск.
- Алексеев В.П., 1973. К происхождению таштыкского населения Южной Сибири // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.
- Алексеев В.П., 1975. Антропогеоценозы: сущность, типология, динамика // Природа. № 7.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д., 1987. Краткий очерк антропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск.
- Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30.
- Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. № 2.
- Амброз А.К., 1971а. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. № 3.
- Амброз А.К., 1973. Стремена и седла раннего средневековья VI–VIII вв. н.э. // СА. № 4.
- Амброз А.К., 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в II–III вв. // Средневековые древности евразийских степей. – М.
- Амброз А.К., 1981. Восточноевропейская и среднеазиатская степи V – пер. пол. VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.

- Амброз А.К., 1985. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971–1984 гг.) // СА. № 3.
- Амброз А.К., 1986. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // СА. № 3.
- Амброз А.К., 1986а. Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. № 4.
- Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. – М.
- Аммиан Марцелин, 1906. История. Вып. 1. – Киев.
- Античные государства Северного Причерноморья, 1984 // Археология СССР. – М.
- Аристов Н.А., 1896. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина, год VII, вып. III–IV.
- Аристов Н.А., 1904. Этнические соотношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим источникам // Русский Антропологический журнал. № 1, 2.
- Арсеньева Т.М., 1977. Некрополь Танаиса. – М.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В., 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. – М.
- Арсланова Ф.Х., 1963. Бобровский могильник // ИИА АН КазССР. Серия общественные науки. Вып. 4.
- Арсланова Ф.Х., 1968. Памятники Павлодарского Прииртышья с VII–XII вв. // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата.
- Арсланова Ф.Х., 1969. Погребение тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев. – Алма-Ата.
- Арсланова Ф.Х., 1974. Погребальный комплекс VIII–VII веков до н. э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. – Алма-Ата.
- Арсланова Ф.Х., 1975. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. – Алма-Ата.
- Арсланова Ф.Х., 1980. Керамика раннесредневековых курганов Казахстана, Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. – М.
- Артамонов М.И., 1962. История хазар. – Л.
- Археология Венгрии, 1986. – М.
- Археология СССР, 1989. – М.
- Археология Украинской ССР, 1986. – К.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС, 1987. – Алма-Ата.
- Археологические работы Академии наук СССР на новостройках 1932–1933 гг., 1935 // ИГАИМК. Вып. 110.
- Асеев И.В., 1980. Прибайкалье в средние века. – Новосибирск.
- Атавин А.Г., 1996. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара. – С. 208–264.
- Атлас Казахской ССР. Природные условия и ресурсы, 1982. Т. 1. – М.
- Ахинжанов С.М., 1977. Курганы с «усами» на юго-западных склонах Каратау // Археологические исследования на Отраре. – Алма-Ата.
- Ахинжанов С.М., 1989. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата.
- Ахинжанов С.М., 1995. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы.
- Ахмеров Р.Б., 1951. Уфимские погребения VI–VIII веков нашей эры. – КСИИМК, вып. 40.
- Ахмеров Р.Б., 1970. Уфимские погребения IV–VII веков н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М.
- Бабаев А.Д., 1973. Раскопки курганов на территории Западного Памира. Ученые записки Таджикского государственного университета. Вып. 1. – Душанбе.
- Бабанская Г.Г., 1956. Берккаринский могильник: к некоторым итогам изучения памятника // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара.
- Багриков Г.И., Сенигова Т.Н., 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН КазССР. Сер. общ. науки. № 2. – Алма-Ата.
- Багрянородный Константин, 1934. Об управлении государством // ИГАИМК. Вып. 91.
- Багрянородный Константин, 1989. Об управлении империей. – М.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198.
- Байпаков К.М., Исмагил Р.Б., 1996. Басагапский клад бронзовой посуды из Семиречья // Известия Министерства Науки – Академии наук республики Казахстан. Серия общественных наук. Вып. 2.
- Байпаков К.М., Подушкин А.Н., 1989. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тысячелетие н. э.). – Алма-Ата. – 160 с.
- Балабанова М.А., 1998. Некоторые краниологические особенности поздних сарматов с

- искусственной деформацией головы // Вопросы краеведения: Материалы VI и VII краеведческой конференции. Вып. 4–5. – Волгоград.
- Балабанова М.А., 2000.** Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. – М.
- Балинг И., 1995.** Введение в археологию Авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск.
- Бартольд В.В., 1963.** Кара-Китай и Хорезм-шахи // ПСС. Т. 1. – М.
- Бартольд В.В., 1965.** ПСС. Т. III. – М.
- Бартольд В.В., 1968.** История турецко-монгольских народов // Сочинения. Т. 5. – М.
- Барцева Т.Б., Вознесенский Г.А., Черных Е.М., 1972.** Металл черняховской культуры // МИА. № 187.
- Баскаков Н.А., 1960.** Тюркские языки. – М.
- Безуглов С.И., 1988.** Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. № 4. – С. 103–115.
- Безуглов С.И., 1990.** Аланы танаиты: экскурс Амиана Марцелина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. – Азов.
- Безуглов С.И., 1997.** Воинское позднесарматское погребение знатного воина // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 году. – Азов. – С. 133–142.
- Безуглов С., Захаров А., 1988.** Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. – Ростов-на-Дону.
- Безуглов С.И., Ильюков Л.С., 2007.** Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II – Москва/Иерусалим. – С. 25–48.
- Безуглов С.И., Копылов В.П., 1989.** Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. № 3.
- Бейлис В.М., 1963.** Сочинения Ал-Масуди как исторический источник по истории Восточной Европы X в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.
- Бейсенов А.З., 1996.** Коргантасские погребения конца I тыс. до н. э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм. Прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. (Тезисы докладов). Ч. 1. – Улан-Удэ.
- Бейсенов А.З., 1996а.** Культово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана // Известия Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан. № 2. – Алматы.
- Бейсенов А.З., 1997.** Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана (VII–I вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы.
- Бейсенов А.З., 1998.** Об астрономических исследованиях на курганах с каменными грядами // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. – Алматы, М.
- Бейсенов А.З., 1999.** Изучение курганов с каменными грядами казахстанских степей // XIV Уральское совещание. Тезисы докладов. – Челябинск.
- Бейсенов А.З., 2002.** Исследования Сарыаркинской экспедиции в Центральном Казахстане // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. № 1.
- Бейсенов А.З., 2004.** Ранний железный век // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. – Алматы.
- Бейсенов А.З., Волошин В.С., 2002.** Могильник Ижевский-2 // Изучение памятников археологии Павлодарского Поиртышья. – Павлодар.
- Бекбасаров Н.М., 1998.** Курган с «усами» на р. Сага. Астрономическое содержание расположения его элементов // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. – Алматы, М.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М., 1983.** Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. – Томск.
- Бельгибаев М.Е., Белый А.В., 2002.** Аридизация почв и ландшафтов семиаридной зоны Казахстана // География и природные ресурсы. № 3.
- Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н., 1991.** Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. – Свердловск.
- Беляева Т., 1978.** Жилой дом богатого горожанина // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент.
- Бенцинг И., 1986.** Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. – М.
- Березуцкий В.Д., 1998.** Сарматские погребения власовского могильника // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. – Воронеж.

- Берлизов Н.Е., 1990.** Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н. э. – III в. н. э.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л.
- Берлизов Н.Е., 1992.** Сарматы на Великом шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир. – Новочеркасск.
- Берлизов Н.Е., 1998.** Относительная хронология Азиатской Сарматии VII в. до н. э. – IV в. н. э. // Историко-археологический альманах. – Армавир.
- Берлизов Н.Е., Журавлев В.Г., 1989.** Факторный анализ в исследовании погребального обряда (на материале катакомб сарматского времени Северного Кавказа) // Комплексные методы исследования археологических источников. Материалы к V совещанию 21–23 ноября. – М.
- Берлизов Н.Е., Каминский В.Н., 1993.** Аланы, Кангуй и Давань // Петербургский археологический вестник. № 7.
- Бернар П., Абдулаев К., 1997.** Номады на границе Бактрии // СА. № 1.
- Бернштам А.Н., 1939.** Археологические работы в Казахстане и Киргизии // ВДИ. № 4.
- Бернштам А.Н., 1940.** Кенкольский могильник. – Л. – 222 с.
- Бернштам А.Н., 1947.** Проблемы истории Восточного Туркестана // ВДИ. № 2.
- Бернштам А.Н., 1951.** Очерки истории гуннов. – Л.
- Бернштам А.Н., 1951а.** Находки у оз. Боровое в Казахстане // СМАЭ. Т. XIII.
- Бернштам А.Н., 1952.** Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. № 26. – С. 50–60.
- Берсенева Н.А., 2004.** Теоретические подходы к изучению погребальной обрядности // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. – Омск.
- Берсенева Н.А., 2005.** Погребальная обрядность населения Среднего Прииртышья в эпоху раннего железа: социальные аспекты. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург.
- Беспалый Е.И., 1990.** Погребение позднесарматского времени у г. Азова // СА. № 1. – С. 213–223.
- Беспалый Е.И., 1992.** Курган сарматского времени у г. Азов // СА. № 1.
- Бетрозов Р.Ж., 1980.** Захоронение вождя гуннского времени у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и средневековье. – М.
- Бисембаев А.А., 2001.** Памятники VIII–IX вв. на территории Западного Казахстана // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. – Оренбург.
- Бичурин Н.Я., 1950.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – М.
- Бичурин Н.Я., 1950а.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. – М.
- Богачев А.В., 1992.** Процедурно-методические аспекты археологического датирования. – Самара.
- Богачев А.В., 1996.** К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культура Евразии во второй половине 1 тысячелетия. – Самара.
- Богачев А.В., 1998.** Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. – Самара.
- Богачев А.В., 2000.** Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. // Автореф. дис. ... доктора ист. наук. – СПб.
- Богачев А.В., Мышкин В.Н., 1995.** Раннеболгарский курган у с. Осиповка // Средневековые памятники Поволжья. – Самара.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., 1964.** Раскопки могильников первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму в 1960–61 гг. // СА. № 1.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., 1967.** Новые могильники II–III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. Вып. 112.
- Боковенко Н.А., 1974.** Типология бронзовых зеркал // СА. № 4.
- Боковенко Н.А., 1977.** Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. № 4.
- Боковенко Н.А., Засецкая И.П., 1993.** Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблем хунно-гуннских времен // Петербургский археологический вестник. № 3.
- Борзунов В.А., 1992.** Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. – Екатеринбург.
- Боровкова Л.А., 1989.** Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – VII в. н. э. – М.
- Боровкова Л.А., 1992.** Проблема местонахождения царства Гао Чан. – М.
- Бородовский А.П., 1988.** О реконструкции костюма племен новосибирского Приобья VI–VII вв. // Источники и историография: археология и история. – Омск.
- Бородовский А.П., 1999.** Украшения полихромного стиля из Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V.
- Боталов С.Г., 1987.** Курган у оз. Синеглазово (по раскопкам Н. К. Минко и С.А. Гатцука) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск.

- Боталов С.Г., 1988.** Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы хронологии урало-казахстанских степей. – Челябинск.
- Боталов С.Г., 1991.** О соотносимости хронологических схем для различных регионов степей и лесостепей Евразии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул.
- Боталов С.Г., 1993.** Большекараганский могильник II–III вв. н. э. // Кочевники Урало-Казахстанских степей. – Екатеринбург.
- Боталов С.Г., 1994.** Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья II–XIV вв. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа.
- Боталов С.Г., 1995.** Тюркские кочевники Урало-Иртышья // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н. э. – Самара.
- Боталов С.Г., 1996.** Памятники селентанского типа в Южном Зауралье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск.
- Боталов С.Г., 1998.** Раннетюркские памятники урало-казахстанских степей // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). – Самара. – С. 321–330.
- Боталов С.Г., 1999.** Ранние тюрки (попытка реконструкции культурогенеза). XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. – Челябинск.
- Боталов С.Г., 2000.** Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. – Челябинск.
- Боталов С.Г., 2000а.** Великое переселение народов // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. – С. 111.
- Боталов С.Г., 2003.** Хунны и гуны // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. – С. 106–127.
- Боталов С.Г., 2003а.** Урало-казахстанские степи в гунно-сарматское и раннетюркское время (II–VIII вв. н. э.) Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск.
- Боталов С.Г., 2003б.** Сарматские памятники урало-казахстанских степей и среднеазиатских оазисов конца III–I вв. до н. э. (юэчжийско-сарматский историко-культурный комплекс) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: Сборник научных статей. Вып. 2. – Уральск. – С. 89–99.
- Боталов С.Г., 2003в.** Урало-казахстанские степи в гунно-сарматское и раннетюркское время (II–VIII вв. н. э.): Дис. ... докт. ист. наук // Архив ЧНЦ УрО РАН. – Челябинск.
- Боталов С.Г., 2006.** К вопросу о формировании пратюркского ядра // Тр. Междунар. научно-практической конф. «Центральная Азия и Казахстан: истоки тюркской цивилизации. – Тараз, Таразский гос. педагогический ин-т, 25–26 мая 2006 г. Т. 1. – С. 27–32.
- Боталов С.Г., 2006а.** Срединная Евразия в начале эпохи Поздней Древности // История и истории. Сб. научных трудов выпускников и преподавателей исторического факультета ЧГПИ. – Челябинск.
- Боталов С.Г., 2008.** Кочевая цивилизация Евразии (дефиниции) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. – Москва.
- Боталов С.Г., Бабенков К.Н., 1998.** Памятники VIII–IX вв. горно-лесного Урала и лесостепного Зауралья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). – Самара.
- Боталов С.Г., Бисембаев А.А., 2002.** Новые материалы по истории гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. – Уральск.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б., 1996.** Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000.** Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. – Челябинск.
- Боталов С.Г., Любчанский И.Э., 1992.** О локализации Гунний в II–IV вв. н.э. // Проблемы краеведения Северных регионов Казахстана. Тезисы докладов. – Кустанай.
- Боталов С.Г., Полушкин Н.А., 1996.** Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., 1996.** Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э., 2006.** Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск. – 232 с.
- Боталов С.Г., Ткачев А.А., 1990.** Нуринское погребение VIII–IX вв. // Проблемы археологии Волго-Уралья. – Свердловск; Челябинск.
- Боталов С.Г., Усманова Э.Р., 1998.** Памятники II в. до н. э. – I в. н. э. в урало-казахстанских степях // Приаралье в древности и средневековье. – М.
- Бражник О.И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н.А., 2000.** Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. Вып. IX. – Самара.

- Брыкина Г.А., 1982. Могильник Кайрагач в Южной Киргизии // КСИА. Вып. 170.
- Бубенок О.Б., 1997. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – нач. XIII вв.). – Киев.
- Бувье-Ажан М., 2003. Аттила. – М. – 288 с.
- Булдашов В.А., 2001. Могильник эпохи раннего железа Мурзино I // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. – Москва; Магнитогорск.
- Бунятян Е.П., 1985. О формах собственности у кочевников // Археология и методы исторической реконструкции. – Киев.
- Бурханов А.А., 1992. Область Амуля в древности и раннем средневековье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.
- Буряков Ф.Ю., 1968. Пскенские наусысы // СА. № 3.
- Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Енисея. – Л.
- Вадецкая Э.Б., 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.
- Вайнберг Б.И., 1972. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV–V вв. // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. – М.
- Вайнберг Б.И., 1979. Памятники Куясайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. – М. – С. 7–76.
- Вайнберг Б.И., 1999. Этногеография Турана в древности VII в. до н. э. – VIII в. н. э. – М. – 358 с.
- Вайнберг Б.И., Горбунова Н.Г., Мошкова М.Г., 1992. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.И., 1968. Поселение Актобе 2 // Древности Чардары. – Алма-Ата.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1993. Чирикратская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. – М.
- Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А., 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. – М. – С. 66–74.
- Вайнштейн С.И., 1970. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. // Тр. ТКАЭЭ. Т. 3. – М.
- Варенов А.В., 1984. О функциональном предназначении моделей ярма эпохи инь и чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск.
- Варенов А.В., 1989. Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы. – Новосибирск.
- Варенов А.В., 1990. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактика армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. – Новосибирск. – С. 42–51.
- Варенов А.В., 1996. Датировка оружия, изображенного на оленьих камнях монголо-забайкальского типа и проблема археологических памятников сюнну // 100 лет хуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. – Улан-Удэ.
- Варенов А.В., 1998. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. – Новосибирск.
- Варенов А.В., 1999. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул. – С. 26–30.
- Варенов А.В., 1999а. Материалы новой культуры эпохи бронзы из могильника Кэрмуци // Евразия II. – Новосибирск. – С. 11–28.
- Варенов А.В., 1999б. Чаодаогу и Янхэ – памятники эпохи Шан, Инь с ордосскими бронзами // Проблемы археологии этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. – Новосибирск.
- Варенов А.В., 2003. Бронзовые боевые топоры из Чаодаогу и янхэ и датировка комплексов с «карасукскими ножами и кинжалами в Северном Китае // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск.
- Варфоломеев В.В., 1987. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда.
- Варфоломеев В.В., 1988. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск.
- Варфоломеев В.В., 1991. Сарыарка в конце бронзовой эпохи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата. – 24 с.
- Варфоломеев В.В., 2003. Кент и его округа // Степные цивилизации Восточной Евразии. – Астана. – С. 88–108.
- Васильев А.А., 1921. Готы в Крыму // Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. 14.1.
- Васильев В.И., 1980. Проблемы этногенеза северосамодийских народов // Этногенез народов Севера. – М.

- Васильев Л.С., 1976.** Проблемы генезиса китайской цивилизации. – М.
- Васильев Л.С., 1982.** Феномен власти собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М.
- Васильев Л.С., 1989.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и типологический анализ праязыка и пракультуры. Т. 1–2. – Тбилиси.
- Васильев Л.С. 1995.** Древний Китай. – М.
- Васютин А.С., 1999.** Некоторые итоги изучения хуннского времени Саяно-Алтая // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово.
- Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклошевич Е.А., 1985.** Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Пап из Восточного Алтая // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск.
- Васюткин С.М., 1970.** Раскопки курганов в г. Уфе и изучение истории турбаслинских племен // Ученые записки БГУ им. 40-летия Октября. Вып. 54.
- Васюткин С.М., 1977.** Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа.
- Васюткин С.М., 1986.** Салиховский курганный могильник конца IV–V вв. в Башкирии // СА. № 2.
- Васюткин С.М., 1988.** Периодизация этнической истории средневековых кочевников Северо-Западного Прикаспия // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Махачкала.
- Веддер Дж., Егоров В., Девис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л., 1993.** Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. – М.
- Викторова В.Д., Морозов В.М., 1993.** Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург.
- Викторова Л.Л., 1980.** Монголы: происхождение народа и истоки культуры. – М.
- Виноградов Н.Б., Таиров С.Д., 1996.** Сарматские погребения могильника Солнце III // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск.
- Виноградов Ю.Г., 1994.** Очерк военно-политической истории сарматов в I в.н.э. // ВДИ. № 2.
- Вишневская О.А., 1973.** Культура сакских племен низовий Сыр-Дарьи VII–V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака) // Тр. ХАЭЭ. – М. – Т. VIII. – С. 160.
- Владимирцов Б.Я., 1934.** Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.
- Власкин М.В., 1998.** Археологические исследования в гг. Ростов-на-Дону и Азове в 1995–1996 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. – Азов.
- Воеводский М.В., Грязнов М.П., 1938.** Усуньский могильник на территории Киргизской ССР: к истории усуней // ВДИ. – № 3. – С. 162–177.
- Войтов В.Е., 1996.** Древнетюркский пантеон о модели мироздания в культово-поминальных памятниках истории VI–VIII. – М.
- Волков В.В., 1967.** Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. – Улан-Батор.
- Воронец М.Э., 1940.** Археологические исследования в 1937–39 гг. в УССР // ВДИ. № 3–4.
- Воронов Ю.Н., Шенкаю Н.К., 1982.** Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. н. э. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. – М.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье, 1988.** – М.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии, 1992** / Под ред. Б.А. Литвинского. – М. – 687 с.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура, 1995** / Под ред. Б.А. Литвинского. – М. – 523 с.
- Вохменцев М.П., 2000.** Энеолит лесостепного Притобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.
- Габуев Т.А., 1986.** История племен центральных районов Северного Кавказа в I – VII вв. н. э. (по данным погребального обряда). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.
- Габуев Т.А., 2000.** Происхождение аланов по данным письменных источников // ВДИ. № 3.
- Гаврилова А.А., 1957.** Раскопки второго Катандинского могильника // СА. № XXVII.
- Гаврилова А.А., 1966.** Могильник Кудэргэ: как источник по истории алтайских племен. – М.
- Гаврилюк А.Г., Григорьев С.А., Марков С.С., 2005.** Погребальные комплексы // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск. – С. 89–153.
- Гаврилюк А.Г., Любчанский И.Э., Иванова Н.О., 2004.** Комплекс кургана с «усаами» Крутая Гора (по материалам раскопок 1987 года) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции. – Челябинск.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993.** Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники Урало-Казахстанских степей: Сборник научных трудов. – Екатеринбург. – С. 53–67.
- Гавритухин И.О., 1996.** К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара.

- Гавритухин И.О., 2001.** Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. – Донецк. – С. 45–162.
- Гавритухин И.О., 2004.** Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. – СПб. – С. 208–220.
- Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998.** Перспективы изучения средневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). – Самара.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003.** Могильники V–VII веков. Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. – М. – С. 193–195.
- Гадло А.В., 1979.** Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л.
- Гасель А.Г., Гумилев Л.Н., 1966.** Разновозрастные почвы на степных песках Дона и передвижение народов за исторический период // Известия АН СССР. Серия география. № 1.
- Гайдукевич В.Ф., 1952.** Могильник близ Ширина в Узбекистане // СА. № 16.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 1992.** Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н. э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. – Ижевск.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2000.** Огузы и печенеги в Евразийских степях. – Уфа.
- Гарустович Г.Н., Савельев Н.С., 2004.** Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении реки Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5.
- Гей О.А., Бажан И.А., 1997.** Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). – М.
- Генинг В.Ф., 1955.** Памятники харинского времени в Прикамье // КСИИМК. Вып. 52.
- Генинг В.Ф., 1959.** Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. – Казань.
- Генинг В.Ф., 1963.** Азелинская культура. III–V вв. // ВАУ. Вып. 5.
- Генинг В.Ф., 1972.** Южное Приуралье в III–VII вв. (Проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.
- Генинг В.Ф., 1977.** Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследование по археологии Южного Урала. – Уфа.
- Генинг В.Ф., 1979.** Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. № 158.
- Генинг В.Ф., 1988.** Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. – М.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1969.** Поселение Кокуй I // ВАУ. Вып. 8.
- Генинг В.Ф., Евдокимов В.В., 1969.** Логиновское городище (VI–VII вв. н. э.) // ВАУ. Вып. 8. – Свердловск. – С. 102–127.
- Генинг В.Ф., Зданович С.Я., 1987.** Лихачевский могильник на р. Ишим – памятник подчепчанской культуры VI–VIII вв. н. э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск. – С. 119–133.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.Н., 1993.** Поселения Черноозерье, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964.** Ранние болгары на Волге. – М.
- Герасимова М.М., 1965.** Антропологическая характеристика черепов из грунтовых погребений Танаиса // Древности Нижнего Дона. – М. – С. 131.
- Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т., 1987.** Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. – М.
- Гинзбург В.В., 1959.** Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья // МИА. № 60. – С. 524–594.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972.** Палеоантропология Средней Азии. – М. – 372 с.
- Гиренко Н.М., 1991.** Социология племени. – М. – 304 с.
- Глоба Г.Д., 1983.** Раскопки могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–82 гг. – Горно-Алтайск.
- Гмыря Л.Б., 1980.** Некоторые сведения о гуннах в Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. – Махачкала.
- Гмыря Л.Б., 1993.** Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. – Махачкала.
- Гмыря Л.Б., 1995.** Страна гуннов у каспийских ворот. – Махачкала.
- Гмыря Л.Б., 2002.** Гунны на Северном Кавказе // История татар с древнейших времен. Т. 1. – Казань. – С. 156–165.

- Гмыря Л.Б., Магомедов Р., 2007. Интересные погребальные комплексы Паласа-Сыртского курганного могильника IV–V вв. (раскопки 2006 г.) // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. – Казань. – С. 64–74.
- Голдина Р.Г., 1970. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАН. Вып. 9.
- Голдина Р.Д., 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. КСИА. Вып. 158. – М. – С. 79–90.
- Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура Верхнего Прикамья. – Иркутск.
- Голдина Р.Д., 1993. Основные проблемы взаимодействия народов Приуралья в эпоху железа по археологическим материалам // Историческое познание: традиции и новации. – Ижевск.
- Голдина Р.Д., 1996. Взгляд на памятники «великого переселения народов» в Прикамье // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. II. – Уфа.
- Голдина Р.Г., Водолаго Н.В., 1990. Могильники Неволинской культуры в Прикамье. – Ижевск.
- Горбунов В.В., 1993. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1 // Культура древних народов Южной Сибири. Сб. науч. ст. – Барнаул. – С. 80–90.
- Горбунов В.В., 2004. Этнокультурная ситуация на территории лесостепного Алтая в эпоху «Великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: сборник научных трудов – Барнаул. – С. 92–95.
- Горбунова Н.Г., 1984. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // АСГЭ. № 25.
- Горбунова Н.Г., 1991. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии // СА. № 3. – С. 20–30.
- Горелик М.В., 1993. Оружие Древнего Востока (IV тыс. – IV в. до н.э.). – М.
- Гохман И.И., 1960. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Тр. БКНИИ СО АН СССР. Вып. 3. – Улан-Удэ
- Граков Б.Н., 1947. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3.
- Грантовский Э.А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М.
- Грантовский Э.А., 1975. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. – М. – С. 76–92.
- Грач А.Д., 1968. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. – М.
- Грач В.А., 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. – М.
- Грач В.А., 1967. Могильник Саглы-Бажи и вопросы археологии Тувы скифского времени // СА. № 3.
- Грач В.А., 1982. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. – Новосибирск.
- Григорьев Г.В., 1940. Каунчи-Тене (раскопки 1935 г.). – Ташкент.
- Григорьев Г.В., 1949. Келесская степь в археологическом отношении // Известия АН КазССР. Серия археология. Вып. 2.
- Григорьев С.А., 1999. Древние индоиранцы. Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: Рифей. – 444 с.
- Григорьев С.А., 2000. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1. – Челябинск.
- Гришин Ю.С., 1971. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ. Вып. В3-12.
- Гросу В.И., 1979. Сарматский курган у с. Карпач // СА. № 2. – С. 250–255.
- Грумм-Гржимайло Г.Е., 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. – Л.
- Грумм-Гржимайло Г.Е., 1933. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в центральной Азии за исторический период // Известия Государственного Географического общества. Т. LXV. Вып. 5.
- Грязнов М.П., 1952. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. № XVI.
- Грязнов М.П., 1956. История древних племен Верхней Оби по раскопках близ с. Большая Речка // МИА. № 48. – М.; Л. – С. 99–164.
- Грязнов М.П., 1956а. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. № 64.
- Грязнов М.П., 1956б. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61.
- Грязнов М.П., 1968. Тагарская культура // История Сибири. Т. 1. – Л.
- Грязнов М.П., 1979. Таштыкская культура // Грязнов М.П. и др. Комплекс археологических памятников у г. Тепсей на Енисее. – Новосибирск.
- Грязнов М.П., 1980. Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л. – 60 с.

- Грязнов М.П., 1992.** Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.
- Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С., 1979.** Комплекс археологических памятников у горы Тепсе на Енисее. – Новосибирск.
- Гугуев В.К., 1992.** Кобяковский курган // ВДИ. № 4.
- Гугуев В.К., Безуглов С.И., 1990.** Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобяковского городища на Дону // СА. № 2. – С. 164–175.
- Гугуев В.К., Трейстер М.Ю., 1995.** Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. № 3.
- Гудкова А.В., Редина Е.Ф., 1999.** Сарматский могильник Граденка в низовьях Дуная // Старожитності північного Причорномор'я і Криму Запоріжжя. № VII.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984.** Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I – IV вв. н. э. – Киев: Наук. думка. – 119 с.
- Гумилев Л.Н., 1959.** Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории. № 1 (67).
- Гумилев Л.Н., 1960.** Хунну. Срединная Азия в древние времена. – М.
- Гумилев Л.Н., 1960а.** Некоторые вопросы истории хуннов // ВДИ. № 4 (74).
- Гумилев Л.Н., 1989.** Хунну в Азии и Европе // Вопросы истории. № 6.
- Гумилев Л.Н., 1992.** Тысячелетие вокруг Каспия. – М.
- Гумилев Л.Н., 1993.** Древние Тюрки. – М.
- Гумилев Л.Н., 1994.** Хунны в Китае. – СПб.
- Гуркин С.В., 2000.** О предках кыпчаков и кимаков // Донская Археология. № 3, 4. – Ростов-на-Дону.
- Гуркин С.В., 2005** // www.rcio.rsu.ru/~webp/RSU_IT/Historcal_faculty_12_2005.
- Гуцалов С.Ю., 1993.** Погребение средневекового воина в восточных отрогах Мугоджар // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург.
- Гуцалов С.Ю., 1998.** Культовый комплекс по горе Жилантау // Уфимский археологический вестник. № 1. – Уфа.
- Гуцалов С.Ю., 1998а.** Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбуржья. № 2. – Оренбург. – С. 127–136.
- Гуцалов С.Ю., 2000.** Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа. – 16 с.
- Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г., 1999.** Скифское изваяние в Южном Зауралье // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Материалы конференции. – Екатеринбург.
- Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г., 2000.** Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска // Уфимский археологический вестник. № 3. – С. 148–161.
- Гущина И.И., 1970.** Раскопки могильника Бельбек III в Крыму // КСИА. Вып. 124.
- Гущина И.И., 1974.** Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М.
- Давыдова А.В., 1956.** Иволгинское городище // СА. № XXV.
- Давыдова А.В., 1960.** Новые данные об Иволгинском городище // Тр. БКНИИК СО АН СССР. Вып. 3.
- Давыдова А.В., 1985.** Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.
- Давыдова А.В., 1996.** Иволгинский археологический комплекс // Археологические памятники сюнну: Иволгинский могильник. – СПб. – Вып. 2. Т. 2. – 176 с.
- Данченко Г.П., Нестеров С.П., 1989.** Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской долины // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. – Новосибирск. – С. 94–103.
- Даньшин Д.И., 1990.** Танаиты и танаисцы во II–III вв. н. э. // КСИА. Вып. 197.
- Дашевская О.Д., 1969.** Погребения гуннского времени в черноморском районе Крыма // МИА. № 169.
- Дашибалов Б.Б., 1996.** Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989.** Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993.** Сарматское погребение Скептуха I в. до н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. № 3.
- Дебен-Франкфор К., 1989.** Саки в провинции Синьцзян до периода Хань. Критерий идентификации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата. – С. 246–256.
- Дебец Г.Ф., 1948.** Палеоантропология СССР // ТИЭ. Т. 4.
- Демиденко С.В., 1997.** Типология литых котлов савромато-сарматского времени с терри-

- тории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. – М.
- Демкин В.А., 1997.** Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. – Пушкино.
- Демкин В.А., Лукашов А.В., 1993.** Почвенно-ландшафтные условия Северо-Западного Прикаспия во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // СА. № 4.
- Демкин В.А., Рысков Л.Г., 1996.** Динамика палеоэкологических условий в волго-уральских степях – проблема миграций ранних кочевников // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. – Улан-Удэ.
- Демкин В.А., Рысков Л.Г., 1996а.** Палеоэкологические условия сухостепного Предуралья во II тыс. до н. э. – I тыс. до н. э. и их роль в жизни населения бронзового и раннежелезного веков // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. – М.
- Деоник В.Б., 1959.** Классификация бус Северного Кавказа // СА. № 3.
- Дерфер Г., 1986.** О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. – М.
- Десятчиков Ю.М., 1973.** Сатархи // ВДИ. № 1. – С. 131–144.
- Десятчиков Ю.М., 1977.** Арифари, царь сираков // История и культура античного общества. – М.
- Джафаров Ю.Р., 1986.** К вопросу о происхождении европейских гуннов // Историко-культурные контакты Алтайской языковой общности. Вып. 1. – М.
- Дзиговский А.Н., 2003.** Очерки истории сарматов карпато-днестровских земель. – Одесса.
- Дзиговский А.Н., Субботин Л.В., 1986.** О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. – Киев.
- Диков Н.П., 1958.** Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ.
- Дмитриев А.В., 1979.** Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. № 4. – М. – С. 212–229.
- Дмитриев А.В. 2003.** Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков. Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. – М. – С. 200–206.
- Добжанский В.Н., 1990.** Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск.
- Довганюк Н.П., 1997.** Находки китайских стеклянных изделий на территории Западной Сибири // Россия и Восток: археология и этническая история. – Омск.
- Доржурэн У., 1962.** Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол (1954–1957 гг.) // Монгольский археологический сборник. – М.
- Досымбаева А., 1998.** Вопросы генезиса тюрков Казахстана в ранний период развития // Отечественная история.
- Досымбаева А.М., 1999.** Культура населения Семиречья во II в. до н.э. – V в. н.э. (по погребальным памятникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Аты. – 29 с.
- Досымбаева Айман, 2006.** Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. – Алматы.
- Древнейшие государства, 1985.** Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. – М.
- Древние погребения Обь-Иртышья, 1991.** – Омск.
- Дьени Г., 2007.** Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии: Дисс. ... канд. ист. наук. УрГУ. – Екатеринбург.
- Дэвлет М.А., 1980.** Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // САИ. Д 4-7.
- Европеус Д., 1868.** К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия туда славян // Журнал Министерства Народного просвещения. Т. 139.
- Егоров Н.И., 2005.** Рецензия на статью Ли Цзиньсу, Юй Тайшань «Несколько вопросов относительно происхождения болгар // http://www.humancap.ru/Kratkij_obzor.htm
- Егоров Я.В., 1993.** Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Сб. науч. статей. – Барнаул.
- Елагин В.С., Молодин В.И., 1991.** Бараба в начале I тыс. н.э. – Новосибирск.
- Елин В.Н., Васютин А., 1984.** Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово.
- Елин В.Н., Изосимов А.В., 1988.** Основные проблемы изучения хуннского и предтюркского времени в Горном Алтае // Проблемы археологии Северной Азии. – Чита.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К., 2005.** Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. №4.
- Ермолаева А.С., 1987.** Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата.

- Ермоленко Л.Н., 2004.** Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск.
- Ефимов К.Ю., 1998.** Сарматские курганы в могильнике Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половине 1 тысячелетия н.э. – Воронеж.
- Железчиков Б.Ф., Кригер В.А., 1978.** Катакомбные захоронения в Уральской области // СА. № 4.
- Железчиков Б.Ф., Кригер В.А., 1979.** Отчет об археологических работах в Уральской области в 1979 г. // ИА НАН РК.
- Жиров Е.В., 1940.** Об искусственной деформации головы // КСИИМК. Вып. 8. – М.; Л.
- Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И., 1996.** Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. – Самара.
- Журавлев Д.В., 2000.** Еще раз о фигурных сосудах в виде барана из сарматских погребений // Историко-археологические исследования на Нижнем Дону. – Ростов-на-Дону.
- Загородний А.С., Григорьев Ф.П., 1998.** Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. – Алма-Аты.
- Заднепровский Ю.А., 1960.** Археологические памятники южных районов Ошской области. – Фрунзе.
- Заднепровский Ю.А., 1971.** Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. – V в. н. э. // Страны и народы Востока. Т. X. – С. 27–36.
- Заднепровский Ю.А., 1975.** К истории кочевников Средней Азии в Кушанскую эпоху // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. II. – М.
- Заднепровский Ю.А., 1975а.** Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. – VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизии. – Фрунзе. – С. 160–167.
- Заднепровский Ю.А., 1992.** Ранние кочевники Семиречья и Тяньшаня // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М. – С. 73–86. – (Археология СССР).
- Заднепровский Ю.А., 1992а.** Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М. – С. 87–94. – (Археология СССР).
- Заднепровский Ю.А., 1992б.** Ранние кочевники Памира // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.
- Заднепровский Ю.А., 1992в.** Ранние кочевники Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М. – С. 101–106. – (Археология СССР).
- Засецкая И.П., 1968.** О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. № 2.
- Засецкая И.П., 1975.** Золотые украшения гуннской эпохи. – Л.
- Засецкая И.П., 1978.** О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. № 1.
- Засецкая И.П., 1982.** Погребения у села Кызыл-Адыр в Оренбургской области // Древние памятники культуры на территории СССР. – Л.
- Засецкая И.П., 1986.** Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южноуральских степях // АС ГЭ. Вып. 27. – Л.
- Засецкая И.П., 1987.** Гунны в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. – Саратов.
- Засецкая И.П., 1994.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху IV–VI вв. – СПб.
- Засецкая И.П., 1999.** Сармато-аланская традиция в украшениях гуннской эпохи // АСГЭ. Вып. 34.
- Засецкая И.П., 2002.** Гунны на Западе // История татар с древнейших времен. Т. 1. – Казань.
- Засецкая И.П., Маршак Б.И., Щукин М.Б., 1979.** Обзор дискуссии на симпозиуме «Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья» // КСИА. № 158.
- Зах В.А., Рябогина Н.Е., 2005.** Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4.
- Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г., 2005.** Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 6. – Тюмень.
- Зданович Г.Б., 1968.** Покровский могильник на р. Ишим // Отчет Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1967 г. – Петропавловск.
- Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К., 1984.** Опыт использования в археологии естественных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) // СА. № 3.

- Зданович Г.Б., Хабдулина М.К., 1986.** Курган Темир // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск. – С. 45–65.
- Зданович С.Я., 1979.** Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века Северного Казахстана // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М. – 24 с.
- Зданович С.Я., 1983.** Происхождение саргаринской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск. – С. 61–80.
- Зиманов С.З., 1958.** Общественный строй казахов первой половины XIX в. – Алма-Ата.
- Златкин И.Я., 1964.** История джунгарского ханства (1635–1758). – М.
- Золотые олени Евразии, 2002.** – СПб.
- Зуев Ю.А., 1960.** Тамги лошадей из вассальных княжеств (перевод из китайского сочинения VIII-X вв.) // Тр. ИИА АН КазССР. Т. 3.
- Зуев Ю.А., 1967.** Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата.
- Зуев Ю.А., 2004.** Каганат Се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // SNYGYS. ж. Института востоковедения. Казахстан. № 1. – Алматы.
- Зяблин Л.П., 1977.** Карасукский могильник Малые Капелы. – М.
- Иванов В.А., 1999.** Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа.
- Иванов В.А., 2002.** Древние угры вокруг Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Тезисы докладов конференции. – Челябинск.
- Иванов В.А., Кригер В.А., 1987.** Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. – Уфа.
- Иванов В.В., 1967.** Языковые данные о происхождении Кушанской династии и тохарская проблема // Народы Азии и Африки. № 3.
- Иванов И.В., 1992.** Эволюция почв степной зоны в голоцене. – М.
- Иванов И.В., 1994.** Место сарматской эпохи в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена // Проблемы истории и культуры сарматов (Тезисы докладов Международной конференции 13–16 сентября 1994 г.). – Волгоград.
- Иванов И.В., 2000.** Причины колебаний уровня Каспийского моря в голоцене по данным палеогеографии и палеопочвоведения // Водные ресурсы. Т. 27. № 3.
- Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995.** Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. – М.
- Иванов И.В., Луковская Т.С., 1998.** Динамика природных условий, почвообразования и взаимодействие природы и общества в степях Евразии, некоторые вопросы палеогеографии голоцена // Экология и почвы. Избранные лекции I–VII школ (1991–1997 гг.). Т. I. – Пушкино.
- Иванов И.В., Чернявский С.С., 2000.** Вопросы археологического почвоведения и некоторые результаты палеопочвенных исследований в заповеднике Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск.
- Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. 1896–1900 /** Сост. Латышев В.В. Т. 1. – СПб.
- Ильяков Л.С., Власкин М.В., 1992.** Сарматы междуречья Сала и Маныча. – Ростов-на-Дону.
- Ильясов С.И., 1963.** Земельные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX вв. – Фрунзе.
- Илюшин А.М., 1988.** Об этапах и путях хуннской экспансии в Южную Сибирь // Проблемы археологии Северной Азии. – Чита.
- Иностранцев К., 1926.** Хунны и гунны. – Л.
- Иордан, 1997.** О происхождении и деяниях гетом. – СПб.
- Исмагил Р., 1998.** Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфим. археол. вест. Вып. 1. – Уфа. – С. 3–7.
- Искусство этрусков и Древнего Рима, 1982 /** Авт. текста Ю.Д. Колпинский, Н.Н. Бритова. – М.
- История Древнего Востока, 1979.** – М.
- История Казахской ССР, 1977.** Т. I. – Алма-Ата.
- История Казахской ССР, 1979.** Т. II. – Алма-Ата.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины, 1986.** – М.
- История Сибири, 1968.** – Л.
- История татар с древнейших времен, 2002.** Т. 1. – Казань.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л., 2000.** Этнополитическая история татар. – Казань.
- Итина М.А., 1977.** История степных племен Южного Приаралья. – М. – 240 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001.** Мавзолеи Северного Тагискаена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М. – 295 с.
- Кабо В.Р., 1986.** Первобытная доземледельческая община. – М.
- Кадырбаев М.К., 1952.** Памятники кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ. Т. 7.

- Кадырбаев М.К., 1958.** О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН КазССР. Вып. 1(6).
- Кадырбаев М.К., 1959.** Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н. э. – VI в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата.
- Кадырбаев М.К., 1959а.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7. Археология.
- Кадырбаев М.К., 1959б.** Исследования кургана с каменными грядами в Джамбульской области // Вестник АН КазССР. № 7 (172).
- Кадырбаев М.К., 1959в.** Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н. э. – VI в. н. э.): Дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата // Архив ИА РАН. – Р-2, № 1552.
- Кадырбаев М.К., 1961.** Могильник Сангуыр II. Тр. ИИАЭ КазССР. № 12. – Алма-Ата.
- Кадырбаев М.К., 1962.** Новые материалы по истории ранних кочевников // Изв. АН КазССР. Вып. 1(18).
- Кадырбаев М.К., 1966.** Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата.
- Кадырбаев М.К., 1968.** Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата. – Стр. 30–38.
- Кадырбаев М.К., 1975.** Курганы Котанзмеля // Первобытная археология Сибири. – Л.
- Казаков Е. П., 1972.** О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.
- Казаков Е.П., 1978.** Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.
- Казаков Е.П., 1981.** Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань.
- Казаков Е.П., 1996.** К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара.
- Казаков Е.П., 1998.** Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). – Самара.
- Казаков А.А., Неверов С.В., 1991.** Хронология и периодизация памятников середины 2-й половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул.
- Кан Ин Ук, 1999.** Проблема выделения книжала «типа Цинь» из ордосских комплексов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Материалы VII годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь, 1999 г. – Новосибирск.
- Кесь А.С., 1979.** Аральское море в голоцене // Этнография и археология Средней Азии. – М.
- Кирилов А.К., 1959.** Археологические работы в Центральном Тянь-Шане // ТКАЭЭ. – М.
- Кирпичников А.Н., 1966.** Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36.
- Кирпичников А.Н., 1966а.** Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36.
- Кирпичников А.Н., 1971.** Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36.
- Кирпичников А.Н., 1973.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36.
- Кирюшин Ю.Ф., 2002.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул
- Кирюшин Ю.Ф., Мамандаков Ю.Т., 1996.** Хуннское влияние на этногенез Горного Алтая в конце I тыс. до н.э. // 100 лет гуннской археологии. Номадизм. Прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. (Тезисы докладов). – Улан-Удэ.
- Киселев С.В., 1951.** Древняя история Южной Сибири. – М.
- Киселев С.В., 1960.** Неолит и бронзовый век Китая // СА. № 4.
- Кляшторный С.Г., 1964.** Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.
- Кляшторный С.Г., 1982.** Гуннская держава на востоке (III в. до н. э. – IV в. н. э.) // История древнего мира. Кн. 3. – М.
- Кляшторный С.Г., 2002.** Гунны на востоке // История татар с древнейших времен. Т. 1. – Казань
- Кляшторный С.Г., 2005.** Степные империи. Рождение, триумф, гибель // Степные империи древней Евразии. – СПб.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1978.** Открытие и изучение древнетюркских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск.
- Кляшторный С.Г., Насилов Д.М., 1986.** Предисловие // Зарубежная тюркология. Вып. 1.

- Древние тюркские языки и литературы. – М.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994. Степные империи Евразии. – СПб.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1998. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юэчжейских войн // Древние культуры Центральной Азии. – СПб.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005. Степные империи Древней Евразии. – СПб.
- Ковалев А.А., 1987. О датировке оленного камня из кургана Аржан // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск.
- Ковалев А.А., 1998. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии. – СПб.
- Ковалев А.А., 1999. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул.
- Ковалев А.А., 2002. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ, Чита.
- Ковалевская В.Б., 1972. Башкирия и Евразийские степи. V–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.
- Ковалевская В.Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1-2.
- Ковалевская В.Б., 1984. Кавказ и аланы. – М.
- Ковриг И., 1982. Погребение гуннского князя в Венгрии // Древности эпохи Великого Переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник. – М. – С. 6–13.
- Ковригин А.А., Шарапова С.В., 1998. Культурно-хронологические комплексы Приговского городища // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. – Омск.
- Кожин П.М., 1990. О хронологии памятников Аньяна // Китай в эпоху древности. – Новосибирск. – С. 45–54.
- Кожомбердиев И.К., 1960. Могильник Акчи-Карасу в долине Кетмень-Тюбе // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе.
- Кожомбердиев И.К., 1963. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск.
- Козлов П.К., 1948. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. – М.
- Козловский А.О., 1992. Историко-культурный розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. – Київ.
- Козырев А., 1905. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // ИНК. Вып. XII.
- Кокшаров С.Ф., 1991. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург.
- Колосовская Ю.К., 1973. Паннония в I–III вв. – М.
- Комар А.В., 2000. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк.
- Комиссаров С.А., 1987. Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сянцзянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск.
- Комплекс археологических памятников у г. Тепсей на Енисее, 1979. – Новосибирск.
- Кондратенко А.П., 1994. Западная хунны (опыт этно-исторической идентификации) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. – Кемерово.
- Коновалов П.Б., 1976. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ. – 247 с.
- Коновалов П.В., 1985. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. – Новосибирск. – С. 41–50.
- Коновалов П.Б., 1996. О происхождении и ранней истории хунну // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. – Улан-Удэ. – С. 58–63.
- Кононов А.Н., 1958. Родословная Туркмен. Сочинения Абул-Гази хана Хивинского. – М.; Л.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1983. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1987. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. Вып. 20. – Екатеринбург.
- Корякова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск.
- Корякова Л.Н., 1991. Саргатская культура или общность? // Проблемы изучения саргатской культуры: Тез. докл. – Омск.
- Корякова Л.Н., 1997. Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура Зауральских скотоводов на рубеже веков. – Екатеринбург.

- Корякова Л.Н., Буддашов В.А., 1997.** Погребальная обрядность // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. – Екатеринбург.
- Корякова Л.Н., Буддашов В.А., Потро Ж.-П., 1997.** Описание курганов и погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. – Екатеринбург.
- Корякова Л.Н., Сергеев А.С., 1986.** Географический аспект хозяйственной деятельности населения азиатской культуры // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск.
- Косарев М.Ф., 1976.** Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис ... докт. ист. наук. – М.
- Косарев М.Ф., 1981.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.
- Косарев М.Ф., 1987.** Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Сер. Археология СССР). – М.
- Косинская Л.Я., 1984.** Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск.
- Косинская Л.Л., 1998.** Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. – Нижневартовск.
- Косинцев П.А., Ражев Д.И., 1999.** Лошади из комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I. – Челябинск.
- Костенко В.И., 1977.** Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н. э.). – Днепропетровск. – С. 114–137.
- Костенко В.И., 1979.** Сарматы в междуречье Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н. э.). – Днепропетровск: Изд-во ДГУ. – С. 124–139.
- Костюков В.П., 1989.** Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском районе Челябинской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13473.
- Костюков В.П., 1995.** Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5 // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа.
- Косыненко В.М., 1997.** Роль бронзовых колокольчиков в погребальном обряде // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 14. – Азов.
- Косыненко В.М., 1998.** Зооморфная керамика некрополя Кобяковского городища. Искусство и магия // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–97 гг. Вып. 15. – Азов.
- Крадин Н.Н., 1992.** Кочевые общества. Владивосток РАН. Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. – 240 с.
- Крадин Н.Н., 1995.** Климат, тренды и нашествия кочевников // Генетические коды цивилизаций. – М.
- Крадин Н.Н., 1996.** Империя хунну. – Владивосток.
- Крадин Н.Н., 1996а.** Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н. э. – V в. н. э.) // Научный доклад, представленный в качестве дисс. докт. ист. наук. – М.
- Крадин Н.Н. 1996б.** Легенда о Модэ и образование Хуннской империи. / Международная конференция. 100 лет гунской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гунский феномен. (I часть). – Улан-Удэ. – С. 44–46.
- Крадин Н.Н. 1996в.** Причина упадка и гибели Хуннской державы. // Вестник ДВО РАН. № 2. – С. 33–38.
- Крадин Н.Н., 2000.** Хозяйственная деятельность населения Иволгинского городища // Вестник ДВО РАН. № 6. – С. 111–121.
- Крадин Н.Н., 2001.** Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок. Восток // Вестник ДВО РАН. № 5. – С. 21–32.
- Кривцова-Гракова О.А., 1948.** Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. Вып. XVII.
- Крил Х.Г., 2001.** Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. – СПб.
- Круглов Е.В., 1990.** Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (Тезисы к Межобластной научной конференции 23-27 января 1990 года). – Пенза. – С. 46–50.
- Круглов Е.В., 1992.** Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // РА. № 4. – М. – С. 176–183.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н., 1983.** Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.
- Кубарев В.Д., 1979.** Новые сведения о древнетюркских оградах Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1980.** Археологические памятники Кош-Агачского района // Археологический поиск. – Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1984.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1987.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1995.** Новый серебряный сосуд из Талдулаира // Известия Лаборатории

археологии. – Горно-Алтайск.

Кубарев В.Д., Баер Д., 2002. Каменные изваяния Шивет-Улана (Центральная Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. – Новосибирск.

Кубарев В.Д., Журавлев А.Д., 1986. Керамическое производство хуннов Алтая // Палео-экономика Сибири. – Новосибирск

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990. Курганы Урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., 2002. Древнетюркские материалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. – Новосибирск.

Кузеев Р.Г., 1971. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности // АЭБ. Т. IV.

Кузеев Р.Г., Иванов В.А., 1983. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа.

Кузнецов В.А., 1990. Погребение III в. из Кисловодска // СА. № 2.

Кузьмина Е.Е., 1978. Бактрия и эллинистический мир в эпоху Александра // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. – М.

Кузьмина Е.Е., 1986. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. – М.

Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.

Кульпин Е.С., 1995. Генетические коды цивилизаций // Генетические коды цивилизаций. – М.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр, 1997. – Екатеринбург.

Кумекоев Б.Е., 1972. Государство кимаков IX–XI вв. (По арабским источникам). – Алма-Ата.

Курган с «усаами» Солончанка I, 1999. – Челябинск.

Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири // САИ. Вып. Е 3–18.

Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. – М. – 327 с.

Кызласов Л.Р., 1958. Этапы древней истории Тувы // ВМУ. Историко-филологическая серия. № 4.

Кызласов Л.Р., 1960. Таптыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. – М.

Кызласов Л.Р., 1976. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. № 3.

Кызласов Л.Р., 1977. Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. № 2.

Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. – М. – 207 с.

Кызласов Л.Р., 2001. Династийная традиция и возникновение Древнехакасского государства // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.

Кюннер Н.В., 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.

Ларин С.И., Матвеева Н.П., 1997. Реконструкция среды обитания человека в раннем железном веке в северной части Тоболо-Ишимской лесостепи (по палинологическим материалам археологических памятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень.

Латышев В.В., 1948. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 1.

Латышев В.В., 1993. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ № 1.

Левашова В.П., Рыгдылон Э.Р., 1952. Шаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее // КСИИМК. Вып. XLIII.

Левина Л.М., 1966. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыясарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. – М.

Левина Л.М., 1971. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. // Труды Хорезмской Археологической экспедиции. Т. VII. – М.

Левина Л.М., 1981. Среднеазиатские связи джетыясарской культуры // Культура и искусство Древнего Хорезма. – М.

Левина Л.М., 1992. Памятники джетыясарской культуры середины I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Степная полоса азиатской части СССР. – М. – С. 61–72. – (Археология СССР).

Левина Л.М., 1993. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-Асар, Косасар и Толпак-Асар // Низовья Сырдарьи в древности. Джетыясарская культура. Вып. III. Ч. 1. – М.

Левина Л.М., 1994. Могильник Асар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Джетыясарская культура. Вып. IV. Ч. 2. – М.

Левина Л.М., 1994а. Могильники Алтынасар 2, 3, 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Джетыясарская культура. Вып. IV. – М.

- Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М.
- Левина Л.М., Галиева З.С., 1993. Археолого-ландшафтные исследования с применением дистанционных методов // Низовья Сырдарьи в древности. Джетысарская культура. Вып. V. Ч. 2. – М.
- Лещинская Н.А., 1995. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск.
- Линь Юнь, 1990. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. Новосибирск.
- Литвинский Б.А., 1967. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. № 2. – С. 32–35.
- Литвинский Б.А., 1968. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). – Душанбе.
- Литвинский Б.А., 1972. Курганы и курумы Западной Ферганы. – М.
- Литвинский Б.А., 1976. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М.
- Литвинский Б.А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. Ч. IV. – М.
- Литвинский Б.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1985. К ранней истории саков Восточного Туркестана // Народы Азии и Африки, № 5.
- Литвинский Б.А., Седов А.В., 1989. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. – М. – 242 с.
- Люман В.Г., 1987. Донгальский тип керамики. // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда.
- Лоховиц В.А., 1979. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичижик // Кочевники на границах Хорезма. – М. – С. 134–155.
- Лоховиц В.А., Хазанов А.М., 1979. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма. – М. – С. 111–133.
- Лубо-Лесниченко Е.И., 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины. – М.
- Лубо-Лесниченко Е.И., 1984. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.
- Лубо-Лесниченко Е.И., 1985. Великий шелковый путь // ВИ. № 9.
- Лукьяшко С.И., 1984. О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С., 1988. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время // Вещный мир. – Новосибирск.
- Лю Дуншэн, Дун Гуанжун, Ан Чжишэн, 1984. Природная обстановка пустынных и лесовых областей Китая // Доклады 27-го Международного геолог. конгресса. Секция С. 03. Четвертичная геология и геоморфология. – М.
- Любчанский И.Э., 2000. Керамика южноуральской лесостепи середины первого тысячелетия н.э. как источник по этнокультурной реконструкции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа.
- Любчанский И.Э., 2004. Комплексы курганов с «усами» и перспективы их исследования // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул.
- Любчанский И.Э., Бытковский О.Ф., 2006. Курганы с «усами»: Новоактюбинский I, Солончанка IX, Новокудуровский I // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск.
- Любчанский И.Э., Епимахов А.В., 1994. Новые памятники гунно-сарматского времени Южного Зауралья // Проблемы истории, философии и культуры. Вып. 1. – Магнитогорск.
- Таиров А.Д., Любчанский И.Э., 1999. Курган с «усами» Солончанка I. // Труды заповедника «Аркаим». – Челябинск.
- Магомедов М.Г., 1983. История Хазарского каганата. – М.
- Мажитов Н.А., 1959. Ново-Турбаслинский курганный могильник // Башкирский археологический сборник. – Уфа.
- Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. – М.
- Мажитов Н.А., 1977. Южный Урал VII–XIV вв. – М.
- Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VII–XII вв. – М.
- Мажитов Н.А., 1988. Южный Урал в VII–XIV вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск.
- Мажитов Н.А., Султанова А.М., 1994. История Башкортостана с древнейших времен до XIV в. – Уфа.
- Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., 2007. Средневековый город Башкорт (Уфа II) // Вестник академии наук Республики Башкортостан. Т. 2. № 3.
- Максименко В.А., 1978. Андроновская культура на Енисее. – Л.
- Максименко В.Е., 1983. Сарматы на Нижнем Дону. – Ростов.

- Максименко В.Е., 1998.** Сарматы на Дону // Донские древности. – Азов: Изд-во Азов. краевед. музея. – Вып. 6. – 280 с.
- Максименко В.Е., Безуглов С.И., 1987.** Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. № 1. – С. 183–192.
- Максименков Г.А., 1975.** Современное состояние периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археологии Сибири. – Л.
- Максимов Е.К., 1956.** Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. 1. – Саратов.
- Максимов Е.К., 1966.** Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. № 1.
- Максимов А.Г., 1962.** Погребальные сооружения скотоводческих племен // Тр. Ин-та истории и археологии и этнографии АН КазССР. Т. 14.
- Максимов А.Г., 1970.** Цепочка курганов из могильника Караша I // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата.
- Максимов А.Г., 1972.** Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата.
- Максимов А.Г., 1975.** Азин-Булак и Шошкала – могильники усуньского времени // Древности Казахстана. – Алма-Ата.
- Максимов А.Г., Мерчиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968.** Древности Чардары. – Алма-Ата. – 262 с.
- Малашев В.Ю., 2007.** Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV вв. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. № 3. – С. 111–121.
- Малов С.Е., 1959.** Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л.
- Малыгин В.В., 2000.** Китайская цивилизация. – М.
- Мамандаков Ю.Т., 1985.** Новые материалы гунно-сарматского времени в горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Горно-Алтайск.
- Мамонова Н.Н., 1979.** Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Международный конгресс монголоведов. Т. III. – Улан-Батор.
- Мамонтов В.И., 1995.** Погребение знатного воина из кургана у пос. Первомайский // Донские древности. Азов. Вып. 4.
- Мандельштам А.М., 1954.** О сложении таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // СА. XX. – М. – С. 58–99.
- Мандельштам А.М., 1966.** Кочевники по пути в Индию // МИА. № 136.
- Мандельштам А.М., 1971.** Мештерхазинский могильник // КСИА. № 128. – С. 66–72.
- Мандельштам А.М., 1975.** Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Тр. Тадж. археол. экспедиции. – Л. – Т. 7. – 225 с.
- Мандельштам А.М., 1978.** К восточным аспектам истории ранних кочевников в Средней Азии и Казахстане // КСИА. № 151.
- Мандельштам А.М., 1983.** Исследования на могильном поле Аймырлыг // Древние культуры Евразийских степей. – Л.
- Мандельштам А.М., 1992.** Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.
- Мануйлов А.Н., 1993.** Сюнну: Традиции и обычаи // Музей. вест. Вып. I. – Краснодар.
- Маргулан А.Х., 1948.** Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946) // Известия АН КазССР. Серия история. Вып. 4.
- Маргулан А.Х., 1948а.** К изучению памятников района реки Сарысу и Улытау // Вестник АН КазССР. № 2.
- Маргулан А.Х., 1949.** Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР. № 67. Серия археологическая. Вып. 2.
- Маргулан А.Х., 1951.** Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Отчет экспедиции 1948 года // Известия АН КазССР. № 108. Серия археологическая. Вып. 3.
- Маргулан А.Х., 1979.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата. – 435 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М., 1966.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата.
- Мариковский П.И., 1977.** О древних астрономических сооружениях на территории Казахстана // Вестник АН КазССР. № 5. – Алма-Ата.
- Мариковский П.И., 1983.** К изучению астрономического значения курганов с «усами» // Вестник АН КазССР. № 4.
- Марков Г.Е., 1976.** Кочевники Азии. – М.
- Марсадолов Л.С., 2004.** О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 Междунар. конф. «Про-

блемы сарматской археологии и истории». – Краснодар.

Мартынов А.И., 1996. О начале гуннской эпохи в степной Евразии // 100 лет гуннской археологии. Номадизм. Прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. (Тезисы докладов). Ч. 1. – Улан-Удэ.

Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин Г.С., 1979. Конец скифской эпохи в Южной Сибири: Шестаковская культура // Проблемы скифо-сибирского культурного исторического единства. – Кемерово.

Масанов Н.Э., 1984. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX вв. – Алма-Ата.

Массон В.М., 1989. Первые цивилизации. – Л. – 276 с.

Матвеев А.В., 1993. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск.

Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н., 1997. Исследование энеолитического могильника Бузан 3 в Ингальской долине // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. I. – Тюмень.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., 1985. Саргатский могильник у д. Тютрино // КСИА. № 184.

Матвеева Г.И., 1968. Шареевский могильник // Из истории Башкирии. – Уфа.

Матвеева Г.И., 1975. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. V. – Куйбышев.

Матвеева Г.И., 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н. э. // Культуры Восточной Европы в I тыс. н. э. – Куйбышев.

Матвеева Г.И., 1995. О происхождении памятников Новинкинского типа // Культура степей Евразии второй половины I тыс. – Самара.

Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара.

Матвеева Г.И., 2003. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура: Учебное пособие. – Самара. – 160 с.

Матвеева Н.П., 1987. Ранний железный век Среднего Притоболья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск.

Матвеева Н.П., 1989. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень.

Матвеева Н.П., 1991. О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Притоболье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень.

Матвеева Н.П., 1993. Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск.

Матвеева Н.П., 1994. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск.

Матвеева Н.П., 2006. Кушнаренковские комплексы в свете культурогенеза периода раннего средневековья в Зауралье // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II. – Новосибирск.

Матвеева Н.П., 2007. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // АВ ORIGINE. Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень.

Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Берлина С.В., 2007. К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры // АВ ORIGINE. Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв., 1989. Сюнну. Вып. 1. – М.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), 1968 / Пер. и прим. В.С. Таскина. Вып. I. – М.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), 1973. Вып. 2. – М.

Мачинский Д.А., 1974. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. № 16. – С. 131–135.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь. – Воронеж.

Медведев А.П., 1998. Верхнее Подонье в первой половине I тысячелетия н. э. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия. – Воронеж. – С. 4–18.

Медведев А.П., 1998а. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс.н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья в первой половине I тысячелетия н. э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. – Воронеж: Воронежский государственный университет. – С. 42–84.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). – Воронеж: Воронежский университет. – 220 с.

Мелентьев А.Н., 1975. Керамика карасукского типа Северного Прикаспия // КСИА. Вып. 142.

Мелентьева Г.М., 1973. Курганы позднесарматского времени на Нижнем Дону // КСИА. Вып. 133.

Мелокова А.И., 1962. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. № 1. – С. 195–208.

Мерперт Н.Я., 1955. Из истории оружия Восточной Европы в раннем средневековье // СА. Т. XXIII.

Мерперт Н.Я., 1957. К вопросу о древнейших болгарских племенах. – Казань. – 37 с.

- Минаева Т.М., 1927.** Погребения с сожжением близ Покровки // УЗСГУ. Т. 6. Вып. 3.
- Минаева Т.М., 1951.** Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // Материалы и исследования по археологии СССР. № 23. АН СССР. – М.; Л. – С. 273–301.
- Минаева Т.М., 1982.** Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков. – М. – С. 222–234.
- Миняев С.С., 1988.** Сюнну // Исчезнувшие народы. – М.
- Миняев С.С., 1990.** Азиатские аспекты «гуннской проблемы» // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул.
- Могильник на острове Мольбышенский, 1988.** – Йошкар-Ола.
- Могильников В.А., 1972.** К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории Урала. – М.
- Могильников В.А., 1973.** К этнокультурной характеристике западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири. Вып. 7. – Томск.
- Могильников В.А., 1981.** О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины 1 тыс. н. э. // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск.
- Могильников В.А., 1983.** К состоянию вопроса об этнической интерпретации культур Западной Сибири эпохи железа // Этнические процессы на Урале и в Западной Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск.
- Могильников В.А., 1983а.** Могильник Кара-Коба II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. – Горно-Алтайск.
- Могильников В.А., 1983б.** Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск.
- Могильников В.А., 1986.** Взаимоотношения кулайской и саргатской культур // КСИА. Вып. 186.
- Могильников В.А., 1987.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск.
- Могильников В.А., 1991.** Некоторые проблемы изучения саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск.
- Могильников В.А., 1992.** Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М. – С. 254–273. – (Археология СССР).
- Могильников В.А., 1999.** К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Сборник научных статей. – Барнаул. – С. 134–138.
- Могильников В.А., 1999а.** Тенденции этнокультурного развития населения северо-западных предгорий Алтая в эпоху раннего железа // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э. – Челябинск. – С. 186–189.
- Могильников В.А., 2002.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. – М.
- Молодин В.И., 1977.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск.
- Молодин В.И., 1998.** Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН.
- Молодин В.И., 2000.** Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (4). – Новосибирск.
- Молодин В.И., 2000а.** Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. – Новосибирск. – 192 с.
- Молодин В.И., 2001.** Памятник Сопка 2 на реке Оми. Т. 1. – Новосибирск
- Молодин В.И., Кан Ин Ук, 2000.** Памятник Ярхото в контексте гуннской проблемы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3.
- Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородавский А.П., Новикова А.В., Ким А.Р., Чикишев Т.А., Беланов П.И., 1988.** Бараба в тюркское время. – Новосибирск.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1990.** Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск.
- Мордкович В.Г., 1982.** Степные экосистемы. – Новосибирск.
- Морозов Ю.А., 2004.** Новые памятники курмантауской культуры в горной зоне верхнего течения р. Белой. // Уфимский археологический вестник. Вып. 5.
- Мошкова М.Г., 1963.** Памятники Прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1–10.
- Мошкова М.Г., 1974.** Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М. – 58 с.
- Мошкова М.Г., 1978.** Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на ниж-

нем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М. – С. 71–77.

Мошкова М.Г., 1983. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. – Саратов.

Мошкова М.Г., 1984. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифское время. – М.

Мошкова М.Г., 1989. Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.

Мошкова М.Г., 1994. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II–IV вв. н. э. // Проблемы истории и культуры сарматов. – Волгоград.

Мошкова М.Г., 2007. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV в. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) // РА. № 37. – С. 103–111.

Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А., 1978. Отчет об археологических работах в Уральской обл. в 1978 г. // Архив ИА НАН РК.

Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А., 1980. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1980 г. // Архив ИА НАН РК.

Мысцова Е.П., Сергацков И.В., 1994. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // СА. № 3.

Напольских В.В., 1997. Введение в историческую уралистику. – Ижевск.

Неверов С.В., 1988. История племен сроткинской культуры VII–XII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990. Могильник скифского времени Кайнду в горном Алтае // Археологические исследования Катуня. – Новосибирск.

Неразик Е.Е., 1958. Археологическое обследование городищ Куны Уз в 1952 году // КСИА. № 154. – С. 380–388.

Неразик Е.Е., 1968. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV–VIII вв. // История, археология и этнография Средней Азии. – М. – С. 197–207.

Нестеров С.П., 1982. Погребения с конем на р. Таштык // Археология Северной Азии. – Новосибирск.

Нефедов Ф.Д., 1899. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, производимых летом 1887–1888 гг. // Материалы по археологии Восточных губерний России. Т. III.

Нечаева Л.Г., 1956. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Канд. дис. / ЛОИА. – Л. – С. 185–216.

Нечаева Л.Г., 1961. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. – Л.

Никаноров В.П., Худяков Ю.С., 1999. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. – Новосибирск. – С. 141–154.

Николаев Р.В., 1984. Хуннская экспансия и связанные с ней этнокультурные процессы в Сибири // Проблемы археологии Евразии. – Кемерово.

Николев Н.Н., 1996. Планиграфия курганов-кладбищ могильника Кокэль как хронологический признак // 100 лет гуннской археологии. Номадизм. Прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. (Тезисы докладов). Ч. I. – Улан-Удэ.

Нидзельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М., 2007. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II – Москва; Иерусалим: «Гешарим». – С. 193–214.

Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). – М.

Новосельцев А.П., 1990. Хазарское государство и его роль в истории восточной Европы и Кавказа.

Нурмухамбетов В., 1970. Некоторые итоги раскопок Бориджарского могильника // По следам древних культуры Казахстана. – Алма-Ата.

Нурмухамбетов В., 1975. Катакомбы Бориджанского могильника // Древности Казахстана. – Алма-Ата.

Обельченко О.В., 1961. Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент: Изд-во АН УзССР. – Вып. 2. – С. 97–176.

Обельченко О.В., 1967. Погребения сарматского типа под Самаркандом // СА. № 2. – С. 181–187.

Обельченко О.В., 1974. Курганный могильник эпохи кушан в Бухарском оазисе // Цент-

ральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. 1. – М.

Обельченко О.В., 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. № 4.

Обломский А.М., 2003. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). – М.: Наука. – 255 с.

Обломский А.М., 2004. Заключение // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Выпуск 6). – М. – С. 163–166.

Обломский А.М., 2004а. Хронология Замятинского археологического комплекса // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Выпуск 6). – М. – С. 144–148.

Обломский А.М., 2004б. Раннесредневековое труположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. – СПб. – С. 221–227.

Обломский А.М., 2005. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. № 2. – Москва. – С. 32–45.

Обыденнов М.Ф., 1997. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. – Уфа.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург.

Овсянников В.В., 1999. К характеру этнокультурных контактов в лесостепном Приуралье в позднесарматскую эпоху // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. – Челябинск.

Овсянников В.В., 2006. Этнокультурная ситуация в Среднем Прибелье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого Переселения народов. – Ижевск.

Овсянников В.В., 2006а. Характер взаимодействия носителей кара-абызской культуры с соседним населением во II–IV вв. н. э. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого Переселения народов. – Ижевск.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н., 2007. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. – Уфа.

Овчинникова Б.Б., 1988. Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск.

Овчинникова Б.Б., 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск.

Ольховский В.С., 1977. Скифские катакомбы Северного Причерноморья // СА. № 4.

Ольховский В.С., 2005. Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа. – М.

Опалев В.О., 2000. Новые материалы по проблеме сако-усуньской культуры в Синьцзяне // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 4-й регион. археолого-этнографической конф. – Новосибирск. – С. 201–202.

Оразбаев А.М., 1969. Курган с «усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата.

Орлов С.Р. 1985. Этнокультурная карта территории украинской ССР в I тыс. н. э. – Киев: Наукова Думка.

Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени, 2004 (Раннеславянский мир. Выпуск 6). – М. – 330 с.

Панфилов А.Н., 1993. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье. Пре-принт. – Тюмень.

Пань Джиангли, Хуань Чунчанг, Чжань Чжаньпин, 2003. Микроморфологические и геохимические признаки изменений климата и почв Лёссового плато в голоцене // Почвоведение. № 2.

Пастушенко И.Ю., 1998. Об этнокультурной принадлежности «тураевцев» // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Ч. 1. – Екатеринбург.

Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. Волжские ананьинцы. – М.

Пересветов Г.Ю., 2001. Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). – Барнаул.

Песочина Л.С., Зайцев С.В., 1996. Палеопочвы курганного могильника «Покровка 7» как индикаторы природных условий раннесарматского времени // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. – М.

Петров М.П., 1966. Пустыни Центральной Азии. Т. 1. – М.; Л.

Петров А.И., 1987. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в

Среднем Прииртыше // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). – Омск.

Пигулевская Н.В., 1941. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Института востоковедения. Т. ХLI. – М.; Л.

Пилипко В.Н., Коваленко Г.А., 1985. Северная Парфия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. – М.

Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. МИА 142.

Плетнева С.А., 1981. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.

Плетнева С.А., 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М.

Плетнева С.А. 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М. – 288 с.

Плетнева С.А., 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника Саркела – Белой Вежи). – М.

Плетнева С.А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). – Воронеж. – 248 с.

Повесть временных лет, 1950. (Подг. текста Д.С. Лихачева; Пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц) – М.; Л. – Т. 1–2. – 531 с.

Погодин А.Л., 2000. Военное снаряжение тяжело вооруженного воина Западной Сибири в раннем железном веке // Материалы XXII открытой региональной олимпиады школьников по археологии, этнографии, истории религии и искусств. – СПб.

Погодин Л.И., 1998. Лаксовые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. – Омск.

Погребова М.Н., 1988. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М. – С. 156–189.

Подушкин Н.П., 1970. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховой реки Арысь (I–IV вв.) // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата.

Подушкин Н.Н., 2000. Арыссыкая культура Южного Казахстана IV в. до н. э. – VI н. э. – М.

Полосьмак Н.В., 1987. Бараба в эпоху железа. – Новосибирск.

Полосьмак Н.В., 1990. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблемы происхождения скиннской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск. – С. 101–107.

Полосьмак Н.В., 1994. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С., 1989. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск.

Постнова Т.А., 1996. К проблеме хронологии культуры хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм. Прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе (Тезисы докладов). Ч. 1. – Улан-Удэ.

Потемкина Т.М., 1979. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. № 2. – С. 19–30.

Потемкина Т.М., 1995. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА. № 2

Потемкина Т.М., 2001. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.

Потемкина Т.М., Матвеева Н.П., 1997. Большое Бакальское городище / Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень.

Природа Челябинской области, 1964. – Челябинск.

Прокопенко Ю.А., 1996. Северная ветвь Великого шелкового пути в I–III вв. н. э. // Развитие экономики и предпринимательства в России и за рубежом. – Ставрополь.

Прохорова Т.А., Гугуев В.К., 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА № 1.

Пшеницына М.Н., 1975. Третий тип памятников тесинского типа (Первобытная археология Сибири). – Новосибирск.

Пшеницына М.Н., 1992. Тесинский этап // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.

Пшеничнюк А.Х., 1968. Уфимский курганный могильник. АЭБ. Т. III. – Уфа.

Пшеничнюк А.Х., 1976. Шиповский комплекс памятников IV в. до н.э. – III в. н. э. // Древности Южного Урала. – Уфа.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.

Пшеничнюк А.Х., 1992. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. – Саратов.

- Пшеничник А.Х., Рязанов М.Ш., 1976.** Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. – Уфа.
- Пьянков И.В., 1996.** Предшественники гуннов. К проблеме Центрально-азиатского эпицентра евразийских кочевых волн // 100 лет гуннской археологии. Номады. Прошлое, настоящее в глобальном аспекте и исторической перспективе. (Тезисы докладов). Ч. I. – Улан-Удэ.
- Радлов В.В., 1893.** К вопросу об уйгурах. Приложение к XXII т. Записок ИАН. № 2. – СПб., стр. 108 сл.
- Раев Б.А., 1989.** Аланы в Евразийских степях: Восток-Запад // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти акад. М.И. Ростовцева. – Новочеркасск.
- Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А., 1979.** Курганы на возвышенности Чап-Тепе // Кочевники на границах Хорезма. – М.
- Расторопов А.В., 1993.** Этнокультурная интерпретация археологических памятников лесного и лесостепного Зауралья в раннем железном веке и средневековье // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург.
- Рашо Рашев, 2007.** Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. – Казань. – С. 104–117.
- Рикман Э.А., 1975.** Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века новой эры. – М. – 336 с.
- Руденко С.И., 1960.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.
- Руденко С.И., 1962.** Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л.
- Рудковский И.В., 1989.** Типы зонирования в андроновской орнаментации // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда.
- Рыков П.С., 1925.** Сусловский курганный могильник. – Саратов.
- Рыков П.С., 1926.** Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье Уральского края летом 1925 г. // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области. – Саратов.
- Рыков П.С., 1935.** Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–44 гг. Т. II. Изв. ГАИМК. Вып. 110.
- Рыков П.С., 1936.** Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. – Саратов.
- Рысков Я.Г., 1996.** Реконструкция истории развития почв и природной среды степного Предуралья в голоцене (с использованием методов геохимии стабильных изотопов): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Пушчино.
- Рысков Я.Г., Демкин В.А., Олейник С.А., Рыскова Е.А., Ковалевская И.С., 2000.** Динамика изотопного состава педогенных карбонатов и гумуса как индикатор условий почвообразования в голоцене // Почвоведение. № 6.
- Савельев Н.С., 2000.** Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. – Самара. – С. 41–52.
- Савинов Д.Г., 1973.** Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая // Тюркологический сборник. – М.
- Савинов Д.Г., 1976.** Расселение кимаков в IX–X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата.
- Савинов Д.Г., 1978.** О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // Археологический поиск: Северная Азия. – Новосибирск.
- Савинов Д.Г., 1979.** Об основных этапах развития этнокультурной общности и кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. – Томск.
- Савинов Д.Г., 1984.** Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово.
- Савинов Д.Г., 1994.** Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово. – 215 с.
- Савченко Е.И., 1986.** Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. – М.
- Сайко В., 2003.** Цивилизация в пространственно-временном континууме социальной эволюции и проблема ее системного слома // Цивилизация. Восхождение и слом: структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. – М. – С. 16–26.
- Сальников К.В., 1950.** Сарматские погребения в районе Магнитогорска // КСИИМК. Вып. XXXIV.
- Сальников К.В., 1956.** Исетские древние поселения // СА. № 25.
- Сальников К.В., 1964.** Итоги и задачи археологического изучения Башкирии // АЭБ. Т. 2. – Уфа.
- Сальников К.В., 1967.** Очерки древней истории Южного Урала. – М.

- Самашев Д.Г., 1987. Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата.
- Самашев З.С., Ольховский В.С., 1996. Стелы Дыкылтаса (Западный Казахстан) // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара.
- Сарианиди В.И., 1977. Древние земледельцы Афганистана. – М.
- Сарианиди В.И., 1989. Храм и некрополь Тиля-Тепе. – М. – 240 с.
- Свиридов А.Н., 2004. Курганы с «усами» из Акмолинской области (по результатам работы Ишимской археологической экспедиции) // «Ахинжановские чтения – 2004». Тезисы докладов научной конференции молодых ученых. – Алматы.
- Седова М.С., 1995. Исследования Шеляховского II кургано-грунтового могильника // Средневековые памятники Поволжья. – Самара.
- Семенов А.И., 1988. К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АС ГЭ. Вып. 29.
- Семенов Л.Ф., 1930. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа // Вестник Центрального музея Казахстана. № 1.
- Семенюк Г.И., 1958. К проблеме родства у кочевых народов // ИАН КазССР. Сер. Археология и этнография. Вып. 1. – Алма-Ата.
- Сергацков И.В., 1990. Позднесарматское катакомбное погребение из Бахтияровского могильника // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Сергацков И.В., 1998. О некоторых обстоятельствах появления аланов в Восточной Европе // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград. – Вып. 1. – С. 44–49.
- Сергацков И.В., Клеников В.М., Мышкин В.Н., 2001. VI Международная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории» // РА. № 1. – С. 168–172.
- Симоненко А.В., 1992. Фарзой и Инесмей – аорсы или аланы? // ВДИ. № 3.
- Синицын И.В., 1946. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. Вып. VIII.
- Синицын И.В., 1948. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. № X.
- Синицын И.В., 1956. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов. Вып. 1.
- Синицын И.В., 1959. Археологические исследования заволжского отряда // МИА. № 60.
- Синицын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–55 гг.) // МИА. № 78.
- Ситников С.М., Шульга П.И., 1995. Работы на Юго-Западном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул. – С. 59–62.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М., 1999. Курганный могильник Усть-Тара VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Вып. 3. – Омск.
- Скрипкин А.С., 1974. Позднесарматское катакомбное погребение из Черняховского района Астраханской области // КСИА. Вып. 140.
- Скрипкин А.С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. № 2.
- Скрипкин А.С., 1982. Азиатская Сарматия во II–IV вв. (Некоторые проблемы исследования) // СА. № 2.
- Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов. – 150 с.
- Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. – Саратов.
- Скрипкин А.С., 1997. Этюды по истории и культуре сарматов. Учебное пособие. – Волгоград. – 103 с.
- Скрипкин А.С., 1998. Материалы Суловского могильника // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. – Волгоград.
- Скрипкин А.С., 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. – Волгоград.
- Смагулов Е., Павленко Ю.В., 1996. Гунны на пути в Европу // Известия министерства науки – Академии наук Республики Казахстан. Сер. гуманитарные науки. Вып. 2. – Алма-Аты.
- Смирнов А.П., 1957. Железный век Башкирии // МИА. № 58.
- Смирнов А.П., 1971. Из этнической истории Западного Приуралья в 1 тысячелетии н. э. // АЭБТ. Т. IV.
- Смирнов А.П., 1984. К вопросу о гуннских племенах на Средней Волге и Прикаспии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М.
- Смирнов К.Ф., 1947. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Докл. и сообщения исторического факультета МГУ. – М.
- Смирнов К.Ф., 1950. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. – М.; Л. – Вып. XXXIV. – С. 97–114.
- Смирнов К.Ф., 1953. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры // СА. № XVII. – С. 133–148.

- Смирнов К.Ф., 1954.** Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конф. ИИМК АН СССР 1952 г.). – М. – С. 195–219.
- Смирнов К.Ф., 1959.** Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции): МИА. – М. – Т. 1. – С. 217–321.
- Смирнов К.Ф., 1961.** Вооружение савроматов // МИА. № 101.
- Смирнов К.Ф., 1962.** Археологические статьи в трудах Саратовского областного музея краеведения // СА. № 4.
- Смирнов К.Ф., 1964.** Савроматы. Ранняя история и культуры сармат. – М.
- Смирнов К.Ф., 1972.** Сарматские катакомбные погребения южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1.
- Смирнов К.Ф., 1974.** Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Волги и Дона в IV вв. н. э. – II в. н. э. // СА. № 13.
- Смирнов К.Ф., 1975.** Сарматы на Илеке. – М. – 176 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В., 1998.** Курганы скифского времени с черепами животных на могильнике Кызыл-Таш в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул.
- Соенов В.И., Эбель А.В., 1998а.** Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл Таш // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии, № 3. – Горно-Алтайск.
- Сокольский Н.И., 1968.** Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philosophie des altertums. Budapest.
- Соловьев А.И., 2003.** Оружие и доспехи. – Новосибирск.
- Сорокин С.С., 1954.** Некоторые вопросы происхождения катакомбных могил Ферганы // СА. № XX.
- Сорокин С.С., 1955.** Отчет об археологических разведках и раскопках Западно-Казахстанского целинного отряда в 1955 г. // Архив ИИМК РАН.
- Сорокин С.С., 1956.** Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. № XXVI.
- Сорокин С.С., 1956а.** О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. Вып. 64.
- Сорокин С.С., 1961.** Древние скотоводы Ферганских предгорий // Исследования по археологии СССР. – Л.
- Сорокин С.С., 1969.** Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // ТГЭ. Т. X.
- Сорокин С.С., 1977.** Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Паза // АСТЭ. Вып. 18.
- Сорокин С.С., 1981.** К вопросу о толковании внекурганых памятников ранних кочевников Азии // АСТЭ. Вып. 22.
- Сосновский Г.П., 1935.** Дерестуйский могильник 1 // ПИДО. № 1–2.
- Старостин П.Н., 1971.** Этнокультурная общность предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычного населения Среднего Поволжья. – Казань.
- Старостин П.Н., 1971а.** Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Археология и этнография Татарии. Вып. 1.
- Стащенко Д.А., 1995.** Новые детали погребального обряда раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. – Самара.
- Степанов Н.Ф., Кирюшин К.Ю., 1989.** Могильник скифского времени Тыткескень-IV // Археологические исследования в Сибири. Тезисы материалов конференции. – Барнаул.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, 1981.** – М.
- Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, 1992.** – М.
- Степная цивилизация Восточной Евразии, 2003.** – Т. 1. Древние эпохи. – Астана: Култегін. – 264 с.
- Стефанов В.И., 2006.** Могильник Товкутлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. № 1.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н., 1984.** Поселение заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск.
- Стоколов В.С., 1958.** Отчет об археологической экспедиции Челябинского музея в 1957 г. – Челябинск.
- Стоянов В.Е., 1962.** Сайгатинский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4.
- Стоянов В.С., 1970.** Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск.

- Стоянов В.С., 1975.** Некоторые черты социально-экономической организации населения зауральско-западносибирской лесостепи: Ранний железный век // Археологические исследования на Урале и Западной Сибири. – Свердловск.
- Страбон, 1964.** География: в 17 к-н. – Л.; М.
- Сунгатов Ф.А., 1995.** Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа.
- Сунгатов Ф.А., 1995а.** Население среднего течения р. Белой в V–VIII вв. (Турбаслинская культура) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа.
- Сунгатов Ф.А., 1998.** Турбаслинская культура. – Уфа.
- Сунгатов Ф.А., 2002.** Гунны в Волго-Уральском регионе // История татар. – Т. 1. – Казань. – С. 153–156.
- Сунгатов Ф.А., 2003.** Султантимировский I курган с «усами» // УАВ. Вып. 4.
- Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М., 2004.** Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганный-грунтовый могильник). – Уфа. – 93 с.
- Суразаков А.С., 1986.** Могильник Айрыдаш I в горном Алтае // АО 1984.
- Суразаков А.С., 1987.** Раскопки могильника Айрыдаш I // АО 1985. – М.
- Таиров А.Д., 1986.** Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск. – С. 25–37.
- Таиров А.Д., 1993.** Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в 1 тысячелетии до н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. – Челябинск.
- Таиров А.Д., 1995.** Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй половине I тыс. до н.э. и расселение ранних сарматов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 2. – Челябинск.
- Таиров А.Д., 1998.** Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург. – Вып. 2. – С. 96–97.
- Таиров А.Д., 2000.** Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. – Челябинск.
- Таиров А.Д., 2002.** Кочевники Южного Зауралья и Средняя Азия в конце IV–II вв. до н.э. // Вестник ЧелГУ. Серия 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. № 1. – С. 142–153.
- Таиров А.Д., 2003.** Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II – I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. – Челябинск.
- Таиров А.Д., 2004.** Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. – Краснодар.
- Таиров А.Д., 2005.** Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Москва. – 54 с.
- Таиров А.Д., 2006.** К вопросу о генезисе культур раннесакского времени урало-казахстанских степей // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культургенеза). Челябинск. С. 256–298.
- Таиров А.Д., 2007.** Кочевники урало-казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. – Челябинск. – 274 с.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г., 1996.** Могильник Карсакбас // Вопросы археологии Западного Казахстана, вып. 1. – Самара.
- Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988.** К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск. – С. 141–157.
- Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю., 1999.** Стелы и антропоморфия изваяния раннего железного века Южноуральских степей // Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. – Челябинск.
- Таиров А.Д., Любчанский И.Э., 1995.** Археологический комплекс курганы с «усами» эпохи Великого переселения народов // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н.э.: Тезисы докладов Международной научной археологической конференции. – Самара.
- Тереножкин А.И., 1940.** Памятники материальной культуры на Ташкентском канале // Известия УзФАН СССР №9
- Терехова Л.М., Чемякин Ю.П., 1983.** Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов. – Саратов.
- Техов Б.В., 1977.** Центральный Кавказ в XIV–X вв. до н.э. – М.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005.** Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай).
- Ткачев В.В., 1994.** Отчет об археологических раскопках в Актюбинской области летом–осенью 1993 г. – Актюбинск.

- Толстов С.Г., 1947. К вопросу о происхождении каракалпакского народа // КСИЭ. Вып. 2.
- Толстов С.П., 1934. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // ИГАИМК. Вып. 103. – М.; Л.
- Толстов С.П., 1937. Города гузов // СЭ. № 3.
- Толстов С.П., 1948. Древний Хорезм. – М.
- Толстов С.П., 1949. Периодизация древней истории Средней Азии КСИИМК. XXVIII.
- Толстов С.П., 1958. Работы хорезмской археологической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // ТХЭ. Т. II. – М.
- Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.
- Толыбеков С.Е., 1959. Общественно-экономический строй казахов в XVIII–XIX вв. – Алма-Ата.
- Тотев Б., Пелевина О., 2005. Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар // Античная древность и средние века. – Екатеринбург.
- Трифонов Ю.И., 1973. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тюю) // Тюркологический сборник. – М.
- Троицкая Т.Н., 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., 1981. Одицовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии эпохи железа. – Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994. Большеберенская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск. – 184 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск.
- Трофимова Т.А., 1968. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности // История, археология и этнография Средней Азии. – М.
- Тумэн Д., 1985. Антропологическая характеристика хунну Монголии // Древние культуры Монголии. – Новосибирск.
- Тур С.С., 2004. Краниологические материалы из могильников Северных предгорий Алтая скифского времени // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул. – С. 253–257.
- Тургунов Б., 1978. Дом богатого домовладельца // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент.
- У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Туньсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. – Новосибирск. – С. 88–101.
- Уманский А.П., 1974. Могильники Верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Древняя Сибирь. Материалы по истории Сибири. Выпуск 4. – Новосибирск. – С. 136–149.
- Уманский А.П., 1978. Погребения эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск.
- Усманова Э.Р., 1987. Новые материалы по эпохе кочевников из Джезказганской области // Ранний железный век и средневековые Урало-Ишимского междуречья. – Челябинск.
- Федоров Г.Б., 1960. Население Прутско-Днепровского междуречья в I тыс. н. э. – М. – 370 с. – (МИА: № 9).
- Федоров Г.Б., Полевой Л.Л., 1973. Археология Румынии. – М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.; Л.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников Золотой Орды. – М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Погребения хазарского времени «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1973. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.
- Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978. Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М. – 296 с.
- Флеров В.С., 1984. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. – М.
- Флерова В.Е., 2001. Подкурганные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. – Донецк. – С. 163–190.
- Фокеев М.М., 1986. Типы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. – Киев. – С. 157–160.
- Фокеев М.М., 1987. Памятники первых веков новой эры в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тысячелетия н.э. – Киев. – С. 16–25.
- Фурсов А.И., 1987. Восточный феодализм и история Запада: критика одной интерпретации // Народы Азии и Африки. № 4.
- Хабдулина М.К., 1987. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного

- Казахстана VIII–II вв. до н. э.) // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск. – С. 3–25.
- Хабдулина М.К., 1994.** Степное Поишимье в эпоху раннего железа. – Алматы.
- Хабдулина М.К., 1999.** Хуннские памятники на пути миграции на запад // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.
- Хабдулина М.К., Зданович Г.Б., 1984.** Ландшафтно-климатические колебания Полоцка и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Ишимского междуречья.
- Хаврин С.В., 1994.** Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. № 8. – С. 104–113.
- Хазанов А.М., 1963.** Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.
- Хазанов А.М., 1966.** Сложные дуги евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Казахстана и Средней Азии. – М.
- Хазанов А.М., 1975.** Социальная история скифов.
- Халиков А.Х., 1984.** Культура древних венгров в Приуралье и Подунавье в VIII–X вв. – Будапешт.
- Халиков А.Х., 1987.** Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. – М.
- Халикова Е.А., 1975.** Magna Hungaria // ВИА. № 7.
- Халикова Е.А., 1976.** Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. № 3.
- Халикова Е.А., 1976а.** Больше Тиганский могильник // СА. № 2.
- Хвостов В.А., 2001.** Захоронения эпохи неолита могильника Боровянка – XVII в Среднем Прииртышье // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень.
- Хронология Болгарии, 2003** // www.hrono.ru/blgr.html
- Худяков Ю.С., 1986.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск. – 368 с.
- Худяков Ю.С., 1996.** Хунны в Саяно-Алтае // 100 гуннской археологии. Номадизм. Прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. (Тезисы докладов). – Улан-Удэ.
- Худяков Ю.С., Комиссаров С.А., 2002.** Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. – Новосибирск.
- Худяков Ю.С., Кочев В.А., 2000.** Чатырская мумия // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990.** Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эриган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск.
- Худуд Ал-алем, 1930.** Рукопись Туманского. – Л.
- Цибульский В.В., 1989.** Лунно-солнечный календарь Восточной Азии. – М.
- Цыбыктаров А.Д., 1996.** К вопросу об участии населения культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья в формировании культуры хунну // 100 гуннской археологии. Номадизм. Прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе (Тезисы докладов). – Улан-Удэ.
- Цыбыктаров А.Д., 1998.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ.
- Цэвэндорж Д., 1985.** Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. – Новосибирск.
- Чемакин Ю.П., 1998.** Жилище белоярской культуры из Сургутского Приобья // Археология Западной Сибири. – Нижневартовск.
- Чернецов В.Н., 1957.** Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // МИА. № 57.
- Черников С.С., 1951.** Отчет о работах Восточно-Казахстанских экспедиций 1948 г. // Известия АН КазССР. № 108. Серия археология. Вып. 3. – Алма-Ата.
- Черников С.С., 1960.** Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88.
- Черников С.С., 1975.** К вопросу о хронологических периодах ранних кочевников (по археологическим материалам Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л. – С. 132–137.
- Черных Е.Н., 1983.** Проблемы общности культур валяковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск. – С. 81–99.
- Чжун Сук-Бэ, 2000.** О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.
- Чибилев А.А., 1990.** Лик степи. – Л.
- Чиндин А.Б., 1987.** Новая стоянка каменного века на территории Карагандинской области // Проблемы археологии Северной Евразии. – Кемерово.
- Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи, 2004** / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, И. Шнеевайсс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, А.П. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мильникова, С.К. Васильев, Н. Бенекс, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Кулик. –

- Новосибирск. – Т. 1. – (Материалы по археологии Сибири). – 336 с.
- Членова Н.Л., 1964.** Карасукская культура // История Сибири. Т. 1. – Улан-Удэ.
- Членова Н.Л., 1967.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.
- Членова Н.Л., 1972.** Хронология памятников карасукской эпохи. – М.
- Членова Н.Л., 1981.** Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и начале железного века // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. – Кемерово.
- Членова Н.Л., 1993.** О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // ПАВ. № 7.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А., 2002.** Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (10). – С. 115–124.
- Шарапова С.В., 2000.** Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (Опыт статистического анализа) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск.
- Шахматов В.Ф., 1964.** Казахстанская пастбищно-кочевая община (Вопросы образования, эволюции и разложения). – Алма-Ата.
- Шелов Д.Б., 1972.** Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. – М.
- Шелов Д.Б., 1974.** Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // Вестник древней истории. 1(127). – М.
- Шелов Д.Б., 1978.** Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.
- Шелов-Кобедяев В.Ф., 1990.** О составе противоборствующих сторон в битве при Фато IV в. Дохристианской эры // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Староческеская. – Ростов-на-Дону.
- Шепко Л.Г., 1987.** Позднесарматские курганы в Северном Причерноморье // СА. № 4. – С. 158–173.
- Шилов В.П., 1959.** Калиновский курганный могильник // МИА. № 60.
- Шилов В.П., 1968.** Позднесарматское погребение у с. Старица // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Л.
- Шилов В.П., 1975.** Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Л.
- Шилов В.П., 1983.** Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. – Л.
- Шилов В.П., 1983а.** Запорожский курган // СА. № 1.
- Шилов Н.С., 1991.** Средневековый могильник Усть-Суерское IV // Земля курганская: настоящее и прошлое. Краеведческий сборник. Вып. 11 (2). – Курган.
- Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н., 2002.** Энеолитические захоронения Гладунино-3 в системе доандроновского погребального обряда // ВАУ. № 23. Екатеринбург.
- Шнитников А.В., 1957.** Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки географического об-ва СССР. Т. LXV. Вып. 5.
- Шорин А.Ф., 1991.** Доандроновские погребения могильника Березки V в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. – Свердловск.
- Шорин А.Ф., 1999.** Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. – Екатеринбург.
- Шульга П.И., 1998.** Раннескифская упряжь VII – начала VI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул. – С. 25–49.
- Шульга П.И., 1999.** Этнокультурная ситуация в горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул.
- Шульга П.И., Гельмелъ Ю.И., Шульга Н.Ф., 1999.** Курганы скифского времени у с. Куйбышево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. – Барнаул.
- Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семибратов В.П., Ситников С.М., 1997.** Аварийные работы на р. Чарыш // Сохранение и изучение наследия Алтайского края. – Барнаул.
- Шукин В.М., 1989.** Фибулы типа «Алезия» из Среднеподнепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА. № 3.
- Эрдели И.М., 1967.** Извлечение из хроники венгерского анонима // ВАУ. Вып. 7.
- Эрдели И., 1982.** Исчезнувшие народы. Авары // Природа. № 11.
- Эрдели И., 1986.** Археология Венгрии VI–XI вв. // Археология Венгрии. – М.
- Юсупов Р.М., 2006.** Палеоантропология Южного Урала в гунно-сарматское время // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 14. – М. – С. 168–173.
- Яблонский Л.Т., 1996.** Саки Южного Приаралья. – М. – 186 с.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., 1995.** Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. – М. – С. 9–47.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю., 1996.** Раскопки

могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. – М. **Ямсков А.Н., 1986.** Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных кочевников Северного Кавказа // СЭ. № 5.

Яхонтов С.Е., 1970. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // СЭ. № 2.

Яценко С.А., 1993. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV вв. н. э. (по данным письменных источников) // Петербург. археол. вест. № 6. – С. 83–88.

Яценко С.А., 1998. «Бывшие массагеты» на новой Родине в Западном Прикаспии (II–IV вв. н. э.) // Историко-археологический альманах. № 4. – Армавир.

Яценко С.И., 2001. «Бывшие массагеты» на новой Родине – в Западном Прикаспии (II – IV вв.н. э.) // История и культура Арало–Каспия. Сб. статей. Вып. 1. – Алматы.

Яценко С.А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.

ЛИТЕРАТУРА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аохань-ци боугуань..., 1991. Аохань-Ци боугуань (Музей хошуна Аохань-Ци) Аохань-Ци Наньтайди чжаобаогуоу вэньхуа ичжи дяоча (Разведки памятников культуры чжаобаогуоу, поселок Наньтайди, хошун Аохань-Ци) // Нэймэнгу вэньхуа каогу (Памятники культуры и археологии Внутренней Монголии). – № 1. – С. 2–10.

Ахунь Тяньчансянь Саньцзяовэй Чжаньго – Си Хуань му чуту вэньху., 1993 // Аньхуйшэн вэньхуа каогу яньцзюсо, Тяньчансянь вэньхуа гуаньлисо. – Вэньху. № 9. – С. 1–31. (Вещи времени Воюющих царств – Западной Хань, раскопанные в Саньцзяовэй, уезд Тяньчан, провинция Аньхуй. / Институт культуры и археологии провинции Аньхуй, Управление охраны древних памятников уезда Тяньчан).

Ван Бо, 1987. Синьцзянь Цзинь нянь фасянь дэ исе тун ци // Синьцзянь вэньху. № 1 (Некоторые медные изделия, обнаруженные в Синьцзяне в последнее десятилетие).

Ван Бо, Ци Сяо Шань, 1995. Исследования каменных изваяний на Шелковом пути. Серия исследований Шелкового пути. – Пекин.

Ванг Бинхуа, 2001. Джаохэ Гаоси (Могильник Джаохэ. Раскопки 1994–1996 гг.).

Ванг Ренхсянг, 1986. Дайкоу люе лунь (Изучение пряжек-застежек) // Каогу. № 1.

Вэй Цзиен, 2004. Ней тен гу ти чэе сианбей му цзи де. Фа сиен юанцзиу (Обнаружение и изучение сяньбийских захоронений на территории Внутренней Монголии). – Пекин.

Гунъиши, Бэйяовань Хань, Цзинь, Тан, Удай муцзан / Хэнаньшэн вэньхуа каогу яньцзюсо, Гунъиши вэньхуа боугуаньсо, 1996 // Каогу сюэбао. № 3. – С. 361–397 (Могилы периодов Хань, Цзинь, Тан и Пяти династий в Бэйяовань, г. Гунъи / Институт культуры и археологии провинции Хэнань, Управление охраны древних памятников г. Гунъи).

Джуан лан сиен боу гуандзан хан дай тхон цзин сюан цзе, 2002 (Тибетские медные зеркала в музее уезда Джуан лан энжэ Хань) // Лон йоу венбо (Longyou Wenbo). Longyou relics and mesology. № 1 (Total vol. 14). – С. 54–57.

Дун Гао, 1995. Гунюнь в чжи 6 шицзи Мужун Сяньбэй, Гаогуоули Чаосянь, Жибэнь Мацзюй чжи бицзюа яньцзю (Сравнительное изучение конской упряжи Муронд Хьянбей, Гаогуоули, Кореи и Японии) // Вэньху. № 10.

Линь Иньцюэшань сыцзо Си-Хань муцзан, 1975. Шаньдуншэн боугуань, Линьхуа вэньхуа цзю (Четыре западноханьских могилы в Иньцюэшань, уезд Линьхуа / Музей провинции Шаньдун, археологическая группа уезда Линьхуа) // Каогу. № 6. – С. 363.

Лю Баошань, Доу Сюйяо, 1998. Цинхай Хуалунсян Сябаньчжува Каюэ вэньхуа муди диэрцы фанцзюэ цзяньбао (Лю Баошань, Доу Сюйяо. Краткий отчет о вторых раскопках культуры Саюэ в Сябаньчжува, уезд Хуалун, провинция Цинхай) // Каогу юй вэньхуа. – № 4. – С. 3–11.

Лю Фути, 1958. Гаочан Тао цзи (Собрание керамики Гаочан). Урумчи.

Нинся Гуянь Янлун цинтун вэньхуа муди, 1993. Нинся вэньхуа каогу яньцзюсо, Нинся Гуянь боугуань (Культура эпохи бронзы кладбища Ялун в Гуяне, Нинся / Нинсяский институт культуры и археологии, Нинсяский музей г. Гуянь) // Каогу сюэбао. № 1. – С. 13.

Нинся Пэнпу Юйцзячжуан муди, 1995. Нинся вэньхуа каогу яньцзюсо (Кладбище Юйцзячжуан в Пэнпу, Нинся / Нинсяский институт культуры и археологии, Нинсяский музей г. Гуянь) // Каогу сюэбао. № 1. – С. 79–107.

Нэй Мэнгу Ао-хань, 1984. Ци Чжоу Цяйди мудица цзюэ цзябао (Раскопки могильника Чжауцзяйди в Аохан солтоне Внутренняя Монголия) // Каогу. № 5.

Нэймэнгу вэньхуа каогу яньцзюсо, Баотоу ши вэньхуа гуаньлисо, 1991. Баотоу Сиюань Чуньцзю муди (Могильник эпохи Весен и осеней у деревни Сиюань, Баотоу // Памятники культуры и археологии Внутренней Монголии. – НИИ памятников культуры и археологии Внутренней Монголии, Управление охраны памятников культуры г. Баотоу) // Нэймэнгу вэньхуа каогу. № 1. – С. 13–24.

Се Дуань Цзюй, 1987. Шилунь Вого цзаоци тудун му (Изучение ранних катакомб Китая) //

Каогу. № 12.

Синьцзян Вэньу, 1995. № 3.

Синьцзян Вэньу, 1995а. № 4.

Синьцзян Вэньи каогу янь цзюсо, 2004. Ташикуэртань сянь Сябаньди муди каогу фацзюй баогао (Раскопки кладбища Сябанди в Ташкурганском районе // Культурное наследие Синьцзяна. № 3).

Синьцзян Вэньу каогу Янь цзю, 2004. Тулуфань дицзюй вэньцзюй Тулуфань каогу синь шоухо. Шаньшань Янхай муди фацзюэ цзяньбо / Новые открытия археологических работ в Турфане. – Раскопки Янхайского могильного поля. Турфанское наследие. № 1.

Синьцзян Каогу Саньши нянь, 1983 (Археология Синьцзяна за 30 лет). – Урумчи.

Синьцзян Куэрайши Шанху гу муцзан, 1999 (Древнее захоронение у деревни Шанхусян у г. Куэрай, Синьцзян) // Вэньу. № 2. – С. 32–37.

Синьцзян Луньтайсянь Цюнь Бакэ муцзан диэр сань цы фауэюэ цзянь бао, 1991. (Бюллетень проведения раскопок во 2-1 и 3-1 сезон захоронений Цюньбака, уезд Луньтай, Синьцзян) // Каогу. № 8. – С. 684–693.

Синьцзян Синь Юань Гуннайсы чжунянчан ши гуань му, 1985. Синьцзян шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо (Могилы с каменными гробами из района Кюнясского племенного овцеводческого хозяйства, уезд Кюняс, Синьцзян / ИА АОН Синьцзяна). // Каогу юй вэньу. № 2. – С. 21–25.

Синьцзян Синьюань Тэмуликэ гуму уюнь, 1988 (Древнее захоронение у д. Темуликэ уезда Синьюань, Синьцзян) // Вэньу. № 8. – С. 59–65.

Синьцзян Тулуфань Айдин хугу муцзан, 1982 (Древние захоронения у оз. Айдин, район Тулуфань, Синьцзян) // Каогу. № 4.

Синьцзян Хэузин сянь Чауху гоу коу эрхао муди фауэюэ цзянь бао, 1990 (Раскопки двух погребений у д. Чаухугоукоу, уезд Хэцзин, Синьцзян) // Каогу. № 6. – С. 511–517.

Синьцзян Хэцзинсянь Чаохуугоукоу эр хао муди фауэюэ цзяньбао Чжунго Шехуэйкэ сюань каогу яньцзюсо синьцзяндуй, 1990 (Раскопки могилы 2 Чаухаугоукоу, Неджан Хиньянг) // Каогу. № 6. – С. 511–516.

Синьцзян Чабучаэрсянь Содунбулакэ гу муцюнь, 1999. Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Скопление древних могил в Содунбулаке, уезд Чапчал, Синьцзян. / Институт культуры и археологии Синьцзяна) // Каогу. № 8. – С. 17–28.

Синьцзян Шаньшань Субаши гумуцзан, 1984 (Древнее захоронение Субаши, уезда Шаньшань, Синьцзян) // Каогу. № 1. – С. 41–45.

Синьцзян Шихэцзы Наньшань гу муцзан, 1999. Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо, Шихэцзыши цзюнькэнь боугуань (Древние могилы в Наньшане, г. Шихэцзы. / Институт культуры и археологии Синьцзяна, Военный музей г. Цихэцзы) // Вэньу. № 8. – С. 38–46.

Сиратори Куратики, 1981. Сейики си кэпкю (Исследования по истории западного края). На яп. языке. Т. 1–2. – Токио.

Сунь Цзы, 1994. Сянь Цинь, Хань, Цзинь яодай юн цзинь дайкоу (Золотые и серебряные сосуды, найденные в последнее время во Внутренней Монголии) // Вэньи. № 1.

Сунь Цзи, 1985. Юй цзюй цзянь юй чжи шип эй цзянь фа (Сунь Цзи. Украшенный нефритом меч и ношение меча с использованием ножен) // Каогу. № 1. – С. 48–59.

Ся Синнань, 1989. Чжэцзян Чансинсян фасянь У, ЮЭ, Чу тун цзянь (Ся Синнань. Бронзовые мечи царств У, Юэ, Чу, обнаруженные в уезде Чансин, провинция Чжэцзян) // Каогу. № 1. – С. 1–9.

Тянь Гуаньцзинь, 1983. Цзиньянь лай нэй Мэнгу гицзюй сюнну каогу / Археология сюнну в районе Внутренней Монголии за последние годы // Каогу Сюэбао. № 1. – С. 7–24.

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986. Оэрдосы ши цинтунци (Бронзы ордосского стиля). – Пекин. – 412 с.

Тянь Гуаньцзинь, Го Сухин, 1980. Нэй Мэнгу Алучай дэн фасянь дэ сюннцзи (Объекты сюннов, обнаруженные в Алучанью во Внутренней Монголии) // Каогу. № 4.

Тянь Гуанцзинь, Го Сысинь, Бяньчжун, 1986. Ээрдосы ши цинтун ци (Бронзы ордосского стиля). – Пекин.

У Энь, 1985. Инь чжи Чжоу чудэ бэйфан цинтун ци (Бронзы северного типа конца Шан – начала Чжоу) // Каогу сюэбао. № 2. – С. 135–156.

Улан чха бумен боу гуан гуандзан тхон цзин, 2003. (Медные зеркала в музее Улан чха бумен) // Нэй Мэнгу вен у кхаогу (Археологические памятники во Внутренней Монголии) (Cultural Relics and Archaeology of Inner Mongolia). № 1 (Total № 28). – Стр. 31–36.

Фуканьши Нанцюань «Хусюй» му, 1997. Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Могила «Хусюй» в Нанцюань, город Фукань // Институт культуры и археологии Синьцзяна). – С. 414.

Хань Кансинь, 1992. Сычоу чжи Лу чудаи цзюйминь чжунцзу жэньлэйсюэ яньцзю. Синьцзян жэньминь чубаньшэ (Серия исследований по шелковому пути). – Урумчи.

Хань Кансинь, Тянь Цинцзэ, Чжан Фань, 2004. Чжунго сибэй дицзюй гудай цзюйминь чжун-

цзу яньцзю. Фудань дасюэ чубаньшэ (Расово-антропологические исследования древнего северо-западного района Китая. Издательство Фуданьского университета). – Шанхай.

Хунань Цзысин Си-Хань му, 1995. Хунаньнэн боугуань, Хунаньшэн вэньу каогу яньцзюсо (Западноханьские могилы в Цзысинь, Хунань / Музей провинции Хунань, Институт культуры и археологии провинции Хунань) // Каогу сюэбао. № 4. – С. 453

Хухэ хао тхэ боу гуан гуан дзан тхон цзин чием мон, 1995. (Краткий доклад по медным зеркалам музея Хухэ хао эхэ) // Ней мен гу вен у кхао гу. № 1–2. – С. 32–40.

Хэнань Яньши Синъюаньцунь Тан мудэ фауэюэ, 1996 (Раскопки могил Танской эпохи в Хиньянге, дер. Яньши, Хэнань) // Каогу. № 12.

Хэцзинсянь Чаухугоукоу саньхао муди фацзюэ цзяньбао, 1997 // Синьцзян вэньу каогу синь шоухо (сюй) 1990–1996 (Краткий отчет о раскопках кладбища 3 в Чарвигуе, уезд Хотунсумбул (Хэцзин). Новые достижения в изучении памятников культуры и археологии Синцзян в 1990–1996 гг.). – Урумчи.

Цилин Юйшусянь Лаохэшань Сяньбэй му цюнь буфэнь муцзан фауэюэ цзянь бао, 1985 (Короткое сообщение о раскопках части сяньбийского могильника в уезде Юйшу пров. Гирин) // Вэньу. № 2.

Цинь Фань, 1987. Культура верхнего слоя Сяцзяден и ее историческая атрибутика // Каогу сюэбао. № 12.

Ци Дунфан, Чжан Цзин, 1994. Тандай цзинь инь цилинь юй сифан вэньхуадэ гуаньси (Ци Дунфан, Чжан Цзин. Связи золотой и серебряной посуды династии Тан с западными культурами) // Каогу сюэбао. № 2. – С. 173–190.

Цинхай Татусянь Хуанцзя чжаймуди фацзюэ баогао, 1994 (Раскопки кладбища Хуанцзяй уезда Датонг провинции Цингхай) // Каогу. № 3

Чабуэрсянь Содуньбулаке гу муцюнь, 1997. Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Скопление древних могил в Содуньбулаке, уезд Чапчал / Институт культуры и археологии Синьцзяна). – С. 371–385.

Чжан си Ин, 1984. Шилунь во го бэйфан хэдумбэй дицуй дэ чу цзяо ши цзянь (Мечи с антенновидными навершиями из Северного и Северо-восточного Китая) // Каогу. № 8

Чжао Юе, 1990. Нэй Мэнгу Эюци Ла бу да линь фасянь сянь бэйму (Во Внутренней Монголии в сомоне Эргунаю местечко Лабулинь обнаружено захоронение Сяньбэй) // Каогу. № 10.

Чжао Юэ, 1990. Сяньбэйские погребения, найденные возле д. Лабудалинь, аймак Эргунай (правый), Внутренняя Монголия // Каогу. № 10. – С. 890–893, 928.

Чжоу Наньцюань, 1982. Юй цзюй цзянь шиу као ши // Каогу юй вэньу. № 6. – С. 73–83.

Чжун Шао, 1992. Шилунь бянь цзин цзянь // Каогу сюэбао. № 2. – С. 129–146 (О плоских мечях с хвостовиком для насадки ручки).

Чэнь-Гэ, 1987. Гуаньюй Синьцзян дицуй дэ цинтун шидай хэ цзаоци те ци шидай вэньхуа (Относительно культуры эпохи бронзы и эпохи периода ранних железных изделий в районе Синьцзяна // Синьцзян вэйву. № 1.

Шаньшань Субэйша муцюнь ихао муди фацзюэ цзяньбао, 1997. Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо, Тулуфань дицуй вэньгуаньсо (Краткий отчет о раскопках кладбища 1 в скоплении могил в Субеши, уезд Пичан (Шаньшань) / Институт культуры и археологии Синьцзяна, Турфанское районное управление охраны памятников культуры). – С. 138–149.

Шаньшань Субэйша муцюнь саньхао муди, 1997. Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо, Тулуфань дицуй вэньгуаньсо (Краткий отчет о раскопках кладбища 3 в скоплении могил в Субеши, уезд Пичан (Шаньшань) / Институт культуры и археологии Синьцзяна, Турфанское районное управление охраны памятников культуры). – С. 150–170.

Шень Си Лон сянь Дянь цзы цунь Хань Тан Му цзан, 1999 (Захоронение династии Хань и Тан, провинция Шенси, уезд Лон, деревня Дяньцзы) // Вэньу. № 4.

Шеньси Шаосян, 1987. Синь Хань цзюэ цзабао (Раскопки могил династий Цинь и Хань в Шаохсиани провинция Шанси) // Вэньу. № 6.

Юнчан Сяньцзяочэн Юй Хамадунь Шацзинн Вэньхуа ицунь, 1990. Ганьсу вэньу каогу яньцзюсо (Остатки культуры Шаньцзин в Сяньцзяочэнь и Хамадунь, Юнчан, провинция Ганьсу) // Каогу Сюэбао. № 2. – С. 211–226.

Янг Хонг, 1985. Син луо «Тхиен ма джон» ма цзю фу юань ян цзю (Изучение новых данных по конской упряжи из «Могила небесных коней» восстановленная) // Кхаогу ю вен у. № 2.

ЛИТЕРАТУРА НА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Ангелов С., Дончева-Петкова Л., Даскалов М., 1997. Двубредният ранносредновековен некропол край село Топола, Каварненска община // Проблеми на прабългарската история и култура. Четвърта среща по прабългарска археология и история Шумен, 17–19 септември 1996 г. – Шумен. – Стр. 141–155.

- Важарова Ж.Н., 1976.** Славяни и прабългари (по дани на некрополите от VI–XI в. на територията на България). – София. – 446 с.
- Вадаи А.Х., Кульчар В., 1984.** К вопросу о так называемых сарматских пряжках // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 36. – Academiai Kiado. – Budapest. – С. 239–261.
- Гринченко В.А., 1950.** Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенка на Запоріжжі // *Археологія*. Т. 3.
- Димитров Д., 1987.** Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Книгоиздателство «Георги Бакалов». – Варна. – С. 47–48.
- Миков В., 1934.** Последни могили находки // *Мадара. Разкопки и проучвания*. Кн. 1. – София: Държавна печатница. – С. 429–438
- Мориц С., 1959.** Некоторые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением // *Dacia Nouvelle Serie* III. – Bucharest.
- Рашо Рашев, 2004.** Прабългарите през V–VII. – София.
- Станчев Ст., Иванов Ст., 1958.** Некрополът до Нови Пазар. – София. – 230 с.
- Akio Ito, 1971.** Zur Chronologie der fruh sillazeitlichen Graber in Sudkorea. – Munchen.
- Alfoldi A., 1926.** Untergang der Romerherzchaft in Pannonien. Berlin. Vol.2.
- Alfoldi A., 1932.** Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // *A.N.* – Budapest. T. 9.
- Alfoldi A., 1934.** Zur historischen Bestimmung der Awczenfunde // *ESA*. IX.
- Altheim F., 1960.** Xoyhoi bei Ptolomaeus // *Omaginlui C.Paicoviciu Bucuresti*.
- Anderson J., 1932.** Hunting Magic in the Aminoal Styl // *BMFEA*. 4. Stockoln.
- Balint Cs., 2006.** Az ethnos a kora kozepkorban // *Sz.* – № 2. – С. 281–347.
- Batistic-Popadic Daria, 1984–1985.** Sarmatska nekropola Vojlovica–Pancsovo // *Archeologia* № 29. Nobi Cad. – С. 59–83.
- Barkoczi L., 1963.** A romai uralom vege Panoniaban // *Pannonia tortenete*. – Budapest.
- Bartha A., 1979.** A honfoglalas. – Bp.: Tancsics K. – 32 с.
- Bende L., 1998.** Das grab 51 im spatawarenzeitlichen graberfeld von pitvaros (beitrage zur verzierung der spatawarenzeitlichen pferdegesschirre) // *MFME – StudArch* IV. – Szeged.
- Bende L., 2000.** Fulkessirok a pitvarosi avar koritemetoben. Adatok a flukes es loszerszamos temetkezések kronologiajához // *Hadak utjan*. – Szeged. 241–279.
- Bulling A., 1960.** The decoration of mirrors of the Han period. A cronology. *Ascona (Ar. As. Supplementum)*. XX.
- Bona I., 1979.** A szegvar-sapoldali lovassir. Adatok a korai avar temetkezési szokasokhoz. – *Archaeologiai ertesimo*.
- Bona I., 1980.** Studien zum fruhawarischen reitergrab von szegvar // *Acta archaeologica. Academiae Scientiarum Hungaricae*. Tomus XXXII. – Fasciculi 1–4.
- Bona Istvan, 1992.** Das Hunnen-Reich. – Corvina.
- Bona Istvan, 1999.** Das Hunen – Reich. – Budapest.
- Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums. Leningrad, 1985.** – Big. 8, 9. Big. 95.
- Catalogue of The Avar Treasure, Sotheby Parke Bernet & CO, 1981.** – London.
- Daniel Eylon, Rachel Ben-Dov, 2006.** Lamination and the Making of Early Wrought-Iron Objects // *Metallurgy and civilization*. Beijing. P. 13–14.
- Daim F., 2002.** «Byzantinische» Gurtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // *Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt*. Innsbruck.
- Das Graberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Korek; Tuva, Sud-sibirien, 1984** // *Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archaologie*. – Munchen: Verlag C.H. Beck. – Bd. 25. – P. 202.
- Dunlop D.M., 1954.** The History of the Jewish Khazars. Princeton university Press. New Jersey. – С. XIII–XIV.
- Egami N., Misuno S., 1935.** Inner Mongolia and region of the Great Wall. *Archaeologia Orientalis*. Tokyo-Kyoto. Ceries B. Vol. 1.
- Enoki K., 1959.** The Sueh-scythians. Ahypothesis. Intertetional Sugmposion on history of Eastern and Wester Cultural contacts. – Tokio.
- Enoki K., 1959a.** Sogdiana and Hsinng-nu // *Central asiaticque*. J.t. I.4.
- Erdelyi I., 1982.** Az avarsagees Kelet a regeszeti forasok Tukreiben. – *Academiai Kiado*. – Budapest.
- Erdelyi I., 2008.** Orosznyelvu kivonat (Двойное, или повторное обретение родины (справка)).
- Fancsalszky G., 1999.** Harom avar kori temeto tiszavasvariban // *Communicationes Archaeologicae Hungariae*.
- Fruh- und hochmittelalterliche Graber von Kudyrga im Alta: AVA-materialien, 1982.** Band 3.
- Fruhmittelalterliche Graber aus West-Tuva: AVA-materialien, 1982** // *Materialen zur Allgemeinen und Vergleichenden Archaologie / Von Roman Kenk* Band 4. Munchen.
- Garam E., 1989–1990.** Ein awarisches Mannergrab von Tarnok // *Annales musei agriensis*. – *AGRIA* XXV–XXVI. – Eger.
- Garam E., 1991.** A tiszakecske-obogi avarkori sirok // *Communicationes Archaeologicae Hungariae*.

- Garam E., Vaday A.H., 1990.** Sarmatisches Siedlung und Begrabnissatte in Jiszavalk. // *Communicationes Archaeologicae Hungariae*. № 37.
- Gening V., 1995.** Volkerwanderungseitliche Kriegergraber aus Tuzaevo im Uralvorland // *Eurasia Antiqua*, Zeitschrift für archäologie Eurasiens. Band I.
- Gyula L., 1955.** Etudes archeologiques sur l'histoire de la société des avars // *AVEC 70 Planches* et 86 figures dans le texte. – Budapest.
- Gyula R., 1977.** A Szekszárd-Bogyszlói uti avar temető lo- és lovastemetkezéséről. – Szekszárd.
- Golden Peter B., 1972.** The Migrations of the Oguz // *Archivum Ottomanicum* IV. The Hague.
- Grosu Vasile, 1995.** Sarmatii în Spațiul geto-Dacian // *Arheologia Moldovei*. XVIII.
- Gutschmidt A., 1888.** Geschichte Irans.
- Haloun G., 1937.** Zur Uetsi-Frage // *ZDMG*. Bd. 91.
- Haloun G., 1938.** Zur Ue-tsi-Frage // *Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft* Leipzig – Weissenhof. Bd. 61.
- Hirth F., 1885.** China and the roman Orient. Gongkong.
- Hirth F., 1909.** Mr. Kingsmill and the Hiung-nu. Japs. V.30.
- Juhász I., 1995.** Awarenzeitliche Grabfelder in der Gemarkung Orosháza // *Monumenta avarorum archaeologica*. – Budapest.
- Kazanski M., Mastikova A., 1999.** Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e-6e siècles // *Eurasia Antiqua*. Band 5.
- Kiss A., 1962.** Az avarok lovas-temetkezés szokásának vizsgálata. Kulonnyomat a Janus Pannonius Múzeum. Évi Evkönyveiből.
- Kiss A., 2001.** Das awarenzeitliche Grabfeld in Kolled-Feketerápy B // *Monumenta avarorum archaeologica*. Vol. 6. – Budapest.
- Kulcsár Valéria, 1998.** A kárpát-medencei szarmata temetkezési szokásai // *Aszód*. № 4. – 189 p.
- Kovács I., 1912.** A maroszentannai népvándorláskori temető // *Dolgozatok. Az erdélyi nemzeti múzeum érem és régiséggyűjteményéről*. Szerkesztő: Posta Béla. P. III. – Kolozsvár. – P. 250–342.
- Kovrig I., 1959.** Nouvelles trouvailles du Ve siècle découvertes en Hongrie (szob., pilismarpat, csovar, nemetker) // *Acta Archaeologica*. T. X. – Budapest: Academia Kiado. – P. 209–221.
- Kristó Gy., 1995.** A magyar állam megszületése. – Szeged. – 383 c.
- Laszlo Gy., 1978.** A «kettes honfoglalás». – Bp. Magvető Kiado. – 215 c.
- Loehr M., 1956.** Chinese Bronze Age Weapons University Michigan. London.
- Lorinczy G., 1992.** Vorläufiger Bericht über die Freilegung des Grabfeldes aus dem 6.–7. Jahrhundert in Szegvár-óromdűlő // *Communicationes archaeologicae Hungariae*.
- Lorinczy G., 1995.** Fülkesírok a szegvár-óromdűlő kora avar kori temetőből // *MEFME – StudArch* I. – Szeged. – P. 399–416.
- Lorinczy G., 1998.** Kelet-Európai steppei népesítés a 6–7. századi Kárpát-Medencében. Régészeti adatok a tiszántúli kora avar kori betelepüléséhez // *Studia Archaeologica* IV. – Szeged. – P. 343–372.
- Lorinczy G., Straub P., 2004.** Újabb adatok az avar kori szűrokanalak értékeléséhez II // *MEFME – StudArch* X. – Szeged. – P. 305–337.
- Lorinczy G., Szalontai C., 1996.** Újabb régészeti adatok csongrádi megye területének 6–11. századi településtörténetéhez II // *MEFME – StudArch* II. – Szeged. – 268–298.
- Madaras L., 1999.** Újabb avar kori temetők szentes határában // *MEFME – StudArch*. – Szeged. – 317–345.
- Maenck-Helfen P., 1945.** Huns and Hsiung-nu // *Byzantion*, n. s. XVII.
- Maenck-Helfen O., 1973.** The World of Huns. – L.
- Markwart J., 1938.** Wefarot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden.
- Mei Jianjin, 2003.** Qijia and Seima Turbino: The Question of Early Contacts between Northwest China and the Eurasian Steppe // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 75 № 5–13.
- Meri István, 2000.** Hunok leletek Tiszalok-Rázompusztáról // *Communicationes archaeologicae Hungariae*. – Budapest.
- Mesterházy K., 1987.** Korai avar részleges lovastemetkezések artandrol és birkarésztesről // *Folia Archaeologica* XXXVIII. – Budapest.
- Mg. Gervon W.M., 1939.** The Early Empires of Central Asia: A study of the Scythian and the Huns and the past they played in world history. Chapd Hill: The Univ of Norton Carolina Press. – N.Y.
- Molodin V.I., 1995.** Sopka 2, Grab 688 – ein reiches hunno-sarmatisches Männergrab in der westsibirischen Waldsteppe. // *Sonderdruck aus: Antiquitas*, Reihe 3, Band 34. Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bonn.
- Moravcsik Gy., 1914.** A csodaszarvas mondaja a bizánci iroknál // *Egyetemes Philologia Kozlony* 38.
- Müller R., 1989.** Vorbericht über die Freilegung des Grabes eines hohen Militärs aus der Mittelawarenzeit in Gyenesdiás // *Communicationes Archaeologicae Hungariae*.
- Nagy T., 1973.** A népvándorlás kora // Budapesti Történet. – Budapest. I.

- Nagy M., 1998.** Avarenzeitliche Graberfelder im Stadtgebiet von Budapest // *Monumenta avarorum archaeologica*. – Teil I. – Budapest.
- Nagy M., 1998a.** Avarenzeitliche Graberfelder im Stadtgebiet von Budapest // *Monumenta avarorum archaeologica*. – Teil II. – Budapest.
- Nandor F., 1965.** Das Avarnzeitliche Graberfeld von Pilismarot-Basaharc. – Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Nemeskeri J., 1952.** An anthropological examination of recent macrocephalic finds // *Acta Archaeologica*. T. II. – Budapest.
- Nesterov S.P., 1995.** Old Turks in Central Asia and Southern Siberia // Ханьго.
- Novgorodova E.A., Volkov V.V., Korenevsky M. und Momonova, 1982.** Ulangam. Ein Skythzeitliches Graberfeld in den Mongolei // *Asiatische Forschungen*. Wiesbaden. Band 76.
- Ottományi K., 2001.** «Hunkori» sírok a Patyi temetőben // *Archaeologiai Értesítő*. № 126. – S. 35–74.
- Papp L., 1962.** A Bolyi avarkori Temető I // *Kulonyomat a Janus Pannonius Múzeum. Évi Evkonyvebol*.
- Parducz M., 1941.** Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarn I // *Archaeologica Hungarica*. № 25.
- Parducz M., 1941a.** Sciabole dell'età Sarmatica ritrovate nei pressi di Seregéd // *Archaeologiai Értesítő*.
- Parducz M., 1944.** A szarmatakor emlékei magyarországon, II. Táblával 57. – Budapest: Országos magyar történeti múzeum.
- Parducz M., 1947.** Carmatakor problémák // *Ant Hungarica*. № 1.
- Parducz M., 1959.** Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn // *Acta Archaeologica*. T. XI.
- Pulleyblank E., 1966.** Chinese and Indo-Europeans // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. L. № 1–2.
- Pulleyblank E.D., 1975.** Prehistoric East-West Contacts across Eurasia // *Pacific Affairs*. Vol. 47. № 4.
- Prusek J. H.H., 1979.** Chinese Statelets and Northern Barbarians in the Period 1400–300 B.C. Dordrecht.
- Ray P.D., 1927.** Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga. Pskovsk.
- Rhi C.-S., 1992.** Die Maoqinggou Kultur und ihre Zeitsstellung // *Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veröffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm.* T.O. Hollmann und G.W. Kossack u. Mitarb. – Mainz am Rhein. – S. 28–45 // (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie; Bd. 50).
- Rosner G., 1999.** Das Avarnzeitliche Graberfeld in Szekszárd-Bogyiszló'strasse // *Monumenta avarorum archaeologica*. – Budapest.
- Sadi K., 1955.** Hunkori Sírkészthelyen // *Archaeologiai Értesítő*. Vol. 82. Budapest. – S. 185–189.
- Sandor Nad, 1973.** La Necropole de Mecca. – Beograd.
- Simonenko A., 1997.** Eine sarmatische Bestattung von Sudhichen Bug // *Eurasia Antiqua*. Band 3.
- Simonyi D., 1959.** Die Bulgaren des 5. Jahrhunderts im Karpatenbecken // *Acta archaeologica*. T. X. – Budapest. – P. 227–250.
- Sinor D., 1982.** The legendary origin of turkic // *Folklorica*. Festshrift for the Felix D. Orinal. Bloomington.
- Somogyi P., 1997.** Drei Frühawarenzeitliche Bestattungen aus der Fundstelle Nr. 264 von Gyoma // *MFME – StudArch III*. – Szeged. – 97–116.
- Shui Tao, 2001.** Papers on the Bronze Age Archaeology of Northwest China. Beijing.
- Studien zu Graberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau, 1992.** Teil 2. Von Uwe Fiedler. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Band 11. Aus dem Seminar für Ur- und Frühgeschichte der Freien Universität Berlin. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, Bonn.
- Sulimírski T., 1970.** The Sarmations. – New-York; Washington.
- Szucs J., 1992.** A magyar nemzeti tudat kialakulása. – Szeged.
- Takats Z., 1955.** Catalaunische Hunnenfund und sein ostasiatische Verbindungen // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. V. – Budapest. – P. 143–173.
- Teggart F., 1939.** Rome and China. Berkeley.
- Terrace E.L., 1962.** Some Recent Finds from Northwest Persia // «Syria». – Paris.
- Tettamanti S., 2000.** Das Avarnzeitliche Graberfeld in Vác-Kavicsbánya // *Monumenta avarorum archaeologica*. – Budapest.
- The ancient art in Xin Jiang, China, 1994.** – Urumchi.
- Vida T., 1999.** Die Avarnzeitliche Keramik I. (6.–7./Jh) // *Varia archaeologica Hungarica*. VIII. – Berlin; Budapest.
- Thomson E. A., 1948.** A History of Attila and the Huns. – Oxford.
- Tomka P., 1986.** Der Hunnische Fürstengrab von Panonnalma // *Acta Archaeologica Scientiarum*

Hungarical. № 38. – Budapest.

Tomka P., 2001. Az arpasi 5. Szazadi sir // Arrabona № 39.

Toth El.H., 1999. Grab 70 des awarischen graberfeldes von Hetenyegyhaza-Maria ut // Acta archaeological. Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus LI.

Toth T., 1967. Someproblems in the Palaeoantropology of Northern Mongolia // Acta Archaeologica Academiae Sientiarum Hungarical. – Budapest. T. XIX f 3-4.

Toth T., 2000. New data of the Palaeoantropology of Northern Mongolia // Archaeologica expeditions in Mongolia. – Budapest.

Trugly S., 1994. Griffek es oroszlanok nere. A Komaron-hajogyari avar temeto // Pozsony: Kalligram Konyvkiado.

Trugly S., 2002. Griffek es oroszlanok nere. A Komaron-hajogyari avar temeto // Acta Archaeologica. Tomus LIII. Fasciculus 4.

Vaday A.H., 1985. Sarmatisches graberfeld in Torokszenmiklos // Acta archaeological Academiae Scintiarum Hungaricae. T. XXXVIII. – P. 347–363.

Vaday A.H., 1989. Die sarmatischen Denkmaler des Komitats Szolnok // Antaeus Communicationes ex instituto Archaeologico Academial Scintiarum Hungrical. – Budapest. № 17–18. – P. 159.

Vaday Andrea, 1994. Late Sarmatian graves and their connections within the Great Hungarian Plain // Slovenska archeologia XLII–1. Nitra.

Vaday A.H., 2001. Militia inermis, militia Armata. Bemerkungen zur Frage des Limes Sarmatiae // Slovenska archeologia XLIX. – S. 249–276.

Vaday A., Dombroczi L., 2001. Mezozsemere, Kismari-Fenek // AGRIA XXXVII.

Werner I., 1956. Beitrage zur Archaologie des Attila-Reiches. Menchen.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. Москва
Архив ИА РАН – Архив Института археологии Российской Академии наук. Москва
Архив ЧНЦ УрО РАН – Архив Челябинского научного центра Уральского отделения Российской Академии наук. Челябинск
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург
АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВИ – Вопросы истории. Москва
ВМУ – Вестник Московского университета. Москва
ВДВОРАН – Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Владивосток
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Москва
ИА НАН РК – Институт археологии Национальной Академии наук Республики Казахстан. Алматы
ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук. Екатеринбург
ИИМК АН СССР – Институт истории материальной культуры АН СССР. Москва
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии. Ленинград
МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Москва; Ленинград
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МОН РК, НАН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан, Национальная Академия наук Республики Казахстан. Алматы
ПАВ – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
РА – Российская археология. Москва; Ленинград
СА – Советская археология. Москва
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. Москва
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук. Новосибирск
СЭ – Советская этнография. Москва
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
ТИЭ – Труды Института этнографии. Москва
Тр. БКНИИ СО АН СССР – Труды Бурятского комплексного Научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР. Улан-Удэ
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея. Москва
Тр. ИИА АН КазССР – Труды Института истории и археологии Академии наук Казахской ССР
Тр. ИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
Тр. ХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа
УАЭ – Уральская археологическая экспедиция. Екатеринбург
УЗСГУ – Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов
ЧГПИ – Челябинский государственный педагогический институт. Челябинск

Summary

INTRODUCTION

The late antiquity and Middle Age epoch of the Eurasian steppe is extremely dynamic and diverse. Chinese, Arabian, Byzantine and other authors quite often couldn't follow and interpret fairly the whole variety of the most complex ethnopolitical processes that took place in the nomadic communities due to that reason. During the early Middle Ages the Eurasian steppe as well as the southern border of the forest-steppe became a true network, an artery which witnessed and played a major role in constant waves of migrations and conquest campaigns. The communication capabilities of this habitat were truly enormous. It happened from time to time that an obvious cultural and historical unity appeared within regions located thousands kilometers from each other. The main reasons for such unities were either fast and violent raids along the "Great steppe belt" or long and time-consuming migrations with gradual ousting or seizure and then assimilation of alien population as a result of seasonal military campaigns. The extreme mobility of the nomads, whose stage of development was between antiquity and the Middle Age epoch, can be explained by the set of objective reasons. Among the primary ones are social and economic changes which happened in that period of time. Those changes, in their turn, are explained by the non-stable landscape and climatic conditions, which have great influence upon the region of the Eurasian steppe.

The macro region under research covers mostly the zone of the Eurasian steppe as well as sometimes the forest-steppe, oasis and submountain areas adjoining it. However, the philosophical principle of cognition led the author to the most thorough studying of the micro region in the central part of the Eurasian territory.

The border of the region under consideration is the rivers' Miass, Tobol (to the north of Kurgan) and Ishim (to the north of Petropavlovsk) basins, in the north. The border follows the boundary of the Northern Kazakhstan low mountain area and the Ishim-Kulundin steppe (not including it), and then turns to the south to Karaganda where the river Ishim has its cradle. The border goes along the boundaries of the steppe and semi-desert zones up to the Sary-Kopa lake and then takes over the western boundary of the Upper Turgay province along the flow of the Emba river and to the lowers of the Ural river, including its left bank (see Fig. 1).

We classify over 300 sites and monuments dating mostly back to the II–IV centuries AD, as belonging to the Hun epoch of the Ural-Kazakh steppe. There exists a certain tradition to call these complexes late-Sarmat ones and define them as belonging to the late-Sarmat culture. That is usually done due to the analogy with the Lower Volga and Volgo-Don historical sites. However, in the last decade of research, the author and many of his colleagues paid their attention to the certain uniqueness of the Ural-Kazakh complexes of that period of time. Thus, it was suggested to state their Hun-Sarmat origin [Botalov, Lyubchanskiy, 1992; Botalov, 1993; Botalov, 1994; Botalov, 1995; Botalov, Polushkin, 1996; Botalov, Gutsalov, 2000].

The sites and monuments of the following transitional late-Hun and early-Turkic periods are significantly less numerous than the Hun-Sarmat ones. Until a certain moment only very few complexes in the whole Ural-Kazakh region could be dated as V–VII centuries AD (Muslyumovo, Borovoye, Kara-Agatch, Kanattas, Shipovo, Yegiz-Koytas etc.) The growing amount of archaeological material in the last decade led us to the understanding that the so-called barrows with "ridges" also belong to that temporal period

[Botalov, 1996. P. 203; Botalov, 1998]. There are over 300 complexes of that type now known in the South Ural and Kazakhstan, according to the exploration and aerial reconnaissance data. Nowadays in Kazakhstan 56 mounds with “ridges” have been explored partially or fully (according to A. Z. Beysenov’s data) [Beysenov, 1996. P. 38], with this number as high as 10 in the South Ural territory. In the last decade the author has explored over ten mounds and fences of later period (VIII – X centuries) that are typologically very close to the above-mentioned mounds with “ridges”, with the only difference being the absence of ridges themselves. Consequently it was offered to classify them as sites of the Selentash-type, dividing them into two temporal stages: the early (VI–VII centuries) and the late (VIII–X centuries) one [Botalov, 1996a; Botalov, Gutsalov, 2000; Botalov, 2000; Botalov, Tairov, Lyubchanskiy, 2006].

Chapter 1. The history of the Ural-Kazakh steppe research and several discussion issues of the Eurasian nomad archaeology of late antiquity and early Middle Age

The research of the late antiquity and early Middle Age sites has been conducted most actively since 1950s–1960s.

The foundation of the Sarmat archaeology, including the late-Sarmat one, was created in the Lower Povolzhye region thanks to the studies of P. S. Rykov, P. D. Rau, B. N. Grakov, K. N. Smirnov, V. P. Shilov and I. V. Spitzyn. All previously collected scientific material was brought together and systematized in the works of A. S. Skripkin and M. G. Moshkova. They have also defined all the main historical and cultural stages together with the micro regions of the Sarmat culture. The scientific material was also being collected in the South Ural and Kazakhstan those years. Among the most eminent researchers of the Hun-Sarmat sites and monuments are K. V. Salnikov, P. H. Pshenichnyuk, S. Y. Gutsalov and others. N. A. Mazhytov and F. A. Sungatov were most successful in investigating the monuments of the Turbaslin culture, while L. M. Levina worked over the Dzhetyasar culture complexes of the Hun and post-Hun periods.

The early Middle Age complexes from Kazakhstan – the so-called barrows with “ridges” were properly studied thanks to such scholars as A. H. Margulan, M. K. Kadyrbaev, M. P. Gryaznov, A. Z. Beysenov, I. E. Lyubchanskiy. Thus, despite the fact that originally they couldn’t set the time periods with exact precision, the works of these researchers gave us the material able to describe the early-Turkic Ural-Kazakh steppe.

Having taken into consideration the formal aspect only and paying no attention to different interpretations, we ought to admit that the late European sites and monuments of the II–IV centuries actually reflect the latest and the final period of the Sarmat culture genesis that took place in different areas of the European steppe and was greatly influenced by the newcoming population, such as Huns and Goths. Meanwhile, the original culture forming traits, the Sarmat-Alan unity and the new cultures have been so largely deformed that in different regions at different stages they become hardly noticeable markers of the new ethnic-political formation. Due to this there might be no real difference in classifying east European sites of that period as “late-Sarmat” in the meaning “early-Hun” and vice versa.

Let us follow briefly the development of the Hun knowledge in the context of the late-Sarmat sites interpretation. P. S. Rykov was the first to suppose that a part of late-Sarmat burial mounds with deformed skulls could have belonged to Huns [Rykov, 1936. P. 36]. Also the very idea that some late-Sarmat monuments could have Hun origin was expressed by V. V. Golmsten [Nechayeva, 1961. P. 156].

In the later period the vision of many researchers was strongly influenced by the works of A. N. Bernshtam, concerning the studies and interpretation of the Talass valley sites [Bernshtam, 1940; 1951]. Having analyzed the material from the Kenkol burial mound and the ancient Chinese written evidence, the author came to the conclusion that the

Xiong-nu first came to Central Asia and South Kazakhstan in the I century BC, and finally settled there by the II century AD, which actually led to the appearance of sites such as the Kenkol burial mound [Bernshtam, 1940. P. 29–38]. The statements of A. N. Bernshtam concerning the early (I century BC–II century AD) Xiong-nu penetration to the West and interpretation of the Kenkol-type catacomb complexes were rather arguable [Sorokin, 1956. P. 114–117]. Nevertheless we have to admit for the sake of staying objective, that his works more or less marked the actual historical temporal periods of the Hun migrations and were the first attempt to attribute archaeologically the sites of this ethnic-political formation. The Hun issue, set by A. N. Bernshtam, became relevant for researchers in this or that way. The example of this may be the anthropological analysis of the late-Sarmat skulls from the Lower Povolzhye sites, conducted by E. V. Zhirov, which gave him the idea that the custom of deforming skulls was brought to the region by the Hun population [Zhirov, 1940. P. 88].

The suggestion of K. F. Smirnov, based upon A. N. Bernshtam's conclusions on the analysis of Chinese written evidence (Hou-Hangjui) which defined the territory occupied by the northern Xiong-nu at the end of the I century – the beginning of the II century AD as from Barkul to the Caspian Sea, is quite clear: "Probably it will be possible later to find in the North Prikaspiy the graves of presumably numerous Huns among the late-Sarmat graves of the Alan population" [Smirnov, 1950. P. 113].

The works of M. I. Artamonov and L. N. Gumilev became a keypoint in the Xiong-nu-Hun nomad studies. Not only did they state the foundation for the historical connection between the asian Xiong-nu and the european Huns, but also proved the continuity of the Hun cultural genesis [Artamonov, 1962; Gumilev, 1960].

The article of L. G. Nechayeva, which appeared at such scientific background, was quite well-timed and worth considering. On the one hand, the author of the article denies any succession between the middle-Sarmat and late-Sarmat stages. At the same time, the connection is stated there between the niche barrow complexes with northern orientation of Lower Povolzhye and the Huns, as well as the catacomb barrow complexes of Northern Caucasus with the Alans, who migrated from the Central Asia region [Nechayeva, 1961. P. 156–157]. In fact, L. G. Nechayeva was the first to prove archaeologically the historical reality, described in written evidence this or that way.

Although some of the scholars, specializing in the Sarmat studies, were quite skeptical about this work, many of Nechayeva's previously arguable and doubtful statements are found rather persuasive nowadays. For example, the special work of N. I. Berlizov and V. N. Kaminskiy became the further development of the ideas concerning the Central Asian origin of the Alan catacombs [Berlizov, Kaminskiy, 1993].

In a peculiar manner, T. Sulimirski connected the existing points of view on the ethnocultural interpretations of this culture. He divided the late-Sarmat, or Alan, community into two natural habitats [Sulimirski, 1970. P. 142–144]. The Alan population which occupied the eastern part of the Sarmat habitat was under great influence and political dependence on the Huns, thus taking many of their customs, he says. The degree of such Hun influence could be seen in all the main differences, existing between the middle-Sarmat and late-Sarmat cultures. Such differences appeared gradually – first, to the east from Volga, the diagonal and catacomb barrow complexes vanished, instead the burial mounds with narrow rectangular holes and northern orientation for the dead appeared. The rite of deforming skulls appeared also. And the burial inventory included items of special eastern types: long swords without quillon, the bows of the Hun type, Hun arrowheads, harness and bit typical for Huns, peculiar types of ceramics, censers and small mirror-glasses with a side handle or a binding eye which also came from the East.

While the analysis of the material from the above-mentioned complexes was in progress, it became obvious that their chronological and cultural origin had to be reviewed.

The mounds with ridges had previously been dated by M. K. Kadyrbaev as the VII – IV centuries BC and defined as belonging to the Tasmolin culture of Central Kazakhstan [Kadyrbaev, 1958; 1962; 1966].

However, there also existed another point of view on the chronological and cultural origin of barrows with “ridges” from the very beginning of their research. In 1949 A. H. Margulan expressed the opinion that such barrows, “barrows with beams” as he called them, might belong to the second half of the I millennium AD. He found confirmation of his theory in the group of sites with “beams” and steles in the valley of the Jinishke river near the eastern slope of Begazy mountains. The group consisted of a big mound and two rectangular holes surrounded by stone pavements in the shape of paths, or “beams”. The big mound was situated in the western part of the monument’s site, and the holes in the eastern one. The eastern edges of the holes had high and “well-trimmed steles on them. The upper parts of them had the shape of the head, where one could distinguish rough human features. The steles also had some unclear signs which resembled the Orkhon script. The exterior of the construction, surrounded by steles and stone rows, gives scientists certain grounds to refer it to the epoch of tribal society decay. In fact, the presence of a whole set of objects, such as steles and “beams” of massive stone ridges sometimes as long as 250 meters, around the burial mound, actually allows to define more precisely the age of constructions with “beams” and refer them to the epoch which preceded the appearance of a large tribal unity of Kypchaks in Kazakhstan. High and well-trimmed steles, which are considered a prototype for the subsequent balbals, typical for the Kypchak period, were only created until the VI century AD.” [Margulan, 1949. P. 21].

Chapter 2. The main formation and development stages of the Xiong-nu-Huns historical-cultural complex

The material and spiritual culture of nomadic peoples represents a specific historical-cultural complex (HCC), in other words, a set of the most significant features of their traditional lifestyle. Although the nomadic HCC has been transformed during frequent migrations and dramatic changes in the «geocultural» environment of a specific ethnic group, the dominating ethnic component of a particular community commonly preserves the key features, which act as ethnic markers during subsequent historical periods.

An example of such a cultural code is the Xiong-nu-Hun HCC, which formed in North China on the Paleo-Iranian substrate of animal-breeding tribes [Kozhin, 1990. P. 52; Grigoriev, 1999. P. 293], the so-called Northern Barbarians, namely the Rong and Di, commonly identified with the bearers of the Community Ordos Bronze Culture. The Xiong-nu-Hun cultural features formed in North China during the Shang-Yin period [Tian Guangjin, 1983; Konovalov, 1996. P. 58–59] included individual extended burials, the dominating northern orientation, wooden coffins, sacrifices of animal heads and legs in human graves and highly developed bronze manufacturing (Fig. 10). Dramatic changes in climate in the Central Asian steppes in the late 2nd and middle 1st millennia BC [Demkin, Ryskov, 1996. P. 99–100] caused serious migrations and cultural transformations of these tribes: adoption of the nomadic lifestyle, Chinese assimilation of tribes in the Huanghe River basin, and long-distance migrations [Varenov, 1996. P. 4–6; Kovalev, 1998. P. 128–129; Kradin, 1996. P. 23; Kulpin, 1995. P. 11–14; Manuilov, 1993; Materialy..., 1968. P. 14–15, 35–36, 124; Novgorodova, 1989. P. 320–321; McGovern. 1939. P. 99–100].

These processes began in the early 1st millennium BC, when the Karasuk-like population left Halkha Mongolia and Ordos to take part in the formation of the 10th–8th century BC Begazy-Dandybai and North Tagisken cultures in West Siberia (Fig. 3, 9–11, II) [Ismagil, 1998. P. 6; Margulan, 1979. P. 62]. The disintegration of the Rong-Di barbarian union in North China resulted in massive migrations of numerous animal-

breeding tribes: Tasmolin groups belonging to the ancient Saka population moved to the west, to Kazakhstan and the Southern Urals (Fig. 3, 18, 19, IV) [Akishev, Kushaev, 1963. P. 118, 134; Akishev, 1973]; the nomadic tribes, which left sites of the type of Chesnokovo I, Solonechnyi Belok, and Mashevka I, went to the northwest, to the Altai (Fig. 3, 16) [Shulga, 1998. P. 37, 49]. In addition, the breakup of the Rong-Di union caused the formation of numerous Saka-related cultures in Xinjiang (Fig. 3, V) [Debaine-Francfort, 1989. P. 246–256].

The next stage of the Saka migrations started in the 5th – 4th centuries BC. Artifacts of the Alagou type were found in regions quite remote from the Turfan oasis: in the west and southwest (Issyk, Besshatyr, and Berkkara) [Pogrebova, 1988. P. 184–187; Samashev et al., 1998. P. 175–182], northwest (Northwestern Altai, Lokot IV and Simbirka sites [Mogilnikov, 1999. P. 187; Polosmak, 1990; Sitnikov, Shulga. 1995. P. 59–62]), and the north, where the newly arrived Saka tribes took part in the formation of the Kara-Koba Culture and a special (Saka) type of ceramics of the Bolsherechensk Culture [Troitskaya, Borodovskiy, 1994. P. 74–76] (Fig. 3, 23–25).

Large-scale migrations of numerous nomadic tribes took place in the late 3rd–2nd centuries BC. They were caused by serious political changes in the Central Asian steppes after the formation of the Xiong-nu Empire and, as a consequence, by the movement of all tribes living west of the Xiong-nu from Western Mongolia and Eastern Turkestan. This wave of migrations involved not only the Junggar steppe population, but also all the tribes mentioned by Strabo: the Assias, Tocharians, Sakaravas, Sakaraukas, Paskarnes, Paskianes (according to Grantovskiy (1975), the Assians, Alans, Yuezhi, and Sakaraukas are the so-called «fair» Saka). We believe that the most intense migrations involved the movement of the Yuezhan-Sarmatian population from the Gansu (Hexi) corridor in the late 1st millennium BC and the movement of the Alanian tribes from Eastern Turkestan to western Central Asia and Cis-Caucasia in the 1st century AD [Berlizov, Kaminskiy, 1993; Sergatskov, 1998] (Fig. 2–5, 18–30; 4, /8, 26–36). In addition, the Wusun left the Xinjiang region for the middle Yili River basin, the Dzhetyysu (*Semirechie*, basins of the great western Central Asian rivers), and the Altai piedmonts in Eastern Kazakhstan (late Kulazhurgino sites) (Fig. 4, 31–34) [Chernikov, 1975. p. 135–136]. The Jiankun obviously moved to the Sayan-Altai piedmonts. These processes contributed significantly to the disintegration of the South Siberian community of the Pazyryk-Tagar Caucasoid tribes in the late 4th–3rd centuries BC (the so-called Dingling) [Savinov, 1994. p. 9–10] and resulted in the formation of Pre-Tielie Turkic sites of the Bulan-Koba, Kokpash, and younger Katanda-Berel types, and the culture of the Yenisei Kyrgyz [Botalov, 1996] (Fig. 4, 35–39). Yet, real ethnic processes of that period were actually more complex and cannot be treated using the simplified scheme presented above. However, because of the limited size of this paper, here we have omitted, descriptions of particular stages (see Fig. 4, 35, 36).

A historical consequence of the destructive processes of the early 1st millennium BC was the formation of the first centralized Chinese states of Qin and Han and the first nomadic empire of the Xiong-nu by the 3rd – 2nd centuries BC. The Xiong-nu HCC already formed by this time was undoubtedly a multicultural phenomenon. In addition to the above-mentioned population of the Paleo-Iranian type, the Xiong-nu complex also included the Mongoloid tribes of southwestern Manchuria. Some centuries later, the influence of this complex spread over vast territories of Halkha Mongolia, the Trans-Baikal region, and Tyva. Despite certain local differences, the Xiong-nu HCC is easily recognizable over the entire territory occupied by the Xiong-nu-Huns. The Xiong-nu burial rite had the following typical features. Ordinary graves had circular stone mounds (as well as ground graves and graves without mounds) and were characterized by narrow rectangular burial pits, wooden coffins, and northern orientation. Xiong-nu noblemen were buried in rectangular vaults with multiple chambers and an entrance (*dromos*) on

the southern side; the burial pits were deep and contained coffins with the deceased with their heads to the north and heads of animals in the wall niches. Grave goods usually included a bow (all-wood, composite bows with a «Hun-like» set of bone plates), a quiver containing two-winged rhombic arrowheads with shafts, three-winged asymmetrical-rhombic arrowheads, or tier arrowheads [Hudiakov, 1986. p. 30–42], horse trappings with ring-shaped bits, two-hole iron cheek-pieces, and large rings for crossed stripes and large surcingle buckles [Konovalov, 1976. plates VI, IX, X, XI; Davydova, 1996. plate 70, 10–12, 21–22, 25, 26], knives with a straight non-cutting edge and wooden or bone handles, ceramic vessels of various forms (*khums* (large vases for storing food), vases, jars, etc.), belt decorations (belt tips, zoomorphic plaques, patterned plates), Han bronze mirrors, beads, pendants, and small bells (the sites of *Derestui*, *Noin-Uul*, *Ilmovaya Pad*, and *Ivolga*) (Fig. 13, 14).

Of special interest to this study was the expansion of the Xiong-nu influence and the transition of the Xiong-nu HCC to the west after the collapse of the nomadic empire (see Fig. 4, 7–10, 17, III; 4, 4–8, 11–13, 16–18). An analysis of archaeological finds from the late centuries BC – early centuries AD nomadic and semi-nomadic complexes in western Central Asia and Southern Kazakhstan distinguished the sites with typical Xiong-nu features. In western Central Asia, these features have been most clearly revealed at the sites of the Tulkhar group, which bear the so-called Yuezhi-Kushan HCC (see Fig. 4, 7, 20, 28–30), and in the nomadic barrows of the Dzhetyasar group (see Fig. 5, 14) [Levina, 1992, 1996], which we call the Hun-Kangiu HCC. A close similarity with the 2nd – 1st century BC Yuezhi-Kushan sites is (fig. 20) obviously due to the common sources of cultural genesis (in Hexi and the Tien Shan region). In general, the appearance of these complexes in Northern Bactria and the Pamir piedmonts in the 2nd - 1st centuries BC and further development of the Yuezhi burial rite in the Kushan epoch occurred in a specific geocultural region and did not contradict the general historical situation [Zadneprovskiy, 1975; Litvinskiy, Sedov, 1989; Mandelstam, 1975; Sarianidi, 1989]. The Dzhetyasar barrow complexes appeared in the lower Syr-Darya River basin as early as in the first centuries BC. However, a correlation of the grave goods from the barrows and vault burials showed that these complexes were widely spread throughout the AD 5th – 8th centuries (Fig. 26–28).

The Sarmatian-Yuezhi HCC (Lyavandak group) is attributed to a special 3rd – 2nd century BC – 1st century AD niche–catacomb group, which occupied the northern peripheries of the western Central Asian oases (Tashkent, Bukhara, Samarkand, Khoresm, Kazakhstan, and the Southern Urals) (see Fig. 4, 1, /27-23; 18; 19) [Wainberg, 1979; Lokhovits, 1979; Lokhovits, Khazanov, 1979; Maksimova et al., 1968; Obelchenko, 1961, 1967; Khabdulina, 1994; Mandelstam, 1971; Smirnov, 1975; Yablonskiy, Davis-Kimbel, Demidenko, 1995]. They were further developed in the catacomb (*dromos*) complexes of the Alano-Kangui HCC (Kenkol group) (AD 1st – 5th centuries) in the territory of the Talas, Fergana, Ketmen Tyube, Atysi, Samarkand, Bukhara, and Tashkent oases [Bernstam, 1940; Gorbunova, 1991; Zadneprovskiy, 1975, 1992a, b, c; Litvinskiy, 1967; Baipakov, Podushkin, 1989; Kozhombierdiev, 1975; Maksimova et al., 1968] (see Fig. 5, 3, 10, 24, 26 – 29).

Another special cultural group includes the Wusun complexes located in Kirghizia, southeastern Kazakhstan, and western Xinjiang, which are characterized by stone barrows with stone enclosures and western orientation of the burials (Saka-Wusun HCC-Chilpek group) (Fig. 21) [Akishev, Kushaev, 1963; Bernstam, 1952; Voevodskiy, Gryaznov, 1938; Zadneprovskiy, 1992; Dosymbaeva, 1999].

Chapter 3. The Huns-Sarmats of Ural-Kazakh steppes

However, the features of the Xiong-nu HCC are most clearly manifested at the sites of the Hun-Sarmatian period, which appeared in the Ural-Kazakhstan steppes in the middle

of the 2nd century AD (see Fig. 5, 11–13). Certainly, these sites have special features due to the chronological and geocultural differences between the Xiong-nu and the early Huns. The Xiong-nu culture is traditionally dated to the 2nd – 1st centuries BC. Nevertheless, the above-mentioned sites have preserved the following typical features of the Xiong-nu and Hun HCC: plain barrows; vault-like or figure burial mounds with entrances on the southern side; wooden coffins; northern orientation of the deceased; stripes of a special type for horses; belts with rectangular, 8-shaped, and spherical plaques and leaf-and ring-shaped pendants; long double-edged narrow swords with straight shoulders or without them finished with round pommels (originated from North China), three-winged iron arrowheads and asymmetric-rhomboid bone arrowheads, cauldrons of the Mongol and Ordos types, and Han mirrors (Fig. 29–62). The complexes of the Hun-Sarmatian period are extremely numerous (approximately 350 excavated burials). They are concentrated in the Or-Ilek basins and along the left tributaries of the middle flow of the Ural River. These territories, as well as vast areas of the Southern Ural region and the Ishim River basin, were in fact unsettled during the preceding 200 years, which is evidenced by isolated sites dating to the 1st century BC – 1st century AD [Botalov, Gutsalov, 2000. p. 146–151].

Thus, as a result of complicated ethnic processes in the 2nd - 4th centuries BC, a great number of nomads, accumulated in the Ural-Kazakhstan steppes, gave rise to a new ethnic-political formation. In addition, the nomadic population of the Hun-Sarmatian period penetrated to Eastern Europe as a result of slow infiltration and individual raids (see Fig. 5, 16 – 18). Therefore, below we consider the question of the Late Sarmatian Culture.

Chapter 4. The Huns of Middle Eurasia in the II – VI centuries AD

The analysis of the 2nd – 4th century AD materials showed that the late Sarmatian transformations in Eastern Europe were far from being uniform. There are at least six local variants of the Late Sarmatian Culture revealed to the west from the Volga River region, in the Volga-Don interfluvium, the lower Don River basin, the Black Sea shore, the Budzhak steppe, and the Danube River basin [Gudkova, Fokeev, 1984; Grosu, 1979; Kostenko, 1977, 1979; Rikman, 1975; s-Smirnov, 1954; Fedorov, 1960; Fokeev, 1986, 1987; Kulcsar, 1998] (Fig. 63–66). A question arises of why many scholars consider miscellaneous complexes scattered over the vast area from the Volga River to Pannonia within the late Sarmatian cultural community. Usually, features that are crucial for the formation of any culture are distributed non-uniformly over territories. In this case, the features distinguished by Skripkin (1984. p. 82 – 87) include northern orientation, deformed skulls, swords without pommels and shoulders, mirrors-pendants, fibulas, bows with terminal and middle cover plates, and massive three-winged iron and bone arrowheads. A comparative analysis of sites in the lower Don River region, the Black Sea shore, and the Danube River basin showed significant differences between the synchronous Late Sarmatian and Lower Volga burial complexes, and the attribution of some of these complexes was revised (West-Sarmatian sites of Moldova [Rikman, 1975. p. 57]). One can note that to the west from the Volga River basin, only some of the Late Sarmatian features were found at the sites and these sites dated to various epochs. Being specific markers of the new epoch, these features typical of all Sarmatian-Alanian tribes contributed significantly to gradual destruction of the cultural uniformity of these tribes in the 2nd – 4th centuries AD and later, by the late 4th century, they manifested in the western periphery of the territory occupied by these nomadic groups (Alfeld).

There exists a number of stereotypes concerning the cultural, linguistic (Turkic language) and racial (Mongoloid) appearance of the Huns among many of the contemporary researchers as well as the scientists of the past. However, there are certain

grounds, which let us believe that the Xiong-nu-Hun ethnic community (or, at least, a significant part of its' main nucleus) could have constituted the European population, subject to the eastern influence of the breed, that spoke some of the nowadays non-existing Indo-Iranian dialects. This ethnos possessed, to some extent, its' own historical and cultural differences from its' historical predecessors, who constituted the Yuezhi-Sarmat-Alan wave of the Great migration. But the common source of their ethno-cultural genesis and the common habitat became the reason for their further mixing and coexistence within the later Hun Horde. It's quite possible that such cross-ethnic tolerance, which had appeared earlier, laid the foundation for the subsequent integration of different cultures (Goth – German, Bulgarian – Turkic, Ant – Slavic etc.), adding so quickly to the mighty horde of Roug and Atilla.

Let us discuss the question of the bearers of these new cultural traditions.

These cultural complexes were referred to as «burials of armed horsemen» [Maksimenko, Bezuglov, 1987. p. 191; Bezuglov, 1988. p. 113]. We omit here the detailed description of these complexes. We only note that some sites of the Don River basin bear the Late Sarmatian features that are found at the Lower Volga sites and, particularly, the Hun-Sarmatian features inherited from sites of the Ural-Kazakhstan steppes. This conclusion was drawn from analysis of weapons and horse trappings from male burials, such as round-shaped bits, round plaques-clips, belt tips, buckles with moving plates, etc. [Moshkova, 1978; Melyukova, 1962; Maksimenko, Bezuglov, 1987; Bezuglov, 1988; Guguev, Bezuglov, 1990; Bespalyi, 1990; Shepko, 1987; Maksimenko, 1998] (Fig. 66). However, unlike Hun-Sarmatian complexes, Eastern European sites of this period show definite traces of cultural mixing. The clearest example of such mixing is the Suslovo burial site, whose materials were used to distinguish the separate Late Sarmatian culture. The aforesaid suggests that the use of the old term of the «Late Sarmatian Culture» is merely traditional. We believe that the terms of the «Late Sarmatian Stage» or the «Late Sarmatian Period» reflect more adequately the real historical situation at that period.

Thus, in the 2nd – 4th centuries AD, the common features of the Sarmatian culture are transformed or even disappear in various parts of Eastern Europe and this culture often acquires features of a new Hun-Sarmatian community. By the 3rd – 4th centuries, these cultural innovations reached the steppe and forest-steppe regions of the Danube River basin. Thus, the consolidation of the Hun horde was delayed by a Gothic invasion for only a century (see Fig. 5, 23 – 25). The Hun tribal union ultimately consolidated on the basis of the nomadic late-Sarmatian population of Eastern Europe during the period of cultural uniformity. This nomadic union was headed by eastern tribes, which occupied the Ural-Kazakhstan steppes until the late 4th century AD.

The final and, at the same time, the shortest period in the Hun-Xiong-nu cultural genesis fell in the period of the Huns proper (late 4th – middle 5th centuries AD). The sites bearing the typical Hun-Sarmatian features are common for this period, such as Zammering and Pechuset in Hungary; Belteni, Kotsieshty, and Gersen in Romania; Mirolyubovka and Belyaus in the Crimea; Kubei, Novoivanovka, and Chernomorskoe on the Black Sea coast and in North Caucasus; Leninsk (barrow 3, grave 12), Shipovo (barrows 2, 3), Verkhne-Pogromnoe, Novoselki, Pokrovsk (barrow 36, grave 2), Perepolovenka-Kirovo, and Vladimirovka in the Volga region. However, some of them date to the later period and show traces of non-Hun cultural innovations: for example, the northern orientation of the deceased was gradually replaced by the northeastern and eastern orientation. The placement of hides or even whole animal skeletons into graves or beside graves on a stair was obviously borrowed from other cultures. We believe that these complexes mark the beginning of the new Early Turkic historical-cultural period in the second half of the 5th century AD and are due to the penetration of some Turkic-Tielie tribes to the Kazakhstan and southern Russian steppes, which were a homeland of the

Proto-Bulgarian population (Savir, Utrigur, and Kutrigur) [Iskhakov, Izmailov, 2000. p. 14–15]. Some of the complexes date to the 4th - 5th centuries AD, such as Belyaus, Engels (barrow 36, grave 2), Zelenokumskoe, Berezhnovka (barrow III, grave 1), Kubei (burials with the eastern orientation, horses or horse hides), Novogrigorievka (barrows VII–IX), Ostrologovka (D 18, 19), Rovnoe (barrows 42, 47), Vysokoe (E7), Pokrovsk (barrows 2, 3, 11), Borodaevka (barrow 5), etc. (barrows with fireplaces).

Thus, the aforesaid evidences the uniformity of the Xiong-nu and Hun cultural genesis in the Eurasian steppes, which are divided into the following stages: (1) Proto-Xiong-nu (Rong-Di, Yin epoch) – 4th – 3rd centuries BC; (2) «Classical Xiong-nu,» 3rd century BC – 2nd century AD; (3) Hun-Sarmatian, 2nd – 4th centuries; (4) Hun, late 4th – middle 5th centuries; and (5) Post-Hun (early Turkic), late 5th – 8th centuries.

There exists a number of stereotypes concerning the cultural, linguistic (Turkic language) and racial (Mongoloid) appearance of the Huns among many of the contemporary researchers as well as the scientists of the past. However, there are certain grounds, which let us believe that the Xiong-nu-Hun ethnic community (or, at least, a significant part of its' main nucleus) could have constituted the European population, subject to the eastern influence of the breed, that spoke some of the nowadays non-existing Indo-Iranian dialects. This ethnos possessed, to some extent, its' own historical and cultural differences from its' historical predecessors, who constituted the Yuezhi-Sarmat-Alan wave of the Great migration. But the common source of their ethno-cultural genesis and the common habitat became the reason for their further mixing and coexistence within the later Hun Horde. It's quite possible that such cross-ethnic tolerance, which had appeared earlier, laid the foundation for the subsequent integration of different cultures (Goth – German, Bulgarian – Turkic, Ant – Slavic etc.), adding so quickly to the mighty horde of Rouran and Atilla.

Chapter 5. The early Turks (the issues of cultural genesis)

The ancient history of the early Turks in its initial period is closely connected with the Xiong-nu-Huns. This surely doesn't mean any direct historical succession, since the birthplaces of their cultural genesis were thousands kilometers from each other. These two ethnic groups appear at the historical stage at the end of III – beginning of II centuries BC. Among the peoples conquered by Shangjui Modu in the west the Jiankuns are mentioned [The materials on the Xiong-nu history, 1968. p. 41]. S. E. Yachontov believes that the ethnic name "Jiankun" is a phonetic variant of the "Kigu", "Gagu", "Hagus", "Hagas" and "Kyrgyz" word.

1. *The Jiankuns and the Ashins.*

The localization zone of the pre-Turkic nucleus seems to be rather vague, although a great number of the Tugu-Turkic historical monuments have been found here [Voitov, 1996], along with the monuments and sites of the Xiong-nu and Scythian periods [Novgorodova, 1984; Konovalov, 1985. p. 43–44; Zavendorge, 1985]. The historical dates of all those sites and monuments, however, aren't easy to be defined. Their most eminent researcher states, that the majority of these complexes appeared here at the end of the VI century [Voitov, 1996. p. 23].

The linguistic similarities as well as the data from the genealogic legends might indicate some common cradle and thus common territories where the ancient Turkic and ancient Wusun ethnic groups were formed. As it was mentioned above (see the chapter about the Saka-Wusun HCC), most of the scholars today have a tendency to bring the Wusun into correlation with the ancient Turks before the Wusun moved to the Dzhetyysay, or *Semirechie* region, in the south-eastern Turkestan (the Lake Barkul area), which, in its turn, is rather close to the eastern Turfan where the early history of the Ashin family begins. Besides, we should consider the fact that the history of the Wusun and the Ashin-

Turks is closely connected with the “Jiankun” ethnic name, which shares its’ historical period with the early Wusun and precedes the appearance of the Ashin family within the borders of the South Jungar steppe.

In the early Iron Age the Sinjian becomes a kind of a key region which holds the routes of all Sak migrations. Such migrations in the western direction include the movement of the ancient-Sak Tasmolin population to Central Kazakhstan and Zauralye, as well as the migration of Priaralye and Northern Tagisken Saks to South Kazakhstan a little later. This is the period when the complexes such as Ysyk and Berkkara, that bear certain resemblance with Alagow and other Sak complexes of Sinjian, were born. In the northern and north-western direction the migration was marked with the appearance of complexes like Chesnokovo I, Solonechniy Belok, Mashevka I (Altay) and later Lokot IV, Simbirka. Among other migrations across that region was the one which brought to the genesis of the Karakobin culture and the appearance of a special Sak group of ceramic material in the Bolsherechie culture [Sitnikov, Shulga, 1995. p. 59–62; Troitskaya, Borodovskiy, 1994. p. 74–76].

The formation of the Wusun and Jiankun union that took place in the Sinjian region also, was completed by the beginning of the Hun-Sarmatian period. The union had one common pro-Sak ground for it. In this connection, one might believe, that the strong resemblance is well founded between such complexes as Timulike Subashi, Gunaysy, some barrows of the Chauhu culture of earlier Sak period (ring or round stone mounds, plain as well as stone covered and coated graves, western orientation, similar types of ceramics and iron grave goods) (Fig. 23) and the Wusun monuments of later period from the Ili river basin. The Hun-Sarmatian period (II century BC – II century AD) in Sinjian is mostly represented by the latest barrow complexes such as Iauhu-3 and also burials from the Yarhato and Guynasy burial mounds [Molodin, Kanin, 2000. p. 89–100; Hajinsian Iauhugaukou Sanjao..., 1997. p. 233–259]. The most important features of the Sinjian burial complexes of this period are the prevailing eastern (sometimes, but more seldom, western) orientation and the appearance of altars from horse skulls and extremities at the feet of the dead. The burials with horses also appeared at this stage (see Fig. 69).

There existed three cultural-genetic regions, or habitats in South Siberia in the preceding Scythian time. They were Altay, Tuva and the Hakassiya-Minusa basin. Speaking of their cultural and historical component, we can say, that these regions appeared quite a long time ago. Let us characterize briefly the period which actually preceded the Turkic cultural genesis in the territory of above-mentioned regions.

North-Western Altay.

The monuments of the Pazyryk culture (VI–III centuries BC) all have the following stable features:

- small round mounds made from stone;
- mostly individual burials with horses, in pits, faced with wood (frameworks);
- north-eastern and eastern orientation of the dead;
- the lack of ceramic ware.

This historical-cultural complex is stable both in territorial (the common features of far-eastern monuments of the Ulandryk type) and temporal terms, that will be discussed later.

Tuva.

The sites and monuments of the Uyuk culture of VII – III centuries BC possess certain similarities with the Altay monuments at certain stages. These similarities were the reason for their unification, though mistakenly, under one ethnic-cultural habitat by A. D. Grach [Grach, 1967]:

- small round or subrectangular mounds, fences made from stone;
- individual burials in pits faced with wood (frameworks);

- north-western orientation;
- the absence or very rare occurrence of ceramic inventory.

Minusa.

The Tagar culture of VI – II centuries BC is represented by the following complex:

- rectangular fences of considerable sizes;
- one or several burial vaults for multi-time usage;
- walls, faced with wood (frameworks);
- western and north-western orientation of the dead;
- the presence of ceramic ware.

Such features correlation of the above-mentioned historical-cultural habitats most probably existed until the III century BC. Since then the Xiong-nu epoch changed the ethnic-cultural map of the Sayan-Altay region greatly. We will take a closer look now at the results of these transformations in separate areas of South Siberia.

2. Altay in the pre-Turkic period.

The most complex cultural transformations, that took place in the Pazyryk and Karakobin Scythian-Sak double unity, were obviously over by the II – I centuries BC. As a result, a complex ethnic-cultural Jiankun-Tele substratum was formed. At the beginning stage the monuments of Bulankobin and Berel types became its foundation, while the final unification of the Altay Tele culture took place in the V – VI centuries AD when the monuments of the Kudergin-Katandin type appeared.

3. Minusa in the post-Tagar time.

The collapse of the Tagar unity in the Sayan-Minusa region resulted in the appearance of a new Tesin culture by the II century BC. Its main features at the initial stage were individual burials in frame-like coffins, stone boxes or different kinds of pits and the eastern orientation of the dead. The inventory of the new culture had certain common traits with the Hun-Sarmatian epoch. The ring-headed daggers with wedge-shaped blade, round iron buckles without lugs, complex bows and tri-faceted arrow heads coexisted with zoomorphic and round buckles along with “Ordos-style” cover plates [The complex of archaeological monuments..., 1979. p. 79; Houdyakov, 1986. p. 63; Martynov, 1996. p. 32]. Those innovational changes appeared not only in the Tesin monuments of the Minusa steppe, but also in the Shestakov culture complexes of the Kan-Achin forest-steppe at the same time [Martynov, 1996. p. 35–36]. The Tashtyk cultural unity was formed as a result of the Tesin-Shestakov migration wave that represents a peculiar stage of cultural genesis. Most scholars nowadays agree that the unity appeared as a result of migration. According to the data of written testimony, it was mainly provoked by the Jiankun population that came to Central Yenisey in the middle of the I century BC [Bichurin, 1950. p. 350; Kyzlasov, 1979. p. 164–165; Kiselyov, 1951. p. 581]. The Tashtyk cultural genesis resulted in the complete formation of the Hakassiya-Minusa Jiankun-Kyrgyz Turkic habitat. We ought to state here that the Jiankun migrations in the middle of the I century BC were definitely not the first stage of Turkic expansion to Minusa. The beginning of the Tesin transformations in the III – II centuries BC was obviously connected with the influence of the migrants who represented the Turk culture. That is partially proved by the fact that the radical changes in the Sayan-Minusa habitat and the changes among the post-Pazyryk population of Altay are very similar and take place at approximately the same period of time.

Two habitats of the Turkic culture develop in South Siberia. They are the Eastern Minusa (Kyrgyz) and Western Altay (Telessa) habitats. Tuva, which obviously became a remote north-western province of the Xiong-nu Empire since the last century BC, is the third cultural zone. The Shurmak and Kokel cultures (II century BC – VI century AD) were formed here and possess all the main features of the Xiong-nu tangible culture:

- round stone mounds;
- oblong rectangular pits;

- northern orientation;
- coffins and wooden coverings;
- the inventory of the Xiong-nu type.

4. *The expansion of the early-Turkic habitat to the West*

The first stage of the expansion is the pre-Turkic one. It is also called Jiankun-Gaochan one and is dated the III century BC – the middle of the VI century AD.¹ The data and testimony about this stage, as well as the pre-Xiong-nu one, are rather odd and incomplete. The written testimonies tell quite abruptly about the existence of some semi-mythical Jiankun land, which is connected with the pre-Turkic nucleus by most of the researchers, but they are too inconsistent to make a map of it in the earliest period. We can only state today that it was first mentioned due to the conquest of the Jiankuns by Modei in the year 201 BC. In the west of the Xiong-nu territory the notion “the Jiankun land” itself states the presence of the most ancient paleo-Turkic alliance of the tribes that lived initially in the territories of West Mongolia and Jungar steppes (on both sides of Mongol Altay, from the Bolshiye Ozyora, or *Big Lakes* basin to Turfan). The ancient layer of the Sak-Hotan ethnic and linguistic unity was probably the common ground for such an alliance. When the Xiong-nu Empire was born, it led to very time-consuming Jiankun migrations to Minusa, Upper Priobye, Altay, Kazakhstan, Priaralye. As a result, in the V – VI centuries AD a few culturally and territorially independent Turkic groups appeared. The ethnic name “Jiankun” (Gagun, Jiangun, Hyrhys, Kyrgyz) was inherited by the Kyrgyz population of Yenisei [Kyzlasov, 2001. p. 73], although some part of the Jiankuns was living far in the West (Priaralye) until the ephtalytus epoch. The Prialtay community got the name “Tele” while the central ethnic clan nucleus (Tyugyu) received the “Ashins” clan name. The Ashins most probably are closely connected with the Wusuns, especially this concerns the bordering territories of South Turkestan, and have common Sak ethnic-cultural origin. The Ashins prevailed as population and were the ethnic-clan ground for the west-Turkic state. This branch of the Turk culture existed in the Asian steppe from the East Turkestan and to Prichernomorje, the region lying close to the Black Sea. The Chinese chronicles of the III – IV centuries AD contain more precise information, describing the relations of the Gaochan state with the Zhuzhans And the Tele people. L. A. Borovkova analyzed these relations. Their interpretation allowed her to define the location of the pre-Turkic nucleus with quite exact precision. She believes it was situated within the borders of East Turkestan, to the north-east from the Turfan oasis [Borovkova, 1992. p. 90–93]. Unfortunately, the lack of archaeological data from those territories lets us reconstruct the cultural complex of the pre-Turkic population by implication only. Having taken into consideration the data from the neighboring Sayan-Altay territories one might notice that there are two culture habitats developed here by the first centuries AD. These habitats are the eastern Hakassiya-Minusa and the western Sayan-Altay ones. The first formed due to the migration impulse of the Turk-speaking population in the year 49 BC. So it might be considered a prototype of the Jiankun (the Turks-Tougyu) cultural model in some way. It is known that these processes led to the appearance of the Tashtyk culture. The Tashtyk culture in its turn is characterized by stone fences (on-ground vaults) of round and rectangular shapes, standing on the platform surrounded by steles or stones. The rite of cremating the dead body and putting ceramic ware together with the horse and sheep bones is also typical for this culture. These features were unified later and became constituent of the early-Turkic Chaatas culture. This habitat's objects are of the following categories: quivers with trilobite (asymmetrical-rhombic, elongate-hexagon, warhead-type and other) arrowheads, daggers, horse-curb inventory (ring and double ring-shaped stirrups).

The second habitat is the logical continuation of the Altay-Pazyryk (Shybin) and western Saka-Wusun traditions. To our mind, its main features, such as round stone

mounds or fences, frameworks, stone pits, burials with horses, north-eastern and eastern orientation as well as the lack of ceramic kitchen ware, developed by the III – II centuries BC when the part of the Jiankun population came here after being forced out of East Turkestan by the Xiong-nu (Fig. 69-72).

It became the basis for the formation of the Kudergin-Katandin circle-type complexes. Some researchers correlate this complex with Tele-Turks. Peculiar details of the Tele complex are sacrificial horse burials and the appearance of considerable constructions – the attached rows of sacrificial-funeral fences and stone ridges built in the east-west direction (at a distance of up to 150 meters) with steles or stone monuments at their ends. The inventory consists of well-known quillons with big trilobate and warhead-like arrowheads, complex bows, single-blade broadswords, horse-riding inventory, the bits (with bone or iron parts), bone and iron saddle-girth buckles and hooks, metal-plates and stirrups. The marking feature is the heraldic belt-kit and earrings with drop-like appendage, pin and pendant, flare and hollow in the lower part [Ovchinnikova, 1990. p. 221. Fig. 53].

Next is the stage of the Tele-Turkic habitat expansion. The early-Turkic (Tele-Turkic) stage (the end of V – VIII centuries), that witnessed the expansion of the Turk culture habitats, will be discussed thoroughly in the next chapter (Fig. 6).

Chapter 6. The Ural-Kazakh steppes in the early-Turkic period (V – VIII centuries)

The period of the V – VI centuries was truly an uneasy and vague time for the Ural-Kazakh steppes. However, its importance in the cultural genesis of east European (Avars, Savirs, Bulgars etc.) and west Asian (Oguzes, Pechenegs, Bashkirs, Madyars, Kimaks, Kipchaks) ethnic tribes of latter period is well understood. Thus we are going to discuss in the following chapter some key issues of the materials that are known already, and analyze the complexes once researched and letting us follow the cultural and historical tendencies of this region's development in the Turks time.

Barrows with "ridges" and sites of Selentash type

The sites and monuments of this type are found at the huge territory of the Eurasian steppe from East Turkestan to Podneprovye. However, the majority of barrows with "ridges" coexist in four compact groups: 1 – the Sary-Arkin group, including the biggest part of Central Kazakhstan and Poirtyshye; 2 – the Ulutaut one; 3 – the Mugodzhzar and 4 – the adjoining Zauralye one. Those last two groups of barrows with "ridges" and sites and monuments of Selentash-type are most properly researched and mapped today within the borders of the Ural-Kazakh region (Fig. 73).

P. S. Rykov was probably the first who decided to date the barrows with "ridges" as belonging to the early Iron Age. He included them, though cautiously, in the group of monuments, called conventionally the "Scythian-Sarmatian" one [Rykov, 1935. p. 43]. This idea was later supported by M. P. Gryaznov, who stated that "at least some of those monuments, if not all of them, belong to the early Scythian time". This conclusion was obviously drawn as a result of studying the materials from the barrow on the Bolshoye Chebachye lake shore, which was explored in 1930 by B. N. Zhdanov [Gryaznov, 1956. p. 9, 10].

Nevertheless, in 1949 A. H. Margulan supposed that the barrows with "ridges", or "barrows with beams" as he called them, might belong to the second half of the I millennium AD, i. e. the epoch which preceded the appearance of a numerous tribal unity of Kypchaks in Central Kazakhstan. "Tall and very well-trimmed steles as a prototype for the future balbals, which were especially typical for the Kypchaks period, weren't created after the VI century AD." [Margulan, 1949. p. 12].

Despite that, P. S. Rykov and M. P. Gryaznov's point of view concerning cultural and chronological characteristic of barrows with "ridges" prevailed in the science of archaeology.

In 2006 the author issued a monograph in cooperation with A. D. Tairov and I. E. Lyubchanskiy. This work presented a definite conclusion in the studies of such complexes [Botalov, Tairov, Lyubchanskiy, 2006]. The authors of the monograph studied all the available materials and managed finally to set the chronological periods of barrows with “ridges” within the early Middle Age epoch (V – VIII centuries).

As many as 58 monuments of this type were researched fully or partially. The analysis of the resulting material led to the conclusion that nowadays one may distinguish two main variable types which constitute a single complex, and the key elements of those types were built simultaneously. The first type consisted of a single central mound, or barrow, and two ranges coming from it. The ranges had stone pavements or mound layouts of “ridges” at the beginning.

The second type includes complexes having two or more barrows standing along the North – South line. In East Kazakhstan this type includes barrow 3 of Zevakino barrow complex and barrow 2 of Kyzyltas barrow complex (Fig. 74).

In Central Kazakhstan the complex of barrow 55 from Botakara, barrow 13 of Buguly, barrow 2 of Besoba, barrow 16 of Bylkyldak and barrow 2 of Karasay barrow complexes belong to this type of mounds with “ridges” along with barrow 9 from Dandybay site, barrow 1 of Dzhanaydar barrow complex and barrow 8 of Ak-Kayrakty barrow complex, as well as barrow 2 near the Shederty station (see Figures 74, 25–29; 75, 6, 7, 10).

In Central Kazakhstan there are also more barrows of this type 1 with human burials. They are barrow 4 of Yegiz-Koytas burial ground, barrow 19 of Tasmola I, barrow 19 of Kanattas barrow complex and others [Beysenov, 1996. p. 39], and also the Tolagay complex together with barrow 1 of Kara-Biye burial ground (Figures 74, 16, 20; 75, 25, 27; 76, 9–18).

There are 10 researched complexes of barrows with “ridges” belonging to this type in Mugodzhzar and Zauralye groups: Solonchanka IX, Gorodishenskiy IX, Novokondurovskiy I, Olenina Otnoga, Novoaktyubinskiy I, Sukhodol, Sultantimirovskiy I, Kaynsay 14, Yelizavetpolskiy, Medes (Fig. 77 – 80, 82).

The next group, that has to do with the second type, as it was stated above, includes complexes where the central part is formed by two or more mounds standing at a certain distance from each other along the N-S direction. In this connection, we may hardly include here the complexes where the central mounds merge or stand very close to each other, like in the case of a famous barrow at the Bolshoye Chebachye lake.

In Kazakhstan such complexes are represented by barrow 48 of Botakara burial ground (see Fig. 74, 2, 3, 6, 8, 12, 14, 17–19, 22–24; 76, 1–8; 84), Koktal, Zevakino barrow, Karamurun I, Izhevskiy-2, Yegiz-Koytas, Batyr-Bulak. South Zauralye has a group of four complexes of such type (Fig. 82, III; 86): Nizhne-Davletovskiy, Sarbulat I, Krutaya Gora. A certain group of monuments under consideration represents a set of complexes, called “monuments of Selentash type”. The author believes that the main features and peculiar details, found in the process of their research, are surprisingly similar with the ones found when the central mounds of barrows with “ridges” complexes were excavated. Those similarities consist of stone fences pavements, traces of burning the under-mound site, horse and cattle bones, the position of ceramics, as well as typological resemblance of ceramic ware. This let us define them as a single-cultural group of monuments. The Selentash monuments are barrows and pavements having no “ridges”.

Nowadays there are 15 barrows of Selentash type studied at the territory of South Zauralye, West and Central Kazakhstan (Fig. 87–90, 81, II). Among them are Alexandrovskiy barrows, Yelantau, barrow 4, Krutoy Ovrag, Selentash, Kyzyl-Zhar, Vostochno-Kuraylinskiy II, Izmaylovka and others.

The cult funeral traditions of the early Turkic (Selentash) population

The conducted studies of the funeral rituals and traditions let us speak of a certain cultural unity on the one hand, and a significant difference of sacrificial-funeral traditions

of two epochs under consideration on the other hand. The Hun-Sarmatian time is characterized by ground vaults with southern passage, long and dumbbell-shaped mounds that have coal, pieces of ceramics and single objects under them as well as burials fulfilled there. Sacrifices were mostly represented by sheep bones. The Turkic period is characterized by stone mounds, subrectangular fences with or without "ridges". In the center of the site there usually were fireplaces, skeletons or models of horses, calcinated bones and vessels and parts of sheep closer to the western side.

The burial complexes of the early-Turkic period

Apart from the cult burial barrows with "ridges" and Selentash-type complexes that we have already described, there exists a number of burial complexes that can also be dated as the early Turkic period in the broad sense, from the VIth (probably, end of the Vth) to IXth centuries AD. It is an accepted fact that there are quite few complexes of the early Turkic or post-Hun periods (end of V – VIII centuries) in the Middle Eurasia steppe region. The majority of them are well known to the scholars - nomad researchers of the Epoch of Great Migration. Those complexes are extremely diverse, so researchers unite them basing on chronological principles mostly. We think, nevertheless, that the key features of the funeral rite of these sites demonstrate and mark the diversity of ethnic cultural components which existed in the steppe during the radical change between the Hun and the Turkic cultural epochs. We have already mentioned a part of those monuments in the chapters concerning the late or post-Hun periods. This is definitely rather logical, as the ethnic cultural position of this or that complex of any transitional period is always extremely hard to define. Let us characterize briefly the monuments of the end of the V – VIII centuries AD in Kazakhstan and Ural-Povolzhye. There are a little over 30 of them, and these sites aren't identical in their funeral rite and chronological position. They spread over the vast territory of West Kazakhstan (Atpa II, barrow 2; Chelkar; Bolgarka; Zhaman Karagala) and Central Kazakhstan (Borovoye; Zharly II, barrow 1; Nurinskoye; Kara-Agach; Yegiz-Koytas; Chilikt; Bobrovskiy) as well as South Ural (Muslyumovo; Shipovo, barrows 2, 3; Verkhne-Pogromnoye, barrow 4, burial 3; Kamenniy Ambar, barrows 5, 6; the Arkaim burial; Kyzyl-Adyr). Most of them have long history of references by various authors [Arslanova, 1963. p. 68; 1968. p. 98; 1980. p. 79–103; Bernshtam, 1951a. p. 224–225; Botalov, Tkachev, 1990. p. 147; Zasetskaya, 1994. Table 44; Kozyrev, 1905; Savinov, 1984. p. 33]. Due to this we are going to choose and reproduce here only some of their descriptions, mentioning the ones that were researched lately.

There are six complexes forming the first and the oldest group. They are Arkaim, Kamenniy Ambar (barrows 5, 6), Shipovo (barrows 2, 4), Vekhrne-Pogromnoye (barrow 4, burial 3). Those are either burials under ground mounds or without any mound at all, with northern orientation of the dead and altars from cattle bones and skulls at their feet (in one case the bones were of a camel). Obviously, the triple burial in the Kanattas barrow with "ridges" can be included in this group. The inventory of such complexes usually includes objects and ware for horse-riding, different belts, embellishments (diadems, earrings, necklaces, pendants), mirrors and ceramics. Similar complexes of the same period (end of V – VIII centuries AD) were once discovered in Povolzhye (Perepolovenka, Leninsk, Tashkirmenskiy, burial 1), Prikamy (Kominternovskiy II, Kushnarenkovskiy, burials 2, 27) and also among west Siberian nomad complexes (Sopka II, burial 688) [Bogachev, 1998. p. 30–38; Gening, 1977; Zasetskaya, 1994. Fig. 3, 2–5; Kazakov, 1996; 1998; Molodin, Chikisheva, 1990]. As for the main elements of the funeral rite mentioned, these complexes are close both to the preceding Hun-Sarmatian ones, and to the Dzhetyasar barrow complexes from the Lower Syrdarya and the Belaya river basin's Turbaslin complexes of the same period (Fig. 68).

The second group includes 4 barrow complexes of the VI – VIII centuries: Kara-Agach, Chilikt, Yegiz-Koytas, Zharly II, barrow 1. These are burials under stone mounds,

with eastern orientation of the dead and the skeleton of a horse lying near the grave pit. The funeral rite and the main accompanying inventory, such as saddle-girths made from bone, buckles, stirrups with mesh-like ears, ring-shaped bits and the lack of ceramic ware, mark the similarity of these sites with the Tele complexes of Kudergin-Katandin type from Altay and Tuva [Gavrilova, 1966; Nesterov, 1995] (Fig. 91).

The conducted analysis of the inventory allows us to speak of a generally wide dating of the complexes under consideration, i. e. the early Middle Age and V – VIII centuries. The most known and well-studied complexes are also the oldest ones. They possess a more or less precisely dated inventory taken from barrows with “ridges”: Solonchanka I; Kanattas, barrow 19; Zevakinskiy, barrow 1; Koktal. These monuments were often mentioned in various scientific literature among other complexes of polychromatic style or of the Great Migration Epoch, being dated somewhere at the end of the IV – V centuries [Zasetskaya, 1994. p. 112 – 136] or VI – VII centuries [Ambroz, 1981. p. 10 – 23. Fig. 59]. The ware kits from Bryukhanovskiy Vyselok, Muslyumovo, Borovoye, Verkhne-Pogromnoye burial, Kara-Agach, Arkaim, Kamenniy Ambar barrows 5 and 6, Kyzyl-Adyr, Aktobe, Shipovo barrows 2 and 3, Fyodorovka, Vladimirovskoye, barrow 17 from Pokrovsk, Voskhod, Leninsk belong to the same temporal range. And the majority of the remaining monuments, that contain inventory, may be dated according to the principle of its typological unity. However it would be better to place these complexes in a wider chronological interval. The Kazakhstan complexes are: Yelshibek, Shederty, Sanguyr barrows 1-3, Kara-Bis barrows 1 and 15, Zevakinskiy, Kyzyltas II, Kyzyltas barrow 1, Lelinka, Berkuty, Batakara barrows 55 and 58, Tasmola barrow 19, “37 warriors”, Karamurun 1 barrow 46, Sanguyr II barrow 1. The complexes from South Ural include: Gorodishenskiy IX, Yelizavetpolskiy, Novoaktyubinskiy I, Novokondurovskiy I, Solonchanskiy IX, Sultantimirovskiy I, Nizhne-Davletovskiy, Sarbulat I, Olenina Otnoga. The typological resemblance of the horse-riding accessories (trapeziform saddle-girth buckle, ring-shaped bit with rectangular section and sub-square rings for the rein), armor (trilobate rhombic arrowheads and lancet-shaped spears) and the unity of the ceramic complex (TG 1 – TG 7) with the inventory complex of the early Bulgarian population monuments in Samarskaya Luka and south-eastern Europe, makes it possible to state the chronological origin of the above-mentioned monuments in the long period of V – VIII centuries.

Barrows with “ridges”, such as Kainsay barrow 14, Kyzyl-Zhar barrows 2-4, Izhevskiy 2 barrows 1-3, occupy a particular chronological position. They are generally younger than most of the complexes and thus are dated with the VII – VIII centuries. The pieces of the Kushnarenkov vessel from Kainsay barrow 14, a massive trilobate arrowhead typical for late Bulgarian samples and a sub-rectangular and segmented saddle-girth buckle with moving inner frame from Kyzyl-Zhar barrow 3 and Izhevskiy 2 burial barrow 3 prove these chronological definitions. The fact, that the Kainsay and Kyzyl-Zhar barrows with “ridges” contain big vase-like pots which are typologically similar with Selentash samples and late-Chaatas and Tyukhtyat vessels from Hakassiya, does not contradict the above-mentioned conclusions. However, one serious point is worth paying attention to. Barrow 3 of Izhevskiy 2 complex stands at a special position (10 meters west) from barrows 1-2 which constitute the central part of the complex with “ridges”. And although a part of an iron trilobate rhombic arrowhead found in barrow 2 is similar to the one found in barrow 3, this barrow could theoretically have been built and added to the complex later, just like the latter in some cases was built near the Saka-Tasmolin or Sarmatian barrows, as it was mentioned earlier. The Nura burial and barrows of Atpa II, Yegiz-Koytas, Chilikty, Zharly, Kyzyl-Kaynar-Tobe, Berezhnovka II, Engels barrow 36 burial 2, Zinov'yevka, Chernoozerye all belong to that period.

Finally, the complexes of Selentash type occupy the youngest, or the latest, position

among monuments under consideration (Selentash, barrows 4, 5; Krutoy Ovrag, barrows 1-4; Vostochno-Kuraylinskiy, barrow 2; Izmaylovka, burial 9). Obviously they represent, so to speak, the remnants of the complexes that keep the main key features of central constructions of barrows with "ridges". At this historical stage the erection of ridges is no longer necessary as a requirement for building. It is easily explainable thus, that in a latest barrow with "ridges", called Kyzyl-Zhar (barrows 2-4), the ridges are practically unnoticeable. There exists, despite this, a typical ceramics set, which is represented in Selentash monuments by massive vase-shaped vessels or straight-sided pots of prolonged proportions (TG 1, TG 4) (late Bulgarian and Tyukhtyat look), as well as late Kushnarenkov fragment of ceramics that might belong to VIII – IX centuries. The complex of belt fitting of Yelantau barrow 4 and an iron saddle-girth buckle of Krutoy Ovrag barrow 4 do not contradict this in any way.

The ethnic historical reconstruction

Historical and cultural similarities make us state the existence of some unity of the early-Turkic population of East Europe (the early Bulgarians of the Onogur union) and the population of the Ural-Kazakh steppe ("*on ok budun*", the union of *Dulu* and *Nushebi*, the tribe of "ten arrows"). Meanwhile we ought to keep in mind, that the existing construction peculiarities in cult and funeral rites of East Europe on the one hand (burials with north-eastern and western orientation, a horse or horse's skin, multiplane sub-rectangular stone constructions with side cremation, mounds-fireplaces) and barrows with "ridges" and Selentash complexes in the Ural-Kazakh steppes on the other hand, make it impossible to declare them fully identical. Probably both were separate parts of a lively multicultural Tele-Turkic foundation of the West Turks kingdom, a special foundation definitely.

Karluk, one of the tribes of the Oguz confederation, migrates to the region of the people of "ten arrows" after the fall of the Second Turks empire. Together they participate in the war of 751, but shortly after this campaign, in 766, the people of "ten arrows" fall under the authority of those whom they had given shelter not so long before. And by the last quarter of the VIII century the Oguz come to the river Syr-Darya, where they get caught by Al Makhji's troops [Golden, 1972. p. 51; Dosymbayeva, 2006. p. 155]. This data is extremely important as it shows the final period of existence for the earliest west-Turkic ethnic cultural layer and how it was replaced with the new Tele-Turkic historical-cultural complex (HCC).

Archaeologically, this can be observed through the appearance of burials with latitude (eastern or western) orientation, a horse or horse skin in East Kazakhstan that are not older than the VIII century (Chilikty, Yegiz-Koytas, Bobrovskiy burial mound, Nurinskoye, Zharly) [Kadyrbayev, 1952; Savinov, 1984. p. 33; Arslanova, 1980. p. 84 – 89; Botalov, Tkachev, 1990].

Thus we have grounds to say that the foundations for the above-mentioned Tele-Turkic HCC's traditions were formed in close relation with the areas of the Altay Tele-Turkic habitat.

Having considered the data of the iconographic analysis of Central Kazakhstan's stone monuments (Sary-Arka and neighboring areas), and data from sacrificial-funeral complexes, L. N. Yermolenko comes to an important conclusion. The earliest stone sculptures (the 1st group), set mostly inside the square stone fences, having stone ridges of Sayan-Altay type heading to the East, do not appear here until the VII century. Their origin, in the meantime, is connected with the areas of Gorniy Altay and South-West Tuva [Yermolenko, 2004. p. 43 – 45].

As far as the regions of South Kazakhstan are concerned, the analysis of stone sculptures iconography, the architecture of sacrificial-funeral sites and written testimonies allowed A. Dosymbayeva to make a clearer conclusion. The author supposes that the sculptural-architectural cult-memorial traditions of Zhaysan (Chuy valley) and Merke

(Kirgiz Altai) complexes were born only in the middle of the VIII century or even later strictly due to the fall of the East Turks empire (744 – 745 yrs.) and the migration of Karlucs from Mongolia and Altai to the region of Semirechie and Talas, to the land *on ok budun* and *on ok turgesh* [Dosymbayeva, 2006. p. 115–117, 156].

In connection with this, the fact that the majority of barrows with “ridges” continue existing until the VIII century is quite understandable. It is also no accident that the latest of them (Kyzyl-Zhar, barrow 2) have ridges that are hardly noticeable, and Selentash complexes don’t have them at all.

It has already been mentioned, that the Kimak-Kipchak period in the Ural-Kazakh steppes begins at the end of the IX century. The historical chain of events which happened with the early Kypchaks. is more or less the following. By this time the Kypchaks defeated the Pecheneg coalition in the Ural-Aral steppe [Kuzeev, 1971. p. 21]. They smashed the Oguz in the south, in the basin of the Syr-Darya river [Agadzhanov, 1969. p. 154–155] and in the year 1030 were already near the Khorezm borders [Kumekov, 1972. p. 43. Fig. 75, 10, 11]. They finally stopped being politically dependant on the Kimaks in the XI century after the fall of the Kimak state, which happened, probably, with the participation of one of the eastern groups [History of KazSSR, 1979. p. 52. Fig. 97, 3]. They ousted the forest-steppe Srostkin population and the Hakass from Ob-Irtysh area between two rivers to the East [Neverov, 1988. p. 18], and undertook raids over the Volgo-Don regions and Ancient Russia, or *Rus*, in the West (1055 and 1061 yrs.).

The historical canvas proves that the nomads of Zauralye and Kazakhstan steppes in the XIth century were politically dependant on Kypchaks without any doubt. At that period the land of Ural-Aralye (from the eastern slopes of the Urals) was obviously the roaming territory of Kypchaks.

By the XII century the previously existing roaming and pasture territory within the borders of the Ural-Aralye region was restored, and that was an important factor for ethnic consolidation and final Turk assimilation for the population of the west Asian steppes by the XIII century AD.

Chapter 7. The nomadic civilization of Eurasian and the early Turkic habitats of Eastern Europe in the VI – VIII centuries

The nomadic civilization – the society with the productive form of economy, a well developed ideology able to stimulate its constant progressive development, effective functioning and reproduction of the social and cultural system, that can support the high degree of the community’s mobility, communication skills and adaptability, due to the existing tradition of script widespread among its main social layers and groups.

Stage 1 (VII–VI centuries BC – I–III centuries AD). It became a continental system and its constituent features were formed during the ancient nomadic stage when the first nomadic tribal unities were formed, the nomadic-pasture system was established and multiple migrations and regroupings of the population within the steppe corridor took place. These regroupings and migrations were the first attempts to appropiate the area of future integration.

Stage 2 (IV–VIII – XIII–XIV centuries) actually marked the appearance and the later development of the nomadic civilization. It took place between the Xiong-nu-Hun and the early Turkic periods – the time of the first nomadic empires and the “barbarian” cities of the nomads. At this stage all the movements and migrations within the macro and micro regions of the Eurasian steppe were to a more or less considerable extent well-regulated or interconnected. The mass migrations were followed by periodic invasions and raids. The Turkic, and namely the Orkhon, the Yenisei, the Talas, the Khazar, the Bulgarian and other kinds of the Runic character script tradition managed to spread among the multi-dialectal variety of the formed civilization’s nomadic peoples and in some cases

even became the state written language.

This stage most probably was at its peak by the XIII – XIV century when the Mongolian empire appeared and its nomadic states (the Zhush hordes) existed.

The third stage (XV – XVII centuries) was marked by the decay of the system's main structural elements, the geocultural localization and the segregation of the nomadic social groups, as well as multiple sporadic migrations and displacements within the borders of micro and macro regions. The system of political, cultural and trade communication was destroyed.

During the Hun period in Eastern Europe's area, when the large Hun-Sarmatian and namely Hun habitats that existed right until the end of Attila's epoch (453 AD) broke down, several smaller habitats were formed and these habitats existed until the VIII century.

The Hun-Bulgarian habitat. The North-East Prichernomor'ye (the Black Sea) region and the North-West Ciscaucasia. This habitat is limited to the boundaries of the small Novorossiysk-Anapa micro region, situated in the northern border area of the coastal and steppe zones of the North-East Ciscaucasia (Fig. 110, 15).

The Caucasian Hun land. Steppe and Piedmont Dagestan. It includes the burial complexes from Caspian Dagestan of the IV – VIII centuries (Fig. 110, 16).

The Hun Tanays (Fig. 110, 17). As it was fully described above, with this habitat we connect the upper layers of Tanays, which belong to the IV – VI centuries, along with over 50 burials of the Tanays necropolis.

The Hun habitat. Chertovitsko-Zamyatinskiy. Krivaya Luka. The Don-Dnepr forest-steppe interfluvium (Fig. 110, 18). This habitat consists of the group of town settlements and burial mounds of the III – VI centuries of the forest-steppe belt of the Don and the Dnepr interfluvium.

The Hun-Imenkov habitat. The Volga and the Kama rivers junction (Fig. 110, 19). The name of this habitat sounds conventional, especially the part of the name which reflects the Imenkov constituent part, which includes a vivid cultural unity of settlements, towns and burial grounds of the Lower Kama and the Volga river basins in the Kama-Samara interfluvium, that existed here during the period of the IV – VII centuries. In this case we mostly bear in mind some very specific material like the Kominternovskiy II burial ground.

The Turbaslin and the Dzhetysay can also be included in the number of Hun ones, that have been described above.

3. *The early Turkic habitats* in the steppe of Ural and Kazakhstan represent the mounds with "ridges" and the Selentash-type complexes that have been thoroughly studied above. They are usually positioned in compact-sized micro regions: the Sary-Arkin region that includes the most part of Central Kazakhstan and the Irtysh region; the Ulutaut, Mugodzhar and Zauralye regions (Fig. 110, 9 – 12).

In spite of them being spread throughout the huge territory from Priuralye (the Ural region) to Podnestrovye (the Dniester river region), we believe that today one could speak of two geocultural regions: the Prichernomor'ye region that included the whole northern part of the Black Sea, including the lower course of the Kuban river, the Don, the Dnepr, the Dniester and the Crimea (Fig. 110, 21), and the Povolzh'ye region that consisted of the Lower and a part of the Middle Povolzh'ye (from Volgograd to Samarskaya Luka), including the Volga-Don interfluvium (Fig. 110, 22).

We firmly believe that the region of North-East Prichernomor'ye (the area of Novorossiysk and Anapa) was the heart of the initial cultural genesis of the Prichernomor'ye habitat.

At the first stage from the VI century and until the second half of the VII century its existence is most probably connected with the Turkic Chaganat and Great Bulgaria, at the second stage (end of the VII – VIII centuries) it was gradually falling under the

influence of the Khazar Chaganat.

It consisted of the Bulgarian population of North-East Prichernomorje (the Utigurs, the Kutigurs, the Saragurs, the Urogs, the Onogurs) who came to the region of North-West Ciscaucasia from various regions of South-West Altay and Central Asia during the Hun invasion.

It would be useful to agree with the point of view of the authors who believe that the appearance of the Novinkin layer in the Povolzhye region, as well as the further spreading of its traditions to the East might probably be connected with the Khazar cultural genesis first of all, which took place among the early Bulgarian population, while the forming of the so-called Avilov layer, along with the appearance of large stationary necropolises like Bolshe-Tiganskiy, Tankeyevskiy, Nataylovskiy, Krasnaya Gorka, Krymskiy and other burial grounds of the forest-steppe Volga-Don interfluvium starting from the VIII century, represents the formation process of the future ancient-Hungarian community, which became an important group in the forthcoming historical period.

4. *The Avarian habitat* is extremely large considering the European scale in its geohistorical framework. At different stages and in different periods the population that constituted this habitat was living in the areas of Bolshoi and Malyj Alfeld, Voyevodino and Dobrudzhi (Fig. 110, 23).

The chronological framework of the main Avarian stages:

- early Avarian (568–620 yrs.);
- Ist early Avarian (around 568–600 yrs.);
- IIInd early Avarian (570/600–620 yrs.);
- middle Avarian (620–710 yrs.);
- Ist middle Avarian (620/640–660 yrs.);
- IIInd middle Avarian (660/680–690/780 yrs.)

If we consider the typical armament complex and horse harness, we can define the geocultural sources of the early Avarian traditions quite precisely. However, in the following periods, in our opinion, these complexes also developed autonomously within the Avarian habitat of the Carpathian crater. Most probably, it means that the formation process of new weapon objects and horse harness was not fully isolated from the culture of the East European steppe's neighboring regions, as well as Byzantine Empire and Central European states.

The analysis of materials from funeral and object complexes of Avarian habitat makes us think that it can definitely be considered among many other early Turkic ethnic cultural habitats of Eastern Europe, that was formed due to the migration of the main nucleus of the nomads, representing the Turkic culture, from the territories of the Altay-Sayan, East Turkistan and, possibly, Central Asian regions.

A considerable afflux of new population took place at the end of the middle Avarian period. It was connected with the migration of the new nomadic tribes (the Onogurs-Urogs) to Podunavje (the Danube region) during the Komarom layer time (end of the VII – beginning of the VIII centuries). This suggestion, however, does not exclude the presence of the long-term eastern infiltration of the Turkic-culture population, during the whole early and middle Avarian periods. It is partially explained by the variety of funeral rite features that these periods are characterized by. This can by no means characterize this ethnic cultural diversity of Alfold population at the first destructive stage of the Chaganat's appearance. On the other hand we may assume that the Avarian cultural genesis was not a unique event. Considering the geocultural diversity of its' constituent parts it is quite possible to admit that the permanent afflux of some small groups from the boundaries of the Large Steppe to the Carpathian crater was taking place for decades. It is possible that the Onogur-Ugor migration in the years 670 – 680s was nothing but the final stage of this continuous process. Probably, it explains the relatively

peaceful way in which this new population, carrying the Turkic culture, incorporated into the Avarian environment.

Were the processes of Avarian and Magyar cultural genesis connected?

The process of the ethnic cultural genesis in the nomadic environment usually takes place in the following direction. A certain pre-ethnic layer is formed among the unities of close family ties and single culture (the so-called matrix ethnos). A nucleus of elite clans is formed within this layer – it also might exist from the beginning or appear during the process of the tribal consolidation or even arrive from outside due to foreign political conditions. This nucleus is called “title nationality”. The title nationality is able not only to transmit, but also to bring into effect the definition of objectives of historical challenges, the rising unity. Its endeavor to stay with the given title nationality depends not only on the elite’s ability to hold the centripetal tendencies but also on the special state of the foreign political affairs.

The final stage is the formation or the appearance of the title nationality (the clan elite’s nucleus), the following ethnical political consolidation and the historical and geographical positioning of the ethnos. As it was mentioned above, the final stage is rather transient, which means that the process of forming the ethnic cultural integration conditions took many various forms among various nomadic unities. It included the genesis of a number of modern and relatively stable, as well as historically short-term (nonrealized) nomadic ethnoses.

Being pushed away from their steppe habitat by the middle of the VII century (the Poishimye, Turgay, Mugodzhazhar, the Ural and Caspian Sea steppe) that were most probably their wintering areas, the tribes of the proto-Magyar layer migrated to the forest-steppe belt. This led to the overall density increase and the change of the structure of population that lived at the moment in West Siberia and the Volga-Ural forest-steppe regions. It is most probable that these changes played the key role not only in the Magyar ethnic genesis, but also the appearance of the Pechenegs, the Bashkirs and the Volga Bulgarians. One century later this northern wave reached the latitude of the Surgut Priobye (the Ob river region). As a result of it, the nomadic object complex appeared in its cult and funeral complexes (Saigatino, Barsova Gora).

At the same time the actual Magyar historical and cultural layer was finally formed by the middle of the VIII century within the boundaries of the belt which went along the forest-steppe and steppe border from the Irtysh to the Danube. It is marked archaeologically in the east by the monuments of the Khazar-Magyar layer of Poytyshye and South Ural (Table VII, 4). This layer is contoured in the middle with the monuments of the Avilov Volga-Don habitat (type according to E. V. Kruglov), and in the far West with the materials of the Komarom circle, as well as the proto-Magyar innovations in the late Avarian HCC (historical cultural complex).

The later processes of the ethnic integration and the legendary western raid of the early Magyars, led by their title nationality, that took place for about a century, became traditionally known and recognized as “Finding Homeland”.

Chapter 8. The nomads of Asia and the ancient-Ugor unity of Siberia and the Urals

The nomads, whose life was connected with the forest-steppe through constant or occasional contacts, always tried to establish their power there and used its huge resources, though willingly or not willingly. On the one hand, they kept this big ethnic and cultural unity, and on the other hand, always changed its appearance in many ways. The author had to address to a period more ancient than the one of genesis and development of the Eurasian nomad unity. This was done to describe the main mechanism of how this forest-steppe unity was born and developed, in order to show later the character of transformations, which were the result of interaction with the steppe. The region chosen

existed within the borders of the Ural-Siberian territory of Eurasia, and at certain temporal stages expanded right up to the limits of the forest-steppe belt from Volga to Yenisey. The borders themselves of the chosen region follow the existing landscape, which became homeland for the communities of hunters and fishermen of paleo-Ugor unity.

The Ural-Siberian historical and ethnographic region during the late Stone Age is commonly viewed today as pra-Ugor-Samodiy. It might well be considered as a system of communities, connected with each other through neighboring territories, but each occupying its own container landscape: the central Ural, West Siberian forest, West Siberian forest-steppe, North Kazakhstan south forest-steppe – steppe. According to the archaeological materials available, this system is best seen at the end of the Stone Age – in the IV – III millennia BC (Fig. 102). The community of West Siberian forest-steppe is manifested through monuments and sites of Pritobolye, Priyshimye, Priyrtyshe and Novosibirsk Prioby. The look of ceramic complexes morphing one into another (Fig. 102, 1 – 4) is connected with the coexistence of several common clan traditions: the pectinate, the pectinate-dimple and the prick (indent-prick) ones.

There are two communities formed in South Zauralye by the XVII – XVI centuries BC which later (XVII – XII-XI centuries BC) constituted special groups of monuments.

In the steppe they were: Petrov, Alakul – Srub-Alakul – Amangeldin-Bishkul, Sargarin-Alekseev ones.

The forest-steppe contained: Fyodorov, Cherkaskul, Mezhev, Berezov and Barkhatov groups (Fig. 1, I – III).

The genesis and development issues of the Fyodorov community aren't still clarified anyway. According to a rather arguable opinion of certain authors, the early monuments of this culture in their purity can be found in the steppe zone of east Middle Asia, East Kazakhstan, Altay and Minusa [Grigoryev, 2000. p. 314; Kuzmina, 1994; Maksimenko, 1978; Chernikov, 1960]. Despite this, the hypothetical supposition about the Zauralye origin of the Fyodorov culture is no less grounded, to our opinion [Salnikov, 1967. p. 340, 358, 363; Kosarev, 1981. p. 30, 81; Shorin, 1999. p. 97]. In the late Bronze Age, (XIV – XII BC) the monuments of this kind were "grouped", so to say. The population, which belonged to Petrov-Alakul and Srub-Alakul cultural branch, occupied territory within the belt, that included the north of the steppe and the south of the forest-steppe zones in South Ural and North Kazakhstan region. The population of Fyodorov-Cherkaskul-Mezhev type lived to the north. It is obvious, however, that the Fyodorov and Alakul population coexisted for some period in the Urals, the south of West Siberia and Kazakhstan within the forest-steppe and even steppe belt, which actually led to the formation of new mixed groups and types (Amangeldin, Bishkul, Kozhumberdin, Solilets etc.)

The paleo-Iranian influence on this already formed ethno-cultural and territorial unity did not stop during the post-Andronov time either. Most probably, the tribes, that we conventionally call "the population of Karasuk-Ordos circle of cultures", initially started penetrating to the regions of south-west Siberia from the territory of Big Mongolia and North China along the Irtysh basin, since the XI century BC or even earlier, the XII century (Fig. 1, 7).

The long-term migration of the Ordos-Karasuk population from Mongolia and North China in the north-western and western directions finally led to the formation of a large Karasuk unity within various Asian regions (South Siberia, Ordos, Mongolia, Kazakhstan, Iran) [Chlenova, 1972]. Taking this into consideration, we may say, that the appearance of Karasuk monuments in East Turkestan [Houdyakov, Komissarov, 2002. p. 39–41; Varenov, 1998. p. 65, 69, 70; Molodin, 1998. p. 286–289], and the formation of Begazy-Dandybay (or Dandybay component of the Dandybay-Sargara) culture in Central Kazakhstan within the borders of Ulutau, Sara Arka, as well as the appearance of monuments, like North Tagysken

in Priaralye (Fig. 1, 8–10) [Botalov, 2003. p. 106, 110. Fig. 2] – these are all parts of a global settling process of the east-Iranian Ordos-Karasuk population. It is at this moment, that the two migrational streams – the late-Andron (Fig. 1, 3–5) population from the West and the Karasuk (Fig. 1, 7, 8) from the East, most probably met in the forest-steppe zone of West Siberia, just like at the piedmonts and oases of East Turkestan.

It is likely that the western migration of the above-stated population may be mapped with the route of Ordos-Karasuk (pre-Scythian) culture elements spreading, in the same direction.

The epoch of late and final Bronze Age (XIV – IX centuries BC) in comparison with the middle Bronze Age epoch faces a significant shift of the forest population in Zauralye to the south. At the same time, while Alakul and Fyodorov-Alakul population penetrated quite far in the south taiga regions (up to latitude 58° North), the Alekseev tribes almost never went farther than the north of the forest-steppe (latitude 56,5° North). At the same period the Ugor-Samand forest and taiga population moved right to latitude 53° North and their influence is clearly noticeable [Potyomkina, 1995. p. 15–17; Kosarev, 1976]. Such migration, apparently, set the dominating role of the forest Ugor population, which resulted in the growing importance of traditional trade, such as hunting and fishing, among the forest-steppe and south taiga population [Korochkova, Stefanov, Stefanova, 1991. p. 85–89; Obydenov, 1997. p. 88–90].

The first centuries of the I millennium BC saw a significant increase in the north and taiga influence upon the forest and forest-steppe territories of the Ob-Ural region. At the latitude of Miass (South Zauralye), Middle Poirtyshye and Tomsk-Narym Priobye new cultural types, such as the Gagayun, Krasnoozerskiy, Molchanovskiy and Zavyalovskiy, were formed. Those types were represented by the Ugor-Samodi taiga population of West Siberia (Fig. 1, 12–15). The line between this population might be drawn with the monuments of Lozva and Alym cultures of Konda and Lower Ob of the X – VIII centuries [Borzunov, 1992. p. 87–91].

At the beginning of the VIII century BC the early-Scythian and Sak population, which constitute the latest wave of Karasuk Central Asian migrations, begin exercising their influence on the western regions of the Ural-Siberian community. In Preduralye this resulted in the common transition to the tradition of laying straight the dead during the funeral rite. Also the ceramic complex acquired new vessels with round bottom and, which is most important, the usage of Karasuk or Central Asian armament and everyday inventory became widely spread. Such objects are largely present among the metal ware of Anan burial sites (the Akhmyl stage): celts, caulking-iron, asymmetric-rhombic arrow heads with a thorn, bronze daggers with heart-shaped quillons and mushroom-shaped head, jingle bells with holes, stirrup-type bits, elements of harness, bushing spearheads with segment-shaped holes etc.).

As a result of various kinds of influence on the Mezhev-Irmen population, a unity of Zauralye and West Siberian mountain-steppe and forest-steppe cultures and types of the early Iron Age was formed here by the VII – VI centuries BC. In mountain-steppe Zauralye the Itkul culture obviously appeared. It inherited a special group (second Itkul type) of ceramics with thick small-pectinate and “streaming” patterns, produced with the small-pectinate punch and actually looking as multi-row and penetrating geometrical shapes [Borzunov, 1992. p. 90 – 91]. The population of this culture specialized in the production of metal [Beltikova, Borzunov, Koryakova, 1991].

The culture types of the early Iron Age (the second half of the I millennium BC) were all very diverse, especially territorially. However, a single historical-ethnographical (Itkul-Gorokhov – Sargat) unity continued to exist in the regions of Zauralye and West Siberia. This unity included two main ethnic-cultural components – the Ugor and the Iranian ones, and an accompanying one – the Samodiy.

The Sargat Ural-Siberian unity in its prime (VI – III centuries BC) consisted structurally of a culturally monostructural and consolidated Sargat nucleus, which occupied the Tobol-Irtysh region in the West, and had two big provinces adjoining it in the East – the Ural and the Priobye one.

Sudden short-term humidisation and fall of temperature in the forest-steppe regions of Zauralye in the IV – III centuries BC, as well as maybe the West Siberian forest zone [Larin, Matveeva, 1997. p. 137; Tairov, 2003. p. 30–31] led to another migration of the south taiga population of these regions to the South, along the Tobol-Irtysh and Ob basins. As a result of this, first, the ceramics of Kashin and Prygov types appeared in the forest areas of Middle and Pritobol Zauralye in the IV – III centuries BC together with the population [Viktorova, Morozov, 1993. p. 173–178; Kovrigin, Sharapova, 1998] (Fig. 4, 15).

Most obviously, the deteriorating paleo-ecological conditions led to migrations of the Ugor-Samodiy Speranov population of Podchevashskaya culture of Poirtyshye and Baraba, and also Kulay forest tribes of Priobye (Fig. 4, 15). Those people, most likely, lived together with the Sargat and Novocheikin tribes of Baraba, the Sargat and Bolsherechie population of Priobye for a certain period of time (until the new era beginning), slowly assimilating and ousting them.

The union with the Sarmat-Yuezhi people, who returned here at the end of the III – II centuries BC, after having moved to steppe and forest-steppe regions of the Urals, West Siberia and Kazakhstan and also having been ousted from the Hansu corridor and East Turkestan by the Xiong-nu in the III – I centuries BC (Fig. 4, 18–20), was obviously the factor pro cultural consolidation for the Sargat population of Tobol-Irtysh, during this and the following stages. In the oasis regions of Central Asia and South Kazakhstan this migration was marked with the appearance of catacomb complexes of Lyavandak type, with the Sarmat-Yuezhi historical-cultural complex (Fig. 4, 18, 19, 32) [Botalov, 2003. p. 89–99]. In Poirtyshye it manifested through the appearance of well-known chief complexes of the middle-Sarmat time (Isakovskiy I, Sidorovka, Tyutrino) (Fig. 4, 26).

Some time later, in the II century AD, it was replaced with the new Early-Hun component of the Sargat culture. As a result, a lot of burials of the Hun-Sarmatian look appeared (single burials in narrow subrectangular pits with northern orientation and early-Hun inventory kit) [The culture of Zauralye animal-breeding tribes..., 1997. p. 15–19, 28, 30–41, 44–46, 64. Table 3; Matveeva, 1994. p. 24, 38, 39, 73, 75, 76, 78, 79, 82–84, 88, 89, 91, 92, 94, 95] (Fig. 103).

At the same time, a lot of transitional types (Kokel, Kokpash, Balaktiyul, early Kataidin, Berel etc.) of the rising mighty Tele-Turk community were appearing in mountain Tuva and Altay [Botalov, 2003] (Fig. 4, 42). By the III – IV centuries AD this population occupied Altay and Priobye forest-steppe latitude, ousting and then assimilating the Kulay Ugor-Samodiy tribes. The appearance of Verkhneobskaya (Novosibirsk Priobye), Odintsovskaya (Biisk-Barnaul Priobye) (Fig. 104) cultures in the IV – V centuries AD allows us to state that the far eastern part of the existing Ural-Siberian unity becomes a new Turk-Ugor enclave of the rising new ethno-cultural unity. According to A. A. Kazakov's opinion, this moment became the starting point of Upper Priobye turkization [Kazakov, 1996. p. 176–177].

The first half of the I millennium AD witnesses the appearance of occasional but rather outstanding military complexes among the stated monuments of the south-west Siberian forest-steppe. Those complexes mark the appearance of the new pro-Avar and pro-Bulgarian layers of the Turk-Ugor people. We speak here about the famous single burials, such as Tugozvonovo, Sopka, burial 688, Tatarskiye burial grounds, Yeraska, Obskiye Plesy and others (Fig. 105).

At this stage an obvious archaeological unity appears between the Verkhneobye,

Cheganda, Karaobyz, Ubalar, Azelin and Mazushin inventories of Priuralye of the I – V centuries [Gening, 1963. p. 40, 41; 1988. Fig. 4, 50, 60, 61, 85–87, 112, 115; 9, 3, 4, 27; 17, 1, 2; Ostanina, 1997. Fig. 4, 5, 7] (Fig. 106). We suppose that this broad analogy did not appear accidentally. But it might be very difficult to understand fully the mechanism of these borrowings. Thus it's hard to say, if it was a single migration of a long-term infiltration of the Priuralye population into Priobye.

The advance of the Ugor-Samodiy north forest population to Poirtyshye and Pritobolye (Fig. 5, 41), which began somewhen between two eras at the Speranov stage of the Podchevashskaya culture, was most powerful since the middle of the I millennium AD. That was obviously due to favorable conditions in Middle Irtysh and Pritobolye which formed there after the final collapse of the Sargat community and redistribution of the main ethno-political centers within the Kama-Ob region, which, in its turn, finally led to the appearance of the Kushnarenkov-Karayakupov circle of monuments.

The burial complexes that contain Karayakupov ceramics are situated in the far eastern regions of Bashkiriya and South Zauralye, up to Pritobolye [Ovchinnikova, 1988. Fig. 1] (Fig. 107, 31).

Below is the table of comparison of ceramic kitchen ware, found in the forest-steppe monuments of Zauralye and West Siberia since the first half of the I millennium BC until the Karayakup period, including it. It shows very clearly that the basic shapes of Karayakup vessels were created in the preceding period. Thus, the Kashin type ceramics (first half of the I millennium) is represented by low pots with round bottom and slightly curved short top (Fig. 108, 75–77, 89–92, 101–103, 117, 118, 130, 131, 141, 142, 152). The second group of the Prygov type (the end of the I millennium BC – beginning of the I millennium AD) includes round bottom vessels with ball-shaped body and tall curved neck (Fig. 108, 7–15, 26, 27, 29, 39, 41, 42, 54, 57). Such forms of ceramics are actually copied in the Karayakup samples. The ornamental traditions are copied as well. The zone markers (top of the shoulder, side and top of the neck) and ornament elements (comb-like pinch, zigzags, vertical and horizontal arrow-shaped lines) on Kashin vessels, just like cut lines, multi-row zigzags, horizontal and vertical arrow-like lines of Prygov vessels, continue to develop in Karayakup time. The main difference in the shape of ceramics and ornamental patterns of Kashin-Prygov and Karayakup complexes is manifested through particular finesse and thinner sides of Karayakup vessels. The ornamental decoration includes better-shaped zone markers. This is done through a peculiar punching of pattern zones with multi-row drawn lines (Fig. 108, 43–46, 78, 80, 107, 108–110, 121, 122, 146) or leaving blank spaces (Fig. 108, 30, 59, 60, 93, 157). New elements also appear. They are extremely clear zone markers seen in ornaments, “pearls” and peculiar rhombic or square chess patterns, done with comb punch, and imitating the figure-punch ornamentation (Fig. 108, 63, 78, 80, 94, 106, 120, 134). Those innovations may have appeared in the Karayakup complex together with the coming of the forest Ugor-Samodiy population, who carried the culture with figure-punch ornamentation of ceramic kitchen ware.

Such situation can be seen very clearly if we have a look at the materials of Bolshoy Bakal ancient settlement site's ceramic complex [Potyomkina, Matveeva, 1997], where the material of a single layer, as we believe, contains traces of presence of at least four typological groups and, probably, cultural components. The first group is actually the Bakal one, with carved comb and pricked ornament [Potyomkina, Matveeva, 1997. Fig. 6–8]; the second presents the ceramics with well-seen forest traditions of the figure-punch ceramics of Priobye (Karym and Zelenogorsk stages) and typical for Podchevash culture Login-Likhachyov traits of the west-Siberian forest-steppe; group number 3 is the Prygov-Kashin one, and, maybe, Batyr and Nevolin with false-cord and comb ornaments (Yudin, according to Potyomkin and Matveeva); and group 4 is the Kushnarenkov-Karayakupov ceramics (Fig. 109).

Thus, the materials of the Bolshoy Bakal ancient settlement site demonstrate the process of a difficult cultural transformation which took place in South Zauralye in the V – VII centuries AD. The result of this transformation in the territory of Tobol and later also Kama basins was definitely more than simple genesis of the Kushnarenkov-Karayakupov layer.

The next stage (VIII – IX centuries) actually faces the Kimak-Kypchak Strotsky population moving from Priyrtshye regions (Fig. 6, 18). According to their historical and cultural layer, those are tribes, belonging to the group of Turk Ugor population of South-west Siberia [Savinov, 1979; 1984; Neverov, 1988; Molodin, Savinov and others, 1988. p. 164–167].

In this way, virtually, the population which came from the East, from Priobye and Baraba, represents the final result of culture transformations of the Ugor people of these regions, who have long interacted with the Altay and Sayan Turks (the Yurt-Akbalyk stage of Verkhneobye culture). According to such logic, this newcoming population had previously been in some part cognate, or, at least, had one single culture within the big Ural-Siberia unity.

This circumstance, on the one hand, enforced and speeded up the process of turkization of the South-Ural forest-steppe population, and on the other hand, made more of Ugor culture representing Karakayup tribes move to the West and some of them migrate to Lower Prikamye (Bolshe-Tiganovskiy burial ground) (Fig. 6, 21).

All those migrations finally resulted in a sudden withdrawal of the Ugor (Karakayup) South Ural population and the appearance of monuments of Sineglazov type here by the X century (Sineglazovskiye, late barrows of Karanayevskiy, Lagerevskiy, Murakayevskiy and other burial sites) [Borolov, 1987; 1988; Mazhitov, 1981] (Fig. 111). These monuments are characterized by complexes where lacks the tradition of putting ceramic kitchen ware to the grave, but typical objects of “Strotsky look” appear (bits with twirled 8-shaped endings, bone parts in the shape of a “boot” or “swallow tail”, trilobate armor-piercing arrow heads etc.).

The penetration of Kimak-Kypchak population to South Ural and the departure of Madyars are all, probably, parts of a single ethno-political process. The written testimony, stating this, in the scripture of Abdul-Gazi. The legend about Oguz-khan says, that to suppress the rebel peoples of Urus, Olak, Madzhari and Bashkurt, the Khan sent his younger son, Kypchak [Kononov, 1958. p. 43]. This event, according to Masudi, happened in the beginning of the X century. It is remarkable that the Madyars (Madzhars) are mentioned along with the Bashkirs (Bashkurt). Such fact is definitely not accidental. When Al Masudi mentions the Madyar and Bashkort tribes in Prichernomor'ye, he also speaks about them in the same context [Kuzeev, 1971. p. 21; Beilis, 1963. p. 12]. When Konstantin Bagryanorodniy gives the list of Hungarian tribes of Panoniya in the X century, he places together the Madyar (Medyar) and Bashkir tribes – Dyarmat, Genakh, Kesi (Yurmat, Keney, Kesi) [Bagryanorodniy, 1989. p. 163; Mazhitov, Sultanova, 1994. p. 134].

So, we may suppose, that since the X century there coexisted and closely interacted within the territory of South Ural two ethnic habitats: the south (forest-steppe, steppe) – Turkic culture (Bashkir, Kimak-Kypchak) and the north (forest, forest-steppe) – Ugor (Protomansiyskiy, Permskiy, Chudskoy).

The Ural-Siberian ethno-cultural unity entered the new stage of its integration, which later went through the Mongol, Kalmyk and Dzhungar invasions and the Russian colonization and remained until now as a Turk-Ugor unity of Ural-Altay historical-ethnical region's peoples.

Conclusion

The history of Asian Xiong-nu and European Huns lasts for a thousand years. It begins in Ordos between the III and II centuries BC, when the immense Xiong-nu nomad

empire appears, and ends in the VIII century near Kaspiy mouth and somewhere deep in Asia, with the last mentioning of Byzantine, Armenian, Arabian, Persian, Indian and other authors about the land of the Huns – the successors of those, who conquered Central and Eastern Europe together with Ruga and Atilla. Xiong-nu and Huns stirred and brought into movement the whole huge number of Eurasian peoples, having in their peculiar way informed and brought the two centers of world civilizations (European-Roman and Asian-Khan) closer to the end of the Antiquity epoch and the beginning of the new Middle Age history. These were Xiong-nu-Huns actually, who were first able to establish communication between the two main civilization centers of Eurasia. The broad belt of Eurasian steppe became the habitat for this communication. Global landscape and climate changes, which were mostly over by the middle of the I millennium BC, set a kind of a dilemma for the steppe tribes: either to leave the zone of deserts, semi-deserts and dry steppes as regions of extreme vital activity, or to adapt to the new nature and climatic conditions by changing radically the social and practical way of life.

We believe, that the chronology of the Hun and early Turkic periods within the east-European and Ural-Kazakhstan steppes includes the following stages:

1. Hun-Sarmatian, II – IV centuries;
2. Hun, end of IV – middle of V centuries;
3. Early Turk (post Hun), end of V – VIII centuries.

Thus, the Hun and Turk epochs of Eurasian steppe in their dialectical interconnection each have its own image of material and spiritual cultures. This is grounded, as it was mentioned above, by different sources of cultural genesis for the main ethnical groups, who played the leading historical role during these epochs.

By figuring out the actual original territories and culture habitats where these great Asian peoples appeared, we can make the following prudent suppositions. Most probably, the culture of Huns was closer to the Iranian-Tokhar world, which nevertheless doesn't exclude a certain influence from the Mongoloid and Chinese culture habitats. The culture of ancient Turks at the same time is more closely connected with the Turan, Sak-Scythian-Siberian habitat, meanwhile being strongly influenced by first the Mongoloid world and later the Ugor population.

These peculiarities have most probably become reasons for fundamental differences in the material and spiritual culture, image and, obviously, language of these peoples.

The great verge of the V – VI centuries, when the Hun culture is replaced with the Turk one, looks more archaeologically vivid and fundamental in this connection, than the period of the II century AD, when the Sarmat cultural domination ends and the Hun epoch begins.

It is known however about certain extremely vague records of some Hesin or Pinlyan period of the Turks', i. e. Ashins' and Wusuns', initial expansion (probably being non-separated at the moment) [Klyashtorny, 1992. p. 121–125; Zuyev, 1967. p. 12–13].

引言

远古和中世纪的欧亚草原，是极富活力和多样化的。中国的，阿拉伯的，拜占庭和其他作者往往不能遵循公平原则诠释整个品种最复杂族裔过程中发生的游牧群落的变化（由于这一原因）。在中世纪初，欧亚草原以及南部边境的森林草原成为一个真正的网络，和要道在 不断涌入的移民和征服运动中目睹并发挥了重大作用。通信能力居这确实很大。这种现象不断地出现，一个明显的文化和历史的结合出现区域位于数千公里。主要原因是这种统一快速和暴力袭击沿线的"大草原地带"，或长期费时迁徙逐渐驱逐或扣押，由于季节性军事运动，然后同化外来人口。极端的流动性游牧民族，其发展阶段之间在古代和中世纪，由一套客观原因，是可以解释的。其中首要的是社会和经济变化发生在这一时期。这些变化，在他们反过来说明，是由于非稳态景观和气候条件，其中有很大影响的地区，欧亚草原。

宏观区域根据研究的对象大多区欧亚草原以及有时是森林草原，绿洲和山地区毗邻但是，哲学原理主导认知撰文最彻底的研究微观地区中部欧亚地区。

边境地区正在考虑河流的影像，托博尔和伊希姆盆地，是在北方。边境如下哈萨克斯坦北边界部低山区和伊希姆草原（不包括它），然后转向南卡拉干达伊希姆河有它的摇篮。边境伴随边界草原和半沙漠地带到秘鲁一扣把湖，然后接管西部边界上土尔盖省沿流凯洛格河，并降低了对乌拉尔河，其中包括其左岸（见图1）。

我们把三百多名遗址和古迹追溯到公元二—四世纪，属于匈奴时代乌拉尔哈萨克草原。存在着某些传统呼吁这些物晚萨尔马特难界定它们属于晚萨尔马特文化。这通常是由于类比与下游和伏尔加沃尔戈—唐历史遗迹。然而，在过去十年的研究，作者和他的很多同事缴纳注意某些独特乌拉尔哈物的那段时间。因此，有人建议将其国魂—萨尔马特起源[Botalov, Lyubchanskiy, 1992; Botalov, 1993; Botalov, 1994; Botalov, 1995; Botalov, Polushkin, 1996; Botalov, Gutsalov, 2000]。

该遗址和纪念物以下过渡后期匈奴和早期突厥时期都明显少于匈奴—萨尔马特的。直到某一刻，只有极少数物，在整个乌拉尔哈萨克地区可追溯到公元五一七世纪

Muslyumovo, Borovoye, Kara—Agatch, Kanattas, Shipovo, Yegiz—Koytas 等等，越来越多的考古材料过去十年来，使我们理解，即所谓古墓与"脊"，也属于这一时期显 [Botalov, 1996—203 页; Botalov, 1998]。有三百多名物类，现在已知在南部乌拉尔和哈萨克斯坦，根据勘探和空中侦察资料。如今在哈萨克斯坦五十六蚁穴"山脊"已

经探索部分或全部（按 Beysenov's 数据）[Beysenov, 1996—38 页]，这一数字高达 10 在南部乌拉尔地区。在过去十年中撰文探讨了十多丘及围栏的后期（八—第十世纪），习得是非常接近上述蚁穴的“山脊”，唯一区别是缺乏洋脊本身。因此，它提供给他们归类为地盘的西林达什式，分为两个时间阶段：早期（六—七世纪）和已故（八—第十世纪）[Botalov, 1996; Botalov, Gutsalov, 2000; Botalov, 2000; Botalov, Tairov, Lyubchanskiy, 2006]。

第一章。历史上的乌拉尔哈萨克草原研究历史欧亚和讨论的几个问题的 由于游牧民族考古远古和中世纪的早期

自 20 世纪 50 年代—20 世纪 60 年代，远古和中世纪早期的遗址研究就已积极地进行了。

萨尔马特考古，其中包括已故萨尔马特之一，是在伏尔加河中下游流域较低地区由于研究 P.S.Rykov, P.D.Rau, B.N.Grakov, K.N.Smironov, V.P.Shilov 和 I.V.Spitzyn。所有以前收集的科学研究材料被收集起来并，系统化，在作品 A.S.Skripkin 和 M.G.Moshkova。他们还确定了所有的主要历史和文化分期与微观地区的萨尔马特文化。科学材料也被收集在南乌拉尔和哈萨克斯坦来。其中最杰出的研究人员的匈奴萨尔马特遗址和古迹是 K.V.Salnikov, P.H.Pshenichnyuk, S.Y.Gutsalov 等。N.A.Mazhytov 和 F.A.Sungatov 最成功的，在查清古迹的土尔把斯林文化，而 L.M.Levina 工作，在杰德萨文化情结的匈奴后和匈奴时期。

早期的中年情结，从哈萨克斯坦—即所谓的鲍磊与“山脊”适当的研究由于这种学者 A.H.Margulan, M.K.Kadyrbaev, M.P.Gryaznov, A.Z.Beysenov, I.E.Lyubchanskiy。因此，尽管事实上，他们原本可以不订定时段，精确精确，工程的这些研究人员给了我们物质能够形容早期突厥乌拉尔—哈萨克草原。

考虑到正式的一环，只有付出没有注意不同的诠释，我们应该承认，晚期的第二—四世纪欧洲遗址和古迹的，实际上反映最新的，并在后期的萨尔马特文化成因发生在不同领域中的欧洲草原，并极大地影响了由人口，如匈奴和哥特人。与此同时，原有的文化形成性状，萨尔马特—阿兰团结和新的文化已如此，主要是变形，在不同地区，不同阶段，他们成为难以显着标志的新的种族政治的形成。由于这有可能是没有真正的差异划分东欧遗址这一时期的“晚萨尔马特”中，意思是“早期匈奴”，反之亦然。

让我们简略的发展，匈奴知识背景晚萨尔马特网站的解释。P.S. Rykov 是第一个假设的一部份晚萨尔马特埋葬丘与变形的头骨可能属于匈奴 [Rykov, 1936, 页 36]。也是非常的想法有些晚萨尔马特古迹可以有匈奴血统的表达 V.V.Golmsten [Nechayeva, 1961, 页 156]。

在后期的解中，许多研究者受 A.N.Bernshtam 强烈的影响，有关的研究和解释的塔拉瑟谷网站[Bernshtam, 1940; 1951]。经分析，该物质由金阔儿埋葬丘和中国古代的书面证据，作者得出结论认为，该熊玉女首先来到中亚和南亚哈萨克斯坦在世纪卑诗省，并最终在那里定居，集到公元二世纪，这实际上也导致出现了地盘，如金阔儿埋葬土堆[Bernshtam, 1940. 页 29—38]。声明 A.N.Bernshtam 关于早期（公元前一世纪一二世纪）熊玉女渗透到西，并解释该 Kenkol 型冷遇配合都相当值得商榷 [Sorokin, 1956, 页 114—117]。不过，我们必须承认，为求下榻的目的，即他的作品中较为显著的实际历史时期的匈奴移民，并首次尝试属性考古工地的这种种族政治的形成。匈奴问题上，一套由 A.N.Bernshtam，成为有关研究者在这样或那样的方式。有关这方面的例子之一可能是人类学分析迟交萨尔马特头骨从低伏尔加河中下游流域遗址，进行 E.V.Zhirov（日罗夫），这给了他的设想，即习俗变形的头骨被带到该地区的匈奴人口 [Zhirov, 1940, 页 88]。

对 K.F.Smirnov 的建议，基于 A.N.Bernshtam 结论，对分析中国的书面证据（后汉书），其中界定领土占领的北部熊女在去年底的一世纪一开始的公元二世纪由巴尔库向里海，是很清楚的：“大概将有可能后来发现在北里海地区的坟墓，据推测许多匈奴之间晚萨尔马特的坟墓艾伦人口”[Smirnov, 1950, 页 113]。

该工程的 M.I.Artamonov 和 L.N.Gumilev 成为重点，在亚洲匈奴和欧洲匈奴游牧研究。他们不仅国家基金会之间的历史联系，亚洲匈奴和欧洲匈奴，但也证明了连续性的匈奴文化成因[Artamonov, 1962; Gumilev, 1960]。

这篇文章的影响 L.G.Nechayeva，似乎在这样的科学背景，是相当良好的时机和值得考虑的。对美国，一方面，文章的作者否认自己有任何的继承关系中萨尔马特和晚萨尔马特阶段。在同一时间，则连接说明有与利基鲍磊配合北部取向伏尔加河中下游流域较低和匈奴，以及为冷遇鲍磊络合物的北高加索地区，与哥特人，移居来自中亚地区[Nechayeva, 1961, 页 156—157 页]。事实上，在研究 L.G.Nechayeva 是第一次，以证明考古历史事实，描述了在书面证据，这样或那样的方式。

虽然有些学者，专门从事萨尔马特研究，有相当怀疑这项工作，其中许多 Nechayeva 先前值得商榷和可疑报表发现，有说服力，而不是现在。举例来说，特殊的工作 N.I.Berlizov 和 V.N.Kaminskiy（卡明斯基）成为进一步发展的观念，中亚起源的艾伦佳人[Berlizov, Kaminskiy, 1993]。

以一个奇特的方式，T.Sulimirski 连接现有的这点看法，对民族文化的诠释这种文化他划分了晚萨尔马特，或梁家杰，社区一分为二，自然栖息地[Sulimirski, 1970, 页 142—144]。艾伦人口占东部部分的萨尔马特人居是受到很大的影响力和政治上依赖于

匈奴，从而占据了很多的，他们的习俗，他说。的程度，如匈奴的影响可以看出，在所有的主要分歧，但双方还存在中间萨尔马特和晚萨尔马特文化。这种差异似乎渐渐——第一，以东部，从伏尔加，对角线和冷遇鲍磊复合体消失，而不是埋葬丘窄的矩形孔和北部方向死者出现了。礼乐的变形头骨也似乎。并安葬清单包括项目的特殊东区类型：长刀剑无基永，弓的匈奴式，洪森箭头，吊带及钻头典型，为匈奴，特有种类的陶瓷，香炉和小镜子眼镜，以方处理或约束力的眼睛，这也是来自东方。

而分析材料，从上面提到的复合体，是在前进，当其顺序与文化渊源已予检讨这种现象就变得很明显。该土堆与洋脊以前过时的，由 M.K.Kadyrbaev 作为七一四世纪和公元前界定为属于该达斡尔林文化的中央哈萨克斯坦 [Kadyrbaev, 1958; 1962; 1966]

不过，也存在另外一个角度对时间顺序和文化渊源的鲍磊与“山脊”，从一开始他们的研究。1949 年，A.H. Margulan，认为这种鲍磊“鲍磊与横梁”，因为他所谓的他们，可能属于下半年的一千年公元。他发现，证实他的理论在本集团的地盘，与“梁”，并在碑石山谷的结泥史克河近东斜坡拜高齐上山。该集团的一个大土堆和两个长方形孔并被石头路面形状的路径，或“横梁”。大土堆位于西部的部分纪念碑的网站上，和孔在东部的一个。东部边缘的孔有较高的“好一裁剪碑石对他们的影响。上层部分，他们在形状的头，其中一人能区分粗人类的特点。碑石也有一些不明朗的迹象，即类似于境内脚本。外墙的建筑，四周石雕和石排，为科学家提供一定的理由，是指它具有划时代意义的部落社会老化的问题。事实上，在场的一整套的物体，如石雕和“横梁”的庞大石头山脊，有时长达 250 米，周围的土堆掩埋，其实可以更明确地界定年龄的建设与“梁”，并他们转介到划时代的，其中先出现了一个大部落的团结普查在哈萨克斯坦。高以及裁剪碑石，它被看作是一种原型，为以后巴伊巴，典型为普查期间，只有创造，直到公元六世纪。”[Margulan, 1949, 页 21]。

第二章。主体的形成和发展各阶段的匈奴熊玉女匈奴的历史文化情结

游牧人民的物质和精神文化代表着一个特定的历史文化情结，换言之，是一套最显着的特点，他们的传统生活方式。虽然游牧历史文化情结已实现了基本转化，在频繁的迁徙和具有戏剧性的变化，在“地理”环境的一个特定族群，主导民族的一个组成部分，特别是社会上常见的保留主要特点，这作为民族标记，在以后的历史时期。

的一个例子，这种文化代码是匈奴勋历史文化情结内，形成中国北方对古伊朗衬底上的动物繁育部落[Kozin, 1990, 页 52; Grigoriev, 1999, 页 293]，即所谓北方的野蛮人，即荣及弟，共同确定与承担者的社会鄂尔多斯青铜文化。该匈奴文化特色，形成了中国北方，在尚银期 [田广金, 1983; Konovalov, 1996, 页 58-59]，包括个人扩展墓葬，独霸北方的方向，木制棺材，牺牲动物的头，脚，在人类的坟墓和高度发达的青

铜制造（见图 10）。剧烈的气候变化，在中亚草原，公元底二世纪末和公元底中世纪几千年来公元前 [Demkin, Ryskov, 1996, 页 99-100] 造成了严重的迁徙和文化变革这些部落：通过游牧的生活方式，中国人同化的部落在黄河流域和长途迁徙 [Varenov 1996, 页 4-6; Kovalev, 1998, 页 128-129; Kradin, 1996, 页 23; Kulpin, 1995 页 11-14; Manuilov, 1993; Materialy..., 1968, 页 14-15, 35-36, 124; Novgorodova, 1989, 页 320-321; McGovern, 1939, 页 99-100]。

这些过程初期开始公元底一世纪，当卡拉苏克样的人口离开蒙古和鄂尔多斯积极参与形成第公元前十-八世纪拜高齐丹德拜和北达结斯克文化在西西伯利亚（图 3, 9-11II [Ismagil, 1998, 页 6; Margulan, 1979, 页 62]）。解体的荣娣野人联盟，在我国北方造成大规模迁徙的众多动物繁育部落：达撒摸林群体属于古代西厄人口迁移到西，哈萨克斯坦和乌拉尔南部（见图 3, 18, 19, IV）[Akishev, Kushaev, 1963, 页 118, 134; Akishev, 1973]；游牧部族，其中左遗址类型切斯诺科沃, 马舍夫卡, 去了西北，以阿尔泰（见图 3, 16）[Shulga, 1998, 页 37, 49]。此外，破碎的荣娣联盟所造成的形成无数西厄相关的文化，在新疆（见图 3, V）[Debaine-Francfort, 1989, 页 246-256]。

下一阶段的西厄迁徙开始，在公元前第五-第四世纪。文物的阿拉沟型被发现，在不少地区偏远，从吐鲁番绿洲：在西部和西南地区（Issyk, Besshatyr, Berkkara）[Pogrebova, 1988, 页 184-187; Samashev 等人, 1998, 页 175-182]，西北（西北阿尔泰，洛科特四和撕米比尔卡地盘 [Mogilnikov, 1999, 187 页；Polosmak, 1990; Sitnikov Shulga, 1995, 页 59-62]），以及北，而新到任西厄部落笃参与形成卡拉构巴文化和特殊（暂列一Saka）型陶瓷的大列琴斯克文化 [Troitskaya, Borodovskiy, 1994, 页 74-76]（见图 3, 23-25）。

大规模的移民众多的游牧部族发生在公元前第三晚一二世纪。他们所造成的严重的政治变化，在中亚草原后，形成了匈奴帝国，而作为一个后果，由运动的所有部落生活西部的匈奴从蒙古西部和东突厥斯坦。这一波的移民不仅涉及准噶尔草原人口，而且所有部落都提到斯特拉博：阿撒, 吐火罗, 撒卡拉夫, 撒卡拉克, 巴撒卡里泥, 巴撒卡阿泥（据 Grantovskiy (1975)，阿兰, 月支和撒卡拉克是所谓的“公平”西厄）。我们认为，最激烈的迁移，涉及运动的月氏萨尔马特人口从甘肃（河西）走廊在晚一千年公元前和运动的阿兰部落，从东突厥斯坦西部的中亚和独联体高加索，在公元第一世纪 [Bberlizov, Kaminskiy, 1993; Sergatskov 1998]（见图 25, 1830; 4, 8, 2636）。此外乌孙离开新疆地区，为中东伊犁河流域，杰特塞（谢米列奇耶，盆地的西部大中亚河流），以及阿尔泰山北麓东哈萨克斯坦（晚库拉主尔格奴地盘）（见图 4, 3134）[Chernikov, 1975, 页 135136]。该建坤明显转移到萨扬阿尔泰山北麓。这些进程中作出

重大贡献的解体南西伯利亚社区的巴泽雷克塔阿尔高加索部落公元前第四晚—三世纪（即所谓丁玲）[Savinov, 1994, 页 910]，并导致形成预 Tielie 突厥地盘的莆田构巴，科克帕什，而卡早的坦达-凶嫌类型，以及文化的认识叶尼塞吉尔吉斯[Botalov, 1996]（见图4，35, 39）。然而，真正的民族进程的这段时间其实更复杂，不能用对待简化计划提交以上。但是，由于规模有限，这一文件，我们在此说漏了，说明特定阶段（见图4，35, 36）。

一个历史后果的破坏性过程的早期一千年公元前是形成了第一集中，中国国秦汉和第一游牧帝国的熊玉女，由公元前第三—二世纪。该匈奴历史文化情结这个时候已经形成的，无疑是一个多元文化的现象。除了上面提到的人口古伊朗类型，匈奴复杂还包括了蒙古各部落的西南，东北。若干世纪后，影响这一复杂遍布幅员辽阔，地区间的蒙古，跨贝加尔地区和萨哈。尽管某些地方的差异，匈奴是很容易辨识的超过整个领土被占领，由熊玉女-匈奴。该熊女葬祭有以下典型的特征。普通坟墓圆形石丘（以及地面坟墓和坟墓没有土堆），并进行了表征窄长方形葬坑，木制棺材，和北方的方向。熊女贵族埋葬在矩形拱顶多分庭和一个入口对南的一面；殓葬坑深，并载有棺木与死者同他们的元首到北方和政府首脑的动物在墙龛。严重的商品通常包括弓（全部木材，复合弓，以“匈奴样的”一套骨板），震颤载有两个翅菱形箭头与轴，三翼不对称-菱形箭头，或三层箭头[Hudiakov, 1986, 页 30-42]，马服饰与环型钻头，两孔铸铁脸颊件，大环越过条纹和大苏尔此呐格乐扣环[Konovalov, 1976. 板第六，第 VI, IX X, XI; Davydova, 1996. 板 70, 10-12, 21-22, 25, 26]，刀与直线非刃口及木制或骨处理，陶瓷容器的各种形式（的胡姆斯（大瓶存放食品），瓶，罐等）。，带装饰成矿区（带小费，斑块，仿制的车牌），汉铜镜，串珠状，锦旗，中，小贝尔公司（该网站的敌里斯堆，伊利莫夫和伊夫尔夹）（见图 13, 14）。

特别感兴趣的这项研究是扩大了熊女的影响力和转型的匈奴历史文化情结向西方垮台后的游牧帝国（见图 4，7-10, 17, III; 4 4-8，11-13, 16-18）。分析出土文物，从公元前晚几百年-公元早在几百年游牧和半游牧情结，在西部的中亚和哈萨克斯坦南部杰出的地点具有典型的熊女的特点。在西方中亚，这些功能已经很清楚显示，在该网站的图哈组，它承担了所谓的月氏-库都历史文化情结（见图 4, 7, 20, 28-30），并在游牧鲍磊该杰德萨组（见图 5，14）[Levin, 1992, 1996]，我们称之为匈奴-Kangiu 历史文化情结。密切相似，与元前第一世纪公月氏-库都地盘（图 20）显然是因共同的来源，文化成因（在河西和天山地区）。一般来说，外观这些复合物在北部巴克特里亚和帕米尔天山，在公元前前两—一世纪和进一步发展的月氏葬祭，在库都划时代发生在一个特定的地理区域和不违背一般的历史条件下[Zadneprovskiy, 1975; Litvinskiy,

Sedov 1989; Mandelstam, 1975; Sarianidi, 1989]。该杰德萨鲍磊情结出现在较低锡尔河流域，早在公元前第一世纪。不过，相关的陵墓货物从鲍磊和跳马墓葬表明，这些化合物被广泛地扩散到整个公元第五-八世纪（图 26-28）。

该萨尔马特月氏历史文化情结（廖万达集团）是由于一个特殊第三名-公元前第二世纪-公元一世纪利基市场的冷遇集团，占领了北部边缘的西部中亚绿洲（塔什干，布哈拉，撒马尔罕，花拉子模，哈萨克斯坦，和南部乌拉尔）（见图 4，1，27—23; 18; 19）[Wainberg, 1979; Lokhovits, 1979 年; Lokhovits, Khazanov, 1979; 马克西莫娃等人，1968; Obelchenko, 1961, 1967; Khabdulina, 1994; Mandelstam, 1971; Smirnov, 1975; Yablonskiy, Davis-Kimbel, Demidenko, 1995]。他们进一步发展在冷遇络合物的阿拉诺-甘居历史文化情结（金阔儿集团）（公元第一名-第五届世纪），在领土上的塔拉斯州，费尔干纳州，撒马尔罕，布哈拉和塔什干绿洲[Bernstam, 1940; Gorbunova, 1991; Zadneprovskiy, 1975, 1992 a, b, 1993; 1967; Baipakov, Podushkin, 1989; Kozhombardiev, 1975; Maksimova 等人，1968]（见图5，3，10，24，26-29）。

另一种特殊的文化组包括乌孙配合设在吉尔吉斯，哈萨克斯坦东南部，新疆西部，其中;其特点是石头鲍磊与石材罩和西方取向的墓葬（西厄-乌孙历史文化情结）（见图 21）[Akishev, Kushaev, 1963; Bernstam, 1952; Voevodskiy, Gryaznov. 1938; Zadneprovskiy, 1992; Dosymbaeva, 1999]。

第三章。匈奴-萨尔马特的乌拉尔-哈萨克草原

然而，防伪特征的熊玉女历史文化情结是最清楚地体现在网站的匈奴萨尔马特时期，其中出现在乌拉尔和哈萨克斯坦草原中的公元前第二个世纪（见图 5，11—13）。当然，由于时序和地理之间的分歧熊玉女，这些土地有特殊的功能，和早期匈奴。该熊玉女文化传统可追溯到第二—公元前第一世纪。不过，上面提到的网站已经保存下列典型特征的熊女与匈奴历史文化情结：平原鲍磊；拱顶状或数字埋葬丘与入口处对南的一面；棺木；北部方向的死者；条纹一种特殊类型，为马匹；带长方形，八形，球形斑块及叶片和环形锦旗；长双刃宝剑窄直肩膀或没有它们完毕轮全能（源自中国北方），三翼铁箭头和非对称菱形骨箭头，渡河的蒙古和鄂尔多斯类型，以及汉镜（见图 29—62）。该复合体的匈奴萨尔马特时期是非常众多（大约 350 出土墓葬）。他们都集中在或—伊莱克盆地，并沿左支流中的流动乌拉尔河。这些领土，以及广大的地区南部乌拉尔地区和伊希姆河流域，人实际上是不了了之在之前的两百年，这就是明证孤立的地点可追溯至公元前一世纪—公元一世纪[Botalov, Gutsalov, 2000, 页 146—151 段]。

因此，由于复杂的民族进程中的公元前第二—第四世纪，大量的游牧民族，积累了在乌拉尔和哈萨克斯坦草原，产生了一个新的种族政治。此外，游牧人口的匈奴萨尔马特期侵入到东欧地区，由于缓慢的渗透和个别突袭（见图 5，16—18）。因此，下面我们考虑老姑的萨尔马特文化 的问题。

第四章。中欧亚的匈奴在公元二—六世纪

分析公元第二—第四世纪材料显示，已故萨尔马特转变，在东欧远未得到统一。有至少六名当地的变种已故萨尔马特文化透露给西方，从伏尔加河地区，在伏尔加河—多恩，下唐流域，黑海岸边，Budzhak 草原，和多瑙河流域[Gudkova, Fokeev, 1984; Grosu, 1979; Kostenko, 1977, 1979; Rikman, 1975; Smirnov, 1954; Fedorov, 1960; Fokeev, 1986, 1987; Kulcsar, 1998]（图 63—66）。将出现问题的原因，许多学者认为，杂项复合物散落在广大地区，从伏尔加河到二进制内部已故萨尔马特文化共同体。通常，功能是至关重要的形成，任何文化都是分布式非均匀超过领土。在这种情况下，功能区分 Skripkin（1984，页 82—87），包括北部方向，变形的头骨，剑无剑和肩膀，镜子—锦旗，腓骨，弓与码头及中涵盖板，以及大规模的三个翅铁和骨箭头。比较分析，在遗址下层唐河地区，黑海岸边，和多瑙河流域有显著的分歧，同步晚萨尔马特下伏尔加河墓地络合物，并归于一些这些配合修改（西萨尔马特网站摩尔多瓦[Rikman, 1975，页 57]）。人们可以注意到，为西，从伏尔加河流域，目前只有部分已故萨尔马特特点，被发现在该网站和这些网站可追溯到各个时代。正在特异标记的新时代，这些特点属于典型的所有萨尔马特—阿兰部落很大的贡献逐渐摧毁文化的一致性，这些部落在第二届—第四届公元百年到后来，第四个世纪晚期，他们主要表现在西部周边的领土被这些游牧群体占领。

让我们讨论这个问题的承担者，这些新的文化传统。

这些文化综合体被称为“墓葬的武装骑手” [Maksimenko, Bezuglov, 1987，页 191; Bezuglov, 1988，页 113]。我们在此略去详细描述，这些复合物。我们只看到了一些网站的顿河流域承担逾期萨尔马特特点，是发现在较低伏尔加地盘，尤其是匈奴萨尔马特特点，继承了从网站的乌拉尔—哈萨克草原。这个结论是来自分析武器和马匹穿戴由男性墓葬，如轮状钻头，圆斑块片断，带小费，扣环与动板等 [Moshkova, 1978; Melyukova, 1962; Maksimenko, Bezuglov, 1987; Bezuglov, 1988; Guguev, Bezuglov, 1990; Besspalnyi, 1990; Shepko, 1987; Maksimenko, 1998]（见图 66）。然而，不像匈奴萨尔马特复合体，东欧遗址这一时期表明确切的痕迹，文化混合的。最明显的例子，这种混合是苏斯洛夫掩埋场，其材料被用来区分单独晚萨尔马特文化

。上述表明，使用旧一届的“晚萨尔马特文化”，只不过是传统。我们认为，从“晚萨尔马特阶段”，或“晚萨尔马特期”，更充分地反映在那个时期真实的历史情况。

因此，在公元前第二—第四世纪，共同特征的萨尔马特文化，是转变或消失，甚至在各部分中东欧和这种文化往往具有特色的一个新的行萨尔马特社区。由第三—第四世纪百年来，这些文化创新达到了草原和森林草原地区的多瑙河流域。因此，巩固匈奴种群被推迟了哥特式的入侵，只有一个世纪（见图 5，23—25）。匈奴部落联盟，最终的合并在此基础上的游牧晚萨尔马特人口的东欧期间的文化统一性。这个游牧民族联盟为首的东部部落，占领了乌拉尔哈萨克草原，直到晚公元第四世纪。

最后，在同一时间，在最短的时期匈奴雄玉女文化成因下跌时期匈奴适当（晚 4 日—第 5 次中东百年公元）。土地轴承典型匈奴萨尔马特特点是共同为这一时期，如杂噻里哪和必取斯特 t 在匈牙利；必里低泥，哥尔斯那在罗马尼亚；米洛录波伐卡和必拉武斯在克里米亚；谷悲，新伊万库夫卡就黑海沿岸并在北高加索地区；列宁斯克（第 3 鲍磊，严重 12），史波夫卡（鲍磊 2，3），诺沃肖尔基，波克罗夫斯克（鲍磊 36，严重 2），基洛夫，并弗拉基米罗夫卡在伏尔加地区。然而，他们中的一些人的日期后期表现出的痕迹，非匈奴文化创新：例如，北部方向的死者是逐步取代东北部及东部方向。安置躲进甚至整个动物骨骼到坟墓或坟墓旁边的一个楼梯，显然是借来的，从其他文化。我们认为，这些复合物，标志，进入新的早期突厥历史文化时期，在公元下半年五世纪，并因穿透一些突厥—特列部落向哈萨克斯坦和俄罗斯南部草原，它是一个家园该原型保加利亚人口（萨维尔，乌特利古，古特利古）[Iskhakov, Izmailov, 2000, 页 14—15]。有些复合日至 4 日—公元第五世纪，如别拉屋斯，恩格斯（第 36 鲍磊，严重 2），别列日诺夫卡（第 III 鲍磊，严重 1），古悲（墓葬与东部方向，马匹或马匹躲进），新格里耶里耶夫卡（鲍磊第 7 至第 9），噢斯特罗果罗夫卡（D18，19），罗夫孛耶（第 42，47 鲍磊），夫斯科耶（E7），波克罗夫斯克（第 2，3，11 鲍磊），博罗达耶夫卡（第 5 鲍磊），等等（鲍磊与壁炉）。

因此，上述证据均匀的熊女与匈奴文化起源于欧亚大陆草原，它分为以下几个步骤（1）原熊玉女（荣娣，殷历元）公元前第四世纪—第三世纪；（2）“古典熊玉女”公元前第三世纪—公元第二世纪；（3）匈奴萨尔马特，第二次—第四世纪；（4）洪森第四世纪晚期—第五世纪中期；（5）会后洪森（早期突厥），第五世纪晚期—第八世纪。

第五章。早期突厥人（文化成因的问题）

古老的历史，早期突厥其人在初始时期，是紧密相连，与匈奴。这当然并不意味着

任何直接的历史继承性，自发祥地，其文化成因被数千公里，从对方的经验。这两个族群的出现在历史舞台上月底三-年初二，公元前数百年。各国人民之间的征服山尤莫德在西方干袞提到[材料对匈奴史，1968。页 41]。美国体育雅洪托夫认为，民族名称"干袞"是一个音变的"吉谷"，"加古"，"赫谷斯"，"哈卡斯"与"吉尔吉斯"字。

1. 干袞和阿史那。

本地化区或突厥细胞核似乎相当模糊，虽然大量的突厥历史古迹已经在这里找到[Voitov, 1996]，随古迹和遗址的熊女与萨卡时期[Novgorodova, 1984; Konovalov, 1985, 页 43-44; Zavendorge, 1985]。历史的日期，所有这些遗址和文物古迹等，但不容易界定。其最杰出的研究者国说，大部份的这些复合物出现在这里结束了第六世纪[Voitov, 1996, 页 23]。

语言上和数据上的相似性，以及数据从血缘传说可能表明一些常见的摇篮，从而共同领地古代突厥语和古代乌孙族群的形成。因为它是如上所述（见本章关于西厄-乌孙历史文化情结），大部份的学者，今天有一个倾向，使乌孙到相关古代突厥其人之前乌孙迁移到谢米列骑耶地区，在南方-东突厥其斯坦（巴尔古里湖区），其中，在其反过来，是相当接近东部吐鲁番如早期历史的阿史那家庭开始。此外，我们应考虑到一个事实，即历史上的乌孙和阿史那的突厥人是紧密相连，与"干袞"种族名称，它的股票，其'的历史时期，与早期乌孙和先行外观的阿史那家庭内部边界该准噶尔)南部草原

在早期铁器时代的新疆成为重点地区，其中持有该航线的所有重组葡激酶迁移。这种迁徙，在西部方向，包括运动的古代重组葡激酶达撒摸林人口向中央哈萨克斯坦和外乌拉尔地区，以及迁移 Priaralye 南哈萨克斯坦有点迟。这期间，当络合物如伊斯克和必尔卡拉，即承担一定的相似性与 Alagow 和其它重组葡激酶复合物新疆，分别诞生了。在北部和东北西部的方向偏移的标志与外观配合切斯诺科沃喜欢 I，马舍夫卡 I（阿尔泰），后来洛科特四。除其他移民跨越这一地区是一个向成因探讨卡拉构宾文化的外观和特殊的重组葡激酶组的陶瓷材料在大列其耶文化[Sitnikov, Shulga, 1995, 页 59-62; Troitskaya, Borodovskiy, 1994, 页 74-76]。

形成了乌孙和坤联盟发生在新疆地区的同时，完成了年初匈奴萨尔马特时期。该联盟有一个共同的亲本中心的地面工作。在这方面，人们可能相信，强大的相似性，是良好的基础之间的这种复合物为底木里克见闻，古那耶斯，一些鲍磊的查扈文化较早重组葡激酶期（环形或圆形石丘，平原以及石盖和涂布坟墓西方取向，同类型的陶瓷和铁严重消费品）（图见 23）和乌孙古迹的后期，从伊犁流域。匈奴萨尔马特期间（公元前二世纪-公元二世纪）的新疆大多是代表最新鲍磊络合物也墓葬从牙尔哈多和古耶那斯埋葬丘 [Molodin, Kanin, 2000. 页 89-100; 1997, 页 233-259]。最重要的特

点该新疆埋葬配合这一时期是普遍存在的东区（有时候，但更鲜，西欧）的定位和外观的神坛，从马的头骨和四肢上的脚死者。该墓葬与马匹也出现在这个阶段（见图。69）。

存在着三种文化遗传的地区，在此之前的徐亚时间 栖息在西伯利亚南部。他们阿尔泰，图瓦和哈卡斯压-米奴仁盆地。谈到自己的文化和历史的组成部分，我们可以说，这些地区出现了一段颇长的时间了。让我们简单地定性期间，实际上在此之前突厥文化成因在上述地区的其领土内。

西北部的阿勒泰。

古迹的古代文化（公元前六-三世纪）的所有有以下稳定的特点：

由石头小圆形土堆；

大多是个别墓葬与马匹，在窖，面对木（框架）；

东北部和东部方向的死者；

缺乏陶瓷洁具。

这种历史文化的复杂的是稳定双方在领土和颞而言，那将是稍后讨论。

图瓦。

该遗址和古迹的乌尤克文化公元前七-三世纪具有一定的相似之处，与阿尔泰古迹，在某些阶段。这些相似的原因，他们的统一，虽然误，下一个种族文化的栖息地，由甲四格拉奇 [Grach, 1967]:

由石头切成的小圆形土堆和围墙；

个别葬坑面对木（框架）；

西北部的方向前进；

如果没有或极少发生陶瓷库存。

米努亲斯。

该塔阿尔文化公元前六-二世纪的代表是以下情况：

矩形围栏具有相当规模；

一个或数个掩埋拱顶多时间的使用；

墙壁，面对木（框架）；

西部和西北部地区的定位死亡；

在场的陶瓷洁具。

这种功能的相关性上面提到的历史文化栖息地极有可能存在，直到公元前三世纪。从那时起，熊女划时代的改变与种族文化版图的萨扬-阿尔泰区域很大。我们将采取仔细看看，现在的结果，这些变革在不同地区的南西伯利亚。

2. 阿尔泰在前突厥时期。

阿尔泰在前突厥时期

最复杂的文化变革，即发生在古代和卡拉构宾萨卡重组葡激酶双团结，显然是在公元前二—一世纪。因此，一个复杂的族裔文化建坤-远程基质形成。在开始阶段，将古迹的布兰构宾和长相类型成为它的基础。

3. 米努亲斯在后塔阿尔时间。

倒塌的塔阿尔团结在萨扬米努亲斯地区，性成了在外观一个新的树脂文化，由公元前二世纪。它的主要特点，在初始阶段，个别墓葬在幀像棺材，石盒或不同种窖和东部方向的死者。库存的新的文化也有一定的共同特点，与匈奴萨尔马特划时代的。环为首的匕首与楔形刀片，圆铁扣环，复杂的弓和三面箭头头部并存和圆形扣环，随着“鄂尔多斯式”的封面板[复杂的考古遗址.....，1979，页 79; Houdyakov, 1986, 页 63; Martynov, 1996, 页 32]。这些创新的变化，出现了，不仅在树脂古迹的米努亲斯草原上，而且在射斯达扩夫文化情结的根阿钦森林草原在同一时间 [Martynov, 1996, 页 35-36]。该塔什特克文化统一形成是由于该特斯呢—射斯达扩夫迁移波说，代表着一个奇特的阶段，文化成因。大多数学者今天一致认为，团结出现了，由于迁移。根据数据的一份书面证词中，它主要是挑衅，由坤人口来到中央川流不息在中间的公元前一世纪 [Bichurin, 1950, 页 350; Kyzlasov, 1979, 页 164-165; Kiselyov, 1951, 页 581]。该塔什特克文化成因，导致在完全形成的哈卡斯牙-米努亲斯坤吉突厥栖息地。我们应该在这里指出，坤在迁徙中的公元前一世纪绝对不是第一阶段的突厥扩张型向米努亲斯。年初的树脂转换在三-二公元前数百年显然与影响力的移民，他们代表了突厥文化。这是部分地证明了一个事实，即激进的变化，在萨扬-米努亲斯人居中心和变化后的巴泽雷克人口阿勒泰是很相似的，并发生在大约相同的时间。

两种生境的突厥文化的发展，在南西伯利亚的。他们是东部米努亲斯（吉尔吉斯）及西区阿勒泰的栖息地。图瓦，这显然成了一个偏远的西北部省份的熊女帝国自公元前上个世纪，是第三个文化带。该树尔马克和柯凯尔文化（公元前二世纪-公元六世纪），形成了这里，并拥有所有主要特征的熊女有形文化：

轮石土堆；

椭圆形长方形窖；

北方的方向前进；

棺木及木制地膜；

存货的匈奴型。

4. 扩大早期突厥人居中心向西方

第一阶段的扩张是前突厥之一。它也称为坤-王国之一，是过时的公元前三世纪-公元六世纪中.数据和证词这个阶段，以及为前匈奴之一，是相当奇怪和不全面的。书面证词告诉相当突然对存在的一些半神话坤的土地，这是与前突厥核中，大部分的研究人员，但他们太不一致，使地图的，它在最早时期。我们只能今日表示，这是第一次提到，由于征服了干衮由莫德在 201 年公元前。在西部的熊女领土概念，"坤土地"本身就是国家存在的最古老的古突厥联盟的部落生活，在最初的疆域西蒙古和准噶尔草原（两边的蒙古阿尔泰从 BolshiyeOzyora，大型湖泊盆地，以吐鲁番）。古代层的重组葡萄酶-和田种族和语言的统一是可能的共同点对于这样一个联盟。当熊玉女帝国诞生了，它导致了，而且时间长坤移植到米努亲斯，上鄂毕河沿岸地区，阿尔泰，哈萨克斯坦。因此，在公元五-六世纪数在文化上和领土独立突厥群体出现了。民族名称干衮（Gagun，干衮，Hyrhys，吉尔吉斯）继承了由吉尔吉斯斯坦人口叶尼塞 [Kyzlasov, 2001. 页 73]，虽然有些部分的干衮住迄今，在西方起至俄夫达力特划时代的。该阿尔泰社区获得命名为"远程"，而中央民族宗族核获得了"阿史那"部族的名字。该阿史那极有可能是紧密相连，与乌孙，特别是这涉及领土接壤的南突厥其斯坦，并有共同的重组葡萄酶民族的文化渊源。该阿史那普遍存在的人口和人的种族部族间的地面，为西-突厥国家。这个分公司的突厥文化存在于亚洲草原，从东突厥其斯坦，并黑海，该地区摆在靠近黑海。中国地方志的公元三-四世纪含有更精确的资料，描述了关系的高昌国与茹然和远程人。洛杉矶博罗夫科娃分析这些关系。他们的解释让她来确定位置的前突厥细胞核相当精确的精度。她认为，这是位于边界的东突厥其斯坦，向东北倾斜，从吐鲁番绿洲 [博罗夫科娃，1992. 页 90-93]。不幸的是，由于缺乏考古资料，从这些领土上让我们重建文化情结的前只有突厥语的人口所蕴涵。考虑到数据从邻国萨扬-阿勒泰地区的人们可能注意到，有两个文化发达栖息在这里的公元第一世纪的。这些栖息地的有东区哈卡斯牙-米努亲斯和西部萨扬阿勒泰。第一，由于移民冲动的突厥其人为母语的人口在公元前 49 年。所以，它可能被视为一种原型的建坤突厥其人在某种程度上文化模式。据了解，这些过程导致外观的塔什特克文化。该塔什特克文化，在其转特点是石头围栏（对地面拱顶）的圆和矩形形状，站在月台上，并被碑石或石块。该成年礼火化尸体，并把陶瓷洁具愿与马和羊骨头，也是典型的这种文化。这些特点均统一后，成为制宪的早期突厥查阿达斯基文化。这个生境的对象是下列几类：外星人与三叶虫（非对称-菱形，伸长六角，弹头型及其他）箭头，匕首，马路边库存（环和双环形箍筋）。

第二届人居署是合乎逻辑的延续，阿尔泰竖琴及西区暂列-乌孙传统。在我们看来，它的主要特征，如一轮石土堆或围栏，框架，石头坑，墓葬与马匹，东北部和东部方

向，以及缺乏陶瓷厨具，由公元前三-二世纪该部分的建坤人口来到这里后，被迫离开东突厥其斯坦由熊玉女（见图 69-72）。

它成为古德尔克泥-卡达泥丁基础循环型复合体。一些研究者与突厥其人有关似情结。奇特的细节远程复杂的是殉葬马墓葬的外观和相当的建筑-所附一排排祭祀-丧葬围栏和碎石山脊，建于东西方向（在距离可达 150 米），与碑石或石头古迹在它们的末端。该清单包括著名和弹头类似箭头的，复杂的鞠躬，单刃大刀，骑马库存，比特（骨或铁部件），骨骼和铁鞍胸围扣和鱼钩，金属板和箍筋。标识特点是带包和耳环与辍学喜欢附庸，密码及吊坠，耀斑和空心在较低的部分 [Ovchinnikova, 1990, 页 221, 见图 53]。

其次是阶段的远程突厥栖息地扩张。早期突厥第一阶段（完钒-八世纪），即目睹扩大了突厥文化的栖息地，将深入探讨在下一章中（见图 6）。

第六章。乌拉尔-哈萨克草原，在早期突厥时期（五-八世纪）

该时期的五-六世纪是一个真正的不安和模糊的时间对于乌拉尔哈萨克草原来说。但是，它的重要性在民族落的后期东欧（阿瓦尔人，萨维，保加利亚等）和西也文化因（奥古兹人，佩彻涅格人，巴什基尔人，马扎尔人，钦察），是很好的理解。因此，我们在下一章要讨论一些关键问题是众所周知的材料，以及分析络合物一旦研制出来让我们遵循本地区的发展文化和历史的倾向，在土耳其人的时间。

鲍磊与"山脊"和遗址西林达什古迹。

这种类型的发现遗址和古迹，从东土耳其斯坦到第泥泊河庞大的领土上的欧亚草原。然而，由于绝大多数的鲍磊与"山脊"并存，在四个紧凑型群体：

萨利-阿尔克泥组，其中包括最大的一部分，中央哈萨克斯坦和额尔底斯河；

务录达务特；

木够扎尔；

外乌拉尔河地区。

那些最后两组的鲍磊与"山脊"和遗址和古迹西林达什型是最妥善的研究和制定，今天乌拉尔哈地区的内部边界的（见图 73）。

王锡里克夫大概是第一次，他们决定之日起鲍磊与"山脊"，为属于早期铁器时代。他包括在内，虽然谨慎，在该组的古迹，传统上的所谓"萨卡萨尔马特" [Rykov, 1935, 页 43]。这一主张后来得到支持，由熔点卷入，他们说，"至少一些人的古迹，如果不是所有的，属于早期萨卡时间"。这个结论是很明显，从鲍磊对大撒巴切额湖岸边，这是的学习村科得出的结果，1930 丹诺夫探索[卷入，1956, 页 9, 10]。

然而，在 1949 年甲·马尔古兰假定该鲍磊的"山脊"，或"鲍磊与横梁"，因为他所谓的他们，可能属于公元下年的一千年，一体育具有划时代意义的，其中前面的外观一个许多部落的团结吉布察在中央哈萨克斯坦。"身材很好裁剪作为碑石原型，其中特别是典型为吉布察时期，公元六世纪后并没有形成"[马尔古兰，1949，页 12]。

虽然如此，王锡里克夫和熔点卷入的角度来看，关于鲍磊与"山脊"盛行于科学的考古学文化和顺序的特点。

2006 年作者发表了专著合作与交替塔罗夫和一体育录巴察泥斯克。这项工作 在研究这种复合物 提出了明确的结论，[Botalov, 塔罗夫, 录巴察泥斯克, 2006]。作者的专著，研究了所有可用的材料和管理，最后定顺序时期的鲍磊与"山脊"早期中年时代（五-八世纪）。

由于有多达 58 个这种类型的古迹，全部或部分研究。分析由此产生的物质导致的结论是，现在你可以区分两种主要的变量类型构成了一个单一的复杂，这些类型兴建同时进行关键的要素。第一类是构成一个单一的中央土堆，或鲍磊，和两个源于它的不等。该靶场曾石行人道或土堆布局的"山脊"，在一开始的。

第二类包括沿南北线具有两个或两个以上的鲍磊常委会络合物。在东哈萨克斯坦这一类包括鲍磊 3—则瓦克那鲍磊复杂和鲍磊 2 克孜勒塔斯鲍磊复杂（见图 74）。

在哈萨克斯坦中部复杂的 55 鲍磊从伯达卡拉，鲍磊 13—布古里，鲍磊 2 别索巴，鲍磊 16 贝尔克尔达克和鲍磊 2 喀拉萨依鲍磊络合物属于这种类型的土堆"山脊"随着鲍磊 9 人来自达泥第佰网站鲍磊 1—债那达尔鲍磊复杂和鲍磊 8—凯拉克特鲍磊复杂，以及第 2 鲍磊附近摄德低站（见图 74，25 至 29; 75，第 6，第 7，10）。

在中央哈萨克斯坦，也有更多这种类型的一人的墓葬的鲍磊。他们是鲍磊 4—伊吉斯-考塔斯墓地，鲍磊 19—达斯摸拉，鲍磊 19—卡纳塔什鲍磊复杂及其他 [Beysenov, 1996. 页 39]，同时，也是达拉盖复杂连同鲍磊 1 卡拉-碧野墓地（见图 74，16，20; 75，25，27; 76，9-18）。

有 10 个研究络合物的鲍磊与"山脊"，属于这类型木够扎尔和外乌拉尔河地区组：萨兰差泥卡 9，够罗底伸斯克 9，新空度罗夫斯克 I，奥乐泥那奥德弄夹，新阿克纠宾斯克 I，苏霍多尔，苏拉单底米罗夫斯克 I，开泥塞 14，夜里扎非伯里斯克，梅杰斯（见图 77-80，82）。

下一组，还要处理第二类，因为它是以上所述，包括配合地方的中央部分是由两个或两个以上的土堆，站在一定距从对方沿线的方向离。在这方面，我们可能很难包括在此复合体如中央土堆合并或立场非常接近，互相借鉴，如在案件著名鲍磊在大撒巴切额湖。

在哈萨克斯坦的这种复合物为代表的鲍磊 48: 伯达卡拉墓地 (见图 74, 2, 3, 6, 8, 12, 14, 17-19, 22-24; 76, 1-8; 84), 科克塔尔, 则瓦克那鲍磊, 卡拉木论-I, 夜者夫斯克-2, 伊吉斯-考塔斯, 巴特尔-布拉克。南外乌拉尔河地区有一个四国集团的综合体, 如型 (见图 82, 三; 86): 卢布-达夫乐都夫斯克, 萨尔布拉特我克鲁塔亚戈拉。某集团的古迹正在审议的代表一组复合物, 所谓的"古迹西林达什型"。笔者认为, 现在他们的研究这个过程中, 都主要的特点和特有的细节, 与机件当中央土堆的鲍磊与"山脊"情结被挖掘有惊人的相似。这些相似点构成的石围栏行人道, 燃烧下土堆现场痕迹, 马和牛的骨头, 但对陶瓷, 以及类型学相似的陶瓷洁具。这让我们确定他们是一个单一的文化组的古迹。该西林达什古迹鲍磊及行人路上没有"山脊"。

如今在境内南外乌拉尔河地区, 西部和中部哈萨克斯坦 (见图 87-90, 81, II) 有 15 个鲍磊的西林达什型研究。他们中有阿乐克萨泥底罗夫斯克鲍磊, 夜兰达雾, 鲍磊 4, 西林达什, 克孜勒札尔, 东哭赖林斯克-II, 夜资麦罗夫卡等。

早期突厥 (西林达什) 人口的邪教葬礼传统。

该研究报告进行的葬礼仪式与传统, 在一方面, 让我们讲某一个文化统一的, 另一方面, 一个显着的差异祭祀-丧葬传统的两个时代正在审议的问题。匈奴-萨尔马特时期的特点是地面拱顶与南通道, 长和哑铃形土堆有煤炭, 件陶瓷和单一物体根据他们以及墓葬履行。牺牲大多为羊骨为代表。突厥时期的特点是石丘, 栅栏或无"山脊"。在该网站中心通常壁炉, 骨骼或型号的马匹, 焙烧骨头和船只及部分绵羊更接近西方一边。

埋葬情结早期突厥时期的埋葬情结。

除了我们已经描述了的 邪教埋葬鲍磊与"山脊", 并西林达什型复合体, 仍然存在一些墓地大楼, 在广泛的意义上来说还可以追溯到作为早期突厥时期, 从 (可能, 完该五) 公元第九世纪。这是一个公认的事实在中东, 欧亚大陆草原地区, 有相当数络合物的早期突厥或专匈奴时期 (续完的五-八世纪)。他们大部分是众所周知的学者-游牧研究者的具有划时代意义的大迁徙。这些复合物极其多样, 因此研究人员团结他们的基础上, 先后为原则, 多数。我们认为, 尽管如此, 这主要特色的葬礼成年礼这些网站展示和马克的多样性民族文化的组成部分存在于草原, 在激进的改变与匈奴和突厥文化的时代。我们已经提到的一部份, 这些古迹在章关于延迟或专匈奴时期。这肯定是相当符合逻辑的, 作为民族文化的立场, 这个或那个复杂的任何过渡时期, 总是非常难以界定。让我们简单地定性古迹的结尾部分公元 3 五-八世纪在哈萨克斯坦和乌拉尔-伏尔加河中下游流域。有略多于 30 人, 而且这些网站在他们的丧葬礼仪和顺序的位置方面不相同的。他们分布在广西哈萨克斯坦 (阿特巴-2, 鲍磊 2; 切尔卡尔; 博

尔加尔卡;扎满卡拉拉拉)和中央哈萨克斯坦(博罗沃耶;扎尔里-2, 鲍磊 1;奴林斯卡耶;卡拉-阿卡奇;伊吉斯-考塔斯;齐里克底;博布罗夫斯科)以及南乌拉尔(穆斯柳莫沃;虱博沃, 鲍磊 2, 3;戈里托夫-波格罗姆诺耶, 鲍磊 4, 埋葬 3;鲍磊5, 6;该阿尔卡依么土葬;克孜勒-阿德尔)的对表土地上。他们大多有着悠久的历史, 参考文献中各作者 [Arslanova, 1963. 页 68; 1968. 页 98; 1980. 页 79-103; Bernshtam, 1951, 页 224-225; Botalov, 特卡乔夫, 1990. 页 147 个; Zasetskaya, 1994, 44; 科济列夫, 1905; Savinov, 1984, 页 33]。由于这一点, 我们要选择并复制在这里, 只有他们的一些说明, 不提确 最近 需进行了研究。

有六个络合物形成的第一和最古老的集团。他们是阿尔卡依么, 石头粮仓 (鲍磊五, 六), 虱博沃 (鲍磊 2, 4), 上波格罗姆诺耶 (鲍磊 4, 埋葬 3)。这些都是根据墓葬地面土堆或没有土堆, 都与北方的方向死者和神坛, 从牛骨头和头骨, 在他们的脚 (在一个案例中, 骨头被一个骆驼)。很明显, 三重安葬在卡纳塔什鲍磊"山脊"可以包括在这一组。库存的这种复合物通常包括物体和抄录作骑马, 不同的皮带, 装饰 (冠, 耳环, 项链, 锦旗), 镜子和陶瓷。类似同一时期的复合物 (续完的公元五-八世纪), 一经发现, 在伏尔加河中下游流域 (佩列博夫泥卡, 列宁斯克, 达式克尔门斯克, 丧葬费 1), 卡马河沿岸地区 (空抿特尔弄夫斯科-2, 库什纳连科沃, 墓葬 2, 27), 也是其中西西伯利亚游牧情结 (火山-2, 丧葬费 688) [Bogachev, 1998, 页 30-38; 鹰, 1977; Zasetskaya, 1994, 图 3, 2-5; 卡扎科夫, 1996 年; 1998 年; Molodin, Chikisheva, 1990]。作为为主要内容的殡葬礼仪提到, 这些复合物是密切双方以前款匈奴-萨尔马特者, 并能杰德萨鲍磊配合, 从低锡尔河州和巴里克流域的图尔巴斯林络合物的同一时期 (见图 68)。

第二组包含 4 鲍磊复合物的六-八世纪: 卡拉-阿卡奇, 齐里克底, 伊吉斯-考塔斯, 扎尔里-2, 鲍磊 1。这些都是根据墓葬石丘, 与东部的方向死者和骨骼的马匹倒卧在附近严重深潭。葬礼的仪式和主要陪同库存, 如鞍围制成骨骼, 扣环, 箍筋与网格状耳中, 环形钻头和缺乏陶瓷洁具, 商标相似, 这些网站与远程复合古德尔克泥-卡达泥丁型, 从阿勒泰图瓦 [加夫里洛娃, 1966; 停飞, 1995] (见图 91)。

该库存进行的分析, 让我们谈论一个普遍宽约会的配合下, 一体育早期到中年五-八世纪。最知名和良好研究的复合体, 也是最古老的。他们具备较为准确过时库存从鲍磊与"山脊": 萨兰差泥卡; 卡纳塔什; 鲍磊 19 个; 则瓦克泥斯克, 鲍磊 1; 科克塔尔。这些古迹被经常提及的各种科学文献除其他化合物的多色作风的大迁徙的时代, 正在过网站展示和马克的多样性民族文化的组成部分存在于草原, 在激进的改变与匈奴和突厥文化的时代。我们已经提到的一部份, 这些古迹在章关于延迟或专匈奴时期。这肯

定是相当符合逻辑的，作为民族文化的立场，这个或那个复杂的任何过渡时期，总是时的某处在去年底的四族百年 [Zasetskaya, 1994, 页 112-136] 或六-七世纪[安布罗, 1981, 页 10-23, 图. 59]。该洁具袋从穆斯柳莫沃, 博罗沃耶, 戈里托夫-波格罗姆诺耶土葬, 卡拉-阿卡奇, 阿尔卡依么, 石头粮仓鲍磊五一及六, 克孜勒-阿德尔, 阿克纠宾, 虱博沃鲍磊第 2 和第 3, 费奥多罗夫卡, 弗拉基米尔斯科耶, 鲍磊 17 波克罗夫斯克, 捷, 列宁斯克属于同一个时间范围。以及其余大部分 含有库存品的 古迹, 可以追溯到根据对等原则, 其类型学的团结。但是, 它会更好, 使这些复合物在更广阔的时间顺序区间。哈萨克斯坦情结是: 叶利式比克, 摄德尔低, 萨泥古尔鲍磊 1-3, 卡拉-双鲍磊 1 和 15, 则瓦克泥斯克, 克孜勒塔斯二, 克孜勒塔斯鲍磊 1, 乐里泥卡, 比尔古底, 伯达卡拉鲍磊 55 和 58, 达撕摸拉鲍磊 19, "37 勇士", 卡拉木论鲍磊 46, 萨泥古尔-2 鲍磊 1。该综合体由南乌拉尔包括: 够罗底伸斯克-9, 夜里扎非伯里斯克, 新阿克纠宾斯克-1, 新空度罗夫斯克-1, 萨兰差泥斯克-9, 大苏拉单底米罗夫斯克-1, 卢布-达夫乐都夫斯克, 萨尔布拉特, 奥乐泥那奥德弄夹。该类型相似的骑马配件 (梯形鞍胸围带扣, 环型钻头矩形截面和亚环皇后像广场, 为遏制), 装甲 (菱形箭头和柳叶刀形矛) 和统一的陶瓷复合物 (甘油三酯 1-甘油三酯 7) 与存货复杂的早期保加利亚人口古迹萨马尔斯基洛格迟和和东南欧, 使人们 在较长时期的五-八世纪 有可能说明顺序的起源上面提到的古迹。

鲍磊与"山脊", 如开泥塞鲍磊 14, 克孜勒-札尔鲍磊 2-4, 夜者夫斯克二日鲍磊 1-3, 占据一个特定顺序的位置。他们普遍较年轻, 大部分的复合物, 因此是在七-八世纪过时的。该件的库杀那乐泥卡沃船只从开泥塞鲍磊 14, 大规模箭头典型, 为已故保加利亚样本及一个分长方形和零散鞍胸围带扣以移动的框架内从克孜勒-札尔鲍磊 3 和夜者夫斯克二日安葬鲍磊三日证明这些顺序定义。事实上, 这开泥塞和克孜勒-札尔鲍磊与"山脊", 蕴含着很大的花瓶样的壶都是习得类似与西林达什样品和晚卡达斯和土合底压特船只从哈卡斯压, 与上面提到的结论矛盾。但是, 一个严重的问题是值得重视的。鲍磊3 夜者夫斯克-2 复杂正处在一个特殊位置 (10 米, 西) 由鲍磊 1-2 构成的核心部分, 复杂的"山脊"。虽然一部分的一个铁菱形箭头发现鲍磊 2 是一个类似发现鲍磊 3, 鲍磊, 这可以从理论上已建成添加到复杂后, 就像后者在某些情况下是建立在附近的西厄-达撕摸林或萨尔马特鲍磊, 因为这是刚才所说的。该奴里的殓葬费和鲍磊的阿特巴-2, 伊吉斯考塔斯, 齐里克底, 扎尔里, 克孜勒-卡伊纳尔-部隆吉, 别列日诺夫卡-2, 恩格斯鲍磊 36 土葬2, 济诺维耶夫卡, 都属于这一时期。

最后, 该复合体的西林达什型占据最年轻的, 或最新的, 地位之间的古迹, 正在审议中 (西林达什, 鲍磊 4, 5; 克罗多亿奥夫尔格, 鲍磊 1-4; 东哭赖林斯克, 鲍磊 2; 夜

资麦罗夫卡费，丧葬费 9)。显然，他们可以这么说所代表的，残余的大楼，保持主体主要特点中央建设鲍磊与"山脊"。在这个历史阶段对建设的要求架设的山脊已不再需要。这是很容易解释，因此，在一个最新鲍磊"山脊"，所谓克孜勒-札尔（鲍磊 2-4），山脊几乎察觉。有存在的，尽管这样，一个典型的陶瓷集，其中的代表是西林达什古迹大规模瓶状容器或直片面盆继海比重（甘油三酯 1，甘油三酯 4）（已故保加利亚和土合底压特看），以及后期库杀那尔泥卡沃片段的陶瓷可能属于八-九世纪。复杂的带装修的夜兰达雾鲍磊 4 和一个铁鞍胸围带扣的克罗多亿奥夫尔格鲍磊四日并不矛盾，这有任何关系。

民族历史重构

历史和文化的相似性，使我们的国家存在着一些团结的早期东欧的突厥人口（保加利亚早期的奥努古尔联盟）和人口的乌拉尔-哈萨克草原（"关于确定布敦"，该联盟的独和奴设比，该部落的"十大箭"）。与此同时，我们应该时刻牢记，即现有建筑的特殊性，在邪教和丧葬礼仪，东欧就一方面（墓葬与东北部和中西部的方向，马匹或马匹的皮肤，多分矩形石建筑与方火葬，土堆-壁炉）和鲍磊的"山脊"，并西林达什复合物在乌拉尔-哈萨克草原上，另一方面，使之无法宣布他们完全一致的。大概是两个单独的部分，生动多元的远程突厥语的立党之本，西土耳其人英国的一个特别基金会肯定。

卡勒克，其中一个部落的奥乌兹邦联，迁移到该地区的人的"十大箭"沦陷后，第二个土耳其人帝国。他们一起参加了在战争中的 751 人，但不久后，这项活动的情况，在 766，全国人民以"十大箭"秋天的权力之下的人，他们已给予庇护并不这么久才。由上一季度的第八世纪奥乌锡尔河，在那里陷入基地阿里马合制的部队[黄金，1972，页 51；Dosymbayeva，2006，页 155]。这一数据是非常重要的，因为它显示出最后一期的存在，并为最早西-突厥民族的文化层以及它是如何换上新的远程突厥历史文化情结。

考古来说，可以通过观察外观墓葬同纬度（东方或西方）的方向，马匹或马匹的皮肤在东哈萨克斯坦不属于老年人比八世纪（齐里克底，伊吉斯-考塔斯，博布罗夫斯科埋葬土堆，奴林斯卡耶，扎尔里）[Kadyrbayev，1952 年；Savinov，1984，页 33；Arslanova，1980，页 84-89；Botalov，特卡乔夫，1990]。

因此，我们有理由说，上面提到的远程突厥历史文化情结的传统基金会，与同地区的阿勒泰远程突厥栖息地形成了密切的关系。

审议了数据的图示分析中央哈萨克斯坦的石头古迹（萨利-热刺和周边地区），以及数据从祭祀-丧葬络合物，法律公告编号耶尔莫里泥克来的一个重要的结论。最早的石雕塑（第一组），内容大多是内广场石头围墙，有石脊萨扬-阿勒泰类型的标题，以东

并形成了大陆性的体系.当时建立了第一个游牧部落联盟,制订了牧场放牧体系并出现了频繁迁徙和在狭长的草原边境地带部署居民这种独特的方式来确定未来居住的区域.

第二阶段(4-8 世纪到 13-14 世纪)游牧文明以短鞭为标志的产生和最后的扩张期.匈奴和早期突厥时期是游牧文明开始下滑的界限.第一个游牧王国和<<残暴>>的游牧部落城市的建立.这一时期的特点是欧亚内部大小区域和临近区域的迁徙都是在有秩序或是互相联系的程度上进行的.周期性的频繁的迁徙代替了入侵和袭击.突厥部落分为:花刺子部,叶尼塞部,塔拉瑟女部,可萨女部,保加利亚部和等等部落.据传统记载包括游牧民族各种各样的方言文化和出现了国家文献.

这一时期的所有矛头大约都集中于 13-14 世纪.蒙古汗王和游牧王国生活方式的建立.

第三阶段(15-17 世纪),世界文明限定范围和分散的游牧社会大量偶然并向内陆大小区域的迁徙标志着游牧社会从基础结构和体系上的分裂.政治,历史和交通贸易体系上的崩溃.

东欧地区的匈奴部落从萨尔马特-匈奴大分裂前直到阿基雷时代的终止还延续着自己的生活方式直到 8 世纪.形成并存在几个特殊的小型匈奴分部区域.

保加利亚-匈奴.分布在黑海沿岸的东北部和北高加索地区的西北部.这个区域的限定范围是新罗西卡-阿纳比斯卡的小地区,北波格拉沿岸和北高加索地区的西北部. (插图 110, 15)

高加索-匈奴.分布在达格斯坦草原和山麓地带.在 4-8 世纪的达格斯坦卡斯皮墓地拥有自己的送葬体系. (插图 110, 16)

塔奈斯匈奴.他们已经拥有了详细的标志,我们在塔奈斯的高处范围内发现了联接着超过 50 个塔奈斯人的墓地. (插图 110, 17)

乔尔托沃-扎米亚季诺匈奴部落程弯曲状分布在顿斯科-第聂伯罗夫斯科耶森林草原的河间地带.顿斯科-第聂伯罗夫斯科耶森林草原的河间地带这个地区存在着匈奴 3-6 世纪的古城遗址和墓地. (插图 110, 18)

匈奴-领地.伏尔加-卡马河的交汇处.选择这个特殊的名字在当时的地区是有足够的条件的.这表明了特殊领地的成立除了拥有鲜明统一的历史之外,早在 4-7 世纪伏尔加-卡马河流域的下游,卡姆斯克-萨马尔斯科姆两河流域就已存在了古城遗址和墓地.空根特尔弄夫斯科 2 这个用非常特殊材料类型建立的墓地里拥有着很高的语言水平. (插图 110, 19)

这个时期所记载的匈奴显然早于图尔巴斯匈奴和杰德萨.

详细深层的研究表明早期突厥分布区域在乌拉尔-哈萨克草原以鲍磊与"山脊"和遗址西林达什古迹为代表的体系.早期突厥分布和紧密联系的区域为萨尔马,包括哈萨克斯

方,似乎并不在这里,直到七世纪。其出身,在此期间,是与该地区的戈尔诺阿勒泰和西南亚的图瓦 [Yermolenko 2004。页 43-45] 相联系的。

只要该地区的南哈萨克斯坦被受到关注,分析石材雕塑,影像,建筑的祭祀-丧葬用地和书面证词,让甲 Dosymbayeva 作出更明确的结论。作者假设认为雕塑-建筑邪教纪念传统寨散(丘伊谷)和(柯尔克孜阿尔泰)络合物出生的,只有在中间的八世纪或更晚严格,由于东突厥帝国(744-745 岁)。从蒙古和阿尔泰地区和迁移的葛逻禄到谢米列奇耶和塔拉斯,土地好布敦和好土尔格式敌制胜[Dosymbayeva, 2006, 页 115-117, 156]。

在这方面,事实,那就是绝大多数的鲍磊与"山脊"的方针,继续存在直到八世纪,是完全可以理解的。它也并非偶然,最近他们(克孜勒-札尔,鲍磊 2)有山脊,这是难以察觉,西林达什情结并没有。

它已经提到过,认为米尔-钦察的时期,在乌拉尔-哈萨克草原开始于去年底的第九世纪。历史一连串的事件发生,与早期吉布察,大致是以下几点。这时候该吉布察打败佩彻涅格联盟在乌拉尔咸海草原 [Kuzcev, 1971。页 21]。他们砸碎了奥乌兹在南部,在盆地的锡尔河[阿加贾诺夫, 1969, 页 154-155],并在今年 10 时 30 分,已经接近花拉子模边界[Kumekov, 1972, 页 43, 见图 75, 10, 11]。他们终于停止了政治上的遗属对克马克斯在第十一世纪沦陷后,该小将状态,其中发生的事情,大概是,随着之一的东方集团[历史哈萨可斯坦, 1979。页 52。见图 97, 3]。他们推翻了森林草原 Srostkin 人口和哈卡斯从转播额尔齐斯河地区之间的两河之间向东部们人口[涅韦罗夫, 1988, 页 18],并承诺在西方突击搜查超过沃尔戈悖地区和古老的俄罗斯还是俄罗斯(10 时 55 分至 1061 年)。

历史帆布,证明此游牧民族的外乌拉尔河地区和哈萨克草原,在这世纪,在政治上依赖于吉布察毫无疑问。在这一时期,土地的乌拉尔(来自东部的斜坡上的乌拉尔)明显漫游领土吉布察。

直到十二世纪以前存在的漫游和牧场境内的边界乌拉尔地区恢复了,这是一个重要的因素,直到公元是三世纪巩固民族和最终特克同化为西亚草原人口。

第七章 6-8 世纪东欧早期突厥的形成及欧亚地区的游牧文明

游牧文明社会已具备规模型的生产模式和成熟的意识形态.这一时期推动了社会的不断前进发展.在社会文化发展中起到了积极作用.因为游牧民族特有的民族特性和不断扩张的传统,使这一民族成为机动性强,容易与别族沟通和适应性强的一个部落.

第一阶段(6-7 世纪公元前到 1-3 世纪公元)这个时期产生了古游牧部落部分的邪教

坦中心的大部分地区和木够扎尔,外乌拉尔河地区地区。(插图 110, 9-12)

突厥部落看起来分散却扩张了辽阔的版图,从马拉尔山脉西麓地区到涅斯捷罗维亚。以我们现在的观点可以划分出 2 个世界历史区域:黑海沿岸,包括所有黑海沿岸的北部地区,其中包括库班河的下游,多诺,第聂伯河和第聂斯特拉以及整个克雷姆地区;波沃尔日斯基地区,包括部分北部伏尔加河中下游流域,其中包括伏尔加河-顿斯科耶两河流域。(插图 110, 21-22)

按照笔者的观点, 突厥历史初期的发源地黑海沿岸地区为黑海沿岸的东北部地区。

第一阶段大约是 6 世纪。第二阶段阶段为 7 世纪的中期。大概他们所有的生活方式都直接接受突厥国的土库曼人 and 大保加利亚人的影响,直到第二阶段才逐渐的步入自己的发展轨道。

突厥在黑海沿岸的东北部融合了保加利亚居民。在匈奴入侵的时期北高加索地区的西北部分成了西南阿尔泰和中亚等不同区域。

笔者的下一个观点,这样假设波沃尔日斯科姆地区所呈现的新的水平和今后进一步促进自身的东方传统这里面是有一定联系的。在这之前,根据可萨人的记载早期保加利亚居民内部已经产生并形成了像 8 世纪人一样的水平。大季甘斯卡,坦克耶夫卡,克拉斯内城,克雷姆斯卡卡和其他的伏尔加-卡马河两河流域的森林草原带存在着大型固定的坟墓群。这个过程正证实了将要成熟的古突厥社会已经超出了最后历史时期的活动区域。

阿尔瓦人的分布区域非常的广阔。按照自己的世界历史文化的界限相当于欧洲的规模,不同时期居民的分布,居住区域有阿利费利德,沃耶沃季诺喝多布鲁吉。(插图 110, 23)

按年代次序排列:

-早期阿尔瓦人(568-620 年)

-第一阶段 早期阿尔瓦人(568-600 年)

-第二阶段早期阿尔瓦人(570/600-620 年)

中期阿尔瓦人(620-710 年)

-第一阶段中期阿尔瓦人(620/640-660 年)

-第二阶段中期阿尔瓦人(660/680-690/780 年)

例如:世界历史根据早期阿尔瓦人传统记载,当时建立了武装体系和大量的马队。从开始形成直到后期,以笔者的观点认为,阿尔瓦人的体系是在盆地这个区域自主形成的。全部这些依据并不能说明新武器原理和马队的形成过程来自历史上的东欧草原和中欧国家地区。

根据资料综合分析阿尔瓦人分布区域的送葬仪式和陪葬品,已充分说明这个时期的阿尔瓦人应列入东欧早期突厥民族文化的区域。形成突厥文化根本核心是游牧部落从阿尔

泰-萨彦斯,东土库曼斯坦和大概中亚地区迁徙的结果。

中期阿尔瓦人最后流入了大量的外来居民.按当时历史分析外来居民应该是科马罗国内新的游牧部落.但是根据资料还不能排除另一种假设,在突厥的历史上存在长期的东方居民渗入,这个过程在早期和中期的阿尔瓦时代.在某种程度上这种邪教殓葬仪式有多种多样的原因.这正是这个时期的特点.当然,这是单从一个国家形形色色的民族文化特点来说明的.笔者又作了另一种可能的假设,历史上阿里费尼德居民从最初的建立突厥国的阶段就不仅一次的影响了阿尔瓦人的生活方式.考虑到世界历史条件不同的特点,笔者作出了部分的假设,盆地的大草原地区一支并不大的匈奴支流不断的扩张了近十年奥努古尔-乌戈在不久的将来 670-680 年间迁徙的发展过程可能仅限于家庭范围内.这可能相对世界特性的在某种程度上解释了在阿尔瓦内部的新突厥居民历史的根源.

阿尔瓦人和匈牙利人的历史起源是否存在联系?

游牧民族历史起源过程中产生了下面的路线.在世代相传和具有统一历史的群落里.界定古老民族范围是通过内在和外在历史因素结合的结果.内在历史是自古以来就存在的或者通过统一的过程产生的或是外来政治军队干涉所达成的条款.不仅能传播,而且又能实现历史挑战和统一的目标的优良种族的核心.该题目的民族性的结晶不仅取决于遏制向心趋势的能力,还取决于对外政治局势的特殊情况.

最后的阶段产生构成或产生列入的部落),最后阶段的民族政治的统一和历史地图上的民族共同性.就像以前谈到的,在这最后的阶段进行快速的对照,民族历史一体化成熟过程和条件.对于不同的游牧社会的流径是不同的,按顺序产生的现代的相对稳定的和游牧民族共同体短期的历史文化.

追溯到八世纪的中期.大部分的草原地区都存在自己的居民大概原始马扎尔人范围内的部落全部迁徙到森林草原带过冬,这导致了这一地区过度密集并改变了当地居民的组成.这一阶段居住在西西伯利亚和伏尔加-乌拉尔森林草原带.可能全部这些迁徙发挥的作用不仅仅是马扎尔人民族起源,还产生了佩彻涅格人,巴什基人,伏尔加流域的保加利亚人.这以后的时期这个北面的浪潮传遍了辽阔的苏尔古特-鄂毕河沿岸地区.送葬和祭祀仪式的总体发生了本质的变化.

综合这些区域,沿着森林草原和草原的边缘,从额尔齐斯到杜奈,大约在八世纪的中期.最终形成了马扎尔人自己的历史文化区域.东方国家考古学所标注马扎尔古迹的范围是额尔齐斯山附近和南乌拉尔地区(表格 7, 4).古迹圈定边界的中心区域位于伏尔加-顿斯克地区.西欧的边缘.科马罗斯卡领域资料和在晚期阿尔瓦历史文化情结中的原始马扎尔人革新.最后过程是民族一体化和传说中西欧国家袭击隶属于马扎尔的部落.大概持续了 100 年,就像著名的传统观念<<寻找发祥地>>.

第八章附则。亚洲的游牧民和西伯利亚-乌拉尔乌的戈团结

这个游牧民族，他们的生活是与森林草原经过不断或偶尔接触，一直试图建立自己的权力，并利用其庞大的资源，虽然情愿或不心甘情愿。就一方面，他们不断在这一大种族和文化上的团结，另一方面，关于永远改变了，它的出现是多方面的。笔者曾针对一个时期更古老，比一的成因和发展欧亚游牧团结。这样做的目的是描述的主要机制如何，这与森林草原团结诞生和发展，以显示其后来的性质转变，其中交互作用的结果，与草原。该地区选择了存在的边界，乌拉尔-西伯利亚的领土横跨欧亚大陆并在一定的时间阶段的权利，扩大了到了极限的森林草原地带，从伏尔加河到川流不息。边界自己所选择的区域依循现有的景观，从而成为家园，为社区的猎人和渔民的古乌戈团结。

乌拉尔-西伯利亚历史和人种学区在晚石器时代，是人们普遍认为今天的古乌戈萨毛吉。这很可能被视为一个系统的社区，相互连接，通过邻国领土，但每次占领自己的集装箱景观：中央乌拉尔，西西伯利亚的森林，西西伯利亚森林草原区，北南哈萨克斯坦森林草原-草原。据考古材料可用，这个制度是最好的露面是在年底前石器时代-在公元前几千年四-三（见图 102）。社会上的西西伯利亚森林草原，是其表现形式是扎博尔河沿岸地区，伊希姆河沿岸地区，额尔齐斯河沿岸地区和新西伯利亚鄂毕河沿岸地区古迹和遗址的。陶瓷们外观复合变形一成为另一种（见图 102，1-4），是与几种常见的家族传统：果胶，果胶压痕和刺密切相联的。

有两个社区成立于南外乌拉尔河地区由公元前十七-十六世纪后来（公元前十七-十二世纪），构成了特殊群体的古迹。

在草原他们分别为：比额底尔夫斯克，阿拉古里斯克-撕如比泥耶-阿拉古里斯克-阿慢格里丁斯克耶-比什库尔，萨尔格日内-计较。

森林草原载：费奥多罗夫，切尔卡斯库乐，梅若夫，别列佐夫和巴尔哈托夫组（见图1，1-3）。

起源和发展问题的费奥多罗夫社会仍没有被澄清。根据一项相当值得商榷的意见，某些作者，早期的纪念物这种文化在其纯度可以发现，在草原带的东中亚，东哈萨克斯坦，阿勒泰米努亲斯 [Grigoryev, 2000. 页 314; 库兹明娜, 1994; 马克西缅科, 1978; Chernikov, 1960]。尽管这样，假设假设对外乌拉尔河地区原产地的文化，费奥多罗夫是不低于停飞，我们认为 [萨尔尼科夫, 1967. 页 340, 358, 363; Kosarev, 1981. 页 30, 81; Shorin, 1999. 页 97]。在晚青铜时代，（公元前十四-十二）古迹的这种“分组”，所以说了。人口，其中属于部比额底尔夫斯克-阿拉古里斯克和撕如比泥耶-阿拉古里斯克文化科，被占领土内的地带，包括北方草原和南方的森林草原地带，

在南乌拉尔和北哈萨克斯坦地区。人口费奥多罗夫-切尔卡斯库乐-梅若夫型住到北方来。这是显而易见的,然而,这费奥多罗夫和阿拉古里斯克人口并存一段时期,在俄罗斯乌拉尔地区,是南方的西西伯利亚和哈萨克斯坦内森林草原,甚至草原地带,这实际上也导致形成新的混合团体和种类(Amangeldin, 比什库尔, Kozhumberdin, Solilets 等)

古伊朗的影响力,在已经形成了的民族文化和领土的统一并没有停下后时期安德罗诺夫时间。极有可能,宗族,我们传统上所说的"人口卡拉苏克-鄂尔多斯圈子文化",开始时穿透到各地区的西南方,从西伯利亚境内的大蒙古国和中国北方,沿额尔齐斯河流域,自喜公元前世纪甚至更早,十二世纪(见图 1, 7)。

长期移民的鄂尔多斯-卡拉苏克人口来自蒙古国和中国北方,在东北西部和中西部的方向,最后导致形成一个大的卡拉苏克团结亚洲各地区(西伯利亚南部,鄂尔多斯,蒙古,哈萨克斯坦,伊朗)[Chlenova, 1972]。考虑到这一点,我们可以说,外表卡拉苏克古迹,在东土耳其斯坦[Houdyakov, 科米萨罗夫, 2002。页 39-41; 瓦列诺夫, 1998。页 65, 69, 70; Molodin, 1998。页 286-289],并形成拜高齐-担底伯(或担底伯组成部分担底伯-萨尔夹若)文化中环以内哈萨克斯坦境内的乌卢套,萨拉出迎,以及外观的文物古迹,如北达结斯克在咸海沿岸地区(见图 1, 8-10)[Botalov, 2003。页 106, 110。见图 2]-这些都是部分的一个全球解决过程中,东伊鄂尔多斯-卡拉苏克人口。这是在这一刻,这两个移行溪流-已故-安德龙(见图 1, 3-5)人口从西方和卡拉苏克(见图 1, 7, 8),从东,最有可能会见中森林草原带的西西伯利亚,就像在天山和绿洲的东土耳其斯坦。

述声明的西部迁移上人口可能绘制与路线的鄂尔多斯-卡拉苏克(预萨卡)文化元素的扩散,何同一方向。

具有划时代意义的晚,后青铜时代(公元前十四-九世纪),与中期的青铜时代的划时代面临重大转变的森林人口外乌拉尔河地区到南方。在同一时间,而阿拉古里斯克和费奥多罗夫-阿拉古里斯克人口侵入颇远在南方泰加地区(至北纬 58 向北),预赛部落几乎没上过弹射比北方的森林草原(北纬 5650 北)。在同一时期,乌戈-哈飞森林和泰加人口动议权,以北纬 53 北部和他们的影响力,显然是明显的[Potjomkina, 1995。页 15-17; Kosarev, 1976]。这种迁徙,很显然,确定了主导作用的森林乌戈人口,这就导致了越来越重要的传统行业,如狩猎和捕鱼,其中森林草原和南方泰加人口[Korochkova, Stefanov, 史迪芬诺娃, 1991。页 85-89; Obydenov, 1997。页 88-90]

公元前一千年第一个世纪看到一个显著增加,在该国北部和泰加影响后,森林和森林草原地区的露天焚烧乌拉尔地区。在纬度的米阿斯(南外乌拉尔河地区),中额尔

齐斯河沿岸地区和托木斯克-纳雷姆鄂毕河沿岸地区新的文化类型，如格格云，红奥则尔斯基，莫尔恰诺夫斯克和扎维亚洛夫斯克，形成了。这些类型的代表出席了由乌戈-萨毛吉泰加人口的西西伯利亚（见图 1，12-15）。线之间的这部分人口可能会得出与古迹的罗资瓦和阿里马文化的西班牙文和降低肥胖的十-八世纪[博尔祖诺夫，1992。页 87-91]。

在一开始的公元前八世纪早期萨卡和重组葡激酶人口，构成了最新一波的卡拉苏克中亚迁徙，并开始行使自己的影响，对中西部地区的乌拉尔-西伯利亚社区。在乌拉尔这导致在共同过渡到传统的铺设直死者在殡葬礼仪。也是陶瓷复合购置新船，圆底部，这是最重要的是，使用卡拉苏克或中亚的军事装备和日常库存成了广为传播。这些物体大多目前除金属制品的阿南埋葬地点（阿克米乐阶段）：克尔特，堵漏-铁，非对称菱形箭头头部与眼中钉，青铜匕首与心形和蘑菇状头，顺口溜与编钟洞，箍筋型钻头，主要内容的治理，将矛头套管与部分形孔等）。

由于各种影响，对梅若夫-长春，人口多，团结的外乌拉尔河地区和西西伯利亚山地草原和森林草原文化和类型的早期铁器时代，在公元前七-六世纪这里形成了。在山地草原外乌拉尔河地区该伊特库尔文化，显然出现了。它继承了一个特别小组（第二伊特库尔型）的陶瓷粗的小果胶和“分流”的模式，制作小型冲床果胶和实际上看，因为多排的，尖锐的几何形状[博尔祖诺夫，1992。页 90-91]。人口的这种文化，专门从事生产金属 [Beltikova, 博尔祖诺夫, Koryakova, 1991]。

文化类型的早期铁器时代（公元前下半一千年）的人都非常多样化，特别是受土地限制。但是，一个单一的历史民族志（伊特库尔-戈罗霍夫-萨加特）团结继续存在，在该地区的外乌拉尔河地区和西西伯利亚。这种团结包括两个主要民族的文化组成部分乌戈和伊朗，并随附之一萨毛吉。

该萨加特乌拉尔-西伯利亚团结在其首相（公元前六-三世纪）的组成结构上的一个文化和巩固萨加特细胞核，它占领了托博尔-额尔齐斯河地区在西部，并进行了两次大省毗邻，它在东部地区-乌拉尔和鄂毕河沿岸地区之一。

突发性的短期和气温在公元前四-三世纪的森林草原外乌拉尔河地区，以及或许西西伯利亚森林地带[赞成票，娃，1997。页 137 个;塔罗夫，2003。页 30-31]导致另一种迁移南方泰加的人口，这些地区的南部，沿托博尔额尔齐斯河和鄂毕河盆地。由于这一点，首先，陶瓷产品卡式呐和比里果夫类型出现在林区中扎博尔河沿岸地区外乌拉尔河地区在公元前四-三世纪连同人口[维克托罗娃，莫罗佐夫，1993，页 173-178;科夫里金，莎拉波娃，1998]（见图 4，15）。

最明显的是，日益恶化的古生态条件，使移民的乌戈-萨毛吉-斯比拉诺夫人口博底

切瓦式斯克压文化额尔齐斯河沿岸地区和巴拉巴，还一颗森林部落鄂毕河沿岸地区中（见图 4，15）。那些人，最有可能的，一起生活，与萨加特和那沃切克泥部落巴拉巴，萨加特和大列琴撕耶人口鄂毕河沿岸地区为某一段时间内（直到新的时代的开始），慢慢地同化，并赶走他们。

该联盟与萨尔马特-月氏人，他们回到这里在的公元前三-二末世纪后，因迁居草原和森林草原地区，乌拉尔，西西伯利亚和哈萨克斯坦，也有被推翻，从忠清北道走廊和东土耳其斯坦由熊女在三-我公元前数百年（见图 4，18-20），是很明显的因素，亲文化整合为萨加特人口托博尔-额尔齐斯河，在此与下列阶段。在绿洲地区，中亚和南亚哈萨克斯坦这个移民是标明的外观冷遇复合廖万达类型，与萨尔马特-月氏，历史文化情结（见图 4，18，19，32）[Botalov, 2003. 页 89-99]。在额尔齐斯河沿岸地区它体现了通过外观著名行政络合物的中年萨尔马特时间（伊撒口夫斯克 I，斯豆罗夫卡，土底里那）（见图 4，26）。

一段时间后，在公元二世纪中，它取代了与新的早期勋组成部分，萨加特文化。因此，很多墓葬的匈奴萨尔马特期待出现（单葬窄坑北部方向和早期匈奴库存洁）[文化外乌拉尔河地区动物繁育部落....., 1997. 页 15-19, 28, 30-41, 44-46, 64. 3; 娃, 1994. 页 24, 38, 39, 73, 75, 76, 78, 79, 82-84, 88, 89, 91, 92, 94, 95]（见图 103）。

在同一时间，有很多的过渡类型（柯凯尔，科克帕什，巴拉格底娱乐，早期卡呆丁，长相等）的兴起，浩浩荡荡远程土耳其人社区分别出现在见图瓦山区和阿尔泰 [Botalov, 2003]（见图 4，42）。由公元三-四世纪这个人口占领阿勒泰鄂毕河沿岸地区森林草原纬度，赶走，然后再吸收一颗乌戈-萨毛吉部落。外观上鄂毕河（新西伯利亚鄂毕河沿岸地区），奥金佐夫斯卡亚（阿尔泰-巴尔瑙尔鄂毕河沿岸地区）（见图 104）文化在四族百年公元，让我们的国家在远东部分现有乌拉尔-西伯利亚团结成为新的特克-乌戈飞地的新兴民族文化的统一。据甲甲卡扎科夫认为，这一刻成了鄂毕河沿岸地区突厥起点上[卡扎科夫, 1996, 页 172]。

公元上半一千年证人偶然出庭的，而是优秀的军事综合体当中所阐明的古迹西南方西伯利亚森林草原。这些复合物，标志出现新的亲阿瓦尔人的和亲保加利亚层的特克-乌戈人。我们在此发言，对著名的单身墓葬，如图戈兹沃诺沃，火山，丧葬费 688，鞑坦斯基耶墓地，耶拉斯卡等（见图 105）。

在这个阶段，一个明显的考古团出现在上鄂毕耶，切甘达，卡拉奥布则，物巴拉尔，阿则林和马阻式呐，乌拉尔山脉西地区乌拉尔山脉西地区之间的了一一五世纪 [鹰, 1963, 页 40, 41; 1988, 见图. 4, 50, 60, 61, 85-87, 112, 115; 9, 3, 4, 27;

17, 1, 2; Ostanina, 1997。见图。4, 5, 7] (见图 106)。我们认为, 这种广泛的比喻似乎并不意外。但也可能是很难理解的, 充分的机制, 这些借款。因此, 很难说, 如果这是一个单一的迁移一项长期渗透的乌拉尔山脉西地区把人口问题纳入鄂毕河沿岸地区。

前进的乌戈-萨毛吉北方森林人口额尔齐斯河沿岸地区和扎博尔河沿岸地区 (见图 5, 41), 由此开始了两个时代, 在斯比拉诺夫阶段的博德切瓦式斯卡亚文化, 是最强大的, 因为中间的公元一千年。这显然是由于有利的条件中的额尔齐斯河和扎博尔河沿岸地区形成有后, 最终瓦解的萨加特社会再分配的主体民族政治中心与卡马-肥胖地区, 其中, 在其转, 终于导致了以外观该库什那乐扣夫-卡拉亚够博夫圈的古迹。

埋葬复合物含有卡拉亚够博夫陶瓷的发展正处于远东地区的巴什基尔和南部外乌拉尔河地区, 直至扎博尔河沿岸地区[奥夫钦尼科娃, 1988, 见图 1] (见图 107, 31)。

下面是该表的比较陶瓷厨具, 被发现在森林草原古迹外乌拉尔河地区和西西伯利亚上半年以来的公元前一千年直到卡拉亚够博期间, 包括它。它表明得很清楚, 基本形状卡拉亚够博艘船只被创造的, 在此之前的时期。因此, 卡什型陶瓷 (上半一千年), 是代表由低盆圆底部和微弯曲短期顶部 (见图 108, 75-77, 89-92, 101-103, 117, 118, 130, 131, 141, 142, 152)。第二组的比里够夫型 (年底的一千年公元前-开始了一千年公元) 包括轮船底部与球型体高大弯颈 (见图 108, 7-15, 第 26, 第 27, 第 29, 39, 41, 42, 54, 57)。这种形式的陶瓷其实是抄在卡拉亚够博样本。观赏传统, 是抄袭以及。开发区马尔底尔斯 (自上而下的肩膀, 一边和顶部的脖子) 和装饰元素 (梳状夹中, 出现曲折, 纵向和横向的箭头形线), 卡什船只, 就像削减线, 多排出现曲折, 横向和垂直箭头状线比里够夫船只, 继续发展卡拉亚够博时间。主要的差异, 在形状的陶瓷装饰见图案的卡什-比里够夫和卡拉亚够博情结, 是其表现形式, 尤其是手腕和较薄两岸卡拉亚够博船只。装饰装修包括更好地形区标志物。这是通过一种特殊的冲压见图案区与多排得出线 (见图 108, 43-46, 78, 80, 107, 108-110, 121 号, 122 号, 146 人), 或留下空白 (见图 108, 30, 59, 60, 93, 157)。新的元素, 也出现。他们是非常清楚的带标志出现于饰物, "珍珠"和奇特的菱形或方形象棋见图案, 做梳冲床, 并模仿人物-冲床装饰品 (见图 108, 63, 78, 80, 94, 106, 120, 134)。这些创新可能出现在卡拉亚够博复杂, 再加上未来的森林乌戈-萨毛吉人口, 他们进行文化与人物-冲床装饰陶瓷厨具。

这种情况, 可以看出, 很显然, 如果我们有一个期待, 在材料的大巴卡尔古交收站点的陶瓷复合 [Potyomkina, 娃, 1997], 那里物质的单一层, 因为我们相信, 包含的痕迹, 在场的至少有四个类型学组的讨论, 并很可能, 文化组成部分。第一组实际上

就是巴卡尔之一，雕梳，并刺伤装饰 [Potyomkina, 娃, 1997, 见图. 6-8]; 第二部分介绍陶瓷与完善看到森林传统的数字-冲床陶瓷鄂毕河沿岸地区(卡雷姆和泽列诺戈尔斯克阶段)，和典型为博底切瓦舍文化登录-里哈切夫性状的西西伯利亚森林草原; 组人数三是比里够夫-卡什之一，而且，也许，巴特尔和涅沃林与假脊髓和梳首饰(余丁，根据东北和娃); 第四组是终于导致了以外观该库什那乐扣夫-卡拉亚够博夫陶瓷(见图 109)。

因此，大巴卡尔古交收地点材料的展示了，文化转型过程中们困难，其中发生在南外乌拉尔河地区在公元五-七世纪。结果这场变革中，在领土上的托博尔，后来还卡马盆地是绝对超过简单的成因探讨终于导致了以外观该库什那乐扣夫-卡拉亚够博夫层。

下一阶段(八-九世纪)，实际上也面临着米尔-克斯底罗斯克泥来自额尔齐斯河沿岸地区地区人口(见图 6, 18)。根据自己的历史和文化层，那是部落的，属于该集团的特克 Ugor 人口中的南-西西伯利亚[Savinov, 1979, 1984; 涅韦罗夫, 1988; Molodin, Savinov 等, 1988, 页 164-167]。

这样，无形中，来自东部地区人口，从鄂毕河沿岸地区和巴拉巴，代表文化变革的乌戈人们对这些地区的，他们有长期互动与阿尔泰和萨扬土耳其人最后的结果，(镜头-阿格巴里格阶段对上鄂毕耶文化)。根据这样的逻辑，这 4303.9 人口以前曾在部分相同的，或者，至少是有一个单一的文化大乌拉尔-西伯利亚团结。

这种情况下，一方面，土耳其的南-乌拉尔森林草原人口 强迫进程加快，并在另一方面，更加突出乌戈文化代表卡拉卡余笔部落迁移到西他们中的一些人迁移到低卡马河沿岸地区(大底赶奥夫斯克墓地)(见图 6, 21)。

所有这些移民终于导致了突然撤出的乌戈(卡拉卡余比) 南乌拉尔人口的外观和古迹的斯哪格拉座夫式在这里经十世纪(斯哪格拉座夫克耶，晚鲍磊的卡拉那耶夫斯克，拉格乐夫斯克，木拉卡耶夫斯克和其他墓地)[Boralov, 1987; 1988; Mazhitov, 1981](见图 111)。这些古迹的特点是配合地方缺乏传统，把陶瓷厨具到坟墓，但典型物体的"斯底罗斯格泥看"，似乎(比特与裙摆八形大团圆的结局，骨骼部分，在形成一个"开机"或"燕子尾巴"，穿甲箭元首等)。

渗透的米尔普查人口向南方乌拉尔和离任马扎尔人都是，也许一个单一民族政治进程部分的。书面说明中，在经文中的阿卜杜勒夹资。传说约奥乌兹-汗说，即以镇压叛乱人民雾罗斯，吉，马扎尔人和巴什基尔人，汗派他的小儿子，克[科诺诺夫, 1958 年. 页 43]。这次活动，据马苏底，发生在年初的世纪。这是了不起的马扎尔人提到随着巴什基尔人。这样的事实，绝不是偶然的。当铝马苏底提到马季亚尔和巴式扣特部落黑海沿岸地区，他还谈到，他们在同一背景 [Kuzeev, 1971, 页 21; Beilis, 1963,

页 12]。当康斯坦丁巴格拉那罗丁伊给人名单匈牙利部落巴弄伊亚在十世纪, 他的地方一起马季亚尔和巴什基尔部落底亚尔马特, 格那合, 缙丝 (欲尔马特, 耶呐耶, 彩云) [Bagryanorodniy, 1989, 页 163; mazhitov, 巴库, 1994, 页 134]。

因此, 我们可以假设, 即自从世纪出现, 并密切交织在该领土的南部乌拉尔两个种族栖息地消失: 南方 (森林草原, 草原) - 突厥文化 (巴什基尔, 米尔-克) 和北 (森林, 森林草原) 乌戈 (古曼西人, 彼尔姆的人, 取德人)。

乌拉尔-西伯利亚民族文化统一进入整合的新阶段, 后来经历了蒙古人, 卡尔梅克和准噶尔人入侵和俄罗斯定植并保持到现在, 成为乌拉尔-阿尔泰历史-壮族舞蹈地区人民一名土耳其人。

结论

历史上, 亚洲熊玉女和欧洲的匈奴历时一千多年。它开始于鄂尔多斯公元前一二世纪, 当巨大的熊玉女游牧帝国出现的时候, 并结束在八世纪近卡斯皮口和某处深在亚洲, 过去一提的拜占庭, 亚美尼亚, 阿拉伯, 波斯, 印度和其他作家对土地的匈奴一接班人的那些, 他们又战胜了中欧和东欧连同铍和阿帝拉。熊女与匈奴搅拌, 使之运动的整体数量庞大的欧亚各国人民, 在他们特有的方式通知, 并带来了两个中心的世纪文明 (欧洲罗马和亚洲一汗) 接近年底, 古物时代进入新的中年以上的历史。这些都是熊玉女一匈奴实际上, 他们首先能够建立起沟通的两个主要文明中心的欧亚大陆。广大地带的欧亚草原成为人居此沟通。全球景观和气候的变化, 其中大多数是由中间的一千年前, 订出一个样的难题, 为草原各部落: 要么离开安全区的沙漠, 半沙漠和干草原作为地区的极端重要活动, 或以适应新的自然和气候条件, 从根本上改变社会和现实生活的方式。

我们相信, 时序匈奴和早期突厥时期内东亚, 欧洲和乌拉尔-哈萨克斯坦草原包括以下几个步骤:

匈奴萨尔马特, 二一四世纪;

匈奴, 四世纪末一五世纪中;

突厥早期 (后匈奴), 五一八世纪末。

因此, 匈奴和突厥时代欧亚草原, 在他们的辩证联网中, 每人有自己的形象的巨大物质和精神文化。这是广泛, 因为它是如上所述, 由不同来源的文化成因, 为主要的族群, 在这时代他们发挥了主导的历史作用。

由弄清楚具体的原土和文化的聚居地, 在这些伟大的亚洲人民看来, 我们可以作以下审慎的假设的时候了。这极有可能, 但文化的匈奴接近伊朗一豆哈尔世纪中, 不过

不排除有一定的影响，在从蒙古和中国文化的栖息地。古代突厥其人文化在同一时间，是更与图兰紧密相连，重组葡萄酶萨卡西伯利亚栖息地，同时受到强烈的影响，首先是蒙古人种世纪和后来乌戈人口。

这些特殊性，有可能成为原因的根本分歧，在物质和精神文化，形象，显然，语言，对这些国家人民来不同的根本原因。

五一六世纪伟匈奴文化边缘中，取代特克之一，时期待更多的考古运动积极性和切低性，在这方面，超过期限的公元二世纪，当萨尔马特文化统治的结束匈奴时代开始

Научное издание

Сергей Геннадьевич Боталов

Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)

Печатается по решению Ученого совета Института истории
и археологии УрО РАН.

Редактор Н. О. Иванова

Компьютерный набор М. Н. Загирная

Оригинал-макет, обложка В. Н. Чесноков

Фото С. М. Арканов, член Союза фотохудожников РФ

Художник Н. Н. Бойко

Корректор Л. А. Ильина

Перевод текста: В. В. Шереметьев (английский)

М. Е. Бикмухаметов (китайский)

Подписано в печать 10.12.08 Формат 70x108 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 42 Уч.-изд. л. 36

Тираж 500 экз. Заказ № 3342.

Издательство ООО «ЦИКР «Рифей»

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в ОАО «Челябинский Дом печати»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

